

**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет психологии
Российское Психологическое общество
Уральский государственный педагогический университет
Институт психологии им. Л.С.Выготского
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка, факультет психологии**

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ**

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ**

**Сборник материалов VIII Международной научно-практической
конференции
3-6 октября 2018 г.**

Москва – Екатеринбург - Звенигород 2018

ISBN 978-5-7186-1075-8

УДК 159.9
ББК 88.56
П 86

Редакционная коллегия:

О.А. Карабанова докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой возрастной психологии МГУ, **Н.Н. Васягина**, докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой психологии образования УрГПУ, **Е.И. Захарова** докт. психол. наук, профессор кафедры возрастной психологии МГУ, **Е.А. Казаева**, докт. пед. наук, профессор кафедры психологии образования УрГПУ.

Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции под редакцией О.А. Карабановой, Н.Н. Васягиной / Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург, 2018. –905 с.
ISBN 978-5-7186-1075-8

УДК 159.9
ББК 88.56

Сборник материалов Международной научно-практической конференции посвящен актуальным вопросам современной психологии семьи, проблемам и перспективам ее развития. В данный выпуск вошли статьи ученых-исследователей, психологов-практиков, аспирантов, раскрывающие сущность обсуждаемой проблемы. Материалы сборника могут быть полезны научному психологическому сообществу, преподавателям высшей школы, аспирантам, студентам, обучающимся по психологическим направлениям подготовки, специалистам по работе с семьей. Все статьи представлены в авторском варианте.

ISBN 978-5-7186-1075-8

© МГУ, 2018
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Семья в современном мире</i>	Стр.
ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ГЛУБИННОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ (DATA MINING) <i>Зинченко Ю.П., Шайгерова Л.А., Шилко Р. С., Долгих А.Г., Ваханцева О.В.</i>	14
СОЦИАЛЬНЫЕ, СЕМЕЙНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ МАТЕРИ У ДЕВУШЕК В ПЕРИОД ВСТУПЛЕНИЯ ВО ВЗРОСЛОСТЬ <i>Карabanова О.А.</i>	25
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ УЧАСТНИКОВ ГРУПП ВДА УДОВЛЕТВОРЕННЫХ И НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫХ СВОЕЙ АКТУАЛЬНОЙ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНЬЮ <i>Спиваковская А.С., Луценко А.М., Евдолюк В. М.</i>	33
В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ПОДДЕРЖКИ <i>Пергаменичик Л.А.</i>	39
СЕМЬЯ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЛИДАРНОСТИ/ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ. КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СТАРЕЮЩЕГО ОБЩЕСТВА: ИССЛЕДОВАНИЕ В ИСПАНИИ <i>Монтсеррат Г.-А., Бэлен З.Р.</i>	46
ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СЕМЬИ <i>Пищик В.И.</i>	49
СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СЕМЬЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ <i>Васягина Н.Н., Мазурчук Е.О.</i>	54
РЕБЕНОК В БИЭТНИЧЕСКОЙ СЕМЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ <i>Айгумова З.И.</i>	58
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ МАТЕРИ: НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МАТЕРИНСТВЕ <i>Филиппова Г.Г.</i>	62
ВЛИЯНИЕ КРИЗИННЫХ СОБЫТИЙ В СЕМЬЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ <i>Ткаченко И.В., Евдокимова Е.В.</i>	68
ОБРАЗ СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЖИЛОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ <i>Жданова С.Ю., Краева В.С., Пузырёва Л. О.</i>	74
ВОЗМОЖНОСТИ ГАРМОНИЗАЦИИ УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К РОДИТЕЛЬСТВУ ПОСРЕДСТВОМ СИНЕМАТЕРАПИИ <i>Захарова Е.И.</i>	80

**ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ К РАЗЛИЧНЫМ АСПЕКТАМ
МОДЕРНИЗАЦИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ** 87
Данилова Е.Е.

**ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ В
КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК СЕМЬИ И ШКОЛЫ** 94
Андреева А.Д.

Психология родительства, проблемы воспитания детей и подростков

**СВЯЗЬ ТИПА СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ СИБЛИНГАМИ** 103
Авдеева Н.Н., Крамаренко Н.Н.

**ОБРАЗ СОБСТВЕННОГО ОТЦА И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ У МУЖЧИН,
ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ** 109
Архиреева Т. В.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ О БУДУЩЕМ РОДИТЕЛЬСТВЕ 115
Старостина Ю.А.

**РОДИТЕЛЬСКАЯ ОЦЕНКА ВНЕШНЕГО ОБЛИКА КАК ОСНОВА
САМООЦЕНКИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК** 119
Дроздова И.И.

**РОДИТЕЛЬСКАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ И НЕЙРОКОГНИТИВНОЕ И
СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НЕДОНОШЕННОГО
РЕБЕНКА В ВОЗРАСТЕ ДО ОДНОГО ГОДА (на примере двух кейсов)** 124
Галасюк И.Н., Лаврова М.А., Сулейманова Е.В., Киселев С.Ю.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОЗНАННОГО НЕЖЕЛАНИЯ ИМЕТЬ ДЕТЕЙ У
МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ** 136
Куцубей А.Т., Пономарёва И.В.

**МАТЕРИНСКОЕ И ОТЦОВСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ
МЛАДЕНЧЕСКОГО И ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА** 142
Кузьмишина Т.Л.

**ВЛИЯНИЕ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА НА ФОРМИРОВАНИЕ
ИНТИМНО-БРАЧНЫХ УСТАНОВОК У ПОДРОСТКОВ** 148
Аликина Е. Л.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У РОДИТЕЛЕЙ 157
Панарина А.Н., Пузыревич Н.Л.

**ОТНОШЕНИЕ МАТЕРЕЙ К ДЕТЯМ И ХАРАКТЕРИСТИКИ
ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЯЗИ С ВОЗРАСТОМ И
ОПЫТОМ МАТЕРИНСТВА** 162
Радостева А.Г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ О ВОЗРАСТЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РЕБЕНКА <i>Субботский Е.В.</i>	169
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАЗВИТИИ РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ <i>Валитова И.Е.</i>	172
СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТЦОВ РАЗНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ <i>Токарева Ю.А., Ефимова А.А.</i>	180
СОВРЕМЕННЫЕ МАЧЕХИ. ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ СУПРУГОВ ОТ ПРЕДЫДУЩИХ БРАКОВ В СЕМЬЯХ ПОВТОРНОГО БРАКА <i>Аргентова Л.В.</i>	186
СЕМЕЙНАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ У ДЕТЕЙ МОДЕЛИ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ <i>Дубровина И.В.</i>	194
КОРРЕКЦИЯ СТРАХОВ У ДЕТЕЙ И ТРЕВОЖНЫХ СОСТОЯНИЙ У ПОДРОСТКОВ В РЕСУРСНОМ ПОЛЕ СЕМЬИ <i>Афанасенкова Е.Л.</i>	200
САМООЦЕНКА МАТЕРИ И ОЦЕНКА ЕЮ СВОЕГО РЕБЕНКА <i>Семенова Т.С.</i>	219

Семейные факторы риска в развитии детей и подростков

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ ПОДРОСТКОВ С МАНИПУЛЯТИВНОЙ ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ <i>Сизова Я.Н.</i>	225
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СЕМЬЕЙ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ <i>Рождественская Н.А., Можаровский И.Л., Ноникашвили М.В.</i>	230
ДИСКУРС ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА О ЛЮБВИ И БРАКЕ <i>Власова Н.В.</i>	238
КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА <i>Балашова Е.Ю.</i>	243
ИЗУЧЕНИЕ СТРУКТУРЫ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНСТРУКЦИИ ДЕТСКИХ ПРОЕКТИВНЫХ РАССКАЗОВ <i>Бурлакова Н.С.</i>	248
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ОСОБЫХ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА <i>Жолдошева А.О.</i>	252

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА-ЖЕРТВЫ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ	258
<i>Усачев А.А., Котлярова Л.Н.</i>	
ПРАКТИКА НАКАЗАНИЙ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА	266
<i>Молчанов С.В., Любимова В.В.</i>	
ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА НА ТИПА ОТЦОВСТВА, ПРИНИМАЕМОГО МУЖЧИНОЙ	273
<i>Родионова И.В., Семенова Л.Э.</i>	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕННОСТИ ЗАВИСТИ У СТУДЕНТОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ЕДИНСТВЕННЫМИ ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ И ИМЕЮЩИХ СИБЛИНГОВ	281
<i>Летягина С.К.</i>	
ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА И РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕНЩИН, ПОДВЕРГШИМСЯ ПСИХОФИЗИЧЕСКОМУ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ	287
<i>Слизкова Е.В., Фадич Д.Н.</i>	
БУЛЛИНГ В ШКОЛЕ: ФАКТОРЫ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ И СИБЛИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	295
<i>Гришина Т.Г., Нестерова А.А.</i>	
СТРАХИ ДОШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ	301
<i>Швецова М.Н., Стрюкова Е.А.</i>	
ИССЛЕДОВАНИЯ СЕПАРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДЕТСКО- РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПОДРОСТКОВ	307
<i>Поскребышева Н.Н.</i>	

Психология супружеских отношений

РОМАНТИЧЕСКИЕ ПОСТУПКИ В ДОБРАЧНОМ И БРАЧНОМ ПЕРИОДЕ	311
<i>Седова Е.А., Мурзина Ю.С.</i>	
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ И СЕКСУАЛЬНАЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ В СЕМЬЯХ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ	319
<i>Баранова В. А., Моисеева Е.М.</i>	
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕМЬИ У СУПРУГОВ, СОСТОЯЩИХ В ОФИЦИАЛЬНЫХ И НЕОФИЦИАЛЬНЫХ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ	326
<i>Ахмадеева Е.В.</i>	
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КАРЬЕРЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ У ЗАМУЖНИХ И НЕЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН	332
<i>Тихомандрицкая О.А.</i>	

ОБРАЗ БРАЧНОГО ПАРТНЕРА МАТЕРЕЙ-ОДИНОЧЕК <i>Ральникова И.А.</i>	337
ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЬИ И ОШИБКИ 1 ТИПА В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОГО КОРРЕЛЯЦИОННОГО ПОДЛОГА <i>Басимов М.М., Падурина Е.А.</i>	342
ПСИХОЛОГИЯ ГОСТЕВОГО БРАКА И ГОСТЕВОГО РОДИТЕЛЬСТВА <i>Кранц И.И.</i>	355
НОРМАТИВНЫЕ КРИЗИСЫ СУПРУЖЕСТВА <i>Слепкова В.И.</i>	361
ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У РОДИТЕЛЕЙ <i>Панарина А.Н.</i>	368

Этнопсихология семьи и проблемы многонациональной семьи

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ ДИЛЕММЫ «СВОЙ-ЧУЖОЙ» <i>Вислова А.Д.</i>	373
ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ О РАЗВИТИИ И ОБУЧЕНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ В МОНО- И БИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ <i>Чурбанова С.М., Еремина А.А.</i>	384
ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И ДЕТЬМИ У РУССКИХ И КОМИ-ПЕРМЯКОВ <i>Самбикина О.С., Попова В.В.</i>	390
ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЯХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОГО УРАЛА В УСЛОВИЯХ ОБЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙ РУССКИХ И КОМИ-ПЕРМЯКОВ) <i>Вяткин Б.А., Самбикина О.С., Попова В.В.</i>	400
СОГЛАСОВАННОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СУПРУГОВ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ БРАКАХ <i>Чеботарева Е.Ю.</i>	405
ВЛИЯНИЕ ТИПА СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ УСТАНОВОК В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ <i>Абрамова М.А.</i>	416

Перинатальная психология

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН, ПРОХОДЯЩИХ МЕДИЦИНСКОЕ	423
--	-----

НАБЛЮДЕНИЕ В ЧАСТНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ КЛИНИКАХ <i>Косикова Л.В.</i>	
ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИНСКОЙ ЗАБОТЫ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ И РИСК ФОРМИРОВАНИЯ СОЗАВИСИМЫХ ОТНОШЕНИЙ <i>Авдулова Т.П.</i>	428
К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ОТЦОВСТВУ» И «СТРАТЕГИЯ ОТЦОВСТВА» <i>Борисенко Ю.В.</i>	433
ДИНАМИКА СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ДО И ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА У ЖЕНЩИН И МУЖЧИН ИЗ РОССИИ И КАЗАХСТАНА <i>Иманалиева Г., Савеньшева С.С.</i>	442
ОСОБЕННОСТИ ДОАБОРТНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПОДРОСТКОВ В СИТУАЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫБОРА <i>Каталова М.А.</i>	453
ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К РЕБЕНКУ В ПЕРИНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЕГО РАЗВИТИЯ И ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МЛАДЕНЦА <i>Шумик А.Р., Савеньшева С.С.</i>	458
ПОСЛЕРОДОВАЯ ДЕПРЕССИЯ У ЖЕНЩИН <i>Казаева Е.А.</i>	467
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С ВРАЧОМ У ЖЕНЩИН С НЕВЫНАШИВАНИЕМ БЕРЕМЕННОСТИ <i>Петропольская С.А., Завгородняя И.В.</i>	474
ОТНОШЕНИЕ МАТЕРИ К БУДУЩЕМУ РЕБЕНКУ И ХАРАКТЕРИСТИК ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЯЗИ С ВОЗРАСТОМ, ОПЫТОМ МАТЕРИНСТВА И ПЛАНИРОВАНИЕМ БЕРЕМЕННОСТИ <i>Корниенко Д.С., Радостева А.Г., Дериш Ф.В.</i>	483
ТИП ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ГЕСТАЦИОННОЙ ДОМИНАНТЫ В СВЯЗИ С ТРИМЕСТРОМ БЕРЕМЕННОСТИ И СЕМЕЙНЫМ СТАТУСОМ <i>Корниенко Д.С., Радостева А.Г., Харламова Т.М.</i>	490
УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ И ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ СУПРУГОВ К БУДУЩЕМУ РЕБЕНКУ ВО ВРЕМЯ БЕРЕМЕННОСТИ <i>Гырдасова А.Д., Савеньшева С.С.</i>	496
ГРУППА РИСКА РАЗВИТИЯ ПОСЛЕРОДОВОЙ ДЕПРЕССИИ <i>Якупова В.А.</i>	506
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИТУАЦИИ ЗАЧАТИЯ КАК ОСНОВЫ ПСИХИЧЕСКОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА <i>Завгородняя И.В.</i>	510

Теория и практика семейной психотерапии и консультирования

ТРАНСГЕНЕРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ И СИСТЕМНО- ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА <i>Кригер Е.Э.</i>	516
ПОНЯТИЙНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ И КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ СЕМЬИ <i>Донцов Д.А.</i>	521
ТЕХНОЛОГИИ СЕМЕЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ В РАБОТЕ С СЕМЬЯМИ ДЕТЕЙ С ОВЗ <i>Силаева Н.В.</i>	529
СЕМЕЙНЫЕ КРИЗИСЫ В СЕМЕЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ <i>Арпентьева М.Р.</i>	533
ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВ В СНОВИДЕНИЯХ ПРИ ПСИХОТЕРАПИИ <i>Ижванова Е.М.</i>	542
ВОЗМОЖНОСТИ НАРРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ В РАБОТЕ С ТРАВМОЙ <i>Степанова Л.Г.</i>	546

Отношение молодежи к семье

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВОВ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ <i>Лисичная А.К.</i>	553
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОРОЛЕВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВОСПИТАННИЦ ПАНСИОНА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ <i>Максимова Л.Ю.</i>	558
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХ <i>Мурзина Ю.С.</i>	563
РАЗЛИЧИЯ В УВАЖЕНИИ ПОДРОСТКАМИ МАТЕРЕЙ И ОТЦОВ <i>Коновалова А.М.</i>	572
ОБРАЗ БУДУЩЕЙ СЕМЬИ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ <i>Зырянова Н.М., Алексеева О.С., Ржанова И.Е.</i>	578
БЛИЗКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК РЕСУРС УПРОЧЕНИЯ БРАЧНО- СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЕЖИ <i>Кошелева Ю.П.</i>	584
ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОЙ СРЕДЫ НА ГОТОВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ <i>Шинина Т.В., Митина О.В.</i>	589

ПЕРСПЕКТИВЫ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ <i>Ипполитова Е.А.</i>	597
<i>Психологическое сопровождения семьи, имеющей детей с особыми нуждами</i>	
СЕМЬЯ РЕБЕНКА С АУТИЗМОМ: АССОЦИИРОВАННАЯ СТИГМА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ <i>Нестерова А.А.</i>	603
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ РЕБЕНКА С ВЧЛП <i>Набойченко Е.С., Денисенко А.Н., Шелест А.С.</i>	608
ДИАГНОСТИКА СИМБИОТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИЧЕСКОГО СПЕКТРА (РАС) <i>Туревская Р.А., Сенин С.С.</i>	613
РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К РЕБЕНКУ С РАЗНЫМ СТАТУСОМ ЗДОРОВЬЯ В ПОЛНОЙ СЕМЬЕ <i>Гусейнзаде Шабнам Расим кызы, Горлова Е.Л.</i>	617
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ У ПОДРОСТКОВ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ 1 ТИПА И ИХ РОДИТЕЛЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТАЖА ЗАБОЛЕВАНИЯ <i>Ворошилова Е.С.</i>	627
ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЬИ, ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ РЕБЕНКА С ИНВАЛИДНОСТЬЮ <i>Попова Е.И.</i>	628
ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ СТРАХОВ И ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА К ЧЛЕНАМ СЕМЬИ <i>Камалова А.И., Минуллина А.Ф.</i>	637
ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КАНИСТЕРАПИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С СЕМЬЯМИ, ВОСПИТЫВАЮЩИМИ ДЕТЕЙ С ОВЗ <i>Флорова Ю.А.</i>	644
АНАЛИЗ КЛИНИЧЕСКИХ СЛУЧАЕВ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ С РЕБЕНКОМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ <i>Свиридова Т.В., Лазуренко С.Б., Ртищева М.С., Афонина М.С.</i>	649
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА УРОВНЯ ТРЕВОГИ У ДЕТЕЙ, ПЕРЕНЕСШИХ ТРАВМУ, И ДЕТЕЙ С ХРОНИЧЕСКОЙ ОРТОПЕДИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ <i>Соболенкова В.С., Федоров С.Ю., Шериф Л.А., Лякин А.А.</i>	653
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОВЗ <i>Савельева А.С.</i>	656

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ БОЛЬНОГО РЕБЕНКА
В МЕДИЦИНСКОМ СТАЦИОНАРЕ** 660
Буслаева А.С., Венгер А.Л., Лазуренко С.Б., Герасимова А.М.

Домашние питомцы в контексте семейных отношений

**ОЦЕНИВАНИЕ ХОЗЯЕВАМИ СЕМЕЙНЫХ ДОМАШНИХ ПИТОМЦЕВ В
ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОБСТВЕННОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
СОСТОЯНИЯ** 663
Семенова И.П., Качалкина О.А., Федорович Е.Ю.

Семья как ресурс развития взрослых и детей

**СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ТЕЛА ДЕТЕЙ И
ПОДРОСТКОВ** 671
Морозова И.С., Белогай К.Н.

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 681
Григоренко В.В., Сердакова К.Г.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ РОЛИ ОТЦА И МУЖЧИНЫ В СЕМЬЕ В
НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ** 684
Григоренко В.В.

**ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ
ЛИЧНОСТИ РЕБЁНКА** 689
Гапоненкова С.М.

**ДВЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ С РОДИТЕЛЯМИ:
ОНЛАЙН И ОФФЛАЙН** 696
Ларин И.А., Садовникова Т.Ю.

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПСИХОТЕХНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ С
РОДСТВЕННОЙ ОПЕКОЙ** 704
Печникова Л.С., Олешкевич В.И.

**ВЛИЯНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ РОДИТЕЛЕЙ НА
РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ** 711
Кондаурова О.П.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТИПОВ ПРИВЯЗАННОСТИ К
МАТЕРИ ВЗРОСЛЫХ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИЯХ
ФРУСТРАЦИИ** 716
Тащёва А.И., Логвиненко С.Г.

**ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТАЦИИ НА СОЦИАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ У
ПОКОЛЕНИЯ «Z», ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ
СЕМЬЯХ** 722
Мальшева Н.Г., Шаехов З.Д.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРИСТИК СЕМЕЙНОГО ОКРУЖЕНИЯ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ СТУДЕНТОВ	728
<i>Литвинова А.В.</i>	
ГАРМОНИЧНОЕ РАЗВИТИЕ СЕМЬИ - ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА	735
<i>Никулова Е.А.</i>	
ПРИВЯЗАННОСТЬ К МАТЕРИ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ РЕБЕНКА	740
<i>Куфтяк Е.В.</i>	
СОГЛАСОВАННОСТЬ В ОЦЕНКЕ СОЦИО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ УЧИТЕЛЯМИ И РОДИТЕЛЯМИ	746
<i>Чеснокова О.Б., Тарасова К.С.</i>	
ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ	750
<i>Лысюк Л.Г., Ярмольчик Е.В.</i>	
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС САМОРЕАЛИЗАЦИИ В СЕМЬЕ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ	758
<i>Сенкевич Л.В., Донцова М.В.</i>	
ВЛИЯНИЕ РАССОГЛАСОВАННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПОДРОСТКОВ И РОДИТЕЛЕЙ НА ОБРАЗ МИРА ПОДРОСТКОВ	766
<i>Визгина А.В., Джерелиевская М.А.</i>	
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	774
<i>Винокуров Ф.Н.</i>	
ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РАЗНОЙ СИБЛИНГОВОЙ ПОЗИЦИЕЙ	779
<i>Гридяева Л.Н., Манжурина А.А.</i>	
ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИНСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА АФФЕКТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	785
<i>Бурменская Г.В., Коврижкина М.А.</i>	
ДОМАШНЯЯ ТРАПЕЗА: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ	795
<i>Фоломеева Т.В., Федотова С.В.</i>	
НИВЕЛИРОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СЕМЬИ	803
<i>Кутбиддинова Р.А.</i>	
СЕМЕЙНЫЕ СЦЕНАРИИ ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ	809
<i>Гусарова Е.С., Одинцова М.А.</i>	
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ О ШКОЛЕ	816
<i>Зырянова Н.М., Паршикова О.В.</i>	

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ <i>Бегунова Л.А.</i>	822
ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ В РОССИИ <i>Островский А.Н., Складчикова Е.С., Гапченко В.С.</i>	832
РАЗВИТИЕ ВТОРИЧНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА В МУЗЫКАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ <i>Черемисова И.В.</i>	840
ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИНСТВА КАК СФЕРЫ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИНЫ <i>Пономарева И.В., Шайхутдинова О.Ф.</i>	848
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ РОДИТЕЛЬСКОЙ ПОДДЕРЖКИ <i>Жданова С.Ю., Доронина В.Ф.</i>	856
ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЬИ <i>Жданова С.Ю., Печеркина А.В.</i>	861
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОО С СЕМЬЕЙ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ ХМАО-ЮГРЫ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА <i>Якоб С.А.</i>	868
ИССЛЕДОВАНИЯ СЕПАРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПОДРОСТКОВ <i>Поскребышева Н.Н.</i>	873
ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТИЗЫ АНИМАЦИОННОГО ДИСКУРСА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ <i>Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В.</i>	877
РОЛЬ РОДИТЕЛЕЙ В ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА <i>Братчикова Ю.В., Волошина Н.С.</i>	882
РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ, ОБУЧАЮЩИМСЯ В ПЕРВОМ КЛАССЕ <i>Горлова Е.Л., Константинова В.Ю.</i>	886

Семья в современном мире

Зинченко Юрий Петрович

*профессор, доктор психологических наук,
факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова,
декан, заведующий кафедрой методологии психологии,
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: adm.psy@mail.ru*

Шайгерова Людмила Анатольевна

*кандидат психологических наук,
факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова,
доцент кафедры методологии психологии
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com*

Шилко Роман Сергеевич

*кандидат психологических наук,
факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова,
доцент кафедры методологии психологии
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: rshilko@mail.ru*

Долгих Александра Георгиевна

*факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова,
научный сотрудник лаборатории политической психологии,
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: ag.dolgikh@mail.ru*

Ваханцева Ольга Вадимовна

*факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова,
студентка 7-го курса кафедры социальной психологии,
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: vakhanceva@mail.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ГЛУБИННОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ (DATA MINING)

Аннотация. В работе представлены предварительные результаты эмпирического исследования, выполненного с использованием инновационной технологии глубинного анализа данных (data mining), интенсивно развиваемой в современных социальных исследованиях. Рассматривались отдельные параметры масштабной выборки данных, отражающих самопрезентацию в социальной сети «ВКонтакте» подростков, воспитывающихся в современной семье (108591 человек) и проживающих в семи субъектах Российской Федерации. Проведен сравнительный анализ этих пользователей, состоящих в четырех группах, каждая из которых тематически связана с конкретным субъектом федерации: г. Москва, Республика Дагестан, Республика Крым и г. Севастополь, Ростовская область. Результаты исследования показали, что в условиях цифровой социализации и постоянных социокультурных изменений семья играет значительную роль в формировании

идентичности современных подростков России и активно используется в качестве критерия самопрезентации в социальных сетях.

Ключевые слова: глубинный анализ данных (data mining), «ВКонтакте», идентичность, подростки, социальные сети, цифровая идентичность, семья.

Zinchenko Yuri

*professor, doctor in psychology,
faculty of psychology of Lomonosov Moscow state University,
dean, head of the Department of Psychological Methodology,
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
E-mail: adm.psy@mail.ru*

Shaigerova Lyudmila

*Ph.D. in psychology,
faculty of psychology of Lomonosov Moscow state University,
assistant professor of the Department of Psychological Methodology,
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
E-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com*

Shilko Roman

*Ph.D. in psychology,
faculty of psychology of Lomonosov Moscow state University,
assistant professor of the Department of Psychological Methodology,
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
E-mail: rshilko@mail.ru*

Dolgikh Alexandra

*faculty of psychology of Lomonosov Moscow state University,
researcher of laboratory of political psychology,
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
E-mail: ag.dolgikh@mail.ru*

Vakhantseva Olga

*faculty of psychology of Lomonosov Moscow state University,
student 7-year of the Department of Social psychology,
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
E-mail: vakhanceva@mail.ru*

THE STUDY OF THE IDENTITY OF ADOLESCENTS' UPBRINGING IN A MODERN RUSSIAN FAMILY: THE PROSPECTS OF DATA MINING

Abstract. The paper presents the preliminary results of empirical research, which was carried out using innovative data mining technology. It is intensively used in modern social research. Some results of a large-scale search of data reflecting self-presentation in the social network "Vkontakte" of teenagers who are brought up in a modern family (10,8591 people) and live in seven subjects of the Russian Federation are analyzed. The authors conducted a comparative analysis of user data from four groups, each of which is thematically related to a specific subject of the Federation: Moscow, the Republic of Dagestan, the Republic of Crimea and Sevastopol, Rostov region. The results of the study showed that in the conditions of digital socialization and constant socio-cultural changes, the family plays a significant role in the formation of the identity of modern teenagers in Russia and is actively used as a criterion of self-presentation in social networks.

Key words: Data-mining, "Vkontakte", identity, teenagers, social networks, digital identity, family.

Глубинный анализ данных (data-mining) в социальных исследованиях. Английское словосочетание «data mining» пока ещё не имеет устоявшегося эквивалента в русском языке, и при переводе его на русский язык пользуются такими оборотами, как «извлечение данных», «интеллектуальный анализ данных», «глубинный анализ данных». В данной работе мы будем использовать последний из перечисленных вариантов. Под глубинным анализом данных понимается совокупность методов обнаружения в данных сложных связей, закономерностей, зависимостей, новых знаний.

В последние годы глубинный анализ данных стал важной областью применения новых сложных статистических методов в исследовательских и практических целях и всё чаще используется психологами в разных сферах (Cheung, Jak, 2016). Так, глубинный анализ данных был успешно использован для оценки эффективности психотерапевтического воздействия (King, Resick, 2014) и мониторинга обсуждения в коммуникационных интернет-сервисах вопросов, касающихся психического здоровья (Toulis, Golab, 2017). Использование глубинного анализа данных в итальянском исследовании с участием более полутора тысяч респондентов позволило показать, что доступность объектов культуры является вторым по значимости фактором психологического благополучия после отсутствия болезней, и превосходит такие факторы психологического благополучия, как работа, возраст, доход, образование и место проживания (Grossietal, 2012).

Важным потенциалом глубинного анализа данных является возможность его применения к так называемым «естественно возникающим данным» (naturally occurring data sets - NODS), источником которых является не заранее спланированное и проведенное по определенным требованиям исследование, а свободная деятельность человека в информационном пространстве (Goldstone, Luryn, 2016). Примерами естественно возникающих данных являются содержание группового общения в чате, ссылки на веб-сайты, протоколы передачи данных, история посещения веб-сайтов, подборки изображений, теги, истории финансовых транзакций, списки купленных потребительских товаров, результаты выступлений на спортивных соревнованиях, различные цитаты и т.д. Если такие данные не могут восприниматься, собираться, управляться и обрабатываться традиционными программными и аппаратными средствами анализа за допустимое время, то их относят к большим данным (Big Data) (Chenetal, 2014). С учетом большой значимости информационных и коммуникационных технологий в жизни современного человека, особенно в подростковом и юношеском возрасте, предпринимаются первые попытки анализа социальных медиа для изучения вопросов социализации, в частности формирования идентичности (Carusoetal, 2016).

Конструирование идентичности в социальных сетях. Подростковый возраст является наиболее сензитивным периодом для формирования идентичности и построения жизненных планов (Эриксон, 1998; Карабанова, 2017; Пряжников, 2013). Возникающая к концу подросткового возраста необходимость в личностном и профессиональном самоопределении ставит перед современными подростками задачу поиска источников и способов приемлемых моделей поведения и саморазвития в различных сферах жизни, представления о которых, являясь культурно-обусловленными, формируются на основе опыта семейного взаимодействия и детско-родительских отношений.

В современном цифровом обществе в дополнение к традиционным формам интериоризации знаний, социализации в семье и учебных заведениях и формирования ценностно-смысловой структуры личности появляются новые способы познания как себя самого, так и окружающего мира. Социальные сети открывают современным подросткам новые возможности для конструирования идентичности, которых не было у предшествующих поколений. И хотя процесс самопрезентации в социальных сетях в целом основан на тех же механизмах, которые используются людьми в различных контекстах

повседневной жизни (Goffman, 1959) или, в соответствии с уже устоявшимся термином, в «оффлайн реальности», он связан как с новыми возможностями, так и новыми рисками, в особенности для формирующейся в детском и подростковом возрасте идентичности.

Изучение поведения пользователя в виртуальном пространстве привело к внедрению в социальные исследования понятия «цифровая идентичность», наряду с которым разными авторами используются такие термины как кибер-идентичность, онлайн-идентичность, Я-виртуальное, квантовое Я. Существует множество способов формирования онлайн-идентичности для разных целей. Самопрезентация и самореклама в социальных сетях стали обычным явлением не только в жизни известных личностей, но и в жизни каждого пользователя, позволяя молодым людям и подросткам конструировать онлайн-идентичность для того, чтобы завоевать популярность и добиться признания теми или иными средствами.

Каждую страницу пользователя Facebook (как и любой другой социальной сети) и предоставляемые пользователями на своих страницах сведения можно рассматривать как «базу данных своей жизни» (Garde-Hansen, 2009). Находящиеся в открытом доступе данные пользователей социальных сетей в начале XXI века стали чрезвычайно ценным, не существовавшим ранее, источником социальных исследований цифровой идентичности и идентичности вообще (Солдатова, 2017; Yee, 2011; Barak, 2012; Valkenburg, Peter, 2008; van Kokswijk, 2008). Особое внимание уделяется аспектам, связанным с трансформациями идентичности под влиянием виртуального пространства и формированием и развитием идентичности в детском и подростковом возрасте (Barassi, 2017; Hogan, Strasburger, 2018; van der Merwe, 2017; Starkey et al., 2018).

Анализ исследований цифровой идентичности в психологии, социологии, философии, лингвистике и других науках позволил выявить, что основные их направления сконцентрировались вокруг следующих тем и вопросов:

1) *Соответствие онлайн и оффлайн идентичности, сходства и различия Я-реального, Я-виртуального и Я-идеального.* В центре внимания здесь находится поиск ответа на вопрос, отражает ли и в какой степени представление себя в соцсетях реальную идентичность (или личность) и влияет ли виртуальная идентичность на идентичность в реальной жизни. Рассматриваются такие аспекты как использование «украденной» или «фальшивой» идентичности (например, использование имен известных личностей, вымышленных персонажей и т.д.; какие личностные проблемы могут скрываться за демонстративностью, бравадой, искаженной самопрезентацией - приписыванием себе несуществующих качеств, черт, особенностей, приукрашиванием себя, и какой влияние такая самопрезентация может оказывать на формирование различных аспектов идентичности.

2) *Позитивные аспекты предоставляемой соцсетями возможности конструирования оффлайн идентичности для формирования личности в детском и подростковом возрасте.* Исследователи отмечают, что онлайн идентичность представляется более взвешенной и обдуманной, так как у пользователей соцсетей имеется больше времени для ее осмысления и конструирования. Благодаря виртуальной реальности у подростков расширяется круг «значимых других», а также появляется возможность приобщения к «глобальной культуре».

3) *Негативные аспекты предоставляемой соцсетями возможности конструирования оффлайн идентичности для формирования личности в детском и подростковом возрасте.* Одним из самых тревожных вопросов, связанных с рисками виртуальной реальности для формирования личности и трансформаций идентичности, можно считать угрозу радикализации в подростковой среде. Эти риски связаны не в последнюю очередь с тем, что круг возможных объектов идентификации расширяется, и их выбор тем самым становится затруднительным. Широко изучается в последние годы явление кибербуллинга, наряду с другими тяжелыми последствиями для личности детей и подростков несущего угрозу формированию самооценки.

4) *Представленность различных аспектов или «режимов идентичности» в соцсетях и возможности для их изучения* (Bouvier, 2012). Наибольшее внимание в последних исследованиях уделяется идентичности как стиль жизни или так называемому потребительскому аспекту. Кроме того, интерес представляет изучение гражданской, или, в западном понимании, национальной идентичности. Все более важное место в исследованиях идентичности в виртуальном пространстве отводится изучению культурной, религиозной и этнической идентичности.

Большинство западных исследований в области изучения онлайн-идентичности традиционно базируются на презентации идентичности пользователями в сети Facebook (см., например, Bouvier, 2012). Имеются также сравнительные исследования самопрезентации участников групп в разных соцсетях, например, в Facebook и LinkedIn (van Dijck, 2013) или в Facebook, Twitter, YouTube (Bouvier, 2015).

Описываемое в работе исследование проводилось на базе данных сети «ВКонтакте», так как, во-первых, именно эта сеть предпочитается российскими подростками согласно статистическим данным 2017 года (https://vk.com/page-2158488_53417896), и, во-вторых, данные, предоставляемые на личной страничке, дают достаточно широкие возможности для исследования самопрезентации и различных аспектов идентичности подростков, в том числе этнокультурной.

Описание исследования. В работе представлены предварительные результаты эмпирического исследования, выполненного посредством использования инновационной технологии дата-майнинг, интенсивно применяемой в современных социальных исследованиях. Рассматриваются отдельные результаты масштабного поиска данных, отражающих самопрезентацию пользователей (108591 человек) в группах из семи субъектов Российской Федерации в социальной сети «ВКонтакте». В статье проведен сравнительный анализ данных пользователей, отражающих различные аспекты идентичности, из четырех групп. Каждая группа тематически связана с конкретным субъектом федерации.

Процедура. В качестве средства получения данных из социальной сети было использовано API «ВКонтакте» (https://vk.com/dev/first_guide). Данный метод позволяет получать информацию из базы данных vk.com. и был использован в среде разработки R. Этот язык программирования широко применяется в различных статистических исследованиях. Были получены данные о пользователях — участниках сообществ «ВКонтакте», проживающих в различных субъектах РФ. Для участия в исследовании были отобраны респонденты, которым на момент исследования было 18 лет или меньше (которые родились позже 19 июля 1999 г.).

Для анализа были выбраны четыре группы: (1) «Моя Москва», (2) «Native Dagestan», (3) «Крымский Чебурек. Симферополь, Севастополь, Ялта», (4) «Это Ростов, детка! - новости Ростова-на-Дону». В личных профилях участников четырех выбранных групп анализировались компоненты самопрезентации, которые включены в категорию «Жизненная позиция» и предполагают выбор одного из предложенных вариантов ответа или возможность не указывать свои предпочтения. В некоторых компонентах имеется возможность дать свой вариант.

Анализировались следующие компоненты:

1. **Мировоззрение** (предлагаются на выбор следующие варианты ответа и имеется возможность дать своей вариант):

- иудаизм
- православие
- католицизм
- протестантизм
- ислам
- буддизм
- конфуцианство
- светский гуманизм

- пастафаризм

2. **Главное в жизни** (предлагаются на выбор следующие варианты ответа без возможности предложить свой вариант):

- семья и дети
- карьера и деньги
- развлечения и отдых
- наука и исследования
- совершенствование мира
- саморазвитие
- красота и искусство
- слава и влияние

3. **Главное в людях** (предлагаются на выбор следующие варианты ответа без возможности предложить свой вариант):

- ум и креативность
- доброта и честность
- красота и здоровье
- власть и богатство
- смелость и упорство
- юмор и жизнелюбие

4. **Вдохновляют** (открытый вопрос, на который пользователи дают свой собственный ответ).

Описание выборки. Были проанализированы данные 5569 человек в возрасте от 13 до 18 лет, зарегистрированных в социальной сети «ВКонтакте», входящих в состав различных групп (Таблица 1). Группы для сравнения были подобраны в соответствии со следующими критериями: 1) относительно близкий объем участников группы подросткового возраста, 2) сходная направленность групп, 3) тематическая связанность с конкретным субъектом Российской Федерации. Для анализа были выбраны четыре группы: (1) «Моя Москва», (2) «Native Dagestan», (3) «Крымский Чебурек» (Симферополь, Севастополь, Ялта), (4) «Это Ростов, детка! - новости Ростова-на-Дону».

Таблица 1.

Краткое описание групп социальной сети «ВКонтакте», отобранных для анализа

Название группы	Субъект Российской Федерации	Ссылка	Общее количество участников группы (чел.)	Количество участников группы в возрасте от 13 до 18 лет (чел.)	Описание контента
Моя Москва	г. Москва	https://vk.com/moyamsk	210382	1035	Развлечения, новости, фото, видео
Native Dagestan Дагестан	Республика Дагестан	https://vk.com/native_dagestan	78966	1209	Фото, видео, музыка
Крымский Чебурек Симферополь Севастополь Ялта	Республика Крым и г. Севастополь	https://vk.com/crimean_che	82691	1354	Развлечения, новости, фото, видео
Это Ростов, детка! - новости Ростова-на-Дону	Ростовская область	https://vk.com/etorostov	180469	1971	Развлечения, новости, фото, видео

Обсуждение результатов. Анализ компонента «мировоззрение», выбираемого подростками из предлагаемых вариантов ответов, показал следующие результаты. Наиболее часто выбираются варианты «православие» и «ислам». Выбор ответа «ислам» самый распространенный в Республике Дагестан (89% из ответивших на вопрос), а православие выбирается приблизительно с равной частотой в группах из трех других субъектов федерации. Другие религии и ответы, не связанные с религиозными мировоззрением, представлены крайне редко (Таблиц 2).

Таблица 2.

Выбор вариантов в компоненте «мировоззрение» среди подростков в четырех группах социальной сети «Вконтакте»

Варианты в компоненте «мировоззрение»	Группы социальной сети «Вконтакте»			
	Моя Москва (г. Москва)	Native Dagestan Дагестан (Республика Дагестан)	Крымский Чебурек Симферополь Севастополь Ялта (Республика Крым и г. Севастополь)	Это Ростов, детка! - новости Ростова-на-Дону (Ростовская область)
Православие	77%	8%	68%	77%
Ислам	10%	89%	9%	14%
Христианство	1%	0%	1%	0%
Остальные религии	10%	3%	12%	5%
Нет мировоззрения	0%	0%	2%	0%
Другой ответ	1%	1%	10%	5%
Общее количество данных ответов	75	116	152	112

Анализ компонента самопрезентации «главное в жизни», связанного с отношением к жизни, выявил следующие результаты (Таблица 3). Самым распространенным вариантом во всех группах является ответ «семья и дети». Наибольшее количество выборов ответа «семья и дети» было сделано подростками из группы в Республике Дагестан (62%), наименьшее – в г. Москва (47%). Преобладание этого варианта во всех группах указывает на сильное влияние традиционных ценностей на сознание современных российских подростков. Следующее место в иерархии занимает «саморазвитие», где процентное соотношение ответов практически равное в группах из Москвы и Ростова-на-Дону (почти пятая часть ответивших). Немного менее важен этот аспект в группах из Республики Дагестан и Республики Крым. Остальные варианты, такие как «карьера и деньги», «развлечение и отдых», «наука и исследования», «совершенствование мира», «красота и искусство», «слава и влияние», встречаются гораздо реже во всех четырех группах.

Таблица 3.

Выбор вариантов в компоненте «главное в жизни» среди подростков в четырех группах социальной сети «ВКонтакте»

Варианты в компоненте «главное в жизни»	Группы социальной сети «ВКонтакте»			
	Моя Москва (г. Москва)	Native Dagestan Дагестан (Республика Дагестан)	Крымский Чебурек Симферополь Севастополь Ялта (Республика Крым и г. Севастополь)	Это Ростов, детка! - новости Ростова-на-Дону (Ростовская область)
семья и дети	47%	62%	56%	60%
карьера и деньги	8%	8%	5%	4%
развлечения и отдых	6%	4%	14%	9%
наука и исследования	6%	0%	3%	1%
совершенствование мира	10%	7%	2%	5%
саморазвитие	19%	14%	13%	19%
красота и искусство	4%	3%	5%	3%
слава и влияние	0%	3%	1%	0%
Общее количество данных ответов	125	104	220	188

Анализ компонента самопрезентации, связанного с отношением к людям, выявил следующие результаты (Таблица 4). Первое место по количеству выборов занимает вариант «доброта и честность». Больше половины подростков из ответивших во всех четырех группах выбрали этот вариант. Следующее место занимает вариант «юмор и жизнелюбие», при этом наибольшее количество выборов этого ответа сделано подростками из группы в Республике Крым и г. Севастополь (22%). Также важным в людях подростки считают «смелость и упорство», который занимает третье место по частоте выбора. Менее важными являются варианты «ум и креативность» и «красота и здоровье». Вариант «власть и богатство» занимает последнее место, его выбрали не более 2% из ответивших.

Таблица 4.

Частота выбор вариантов в компоненте «главное в людях» среди подростков в четырех группах социальной сети «ВКонтакте» (% ответивших в каждой группе)

Варианты в компоненте «главное в людях»	Группы социальной сети «ВКонтакте»			
	Моя Москва (г. Москва)	Native Dagestan Дагестан (Республика Дагестан)	Крымский Чебурек Симферополь Севастополь Ялта (Республика Крым и г. Севастополь)	Это Ростов, детка! - новости Ростова-на-Дону (Ростовская область)
ум и креативность	7%	2%	6%	4%
доброта и честность	61%	67%	51%	64%
красота и здоровье	5%	3%	8%	4%
власть и богатство	1%	2%	2%	2%

смелость и упорство	8%	14%	11%	12%
юмор и жизнелюбие	18%	13%	22%	16%
Общее количество данных ответов	131	109	238	187

Контент-анализ ответов в графе «Вдохновляют» показал, что на первом месте во всех анализируемых группах подростки пишут ответы, связанные с музыкой (Таблица 5). Это подтверждает результаты многих современных исследований о том, что музыка является важной частью жизни подростков, оказывая сильнейшее влияние на формирование и развитие их идентичности в глобализирующемся мире. Остальные категории распределились неравномерно, и они значительно менее выражены в процентном соотношении. Важно отметить, что в Республике Крым и г. Севастополь и Ростовской области источником вдохновения у значительной части подростков является спорт (16% и 17% ответивших, соответственно) — значимо более важная часть жизни подростков в этих субъектах федерации, чем в двух других субъектах федерации. В группе из Республики Дагестан важными источниками вдохновения являются семья (10% ответов) и религия (12% ответов). Данные категории в ответах подростков из групп других субъектов федерации представлены минимально или не представлены вообще.

Таблица 5.

Результаты контент-анализа ответов в пункте «Вдохновляют» среди подростков в четырех группах социальной сети «ВКонтакте» (% ответивших в каждой группе)

Ответы в пункте «Вдохновляют»	Группы социальной сети «ВКонтакте»			
	Моя Москва (г. Москва)	Native Dagestan Дагестан (Республика Дагестан)	Крымский Чебурек Симферополь Севастополь Ялта (Республика Крым и г. Севастополь)	Это Ростов, детка! - новости Ростова-на-Дону (Ростовская область)
Музыка	29%	22%	24%	24%
Спорт	5%	8%	16%	17%
Семья	2%	10%	7%	8%
Любовь, любимый человек	2%	6%	1%	4%
Друзья	4%	0%	7%	1%
Жизнь	8%	0%	3%	0%
Люди	7%	6%	3%	2%
Компьютерные игры	2%	0%	7%	1%
Животные	4%	0%	2%	0%
Религия	0%	12%	0%	1%
Чтение	4%	0%	2%	1%
Эмоции	0%	0%	5%	2%
Искусство	0%	2%	0%	1%
Природа	7%	8%	1%	4%

Сам человек	2%	2%	2%	3%
События	6%	2%	0%	2%
Кино	2%	0%	3%	2%
Образование	0%	0%	0%	1%
Юмор	0%	2%	0%	1%
Другое	16%	20%	17%	25%
Общее количество данных ответов	61	56	114	88

Заключение. Цифровая идентичность, как и идентичность онлайн, культурно опосредована (Российская идентичность ..., 2017). Это подтверждается результатами проведенного исследования и проявляется, в частности, в предоставляемой о себе информации и акценте на разных аспектах идентичности у участников групп социальной сети «ВКонтакте», проживающих в разных субъектах Российской Федерации. В целом лишь незначительная часть подростков делится в своём профиле социальной сети информацией о своих предпочтениях и жизненной позиции. Причины данного феномена требуют дальнейшего изучения и анализа. Подростки из одних групп более охотно презентуют себя в социальной сети, чем подростки из других групп. Так, больше всего информации в своем профиле дают подростки из группы «Крымский Чебурек Симферополь Севастополь Ялта». Этот аспект также требует дальнейшего изучения и сравнения с исследованием онлайн идентичности в тех же субъектах федерации.

Проведенное исследование показало также возможности применения глубинного анализа данных (data mining) для анализа самопрезентации подростков в социальных сетях. Полученные результаты согласуются с результатами проведенных эмпирических исследований и более детально раскрывают особенности компонентов самопрезентации. Жизненная позиция подростков сформирована с учетом влияния традиционных ценностей, что подтверждается высокой значимостью выбора респондентами варианта «семья и дети» в компонентах «главное в жизни» и «источник вдохновения». Это означает, что в условиях социализации в цифровом обществе и при постоянных социокультурных изменениях институт семьи играет значительную роль в формировании идентичности современных подростков.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00109.

Список использованных источников:

1. Карабанова, О. А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект // Современная зарубежная психология. – 2017. - Т. 6. - № 2/20. - С. 15-26.
2. Пряжников, Н. С., Румянцева, Л. С. Самоопределение и профессиональная ориентация учащихся. Учебник. — М. : Издат. центр «Академия», 2013. — 208 с.
3. Российская идентичность. Психологическое благополучие. Социальная стабильность: Научная монография (под редакцией Ю.П. Зинченко). — М. : Издательство Московского университета, 2017. — 520 с.
4. Солдатова, Г. У. Цифровое поколение, или Главный гуманитарный вызов взрослым в XXI веке // Академический вестник. Научно-практический журнал Академии социального управления. – 2017. - Т. 3. - № 25. - С. 3-6.
5. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. — М. : Прогресс, 1996.
6. Barak, A., Suler, J. Reflections on the psychology and social science of cyberspace In A. Barak (Ed.) Psychological aspects of cyberspace. Theory, research, applications (pp. 1–12) Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2012.

7. Barassi, V. Digital citizens? Data traces and family life // *Contemporary Social Science*, 2017, 12:1-2, P. 84-95. DOI: 10.1080/21582041.2017.1338353
8. Bouvier, G. How Facebook users select identity categories for selfpresentation // *Journal of Multicultural Discourses*, 2012, 7:1, P. 37-57. DOI: 10.1080/17447143.2011.652781
9. Bouvier, G. What is a discourse approach to Twitter, Facebook, YouTube and other social media: connecting with other academic fields? // *Journal of Multicultural Discourses*, 2015, 10:2, P. 149-162. DOI: 10.1080/17447143.2015.1042381
10. Caruso, C., Dimitri, A., Mecella, M. Identity Mining Vs k d enti ty Discoveringa a newapproach based on data mining in the contex tof Big Data. In: Hühnlein D., Roßnagel D., Schunck C., Talamo M. (Eds.). *Open Identity Summit 2016, Lecture Notes in Informatics (LNI)*, Gesellschaft für Informatik, Bonn 2016. P. 175-180.
11. Chen, M., Mao, S., Zhang, Y., Leung, V.C.M. *Big Data: Related Technologies, Challenges and Future Prospects*. SpringerInternational Publishing, 2014.
12. Cheung, M.W.-L., Jak S. Analyzing Big Data in Psychology: A Split/Analyze/Meta-Analyze Approach // *Frontiers in Psychology*, 2016, Vol. 8, P. 738.
13. Garde-Hansen, J. My Memories? Personal digital archive fever and Facebook. In: Garde-Hansen J, Hoskins A and Reading A (Eds.) *Save As... Digital Memories*. Basingstoke: Palgrave, 2009. pp. 135–150.
14. Goffman, E. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York: Anchor Books, 1959.
15. Goldstone, R. L., Lupyan, G. Discovering Psychological Principles by Mining Naturally Occurring Data Set // *Topics in Cognitive Science*, 2016, Vol. 8, P. 548-568.
16. Grossi, E., Blessi, G. T., Sacco, P. L., Buscema, M. The Interaction Between Culture, Health and Psychological Well-Being: Data Mining from Italian Culture and Well-Being Project // *Journal of Happiness Studies*, 2012, Vol. 13, No. 1, P. 129-148.
17. Hogan, M., Strasburger, V. C. Social Media and New Technology: A Primer // *Clinical Pediatrics*, 2018, Vol. 57(10), P. 1204-1215. DOI: 10.1177/0009922818769424
18. King, M. W., Resick, P. A. Data Mining in Psychological Treatment Research: A Primer on Classification and Regression Trees // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 2014, Vol. 82, No. 5, P. 895-905.
19. Livingstone, S. Taking risky opportunities in youthful content creation: Teenagers' use of social networking sites for intimacy, privacy and self-expression // *New Media & Society*, 2008, 10(3), P. 393-411. <https://doi.org/10.1177/1461444808089415>
20. Starkey, L., Eppel, E. A., Sylvester, A. How do 10-yearold New Zealanders participate in a digital world? // *Information, Communication & Society*, 2018. DOI:10.1080/1369118X.2018.1472795
21. Toulis, A., Golab, L. Social Media Mining to Understand Public Mental Health // Begoli E., Wang F., Luo G. (Eds.) *Data Management and Analytics for Medicine and Healthcare. DMAH 2017. Lecture Notes in Computer Science*, vol. 10494. Springer, Cham, 2017.
22. Valkenburg, P. M., Peter, J. Adolescents' identity experiments on the internet: Consequences for social competence and self-concept unity // *Communication Research*, 2008, 35(2), P. 208-231. <https://doi.org/10.1177/0093650207313164>
23. van der Merwe, P. Adolescent identities in the cyberworld // *Journal of Psychology in Africa*, 2017, 27:2, P. 203-207. DOI: 10.1080/14330237.2017.1303129
24. van Dijck, J. (2013). 'You have one identity': performing the self on Facebook and LinkedIn. *Media, Culture & Society*, 35:2, 199–215, DOI: 10.1177/0163443712468605.
25. van Kokswijk J. Granting personality to a virtual identity // *International Journal of Humanities and Social Science*, 2008, 2(4), P. 207-215. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00393>
26. Yee, N., Harris, H., Jabon, M., Bailenson, J.N. The expression of personality in virtual worlds // *Social Psychological & Personality Science*, 2011, 2(1), P. 5-12. <https://doi.org/10.1177/1948550610379056>

Карabanова Ольга Александровна
доктор психологических наук, профессор, член-корр. РАО,
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
зав.кафедрой возрастной психологии,
125009 г.Москва, ул.Моховая, дом 11, стр.9
E-mail: okarabanova@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ, СЕМЕЙНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ ПОЗИЦИИ МАТЕРИ У ДЕВУШЕК В ПЕРИОД ВСТУПЛЕНИЯ ВО ВЗРОСЛОСТЬ

Аннотация. В статье рассматривается проблема роли социальных, семейных и личностных факторов в формировании родительской позиции матери у девушек в период вступления во взрослость. Обсуждается значение социальных факторов – активного участия женщин в производстве и социальной жизни, в возникновении кризиса семьи и распространении культуры малодетности. Доказана роль детско-родительских отношений в формировании эмоционально-ценностных установок в отношении материнской роли.

Ключевые слова: семья, родительство, позиция матери, демографическая проблема, детско-родительские отношения.

Karabanova Olga Alexandrovna
Doctor of Psychology, Professor, Corresponding Member of RAE
Lomonosov Moscow State University
head of the department of Developmental psychology,
125009 Moscow, ul.Mokhovaya, 11, building 9

Abstract. The article deals with the role of social, family and personal factors in the formation of the mother's parental position among girls in the period of adulthood. The importance of social factors - active participation of women in production and social life, the emergence of a family crisis and the spread of a culture of small children, is discussed. The role of child-parent relations in the formation of emotional-value attitudes toward the maternal role is proved.

Key words: family, parenthood, mother's position, demographic problem, child-parent relations.

Современное состояние семьи детское основание говорить о кризисе института семьи, перспективы разрешения которого связаны с двумя альтернативными позициями. Согласно первой, за кризисными явлениями кроется прогрессивная модернизация социального института семьи, согласно второй – процесс «распада и уничтожения семьи». Например, Э.Тоффлер еще в конце двадцатого века предсказывал распад семьи как проявление общего кризиса развития индустриального общества. С позиций историко-эволюционной концепции развития (А.Г.Асмолов) разнообразие форм и траекторий развития семьи, отвечает ведущему эволюционному закону вариативности, рассматривающему поддержку разнообразия форм и вариантов развития как ключевое условие сохранения и прогрессивной эволюции.

Информационное общество приводит к изменению вектора развития семьи. Высокие инновационные технологии (роботизация, автоматизация, компьютеризация) стирают гендерные различия в производстве, перечеркивая прежние стереотипы и уничтожая преимущества сильного пола в производстве. Революционные изменения роли женщин в культуре, социальной жизни, производстве, их высокий образовательный уровень, включение в социальную жизнь на равноправной основе, необходимо приводит к трансформации семьи как социального института в направлении диверсификации форм

брачно-семейных отношений, пересмотру нормативного содержания супружеских и родительских ролей, порождающему как любое инновационное явление, и социальные риски, что находит отражение в ряде кризисных явлений современной семьи, в первую очередь, в снижении престижа материнства, низкой рождаемости и малодетности, росту гипопротекции в воспитании детей, осознанному отказу от материнства и росту девиантного родительства.

Одной из наиболее обсуждаемых в обществе проблем является снижение рождаемости. Для оценки эффективности репродуктивной функции семьи используют коэффициент фертильности или коэффициент суммарной рождаемости - среднее число рождений на одну женщину. Для простого воспроизводства населения коэффициент фертильности должен быть не ниже 2,15, при условии низкой смертности. Сегодня коэффициент фертильности снизился в мире с 4,95 рождений на женщину (1960-е гг.) до 1.57 (в развитых странах) и 1,63 в России. Вместе с тем, можно говорить о наметившейся в последние годы отчетливой тенденции к увеличению количества новорождённых. Однако, несмотря на повышение уровня рождаемости и снижение младенческой смертности, в целом рождаемость по-прежнему остается значительно ниже, чем смертность, что дает основание ряду исследователей говорить о демографической катастрофе, связанной с резким снижением показателя детности в современной российской семье. Однако взвешенная оценка рисков создавшейся ситуации требует анализа широкого исторического культурно-социального контекста.

Вишневский А.Г.[4], основываясь на демографических исследованиях, полагает, что представление о многодетности семей прошлых веков – не более чем миф. По мнению автора, убеждение о доминировании многодетности – заблуждение, причиной которого является подмена понятий, когда число детей в семье отождествляется с числом рождений без учета детской смертности. В реальности на статистическом уровне в Европе и России многодетность была относительно редким явлением, как считают историки-демографы. Высокая смертность определяла культурные нормы и ценности семейной жизни и деторождения – брак означался как всеобщая, необходимая и пожизненная форма отношений, женщине предписывалась, в первую очередь, роль продолжательницы рода, большое число детей рассматривалось как благо и Божье благословение, попытки регуляции рождаемости категорически осуждались как морально, так и законом. Основная функция семьи заключалась в производстве потомства, что составляло приоритет семейной жизни. Снижение детской смертности в силу закона равновесия привело к снижению рождаемости, поскольку сохранение высокой рождаемости и стремительного роста народонаселения порождало бы новые экономические риски для общества. Многодетность в истории Европы становится массовым явлением только с конца 18 века, порождая ряд новых проблем, связанных с наследованием, экономическим обеспечением семьи и пр. Это привело к снижению рождаемости за счет более раннего возраста прекращения деторождений женщиной, сначала в аристократических, а затем и в крестьянских семьях. Намеренное ограничение числа детей в семье трансформирует прежние маргинальные практики ограничения деторождений в культурно принимаемые и инициирует возникновение новых - откладывание браков, контрацепция, искусственный аборт и пр. Снимается культурный запрет на прокреативный выбор – регулирования родителями числа и сроков рождения детей. Возникает новая проблема – выбора способов реализации свободы выбора и решений, порождающая ряд культурных инноваций – планирование семьи, способы контрацепции, вспомогательные репродуктивные технологии. Обратной стороной медали обретенной свободы становится мораторий на реализацию материнской роли, отложенное родительство и движение «child-free».

Переход от многодетной к малодетной семье в современном обществе обусловлен включением женщин в его производственную сферу; высокотехнологичностью профессиональной деятельности и требованиями к образованию; ценностными ориентациями на успех и достижения в сочетании с обесцениванием и низким социальным

престижем материнства и родительства; социально-экономическими условиями жизни современной семьи, насаждаемым многими СМИ отношением к женщине как к объекту потребления. Причинами снижения рождаемости в России на макро-социальном уровне являются экономическая нестабильность общества; низкий уровень социальных гарантий для молодых семей; слабая социальная защищенность детей и подростков; реальное возрастание стоимости образования; неудовлетворительный уровень здравоохранения, в первую очередь охраны здоровья матери и ребенка;

В психологическом плане в жизни семьи произошли существенные изменения – дифференциация сексуального, матримониального и прокреативного поведения и автономизация каждого из них. Это привело к изменению культурно-нормативной регламентации отношений полов, форм брака и семьи, внутрисемейных отношений, положения женщины и ребенка в обществе. Можно выделить ряд тенденций либерализации брачно-семейных отношений: ранний сексуальный дебют и раннее добрачное начало сексуальных отношений, более раннее отделение детей от родительской семьи, более позднее вступление в брак, более позднее рождение первого ребенка, рост вариативности форм отношений, уменьшение числа зарегистрированных браков при росте гражданских браков и свободных союзов, рост числа разводов и неполных семей, рост числа детей, рожденных вне зарегистрированного брака

В современном постиндустриальном обществе все чаще говорят о втором демографическом переходе (Д, ван де Каа, Р. Лестег, Р. Инглхарт), связанном с переоценкой ценностей и связанными с этим институциональными и законодательными изменениями, снижающими ряд ограничений и предоставлением семье свободы и ответственности в отношениях в семье. Ряд исследователей, связывают его с активной ролью женщины в обществе, ее занятости в общественном производстве. Однако сами эти возможности и новые ролевые перспективы для женщины становятся открытыми лишь потому, что исполнение «демографического долга» (А. Вишневецкий) уже не требуют от женщин полной самоотдачи и самопожертвования, не закрывают возможностей самореализации в профессиональной и семейной карьере. Об этом свидетельствует и изменение статистики семейной занятости. Все чаще женщины в равной мере разделяют с супругом роль «кормильца семьи». В США 65% женщин, имеющих детей до 18 лет работают, в Дании – 86%, в Швеции – 89% [1].

Причинами возникновения и распространения культуры бездетности являются отсутствие экономической заинтересованности в детях в связи с развитой пенсионной системой; страх и неуверенность в будущем; оппозиция родителям и стандартам родительства в собственной семье по рождению; страх утратить прежний уровень материального благополучия и жизни в условиях высокой значимости ценности потребления; стремление к независимости. Значимую роль в росте числа бездетных семей играют социальные представления о гендерной роли женщины, установки и нормативные предписания в отношении обязательности материнства.

Родительство в современном обществе направлено на содействие оптимальному развитию ребенка и достижению им автономии на основе создания безопасной, развивающей, доброжелательной среды, в которой родитель выступает как равноправный партнер в сотрудничестве и совместной деятельности с ребенком. Основной целью родительства является обеспечение благоприятных условий для умственного и личностного развития ребенка. Становление и развитие родительской позиции представляет собой длительный процесс развития системы компетенций в сфере воспитания ребенка, сопряженный с возрастным развитием и взрослением ребенка. На различных возрастных этапах для развития ребенка необходимы различные паттерны родительского поведения. Родительство представляет собой двусторонний процесс взаимодействия, в который и родитель, и ребенок вносят свой значимый вклад. Качество родительства определяет будущее психологическое благополучие обеих взаимодействующих сторон. Каждый родитель потенциально может стать хорошим родителем, однако реализация этого

потенциала зависит как от истории отношений в семье и актуального статуса семьи, так и от базовых ценностно-смысловых установок в отношении родительства.

Основными элементами родительства являются:

- забота (удовлетворение витальных, социальных, эмоциональных потребностей ребенка и защита от болезней, вредностей, ущерба, отвержения, насилия и пр.)

- контроль (определение и выстраивание границ поведения и деятельности);

- развитие (содействие в реализации потенциала ребенка в различных сферах) [17].

Эффективность родителя определяется такими характеристиками родителя как

- знание, информированность, компетентность (в удовлетворении потребностей ребенка, потенциале и возможностях развития ребенка, интерпретации и понимании особенностей ключевых моментов поведения ребенка, осведомленность об источниках угрозы и факторах риска;

- мотивация (наличие потребностей, удовлетворение которых обуславливает поведение родителя);

- ресурсы (материальные и личностные);

- возможности (время и место для общения и взаимодействия с ребенком).

Кроме того, родители должны обладать умениями справляться с дистрессом, непослушанием, разрешать конфликты и устанавливать позитивные межличностные отношения.

Качество родительства определяется личностными особенностями самого родителя, личностными и индивидуальными особенностями ребенка, а также тем социальным контекстом в котором осуществляется родительство – в первую очередь, характером супружеских и брачных отношений, социальными связями семьи и профессиональной занятостью родителей

Родительство в современном обществе в эпоху наступления префигуративной культуры [9] рассматривается как процесс содействия прогрессивному развитию ребенка и достижению им личностной автономии [11]. Компоненты родительства включают заботу (удовлетворение витальных, социальных, эмоциональных потребностей ребенка и его защита от болезней, вредностей, ущерба, отвержения, насилия и пр.), контроль (нормативное структурирование границ поведения и деятельности ребенка) и содействие развитию в реализации потенциала ребенка в различных сферах [17]. Можно выделить две стратегии реализации родительства матери. Первая стратегия родительства строится как временное или постоянное ограничение самореализации во имя ответственности и заботы о ребенке. Вторая стратегия родительства, напротив, становится источником новых возможностей самореализации в процессе со-развития и со-бытия, сотрудничества и со-творчества родителей и ребенка .

Генезис родительской позиции матери рассматривается исследователями как динамический полидетерминированный процесс, обусловленный тремя группами факторов – природными (органическими), социальными и психологическими. К природным факторам относят органические потребности продолжения рода (побуждение женщины к зачатию, вынашиванию, рождению ребенка и последующей заботе о нем) [15] телесный контакт и психофизиологическое взаимодействие [10, 14, 15]. Социальные факторы можно разделить на макро- и мезо-факторы. К макрофакторам относятся историческую эпоху, социокультурное развитие общества; мораль и нравственность, традиции воспитания детей, уровень развития институтов социализации. К мезофакторам - опыт родительской любви, приобретаемый человеком при взаимодействии с собственными родителями, удовлетворенность супружескими отношениями и браком, образование и профессия родителя, наличие в семье сиблингов и отношения с ними, в частности, принятие заботы и ответственности старших сестер за благополучие и развитие младших братьев и сестер [16, 9, 12, 14, 15]. Депривация потребности в любви, заботе, безопасности в детском возрасте часто негативно влияет на формирование родительской позиции матери в зрелом возрасте. Это находит отражение в попытках разрешения личностных потребностей в замещающем

поведении с собственным ребенком в форме авторитарности, пренебрежения, унижения, непринятии ребенка таким, каков он есть [2].

Психологические факторы включают личностные особенности, определяющие психологическую зрелость родителя - устойчивую позитивную Я-концепцию и самооценку; интернальный локус контроля; удовлетворенность психологических потребностей; способность открыто и адекватно выражать свои чувства; умение передавать свой опыт; активную позицию в совладании с трудностями; рефлексии своего поведения. Особенности самопринятия и самооценки, мировосприятия, темперамента, локус контроля, стратегия совладания с трудными ситуациями и психологические защиты также являются значимыми факторами, определяющими родительскую позицию матери [3, 5, 6].

В современной психологии признано, что опыт собственных детско-родительских отношений становится для выросшего ребенка моделью построения отношений с собственным ребенком во вновь создаваемой семье, выступая значимым фактором формирования родительских установок, однако эмпирических исследований, раскрывающих механизм такого влияния явно недостаточно. Можно предположить, что такое влияние будет оказывать разноплановое воздействие – и как эффект прямого воспроизведения родительской модели поведения, и как эффект компенсации характеристик родительского отношения – заботы, любви, мягкости, сотрудничества, дефицит которых переживал родитель, будучи ребенком, и как воспроизведение родительской модели поведения «от обратного», как антипод и отвержение практикуемых собственным родителем норм и установок. В нашем исследовании [7] было выявлено, что родительство и воспитание детей рассматривается значительной частью студенческой молодежи как значимая семейная ценность. Однако приоритет респонденты отдают профессиональной и социальной активности супругов и их эмоциональным отношениям. Было установлено, что эмоциональные отношения в родительской семье оказывают влияние на формирование ценностно-позитивного отношения к родительству. В случае оценки детско-родительских отношений как близких и позитивных признается высокая значимость и ценность родительства по сравнению с оценкой этих отношений как дистантных. Выявлены гендерные различия, свидетельствующие о более высокой оценке значимости родительства и воспитания детей у молодых людей, чем у девушек, для которых характерно выраженное стремление к первоочередной реализации профессиональной карьеры, по сравнению с родительством, и ожидания трудностей в будущей семейной жизни, связанных с рождением и воспитанием детей. Выявлены позитивные ожидания студенческой молодежи в отношении будущей семейной жизни и определенная недооценка трудностей переходных периодов жизненного цикла семьи. Наибольшие трудности прогнозируются в связи с периодом ожидания ребенка и первым годом жизни ребенка, т.е. с началом реализации родительской функции, воспитанием, реализацией хозяйственно-бытовой функции семьи и взаимной адаптацией супругов.

Целью эмпирического исследования, реализованного в 2017-2018 гг. сотрудниками кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова в составе Г.В.Бурменской, Е.И.Захаровой, О.В.Алмазовой, А.Г.Долгих, С.В.Молчанова, Т.Ю.Садовниковой [8] стало изучение отношения к родительской позиции матери у девушек в период вхождения во взрослость. Этот возрастной период предполагает создание молодыми людьми жизненной перспективы как иерархии жизненных целей во временной перспективе и определение места и значения материнства в их жизни. **Задачи** исследования включали 1) изучение особенностей отношения к родительской позиции матери у девушек в период вхождения во взрослость; 2) исследование связи детско-родительских отношений, в том числе принятия/отвержения со стороны матери и особенностей отношения к родительской позиции; 3) изучение связи отношения к родительской позиции матери с мировосприятием, выступающим как система базисных убеждений личности (Р.Янофф-Бульман). В исследовании приняли участие 230 респондентов в возрасте от 17 до 23 лет, студентки вузов гг. Москвы и Курска. Были использованы проективная методика

«Незавершенные предложения», опросник Р. Ронера [The Parental Acceptance-Rejection Questionnaire], шкала базисных убеждений Р.Янофф-Бульман (в модификации Падуна и Котельниковой). Методика «Незавершенные предложения» включала 12 незавершенных предложений, относящихся к 4 шкалам: отношение к материнству и роли родителя; самоотношение «Я как мать»; жизненные планы, связанные с материнством и профессиональной карьерой; представления о материнстве. Для изучения влияния фактора принятия-отвержения респондентов со стороны матери в работе использовался опросник Р. Ронера. Особенности восприятия респондентом родительского отношения в нем оцениваются на основе четырех шкал: 1) эмоционального принятия, любви и ласки; 2) враждебности и агрессии, 3) безразличия, игнорирования и пренебрежительного отношения; 4) общего неприятия. Было выделено 5 типов отношения к материнству и родительской позиции у девушек на этапе вхождения во взрослость

- 1. Приоритет и принятие материнской роли** - материнство и материнская роль привлекательны для респондента (положительная эмоциональная модальность); респондент строит планы, связанные с рождением ребенка в ближней перспективе, делает выбор в пользу материнства, а не профессиональной карьеры – 29.6%.
- 2. Положительное отношение к материнству и отложенное родительство (мораторий на материнскую роль)** - материнство и материнская роль привлекательны для респондента (положительная эмоциональная модальность); респондент строит планы, связанные с рождением ребенка в дальней перспективе, полагая, что на данном этапе жизни образование и построение профессиональной карьеры являются приоритетной задачей; в дальнейшем респондент считает возможным успешное совмещение материнства и профессиональной карьеры – 23.6%.
- 3. Материнство как долженствование** - положительное эмоциональное отношение к материнству и материнской роли сочетается с доминированием установки на долженствование при реализации роли матери в силу стремления следовать социальным установкам и получить социальное одобрение (хорошая мать должна..., материнство – тяжелый труд, ...и пр.). Выбор между карьерой и материнством вариативен, возможна как ближняя, так и далекая перспектива материнства -11.1%..
- 4. Амбивалентное отношение к материнству и отложенное родительство** - материнство и материнская роль воспринимаются амбивалентно («счастье, чудо, но тяжелый труд, ответственность»), респондент строит планы, связанные с рождением ребенка в дальней перспективе, полагает, что сейчас первоочередная задача – образование и профессиональная карьера, считает проблемным, но в принципе возможным совмещение материнства и профессиональной карьеры – 22.2%.
- 5. Отвержение материнства и материнской роли** - выраженное негативное отношение к материнству и материнской роли, открытое отвержение материнской роли, однозначный выбор в пользу профессиональной карьеры – 12.4%. Таким образом, была выявлена неблагоприятная тенденция негативного и амбивалентного отношения к материнству и родительской позиции у значительной части обследованной выборки (35.6%), что свидетельствует о необходимости разработки системы мер, направленных на формирование эмоционально-положительного ответственного отношения к материнству. В соответствии с концепцией Р.Ронера о ключевой роли отношения матери в континууме значений по оси «принятия-отвержения» для личностного развития, мы предположили, что восприятие принятия и отвержения со стороны матери (в детстве и подростковом возрасте) у девушек и молодых женщин обусловит различия в отношении к возможному материнству. Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о роли семейных факторов в формировании материнской позиции. Приоритетное отношение девушек к материнству сочеталось с высокими показателями принятия со стороны матери и фактически не встречалось у тех респонденток, которые относительно редко видели проявления любви, одобрения и позитивного внимания от своих матерей в родительской семье. Напротив, в группе с выраженным отрицательным отношением к возможному материнству встречаются наиболее высокие оценки поведения матерей как враждебного, пренебрежительного или скрыто отвергающего. При суммарном учете агрессии-

враждебности и игнорирования-пренебрежения проявляется важное различие между группами: у девушек с позитивным и амбивалентным отношением к материнству (типы 1-4) принятие преобладает, тогда как у девушек с однозначно негативным отношением к материнству (5-й тип) показатели материнского отвержения очевидным образом превышают принятие с ее стороны. Выявлены статистически значимые различия между пятью группами девушек по всем показателям принятия/отвержения (критерий Крускала-Уоллеса от 0,000 до 0,003). Материнское принятие формирует эмоционально-позитивное отношение к материнству и готовность к реальному планированию семьи, в то время как отвержение выступает как фактор высокого риска отрицательного восприятия материнской роли вплоть до последующего полного отказа от нее в пользу выбора профессиональной карьеры. Была обнаружена сложная картина соотношения параметров детско-родительских отношений и эмоционально-смысловых установок в отношении родительства. Эмоциональное принятие, сотрудничество, близость, согласие, авторитетность родителей и удовлетворенность отношениями с ними сопряжено с позитивным отношением к материнской роли, в то время как их дисгармоничность с отвержением. Анализ результатов позволяет установить как прямое так и опосредованное влияние детско-родительских отношений на формирование ценностно-смысловой установки в отношении материнской позиции. Детско-родительские отношения выступают как модель реализации материнской роли, предлагаемая ребенку в семье, а также обуславливают формирование мировосприятия и уже опосредованным образом оказывают воздействие на становление установки в отношении материнства. Позитивное отношение к материнской роли связано с восприятием мира как доброжелательного и справедливого, связано с позитивным образом и признанием самоценности Я, негативное отношение - с восприятием мира как враждебного и несправедливого, с негативным образом Я.

Таким образом, формирование родительской позиции можно представить как сложно детерминированный процесс, определяемый воздействием социальных, семейных и личностных факторов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-06-00825 «Личностные и семейные факторы формирования родительской позиции матери у девушек в период вхождения во взрослость»).

Список использованных источников:

1. Бим-Бад, Б. М., Гавров, С. Н. Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. – М. : Интеллектуальная книга - Новый хронограф, 2010. - 352 с.
2. Бурыкина, М. Ю. Замещающее поведение детей и подростков в контексте материнского отношения. - Брянск : Курсив, 2009. – 187 с.
3. Васягина, Н. Н. Внутриличностные детерминанты самосознания матери. – Екатеринбург, 2008. – 187 с.
4. Вишневский, А. Г. Время демографических перемен. - М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 192 с.
5. Захаров, А. И. Происхождение и психотерапия детских неврозов у детей и подростков – СПб. : Изд-во КАРО, 2006. – 315 с.
6. Захарова, Е. И. [Представление о характере социальной роли, как средство ориентировки в ее исполнении](#) // [Культурно-историческая психология](#). - 2012. - № 4. - С. 38-41.
7. [Карабанова, О. А., Молчанов, С. В. Семейные факторы в формировании родительских установок у студенческой молодежи на этапе вхождения во взрослость](#) // Национальный психологический журнал. – 2017. - № 2 (26). – С. 92-97.
8. [Карабанова, О. А., Бурменская, Г. В., Захарова, Е. И., Алмазова, О. В., Долгих, А. Г., Молчанов, С. В., Садовникова, Т. Ю. Типы отношения к материнству и родительской позиции у девушек в период вхождения во взрослость](#) //– 2017.- том 10. - № 56.

[электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56.html>

9. Мид, М., Культура и мир детства / Сост. и предисл. [И. С. Кона](#). — М. : Наука, 1988. – 429 с.
10. Мухамедрахимов, Р. Ж. Мать и младенец: психологическое взаимодействие. - СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. – 288 с.
11. Поскребышева, Н. Н., Карбанова, О. А. [Исследование личностной автономии подростка в контексте социальной ситуации развития](#) // Национальный психологический журнал. – 2014. - № 4 (16). - С. 34-41.
12. Спиваковская, А. С. Психотерапия: игра, детство, семья. - М. : Эксмо-пресс, 1999. – 282 с.
13. Филиппова, Г. Г. Психология материнства. – М. : изд-во Ин-та психотерапии, 2002. – 312 с.
14. Шутценберг, А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. - М. : изд-во Института психотерапии, 2001. – 240 с.
15. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология. – М. : Академический проект, 2010. – 720 с.
16. Bronfenbrenner, U. *The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design*. Cambridge, MA: [Harvard University Press](#). – 1979. – P. 172.
17. [Hoghugh](#), M. & [Long](#), N. [Handbook of Parenting: Theory and Research for Practice](#), 2004. –P. 372.

Спиваковская Алла Семеновна
Доктор психологических наук, профессор
МГУ имени М.В.Ломоносова,
профессор кафедры нейро- и патопсихологии
125040 г. Москва, Ленинградский пр-т, 13, 60
E-mail: beatum@bk.ru

Луценко Анна Михайловна
МГУ имени М.В.Ломоносова,
аспирант кафедры нейро- и патопсихологии
301670 Тульская обл., г. Новомосковск, Мира, 17а, 18
E-mail: lutsenko.anna@mail.ru

Евдюлюк Вероника Максимовна
МГУ имени М.В.Ломоносова
студент кафедры нейро- и патопсихологии
125040 г. Москва, Вавилова, 56, 168
E-mail: evdolyuk.v@gmail.com

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ УЧАСТНИКОВ ГРУПП ВДА УДОВЛЕТВОРЕННЫХ И НЕУДОВЛЕТВОРЕННЫХ СВОЕЙ АКТУАЛЬНОЙ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНЬЮ

Аннотация. Статья содержит описание личностных черт, характерных для лиц, выросших в алкогольных семьях, удовлетворенных и неудовлетворенных своей актуальной семейной жизнью. Получены результаты, указывающие, что лица, выросшие в алкогольных семьях, испытывают трудности при построении собственной семьи в связи с ретроспекцией в настоящем травмирующего детского опыта.

Ключевые слова: 12-шаговая восстановительная программа ВДА, алкогольная зависимость, дисфункциональная семья, системная семейная психотерапия.

Spivakovskaya Alla Semenovna
doctor of psychological sciences, professor
Moscow State University,
Professor of the Department of Abnormal Psychology
125040 Moscow, Leningradsky Prospekt, 13, 60
E-mail: beatum@bk.ru

Lutsenko Anna Mikhailovna
Moscow State University,
Postgraduate student of the Department of Abnormal Psychology
301670 Tula region, Novomoskovsk, Mira, 17a, 18
E-mail: lutsenko.anna@mail.ru

Evdoluk Veronika Macsimovna
Moscow State University,
student of the Department of Abnormal Psychology
125040 Moscow, Vavilova, 56, 168
E-mail: evdolyuk.v@gmail.com

THE PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF THE PARTICIPANTS OF THE REHABILITATION PROGRAM ACA WHO SATISFIED AND UNSATISFIED BY THEIR ACTUAL FAMILY LIFE

Abstract. The article contains a description of the psychological portrait of the participants of the rehabilitation program ACA who satisfied and unsatisfied by their actual family life. It was found that adult people whose parents were alcohol addicts have difficulties in establishing intimate relationships in their own families because their parents did not take care of them.

Key words: 12-step recovery program, alcohol addiction, dysfunctional family, family systems psychotherapy.

Актуальность проблемы алкоголизма связана с его широчайшей распространенностью как за рубежом, так и на территории РФ. В нашей стране по данным Министерства здравоохранения РФ за 2017 год проживает 12,5 миллионов зависимых от алкоголя граждан, и более 1 миллиона детей, растущих в дисфункциональных семьях, либо оставшихся без родительского попечительства. К дисфункциональным семьям относят такие семьи, в которых можно обнаружить явные или скрытые дефекты воспитания, нарушение семейных ролей и коммуникации между членами семьи, игнорирование семейных функций [2, с.114]. В этиологии алкоголизма, эффективности медикаментозного и психотерапевтического лечения данного заболевания играют роль многие факторы, в том числе и особенности семейной системы, распределение семейных ролей и функций, особенности переживания и выражения отрицательных эмоций членами семьи. Согласно современным исследованиям отечественных семейных психологов А.В.Курицына и В.Д.Москаленко, лица, выросшие в семьях с алкогольной зависимостью родителей, имеют трудности в установлении близких отношений с другими людьми, что наиболее ярко может проявляться при построении собственной семьи, склонны к суицидальному поведению и различного рода зависимостям, обладают нечеткостью границ собственной идентичности [3, с.54; 5, с.102].

Важно отметить, что большинство исследований, посвященных лицам, выросшим в алкогольных семьях, традиционно проводятся на базах психиатрических больниц на психически больных людях, например, на больных депрессией в цикле работ А.В.Мерина, либо на лицах, которые сами страдают алкогольной или другими видами зависимостей, например, исследования Джанет Войтиц [1, с.44; 4, с.38]. Так как в поле зрения исследователей изначально находились лица с эмоциональными и поведенческими нарушениями, то при анализе результатов работ по данной проблематике возникает проблема отделения тех личностных особенностей, которые характерны для лиц, выросших в дисфункциональной семье, от эмоционально-поведенческих особенностей, развившихся у них в результате их собственных заболеваний. Также при анализе работ, посвященных лицам, выросшим в алкогольных семьях, можно отметить, что многие из них сосредоточены на изучении поведенческого аспекта данной категории лиц, что связано с изучением рисков различных заболеваний у них, либо изучением процесса протекания их психологической реабилитации в обществе [5, с.98; 9, с.806]. При этом недостаточное внимание уделяется эмоциональному аспекту данной проблематики, а именно тому, какие индивидуальные эмоциональные особенности способствуют, несмотря на негативный детский опыт, построению гармоничных межличностных отношений у людей, выросших в дисфункциональных семьях.

Спецификой данной работы являются особенности выборки участников исследования: в экспериментальной группе изучались взрослые психически здоровые и не страдающие аддикциями лица, выросшие в семьях, где родители страдали алкоголизмом. Ранее авторы статьи занимались исследованием психически здоровых студентов, выросших в алкогольных семьях, и пришли к выводу, что для данной категории лиц характерно переживание семейной боли, высокая мотивация социального одобрения, объяснение своего поведения

через алкоголизм родителей, склонность к переживанию чувства вины и стыда по отношению к собственной семье [7, с.316].

Целью данной работы является выделение общих личностных черт, характерных для взрослых психически здоровых, не страдающих аддикциями лиц, выросших в алкогольной семье, субъективно удовлетворенных и неудовлетворенных своей актуальной семейной жизнью.

На основе анализа существующей литературы по теме исследования были выдвинуты основные гипотезы:

1) Существуют некоторые различия в личностных особенностях ВДА удовлетворенных и неудовлетворенных своей актуальной семейной жизнью.

2) Трудности построения отношений у взрослых людей связаны с ретроспекцией в настоящем травмирующего детского опыта

3) Некоторым людям, выросшим в семьях, где родители страдали алкоголизмом, удается преодолеть трудности в построении отношений благодаря определенным личностным особенностям

Объектом исследования являются особенности эмоциональной сферы взрослых людей, выросших в дисфункциональной семье. Предметом исследования – личностные особенности взрослых психически здоровых, не страдающих аддикциями лиц, выросших в алкогольной семье, субъективно удовлетворенных и неудовлетворенных своей актуальной семейной жизнью.

Задачами данного исследования являются:

1) Составление интегрального портрета лиц, чьи родители страдали алкогольной зависимостью, субъективно удовлетворенных и неудовлетворенных своей актуальной семейной жизнью.

2) Составление рекомендаций по психологическому консультированию лиц, выросших в алкогольных семьях.

Характеристика участников и методы исследования.

В экспериментальной группе исследования приняли участие 30 человек (17 женщин и 13 мужчин в возрасте от 18 до 35 лет). У всех участников исследования один из родителей страдал алкогольной зависимостью и в течение жизни проходил лечение в связи с данным заболеванием, при этом сами участники на момент проведения исследования были психически здоровы, не страдали алкогольной и другими видами химических аддикций, учились или работали. Имеющие алкогольную зависимость родители принимали непосредственное участие в воспитании участников исследования и в формировании их эмоциональной сферы, а также их представлений о семейной жизни. Алкоголизация родителей возникла после рождения детей, что позволяет исключить биологические нарушения функционирования головного мозга, вызванные алкогольной интоксикацией в период беременности. Все участники исследования являлись членами реабилитационной программы ВДА (Взрослые дети алкоголиков) в Москве. Сообщество ВДА – это двенадцати шаговая программа, рассчитанная на помощь и поддержку людей, выросших в семьях, где один или оба родителя страдали алкогольной зависимостью. Программа включает в себя посещение открытых и закрытых собраний, самостоятельную пошаговую работу (прописывание 12 шагов под руководством наставника), спикерские выступления на собраниях. Участники исследования принимали участие в эксперименте на добровольной основе. Вся информация, упомянутая в данном тексте, печатается с разрешения участников исследования.

В ходе исследования участники были разделены на две группы (удовлетворенные актуальной семейной жизнью и неудовлетворенные актуальной семейной жизнью) на основании их субъективного самоотчета в процессе интервью.

Для выявления личностных особенностей лиц, выросших в алкогольной семье, был использован широкий спектр качественных методов:

1) Анализ ТАТ (Тематический апперцептивный тест) по схеме Л.Беллока, была проведена полная версия (анализ 20 таблиц) [6, с.14]. При обработке ТАТ особое внимание было уделено таблицам, непосредственно отсылающим к детско-родительским и супружеским отношениям, фиксировалось как вербальное проявление эмоций (их упоминание и приписывание персонажам), так и невербальное проявление эмоций в ходе исследования. В данном исследовании была сделана попытка с помощью ТАТ выделить некоторые неосознаваемые самими респондентами личностные особенности и тенденции ВДА, а также сравнить проявившиеся неосознаваемые личностные тенденции у двух групп респондентов.

2) Феноменологический анализ стенограмм открытых встреч реабилитационной 12шаговой программы «ВДА». В течение 2,5 лет проводилось наблюдение за участниками 12шаговой программы на открытых собраниях. Феноменологический анализ данных исследования состоял из сбора информации (высказывания участников о семейной жизни и эмоциях, связанных с ее построением), выделения и преобразования смысловых единиц высказываний участников, группировки смысловых единиц по темам, а также из интерпретации полученных тем.

3) Феноменологический анализ интервью с участниками исследования. С каждым участником исследования проводилось интервью (оно занимало от 50 минут до 2 часов), в котором они подробно рассказывали о своей семье, аддикции родителей, трудностях построения собственных отношений и ресурсах, позволивших им построить собственные отношения в семье. В рассказах участников выделялись смысловые единицы высказываний, после чего производилась группировка смысловых единиц по темам и интерпретация полученных тем.

Результаты исследования

В ходе исследования был составлен интегральный портрет личности участников исследования, удовлетворенных и неудовлетворенных своей актуальной семейной жизнью.

Участники исследования, удовлетворенные своей актуальной семейной жизнью:

1) Испытывают семейную боль, но проводят активную работу с ней. Они ежедневно наблюдали болезнь родителей, были вовлечены в дисфункциональную семейную систему. Они могут по-разному относиться к болезни родителей, но в любом случае, испытывают сильные отрицательные эмоции (страх, жалость к себе, чувство стыда и вины) в связи с алкоголизмом одного из родителей. Отрицательные эмоции по поводу семейной системы довольно часто описываются ими в виде ярких и предметных метафор на собраниях ВДА. Это может быть «тяжелая ноша», «камень на душе, тянущий ко дну». В методике ТАТ семейная боль проявляется в виде сильных эмоциональных реакций на картинки, затрагивающие тему детско-родительских отношений. Это могут быть внезапные слезы, долгое рассматривание картинки перед началом рассказа, описание трудностей в отношениях между героями таблицы. Тем не менее, участники данной подгруппы говорят о семейной боли и способах борьбы с ней, не отрицают ее влияния на свою жизнь в настоящем. Они стремятся принять и понять своих родителей, не обвиняют их, отчасти берут ответственность за отношения с ними на себя: «Раньше я не понимала, что моя мама болеет, что ее поведение – это последствия данной болезни. И я очень злилась на нее, злилась, когда собирала за ней бутылки, не могла пригласить подружек в гости. А теперь я это понимаю, и мне от этого легче, жаль, что это осознание случилось так поздно».

2) Автономны, нет зависимости от социального одобрения. По сравнению со второй подгруппой, участники исследования, удовлетворенные своей актуальной жизнью, в меньшей степени зависимы от социального одобрения окружающих людей. При назначении встречи с экспериментатором они проявляли инициативность, говорили, если им было неудобно место или время встречи. В интервью они были открыты, подробно отвечали на вопросы, не ждали кивков и одобрения от собеседника, часто упоминали о наличии увлечений в детстве и подростковом возрасте, которое могли не поддерживать друзья или члены семьи (например, занятия спортом). В методике ТАТ они наделяли персонажей

самостоятельностью и независимостью от окружающих: «Но ей плевать на мнение мамы, она пойдет, куда ей хочется».

3) Открыто говорят о себе, своем детстве, актуальных семейных отношениях. Участники данной подгруппы активно вступают в диалог, рассказывают о своем детстве и текущих отношениях достаточно подробно, не скрывают, что испытывали трудности в отношениях с родителями и могут назвать эти трудности. Они часто указывают на то, что переживают вину, стыд и обиду по отношению к родителям, но при этом они могут назвать способы, которые помогают им справиться с отрицательными эмоциями: ведение дневника, общение с людьми, которым они доверяют, обращение к психологу, выражение эмоций в творчестве.

4) Способны полноценно функционировать в обществе и позитивно относиться к себе. Участники данной подгруппы считают себя успешными при построении близких отношений с другими людьми, позитивно характеризуют себя в интервью и на группе ВДА, успешно работают и учатся, не имеют химических аддикций и психических заболеваний. Возможно, им удалось это осуществить за счет здоровых близких родственников, которые участвовали в их воспитании наряду с больным алкоголизмом, а также за счет высокой автономности в настоящем.

Участники исследования, неудовлетворенные своей актуальной семейной жизнью:

1) Испытывают семейную боль и не могут найти средств для эффективной ее проработки. Лица из данной подгруппы говорят о семейной боли, они чувствуют, что причастны к тому, что происходит в их семье, но не знают, как они могут повлиять на происходящее. Они описывают семейную боль, как «постоянную и не проходящую тяжесть», «затягивающее болото», при этом испытывают трудности при ее детальном описании. В таблицах ТАТ также возникают трудности при описании эмоций персонажей, они либо опускаются, либо дают очень общие описания эмоций, в большинстве случаев негативно окрашенных: «ему плохо», «Он испытывает какую-то боль», «Я не знаю, что он чувствует, наверное, ничего не чувствует».

2) У участников данной подгруппы наблюдается высокая мотивация социального одобрения. Данная особенность ВДА была описана В.Д.Москаленко, в данном исследовании она также проявилась довольно ярко. Участники данной подгруппы искали социального одобрения у экспериментатора в ходе исследования: подстраивались под неудобное им время исследования, ждали и эмоционально реагировали на поддержку интервьюера. В процессе беседы они сообщали, что часто подстраиваются под других людей.

3) Повышенная ответственность за жизнь, здоровье и благополучие других людей. В ряде случаев желание социального одобрения сопровождается попыткой контролировать действия окружающих, причем всех, а не только больного родителя. Например, одна из участниц не могла заснуть, не обзвонив всех одноклассников и не уточнив, хорошо ли они сделали домашнюю работу. Ответственность за других людей, которую берут на себя ВДА, не сопоставляется с их реальными возможностями и потребностями окружающих. Например, 5летняя девочка чувствовала вину, что не смогла предотвратить развод родителей и заставить отца бросить пить.

4) Объяснение всего своего поведения (всех успехов и неудач) через алкоголизм родителей. «Меня не взяли сегодня на работу, потому что я ВДА», - говорит 30летний мужчина, не думая о других возможных вариантах сложившейся ситуации. Безусловно, семейные особенности влияли на них и формирование их личностных черт, но в данный момент могут быть и другие причины их успехов и неудач, которые они не замечают.

Лица, выросшие в алкогольных семьях, неудовлетворенные своей актуальной семейной жизнью, в первую очередь, проявляют трудности в сфере понимания своих эмоций в настоящем и передаче другим информации о своем эмоциональном состоянии, поэтому при психологической работе с ними очень важно развивать их эмоциональную сферу. В психотерапевтическом процессе можно наблюдать за собственными эмоциями через контакт с терапевтом, в котором психолог отражает эмоции клиента, а также через базисные и

специальные психотехники, например, ведение дневника эмоций. Самонаблюдение помогает понизить уровень психологических защит, мешающих проникновению эмоций в сознание и их выражению на поведенческом уровне. Самонаблюдение и ведение дневника применяются в качестве базисных и специальных психотехник в рамках бипотерапии [8, с.202].

Выводы

1) В ходе исследования был составлен интегральный портрет личности членов сообщества ВДА, удовлетворенных и неудовлетворенных их актуальной семейной жизнью. Члены сообщества ВДА, удовлетворенные своей семейной жизнью, испытывали семейную боль, повышенную вину по отношению к собственным родителям, страх смерти близких людей, что объединяло их с лицами, неудовлетворенными своей актуальной семейной жизнью, но в отличие от них, члены сообщества ВДА, удовлетворенные семейной жизнью, не проявляли высокой мотивации социального одобрения, могли открыто говорить о себе и своих отношениях, приписывали удачи и неудачи в своей жизни себе. Таким образом, была подтверждена первая гипотеза исследования о наличии различий между группами ВДА, удовлетворенными и неудовлетворенными своей актуальной семейной жизнью, а также третья гипотеза о том, что некоторым людям, выросшим в алкогольных семьях, удастся преодолеть трудности при построении собственной семьи.

2) Трудности построения собственных отношений в ряде случаев были связаны с ретроспекцией в настоящем травмирующего детского опыта в прошлом. Однако, в ходе исследования были выявлены и другие факторы, которые могли повлиять на трудности построения собственных отношений у ВДА, напрямую не связанные с ретроспекцией детского опыта: высокая мотивация социального одобрения, перфекционизм на работе, не позволяющий ВДА уделить внимания семье, высокий риск возникновения расстройств эмоционального спектра. Таким образом, гипотеза о связи трудностей построения собственных отношений с ретроспекцией детского травмирующего опыта подтвердилась частично и нуждается в дальнейшем уточнении.

3) В ходе исследования были составлены рекомендации по психологическому консультированию лиц, выросших в алкогольной семье. Важной составляющей психотерапии данной категории лиц является их самонаблюдение за переживаемыми эмоциями при построении семейных отношений.

Список использованных источников:

1. Войтиц, Дж. Взрослые дети алкоголиков. Полный справочник ВДА / Пер.с англ. А.Луциной. – М. : Независимая фирма «Класс», 2015. - 368 с.
2. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и семейного консультирования. – М. : Гардарики, 2007. – 320с.
3. Курицын, А. В. Психологические особенности подростков, воспитывающихся в семьях, в которых родители страдают алкогольной зависимостью // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - №11. – 2010. - с. 48-56.
4. Меринов, А. В., Шустров, Д. И. Современные взгляды на феномен созависимого поведения при алкогольной зависимости // Вестник Рязанского государственного медицинского университета имени академика И.П. Павлова. – 2011. - №2. – с. 35-41.
5. Москаленко, В. Д. Зависимость: семейная болезнь. – М. : ПЕРСЭ, 2009. - 336с.
6. Соколова, Е. Т. Проективные методы исследования личности. - М. : Издательство Моск. ун-та, 1980, - 67 с.
7. Спиваковская, А. С., Луценко, А. М. Психологический портрет студентов, выросших в алкогольной семье // Психологическая служба университета: реальность и перспективы: материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 27–28 октября 2017 г., том 1. - С. 311-317.
8. Спиваковская, А. С. Фрагменты бипотерапии. – М. : «Беато-пресс», 2009. – 224с.
9. Jarvinen, M. Understanding addiction: Adult children of alcoholics describing their parents' drinking problems. Journal of Family Issues, 2015. 36(6), p. 805–825.

Пергаменчик Леонид Абрамович
доктор психологических наук, профессор
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
профессор кафедры социальной и семейной психологии
220029 Беларусь, Минск, Киселева 10-16
leonpergam@gmail.com

В ПОИСКАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ПОДДЕРЖКИ

Аннотация. В статье анализируется место и значение социальной сети поддержки в ситуации смерти члена семьи. Рассматриваются типы и элементы социальной сети поддержки, представлена структура функционального подхода. Представлены архаичные формы оказания психологической помощи семье в ситуации потери: ритуальные танцы и похоронные плачи. На основании отчета «Тоска» из экспериментальной психологической лаборатории писателя А.П. Чехова проанализировано состояние человека в ситуации одиночества.

Ключевые слова. Социальная сеть поддержки, ритуальные танцы, обряд плача, тоска, оцепенение, одиночество.

Pergamenchik Leonid Abramovich
Professor, D.Sc. in Philosophy
Belarusian State Pedagogical University,
Professor of the Department of Social and Family Psychology
220029 Minsk, Kiseleva str.10 - 16
leonpergam@gmail.com

IN SEARCH OF A SOCIAL SUPPORT NETWORK

Abstract. This article represents the analyses of the place and the meaning of social support network in the situation of a family member's of the death of a family member. Special attention is paid to the types and elements of social support network and the structure of the functional approach. Archaic forms of rendering a family psychological assistance in a situation of loss are represented: ritual dances and burial mourning. The article contributes with the description of the person's condition in a situation of loneliness based on the report "Yearning" from Chekhov's experimental psychological laboratory.

Key words. Social support network, ritual dances, a rite of lamentation/mourning, stupor, loneliness

Социальная сеть поддержки семье в ситуации потери тема моего сообщения. Смерть члена семьи – травмирующая ситуация жизненного пути, а в последние годы в обществе утвердилось положение, что данная ситуация требует незамедлительного кризисного вмешательства профессионалов. До появления концепции кризисного вмешательства психологическая помощь и поддержка семье осуществлялась иными способами, которые намного позже ученые объединили в концепцию «социальная сеть поддержки».

Социальная сеть поддержки. Появления в научной среде термина «социальная поддержка» связывают с представителями американской социальной психологии J. Cassel и S. Kobb (1976). J. Cassel, пытаясь понять, почему одни люди более устойчивы к стрессу, чем другие, предположил, что социальная поддержка не только фактор предотвращения и

облегчения заболеваний, но и может служить защитным фактором, выступающим своего рода буфером между человеком и последствиями стресса [15].

В середине 1970-х годов западные клиницисты обратились к понятию социальной поддержки в попытке объяснить причинно-следственные связи между стрессом, заболеваемостью и смертностью [16]. С конца 1970-х годов учеными активно проводятся исследования в сфере социальной поддержки, получаемой человеком от членов его социальной сети [5, 17, 20].

Так, S. Cobb обратил внимание психологов, что просто присутствие другого человека само по себе еще не является социальной поддержкой. Социальную поддержку S. Cobb понимал как обмен особого рода “информацией”, выделяя три ее типа [16]: эмоциональная поддержка; поддержка достоинства; информация, подтверждающая, что личность включена в систему коммуникации и взаимных обязательств. Эта информация рождается и воспринимается в процессе социального взаимодействия, прежде всего в межличностных отношениях [16]. S. Cobb пришел к выводу, что угроза возникновения депрессивных расстройств у людей, находящихся в ситуации стресса и не получающих подобной социальной поддержки, возрастает десятикратно. Исследователь считал, что социальная поддержка повышает сопротивляемость человека (способность управления окружающей средой) и облегчает его адаптацию к новым условиям.

С 1980-х многие исследователи уже изучали социальную поддержку не как единый концепт, а по составляющим, причем, каждый исследователь выделял свои. Так, В. Hirsh [19] описал пять возможных элементов социальной поддержки: эмоциональная поддержка; поощрение; совет; общение; доступная помощь.

Распространена точка зрения, позволяющая рассматривать социальную поддержку с точки зрения четырех типов ресурсов [7]: эмоциональная поддержка; оценочная поддержка (информация, имеющая отношение к самооценке); информационная поддержка; инструментальная поддержка. Причем самой важной из составляющих социальной поддержки принята эмоциональная поддержка. По настоящее время многие исследователи, описывая составляющие социальной поддержки, опираются на эту схему.

Существует несколько подходов к определению понятия «социальная поддержка». В своей работе Д. В. Лифинцев и А. Б. Серых анализируют 20 определений, которые возникали в литературе последние три десятка лет [6]. Из этих определений видно, что при анализе социальной поддержки можно заострять внимание на ее содержании (ресурсах), взаимодействиях (обмен информацией, эмоциями) или их субъективной оценке индивидом (значимость, любовь и т.д.).

Классификацию Лифинцева Д. В. можно сопоставить с различными научными направлениями, в которых структурный подход изучается в русле социологии, а функциональный в психологии. *Функциональный подход* понимает социальную поддержку как функцию, реализуемую во взаимодействии индивида с социальным окружением. Представители этого направления делают акцент на исследовании получаемой и осознаваемой человеком социальной поддержки, различая тип социальной поддержки, которую человек фактически получает от представителей своего окружения (получаемая поддержка – received support) и которую, как он верит, сможет получить (воспринимаемая поддержка – perceived support).

Исследователи отмечают, что женщины имеют более высокий уровень воспринимаемой социальной поддержки, чем мужчины, что может быть обусловлено их более глубокой интеграцией в систему социальных отношений и опорой на ресурсы членов социальной сети. Общий размер социальной сети напрямую не влияет на уровень воспринимаемой социальной поддержки, степень которой скорее связана с составом социальной сети и с наличием в ней супруга и близких друзей [5]. В нескольких зарубежных исследованиях показано, что более высокая частота социальных контактов человека связана с его позитивным восприятием социальной поддержки. Данный факт можно объяснить тем,

что социальные контакты выступают для человека показателями возможной мобилизации социальной поддержки в случае необходимости [5].

Итак, социальная поддержка – сложное явление, возникающее при взаимодействии субъектов (агента и реципиента), обладающий количественными и качественными характеристиками, соотношением которых определяется удовлетворенность или неудовлетворенность реципиента в зависимости от его индивидуальных потребностей и ожиданий.

Рассмотрим кратко проблему оказания психологической помощи семье в ситуации потери в допсихологический период развития цивилизации. Следует отметить, что социальная поддержка существовала всегда, человек и стал человеком тогда, когда смог сопереживать члену своей семьи, своему роду в ситуации потери. Формой социальной поддержки в тот период были ритуальные танцы в традиционных культурах и обряды плача, ведущие свое начало с времени написания текстов ветхого завета.

О месте ритуального танца в картине мира человека на начальном этапе развития цивилизации отмечает лингвист Л.П. Морина: «Архаичные танцевальные ритуалы не являлись продуктами свободного художественного творчества, а были необходимым элементом сложной системы взаимоотношения с миром. Танец всегда имел своей целью соединение человека с могущественными космическими энергиями, расположение к себе влиятельных духов природы. Если ритуал переставал удовлетворять, то он умирал и на его месте формировался новый, более перспективный» (9, с.119) Танец соединял человека с двумя глобальными изменениями в его бытии: смерть и жизнь. В ритуальном танце была возможность рассказать об этих двух сторонах человеческого бытия, отнестись к ним, объединить их и найти смысл и энергию для дальнейшей жизни.

Более поздней формой отношения к смерти стала ритуал, который выполняли «профессиональные» плакальщицы. Исторически данный подход восходит к времени написания ветхого завета. В Книге пророка Иеремии «9.17 Так говорит Господь Саваоф: подумайте, и позовите плакальщиц, чтобы они пришли; пошлите за искусницами *в этом деле*, чтобы они пришли. 9.18 Пусть они поспешат и поднимут плач о нас, чтобы из глаз наших лились слезы, и с ресниц наших текла вода. 9.19 Итак, слушайте, женщины, слово Господа, да внимает ухо ваше слову уст его; и учите дочерей ваших плачу, и одна другую – плачевым песням» [1, С. 548].

Плачи исполнялись профессиональными плакальщицами, которые выступали и в роли организаторов, и в роли исполнителей обряда. Обряд мог продолжаться несколько дней подряд. В этом случае плакальщицы везде сопровождали человека, на которого действие обряда было направлено [1].

Самый известный вид плача – похоронный плач. Существует множество разновидностей похоронного плача в зависимости от того, какой родственник умер, и в каких условиях остались жить его близкие. Кроме этого существует множество вариаций или добавлений, отражающих реалии обычной жизни оставшегося в живых человека: степень достатка и развитости хозяйства, наиболее актуальные родственные отношения, взаимоотношения с соседями и родственниками умершего, нюансы его поведения в прошлом и другие [2].

Ситуации, в которых применяется плачевый обряд, довольно схожи в одной своей особенности. Эту особенность можно определить как кардинальное изменение внешней ценностно-коммуникативной среды и характера деятельности. Другими словами, как только человек сталкивается в том или ином виде с проблемой серьезных изменений во внешнем мире, культура предписывает ему определенный обряд. И это неслучайно.

Плачевый обряд – это некая созданная культурой своеобразная психотерапевтическая техника, помогающая человеку решить его проблемы в определенной ситуации. Плачевый обряд - это ритуально-магический способ связи между двумя мирами: жизни и смерти. Плачи-причитания являются формой переживания и отношением «я» с позиции жизни к факту смерти.

Как человек выходит из ситуации потери при отсутствии социальной сети поддержки? Обратимся к материалам отчета экспериментальной психологической лаборатории А.П. Чехова «Тоска».

Мы психологи призваны рассказывать как надо и/или самим действовать в реализации правильных способах, методах, подходах психологического вмешательства в жизнь семьи в ситуации возникновения трагической ситуации потери. А когда нас нет, что еще в отечественной культуре скорее правило, а не исключение? А когда рядом с одиноким человеком нет того, кого он может включить в социальную сеть поддержки? Что происходит, есть ли выход из ситуации невозможности запустить процесс горевания?

Антон Павлович Чехов продемонстрировал с кропотливостью кризисного психолога-исследователя состояние человека в ситуации одиночества. Итак, прошу внимательно изучить рассказ-текст-отчет великого гуманистического психолога [12].

Оцепенение. Извозчик Иона Потапов весь бел, как привидение. Он согнулся, насколько только возможно согнуться живому телу, сидит на козлах и не **шевеливается**. Упав на него целый сугроб, то и тогда бы, кажется, он не нашел нужным стряхивать с себя снег...

Жуть одиночества. Про сына, когда один, думать он не может... Поговорить с кем-нибудь о нем можно, но самому думать и рисовать себе его образ **невыносимо жутко**...

Переживание. ...он одинок, и ...тишина... тоска распирает грудь еще с большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, **весь свет залила**, но, тем не менее, ее не видно. Она сумела поместиться в такую ничтожную скорлупу, что ее не увидишь днем с огнем...

Пять попыток Ионы для выхода из состояния оцепенения через обращение за социальной поддержкой.

Попытка первая. Иона кривит улыбкой рот, напрягает свое горло и сипит: А у меня, барин, тово... сын на этой неделе помер. Гм!.. Отчего же он умер? Иона оборачивается всем туловищем к седоку и говорит: А кто ж его знает! должно, от горячки... Три дня полежал в больнице и помер... Божья воля. ..Вворачивай, дьявол! раздается в потемках. Пovyлазило, что ли, старый пес? Гляди глазами! Поезжай, поезжай... говорит седок. Этак мы и до завтра не доедем. Подгони-ка!

Попытка вторая, почти удачная. Тьфу, чтоб тебя черти!.. возмущается горбач. Поедешь ты, старая холера, или нет? Разве так ездят? Хлобысни-ка ее кнутом! Но, чёрт! о! Хорошенько ее!

Иона чувствует за своей спиной вертящееся тело и голосовую дрожь горбача. **Он слышит обращенную к нему ругань, видит людей, и чувство одиночества начинает мало-помалу отлегать от груди.** Горбач бранится до тех пор, пока не давится вычурным, шестиэтажным ругательством и не раздражается кашлем. Иона оглядывается на них. Дождавшись короткой паузы, он оглядывается еще раз бормочет: А у меня на этой неделе... тово...

сын помер!

Все померем... вздыхает горбач, вытирая после кашля губы.

Попытка третья. (Попытка прикосновения) Извозчик, ты женат? спрашивает длинный.

Я-то? Гы-ы... ве-еселые господа! Таперя у меня одна жена - сырая земля... Хи-хо-хо... Могила, то есть!.. Сын-то вот помер, а я жив... Чудное дело, смерть дверью обозналась... Вместо того, чтоб ко мне идтить, она к сыну...

И Иона оборачивается, чтобы рассказать, как умер его сын, но тут горбач легко вздыхает и заявляет, что, слава богу, они, наконец, приехали.

Попытка четвертая. Иона видит дворника с кульком и решает заговорить с ним. Милый, который теперь час будет? - спрашивает он.

Десятый... Чего же стал здесь? Проезжай!

Иона отъезжает на несколько шагов, изгибается и отдается тоске...

Попытка пятая. В одном из углов поднимается молодой извозчик, сонно крикает и тянется к ведру с водой. Пить захотел? спрашивает Иона.

Стало быть, пить! Так... На здоровье... А у меня, брат, сын помер... Слыхал? На этой неделе в больнице... История! Иона смотрит, какой эффект произвели его слова, но не видит ничего. Молодой укрылся с головой и уже спит.

Тоска по собеседнику. Старик вздыхает и чешется. Как молодому хотелось пить, так ему хочется говорить. Скоро будет неделя, как умер сын, а он еще путем не говорил ни с кем. Нужно поговорить с толком, с расстановкой. Надо рассказать, как заболел сын, как он мучился, что говорил перед смертью, как умер. Нужно описать похороны и поездку в больницу за одеждой покойника. В деревне осталась дочка Анисья. И про нее нужно поговорить...

Требование к психотерапевтической беседе.

Начинать следует с фазы фактов: подробно проговорить весь путь от болезни до смерти и о ритуальном этапе и о будущем, которое неизвестно как сложится (дочка в деревне одна осталась).

Чехов определил и характер беседы, выделив в ней две составляющих: медленно, не упускать мелочей (толком) и размеренно с паузами (с расстановкой).

Желаемое поведение слушателей. Слушатель должен охать, вздыхать, причитывать... Так изобразил писатель понимание Ионы эмпатического слушания. Важен эмоциональный отклик на горе. Хотя мужик и не должен плакать, но фон хорошо бы был эмоционально окрашен, поэтому «с бабами говорить еще лучше. Те хоть и дуры, но ревут от двух слов».

Как не следует реагировать на текст потери

Божья воля (ссылка на судьбу)

Все померем... (судьба)

Легко вздыхает и заявляет, что, слава богу, они, наконец, приехали. (игнорирование)

Что стал здесь проезжай (игнорирование)

Попытка последняя, удачная. Обращение за помощью к кобыле. Так-то, брат кобылочка... Нету Кузьмы Ионыча... Приказал долго жить... Взял и помер зря... Таперя, скажем, у тебя жеребеночек, и ты этому жеребеночку родная мать... И вдруг, скажем, этот самый жеребеночек приказал долго жить... Ведь жалко? Лошаденка жует, слушает и дышит на руки своего хозяина... Иона увлекается и рассказывает ей всё...

Концепция психологической помощи семье в ситуации потери прослежена в данном выступлении последовательно в трех аспектах. В первой части статьи представлена социальная сеть поддержки, которая является по данным современных психологов исследователей и практиков эффективным способом психологической помощи. Во второй - представлен опыт оказания психологической помощи, которая существовала с момента возникновения цивилизации: ритуальный танец и похоронный плач. На третьем - проведена интерпретация психологического состояния одиночества человека, взятая из экспериментальной психологической лаборатории А.П. Чехова в ситуации невозможности проплакать смерть сына, ввиду отсутствия актуальной социальной сети поддержки.

И последнее. Получил ли Иона поддержку? Если следовать определению понятия «Социальная сеть поддержки», в котором условием возникновения буферного эффекта поддержки является наличие другого, то Иона поддержки не дождался, хотя весь день ее искал. Но безуспешные поиски завершились внутренним диалогом, когда ответа нет, а поддержка есть. Что за форма помощи представлена в отчете Чехова? Не напоминает ли беседа с лошастью формой психологической помощи, похожая на ритуальные танцы или похоронные плачи? В этих формах поддержки реального диалога нет, но эти формы вызывают отклик, который запускает процесс переживания потери. Так и беседа с лошастью

бесперспективна с позиций современного понимания социальной сети поддержки, но возвращение к архаичным способам помощи произошло. На эти вопросы еще предстоит ответить современному поколению, которое реальное общение заменяет все больше общению виртуальному, когда посредником выступает не танец, не плач, а некий обезличенный, но обобщенный, наблюдаемый другими сайт.

Список использованных источников:

1. Библия. Книга священного писания. Ветхого и нового завета. Каноническая. Русское миссионерское общество. Лондон. Чикаго. Берлин. Варшава. Петроград. Москва. 1923. 908 с.
2. Бородин, Д. Ю. Обряд плача как форма психотерапии в ситуациях самооценочной дезадаптации // Московский психотерапевтический журнал. - 1997. - № 2. - С. 149–159.
3. Вассерман, Л. И. Социальная поддержка как личностный ресурс в процессе адаптации больного // Актуальные проблемы психосоматики в общемедицинской практике : материалы XIII конференции. – СПб., 2013. – С. 64–68.
4. Вассерман, Л. И. Социально-психологические факторы в формировании сферы здоровья личности // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. — 20012. - №3. - С. 3-8.
5. Лифинцева, А. А. Субъективные факторы восприятия социальной поддержки: обзор современных исследований // Наука и бизнес. – 2012. – № 5. – С. 17–21.
6. Лифинцев, Д. В. Социальная поддержка как психологический феномен // Вопросы психологии. – 2014. – № 5. – С. 105–117.
7. Лифинцев, Д. В. Социальная поддержка как фактор психического благополучия детей и подростков // Нац. психол. журн. – 2016. – № 4 (24). – С. 71–78.
8. Миллер, Л. В. Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к вузу студентов с опытом психотравмирующего события [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 6, № 1. – Режим доступа: psyedu_ru/2014/n1/68044.shtml. – Дата доступа: 24.03.2017.
9. Морина, Л. П. Ритуальный танец и миф // Серия «Symposium», Религия и нравственность в секулярном мире. Выпуск 20/ Материалы научной конференции. 28-30 ноября 2001 год Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С.118-124.
10. Осин, Е. Н. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия [Электронный ресурс] // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М. : Ин-т социологии РАН, 2008. – Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf. – Дата доступа: 24.11.2017.
11. Осин, Е. Н. Переживание одиночества и отношение к одиночеству как предикторы субъективного благополучия // Личность как предмет классической и неклассической психологии: материалы XIII Международных чтений памяти Л.С. Выготского / под общ. ред.: В.Т. Кудрявцева. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2012. – С. 172–178.
12. Чехов, А. П. Тоска // Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982. , Т. 4. С. 326-330.
13. Barker, C. Psychotherapy and social support: integrating research on psychological helping / C. Barker, N. Pistrang // Clinical Psychology Review. – 2002. – Vol. 22. – P. 361–379.
14. Carstensen, L. L. Selectivity theory: Social activity in life-span context / L. L. Carstensen // Annual review of gerontology and geriatrics, ed. K. W. Schaie. – New York: Springer, 1991. – Vol. 2. – P. 195–217.
15. Cassel, J. The contribution of the Social Environment to Host Resistance. / J. Cassel. // American Journal of Epidemiology. – 1976. – P. 107–123.

16. Cobb, S. Social support as a moderator of life stress / S. Cobb // *Psychosomatic Medicine*. – 1976. – № 38. – P. 300–314.
17. Cohen, S. E. Stress, Social Support, and the Buffering Hypothesis / S. E. Cohen, T. A. Wills // *Psychological Bulletin*. – 1985. – № 98 (2). – P. 310–357.
18. Gleason, M. Social Support / M. Gleason, M. Iida // *APA Handbook of Personality and Social Psychology*, eds. J. Simpson, J. Dovidio. – Washington, DC: American Psychological Association, 2015. – Vol. 2 – P. 351–370.
19. Hirsh, B. Natural support systems and coping process: Creating personal communities / B. Hirsh // *Social networks and social support*, ed. Gottlieb B. G. – Beverly Hills, CA: SAGE Publication, 1980. – P. 149–170.
20. Procidano, M. E. Measures of Perceived Social Support from friends and from family: three validation studies / M. E. Procidano, K. Haller // *American Journal of Community Psychology*. – 1983. – Vol. 11, №1. – P. 1–24.

Д-р Монтсеррат Газ-Айксендри
Д-р Бэлен Заратэ Риверо
Институт углубленного исследования семьи
Международный университет Каталонии (Барселона, Испания)

СЕМЬЯ КАК ПРОСТРАНСТВО СОЛИДАРНОСТИ/ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОКОЛЕНИЯМИ. КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ СТАРЕЮЩЕГО ОБЩЕСТВА: ИССЛЕДОВАНИЕ В ИСПАНИИ

На сегодняшний день осознание важности изучения вопроса семьи носит актуальный и значимый характер. Институт углубленного исследования семьи Международного университета Каталонии уже более 15 лет сосредотачивает свою деятельность на исследовании и изучении темы семьи, используя методологию междисциплинарного подхода с помощью таких наук, как философская антропология, семейное воспитание (семейная педагогика), социология, психология, изучение семейных отношений как составляющего аспекта воспитания и формирования интегрального развития человека.

Институт производит свою деятельность в трех направлениях: предоставляет курсы для подготовки специалистов семейного консультирования, исследует тему семейной политики и ее внедрения и производит исследования в области семейной солидарности.

Работа Института движется в парадигме реляционной теории, разработанной итальянским социологом Пьер Паоло Донати. Эта теоретическая основа была доказана многочисленными эмпирическими исследованиями в области семейной жизни, социологии (социальный капитал), гражданственности (общественное благосостояние и социальная политика).

Реляционная теория общества заключается в том, что любое явление или социальное строение – это отношения и состоящие из отношений, которые различают форму и содержание каждого конкретного общества. Социальные отношения должны пониматься не как случайная, вторичная или произвольная реальность других лиц или систем, но как реальность *sui generis*. Профессор Пьер Паоло Донати считает, что семья должна быть изучена с точки зрения внутреннего подхода и через реляционную парадигму, поскольку только таким образом возможно узнать ее истинное значение для других социальных подсистем. Донати не только рассматривает семью как систему взаимоотношений внутри себя, но как субъект отношений с государством и другими агентами общества. Вот почему его научный вклад в области семейной политики столь актуален. Донати предлагает новый подход в изучении общества через семью; и дает данному институту ключ к пониманию и противостоянию парадоксам современного общества.

В рамках Института и следуя методологии, предложенной Пьером Паоло Донати, нами было проведено социологическое исследование «Пожилые родители, поколения и семейная солидарность», углубленное изучение данной темы открыто для других наук, в основном, психологии. Для определения различных аспектов солидарности между поколениями в семье был произведен опрос, состоящий из 99 вопросов. Полевые работы (ноябрь-декабрь 2016 г.) позволили собрать 629 опросов в выборке по квотам жителей в возрасте от 65 до 74 лет с живыми детьми по всей Испании. Всего в 2015 году в стране насчитывалось 2 283 406 жителей в возрасте от 65 до 74 лет. В конечном результате для анализа было отобрано 608 анкет, соответствующих требованиям.

Цель исследования проследить количество и качество отношений, обмен ресурсами, индивидуальными целями, семейными нормами и ценностями, которые оказывают влияние на другие важные социальные сферы: соседей, друзей и т.д., на основе этих данных провести статистический анализ на основе теории Бенгтсона и Робертсона (1991).

По результатам 608 анкет представленной выборки испанского населения данной возрастной категории мы пришли к выводам, которые мы приведем ниже. Прежде всего, прослеживалось реальное наличие отношений во времени и пространстве различных

поколений, что одновременно укрепляет эти аспекты и облегчает солидарность между поколениями.

В Испании явно преобладает позитивное расположение родителей по отношению к своим детям в терминах гордости и благодарности. Чувство благодарности к детям и внукам также является преобладающим и стоит выше значимости других людей или жизненных ценностей. Также была отмечена высокая степень удовлетворенности родителей от выполнения своих обязанностей в качестве родителей.

97,2% (34,2% согласны и 63,0% полностью согласны) родителей, считающих, что они сделали все возможное для благополучия своих детей. С утверждением «Я думаю, что мои дети довольны тем, что они получили от меня как отца / матери» 93,7% согласны (46,5% согласны и 47,2% полностью согласны). 97,6% родители считают, что у детей хорошее мнение о них, а 95,8% считают, что у них были хорошими отцом / матерью для своих детей. В целом, женщины всегда выражают более позитивные чувства, чем мужчины.

Несмотря на это, оказанная детям помощь со стороны опрошенных родителей была сосредоточена на профессиональном аспекте, уделяя меньшее внимание поддержки формированию семьи и рождению детей. Безусловно данный фактор оказал влияние на возрастающую нестабильность в испанских семьях и низкий уровень рождаемости, который мы переживаем сегодня.

В исследовании был прослежен высокий уровень взаимодействия со стороны детей, особенно в выражении любви и уважения, и малый показатель оказания помощи в случае болезни или экономической поддержки. В целом пожилые люди в Испании считают, что они оказали большую помощь нежели ту, которую они получили от других, это наводит нас на мысль о том, что молодое поколение имеет меньшую способность заботиться о старших.

Что касается нормативной солидарности, то поколение пожилых людей в большинстве своем воспринимает понятие долга, как необходимость делать все возможное ради детей, несмотря на любые жертвы, считая при этом, что дети не должны отвечать тем же по отношению к ним.

Что касается социального капитала, показатели исследования указывают на то, что пожилые люди, живущие в одиночестве, воспринимают себя более старыми, имеют худшее состояние здоровья, менее активны, более пессимистичны и проявляют больше жизненной неудовлетворенности. Часто совпадает, что именно у этих людей семейные и дружеские связи менее тесные, взаимоотношения менее интенсивны и как следствие очень низкий социальный капитал. Можно утверждать, что "жизнь в одиночестве усиливает состояние старения и более связана с риском потери личной автономии".

Причина, по которой это случается, не сводится к одному источнику. У некоторых людей не было детей, у других есть только один ребенок, а у некоторых дети живут в другой стране. С другой стороны, наше общество претерпело растущий процесс индивидуализации, самодостаточность была возведена в ранг абсолютной ценности, когда на самом деле мы являемся взаимозависимыми существами и нуждаемся в окружающих, особенно на последнем жизненном этапе.

Согласно результатам нашего исследования, наибольший показатель принятия человека себя как пожилого – это физическое состояние: потеря когнитивных способностей; одиночество и потеря одного или нескольких близких людей, отсутствие проектов на будущее и незнание как провести время.

Среди беспокойств самые высокие показатели связаны с состоянием здоровья и затем с отношениями в семье и, особенно, связанное с восприятием себя бременем для семьи, или неимением человека, который мог бы заботиться будущем, переживание оставаться в одиночестве.

Наконец, можно сослаться на общий уровень удовлетворенности респондентов и их ценности. Это отражает очень важный факт: семья является первым источником удовлетворения, которая стоит над другими аспектами, особенно материальными и финансовыми. Это также значение, которое появляется в первую очередь на шкале.

Большинство ценностей, которые появляются в первых местах – это нематериальные блага, а последние – деньги, власть и секс, более материального содержания.

Это показывает распространенность первого типа значений среди членов этого поколения. Вместе с тем следует отметить, что духовность и религия не занимают первое место. Это может быть показателем секуляризации испанского сознания за последние 50 лет. Институциональное установление религии потеряло свою значимость, однако сохранились присущие ей моральные ценности (солидарность, уважение, верность, ответственность, семья и т. д.).

Анализ гендерных результатов опрошенных показывают нам, что женщины в целом более склонны поддерживать отношения солидарности между поколениями с всегда более высокими и более позитивными ценностями. Особое внимание уделяется аффективной поддержке и поддержке детей в создании их собственной семьи. Стоит также отметить, что женщины получали переписку от своих детей. Аналогичным образом, именно дочери больше всего помогают родителям, в то время как помощь отцов и матерей чаще направлена на детей мужского пола. Уровень благодарности за детей и внуков также значительно выше у женщин, чем у мужчин.

Рекомендации укрепить прочность семейных связей. Наше общество переживает прогрессирующий процесс индивидуализации, а иногда автономия воспринимается как абсолютная ценность, когда мы на самом деле взаимозависимые существа, и мы нуждаемся в окружающих, особенно на последнем этапе жизненного пути.

Способствовать установлению и развитию семейных и дружеских связей, интенсивные и частые взаимоотношения, и разработать меры по увеличению первичного и вторичного социального капитала людей.

Разработать системы участия старшего поколения в общественной жизни, не ради избегания впечатления того, что это поколение не включено в общество, а потому, что их богатый жизненный опыт может стать бесценной помощью. Кроме того, это память, которую мы, как общество, не должны и не можем потерять.

Пищик Влада Игоревна
доктор психологических наук, профессор,
Донской государственной технической университет (ДГТУ),
профессор кафедры психологии образования
и организационная психология
344000 г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
E-mail: vladaph@yandex.ru

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СЕМЬИ¹

Аннотация. Проблемы современной семьи: смена поколений, растворение семейных ценностей, ротация семейных ролей, новые воспитательные технологии в семье. Поколенческий конструкт, представленный в науке. Особенности поколений и их взаимосвязь с моделями семьи. Современная семья: мифы и реальность. Социально-психологические характеристики семьи пост-формы.

Ключевые слова: семья, поколения, проблемы современной семьи, текучая современность

Pishchik Vlada Igorevna
doctor of psychological sciences, professor,
Don State Technical University (DSTU),
professor of the Department of Educational Psychology
and organizational psychology
344000 Rostov-on-Don, pl. Gagarin, 1,
E-mail: vladaph@yandex.ru

PRINCIPAL MEASUREMENTS OF THE SOCIAL-PSYCHOLOGICAL MODELS OF THE FAMILY

Abstract. Problems of the modern family: the change of generations, the dissolution of family values, the rotation of family roles, new educational technologies in the family. The construct of generations, represented in science. Features of generations and their relationship with family models. Modern family: myths and reality. Socio-psychological characteristics of the post-form family.

Key words: family, generation, the problems of the modern family, fluid modernity.

В мире текучей реальности институт семьи претерпел существенные трансформации, то есть изменились формы организации совместной жизнедеятельности людей. Это обусловлено многими факторами: сменился экономический строй в стране, изменились социальные реалии, культура находится в кризисе. Статистика последних лет показывает, что разводом оканчивается каждый второй супружеский союз, в то время как 10 лет назад разводилась каждая третья пара. Таким образом, число бракоразводных процессов возросла в 1,5 раз. В своей статье мы рассмотрим основные взгляды на типы семьи с поколенческих позиций. В своей концепции поколений мы будем опираться на следующую типологию поколений (Табл. 1).

В прошлом доперестроечном мире институт семьи предполагал традиционность [2] в отношениях членов семьи. Он нес стабильность, надежность, защищенность. Преобладали

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 18-013-00910 «Динамика ценностей поколений как маркер трансформации социальных отношений в российском обществе»

патриархальный, эгалитарный и матриархальный типы семьи. Отсутствие семьи у человека рассматривалось как нечто неординарное. Отношения в традиционных семьях предполагали доминирование матери или отца, или сменяемость доминирования в семье, разделяемую ответственность супругами, эмоциональную близость, осознанность отношений, преобладали роли хозяйки или хозяина у супругов. Авторы [2] отмечают, что в советской семье проявлялось поддерживаемое государством материнство, отсутствовало отцовство, воспитание детей разделялось с государством, преобладали репродуктивные установки в отношениях супругов, а не сексуальные.

В основном это были супруги традиционного поколения, дети войны, в американской интерпретации - поколение Бэбби – бум [7]. Многие из них в своем детстве росли без отцов, воспитывались в жесткой дисциплине, бережливости, уважении старших, страхом перед КГБ. В семейных сценариях детям из таких семей транслировались последовательные правила жизни, с общественной ориентацией, ценностями коллективизма. Советское поколение - это носители традиционной ментальности.

Поколение X или переходное поколение - это дети традиционного поколения, поколения «с ключом на шее». Воспитывались также очень строго, обучались самостоятельности. Именно этих детей отдавали в 3 месяца в ясли, иначе мать была бы признана тунеядкой. Поэтому они проявляли самостоятельность, жили в строгости, повинении учителям, родителям, старшим. Верили в романтическую любовь, мечтали стильно одеваться, росли в период дефицита. Верили в державность страны, гордились полетами космонавтов в космос. Жили в дисциплине пионерского, комсомольского движений. Были ориентированы на кружки, секции, реализовывали свои таланты. Ценили дружбу. Представители переходного поколения в ранней зрелости, будучи в браке пережили перестройку. У многих супругов это пришлось на начало брака. Во многом это разрушило некоторые семьи. Те, кто адаптировались к переменам в период перестройки, тяжело возрождались, меняли профессии, социальное окружение. Представители переходного, X поколения болезненно пережили Афганскую войну, многие их соратники погибли, а те, кто вернулся, были глубоко травмированы этой войной. Исходя из этих реалий, поколение нами было названо, как «переходное», поскольку они пережили смену экономической формации с планового социализма в рыночный, стихийный капитализм.

Таблица 1 – Типы поколений

1947 —1964	«Традиционное» (традиционные – носители традиционной ментальности)	Хрущевская оттепель Война во Вьетнаме; распространение рок-музыки и сексуальная революция; полет человека в космос
1965 —1982	«Переходное поколение» (переходные- носители переходной ментальности)	Космические достижения. 1968 г.: Красный май и вторжение в Чехословакию; Афганская война (1979— 1989), эра персональных компьютеров;
1983 —1999	«Информационное поколение» (инновационные- носители инновационной ментальности)	Буря в пустыне; развитие связи, компьютерных технологий; распад СССР; первая чеченская война, новый всплеск Терроризма
2000 —2017	«Новое поколение» (постинновационные-носители постинновационной ментальности)	Сетевое общение; Война в Чечне, Ираке; Мировой кризис; Война в Украине; Война в Сирии
2018 — 2035	«Поколение глобального прорыва» (формирование новой, традиционной ментальности)	Прорыв в медицине, биологии, космических, компьютерных технологиях, виртуальные деньги, образование колоний на Марсе, чиповые имплантаты и т.д.

Поколение Y, информационное поколение дети родителей поколения X столкнулись с персональным компьютером, на них бесконечно экспериментировали школьные программы, пробные ЕГЭ. Они со страхом думали о Чеченской войне. Межнациональная рознь вызывала также тревогу. Миграция внесла разлом отношений во многие классы школ. Они росли более отчужденными в отношениях, но ориентированными на результаты деятельности. Впервые они столкнулись с мошенничеством при устройстве на работу. Стали популярны гражданские браки. Родители поколения X сами вовлекались в отношения требующие проверки на прочность отношений в гражданском браке их детей. Представители информационного поколения несколько недоверчиво относятся к миру, поскольку также пережили с родителями перестройку. Они верят в непостоянство мира. Это поколение носители инновационной ментальности, с индивидуалистическими ориентирами.

Следующее поколение мы назвали «новое». Оно столкнулось с отсутствием модальностей бытия по Хайдеггеру: преодоление расстояний, обдумывания, последовательности, традиции [6].

Современный мир неустойчив, ненадежен, уязвим [1, с. 173]. Представители поколений испытывают неуверенность (в себе, в других, в общественных институтах, в сохранении будущей стабильности), ненадежность (прав, работы). Связи и партнерство рассматриваются как вещи, которые надо использовать, а не создавать [там же, с. 176]. Незначительные заминки воспринимаются как глобальные и отношения распадаются. Представители поколений не хотят идти на компромисс, если это не приносит сиюминутного удовлетворения. Связи и партнерство рассматриваются как вещи, которые надо использовать, а не создавать [там же, с. 176]. Незначительные заминки воспринимаются как глобальные и отношения распадаются. Так оценивают современную ситуацию ученые. И так его видит сетевое, новое поколение Z.

Новое поколение живет в ситуации страха перед кризисами, терроризмом, эпидемиями, глобальным потеплением, генномодифицированными продуктами. Но они и видят виртуальность мира, его ложность и вместе с тем, параллельность мира, многопространственность. Противоречивые послания СМИ порождают недоверие власти. Школа становится плацдармом великих экспериментов, начетничества, свободы отношений. Семья не становится обязательным канонem. Для многих из представителей нового поколения Z институт брака пугает, ограничивает свободу, порождает зависимость. Им комфортно в сетях под ложными именами, фотографиями на форумах. Главная ценность - быть оригинальным, ни таким как все. В гаджетах и технологиях они разбираются лучше, чем в эмоциях людей. Зато семья для них будет большой ценностью: это единственное, что безопасно [8]. Но, что для них семья? И вместе с тем, как отмечают ученые [3] представители нового, поколения Z очень похожи друг на друга во всем мире. Представители нового поколения являются носителями инновационной ментальности.

Сегодня зародились новые типы семьи – псевдопатриархальный [4], псевдоматриархальный, гражданский брак поскольку в отношениях супругов в этих типах семьи многие позиции скрываемы и неявны, велика степень непредсказуемости в поведении партнеров. псевдопатриархальный профиль отношений супругов в семье характеризуется инструментальностью (направленность на различные сферы семьи), диффузностью (множественный предмет отношений), неформальностью, гетерогенностью (позиции жены и мужа различаются).

Некоторые авторы утверждают, что произошел переход к эгалитарной семье, где права супругов уравниваются [].

Как мы видим, сменяются поколения, их тип ментальности, возможно, сменяются и типы, модели семьи, семейных отношений.

Мы провели сравнительное исследование с аспиранткой З.В. Спивачук [5] различных моделей семьи. Приведем результаты данных по двум типам семьи – патриархальный тип и псевдопатриархальный. В исследовании приняли участие 480 человек (брачные пары), проживающих в республике Крым. Посредством анкетирования группа 96 человек – 48

мужчины и 48 женщины была отнесена к патриархальному типу семьи. Группа 122 человека – 61 мужчина и 61 женщина – супружеские пары были отнесены к псевдопатриархальному типу семьи.

Применялись авторская анкета «Определение типа семейно-брачных отношений» (З.В. Спивачук); методика К. Томаса (адаптация Н.В. Гришиной); методика рисуночной фрустрации С. Розенцвейга; методика отношения к Значимому Другому (Ю.В. Александрова и А.А. Бодалев); методика «Особенности распределения ролей в семье» (Ю.Е. Алешина; Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская); методика «Маскулинности-фемининности» (С. Бем).

Было установлено, что в патриархальном типе отношений преобладают у супругов: потребности в совместной деятельности; интерес к интеллектуальным способностям, знаниям, опыту другого; отрицательное эмоциональное отношение к другому; оценки качеств другого.

Предпочитаемый тип поведения в конфликте у супругов сотрудничество и приспособление. Роли в семье – «Уход за младенцем», «Воспитатель», «Хозяин-хозяйка». Преобладает маскулинность и фемининность. Фиксация на самозащите, экстрапунитивная установка (в процессах общения эта установка выражается во враждебном, агрессивном отношении к людям), фиксация на препятствии.

В псевдопатриархальном типе отношений преобладают у супругов потребность в общении; интерес к личности, переживаниям чувств другого; отрицательное эмоциональное отношение к другому; оценка поступка другого; нравственная сущность выражена к идентификации с положительным героем.

В псевдопатриархальной семье преобладают стратегии в конфликте: соперничество, компромисс, приспособление.

Доминирующие роли – «Ответственный за материальное обеспечение», «Секс-партнер», «Организатор семейного досуга». Выражены и фемининность, маскулинность, но доминирует больше андрогинность. Импунитивная (склонность постоянно обвинять за все неудачи внешние обстоятельства) установка в общении, фиксация на удовлетворении потребностей, на препятствии.

Гражданские браки – это тоже новая форма брачных отношений. **В России в гражданском браке проживают около половины всех пар.** По статистике, проживание в гражданском союзе в течение 1 года подталкивает на официальный брак 18% пар, в течение 2 лет — 20%, в течение 3 лет — 17%. Основной причиной для регистрации брака, является планирование ребёнка. В России, по статистике пары, оформившие отношения после проживания в гражданском браке разводятся на 30% реже, чем супруги, не проживающие вместе до официального брака (<http://helprazvod.ru/okolorazvoda/statistika-brakov-i-izmen.html#grazhdanskiy-brak-i-registraciya-otnosheniy#ixzz5F6aAlmeL>). При этом установлено, что пары, живущие в гражданском браке, ссорятся чаще, чем официально расписавшиеся.

У супругов, проживающих в современных типах брака, существует негативное мнение, свидетельствующее о непривлекательности классического типа брака как явления. Для супружеских пар типичным социально-психологическим стереотипом является внешняя декларация отсутствия личностного смысла в классических брачно-семейных союзах. Последнее формирует стереотипы, опосредующие возникновение размытых представлений о критериях и специфике межличностных отношений супругов в браке.

Для супружеских пар из псевдопатриархального типа семьи характерно отсутствие сформированности четких представлений о критериях полоролевых функций мужчин и женщин в семье. Диффузными являются также представления о критериях благополучия межличностных отношений в семье.

С одной стороны, преобладание инновационной ментальности у нового поколения показывает, что представители поколения будут стремиться к новым формам брака. С другой стороны, нами было установлено, что в ментальности нового поколения архетипы и отношения попадают в зону традиции. Отсюда следует, что в браке и дружественных

отношениях они будут походить на предыдущие поколения. Это поколение не принимает неопределенного будущего, им нужны конкретные сроки и быстрые результаты.

Список использованных источников:

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Верещагина А.В., Бандурин А.П., Самыгин С.И. Кризис института традиционной семьи в России и семейные траектории молодой семьи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/makrosotsiologicheskie-indikatory-riskov-sotsialnoy-dezadaptatsii-molodoy-semi-v-rossii>
3. Гаврилова А.В., Пищик В.И. Психологический портрет поколения Z // RESONANCES SCIENCE: Proceedings of articles the international scientific conference. Czech Republic, Karlovy Vary - Russia, Moscow, 11-12 February 2016 / Editors prof. V.I.Pishhik, N.G.Poteshkina, Ju.A.Medvedev. Electron. txt. d. (1 file 3,3 MB). Czech Republic, Karlovy Vary: Skleneny Mustek – Russia, Kirov: MCNIP, 2016.
4. Спивачук З.В. Социально-психологические особенности супругов с различными типами отношений в семье: Автореф. дисс. ...канд. психол. наук: 19.00.05. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2017. 22 с.
5. Спивачук, З.В., Пищик В.И. Отношения мужчины и женщины в условиях псевдопатриархальной семьи: социально-психологический взгляд // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 3. С. 108-114.
6. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 331 с.
7. Howe, N., Strauss, W. (1991) Generations: The History of Americas Future, 1584 to 2069. N.Y.: Quill William Morrow.
8. Prensky M. On the Horizon. MCB University Press, Vol. 9 No. 5, October 2001.

Васягина Наталия Николаевна
профессор кафедры психологии образования УрГПУ,
620017, г. Екатеринбург, Космонавтов пр-т, 26,
E-mail: vasyagina_n@mail.ru

Мазурчук Екатерина Олеговна
ассистент кафедры психологии образования УрГПУ,
620017, г. Екатеринбург, Космонавтов пр-т, 26,
E-mail: MazurchukE@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СЕМЬЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Аннотация. Статья содержит описание процесса становления понятия «семья» от Античности до современности в отечественной и зарубежной науке. Отмечается, что сегодня семья переживает кризис, что отражается на размытии ее как идентификационной общности. На современном этапе развития отечественной и зарубежной науки данное понятие трактуется с позиции двух подходов: семья как малая социальная группа и семья как институт воспитания.

Ключевые слова: семья, семья как институт воспитания, семья как малая социальная группа – социальный институт.

Vasyagina Natalia Nikolaevna
professor of the department psychology of education USPU,
620017, Ekaterinburg, Cosmonauts Ave, 26,
E-mail: vasyagina_n@mail.ru

Mazurchuk Ekaterina Olegovna
USPU,
assistant the department psychology of education
620017, Ekaterinburg, Cosmonauts Ave, 26,
E-mail: MazurchukE@yandex.ru

FORMATION OF THE CONCEPT OF «FAMILY» IN DOMESTIC AND FOREIGN SCIENCE

Abstract. The article describes the process of formation of the concept of «family» from Antiquity to modernity in domestic and foreign science. It is noted that today the family is in crisis, which is reflected in the erosion of its identity as a community. At the present stage of development of domestic and foreign science, this concept is interpreted from the position of two approaches: the family as a small social group and the family as an institution of education.

Key words: family, family as an institution of education, family as a small social group – social institution.

В психологии существует понятие «первичная группа». В многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях отмечается, что связи в такой группе строятся на непосредственных контактах и эмоциональном вовлечении ее членов в дела этой группы, обеспечивающем высокую степень слияния и отождествления, входящих в нее участников [2]. К такой первичной группе, на всех этапах развития представлений об этой понятии, можно отнести семью.

Выстраивая ретроспективу, становится очевидно, что «Семья» является одним из древнейших понятий. Интерес к ее рассмотрению, признанию непреходящей ценностью в науке оформился давно. Особую актуальность ее изучение приобретает при смене общественных приоритетов, что возможно проследить, углубляясь в анализ понятия «Семья» на разных исторических этапах. Следуя этой логике, можно предположить, что за прошедшие тысячелетия удалось накопить достаточно материала в сфере изучения семьи. Однако, учитывая динамичность изучаемого феномена, необходимо понимать, что семья претерпевает постоянные изменения под влиянием особенностей поколения, ее создающего [1].

Так, в Античности, с первых же попыток контекстного обращения к психологической проблематике в философских размышлениях, мыслители рассматривали семью как объект исследования. Особое внимание уделяли ее влиянию на человека, на его индивидуальное и социальное развитие. Первые упоминания о семье можно найти еще в трудах древнегреческих философов (Аристотеля, Геродота, Ксенофонта, Платона, Сократа и других). Они обращались к таким вопросам как:

- осмысление необходимости и смысла семьи для конкретного человека;
- выявление содержательной наполненности деятельности семьи, направленной на репродукцию человека «полезного обществу»;
- определение возможности влияния общества на семью, с целью получения от последней максимальной отдачи.

Продолжая исторический обзор представленности понятия «Семья» на разных исторических этапах перейдем к эпохе средневековья. Заметим, что в этот период понятие включало в себя «все домашнее хозяйство, людей, живущих под одной крышей или подчиняющихся власти одного человека. Кроме собственной семьи, в него входили все родственники, рабы, слуги и даже собаки». Ученые подчеркивают, что согласно историческим свидетельствам состав семейной системы полностью обусловлен социальным строем, экономическим укладом, образом жизни общества и его приоритетами.

На более поздних исторических этапах формирования представлений о понятии «Семья» особое значение имели позиции классиков различных психологических парадигм:

- психоаналитической (А. Адлер, Дж. Боулби, А. Фрейд, З. Фрейд, К. Хорни, К.Г. Юнг);
- бихевиоральной (Б. Скиннер, Дж. Уотсон);
- гуманистической (А.Г. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм).

В обобщенном виде указанные парадигмы рассматривают семью как источник и предпосылку трудностей, складывающихся еще в раннем детстве в результате взаимодействия с родительской семьей. Постулируется, что они переживаются человеком на более зрелых этапах его развития. Исследователи, работающие в указанных парадигмах, занимались поиском путей и способов преодоления таких нежелательных воздействий в семье.

Таким образом, проведенный исторический экскурс, дает нам основание говорить, что в каждой конкретной цивилизации состав, структура и функции семейной системы претерпевали существенные изменения. Категория «Семья» рассматривалась как не статичная, живая, развивающаяся, гибкая система, реагирующей адаптационными изменениями на смену общественных приоритетов.

Однако, по мнению ряда авторов, особую актуальность изучения понятия «Семья» приобретает в настоящее время, в условиях глобализации, ведущей к размыванию общественных приоритетов, что обуславливает распад идентификационных общностей, каковыми всегда были семья, Родина, общество, культура в целом [6].

Как отмечает Л.Я. Рубина, современная семья переживает глубокий кризис. По ее мнению, он является глобальным, проявляющимся во всех развитых странах. Она

утверждает, что его корни кроются в радикальных преобразованиях, которые произошли под влиянием индустриализации [5].

Однако, по мнению Ю.И. Алешинной, В.Н. Дружинина, А.С. Спиваковской и Э.Г. Эйдемиллер, семья способна отражать воздействия изменений, происходящих в обществе, так как обладает относительной устойчивостью к их влиянию. Выдвижение такого постулата становится возможным благодаря тому, что семья, несмотря на все изменения и трансформации, обусловленные эволюцией общества, смогла устоять как социальный институт.

Следует заметить, что указанные потрясения не остались совершенно незамеченными и на современном этапе взаимосвязь семьи с обществом ослабла. В настоящее время общество испытывает потребность в восстановлении ценностей, изучении новых тенденций и процессов, происходящих в современной семье, а также в систематической организации практического взаимодействия с ее членами. Это дает основание обратиться к более детальному рассмотрению характеристик содержания понятия «семья» сегодня.

Итак, ряд современных ученых сходятся во мнении, что многие стороны семьи как понятия детально изучены, но достаточно завершенное гносеологическое поле, связанное с этим явлением, еще не сформировалось [4]. Существует большое количество определений данного понятия, имеющих как обобщенное, очень широкое значение, так и сводящих ее до общего места проживания, совместного хозяйства.

Системный анализ всего многообразия определений понятия «Семья» позволил условно выделить в современной отечественной и зарубежной науке два, чаще всего встречающихся, подхода к ее рассмотрению. Первый определяет семью как малую группу (социальный институт), характеризующуюся определенной системой взаимоотношений. Второй рассматривает ее в контексте представлений о семье, как институте воспитания [3].

Характеризуя семью как малую группу, чаще всего, авторы (Б.Г. Ананьев, А.Я. Варга, Т.В. Лодкина, Н.Я. Соловьев, А.Г. Харчев) описывают ее как один из инструментов, который способен:

- обеспечить качественное взаимодействие личности (т.е. каждого члена семьи) с обществом;
- интегрировать и определять приоритеты и потребности в жизни каждого члена семьи и ее в целом как малой группы, включенной в общественное и межличностное взаимодействие.

Отметить, что в данном подходе указывается на то, что каждую семью как малую группу отличают наблюдаемые в ней социально-психологические явления и процессы, особенности эмоциональных контактов и индивидуально-психологические потребности ее членов.

В контексте второго подхода, определяющего семью как институт воспитания ученые (И.С. Андреева, А.И. Антонов, В.Сатир, Д.Фримен, Л.Б. Шнейдер) особое внимание уделяют рассмотрению ее воспитательной функции. Они делают это с позиции тех целей, которые ставят перед собой родители и средств, прав и обязанностей, которые они определяют для себя в процессе взаимодействия с детьми и реализации семейного воспитания.

Таким образом, рассмотренные в настоящей статье материалы, описывающие становления понятия «Семья» в отечественной и зарубежной науке, позволяют сформулировать следующие выводы. Семья являлась объектом исследований на протяжении всех этапов становления научного знания. С изменением социокультурной специфики угол зрения на нее смещался. Процессы, происходящие в современном обществе, обнажили кризис семьи, актуализируя потребность более детального изучения данной категории.

Список использованных источников:

1. Васягина Н.Н. Психологические проблемы семьи [Электронный ресурс] // сборник научных статей Москва-Екатеринбург, 2016 Режим доступа: http://psyjournals.ru/files/77710/sbornik_psychologicheskie_problemi_semji_sekcia_5.pdf
2. Захаров, А. И. Происхождение детских неврозов и психотерапия. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2000.
3. Мазурчук, Н. И., Мазурчук, Е. О. Современные подходы к трактовке понятия «семья» и «биологическая семья детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // Педагогическое образование в России. – 2017. – №3. – С. 110-115.
4. Овчарова, Р. В. Родительство как психологический феномен. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
5. Рубина, Л. Я., Айрапетова, С. Н., Пацук, А. С. Современная студенческая семья: функциональный и гендерный аспект // Педагогическое образование в России. – 2010. – №2. – С. 64-75.
6. Шнейдер, Л. Б. Современная семейная проблематика в социокультурном контексте // Психолого-педагогическое сопровождение семьи в реалиях современного социокультурного пространства: материалы Международной научно-практической конференции / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2012. – 231 с.

Айгумова Заграт Идрисовна
кандидат психологических наук, доцент,
Московский педагогический государственный университет,
профессор кафедры психологии образования
119435 г. Москва, Малая Пироговская, 1
E-mail: zagrata@mail.ru

РЕБЕНОК В БИЭТНИЧЕСКОЙ СЕМЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы идентичности ребенка в биэтнической семье, отмечается, что в осознании себя представителем того или иного этноса наблюдаются определенные отклонения от принятых характеристик этноса родителей. На эти отклонения влияют такие психосоциокультурные факторы как модель семейного воспитания, социальное окружение, языковая среда, традиционный факт, особенности личности.

Ключевые слова: внутрисемейные отношения, биэтническая семья, идентичность, этничность, «третья национальность», переэтнизация, самоидентификация.

Aygumova, Zagrat Idrisovna
candidate of psychological Sciences, associate Professor,
Moscow State Pedagogical University,
Professor of educational psychology Department
119435 Moscow, Malaya Pirogovskaya, 1
E-mail: zagrata@mail.ru

CHILD BI ETHNIC FAMILY: PROBLEM OF IDENTITY

Annotation. The article deals with the problems of identity of a child in a bi-ethnic family, it is noted that in the awareness of a representative of an ethnic group there are certain deviations from the accepted characteristics of the ethnic group of parents. These deviations are influenced by such psychosocial and cultural factors as the model of family education, social environment, language environment, traditional fact, personality traits.

Key words: intra-family relations, bi-ethnic family, identity, ethnicity, "third nationality", reethnization, self-identification.

Для решения проблем сопровождения эффективного родительства, как собственно, и для любых других психолого-педагогических проблем, важно иметь ввиду различные контексты. В данном сюжете нас интересует этнический контекст.

Этническое самосознание детей из биэтнических семей рассматривается в контексте его структурного компонента - этнической идентичности. Этническая идентичность представляет собой мотивационно-когнитивное ядро этнического самосознания, опосредствующего межэтническое взаимодействие. Данная позиция позволяет понять особенности этнической идентичности детей, у которого родители принадлежат разным этносам.

В рамках данного исследования придерживаемся идеи, что семья является продуктом исторического и общественного развития. Личность развивается вместе с развитием сознания и самосознания, которые определяются обобщением того способа жизни и тех рефлексий на окружение, уровня которого достигла она в процессе своей жизни.

Выделенные методологические ориентиры определили структуру теоретического и

эмпирического анализа данного исследования.

В зависимости от специфики внутрисемейных отношений дети из биэтнических браков будут выступать носителями той или иной этнической идентичности. Так если в семье родителям удастся выстроить демократические межличностные отношения, то дети чаще всего будут носителями этнообъединяющих интегрированных межэтнических черт. В работах большая часть испытуемых (64,3%) выбирают для себя этничность наиболее авторитетного из родителей. Надо сказать, что на эмпирическом уровне механизмам влияния семьи на формирование этнической идентичности до настоящего времени не уделялось достаточного внимания [4, 368 с.].

Для детей, выросших в биэтнических семьях, присущи такие феномены современности как «биэтническая идентичность» (Стефаненко), «третья национальность» (Левкович), переетнизация (Ешич).

В работах по межэтническим отношениям и межэтнической толерантности отмечают, что «мерой близости», фиксирующей дистанцию межэтнических отношений, как правило, выступает оценка желательности присутствия представителей тех или иных этнических групп в своем социальном окружении (шкала социальных дистанций Богардуса).

Заметим, что сама возможность супружества с представителями другого этноса в данном случае является мерой, позволяющей оценить возможности максимальной степени близости к собственному «Я» - включение представителей иного этноса в наиболее интимный круг социальных отношений и связей, а, следовательно, и степень межэтнической толерантности [3, С.154]. Анализ результатов исследования показал, что среди русских юношей и девушек доля тех, кто считает, что «русская национальность будущего супруга важна» невысока (меньше 10% всех опрошенных). Опросы среди еврейских студентов показали, что примерно для трети опрошенных принадлежность будущего партнера к еврейской национальности очень важна. Причем, среди детей от гетерогенных браков доля таких «непримиримых» гораздо ниже – менее 10% [3, С. 153 – 155]. Замечено, что они чаще других своих сверстников вступают в биэтнические браки.

Респонденты, чье этническое происхождение является гетерогенным (смешанным), значительно легче заключают биэтнические браки: гетерогенные русские образуют биэтнический союз в два раза, а нерусские в 1,5 раза чаще, нежели гомогенные [2, С. 92].

Необходимо учитывать, что в семьях, принадлежащих к разным этническим группам, значимым для формирования идентичности могут оказаться различные аспекты культурного «фона» [2, С. 92]. Это подтверждается результатами исследований В.С.Собкина и А.Г.Владимирова: у религиозных студентов-евреев выше доля тех, кто «гордится тем, что принадлежит к данной национальности», чем у нерелигиозных евреев, фактор неоднородности этносов родителей здесь не играл особой роли; можно только подчеркнуть сильное влияние матери-еврейки в биэтническом браке на формирование позитивной еврейской идентичности у молодых людей (ответы детей из биэтнических браков, где мать – еврейка, практически не отличаются от ответов тех, у кого оба родителя евреи) [3, С.155].

Самоидентификация проблематична для выходцев из биэтнических браков: они могут считать себя членом этнической группы одного из родителей, ориентироваться на две этнические общности (хотя идентификация с каждой из них может быть не всегда равнозначной) или выбирать для идентификации третью национальность. Выбор подростков может быть обусловлен как психологической мотивацией сохранения позитивного самоотношения, обеспечиваемого ощущением принадлежности к группе доминантного большинства, так и рациональным принятием «защитной национальности», которая в дальнейшем принесет им меньше проблем [4, 368 с.].

Решающее влияние имеет факт традиции, который играет свою роль в выборе - китайцы, женившись на русских, непременно записывают своих детей китайцами; ребенок, рожденный монголкой, - монгол всегда. В России этничность детей определяют по отцу. 87% детей выбирают этничность отца [2, С. 92].

В.С. Собкин считает, что биэтнический брак отнюдь не является фактором, определяющим ассимиляцию на уровне этнической самоидентификации. Напротив, практически три четверти детей, рожденных в биэтническом браке (русский – еврей), на этапе юношеского возраста самоидентифицируют себя как евреи. Национальность матери оказывает существенно большее влияние на этническую самоидентификацию девушек: 86,4% тех, у кого матери-еврейки, напротив 66,2% тех, у кого отцы-евреи. Из этого следует, что при этническом самоопределении девушки механизм полоролевой идентичности с матерью оказывает большее влияние. Хотя еврейская этничность матери оказывает существенное влияние на самоидентификацию и молодых людей – юношей, в особенности это проявилось в выборе декларируемой идентичности (официальной национальной меткой): когда мать – еврейка, а отец – другой национальности в подавляющем большинстве случаев самоидентификация и официальная метка совпадают (соответственно 79,1% и 67,4%); когда отец-еврей, а мать другой этничности – соотношение 85,0% к 39,6%. Этничность матери оказывает существенное влияние и на вероисповедание юношей. Авторы связывают это с социокультурной ролью еврейской матери: традиция определять этничность по матери; называют это феноменом «удержания» матерью именно сына в пространстве еврейской идентичности, традиции и культуры.

Ученые выявили интересный феномен касательно этнической идентичности молодежи (студентов), родители которых принадлежат к разным этносам. Выделилась группа (5,6%) среди тех, кто идентифицирует себя как еврея, 0,4% - среди тех, кто называет себя русским), у которых оба родителя имеют иную национальность по сравнению с тем, как идентифицируют себя сам респондент. Авторы приходят к выводу, что в этом случае национальную самоидентификацию молодые люди строят на основе национальной принадлежности представителей более старшего поколения (бабушек и дедушек). Иными словами, здесь фиксируется своеобразный «возврат» детей через поколение к национальности предков, причем в группе этнического меньшинства эта тенденция гораздо более выражена. Т.Г. Стефаненко называет это явление «семейная память». Такое же явление заметили В.П.Левкович и Кузмикайте, когда исследовали школьников в Литве: часть респондентов, чьи родители не были представителями русской национальности, но обучавшиеся в русской школе, идентифицировали себя как русских.

Немаловажную роль в определении этнической идентичности играет личность человека, его социальная зрелость; поскольку только зрелый в плане социальной идентичности человек, обладающий устойчивой Я-концепцией и образом мира, владеющий культурой толерантности в межэтническом общении, обладает и позитивной этнической идентичностью, которая дает ощущение психологической безопасности и стабильности. Так, например, анализ результатов социологического опроса среди московских школьников 7-11-х классов, где были выделены среди других группа подростков из биэтнических семей, идентифицировавших себя как русские, а также группа подростков из биэтнических семей, идентифицировавших себя с этническим меньшинством относительно эмоционального принятия/непринятия своей этнической группы показал, что фактор этнической смешанности оказывает существенное влияние на позитивное переживание собственной этнической идентичности. Дети от биэтнического брака реже испытывают чувство гордости относительно собственной национальности, причем, если для тех, кто идентифицирует себя с русскими, чаще звучал ответ, что «собственная национальность не имеет значения», то среди тех, кто идентифицирует себя с нерусскими, каждый седьмой испытывает чувство «стыда» в ситуации этнической самоидентификации. Мальчики из этой же группы характеризуются повышенной аффективностью и конфликтностью, которая, как считают исследователи, связана с «неудовлетворенностью» собственной этнической принадлежностью. Они считают себя «недостаточно русскими» [3, С.153]. Нам представляется, что это связано недостаточной личностной зрелостью младших подростков. Как отмечает Т.Г.Стефаненко респонденты, обладающие наиболее ясным чувством Я в терминах личностной идентичности, одновременно наиболее уверены в своей этнической

принадлежности и ее значении для жизни». Невысокий уровень личностной зрелости становится предпосылкой этнической интолерантности. Напротив, у молодых людей с высоким уровнем личностной зрелости важное место в структуре личности занимает категория терпимости к новым, незнакомым им явлениям и культурам, и удовлетворенности своим социальным окружением в целом [1, С.84].

Итак, отметим, что процесс формирования идентичности личности в биэтнической семье протекает весьма своеобразно. В осознании себя представителем того или иного этноса наблюдаются определенные отклонения от принятых характеристик этноса родителей. На эти отклонения влияют такие психосоциокультурные факторы как модель семейного воспитания, социальное окружение, языковая среда, традиционный факт, особенности личности (его мотивы, степень уверенности в себе, самостоятельности и активности в процессе формирования этнических предпочтений и собственных оценок иноэтнических групп, уровень интеллектуального развития).

Как и любой феномен этническая идентичность детей из биэтнических семей может иметь разные линии развития – это может и достаточно сложные варианты связанные с личностными проблемами, но и может вариант где усиливается собственный ресурс, обогащает его, расширяет возможности. Дети вырастут в насыщенной воспитательной среде, они будут знать два языка, две культуры. Как правило, такие бикультурные дети более устойчивы в социуме, лучше адаптируются в разной среде

Список использованных источников:

1. Козлова А. Проблемы и механизмы развития психолого-социальной идентичности в юношеском возрасте // Идентичность и толерантность. Отв.ред. Лебедева Н.М.- М., 2002. - С.84-85
2. Рыбаковский Л.Л. Этнический фундамент населения России// Социологические исследования. 2001, №4, С.92
3. Собкин В.С., Глухова Т.В., Мутерперель В.С.. Национальная идентичность и межнациональная толерантность в подростковом возрасте// Возрастные особенности формирования толерантности. Под ред.В.С.Собкина. – М.: Центр социологии образования РАО, 2003. – С.153 – 155
4. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : учеб. для вузов / Т. Г. Стефаненко. - 4-е изд., испр. и доп. - М. : Аспект Пресс, 2009. - 368 с.

Филиппова Галина Григорьевна
доктор психологических наук, профессор,
ЧУ ДПО «Институт перинатальной и репродуктивной психологии», ректор
125080 г. Москва, Волоколамское шоссе, 1, стр.1
E-mail: filippova_galina@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ МАТЕРИ: НОВОЕ ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МАТЕРИНСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается явление в современном материнстве, которое можно обозначить как «эмоциональное выгорание матери». Выделяются факторы, обуславливающие появление этого феномена, обсуждается роль современных психологических подходов в формировании общественного мнения и установки современных женщин на достижение образа «идеальной матери». Обсуждаются изменения в семейной структуре и распределении заботы о ребенке в семье, негативно влияющие на эффективность материнской деятельности.

Ключевые слова: перинатальная и репродуктивная психология, эмоциональное выгорание, материнство, родительство.

Filippova Galina Grigorievna
doctor of psychology, professor,
Institute of Perinatal and Reproductive Psychology, rector
125080 Moscow, Volokolamskoe highway, 1, building 1
E-mail: filippova_galina@mail.ru

MOTHER,S BURNOUT SYNDROME: A NEW PHENOMENON IN MODERN MATERNITY

Abstract. The article discusses a phenomenon, which can be described as "burnout mother." To identify the factors causing the emergence of the phenomenon of emotional burnout of mothers, the role of the modern psychological approaches in the formation of public opinion and the installation of women to achieve image of the "ideal mother." Author discusses changes in family structure and the allocation of caring for the child in the family negatively affects the effectiveness of the parent activities.

Key words: perinatal psychotherapy, emotional burnout, motherhood, parenthood.

В практике психологического консультирования в последние годы появился новый запрос от матерей, воспитывающих детей младенческого и раннего возраста. Специфика запроса этих женщин состоит в том, что у них присутствуют сильное стремление быть «хорошей матерью» и одновременно выраженные признаки хронической усталости и весь «классический» набор проявлений эмоционального выгорания. Этих женщин утомляет и истощает постоянная и бессменная забота о ребенке, при этом они испытывают одновременно чувство вины за то, что не находят в себе ярко выраженного эмоционального стремления к ребенку, и одновременно чувство неудовлетворенности отношением к себе близких, которые не ценят их самоотверженный материнский труд. Данный феномен можно обозначить как «эмоциональное выгорание матери». Это определение возникло по аналогии с понятием эмоционального выгорания, применяющимся в психологии и психотерапии профессиональной деятельности.

Причиной такой позиции современных молодых матерей является, в частности,

активное проникновение в общественное сознание идей психологии материнства и диадических отношений. В конце прошлого и начале нашего столетия популярными стали представления об «эксклюзивной» роли матери в раннем развитии ребенка. И в результате появился некий «идеальный образ матери»: «хорошая» мать идеально понимает своего ребенка, всегда все делает правильно, она «эксперт» буквально во всех аспектах выращивания и воспитания детей, но главное – все это она делает легко и непринужденно и с удовольствием. И конечно же никогда не устает и тем более не раздражается на ребенка, да еще при всем этом прекрасно выглядит.

Эта картина никак не соотносится с реальностью. Понять особенности проблем современных матерей можно с позиции современной психологии, в которой родительство рассматривается как деятельность со всеми соответствующими ее характеристиками [3]. Как оказалось, к ней также применимы все атрибуты, относящиеся к профессиональному эмоциональному выгоранию.

Главной причиной синдрома эмоционального выгорания (СЭВ) является хроническое психическое переутомление в сочетании с отсутствием должного вознаграждения за работу. Это расценивается человеком как непризнание его труда при чрезмерных затратах на этот труд, превышающих его внутренние и внешние ресурсы [1, 2]. Основные симптомы СЭВ в приложении к деятельности материнства можно описать следующим образом:

1. Физические симптомы: усталость, физическое утомление, истощение; изменение веса; недостаточный сон, бессонница; плохое общее состояние здоровья. Все это характерно для матерей в послеродовой период и накапливается в течении первых месяцев развития ребенка. В ряде случаев без посторонней помощи, а тем более при рождении следующего ребенка с маленьким перерывом (1,5-2 года, что в последнее время стало очень популярно) эти симптомы выглядят уже как реальное физическое истощение, на фоне которого появляется и более серьезная соматизация.

2. Эмоциональные симптомы: недостаток эмоций; пессимизм, безразличие, усталость; ощущение беспомощности и безнадежности, чувство одиночества; агрессивность, раздражительность; тревога, усиление иррационального беспокойства, неспособность сосредоточиться; депрессия, чувство вины; истерики, душевные страдания; потеря идеалов, надежд и перспектив своего профессионального и личностного развития. Эти симптомы в полной мере являются описанием состояния, с которым матери обращаются к психологам. Чувство вины при этом гипертрофировано, так как женщина идентифицируется со своим ребенком и соответственно его «обделенностью теплом и безусловным принятием» со стороны материнской фигуры. Стремление быть «хорошей матерью» на подсознательном уровне во многом связано с потребностью в компенсации своих диадических проблем. Усугубляет эти переживания установка на выбор «или – или»: или погрузиться без остатка в ребенка и материнство (а такой должна быть «преданная мать») и отказаться от профессиональной и личностной самореализации, или позволить себе второе, и этим подтвердить, что «я – плохая мать».

3. Интеллектуальное состояние: падение интереса к новым впечатлениям и информации, скука, тоска, апатия, падение вкуса и интереса к жизни. То, что связано с заботой о ребенке, к сожалению устойчиво расценивается в современном обществе как вынужденное должностное, жертва своими интересами ради ребенка, и уж конечно не требующее высоких интеллектуальных, а тем более творческих способностей. А когда остается только долг без интереса к самому процессу деятельности, то радость жизни резко снижается, что ведет за собой тоску и апатию. Это усугубляется переживанием недоступности возвращения к привычным интересам, не связанным с материнством, и чувством вины за стремление к ним.

4. Социальные симптомы: низкая социальная активность; падение интереса к досугу, увлечениям – сил на это не остается, да и бороться за право и возможность это иметь ресурсов нет; социальные контакты ограничиваются темами детей и материнства; скудные отношения дома и вне дома; ощущение изоляции, непонимания других и другими;

ощущение недостатка поддержки со стороны членов семьи. Этот набор симптомов также характерен для жалоб многих женщин, погруженных в заботу о детях.

В качестве причин, ведущих к СЭВ, в психологии выделяется ряд факторов, которые мы также опишем в приложении к материнской деятельности:

Высокая рабочая нагрузка. В заботе о ребенке эта нагрузка определяется не столько физическими усилиями (хотя и они существенные), сколько необходимостью все делать по потребностям ребенка. Невозможно прогнозировать и дозировать эту нагрузку, в результате постоянно надо быть в «боевой готовности». Но еще более важной является нагрузка психическая: напряженность внимания, постоянная бдительность, сосредоточенность, вообще без возможности отключиться от этого.

Высокая ответственность за выполняемые функции. Эту позицию можно даже не комментировать подробно. Постоянная тревога матери за жизнь и здоровье ребенка, да теперь еще и за все его будущее: обделенный безусловным принятием и «экспертной» заботой матери ребенок конечно будет иметь психические травмы в будущем. Но ведь и все окружающие предъявляют к матери эти требования: если с ребенком что-то не так, то во всем виновата она.

Однообразие повторяющихся действий. Как только заканчивается послеродовая адаптация и осваиваются основные способы заботы о ребенке, начинается «день сурка». Теперь все по заведенному порядку: покормить, обработать, погулять, уложить, искупать – и так по заведенному кругу изо дня в день. А как только пытаешься внести какое-то разнообразие, тут же малыш сопротивляется (не засыпает, плохо ест, кричит и т.п.). Ведь для него стереотипность действий матери и устойчивый ритм является основой первичной ассимиляции, выработки первых динамических стереотипов, которые формируют первичное чувство базового доверия на основе подтверждения ожидаемых событий.

Напряженный ритм деятельности. Это только так кажется, что малыш первые месяцы в основном ест и спит. А ест он до 10 раз в день, и спит по 20-40 минут, а потом просыпается и требует внимания – и так в течение всех суток. И надежда мамы поспать без перерыва хотя бы 3-4 часа оправдывается обычно годам к трем...

Большая постоянная эмоциональная насыщенность актов взаимодействия. Взаимодействие с ребенком всегда требует высокой эмоциональности, особенно когда он совсем маленький. Первые полгода ведущей деятельностью для малыша является ситуативно-личностное общение, содержанием которого является обмен эмоциями между ребенком и взрослым. Эмоциональное взаимодействие должно осуществляться в каждом акте ухода за ребенком, при каждом действии с ним. Учитывая большой объем контактов с ребенком, это становится одним из сильнейших стрессорирующих факторов, и ведет к потребности матери сократить эмоциональное взаимодействие и снизить его интенсивность. Невозможность переадресовать эмоциональное взаимодействие с ребенком другим людям приводит к эмоциональному истощению и раздражению матери.

Необходимость внешне проявлять эмоции, не соответствующие реалиям. Возникающие негативные эмоции матери расцениваются как «неправильные», их нельзя демонстрировать ребенку, причем не только те, которые относятся к нему самому (это уж просто преступление!), но даже огорчение или раздражением матери по любым другим поводам. В результате мать всегда должна быть ровной, спокойной и доброжелательной, или даже радостной, а ребенок изо все сил старается провоцировать проявление ее истинных чувств, потому жить в ситуации «двойного послания» он просто не может. Прорвавшееся раздражение, слезы или гнев матери запускают новый цикл ее вины и страдания.

Недостаточное поощрение труда (материального и психологического). Нередко приходится сталкиваться с тем, что маме настолько не до себя, что ей даже в голову не приходит себя чем-то наградить. Тем более что материнский труд должен быть бескорыстным – но это ведь не значит, что безвозмездным! А наградой считается сам ребенок: он у тебя есть, вот это твое счастье. При исследовании диадических отношений было выявлено, что первые недели – до появления комплекса оживления – ребенок

практически не предоставляет матери положительного подкрепления. Награда появляется тогда, когда малыш радостно улыбается при появлении матери и демонстрирует двигательное оживление. Но это ближе к двум месяцам, а до этого надо еще дожить.

Частая незаслуженная критика. А близкие вместо того, чтобы отметить самоотверженный труд матери, постоянно оценивают его и предъявляют претензии. Особенно если малыш не демонстрирует ожидаемых проявлений «чудесного младенца», а мама выглядит не счастливой и вдохновенной, а усталой и раздраженной. Да еще и не выполняет все по хозяйству и не следит за собой должным образом.

Неясная постановка задач. В отношении к материнству это означает, что нет однозначных ориентиров в том, каким должен быть «продукт» родительской деятельности. Конечно, главное – ребенок должен быть здоровый. Но показатели его здоровья – это суть показатели развития, а тут бедной маме уже точно надо иметь как минимум три образования, чтобы хотя бы правильно эти показатели оценить: педиатрическое, психологическое и педагогическое. Но и этого недостаточно, так как другие могут иметь по этому поводу свое мнение, а оценивают выполнение материнских задач именно они.

Высокая степень неопределенности в оценке выполняемой работы. Этот фактор непосредственно вытекает из предыдущего. На самом деле нет четких критериев оценки материнской деятельности. Но зато у каждого есть свое представление о том, что такое «хорошая мать» и что такое «хороший ребенок». И что правильнее: страдать, отдавая «всю себя» ребенку и семье, или быть спокойной, выпавшейся и интересующейся жизнью, но может быть без вымытых полов и кружевных оборочек на детской кровати?

Бесперспективность деятельности. Это очень сложный параметр. С одной стороны, понятно, что все это для ребенка. С другой стороны, сам он это никогда не оценит, а все его заслуги потом будут считаться не результатом материнских вложений, а его собственными достижениями. На самом деле все зависит от того, что является конечным результатом: «быть хорошей матерью» - или иметь «хорошего ребенка». В этом случае возможен сдвиг мотива на цель: «хорошая мать» - это не мотив, а промежуточная цель, как обретение средств для создания «хорошего ребенка». Само по себе стремление «быть хорошей матерью» в глазах своих и окружающих действительно бесперспективно.

Чувство недооцененности или ненужности. А это уже следствие из предыдущих позиций. Что бы я не делала, ребенок меня оценить пока не может, а другим важна не я, а сам ребенок. Это ощущение «придатка» к ребенку, «обслуживающего персонала» является характерным атрибутом состояния эмоционального выгорания матери.

Отсутствие интересов вне работы – то есть материнской деятельности. Здесь ситуация двойная. С одной стороны действительно сосредоточение на ребенке так велико, что все остальное уходит на второй план. С другой стороны, просто нет времени и сил эти интересы поддерживать и реализовывать. А как фактор это усугубляет выгорание.

Таким образом, рассматриваемый феномен - это действительно по всем параметрам эмоциональное выгорание. Спецификой эмоционального выгорания матери является то, что отклонение от идеального образа такого «работника» переживается не просто как своя профессиональная, но человеческая, личностная несостоятельность, как предательство по отношению к своему ребенку реальному, своему ребенку внутреннему и своему внутреннему родителю (то есть его желаемому образу).

Что же является причиной появления этого современного феномена эмоционального выгорания матери? Я полагаю, здесь можно выделить несколько обстоятельств.

Во-первых, в обществе изменилось отношение к детству в целом и к ребенку в частности. Ребенок теперь привилегированное существо, у него есть права, его надо защищать, его потребности расцениваются как сверхзначимые. Это усугубляется представлением о «детских травмах», которые являются причинами нарушений развития личности, что в свою очередь требует компенсации своих детских травм, а это эффективнее всего реализуется в переносе на отношения со своим ребенком.

В-вторых, изменилась «технология» материнства: бытовая часть стала гораздо легче, отнимает мало времени и сил. Если наши мамы и бабушки все делали своими руками, стирали, гладили, шили, готовили и т.п., и это объективно было тяжело и имело материальный результат, который можно предъявить и оценить, то современные мамы компенсируют это высокой сосредоточенностью на самом ребенке. А это оказывается еще сложнее, так как требует высоких психических затрат.

В-третьих, изменились приоритеты ценностных ориентаций в обществе. С одной стороны, помимо ребенка и домашнего хозяйства у женщин появилось много других возможностей, а с другой стороны сама материнская деятельность обесценена по сравнению с профессиональной и «творческой». С детства у девочек не воспитывается влечение к детям и заботе о них, не культивируется интерес к взаимодействию с ребенком, совершенно нет понимания, что просто быть с ребенком и ухаживать за ним - это само по себе доставляет удовольствие. «Сидение» дома с ребенком расценивается как потерянное время и уж точно как интеллектуально и духовно не значимое занятие [5].

А в-четвертых, в современном обществе опять же на основе фрагментарных сведений из психологических источников, сформировалась установка, что только мама должна быть с ребенком в первые месяцы и годы его жизни, ее никем заменить нельзя и не надо, и даже вредно для ребенка. В таких условиях у детей формируется монопривязанность, затрудняется появление вторичных привязанностей и социализация, возникают проблемы в сепарации и индивидуации. Такая модель практически не имеет аналогов в традиционных способах воспитания детей. Напротив, с самого рождения, особенно в детоцентрированных культурах, существовало распределение заботы о детях между несколькими членами семьи. И только там, где не было помощи женщине и ценность ребенка была низкой, матери вынуждены были постоянно носить ребенка на себе. И это не потому, что так надо было ребенку, а потому, что нигде и не с кем было его оставить. В Российской культуре, как и в большинстве других, с рождения маме помогали с заботой о ребенке. Первые 40 дней после родов женщина считалась «нечистой», и ей ничего не разрешали делать. За ней и ребенком ухаживали другие женщины, а по окончании этого периода мать начинала уходить на время от ребенка: сначала в церковь, потом по хозяйственным делам. А в это время о ребенке заботились другие члены семьи [4]. Ситуация изменилась уже в XX веке с распадом расширенной семьи и появлением преимущественно нуклеарной модели, в которой все материнские и хозяйственные функции сосредоточились на одной женщине.

И в итоге теперь мы имеем многофакторный внутренний конфликт со следующими составляющими:

1. Стремление быть «хорошей матерью» и сосредоточить всю себя на ребенке, не имея достаточной внутренней мотивации и умения получать удовольствие от материнской деятельности.
2. Стремление к профессиональной и личной самореализации, не сочетающейся с необходимостью «погрузиться в ребенка».
3. Стремление всю заботу о ребенке осуществлять самой и отсутствие распределения заботы о ребенке между членами семьи.
4. Недостаточная «престижность» материнской деятельности и потеря традиций признания и подкрепления деятельности матери в обществе и внутри семьи.

Конечно, очень хочется добавить в этот список несовершенство социальной инфраструктуры и материальной поддержки родительства со стороны государства. Однако, сейчас речь идет о таком феномене, который характерен как раз для «среднего класса», где в целом удовлетворительные материальные условия и социальные возможности семьи. И задачи здесь стоят не столько перед обществом, сколько перед психологами и психотерапевтами, к которым женщины именно из таких семей могут обратиться за помощью с симптомами хронической усталости и эмоционального выгорания. И вот здесь можно снова обратиться к практике работы с профессиональным выгоранием, где наработан

опыт терапии и реабилитации. В приложении к синдрому эмоционального выгорания матери можно обобщить это следующим образом.

Поскольку синдром эмоционального выгорания наступает на фоне физического и психического истощения человека, то его профилактика и терапия состоят в том, чтобы в первую очередь восстановить эти функции.

Конечно, все это требует серьезной и планомерной психологической работы с мотивацией, семейными отношениями и организацией семейного уклада. Однако, в целом в психологии и психотерапии все эти приемы хорошо разработаны, их только надо переориентировать на задачи оптимизации деятельности родительства. Такой «коучинг материнства» может осуществляться в индивидуальном и семейном консультировании и терапии и в тренинговой форме. И конечно он должен гибко модифицироваться для разных типов уклада семьи, реальной жизненной ситуации и личностных особенностей матери .

Список использованных источников:

1. Бойко В.В. Синдром эмоционального выгорания в профессиональном общении. - СПб.: Питер, 2011. - 105 с.
2. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: Диагностика и профилактика. - СПб.: Питер, 2005. - 336 с.
3. Захарова Е.И. Психология освоения родительства научная монография. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 258с.
4. Филиппова Г.Г. Психология материнства. Концептуальная модель. - М.: Институт Молодежи, 1999. – 286с.
5. Филиппова Г.Г. Самореализация и родительство: конфликт мотиваций в современном обществе // Психотерапия. - № 10 (166). – 2016. – С. 16 – 22.

Ткаченко Ирина Валериевна
доктор психологических наук, доцент,
Армавирский государственный педагогический университет,
профессор кафедры социальной, специальной педагогики и психологии
352932 г. Армавир, ул.Ковтюха,104
E-mail: tkachenkoiv@mail.ru

Евдокимова Елена Валерьевна
кандидат психологических наук
Армавирский государственный педагогический университет,
старший преподаватель кафедры социальной,
специальной педагогики и психологии
352932 г. Армавир, ул.Урицкого,44,кв.6
E-mail: eev15@list.ru

ВЛИЯНИЕ КРИЗИНЫХ СОБЫТИЙ В СЕМЬЕ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния семейные кризисов на развитие личности. Автор отмечает, что все семейные ресурсы, используемые личностью в трудной жизненной ситуации можно разделить на ресурсы адаптации и социализации. Доказано, что ненормативные кризисные события в семье (развод, супружеская неверность, деструктивные конфликты) оказывают неблагоприятное влияние на востребованность личностью развивающих семейных ресурсов, что негативно сказывается на развитии личности.

Ключевые слова: кризис, личность, возрастной кризис, семейный кризис, ресурс, семейные ресурсы адаптации, семейные ресурсы социализации.

Tkachenko Irina Valerievna
the doctor of psychological Sciences, the senior lecturer,
Armavir State Pedagogical University
Professor of social, special Pedagogics and psychology
Armavir 352932, Kovtjuha str., 104
E-mail: tkachenkoiv@mail.ru

Evdokimova Elena Valerievna
the candidate of psychological Sciences
Armavir State Pedagogical University
Senior Lecturer in social,
Special Pedagogics and psychology
352932, Armavir, Uritskogo str., 44, apt. 6
E-mail: eev15@list.ru

INFLUENCE OF KRIZINYH EVENTS IN THE FAMILY ON PERSONALITY DEVELOPMENT

Abstract. The article deals with the impact of family crises on personal development. The author notes that all family resources used personality in difficult situations can be divided into resources for adaptation and socialization. It is proved that the non-regulatory crisis events in the family (divorce, infidelity, destructive conflicts) have an adverse effect on the relevance of

personality developing family resources, that have a negative impact on the development of the personality.

Key words: crisis, identity, age crisis, family crisis resource adaptation family resources family resources of socialization.

Каждый человек в жизни когда-нибудь испытывал кризис. Будь то кризис личности или кризис отношений, он всегда сопровождается состоянием неудовлетворенности собою, неудовлетворенности другими значимыми людьми. И как следствие - заниженная самооценка, утрата уверенности в себе и веры в добрые искренние отношения. Удивительно, что в такие периоды жизни почти каждый человек, независимо от возраста, начинает отождествлять свое состояние с окружающей действительностью. А это значит, что человек, находящийся в состоянии кризиса, не замечает положительных событий, происходящих вокруг него.

Семья - это такая сложная субстанция, которая может неоднократно испытывать на себе кризисные события различной сложности. Причем состояние неудовлетворенности в семье приобретает оттенок возраста, а не только индивидуальных особенностей. Что значит оттенок возраста. Во-первых, в семье, как правило, живет несколько человек разного возраста. Каждый из них в какой-либо период может испытывать свой собственный кризис, а все члены семьи под влиянием изменений, которые происходят с одним из них, тоже начинают меняться: или идентифицируются с ним и начинают испытывать то же самое, или отстраняются и закрываются в собственном мире. Таким образом, семейный кризис может быть спровоцирован личностным кризисом одного из членов семьи. Во-вторых, нормативные семейные кризисы тоже связаны с возрастом, но только "возрастом" семьи. И от того, сколько лет супруги живут вместе, какого возраста у них ребенок, зависит глубина и длительность протекания кризиса.

Но самыми остропротекающими в семье являются ненормативные кризисные события, которые характеризуются достаточной неожиданностью возникновения хотя бы для одного из брачных партнеров; высокой личностной значимостью для всех членов семьи; значительной эмоциональной насыщенностью своей реализации; влиянием на организацию супружеского и семейного взаимодействия.

Для преодоления сложных жизненных ситуаций каждый человек опирается на определенные источники личностного развития, ресурсы, наиболее эффективными из которых являются именно семейные ресурсы.

В соответствии с данными нашего исследования все семейные ресурсы личностного развития делятся на две группы: ресурсы адаптации и ресурсы социализации. Семейные ресурсы адаптации - это источники развития личности, заложенные в позитивном эмоциональном фоне, складывающемся между членами семьи (супругами, детьми и родителями), дающей ощущение безопасности и более удачного будущего. Эмоциональная близость членов семьи оказывает влияние на стабильность семейного пространства и обеспечивает психическое здоровье его членов. Таким образом, значимым ресурсом развития личности является сочетание эмоциональной чуткости к членам семьи с заботой о безопасности и ожиданием будущего.

Семейные ресурсы социализации базируются на доминирующем желании членов семьи понять себя и друг друга в контексте межличностных контактов, а также реализовать совместные действия для достижения личностных успехов. Они обеспечивают определенную динамику семейного взаимодействия, способствующую продвижению его субъектов в само- и взаимопознании, в реализации личностных достижений. Ресурсы социализации способствуют выработке у личности адекватных представлений о себе и окружающих, навыков построения успешного взаимодействия с окружающими и позволяют человеку лучше «включиться» в окружающую социальную реальность.

В зависимости от того, какими семейными ресурсами пользуется человек для решения

жизненных ситуаций различного уровня сложности, можно описать его психологический портрет. Так, например, личность, которая в большинстве случаев использует развивающие ресурсы семьи адаптационного типа характеризуется позитивным самоотношением; проявлением мягкости, утонченности, изысканности; преобладанием ориентации на будущее; знанием своих главных целей в жизни; самодостаточностью и легкостью преодоления одиночества; общительностью; высоким уровнем эмпатийности; при взаимодействии с партнером проявлением внимательности, доброжелательности, терпимостью к недостаткам членов семьи, бескорыстным стремлением заботиться о них; отношением к людям с неподдельным интересом; желанием создать в коллективе атмосферы, при которой никто не боится высказать свое мнение; аккуратностью в точной и кропотливой работе. Но при этом таких людей легко вывести из состояния равновесия, так как они не обладают достаточной способностью контролировать эмоции и свои импульсивные влечения. Часто у них доминирует тревожно-депрессивный фон настроения, озабоченность, подавленность, беспричинно может появиться чувство сильного внутреннего беспокойства, ощущение возможной беды, неприятности, им трудно бывает избавиться от мыслей, что может случиться что-то страшное. Они стараются не допускать конфликты, но при их возникновении склонны преодолевать их через компромисс, считают возможным в чем-то уступить, чтобы добиться своего; дают возможность другому в чем-то остаться при своем мнении, если он также идет навстречу; стараются найти наилучшее сочетание выход без потерь для обеих сторон; пытаются найти позицию, которая находится посередине между своей и позицией другого человека.

В тоже время, личность, опирающаяся на ресурсы социализации обладает эмоциональной зрелостью, спокойствием, уверенностью в себе, постоянством в своих планах и привязанностях; лишь в малой мере поддаются случайным колебаниям настроения. Она чувствительна, сенситивна к своим желаниям и потребностям; достаточно свободна от психологической защиты, не склонна подменять собственные вкусы и оценки внешними социальными стандартами; переживает чувство удовлетворения от выполняемой работы (службы); демонстрирует выраженное чувство собственного достоинства, сформированную способность позаботиться о себе; в отношениях с окружающими может проявлять чувство определенного превосходства, тщеславность, эгоистичность, холодность и черствость; конфликты склонна решать через сотрудничество; проблемы решает достаточно рационально. У такой личности развита способность к саморуководству; чувство обоснованности и последовательности своих внутренних побуждений и целей; уверенность в своей способности эффективно управлять, справляться с эмоциями и переживаниями по поводу самого себя. С удовольствием работает в коллективе, ориентирована на деловое сотрудничество. Но может проявиться склонность к аффективному поведению, выяснению с кем-то отношений; злопамятство. При этом, велика угроза возникновения дезорганизующих эмоциональных состояний – дистимии, депрессии, апатии, гипотимии, растерянности, тревоги, страха, бредового настроения. В общении, люди, опирающиеся на ресурсы социализации, внимательны, стараются понять больше, чем сказано словами, но при излишнем излиянии чувств собеседника теряют терпение; предпочитают деликатно не высказывать свою точку зрения, не будучи уверенными, что она будет принят; затрудняются прогнозировать развитие отношений между людьми, поэтому, случается, их поступки оказываются для них неожиданными; у них отсутствует раскованность чувств, и это мешает в ряде случаев полноценному восприятию людей; склонны к острому переживанию чувства одиночества; имеют склонность к снижению эмоционального фона, равнодушию или эмоциональному перенасыщению.

Как было выше сказано, наиболее стрессогенными для личности являются ненормативные кризисные события, происходящие в семье. Особенности поведения личности зачастую зависит от того, к какому типу она относится в зависимости от использования семейных ресурсов.

Значимые семейные кризисные события, к которым относится супружеская неверность,

психическая несовместимость, разводы, являются детерминантами нарушения использования семейных ресурсов и развития личности. Для понимания сути этих процессов потребовалось проведение эмпирического исследования, в котором принимало участие 68 респондентов. Данная выборка была составлена из лиц, которые обратились за помощью к психологу из-за неспособности справиться с негативными последствиями семейных конфликтов. Рассматривались такие межличностные конфликты в семье, которые приводили к рассогласованию ее деятельности и вызывали потребность у ее членов получить профессиональную помощь психолога.

Было установлено, что переживание семейных конфликтов, по преимуществу, не меняет приоритетность используемого личностью типа семейных ресурсов, но приводит к некоторому снижению их востребованности. Разработанная нами методика «Личностно-развивающие ресурсы семьи» позволила выявить, что среди семейных ресурсов наибольшие изменения произошли в отношении востребованности когнитивных ресурсов, ресурсов личностных достижений и поведенческих ресурсов. Изменения востребованности семейных ресурсов адаптации оказались менее выраженными и распределились следующим образом: ресурс «родительская любовь» - востребованность выросла на 1,1 балл, ресурсы «эмоциональные ресурсы супружества» обесценились на 0,5 баллов, ресурсы «ожидания будущего» – обесценились на 0,4 балла, ресурсы «безопасности» увеличили востребованность среди респондентов в среднем на 0,3 балла.

«Чувствительность» к влиянию семейных конфликтов на востребованность ресурсов социализации проявилась в обеих выборках респондентов, однако в большей мере – в выборке лиц, ориентированных на предпочтение соответствующего типа развивающих ресурсов семьи. Так как наиболее рельефно изменения востребованности ресурсов семьи просматриваются на второй выборке, личностные изменения в послеконфликтный период рассматривались именно на ней.

В связи с этим, можно отметить, что в результате падения востребованности ресурсов социализации под влиянием семейных конфликтов наибольшие изменения происходят в отношении следующей десятки личностных качеств испытуемых: склонность к аффективному поведению, самообвинение, уверенность в себе, уровень притязаний, субъективное переживание одиночества, направленность на дело и способность к саморуководству, уменьшились потребность в познании и коммуникативная толерантность, уменьшилась ориентация во времени.

Таким образом, под влиянием семейных конфликтов, к которым более чувствительными оказались обладатели направленности на семейные ресурсы социализации, у лиц, в них вовлеченных, происходит резкое снижение уровня когнитивных и поведенческих характеристик: потребности в познании, направленности на дело и способности к саморуководству. Нежелание понять партнера по браку, выяснить причины его конфликтного поведения, прийти к соглашению по спорному вопросу у них сопровождается ростом склонности к аффективному поведению и самообвинению.

Изучение востребованности семейных ресурсов и личностных особенностей после обнаружения в семье факта супружеской неверности проводилось на базе выборки, состоящей из 44 человек, обратившихся к психологу за помощью в связи с возникновением данной проблемы и своей неспособностью справиться с ней. В качестве супружеской неверности рассматривалась ситуация обнаружения факта близких отношений партнера по браку с лицом, не входящим в супружескую пару.

Сопоставление востребованности семейных ресурсов для членов данной выборки с ранее полученными показателями позволило установить наибольшую «чувствительность» к данному событию. Полученные на общей выборке испытуемых результаты показали ряд изменений: в группе ресурсов адаптации. Востребованность эмоциональных ресурсов супружества снизилась на 0,9 баллов ($p < 0,05$), ресурс «ожидание будущего» – на 0,8 баллов ($p < 0,05$), ресурс «безопасность» – на 0,4 балла, ресурс «родительская любовь» – на 0,1 балла. В группе ресурсов II востребованность поведенческих ресурсов супружества

снизилась на 0,5 баллов, когнитивных ресурсов супружества – на 0,4 балла, ресурсов личностные достижения) – на 0,1 балла. Под влиянием обнаружения супружеской неверности наблюдается снижение востребованности обоих типов ресурсов семьи. Более выраженным при этом является снижение ресурсов адаптации.

Более чувствительными к супружеской неверности оказались испытуемые, ориентированные на применение эмоциональных ресурсов семьи; у испытуемых, ориентированных на ресурсы социализации, изменения в востребованности семейных ресурсов оказались значительно меньшими

Наибольшее снижение востребованности семейных ресурсов под влиянием супружеской неверности произошло в первой выборке. В данной выборке снижение отразилось, в первую очередь, на ресурсах адаптации. Во второй выборке, наряду с некоторым снижением доминантных для ее представителей ресурсов социализации (поведенческих и когнитивных), отмечено снижение востребованности ресурсов адаптации (эмоциональных ресурсов и ресурсов ожидания будущего). В обеих выборках под влиянием неверности произошло наименьшее снижение по отношению востребованности родительской любви и личностных достижений.

Согласно результатам диагностики, проводимой до и после установления факта супружеской неверности, различия на уровне статистической тенденции ($p < 0,05$) проявились по следующим характеристикам личности: осмысленность цели жизни; личностная идентичность в сфере будущего; доверчивость; добросердечие; способность к эмпатии; направленность на общение; тревожность. При этом все характеристики личности, кроме тревожности, снизились, а уровень тревожности, наоборот, повысился.

Из этого следует, что установление факта супружеской неверности, в наибольшей степени отражается на лицах, склонных к использованию семейных ресурсов адаптации, формируя предрасположенность к неблагоприятным изменениям, прежде всего, эмоционального плана. В качестве таковых выявлено снижение способности к эмпатии и рост тревожности личности. Переживание супружеской неверности, кроме того, сопровождалось нарушением системы представлений о целях жизни и картины будущего. Человек ожесточается, снижается уровень его «аванса», позитива в отношениях с окружающими – доверчивости и добросердечия. На межличностных контактах также негативно отражается достаточно значимое снижение направленности личности на общение.

Результаты психодиагностического обследования подтверждаются данными непосредственного наблюдения. При взаимодействии с психологом лица, пережившие супружескую неверность, проявляют себя достаточно неадекватно. Придя за помощью к психологу, они мало готовы раскрыться перед ним, связно изложить суть возникшей перед ними проблемы. Эти лица легко переходят с рационального уровня осмысления проблемы на эмоциональное проживание ситуации, связанное чаще всего с бурным выражением эмоций. Они демонстрируют противоречивое отношение к брачному партнеру. Непринятие его, как личности, имеющей свою точку зрения, сочетается с желанием сохранить семью.

Изменение востребованности личностно-развивающих ресурсов семьи под влиянием развода проводилось на выборке из 30 человек. Сопоставление средних оценок, полученных на членах выборки до и после бракоразводных действий, показало, что происходит рост востребованности ресурсов адаптации семьи. Таким образом, критическая для семьи ситуация развода приводит к изменениям востребованности всех групп ресурсов – росту востребованности ресурсов адаптации и ее падению в отношении ресурсов социализации.

Изучение изменений востребованности ресурсов семьи, проведенное отдельно по двум выборкам позволило установить, что наибольшие изменения в привлечении ресурсов семьи в послеразводный период наблюдаются у представителей второй выборки, для которых приоритетны ресурсы семьи социализации.

Таким образом, можно сделать вывод, согласно которому развод способствует резкому росту востребованности личностно развивающих ресурсов семьи I типа вне зависимости от доминантности для нее ресурсов адаптации или социализации. Падение востребованности

ресурсов социализации семьи происходило, но имело незначительный характер. Изменение ресурсности семьи также влияет на личностное развитие всех респондентов. Однако эти изменения различаются по своему содержанию. В обеих выборках под влиянием бракоразводного процесса произошло не только падение востребованности развивающих ресурсов семьи, но и негативные личностные изменения.

Таким образом, было установлено, что семейные конфликты в наибольшей мере влияют на семейные ресурсы социализации: значительно возрастает востребованность ресурсов личностных достижений, но снижается востребованность когнитивных и поведенческих ресурсов. При этом в первой выборке более всего вырастает востребованность ресурсов родительской любви и личностных достижений. В результате падения под влиянием семейных конфликтов востребованности ресурсов социализации увеличивается склонность к аффективному поведению, к самообвинению, уверенность в себе, уровень притязаний и субъективное переживание одиночества, уменьшается направленность на дело, способность к саморуководству, потребность в познании, коммуникативная толерантность, ориентация во времени.

К супружеской неверности особенно «чувствительны» семейные ресурсы адаптации: снижается востребованность эмоциональных ресурсов, ресурсов «ожидание будущего и безопасности». Во второй выборке отмечено менее выраженное снижение поведенческих, эмоциональных и когнитивных ресурсов, ресурсов ожидания будущего. Под влиянием супружеской неверности снижается осмысленность цели жизни, личностная идентичность в сфере будущего, доверчивость, добросердечие; способность к эмпатии; направленность на общение. Однако заметно растет тревожность.

Под влиянием развода происходит рост востребованности семейных ресурсов адаптации и снижение востребованности ресурсов социализации. Изменение ресурсов семьи под влиянием развода приводит к негативным личностным изменениям всех испытуемых, вне зависимости от приоритетности для них того или иного типа семейный ресурсов.

В связи с этим, можно констатировать, что кризисные события в семье (деструктивные семейные конфликты, супружеская неверность и бракоразводные действия) неблагоприятно влияют на востребованность личностью развивающих ресурсов, что негативно сказывается на развитии личности.

Список использованных источников:

1. Ткаченко И. В. Личностно-развивающий ресурс семьи: онтология и феноменология : диссертация ... доктора психологических наук, - Сочи, 2009. - 414 с.
2. Ткаченко И. В. [Влияние кризисных событий на личностно развивающие ресурсы супружества//Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2013. № 11. С. 085-091.](#)

Жданова Светлана Юрьевна
доктор психологических наук, профессор,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
заведующая кафедрой психологии развития
614990 г. Пермь, Букирева, 15
E-mail: svetlanaur@gmail.com

Краева Виктория Сергеевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
магистрант
614990 г. Пермь, Букирева, 15
E-mail: victori.kraeva@gmail.com

Пузырёва Любава Олеговна
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
старший преподаватель психологии развития
614990 г. Пермь, Букирева, 15
E-mail: puzireva.l@gmail.com

ОБРАЗ СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЖИЛОЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДЫ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Аннотация. В работе представлена проблема современного образа семьи в представлениях молодежи. Раскрыто понятие образа семьи, обоснована возможность изучения данного феномена посредством анализа представлений о жилой пространственной среде. Проведено эмпирическое исследование, описан образ родительской семьи в представлениях о жилой среде у студентов. Обнаружено, что в период ранней взрослости образ собственной семьи не является актуальным для исследованной выборки.

Ключевые слова: образ семьи, жилая среда, ранняя взрослость.

Svetlana Y. Zhdanova
doctor of psychological sciences, associate professor,
Perm State University,
head of the Department of Psychology of Development
61499015 Perm, Bukireva, 15
E-mail: svetlanaur@gmail.com

Victoria S. Kraeva
Perm State University
master student
61499015 Perm, Bukireva, 15
E-mail: victori.kraeva@gmail.com

Lubava O. Pousyreva
Perm State University
senior lecturer of the Department of Psychology of Development
61499015 Perm, Bukireva, 15
E-mail: puzireva.l@gmail.com

THE IMAGE OF THE FAMILY IN THE REPRESENTATION OF THE LIVING SPACE IN EARLY ADULTHOOD

Abstract. The study presents the problem of the modern image of the family in the views of young people. The concept of family image is revealed, the possibility of studying this phenomenon through the analysis of representations of the living space is substantiated. Empirical exploration allowed to describing the image of the parent family in the students' representations of the living space. It was shown, the image of own family is not relevant in the period of early adulthood for the studied sample.

Key words: the image of the family, living space, early adulthood.

Семья – важнейший аспект человеческого существования. Это сложный и многогранный феномен, который связан со становлением личности [13]. В условиях нестабильного положения общемировых процессов, семья как элемент общественной системы испытывает давление социально-экономического, политического влияния и переживает глубокие сущностные изменения.

Современные исследования все чаще отмечают негативный характер данных трансформаций, ставя перед фактом кризиса современной семьи. В действительности ли негативен характер трансформаций, происходящих с феноменом семьи, - вопрос спорный. Ведь те или иные изменения предстают реакцией на вызовы современности, позволяя адаптироваться и развиваться обществу для поддержания оптимального уровня жизнедеятельности. Так или иначе, исследование действительности семьи предстает важной задачей, необходимой для прогнозирования течения мировых процессов и выдвижения идей по их регулированию для повышения благосостояния как общества, так и отдельной семьи.

На данный момент актуальными проблемами выдвигаются снижение семейных ценностей, упадок института семьи, которые связывают с перераспределением полоролевых функций, трансформации установок на создание, поддержание семьи, заключение брачных отношений, на появление детей, а также неподготовленность молодежи к браку (Евграфова Ю.А., Вишневецкий Ю. Р., Гылыкова Э. В., Солдатов Е.Л.).

Ориентация на семью современной молодежи, ее представления о семейных нормах и ценностях являют собой область, необходимую для исследования. Для данной проблематики актуально изучение представителей ранней взрослости, переживающих этап сепарации от родительской семьи и сталкивающихся с возможностью создания собственной семьи.

В качестве предмета исследования предстает образ семьи, как аспект самосознания молодежи. Сущность образа семьи, как отмечает Андреева А.Д. (2016), также зачастую определяется глобальными процессами, происходящим в мировом обществе, на которое влияют социальные, экономические и культурные явления

В настоящий момент тема образа семьи часто встречается в периодической литературе. В основном, рассматривается как феномен, имеющий специфику проявления у определенных категорий лиц. Таким образом, находим исследования «образа семьи» у дошкольников [10,11], подростков [7], матерей [4], а также сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [15].

Тем не менее, недостаточно изучено содержание данного феномена у молодежи, выборке, которая испытывает на себе влияние общемировых процессов и подвергается смене ценностного уклада и является показательной для анализа семейных ценностей и представлений о семье.

Период ранней взрослости характеризуется переживанием отделения от родительской семьи, как в психологическом (эмоциональном), так и физическом проявлении (покидание родительского дом) [3], что является закономерным процессом развития (Э. Эриксон, 1968; Альбуханова-Славская К.А.,1991; Портнова А.Г., 2008). Еще в юношеском возрасте поставлена задача построения собственных представлений о родительской и своей будущей

семье (Ипполитова, 2011). На этапе перехода к взрослости, в процессе сепарация начинается реализация этих представлений, являя возможность для фиксации и анализа сложившихся у личности образов о семье как о целостном явлении. Физическая сепарация позволяет разделить эти образы.

Мы опираемся на положение о том, что представления о жилой среде могут являть собой фон для существования и функционирования семейной системы (Нартова-Бочавер С.К., 2016). В данном случае пространство дома выступает в качестве носителя образов семьи в психической организации человека

Проблема зависимости семейного благосостояния с жилищными условиями и проблема жилищного вопроса семей указана в Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года. В концепции постулируется идея значимости жилого пространства для функционирования семейной системы, которая ставит необходимость рассмотрения образа семьи через призму представления жилой среды личности.

Сам по себе «образ» может определяться как чувственная форма того или иного явления, характеризуемая пространственными и временными характеристиками или как «...субъективная картина реальности, содержание и структура которой определяются совокупностью личного опыта, знаний, представлений, убеждений» [4].

Для обозначения внутренней картины жизни семьи Мишиной Т. М. (1983) введен термин «образ семьи». Автор определяет его как целостное интегрированное образование «семейного самосознания», выделяет особое предназначение данного феномена сохранять баланс и регулировку существующей семейной системы посредством согласования ее элементов.

Рыжкова А.В. (2008), основываясь на анализе работ ряда исследователей (Кулиш О.Г., Макарова Е.Ю., Круглова Н.А., Нестерова А.А., Панков Н.В.), отмечает описательный характер феномена и сведение к когнитивным процессам в его определении и изучении. Также, указывает, что «образ семьи» освещается как представление о себе на основе представления своих родителей, в чем мы видим обращение к феномену «самосознания» при узости трактовки явления в сравнении с изначальным определением.

Карпенко А.А., Истратова О.Н. (2011) также обращаются к понятию «представления» в рабочем определении изучаемого феномена. Основываясь на подходе Эйдмиллера Э.Г.(1999) под «образом семьи» авторы понимают представления об отношениях супругов, эмоциональных отношениях в семье, личных качествах партнеров, о детях, разделении обязанностей и материальной обеспеченности семьи и ее членов.

Схожую трактовку мы находим у Шур А.И., Варга А.Я, Чеботарева Е.Ю (2018), которые раскрывают «образ семьи» через систему понятий: взаимоотношение, эмоциональные связи, видение структуры семьи

Так или иначе, современные исследователи имплицитно берут за основу «образа семьи» понятие самосознания, включая в него определение ее членами самих себя в семейной системе, взаимосвязей друг с другом, представлений о позициях, ролях, функциях, образе жизни семьи.

Неотъемлемым элементом жизнедеятельности семьи предстает жилая среда, определяющая границы общности и задающая фон ее функционирования. Таким образом, мы предполагаем возможность исследования образа семьи посредством изучения представлений ее членов о жилой пространственной среде, с которой так или иначе связано ее существование. Гипотезой исследования является положение о том, что жилая пространственная среда в представлениях человека несет в себе отражение его семейной системы, уклада семейных ценностей, особенностей функционирования.

Мы также склонны полагать о существовании различий в образах родительской и собственной семьи при сепарации в отдельное от родителей место жительства, актуальной в период ранней взрослости.

С целью изучения образа родительской и собственной семьи в представлениях жилой пространственной среды в период ранней взрослости проведено эмпирическое исследование.

В нем приняли участие студенты Пермского государственного национального исследовательского университета в количестве 78 человек (средний возраст 20,8). Из них 25 мужчин и 53 женщины. Из общей выборки испытуемых 30 человек проживают в общежитии, 27 – с родителями (25 человек в квартире и 2 – в загородном доме), а 21 человек имеет собственное жилье (съемная квартира или комната).

Изучение образов родительской системы личности и собственной (потенциальной) семьи возможна посредством применения качественных методов диагностики. Для реализации эмпирической части исследования использована авторская анкета для регистрации общих сведений о респонденте и изучения способа проживания (Жданова С.Ю., Краева В.С., 2018, не опубликовано), а также методика свободного описания жилой пространственной, разработанная на основе подхода С.К. Нартовой –Бочавер (2016). Методика позволяет получить сведения о представлении пространства жилой среды общежития, родительского дома и собственного жилья в зависимости от опыта проживания и способа проживания на момент исследования.

Диагностика проведена в сети Интернет в онлайн режиме. Анализ содержания текстов описаний произведен с помощью качественно-количественного метода контент-анализа с применением критерия Угловое преобразование Фишера. Математико-статистическая обработка произведена в программе Microsoft Excel.

В результате применения контент-анализа выделены базовые категории в описаниях студентами жилой среды: интерьер (44,13%), функциональная обеспеченность (23,91%), соучастование (21,12%) и пространственные элементы дома (10,84%). В категорию интерьера вошли подкатегории «мебель» (19,33%), «цвет» (13,18%) «декор» (8,29%), «техника» (3,35%). В категорию функциональной обеспеченности включены подкатегории «функциональные характеристики» (18,99%), «уход и ремонт» (4,92%). В категорию соучастования – подкатегории «эмоциональное отношение» (11,73%), «проживающие на совместной территории» (4,25%), «деятельность» (5,14%).

Выявлены достоверные различия в использовании студентами определенных подкатегорий при описании разных видов жилья.

В описании родного жилья, по сравнению с описанием собственного жилья, выше частота встречаемости смысловых единиц подкатегории «мебель» ($\phi=1,95$, $\alpha \leq 0,05$). В то время как в описании собственного жилья, по сравнению с описанием родного жилья, в большей степени выражены подкатегории «эмоциональное отношение» ($\phi=2,92$, $\alpha \leq 0,001$) и «деятельность» ($\phi=2,17$, $\alpha \leq 0,05$).

В описании родного жилья, по сравнению с описанием комнаты в общежитии, выше частота встречаемости смысловых единиц подкатегорий «деятельность» ($\phi=2,18$, $\alpha \leq 0,05$) и «элементы пространства» ($\phi=1,86$, $\alpha \leq 0,05$). В то время как в описании комнаты в общежитии, по сравнению с описанием родного жилья, выражены подкатегории «техника» ($\phi=2,01$, $\alpha \leq 0,05$) и «уход, ремонт, обеспечение помещений» ($\phi=1,61$, $\alpha \approx 0,05$, в тенденции).

Качественный анализ содержания подкатегорий, в которых были обнаружены различия в описаниях жилых пространств, позволил выявить следующие особенности.

В описаниях родительского дома в широком объеме, в отличие от описаний собственного жилья, представлена подкатегория «Мебель». В основном ее наполнением стали стандартные, базовые предметы: «диван», «шкаф», «стол» и т.д. Зато в описаниях собственного жилья мы находим уникальные предметы, отвечающие определенным интересам: «турник», «тренажер», «игрушка», «дамский уголок».

Собственное жилье в описании студентов оказалось в большей степени эмоционально окрашено, нежели родительское. Так в его описаниях проявляются удовольствие от независимости, самостоятельности, чувства собственности, о чем, к примеру, свидетельствуют смысловые единицы «чувствую себя хозяйкой», «привольно», «лучшее место», «защищенный», «на своем месте». Также присутствует наслаждение пребыванием в среде собственного жилья: «красивый», «заглядывает солнце», «пение птиц». Описания родительского связываются студентами с безопасностью («спокойствие», «вторжение»,

«нападение», «крепость») и воспоминаниями из прошлого («ностальгия», «школьные годы», «провела детство», «моменты жизни»).

Качественный анализ подкатегории «деятельность» позволил выявить особенности в писании всех трех видов жилища. Данная подкатегория в большей степени выражена в описаниях собственного дома, где наиболее часто указываются смысловые единицы, связанные с профессиональной занятостью («рабочая», «работа», «работаю»), физической активностью («для движения», «тренировка», спорт») и восстановления сил («отдых»). Посвященные родительскому дому тексты, кроме упоминания базовых действий («лежать», «сидеть», «спать»), содержат смысловые единицы, указывающие на творческую активность («рисование», «стихи», «чтение», «книги»). В описаниях деятельности в пространстве общежитий представлены только базовые действия и упоминание о регламенте посещения заведения.

В большей степени студенты описывают пространственные элементы родного дома (наиболее распространенная смысловая единица – «комната», а также «гостиная», «в длину», «в ширину», «окно», «угол»), нежели общежития, где в фокусе внимания предстают не столько параметры жилья, сколько функциональные зоны: «кухня», «душевая», «прачечная»).

В описаниях общежития студенты чаще упоминают технику, чем в описаниях родительского дома, среди которой предстают смысловые единицы, определяемые нами как необходимые для существования: «холодильник», «микроволновка».

Обширнее, чем в описаниях родного дома, раскрыт в описаниях комнаты общежития компонент, отражающий уход, ремонт за помещениями. В нем затрагиваются проблемы, с которыми сталкиваются студенты, проживающие в общежитиях («тараканы», «нет воды», «плохой ремонт»), а также пожелания в улучшении условий проживания («постелить линолеум», «покрасить»). В описании родного дома персонифицирован вклад членов семьи в благоустройство жилья («белили», «клеили», «разработала дизайн»).

Таким образом, родительский дом предстает важным аспектом в период ранней взрослости, связанным с ощущением безопасности, является олицетворением опоры на опыт развития в родительской семье, обеспечивает стабильность, уверенность в поддержке со стороны семьи, предстает неким хранилищем значимых переживаний и событий детства и подросткового возраста. Указания на реализацию творческого потенциала и самовыражения в стенах родительского дома может свидетельствовать о комфортном существовании в семейной среде и наличии ресурсов для саморазвития, а также свободе от осуществления обязательств, имеющих наличие у студентов, переживших фактическое отделение от «родительского гнезда». Образ родительской семьи в представлениях студентов обозначен в характеристиках согласованной системы, которая призвана удовлетворять потребности своих членов (в частности детей) в стабильности, защищенности и представлять ресурсы для отдыха, развития и совершенствования, а также реализовывать потребность в совместности, например, посредством заботы о состоянии жилья.

Собственное жилье в эмоциональном и деятельностном ключе описывается студентами как маркер успешной сепарации от родительской семьи. Достижение независимости от родительской семьи обнаруживается в существенном акценте на рабочую занятость в пространстве собственного дома. Более того, наличие собственного жилья позволяет студентам реализовывать свои желания и интересы посредством наполнения интерьера помещений функциональной индивидуализированной мебелью.

Предполагается, что семейная среда родительского дома обеспечивает личность студента всеми необходимыми средствами существования, поддерживающими состояние комфорта и ощущения совместности. Напротив, в среде общежития студент один на один сталкивается с депривацией, ограниченностью в жизненных ресурсах. Поэтому вопрос материально-технического обеспечения жизнедеятельности является в данном пространстве наиболее актуальным.

В описаниях жилой пространственной среды собственного жилья и комнат общежития, как местах проживания при физической сепарации студентов, не выявлено смысловых единиц, относимых к образу семьи. И если проживание в общежитии на период обучения не является в строгом смысле достижением сепарации, так как зачастую является необходимостью и поддерживает иные цели, то среда собственного жилья являет собой пространство свободы и самовыражения, указывая на ориентацию представителей ранней взрослости на трудовую занятость и спортивные увлечения, а также на довольство отделением от родителей. Из чего следует, что образ собственной семьи не актуален для представителей ранней взрослости, обучающихся в высшем учебном заведении.

Таким образом, удалось частично подтвердить гипотезу о способности представлений о пространстве жилой среды (родительского дома) отразить образ семьи (родительской). В представлениях среды собственного жилья и общежития данный образ не обнаружен. Выводом нашего исследования предстает предположение о влиянии процессов индивидуализации и глобализации на ценностные ориентации молодежи, в связи с чем актуальными вопросами в период ранней взрослости могут представлять поддержание индивидуальных интересов (в частности занятия спортом), самодостаточность, профессиональное становление, ценность рабочей занятости, а не семейные ценности.

Список использованных источников:

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. -М., 1991. - 42 с.
2. Алексеева Е. Н. Развитие представлений о семье и образе родителя в системе детско-родительских отношений [1] // Теория и практика общественного развития. - 2012. - №12. С. 173-176.
3. Алмазова О. В., Дзукаева В. П., Садовникова Т. Ю. Использование метода семантического дифференциала в исследовании представлений юношей и девушек о семье // Знание. Андреева А.Д. Образ семьи и родительства у современных матерей: кросс-культурное исследование // Теоретическая и экспериментальная психология. - 2016. - Т.9, №2. С. 17-30.
4. Понимание. Умение. - 2015. - №2. С. 277-290.
5. Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование / Отв. ред. С.К. Нартова-Бочавер. М.: Памятники исторической мысли. – 2016. – 220 с.
6. Евграфова Ю. А. Ценности современной молодежи и установки на семью и деторождение // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. - 2012. - №28. С. 1213-1216.
7. Карпенко А. А., Истратова О. Н. Влияние условий воспитания на формирование образа семьи в подростковом возрасте // Известия ЮФУ. Технические науки. - 2011. - №10. С. 174-180.
8. Мищенко В.А. Образ семьи в средствах массовой информации // Социологические исследования. - 2014. - № 6. С. 137-141
9. Портнова А.Г. Личностная зрелость: подходы к определению. Сибирский психологический журнал №27, 2008, С. 37-41
10. Рыжкова А. В. Особенности "образа семьи" у родителей, имеющих детей дошкольного возраста // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. - 2008. - №80. С. 487-490.
11. Смагина С. С. Образ семьи в структуре субъективного опыта дошкольников // Вестник КемГУ. - 2009. - №2. С. 52-59.
12. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: Учебное пособие для вузов. 2-изд.— М.:Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006.— 768 с.— («Gaudeamus»).
13. Шубина Анна Сергеевна Образ семьи в структуре представлений детей, оставшихся без попечения родителей // Известия ВГПУ. - 2009. - №4. С. 179-183.
14. Шур А.И., Варга А.Я., Чеботарева Е.Ю. Исследования образа семьи глазами старшего ребенка до и после рождения младшего sibлинга в рисуночном тесте «моя семья» // Психология и психотерапия семьи. - 2018. - №2. С. 35-54.
15. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. - СПб.: Питер, 1999. - 656 с.

Захарова Елена Игоревна
доктор психологических наук, доцент,
Московский государственный университет
имени М.В.Ломоносова,
доцент кафедры возрастной психологии
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д.11, стр.9
E-mail: E-I-Z@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ГАРМОНИЗАЦИИ УСТАНОВОК ПО ОТНОШЕНИЮ К РОДИТЕЛЬСТВУ ПОСРЕДСТВОМ СИНЕМАТЕРАПИИ²

Аннотация. Представлен опыт использования синематерапии в работе, направленной на гармонизацию представлений о родительстве и отношения к нему. Автор обращается к практике синематерапии, использует ее потенциал при разработке процедуры группового обсуждения переживаний, вызванных просмотром кинематографического художественного произведения. Сделано заключение о возможности применения данного метода как в образовательном процессе и в целях профилактики девиантного родительства.

Ключевые слова: родительство, представления о родительстве, родительские установки, синематерапия, подготовка к родительству

Zakharova Elena Igorevna
Doctor of Psychology, Associate Professor
Moscow State University named by MV Lomonosov,
Associate Professor of the
Department of Developmental Psychology
125009, Russia, Moscow, ul. Mokhovaya, 11, bu. 9
E-mail: E-I-Z@yandex.ru

POSSIBILITIES OF HARMONIZATION OF INSTALLATIONS WITH REGARD TO PARTICIPATION BY SINEMATHERAPY

Annotation. The report presents the experience of using cinematherapy in work aimed at harmonizing the ideas about parenthood and attitudes towards it. The author turns to the practice of cinematherapy, uses its potential to develop a procedure for group discussion of experiences caused by watching cinematographic artistic production. The author makes a conclusion about the possibility of using this method both in the educational process and in order to prevent deviant parenthood.

Keywords: parenthood, parenthood ideas, parental attitudes, cinematherapy, preparation for parenting.

Многочисленные исследования отношения молодых людей к родительству позволяют говорить о том, что на современном этапе развития общества оно теряет свои приоритетные позиции, уступая профессиональным интересам и стремлению молодых людей к активной

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-01213 «Роль художественной кинематографии в формировании установки на реализацию родительской деятельности и образа эффективного родительства у современной молодежи»)

общественной жизни. В силу этого активное ориентирование в содержании родительской роли теряет актуальность, а психологические исследования свидетельствуют о неготовности молодых людей к материнству и отцовству, снижении привлекательности родительской деятельности, существенной неполноте и искаженности представлений о ней [1, 4, 5, 6, 7, 12, 17, 20]. Следствием этого, может стать стремление отодвинуть перспективу родительства на более отдаленную перспективу или вовсе отказаться от родительской роли, что делает актуальной задачу поиска путей гармонизации представлений о родительстве и отношения к нему.

В поисках путей преодоления сложившейся ситуации осуществляются попытки разработать программы подготовки к родительству, в которых существенное место занимает ознакомление со спецификой родительской позиции и родительской роли. Однако, практика подготовки свидетельствует о ее низкой эффективности. Успешно пройдя обучение на подготовительных курсах, женщина продолжает реализовывать не самое эффективное поведение как в родах, так и в собственно родительстве. Вопрос об эффективности подготовки традиционно приводит к пониманию того, что транслируемое содержание будет усвоено только в том случае, если согласуется с системой личностных ценностей и установок. Если же предлагаемый способ действия не согласуется с ценностными приоритетами, он приобретает негативный личностный смысл, что приводит к его отторжению, неприятию.

В поисках путей достижения эффекта присвоения транслируемого содержания мы обратились к разработанному в начале 20го века методе психологического воздействия кинотерапии. Появившаяся в конце XX-го в. в качестве одного из направлений арт-терапии кинотерапия была востребована в первую очередь в русле психоаналитического подхода. Стремительное развитие кинематографа способствовало обогащению приемов психоанализа (Д. Намди, 2016). Анализируя психологические механизмы воздействия на зрителя, исследователи обращаются к процессу идентификации зрителя с героем художественного произведения. Результатом такой идентификации становится «заражение» эмоциональным состоянием героя с последующим глубоким катарсисом. Художественное произведение не только позволяет зрителю преодолеть защитные механизмы и испытать «страсти и желания», подавляемые в повседневной жизни, но в метафорической форме предлагает способ решения проблемной ситуации. Соответственно, существенным условием эффективности терапевтического воздействия является наличие сходства сюжета с актуальной жизненной ситуацией, в которой находится клиент [19].

Данный подход к психотерапевтической работе посредством кинематографии был поддержан и существенно обогащен в онтопсихологии Антонио Менегетти, который сосредотачивает внимание не только на просмотре фильма, но и на последующем его обсуждении в группе зрителей [14]. Подчеркивая, что кино является «самым распространенным в современном мире и самым могущественным средством коммуникации», терапевт вызывает зрителя на разговор, направленный на выявление проективного характера переживаний, а также позволяет ему понять, насколько его личное восприятие расходилось с объективным содержанием образа. В процессе группового обсуждения человек постигает специфику собственных переживаний, совершая акт самопознания [15]. С помощью средств художественного произведения режиссер создает яркие, выразительные образы, но они являются лишь материалом для образов воображения, создаваемых самим зрителем. Они, по мнению автора, позволяют проявиться внутреннему миру человека. Фильм становится средством выражения бессознательного как отдельного индивида, так и группы участников. Организованное после просмотра фильма обсуждение позволяет каждому зрителю понять, насколько его личное восприятие расходилось с объективным содержанием образа. Следовательно, по мнению автора, с помощью данного метода возможно диагностировать и с очевидностью представлять субъекту его бессознательное.

Возникнув как психотерапевтический метод, кинотерапия в настоящее время широко используется как метод психологического воздействия в ходе развивающей работы и решения образовательных задач. В решении задач *оптимизации личностного развития* используются такие возможности кинематографического воздействия, как активизация самопознания, способствующая формированию идентичности, таких личностных качеств как толерантность и эмпатия. В целом ряде исследований показано, что являясь «самым массовым из искусств», кино оказывает существенное влияние на развитие мировосприятия, формирование системы семейных ценностей, моральное и нравственно-этическое развитие, формирование социальной (социально-ролевой, гражданской, гендерной) и личностной идентичности, и эмоционально-личностное развитие молодого человека [3,13]. Использование кинематографического воздействия является наиболее адекватной формой работы с молодежной возрастной группой, так как отвечает актуальной задаче развития молодежи – самопознанию и саморазвитию. Активизирующее воздействие кинематографа основано на возможности трансляции молодому человеку социо-культурного опыта и личностных смыслов, создания условий внутреннего диалога.

На основании проведенных исследований можно утверждать, что в условиях специально организованной процедуры кинотренинга, которая предполагает использование киносредств, заранее подобранных с учетом наиболее значимых для участников тренинга личных жизненных проблем, и дальнейшее их обсуждение, удается существенно повысить уровень эмпатии молодых людей [2]. Успешной оказалась и работа, направленная на повышение степени толерантности в отношении к людям с ограниченными возможностями [10]. В исследовании, проведенном под руководством Н.Л. Карповой, была разработана подробная карта психотерапевтических паттернов, наличие которых в кинофильме делают эффективным воздействие на человека, с точки зрения желаемых для него изменений [9]. Используя специально подобранные средства, исследователи осуществляли комплексную коррекцию девиантного поведения подростков. Результаты работы позволяют сделать заключение о том, что использование фильмотерапии при работе с девиантными подростками позволяет достичь таких положительных результатов как развитие эмоциональной, когнитивной, мотивационно-потребностной, волевой, коммуникативной сфер подростка, осознание ими внутренних конфликтов и возможных путей их решения.

Не менее широкие возможности предоставляет использование кинематографии *в решении образовательных задач*. Использование кинематографа в образовательных целях стало возможным практически с момента его возникновения. Уже с начала прошлого века ставился вопрос об образовательном и воспитательном значении кино. В русле исследований теории социального научения А. Бандуры было доказано, что сюжет кинофильма может выступать для участников группы моделью сложных жизненных ситуаций, а в ряде случаев даже алгоритмом их разрешения. Убедительно показано, что ребенок может копировать поведение понравившегося персонажа при совокупности определенных условий, а именно, когда поведение на экране демонстрируется как обоснованное или вознаграждаемое, персонаж харизматичен или привлекателен для ребенка, ситуация отражает реальную жизнь, близкую личному опыту ребенка. Взрослый же человек, просматривая художественный фильм, узнает события, определенные жизненные ситуации, которые встречались в его собственной жизни, что открывает для него новые возможности разрешения сложных жизненных ситуаций.

С позиции культурно-исторического подхода становится возможным говорить не столько об определяющей роли художественного воздействия, а о том, что обсуждение художественного произведения стимулирует собственную активность участников работы. В отличие от пассивного восприятия содержания лекции, переживания, вызванные просмотром художественного произведения, и их последующее обсуждение обеспечивают личностную включенность зрителя, что находит отражение в успешном усвоении тех идей и положений, которые заданы контентом произведения.

Указанные возможности использования кинематографа в образовательной и развивающей работе послужили причиной обращения к данному методу в целях гармонизации имеющихся у молодых людей представлений о родительстве и отношения к нему. Среди преимуществ данного метода воздействия мы видим следующее:

- возможность обнаружения расхождений собственных представлений о родительстве с закрепленными в современном социо-культурном пространстве (в силу невозможности идентификации с героем);
- объективации установок личности (в силу проекции) препятствующих принятию родительской позиции;
- возможность пересмотра собственных установок в результате действия механизма заражения, сочувствия вызывающему симпатию герою;
- возможность наблюдать последствия используемых средств воспитания и ухода в силу наличия временной перспективы повествования;
- возможность обогащения представлений о средствах реализации родительской деятельности, сравнения используемых стратегий.

Иными словами, мы видим возможность **активизировать ориентировку будущих родителей, как в содержании предстоящей деятельности, так и в собственных личностных основаниях препятствующих ее присвоению.**

В поиске решения поставленной задачи, была разработана процедура психологического воздействия посредством художественной кинематографии. В ходе ее разработки были последовательно реализованы следующие **задачи**:

- подбор содержания (художественных кинофильмов) для психологического воздействия
- разработка процедуры анализа просмотренного художественного фильма в ходе группового обсуждения
- апробация процедуры психологического воздействия
- оценка пригодности подобранного кинематографического материала
- анализ установок по отношению к родительству, зафиксированный в ходе выполнения работы

В качестве материала для кинематографического воздействия – были отобраны художественные фильмы (как современные, так и классические), в которых поднимались вопросы об особенностях родительской позиции, природе родительской любви, условиях становления родительских чувств, целях родительской деятельности, средствах достижения целей, гендерной специфике родительской роли, соответствия родительской позиции возрасту ребенка. В качестве требований к используемому материалу (кроме его содержания) выступал его высокий художественный уровень, отсутствие психотравмирующих событий, вызывающих негативные переживания высокой интенсивности.

В качестве процедуры, обеспечивающей активизацию ориентировки в содержании родительской деятельности и собственных установках в отношении нее, была выбрана процедура группового обсуждения, следующая непосредственно за просмотром фильма. Предметом обсуждения становились вызванные воздействием художественного произведения переживания. Опираясь на представление о том, что переживание является формой ориентировки человека в ценностных основаниях собственной личности (Гальперин П.Я.), мы направляли деятельность участников на анализ природы возникшего переживания, использовали потенциал групповой формы работы, позволяющей обнаружить многообразие отношений к обсуждаемой ситуации, специфичность позиции каждого из участников. Возникающие под влиянием художественного фильма переживания свидетельствуют о том, что происходящие события приобретают для каждого человека особый личностный смысл. Отношение к герою и его жизненной ситуации определяется в первую очередь проекцией собственных ценностных установок, личностных черт и актуальных переживаний. В связи с этим анализ переживаний, возникших в ходе просмотра кинофильма, способствует

осознанию зрителем собственной жизненной ситуации и личностной позиции, открывая это содержание для развития и коррекции.

Именно столкновение с иным мнением и иным переживанием увиденного становится отправной точкой самоанализа. Его направление задавалось вопросами о том «Какую идею (мысль) стремился высказать автор?», «Какое отношение сложилось к персонажам художественного произведения?», «Какие чувства вызывают поступки героев?», «Что может стать для Вас примером для подражания?», «Чего из поступков героев произведения Вы никогда бы не совершили?». Используемые вопросы позволяют направить анализ на разные уровни познания. Одной линией анализа становится сама родительская деятельность, ее содержание и смысловые основания используемых приемов и средств. Другая линия анализ касается собственного отношения к родительству и его истоков. В обсуждении природы той или иной установки в отношении родительства анализу подвергаются ценностные приоритеты участников, личный опыт детских переживаний, собственные индивидуально-психологические особенности.

Апробация процедуры психологического воздействия с использованием средств художественной кинематографии была осуществлена в работе со студенческой молодежью на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, в работе с женщинами ожидающими рождения ребенка в рамках работы «Школы счастливых родителей», функционирующей на базе НЦ акушерства, гинекологии перинатологии имени академика В.И. Кулакова [8]. В ходе работы были обнаружены установки женщин в отношении материнства, не совпадающие с декларируемыми установками, выявленными в ходе предварительного опроса (психологической диагностики). Это свидетельствует о том, что задействованный в кинотерапии механизм психологической проекции позволяет получить более достоверную информацию, по сравнению с получаемой посредством опроса, где сказывается влияние социальной желательности. Важнейшим результатом работы можно считать осознание участницами исследования (30%) противоречивости установок в отношении материнства, выявленных и объективированных в ходе группового обсуждения. Таким образом, преимуществом обучения с использованием метода кинотерапии является возможность актуализировать латентные установки личности, препятствующие присвоению содержания, заложив основу их последующей трансформации.

Использование процедуры психологического воздействия с использованием средств художественной кинематографии позволило прийти к **заклучению** о том, что

1. Использование художественной кинематографии в образовательных целях повышает эффективность образовательного процесса за счет включения ярких художественных образов, иллюстрирующих обсуждаемые феномены, что повышает достоверность предъявляемого материала, облегчает мнемическую задачу.

2. Высокохудожественное произведение является эффективным средством проекции глубинных установок личности, а обсуждение переживаний, вызванных его просмотром, обнаруживает низкий уровень защитных механизмов личности.

3. Возможность выявления личностных установок участников в процессе группового обсуждения требует внимательного отношения к подбору группы, проведение предварительного психологического обследования.

4. Достижение устойчивого эффекта психологического воздействия требует проведения цикла из нескольких сеансов просмотров кинофильмов с последующим обсуждением. Увеличение продолжительности работы усиливает стойкость произведенного эффекта.

Список использованных источников:

1. Абдуллина С.А. Представления о родительстве у детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста: дисс... канд. психол. наук 19.00.13 // Абдуллина Светлана Александровна. – Москва, 2018. – 280 с.

2. Ахмедзянова А.Э. Актуализация эмпатии личности средствами кинотренинга: на примере студентов гуманитарного профиля: диссертация ... кандидата психологических наук.- Казань, 2011.- 157 с.
3. Бочаров А.К. Разработка кинотерапевтического тренинга направленного на психологическую помощь подросткам в процессе самоопределения// Психологические исследования. - 2008. - №6.
4. Васягина Н.Н. Субъективное становление матери в современном социокультурном пространстве России: дисс... д-ра психол. наук 19.00.07 // Васягина Наталия Николаевна. - Екатеринбург, 2011. – 464 с.
5. Девярых С.Ю. Особенности представлений о родительстве в юношеском возрасте (анализ гендерных различий): дисс... канд. психол. наук 19.00.07 // Девярых Сергей Юрьевич. – Смоленск, 2006. – 231 с.
6. Долгих А. Г., Захарова Е. И. Содержание и степень гармоничности представлений о материнстве и отцовстве в юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2018. — № 2. — С. 89–99.
7. Захарова Е.И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. - 2015. - Т. 11. - № 1. - С. 44–49.
8. Захарова Е.И., Долгих А.Г. Использование средств художественной кинематографии в подготовке беременных женщин к материнству// XXIV Всероссийский конгресс с международным участием «Амбулаторно-поликлиническая помощь в эпицентре женского здоровья» Сборник тезисов. //Под редакцией академика РАН Г.Т. Сухих, профессора В.Н. Прилепской - М., 2018– 124 с.
9. Карпова Н.Л. Данина Н.В. Кисельникова А.И. Шувигов А.И. Психологический, педагогический и психотерапевтический аспекты воздействия кино на зрителя // Вопросы психологии. - 2011. - № 4. - С. 87-97.
10. Кожухарь Г. С., Арапов В. И. Влияние просмотра кинофильма на отношение старшеклассников к людям с особенностями физического развития. International Journal of Developmental and Educational Psychology
11. INFAD Revista de Psicología, №1-Vol.2, 2013. - pp:85-96
12. Крысько, А.А., Ланцбург, М.Е. Представления о материнстве и возрастных особенностях детей у девушек старшего подросткового возраста [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. - 2014. - Т.6. - №2. - С.129–138. - URL: http://psyedu.ru/journal/2014/2/Krysko_Lancburg.phtml (дата обращения: 30.07.2018)
13. Макеева С. А., Макеева А. А. Киноискусство как средство арт-терапии при работе с детьми // Молодой ученый. — 2017. — №1.1. — С. 76-78. — URL <https://moluch.ru/archive/135/37721/> (дата обращения: 19.06.2018)
14. Менегетти А. Онтопсихологическая синемалогия. – СПб.: Онтопсихология, 2014, - 563с.
15. Менегетти А. Кино, театр, бессознательное. Том 1. /Пер. с итальянского ННБФ "Онтопсихология". – М.: ННБФ "Онтопсихология", 2001. – 384 с
16. Мерзлякова С.В. Родительская семья как ориентирующий образ семейного самоопределения молодежи. // Теория и практика общественного развития. – 2014. - № 2. - С.114-119
17. Мухина Н.В., Белогай К.Н. Уровень психологической готовности к материнству в период ранней взрослости // Перинатальная психология и психология родительства. - 2007. - № 4. - С. 98–100.
18. Д. Намди, 2016
19. Прокофьева Н. Кинотерапия как инструмент личностного развития. theoretic-cinematherapy/method

20. Филипова Г.Г. Развитие родительской сферы в онтогенезе и готовность к материнству // Психология беременности, родов и послеродового периода: хрестоматия по перинатальной психологии / Сост. А.Н. Васина. – М., 2005. - С.62-65

Данилова Елена Евгеньевна
кандидат психологических наук,
ФГБНУ «Психологический институт РАО»,
ведущий научный сотрудник
125009, Москва, ул. Моховая, д.9, стр. 4
E-mail: danillen@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЕЙ К РАЗЛИЧНЫМ АСПЕКТАМ МОДЕРНИЗАЦИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье обсуждается проблема отношения учителей и родителей к проходящей в стране модернизации системы образования. Показано, что позиция учителей более консервативна, чем позиция родителей. Родители более заинтересованы в происходящих в школе переменах, демонстрируют отчетливую тенденцию к преодолению патерналистских установок в области образования, поддерживают изменения, отражающие образовательные потребности современной семьи: практическую ориентированность школьного образования, его вариативность и доступность.

Ключевые слова: реформа образования, модернизация системы образования, учителя, родители, образовательные потребности семьи.

Danilova Elena Evgenyevna
PhD in Psychology,
FGBNU "Psychological Institute of Russian Academy of Education",
Leading Researcher
125009, Moscow, Mokhovaya street, 9, p. 4
E-mail: danillen@yandex.ru

THE ATTITUDE OF PARENTS AND TEACHERS TOWARDS VARIOUS ASPECTS OF MODERNIZATION OF SCHOOL EDUCATION

Abstract. The article deals with the problem of teachers' and parents' attitude towards the modernization of Russian education system. It is shown that the position of teachers is more conservative than the position of parents. Parents are more interested in the changes taking place at school, demonstrate a clear tendency to overcome paternalistic attitudes in the sphere of education, support changes that meet the educational needs of a modern family: practical orientation of school education, its variability and accessibility.

Keywords: education reform, modernization of the education system, teachers, parents, educational needs of the family.

В современном обществе образование признается одной из важных социальных ценностей, реализация которой существенно расширяет индивидуальный потенциал человека: позволяет ему обрести более широкий и самостоятельный взгляд на мир, создает условия для развития способностей и более полной самореализации, способствует профессиональному росту и карьерному продвижению. В общественном сознании уровень образованности человека тесно коррелирует с достижением им финансового благополучия, получением общественного признания и прочими составляющими жизненного успеха. Данные социологических опросов свидетельствуют о том, что граждане нашей страны хотят видеть своих детей образованными: среди взрослых респондентов подавляющее большинство (81%) хотели бы дать своим детям (внукам) высшее образование [4].

Родители всегда были заинтересованы в получении детьми качественного образования. Однако на протяжении значительного исторического периода в жизни нашей страны решение проблем образования было прерогативой государства, которое принимало на себя значительную часть ответственности за обучение и воспитание подрастающего поколения. В последние десятилетия отношения семьи и школы претерпели существенные изменения. Вместе с кардинальными преобразованиями в общественно-политической и социально-экономической сферах жизни нашей страны, изменились и отношения семьи и государства в области образования. Теперь основная ответственность за обучение и воспитание детей возложена на родителей, семью; государство же оставило за собой обязанность оказывать родителям помощь в воспитании и развитии детей.

Такое перераспределение ответственности между государством и семьей в сфере образования начало складываться еще в 90-х годах прошлого столетия, параллельно с вовлечением образовательных учреждений в систему рыночных экономических отношений, и было окончательно закреплено в новом «Законе об образовании в Российской Федерации» от 2012 года. В течение всего этого периода родительская общественность интуитивно и постепенно вычленила новую позицию государства, его отказ от принципа патернализма в области образования, и пыталась адаптироваться к новым отношениям ответственности.

Осознанию родителями произошедших перемен в значительной степени способствовало проведение реформы системы отечественного образования, в ходе которой образование было непривычно для обывателя отнесено к сфере услуг, а в образовательных учреждениях заметно возросла доля платных занятий. Реформирование системы образования и многочисленные мероприятия по его модернизации напрямую затрагивают интересы каждой семьи, в которой воспитываются дети. Поэтому реализуемые в образовании масштабные новации все больше побуждают родителей занимать активную позицию в этом процессе (определять образовательный заказ, формировать образовательную среду для своего ребенка в соответствии с его потребностями и интересами и пр.) и становится тем самым полноправными участниками образовательного процесса. Наши исследования показывают, что значительное число современных родителей (58%-87%) уже считают образование детей преимущественной ответственностью семьи. Причем чем выше уровень образовательных потребностей семьи, чем выше притязания родителей в отношении образования своего ребенка, тем меньше родители пытаются разделить или полностью возложить эту ответственность на государство, и тем в большей степени заявляют о своей личной ответственности за образование детей [1].

Реформирование и модернизация отечественной системы образования затрагивают, по существу, все его основные аспекты: как проблемы содержания современного образования, так и вопросы его эффективного управления, организации, финансирования, информатизации и пр. Эти существенные преобразования изменяют распределение отношений ответственности между образовательными учреждениями и семьей, определяют новые способы взаимодействия всех участников образовательного процесса.

Успешность столь масштабных изменений в сфере образования во многом зависит от согласованности позиций и поддержки важнейших направлений модернизации со стороны взрослых участников образовательного процесса – учителей и родителей. В этой связи важно выяснить отношение этих субъектов образования к переменам, происходящим в настоящее время в жизни российской школы.

Исследование проводилось в Москве, поскольку в столичном регионе мероприятия по реформированию и модернизации системы образования осуществляются особенно целеустремленно, интенсивно и масштабно.

Методика исследования. Для проведения исследования был разработан многопрофильный опросник, направленный на выявление позиций участников образовательного процесса по отношению к актуальным проблемам современной российской школы.

Опросник состоит из 45 суждений, отражающих современные тенденции и приоритеты развития школьного образования в нашей стране. В опроснике представлены следующие тематические блоки: - функция школы как социального института современного общества; - статус образования в системе общественных отношений; - современные тенденции развития образования; - профессионализм современного учителя; - взаимодействие семьи и школы; - информационная среда школы.

В каждый блок вошло от 4 до 12 суждений. Относящиеся к разным блокам суждения распределены в тексте опросника в случайном порядке. Суждения оценивались по пятиступенчатой шкале: от «совершенно согласен» до «совершенно не согласен», что позволяло респондентам точнее выразить свое мнение по той или иной теме. В ходе обработки значения двух крайних позиций как левого, так и правого флагов шкалы, были объединены (шкала оценки становилась трехступенчатой) с целью проведения более корректного сравнительного анализа.

При обработке полученных материалов использовались методы статистического анализа данных (критерий t-Стьюдента), а также осуществлялся контент-анализ высказываний респондентов.

Эмпирическая база исследования. Исследование проводилось на базе общеобразовательных школ г. Москвы. В нем были задействованы взрослые участники образовательного процесса: учителя (70 человек) и родители учащихся (84 человека). Респонденты опрашивались как в очной форме, так и в формате online.

Результаты исследования. В ходе исследования было установлено, что по ряду важных проблем современного образования мнения учителей и родителей хорошо согласуются, и в то же время существенно расходятся по многим принципиальным для сегодняшней российской школы вопросам.

Рассмотрим сначала те аспекты школьного образования, в отношении которых взрослые участники образовательного процесса проявили единодушие. Прежде всего, и учителя, и родители согласились в определении основных задач школы, состоящих в том, чтобы дать детям качественные знания и научить применять их в жизни (100% учителей и 95% родителей), а также помогать семье в воспитании ребенка и развитии его индивидуальности (83% учителей и 83% родителей). При этом и учителя, и родители полагают, что школьное обучение должно быть бесплатным (91% учителей, 86% родителей) и вариативным, позволяющим каждому ребенку найти ту школу, в которой ему будет лучше учиться (80% учителей, 81% родителей). Взрослые участники образовательного процесса считают также, что в современном мире качественное школьное образование не может быть ограничено объемом школьного учебника (86% учителей, 93% родителей).

Учителя и родители сошлись также во мнении о том, кого можно считать хорошим учителем. По общему представлению, такой специалист должен на высоком уровне владеть своим предметом и эффективными методами преподавания (100% учителей, 95% родителей), а также уважать своих учеников (100% и учителей, и родителей). При этом и учителя, и родители признают наличие у современных педагогов серьезных проблем в построении взаимоотношений с учащимися. Обе группы респондентов указывают, что вполне привычной является ситуация, когда учитель ругает детей или кричит на них (69% учителей, 71% родителей). И учителя, и родители отмечают, что опытный учитель не всегда может корректно «поставить на место» ученика, мешающего вести урок (38% учителей, 37% родителей). Тем самым, не только родители, но и сами учителя признают существование в современной российской школе проблемы взаимодействия педагогов и учащихся, дефицит конструктивных, уважительных отношений между ними. Конечно, нельзя не признать, что сегодня учителя работают с детьми, заметно отличающимися от их сверстников, учившихся в школе всего несколько десятилетий назад [5]. Однако какими бы особенностями не отличались современные дети (позднее созревание и взросление, дефицит развития произвольности и внимания, слабые навыки социальной и коммуникативной компетентности, погруженность в виртуальное пространство, высокий интеллект,

ориентация на собственную систему ценностей и пр.), ответственность за выстраивание отношений с ними лежит на взрослых. И особенно на тех, кто профессионально работает с детьми. Поэтому вполне правомерно ставить вопрос о необходимости повышения профессиональной компетентности современных школьных учителей, целенаправленного обучения их навыкам педагогического общения и педагогической этики.

В отношении же целого ряда других не менее важных аспектов школьного образования, подвергающихся в настоящее время модернизации, мнения родителей и учителей существенно разошлись. Отметим прежде всего расхождения, касающиеся проблемы содержания школьного образования. Вопрос о том, чему и как школа должна учить детей, становится сегодня актуальным, как никогда. Очевидно, что современная эпоха предъявляет новые требования к умению человека работать с многократно возросшим потоком информации, ориентироваться в условиях быстрых социальных преобразований, обладать таким набором необходимых знаний, а главное – способов их добывания и применения, которые обеспечивали бы конкурентоспособность в условиях стремительно меняющегося мира профессий, и т.д. Результаты проведенного опроса показывают, что родители в большей степени, чем учителя, ориентированы на изменение содержания школьного образования. Родители, в отличие от учителей, полагают, что современная школа дает много теоретических знаний, но мало готовит детей к реальной жизни (62% родителей, 9% учителей; различия статистически значимы, $p \leq 0,001$), и не считают школьную программу перегруженной лишними предметами (50% родителей, 34% учителей; различия статистически значимы, $p \leq 0,05$). Тем самым, родители выступают за расширение образовательной программы за счет учебных предметов, более глубоко знакомящих детей с различными сферами жизни (например, в отдельных столичных школах вводятся такие новые учебные предметы, как экономика, право, психология и др.).

Заметно различаются позиции родителей и учителей и по проблеме доступности школьного образования. Так, например, признавая существование трудностей с введением инклюзии в современной российской школе, большинство родителей (64%) не отрицают ее возможности и полагают, что разные дети должны учиться вместе. Учителя же не считают школы подготовленными к введению инклюзивного обучения (57% учителей, 38% родителей; различия статистически значимы, $p \leq 0,05$), среди педагогов обнаружилось больше тех, кто не поддерживает обучение в одном классе детей с разным уровнем развития и состоянием здоровья (60% учителей, 33% родителей; различия статистически значимы, $p \leq 0,01$). Подобная позиция учителей, изнутри знающих возможности своих образовательных учреждений, вполне понятна. Учителя хорошо осознают, что работа в классе, где собраны дети с разными образовательными потребностями, требует не только специальной подготовки самого педагога, но и создания необходимых условий для полноценного осуществления учебного процесса (разработки индивидуальных программ обучения, уменьшения численного состава учащихся в классе, наличия квалифицированных тьюторов и пр.), чего большинство образовательных учреждений не в состоянии обеспечить сегодня в полном объеме.

Разногласия между родителями и учителями отмечаются и в оценке организационно-управленческих новаций, происходящих в столичных образовательных учреждениях. Несмотря на то, что большая часть как учителей, так и родителей не согласны с преобразованием школ в многофункциональные образовательные центры во главе с директором-менеджером (60% учителей, 55% родителей), среди родителей эта инновация все-таки находит большой отклик (14% учителей, 26% родителей; статистические различия на уровне тенденции, $p \leq 0,1$). Несовпадение позиций учителей и родителей достаточно ярко обнаружилось и в их представлениях о хорошем директоре школы: учителя уверены, что таким директором может стать только настоящий педагог (77% учителей, 55% родителей; различия статистически значимы, $p \leq 0,01$), тогда как среди родителей больше тех, кто сомневается или не согласен с этим традиционным для отечественной школы подходом к выбору директора школы.

Таким образом, по ряду важных направлений модернизации школы учителя демонстрируют консервативную позицию, выступая приверженцами прежней системы работы образовательных учреждений. В то же время родители более открыты предлагаемым нововведениям. Они больше учителей заинтересованы в обновлении содержания школьных программ, повышении доступности образования и такой организации жизни школы, которая бы предоставляла их детям широкие возможности для всестороннего развития. Можно предположить, что преобразования именно этих сфер школьной жизни отвечают образовательным потребностям семьи и запросам родителей к современной системе образования.

Результаты проведенного опроса свидетельствуют также о происходящем в настоящее время заметном перераспределении ответственности семьи и школы за обучение и воспитание детей. Так, например, большинство наших респондентов считают, что школа сейчас уже не является для ребенка единственным проводником в мир культуры и цивилизации, существенную роль в общекультурном становлении детей должна играть также семья (63% учителей и 62% родителей). В отношении ведущей роли школы в воспитании у детей чувства патриотизма, гражданской ответственности и гордости за свою страну мнения учителей и родителей разошлись. Большинство родителей с этим утверждением не согласны (64% родителей, 37% учителей; различия статистически значимы, $p \leq 0,01$), тогда как в группе педагогов мнения разделились: половина учителей (51%) поддерживают приоритет школы в этом направлении, тогда как остальные (49%) сомневаются или выражают несогласие. Таким образом, за общекультурное развитие ребенка, его образование в широком смысле, по мнению участников опроса, ответственность возлагается в первую очередь на семью. Причем в вопросах воспитания семья готова принять на себя больше ответственности, чем согласна передать ей школа.

Отмечается перераспределение ответственности между семьей и школой и за результаты обучения детей. Результаты исследования показывают, что вопрос об ответственности школы за качественную подготовку учащихся к итоговой аттестации оказался дискуссионным как среди родителей, так и среди самих педагогов: лишь половина учителей и родителей (57% и 55% соответственно) полагают, что школа может подготовить учащихся к успешной сдаче экзаменов, остальные же не согласились с этим утверждением. При этом родители в большей мере, чем педагоги, признают вклад занятий с репетитором в получение детьми прочных знаний (50% родителей, 34% учителей; различия статистически значимы, $p \leq 0,05$). Отметим, что в современной российской школе репетитор все увереннее выступает в роли значимого участника образовательного процесса. Потребность семей школьников в услугах репетиторов особенно возросла с введением ЕГЭ. По данным социологических опросов, 43% российских старшеклассников занимаются с репетиторами [6]. В столичном мегаполисе обращение к репетиторам носит массовый характер: 68% московских семей, имеющих девятиклассников, берут репетиторов для подготовки к ОГЭ, многие родители, заботясь об успешной сдаче детьми экзаменов в средней и старшей школе, организуют занятия ребенка с репетиторами уже в начальных классах [2]. Очевидно, что обращаясь к помощи репетиторов для учащихся разных ступеней обучения, семья получает возможность реализовать те образовательные потребности и интересы, которые не в состоянии удовлетворить сегодняшняя школа. Посредством репетиторов родители имеют возможность более полно и качественно формировать образовательную среду ребенка с учетом его индивидуальных особенностей, склонностей и интересов, отслеживать качество усвоения знаний, вести подготовку ребенка к сдаче итоговых экзаменов, точнее прогнозировать дальнейший образовательный маршрут школьника. Заметим, что в дореформенной школе большинство этих функций выполнял школьный учитель.

Снижение качества обучения в современной школе и ухудшение работы учителей («учат хуже») отмечаются как устойчивые тенденции общественного мнения последних десятилетий [3]. Результаты нашего исследования показывают, что в настоящее время у учителей действительно существуют проблемы, касающиеся их профессиональной

подготовки в широком смысле – связанные с осознанием сути, смысла и назначения педагогической деятельности, формирования собственной профессиональной позиции. Одно из свидетельств этого – отмеченное выше открытое признание педагогами роли репетиторов в учебном процессе. Еще одним признаком изменения профессиональной позиции современного педагога выступает, на наш взгляд, склонность учителей придавать большое значение информационным технологиям, считая их непременным условием достижения качества школьного обучения (83% учителей, 57% родителей; различия статистически значимы, $p \leq 0,001$). Между тем, немалая доля родителей (26% родителей и только 9% учителей; различия статистически значимы, $p \leq 0,01$) не считают применение информационных технологий залогом успешного осуществления образовательного процесса. Тем самым, родители больше доверяют самому педагогу, его знаниям, умениям и опыту, тогда как сами учителя возлагают надежды на информационные ресурсы.

В нашем исследовании был обнаружен еще один значимый факт, имеющий отношение к пониманию особенностей профессионального сознания современных школьных учителей. Оказалось, что участвовавшие в опросе учителя не всегда различают понимание образования как сферы услуг (бытовых услуг) и как важной социальной услуги, поддерживаемой государством. Позиция родителей по этому вопросу была более выдержанной и грамотной: среди родителей отнесли образование к сфере социальных услуг 69%, тогда как среди учителей – только 29% (различия статистически значимы, $p \leq 0,01$). Выявленные особенности профессиональной позиции современных учителей заслуживают отдельного внимания и обсуждения. Однако очевидно, что специфика этой позиции может существенно влиять на складывающиеся в сегодняшней школе отношения между педагогами и родителями как ответственными участниками образовательного процесса.

Таким образом, проведенное исследование показало, что позиции учителей и родителей по отношению к основным тенденциям развития российского образования существенно различаются. Позиция учителей в отношении модернизации системы образования в целом является более консервативной, чем позиция родителей. Школьные учителя, ориентируясь на использование новых информационных технологий в образовательном процессе, являются, тем не менее, сторонниками сохранения традиционного содержания образования и традиционных для нашей страны организационно-управленческих оснований деятельности образовательных учреждений. Они недостаточно готовы к работе с современными детьми, слабо владеют навыками профессионального общения и не обладают необходимыми компетенциями для работы в классах с неоднородным составом учащихся. Учителя выражают готовность разделить с родителями ответственность за результаты учебной работы школьников, признавая вклад репетиторов в обеспечение качества получаемых детьми знаний. Установлено, что современные российские учителя имеют нечеткую профессиональную идентичность и недостаточно хорошо осознают общественную значимость своей профессиональной деятельности, не в полной мере понимают роль образования как важнейшей социальной услуги, развитие и совершенствование которой входит в число приоритетов национальной политики государства.

Современные родители более активно и гибко, чем учителя, реагируют на происходящие в школе перемены. Они демонстрируют отчетливую тенденцию к преодолению патерналистских установок в области образования и готовы к принятию более высокой ответственности семьи за обучение и воспитание детей. Родители в большей степени поддерживают изменения в содержании образования, его практическую ориентированность и введение новых учебных предметов. Они являются сторонниками новаций, отвечающих критериям вариативности и доступности школьного образования. В целом родители доверяют профессионализму учителей больше, чем сами педагоги. Однако вынуждены компенсировать недоработки последних, прибегая к помощи репетиторов.

Известно, что успешность и эффективность любых инноваций во многом определяется единством ориентиров и целевых установок субъектов, причастных к их реализации.

Выявленные существенные расхождения в отношениях родителей и учителей к процессам модернизации школьного образования могут служить одним из факторов, затрудняющих процесс преобразования российской школы с учетом требований современной эпохи, новых образовательных интересов и потребностей семьи, а также возрастающей ответственности родителей за образование своих детей.

Список использованных источников:

1. Данилова Е.Е. Готовы ли родители нести ответственность за образование своих детей [Электронный ресурс] // Science Time. 2015. № 9 (21). С. 65-70. URL: <http://on-tvor.ru/>
2. Лемуткина М. 68% московских семей берут репетитора уже в 9-м классе. Всё о репетиторах [Электронный ресурс] // Московский комсомолец. 26 марта 2017. URL: <http://www.mk.ru/social/2017/03/26/68-moskovskikh-semey-berut-repetitora-uzhe-v-9m-klasse.html> (Дата обращения: 10.07.2018).
3. Профессия «учитель»: вчера и сегодня // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 3185. 26 августа 2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115829> (Дата обращения: 20.06.2018)
4. Система образования в России: 1991-2016 // Пресс-выпуск ВЦИОМ. № 3022. 22 января 2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115556> (Дата обращения: 20.06.2018)
5. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 47-56.
6. SuperJob: Почти половина учеников старших классов в России занимаются с репетиторами [Электронный ресурс] // URL: <http://mel.fm/novosti/194358-27-rossyskikh-shkolnikov-zanimayutsya-s-repetitorami> (Дата обращения: 10.07.2018).

Андреева Алла Дамировна
кандидат психологических наук, старший научный сотрудник,
ФБГНУ «Психологический институт» РАО,
заведующий лабораторией научных основ
детской практической психологии
125009 г. Москва, Моховая, 9, стр.4
e-mail: info@pirao.ru

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕВЫХ УСТАНОВОК СЕМЬИ И ШКОЛЫ

Аннотация. В статье проведен анализ социальной ситуации родительства постиндустриальной цифровой эпохи и ее влияния на социальную ситуацию развития ребенка, выявлено противоречие целевых установок семьи и школы на образование детей. Представлены данные эмпирического исследования, свидетельствующие о том, что современное детство характеризуется размыванием границ возрастных периодов, установленных в качестве нормативных этапов психического и личностного развития ребенка индустриального общества.

Ключевые слова: социальная ситуация развития, образование, целевые установки, родительство, мотивация учения.

Andreeva Alla Damirovna
Ph. D., senior researcher,
head of laboratory of scientific bases
of children's practical psychology
"Psychological Institute" Russian Academy of education
125009 Moscow, Mokhovaya str., 9, p. 4
e-mail: info@pirao.ru

THE EDUCATION OF CHILDREN IN THE POST-INDUSTRIAL SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE GOALS SET BY FAMILIES AND SCHOOLS

Abstract. The article analyzes the social situation of parenting in the postindustrial digital era and its impact on the social situation of child's development, as well as reveals the contradiction between family's and school's goals for children's education. The data of the empirical study presented in the article show that modern childhood is characterized by blurring of the boundaries between the age periods established as normative stages of child's mental and personal development in the industrial society.

Key words: social situation of development, education, goals, parenting, learning motivation.

Школа является важнейшим социальным институтом, основная задача которого заключается в подготовке детей к продуктивному выполнению своих гражданских обязанностей в будущей взрослой жизни. Содержание и продолжительность школьного образования *отражают приоритетные цели и актуальные социально-экономические потребности государства.*

Образование детей всегда занимало важное место в деятельности советского государства. Научно-технический прогресс, начавшийся на рубеже XIX-XX веков, понимание того, что послереволюционное восстановление и подъем экономики невозможны

при низкой грамотности населения, выдвинули задачу ликвидации безграмотности в качестве приоритетного направления государственной политики.

Дальнейшее развитие промышленного производства и индустриализация страны требовали уже не просто грамотных, но и в достаточной степени образованных кадров, что незамедлительно отразилось на структуре школьного образования. Обязательное начальное, а затем и неполное среднее образование, появление системы среднего специального образования позволили существенно повысить профессиональный потенциал работников. Обучение в ремесленных, железнодорожных училищах, школах ФЗО рассматривалось как привлекательный путь продолжения образования и приобретения востребованной профессии. Родителей обязывали отдавать детей в школу, за не посещающих школу детей боролись органы народного образования, общественные организации на предприятиях, где работали «несознательные» родители. В довоенные и послевоенные годы для большинства детей школа составляла разительный контраст с их повседневной жизнью и бытом: чистые просторные помещения, красиво оформленные классы, интересная общественная жизнь. Школа была одним из основных источников новых впечатлений для детей – информационных, социальных, культурных, эмоциональных. Таким образом, социальная политика советского государства удлинила детство, освободив детей от необходимости раннего включения в трудовую деятельность и предоставив им возможность подготовиться к будущему квалифицированному труду.

Вместе с тем, долгое время обучение в старших классах школы не было обязательным, на него были ориентированы только те учащиеся, которые планировали продолжить образование в высших учебных заведениях. Более того, оно было платным и малодоступным для большей части населения. В этот период школа действительно была ориентирована на подготовку выпускников к поступлению в вузы.

Научно-техническая революция привела к повышению образовательных и культурных требований во всех сферах производственной и общественной жизни, поэтому в 1961 г. в нашей стране был провозглашен курс на обязательное всеобщее среднее образование. Это открывало доступ к поступлению в вузы всем выпускникам школы, однако, не означало автоматического всеобщего высшего образования, ибо ни одно государство не сможет обеспечить такое же количество высококвалифицированных рабочих мест. Именно тогда школа сняла с себя обязательства по подготовке выпускников в вузы, что не было в полной мере осознано населением и вызвало недовольство явным снижением качества образования, усилением формализма в работе школы.

Сегодня государство по-прежнему не нуждается в большом количестве работников с высшим образованием, что связано с ***социально-экономическими особенностями постиндустриального общества.***

Авторы концепции постиндустриального общества [3; 15] подчеркивали, что автоматизация и информатизация производства позволят уменьшить долю людей, занятых в промышленности. Соответственно, значительная часть населения переместится в сферу социальных услуг, имеющую развитую инфраструктуру и составляющую основную часть постиндустриальной экономики по числу занятых в ней людей. К ней относятся как сфера обслуживания, так и услуги в сфере образования, культуры, здравоохранения, юриспруденции, финансов. Однако цифровые технологии в сфере социальных услуг также приводят к уменьшению численности занятых в ней работников, поэтому сегодня представители еще недавно востребованных профессий переживают период массовых сокращений и вынуждены искать себя в новых сферах. Развитие цифровой экономики приведет к дальнейшему сокращению рынка труда, росту профессиональной конкуренции, повышению жизненных стандартов.

Глобальные изменения всей инфраструктуры человеческой деятельности определяют ***необходимость модернизации отечественного образования, поиска новых подходов в подготовке детей к жизни в обществе,*** о котором сегодня мы имеем самое смутное представление. Темп происходящих изменений, их множественный характер позволяют

понять лишь общую направленность требований к человеку будущего – он должен быть готов к продуктивному функционированию в неустойчивых социокультурных системах, уметь работать с информационными потоками, обладать гибким мировоззрением, способным встраивать в себя новые знания и условия деятельности. Все более популярным становится представление о транспрофессионализме человека будущего, который, в отличие от традиционного узкого специалиста, обладает профессиональными знаниями и умениями в смежных областях, является универсальным специалистом для целого класса новых профессий.

Ответом на эту потребность общества стало появление новых федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), разработанных и принятых в 2010 г. Этот стандарт отражает идеологию модернизации образования, основной целью которого должно стать обучение и воспитание граждан будущего общества.

Так, в соответствии с требованиями нового образовательного стандарта к личностным, метапредметным и предметным результатам обучения выпускник школы должен обладать мировоззрением, соответствующим современному уровню развития науки и общественной практики, основанным на диалоге культур, различных форм общественного сознания, осознания своего места в поликультурном мире.

Он должен быть способен к саморазвитию и самовоспитанию в соответствии с общечеловеческими ценностями и идеалами гражданского общества, готов к самостоятельной, творческой и ответственной деятельности. Сознательное отношение к непрерывному образованию и самообразованию является важнейшим условием успешной профессиональной и общественной деятельности.

В качестве необходимых практических навыков выпускник должен обладать умением самостоятельно определять цели и составлять планы деятельности, осуществлять, контролировать и корректировать деятельность, используя для достижения поставленных целей все возможные ресурсы и различные методы познания, выбирая успешные стратегии в различных ситуациях.

Сегодня информационная среда стала ведущим фактором социальной ситуации развития ребенка. Полноценное взаимодействие с ней, жизнь в ней требует развитой способности к самостоятельной информационно-познавательной деятельности, умения ориентироваться, критически оценивать и интерпретировать информацию, получаемую из различных источников.

Таким образом, нынешний ФГОС задает целевые ориентиры для сохранения функциональности системы образования, ее способности соответствовать требованиям современного общества. Этот документ является частью закона РФ об образовании, принятого в 2012 г., в котором закреплены условия достижения указанных выше личностных и когнитивных качеств человека будущего. К ним, в частности, относятся: вариативность образовательных программ, курсов, типов образовательных учреждений; дифференциация образования, формирование индивидуальных образовательных траекторий; расширение образовательной среды за счет доступного дополнительного образования; внедрение новых образовательных технологий, новых форматов образования; самообразование. Это очень дорогой проект, требующий, как и любая социальная реформа, значительных материальных и людских ресурсов.

Между тем современное российское общество является не только постиндустриальным, *но и транзитивным* по характеру происходящих в нем перемен. Транзитивное общество отличает, прежде всего, амбивалентность социокультурной среды, переплетение традиционализма и модернизации практически во всех сферах экономики [7]. Другой важной особенностью современного транзитивного общества является высокий уровень неопределенности жизненных ситуаций и множественность вариантов социального поведения [16]. Неустойчивость экономического развития определяет скромный бюджет сферы социальных услуг, поэтому реальная практика перестройки системы образования

происходит в условиях ограниченных финансовых возможностей и стремится к оптимизации расходов.

В результате происходит не столько модернизация системы образования, сколько реставрация прошлых схем и моделей обучения и воспитания подрастающих поколений. Именно в прошлом сегодняшние руководители образования видят правильные с их точки зрения способы реализации стоящих перед обществом задач. Традиционалистские тенденции проявляются в целом ряде административных решений и намерений, направленных на возврат к моделям образования, больше отвечающим требованиям индустриального общества, нежели современным вызовам.

В частности, происходит сворачивание даже той вариативности образования, которая была до нового ФГОС: авторских школ, специализированных (в том числе и коррекционных) школ, сужение федерального списка учебников, рекомендованных для использования в учебном процессе. Запрет на использование пособий, не имеющих рекомендательного грифа Министерства образования, активные попытки создания единых учебников по всем предметам, формализация требований ФГОС к разработке учителем собственных рабочих программ ограничивают творческий потенциал педагога, лишают его профессиональную деятельность личностного смысла. В быстро развивающемся и меняющемся мире невозможно предложить единственно правильный учебник на все времена. Именно многообразии взглядов и оценок, способов подачи материала, конкуренция школьных учебников требуют от учителя активного заинтересованного подхода к обучению, оживляют образовательную среду, развивают критичность мышления учащихся, формируют умение искать и сознательно перерабатывать информацию применительно к требованиям конкретной задачи.

Весьма неожиданным оказалось и решение разработать новые образовательные стандарты, призванные создать «единое образовательное пространство», хотя ныне действующий Стандарт едва перевалил за половину срока, отпущенного на его внедрение (с 2011 по 2022 г.г.). Не совсем понятно, каким образом заявленная правительством задача скорейшего внедрения цифровой школы, предполагающей использование разных образовательных порталов и источников информации, будет реализована в едином образовательном пространстве с едиными учебниками.

Экономически выгодное уменьшение численности специализированных и коррекционных школ, в которых с детьми работали профильные специалисты, является лишь имитацией инклюзивного образования. Оно привело к высокой степени неоднородности контингента детей, обучающихся в одном классе, и снижению продуктивности работы учителя, имеющего слабое представление о специфике обучения детей с недостатками развития и ограниченными возможностями здоровья.

Очевидно, что нынешнее переустройство отечественного образования не способствует полноценной реализации тех целевых ориентиров, которые закреплены ныне действующим Законом об образовании. Это противоречие является ярким признаком транзитивности образовательной среды современной российской школы. Более того, в настоящее время со всей очевидностью преобладают именно традиционалистские тенденции, попытки решить сложные проблемы современного образования старыми проверенными способами [2].

Кардинальные изменения всей архитектуры социально-экономических отношений в обществе создали условия для возникновения *новой социальной ситуации родительства*. Действовавшая в прошлом модель взаимодействия семьи и государства, предполагавшая высокий уровень ответственности системы образования за воспитание и обучение будущих граждан, утратила свою актуальность. Сегодня государство гарантирует населению лишь тот бесплатный образовательный минимум, который входит в «пакет» государственной услуги. Закон об образовании РФ призывает родителей ребенка создавать для него индивидуальную образовательную среду, которая в наибольшей степени соответствовала бы его способностям, интересам, семейным возможностям и приоритетам, поддерживать и развивать необходимый уровень учебной мотивации. Со своей стороны, школа готова

предоставить населению перечень дополнительных образовательных услуг, как бюджетных, так и коммерческих. Дополнительное образование рассматривается как существенная часть основного общего образования, фактически завершающее основное общее образование современного ребенка.

Транзитивный характер сегодняшнего школьного образования находится в очевидном конфликте с целевыми установками семьи, направленными на заботу о будущей профессиональной состоятельности и успешности ребенка в конкурентном обществе, с желанием дать ему так называемый «хороший старт». Интересные данные о различиях в понимании профессионального успеха детей родителями, живущими в странах с разным уровнем экономического и социального благополучия, приводит К.М.Орлова [14]. Она обнаружила, что, несмотря на близость общекультурных традиций российского и западноевропейского общества, наши родители в большей степени связывают профессиональный успех с конкурентоспособностью и достижением определенного социального статуса, в то время как швейцарские родители ориентированы в первую очередь на ценности личности, удовлетворенность человека своим делом.

Одним из способов преодоления конфликта целевых установок семьи и государства становится активное участие родителей в формировании образовательной среды ребенка. Кроме того, в условиях социально-экономических потрясений постиндустриального общества для многих молодых женщин, имеющих семью и детей, сознательное и активное родительство становится новой сферой приложения сил, знаний, образования. Оно открывает привлекательные возможности для социальной активности и самореализации, а воспитание успешных и самостоятельных детей становится своеобразным вкладом в собственное будущее.

Следует признать, что прежние модели родительского воспитания, отвечавшие требованиям более стабильного индустриального общества и обеспечивавшие тот вариант детства, который мы и сегодня определяем как нормативный, практически разрушены. Проведенное нами исследование показало, что современные родители ориентируются на модели, которые конструирует информационная среда постиндустриального общества, однако, реализуемые ими стратегии родительства имеют мозаичный характер, соединяя в себе элементы разных моделей. Наиболее привлекательными для них оказываются практики разумного и интенсивного родительства, сочетающие установки на следование за потребностями и возможностями ребенка с убежденностью в пользе и преимуществах раннего развития [1].

Представление об особой значимости периода раннего и дошкольного детства для психического развития ребенка прочно вошло в систему социокультурных ценностей современного родительства. Индустрия детства, активно поддерживающая стремление родителей создать наилучшие условия для развития своего ребенка, предлагает для этого самые разнообразные способы, от «правильного» питания и «умных» игрушек до чудодейственных витаминов и памперсов.

Новые модели родительства и целевые установки семьи существенным образом меняют *социальную ситуацию развития современного ребенка*. Его жизнь с самого раннего возраста заполнена исключительно полезными развивающими и обучающими занятиями. Взрослые предлагают ребенку включиться в образовательный процесс задолго до того, как дошкольные виды деятельности исчерпают свой развивающий ресурс. Психологическими исследованиями разных лет убедительно доказано, что только полная реализация всех возможностей дошкольного периода детства приводит к возникновению потребности в новых видах познавательной и социальной деятельности, формированию такого важного мотивационного образования как внутренняя позиция школьника. Сегодняшние дети не успевают исчерпать свой дошкольный потенциал, поскольку взрослые предлагают новые источники развития прежде, чем потребность в них возникнет у самого ребенка. Наблюдаемая родителями и педагогами «развитость» современных детей по сравнению с их сверстниками прежних поколений, выражающаяся в основном в умении

управляться с гаджетами и ориентироваться в информационных потоках, маскирует реальные искажения в общем психологическом развитии, которые становятся явными с началом систематического школьного обучения.

Как известно, важнейшим условием благополучного вхождения ребенка в учебную деятельность является наличие у него соответствующей мотивации. Исследованиями отечественных психологов [4; 6; 10; 11; 13] были установлены нормативные параметры развития учебных мотивов школьников разных возрастов. Несмотря на некоторые различия, обусловленные методическими подходами к проблеме [9], общая тенденция становления учебной мотивации определялась как движение от общих познавательных интересов к учебно-познавательным мотивам, от широких социальных мотивов и общего понимания социальной значимости учения к личностному смыслу учения. Каким образом сложившаяся социальная ситуация развития влияет на **формирование учебно-важных личностных качеств современного ребенка?**

Для ответа на этот вопрос в 2017-18 учебном году нами было проведено срезное исследование, в котором приняли участие дети, поступающие в первый класс (6,5-7,5 лет, 59 человек), и дети, заканчивающие свой первый учебный год в школе (7,5–8,5 лет, 67 человек). Обследование проводилось в московских школах по методике «Определение мотивов учения», предложенной М.Р.Гинзбургом [13] и широко используемой в практике психологической службы образования. Данная методика позволяет определить, какие мотивы доминируют в структуре учебной мотивации маленьких школьников – внешние, учебные, игровые, позиционные или отметочные.

Вслед за Л.И.Божович, Н.Г.Морозовой, Л.С.Славиной [5] мы рассматривали позиционный и отметочный мотивы как элементы широкой социальной мотивации учения младших школьников. Авторы подчеркивали, что «отметка как мотив учебной деятельности играет несамостоятельную роль, она лишь отражает ведущую мотивацию учения, характерную для учащихся соответствующего года обучения» [5, с.149). В качестве доминирующей у первоклассников мотивации они выделяли стремление ребенка к той социально-значимой деятельности, которая позволяет ему войти в мир доступных общественных отношений, приобрести новый значимый социальный статус. «Здесь мотивами учения становятся все моменты, которые подчеркивают общественную значимость учения, его серьезный, обязательный характер, его важность в глазах окружающих взрослых. Требования и похвала учителя, внимание и уважение, с которым относятся родители к учебной работе ребенка, оценка окружающими его прилежания имеют в глазах детей особую ценность и побуждают их еще более ответственно и добросовестно относиться к своему учебному труду» [5, с. 110]. Результаты нашего исследования представлены в таблицах 1-2.

Таблица 1

Представленность основных мотивов в общей картине учебной мотивации детей, поступающих в школу и заканчивающих первый класс (в процентах)

мотивы учения	поступающие в школу	заканчивающие 1 класс	Различия критерий	t-
социальный	85	96	$p \leq 0,5$	
учебный	37	51	-	
игровой	5	45	$p \leq 0,01$	

Полученные нами данные показывают, что подавляющее большинство как будущих первоклассников, так и учеников 1 класса демонстрирует выраженную готовность к социальной позиции школьника, причем к концу первого года обучения она даже усиливается, что свидетельствует о нормальном ходе процесса социализации (различия достоверны при $P \leq 0,5$). Доминирование социального мотива учения в начале школьного обучения также отмечено в исследованиях М.Р.Гинзбурга [13], Т.А.Нежной [12], Н.И.Гуткиной [8].

Количество указаний на учебные мотивы у школьников превышает аналогичный показатель у дошкольников (различия на границе статистической значимости), что также свидетельствует о благополучном формировании отношения к учению. Однако при этом у 45% первоклассников в составе учебной мотивации появляется игровой мотив, причем он уже не существует в виде самостоятельного мотива, а выступает в сочетании с социальными и учебными мотивами. Более детально полученные нами данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнительные показатели мотивационной готовности к обучению детей, поступающих в школу и заканчивающих первый класс (в процентах)

мотивы учения	поступающие в школу	заканчивающие 1 класс	Различия t-критерий
социальные+учебные	27	33	-
социальные	58	21	$p \leq 0,01$
учебные	10	1,5	$p \leq 0,5$
игровые	5	0	-
социальные+учебные+игровые	0	16,5	$p \leq 0,01$
социальные+игровые	0	25	$p \leq 0,01$
игровые+учебные	0	3	-

Из таблицы видно, что наличие внутренней позиции школьника, то есть сочетание социальной и учебной мотивации, продемонстрировали 27% будущих первоклассников и 33% детей, год проучившихся в школе (различия статистически недостоверны). То есть первый школьный год оказал лишь незначительное влияние на становление внутренней позиции школьника у первоклассников. Если для дошкольников более характерно доминирование одного мотива, чаще всего социального, то к концу первого класса структура учебной мотивации становится более сложной, появляются сочетания различных мотивов, причем эта же тенденция отмечена и в исследованиях Л.И.Божович, Н.Г.Морозовой, Л.С.Славиной, и в работе М.Р.Гинзбурга. Однако неожиданными для нас оказались варианты мотивационных сочетаний. Помимо адекватного возрастному развитию сочетания социального и учебного мотивов, у первоклассников обнаружили комплексы, в которых присутствует игровой мотив. Он сочетается с учебным мотивом у 3% детей, с социальным и учебным - у 16,5% детей, а у 25% - только с социальным. В то же время игровой мотив был выявлен лишь у 5% дошкольников, что, возможно, связано с самими условиями обследования, проводившегося при записи детей в школу.

Материалы, полученные в рамках этого же исследования по методике «Цветик-семицветик», позволяющей выявить сферу мотивационных предпочтений младших школьников, также показали высокую степень выраженности игровой мотивации. Так, 46% желаний первоклассников, связанных с различными материальными благами, относятся к играм и игрушкам. Вместе с тем, 59% высказываний, относящихся к сфере самосовершенствования и познания, связаны со школой, из них 55% желаний касаются успеваемости («Хочу учиться лучше», «Хочу получать много 5»), 3% - одноклассников, и только 1% высказываний относится к учителю. Очевидно, что игра и учеба занимают существенное место среди актуальных мотивов первоклассников, при этом потребности, связанные с учебой, ограничены преимущественно отметками.

Среди желаний, касающихся взрослых, 95 % относится к родителям, дедушкам и бабушкам, и лишь 5 % - к учителю. Иными словами, учитель как носитель определенной социальной функции, связанной с осуществлением ведущей деятельности, не входит в круг

значимых для ребенка взрослых, что косвенно свидетельствует о недостаточной сформированности у первоклассников внутренней позиции школьника.

Полученные нами данные позволяют предположить, что своеобразие современного дошкольного детства заключается не просто в неправильной, неадекватной возрастным потребностям организации жизни ребенка, замещении игровой деятельности развивающими и учебными занятиями. Оно отражает те сложные глобальные социально-экономические процессы, которые протекают в постиндустриальном цифровом обществе и слабо осознаются родителями, пытающимися следовать как требованиям быстро меняющейся жизни, так и интересам и потребностям самого ребенка.

Выводы. Анализ эмпирических данных о строении мотивационной сферы детей на границе дошкольного и школьного возрастов показывает, что социальная ситуация родительства постиндустриальной цифровой эпохи оказывает существенное влияние на социальную ситуацию развития современного ребенка.

Социально-экономические процессы, характерные для постиндустриального общества, влекущие за собой изменение рынка труда, рост незанятости населения, высокую профессиональную конкуренцию, создают условия для появления новых сфер социальной активности и самореализации людей. К таким сферам, наряду с общественно-политической деятельностью, самозанятостью и фрилансом, можно отнести и родительство. Для молодых людей, прежде всего, женщин, активное включение в процесс воспитания и обучения детей становится приемлемым способом реализации собственных потребностей в социальной состоятельности и успешности.

В немалой степени этому способствует социальная политика государства, законодательно возложившего основную ответственность за образование детей именно на семью и оставившего за собой лишь обязательство по оказанию минимального пакета образовательных услуг. Неудовлетворенность родителей качеством школьных образовательных услуг, конфликт целевых установок родителей и реальной практики реформирования отечественного образования, транзитивный характер образовательной среды современной российской школы усиливают тревогу семьи относительно будущей успешности и конкурентоспособности ребенка.

Желание родителей дать ему «хороший старт» с самых первых шагов жизни находит поддержку в целой индустрии детства, навязывающей молодым родителям «правильные» методы воспитания и средства ухода за ребенком, формирующей модели идеального родительства. Эффективная реклама товаров и услуг для детей влияет на молодых родителей практически вне зависимости от их культурного и образовательного уровня, стимулируя поиск новых ресурсов для развития и обучения ребенка. Современные дети включаются в образовательный процесс практически с первых месяцев жизни: их окружают полезные развивающие игрушки, им предлагается исключительно «полезное» для развития интеллекта питание, многие посещают систематические занятия разного профиля. Высокомотивированные матери сами формируют образовательную среду своих детей, отдавая предпочтение раннему обучению в ущерб традиционным видам детских деятельности, создавая мотивацию к учению значительно раньше, чем потребность в нем возникнет у самого ребенка.

Результатом современного варианта проживания дошкольного детства становится выявленная в нашем исследовании тенденция к размыванию границ нормативного психологического развития детей индустриальной эпохи, появление у младших школьников мотивационных комплексов, в которых, наряду с мотивами, адекватными учебной деятельности, присутствует игровой мотив. Можно предположить, что «разделенная» с матерью учебная мотивация дошкольника становится препятствием на пути полноценного вхождения ребенка в учебную деятельность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-06-00036 «Образ детства у современных родителей как фактор выбора формы обучения ребенка»

Список использованных источников

1. Андреева А.Д. Образ семьи и родительства у современных матерей: кросс-культурное исследование // Теоретическая и экспериментальная психология. Т. 9. № 2. С.17-30. -2016.
2. Андреева А.Д. Транзитивность образовательной среды современной российской школы как психолого-педагогическая проблема // Научный диалог.- 2018. №4. С.292-306.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования Текст. / Д.Белл. - М.: Akademia. 2004. – 944 с.
4. Божович Л.И., Морозова Н.Г., Славина Л.С. Развитие мотивов учения у советских школьников // Психология в вузе. - 2008. № 5. М. - С.36-120.
5. Божович Л.И., Морозова Н.Г., Славина Л.С. Психологический анализ значения отметки как мотива учебной деятельности школьников // Психология в вузе. - 2008. № 5. М.- С.121-150.
6. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2008. — 400 с.
7. Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. Учебное пособие. – М. - 2009. – 134 с.
8. Гуткина Н.И. Развитие учебной мотивации учащихся в первых двух классах современной начальной школы (лонгитюдное исследование) // Культурно-историческая психология. - 2007. № 2.- С. 62-74.
9. Лубовский Д.В. Феноменология и динамика развития внутренней позиции современных младших школьников // Электронный журнал «Психологическая наука и образование psyedu. ru».- 2014. № 2.
10. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: Пособие для учителя. — М.: Просвещение,.- 1983. – 96 с.
11. Матюхина М.В. Мотивация учения младших школьников текст / М.В.Матюхина. – М.: Просвещение - 1984. – 137 с.
12. Нежнова Т.А. «Внутренняя позиция школьника» – понятие и проблема // Формирование личности в онтогенезе: Сб. науч. трудов/ Под ред. И.В. Дубровиной. М.: Изд-во АПН СССР.- 1991.- С. 50–61.
13. Особенности психического развития детей 6-7-летнего возраста /Под ред. Д.Б.Эльконина, А.Л.Венгера. М.,- 1988. Педагогика.- 137 с.
14. Орлова К.М. Цели воспитания и образ ребенка у современных родителей: кросс-культурное исследование: автореф. дисс.... кандидата психологических наук. – М., 2015. – 25 с.
15. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества. В кн.: Новая технократическая волна на Западе / Под ред. П.С.Гуревича. – М.: Прогресс.- 1986.- С.410-430.
16. Шопенко А.Д. Социальные риски транзитивного общества: автореф.дис. ...д-ра социол.наук: 22.00.03 / А.Д.Шопенко. – СПб. – 37 с. 2011.

Психология родительства, проблемы воспитания детей и подростков

Авдеева Наталия Николаевна
кандидат психологических наук, профессор,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
профессор кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой
620017 г. Москва, Сретенка, 29
E-mail: nnavdeeva@mail.ru

Крамаренко Наталья Николаевна
магистр
Московский государственный психолого-педагогический университет,
магистр кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой
620017 г. Москва, Сретенка, 29
E-mail: @mail.ru

СВЯЗЬ ТИПА СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СИБЛИНГАМИ

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения между сиблингами и влияние на них типа семейного воспитания; выявлена связь типа семейного воспитания и отношениями между сиблингами; подтверждено, что позитивное влияние на отношения между братьями и сестрами оказывают близость матери к детям и согласие с детьми, а негативные взаимоотношения между сиблингами связаны с повышенным контролем со стороны матери.

Ключевые слова: тип семейного воспитания, отношения между сиблингами, материнско-детские отношения.

Avdeeva Nataliya Nikolaevna
candidate of psychological sciences, professor
Moscow State University of Psychology & Education
Professor of the Department of Educational Psychology
12705, Moscow, Sretenka, 29
E-mail: nnavdeeva@mail.ru

Kramarenko Nataliya Nikolaevna
Holder of a master's degree
Moscow State University of Psychology & Education
Holder of a master's degree of the Department of Educational
Psychology
12705, Moscow, Sretenka, 29
E-mail: n-kramarenko@mail.ru>:

THE RELATIONSHIP OF THE TYPE OF FAMILY UPBRINGING AND THE RELATIONSHIP BETWEEN SIBLINGS

Abstract. The article discusses the relationship between siblings and the impact on them of the type of family education. The hypothesis that a relationship exists between the type of family

upbringing and the relationship between siblings exists in the work. It has been confirmed that the mother-to-children affinity with children and the consent with children exert a positive influence on the relationship between siblings, and the control on the part of the mother exerts a negative influence on the relationship between siblings.

Key words: the type of family upbringing, the relationship between siblings, the mother-children interaction.

В психическом развитии ребенка большое значение имеет семейное окружение, в том числе братья и сестры. Именно отношения с сиблингом во многом определяют характер социальной адаптации ребенка, они сохраняются, как правило, на протяжении всей жизни человека и могут не терять своей значимости и во взрослом возрасте. Сиблинговые отношения включены в единую семейную систему и непосредственно связаны как с детско-родительскими, так и с супружескими отношениями.

Несмотря на возрастающий среди психологов интерес к «сиблинговой проблематике», главное внимание, начиная еще с работ К. Кенига, А. Адлера, Ф. Гальтона и др., уделяется роли сиблинговой позиции, под которой понимается место ребенка среди братьев и сестер (например, единственный ребенок, старший, средний, младший), и ее влиянию на интеллектуальное развитие, сферу достижений, психологическое благополучие и самооценку сиблингов. Существенный вклад в изучение связи сиблинговой позиции с формированием разного рода способностей внесло психогенетическое направление исследований (Р. Пломин, М.С. Егорова, И.В. Равич-Щербо, Ю.Д. Черткова и др.). Значительное внимание исследователей традиционно привлекает феномен сиблинговой ревности и соперничества, а также психолого-педагогические аспекты воспитания сиблингов в семье [1; 2; 3; 5].

Большинство современных исследований сосредоточено на изучении сиблинговых отношений во взаимодействии с супружескими и родительно-детскими отношениями. Существует довольно обширный ряд работ, в которых анализируется влияние сиблинговых отношений на когнитивное и личностное развитие ребенка. [1; 2; 3; 5].

Исследователи, занимающиеся сиблинговыми отношениями, зачастую указывают на взаимозависимость таких переменных, как характер отношений между родителями, общий эмоциональный климат в семье и качество отношений в сиблинговой паре. [1; 2; 4; 5;].

Целью предпринятого нами исследования является определение связи между взаимоотношениями сиблингов подросткового возраста и типом семейного воспитания. В исследовании приняли участие 45 человек (30 сиблингов и 15 матерей). Среди сиблингов 21 мальчик и 9 девочек в возрасте от 13 до 17 лет. Возраст матерей от 35 до 40 лет.

В работе использовались следующие методики: 1) методика диагностики сиблингового общения, представляющая собой модифицированный вариант методики «Диагностика супружеского общения» (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская). Модификация выполнена М.В. Кравцовой; 2) братско-сестринский опросник (The Brother-Sister Questionnaire) (BSQ) S.A. Graham-Bermann, S.E. Culter) для психометрической оценки и дифференциации нормативных и дисфункциональных сиблинговых отношений; 3) для диагностики особенностей взаимодействия родителей и детей использовалась методика «Взаимодействие родитель – ребенок» Марковской И.М. (вариант для подростков и их родителей).

Для выявления статистически достоверных различий между психологическими показателями использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни. Для выявления взаимосвязи типа семейного воспитания с взаимоотношениями между сиблингами используется метод корреляционного анализа. Расчет статистических коэффициентов проводился с помощью статистического пакета STATISTICA.

В результате психодиагностического обследования сиблингов по методикам диагностики сиблингового общения (модификация М.В. Кравцовой) и братско-сестринскому опроснику (BSQ) (S.A. Graham-Bermann, S.E. Culter) были получены данные о показателях

взаимоотношений между сиблингами. Анализ данных показал, что в общей выборке сиблингов в наибольшей степени выражены такие показатели общения между сиблингами как взаимопонимание и легкость общения. В наименьшей степени сиблингам присущи оценка доверительности общения партнера, сходство взглядов и общие символы семьи.

Можно отметить, что девочки выше оценивают доверительность партнера, чем мальчики. В то же время у мальчиков выше оценка взаимопонимания, сходства взглядов и легкости общения. Показательно, что девочки выше оценивают доверительность партнера, чем себя. А у мальчиков обратная ситуация – они уровень своего доверия партнеру оценивают выше, чем его к себе.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа показателей общения между сиблингами разного пола (методика диагностики сиблингового общения (модификация М.В. Кравцовой))

	Средние значения		U- критерий Манна-Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Ма л.	Д ев.		
Доверительность общения (себя)	14,4	15,7	72	0,309
Доверительность общения (партнера)	11,9	17,7	4,5	0,000*
Взаимопонимание между сиблингами (себя)	17,4	16,3	67,5	0,222
Взаимопонимание между сиблингами (партнера)	16,6	13,7	58,5	0,103
Сходство взглядов брата и сестры	14,7	11,7	40,5	0,015*
Общие символы семьи	14,1	13,0	90	0,839
Легкость общения между сиблингами	17,1	15,3	67,5	0,222
Психотерапевтичность общения	16,0	16,3	90	0,839

* - различия статистически достоверны ($p \leq 0,05$)

Анализ данных, приведенных в таблице 1, позволяет сделать следующие выводы:

У девочек статистически значимо выше уровень оценки доверия второго сиблинга к себе, чем у мальчиков. То есть, сиблинги доверяют сестрам в большей степени, чем братьям.

У мальчиков, по сравнению с девочками, в большей степени выражена такая особенность общения как сходство взглядов брата и сестры.

Таким образом, анализ половых различий показателей общения между сиблингами показывает, что сиблинги доверяют сестрам в большей степени, чем братьям, при этом мальчики в большей степени, чем девочки, склонны к единству взглядов с другим сиблингом.

Таблица 2.

Результаты сравнительного анализа показателей отношений между сиблингами разного пола (братско-сестринский опросник (BSQ) S.A. Graham-Bermann, S.E. Culter)

	Средние значения		U- критерий Манна-Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Ма л.	Д ев.		
Эмпатия	54,	5	90	0,839

	3	8,6		
Поддержание границ	44, 3	4 3,3	94,5	1,000
Сходство	44, 1	3 7,0	54	0,067
Принуждение	45, 2	3 0,0	31,5	0,004*

* - различия статистически достоверны ($p \leq 0,05$)

Анализ данных, приведенных в таблице 2, позволяет сделать следующие выводы:

В группе девочек, по сравнению с мальчиками, такой показатель отношений между сиблингами как принуждение, выражен статистически значимо ниже. Это означает, что девочки в меньшей степени, чем мальчики, склонны к доминированию в отношениях с сиблингом, к проявлению власти и контроля. На основании качественного и статистического анализа эмпирических данных были сделаны следующие выводы.

Анализ половых различий показателей общения между сиблингами показывает, что сиблинги доверяют сестрам в большей степени, чем братьям, при этом мальчики в большей степени, чем девочки, склонны к единству взглядов с другим сиблингом.

Изучение особенностей отношений между сиблингами разного пола показал, что в отношениях преобладает эмпатия, а стремление к доминированию выражено в меньшей степени. При этом мальчики в большей степени, чем девочки, склонны к доминированию.

На основании качественного и статистического анализа эмпирических данных были сделаны следующие выводы.

Анализ половых различий показателей общения между сиблингами показывает, что сиблинги доверяют сестрам в большей степени, чем братьям, при этом мальчики в большей степени, чем девочки, склонны к единству взглядов с другим сиблингом.

Изучение особенностей отношений между сиблингами разного пола показал, что в отношениях преобладает эмпатия, а стремление к доминированию выражено в меньшей степени. При этом мальчики в большей степени, чем девочки, склонны к доминированию.

В результате психодиагностического обследования сиблингов и их матерей по методике «Взаимодействие родитель – ребенок» (Марковская И.М.) были получены данные о показателях детско-родительских отношений в семьях сиблингов с точки зрения матерей и подростков. Анализ показателей детско-родительских отношений, с точки зрения матерей, показал, что матери более требовательны, строги и склонны к контролю в отношении девочек, при этом они в большей степени удовлетворены отношениями с сыновьями. Анализ результатов варианта данной методики для подростков показал, что с точки зрения сиблингов, матери более строги к дочерям, при этом в отношении с сыновьями матери проявляется больше принятия, сотрудничества, согласия, последовательности и авторитетности и в целом матери в большей степени удовлетворены отношениями с сыновьями, чем с дочерями.

Как видно, оценки детско-родительских отношений матери и сиблингов, с точки зрения матери и детей, в целом согласуются: мать более строга с девочками, но больше удовлетворена отношениями с мальчиками.

Для изучения взаимосвязи показателей детско-родительских отношений (в оценке матери) и взаимоотношений между сиблингами использовался метод корреляционного анализа.

Анализ данных позволил выявить следующие взаимосвязи.

Требовательность матери положительно связана с доверительностью в отношениях сиблингов, значимостью общих символов семьи, поддержанием границ, психотерапевтическим стилем общения и эмпатией.

Контроль со стороны матери отрицательно связан с взаимопониманием сиблингов, сходством взглядов, общими символами, легкостью общения и с поддержанием границ.

Эмоциональная близость матери к сиблингам статистически значимо положительно связана со всеми позитивными показателями межличностных отношений сиблингов, за исключением доверительности общения.

Принятие матерью сиблингов положительно связано с взаимопониманием сиблингов, сходством взглядов, легкостью и психотерапевтическим стилем общения; а также отрицательно связана с принуждением в отношениях сиблингов.

Сотрудничество с детьми в родительском стиле материнского воспитания положительно связано с взаимопониманием, сходством взглядов сиблингов, с выраженностью у них общих символов, а также эмпатией, поддержкой и сходством интересов.

Чем больше в родительском стиле взаимодействия матери проявляется *согласие* со своими детьми, тем выше доверительность и взаимопонимание в их отношениях между собой, выраженность психотерапевтического стиля общения, эмпатии и схождения интересов.

Последовательность матери положительно связана с взаимопониманием сиблингов, поддержанием границ и сходством интересов. о интересов, значимость общих символов; кроме того, тем выше уровень доминирования в отношениях.

Чем больше *удовлетворённость* матери отношениями с детьми, тем выше сходство взглядов сиблингов, их интересов, а также выше уровень доминирования в отношениях.

Таким образом, анализ связи отношения матери к сиблингам, с ее точки зрения, и взаимоотношений между сиблингами показал, что наиболее позитивное влияние на отношения между сиблингами оказывает близость матери к детям, принятие их и согласие с детьми. Негативное влияние на отношения между братьями и сестрами оказывает контроль со стороны матери.

Статистический анализ данных относительно связи отношения матери (в оценке сиблингов) и взаимоотношений между ними показал следующее.

- *Требовательность* матери положительно связана с эмпатией, проявляемой сиблингами по отношению друг к другу и сходством их интересов.

- Чем больше проявляется *строгость* матери в отношениях с детьми, тем выше уровень доверительности их общения между собой и ниже уровень доминирования в отношениях друг с другом.

- Чем выше *контроль* со стороны матери за поведением подростков, тем меньше выражено сходство их взглядов и больше трудности в общении.

Эмоциональная близость матери с детьми способствует проявлению эмпатии, схождению взглядов и доминированию в отношениях. *Принятие* матерью ребенка, связано с более высоким уровнем доверительности в отношениях сиблингов, снижением стремления к поддержанию границ, а также повышением степени доминирования в их отношениях.

Сотрудничество со стороны матери повышает уровень доминирования среди подростков в семье. *Согласие* матери с детьми способствует взаимопониманию и поддерживающему, психотерапевтическому стилю общения их между собой.

Чем выше *последовательность* матери во взаимодействии с подростками, тем ниже уровень доверительности их общения, но выше уровень взаимопонимания и легкость в общении.

Авторитетность матери позитивно влияет на проявления эмпатии в отношениях, сиблингов, сходство интересов и выраженность доминирования.

Таким образом, анализ связи между отношением матери к сиблингам (с их точки зрения), и особенностями их взаимоотношений показал, что наиболее позитивное влияние на отношения между сиблингами оказывают близость матери к детям, согласие с детьми. Негативное влияние на отношения между сиблингами оказывает повышенный контроль со стороны матери.

Обобщая результаты корреляционного анализа можно отметить, что выявленные взаимосвязи между взаимоотношениями сиблингов и материнским воспитанием по оценке

матери и подростков в целом согласованы. Можно отметить некоторую противоречивость оценок сиблингов, что объясняется во многом незрелыми и инфантильными оценками воспитательного стиля матери.

Показательно, что в оценках и матерей, и сиблингов повышенный контроль выступает негативным фактором, влияющим на отношения между сиблингами. То есть, чем в большей степени матери контролируют своих детей-подростков, ограничивая их автономию и самостоятельность, тем менее доверительны отношения между сиблингами, тем меньше в этих отношениях взаимопонимания, эмпатии, схождения интересов. Можно предположить, что мелочная опека матери, чрезмерный контроль, в том числе и над отношениями сиблингов, не дают им развиваться естественным путем, что возможно снижает риск конфликтов, но, в то же время, и не дает формироваться близким отношениям, без которых невозможны эмоциональное принятие, эмпатия, взаимопонимание.

Наиболее позитивное влияние на отношения между сиблингами оказывают близость матери к детям и согласие с ними. Можно предположить, что для формирования позитивных и близких отношений между сиблингами очень важна короткая дистанция с матерью, возможность обсуждать совместно с ней значимые для подростков проблемы и переживания.

Список использованных источников:

1. Крецер И.Ю. Сиблинговые отношения в контексте изучения современных форм родства // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2015. №2. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/siblingovye-otnosheniya-v-kontekste-izucheniya-sovremennyh-form-rodstva>
2. Круглова Е.В. Стиль привязанности и отношения с романтическим партнером у сиблингов // Вестник КГУ. - 2009. - №15. - С. 127-132.
3. Малёнова А.Ю., Белогур Е.В. Половозрастные особенности отношений детей к старшим и младшим сиблингам // ОмГУ. 2008. №1 [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/polovozrastnye-osobennosti-otnosheniy-detey-k-starshim-i-mladshim-siblingam>
4. Марковская И.М. Психология детско-родительских отношений. - Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. - 91 с.
5. Овчарова Р.В. Психология родительства. - М.: Академия, 2005. - 362 с.

Архиреева Татьяна Викторовна
*Кандидат психологических наук, доцент,
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, доцент кафедры
психологии
173013 г. Великий Новгород, Чудинцева, 6
E-mail: ArxireevaT@yandex.ru (mailto: ArxireevaT@yandex.ru)*

ОБРАЗ СОБСТВЕННОГО ОТЦА И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ У МУЖЧИН, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ

Аннотация. Целью данного исследования явилось изучение образа собственного отца, и того, как сформированный отцовский образ связан с отношением взрослых мужчин, имеющих собственных детей, к своему отцу, и на идентификацию с ним. Было выявлено пять вариантов образа отца: 1) умный и ответственный отец; 2) сдержанный и недоверчивый; 3) властный, эмоционально неустойчивый, несдержанный; 4) умный, общительный, не всегда ответственный; 5) сдержанный, ответственный, практичный. Обнаружено, что наиболее привлекательным для взрослых мужчин является образ умного, ответственного отца, в то же время как образ властного, несдержанного является непривлекательным. Идентификация возможна не только с позитивным образом собственного отца, но и с таким образом, в котором есть как положительные так и отрицательные черты. Обнаружено отсутствие идентификации мужчин с отрицательно оцениваемым образом властного несдержанного отца.

Ключевые слова: образ отца, отношение, идентификация, мужчины, имеющие детей.

Archireeva Tatyana Viktorovna
*Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Novgorod State University. Yaroslav the Wise, associate professor of the Department of Psychology
173013, Veliky Novgorod, Chudintseva, 6
E-mail: ArxireevaT@yandex.ru (mailto: ArxireevaT@yandex.ru)*

THE IMAGE OF OWN FATHER AND THE ATTITUDE TO IT FOR MEN WHO HAVE CHILDREN

Abstract. The purpose of this study was to study the image of his own father, and how the formed paternal image is related to the attitude of adult men with their own children to their father, and to identify with him. Five variants of the father's image were revealed: 1) an intelligent and responsible father; 2) restrained and incredulous; 3) imperious, emotionally unstable, unrestrained; 4) smart, sociable, not always responsible; 5) restrained, responsible, practical. It is found that the most attractive for adult men is the image of an intelligent, responsible father, while at the same time as an image of a powerful, unrestrained is unattractive. Identification is possible not only with the positive image of his own father, but also in a way that has both positive and negative features. A lack of identification of men with a negatively appraised manner of an imperious father was found.

Key words: father's image, attitude, identification, men with children.

В последние годы ученые проявляют большой интерес к проблеме отцовства. Исследования посвящены как изучению реального отцовства и его значение для ребенка, так и изучению образа отца и его значения для ребенка.

Предметом нашего исследования является образ отца. В психологической литературе есть попытки дать определение данному понятию О.Г Калина и А.Б. Холмогорова пишут: «Образ отца – это важная для психического развития ребенка и подростка структура, формирование которой начинается с рождения и осуществляется под воздействием различных внутренних (половозрастные и ситуативные проекции, фантазии) и внешних (коммуникации со значимыми близкими людьми, культуральные стереотипы, взаимодействия с отцом) факторов и отражает различные атрибуты отцовской фигуры: физические, интеллектуальные, эмоциональные» [3, с. 42-43].

Мы не спорим с данным определением, но считаем, что нужно подходить к изучению данного феномена в более широком контексте. Мы полагаем, что «образ отца» относится к группе социально-перцептивных образов, он является частным проявлением «образа человека». Социально-перцептивные образы – это отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого сообщества. Они могут отражать как наиболее значимые и существенные характеристики, так и поверхностные, несущественные, ситуативные, а порой и просто случайные [6]. Понятие «образ человека» фиксирует не только представления о природе человека, но и содержит нормативные элементы, указывая на предназначение, смысл жизни человека, на некие конкретные образцы личности, достойные подражания [2].

Мы полагаем, что понятие «образ отца» является частным проявлением более широкого понятия «образ человека». Следовательно, можно выделить разные его модальности – «образ собственного реального отца», «образ идеального отца», «образ типичного отца» и т.д. Все эти образы фиксируют представления о природе отцовства, а также содержат нормативные элементы, указывающие на предназначение отца, на образцы отцовского поведения, достойные подражания. Наше исследование посвящено изучению образа «собственного отца» и отношением к нему у мужчин, имеющих детей. Мы полагаем, что образ собственного отца является одним из факторов, которые могут определять характер отцовства, особенности принятия и реализации мужчиной отцовской роли. Высказанное нами мнение основывается на многочисленных утверждениях отечественных и зарубежных ученых, пытающихся выяснить факторы и условия формирования отцовского поведения у мужчин.

Как полагает И.В. Павлов, на сегодняшний день у большинства исследователей данной проблемы почти не оставляет сомнения тот факт, что отцовство, равно как и материнство имеет социально и культурно обусловленный характер [5]. Автор проанализировал исследования, посвященные влиянию культурных факторов на становление отцовства, и выделил следующие факторы, влияющие на становление отцовства, каждый из которых может быть условно обозначен как культурно-исторический или социальный:

1. Тип семьи, характерный для данной определенной культуры или этапа развития определенного общества
2. Вера народа, его мифология и религия..
3. Экономические условия: уровень дохода, экономическая стабильность в обществе, общий уровень безработицы, условия разделения труда.
4. Социальные стереотипы маскулинности и феминности, отцовства и материнства характерные для данного общества.
5. Отношения мужчины с собственной семьей – своими родителями, супругой, ребенком .
6. Личность ребенка: его пол, возраст, особенности развития и поведения [8].

Борисенко Ю.В. и Портнова А. Г. все многообразие факторов, влияющих на становление отцовской роли, классифицируют на 4 большие группы. К *первой группе* авторы относят факторы, связанные с взаимоотношениями в супружеской диаде. Ко *второй группе* относятся факторы, связанные с влиянием матери ребенка (супруги мужчины) на становление мужчины в роли отца. *Третья группа* включает в себя средовые факторы. К

четвертой группе относятся факторы, связанные с личностью самого ребенка – полом, возрастом, индивидуально-психологическими особенностями [1].

Детерминацию отцовства изучал американский психолог R. D Parke., который выделил факторы, определяющие участие отца в воспитании ребенка [7]. Это:

- индивидуальные факторы

- 1) Отношения, убеждения и мотивация отца.
- 2) Взаимоотношения с семьей, в которой вырос.
- 3) Возраст, когда принял родительскую роль.
- 4) Пол ребёнка.

- фактор семьи

- 1) Взаимоотношения матери и ребёнка и взаимоотношения отца и ребенка.
- 2) Взаимоотношения мужа и жены.
- 3) взаимоотношения отец-мать – ребёнок.

- внесемейные факторы, неформальная поддержка системы

- 1) Взаимоотношения с родственниками.
- 2) Взаимоотношения с соседями.
- 3) Взаимоотношения с друзьями.

- общественные или формальные факторы.

- 1) Взаимоотношения с коллегами по работе.
- 2) Система здравоохранения, роддома.

- культурные факторы

- 1) Культура детства мальчиков и девочек
- 2) Отношение к отцовской/ материнской ролям.
- 3) Убеждения и ценности семьи, связанные с национальными особенностями [7].

Таким образом, практически все исследователи обращают внимание на то, что отношения с собственной родительской семьей, могут определять характер участия мужчины в воспитании его детей. Понятно, что отношения с родительской семьей включают и такой фактор как отношения со своим отцом.

Целью нашего исследования явилось изучение образа собственного отца, и того, как сформированный отцовский образ влияет на отношение мужчин, имеющих собственных детей, к своему отцу, и на идентификацию с ним.

Методами нашего исследования образа «собственного отца» являлись шкальные техники. Мужчинам предъявляли список личностных качеств, а затем просили проранжировать предложенные качества с точки зрения того, как они должны быть представлены у идеального отца. Второй раз нужно было проранжировать список качеств с точки зрения похожести на собственного отца. Далее нужно было проранжировать предложенные качества по степени похожести на себя. Перечень качеств, предлагаемый для ранжирования, составлялся на основе личностных характеристик, выделенных Р. Кеттелом как наиболее важных для описания личности, и используемым им в его личностном опроснике. Использовать все 16 факторов, выделенных данным автором, мы не стали, так как некоторые из них были похожи, и при сокращенном названии различия между ними не было возможности уловить. Список используемых нами качеств также включал только один полюс характеристик, предлагаемых Р. Кеттелом, поскольку излишне длинные списки затрудняли бы возможность ранжирования. В результате перечень характеристик сократился до 12.

Образ собственного отца изучался на основе ранжирования его личностных характеристик, отношение к отцу определялось через сопоставление ранжировок рядов личностных характеристик «похожесть на своего отца» и «соответствие идеальному образу отца», а уровень идентификации с собственным отцом определялся через сопоставление ранжировок «похожесть на своего отца» и «похожесть на себя»

В исследовании участвовали 126 мужчин, имеющих собственных детей. Средний возраст мужчин исследуемой группы – 36 лет, но при этом возрастной разброс был довольно большим от 20 до 58 лет.

Используя кластерный анализ ранжировок «похожесть на своего отца» нам удалось вывить 5 вариантов образа собственного отца у мужчин с детьми. Первому из них в большей мере присущи такие характеристики как «ответственность», «ум», и у них практически не выражены такие характеристики как «властность» и «жесткость». Это явно позитивный отцовский образ умного и ответственного отца.

Второй вариант отцовского образа характеризуется выраженностью такой черты как «сдержанность» при отсутствии «доверчивости» и «дипломатичности». Таким образом, у мужчин данной группы их отец представляется им как сдержанный и недоверчивый т прямолинейный.

У мужчин третьей группы образ отца скорее негативный, чем позитивный. В этом образе своего отца мужчины отмечают выраженность такой черты как «властность» и отсутствие таких черт как «эмоциональная устойчивость», «сдержанность», «доверчивость и дипломатичность». Иными словами, это властные, эмоционально неустойчивые, несдержанные отцы.

Следующий вариант образа отца у мужчин с детьми включает такие характеристики как «ум» и «общительность», и подчеркивается невыраженность «властности» и «жесткости». Обращает на себя внимание еще и довольно низкий рейтинг такой характеристики как «ответственность» в данном образе отца. В целом такой отец может быть описан как умный, общительный, но не всегда ответственный.

И наконец, пятый вариант образа отца у мужчин с детьми характеризуется такими свойствами как «сдержанность» и «ответственность», а также «практичность» при невыраженности «властности» и «жесткости». Мужчины этой группы воспринимают своего отца как сдержанного, ответственного и практичного.

На следующем этапе нашего исследования мы попытались определить, как мужчины исследуемой группы относятся к собственному отцу в зависимости от сложившегося у них образа собственного отца. Для этого был использован однофакторный дисперсионный анализ, в котором к качеству независимой переменной выступал вариант отцовского образа, а в качестве зависимой переменной выступал сначала результат корреляционного анализа ранжировок рядов личностных характеристик «похожесть на своего отца» и «соответствие идеальному образу отца», отражающий общую оценку отцовского образа, а потом результат корреляционного анализа ранжировок «похожесть на своего отца» и «похожесть на себя», являющийся показателем степени идентификации мужчины с собственным отцом.

Было выявлено, что образ отца влияет на отношение к нему у мужчин ($F=3,34$; $p=0,01$). При этом было обнаружено, что наиболее высоко оценивают своего отца мужчины, которые полагают, что их отец умный и ответственный (1 вариант отцовского образа), а самые низкие оценки своего отца относятся к властному, несдержанному и недоверчивому отцу (3 вариант отцовского образа). Достаточно низко мужчины оценивают и тех своих отцов, которые, по мнению их взрослых сыновей, являются умными и общительными, но всегда ответственными, а также тех отцов, для которых характерны сдержанность, ответственность и практичность.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что и степень идентификации мужчины со своим отцом зависит от образа собственного отца ($F=3,91$; $p=0,01$). При этом оценка собственного отца в зависимости от представлений о нем и идентификация со своим отцом в зависимости от его образа совпадают друг с другом не в полной мере. Обнаружено, что самый низкий уровень идентификации с отцом продемонстрировали мужчины, которые считают своего отца властным, несдержанным и недоверчивым. А одинаково высокий уровень похожести на своего отца показали мужчины, считающие своего отца умным и ответственным (1 вариант отцовского образа), сдержанным и недоверчивым (2 вариант

отцовского образа), сдержанным, ответственным и практичным (5 вариант отцовского образа).

Как можно объяснить полученные результаты? И.С. Клецина на основе анализа отечественной и зарубежной литературы, посвященной проблеме отцовства и маскулинности, выделила наиболее распространенные типы отцовского поведения, как опирающиеся на модель традиционной мужественности, так и на модель новой мужественности [4]. Модели традиционной маскулинности соответствуют такие типы отцовства как 1) «традиционный отец» – он заботится о семье как руководитель, наставник, персонификатор власти, всегда эмоционально сдержан, часто суров и строг, ориентирован не на физический уход и заботу о детях, а на реализацию властных полномочий в семье; 2) «отсутствующий отец» – человек, который отсутствует, прежде всего, в психологическом плане, он практически не включен в повседневную жизнь ребенка, он не имеет психологического, а возможно и физического контакта со своим ребенком. И.С. Клецина охарактеризовала и 2 типа отцовского поведения, основанные на модели новой мужественности: 1) «ответственный отец», чье поведение в отношении ребенка характеризуется вовлеченностью в непосредственный уход, общение и игры с ребенком, включением в заботу о детях, ответственностью за их физическое и личностное развитие; 2) «новый отец», который берет на себя ответственность за свою семью, делит поровну с супругой и домашние обязанности, и обязанности по уходу за детьми, в полной мере отвечает за их развитие и воспитание [4].

Мы согласны с автором в том, что в настоящее время происходит перестройка в представлениях о том, что такое хороший отец, осуществляется переход от традиционной отцовской модели «властного отца» к современной модели отцовства – модели «ответственного отцовства». Сопоставив полученные нами результаты с идеями И.С. Клециной, можно говорить о том, что мужчины считают наиболее привлекательным образ ответственного отца, они демонстрируют наиболее высокую оценку такого образа. В то же время образ властного, авторитарного отца является непривлекательным для них. Для мужчин возможность идентификации с таким отцом затруднена, что, наверное, и неплохо. Полученные результаты свидетельствуют о том, что позитивное отношение у сыновей вызывают умные и ответственные отцы, в то время как властные и жесткие отцы являются непривлекательными. При этом идентификация возможна не только с позитивным образом собственного отца, но и с таким образом, в котором есть как положительные так и отрицательные черты. Таким образом, полученные нами результаты подтверждают идеи И.С. Клециной о том, что модели отцовского поведения изменяются, наиболее привлекательной становится модель «ответственного отцовства». Но непривлекательность образа «властного отца» у мужчин не означает, что они стремятся стать ответственными отцами, вопрос о том, какую модель отцовского поведения ни выберут, остается открытым. К тому же проблема в том, что идентификация возможна и не только с позитивным образом отца. Все это свидетельствует о том, что образ собственного отца у мужчин, несомненно, влияет на становление их отцовской роли. Но влияние это не однозначно, характер этого влияния может быть и позитивным, и проблемным.

Результаты нашего исследования также позволяют сделать и некоторые практические выводы относительно воспитания ответственного отцовства. Можно говорить о том, что одной из причин кризиса отцовства, о котором говорят многие исследователи, является нарушение в межпоколенной передаче его норм и ценностей. Это налагает особую ответственность на социальные институты, работающие с семьей: необходима специальная работа с мужчинами, которая позволила бы им сформировать позитивную и привлекательную модель отцовства, что способствовало бы и их самореализации.

Список использованных источников:

1. Борисенко Ю.В., Портнова А.Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. – 2006. – №3. – С.122-130.
2. Зобов Р. А., Обухов В. Л., Сугакова Л. И., Ситников В. Л. Основы человековедения: человек как микрокосм. СПб.: Химиздат, 2001.
3. Калина О.Г., Холмогорова А.Б. Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2011. 112с.
4. Клецина И. С. От традиционного типа отцовства к вовлеченным отцам// Ответственное отцовство: Новые формы социальной работы: Методич. пособие. СПб., 2010. С. 7-28.
5. Павлов И.В. Психология отцовства: обзор исследований и некоторые выводы о современном состоянии проблемы // Перинатальная психология и психология родительства. – 2008. №4. – С. 78-95.
6. Ситников В. Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых). СПб.: Химиздат, 2001. 288с.
7. Parke R. D. Fatherhood. – Harvard: Harvard University Press, 1996.– P 3 - 179.

Старостина Юлия Андреевна
кандидат психологических наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
психолог кафедры возрастной психологии
142119, Московская обл., г.о. Подольск, ул. Березовая, д.5
E-mail: star-red@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПОДРОСТКОВ О БУДУЩЕМ РОДИТЕЛЬСТВЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-013-01213 «Роль художественной кинематографии в формировании установки на реализацию родительской деятельности и образа эффективного родительства у современной молодежи»)

Аннотация: В статье представлены результаты исследования представлений о будущем родителстве в подростковом возрасте. У старшеклассников 15-17 лет зафиксированы низкие значения гармоничности представлений о родителстве: подростки склонны идеализировать картину родителства, предпочитают «не видеть» трудностей, не учитывают возрастные особенности ребенка и их представления о балансе родительских функций склоняются в пользу любви к ребенку, не учитывая функции воспитания, обучения и заботу о нуждах ребенка. Менее всего подростки осведомлены о родительских функциях и средствах воспитания. Для подростков характерно амбивалентное отношение к родителству в целом, пятая часть всей выборки подростков негативно относятся к перспективе собственного родителства, заявляют что никогда не станут родителями. Наиболее предпочитаемыми для подростков типами материнских ролей являются: «мама заботливая», «мама-жена» и «мама хозяйственная».

Ключевые слова: представления о родителстве, будущее родителство, подростковый возраст, отношение к родителству

Starostina Yulia Andreevna
candidate of psychological sciences
Psychologist of the Developmental Psychology Subdepartment
Lomonosov Moscow State University
142119, 5 Berezovaya st., Podolsk, Moscow region
E-mail: star-red@yandex.ru

ADOLESCENT REPRESENTATIONS ON FUTURE PARENTHOOD

Abstract: The article presents the results of research on adolescent representations of future parenthood. Senior students of 15-17 years show low values of parenthood representations consistency – adolescents tend to idealize the picture of parenting, prefer not to ‘see the difficulties’ and do not consider age peculiarities of a child. Their notion of parental functions balance lean towards love to a child, without regard to the functions of upbringing, education and care. Adolescents are least informed about parental functions and upbringing means. Adolescents are marked with a general ambivalent attitude toward parenting. A fifth of the entire sample of adolescents is negative about the prospect of their own parenthood saying they will never become parents. The most preferred types of maternal roles for adolescents are «caring mother», «mother-wife» and «housewifely mother».

Key words: parenthood representations, future parenthood, adolescence, attitude towards parenthood

В современной России наблюдается обесценивание родительства в пользу таких ценностей как карьера, самореализация, гедонизм, материальная обеспеченность, путешествия и т.д. Родительство откладывается на поздние возраста, и всё чаще молодые люди вообще не хотят становиться родителями [2,5]. По мнению ряда авторов, в современном обществе наблюдается кризис семьи, что обуславливает снижение родительской компетенции, отсутствие эффективных моделей воспитания и адекватной мотивации к рождению детей. [3,7] Поэтому актуальность изучения условий становления отношения к родительству у современной молодежи, а затем и поиск путей его гармонизации, не вызывает сомнений. Одним из путей достижения этой цели является изучение представлений подростков о родительстве. Эти представления становятся отправной точкой для формирования внутренней позиции в отношении своего будущего материнства и отцовства. Подростковый возраст - очень важный период в становлении личности, развитии самосознания; период выработки собственной позиции по самым главным жизненным вопросам, в том числе и своего будущего родительства.

Весьма очевидно, что психологическая готовность к родительству определяется личностной историей индивида, его собственным детством [5,6]. Но представления о родительстве, складывающиеся в течение жизни и в той социальной ситуации развития, в которой находится индивид, выполняют ориентировочную функцию [4] и оказывают влияние на формирование психологической готовности к родительству [8]. Представления подростков о родительстве, безусловно, будут дополнены и практически реализованы на следующих возрастных этапах, но осознание этих представлений начинается именно в данном возрасте.

Целью нашего исследования является изучение особенностей представлений о родительстве в подростковом возрасте в условиях их спонтанного становления.

Методики, использованные в исследовании:

1) Опросник «Гармоничность представлений о родительстве» (Долгих А.Г., Захарова Е.И., Карабанова О.А., Старостина Ю.А.), направленный на выявление представлений о себе как будущем родителе, о средствах воспитания, реалистичности этих представлений, учете возрастных особенностей ребенка и сбалансированности родительских функций. Предполагаемый возраст ребенка, на который предложено ориентироваться респондентам, не превышает 9 лет.

2) Неоконченные предложения (набор из 16 предложений, описывающий отношение к родительству в целом, отношение к себе как к родителю, ценностную направленность респондента, гармоничность представлений о родительстве).

3) Методика «Материнские роли», позволяющая выявить место материнства в ролевой структуре женщины-матери. Респонденту предлагается проранжировать по степени привлекательности серию из 5 картинок, на которых изображены матери, различающиеся по характеру реализации материнской роли: «мама заботливая», «мама деловая, занятая», «мама хозяйственная», «мама общительная», «мама-жена».

В нашем исследовании приняли участие 29 старшеклассников (от 15 до 17 лет, из них 11 девочек и 18 мальчиков).

По результатам методики «Гармоничность представлений о родительстве» были зафиксированы следующие результаты: подростки склонны идеализировать картину родительства, предпочитают «не видеть» трудностей, не учитывают возрастные особенности ребенка и их представления о балансе родительских функций склоняются в пользу любви к ребенку, не учитывая функции воспитания, обучения и заботу о нуждах ребенка. Менее всего школьники продемонстрировали адекватность представлений о средствах реализации родительских функций, что вполне закономерно и соответствует возрастному развитию.

По результатам методики «Неоконченные предложения» было выявлено, что довольно большой процент подростков (21% - пятая часть выборки), относится негативно к перспективе родительства: опрошенные не хотят иметь детей вообще никогда. Для

подростков характерно амбивалентное отношение к родительству (40% опрошенных), что может быть свидетельством того, что процесс самоопределения еще не завершен, и подросток активно рассматривает все «за» и «против», не придя еще к определенной позиции, или вообще откладывает рассмотрение данного вопроса на будущее. Это действительно характерно для данного возрастного периода и согласуется с исследованиями Абдуллиной С.А. [1] о повышенной тревожности подростков относительно родительства, несмотря даже на их желание иметь ребенка в будущем. 37,5% опрошенных оценивают себя как будущего родителя негативно и 29,2% - амбивалентно. Эти данные согласуются с распределением ценностей по выборке: только у 20% ценности родительства в приоритете, у 48% школьников отчетливо преобладают совершенно другие ценности: обучение, аттестация, поступление в вуз, интимно-личностное общение со сверстниками. Полученный результат закономерен и вполне нормативен для выборки школьников, учитывая их актуальные задачи развития. С ценностной направленностью значимо связано отношение подростков к родительству ($p=0,019$ по критерию Хи-квадрат Пирсона=11,756) и отношение к себе как к родителю ($p=0,006$ по критерию Хи-квадрат Пирсона=14,413). То есть высокая значимость ценности родительства становится условием становления позитивного отношения как к самому родительству, так и к себе как будущему родителю.

По методике «Незаконченные предложения» у 26% подростков представления о родительстве можно описать как гармоничные, у 44% они отличаются неполнотой и 30% подростков демонстрируют дисгармоничные представления. Зафиксированы гендерные различия: у мальчиков представления об отцовстве более дисгармоничны и отличаются большей неполнотой, чем у девочек (Примеры неоконченных предложений: «хороший отец должен ... не заводить детей»; «самый лучший способ воспитания ... бить и оскорблять ребенка», «самое трудное в отцовстве ... выжить», «самое трудное в отцовстве ... всё»).

Обратимся к наиболее предпочтительным типам реализации материнской роли, которые выбирают подростки. «Мама заботливая» - это тот образ, который большая часть выборки ставит на первые места. Это образ матери, для которой забота, внимание и уход за ребенком становятся центральной частью родительских функций. В то же время необходимо отметить, что для 10% старшеклассников этот образ оказался отвергаемым: его поставили на последнее место. Женщина, для которой материнская роль встраивается в сферу межличностного общения женщины вне семьи («мама общительная»), для которой социальное признание является наиболее значимым, оказалась наименее привлекательной для всей выборки: 72% опрошенных поставили ее изображение на самое последнее место, и нет ни одного респондента, кто бы выдвинул ее на первую позицию. Образ «мама-жена», для которой очень важны помимо детско-родительских, еще и супружеские отношения, ни один подросток не поставил на самое последнее место – то есть супружеские, партнерские отношения рассматриваются подростками как важные, ценные. Таким образом, самым предпочитаемыми для подростков, то есть отражающими их представления о том, какой же должна быть мать являются изображения «мама заботливая», «мама-жена» и «мама хозяйственная». Важно, что и для 21% подростков, которые не планируют вообще становиться родителями, эти же образы являются предпочитаемыми, их выбор полностью дублирует средний по выборке: видимо, здесь важным является именно общий культурный контекст.

Таким образом, представления о будущем родительстве как у подростков отличаются низкой гармоничностью. Подростки наименее ориентированы в средствах достижения целей родительской деятельности. Нам представляется перспективным продолжение исследования представлений о родительстве у современных подростков и юношей, выявление их возрастной специфики в связи с дальнейшей возможностью оказания гармонизирующего психологического воздействия.

Список использованных источников:

1. Абдуллина С.А. Представления о родительстве у детей дошкольного, младшего школьного и подросткового возраста: дисс... канд. психол. наук 19.00.13 // Абдуллина Светлана Александровна. – Москва, 2018. – 280 с.
2. Васягина Н.Н. Субъективное становление матери в современном социокультурном пространстве России: дисс... д-ра психол. наук 19.00.07 // Васягина Наталия Николаевна. - Екатеринбург, 2011. – 464 с.
3. Захаров Е.И. Условия становления негативного отношения современных женщин к материнской роли // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 1. С. 44–49.
4. Захарова Е.И. Представление о характере социальной роли как средство ориентировки в ее исполнении // Культурно-историческая психология. 2012. № 4. С. 38–41.
5. Захарова Е.И. Психология освоения родительства: научная монография / Захарова Е.И. - М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 252 с.
6. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии, 2000. - № 5. – с. 18 – 27.
7. Филиппова Г.Г. Развитие родительской сферы в онтогенезе и готовность к материнству // Психология беременности, родов и послеродового периода: хрест. по перинат. психол. / Сост. А.Н. Васина. – М., 2005. С. 62-65.
8. Шаграева О.А. Ориентировочная деятельность в структуре психологической компетентности родителей // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2010. – №11. - с. 86 – 89.

Дроздова Ирина Ивановна
кандидат психологических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
доцент кафедры психологии образования
344006 г. Ростов-на-Дону, пр. М.Нагибина, 13
E-mail: ir_iv2004@mail.ru

РОДИТЕЛЬСКАЯ ОЦЕНКА ВНЕШНЕГО ОБЛИКА КАК ОСНОВА САМООЦЕНКИ ВНЕШНЕГО ОБЛИКА ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи самооценок внешнего облика юношей и девушек с представлениями об оценках их внешнего облика родителями. Результаты показывают, что существуют значимые взаимосвязи между показателями самооценок отдельных параметров внешнего облика и показателями оценок внешнего облика родителями в представлениях участников исследования.

Ключевые слова: внешний облик, родительская оценка, самооценка лица, телосложения, мужественность/женственность внешнего облика.

Drozdova Irina Ivanovna
candidate of psychological sciences, associate professor,
South Federal University,
Associate Professor of the Department of Educational Psychology
344006? Rostov-on-Don, M.Nagibina ave., 13
E-mail: ir_iv2004@mail.ru

THE PARENT ASSESSMENT OF APPEARANCE AS A BASIS OF SELF- ASSESSMENT OF YOUTH AND GIRLS

Abstract. The article deals with the problem of interrelation of self-assessment of the appearance of boys and girls with the ideas about the evaluation of their appearance by parents. The results show that there are significant relationships between indicators of self-assessment of individual parameters of appearance and indicators of evaluation of the appearance of parents in the views of the study participants.

Key words: appearance, parental assessment, face self-assessment, physique, masculinity/femininity of appearance.

Известно, что основы личности ребенка закладываются во взаимодействии с ближайшим окружением, прежде всего, в семье. В процессе семейных взаимоотношений усваивается система норм, ценностей, система отношений с другими людьми. Семья как институт первичной социализации ребенка, создает условия для развития его самосознания, особенно, в подростковом и юношеском возрасте. Высокая эмоциональная значимость взаимоотношений родителей и детей является основой формирования представлений о себе и других людях. В работах многих авторов речь идет о роли семьи в формировании самооценки ребенка [7, 10]. В психологической науке существует устойчивый интерес к проблеме самооценки, о чем свидетельствует большое количество исследований, как отечественных, так и зарубежных по самым разным аспектам её изучения [7, 9, 12]. В то же время, не изучено влияние семьи на самооценку внешнего облика в юношеском возрасте. Самооценку внешнего облика, скорее изучают в связи с влиянием группы сверстников.

Проблема самооценки внешнего облика, долгое время, в первую очередь, привлекала внимание исследователей в связи с неудовлетворенностью своим телом. Ее изучают как один

из факторов эмоционального неблагополучия, в первую очередь, в рамках психосоматических проблем, в клинической психологии [3]. В последнее время, появились работы, изучающие, так называемый, «физический перфекционизм», под которым понимается система личностных убеждений и установок, связанных со своим внешним обликом, повышенная озабоченность и неудовлетворенность им [8].

Неразработанность проблемы самооценки внешнего облика, ее социально-психологических факторов, с одной стороны, связана с традиционным недооцениванием роли физического Я в рамках Я-концепции личности, с другой стороны сложностью изучения самооценки, особенно самооценки внешнего облика. В то же время, в работах, особенно, посвященных подростковому и юношескому возрасту, как правило, декларируется высокая значимость самооценки внешнего облика, взаимосвязь ее с системой взаимоотношений подростка. Эмпирических же исследований по этой проблеме недостаточно. При этом интерес к собственной внешности, забота о ней имеют очень долгую историю. Особую значимость, озабоченность своей внешностью приобретает в последние годы, когда массовая культура оказывает очень мощное влияние на представления людей о красоте, навязывает стремление к соответствию высоким стандартам внешности, к борьбе за идеальную фигуру, атрактивный внешний облик. Особенно среди молодежи наблюдается стремление соответствовать довольно жестким социальным, гендерным, возрастным стандартам. Многие разделяют стереотипное убеждение о влиянии внешности человека на социальный статус, благосостояние и пр.

Такого рода стереотипы имеют научное подтверждение. Н. Рамси и Д. Харкорт [6], в проведенном обзоре зарубежных исследований по проблеме внешнего облика, физической привлекательности и связанных с этим стереотипов, показали, что в большом количестве работ делаются выводы о том, что более привлекательные люди воспринимаются как более общительные, обладающие социальными навыками, сексуальностью и влиянием. По их мнению, актуальными для исследователей остаются вопросы, связанные с факторами, влияющими на формирование самооценки внешнего облика. Данные исследований приводят к выводу о том, что люди, характеризующиеся как уверенные в себе, сексуально привлекательные, знакомые, похожие, оказывают влияние на самооценку внешности других. Как правило, это близкие люди.

Несмотря на эти научные факты, до настоящего времени недостаточно выполнено исследований, посвященных изучению влияния других людей на самооценку внешнего облика, в том числе в юности, когда происходит личностное самоопределение, когда у юношей и девушек степень удовлетворенности своим внешним обликом является одним из определяющих факторов отношения к себе. В процессе взросления, все более весомым в развитии Я-концепции становится значение опыта социального взаимодействия в различных группах (сверстники, друзья). Известно болезненное отношение к любым критическим замечаниям по поводу внешнего вида в подростковых группах.

Не вызывает сомнения тот факт, что оценивание человеком себя закладывается в детстве. Традиционно, в работах посвященных детско-родительским взаимоотношениям, подчеркивается, что именно семья, оказывает решающую роль в формировании и развитии личности ребенка, выступает в качестве первого социализирующего института [2]. Отношения между родителями и детьми долгое время привлекает внимание многих психологов различных школ и направлений [7, 11]. Существует большое количество работ, изучающих влияние, которое родители оказывают на формирование отношения ребенка к самому себе и к отдельным компонентам его личности [10]. При этом речь чаще всего не идет об оценке внешнего облика. Напротив, в работах по проблеме изучения образа тела как компонента Я-концепции личности, не рассматриваются представления о родительской оценке, то, как она влияет на самооценку.

Формирование самооценки личности, в том числе, самооценки внешнего облика важно изучать в связи с представлениями о родительской оценке. По мнению О.А. Карабановой [2] детско-родительские отношения следует характеризовать как двухполюсные, где на каждом

из полюсов, как родителя, так и ребенка, определяется развитие общения и сотрудничества ребенка и родителей, при этом, роли обоих участников претерпевают значительные изменения на каждой из возрастных ступеней развития. Бесспорно, родители, являются значимыми субъектами, оказывающими влияние на оценку внешнего облика детей и подростков. Но, пока, остаются невыясненными психологические механизмы этого влияния, его степень, возможно, возрастная динамика. В связи с этим необходимо изучать то, как дети воспринимают оценку своего внешнего облика родителями, представления детей об их оценках.

В настоящее время влияние семьи и родителей на самооценку внешнего облика чаще всего изучают в связи с нарушениями пищевого поведения [3]. Т.Н. Кочеткова [4], изучая формирование представлений о собственном Я, отмечает, что постоянные негативные комментарии о фигуре и весе подростка, подшучивания со стороны родителей и сверстников по поводу веса и фигуры могут приводить к возникновению и развитию нарушений восприятия тела, что в свою очередь может привести к нарушениям пищевого поведения. Кроме того, родители могут сознательно или непреднамеренно влиять на своих детей с самого раннего возраста, передавая им собственные формы поведения, способы оценки, связанные с внешностью. Обсуждение внешности других людей может содержать в себе информацию о важности внешнего вида, что может привести к формированию обеспокоенности по поводу своего телесного образа, что в свою очередь может привести к формированию неудовлетворенности своим внешним видом и к развитию нарушений пищевого поведения [3].

В работах по социальной психологии в последнее время, все больше проявляется интерес к проблеме влияния родителей на самооценку внешнего облика молодыми людьми. В диссертационном исследовании Е.В. Капитановой [1], посвященном изучению социально-психологических факторов удовлетворенности студентов своим внешним обликом, рассматривались различия в представлениях об оценках внешнего облика студентов родителями и друзьями в настоящее время их жизни. На основе полученных данных были сделаны выводы о том, что в представлениях студентов оценка их внешнего облика матерью значимо выше, чем оценка друзьями и отцом. В представлениях девушек эти оценки более высокие, чем в представлениях юношей-студентов. Однако не были обнаружены значимые гендерные различия между представлениями об оценках внешнего облика отцом и матерью. Вместе с этим, было показано, что представления студентов об оценках их внешнего облика матерью и отцом оказывают существенное влияние на удовлетворенность внешним обликом. Был сделан вывод о том, что представления студентов об оценках их внешнего облика родителями и друзьями, выступает в качестве одного из существенных социально-психологических факторов, оказывающих влияние на удовлетворенность внешним обликом.

Мы провели исследование, в котором были соотнесены самооценки внешнего облика юношей и девушек с их представлениями об оценках их внешности родителями. В исследовании приняли учащиеся – старшекласники из нескольких школ города. Возраст участников - 16 лет. Внешний облик оценивали как сложное образование, компоненты которого могут быть и отдельными объектами восприятия и интерпретации в соответствии с концепцией В.А. Лабунской [5]. Участники исследования оценивали свою внешность по следующим параметрам: самооценка лица, телосложения, мужественность/женственность своего внешнего облика.

В целом, участники исследования достаточно высоко оценивали свой внешний облик - выше среднего уровня. При этом у девушек показатели самооценки по всем параметрам выше, чем у юношей ($p \leq 0,05$), что можно, в числе прочего, объяснить социокультурным влиянием.

В соответствии с целью исследования сравнивали самооценки юношей и девушек по ряду параметров и их представления об оценках внешнего облика родителями. Представления о родительской оценке внешности определяли дифференцированно: оценка отцом, оценка матерью. В этой части исследования интерпретировали результаты только

старшеклассников из полных семей, у которых есть представления об оценках их внешнего облика обоими родителями. В целом, юноши и девушки считают, что родители оценивают параметры их внешнего облика выше, чем они сами. При этом, в представлениях учащихся оценки матерей оказались выше, чем оценки отцов (различия не являются значимыми). Также, не являются значимыми различия между представлениями юношей и девушек об оценках внешнего облика отцом и матерью, хотя в представлениях девушек эти оценки более высокие, чем в представлениях юношей.

Были обнаружены значимые корреляционные связи между показателями некоторых параметров самооценок внешнего облика и показателями представлений об оценках внешнего облика родителями. Результаты корреляционного анализа приведены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты корреляционного анализа самооценок и представлений об оценках внешнего облика родителями и друзьями

Оценки	Лицо,	Тело	Мужественность / Женственность
Самооценки – Представления об оценках отца	0,311**	0,328**	0,11
Самооценки - Представления об оценках матери	0,56**	0,371**	0,16

** $p \leq 0,01$

Результаты показывают, что существуют значимые взаимосвязи между показателями самооценок отдельных параметров внешнего облика и показателями оценок внешнего облика родителями в представлениях участников исследования. Особенно это касается самооценок лица, телосложения и представлений об оценках лица и телосложения матерью. В то же время, взаимосвязи между показателями самооценок мужественности/женственности внешнего облика и показателями оценок мужественности/женственности внешнего облика родителями в представлениях участников исследования не являются значимыми.

В целом результаты корреляционного анализа подтверждают гипотезу о том, что самооценки отдельных параметров внешнего облика юношей и девушек взаимосвязаны с их представлениями об оценках этих параметров внешнего облика родителями. Родители закладывают основы самооценки внешнего облика в детстве. В дальнейшем некоторые параметры самооценки формируются под влиянием других факторов.

Список использованных источников:

1. Капитанова Е.В. Социально-психологические факторы удовлетворенности студентов своим внешним обликом: Автореф. дисс. канд. псих. наук. – Ростов-на-Дону, 2017. – 24 с.
2. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
3. Келина М.Ю. Социокультурные факторы формирования неудовлетворенности телом и нарушений пищевого поведения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Образование и педагогические науки. – 2012. – № 7 (640). – С. 158-165.
4. Кочеткова Т.Н. Истоки отчуждения и его проявления в отношении к себе и окружающим // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1. – С. 138-143.
5. Лабунская В.А. Не язык тела, а язык души! Психология невербального выражения личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009. – 344 с.

6. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности / Н. Рамси, Д. Харкорт. – СПб.: Питер, 2009. – 256 с.
7. Соколова Е.Т., Чеснова И.Г. Зависимость самооценки подростка от отношения к нему родителей // Вопросы психологии. 1986. - № 2.- С. 110–117.
8. Тарханова П.М., Холмогорова А.Б. Социальные и психологические факторы физического перфекционизма и неудовлетворенности своим телом // Психологическая наука и образование. 2011. №5. С.52–60.
9. Умарова А.С., Белобрыкина О.А. Особенности самооценки современного подростка // Другое образование: взаимодействие общества, семьи и образовательных организаций в эпоху перемен: материалы I Международной научно-практической конференции. – М.: Крылья, 2014. – С. 158-161.
10. Felson R.B., Zielinsk M.A.. Children's self-esteem and parental support. Journal of Marriage and the Family, 1989, 51. – P.727-735.
11. McDowell D.J., Parke, R.D. Parental correlates of children's peer relations: Anempirical test of a tripartite model. Developmental Psychology, 2009. 45. – P. 224-235.
12. Rosenberg M., & Owens T. J. Low self-esteem people: A collective portrait. In T.J. Owens, S. Stryker, & N. Goodmanm (Eds.), Extending self-esteem theory and research. – New York: Cambridge University Press, 2001. – P. 400-436.

** Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260*

Галасюк И.Н.,
кандидат психологических наук, доцент,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
доцент кафедры нейро-и патопсихологии
119192 г. Москва, Ломоносовский проспект, дом 29 кор. 3 кв. 126
E-mail: igalas64@gmail.com

Лаврова М.А.,
младший научный сотрудник Лаборатории мозга и нейрокогнитивного развития,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(ФГАОУ ВО УрФУ), Екатеринбург
E-mail: ml2002@yandex.ru

Сулейманова Е.В.,
младший научный сотрудник Лаборатории мозга и нейрокогнитивного развития,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(ФГАОУ ВО УрФУ), Екатеринбург
E-mail: evs-79@mail.ru

Киселев С.Ю.,
кандидат психологических наук,
заведующий Лабораторией мозга и нейрокогнитивного развития, Уральский
федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (ФГАОУ ВО
УрФУ), Екатеринбург
E-mail: s.j.kiselev@urfu.ru

РОДИТЕЛЬСКАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ И НЕЙРОКОГНИТИВНОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НЕДОНОШЕННОГО РЕБЕНКА В ВОЗРАСТЕ ДО ОДНОГО ГОДА (на примере двух кейсов)

Аннотация. В работе представлено описание двух случаев (кейсов) участников лонгитюдного исследования, в которых анализируется взаимодействие родителя с недоношенным ребенком в возрасте одного года, а также когнитивное и социально-эмоциональное развитие ребенка. Обсуждается психологическое содержание феномена родительской отзывчивости и нейрокогнитивное и социально-эмоциональное развитие детей, родившихся раньше срока.

Ключевые слова: родительская отзывчивость, недоношенный ребенок, раннее детско-родительское взаимодействие, раннее социально-эмоциональное развитие, нейрокогнитивное развитие.

Galasyuk I.N.,
Ph.D., associate Professor,
Moscow State University of Psychology & Education
Associate Professor of the Department of neuro-and pathopsychology
E-mail: igalas64@gmail.com

Lavrova M.A.,
researcher of the Laboratory for Brain and Neurocognitive Development,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
E-mail: ml2002@yandex.ru

*Suleymanova E.V.,
researcher of the Laboratory for Brain and Neurocognitive Development,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
E-mail: evs-79@mail.ru*

*Kiselev S.Y.
Head of the Laboratory for Brain and Neurocognitive Development,
Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia
E-mail: s.j.kiselev@urfu.ru*

**PARENTAL RESPONSIVENESS AND PREMATURE BABY' NEUROCOGNITIVE AND
SOCIAL-EMOTIONAL DEVELOPMENT IN AGE UP TO ONE YEAR
(on the example of two cases)**

Abstract. In the article were described two cases (case studies) of participants in longitudinal study and analyzed the interaction of a parent with a premature baby at the age of one year and also child' cognitive and socio-emotional development. The psychological content of the phenomenon of parental responsiveness and socio-emotional development of prematurely swarming children are discussed.

Keywords: parental responsiveness, premature child, early parent-child interaction, early social and emotional development, neurocognitive development.

За последние несколько десятков лет процент рождаемости недоношенных детей не уменьшается и по-прежнему остается актуальной проблемой [8]. Проблема сопровождения и развития детей, родившихся раньше срока, гораздо более разработана и освещена в области медицины. Внимание к соматоневрологическим последствиям недоношенности имеет витальную значимость для новорожденного. Тем не менее, следует учитывать полученные на сегодняшний день результаты и психологических исследований, свидетельствующие о специфике психического развития недоношенных детей и влиянии социальной ситуации развития на их когнитивное и социально-эмоциональное развитие [3, 6].

К ситуативным особенностям взаимодействия родителя с недоношенным ребенком на первом году его жизни можно отнести необходимость их ранней разлуки, т.к. в первое время после рождения ребенок пребывает в стационаре. Ранняя депривация взаимодействия может сказаться как на дальнейшем развитии ребенка, так и на психологическом состоянии родителей, как правило переживающих шок и страх серьезных заболеваний и смерти ребенка. [16]. У родителя часто формируется неадекватные взаимоотношения и дезадаптивные типы привязанности: родители воспринимают ребенка более болезненным, хрупким, ранимым, неприспособленным и т.д. даже уже в период стабильного и относительно безопасного развития [3].

Для изучения психологических особенностей взаимодействия родителя с ребенком, начиная с младенчества, в некоторых исследованиях применялась видео-съемка [4, 7, 10, 12, 21]. Интерес исследователей к выделению характеристик поведения родителей, которые могут влиять на когнитивное и социально-эмоциональное развитие, привел к разработкам различных диагностических инструментов (например, «The maternal behavior rating scale» Mahoney, Powell, Finger [19, 20]. В России диагностику взаимодействия в диаде «мать-ребенок» с применением видеонаблюдения предложено исследовать с помощью методики «Оценка детско-родительского взаимодействия (ЕСPI)». Поведение родителя анализируется с помощью разработанных авторами поведенческих индикаторов [2].

Наблюдение за взаимодействием в диаде «мать-ребенок» позволило выделить одну из значимых характеристик поведения родителя, которая связана с измерением частоты и интенсивности реакций родителя на сигналы ребенка. Эта характеристика получила название

родительская отзывчивость (parent responsiveness). Показано, что различные аспекты родительской отзывчивости оказывают влияние на результаты обучения детей [15], исследовательскую деятельность во время игры, развитие речи, а также на развитие способности к сотрудничеству [13, 14, 18]. В процессе наблюдения за младенцами ученые выявили некоторые микровзаимодействия матери и ребенка, которые нарушают эмоциональное благополучие младенца и увеличивают риск развития у него аутистической и психотической патологии. [1, 4, 7, 10]. Для нашей работы, связанной с изучением детско-родительского взаимодействия в диаде «мать - недоношенный ребенок», данные положения носят огромное значение, поскольку паттерны взаимодействия взрослого с ребенком могут иметь специфические особенности, обусловленные ситуацией преждевременного рождения ребенка.

Учитывая вышеизложенное, **целью** работы является анализ поведенческих индикаторов родительской отзывчивости и характеристик когнитивного и социально-эмоционального развития двух недоношенных детей в возрасте до одного года. Мы выдвигаем гипотезу о том, что уровень когнитивного и социально-эмоционального развития детей связан с сензитивностью родителей, их отзывчивостью на сигналы ребенка.

Методики

Для анализа родительской отзывчивости использовалась методика ECPI (протокол «Маркеры родительской отзывчивости») [2]. Для оценки когнитивного, речевого, социально-эмоционального развития и адаптивного поведения была использована методика «Шкалы психомоторного развития детей от рождения до 42 месяцев Нэнси Бэйли», третья редакция (Bayley Scales of Infant Development Third Edition, Bayley - III), опросник речевого и коммуникативного развития МакАртура.

Перед проведением исследования с родителями было подписано этическое соглашение, в рамках которого родители дали письменное согласие, в том числе на представление результатов исследования для обсуждения в научном сообществе.

Методика ECPI, включающая видео наблюдение, позволяет нам анализировать родительскую отзывчивость в соответствии с содержательными компонентами: эмоциональным, физическим, познавательным и действенным.

Эмоциональный компонент предполагает оценку эмоционального фона, который создает родитель при общении с ребенком и измеряется с помощью невербальных и вербальных поведенческих проявлений. Вербальный маркер означает способность родителя выражать свои эмоции и сензитивность к эмоциональному состоянию ребенка, способность описывать его внутренний мир, благодаря чему последнему становится проще ориентироваться в собственном опыте, структурировать свой мир. *Физический компонент* позволяет проследить поведенческие проявления родителя на уровне тела. Опираясь на яркие метафоры танца, предложенные исследователями для описания условий создания диалогического общения между родителями и детьми [13, 21], при анализе физического компонента родительской отзывчивости в данной методике используются маркеры «Отзеркаливание» и «Синхронность, дистанция». *Познавательный компонент* подразумевает оценку способности родителя на когнитивном уровне осознавать тонкости душевного мира своего малыша, что проявляется в способности родителя следовать за вниманием ребенка и длительное время фиксировать внимание на общем предмете (маркер «Разделенное внимание»). Оценивается также стремление родителя понять то, что вызывает интерес у ребенка путем стимулирования его исследовательской активности (маркер «Поддержка исследовательской активности»). *Действенный компонент* анализируется на основании действий, которые родитель предпринимает в результате получения сигнала ребенка о потребностях (маркер «Реакция на потребности ребенка») и вербальных проявлений вовлеченности, доброжелательного внимания, интереса к деятельности ребенка, уверенности в способностях ребенка, не директивной позиции, искренней похвалы (маркер «Коммуникативная деятельность»).

Каждый из маркеров родительской отзывчивости может проявляться в поведении как с положительным значением (положительный индикатор), так и с отрицательным значением (отрицательный индикатор). Подвергается анализу также промежутки времени, когда маркеры родительской отзывчивости отсутствуют как в отрицательном, так и в положительном значении. В этом случае маркер условно назван «нейтральным».

Процедура исследования включает два периода: *первый период* (5 минут) – свободное взаимодействие родителя с ребенком без игрушек и *второй период* (15 минут) – взаимодействие родителя и ребенка с игрушками. По окончании записи взаимодействия родитель заполняет анкету, один из вопросов которой: «Насколько поведение ребенка и родителя соответствует обычному взаимодействию». Цель этого вопроса – исключение необычного и непохожего взаимодействия из анализа видеоматериалов.

Анализ маркеров родительской отзывчивости проводился с помощью компьютерной программы «The Observer XT», которая позволяет визуализировать частоту и длительность каждого маркера родительской отзывчивости; констатировать средний и общий показатели длительности, а также количественные характеристики каждого маркера родительской отзывчивости и благодаря этому получить целостную картину поведения родителя при взаимодействии с ребенком.

Шкалы развития Bayley-III являются одним из наиболее широко используемых методов оценки развития детей, начиная с рождения и до 42 месяцев. Процедуру проведения этой методики характеризуют высокая степень формализованности, строгие требования к следованию указаниям авторов методик, а также к условиям, в которых она проводится. Методика Bayley-III состоит из двух частей: прямой тест, проводимый экспериментатором и включающий в себя оценку пяти шкал: когнитивной, шкалы рецептивной коммуникации, шкалы экспрессивной коммуникации, шкал мелкой и крупной моторики; не прямой тест – опросник, заполняемый экспериментатором при анкетировании родителей, позволяющий оценить уровень социально-эмоционального развития и навыков адаптивного поведения.

Анкета по социально-эмоциональным навыкам и адаптивному поведению позволяет определить уровень социально-эмоционального развития ребенка, уровень обработки сенсорной информации, адаптационные навыки: «Общение», «Здоровье и безопасность», «Досуг», «Уход за собой», «Саморегуляция», «Социальная среда», «Моторные навыки» (если возраст ребенка меньше одного года). После одного года оцениваются дополнительно навыки “Жизнь в сообществе”, “Функции доучебного периода” и “Жизнь дома”. Каждый из перечисленных навыков описывает модели поведения ребенка дома или в других условиях. Фиксируется также частота самостоятельного использования определенных навыков [11].

По итогам всего тестирования проводится подсчет баллов и оценка результатов в соответствии с руководством. Итоговые баллы позволяют специалисту оценить уровень развития ребенка и сопоставить результаты со статистическими данными, полученными при стандартизации методики.

Для более подробного оценивания речевого и коммуникативного развития был также использован опросник МакАртура.

Описание выборки

Обе семьи являются участниками лонгитюдного исследования, проводимого лабораторией мозга и нейрокогнитивного развития УрФУ [9], и относятся к группе исследования детей с недоношенностью. В данной статье приведен анализ результатов третьей точки протокола исследования, осуществляемой в возрасте ребенка 10 месяцев.

Кейс 1

Участники: мать и ребенок (мальчик М.).

Ребенок: недоношенный (срок гестации 26 недель, скорректированный возраст на момент обследования – 11,8 мес.).

Состав семьи: мать (30 лет), отец (32 года), старшая сестра (10 лет).

Образование обоих родителей: высшее.

Кейс 2

Участники: мать и ребенок (мальчик Е.)

Ребенок: недоношенный (срок гестации 32 недели, скорректированный возраст на момент обследования – 11,7 мес.)

Состав семьи: мать (36 лет), отец (36 лет).

Образование обоих родителей: высшее.

Анализ результатов исследования по Кейсу 1

Результаты анализируются по двум направлениям:

1) общее впечатление эксперта о взаимодействии матери с ребенком в процессе исследования по методике ЕСПИ;

2) статистические данные, полученные с помощью программы «The Observer XT»

В анкете после взаимодействия мама отметила, что поведение и ее, и ребенка полностью соответствует обычному.

По наблюдениям, мама демонстрирует высокую мотивацию взаимодействовать с ребенком «правильно». Старается создать позитивный эмоциональный фон общения, о чем свидетельствует спокойный тон голоса, радостные интонации, постоянная улыбка, энтузиазм, с которым мама предлагает ребенку разные виды активности, однако эта активность осуществляется строго под контролем мамы.

Отмечено высокое напряжение мамы. Страх выпустить ребенка из поля зрения. Обращение с ребенком не соответствует его возрасту: практически все время взаимодействия родитель держит ребенка на руках. Наблюдается ограничение движений, активности ребенка. Родитель крепко держит его, как бы «борется» с ребенком, который пытается выбраться на свободу. Эти попытки особенно четко прослеживаются, когда родитель отпускает ребенка физически и тот стремится к двери, демонстрируя желание выйти из комнаты. Яркое противостояние между родителем и ребенком, которое наблюдается на протяжении всего времени взаимодействия в диаде, позволило нам присвоить кейсу название «Борец за свободу».

При сравнении проявлений родительской отзывчивости на протяжении двух периодов исследования с помощью кодирования видео записей в компьютерной системе «The Observer XT» было выявлено, что на втором периоде, когда родителю было предложено поиграть с ребенком, используя игрушки, произошло снижение эмоционального положительного фона общения, однако родитель начал больше говорить с ребенком, причем вербальный компонент с положительным значением явно увеличился. На физическом уровне проявления родительской отзывчивости также претерпели изменения, причем положительных маркеров не наблюдалась, однако снизились и отрицательные значения данного маркера. На когнитивном уровне, когда родитель должен «идти за ребенком» с целью познания его интересов, возможностей и способностей, происходит снижение отрицательных значений маркеров, однако наблюдаются продолжительное время отсутствие маркеров «разделенное внимание» и «поддержка активности». Такие поведенческие проявления родителя могут говорить о том, что мама испытывает растерянность при необходимости организовать игру с ребенком и несколько отстраняется от него, не замечая интересов ребенка. На втором периоде также присутствуют отрицательные индикаторы по оценке спонтанной игры, что говорит о стремлении мамы заменить спонтанную деятельность дидактической игрой. В действиях родителя на протяжении как первого, так и второго периода преобладают нейтральные значения (отсутствие проявлений) маркеров «реакции на потребности» и коммуникативная деятельность. Родитель занимает больше директивную позицию, чем создает условия для сотрудничества, не хвалит ребенка (Таблица 1).

Таблица 1.

Сравнительный анализ двух периодов исследования (Кейс №1)

Компоненты родительской отзывчивости	Поведенческие индикаторы родительской отзывчивости	Общая продолжительность (положительный, отрицательный)		Частота	
		1 период (+/-)	2 период (+/-)	1 период (+/-)	2 период (+/-)
Эмоциональный	Невербальные	0, 34/3, 34	0/1, 41	3/5	0/2
	Вербальный	0, 04/1, 19	0, 18/0, 27	2/5	6/1
Физический	Отзеркаливание	0, 02/0, 58	0/0	1/4	0/0
	Синхронность, дистанция	0, 01/1, 16	0/0, 09	1/7	0/1
Познавательный	Разделенное внимание	0, 05/1, 37	0, 29/4, 10	1/5	1/2
	Поддержка активности	0, 13/0, 51	0/1, 10	1/1	0/1
Действенный	Реакции на потребности	0, 42/5, 33	0/4, 07	4/6	0/2
	Коммуникативная деятельность	0, 51/1, 02	0, 07/0, 08	2/5	2/1
Условие оценки	Игра	0/1, 15	0/2, 24	0/3	0/3

Таким образом, анализ родительской отзывчивости на обоих этапах исследования показывает преобладание отрицательных поведенческих индикаторов по всем маркерам родительской отзывчивости как по частоте, так и по продолжительности. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что присутствуют также положительные маркеры, что свидетельствует о существующих ресурсах родителя, на которые можно опираться при развитии родительской отзывчивости.

Данные когнитивного развития ребенка М. представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Результаты когнитивного развития (Шкалы развития Bayley-III, шкальные баллы)

КШ (Ш)	РР (Ш)	ЭР (Ш)	ММ (Ш)	КМ (Ш)
7	7	8	8	6

КШ(Ш) – когнитивная шкала (шкальный показатель); РР(Ш) – шкала рецептивной коммуникации (шкальный показатель); ЭР (Ш) – шкала экспрессивной коммуникации; ММ (Ш) – мелкая моторика (шкальный показатель); КМ (Ш) – крупная моторика (шкальный показатель).

Максимально возможная оценка субтеста составляет 19 баллов, а самый низкий балл равен 1. Оценка от 8 до 12 считается средней. То есть по когнитивной шкале, шкалам рецептивной коммуникации и крупной моторики ребенок продемонстрировал результат ниже средних значений.

Согласно пробам, содержащимся в когнитивной шкале, у ребенка возникли сложности с выполнением проб на распределение внимания и при манипуляциях с предметами. Мы оценили количество сырых баллов, набранных ребенком, в соответствии с возрастным эквивалентом. Этот способ подсчета применяется в случаях получения низких показателей по той или иной шкале и позволяет определить ориентировочный уровень развития навыков. Возраст развития навыков когнитивной шкалы ориентировочно равен 8-9 месяцам.

При выполнении проб из шкалы рецептивной коммуникации сложности вызвало понимание запрещающих слов, участие в игровых процессах других людей, демонстрация надлежащей реакции на обычные бытовые просьбы. Возраст развития навыков шкалы рецептивной коммуникации ориентировочно равен 8 месяцам.

В шкале крупной моторики не были выполнены следующие пробы: удерживает вес на протяжении 2 секунд, поднимается и занимает положение стоя (у опоры), двигается вверх-вниз, ходьба с опорой, ходьба боком у опоры. Возраст развития навыков шкалы крупной моторики ориентировочно равен 9 месяцам. По шкалам экспрессивной речи и мелкой моторики результат находится на нижней границе средних значений. Показатели по всем шкалам находятся в зоне 12-18 перцентилей.

Адаптивное поведение ребенка включает способность справляться с требованиями среды и ежедневными потребностями. Эти адаптационные навыки неразрывно связаны с другими областями развития и способностями. Рост и развитие маленьких детей приводит к развитию различных навыков, включая коммуникацию, социальное взаимодействие, двигательную активность, здоровье и безопасность, жизнь дома, навыки самообслуживания, и проведения досуга.

Таблица 3.

Данные социально-эмоционального развития (шкальные баллы)

СЭ Р (Ш)	О (Ш)	ЗБ (Ш)	Д (Ш)	УС (Ш)	С (Ш)	СС (Ш)	М (Ш)
14	8	11	12	9	8	7	10

СЭР (Ш) Уровень социально-эмоционального развития (Шкальные показатели); О (Ш) – Общение (шкальный показатель); ЗБ (Ш) – Здоровье и безопасность (шкальный показатель); Д (Ш) – Досуг (шкальный показатель); УС (Ш) – Уход за собой (шкальный показатель); С (Ш) – Саморегуляция (шкальный показатель); СС (Ш) – Социальная среда (шкальный показатель); М (Ш) – Моторика (шкальный показатель).

Ребенок демонстрирует «неровные» результаты для адаптационных навыков (по шкальным показателям нижняя граница – 7 баллов, верхняя – 13). Так, при высоком уровне социально-эмоционального развития по показателю «социальная среда» ребенок демонстрирует результаты на уровне нижней границы нормы для данного возраста. Другими

словами, обладая высоким для возраста функционально эмоциональным уровнем развития, определенные модели поведения ребенка сформированы недостаточно.

При этом у М. наблюдается низкий результат по адаптивному поведенческому навыку «Социальная среда», который отражает поведение, проявляющееся в повседневном социальном взаимодействии и включает такие пункты как: «улыбается, когда видит родителя», «визжит/смеется, когда рад или доволен», «расслабляет тело, когда ребенка берут на руки (прижимается)»; «поднимает руки, когда хочет, чтобы его взяли на руки», «демонстрирует чувство юмора», «демонстрирует особую близость/связь с родителями» и др. (по мере развития навыка). Но не демонстрирует обычное для этого возраста демонстрации близкого контакта (обнимание и целование родителей и близких). При этом, навык “Досуг” (т.е. умение играть самостоятельно и с другими детьми и взрослыми, смотреть, как играют другие; выбирать игрушки, просить почитать любимую книгу и др. достаточно высок. Т.е. ребенок играет с игрушками, хорошо освоил предметную деятельность (для своего возраста), но недостаточно хорошо коммуницирует с другими (для своего возраста).

Анализ результатов исследования по Кейсу 2

Общее впечатление о взаимодействии матери с ребенком в процессе исследования по методике ЕСПИ.

Мы присвоили кейсу название «Маленький исследователь». Ребенок на протяжении всего времени изучает новую обстановку, свободно передвигаясь по комнате. Мама не просто позволяет малышу исследовать пространство, но демонстрирует интерес и вовлеченность к тому, что делает ребенок. Более того, мама сама «исследует» пространство, осваивается в нем и обогащает игровую среду ребенку. Так, по условиям эксперимента первые пять минут видеосъемки родитель должен взаимодействовать с ребенком без игрушек, однако это не сообщается маме. Игрушки находятся в комнате и расположены на подоконнике и мама, не дожидаясь, когда экспериментатор предложит игрушки, сама находит ящик с игрушками и выбирает несколько из них, кладет их на ковер и предлагает ребенку выбрать самому то, что ему нравится.

Следует отметить, что общая продолжительность поведенческих индикаторов по каждому из маркеров родительской отзывчивости в двух периодах исследования как в свободной деятельности без игрушек, так и в период исследования, когда в распоряжении мамы были игрушки, не имеет значительных различий (Таблица 4).

Таблица 4.

Сравнительный анализ двух периодов исследования (Кейс №2)

Компоненты родительской отзывчивости	Поведенческие индикаторы родительской отзывчивости	Общая продолжительность		Частота	
		1 период (+/-)	2 период (+/-)	1 период (+/-)	2 период (+/-)
Эмоциональный	Невербальные	2, 57/0	2, 17/0	10/0	7/0
	Вербальный	0, 07/0	0, 11/0	3/0	4/0
Физический	Отзеркаливание	0, 04/0	0,0 2/0	3/0	1/0

	Синхронность, дистанция	2, 47/0	3, 06/0	2/0	3/0
Познавательный	Разделенное внимание	0,1 2/0	3, 13/0, 34	2/0	5/1
	Поддержка активности	2, 31/0	1, 54/0	4/0	4/0
Действенный	Реакции на потребности	0, 32/0,4	0,1 1/0	2/1	2/0
	Коммуникативная деятельность	0, 10/0	0,4 7/0	6/0	6/0
Условие оценки	Игра	0/0	0,4 8/0	0/0	2/0

Результаты исследования родительской отзывчивости по методике **ЕСРП** показывают преобладание положительных поведенческих индикаторов по всем маркерам родительской отзывчивости по сравнению с непродолжительными по времени и редкими отрицательными индикаторами. Наблюдается положительный эмоциональный фон общения. На уровне тела (физический компонент) зафиксированы длительные промежутки синхронных движений в диаде. Мама проявляет интерес к тому, что делает ребенок (разделенное внимание), что особенно ярко наблюдается во время второго периода, когда мама играет с ребенком. Вместе с тем, отмечена высокая длительность нейтральных «вербального» маркера и маркера «коммуникативная деятельность», и низкий показатель общей продолжительности этих маркеров. Другими словами, недостаточно долго и часто разговаривает с ребенком (общая продолжительность положительных вербальных индикаторов в двух периодах исследования составляет 1 минуту 14 секунд из 10 минут взаимодействия).

Данные развития по Бэйли представлены в табл.5

Таблица 5.

Результаты когнитивного развития Е. (Шкалы развития Bayley-III, шкальные баллы)

К Ш (Ш)	РР (Ш)	ЭР (Ш)	ММ (Ш)	КМ (Ш)
13	12	10	10	18

По шкале рецептивной коммуникации, шкалам экспрессивной коммуникации и мелкой моторики ребенок продемонстрировал результат в пределах средних значений. По когнитивной шкале получен результат выше средних значений, а по шкале крупной моторики получен практически максимальный балл.

По нейрокогнитивному развитию ребенок демонстрирует высокие результаты по всем шкалам, некоторые из показателей выше средних значений. То есть ребенок развивается в соответствии с возрастом, по показателям когнитивной шкалы и крупной моторики – с опережением.

Также у ребенка большой пассивный словарный запас; он участвует в играх, выразительно лепечет, имеет 4 сочетания согласных-гласных, использует минимум 2 слова, использует слово, чтобы сообщить о своем желании. При уточнении коммуникативных навыков по опроснику речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста МакАртура мы увидели, что в соответствующем возрасте 50 перцентиль активного

словарного запаса составляет 6,85 слов (т.е. половина мальчиков его возраста говорят 6 слов). У Д. 4 полноценных слова в активе, остальное – звукоподражание.

Таблица 6.

Данные социально-эмоционального развития (шкальные баллы)

СЭ Р (Ш)	О (Ш)	ЗБ (Ш)	Д (Ш)	У С (Ш)	С (Ш)	С С (Ш)	М (Ш)
14	11	8	10	8	10	11	12

Отметим, что соответствующие возрасту адаптационные навыки (старше 12 мес.) “функции доучебного периода” (шкальный результат – 11), “жизнь дома” (шкальный результат – 12) и “жизнь в сообществе” (шкальный результат – 12) мы не включили в таблицу для возможности сравнить результаты двух детей.

Шкальные показатели по адаптивным навыкам достаточно равномерны, разброс в освоении навыков невелик и практически все из них соответствуют коридору “хорошей” нормы. Уровень функционального эмоционального развития высокий: он соответствует уровню решения социальных задач и самосознания; ребенок использует серию интерактивных эмоциональных сигналов/жестов для общения; наблюдается совместная игра со взрослым; ребенок может подождать желаемого, если ему дать объяснение; может показать свое состояние с помощью жестов и выражения лица.

По сравнению с остальными навыками, но по-прежнему, оставаясь в пределах нормативных показателей, наименее сформированы навыки “Уход за собой” и “Здоровье и безопасность”, которые отражают умение удовлетворять потребности и навыки самообслуживания (есть, спать, одеваться, умываться и пр.) и навыки самосохранения и безопасного поведения (избегает прикосновения к опасным предметам; сообщает о травмах, сохраняет спокойствие при медицинских процедурах). Вероятнее всего, это связано именно с недостаточным акцентом на обучение этих навыков родителями.

Кейс 1: анализ родительской отзывчивости по методике *ЕСРІ* показывает преобладание отрицательных поведенческих индикаторов по всем маркерам родительской отзывчивости. У ребенка выявлен низкий уровень когнитивного развития, рецептивной и экспрессивной коммуникации, развития мелкой и крупной моторике по методике *Шкалы развития Bayley-III*. М. демонстрирует низкие результаты по нейрокогнитивному развитию (крупной моторике, рецептивной коммуникации, когнитивной шкале) и неравномерные показатели по социально-эмоциональному развитию и адаптивным навыкам.

Кейс 2: анализ родительской отзывчивости по методике *ЕСРІ* показывает преобладание положительных поведенческих индикаторов по всем маркерам родительской отзывчивости по сравнению с отрицательными. Между тем, отмечено, что мама редко разговаривает с ребенком. Ребенок демонстрирует высокие результаты по всем шкалам, некоторые из показателей выше средних значений по методике *Шкалы развития Bayley-III*. И чуть более низкий результат по количеству выговариваемых слов (опросник речевого развития МакАртур).

Сравнение результатов двух кейсов по методике *ЕСРІ* и методике *Шкалы развития Bayley-III* позволяет нам говорить о том, что наша гипотеза о наличии связи между поведением родителя, его отзывчивости на сигналы ребенка и когнитивным, социально-эмоциональным развитием ребенка на первоначальном этапе подтвердилась. Мы понимаем, что родительская отзывчивость является лишь одним из множества факторов развития ребенка, включая его “биологическое оснащение” (Шпиц Р.), семейное окружение, порядок рождения, условия проживания и др. Безусловно, требуются дальнейшие исследования в данном направлении. Вместе с тем, как было указано выше, в возрасте до одного года ребенок находится в тесной связи с матерью или значимым взрослым, осуществляющим уход за ребенком. В этой связи мы считаем, что родительская отзывчивость является значимым фактором развития ребенка.

Заключение. Согласно “diathesis stress” модели, недоношенные дети более восприимчивы к негативному влиянию окружающей среды. Значительно влияют на развитие ребенка именно родители, т.к. находятся в круглосуточном контакте с ними и способствуют реализации рекомендаций и реабилитационных процедур, оказывают заботу и уход. Более того, особое взаимодействие с недоношенными может способствовать и развитию когнитивных навыков, например, речевых [17]. Следует учитывать, что поведенческие проявления родителя, и в частности, отзывчивость, обусловлена его психологическим состоянием, которое связано с тревогами и страхами за ребенка.

Наличие родительской отзывчивости в поведении родителя – это характеристика, присущая «достаточно хорошему родителю» (Д.В. Винникот), который может и должен делать ошибки, но в то же время чувствует своего ребенка и способен настроиться на его внутренний мир. Научные и практические разработки в этом направлении позволяют помочь ребенку реализовать свои возможности и способности, а родителям осознанно помочь ребенку в этом.

Исследование осуществлялось в рамках реализации совместного проекта Лаборатории мозга и нейрокогнитивного развития УрФУ (г. Екатеринбург) и Лаборатории АНО “Психологические инструменты” (г. Москва).

Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 16-18-10371

Список использованных источников:

1. Гринспен С., Уидер С. На ты с аутизмом. Использование методики Floortime для развития отношений, общения и мышления. М.: Издательство Теревинф, 2017. 512 с.
2. Галасюк И.Н., Шинина Т.В. «Оценка детско-родительского взаимодействия» Evaluation of child-parent interaction (ЕСPI). – М.: ИТД Перспектива, 2017. 304 с.
3. Иванова Н.Б. Проблемы развития недоношенных детей, воспитывающихся в условиях семьи и дома ребенка // Специальное образование №1, 2010, С. 36 - 45
4. Калина О.Г. Психоаналитическое наблюдение за младенцами по методу Эстер Бик: современные цели и перспективы // Консультативная психология и психотерапия, 2014, №2. С. 213 - 231
5. Лаврова М.А., Токарская Л.В. Методики оценки раннего детско-родительского взаимодействия // Культурно-историческая психология 2018. Т. 14. № 2 (в печати)
6. Луковцева З.В. Психическое развитие недоношенного младенца / З.В. Луковцева, Л.Л. Баз // Вопросы психологии, 1999, №6.
7. Малер М. С., Пайн Ф., Бергман А. Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация. Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2014. – 413 с. (Библиотека психоанализа)
8. Скрипниченко Ю.П., Баранов И.И., Токова З.З. Статистика преждевременных родов // Проблемы репродукции, 4, 2014, С. 11-14
9. Токарская Л.В., Лаврова М.А., Лазаускене З.С., Кукарских А.В. Проектирование процедуры исследования влияния детско-родительского взаимодействия на раннее когнитивное и сенсомоторное развитие детей Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал <http://j-chr.com/ru/site/journal/15>
10. Шпиц Р.А. Первый год жизни. Пер. С англ. Л.Б. Сумм под ред. А.М. Боковикова. – М.: ГЕРРУС, 2000. – 384 с.
11. Bayley-III Clinical use and interpretation / L.G.Weiss, T.Oakland, G.Aylward. Elsevier Inc. 2010. 240 p.
12. Bennetts S.K., Mensah F.K., Green J., Hackworth N.J., Westrupp E. M., Reilly S. Mothers’ Experiences of Parent-Reported and Video-Recorded Observational Assessments // Journal of Child and Family Studies. 2017. P. 3312-3326. doi: 10.1007/s10826-017-0826-1
13. Condon W., Sander L. Synchrony Demonstrated Between Movements of the Neonate and Adult. speech // Child development 45: 456 – 462, 1975.; 1.

14. Call J.D. From early patterns of communication to the grammar of experience and syntax in infancy. In *Frontiers of infant psychiatry*. Vol. 2, ed. J.D. Call, E. Galenson, and R.L. Tyson. Now York. Basic Books, 1984. pp. 15 – 29.
15. Fey M.E., Warrn S.F., Brady N., Finestack I.H., Bredin Oja S.L., Fairchild M. et al. Early effects of responsivity education/prelinguistic milieu teaching for children with developmental delays and their parents. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2006, 49. pp. 526 – 547.
16. Hadfield, Kristin; Fearghal, O'Brien and Gerow, Aaron. 2017. Is level of prematurity a risk/plasticity factor at three years of age? *Infant Behavior and Development*, 47, pp. 27-39. <https://doi.org/10.1016/j.infbeh.2017.03.003>.
17. Kiselev S., Lavrova M., Suleymanova E., Lvova O., Tuktareva I. Positive effect of parent-child interaction on language development in preterm infants // *Psychoneuroendocrinology*. 2017 September. Volume 83S. – P. 29.
18. Landry S.H., Smith, K.E., & Swank, P.R. Responsive parenting: Establishing early foundations for social, communication and independent problem – solving skills. *Developmental Psychology*, 42 (4), 2006, 672 0 642.
19. Mahoney G.J., Powell A. & Finger I. The maternal behavior rating scale // *Topics in Early Childhood Special Education* 1986 (6). pp. 44-55.
20. Ruble L., McDuffie A., King A.S. Caregiver Responsiveness and Social Interaction Behaviors of Young Children With Autism // *Topics in Early Childhood Special Education*. 2008. Vol. 28 (3) P. 158-170. doi:10.1177/0271121408323009
21. Stern D.N. A Micro-Analysis of Mother-Infant Interaction: Behavior Regulating Social Contact Between a Mother and Three-And-Half-old twins // *J. of American Academy of Child Psychiatry*. 1971.V.10. – pp. 501-517.

Куцубей Анастасия Тониславовна
Магистрант кафедры психологии
Челябинский государственный университет
454001 г. Челябинск, Братьев Кашириных, 129
E-mail: aselysh@ya.ru

Пономарёва Ирина Владимировна
кандидат психологических наук, доцент
доцент кафедры психологии
Челябинский государственный университет
454001 г. Челябинск, Братьев Кашириных, 129, каб. 106
E-mail: ivp-csu@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОЗНАННОГО НЕЖЕЛАНИЯ ИМЕТЬ ДЕТЕЙ У МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ

Аннотация. В статье представлено исследование возможного соотношения между личностной беспомощностью как характеристики личности и осознанного нежелания иметь детей у молодых людей. Рассматривается проблема феномена «чайлдфри» у молодых людей. Приводятся результаты исследования репродуктивных установок у молодых людей с признаком беспомощности. Предполагается, что личностная беспомощность может влиять на осознанное нежелание молодых людей заводить детей.

Ключевые слова: личностная беспомощность, репродуктивные мотивы, чайлдфри, молодые люди, тревожность, депрессивность, низкая самооценка.

Kutsubey Anastasiya Tonislavovna
Chelyabinsk State University
454001 Chelyabinsk, Bratyev kashirinyh, 129
E-mail: aselysh@ya.ru

Ponomareva Irina Vladimirovna
candidate of psychological Sciences, associate Professor
Chelyabinsk State University
454001 Chelyabinsk, Bratyev kashirinyh, 129
E-mail: ivp-csu@yandex.ru

THE STUDY OF CONSCIOUS RELUCTANCE TO HAVE CHILDREN IN YOUNG PEOPLE WITH PERSONAL HELPLESSNESS

Abstract. The article summarizes the results of the study into probable relations between personal helplessness as an individual trait and a conscious reluctance to have children in young people. The problem of the phenomenon "childfree" in young people is considered. The results of research of reproductive attitudes in young people with a sign of helplessness are presented. It is assumed that personal helplessness can influence the conscious unwillingness of young people to have children.

Key words: personal helplessness, reproductive motives, childfree, young people, anxiety, depression, low self-esteem.

Современная социокультурная ситуация характеризуется глобальными изменениями, которые затрагивают все сферы человеческой жизни – в культуре, образовании, политике, на уровне межпоколенческих и семейных взаимоотношениях. Реальность повседневной жизни и многочисленные научные исследования свидетельствуют о снижении ценности семьи, которая уже не выполняет исключительно репродуктивную функцию, что выражается в увеличении падения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства поколения во многих странах мира. Феномен бездетности получил массовое распространение в США начиная с 1970-х гг. Среди основателей следует выделить следующих западных исследователей: Дж. Э. Виверс, Э. Пек и Ш. Радла, Д. Стэйнберг, Л. Лафайет, Книл и Джоши.

В России зарождение тенденции «бездетности» пришлось на конец XX — начало XXI в. Для нашей страны — это достаточно новое движение, однако тенденция к изучению данной проблемы изучают следующие известные исследователи: Н. Е. Русанова, Р. Т. Фахрисламова, О. Г. Исупова, О. О. Жанбаз, М. М. Бичарова и др.

Так, людей, придерживающихся образа жизни осознанной бездетности, называют «чайлдфри» (Childfree). Буквальный перевод слова – «свободные от детей» подразумевает, что рождение детей не ставится в качестве важной цели, которую необходимо исполнить в течение жизни и соответственно принимаются меры для того, чтобы избежать зачатия [4].

Юноши и девушки не готовы поступиться собственным комфортом, профессиональными и карьерными планами, а на передний план выходят личные цели, саморазвитие и самопознание, образование, карьера, желание хорошо отдохнуть и пожить «для себя» - всё это приводит к тому, что возрастает число людей, откладывающих рождение детей, либо не желающих их вовсе иметь.

Выбор осознанного отказа от рождения детей зависит от самой личности, которая опирается на ряд субъективных и индивидуальных для каждого человека факторов. Основным критерием, в данной статье, авторы выделяют репродуктивные мотивы. И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко и Т. О. Отт полагают, что на сегодняшний день причины отказа от рождения детей комплексные, сочетают экономические и социальные (политические, семейные) условия и одновременно коренятся в индивидуально-психологических характеристиках (репродуктивная мотивация, психологическая готовность к родительству, ценность ребенка) людей. По мнению ряда ученых, улучшение социально-экономической ситуации, по всей видимости, не приведет к повышению рождаемости. Многочисленные данные свидетельствуют об обратном: чем выше уровень благосостояния населения, тем ниже рождаемость. Если бы дело обстояло иначе, самая высокая рождаемость наблюдалась бы в странах с самым высоким уровнем жизни. Однако этого не происходит. По-видимому, экономические и политические регуляторы лишь частично обеспечивают высокую ценность родительства [1]. Потому мы можем предположить, что выбор, возможности и мотивация кроются исключительно в полюсе самого человека.

Авторами статьи представляются интересными такие факторы, которые препятствуют становлению психологического благополучия личности. Одним из таких факторов выступает личностная беспомощность. Его изучением занимались: Н. А. Батулин, Д. А. Циринг, И. В. Пономарёва, Е. В. Веденева, Е. А. Евстафеева и др.

Н. А. Батулин определяет личностную беспомощность как устойчивое образование, характеристику личности, которая мало зависит от происходящих в жизни человека событий. С точки зрения Д. А. Циринг «Личностная беспомощность – это системное качество субъекта, обусловленное симптомокомплексом определённых личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними (системой семейных взаимоотношений, опытом неконтролируемых травмирующих событий), определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить цели и достигать их, преодолевая различного рода трудности. Личностная беспомощность проявляется в деятельности, обуславливая снижение её успешности» [5].

Так, в структуре интегральной индивидуальности беспомощность является образованием личностного уровня, она формируется в процессе обретения личного жизненного опыта [3] и может быть обусловлена рядом врожденных, средовых и социальных факторов. Негативный индивидуальный опыт в совокупности с новыми травмирующими переживаниями подталкивает к возникновению у человека состояния беспомощности, проявляющегося значительно чаще у людей, имеющих к нему внутренние диспозиции (пессимистический атрибутивный стиль, депрессивность, тревожность, низкая самооценка, внешний локус контроля и др.). Указанные внутренние диспозиции беспомощности, по сути, являются совокупностью устойчивых характеристик личностной беспомощности.

Как итог: общество получает две принципиально разнонаправленные категории молодых людей. Первые готовы взять ответственность за все происходящее в их жизни, они уверены в собственных силах, имеют активную жизненную позицию – принимают собственную жизнь как подконтрольный им процесс саморазвития. Другие, напротив, в собственной беспомощности, списывают ответственность за собственную жизнь на общественный уклад, определенный некими внешними силами.

В данной статье мы предполагаем, что молодые юноши и девушки осознанно не желают заводить детей, имея такие индивидуальные психологические особенности личностной незрелости, как нерешительность, мотивация избегания неудач, низкая самооценка, неуверенность, пассивность, тревожность, депрессивность, избегание ответственности, склонность к самозащите, пессимистический атрибутивный стиль, которые дополняются страхами и опасениями, психологическими травмами, негативными воспоминаниями, неуверенностью в себе. Совокупность таких особенностей схожа с признаками личностной беспомощности как системной характеристики субъекта. Исследование, направленное на изучение особенностей осознанного нежелания иметь детей у молодых людей с личностной беспомощности, позволит определить возможные детерминанты осознанного нежелания иметь детей у молодых людей.

Данное исследование было проведено в 2018 году. Испытуемыми стали 47 человек из разных городов России. Выборка характеризуется следующими особенностями: это молодые люди детородного возраста, женщины и мужчины в возрасте от 18 до 35 лет, которые не имеют и не планируют заводить детей в ближайшем будущем или вообще в жизни.

В нашем исследовании мы провели психологическую диагностику соотношения личностной беспомощности и репродуктивных мотивов у молодых людей. Для выявления которых, выбрали следующие методики: опросник атрибутивного стиля для взрослых – ASQ; методика измерения уровня тревожности (Дж. Тейлор, адаптация В. Г. Норакидзе); методика исследования самооценки личности С. А. Будасси; методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний В. Зунга (адаптация Т. И. Балашовой); опросник «Репродуктивные мотивы» (И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт).

При проведении статистической обработки результатов исследования нами были заданы следующие переменные: «самооценка», «тревога», «депрессия», «атрибутивный стиль», «показатель надежды», «репродуктивные установки: мотивы заводить детей - мотивы не заводить детей».

Использовали следующие математические методы обработки данных: кластерный анализ, однофакторный дисперсионный анализ. Чтобы классифицировать выборку на «беспомощных», «адаптивных» и «самостоятельных» мы провели кластерный анализ по показателям «итоговый атрибутивный стиль», «показатель надежды», «тревожность», «самооценка», «депрессия». По итогам расчёта кластерного анализа мы выявили 3 кластера или группы респондентов: 1 кластер - «адаптивные» (15 чел.), 2 кластер – «беспомощные» (15 чел.) и 3 кластер – «самостоятельные» (17 чел.) (табл. 1).

Таблица 1.

**Результаты кластерного анализа по диагностическим показателям
личностной беспомощности у молодых людей**

	№	Показатели личностной беспомощности				
		Атрибутивный стиль	Показатель надежды	Тревожность	Самооценка	Депрессия
Испытуемые с личностной беспомощностью	15	-6,26	8,2	33,4	0,178	48,3
Адаптивные	15	-0,4	5,2	25,1	0,2	37,9
Испытуемые с самостоятельностью	17	0,82	5,64	12,7	0,37	32,7

Для того, чтобы удостовериться, что группы отличаются, мы использовали однофакторный дисперсионный анализ. По итогам расчётов однофакторного дисперсионного анализа мы определили, что существуют достоверные различия между группами по показателям личностной беспомощности, за исключением показателя «самооценка». Однако, среднее значение показателя самооценка ниже, чем средние значения данного показателя у двух других кластеров («беспомощных» и «адаптивных») (табл. 2).

Таблица 2.

**Результаты однофакторного дисперсионного анализа
по показателям личностной беспомощности**

	Уровень значений	F
Атрибутивный стиль	0,001	13,623
Показатель надежды	0,001	11,460
Тревожность	0,001	77,300
Самооценка	0,247	1,444
Депрессия	0,001	48,252

Так же мы сошлись на авторов методики «Репродуктивные мотивы» (И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Ю. В. Борисенко, Т. О. Отт) и отметили 2 группы мотивов: в первую относятся причины завести детей, а именно «беременность ради ребенка» и «беременность от любимого человека»; вторая группа направлена на причины «не заводить детей» - «материальные условия», «появление проблем в браке», «препятствие самореализации», «изменения внешности женщины», «ограничение социальных контактах» и «большая физическая нагрузка» в связи с уходом за ребёнком.

Чтобы выявить особенности репродуктивных мотивов молодых людей с личностной беспомощностью, мы провели однофакторный дисперсионный анализ. В результате обработки данных нами были установлены значимые различия по всем показателям репродуктивных мотивов среди молодых людей с личностной беспомощностью, самостоятельностью, а также адаптивных молодых людей (табл. 3).

Таблица №3.

Результаты однофакторного дисперсионного анализа репродуктивных мотивов

Репродуктивные мотивы				Уровень значимости
Мотив Беременность ребенка	№1: ради	Молодые люди с личностной беспомощностью (M=1,26)	Адаптивные (M=1,93)	0,015
			Самостоятель ные (M=2)	0,005
Мотив Беременность любимого человека	№2: от	Молодые люди с личностной беспомощностью (M=1,4)	Адаптивные (M=2,13)	0,039
Мотив Отсутствие соответствующих материальных условий	№3:	Молодые люди с личностной беспомощностью (M=4,86)	Самостоятель ные (M=4,35)	0,05
Мотив Появление проблем в браке	№4: новых	Молодые люди с личностной беспомощностью (M=4,26)	Самостоятель ные (M=3,23)	0,035
Мотив Препятствие самореализации	№5: в	Молодые люди с личностной беспомощностью (M=4,33)	Самостоятель ные (M=3,17)	0,042
Мотив Возможные последствия для внешности женщины	№6:	Молодые люди с личностной беспомощностью (M=3,73)	Самостоятель ные (M=2,29)	0,004
Мотив Ограничение социальных контактов	№7:	Молодые люди с личностной беспомощностью (M=3,8)	Самостоятель ные (M=2,23)	0,004
Мотив №8: Большая физическая нагрузка		Молодые люди с личностной беспомощностью (M=4,6)	Самостоятель ные (M=3,23)	0,018

Таким образом, полученные данные свидетельствует о том, что у молодых людей с личностной беспомощностью все репродуктивные мотивы выражены либо наименее слабо (в первой группе мотивов, направленных на «причины завести детей»), чем у самостоятельных и адаптивных, что говорит о том, что этот мотив не имеет значения у молодых людей с личностной беспомощностью, при принятии решения заводить ребенка; либо выражен сильнее (по второй группу – «причины не заводить детей»), что говорит о том, что этот мотив имеет большое значение у молодых людей с личностной беспомощностью, при принятии решения заводить ребенка.

Практическая значимость данного исследования и его результаты могут использоваться для дальнейших научных разработок по данной и смежным темам, а также в психологических центрах, в учебных заведениях с целью семейного воспитания современной молодёжи.

Список использованных источников:

1. Морозова И.С., Белогай К.Н., Борисенко Ю.В. Отт Т.О. Построение уровневой модели регуляции репродуктивного поведения молодежи // Вестник кемеровского государственного университета. — 2014. — №2-1 (58). — С. 167-172.
2. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных : учеб. пособие / А. Д. Наследов. — СПб. : Речь, 2004. — 392 с.
3. Пол и gender в интегральном исследовании индивидуальности человека : монография / ред.: Б. А Вяткин. — Пермь : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», 2008. — 384 с.
4. Романова И.В., Жанбаз О.О. Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2014. — № 12(115). — С. 89-97.
5. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: исследование уровней субъектности. — М. : Академия, 2010. — 410 с.

Кузьмишина Татьяна Леонидовна
кандидат психологических наук
Московский педагогический государственный университет,
доцент кафедры психологии образования
125319 Москва, ул. Черныховского, 9-2-139
E-mail: kuzmishina_tat@mail.ru

МАТЕРИНСКОЕ И ОТЦОВСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ МЛАДЕНЧЕСКОГО И ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования особенностей отношения современных родителей к детям младенческого и раннего возраста. Проводится сравнительный анализ материнского и отцовского отношения к детям разного возраста и пола, изучается отношение родителей к их семейной роли. В исследовании участвовало 240 родителей из московских семей. Полученные данные могут быть полезны для психологов-практиков, гендерных и семейных психологов, а также для родителей и широкой общественности.

Ключевые слова: семья, отцовское отношение, материнское отношение, младенцы, дошкольники.

Kuzmishina Tatyana Leonidovna
PhD in psychology
Pedagogical State University
Associate Professor of the Department of Psychology of Education Moscow
125319, Moscow, Chernyakhovskogo str., 9-2-139
E-mail: kuzmishina_tat@mail.ru

MATERNAL AND PATERNAL ATTITUDES TOWARDS CHILDREN OF INFANT AND PRESCHOOL AGE

Abstract. The article presents the results of an experimental study of the modern parents' attitude to infants and young children. A comparative analysis of the maternal and paternal attitude to children of different age and sex is carried out, the attitude of parents to their family role is studied. The study involved 240 parents from Moscow families. The data can be useful for practitioners of psychology, gender and family psychologists, as well as for parents and the General public.

Key words: family, father's attitude, mother's attitude, infants, preschoolers.

Родительская любовь и внимание являются необходимым условием и фундаментом для развития ребенка. Широко известно, что существуют гендерные различия в родительском отношении: матери и отцы воспитывают сыновей и дочерей по-разному. Традиционно в большинстве семей мира заботы о маленьких детях поручаются в женщинам, матерям. Отцы выступают помощниками в заботе о маленьком ребенке, беря на себя роль обеспечения семьи всем необходимым. Тем не менее, вопрос о важности участия отцов в воспитании детей очень актуален на сегодняшний день. В научной литературе имеются экспериментальные данные о том, что активное участие отцов в воспитании детей от рождения до семи лет, оказывает влияние на академическую и социальную успешность детей [8].

Л.И. Божович в своих трудах пишет, о том, что многие взгляды и принципы воспитания детей переходят из поколения в поколение, сформированы под влиянием общества и опыта самих родителей. Окружающая среда в сильной мере влияет на выработку родительских установок в отношении того, как они относятся к собственным детям, часто из уст современных родителей можно услышать «нельзя слишком часто проявлять свои чувства к нему/ней, а то избалуется», «чем чаще ругать, тем больший толк будет», «нужно больше загружать чем-либо, чтобы не было времени на баловство», и так далее. Это самые частые установки, проявляющиеся в поведении и речи современных матерей и отцов. Отмечают, что отцы строже обращаются со своими детьми нежели матери, поэтому дети с отцами более послушные. В семьях таких родителей матери очень часто обращаются к отцовскому авторитету, говоря «расскажу отцу, если ты не будешь слушаться», «отец узнает, накажет» и так далее [4].

Анализируя специфику материнского и отцовского родительского отношения, Э.Фромм говорит о безусловности материнской любви, и описывает отцовскую любовь, как требовательное внимание, которое ребенок заслуживает или не заслуживает. Любовь отца не появляется к ребёнку с его рождения, а формируется постепенно, на протяжении первых лет жизни ребёнка. Чтобы заслужить любовь отца, ребёнку нужно соответствовать его ожиданиям касательно способностей, успешности и достижений, соответствовать социальным требованиям, любовь отца – это своего рода награда для ребёнка за его хорошее поведение и успешность. В своём ребёнке отец видит продолжателя его рода, наследника, хранителя традиций и родовой памяти. Согласно работам Э.Фромма, отец является носителем функции социального контроля, дисциплины, требований и санкций [7].

В представлениях А.Адлера роль отца в воспитании – это поощрение активности ребёнка, которая направляет его на развитие социальной компетентности. В то время как благодаря матери ребёнок ощущает интимность человеческой любви, отец прокладывает ему путь в общественную жизнь, помогает познавать мир, труд, технику, формирует социально полезные цели и идеалы, профессиональные ориентации [1].

Отцовское отношение к младенцам, когда отцы стремятся принять активное участие в заботе о ребёнке, отличается от материнского: отцы в основном играют с детьми, а матери пеленают, купают и кормят их. Отцы любят делать всё в игровой форме: даже ухаживая за малышами, они делают это иначе чем матери. Отцы энергично играют с детьми, физически их развивают: подбрасывают малышкой, двигают их ручками и ножками, катают их на спине, качают на ногах, кружат, тогда как матери предпочитают более осторожное обращение с ребёнком, нежные разговоры с ним, поглаживания, бережное ношение на руках. Если отец установил эмоционально близкие отношения с младенцем, то в будущем он, как показывает практика, более чуток к изменяющимся потребностям и интересам своего взрослеющего ребёнка. Как правило, такие отцы в дальнейшем имеют большее влияние на своих детей, их дети чаще к ним прислушиваются, ориентируются на их мнение, хотят походить на них, так как с отцами у них сложились тёплые, разносторонние отношения [2].

Отец является для ребёнка олицетворением мира мыслей, созданных трудом человека вещей, порядков и законов, путешествий и приключений, а также дисциплины. В то время как мать – это любовь, тепло, принятие и безопасность. Естественно, ребенку нужны оба родителя, дополняющие друг друга и демонстрирующие ребенку пример в самых разных сферах жизни и деятельности. Есть мнение, что особенно сильно ребёнок начинает нуждаться в любви отца после пяти лет. Связь с матерью глубоко проявляется в раннем возрасте, отец приобретает большее значение для ребёнка в дошкольном возрасте [6].

В наше время степень участия и роль отца в воспитании ребенка претерпевает изменения. По мнению Евсеенковой Ю.В. роль отца в современных семьях определена следующими характеристиками:

- отец стал более доступен для ребёнка;
- отец чаще включён в совместную деятельность с ребёнком;
- отец по-прежнему ответственен за материальное обеспечение семьи;

• отец наравне с матерью ответственен за то, чтобы была организована образовательно-воспитательная сфера ребёнка [5].

Исследования отцовского и материнского отношения к детям говорят о том, что отцы более директивны, стремятся развить в детях мотивацию к успеху и учебную мотивацию. Играть с детьми отцы чаще предпочитают в активные игры, связанные с прямым физическим контактом. Мужчины стараются поддерживать свой авторитет в глазах ребенка и заботятся о гендерно-типичном поведении в семье, не допускающим слабости или мягкости. Матери, в силу конституциональных эмоциональности и гибкости, во взаимодействии с ребенком менее прямолинейны, учитывают детское настроение и актуальное состояние, склонны к терпеливому вниманию к ребенку. Чаще всего мамы занимаются ранним развитием детей и развитием эмоциональной сферы. Предпочитают спокойные, дистантные, дидактические игры. Спектр ролевых моделей, которые женщины используют в семье, как правило, широк: они могут быть жесткими и настойчивыми, слабыми и чувствительными – в зависимости от ситуации. Гендерная специфика родительского отношения к детям заключается в том, что матери одинаково вовлечены во взаимодействие с детьми разного пола и возраста (в рамках дошкольного детства), а отцы нередко начинают проявлять интерес к ребенку в тот момент, когда с ним можно свободно разговаривать, играть в интересные для отца игры и обучать ребенка – как правило это возможно уже к дошкольному возрасту сына или дочери [3].

Целью данной работы является выявление специфики материнского и отцовского отношения к детям младенческого и дошкольного возраста.

Методики исследования

1. Методика PARI (Е.С.Шефер, Р.К.Белл в адаптации Т.В.Нещерет) для изучения специфики материнского и отцовского отношения к детям и к семейной роли родителя.

2. Опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» (И.М. Марковская), форма для родителей дошкольников.

Гипотезы исследования:

Существуют различия в материнском и отцовском отношении к детям младенческого и дошкольного возраста.

Частные гипотезы:

1. Отцовское отношение к детям младенческого возраста характеризуется эмоциональной отстраненностью.

2. Отношения между отцами и дошкольниками насыщены отцовской заботой и активным участием в детском воспитании.

3. Матери младенцев и дошкольников одинаково сильно вовлечены во взаимодействие с ребенком, независимо от его возраста.

В исследовании принимали участие 240 человек: матери и отцы из 60 семей, воспитывающих младенцев и 60 семей, воспитывающих дошкольников.

Для статистической обработки данных использовались: анализ значимости различий: U-критерий Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Анализируя результаты опроса отцов и матерей, мы пришли к выводу, что материнское и отцовское отношение к детям младенческого и дошкольного возраста имеет ряд существенных различий.

Матери в обеих исследуемых группах испытуемых недовольны своей семейной ролью. Возможно, это связано с моральной и физической усталостью, что обуславливает и раздражительность матерей. Мама склонны чрезмерно опекать детей, много разговаривают с ними, но принимают решения за детей (возможно, потому что дети еще маленькие), часто обращаются за помощью и советом к близким и/или специально приглашенным людям. Лишь по критерию «ограниченность семьей» мы увидели существенную, статистически значимую, разницу. Матери дошкольников чувствуют себя заметно более свободными, чем матери младенцев. Дошкольник, становясь самостоятельнее с каждым днем, предоставляет большую самостоятельность и матери ребенка. Многие женщины устраивают ребенка в

детский сад, оставляют с няней или бабушкой, сами возвращаются на работу или распоряжаются свободным временем по своему желанию.

Отношение мужчин к детям и семейной роли различается сильнее, чем отношение женщин. При том, что отцовское отношение к детям в целом характеризуется чрезмерной заботой, стремлением принимать решения за ребенка, необходимостью отказывать себе в чем-то (мученичеством), строгостью, в результатах отцов младенцев и отцов дошкольников есть значимые различия. Отцы дошкольников значительно реже допускают помощь со стороны семейного окружения, чем отцы младенцев. Чем старше дети, тем больше отцы проявляют инициативу и активность в воспитании детей. Такая же картина наблюдается по шкале «Товарищеские отношения с ребенком»: отцы дошкольников значительно видят в ребенке друга, товарища по играм, интересную личность, чем отцы младенцев. Действительно, многие отцы младенцев нередко говорят, что не понимают, во что играть с таким малышом, как проводить время с ним вместе, чем можно заниматься и «о чем с ним разговаривать». В нашем исследовании эта тенденция тоже присутствует. Разница выявлена по характеристикам «жертвенность родителей» и «строгость». Отцы дошкольников более строги к детям и меньше чувствуют себя ущемленными или ограниченными в чем-то из-за наличия детей и семьи. Строгость может быть связана с тем, что, воспитывая дошкольников, родителям (и отцам в частности) приходится запрещать ребенку многие вещи, поскольку он уже достаточно самостоятелен, чтобы проявлять интерес к небезопасным вещам, а также в дошкольном возрасте родители транслируют ребенку многочисленные нормы и правила поведения, и именно отцы зачастую являются жесткими регуляторами заданных норм. Отцы дошкольников, очевидно, получают больше удовольствия и обратной связи, чем отцы младенцев, поэтому не чувствуют себя ущемленными, вынужденными отказываться от чего-то более привлекательного за пределами семьи в ущерб своей семейной роли. Это объясняет разницу по шкале «жертвенность родителей» у отцов дошкольников и младенцев.

Взаимодействие родителей с детьми младенческого возраста характеризовалось высокой степенью контроля, принятия, воспитательной конфронтации в семье, удовлетворенности отношениями с ребенком, а также нетребовательностью и отсутствием сотрудничества с ребенком. Эти данные можно объяснить тем, что малыш нуждается в постоянном внимании родителей, родители принимают ребенка таким, какой есть, поскольку на данном этапе как-то изменить ребенка посредством воспитания довольно сложно, родители удовлетворены теми отношениями с ребенком, которые у них складываются на этом этапе, но споров относительно взаимодействия с младенцем у молодых родителей довольно много. Нетребовательность родителей тоже объясняется возрастными особенностями ребенка и его социальной ситуацией развития, а низкие показатели сотрудничества, если брать средний результат отца и матери, указывает на сложности в совместной деятельности с ребенком, которые являются центральной проблемой нашего исследования. Говоря о различиях в материнском и отцовском взаимодействии с ребенком, остановимся параметре «эмоциональная близость» (разница в 60 перцентилей: отцы показывают очень низкие результаты, а матери – очень высокие по этой шкале опросника). Также значимыми оказались различия по шкале «принятие» (матери обращают большее внимание на индивидуальные особенности ребенка и более лояльны к ним, чем отцы). Итак, по нашим данным, в отличие от матерей, отцы практически эмоционально отстранены от маленького ребенка, они не склонны к совместной деятельности с ним, не всегда терпимы к индивидуальным особенностям ребенка, и слабее контролируют детское поведение, чем матери. Таким образом, мы видим, что отцы младенцев эмоционально отстраняются от ребенка, и их это устраивает, они не видят возможностей для совместной деятельности с таким маленьким ребенком, часто не могут принять ребенка таким, какой он есть. Матери младенцев, вовлечены в эмоциональные отношения с ребенком, склонны постоянно быть рядом с ребенком, контролировать его, и любить его таким, какой он есть.

Во взаимодействии матерей и отцов с дошкольниками нет таких сильных различий, как в семьях, воспитывающих младенцев. Характерными особенностями взаимодействия

родителей с дошкольниками явились: принятие, контроль, воспитательная последовательность. Очевидно, что в отношениях родителей с дошкольниками присутствует любовь и учет индивидуальных особенностей ребенка, о чем говорят высокие показатели принятия (70 и 80 перцентилей у матерей и отцов соответственно). Отцы даже немного лояльнее относятся к детям, чем матери. Родители воспитывают ребенка, контролируя его поведение, стараясь быть последовательными и строгими. При этом споры о воспитании ребенка дошкольного возраста почти также сильны, как в семье, воспитывающей младенца.

Значимые различия в отцовском и материнском отношении к дошкольникам выявлены по критериям «Эмоциональная близость» и «Удовлетворенность отношениями с ребенком». Высокие показатели эмоциональной близости матерей с детьми и низкие показатели у отцов говорят о том, что тенденция эмоционально отстраняться от ребенка остается и в отношении отцов к дошкольникам. Отцы, по сравнению, с матерями, значительно больше удовлетворены отношениями с ребенком, больше сотрудничают с детьми, более последовательны в воспитании, чем матери, и менее строги к детям. Таким образом, при небольшой эмоциональности отцов, они очень стремятся к общению с ребенком, участвуют в его воспитании, им нравится общаться с дошкольником, у них появляются совместные интересы и дела.

Далее мы провели корреляционный анализ данных с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (коэффициент R-Спирмена). Корреляционный анализ выявил большое количество взаимосвязей внутри опросников, но нас больше интересовали взаимосвязи особенностей отношения родителей к ребенку и их семейной роли, связанные с полом родителей и возрастом ребенка (таблица 1). Значимые взаимосвязи отмечены звездочкой (*).

Таблица 1. Корреляционные связи между различными факторами в нашем исследовании

	Исключение внешних влияний	Отцовское безусловное принятие	Эмоциональная близость
Возраст ребенка	0,784*	0,871*	0,452
Отцовская строгость (дошк.)	0,215	- 0,356	-0,121
Пол родителя	0,883*	0,457	-0,887*

Анализ корреляционных связей в нашей выборке показал, что существует взаимосвязь между возрастом ребенка и уровнем отцовского эмоционального принятия (коэфф. корр 0,871): к детям дошкольного возраста отцы относятся значительно более тепло и лояльно, чем к детям младенческого возраста, поведение которых может вызывать у отцов даже раздражение, как показало наше исследование. Наблюдается взаимосвязь между стремлением исключить внешние влияния на ребенка, то есть воспитывать ребенка самостоятельно и полом родителей (коэфф. корр 0,883) и возрастом ребенка (0,784): отцы значительно сильнее, чем матери стремятся быть самостоятельными в воспитании детей, но эта тенденция усиливается с взрослением ребенка, когда папы активно включается в процесс воспитания детей. Выявлена взаимосвязь между полом родителя и его эмоциональностью близостью с ребенком (коэфф. корр. -0,887): матери значительно сильнее включены в эмоциональные отношения с ребенком, чем отцы, и эта тенденция сохраняется в нашей выборке к обеим возрастным группам детей.

Удалось выявить существенные различия в отношении матерей и отцов к детям младенческого и дошкольного возраста. Мы выяснили, что отцы дистанцируются от маленьких детей, чувствуют себя ущемленными, отказываясь от чего-то в угоду семье, им трудно безусловно принять индивидуальные особенности младенца. К ребенку дошкольного возраста отцовское отношение довольно сильно изменяется: отец получает удовольствие от общения с ребенком, находит возможности для совместной деятельности с ним, понимает и принимает ребенка таким, какой он есть. Отец дошкольника полноправно разделяет с женой

ответственность за воспитание ребенка и старается избегать обращаться за помощью к другим людям, принимая решения, связанные с воспитанием ребенка, самостоятельно.

Материнское отношение незначительно изменяется по мере взросления ребенка: постоянно заботится о ребенке и младенческого и дошкольного возраста. Мама эмоционально близка с ребенком, она принимает индивидуальные особенности ребенка, любит его таким, какой он есть. Это требует большой отдачи, поэтому мамы нередко устают, просят о помощи близких, спокойно относятся к внешним влияниям на процесс воспитания ребенка. Мама младенцев довольно трудно переживают резкие перемены в социальной жизни: они чувствуют себя изолированными от общества, но это проходит уже к моменту, когда ребенок начинает ходить в детский сад или остается под присмотром нянь или бабушек.

В ходе проведенного нами исследования подтвердилась гипотеза о том, что отцовское отношение к детям младенческого возраста характеризуется эмоциональной отстраненностью и существенно изменяется по мере взросления ребенка. Отношения между отцами и дошкольниками насыщены отцовской заботой и активным участием в детском воспитании. Матери младенцев и дошкольников одинаково сильно вовлечены во взаимодействие с ребенком, независимо от его возраста. Цель работы достигнута, задачи решены.

Полученные данные могут быть использованы в работе гендерных, семейных психологов, педагогов и психологов, работающих в дошкольном образовании, психологов-консультантов по вопросам детско-родительского взаимодействия, а также могут быть интересны родителям, воспитывающим детей разного возраста в семье.

Список использованных источников:

1. Адлер А. «Воспитание детей. Взаимодействие полов» Издательство: Феникс, 1998, 448 с.
2. Аквис Д.С. Отцовская любовь. – М.: Профиздат, 1989
3. Бендас Т.В. Гендерная психология: учебное пособие. – СПб.: Питер, 2006.
4. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008.
5. Евсеенкова Ю.В. Отцовство как психологический фактор развития личности: Автореф. дис. ... канд.психол.наук. – Новосибирск, 2006.
6. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: ЗАО «Институт психотерапии», 2003.
7. Фромм Э. Искусство любить. – М.: АСТ, Neoclassic, 2017.
8. Nauert R. Dad's Involvement Improves Child Outcomes // PsychCentral. – May, 2015.

Аликина Елена Львовна
кандидат психологических наук,
Усть-Качкинская средняя школа,
педагог-психолог
614524, с. Усть-Качка, Пермский край
E-mail: alikinart@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ВНУТРИСЕМЕЙНОГО ДИСКУРСА НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНТИМНО-БРАЧНЫХ УСТАНОВОК У ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния семейного дискурса на формирование интимно-брачных установок подростков. Семейный дискурс – это универсальное средство взаимодействия в многообразных ситуациях детско-родительских отношений, который формирует мировоззренческую картину взрослеющего человека. Показано, что большинство семей в российской глубинке формируют традиционные семейно-брачные установки у подростков.

Ключевые слова: семейный дискурс, интимно-брачные установки, подростки, традиционные ценности.

Elena L. Alikina
Candidate of Psychological Sciences
Ust-Kachka Middle School
Educational psychologist
614524, Ust-Kachka, Perm Region
E-mail: alikinart@yandex.ru

INFLUENCE OF THE INTRAFAMILIAL DISCOURSE ON SEXUAL AND MARRIAGE ADOLESCENT SETTINGS FORMATION

Abstract. The article deals with the problem of the influence of the intrafamilial Discourse on sexual and marriage adolescent settings formation. The intrafamilial discourse is a universal means of interaction in the diverse situations of child-parent relations, which forms the ideological picture of the growing person. It is shown that the majority of families in the Russian province form traditional sexual and marriage adolescent settings.

Key words: intrafamilial discourse, sexual and marriage settings, traditional values

Вопросы семьи, брака всегда интересовали человечество. Человек рождается, растет и большую часть жизни неразрывно связан с семьей. От семейных отношений во многом зависит счастье и ощущение полноты жизни [2].

Как отмечает Т.Е. Шапошникова [9], при исследовании вопросов развития семьи необходим полинаучный подход, так как изучением семьи как самостоятельной категории занимаются философы, социологи, антропологи, этнографы, демографы, психологи, педагоги. При множестве методологических подходов к проблеме невозможно игнорировать необходимость проведения как социологического и социально-психологического анализа изучаемого феномена. Психологические свойства семьи могут быть раскрыты при сопоставлении их с характеристиками сообщества, которые можно изучать в сопоставлении с индивидуальными, так и общегрупповым феноменами [5].

Современная семья весьма существенно отличается от семьи прошлых времен не только иным экономическим положением, но и коренными изменениями в своих эмоционально-психологических проявлениях. Часть обозначенных проблем негативной

направленности породили социально-политические и экономические преобразования в России [9].

В тоже время исследователи фиксируют внутренние системные изменения. В современном российском обществе наблюдается процесс ослабления семьи как традиционного социального института и изменения общественной её функции: репродуктивной (продолжение рода); воспитательной (социализация и формирование мировоззрения); образовательной, экономической [4]. В сравнении с традиционной семьей, где ответственность за семью перед обществом и основная власть принадлежали мужу, а роль женщины сводилась к рождению и воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства, в современной семье положение совсем иное [4]. Невозможно все изменения, происходящие в современной российской семье, объяснить только внутригосударственными изменениями. Россия часть общемировой системы, поэтому в российской семье происходят изменения соответствующие общемировым тенденциям.

Речь идет о тенденциях характерных для второго демографического перехода. Главное содержание второго демографического перехода состоит в переходе от практики ограничения размеров потомства к оптимизации всего временного пространства демографических событий и жизненного цикла в целом в ответ на вхождение общества в постиндустриальную фазу развития и имеет следующие отличительные черты:

- быстрое снижение рождаемости в самых молодых возрастных группах;
- откладывание рождение первенца в реальных поколениях;
- быстрый рост возраста вступления в первый брак;
- сильное сокращение числа аборт на фоне падения рождаемости в возрасте до 25 лет;
- возрастание вклада старших возрастных групп матерей в итоговую рождаемость;
- уменьшение роли «вынужденных» браков, стимулированных добрачными зачатиями [3].

В исследовании Ж. В. Черновой, Л. Л. Шпаковской показано, что обозначенные изменения соответствуют коренным изменениям, произошедшим в обществах западного типа в сфере супружества и брачного поведения. Брак и семья приобрели совершенно иные значения, чем 40 или 30 лет назад. Авторы [8], ссылаясь на западные исследования отмечают, что трансформация интимности происходит путем постепенного отказа от традиционного супружеского брака в пользу партнерства. В результате брак утрачивает значение формального института, непосредственно связанного с контролем над сексуальностью индивидов и деторождением, поддерживаемого традицией и правилами гендерного разделения труда (между мужем-кормильцем и женой-домохозяйкой) [8]. Для жителей Западной Европы и Америки зачастую семья – это и ЛАТы (гостевые семьи), и различные формы свингерских отношений, и даже гомосексуальные союзы [6].

В России субъектами второго демографического перехода выступают так называемые «молодые взрослые», которые являясь представителями городского образованного среднего класса, обладают высокими жизненными шансами. Именно такие молодые мужчины и женщины чаще всего образуют партнерские союзы (без официальной регистрации брака и не имеющие детей), то есть не соответствующие официальному пониманию благополучной семьи.

Однако, необходимо отметить, что само понятие «семьи» у населения России еще не так размыто как на Западе. В массовом сознании большинства россиян укоренились представления о «нормальной» семье как о полной (с двумя родителями) семье с детьми. Семья – это единый дом, супруги, дети, общее хозяйство. Данный тезис подтверждает устойчивость установки на официальный брак россиян, а также сохраняющаяся устойчивость семейной структуры населения России. Так, при опросе о необходимости вступления в официальный брак, более половины россиян 53,8% высказали мнение, что нужно вступать в брак обязательно, без официального брака не может быть полноценной

семьи, и только 11% полагают, что семья может быть полноценной без официального брака [6].

В складывающейся ситуации очень важна позиция государства. Исследователи отмечают, современная российская государственная риторика идет в разрез представленным общемировым тенденциям развития семьи. Конституируемый нормативный образец благополучной молодой семьи задает жесткие требования относительно брачного и репродуктивного поведения молодых людей, четко определяя возрастное измерение супружеских и родительских ролей. При этом партнерство и отставленное родительство не включены в модель благополучной семьи. Дискурс о благополучной семье не принимает во внимание разнообразия форм семейных отношений и интимных союзов, более того, рассматривает «внесемейный образ жизни» как «вредную» патологию [8].

Параллельно государственному институциональному дискурсу существует семейный дискурс, который отражает внутренние установки современной семьи на саму проблему её существования. Семейный дискурс – это универсальное средство взаимодействия в многообразных ситуациях детско-родительских отношений, когда необходимо учитывать условия конкретных коммуникативных ситуаций [7]. Внутрисемейная коммуникация – важнейшей и практически универсальная форма взаимодействия взрослых и детей, осуществляемая в ходе их совместной деятельности. С помощью коммуникации (и никак иначе) в ходе «естественного» жизненного взаимодействия взрослых и детей в семье происходит передача целей и ценностей участников общения. Коммуникативные задачи реализуются через семейный язык, возникающий на основе общего опыта членов малой социальной общности. Для его развития характерно появление особых жанров «домашнего говорения», ориентированных на ребенка [7,1]. В силу своей универсальности семейный дискурс открывает возможность его использования как средства для наблюдения, прослеживания и анализа соответствующих процессов.

Таким образом, изучение дискурсивных практик современной семьи поможет определить, подтвердить или опровергнуть установки относительно будущей семейной жизнедеятельности молодого поколения.

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить факторы, которые являются ресурсными для сохранения семейных ценностей у порастающего поколения через изучение семейного дискурса, определяющего интимно-брачные установки.

В пилотажном исследовании участвовали учащиеся подросткового возраста (13-14 лет) сельской средней общеобразовательной школы Пермского края. Общая выборка составила 26 человек, из них: юноши – 11 человек, девушки – 15 человек.

Для исследования была использована анкета, разработанная для краевого проекта «Поговорим о любви». Проект направлен на повышение уровня осознанного соблюдения традиционных семейных ценностей, улучшение понимания между поколениями, оздоровление эмоционального микроклимата в семье. В анкете затрагивается ряд аспектов семейной жизнедеятельности: уровень семейной коммуникации, особенности семейного уклада, особенности сексуального воспитания в семье, которые позволяют раскрыть семейный дискурс и изучить и брачные установки подростков.

Таблица 1.

Уровень семейной коммуникации и семейный уклад подростков

Вопросы анкеты	Мужская выборка		Женская выборка	
	из полных семей (7 чел.)	из неполных семей (4 чел.)	из полных семей (9 чел.)	из неполных семей (6 чел.)
отношения с родителями:	чел	чел	чел	чел
теплые доверительные	4	1	7	3
формальные	2	3	1	3
конфликтные	1	0	1	0

Совместное времяпровождение	просмотр телепередач, (2) игра в карты, прогулки, походы, рыбалка, ужин	просмотр телепередач, посещение театра, чтение книг, прогулки	просмотр (3) телепередач, игры, сплавы, общение (2) прогулки (6) поездки (4) дом. дела (2) выход в гости	просмотр (3) телепередач, игры, сплавы, общение прогулки (3) поездки, торжества дом. дела выход в гости
Совместные праздники	Новый год (3), дни рождения (5)	Новый год (2), дни рождения (3)	Новый год (7), дни рождения (8) 8-е марта	Новый год (6) дни рождения (5) пасха
Семейные традиции	совместный поход (1)	нет	воспоминание прадедов	пикник
Воспитание детей это трудный процесс?	да – 7	да – 4	да – 7	да – 4 нет – 1 не знаю – 1

Как видно из таблицы, теплые доверительные отношения с родителями имеют немногим больше половины (57%) учащихся. Свои отношения с родителями как формальные определяют 34% опрошиваемых, среди них две трети (6 человек) – это дети из неполных семей. Тогда как конфликтные отношения, в незначительном количестве (2 человека) существуют только у детей из полных семей. По-видимому, с увеличением членов семьи, количество коммуникаций становится более разнообразным, и не все они имеют положительную направленность.

Достаточно разнообразно совместное семейное времяпровождение: от банального просмотра телепередач (такой вид отдыха является самым распространенным в российской глубинке) до совместных сплавов, поездок и прогулок. Необходимо отметить наличие гендерных различий в совместных делах. Если мальчики из полных семей отмечают рыбалку, поход, и даже игру в карты, то для девочек очень актуальным являются совместные дела, поездки, прогулки и выход в гости. Занятия мальчиков из неполных семей мало отличаются от занятий девочек, так как совместная деятельность в данной ситуации имеет естественные ограничения.

Семейными праздниками большинство ребят считают Новый год и дни рождения членов семьи. Незначительная часть девушек добавляет к семейным праздникам день восьмого Марта и празднование Пасхи. Семейные традиции смогли назвать очень незначительная часть респондентов. К ним относятся совместные походы, пикники, а также посещение мест захоронения предков в определенные церковные даты. Абсолютное большинство учащихся (97%) считают процесс воспитания трудным занятием. Такое признание можно расценивать как признание заслуг родителей.

Таким образом, основываясь на ответах учащихся, можно сделать вывод, что семейный дискурс в семьях подростков формируется на фоне семейного уклада соответствующего укладу традиционной семьи.

Таблица 2.

Интимный дискурс в семьях подростков

Вопросы анкеты	Мужская выборка		Женская выборка	
	из полных семей (7 чел.)	из неполных семей (4 чел.)	из полных семей (9 чел.)	из неполных семей (6 чел.)
Знаешь ли ты историю любви родителей	да – 4 нет – 3	да – 1 нет – 3	да – 5 нет – 4	да – 3 нет – 3
Знаешь ли ты, в каком возрасте родители начали совместную жизнь/ заключили брак?	нет – 7	нет – 4	да – 2 нет – 7	да – 1 нет – 5
Разговаривали ли с тобой родители на тему любви между М и Ж	да – 2 нет – 5	нет – 4	да – 3 нет – 6	да – 1 нет – 5
Разговаривали ли с тобой родители на тему сексуальных отношений	да – 1/15 нет – 6/85	нет – 4	да – 1 нет – 8	нет – 6
Считаешь ли такой разговор обязательным?	да – 4 нет – 3	нет – 4	да – 1 нет – 7 не знаю – 1	нет – 6

Внутрисемейный интимный дискурс имеет свою специфику, он самый «неуловимый», обусловлен особым семейным языком, но в тоже время он очень важен, так как в свободном режиме интимные вопросы практически с детьми не обсуждаются. Так, если об истории любви своих родителей знает половина опрошиваемых, то на вопрос о возрасте вступления в семейную жизнь их родителей положительно ответило только три девушки. На тему любви между мужчиной и женщиной родители чаще говорят с девочками, чем с мальчиками. Однако количество положительных ответов составило незначительное количество – 6 человек (23%), из них два юноши и четыре девушки. Тема сексуальных отношений между мужчиной и женщиной в семьях анкетированных является практически запретной. Только в двух полных семьях родители смогли построить такой разговор со своими детьми. Эти подростки в следующем вопросе подтверждают необходимость такого разговора. Актуальной такую информацию для себя считают юноши из полных семей. Тогда как, большинство учащихся (85%) как из полных, так и из неполных семей не считают для себя нужными беседы подобной тематики.

Таким образом, результаты исследование показывает, что в семьях респондентов интимный дискурс формируется на уровне внутрисемейного культурного контекста, который, создан до его рождения поколениями родителей и их предков.

Таблица 3.

Установки подростков формируемые интимным семейным дискурсом

Вопросы анкеты	Мужская выборка		Женская выборка	
	из полных семей (7 чел.)	из неполных семей (4 чел.)	из полных семей (9 чел.)	из неполных семей (6 чел.)
Беременность – это повод для брака?	да – 4 нет – 3	да – 2 нет – 2	да – 5 нет – 4	да – 1 нет – 5

Ранняя беременность должна закончиться родами?	да – 6 нет – 1	да – 2 нет – 2	да – 8 нет – 1	да – 4 нет – 2
Нужно ли испытывать любовь к человеку, чтобы вступить с ним в сексуальные отношения?	да – 6 нет – 1	да – 2 нет – 2	да – 5 нет – 3 не знаю – 1	да – 5 нет – 1
Вредно ли для здоровья ранние сексуальные отношения?	да – 6 нет – 1	да – 1 нет – 3	да – 5 нет – 2 не знаю – 2	да – 5 нет – 1
Есть ли у тебя сексуальный опыт?	да – 1 нет – 6	нет – 4	нет – 9	нет – 6

В анкете учащимся были предложены ряд вопросов (таб.2), которые помогают выявить, говоря педагогическим языком, результаты традиционного сексуального семейного воспитания. Несмотря на то, что вопросы носили достаточно интимный характер, все респонденты ответили на них. Что является неким подтверждением искренности анкетированных.

Количество положительных ответов (46%) о беременности как поводе для брака соотносится с ответом, в котором причиной создания семьи является ребенок (таб.). Однако половина респондентов (54%) не считает беременность поводом для создания семьи. Интересен тот факт, что подобного мнения придерживаются респонденты из всех подгрупп, но наибольшее количество отрицательных мнений получено в подгруппе девушек из неполных семей (84%).

На самый сложный в этическом плане вопрос было получено некоторое количество отрицательных ответов (23%) от представителей всех подгрупп, необходимо пояснить, что респонденты понимали коннотацию данного вопроса. Самым труднообъяснимым является тот факт, что половина ответивших отрицательно (3 человека) – это девушки, которые уже в столь юном возрасте допускают возможность возникновения подобной ситуации. Стоит отметить, что четверо из шести отрицательно ответивших (66%) – это учащиеся из неполных семей.

Большинство положительных ответов (70%) о первоочередности чувств в сексуальных отношениях говорит о высоком уровне нравственности респондентов. В мужской подгруппе ответы напрямую коррелируют с ответами на предыдущий вопрос о беременности, т.е. юноши в большинстве своем осознают ответственность за свои действия. Тогда как в женской подгруппе количество положительных ответов значительно ниже, чем в вопросе о беременности. Данное расхождение в ответах обнаруживает некоторый цинизм в отношении вопроса о сексуальных отношениях, присутствующий у незначительной части девушек из полных семей.

О вреде ранних сексуальных связей ответы практически идентичны с ответами о первоочередности чувств. То есть большинство (70%) респондентов считают, что ранние сексуальные связи преждевременны. Почти треть опрошенных имеют более свободные взгляды на проблемы сексуального поведения, большинство из них – это юноши из неполных семей. Несмотря на наличие либеральных взглядов у части опрошенных, наличие сексуального опыта на момент анкетирования подтверждает только один респондент. Это юноша из полной семьи, его ответы на все вопросы идут в разрез с ответами респондентов данной подгруппы.

Таким образом, у большинства подростков (70%) установки о сексуальной стороне жизни человека формируются под влияние интимного семейного дискурса и соответствуют

традиционным установкам о сексуальной жизни мужчины или женщины. Тогда как треть подростков имеют более свободные взгляды на эту область человеческих отношений.

Таблица 4.

Брачные установки подростков, формируемые внутрисемейным дискурсом

Вопросы анкеты	Мужская выборка		Женская выборка	
	из полных семей (7 чел.)	из неполных семей (4 чел.)	из полных семей (9 чел.)	из неполных семей (6 чел.)
Причины создания семьи	Любовь (3) Ребенок Счастье (2) Доверие Верность Глупость (2)	Любовь (3) Ребенок Счастье (3) Секс.потребн.	Любовь (7) Ребенок (2) Беремен-сть(2) Доверие (2) Честность Понимание По расчету	Любовь (4) Ребенок (2) Беремен-сть Доверие (2) Верность Понимание По расчету Деньги
Самое важное в семье	Доверие (3) Любовь Понимание Доброта (2)	Доверие Любовь (2) Понимание(2) Уважение Дети (3)	Доверие (4) Любовь (4) Понимание(2) Счастье Верность Бесконфлик-ть Взаимопомощь	Доверие (4) Любовь (4) Понимание Счастье Верность Дети
В каком возрасте ты планируешь заключили брак?	20-25 лет спутница 20-23	не указан	20-25 лет спутник 25-30	20-25 не хочу замуж спутник 25-32
Обязательно ли офиц. заключение брака?	да – 5 нет – 2	да – 1 нет – 3	да – 6 нет – 3	да – 3 нет – 3
Обоснование мнения положительного	социальная защита, традиция		полноценная семья, гарантия для детей	обязательно
отрицательного	любовь главней	главное чувства	сначала узнать получше	любовь важнее это не важно

При изучении установок подростков о будущей семье в анкету вошли вопросы о причинах создания брака, о планируемом возрасте вступления в брак и его предполагаемой форме.

Основной причиной создания брака большинство респондентов (65%) называли любовь. Второй основной причиной создания семьи, по мнению значительной части подростков (35%), является ожидание ребенка. Далее мнения о причинах создания брака у мальчиков и девочек несколько разошлись. Девушки (40%) видят причину создания брака в доверии и понимании, а мальчики (45%) в желании быть счастливыми. Мужской скептицизм называет причиной создания брака глупость и сексуальные потребности. Незначительная часть девушек (20%) рассматривают возможность создания брака по расчету. Таким образом, для большинства респондентов причины создания брака соответствуют представлениям о традиционной семье.

Наиболее важными подростки назвали следующие отношения между супругами: доверие (46% респондентов), любовь (42% респондентов) и понимание (23% респондентов). В ответах выявились гендерные различия. В общей женской выборке зафиксированы ценностные качества, присущие российской женщине, такие как желание счастья близким и верность. У девушек из полных семей перечень ценностных качеств шире, дополнительно

они выделяют такие качества как: бесконфликтность и взаимопомощь. Данное отличие говорит о том, что девушки из полных семей на примере взаимоотношений своих родителей имеют более широкий спектр представлений о семейной жизни. Мальчики отмечают качества необходимые мужчинам в функционировании семьи: доброта и уважение. Интересен тот факт, что только подростки из неполных семей (в большинстве мальчики) одной из семейных ценностей обозначили детей. Данную особенность можно объяснить повышенным уровнем детоцентризма в неполных семьях.

По поводу возраста вступления в брак в целом все респонденты, и юноши и девушки для себя определили одинаковый возраст (20-25 лет). Однако юноши видят свою спутницу более молодой (20-23 года), тогда как девушки видят своего спутника более взрослым (25-32 года). Некоторые отличия наблюдаются в выборке среди подростков из неполных семей. Так юноши из неполных семей вообще не определились с возрастом вступления в брак, а среди девушек есть нежелающие создавать семью.

Необходимость официального заключения брака в большей мере осознают подростки из полных семей (69%), в меньшей мере подростки из неполных семей (40%). Так большинство респондентов мужского пола из неполных семей (75%) не считают обязательным для себя официально оформлять свои отношения, в отличие от юношей из полных семей среди которых абсолютное большинство (71%) склонно к подтверждению своих отношениям официально.

Отказ от заключения официального брака юноши и девушки мотивируют одинаково, ставя чувства на первое место, считая, что любовь является первоначальной гарантией союза и поможет преодолеть любые трудности. Основным мотивом сторонников традиционного брака является гарантированная стабильность.

Результаты исследования показывают, что, несмотря на юный возраст респондентов, они имеют достаточно четкие установки о будущих брачных отношениях. Необходимо отметить, что их установки не лишены некоего романтизма, однако его появления минимальны. Наибольшие расхождения в установках подростков наблюдаются не по гендерному признаку, а по критерию полноты семьи. Так подростки из полных семей, как юноши, так и девушки, имеют более четкие, традиционные, социальные установки на официальный брак. Они более нацеленные на взаимодействие с партнером, в большей степени осознают свою ролевую позицию в семье. Установки подростков из неполных семей, как юношей, так и девушек, более размыты, менее социальны, более прагматичны, менее нацелены на официальный брак.

В заключении необходимо отметить, что в первом демографическом переходе Россия первоначально отставала от западноевропейских стран на сто лет, однако он состоялся. В настоящее время социологи фиксируют значительное отставание России во вступление во второй демографический переход. Надвигающийся второй демографический переход имеет как положительные стороны (снижение числа аборт, абсолютная ценность ребенка), так и отрицательные (размытость семейных границ). Историческое отставание дает нам шанс осмыслить положительные и отрицательные общемировые тенденции развития семьи, дает шанс избежать (минимизировать) те тенденции, которые в значительной степени неприемлемы для российского менталитета. Как показывают результаты нашего исследования, таковая возможность реально существует. Большинство российских семей имеют установки на традиционные семейные отношения, которое соответствующим образом отражается на воспитании детей. У большинства подростков, воспитывающихся в современных семьях, формируются традиционные интимно-брачные установки. Большая часть подростков имеют установку на заключение официального брака в возрасте 20-27 лет, отдаёт приоритет наличию чувств и эмоций в интимных отношениях, ставя семейные ценности выше материальных. Однако, наблюдается некоторая часть респондентов (примерно 30%), которые имеют размытые установки: не видят необходимости в заключении официального брака, не отождествляют интимные и брачные отношения.

Таким образом, у подростков в проживающих в российской глубинке существует два вида основных интимно-брачных установок: ориентированные на официальный брак (примерно 70%) и неориентированные на официальный брак (примерно 30%). В современной сложной демографической обстановке, обусловленной историческим развитием России XX века, существуют предпосылки пройти второй демографический переход, миновав негативные тенденции с ним связанные, при правильно организованной государственной семейной политике.

Список использованных источников:

1. Аликина Е.Л. Определение дискурса познания матерью индивидуальности ребенка/детей с помощью метода ассоциаций // Социальная онтология в структурах теоретического знания: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Ижевск, 2012. С.13-17.
2. Аптикиева Л. Р., Аптикиев А. Х., Бурсакова М. С. Семья как фактор личностного развития ребёнка // Вестник ОГУ. 2014. №7 (168). [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-faktor-lichnostnogo-razvitiya-rebyonka> (дата обращения: 03.06.2018).
3. С.В. Захаров Рождаемость в России: первый и второй демографический переход // Электронная версия бюллетеня Население и общество. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_08.html
4. Ишембитова З.Г. Проблемы воспитания детей в семье в условиях глобализации общества // Вестник Башкирск. ун-та. 2014. №2. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-vospitaniya-detey-v-semie-v-usloviyah-globalizatsii-obschestva> (дата обращения: 08.06.2018)
5. Ковалёва Ю.В. Междисциплинарный подход к типологии семьи // Семья, брак и родительство в современной России. Выпуск 2 / Под ред. А. В. Махнача, К. Б. Зуева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 161-174.
6. Носкова А.В. Семейно-демографические проблемы современного общества // Серия "Вера. Образование. Жизнь". Выпуск 1. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://www.pafnuty-abbey.ru/publishing/8686/>
7. Резницкая Г. И. Особенности семейного дискурса и его роль в процессе социализации ребенка // Вестник МГЛУ. 2010. №586. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-semeynogo-diskursa-i-ego-rol-v-protseste-sotsializatsii-rebenka> (дата обращения: 03.06.2018).
8. Чернова Ж. В., Шпаковская Л.Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России. Laboratorium. Журнал социальных исследований 2010. № 3. С. 19–43.
9. Шапошникова Т. Е. Полинаправленность подходов в изучении семьи в современных гуманитарных науках // Вестник ТГПУ. 2011. №2. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polinapravlennost-podhodov-v-izuchenii-semi-v-sovremennyh-gumanitarnyh-naukah> (дата обращения: 03.06.2018)

Панарина Анна Николаевна
аспирантка кафедры социальной и семейной психологии
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
225406 г. Барановичи, ул. Брестская, д. 252, кв. 54, Беларусь
E-mail: p.a.n94@mail.ru

Научный руководитель: **Пузыревич Наталия Леонидовна**
заведующий кафедрой социальной и семейной психологии
кандидат психологических наук
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема эмоционального выгорания у родителей. Дается теоретический и эмпирический анализ данной проблемы. В статье приводятся результаты диагностики, позволяющие сделать вывод о том, что эмоциональное выгорание феномен, проявляющийся не только в профессиональной деятельности, но и в личной сфере.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, родительское выгорание, родители, дети.

Panarina Anna Nikolaevna
post-graduate student of the Department of social and family psychology
Belarusian state pedagogical University name of Maxim Tank
225406 Baranovich, Brestskaya str., 252 – 54, Belarus
E-mail: p.a.n94@mail.ru

Supervisor: **Puzyrevich Natalia Leonidovna**
head of the Department of social and family psychology PhD in psychology
Belarusian state pedagogical University name of Maxim Tank

EMOTIONAL BURNOUT PARENTS

Abstract. The article deals with the problem of emotional burnout in parents. The theoretical and empirical analysis of this problem is given. The article presents the results of diagnosis, allowing to conclude that the emotional burnout phenomenon, manifested not only in professional activities, but also in the personal sphere.

Keyword: emotional burnout, parental burnout, parents, children.

Феномен «эмоциональное выгорание» впервые стал предметом научного анализа в 70-е годы XX века, благодаря многочисленным исследованиям зарубежных и отечественных ученых (М. Burish, Н. Fredenberger, К. Maslach, А. Pines, Б.Г. Ананьев др.). Данная проблема не потеряла своей актуальности и в наши дни, о чем свидетельствует большое количество публикаций и аналитических обзоров, которые в основном посвящены профессиональной сфере деятельности, в частности – представителям «помогающих» профессий (психологи, педагоги, социальные работники и т.д.) [2; 6; 8; 10].

Эмоциональное выгорание подразумевает под собой изменение поведения, которое проявляется вследствие эмоционального истощения.

Впервые к исследованию эмоционального выгорания вне профессиональной деятельности обратились А. Пайнз и Е. Аронсон. Они рассматривают синдром выгорания как синдром переутомления, который может встречаться в любой профессии, а также и за пределами профессиональной деятельности (например, в работе по дому) [11].

Родительство не принято относить к профессиональной деятельности, однако, следует отметить, что выполнение родительских функций во многом схоже с профессиональной деятельностью. Образ жизни родителей ребенка во многом схож с работой в системе «человек-человек».

По мнению Р.В. Овчаровой родительство – интегральное психологическое образование личности. Оно представляет собой систему, включающую совокупность ценностных ориентаций родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания [7].

Воспитание ребенка это сложный путь, который проходит каждый родитель. И очень часто мамы и папы оказываются неподготовленными или не справляются со своими функциональными обязанностями. У них проявляются такие симптомы как: усталость, рассеянность, раздражительность, равнодушие к собственному ребенку, беспричинная агрессия, заниженная самооценка, постоянная тревожность, чувство вины, разочарование в своей родительской роли и др. Перечисленная симптоматика относится к феномену «эмоциональное выгорание личности».

Интерес учёных к изучению проблемы эмоционального выгорания у родителей возник сравнительно недавно.

Наиболее значимыми работами изучения взаимосвязи выгорания у родителей являются работы И.Н. Ефимовой, Л.В. Петрановской Л.А. Базалева, Н.Н. Королевой, Е.В. Лесовой, и др.

Л.А. Базалева, описывая материнское выгорание, рассматривает исполнение матерью родительских функций как специфическую форму трудовой деятельности [1].

Однако в отличие от привязанности, формирующейся между матерью и ребенком, которая рассматривается в глубинной психологии, родительские функции по её мнению не являются исключительно прерогативой матери. Участие в воспитании ребенка принимают все члены семьи, поэтому необходимо исследовать родительскую сферу вне зависимости от пола и степени родства взрослого, выполняющего родительские функции.

В свою очередь И.Н. Ефимова рассматривает феномен выгорания шире, чем Л.А. Базалева, объединяя психологическое выгорание матери и отца термином «родительское выгорание». По её мнению синдром родительского выгорания – это многомерный конструкт, включающий в себя набор негативных психологических переживаний и дезадаптивного поведения матери и отца, связанных с детско-родительским взаимодействием при выполнении родителями деятельности по заботе о детях, их воспитанию и развитию [3, 32 с.].

Следует обратить внимание на тот факт, что в зарубежной и отечественной психологии на данный момент существует дефицит диагностических средств для диагностики эмоционального выгорания у родителей. Л.А. Базалева предложила психодиагностическую методику для оценки эмоционального выгорания у матерей [1]. Недостатком данной методики является то, что она не предполагает проведения обследования других родственников ребенка, что значительно сужает диагностические возможности.

В свою очередь данную погрешность учла И.Н. Ефимова. Её была разработана методика «Родительское выгорание», которая представляет собой модификацию опросника эмоционального выгорания Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой (русскоязычная адаптация Maslach Burnout Inventory) [3].

Особый интерес представляют работы Л.В. Петрановской. Данный исследователь делает акцент на том, что эмоциональное выгорание присуще не только «обычным родителям», но и приёмным. При этом она указывает на то, что у приёмных родителей данный феномен наиболее ярко выражен.

Ещё одной малоизученной средой в исследовании эмоционального выгорания у родителей является изучение данного феномена в семьях, где воспитываются дети с особенностями психофизического развития. Исследователи (К.В. Кмить, Ю.В. Попов, Е.В. Хорошева и др.) выявляют комплекс личностных особенностей, соответствующий симптоматике эмоционального выгорания.

Так, например, К.В. Кмить и Ю.В. Попов провели исследование, посвящённое выявлению изменения эмоциональной сферы в результате хронического стресса у матерей подростков, страдающих галлюцинаторнопараноидной формой шизофрении. Результаты проведенного ими исследования свидетельствуют о том, что существует проблема психоэмоционального неблагополучия матерей, воспитывающих детей, страдающих шизофренией [9].

Малоизученным остается и изучение факторов, которые влияют на формирование эмоционального выгорания у родителей [1;5;10]. Проанализировав имеющиеся исследования в данной области факторами эмоционального выгорания, могут быть следующие: перфекционизм – родители стремятся быть во всём первыми, идеальными, забывая о себе, своих потребностях, желаниях и интересах.

Следует отметить, что очень часто родители, а в особенности мама, не получают поддержки внутри семьи, то есть выполняемая ею деятельность не оценивается «по заслугам», они не получают заботу и помощь, что может повлечь за собой эмоциональное выгорание.

Жизнь родителей, воспитывающих детей, отличается многозадачностью, зачастую родители выступают в роли педагогов, врачей и т.д., при этом у них есть ещё и профессиональная деятельность, что может привести к эмоциональному истощению.

Также фактором, выступающим в формировании эмоционального выгорания может стать их неблагополучное детство. Детская травма, проецируемая из детского возраста во взрослый влечет за собой психологические и физиологические проблемы, в том числе и эмоциональное выгорание.

Наличие «третьего лишнего» также может стать фактором риска. Петрановская Л.Н. пишет о том, что спокойнее и терпимее к детям, родители относятся, когда остаются дома одни, на своей территории. Но если дети плохо ведут себя на людях, родители начинают нервничать [5].

Неполная семья также может выступать фактором формирования у родителя эмоционального выгорания. В данном типе семьи, все функции по воспитанию детей ложится на одного родителя.

При этом факторами, провоцирующими эмоциональное выгорание у родителей, могут быть: изменение привычного образа жизни, адаптация к новой социальной роли, отсутствие свободного времени и т.д.

Нами проводился онлайн-опрос в котором приняло участие 40 испытуемых (26 женщин и 14 мужчин) в возрасте от 23 до 40 лет, где средний возраст детей составил 7,5 лет. У данных респондентов количество детей варьируется от 1 до 5.

В качестве диагностического инструментария выступил модификационный опросник «Родительское выгорание» Ефимовой И.Н. В опроснике «Родительское выгорание» содержится 22 утверждения о чувствах и переживаниях, связанных с выполнением родителями деятельности по заботе, развитию и воспитанию собственных детей.

Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты диагностики родительского выгорания (Ефимова И.Н.).

Субшкала	Низкий уровень (%)	Средний уровень (%)	Высокий уровень (%)
Эмоциональное истощение	17	47,5	35
Деперсонализация	65	22,5	12,5
Редукция родительских достижений	47,5	20	32,5

Согласно полученным данным высокий уровень эмоционального истощения сформирован у 35 % родителей. Он проявляется в ощущениях эмоционального перенапряжения, утрате интереса к собственным детям и к окружающему в целом, в равнодушии или эмоциональном перенасыщении, в чувстве опустошенности, истощенности собственных эмоциональных ресурсов. Дети, их проблемы, потребности, радости, перестают волновать мать или отца; родитель не может заботиться о детях, общаться с ними с полной самоотдачей. Возникает ощущение «приглушенности», «притупленности» эмоций, проявляются симптомы депрессии, вспышки гнева. Малейшие проступки детей могут вызывать неадекватно сильные эмоциональные реакции со стороны родителей, живой интерес, радость, эмпатия сменяются чувствами вины, апатии, раздражения, усталости.

Деперсонализация сформирована у 12,5 % родителей. Она представляет собой тенденцию развивать негативное бездушное, циничное отношение к реципиентам, к их чувствам и переживаниям. Контакты у родителя с детьми становятся обезличенными и формальными: возникает снижение эмпатии, потеря отзывчивости, соучастия. Забота о детях начинает носить формальный характер – одеть, накормить, отвести в садик и т.д.

Проявляется нежелание играть, общаться, вместе проводить выходные, усиливается потребность побыть в одиночестве, без детей. У родителей может возникать желание скорее уходить на работу и как можно больше времени проводить вне дома, т.е. профессиональная деятельность может служить компенсацией родительского выгорания. При деперсонализации у родителей могут возникать негативные и не всегда объективные установки по отношению к собственным детям, они могут проявляться во внутреннем сдерживаемом раздражении, которое со временем вырывается наружу в виде вспышек раздражения или конфликтных ситуаций.

По результатам проведенной диагностики симптом «редукция родительских достижений» сформирован у 32,5 % родителей. Он проявляется в уменьшении или упрощении действий, связанных с заботой о детях, снижении чувства компетентности в выполнении своей родительской роли, недовольством собой и детьми, уменьшением ценности своей деятельности. Также такие родители негативно самовоспринимают выполнение своих родительских обязанностей. Также у таких родителей наблюдается часто чувство вины, снижение самооценки, появляется чувства собственной несостоятельности, безразличие к домашней работе и детям, снижение значимости достигнутых результатов.

В результате диагностики было выявлено, что у матерей преобладает такой симптом родительского выгорания как редукция родительских достижений, а у отцов – эмоциональное истощение.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что эмоциональное выгорание присуще не только профессионалам, но и родителям. При этом изучение феномена эмоционального выгорания у родителей требует более глубокой и детальной проработки, так как данный феномен отрицательно сказывается не только на психофизиологическом здоровье родителей, но и на здоровье детей, так как семья это взаимосвязанная целостная система, в которой поломка одной из единиц, влечёт за собой разрушение всей системы.

Список использованных источников:

1. Базалева, Л.А. Возможности исследования эмоционального «выгорания» у матерей в психологии личности // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – Серия «Педагогика и психология». – 2010. – № 1. – С. 174-182.
2. Водопьянова, Н. Е., Старченкова, Е. С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. – СПб. : Питер, 2005. – 336 с.
3. Ефимова, И. Н. Возможности исследования родительского выгорания // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки. – 2013. – №4. – С. 31-40.
4. Ефимова, И. Н. Личностные характеристики и особенности эмоциональных и поведенческих проявлений родителей в связи со степенью их эмоционального выгорания // Российский научный журнал. – 2013. – № 4. – С. 206-215.
5. Изюмская, А., Куусмаа, А. Мама на нуле. Путеводитель по родительскому выгоранию [электронный ресурс]. – М. : Самокат, 2017. – 432 с.
6. Лэнгле, А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 3-16.
7. Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен : учебное пособие [электронный ресурс]. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.
8. Орёл, В.Е. «Синдром психического выгорания» и стилевые особенности поведения и деятельности профессионала / В.Е. Орёл // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 23. – С. 33-39.
9. Попов, Ю.В., Кмить, К.В. Эмоциональное «выгорание» – только лишь результат профессиональных отношений? // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2012. – № 2. – С. 98-101.
10. Ронгинская, Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. – 2002. – № 3. – С. 34-47.
11. Pines, A., Aronson, E.: Career Burnout. Causes and cures. New York: The Free Press.

Радостева Анна Геннадьевна
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Старший преподаватель кафедры педагогики и психологии
614990, г.Пермь, ул.Сибирская,24
E-mail: radosteva@pspu.ru

ОТНОШЕНИЕ МАТЕРЕЙ К ДЕТЯМ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЯЗИ С ВОЗРАСТОМ И ОПЫТОМ МАТЕРИНСТВА

Аннотация. В статье рассматривается совместное влияние возраста и опыта материнства на показатели родительских установок и реакций. Доказано, что имеются различия в отношениях матерей к детям и характеристикам внутрисемейных отношений в зависимости от возраста и опыта материнства. Было обнаружено доминирующее влияние возрастных характеристик на показатели родительских установок и реакций. Так же было отмечено, что во время беременности происходит переосмысление взглядов на воспитание и семейные роли.

Ключевые слова: материнство, родительство, родительские установки, личность, опыт материнства, беременность

Radosteva Anna G.
Perm State Humanitarian Pedagogical University
senior teacher of department of pedagogics and psychology
614990, Perm, Sibirskaya street,24
E-mail: radosteva@pspu.ru

THE RATIO OF MOTHERS TO CHILDREN AND CHARACTERISTICS OF FAMILY RELATIONSHIPS IN CONNECTION WITH THE AGE AND EXPERIENCE OF MOTHERHOOD

Abstract. The article discusses the joint effect of age and experience motherhood on indicators of parental attitudes and reactions. It is proved that there are differences in the relationship of mothers to children and the characteristics of family relations depending on the age and experience of motherhood. It was discovered the dominant influence of age on the performance characteristics of the parent plants and reactions. It was also observed that during pregnancy there is a reconsideration of views on education and family roles.

Keywords: motherhood, parenting, parental attitudes, personality, experience of motherhood, pregnancy

В жизни современного общества семья по-прежнему остается одной из важнейших ценностей. Поэтому огромное количество исследований как зарубежных, так и отечественных посвящены изучению семьи, её характеристикам, детско-родительским взаимоотношениям, стратегиям и стилям семейного воспитания (Д. Вольф, В.Н. Дружинин, И.С. Кон, М.И. Лисина, Э. Мэин и др.), сформулированы концепции, рассматривающие категорию «отношение» (А.А. Бодалев, Л.Я. Гозман, Е.Л. Доценко, А.А. Кроник и Е.А. Кроник, А.Ф.Лазурский, Б.Ф.Ломов, Д.Мид, В.Н.Мясищев, А.В.Петровский, К.Роджерс, Г.Салливен, Ч.Кули, Г. Хайман, и др.), исследуется структура и механизм функционирования детско-родительского отношения (А.Адлер, Н.Аккерман, А.Болдуин, С.Броди, А.Я.Варга, Д.Виниккот, М.Земски, Р.В.Овчарова, А.С.Спиваковская, Г.Г.Филиппова, Э.Г. Эйдемиллер и

др.), ряд авторов привели психологические основания изучения семьи как системы (М. Боуэн, А.Я. Варга, Д.Джексон, С. Минухин, Д. Хейли, А.В. Черников и др.).

В междисциплинарных исследованиях современной семьи подчеркивается значимость материнства, его определяющая роль в развитии ребенка.

Актуальность исследования материнства объясняется тем, что демографический уровень страны удается поддерживать лишь за счет стимулирующих государственных программ, не уменьшается количество детей, имеющих родителей, но оставшихся без их попечения, учащаются случаи жестокого обращения с детьми, при этом не достаточно разработаны программы социальной и психологической поддержки, сопровождения и коррекции родительства, семейных взаимоотношений и, прежде всего, материнства.

Изучение феномена материнства занимает исследователей разных наук: психологии, социологии, биологии, истории, культурологии, медицины, физиологии. И протекает это изучение в основном в двух направлениях: материнство как обеспечение условий для развития ребенка и материнство как часть личностной сферы женщины. В качестве основы материнства при этом выделяют в одном случае биологическое начало, в другом – социальное воздействие.

В отечественной психологии исследования, посвященные изучению материнства, условно можно разделить на несколько групп:

1. В перинатальной психологии (О.В. Баженова, Л.Л. Баз, Г.И. Брехман, И.В. Добряков, Л.В. Наумова, Ж.В. Колесова, Т.В. Сколбо и др.) главный интерес вызывает влияние эмоционального состояния женщины на развитие ребенка и отношение к нему, прежде всего, как к объекту материнства. Поэтому особое внимание уделяется динамике эмоционального состояния с момента зачатия ребенка и после родов. Интерес вызывают и отдельные составляющие эмоциональной сферы женщины, такие как: раздражительность, тревожность, послеродовая депрессия.

2. Отдельный интерес вызывает раннее материнство (О.И. Лебединская, М.С. Радионова, Е.В. Андрюшина, В.Б. Якубович и др.). В данном случае в центр изучения попадают качества молодой матери, сформированность готовности к материнству, особенности восприятия и взаимодействия с ребенком, специфика отношений роженицы с её матерью, как предпосылки для раннего зачатия.

3. Изучение материнства в зависимости от характеристик ребенка: возраста, пола, количества детей в семье и т.д. (А.Д. Кошелева, Г.А. Свердлова, И.Ю. Ильина, В.И. Гарбузов, А.С. Спиваковская, А.Я. Варга, Г.Г. Хоментаскас и др.).

4. Отдельным направлением изучения становятся патологии протекания беременности, проблемы абортот и отказов от ребенка, бесплодия и суррогатного материнства (Г.И. Брехмен, В.Т. Волков, Т.М.Харламова, Н.В. Шабалин и др.)

5. Материнство рассматривается как самостоятельный психологический феномен (С.Ю. Мещерякова, А.С. Спиваковская, Н.Н. Васягина, Н.А. Устинова, О.Е. Смирнова, Е.Н. Рыбакова, Г.Г.Филиппова, А.Г.Радостева, Д.С.Корниенко), где особое внимание уделяется личностным характеристикам женщины.

Как наиболее глубоко исследованное направление в психологии материнства можно выделить изучение родительских установок – определенного взгляда на свою родительскую роль, цели и средства деятельности в области родительства.

Родительские установки включают в себя три аспекта [3]:

1. Когнитивный – знания и представления о репродуктивной норме общества, о распределении родительских ролей, реальный и идеальный образ ребенка.

2. Эмоциональный – совокупность взглядов, суждений, оценок, а также преобладающий эмоциональный фон в отношении реализации родительских установок и ожиданий.

3. Поведенческий – репродуктивное поведение, взаимоотношения между супругами, родительское отношение, стиль семейного воспитания.

Родительские установки и ожидания включают три уровня презентации [2]:

1. «мы — родители» (репродуктивные установки супругов в аспекте их отношений);
2. «мы — родители нашего ребенка» (установки и ожидания в детско-родительских отношениях);
3. «это — наш ребенок» (установки и ожидания в отношении ребенка/детей).

Очевидно, что детско-родительские отношения являются важнейшей подсистемой в семейной системе, носят длительный, непрерывный характер, обуславливаются возрастными особенностями и опытом родительства в целом и материнства в частности, оказывая существенное влияние на динамику личностного развития женщин.

Поэтому целью нашего исследования стало изучение родительских установок и реакций женщин в зависимости от их возраста и опыта материнства.

Выборку исследования составили 590 женщин, представляющие три группы: беременные женщины (203 чел.) ($M=24,8$; $SD=4,4$), женщины, имеющие ребенка возрастом до 5 лет (233 чел.) ($M=26,2$; $SD=4,6$), женщины, не имеющие детей (154 чел.) ($M=22,4$; $SD=3,7$). Возраст испытуемых во всей выборке от 18 до 40 лет ($M=24,7$; $SD=4,5$).

Диагностика отношения матери к детям и характеристикам внутрисемейных отношений проводилась с помощью опросника «Измерение родительских установок и реакций» PARI E.C. Шефер и Р.К. Белл (в адаптации Т.В. Нещерет)

Совместное влияние возраста и опыта материнства на показатели родительских установок и реакций изучалось с помощью двухфакторного дисперсионного анализа.

В ходе анализа рассматривались и сопоставлялись значения показателей родительских установок и реакций (по каждой переменной – в отдельности) при разных уровнях опыта материнства и возраста испытуемых.

Таким образом, исследовались значения каждой переменной родительских установок и реакций при шести разных комбинациях независимых факторов:

1. Беременные, в возрасте до 25 лет ($N=126$)
2. Беременные, старше 25 лет ($N=77$)
3. Женщины, в возрасте до 25 лет и имеющие детей ($N=110$)
4. Женщины, старше 25 лет и имеющие детей ($N=123$)
5. Женщины, в возрасте до 25 лет и не имеющие детей ($N=134$)
6. Женщины, старше 25 лет и не имеющие детей ($N=20$)

Вывод о совместном влиянии факторов делался в том случае, когда один фактор «вмешивался» во влияние другого фактора и изменял направление этого влияния.

Опросник «Измерение родительских установок и реакций» PARI E.C. Шефер и Р.К. Белл (в адаптации Т.В. Нещерет) представлен 23 показателями, распределенными по 4 шкалам. Все четыре шкалы измерения родительских установок и реакций: 1 – отношение к семейной роли; 2 - оптимальный эмоциональный контакт с ребенком; 3- излишняя эмоциональная дистанция с ребенком; 4 – излишняя концентрация на ребенке, обнаружили на себе совместное влияние (взаимодействие) факторов возраста и опыта материнства

В таблице 1 показана картина взаимодействия факторов возраста и опыт материнства по шкале «отношение к семейной роле»

Таблица 1.

Взаимодействие факторов возраста и опыт материнства по шкале «отношение к семейной роле»

	Опыт материнства	в озраст	{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}
	беременные	до 25		0,1 11073	0,0 33521	0,0 44101	0,3 57442	0,0 61377
	беременные	старше 25	0,1 11073		0,0 00658	0,8 64050	0,0 16112	0,3 80354
	с детьми	до 25	0,0 33521	0,0 00658		0,0 00054	0,2 03592	0,0 02817

	с детьми	с тар.25	0,0 44101	0,8 64050	0,0 00054		0,0 03169	0,4 17922
	без детей	д о 25	0,3 57442	0,0 16112	0,2 03592	0,0 03169		0,0 18659
	без детей	с тар.25	0,0 61377	0,3 80354	0,0 02817	0,4 17922	0,0 18659	

Шкала «отношение к семейной роли» представлена такими показателями как: «зависимость от семьи», «ощущение самопожертвования», «семейные конфликты», «сверхавторитет родителей», «неудовлетворенность ролью хозяйки», «безучастность мужа», «доминирование матери», «несамостоятельность матери».

Результаты анализа свидетельствуют о том, что более высокие показатели по данной шкале имеют женщины в возрасте до 25 лет с разным опытом материнства. То есть в отношении к семейной роли, молодые женщины ощущают большую зависимость от семьи, полагают, что им необходимо контролировать и координировать внутрисемейные отношения, при этом испытывают некоторую неудовлетворенность от недостаточной на их взгляд степени участия других членов семьи, что вызывает ощущение самопожертвования и приводит к конфликтным ситуациям. Стоит обратить внимание на то, что самый высокий показатель по данной шкале обнаружен у женщин в возрасте до 25 лет, имеющих детей, значимо отличая эту группу от всех остальных. Таким образом, фактор наличия ребенка присовокупляясь к фактору юного возраста, определяет отношение женщины к семейной роли как более зависимое. Вероятнее всего, это объяснимо тем, что появление ребенка в юношеском возрасте заставляет женщину на некоторое время приостановить социальную активность, пересмотреть личные планы или вовсе отказаться от них и переориентироваться на внутрисемейные отношения. Такое перераспределение вполне может вызывать личностную неудовлетворенность, проектирующаяся на внутрисемейные отношения.

Наибольшее значимое различие данная группа имеет с группой женщин старше 25 лет, не имеющих детей, то есть противоположной по данным характеристикам. Данное различие подтверждает предположение о том, что более раннее появление ребенка в жизни женщины оказывает существенное влияние на восприятие внутрисемейных отношений, определяя их как со-зависимые.

Тот факт, что группы беременных испытуемых, независимо от их возраста имеют средние показатели, в очередной раз подчеркивает особенность состояния беременности, демонстрируя их готовность к переходу от более независимого положения к более ответственному, сконцентрированному на внутрисемейных отношениях.

В таблице 2 показана картина взаимодействия факторов возраста и опыт материнства по шкале «оптимальный эмоциональный контакт с ребенком».

Таблица 2.

Взаимодействие факторов возраста и опыт материнства по шкале «оптимальный эмоциональный контакт с ребенком»

	Опыт материнства	в озраст	{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}
	беременные	д о 25		0,9 64448	0,1 81790	0,2 90515	0,7 38734	0,4 27117
	беременные	с тар.25	0,9 64448		0,2 58678	0,3 33848	0,8 06960	0,4 31096
	с детьми	д о 25	0,1 81790	0,2 58678		0,0 19045	0,3 01559	0,1 32989
	с детьми	с тар.25	0,2 90515	0,3 33848	0,0 19045		0,1 60400	0,8 12608

	без детей	д о 25	0,7 38734	0,8 06960	0,3 01559	0,1 60400		0,3 32099
	без детей	с тар.25	0,4 27117	0,4 31096	0,1 32989	0,8 12608	0,3 32099	

Шкала «оптимальный эмоциональный контакт» представлена такими показателями как: «вербализация», «партнерские отношения», «развитие активности ребенка», «уравненные отношения».

Результаты анализа демонстрируют одно значимое различие в подгруппе женщин, имеющих детей, различающихся по возрасту. В данном случае, женщины в возрасте до 25 лет продемонстрировали большую готовность в установлении партнерских отношений с ребенком. Нередко понятие родителя–друга возникает именно в случаях с молодыми матерями, которые в большей степени готовы на уравненные отношения с детьми. Тогда как более зрелые матери, возможно, в большей степени склонны занимать руководящую, контролирующую позицию, руководствуясь жизненным опытом. В остальных подгруппах, хотя и нет значимых различий, можно отметить, что подгруппы в возрасте до 25 лет имеют более высокие показатели по данной шкале, чем подгруппы старше 25 лет, что косвенно подтверждает наше предположение.

В таблице 3 показана картина взаимодействия факторов возраста и опыт материнства по шкале «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком».

Таблица 3.

Взаимодействие факторов возраста и опыт материнства по шкале «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком»

Опыт материнства	в возраст	{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}
беременные	д о 25		0,0 27043	0,1 74200	0,0 31383	0,9 28379	0,3 89765
беременные	с тар.25	0,0 27043		0,0 00853	0,7 45668	0,0 20682	0,6 51415
с детьми	д о 25	0,1 74200	0,0 00853		0,0 00631	0,1 96491	0,1 14066
с детьми	с тар.25	0,0 31383	0,7 45668	0,0 00631		0,0 23010	0,7 83455
без детей	д о 25	0,9 28379	0,0 20682	0,1 96491	0,0 23010		0,3 62789
без детей	с тар.25	0,3 89765	0,6 51415	0,1 14066	0,7 83455	0,3 62789	

Шкала «излишняя эмоциональная дистанция с ребенком» представлена такими показателями как: «раздражительность», «излишняя строгость», «уклонение от конфликта».

В данном случае, мы также получили значимые различия между выборками в зависимости от возраста испытуемых. Так, группы женщин старше 25 лет характеризуются как более сдержанные, менее раздражительные, более чуткие к своим детям.

Женщины, старше 25 лет и имеющие детей, обнаружили значимые различия с женщинами, младше 25 лет с разным опытом материнства (не имеющие детей, имеющие детей и беременные). Беременные женщины, старше 25 лет, так же обнаружили значимые различия с женщинами младше 25 лет с разным опытом материнства. Тогда как женщины старше 25 лет, не имеющие детей не обнаружили значимых различий ни с одной из подгрупп. В данном случае становится очевидным, что кроме возраста, опыт материнства так же вносит определенный вклад в формирование взаимоотношений с ребенком в рамках

данной шкалы. А именно, наличие или ожидание ребенка, делает женщину более терпимой, мягкой и внимательной к детям.

В таблице 4 показана картина взаимодействия факторов возраста и опыт материнства по шкале «излишняя концентрация на ребенке».

Таблица 4.

**Взаимодействие факторов возраста и опыт материнства по шкале
«излишняя концентрация на ребенке»**

	Опыт материнства	в озраст	{1}	{2}	{3}	{4}	{5}	{6}
	беременные	до 25		0,0 56305	0,9 76004	0,0 00001	0,5 91549	0,0 05938
	беременные	старше 25	0,0 56305		0,0 59491	0,0 13369	0,0 16689	0,1 22643
	с детьми	до 25	0,9 76004	0,0 59491		0,0 00001	0,6 26222	0,0 06138
	с детьми	старше 25	0,0 00001	0,0 13369	0,0 00001		0,0 00000	0,9 09481
	без детей	до 25	0,5 91549	0,0 16689	0,6 26222	0,0 00000		0,0 02388
	без детей	старше 25	0,0 05938	0,1 22643	0,0 06138	0,9 09481	0,0 02388	

Шкала излишняя концентрация на ребенке представлена такими показателями как: «чрезмерная забота», «подавление воли», «опасение обидеть», «исключение внутрисемейного влияния», «подавление агрессивности», «подавление сексуальности», «стремление ускорить развитие ребенка», «чрезмерное вмешательство в мир ребенка».

В очередной раз мы видим возрастное распределение испытуемых. Так, женщины в возрасте до 25 лет демонстрируют более высокие показатели, нежели женщины старше 25 лет. Что свидетельствует о склонности к излишней концентрации на ребенке у более молодых матерей, проявляющейся в чрезмерной опеке, заботе, стремлении обезопасить ребенка и уберечь его от трудностей, а так же в желании ускорить его развитие.

Наиболее значимые различия в зависимости от возраста испытуемых выявились внутри групп женщин имеющих и не имеющих детей. Тогда как в подгруппе беременных женщин различий в зависимости от возраста не обнаружилось. Что ещё раз демонстрирует некоторое состояние переходности, изменения в мировоззрении женщин, в их взглядах на воспитание в период беременности.

Самый высокий показатель по данной шкале обнаружила подгруппа женщин в возрасте до 25 лет, не имеющих детей демонстрируя значимые различия с подгруппами женщин, старше 25 лет с разным опытом материнства (имеющие и не имеющие детей, беременные). Таким образом, можно отметить, что и опыт материнства вносит существенный вклад в стремление к излишней концентрации на ребенке. Так, не имеющие детей девушки в большей степени представляют себе необходимым концентрироваться на ребенке, оберегать его от опасностей и внесемейного влияния, погружаться в его внутренний мир.

Таким образом, по результатам двухфакторного дисперсионного анализа в изучении родительских установок и реакций у женщин в зависимости от возраста и опыта материнства можно сделать следующие выводы:

1. Наиболее существенное значение на формирование родительских установок и реакций оказывает возраст. Так женщины в возрасте 18-25 лет в большей степени склонны к излишней концентрации на ребенке, проявляют стремление к установлению партнерских отношений с ним. При этом могут демонстрировать излишнюю строгость, испытывать

раздражение и ощущать неудовлетворяющую их зависимость от внутрисемейных отношений и обязательств.

2. Опыт материнства также имеет значение при формировании родительских установок и реакций. Так, женщины не имеющие детей склонны приписывать материнству чрезмерную ответственность при уходе за ребенком и в его воспитании, а так же ограниченность семейными интересами. В то время как, имеющие детей женщины готовы предоставлять им больше свободы и самостоятельности. Однако стоит отметить, что при разном опыте материнства определяющим в характеристике является возраст испытуемой.

3. Беременность – как особое состояние, практически по всем показателям в изучении родительских установок и реакций демонстрирует средние значения, то есть погружает женщину как бы в пограничное, усредненное состояние, позволяющее определиться в своем родительском отношении и установках. Происходит переход от теоретического представления о родительстве к более осознанному.

Исследование выполнено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект «Динамика психологических характеристик женщин с различным репродуктивным статусом: межгрупповой и внутригрупповой анализ» (№17-16-59001).

Список использованных источников:

1. Мягкова, М. А. Основные направления изучения материнства в отечественной психологии // Актуальные вопросы современной психологии: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, март 2011 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 69-72.

2. Овчарова, Р. В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: Гардарики, 2002

3. Овчарова Р. В.. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. - М.: Московский психолого-социальный институт. - 496 с.. 2006.

4. Радостева, А. Г., Корниенко, Д. С. Личностные характеристики женщин с разным опытом материнства. - Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – с.800-806

5. Радостева, А. Г. Влияние семейных отношений на родительские установки. – Фундаментальные исследования № 8 (часть 5) , 2013. – стр. 1238-1242

6. Радостева, А. Г. Личностные различия женщин в зависимости от наличия или отсутствия детей. / Фундаментальные исследования. – 2014. – № 5 (часть 3). – с604-607

7. Фомина, Л. К. Понятие и типы детско-родительских отношений // Молодой ученый. — 2014. — №2. — С. 704-707.

8. Харламова, Т. М., Курилова, А. В., Радостева, А. Г. Эмоциональные проблемы женщин, страдающих бесплодием (результаты корреляционного анализа). Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 17-16-59001 // XV Международная научно-практическая конференция «Российская наука в современном мире», (Москва, 15 апр. 2018г.) // Сборник статей XV международной научно-практической конференции, часть I. - Москва: «Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2018. – С. 166-169. ISBN 978-5-6041034-1-8.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ О ВОЗРАСТЕ МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РЕБЕНКА

Исследования морального развития и поведения детей показывают, что важным фактором сдерживающим нарушение моральных норм детьми дошкольного и раннего школьного возраста являются родители и их воспитательные воздействия на ребенка. Однако сами эти воздействия зависят от стихийно сложившихся у родителей представлений о возрасте моральной ответственности ребенка. Такие представления испытывают влияние региогнальных и культурно-психологических факторов (Whiting & Whitingб 1975). Спонтанные представления родителей о развитии детского сознания несомненно влияют на реакции родителей на отношение ребенка к моральным запретам. Данное исследование имело целью определить (1) возраст ребенка, с которого родители в Москве 1980х считали ребенка ответственным за нарушение моральных правил и норм поведения и (2) возраст, в котором родители считают ребенка ответственным за невмешательство в нарушение моральных норм их младшими братьями и сестрами (Субботский, 1983).

С целью определить спонтанно сложившиеся представления родителей о моральной ответственности ребенка был создан опросник. Опросник состоял из 6 коротких историй, описывающих поведение детей в различных ситуациях морального конфликта. Первые три истории описывали моральные конфликты, типичные для поведения детей раннего и младшего дошкольного возраста.

История 1. Незнакомый вам взрослый пришел к вам в дом с визитом по делу. Ваш ребенок увидел у него в кармане красивую авторучку и, не спрашивая разрешения, взял ее из кармана у незнакомца и начал с ней играть.

История 2. Увидев в руках у малыша интересную игрушку, ваш ребенок выхватил ее из рук малыша и начал с ней играть.

История 3. Вы запретили вашему ребенку трогать предметы на вашем письменном столе. В ваше отсутствие ваш ребенок взобрался на стол и начал играть с находящимися там предметами, порвал бумагу, и опрокинул прибор с карандашами.

Остальные три истории описывали ситуации в которых старший ребенок наблюдал, как его младший брат нарушал моральные правила поведения, но не вмешался и не сделал малышу замечание.

История 4. У вас двое детей: старший и младший. Из соседней комнаты вы заметили, что ваш младший ребенок взял ножницы и начал резать скатерть, свисающую с обеденного стола. Ваш старший ребенок видел это но не остановил малыша.

История 5. У вас трое детей: старший, средний и младший. В ваше отсутствие средний по возрасту ребенок стал отбирать игрушку у малыша, а когда тот воспротивился, ударил его. Ваш старший ребенок видел это, но не попытался защитить малыша.

История 6. У вас двое детей: старший и младший. Однажды вы были в соседней комнате и заметили, что младший уронил и разбил фарфоровую вазу в то время как старший видел это. Когда вы вошли в комнату и спросили кто разбил вазу то получили от младшего ребенка ответ, что это сделал соседний мальчик, который заходил в гости. Старший ребенок слышал это, но промолчал.

По каждой из историй родителям задавали два вопроса: (1) считают ли они ребенка виноватым в нарушении моральных норм и (2) накажут ли они его за нарушение (для старших детей – за невмешательство в нарушение норм младшим). В каждом случае респондентов просили ответить, как бы они реагировали на поведение ребенка возраст которого варьировал от 6 месяцев до 7 лет. В опросе приняли участие 110 родителей детей в возрасте от 5 до 7 лет. Родители были москвичи с широким спектром социо-экономического статуса. Ответы родителей отражены в Таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Процент родителей ответивших утвердительно на вопросы к Историям 1-3

Вопрос	История	Предположительный возраст ребенка								
		Месяцы			Годы					
		6	10	1	1.5	2	3	5	7	
1	1	6		27			68	91	98	100
	2		28	46			78	93	100	100
	3					44	68	90	98	98
2	1	3		7			33	60	79	87
	2		14	30			56	75	92	93
	3					35	57	84	93	95

Таблица 2 . Процент родителей ответивших утвердительно на вопросы к Историям 3-6

Вопрос	История	Предположительный возраст ребенка (годы)				
		1.5	2	3	5	7
1	4	20	31	66	91	98
	5	14	28	61	87	93
	6			71	90	95
2	4	13	20	42	70	80
	5	10	20	35	70	80
	6			52	74	83

Результаты показали, что суждения родителей в отношении собственного поведения детей и их отношения к поведению младших братьев и сестер разнятся. Видно, что к возрасту 2х лет (но не ранее этого возраста) большинство родителей начинают воспринимать ребенка как ответственного за нарушение моральных норм; большинство родителей ответили, что они наказали бы ребенка за нарушение. Однако родители не рассматривают ребенка младше 2х лет как осознающего нарушения норм младшими братьями и сестрами и ответственного за невмешательство в эти нарушения, и лишь очень немногие ответили, что они наказали бы ребенка за невмешательство.

В отношении к ребенку 3х лет позиция родителей изменяется, и процент родителей, считающих ребенка ответственным за невмешательство удваивается, хотя и не превышает 71%. Что касается детей в возрасте 5 и 7 лет, то абсолютное большинство родителей считают, что ребенок был обязан вмешаться в поведение младшего ребенка и воспрепятствовать нарушению норм поведения. Таким образом, в отношении к 5-тилетним большинство родителей не только полагают их ответственными за собственные нарушения норм, но и видят в них проводников и защитников моральных норм поведения в отношении к младшим детям.

В будущих исследованиях, представляет интерес провести такой опрос с родителями современной Москвы, с целью установить, изменились ли, и если да, то насколько, представления родителей о возрасте моральной ответственности детей за последние три десятилетия. Поскольку в современной России общество расслоилось на бедных и богатых, интересно также провести подобный опрос в разных социо-экономических группах, а также в национальных регионах Российской Федерации, с целью выяснить роль социо-экономических и культурных факторов в формировании спонтанных представлений родителей о возрасте моральной ответственности ребенка.

Список использованных источников:

1. Субботский, Е. В. (1983). Проблемы генезиса личности. М. : ВИНТИ.
2. Whiting, B.B. & Whiting, J.W.M. (1975). Children of six cultures. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Валитова Ирина Евгеньевна
кандидат психологических наук, доцент,
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина,
профессор кафедры психологии развития
224016 г. Брест, Космонавтов, 21
E-mail: irvalitova@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РАЗВИТИИ РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности представлений о благополучном развитии и проблемном поведении детей раннего возраста как содержательных элементов обыденного сознания. В эмпирическом исследовании используются авторские проективные методы. В результате составлен обобщенный портрет маленького ребенка в представлениях женщин, имеющих и не имеющих маленьких детей. Установлено также, что матери выделяют и определяют проблемное поведение ребенка и его причины. Обыденные представления о раннем детстве лишь частично соответствуют научным психологическим данным.

Ключевые слова: обыденное сознание, социальные представления, имплицитные теории, ранний возраст, благополучное развитие ребенка, проблемное поведение ребенка.

Valitova Irina Evgen'evna
candidate of psychological sciences, associate professor,
Brest State University named after A.S. Pushkin,
Professor of the Developmental Psychology Department
224016 Brest Cosmonauts, 21
E-mail: irvalitova@yandex.ru

REPRESENTATIONS ABOUT EARLY CHILD DEVELOPMENT IN EVERYDAY CONSCIOUSNESS

Abstract. In the article the features of representations about welfare development and children' problem behavior of in early age as substantial elements of ordinary consciousness are considered. The author' projective methods are used in the empirical study. As a result, a generalized portrait of a young child in the representations of women who have and do not have small children is drawn up. It is also established that mothers identify, determine the child's problem behavior and its causes. Everyday ideas about early childhood only partially correspond to scientific psychological data.

Keywords: everyday consciousness, social representations, implicit theories, early age, child successful development, child problem behavior.

В практике психологической помощи семье психолог взаимодействует с клиентом, имеющим собственную систему представлений о своей семье, о членах своей семье, о самом себе, о психологических проблемах семьи. Имеющаяся у человека система представлений о мире и о себе в мире определяется разными терминами: картина мира (Е.Ю. Артемьева, А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов, С.Л. Рубинштейн, Э.Фромм), социальные репрезентации (С.Московичи), имплицитные теории личности (Дж. Бруннер, Г. Келли, Л. Росс, Р. Таджиури), обыденное сознание (М.Е. Миронов, Е.В.Улыбина).

В «Большом психологическом словаре» под имплицитными концепциями понимаются обыденные, ненаучные, житейские, не вполне осознаваемые представления людей о каком-либо явлении или процессе из их повседневной жизни. Имплицитные теории личности и имплицитные теории семьи складываются в индивидуальном житейском опыте человека, они опосредуют понимание людьми друг друга, выполняют регулятивную и прогностическую функцию. Функция имплицитных теорий – обеспечить субъекту сетку интерпретации, связывая причинными отношениями сочетания различных качеств и поведение. «Эта потребность «наводить порядок» в своем окружении вытекает из адаптивной модели психологического субъекта и даже организма, позволяющей предвидеть свое окружение и владеть им. Но такая тенденция к сохранению внутреннего порядка может также привести и к упрощениям, которые неизбежно повлекут за собой ошибки» [4, с. 399].

Обыденное сознание рассматривается как совокупность представлений, установок и стереотипов, основывающихся на непосредственном повседневном опыте людей и доминирующих в социальной общности, которой они принадлежат. Обыденное сознание характеризуется как неоднородная, сложная, многослойная, противоречивая, стихийно сложившаяся совокупность теоретически необобщенных знаний, представлений, житейских суждений, чувств и настроений, порождаемых массовым опытом, влиянием социальной среды, ее обычаями и традициями. Обыденное сознание обладает парадоксальной природой: оно содержит искажения, неточности, противоречия и, вместе с тем, обеспечивает человеку эффективное приспособление к действительности, успешное решение жизненных проблем [7].

В работе с клиентом психолог с необходимостью должен вычлнить и понять содержание тех представлений клиента, содержание его картины мира, которые определяют значимую область его взаимодействия с психологом. Именно эти представления, а не столько научные определения понятий данного семантического круга, определяют и видение клиентом своей проблемы, и восприятие и понимание им деятельности психолога, и реализацию данных психологом рекомендаций. Так, при работе с проблемами семьи, детско-родительских отношений, семейного воспитания значимыми являются обыденные представления человека о детях, об их благополучном развитии и проблемном поведении, что особенно важно для взаимодействия матери и ребенка. Между тем особенности содержания обыденных представлений в значимых для психологической практики областях еще не получило в должной мере научного описания.

Идею о противопоставлении научных и житейских понятий развивал Л.С. Выготский [2], который связывал формирование житейских понятий с опорой на непосредственный практический опыт, а научных – с опорой на связи с другими понятиями. Противопоставление житейской и научной психологии и наделение приоритетом научного знания характерно при определении предмета психологической науки. Противостояние научного психологического знания знанию житейскому особенно ярко обосновано В.В. Петуховым и В.В. Столиным [5], при этом авторами определен и серьезный потенциал житейского психологического знания. Житейское психологическое знание всегда было включено в различные виды человеческой практики; для житейской психологии поле исследовательской деятельности практически бесконечно; опытом житейской психологии является индивидуальный опыт со всеми его нюансами; психологические знания, необходимые человеку для жизни, извлекаются, как правило, интуитивно и несистематически. Ценным является замечание Е.А. Климова о том, что «научный психолог теряет для изучения (не всегда безвозвратно) целые пласты житейского опыта» [3, с. 7].

Социальные представления о раннем детстве материнстве, имплицитные теории раннего детства представляют собой результат стихийно приобретенного и обобщенного жизненного опыта людей, связанных с детством. Обыденные представления о раннем детстве как содержательные элементы обыденного сознания играют важную роль в поведении и отношениях субъекта в разных сферах жизнедеятельности: формирование отношения к

материнству, воспитание ребенка раннего возраста и организация его жизни, построение взаимоотношений родителей и специалистов при наличии проблем в развитии ребенка и др.

Ранний возраст является достаточно сложным периодом для родителей: ребенка в этом возрасте иногда называют «маленьким тираном» (англ. – tantrum), так как он демонстрирует трудное поведение: он слишком активный, он свободно передвигается, добираясь до опасных мест, интересуется опасными и запрещенными предметами, не реагирует на указания взрослого, не слышит их просьб, взрывается по пустякам, не подчиняется установленным правилам, манипулирует взрослыми и т.д. Такое поведение вызывает у родителей трудности реагирования, так как они стремятся оградить ребенка от опасностей окружающего мира и приучить к правилам и нормам поведения, принятым в социуме. Родители не всегда эффективно справляются с трудным поведением, что приводит к их неуверенности в себе как родителе, к страху негативной социальной оценки как неэффективных родителей, и порождает еще более неадекватные способы совладания с трудным поведением ребенка [1; 8].

Один из наиболее частых запросов, предъявляемых родителями детей раннего возраста психологу, может быть сформулирован следующим образом: “Ребенок не слушается, не знаю, что делать”. Практикующие психологи не всегда достаточно подготовлены к психологическому консультированию родителей. Одна из причин этого – дефицит информации о способах взаимодействия взрослого с ребенком раннего возраста, учитывающих возрастные особенности детей. В частности, не описаны представления будущих матерей о нормативном развитии детей, то есть их представления о том, как развивается обычный ребёнок раннего возраста, представления матерей о трудностях воспитания детей и причинах трудного поведения детей.

Для выявления представлений взрослых о нормативном развитии ребенка и проблемах развития в данном возрасте было проведено несколько исследований, в каждом из которых решалась самостоятельная задача. В качестве испытуемых были выбраны женщины, имеющие и не имеющие детей данного возраста. Основанием этого является известный факт о более тесных отношениях ребенка раннего возраста именно с матерью, и в абсолютном большинстве случаев ребенок растет и воспитывается своей матерью. В первом исследовании выявлялись житейские, или обыденные представления женщин о развитии ребенка раннего возраста. На основании жейских представлений женщин, имеющих и не имеющих детей, был составлен психологический портрет раннего возраста. Во втором исследовании выявлялись представления женщин, имеющих детей раннего возраста, об их проблемном поведении и трудностях их воспитания.

Методика исследования. Для выявления содержания представлений о нормативном развитии детей в период раннего детства наиболее адекватными мы считаем проективные методики. Проективный метод позволяет описать не только хорошо осознаваемые знания и суждения испытуемых, но и слабо рационализированные, эмоционально насыщенные представления. В исследовании использовалась методика неоконченных предложений, предложения были специально разработаны для целей данного исследования:

Испытуемым предлагалось продолжить неоконченные предложения, записав свой вариант вместо многоточия: «Ребёнок раннего возраста: умеет..., ходит..., знает..., общается..., учится..., делает..., произносит..., помогает..., нуждается (в)..., стремится (к)..., играет..., лепит..., просит..., хочет..., подражает..., смотрит..., рисует..., исследует..., знакомится..., любит..., узнает..., показывает..., обманывает..., не умеет..., хочет ..., не хочет...».

Данные обрабатывались с помощью контент-анализа. Состав испытуемых: отбор испытуемых проводился методом простой случайной выборки. В исследовании приняли участие 60 женщин, из них 30 не имели детей, а 30 – имели ребенка раннего возраста.

В исследовании получен настолько широкий разброс продолжений неоконченных предложений, что оказалось проблематичным представить результаты в виде количественных данных. Более одной трети суждений встречались в единственном числе.

Высказывания женщин, имеющих и не имеющих детей, различались несущественно, поэтому данные от испытуемых обеих групп были объединены. Представим результаты в виде обобщенного портрета ребенка раннего возраста: в содержание портрета включены те характеристики, которые встречались в ответах не реже, чем в каждой десятой анкете. Характеристики приводятся в порядке уменьшения частоты встречаемости.

Ребенок раннего возраста:

Нуждается в помощи, в заботе, во внимании, в присмотре, в ласке. *Стремится* вырасти, к познанию, все делать сам, ни к чему не стремится, научиться всему. *Хочет* есть, спать, гулять, играть, все и сразу, быть взрослым. *Не хочет* спать, есть, одеваться. *Умеет* ходить самостоятельно, но еще неуверенно, разговаривать, бегать; танцевать под музыку, улыбаться, лазать. *Не умеет* много чего, обманывать, читать, бегать, писать. *Делает* ладушки, бабку, все сам. *Общается* с детьми, со сверстниками, с родителями, со знакомыми, на непонятном языке. *Любит* родителей, играть и гулять, сладости. *Подражает* родителям и родным, взрослым. *Помогает* собирать игрушки, родителям. *Просит* есть и пить, купить игру, почитать, поиграть с ним, помочь ему. *Обижается*, если что-то не дают, когда ругают, на родителей. *Играет* в игрушки/с игрушками, с родителями, с детьми. *Лепит* из пластилина, куличики из песка, непонятные фигуры. *Рисует* семью, домик, зверей, цветы, *каляки-маляки*, каракули. *Смотрит* мультики, в окно. *Знает* своих родителей, свое имя и имя близких, много игр, сказки и стишки, буквы немножко. *Учится* говорить, читать, слушать. *Познает* окружающий мир, новое. *Исследует* новое и самого себя. *Произносит* слова, фразы, предложения, слоги и звуки.

В обобщенном портрете ребенка раннего возраста представлены в основном характеристики, соответствующие объективным данным о данном возрастном периоде. Однако ряд характеристик свидетельствуют о нереалистичных представлениях о данном возрасте: констатируется отсутствие у детей стремлений к чему-либо, знание ребенком букв, умение читать, рисовать сложные объекты, произносить отдельные звуки и слоги.

Далее отдельно представим те характеристики ребенка раннего возраста, которые назывались отдельными респондентами и которые не соответствуют объективным характеристикам раннего возраста и свидетельствуют о непонимании ими психологических особенностей детей данного возраста. По представлениям женщин, не имеющих детей, ребенок раннего возраста делает уроки, говорит непонятно, помогает готовить, стремится пойти в школу, не хочет пойти в школу, хочет быть первым, научиться читать, обижается на себя, обманывает не краснея. В таких высказываниях, вероятно, отражаются стереотипные обыденные представления о раннем детстве.

Единичные характеристики детей, данные им матерями, отражают как наличие чувственного опыта общения с маленьким ребенком, так и наблюдательность матерей, углубленное понимание ими своего ребенка, феномены довольно высокого уровня развития ребенка. Так, мамы полагают, что ребенок раннего нуждается в любви и внимании, играет в компьютере, хочет убеждать, не хочет болеть, ходит бегом, танцует без комплексов, умеет выразить словами то, что он хочет, не умеет правильно выражать свои желания, знает свой возраст и где лежат сладости, общается с кошкой и мягкой игрушкой, делает пакости, делает интересные конструкции, произносит шипящие и смешно некоторые слова, смотрит на поведение родителей, узнает себя в зеркале.

Таким образом, представления женщин о детях раннего возраста в основном соответствуют объективным научным данным о возможностях и ограничениях маленьких детей – в обыденном сознании существует вполне объективный образ раннего детства. Однако имеются и ошибочные представления о раннем возрасте, которые отражают переоценку возможностей маленьких детей, приписывание им умений, типичных для детей дошкольного возраста. Чувственный опыт, получаемый матерями в общении со своим ребенком, обеспечивает более глубокое познание ребенка, понимание его особенностей.

На следующем этапе целью исследования было выявление представлений матерей, имеющих детей раннего возраста, об их проблемном поведении и трудностях их воспитания. В исследовании принимали участие 30 матерей, имеющих детей раннего возраста (второй и третий годы жизни). Эмпирическое исследование проводилось в индивидуальной форме: респондентам предъявлялся составленный нами для целей данного исследования опросник «Трудности воспитания детей раннего возраста».

Для выявления наиболее типичных проблем в воспитании и способов их решения матерям предлагалось выбрать 10 «негативных» фактов поведения ребенка из 25 указанных в опроснике фактов, с которыми они сталкиваются наиболее часто. Каждое поведение ребенка получало ранг в зависимости от частоты его встречаемости. Матерям предлагалось также описать причины поведенческих реакций ребенка и особенности своего поведения в данных ситуациях.

Результаты количественной обработки данных приведены в таблице 1. Максимальное значение суммы ранговых оценок матерей по всей выборке по конкретному поведенческому проявлению ребенка равно 30, и оно возможно в том случае, если все респонденты присвоят этой поведенческой реакции максимальный ранг, поставив его на первое место. Соответственно значение суммы 330 по всей выборке является минимальным, поскольку с этой трудностью не сталкивался ни одна мать.

Таблица 1 – Оценка матерями негативных поведенческих реакций у детей

Поведенческая реакция ребенка	Сумма	Средний балл	Ранговое место
Капризничает, плачет	147	4,9	1
Отказывается убирать за собой игрушки	163	5,4	2
Упрямится	182	6,1	3
Отказывается от еды	212	7,1	4
Противится режиму (не хочет спать днем, вовремя кушать, сложно уложить вечером)	212	7,1	4
Отказывается выполнять требования родителей	228	7,6	5
Отказывается спать в своей кроватке	240	8,0	6
Требуется все делать самостоятельно, постоянно твердит «Я сам!»	248	8,3	7
Постоянно надоедает с вопросами, требует постоянного к себе внимания	270	9,0	8
Не хочет ходить в ясли, плачет	277	9,2	9
Закатывает истерики в магазине, в поликлинике	277	9,2	10
Постоянно вертится под ногами, мешает заниматься домашними делами	279	9,3	11

Анализ данных таблицы 1 позволяет описать наиболее характерные для детей раннего возраста «негативные» поведенческие проявления с точки зрения матерей. Обращает на себя внимание тот факт, что выделенные матерями в десятку наиболее популярных «негативные» поведенческие проявления ребенка в своих значениях различаются только в два раза. Это дает нам основание предположить, что все они имеют большую значимость для матерей и частоту встречаемости в их повседневной практике взаимодействия с ребенком. Тем не

менее, в пятерку лидеров попадают такие поведенческие проявления ребенка, как плач, капризы (4,9 баллов, 1 место), отказ убирать за собой игрушки (5,4 баллов, 2 место), упрямство (6,1 баллов, 3 место), сопротивление режимным моментам, отказ от еды (7,1 баллов, 4 место) и отказ выполнять требования родителей (7,6 баллов, 5 место). Все эти реакции обобщенно можно назвать «сопротивление ребенка родительским требованиям».

Далее по степени значимости представлены такие поведенческие реакции ребенка, как стремление к проявлению самостоятельности, инициативности (8,3 баллов, 7 место), поисково-познавательная деятельность (9 баллов, 8 место) и сложности в адаптации к дошкольному учреждению (9,2 баллов, 9 место). Замыкает десятку «трудностей» с точки зрения матерей такое поведение ребенка, когда он постоянно вертится под ногами, мешает заниматься домашними делами (9,3 балла, 10 место).

Сравним рейтинги, полученные разными поведенческими реакциями, матерями детей второго и третьего года жизни. Согласно представлениям матерей, общими для детей второго и третьего года жизни являются такое поведение, как отказ выполнять требования взрослых (13,6 и 14,9 баллов; 5 и 7 рейтинговое место соответственно), отказ от еды (12,4 и 14,1; 4 и 6 место), сопротивление режиму (14,3 и 12,3; 7 и 4 место), отказ спать в своей кроватке (14,1 и 15,9; 6 и 8 места соответственно). Открытая форма проявления самостоятельности (ребенок требует все делать самостоятельно, постоянно твердит «Я сам!») более характерна для детей к концу раннего возраста, что является логичным, поскольку это одно из ярких проявлений кризиса трех лет. Так, если у детей второго года жизни данную форму поведения родители ставят на 10-е, последнее место (17,4 баллов), то у детей в период кризиса трех лет – уже на 5-е место (13,6).

Оценки поведенческих реакций детей раннего возраста, попавшие в десятку наиболее «трудных», различаются в двух группах респондентов. Так, дети второго года жизни, по мнению матерей, часто отказываются самостоятельно ходить и просят на руки, не хотят ходить в ясли, капризничают, а также не выполняют просьбы взрослых (9 место, средний балл 16,6). Содержательно данные формы поведения детей можно описать как адаптивные к новым условиям жизнедеятельности (появление ходьбы, первые требования и запреты, длительное расставание с мамой, первые посещения и адаптация к дошкольному учреждению и т.д.). Очевидно, что ребенок второго года жизни еще слишком тесно привязан к матери и зависим от нее, хотя и приобретает некоторую степень самостоятельности. Так, появляются ходьба, первые слова, развиваются действия с предметами, которую он стремится продемонстрировать взрослому, однако диапазон его возможностей еще очень ограничен [6].

У детей в период кризиса трех лет, в отличие от детей второго года жизни, появляются такие «негативные» формы поведения, как «надоедание» взрослым с расспросами, требование к себе постоянного внимания (7 рейтинговое место, 14,9 баллов), они постоянно находятся рядом с мамой, не желают отойти от нее и играть самостоятельно, закатывают истерики в магазине, поликлинике, на улице (9 рейтинговое место, средний балл 16,8), говорят грубые слова (10 рейтинговое место, средний балл 17,9). Данные поведенческие реакции во многом являются следствием возрастания автономии детей, их независимости от родителей, проявления стремления к самостоятельности, интенсивного развития речи и познавательной активности. Однако матери рассматривают их как трудности, с которыми необходимо бороться, но не представляют их как типичные проявления кризиса трех лет, или как типичные возрастные особенности ребенка, которые необходимо учитывать при построении взаимодействия с ним.

Рассмотрим далее, как матери объясняют проблемное поведение детей, какие причины их трудного поведения называют. Причиной капризов ребенка матери считают его психофизическое состояние – устал, болеет, хочет спать (55% указаний), и это рассматривается как манипулирование ребенка взрослым, его стремление во что бы то ни стало добиться своего, как результат избалованности ребенка, вседозволенности. Отказ ребенка убирать за собой игрушки объясняется 60% матерей тем, что ребенок ленится; и

лишь 20% матерей объясняют это поведение возрастными особенностями: ребенок еще маленький, он не осознает необходимости этого, не умеет убирать. Интересно, что 40% матерей детей третьего года жизни считают, что такое поведение объясняется неусидчивостью ребенка. Отказ ребенка выполнять требования взрослых, отказ от еды, сопротивление режимным моментам, отказ спать в своей кроватке и стремление все делать самостоятельно, заявляя «Я сам!», объясняется матерями как манипулирование ребенка взрослыми, как упрямство ребенка и особенность его характера.

Причину отказа ребенка от еды матери объясняют физиологическим состоянием малыша: отсутствием аппетита (83,3% указаний). Сопротивление ребенка режиму (нежелание спать днем, вовремя есть, сложности в укладывании спать вечером) 50% матерей объясняют тем, что взрослые сами порой нарушают режим, позволяя ребенку дольше не ложиться, не спать днем, в выходные. Остальные 50% матерей характеризуют причину такого сопротивления упрямством ребенка и следствием его перевозбуждения. Отказывается спать в своей кроватке ребенок, по мнению большинства респондентов (90% указаний), в силу того, что он еще очень маленький, привык быть все время с мамой.

Нежелание ребенка второго года жизни самостоятельно ходить, постоянные просьбы взять его на руки, нежелание выполнять просьбы взрослых матери объясняют частыми болезнями ребенка и привычкой постоянно находиться в тесном контакте с матерью (50% и 50% указаний соответственно). Матери же детей третьего года жизни видят причиной такого поведения ревность ребенка к более младшему (100% указаний). Отказ ребенка посещать ясли матери, имеющие детей второго года жизни, объясняют привязанностью к маме (75% указаний) и тем, что им не нравится воспитатель (25% указаний). Мамы детей третьего года жизни в качестве причины такого отказа видят плохую адаптируемость ребенка (50% указаний), физиологическое состояние ребенка (не выспался, что-то болит и пр.) – 25% указаний и привязанность к матери (25% указаний).

Нежелание ребенка выполнять просьбы взрослых мамы первой группы объясняют упрямством (100% указаний), а мамы второй группы вообще не дают никаких объяснений. Причину того, что ребенок постоянно надоедает с вопросами, требует постоянного к себе внимания, матери объяснить не могут. То, что ребенок раннего возраста постоянно находится рядом с мамой, не желает отойти от нее и поиграть самостоятельно, мешает заниматься домашними делами, матери объясняют сильной привязанностью (50% указаний), и требованием ребенка к себе внимания (50% указаний).

Такие поведенческие проявления детей раннего возраста, как закатывание истерик в магазинах, поликлиниках и других общественных местах родители объясняют двумя причинами: манипулированием, стремлением во что бы то ни стало достичь своей цели (60% указаний) и издержками воспитания, считая, что виноваты сами родители, так как разбаловали детей. Грубые, нецензурные слова ребенок говорит потому, что подражает, копирует взрослых и детей из ближайшего окружения (100% указаний).

Обобщая вышесказанное, можно выделить несколько групп причин тех «негативных», с точки зрения родителей, поведенческих проявлений ребенка раннего возраста, которые они относят к «трудностям» воспитания. Наиболее значимой группой причин негативного поведения ребенка раннего возраста, с точки зрения матерей, являются его характерологические особенности. Мамы считают, что в основе поведения ребенка лежат упрямство, лень, манипулирование, стремление достичь своей цели, которые они относят к особенностям характера ребенка. Во вторую по значимости группу причин нежелательного поведения ребенка матери относят его психофизиологическое состояние: он часто болеет, не выспался, устал, еще очень маленький. На третьем месте – группа причин, в которых матери винят себя, сложившуюся в их семье систему воспитания. Мамы объясняют поведение ребенка тем, что они сами разбаловали его, позволяют ему слишком много, выполняют все его капризы и прихоти, много покупают ему игрушек, порой, в силу обстоятельств, не соблюдают режим, позволяя ребенку не спать днем и поздно ложиться вечером; а также тем, что отцы не уделяют должного внимания ребенку. Четвертое место занимают две группы

причин поведенческих реакций ребенка раннего возраста: эмоциональная привязанность малыша к матери и его возрастные особенности. К этой группе причин относятся самые разумные объяснения «трудных» форм поведения ребенка, учитывающие особенности раннего возраста.

Таким образом, установлено, что матери, имеющие детей раннего возраста, определяют проблемное поведение ребенка, различая выраженность и частоту манифестации разных поведенческих реакций. Матери могут также объяснить и причины проблемного поведения ребенка. Однако только лишь небольшая часть описаний причин соответствует объективным научным данным. К ним относятся черты поведения привязанности и симптомы возрастания самостоятельности ребенка. Среди наиболее часто называемых причин имеются указания на характерологические особенности ребенка и его физиологические особенности. Так как представления матерей о проблемном поведении детей и его причинах во многом определяют способы взаимодействия матерей с детьми раннего возраста, реальная воспитательная практика по отношению к детям раннего возраста может быть неэффективной и не способствовать эмоциональному благополучию ребенка. Полученные результаты вновь подтверждают необходимость проведения просветительской работы и консультирования матерей, имеющих детей раннего возраста. Данные исследований с необходимостью должны использоваться психологами, работающими с проблемами раннего детства.

Список использованных источников:

1. Андрущенко Н.В. Регуляторные расстройства в младенческом и раннем детском возрасте: учебное пособие. СПб.: Издательство ГБОУ ВПО СЗГМУ им. И. И. Мечникова 2015. – 80 с.
2. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. – М.: Изд-во “Педагогика”, 1982.
3. Климов Е.А. Психологическая мысль в народном сознании далекого прошлого. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 136 с.
4. Минеева О., Познанская А., Лидерс А.Г Имплицитные теории семьи в психологии // 4-ая Международная научная конференция «Психологические проблемы современной семьи» 21-23 октября 2009 г., Москва: Тезисы конференции / Под ред. Е.И.Захаровой, О.А.Карабановой. – М., 2009. – С. 398-406.
5. Петухов В. В., Столин В. В. Предмет и задачи психологической науки и практики // Психология. Метод. указ. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 18-21.
6. Смирнова Е.О. Детская психология : учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Дошкольная педагогика и психология». М. : ВЛАДОС, 2006. – 366 с.
7. Улыбина Е.В. Психология обыденного сознания. – М. : Смысл, 2001. – 264 с.
8. Шматкова И.В. Взаимосвязь материнского поведения и нарушений эмоционального благополучия у детей раннего возраста // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. – 2011. – № 3. – С. 39–51.

Токарева Юлия Александровна
доктор психологических наук, профессор
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
профессор кафедры управления персоналом и психологии
620072 Россия, г. Екатеринбург, Новгородцевой, 37/2
ulia.tokareva@yandex.ru

Ефимова Анастасия Анатольевна
старший преподаватель кафедры психологии
Сургутский государственный педагогический университет
628406 Россия, г. Сургут, Пролетарский, 7/1
efimova27@mail.ru

СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТЦОВ РАЗНОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования различий в типах семейного воспитания и родительского отношения отцов различных национальностей. Наличие различий в мотивации отцовства, типе семейного воспитания отцов, воспитывающих детей младшего школьного возраста свидетельствует о стереотипности поведенческих реакций отца и установленным стратегиям родительско-детского взаимодействия, также приверженность национальным традициям. Анализ родительского отношения отца демонстрирует реализацию воспитательных задач, обусловленных культурными и этническими нормами семейного воспитания.

Ключевые слова: воспитательная деятельность отца, семейное воспитание, стратегии поведения отца, гармоничный и негармоничный тип воспитания.

Tokareva Yuliya Alexandrovna
Doctor of Psychology, Professor
Ural Federal University
named after First President of Russia B. N. Yeltsin,
Professor of the Department of Personnel Management and Psychology,
620072 Ekaterinburg, Russian Federation
E-mail: ulia.tokareva@yandex.ru

Efimova Anastasiya Anatolievna
Lecturer in the Psychology Department,
Surgut State Pedagogical University,
628406 Surgut, Russian Federation
E-mail: efimova27@mail.ru

SYSTEM-DINAMIC ANALYSIS OF EDUCATIONAL ACTIVITY BY DIFFERENT NATIONALITIES FATHERS

Abstract. The article represents the study results of differences in types of family education and parental attitude by various nationalities fathers. The presence of differences in paternity motivation, type of fathers' family education, bringing up a junior school age children, are testified about stereotype of father's behavioural reactions and established strategics of parent-child

interaction, and also about traditionalism. The analysis of father's parental attitude demonstrates realization of educational tasks, stipulated of cultural and ethnic family education norms.

Keywords: father's educational activity, family education, father's behaviour strategy, harmonious or disharmonious type of education.

Проблема психологических оснований деятельности семьи и в частности отца носит актуальный и современный характер в связи с естественным пересмотром и перераспределением семейных ролей. Роль отца в семье трудно переоценить также как и его вклад во всестороннее и гармоничное развитие детей, о чем свидетельствуют результаты исследований отечественных (Ю.А. Токарева, Р.В. Овчарова, Л.Б. Шнейдер и др.) и зарубежных (А. Адлер, В. Сатир, А. Фрейд, З. Фрейд, Э. Эриксон и др.) психологов [6; 8].

Анализ теоретических и экспериментальных исследований позволил установить, что отцовство является системным психологическим образованием, имеющим определенную структуру, динамику и деятельностную специфику. Воспитательная деятельность отца понимается нами как система информационно-инструментального взаимодействия отца с ребенком, согласованность звеньев которой определяет развитие ребенка как субъекта самосознания, субъекта общения и субъекта деятельности [7]. Подходя к идее изучения отцовства как воспитательной деятельности с точки зрения системно-динамического подхода, необходимо отметить, что характер воспитательной деятельности отца детерминирован системой факторов и условий осуществления, её качество зависит от начальной стадии деятельности, связанной с психологической подготовкой или ориентированием отца в вопросах развития и воспитания ребенка. Воспитательная деятельность отца, представляет собой единство сознания (осознание и принятие себя как родителя), поведения, отношений, родительских чувств и переживаний [4, 5].

Большинство регионов РФ являются полиэтническими, это сложилось исторически, а также обусловлено современными миграционными процессами [1; 2]. Известно, что успешное воспитание личности возможно при условии единства семьи и школы, при условии взаимной поддержки и согласованности в подходе к развитию, в требованиях к нему, в способах и приемах воспитательного воздействия. Однако практика показывает, что в полиэтнических регионах складывается ситуация, в которых школа предъявляет одни требования к ребенку, а родители транслируют другие требования, обусловленные национальными традициями воспитания. При этом семья и школа могут выступать в антагонистических позициях, и при таких обстоятельствах сложно представить гармоничный результат воспитания ребенка.

Вышеуказанные характеристики находят своё отражение в результатах исследований, проведённых на отцах русской национальности, исследований, анализирующих воспитательную деятельность отцов других национальностей нет.

Знание и понимание специфики воспитательной деятельности отцов, являющихся представителями различных национальных культур, но находящихся в российском обществе, позволит определить приоритеты влияния на ребенка и их результаты, а, следовательно, будет способствовать объективному психолого-педагогическому воздействию со стороны образовательных учреждений.

В основу методологического основания исследования воспитательной деятельности отцов разной национальности был принят системно-динамический подход. Научные труды и разработки К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, В.М. Басова, Л.С. Выготского, П.Я. Гальперина, А.Н. Леонтьева, А.В. Петровского, С.Л. Рубинштейна и др., позволили определить общенаучную методологию исследования, обозначить исследовательские принципы. Принципы системного анализа педагогических, психических и психологических явлений, единства сознания и деятельности, принцип развития. На основе теоретического анализа (базовые положения психологических теорий родительства и отцовства Т.А. Гурко,

И.С. Кон, Р.В. Манеров, В.С. Мухина, Р.В. Овчарова, Г.Г. Филиппова, А.Г. Харчев, Э.Г. Эйдемиллер и др.) определена конкретно-научная методология исследования.

Исследование воспитательной деятельности отцов разной национальности было построено с учетом системно-динамического подхода и включало в себя исследование следующих компонентов данной системы деятельности: мотивационно-потребностного, исполнительного и контрольно-оценочного. В исследовании приняли участие 238 отцов различных национальностей - русской, украинской, татарской, армянской, азербайджанской (выбор данных национальностей обусловлен их масштабной представленностью в исследуемом регионе). Респонденты являлись жителями крупного городского поселения города Сургута и состояли в межнациональных/национальных семьях (возраст детей участников исследования от 7 до 10 лет).

Методом анализа национальных особенностей воспитательной деятельности отца стала анкета, определяющая специфику воспитательной деятельности:

- какие национальные культурные традиции являются основой воспитания детей;
- в чем заключаются различия в воспитании ребенка отцом и матерью;
- какие используются методы и приёмы воспитания;
- какие трудности испытывает в ходе реализации своего отцовства.

Заполнение анкеты поддерживалось беседой, с помощью которой психолог оценивал представление мужчин об отцовской роли и о семейном воспитании в целом.

Таблица 1.

Показатели выраженности национальных особенностей воспитательной деятельности отца (%), (n=238)

Параметры воспитательной деятельности	Всего по выборке	Русская национальность	Украинская национальность	Татарская национальность	Армянская национальность	Азербайджанская национальность
Включенность в процесс воспитания	76	13	19	15	10	10
Понимание целей семейного воспитания	92	4	6	5	7	7
Понимание результатов семейного воспитания	72	6	6	5	5	5

Результаты опроса показали, что включенность мужчин в процесс воспитания детей достаточно высока (>60%). Респонденты осознанно включаются в процесс воспитания своих детей, признают важность отцовского вклада в развитие личности ребенка, разделяют материнские и отцовские функции воспитания. При этом не все отцы чётко осознают цель семейного воспитания (<30%), большая часть действует интуитивно, по наитию, что в итоге может привести к неожиданным результатам воспитания, ведь если чётко не определён образ желаемого результата (цель), то и конечный результат (насколько он удовлетворителен) оценить будет сложно. Также в ходе анкетирования и беседы были выделены следующие характерные для каждой национальной группы особенности воспитания:

- русские отцы (78%) считают, что главными членами семьи являются дети; в семье главную роль в воспитании детей играет мать; ответственность за воспитание детей лежит не только на семье, но и на социальных институтах (дет.садах, школах и т.п.);

- украинские отцы (67%) считают, что при воспитании детей важным является знание родного языка, любовь к труду и уважение к старшим;
- татарские (54%), армянские (63%) и азербайджанские (57%) отцы немаловажным считают приверженность обычаям, соблюдение этнических, религиозных обрядов, праздников; уважительное заботливое отношение к родителям; тесные родственные отношения.

С целью изучения мотивационно-потребностного компонента воспитательной деятельности отцов нами была использована методика «Мотивационно-потребностная сфера отцовства» (Ю.А. Токарева). Установлено, что у отцов русской национальности доминирующим мотивом отцовства является социальное одобрение (47%) – стремление получить положительную оценку, потребность в социальной оценке, признании другими. Такой отец не возражает против активного взаимодействия с ребенком, сдерживает свои агрессивные реакции, ведет себя в соответствии с ожиданиями социума от поведения отца. Доминирующим мотивом отцовства среди украинцев (44%) является мотив достижения высоких результатов в отношениях с ребенком и его развитии. Таких отцов отличает потребность в положительном детско-родительском взаимодействии, получение ребенком высоких результатов и достижение успехов в различных областях деятельности. Смысл отцовства видится в создании условий для развития ребенка и достижении им высоких результатов, раскрытии его возможностей и способностей. Среди отцов татарской национальности главным мотивом (63%) является самореализация в детях, саморазвитие – потребность отца в достижении высоких результатов в сфере собственного развития за счет реализации себя в роли отца. Отец наряду с активным взаимодействием с ребенком проявляет заинтересованность в собственном развитии, самовыражении, признании и достижении высоких результатов в материальной сфере, как показателе безопасности и защищенности. У отцов армянской (37%) и азербайджанской (41%) национальности доминирующим мотивом отцовства является самоутверждение, что отражает их потребность в проявлении власти, решительности, демонстрации ребенку своих сильных личностных качеств. Такие отцы достаточно активны в своём взаимодействии с ребенком, но ведут себя авторитарно, подчиняя ребенка своей воле и власти.

Описанные выше результаты были подвергнуты математической обработке, направленной на выявление различий в мотивационно-потребностной сфере отцов различных национальных культур с помощью U – критерия Манна-Уитни, благодаря которому были выделены значимые различия ($p < 0,05$), между всеми национальными группами отцов, кроме армянской и азербайджанской, и их доминирующим мотивом отцовства. Результаты исследования позволяют нам сделать вывод о том, что мотивы воспитательной деятельности отцов обусловлены национальными особенностями и традиционными основами воспитания ребенка.

Следующим компонентом изучения воспитательной деятельности отца стало исполнительное звено, выражающееся в стиле семейного воспитания. Средством диагностики стала Методика PARY (Parental attitude research) «Измерение родительских установок и реакций» (Е.С. Шефер, Р.К. Белл, адаптированная Т.В. Нещерет). С помощью данного метода были выделены специфические особенности, отличающие исследуемую выборку. Так установлено, что отцы русской национальности чаще проявляют оптимальный эмоциональный контакт (34%). Отцы украинской и татарской национальностей в большинстве случаев проявляют излишнюю концентрацию на ребенке (31% и 37%). Отцы армянской и азербайджанской национальностей проявляют эмоциональную дистанцию в отношениях с ребенком (31% и 33%). Применение таких средств воспитания может быть объяснено и мотивами реализации отцовства. Например, отец, стремящийся к получению положительной оценки, потребности в одобрении, признании другими, не возражает против активного взаимодействия с ребенком, сдерживает свои агрессивные реакции, ведет себя конформно, в соответствии с ожиданиями социума от поведения отца, что выражается и в реализуемом стиле воспитания, такой отец чаще будет демонстрировать оптимальный

эмоциональный контакт с ребенком, чем излишнюю эмоциональную дистанцию или, наоборот, концентрацию.

В русле системно-деятельностного подхода одним из компонентов анализа воспитательной деятельности является контрольно-оценочное звено, выражающееся в оценке социального развития ребенка, как эффекта воспитательного воздействия семьи. Средством диагностики данного компонента стала методика комплексной экспресс-диагностики социально-педагогической запущенности детей и подростков (Р.В. Овчарова). Результаты данного исследования показали следующие различия: у отцов русской и украинской национальности дети имеют высокий уровень развития как субъекта деятельности (34% и 32%), то есть отличаются положительной мотивацией к учению, проявляют учебно-познавательную активность, демонстрируют осознанность и целенаправленность обучения; у отцов татарской национальности высокий уровень развития детей как субъектов самосознания (28%), их дети имеют гармоничный образ "Я", адекватную самооценку и уровень притязаний на социальное признание, осознают себя в социальном пространстве и свой статус в нем, адекватно реагируют на социальную ситуацию, способствуя тем самым сохранению своего положения в обществе, у отцов армянской и азербайджанской национальностей дети имеют высокий уровень развития как субъектов общения (30% и 32%), их дети имеют выраженную потребность в притязании, отличаются высокой коммуникативной активностью и имеют хорошие отношения со сверстниками.

Обобщая данные теоретических исследований, следует заметить, что изучение воспитательной деятельности целесообразно строить с точки зрения системно-деятельностной теории, поскольку без знания структуры деятельности отцов из различных национальных культур, невозможно построение концептуальных моделей эффективной воспитательной деятельности отца.

В процессе исследования были выявлены следующие особенности воспитательной деятельности отцов разных национальных культур:

— Воспитательная деятельность отцов русской национальности детерминируется мотивом социального одобрения, стиль воспитания характеризуется эмоциональным контактом с ребенком, и результат воспитания выражается в развитии ребенка как субъекта деятельности.

— Воспитательная деятельность отцов украинской национальности детерминируется мотивом достижения высоких результатов в отношениях с ребенком и его развитии, стиль воспитания характеризуется излишней концентрацией на ребенке, и результат воспитания выражается в развитии ребенка как субъекта деятельности.

— Воспитательная деятельность отцов татарской национальности детерминируется мотивом самореализации в детях, стиль воспитания характеризуется излишней концентрацией на ребенке, и результат воспитания выражается в развитии ребенка как субъекта самосознания.

— Воспитательная деятельность отцов армянской национальности детерминируется мотивом самоутверждения, стиль воспитания характеризуется эмоциональной дистанцированностью от ребенка, и результат воспитания выражается в развитии ребенка как субъекта общения.

— Воспитательная деятельность отцов азербайджанской национальности детерминируется мотивом самоутверждения, стиль воспитания характеризуется эмоциональной дистанцированностью от ребенка, и результат воспитания выражается в развитии ребенка как субъекта общения.

Таким образом, нами установлено, что у отцов разных национальностей имеются различия в мотивационном, исполнительном и контрольно-оценочном компонентах воспитательной деятельности, что, на наш взгляд, может быть объяснено изначально разной направленностью мотивации отцовства, так как различия в мотивах, безусловно, находят свое отражение и в разном исполнении деятельности и, соответственно, в её результатах.

Мотивы реализации отцовства определяют направленность воспитательной деятельности отца, которая может быть либо ориентированной на решение личных задач (родителя или ребенка), либо ориентированной на решение социальных задач (соответствие ребенка требованиям общества). Знание и понимание специфики воспитательной деятельности отца позволит определить приоритеты влияния на ребенка и их результаты, а, следовательно, будет полезным при организации взаимодействия участников учебно-воспитательного процесса (педагогов, родителей) для более объективного и эффективного психолого-педагогического воздействия со стороны образовательных учреждений.

На основании исследований отечественных и зарубежных ученых, анализирующих стили воспитания ребенка, условия гармоничного развития личности, с учетом российской ментальности и образовательной системы нами определена оптимальная структура воспитательной деятельности, которая определяется в мотивационно-потребностном звене – стремлением к достижению высоких результатов в развитии ребенка, в отношениях с ним; в исполнительном звене – последовательностью в своих требованиях, эмоциональным принятием ребенка, наличием позитивных чувств и реакций, стремлением к контакту с ребенком, доверием ребенку, его силам и возможностям; в контрольно-оценочном звене – высоким уровнем социального развития ребенка, развитием ребенка как субъекта самосознания, субъекта общения и субъекта деятельности [].

Список использованных источников:

1. Агапов О. Д. Теория и практика толерантности: Этнокультурные и межконфессиональные аспекты. Казань: Познание, 2009. 56 с.
2. Афанасьева А. Б. Этнокультурное образование в России: теория, история, концептуальные основы. СПб. : Изд -во «Университетский образовательный округ Санкт-Петербурга и Ленинградской области», 2009. 296 с.
3. Государственная доктрина образования РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.rin.ru/cgi-bin/article.pl?ids=2&id=467>
4. Гурко Т. А. Феномен современного отцовства // Мужчина и женщина в современном мире: Меняющиеся роли и образы. - М., 1999. – Т.1. – 388 с.
5. Кон И.С. Современное отцовство: мифы и проблемы // Семья и школа. - 2003. - № 4. - С.17-20.
6. Овчарова Р. В. Отцовство как психологический феномен // Вестник института семьи. – 2010. - № 5. – с. 25-30.
7. Токарева Ю.А. Концепция воспитательной деятельности отца // EUROPEAN SOCIAL SCIENCE JOURNAL. – 2012. - №6 (22). – с. 278-284.
8. Шнейдер Л. Б. Семейное воспитание и воспитательный потенциал родительства // Известия Российской Академии образования. – 2015. - № 2. – с. 65-72.

Аргентова Лариса Валерьевна
канд.психол.наук,доцент,
Кемеровский госуниверситет
Социально-психологический институт
доцент кафедры психологических наук.
650000 г Кемерово, ул. Красная 6
E-mail: spi@kemsu.ru

СОВРЕМЕННЫЕ МАЧЕХИ. ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ СУПРУГОВ ОТ ПРЕДЫДУЩИХ БРАКОВ В СЕМЬЯХ ПОВТОРНОГО БРАКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема отношения современной мачехи к ребенку (детям) супруга, проживающим вместе в семье повторного брака. Отношение «мачеха - ребенок супруга» обычно рассматривается со стороны ребенка, но никогда со стороны мачехи. Доказано, что отношение мачехи к детям супруга зависит от 1. наличия у нее ребенка (детей) от предыдущих отношений, проживающих вместе с ней и 2. наличия общего ребенка, рожденного уже в новом браке. Отсутствие ребенка и опыта переживания развода у женщин является фактором улучшающим отношение неродного родителя к ребенку супруга в повторном браке. Общий ребенок сплачивает супругов. Основная проблема отношения мачех к детям супруга - неуверенное родительство, но это вполне преодолимо.

Ключевые слова: мачеха, повторный брак. отношение к ребенку супруга, когнитивный, эмоциональный, поведенческий компоненты отношения

Argentova Larisa Valeryevna
candidate of psychological sciences, associate professor,
Kemerovo State University
Associate Professor of the Department of Psychological Sciences
650000 Kemerovo, Krasnaya, 6
E-mail: spi@kemsu.ru

THE MODERN STEPMOTHER: ATTITUDE TO STEPCHILDREN IN REMARRIAGE FAMILIES

Abstract: The article features the problem of the relationship between a modern stepmother and her spouse's child (children) in a remarriage family. As a rule, the "stepmother – stepchild" relations are considered from the child's point of view, but never from that of the stepmother. The current research has revealed that stepmother's attitude to her stepchildren depends on two factors: 1) Her own child (children) from the previous relationship lives with the family; 2) There is a common child born in the current marriage. If the woman has neither a child of her own nor previous divorce experience, it significantly improves her attitude to the child of her spouse in the current marriage. While a common child usually unites spouses, uncertain parenthood remains the main problem of the stepmother – stepchildren relationship, but this problem is a minor one.

Keywords: stepmother, remarriage, attitude to spouse's child, cognitive, emotional, behavioral components of the relationship.

Слово «мачеха» у нас обычно ассоциируется со злой теткой, мучающей несчастную падчерицу (всегда трудолюбивую, скромную, красивую, послушную) при слабом, молча потворствующем злой тетке отцу девочки, никогда за нее не заступающемся. У этой злой

тетки, как правило, есть свои дети (она вдова и у нее тоже всегда дочери), некрасивые, ленивые, глупые. Мачеха мучает бедную девушку, но судьба начинает ей помогать и справедливость восстанавливается. Благодаря сказкам и фольклору в обществе сформирован стереотип злой мачехи.

Современная мачеха, какая она? Ее отношение к детям супругов традиционно плохое? Но реалии жизни нам часто говорят об обратном. Сколько людей благодарны мачехам, называя их лучшими мамами. Отношение мачехи к ребенку супруга обычно рассматривается со стороны ребенка, но никогда со стороны мачехи.

Семья с мачехой чаще всего образуется: во-первых, по причине вдовства мужчины вследствие гибели жены; во-вторых, по причине лишения матери ребенка родительских прав, нахождения ее в местах лишения свободы за разного рода правонарушения или добровольного оставления ею ребенка мужу в силу разных причин (поиски новой любви, проблемы во взаимоотношениях с мужем, убегание от бытовых трудностей и т.д.); в - третьих, в силу решения суда оставить детей с отцом ребенка при разводе родителей.

По данным Всероссийской переписи населения, проведенной Федеральной службой государственной статистики (Росстатом) в 2012 году, число семей в России, состоящих из отца с детьми, составило – 684 067 чел. Это те семьи, в которых возможно появление мачехи у детей. Одиноким отцом, согласно данным статистики, обычно это мужчина 37-40 лет, с высшим образованием, воспитывающий 1 ребенка, В США и странах Западной Европы "отцовских" семей – 10-15% от общего числа семей с одним родителем. Рекордсменом является Франция: с папами здесь живут почти 20% детей в возрасте 13-16 лет [6].

Актуальность проблемы отношения мачехи к ребенку мужа в семье повторного брака для практики психологического консультирования и работы с такими семьями не вызывает сомнений. И супруги и дети из таких семей нуждаются в помощи психолога. В то же время, работ, посвященных исследованию отношения мачехи к детям супруга очень мало в отечественной психологии (Андреева Т.В., Велента Т.Ф., Зинкевич-Куземкина Т.А., Карабанова О.А., Олифинович Н.И., Целуйко В.М., Шнейдер Л.Б.) [1;2; 7; 8; 9; 10].

Цель предпринятого исследования: изучить особенности отношения мачех к детям супругов в семьях повторного брака.

Наблюдения за реалиями жизни и огромная практика психологического консультирования позволили нам выдвинуть **гипотезу** о том, что: отношение мачехи к детям супруга зависит от 1. наличия у нее ребенка (детей) от предыдущих отношений, проживающих вместе с ней и 2. наличия общего ребенка, рожденного уже в новом браке.

Теоретико-методологической основой исследования являются: работы зарубежных и отечественных ученых по проблеме родительско-детских отношений.

Американские психологи считают, что:

- мачехи сталкиваются с большим количеством проблем, чем отчимы, из-за того, что мачехи проводят с детьми больше времени, чем отчимы [4];
- девочки хуже уживаются с мачехами, они дольше и тяжелее привыкают к ним., чаще замыкаются в себе и избегают общения [13];
- дети мачехи от предыдущего брака могут оказывать отрицательное влияние на согласие в новой семье [5];
- самая высокая адаптивность к повторному браку родителя у детей в раннем и дошкольном возрасте, самая низкая – в предпоздковом и младшем подростковом возрасте. Младшие дети легче формируют привязанность к новому члену семьи [5].
- близость во взаимоотношениях между мачехой и детьми супруга уменьшается, когда дети вступают в подростковый период, и мачеха пытается контролировать их поведение [13].
- старшие подростки легче воспринимают свои новые семьи родителей поскольку имеет место дистанцирование от родителей, которое отвечает их направленности на

автономию от семьи. При этом они обладают ресурсом эмоциональной поддержки от близких друзей и, возможно, от романтических отношений с противоположным полом. [5].

Методы исследования: методика «Родительское сочинение» О.А. Карабановой [3], «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» Е.И. Захаровой [7], Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э. Г. Эйдемиллер (АСВ) [10].

Обработка результатов Данные, полученные в ходе исследования, обрабатывались в программном пакете STATISTICA. При обработке результатов использовался процентильный анализ, сравнение выборочных средних осуществлялось при помощи непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

Характеристика выборки: Исследование осуществлялось на базе Муниципального казенного учреждения «Центр социальной помощи семье и детям г. Кемерово». В исследуемую группу вошли 78 мачех, в том числе, 29 мачех, не имеющих своих детей и впервые вступивших в брак и 49 мачех, имеющих несовершеннолетних детей от предыдущих отношений. Все семьи проживают на территории Сибирского региона (Кемеровская, Новосибирская области, Алтайский край).

Средний возраст женщин – 36 лет, средний возраст детей – 11 лет. В нашем исследовании оказались мачехи, пасынки и падчерицы которых, в основном, были детьми предподросткового и подросткового возрастов, наиболее трудных для принятия мачех и построения с ними отношений. Количество детей в исследуемых семьях 1-3 ребенка.

Вся выборка была поделена на 4 группы: 1 тип: у мачех нет своих детей от предыдущих отношений и общих детей в новой семье. Семья воспитывает несовершеннолетних детей супруга;

2 тип: семья воспитывает несовершеннолетних детей обоих супругов от предыдущих отношений, но общих детей у супругов нет;

3 тип: у мачех нет своих детей от предыдущих отношений. Семья воспитывает несовершеннолетних детей супруга и общего ребенка;

4 тип: семья воспитывает несовершеннолетних детей обоих супругов от предыдущих отношений и общего ребенка.

Родительское отношение – это сложное полиструктурное образование, которое имеет в своей структуре когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Эти компоненты отношения мачехи к ребенку супруга в семьях повторного брака разных типов и стали предметом нашего исследования.

Когнитивный компонент родительского отношения мачех изучался с помощью методики «Родительское сочинение» О.А. Карабановой. Результаты исследования представлены в Таблице 1.

Таблица 1.

Представленность показателей когнитивного компонента родительского отношения мачех по методике «Родительское сочинение»

Параметр «Родительское сочинение»	Тип семьи (ср.зн.)		Критерий U-Манна-Уитни, Uэмп.
	1	2	
Физические особенности и внешность	1 9	4,7 2	9,00; p=0,04
Перечисление знаний, умений и навыков	6 8,5	36, 5	8,50; p=0,04
Перечисление достижений, успешности	3 1	74	3,00; p=0,006
Особенности общения с родными и близкими	3 7	68	9,00; p=0,04
Интеллектуальные качества	7 0	35	7,00; p=0,02

Морально-волевые качества	6 8,5	36, 5	8,50; p=0,04
Эмоционально-волевые качества	3 6,5	68, 5	8,50; p=0,04
Формально-биографические сведения	3 4,33	12, 90	12; p=0,04
Формально-биографические сведения	1 3 4,33	3 12, 17	5,50; p=0,04
	2	3	
Особенности общения с родными и близкими	6 8	16, 65	20,50; p=0,04
Морально-волевые качества	3 6,5	13, 3	17,00; p=0,02
	2	4	
Перечисление достижений, успешности	7 4	8,1 8	38,00; p=0,04
Интеллектуальные качества	3 5	20, 77	35,50; p=0,03
Морально-волевые качества	3 6,5	15, 59	38,5; p=0,04
Перечисление знаний, умений и навыков	3 6,5	10, 11	115,00; p=0,04
Выполнение требований родителей	9 ,52	32, 40	115,50; p=0,04

Мачехи из семей 1го типа, у которых нет своих детей, значимо лучше, чем мачехи 2го типа, у которых есть свой ребенок (дети) знают детей супруга: их биографии, физические особенности и внешние данные, лучше осведомлены об их знаниях, умениях и навыках, об их достижениях, особенностях поведения, общения с родными и близкими людьми, об их интеллектуальных, эмоциональных, морально-волевых качествах.

Мачехи из повторнобрачных семей 2го типа по сравнению с мачехами 1го типа более негативно оценивают ребенка супруга, меньше проявляют к нему интерес. Ребенок мужа представляется в ее сочинениях ни на что не способным, упрямым, озлобленным, глупым, невнимательным, эмоционально неустойчивым, неопытным, трусливым, ведомым и т.п. Ситуацию во взаимоотношениях усложняет тот факт, что в исследуемых семьях детьми супруга были дети предпубертатного возраста (средний возраст детей 11 лет). Они уже многое понимают. Они помнят или знают родную мать. Супруга отца может им активно не нравиться, и они могут проявлять это открыто или вредить мачехам исподтишка. У детей - подростков (падчериц и пасынков) могут быть обиды на отца: быстро утешился. Пока жена болела (особенно если это было продолжительно) у некоторых из отцов появились новые отношения, которые потом актуализировались. В свою очередь, у мачех нет или меньше стимулов инвестировать свое время и другие ресурсы в ребенка супруга такого возраста по сравнению с родным ребенком, а также может иметь место ревность, обиды на мужа, оказывающего внимание родному ребенку, тратящего на него «семейные» деньги и внимание, особенно в сравнении с ее родным ребенком. Ребенок супруга может быть похож на мать, бывшую жену супруга, олицетворять неприятные моменты становления семьи, быть напоминанием.

Мачехи из семей 1го типа в целом лучше осведомлены о пасынках также по сравнению с мачехами из семей 3го типа, где у супругов родился уже общий ребенок.

Если сравнивать представления о ребенке мачех из семей 2го типа, где у мачех есть свой ребенок, но нет общего ребенка с мачехами семей 3го типа, где у супругов родился общий ребенок, то их результаты будут хуже. Ребенок супруга оказывается хуже по таким параметрам как «особенности общения с родными и близкими людьми» и морально-волевые качества». Ребенок мужа в их сочинениях представляется ни на что не способным, путающим буквы, упрямым, озлобленным, глупым, невнимательным, эмоционально неустойчивым, неопрятным, трусливым, ведомым и т.п. Хотя между супругами отношения улучшаются.

Мачехи из семей 2го типа, где у мачех есть свой ребенок, но нет общего ребенка в сравнении с мачехами из семей 4го типа, где совместно проживают дети мачехи и супруга, и общие дети (вариант расширенной семьи) были более благожелательны в описании пасынков и падчериц. Они дали больше положительных оценок их интеллектуальным и морально-волевым качествам.

Исследование эмоционального компонента родительского отношения мачех в семье повторного брака

Эмоциональный компонент в структуре родительского отношения отражает чувства родителей по отношению к ребенку, переживания по поводу собственной родительской роли, степень удовлетворенности ею, а также доминирующий эмоциональный фон, сопровождающий их взаимодействие. Эмоциональный компонент отношения мачех изучался с помощью методики «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» ОДРЭВ Е.И. Захаровой. Результаты исследования представлены в Таблице 2.

Таблица 2.

Представленность эмоционального компонента родительского отношения в семьях повторного брака по методике ОДРЭВ Е.И. Захаровой

<i>Параметр ОДРЭВ</i>	<i>Тип семьи (ср.зн.)</i>		<i>Критерий U-Манна-Уитни, Уэмп.</i>
	<i>1</i>	<i>2</i>	
Ориентация на состояние ребенка в общении	,56	2,50	8,50; p=0,04
Преобладающий эмоциональный фон общения	,66	2,87	17,00; p=0,04
Стремление к телесному контакту	,93	3,00	12,50; p=0,02
Стремление к телесному контакту	,93	3,20	29,50; p=0,01
Оказание эмоциональной поддержки	,66	2,79	38,50; p=0,03
Ориентация на состояние ребенка в общении	,56	2,75	40,00; p=0,04

Мачехи из семей 1го типа по сравнению с мачехами из семей 2 го, 3го и 4го типа в целом лучше чувствуют состояние ребенка, больше стремятся к телесному контакту, оказывают эмоциональную поддержку, лучше чувствуют состояние ребенка.

Таким образом, в семьях, где у мачехи, пришедшей в семью, еще нет детей ни от предыдущего, ни от нынешнего брака более развита способность понимать эмоциональное состояние ребенка супруга, выше чувствительность к его эмоциональным состояниям, имеет место умение ориентироваться на это состояние и воздействовать на него при построении взаимодействия с ребенком, а также стремление к телесному контакту. Как правило, это не юные девушки, а зрелые женщины, готовые к материнству, не имеющие своих детей, но

желающие иметь семью, воспитывать детей. Молодые девушки намного реже соглашаются на брак с вдовцом или мужчиной, проживающим со своим несовершеннолетним ребенком (детьми), понимая, что нужно много вкладывать сил и средств в неродного ребенка, когда у них в планах рождение своего ребенка и может быть не одного. В то время как на разведенного мужчину, оставившего своего ребенка (детей) с женой, может быть сколько угодно желающих женщин, в зависимости от брачных притязаний женщин и от статусных, материальных возможностей мужчины, на которые женщины традиционно больше обращают внимание, в расчете на помощь мужа в выращивании ребенка.

Поведенческий компонент родительского отношения проявляется в действиях, реакциях и поступках родителя, в формах и способах взаимодействия с ребенком, особенностях семейного стиля родительского воспитания и дисциплинарных воздействий. Поведенческий компонент родительского отношения определялся с помощью методики «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Эйдемиллера. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Представленность поведенческого компонента родительского отношения в семьях повторного брака по методике АСВ Эйдемиллера

<i>Характеристики поведенческого компонента</i>	<i>Тип семьи (ср.зн.)</i>		<i>Критерий U-Манна-Уитни, Uэмп.</i>
	<i>2</i>	<i>3</i>	
Гиперпротекция	2,00	3,43	126,50; p=0,006
Потворствование	2,00	3,34	139,0; p=0,016
Чрезмерное предъявление требований	1,95	3,21	137,0; p=0,014
Недостаточность санкций	1,52	3,04	128,0; p=0,007
	2	4	
Гиперпротекция	2	3,54	300,50; p=0,001
Потворствование	2	3,67	291,50; p=0,001
Недостаточность санкций	1,52	3,4	248,50; p=0,0001

Отношение мачех к детям супруга в семьях повторного брака 3го типа, где у супругов появляется общий ребенок, по сравнению с мачехами из семей 2го типа, где у супругов есть дети от предыдущих отношений с обеих сторон, но общего ребенка нет, характеризуются противоречивостью: с одной стороны, в их отношении имеет место чрезмерное предъявление требований, которые не соответствуют возможностям ребенка и не только не содействуют полноценному развитию личности, но напротив, могут представлять риск психотравматизации, а с другой, - потворствование, гиперпротекция.

В семьях 4го типа, в которых вместе воспитываются дети обоих супругов и общий ребенок в сравнении с семьями 2го типа, где у супругов есть дети от предыдущих отношений с обеих сторон, но общего ребенка нет, тип воспитания ребенка мачехой характеризуется чрезмерной заботой, посвящением множества сил, времени и внимания воспитанию ребенка супруга, а также проявлением воспитательной неуверенности. Мачехи боятся сопротивления детей и находят довольно много поводов уступить им, потворствуют в стремлении ребенка к максимальному и некритическому удовлетворению любых его потребностей, объясняя это исключительностью ребенка, оправданиями того, что ребенок рос без матери и т.д. В таких случаях мачехи предпочитают обходиться либо вовсе без наказаний, либо применяют их весьма редко, уповая на поощрения.

Таким образом, неродные матери, с одной стороны, ограничивают самостоятельность ребенка супруга, с другой – не могут установить четкие требования и правила, что затрудняет формирование внутренних границ личности.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

Результаты исследования оправдали разделение нами семей повторного брака на 4 типа, исходя из наличия/отсутствия детей от предыдущего брака у обоих супругов и наличия/отсутствия совместных детей.

Основной проблемой в отношении мачехи к ребенку супруга является неуверенное родительство, характеризующееся сочетанием строгости с попустительством, требовательности с равнодушием.

И все - таки мачехи теперь другие, как и отцы. При этом многое определяется позицией отца, его отношении к ребенку и женщине, которую он выбирает в качестве пусть и неродной, но матери ребенку.

Отсутствие ребенка и опыта переживания развода у женщин является фактором улучшающим отношение неродного родителя к ребенку супруга в повторном браке. Эти данные говорят об ухудшении отношения к неродному ребенку в связи с наличием у мачехи своих детей от предыдущих отношений.

Совместный ребенок, рожденный уже в новом браке, более любим женщиной, чем ребенок супруга и по всем характеристикам находится в более выгодном положении, нежели пасынок (падчерица). Неродным детям очень трудно конкурировать с общим ребенком, рожденном уже в новом браке. В то же время общий ребенок сплавивает супругов.

Серьезной проблемой, осложняющей отношения мачехи к ребенку к пасынку/падчерице, может быть ситуация, когда мать ребенка (детей) супруга добровольно оставила их или находится в местах лишения свободы, лишена родительских прав и т.д. Здесь мачехе приходится иметь дело с ребенком «раненым» жизнью, нервным, измученным, по-своему любящим и защищающим непутевую мать или уже имеющим нарушения дисциплины, плохие результаты учебы. Не будем забывать и о том, что мать ребенка в любую минуту может вмешаться в жизнь семьи и воспитание ребенка, делать попытки вернуть ребенка, настраивать его против мачехи. Это осложняет жизнь семьи и требует от женщины (мачехи) огромного терпения и любви к ребенку. Мачехи обычно тяжело переживают подобные ситуации, и нередко дальнейшие отношения с ребенком складываются на фоне постоянного столкновения характеров, в отношении враждебности. Но на родных детей, даже очень плохо относящихся к матери, матери, как правило, не обижаются, жалеют ребенка, оправдывают его. Другое дело мачеха. Ситуация мачехи переносится женщинами тяжело также в силу вынужденного постоянного контакта с неродными детьми, реальной заботы и ответственности за них.

Да, она не мать. Но может стать ребенку самым близким человеком. Бывает, что и лучше кровнородственной матери. Результаты исследования дают оптимизм. И мачехи теперь другие и отцы. Да, имеет место неуверенное родительство мачех, но это вполне преодолимо и во многом зависит, опять-таки, от того, способна ли женщина в принципе любить детей, от ее нравственных качеств.

Здесь многое зависит также от позиции мужа, отца ребенка, его нравственных качеств, линии поведения, а также от меры согласованности позиций супругов по проблемам семейной жизни, от их способности любить и прощать.

Список использованных источников:

1. Андреева Т.В. Семейная психология: учеб. пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 244 с.
2. Аргентова Т.Е., Аргентова Л.В., Колотилина В.В. Повторный брак как феномен современной социальной жизни. / Монография. - Кемеровский госуниверситет. – Кемерово, 2015. – 109 с.
3. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
4. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. - СПб.: Питер, 2011. - 940 с.
5. Кратохвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний: Пер. с чешск. - М.: Медицина, 1991. - 336 с.

6. Материалы Всероссийской переписи населения, проведенной Росстатом в 2012 году, [электронный ресурс] – Режим доступа.
URL: <https://ria.ru/spravka/20100806/262415478.html>
7. Олифиревич Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. — СПб.: Речь, 2006. — 360 с.
8. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи. – М.: Владос, 2006. – 212 с.
9. Шнейдер Л.Б. Семейная психология. – М: Когито-Центр, 2005. – 484 с.
10. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2009. – 672 с.
11. Cartwright C., Gibson K. The effects of co-parenting relationships with ex-spouses on couples in step-families // Family Matters, № 92, 2013, pp.18-28.
12. Hetherington E. M., Bridges M., & Isabella G. M. What matters, what doesn't. Five perspectives on the association between divorce and remarriage and children's adjustment // American Psychologist, 53, 1998, pp. 167–183.
13. Hetherington, Clingempeel. Handbook of Family Communication University of Texas at Austin Lawrence Erlbawn Associates. - Mahwah, New Jersey London. - 2004. 793p
14. Marriage, Family, & Stepfamily Statistics. Интернет ресурс. Режим доступа: URL: <http://www.smartstepfamilies.com/view/statistics>
15. Teachman J., Tedrow L. The demography of step-families in the United States // The international handbook of step-families: Policy and practice in legal, research, and clinical environments Hoboken, - NJ: John Wiley. – 2008, pp. 3-29.

Дубровина Ирина Владимировна
действительный член РАО,
доктор психологических наук, профессор,
главный научный сотрудник
ФГБНУ «Психологический институт РАО»,
125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4
iv.dubrovina@yandex.ru

СЕМЕЙНАЯ СРЕДА КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ У ДЕТЕЙ МОДЕЛИ РОДИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Анализируется проблема влияния особенностей семейной среды ребенка на становление модели его будущего родительского поведения. Показано, что решающую роль играет не структура семьи, а направленность личности и ведущие мотивы жизни и деятельности самих родителей. Подчеркивается важность социально-педагогической поддержки процесса гендерного и семейного самоопределения подростков и их психологического просвещения в системе школьного образования.

Ключевые слова: семейная среда, подготовка к семейной жизни, образ родительства, психологическое благополучие, психологическая культура.

Dubrovina Irina Vladimirovna
Full Member of RAE,
Ph. D., Professor, Chief Researcher
FGBNU “Psychological Institute of Russian Academy of Education”
125009 Moscow, Mokhovaya str., 9, p. 4
e-mail: iv.dubrovina@yandex.ru

FAMILY ENVIRONMENT AS THE CONDITION FOR FORMATION OF A PARENTING MODEL IN CHILDREN

Annotation. The article deals with the problem of influence of child’s family environment on the formation of his/her future parenting model. It is shown that it is not the structure of the family that plays the decisive role, but parents’ personality orientation and the leading motives of their life and activities. It is emphasized how important it is to support the process of gender and family self-determination of adolescents and provide psychological education at school.

Key words: family environment, preparing for family life, parenting image, psychological well-being, psychological culture.

Современная семья – самый чувствительный показатель духовного и социального здоровья общества. Семья является сложнейшим социальным объединением, с которым так или иначе связана жизнь каждого из людей. Ребенок с момента рождения ежедневно видит вокруг себя в семье живую действительность и непосредственно участвует в ней, он слышит суждения и оценки родителей, наблюдает их отношение к другим людям и друг к другу. Домашний быт – общий жизненный уклад, определенная система межличностных отношений, культурный контекст и ценностные установки этой жизни – многое определяют в личностном развитии ребенка. Более того, человек формируется и как будущий семьянин тоже, в отчем доме. «Следует задуматься, - замечает В.П. Зинченко, - не является ли то, что Л.С. Выготский называл социокультурным контекстом развития, духовным укладом, который начинает усваиваться в раннем детстве» [4, с. 419].

Наверное, самое ценное, что получает ребенок в семье, это ощущение себя нужным, любимым, это дает ему спокойствие и уверенность в отношениях с окружающим миром, он к нему тоже относится с доверием и любовью. Родительская любовь создает основу для позднейших гуманных и благожелательных отношений человека к людям. Чувство любви есть тот общий фон, который упорядочивает и оживляет все остальные чувства, формирует и обогащает эмоциональный мир ребенка, позволяет ему соприкоснуться с такими чувствами, как человеколюбие, великодушие, милосердие, бескорыстие и пр.

Основным условием нормального развития ребенка является спокойная и доброжелательная обстановка, внимательное отношение к его развивающимся потребностям, общение с ним, совместные игры, деятельность и пр.

Для детей опаснее всего разрушение нормальной семейной среды. На основе анализа результатов многочисленных исследований в различных странах мира эксперты Всемирной организации здравоохранения убедительно показали, что нарушения психического здоровья гораздо чаще отмечаются у детей, которые растут в условиях семейного разлада. Таких семей, к сожалению, много, и нередко «разлад» приводит к распаду семьи, и возникают так называемые неполные семьи.

Неполная семья образуется вследствие расторжения брака, или внебрачного рождения ребенка, или смерти одного из родителей. Каждая из разновидностей неполных семей имеет и много общего, и свои особенности [2, с. 6].

Часто неполная семья образуется в результате развода. Поводы для развода могут быть самыми разными. Иногда развод желателен для родителей и объективно необходим ребенку. Это относится к тем семьям, где «присутствуют» грубость, насилие, скандалы, аморальное поведение и т. п. У детей из подобных семей оказывается полностью неудовлетворенной основная потребность детского возраста – потребность в любви и внимании со стороны родителей. Это неминуемо приводит к напряженным переживаниям ребенка, которые становятся основой для формирования его характера и отношений с окружающими.

Иногда разводы возникают по несущественным причинам и необоснованным поводам, из-за неумения понять другого, нежелания простить и пр. Чаще всего с ребенком (детьми) остается мать. Развод для взрослых – это болезненное, порой драматическое переживание, но идут они на него сознательно.

Для ребенка расставание родителей – это всегда трагедия, связанная с разрушением привычной среды обитания. Для него это сильнейшее потрясение, последствия которого могут проявиться или немедленно, или потом – в подростковом, юношеском и даже во взрослом возрасте. Если дети еще маленькие (не старше 2-3 лет) прошлая жизнь, может быть, не окажет на них такого сильного влияния, какое она оказывает на более старших. Дети в возрасте 4-6 лет переносят развод родителей очень тяжело. Они не способны понять всего происходящего в семье и переживают отсутствие отца (матери), даже если сами и не выражают открыто своих чувств. Больше того: ребенок воспринимает уход отца (матери) как отказ от него, ребенка, и нередко обвиняет во всем себя.

Ребенок в 6-10 лет может испытывать к разведенным родителям агрессию, злость и долго не проходящую обиду. Например, девочка 6 лет: «Мама, почему ты мне не выбрала другого папу? Может быть, он бы любил меня, как Таню любит ее папа».

На подростка развод родителей оказывает самое глубокое, чаще всего отрицательное влияние: он начинает хуже учиться, становится более замкнутым, отдаляется от родителей, товарищей, нередко сближается с нежелательной компанией и пр.

Отношения ребенка с товарищами, учителями, соседями нередко портятся из-за расспросов, сплетен, его нежелания отвечать на вопросы об отце (матери). Поэтому взрослым людям эти дети иногда кажутся «трудными», резко отличающимися от своих одноклассников. Взрослому человеку не всегда легко «заглянуть» в мир такого ребенка. Люди, порой не задумываясь о последствиях своих слов, подчеркивают, что тот или другой ребенок – из «распавшейся семьи». Низкую успеваемость ребенка в школе учителя нередко

объясняют обидным для него шаблонным суждением, что он из неполной семьи, то есть «безотцовщиной».

Между тем, воспитание ребенка в неполной семье нельзя считать «ущербным». Это нормальное воспитание, но осуществляется оно в более трудных условиях. Стараясь предоставить своим детям наиболее благоприятные условия, мать вынуждена много работать, и времени на ведение хозяйства и воспитание детей у нее остается гораздо меньше, чем в полной семье. Возникает много педагогических проблем. Эти проблемы, прежде всего, касаются психической стороны развития детей, их психологического благополучия [2, с. 3-6]. В связи с этим, хотелось бы обратить внимание на несколько моментов.

Очень важно, чтобы ребенок понимал, что происходит в семье. Нельзя сохранить в секрете от ребенка свои нарушенные отношения. Умолчание и полуправда очень опасны. Любой ценой дети стремятся получить скрываемую от них информацию. Ребенку важно знать, что его ждет, будет ли он встречаться с ушедшим родителем, как будут складываться его отношения с бабушкой, дедушкой и другими родственниками и т.д. Все это ему должен рассказать человек, которому он верит. Важно поговорить с ним спокойно, без драматических сцен. Ребенок постепенно привыкает к своему положению, если знает правду с самого начала.

Не следует, говоря с ребенком об ушедшем родителе, отмечать только его отрицательные стороны, чтобы дети считали его (ее) плохим. Важно, чтобы дети поняли, что все люди разные, и что, создавая семью, совместную жизнь друг с другом, они порой не могут договориться. Но не потому, что кто-то плохой, кто-то хороший, а потому, что по-разному воспринимают те или иные явления, события жизни: как значимые для одного и не очень значимые – для другого. Главное, ребенок должен быть уверен в том, что его по-прежнему любят оба родителя.

Иногда балуют ребенка только потому, что он живет без отца (или матери), подчеркивая тем самым его «сиротство». Постоянные напоминания об этом могут вызвать у ребенка или комплекс неполноценности, или усиленный эгоизм. И то, и другое вредно для развития его личности и для его психологического здоровья. Для ребенка полезнее, когда он ощущает себя равноправным членом и семьи, и детского коллектива, и общества в целом [2, с. 40].

Воспитывая детей в неполной семье, не следует создавать культ самопожертвования. Детям, особенно подросткового возраста, не нравятся постоянные замечания матери о ее жертвах ради них, частые напоминания о том, что она для них сделала и делает.

Психологи и педагоги справедливо подчеркивают: мнение, что женщина, оставшаяся с ребенком (детьми) одна, все свои силы, способности и возможности должна посвятить только ребенку, - мнение не правильное. Такое положение дел может иметь неприятные последствия и для матери и для ребенка. Ребенок вырастет, пойдет своей дорогой, и мать останется одна. А если у выросшего ребенка не останется сил идти своей дорогой, это означает, что мать где-то ошиблась в воспитании. В первом случае мать приносит жертву сыну (дочери), во втором – ребенок приносит жертву матери. Поэтому, считают ученые, желательно, чтобы каждая одинокая мать стремилась создать независимую жизнь рядом с жизнью своего любимого ребенка, конечно, постоянно занимаясь заботой о нем и о его воспитании.

В целом, не структура семьи определяет особенности психического развития и формирования личности ребенка, а направленность самих родителей, ведущие мотивы их жизни и деятельности. Что они хотят от жизни? Как ее понимают? Развита ли у них чувства любви, ответственности за семью, за судьбу ребенка (детей)?

Распад брака – это, чаще всего, недостатки общего процесса воспитания, нравственного развития, ответственности вступивших в брак молодых людей, их неподготовленности к браку. Признавая большое значение подготовки молодежи к жизни, педагоги, родители, психологи основное внимание уделяют формированию мировоззрения юношей и девушек, выбору ими будущей профессии, специальности. Вопросы – «куда пойти учиться?», «как

стать хорошим специалистом?» и т.п. – центральные в разработке проблемы самоопределения и подготовки молодежи к жизни. Между тем, один из важнейших аспектов самоопределения взрослеющего человека - формирование его психологической готовности к созданию в будущем собственной семьи.

Неверно предполагать, что человек, достигший определенного возраста, готов к созданию семьи. Брак для двух молодых людей может оказаться не просто воплощением романтической мечты «быть вместе и в горе и в радости», но может стать настоящим испытанием на прочность характера и чувств. У молодых людей могут возникнуть психологические трудности. Юноша и девушка как бы переходят из одного мира отношений в другой. До брака их отношения были больше похожи на дружеские. Дружеские же отношения – это неофициальные, необязательные отношения, они существуют только потому, что есть потребность в их сохранении. Отношения мужчины и женщины также чаще всего возникают сначала как дружеские, а потом, после заключения брака, становятся официальными. Супружеские отношения по содержанию остаются неофициальными, а по форме становятся официальными. Молодые люди берут на себя определенные обязательства друг перед другом, ответственность за семью, за детей. По словам К. Маркса, «никто не принуждает к заключению брака, но всякий должен быть принужден подчиняться законам брака, раз он вступил в брак» [6, с. 12].

Супружество предъявляет определенные требования к поведению и поступкам молодоженов, оно в той или иной степени ограничивает индивидуальную свободу, приносит ежедневные хлопоты. Рождение детей ставит новые проблемы перед супругами. И вот этот переход от некоторой необязательности к ответственности не для всех юношей и девушек совершается сразу и безболезненно.

Поэтому одним из важных аспектов самоопределения растущего и взрослеющего человека является формирование его психологической готовности к созданию своей семьи. Психологическая готовность, включает в себя осознание юношей и девушкой того, что регистрация брака есть не завершение, а лишь начальный этап на пути создания семьи. Понимание того, что счастье семьи во многом зависит от того, насколько молодые люди осознают правовую и нравственную основу брака. И, конечно, насколько у них развита способность быть по-настоящему любящим, то есть способность любить человека ради него самого. По замечанию С.Л. Рубинштейна, способность любить является признаком эмоциональной и личностной зрелости человека, показателем культуры его личности [8, с. 16]. Уместно вспомнить предупреждение В.А. Сухомлинского: «Труднейшая страница человеческой мудрости – это постичь умом и сердцем, что значит любить так, чтобы был счастлив тот, кого ты любишь, чтобы счастливым приходил в мир тот, кого порождает любовь. От того, как будут овладевать молодые поколения этой великой мудростью, зависит не только личное счастье. От этого зависит нравственная чистота и счастье всего общества» [7, с. 143].

Создание собственной семьи – личный выбор каждого человека. Но этот выбор требует достаточной личностной зрелости, способность принять на себя ответственность за него. Поэтому к семейной жизни человека надо психологически готовить, как к очень сложной деятельности. Я.Л. Коломинский пишет: «Чтобы получить права на вождение транспортного средства, человек проходит специальную подготовку, а на борт сложнейшего семейного корабля, где муж с женой оказываются и за штурвалом, и на капитанском мостике, он входит, имея в своем арсенале лишь опыт жизни в родительском доме. Немудрено, что довольно часто этот корабль не выдерживает жизненных волнений и бурь ...» [5, с. 139].

Конечно, можно ответственность за такую подготовку возложить на родительскую семью. Важность семьи в подготовке ребенка к будущей семейной жизни неоспорима. Но, как известно, семьи бывают разные. И семья может выступать в качестве как положительного, так и отрицательного фактора воспитания. Есть явно неблагополучные семьи. Грубость, скандалы, аморальное поведение родителей провоцируют развитие у детей и подростков агрессивности, пренебрежения к достоинству личности. Есть так называемые

внешне «благополучные» семьи: в одних из них процветает потребительство и бездуховность, что формирует у ребенка гипертрофированные материальные, престижные потребности, в других – отсутствуют эмоциональные связи ребенка с родителями, что ограничивает его положительные эмоциональные впечатления и переживания. Главное, в жизни многих детей отсутствует любовь как явление культуры, как тип нормальных отношений между людьми.

Школа – государственное образовательное учреждение, а государство не может не быть заинтересованным в подготовке молодого поколения страны к семейной жизни. В школе следует больше внимания уделять формированию самоопределения школьников и в этом «семейном» направлении жизни. Обращать внимание учителей и родителей на такую сторону развития самосознания подростков, как осознание себя представителем определенного пола. Еще Л.Фейербах указывал, что осознание индивидом себя в качестве мужчины и женщины является непременным условием успешного развития личности.

В подростковом возрасте быстрый физический рост и половое созревание производят заметные изменения во внешнем и внутреннем мире подростка, у него возникают новые ощущения, чувства, переживания. Начинают проявляться чувства симпатии к представителям противоположного пола, появляются увлечения, привязанности, первая любовь. Подросток чаще всего остается один на один с возникающими в связи с этими новыми ощущениями, мыслями, переживаниями, потребностью понять самого себя.

Существующие в школе программы, методы учебной и воспитательной работы, характер общения и пр. не предусматривают создания особой системы представлений ребенка, подростка о себе как человеке определенного пола. Эта система представлений, включающая специфические для мальчиков и девочек потребности, мотивы, ценностные ориентации, отношения к представителям другого пола и соответствующие этим образованиям формы поведения, во многом складывается стихийно, под влиянием поведения и отношений сверстников, родителей, других взрослых. Сейчас особенно – под влиянием телевидения, интернета, глянцевого журналов и пр. «В настоящее время в нашей стране сложилась переломная ситуация, когда существующие традиционные стереотипы маскулинности и фемининности уже устарели, а новые еще не успели сложиться. В такой ситуации острее, чем в стабильной культуре, перед молодым поколением встают вопросы выборов половой идентичности, адекватного формирования представлений о межличностных эмоционально значимых отношениях, о личностных качествах и характеристиках потенциального полового или брачного партнера» [9, с. 4].

В плане психологической подготовки школьников к семейной жизни, безусловно, полезны и специальные лекции, беседы, и реализация программ по проблемам полового просвещения, семьеведения и пр. Но главное, такая подготовка должна заключаться в развитии их личности, повышении уровня их нравственного развития и ответственности.

В настоящее время, осуществляя задачу нравственного воспитания подрастающего поколения, и в семье, и в школе мало внимания обращают на самую суть его – на воспитание чувства любви к людям, направленности на другого человека. У многих детей не формируется умение внимательно относиться к потребностям других людей, заботиться о близких, развивается эгоистическая мотивация. Как показывают психологические исследования, такую внутреннюю позицию человек может сохранить и создав собственную семью.

Семейная жизнь имеет свою специфику, в ней встречаются мужчина и женщина, которых связывают и высокие нравственные отношения, и половое влечение, что вместе и означает любовь. Умение и желание понять окружающих людей, учитывать их интересы, вкусы, настроения, привычки являются непременным условием благополучия семейной жизни. «Именно опыт, приобретенный в детстве, формирует такие основные феномены, как порядочность и чистоплотность, самодисциплина и самоотверженность, которые, в свою очередь, влияют на поведение человека в рамках последующих половых отношений» [1, с.11]. Недостаточный уровень духовного развития подростка к моменту полового созревания

приводит, как свидетельствуют описанные в литературе факты, к конфликту между чувственностью и возвышенной платонической любовью. В такой ситуации, как пишет Т.А. Флоренская, «существуют различные возможности: половое созревание может привести к сексуальной доминанте и, следовательно, к аномалии в развитии личности – к эгоцентризму и потребительству. Но, другой стороны, половое созревание «совпадает» с такими новообразованиями в развитии личности, как рефлексия, самоанализ, повышенная сензитивность к нравственным проблемам, что является залогом нормального развития личности» [10, с.59, 60].

Потому воспитательная работа со старшеклассниками в пору романтических увлечений отрочества и ранней юности приобретает форму социально-психологической поддержки процесса полового и семейного самоопределения [9].

Конечно, эффективным методом воспитания личности детей и подростков, в том числе и полового воспитания, было бы полноценное психологическое образование школьников. Л.С. Выготский писал в связи с проблемой полового воспитания: «...нет никаких путей для этики, которые не были бы проложены через психологию. Этические усилия и заключаются во владении природными влечениями, говорящими в человеке. В этом смысле та свобода воли, которую необходимо предполагает этическое решение, заключается в господстве над самим собой, основанном на правильном понимании природной необходимости. Нужно иметь известный психологический опыт для того, чтобы овладеет собой. Это длительное и трудное искусство, которому надо долго учиться, вероятно, труднейшее из всех остальных искусств овладения природой» [3, с. 140].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 17-06-00036 «Образ детства у современных родителей как фактор выбора формы обучения ребенка»

Список использованных источников

1. Борман Р. Молодежь и любовь. – М., 1975.
2. Воспитание детей в неполной семье. Перевод с чешского. – М., 1980. – 205 с.
3. Выготский Л.С. Педология подростка. – М., 1929.
4. Зинченко В. П. Психологические основы педагогики. – М., Гардарики, 2002. – 431 с.
5. Коломинский Я.Л. Познай самого себя. Минск, 1981. – 143 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: В 39-ти тт. – Т. 1 – М., 1955.
7. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. – М., 1971. - 286 с.
8. Рубинштейн С.Л. Человек и мир /Проблемы общей психологии. - М., 1976.
9. Черникова Т.В., Камышанова И.В. Возраст первой любви. Воспитание чувств. – М., 2006. – 182 с.
10. Флоренская Т.А. Любовь как основа брака /Психолого-педагогические проблемы воспитания детей в семье и подготовки молодежи к семейной жизни. Под ред. И.В. Дубровиной. – М., 1980. – 165 с.

Афанасенкова Елена Леонидовна
кандидат психологических наук, доцент,
Сахалинский государственный университет,
доцент кафедры психологии
693008 г. Южно-Сахалинск, Ленина, 290
E-mail: el_afa@mail.ru

КОРРЕКЦИЯ СТРАХОВ У ДЕТЕЙ И ТРЕВОЖНЫХ СОСТОЯНИЙ У ПОДРОСТКОВ В РЕСУРСНОМ ПОЛЕ СЕМЬИ

Аннотация. В статье рассматриваются психологическая сущность, содержание, причины, виды детских страхов и тревожных состояний подростков. Устанавливаются значимые различия между категориями: тревога, тревожность, страх. Обосновывается важная роль семьи в процессе преодоления ребенком – подростком тревожных состояний. Уточняется и раскрывается содержание понятий: ресурсное поле семьи и родительские ресурсы. Объясняется специфика, роль и значение профилактической и коррекционной работы в семье с детской и подростковой тревожностью. Описываются конкретные виды такой работы: «Трансформация страхов в рисовании по кругу» (вид изотерапии) и «Написание синквейна» (вид библиотерапии) как техник арт-терапии.

Ключевые слова: страх, детские страхи, тревога, тревожность, тревожное состояние, подростковая тревожность, ресурсное поле семьи, родительские ресурсы, коррекция, профилактика, коррекционно-развивающая работа в семье, воспитательно-профилактическая работа в семье, арт-терапия, изотерапия, библиотерапия, синквейн.

Afanasenkova Elena Leonidovna
candidate of psychological Sciences, associate Professor,
Sakhalin State University,
Associate Professor of the Department of Psychology
693008 Yuzhno-Sakhalinsk, Lenin, 290

CORRECTION OF FEARS IN CHILDREN AND ANXIETY IN ADOLESCENTS IN A RESOURCE FAMILY

Abstract. The article deals with the psychological nature, content, causes, types of children's fears and anxiety of adolescents. Significant differences between categories are established: anxiety, anxiety, fear. The important role of the family in the process of overcoming anxiety by a teenage child is substantiated. Clarifies and reveals the content of concepts: the resource field of the family and parent resources. The specificity, role and importance of preventive and correctional work in the family with child and adolescent anxiety is explained. The specific types of such work are described: "transformation of fears in drawing in a circle" (type of isotherapy) and "writing cinquain" (type of bibliotherapy) as a technique of art therapy.

Key words: fear, children's fears, anxiety, anxiety, anxiety, teenage anxiety, the resource field of the family, parental resources, correction, prevention, correctional and developmental work in the family, educational and preventive work in the family, art therapy, isotherapy, bibliotherapy, cinquain.

В. А. Сухомлинский писал «Ребенок – зеркало семьи, как в капле воды отражается солнце, так в детях отражается нравственная чистота матери и отца». Сегодня семья как один

из самых важных социальных институтов, обеспечивающих не только рождение детей, но и их воспитание, подготовку к жизни – переживает достаточно серьезный кризис.

С одной стороны, современные родители достаточно «продвинуты» во многих вопросах, включая проблемы психологии взросления, воспитания и обучения детей и подростков. Несомненно, большая часть из них имеет хорошее образование, четкое понимание его необходимости и для своих детей. Бытовые условия жизни среднестатистической российской семьи сегодня также вполне достойные. Но в ситуации общественной нестабильности: экономической, политической, правовой, социальной, духовно-нравственной и др. – представления о традиционной семье, ее составе и устройстве, функциях, ценностях, правах и обязанностях членов семьи значительно изменились и продолжают меняться. Поэтому сегодня так много негативных явлений в этой сфере жизнедеятельности человека: неполные семьи как нормальное явление (причем все чаще в такой семье единственным родителем является – отец), движение чайлдфри (сознательное нежелание супругов иметь детей в семье, в том числе в законном браке), нетрадиционные семьи (их вариативность сегодня очень велика), родительский инфантилизм (нежелание и реальное непонимание важности выполнения родительских обязанностей), изменение содержания понятия неблагополучная семья (часто экономически больше чем хорошо обеспеченные семьи являются абсолютно психологически неблагополучными для воспитания детей и подростков: ранняя наркомания и алкоголизация, вседозволенность, отсутствие авторитетов и нормальных жизненных ориентиров, потребительская психология и т. п.), изменение представлений о ролевом поведении в семье отца и матери (стремление женщины в первую очередь реализовать себя в деятельности, а не в воспитании детей, а мужчины – к свободному и праздному образу жизни без серьезных обязательств) и др. Все это конечно обуславливает серьезный рост социально-психологических проблем, неблагополучия и неврозов в детской и подростковой среде.

По данным Росстата за 2016-17 гг.³ лишь 9,2% молодых людей (с 13/14 до 17/18 лет) соблюдают общепринятые и обязательные нормы и правила, а за остальными необходим постоянный контроль. В системе ценностей у современных подростков на втором месте после ценности «семья» (девушки – 78,4 % от опрошенных, юноши – 51,7 %) стоит как ценность (!) – «личная выгода» (девушки – 41,2 % от опрошенных, юноши – 55,2 %), а «любовь» и «дружба» на третьем и четвертом месте соответственно. При этом для девушек намного важнее семья, чем для юношей, для последних «личная выгода» и «семья» как ценности практически равны, но выгода – важнее!

Приоритеты в области интересов и занятости в свободное время у современных школьников имеют следующую иерархию: интернет – 1 место (66 %), занятия спортом и общение с друзьями – 2 место (44 %), просмотр телевизионных передач – 3 место (33 %), кино – 4 место (11 %). На первое место вышел интернет, причем это преимущественно виртуальное общение в соцсетях, что порождает проблему формирования эффективных навыков коммуникации в живом общении, в том числе со сверстниками. Гипертрофированным чувством одиночества страдает более 32% современных детей и подростков, каждый восьмой из них не имеет близких друзей.

Статистика смертности молодежи (от 13/14 до 16/18 лет) в России показывает, что более 90% самоубийств приходится на неблагополучные семьи. Мысль о самоубийстве появляется у 45% девушек-подростков и 27% юношей-подростков. Уровень депрессии среди подростков составляет 20%.⁴

По результатам лонгитюдного исследования школьников с 2005 по 2015 гг. (426 детей) экспертами НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный научно-практический центр здоровья детей» Минздрава РФ было установлено, что в I-ю

³ Данные из материалов статьи «Статистика молодежи» на сайте Вавилон. 07 ноября, 2017 г. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: // <https://vavilon.ru/statistika-molodezhi/>

⁴ Там же.

(абсолютно здоровые) и во II-ю (практически здоровые) группы входят 43% и 44% первоклассников, среди 11-классников абсолютно здоровых детей уже нет, а доля «практически здоровых» составляет лишь 34%. К моменту окончания школы всего 2,5% выпускников являются относительно здоровыми, а 97,5% соответственно имеют разнообразные проблемы со здоровьем. В группу самых распространенных отклонений в развитии детей и подростков наряду с нарушениями сердечно-сосудистой и костно-мышечной систем, органов дыхания вошли *расстройства нервной системы и психической сферы*. По сравнению с началом 1990-х годов состояние здоровья учащихся ухудшилось в 2,4 – 2,7 раза, а хронические болезни стали встречаться чаще на 40-70%. При этом специалисты фиксируют значительный рост числа психосоматических заболеваний.⁵

По данным Минздрава каждый день в России в среднем рождается примерно 4950 детей: 2423 девочек и 2527 мальчиков, лишь 25% новорожденных из них полностью здоровы. 35% детей рождаются с врожденными заболеваниями, а около 50% имеют те или иные психологические отклонения.⁶ Чаще всего речь идет о разных формах неврозов, в основе которых чаще всего лежит повышенный уровень тревожности и разнообразные устойчивые виды страхов у детей и подростков.

Для того чтобы понять природу подобных проблем в детском и подростковом развитии необходимо разграничить и уточнить содержание таких понятий как тревога, тревожность, тревожные состояния (подростковая тревожность), страх (детские страхи).

В толковом словаре психиатрических терминов *тревога* (от англ. anxiety «беспокойство», «опасение», «боязнь») трактуется как «аффект, возникающий в ожидании неопределенной опасности, неблагоприятного развития событий» [3, с. 345]. В психологии *тревога* рассматривается как «переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного, предчувствием грозящей опасности» [5, с. 504].

Понятие *тревожность* впервые было введено З. Фрейдом (1925), который различал «конкретный страх (Furcht) и неопределенный, безотчетный страх – тревожность, носящую глубинный, иррациональный, внутренний характер (Angst)» [5, с. 504].

Сегодня под *тревожностью* в психологии понимают индивидуальную психологическую особенность, которая проявляется «в склонности человека к частым и интенсивным переживаниям состояния тревоги, а также в низком пороге его возникновения» [5, с. 505]. По мнению М. Кордуэлла *тревожность* – это «чувство страха и мрачные предчувствия, которые сопровождаются усиленной и продолжительной физиологической активацией» [12, с. 342].

И. Вачкова считает, что «*тревога* – это эмоциональное переживание, а *тревожность* – психологическая особенность, устойчивое свойство человека, характерная для него черта» (Вачков, 2004). Именно тревожные люди часто переживают тревожные состояния.

Термин *общий адаптационный синдром (ОАС)*, сегодня *тревожное состояние* был предложен Г. Селье в связи с изучением феномена стресса. Он рассматривал его как схему физиологической реакции организма на стрессовые ситуации. В современной психологии под *тревожным состоянием / явлением тревожного ряда* – понимают «эмоциональные состояния, закономерно сменяющие друг друга по мере возрастания и нарастания состояния тревоги» [5, с. 504]. Как видно из представленного выше понятия тревога и тревожность – часто характеризуются через категорию «страх», но данная дефиниция имеет собственное значение и особенности.

По этому поводу И. Вачкова считает, что, во-первых, страх провоцируется конкретной угрозой, а тревожность является безобъектным переживанием. То есть в отличие от страха

⁵ Данные из материалов статьи «Минздрав: в России не осталось здоровых старшеклассников» из газеты «Известия», Лента.ру, МИР24 от 20.06.2017 // Интернет-газета «Столетие» Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.stoletie.ru/lenta/minzdrav_v_rossii_ne_ostalos_zdorovyh_starshklassnikov_249.htm

⁶ Данные из материалов статьи «Статистика о детях» на сайте «Все про здоровье и развитие деток» // Vseprodetok.ru: [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://vseprodetok.ru/statistika-o-detyax/>

как реакции на конкретную, реальную опасность, тревожность является переживанием неопределенной, диффузной, безобъективной угрозы, порой просто воображаемой. Во-вторых, «страх возникает, когда нечто грозит самому существованию человека, целостности его организма, то есть в случае «витальной угрозы», а тревожность – когда, опасность связана с разрушением ценностей человека, его отношений с другими людьми, его потребностей, ...когда угроза является личностной». В-третьих, от страха человек ведет себя либо стенически (невероятная активность: убегает со скоростью спринтер-чемпиона и т. п.), либо астенически (общее оцепенение, ступор). «Тревожность обычно порождает другой способ реагирования – недифференцированную поисковую активность». В-четвертых, страх является базовой фундаментальной эмоцией, и поэтому устроен проще, чем тревожность, «которая рассматривается как некая «надстройка», формирующаяся на основе страха в комбинации с другими базовыми эмоциями, а потому имеющая более сложную организацию». В-пятых, И. Вачков, опираясь на концепцию Ф. В. Березина, указывает, что интенсивность переживания эмоционального состояния определяет различия в них. При этом эмоциональные переживания по степени своей выраженности имеют определенную иерархию и закономерно сменяют друг друга. То есть по мере нарастания состояния тревоги выделяются «ощущение внутренней напряженности, раздражительность, собственно тревога, страх, ощущение неотвратимости надвигающейся катастрофы, тревожно-боязливое возбуждение» (И. В. Вачков, 2004).

А. И. Захаров выделяет следующие различия между тревогой и страхом: 1) тревога – сигнал опасности, а страх – ответ на нее; 2) тревога – это предчувствие, страх – чувство опасности; 3) страх обладает тормозящим воздействием на психику, тревога – возбуждающим. При этом тревога характерна в первую очередь для людей с холерическим темпераментом, а чувство страха – для лиц с флегматическим темпераментом; 4) стимулы тревоги имеют неопределенный и абстрактный характер, стимулы страха всегда носят определенный и конкретный характер, образуя психологически замкнутое пространство; 5) для тревоги характерна проекция в будущее, для страха характерен перенос в настоящее травмирующего опыта из прошлого (как воспоминание об опасности, угрозе); 6) тревога – это рациональный (когнитивный) и левополушарный феномен, страх – эмоциональный, иррациональный и правополушарный феномен; 7) тревога – социальна по своей природе, страх – обусловлен инстинктивной (врожденной) формы психического реагирования при наличии угрозы [10, с. 2-3.].

Таким образом, *страх* – это «чувство внутренней напряженности, непосредственной опасности для жизни в ожидании угрожающих событий, действий» [3, с. 332]. При этом по А. С. Спиваковской, это «специфическое острое эмоциональное состояние, особая чувственная реакция, * которая вызывается всегда конкретной и близкой, уже наступившей опасностью» [21, с. 12]. По мнению А. И. Захарова страх всегда является индивидуальным отражением «в сознании конкретной угрозы для жизни и благополучия человека. Страх основан на инстинкте самосохранения, имеет защитный характер и сопровождается определенными физиологическими изменениями высшей нервной деятельности» – учащение пульса, затруднение дыхания, нарушения давления, покраснение – побледнение кожных покровов, потливость и т. п. [10, с. 6].

Для систематизации представлений об иерархической последовательности возникновения тревожных состояний и понимания различий между ними А. М. Прихожан выделила шесть уровней по силе интенсивности переживания человеком чувства тревоги (А. М. Прихожан, 2000):

1-й уровень: ощущение внутренней напряженности выражается в переживаниях напряженности, настороженности, дискомфорта. Это ощущение не несет в себе признака угрозы, а служит сигналом приближения более выраженных тревожных явлений. Данный уровень тревоги имеет наибольшее адаптивное значение.

2-й уровень: гиперстезические реакции сменяют ощущение внутренней напряженности или присоединяются к нему. Ранее нейтральные стимулы приобретают значимость, а при

усилении – отрицательную эмоциональную окраску. На этом основывается недифференцированное реагирование, определяемое как раздражительность.

3-й уровень: собственно тревога – проявляется в переживании неопределенной угрозы, чувстве неясной опасности.

4-й уровень: страх, который возникает при нарастании тревоги, проявляется в опредмечивании, конкретизации неопределенной опасности. При этом объекты, с которыми он связывается, не всегда отражают реальную причину тревоги или действительную угрозу.

5-й уровень: ощущение неотвратимости надвигающейся катастрофы – возникает в результате продолжающегося нарастания тревоги и выражается в переживании невозможности избежать опасности, неминуемой катастрофы, ужаса. При этом данное переживание связано не с содержанием страха, а лишь с нарастанием тревоги. Подобные переживания может вызывать и неопределенная, но очень сильная тревога.

6-й уровень: тревожно-боязливое возбуждение выражается в потребности двигательной разрядки, паническом поиске помощи. Дезорганизация поведения и деятельности, вызываемая тревогой, достигает при этом своего максимума.

Несмотря на то, что непосредственной причиной тревоги, страха могут быть остро и длительно действующие психические травмы (длительная разлука, затяжная болезнь, внезапная смерть близкого и т. п.), немотивированное состояние повышенной тревожности (ситуация неопределенности, нестабильности и т. п.), опредмеченный страх (боязнь собак, пауков и т. п.), локализованный страх, относящийся к определенной ситуации (боязнь высоты, замкнутых пространств и т. п.) – тревога и страх, несомненно, имеют определенные возрастные закономерности возникновения, протекания и выражения. В связи с этим в современной психологии достаточно обосновано говорят о детских страхах и подростковой тревожности. Так Е. Н. Коренева указывает, что страх и боязнь – характерны для детей дошкольного возраста, а тревожность и опасения – для подросткового. При этом она считает, что в младшем школьном возрасте страх и боязнь, тревожность и опасения могут быть представлены в одинаковой степени (Е. Н. Корнеева, 2000).

Страхи у детей появляются вместе с развитием их познавательной деятельности, когда ребенок растет и начинает исследовать окружающий мир. При этом жизненный опыт ребенка только формируется и он еще очень мал, а инстинкт самосохранения, являясь врожденным и сильно выражен как условие его нормального развития, вот почему страх является одной из самых распространенных реакций в детском возрасте.

А. Л. Венгер отмечает, что *детские страхи* – это «эмоциональные реакции детей на ситуации или объекты, которые воспринимаются ими как опасные (угрожающие). Детские страхи вызывают у детей дискомфорт, возбуждение, желание избегнуть соответствующей ситуации, убежать или спрятаться. Первичная эмоция страха наблюдается уже у новорожденных. Затем детские страхи социализируются и возникают как реакция на новые объекты и ситуации» [7, с. 20].

Дети с 2–3 лет начинают различать людей как своих и чужих, поэтому у них часто формируется *страх чужих людей*, а также *страх разлуки с близкими* (прежде всего с матерью), вне их видимости ребенок начинает испытывать сильную тревогу и беспокойство (яркая негативная эмоциональная реакция при разлуке с матерью, когда ребенок начинает ходить в детский сад, особенно если это приходится на возраст до 3-х лет). Самостоятельно преодолеть собственные страхи в таком возрасте ребенок еще не может, поэтому помощь взрослого здесь – необходимое условие детского благополучия. С 2–3 лет у детей чаще всего появляются: *страх боли; боязнь врачей; страх высоты; страх темноты; ночные страхи*. Непроработанные и закрепившиеся в психике ребенка страхи могут оставить свой отпечаток на всю его жизни. В 3–5 лет у детей аккумулируются *ночные страхи*, а также *боязнь сказочных персонажей* (включая мультики, фильмы и т. п.). В возрасте 4–5 лет гипертрофируется *страх одиночества (смерти)*, как признак внутриличностного конфликта у взрослеющего ребенка: уйти и расширить поле своего развития или остаться и продолжать испытывать комфорт от чувства защищенности, что обусловлено процессом сепарации от

родителей и преодоления сильной эмоциональной привязанности – зависимости от них. В этот же период формируются опредмеченные страхи, чаще всего как результат травмирующих событий: страх животных/ насекомых (укус собаки/ паука и т. п.), страх боли (последствия лечения зубов и т. п.) и другие. В 5–7 лет, когда идет подготовка к школе, ребенок готовится к овладению новой социальной ролью, а затем становится учеником. Его привычный круг общения сменяется новым, появляются новый значимый взрослый – учитель, новые друзья, обязанности в школе и *страхи* ребенка начинают *носить социальный характер*: боязнь учителя/ей, страх ответа у доски, страх получить двойку и т. п. В новой обстановке ребенок начинает испытывать дискомфорт, стеснение, неуверенность в себе, и если не прорабатывать страхи в этом возрасте, они будут только прогрессировать. У детей этого возраста часто наблюдается *страх публичного выступления, страх быть изгоем в классе* и т. п. В период с 7 до 11 лет эти страхи могут усиливаться и становиться устойчивыми и даже привести к неврозам.

При этом надо понимать, что страхи у детей выполняют и **положительные функции**: *охранительную* (мобилизует внутренние силы: физические, психологические – на преодоление реальной угрозы, на сопротивление страху, помогает увести от опасной ситуации и избежать излишнего риска); *адаптивную* (чувство осторожности в новой ситуации, с незнакомыми людьми, предметами и т. п.); *регуляционно-приспособительную* (нежелание вновь испытать пережитый страх, формирует умения владеть и управлять собой при его наличии), *социально-обучающую* (негативное переживание формирует соответствующий опыт). Нормальное взросление и формирование ребенка, его правильное воспитание в семье и школе приводит к естественной коррекции тревожных состояний у детей и к преодолению у них страхов, обусловленных возрастом. В этом случае страх выступает эмоцией, которая способна подстегивать личное и социальное поступательное и преобразующее развитие. Напротив, низкий порог тревожности или вовсе отсутствие страха свидетельствует о каком-либо патологическом отклонении в развитии ребенка.

Однако если в процессе формирования ребенка что-то нарушается, идет не так, то **страх** приводит к серьезным **негативным последствиям** в его развитии: формирует вегетативные нарушения, мышечные зажимы; приводит к сужению сознания в сложной ситуации и усиливает импульсивное поведение; парализует волю, приводит к возникновению чувства бессилия, сковывает инициативу, сдерживает самостоятельность и свободу ребенка, снижает уверенность в себе, делает ребенка зависимым и беспомощным, приводит к неоправданной внешней агрессией, к деструктивным реакциям на страх: бегству или торможению (ступору); усиливает восприятие реальной опасности или провоцирует придумывание нереальной угрозы (извращает восприятие действительности); приводит к личностным изменениям: развитию негативных черт – тревожность, трусость, аутоагрессия и т. п.; формированию особого типа личности – тревожно-боязливый; возникновению нарушений в психоэмоциональном развитии: фобий, неврозов и т. п.; негативно влияет на воспитание и обучение; приводит к искажению процесса онтогенетической социализации, развитию социально-психологической изоляции личности; снижает чувство радости от жизни и т. п. Страхи, которые отличаются устойчивостью, являются наиболее опасными и в целом тормозят развитие потенциальных возможностей личности ребенка. Именно с ними и надо работать как на уровне семьи, так и с помощью специалистов. И в этой работе очень важно понимать причины страхов и знать их виды.

К наиболее частым причинам появления страхов у детей относят: 1) негативный опыт, т. е. конкретный случай, который напугал ребенка, 2) индивидуально-типологические психологические особенности ребенка: темперамент, характер, возраст, пол и т. п., 3) неправильное воспитание в семье: запугивания, эмоционально яркие рассказанные страшных истории; тревожность и агрессивность родителей; гиперопека; стиль взаимоотношений в семье, игнорирование и пренебрежение к ребенку, недостаток родительского внимания: бесконтрольный просмотр фильмов, увлечение компьютерными играми (сайтами); отсутствие принятия и проявления теплых чувств к ребенку и т. п., 4) бурно развивающаяся

детская фантазия, 5) конфликты в семье, 6) взаимоотношения со сверстниками, 7) психические расстройства ребенка (невроз, шизофрения и т. п.).

Чаще всего у детей выделяют **три вида страхов** по предмету его направленности особенностям его протекания, продолжительности, силе и причине возникновения.

1. **Сверхценные страхи** – самый распространенный вид страхов, которые являются результатом бурного развития фантазии ребенка. Появляются в определенных обстоятельствах, постепенно распространяются, охватывают все мысли и переживания ребенка, например, *страх темноты*, в которой детское воображение поселяет ужасных ведьм, оборотней и призраков, сказочных персонажей; *страх потеряться, нападения, воды, огня, боли, резких звуков* и т.п. Часто эти страхи базируются на боязни, родившейся через эмоциональные переживания связанные с различными сказочными персонажами и мультипликационными героями. *Страх смерти родителей* – часто встречающийся детский сверхценный страх, зачастую порожденный самими же взрослыми.

2. **Навязчивые страхи** – рождаются в определенных, конкретных ситуациях, когда ребенок боится обстоятельств, к которым эти ситуации могут привести, например, страх высоты, закрытых/ открытых пространств и др. Эти страхи легко провоцируют панику.

3. **Бредовые страхи** – возникновение страха не поддается логическому объяснению. Связь с объектом/ ситуацией носит необычно-опосредованный характер. Это самая тяжелая форма страха, причину его появления в силу его алогичности найти почти невозможно: почему ребенок боится играть с какой-то игрушкой или не хочет надевать какую-то одежду. Например, малыш боится надевать определенные ботиночки, потому что когда-то в них поскользнулся и упал, больно ударившись, и теперь опасается повторения ситуации, в утрированном виде это может сформироваться страх обуви.

Критериями выявления страхов у детей является наличие в их поведении постоянного беспокойства; трудностей в концентрации внимания; мускульного напряжения чаще в области лица и шеи; раздражительности; нарушений сна и т. п. Если в поведении ребенка одновременно присутствуют 2–3 критерия, то он тревожен и находится в зоне риска.

Для подросткового возраста больше характерно проявление не страхов, а тревожных состояний или уже тревожности как устойчивой черты личности.

Подростковая тревожность – отрицательно окрашенное эмоциональное состояние, которое характеризуется избыточной склонностью к переживаниям, опасениям и беспокойству. Этот «специфический вид тревожности, проявляющейся во взаимодействии подростка с различными компонентами окружающей среды и закрепляющейся в этом взаимодействии. В ее формировании можно условно выделить как ситуационные (собственно взаимодействие с компонентами окружающей среды), так и индивидуальные (темперамент, самооценка и т. д.) предпосылки» (И. И. Топоева, 2014). Такое понимание тревожности согласуется с разделением ее на два вида Ч. Спилбергером *ситуативную*, характеризующую изменение психоэмоционального состояния подростка в конкретный момент времени, и *личностную* – как относительно устойчивое личностное качество, определяющее в целом реакции подростка на тревожные именно для него ситуации.

Возраст 12–16 лет является достаточно сложным, это не только этап возрастного кризиса, полового созревания, но и окончательного перехода от мира детства к миру взрослых, т. е. этап личностного становления. «Протекание подросткового кризиса сопровождается рядом возрастных особенностей: бурное эмоциональное развитие в совокупности с эмоциональной незрелостью (взрывные эмоции, импульсивное поведение, ...низкая эмпатичность и др.); формирование высших чувств и системы внутренних ценностей (амбивалентность переживаний и поведения: внимательность – поразительная черствость, болезненная застенчивость – крайняя развязность, нежная привязанность – показная независимость ... и т. п.); недостаточно развитое умение контролировать собственное поведение, соразмерять желания и возможности в удовлетворении своих потребностей, повышенная внушаемость (органическая нестабильность НС); гипертрофированная потребность в самоутверждении и желание стать взрослым

(эмансипация от родителей; новое отношение к учению; нестандартный внешний облик, крайняя самонадеянность и безапелляционные суждения в отношении окружающих и т. п.); формирование чувства «Мы» (реакция группирования со сверстниками, ...поиск своей референтной группы); активное развитие воображения и стремление к творчеству (неконтролируемое фантазирование, а порой и склонность к вранью, уход в «неформальные» виды творчества – граффити и др.); базальная возрастная потребность в понимании и принятии (конфликты с взрослыми, нереперентными сверстниками «Вы меня не понимаете!!!»); формирование вторичных половых признаков, гормональные изменения, мощные конституциональные изменения (сексуальное плохо контролируемое и понимаемое влечение; чувствительность к оценке посторонних своей внешности и т.п.)» [2, с. 151].

Подростки, хотят самоутвердиться, поэтому стремятся везде проявлять себя с лучшей стороны и поэтому любую неудачу воспринимают с тревогой. Вызвать боязнь могут неудачи в спорте, творчестве и т. п. У подростков с 11-12 и до 16-17 лет преобладает тревожность в области социальных взаимодействий. Подростковую тревожность, прежде всего, порождают:

- требования, ставящие подростка в зависимое положение, подчеркивающие его бесправность (противоречие с устойчивой потребностью подростка быть взрослым и быть признанным взрослыми, в первую очередь значимыми взрослыми – родителями);
- ситуация игнорирования подростка в семье, его актуальных потребностей, нужд, желаний, проблем;
- повышенная тревожность самих родителей, гиперопека подростка;
- стремление родителей делать всё «правильно», завышенные требования к подростку, превышающие его реальные возможности;
- противоречивые требования к подростку со стороны членов семьи, отсутствие единства в их требованиях;
- постоянное сравнение достижений подростка с братьями, сестрами, другими членами семьи, с более успешными сверстниками;
- отсутствие эмоциональной поддержки и принятия, прежде всего, в семье;
- низкий статус в среде сверстников, негативное отношение с их стороны, боязнь быть непринят, оказаться подвергнутыми публичному осмеянию, осуждению, унижению;
- недостаточная успешность в учебной деятельности, боязнь ошибок, выступать публично, боязнь экзаменов, предвзятости учителя, выбора профессии и т. п.;
- тревожность, связанная с изменением своей внешности, боязнь отношений с противоположным полом и многие другие.

При этом все виды тревожных состояний ухудшают работоспособность подростков, потому что беспокойство не поддается их контролю, из-за этого с ним трудно справиться. Тревожные подростки, как правило, не уверены в себе, у них крайне нестабильная самооценка (чрезмерно заниженная или завышенная, или амбивалентная). Неуверенный, тревожный подросток всегда мнителен, что порождает его недоверие к окружающим. Такая особая подростковая нестабильность и уязвимость – являются благодатной почвой для формирования и развития у них большого количества тревожных состояний и переживаний. С ними подростку подчас в одиночку очень трудно справиться, вот почему для детей этого возраста так важна психологическая поддержка, принятие в их ближайшем социальном окружении и особенно в семье. «Подросток в определенной мере является лакмус контролем благополучия и социального здоровья как общества в целом, так и его ближайшего социального окружения в частности. При наличии травмирующих, разрушающих еще крайне нестабильную психику факторов социальной среды, которые превосходят его компенсаторные возможности, в поведении несовершеннолетнего начинают появляться те или иные отклонения» [2, с. 150].

Однако объективно обусловленный, адекватный и контролируемый уровень тревожности у подростка способствует его личностному росту, улучшает уровень его социальной адаптации, в тоже время сниженный или завышенный уровень тревожности

оказывают крайне неблагоприятное влияние (блокирующее, расторможенное, дезорганизирующее и др.) на личностное развитие и поведение подростка.

Вот почему важно понимать, что последствия не переработанных в период детства и подростничества страхов и тревожных состояний побуждают личность к бегству, поиску защиты, спасения, к импульсивным, порой неадекватным реакциям и т. п., все это может привести к их закреплению и углублению в психике растущего человека и серьезно осложнить его жизнь уже в зрелом возрасте. Поэтому данные состояния нужно и предупреждать, и корректировать, а для этого необходимо детям и подросткам создавать благоприятную, психологически комфортную среду в их ближайшем социальном окружении, и прежде всего в семье. Ведь даже работа со специалистом носит фрагментарный характер, а все его рекомендации и поддерживающую атмосферу необходимо создавать непосредственно в семье ребенка – подростка, опираясь на ее ресурс. Ресурс – это все то, что может помочь человеку, группе людей, которым он доверяет, достичь желаемого результата даже в ситуации наличия препятствий.

Исходя из концепции человеческих ресурсов, В. А. Бодров выделил следующие устойчивые характеристики подобной системы: 1) она в любой момент должна обладать определенным количеством возможностей по преобразованию решаемой задачи, проблемы, 2) деятельность такой системы должна опираться на достаточное количество ресурсов и уметь эффективно их применять, 3) решаемая задача конкретным человеком в такой системе должна опираться на такую информацию и собственные возможности личности, соотношение которых обуславливает ресурсообеспеченность деятельности по разрешению проблемы, 4) функция деятельности в этой системе характеризуется соотношением качества рабочей информации (как результата сопоставления условий выполнения задачи и возможностей субъекта) и величиной ресурсов [4, с. 208]. Семья как социальный институт, как пространство и необходимое условие для нормального поступательного развития ребенка (детей), несомненно, обладает этими характеристиками.

С нашей точки зрения *ресурсное поле семьи* – это совокупность потенциальных возможностей всех членов семьи, при котором каждый выступает ресурсом для другого в процессе реализации всех функций семьи как социального института. С целью создания максимально эффективных условий для воспитания детей и реализации личностного потенциала каждого члена семьи, как в ее границах, так и за ее пределами в многообразной системе социально-общественных отношений с ориентацией на перспективное развитие, включая проблемные ситуации и ситуации преодоления субъективных и объективных трудностей на пути достижения этой цели. В частности по преодолению проблем в развитии детей, в решении этой задачи особенно важны родительские ресурсы.

По мнению М. И. Илюшиной и О. В. Артемовой *родительские ресурсы* – это «совокупность, система внутренних и внешних условий, способствующих устойчивости личности в стрессогенных ситуациях, обеспечивающих качественное воспитание, и способствующих эффективному развитию детей и самой личности» (Илюшина М. И., Артемова О. В., 2016). Согласно их же точке зрения *структура родительских ресурсов* включает в себя следующие элементы:

I. Общественно-социальные ресурсы: общество (семья, работа), искусство и творчество, природа.

II. Внутриличностные ресурсы: мудрость, любовь, вера, надежда, душевные силы, юмор, адекватная самооценка, самоконтроль, саморазвитие (мы позволили себе, опираясь на логику критериев ресурсов, перенести данные качества из 3-го во 2-й пункт) **эмоциональная (стрессовая) устойчивость и низкая конфликтность, коммуникативная компетентность, доброта, умение прощать (себя и другого), самодисциплина и ответственность, высокая рефлексия, психологическая гибкость, умение ценить себя и другого*⁷ и т.п.

⁷ Знак – * и курсив в тексте статьи – авторские дополнения.

III. Человеческие внутренние ресурсы, по нашему мнению речь идет о **природных и когнитивно-познавательных ресурсах*: здоровье, интеллект, любознательность, позитивное мышление, умение приспосабливаться (**высокая адаптивность, например, социальная*).

IV. Педагогические ресурсы (**по нашему мнению психолого-педагогические ресурсы, т. к. педагогические и воспитательные воздействия в семье основываются на знании особенностей психологии конкретного ребенка/ детей и собственных психологических особенностях, возможностях*): педагогические знания, а также **умения и навыки, специальные знания, информационные ресурсы, *воспитательные способности, креативность (способности к творческому преобразованию методов, приемов и способов воздействия для развития, воспитания и обучения детей и подростков), умение работать в команде, навыки консолидировать усилия всех членов семьи для достижения общих психолого-педагогических целей*.

V. Родительский капитал: дети (сами дети, общение с ними, совместный досуг), опыт (**супружеский и родительский опыт в первую очередь*).

VI. Родительский потенциал, т. е. **способность каждого родителя, членов семьи и семьи в целом к анализу, конструктивной критике, объективной оценке (себя, другого, ситуации, обстоятельств и т. п.), к позитивно-конструктивным изменениям и перспективно-поступательному развитию*.

Обладая такими ресурсами, семья вполне может, во-первых, осуществлять воспитательно-профилактическую работу по предотвращению формирования и развития детских страхов и подростковой тревожности, во-вторых, самостоятельно или под руководством специалиста осуществлять коррекционно-развивающую работу по позитивной переработке и преодолению страхов – тревожности у детей и подростков.

Профилактика в медицине (от греч. prophylaktikos «предохранительный») – это «совокупность мероприятий, направленных на предупреждение развития заболевания или его рецидива» [3, с. 258]. *Профилактика* в психологии – это «использование совокупности мер, разработанных для того, чтобы предотвратить возникновение и развитие каких-либо отклонений в развитии, обучении, воспитании» подрастающего поколения в первую очередь [9, с. 90]. Трактовка данных понятий объединяется тем, что это процесс рассматривается как предотвращение, предупреждение возникновения негативных явлений, процессов в частности в психике, а, следовательно, в личностном развитии, поведении детей и подростков. Поэтому под *воспитательно-профилактической работой в семье* – мы будем понимать деятельность, направленную на предупреждение возможного неблагополучия в психическом и личностном развитии детей и подростков, на создание максимально благоприятных психолого-педагогических, социально-психологических условий для этого развития с учетом их возрастных, гендерных, индивидуально-личностных особенностей.

Но если проблемы уже возникли, то необходима не профилактика, а коррекция (от лат. соггестіо «исправление», «поправка»), т. е. исправление тех или иных недостатков. Коррекция может быть и *педагогической*, и *социально-педагогической*, и *психологической*. Первая предполагает использование «комплекса учебно-воспитательных мер, которые направлены на преодоление у детей отклонений, связанных с психическими процессами: познавательными, эмоциональными и волевыми» [9, с. 45]. Вторая – применение «системы социально-педагогических мер, направленных на исправление (частичное или полное) процесса и результата социального развития и воспитания ребёнка, воспитательной деятельности в семье, образовательном учреждении, центре досуга и пр.» Третья, т. е. *психокоррекция* – понимается как «деятельность по исправлению (корректировке) тех особенностей психического развития, кои по принятой системе критериев не соответствуют «оптимальной» модели» с использованием многообразных методов психотерапии, практической психологии, в частности арт-терапии [20, с. 182].

Учитывая широкие возможности ресурсного поля семьи мы считаем, что в ней можно осуществлять не только отдельно профилактическую и коррекционную разного плана и уровня работу с детьми и подростками, но и *коррекционно-развивающую*, т. к. процесс

взросления, формирования психики, личностного развития детей очень сложный, и родителям приходится одновременно решать задачи разного порядка. То есть с одной стороны заниматься предупреждением негативных образований в психике и личности своих детей, с другой осознанно корректировать уже то, что возникло как негативное образование или последствие негативных воздействий путем их проработки (ребенок не замкнут только на систему отношений в семье – это и двор, и детский сад, и школа, и друзья – сверстники, и СМИ, и т. п.), в третьей – развивать полезные и важные личностные качества, ресурсы ребенка для его поступательного полноценного гармонического развития. Это позволит ему, опираясь на них, купировать собственные недостатки и формировать положительный опыт по их преодолению, а это основы саморазвития, самокоррекции и самосовершенствования! Ведь «именно в детстве, отрочестве закладываются базовые характеристики личности: отношение к миру, другим людям, самому себе, общая направленность личности, социальные установки, поло-ролевая направленность и др.» [1, с. 28]. И здесь нужно понимать, что «ребенок, подросток находится еще в процессе развития, личностного становления и, значит, шансов на ресоциализацию (перевоспитание) у него гораздо больше, чем у взрослого. ...Важно, чтобы в этот момент с подростком был социально-адаптивный зрелый, значимый для него взрослый, через которого ребенок, подросток увидит альтернативу деструктивному поведению, и через которого ощутит всю силу эмоционального принятия и психологической поддержки» [1, с. 31-32]. И самый лучший вариант, если этим взрослым/ми будет родитель/ли!

Исходя из вышеизложенного, по нашему мнению *коррекционно-развивающая работа в семье* – это создание благоприятных житейски-бытовых, психолого-педагогических, духовно-нравственных, эмоционально-положительных (оптимистических) условий для оптимального развития ребенка – подростка и самого взрослого (родителем не рождаются, а становятся) как равных участников единой семейной системы отношений, среды и создание эффективных условий для исправления нарушений нормативности возрастного развития, а также для нормального развития полноценной ресурсной личности.

К особенностям коррекционно-развивающей работы в семье можно отнести:

- опора на положительные качества личности ребенка – подростка в воспитании и взаимодействии с ними, при этом важно создавать ситуации успеха, уметь находить положительное в их поведении, и все взаимодействие с ними строить, учитывая это;
- включать детей в интересную и увлекательную, а подростков в значимую и привлекательную для них деятельность;
- доброжелательность, глубокая доверительность и уважение во взаимоотношениях с детьми и подростками с ориентацией общения «на равных», особенно в творческих видах совместной деятельности и игре;
- создание достаточно устойчивой положительной психологической атмосферы в семье в ежедневном бытовом общении;
- совместные виды деятельности выполнять преимущественно в игровой или познавательно-творческой форме привлекательной для ребенка – подростка;
- при совместной деятельности с детьми – подростками, анализе результатов их работы, например, творческой, родители должны использовать безоценочные суждения в сочетании с психологическим подбадриванием;
- для достижения развивающего эффекта, необходимо неоднократно выполнять определенные задания (особенно эффективные в той или иной конкретной ситуации для конкретного ребенка – подростка), но каждый раз на более высоком уровне сложности.

Такая работа может строиться в разных направлениях в зависимости от актуальности конкретной проблемы, задачи, которую предстоит решать в ресурсном поле семьи: *просветительская деятельность* (информационно-разъяснительная, особенно в новых, незнакомых ситуациях), *сублимирующая деятельность* (перевод, например, тревожно-агрессивных форм поведения в социально одобряемые: нормативное, спортивное и т. п.),

творческо-преобразующая деятельность (рисование, музыка, языковое творчество: стихи, сказки, рассказы и т. п., театральное творчество и т. п.), *индивидуальная и совместная (групповая) деятельность* и т. п.

При этом надо знать чего **нельзя делать** в такой работе с тревожными детьми – подростками: 1) наказывать ребенка – подростка за его страхи/ тревогу, 2) высмеивать страхи и беспокойства детей – подростков, насмехаться над ними, пытаться уличить их в притворстве, глупости, фантазерстве, вранье и т. п., 3) не пытаться насильно поместить ребенка – подростка в ту ситуацию, которая у него вызывает страх, особую тревогу, 4) не позволять бесконтрольно смотреть фильмы ужасов, играть в устрашающие по сюжету и героям компьютерные игры, «зависать» на опасных для детской психики сайтах, читать книги или журналы со страшными сюжетами.

Работа в семье по профилактике и преодолению детских страхов, подростковой тревожности может строиться в два этапа: 1) «Диагностика» предмета страха, природы тревоги и их причин, т. е. выяснение того, что страшит ребенка, вызывает у подростка чувство тревоги, например, через наблюдение за его поведением в естественных условиях, доверительную беседу, совместную деятельность и т. п.; 2) Собственно коррекционно-развивающая работа: опережающее или занимательное информирование; чтение, анализ сказок, просмотр фильмов, придумывание историй, написание стихов и т. п. – которые будут выполнять функцию опосредованного преодоления или переработки конкретных переживаний ребенка – подростка; трансформирующее рисование; совместные игры позитивной сублимирующей направленности; разыгрывание мини-спектаклей (кукольный театр, театр теней и т. п.); обучение саморефлексии и саморегуляции, в частности через личный пример родителя; преобразование страха с помощью юмора (смеха); работа с гармонизацией самооценки через создание ситуации успеха, «личной победы» и т. д.

Для примера мы хотим предложить две практические формы работы с детьми и подростками по преодолению страхов и тревоги в ресурсном поле семьи.

Одним из действенных и эффективных методов работы с данной проблемой является *арт-терапия* как метод практической психологии, позволяющий осуществлять мягкую психокоррекцию тех или иных нарушений в развитии личности посредством использования художественных приемов и творчества, таких как рисование, лепка, музыка, фотография, кинофильмы, книги, актерское мастерство, написание стихотворных форм, историй и др. *Целью арт-терапии* является гармонизация психического состояния через развитие способности к самовыражению и самопознанию. *Ценность* применения искусства в арт-терапии состоит в том, что с его помощью можно на символическом уровне выразить, исследовать, переработать и трансформировать самые разные чувства и эмоции: ненависть, обиду, злость, тревогу, страх и др. *Сущность* арт-терапии заключается в том, что содержание внутреннего «Я» человека, его «смутных» переживаний переносится во внешний план, отражаясь в тех или иных уже опредмеченных образах рисунков, рассказов, вылепленных фигур и т. п. В ходе этой работы и происходит не только объективация смутных чувств и переживаний, но и их трансформация и переработка, что в свою очередь приводит к гармонизации внутреннего состояния ребенка – подростка. Данный метод не имеет ограничений и противопоказаний и может использоваться для самостоятельной работы, как в семье, так и в самокоррекции.

В старшем дошкольном и младшем школьном возрасте в работе со страхами эффективно использовать изотерапию. *Изотерапия* – метод арт-терапевтической психологической коррекции, который с помощью изобразительного искусства позволяет проявиться бессознательному, например, вытесненным страхам, эмоциям, впечатлениям – через его перенос в изобразительный внешний образ и сублимацию. Ребенку это позволяет выразить себя, свои мысли, переживания, эмоции и чувства – все, что скрыто в его внутреннем мире – с помощью линий, форм и цветов на бумаге или холсте. Ведь ему порой гораздо легче что-то нарисовать, чем сказать и объяснить.

Рисование в целом стимулирует выработку дофамина, поэтому человек испытывает удовольствие от этого процесса. Дофамин – гормон, вырабатываемый надпочечниками и другими тканями, который является одним из химических факторов внутреннего подкрепления (ФВП) и служит важной частью «системы вознаграждения» мозга, т. к. вызывает чувство удовольствия и удовлетворения, чем влияет на процессы мотивации и обучения. Дофамин играет важную роль в обеспечении познавательной деятельности человека и прежде всего ребенка. Этот гормон обеспечивает переключение внимания с одного этапа деятельности на другой. Поэтому с его помощью так успешно могут трансформироваться детские страхи.

Для рисования может использоваться широкий спектр материалов: разные краски (гуашь, акварель, акрил и др.), карандаши, уголь, пастель, восковые мелки – всё, что оставляет след на бумаге и способно создать рисунок или отпечаток. Изотерапию можно проводить как в индивидуальной работе с ребенком, так и в совместной деятельности (рисование с членами семьи, друзьями ребенка). Это может быть рисунок выполненный карандашами, с помощью кисти или даже просто пальцами. Главное здесь, включить ребенка в этот увлекательный процесс – рисование.

Техника «Трансформация страхов в рисовании по кругу» предполагает ее использование в группе от 3-5 до 7-8 человек (в занятии могут участвовать все члены семьи, родственники, близкие друзья детей), кто-то из членов семьи (родитель, старший брат/сестра) будет выполнять роль ведущего, но при этом тоже будет участвовать в упражнении.

Этапы работы в упражнении-игре «Трансформация страхов в рисовании по кругу»:

1. Этап объективации страха: каждому участнику предлагается цветными карандашами (можно использовать и простой карандаш) нарисовать свой страх (5-7 мин.).

2. Этап актуализации и вербализации страха: по завершении первого шага каждый участник рассказывает о своем страхе по очереди.

3. Этап трансформации страха: все участники рисования садятся вокруг стола и по часовой стрелке передают друг другу рисунки со страхами для их дорисовки (переработки).

Получив рисунок с чужим страхом, участник должен внести в него определенные изменения, чтобы трансформировать его в более позитивный, нестрашный, возможно привлекательный, смешной, нелепый и т. п. При этом необходимо обязательно учитывать рассказ об этом страхе его автора. Ведущий акцентирует внимание участников на том, что нужно уважительно, корректно, без насмешек, достаточно серьезно и бережно относиться к мнению авторов рисунков по поводу их страхов. То есть, дорисовывая чужой образы нельзя это делать небрежно, зло, вычурно и т. п., не учитывая личностных особенностей того, кто открылся перед участниками упражнения и доверил им свой страх. Главная задача здесь у каждого, дать возможность автору страха посмотреть на него со стороны и постараться увидеть в нем что-то новое, возможно позитивное, обучающее чему-то, ресурсное и т. п.

Работа проходит дозированно. Ведущий регламентирует время: 2-3 минуты на «переработку» чужого нарисованного страха. Каждый новый шаг сопровождается фразой-сигналом: «Переход». По окончании указанного времени координатор подает обговоренный сигнал, по которому все члены группы обмениваются рисунками, передавая их по кругу, справа налево. Работа в рисовании по кругу заканчивается, когда рисунки с собственными страхами возвращаются к их хозяевам, т. е. вновь попадает в руки своего создателя.

4. Этап повторного анализа и сублимации страха: каждый участник внимательно изучает полученный и уже трансформированный другими рисунок со своим страхом и заново осмысливает его. На этом этапе у ребенка часто происходит личные озарения (инсайт) – момент ясности и понимания сути, причины страха. Он начинает видеть и понимать пути его преодоления, а иногда проблема решается прямо в процессе создания рисунков.

Затем по кругу все участники делятся своими впечатлениями от изменений, которые произошли с их «страхами» в результате групповой работы.

5. Этап «расставания» со страхом: После выполнения работы ребенок может сохранить свой рисунок или сделать с ними то, что подскажет ему интуиция, например, это

может быть ритуал прощания со страхом, когда рисунок в виде уже бумажного кораблика пускается малышом по течению ручья, или в виде бумажного змея запускается в небо, или как «картинка – победа над страхом!» помещается в рамочку и вывешивается на видное место и т. п.

Даже один рисунок порой способен дать новый положительный опыт и открыть ребенку новые перспективы развития, возможности переработки и трансформации прошлого, открыть в себе то, о чем он не догадывался или не знал. А комплексный подход (серия рисунков) способны вывести его на новый уровень, решить многие, даже застаревшие проблемы, вытесненные воспоминания, глубинные страхи, сформировать важное качество – способность к саморефлексии и самоанализу. В семье такая работа создаст дополнительные ресурсы для творческой работы с проблемами детей, для развития благоприятной атмосферы в системе родительно-детских отношений, для формирования новых форм организации совместного досуга. Еще Я. А. Коменский писал «Дети охотно всегда чем-нибудь занимаются... Это весьма полезно, а потому не только не следует этому мешать, но нужно принимать меры к тому, чтобы всегда у них было что делать», а если это еще и совместное творческое дело, то это по настоящему неисчерпаемый ресурс в поле семьи.

В работе с подростковой тревожностью в семье больше подойдут не столько рисуночные техники, сколько методы библиотерапии. Подросток находится в процессе поступательного когнитивного и личностного развития, его тревожат «философские» вопросы жизни, над которыми он много размышляет, что нуждается в активной вербализации. В поведении подростков мы часто наблюдаем этот феномен бесконечной «болтовни» со сверстниками по поводу и без... Именно в этом возрасте наблюдается огромная потребность подростков не только в общении со сверстниками, но и в желании выговориться, выразит себя, свои проблемы, чаяния, желания через слово. Поэтому достаточно эффективной в преодолении подростковой тревожности может быть техника «Написание синквейна».

Синквейн (от фр. *cinquains*, англ. *cinquain*) в вольном переводе значит: «пять строк», «пять удач», «пять вдохновений» – как метод библиотерапии и одна из техник арт-терапии, имеет большой потенциал отреагирования и переработки аффекта, коррекции негативных эмоциональных состояний, в частности, тревожности. В целом *библиотерапия* (от лат. *biblio* – «книга» и греч. *therapia* – «лечение») – это метод арт-терапии, использующий художественную литературу, художественное слово как одну из форм психологической коррекции личности, ее психических состояний при помощи лечебного чтения, а также использования возможностей исцеления словом.

Изначально «синквейн» – пятистрочное стихотворение, был предложен американской поэтессой Аделаидой Крэпси, которая разработала его, опираясь на японскую поэзию, а именно её силлабические миниатюры – хайку и танка (синквейны вошли в ее посмертное собрание стихотворений 1914 г.). *Цель* этой техники: личная терапия, проживание и изменение травмирующего эмоционального состояния. Родители вполне могут овладеть этой техникой и использовать ее в работе с тревожными подростками, совместно с ними выполняя эту технику, что позволит создать неповторимую ситуацию эмоциональной близости, открытости, доверия и принятия в семье. Данная техника имеет свой **алгоритм**.

I этап: Первичная проработка проблемы (тревожного состояния).

Подумайте о состоянии, которое Вас сейчас тревожит, что Вы хотели бы проработать. Обозначьте его одним словом, это будет начало синквейна.

В 1-й строке – должна находиться сама тема синквейна: это Ваше ощущение, эмоция или неприятное актуальное переживание, требующее проработки, выраженное в форме одного ключевого слова, как правило – это существительное.

Во 2-й строке – уже два слова, иногда простое словосочетание, которые описывают свойства и признаки состояния из первой строки, это обычно прилагательные и/ или причастия.

В 3-й строке – запишите 3 слова (иногда словосочетание), которые описывают действия, обычные для этого состояния. То, что Вы совершаете, оказываясь в этом состоянии или переживая указанную эмоцию, это глаголы и/ или деепричастия.

В 4-й строке – Вы пишете 4 слова, которые отражают то, что Вы испытываете, совершая действия в третьей строке, т. е. короткое предложение, раскрывающее суть Вашего личного отношения к этому состоянию, к обсуждаемой проблеме (испытываемой тревожащей эмоции), это может быть и крылатая фраза, афоризм.

5-я строка – вновь пишете одно слово, синонимом к слову из первой строки, либо абсолютно новое слово, которое будет резюмировать, точно отражать суть Вашего состояния теперь, на данный момент – это существительное.

Пример – 1.1

1. Депрессия.
2. Затяжная, беспросветная.
3. Тянуть, ныть, страдать.
4. Испытание души до крайней степени.
5. Отчаяние.

Пример – 2.1

1. Мечь.
2. Беспощадная, сладкая.
3. Манит, озлобляет, сжигает.
4. Кто близких потерял, тот отомстить желает.
5. Расплата.

II этапа: Вторичная переработка проблемы (тревожного состояния).

После написания синквейна, прочитайте его, постарайтесь понять, соответствует ли он Вашим истинным переживаниям. Затем задайте себе вопросы: «Изменилось ли, что-то в Вас?», «Какие ощущения вызывает у Вас это произведение?»

Обратите внимание, удалось ли Вам в последней строке получить новую эмоцию, состояние, если «Да», то о чем это говорит для Вас?

Теперь, когда у Вас есть красивое, как правило, печальное стихотворение, можно начинать новую трансформацию заданного переживания.

Составлению такого синквейна помогают вопросы, задаваемые на каждой ступени:

1-ая строка: Ответ на вопрос «Что?»

2-ая строка: Ответ на вопрос «Какая? Какой?»

3-я строка: Ответ на вопрос «Что делает? Что делаешь? Что делать?»

4-ая строка: Ответ на вопрос «Что получается, когда так действуешь? Чему способствуют действия? Какое отношение вызывают действия?»

5-тая строка: Ответ на вопрос «Что из этого всего получается?»

Пример – 2.1

1. Отчаяние.
2. Убегающее. С надеждой.
3. Выбирает. Надеешься. Верить.
4. Идти к желаемому через трудности.
5. Преодоление.

Пример – 2.2

1. Расплата.
2. Пугающая. Неизбежная.
3. Выбирает. Смиряться. Верить.
4. Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступили с тобой.
5. Покаяние/ Прощение.

III этап (усиливающая техника «Акrostих»): Трансформация тревожного состояния в позитивном ключе.

Для усиления преобразующего эффекта в проработке тревожного состояния используется техника «Написание акrostиха». *Цель:* проработка негативных состояний (переживаний), посредством осознания и принятия изменений, поиска новых ресурсов для преодоления проблемы (проблем). *Задание:* возьмите эмоциональное состояние, которое Вы выразили одним словом в последней строке синквейна на 2-ом этапе, например, ПРЕОДОЛЕНИЕ, и разместите его таким образом, чтобы каждая буква этого слова стала заглавной в каждой строчке акrostиха. Для усиления положительного эффекта от синквейна при описании эмоции из последней строки, при создании акrostиха старайтесь поднимать градус этого положительного переживания в новом стихотворении от строчки к строчке.

При этом обязательно придерживайтесь рифмы. Рифма – это определенный порядок, строй, который порождает созвучие и соразмерность трансформирующихся и выраженных в поэтическом тексте эмоций и чувств, уже называемых, а значит вполне осознаваемых.

Пример – 3.1

ПРЕОДОЛЕНИЕ

Прошу я у судьбы прозренья,
Раскрыть мне тайны естества.
Едва коснувшись вдохновеньем
Одной из струн души, когда
Для смелого преодоления готова я
Опять идти, и сокрушать свои сомненья,
Лень, трусость, жалость, часто упущенья,
Еще отсутствие умения идти сквозь паутину лжи,
Напором побеждая муки бессилия своей души.
И, поднимаясь над всем этим, лететь со сломанным крылом,
Единством разума и воли стремиться к цели напролом! //
[И, поднимаясь над всем этим, лететь без удержки,
В ночи, единством разума и воли достигнуть цели рубежи! – 2-й вариант концовки]

Пример – 3.2

ПОКАЯНИЕ

Пока в душе месть лихом бьётся,
Окутав разум пленой,
Как яд там всюду разольётся,
А радость станет вдруг – чужой!
Я не хочу стрелою мести
На месте друга поразить.
И буду лучше с ним уж вместе
Едино гнев наш весь гасить.

Пример – 3.2

ПРОЩЕНИЕ

Прошу я у судьбы пощады,
Раскаянья в том море зла,
Объять которое мне сложно,
Щелчком ведь радость вся ушла!
Еще не потерял надежды
На то, что добрые дела
И чувства светлые возможно
Еще душа не прогнала.

Написав свое стихотворение, подросток испытывает творческий подъем и эмоциональное удовлетворение не только от творчества, но и от проработки негативных тревожных состояний. Даже мучительные переживания, высказанные в поэтической форме, как бы «обескровливаются», и когда одна эмоция преобразуется в другую, становясь из темной – светлой (например, тягостная скорбь – светлая грусть), подросток испытывает эмоциональную разрядку (катарсис), а это путь к самопониманию и самооздоровлению.

IV этап: Аналитико-синтетический.

На этом этапе можно задать участникам синквейна следующие вопросы:

- 1) Назовите Ваши ощущения, переживания, эмоции, чувства..., которые Вы испытывали в ходе написания акростиха?
- 2) Что было для Вас затруднительно? С чем это может быть связано?
- 3) Какие новые решения Вы увидели для переосмысления и преодоления своей проблемы в ходе этой работы?
- 4) Что изменилось в Вас? и т. п.

Данные технику первоначально можно использовать в парной работе: родитель – подросток, впоследствии и в самостоятельной работе подростка с самим собой.

Поэтическое творчество приносит удовлетворение через точное и образное выражение своих переживаний, когда внутренняя буря не совсем осознаваемых эмоций выражается через вполне осознанные слова. Это стимулирует катарсис – освобождение от безысходности, печали, раздражения, гнева, страха, распирающего счастья и т. п.

Стихи, написанные искренне и откровенно, похожи на прорвавшиеся, после долгого сдерживания, рыдания, которые после выплеска очищают душу, проясняют разум. Высказанные в поэтическом слове душевные потрясения, темные чувства, теряя свою прежнюю остроту, преобразуются в более позитивные или нейтральные эмоции. Что приводит к пониманию: данные переживания – это прошлые события жизни, к которым всегда можно вернуться при желании в мыслях, но они не являются настоящим, которым надо жить и которое надо чувствовать и проживать «Здесь и Сейчас». Слезы, заключенные в стихах, и реальные слезы, вызванные самим творческим процессом, разрушают боль и скорбь, избавляют от них. Именно тогда негативные тревожные переживания преобразуются в позитивный опыт их преодоления. Еще Сэмюел Батлер писал: «Любое человеческое творение, будь то литература, музыка или живопись – это всегда автопортрет». Вот почему собственное творчество обладает таким «очищающим»/ «освобождающим» потенциалом.

В арт-терапевтических техниках самым действенным психологическим механизмом является проекция, именно она позволяет детям и подросткам лучше понять свой внутренний мир и освободиться от тех страхов и тревожных состояний, которые мешают им объективно и правильно воспринимать не только внешний мир, но и самих себя. Использование подобных методов в системе семейного воспитания значительно расширяют ее ресурсное поле как необходимое и самое важное условия для нормального развития детей и подростков. Очень важно уделять достаточно времени для совместного творчества со своими детьми (лепка, рисование, аппликация, вырезание, склеивание, конструирование и т. п.), для совместных семейных игр, домашних дел – все это демонстрирует им безусловную родительскую любовь и принятие. Именно в такой системе семейных отношений родитель для своего ребенка становится добрым другом и настоящим наставником, которому хочется и не страшно доверить сокровенную тайну, с которого хочется брать пример.

В тех случаях, когда родителю сложно понять причины резкого изменения поведения и настроения ребенка – подростка, он должен обращаться к специалистам, например, к детскому (подростковому) психологу, социальному педагогу, возможно к психотерапевту, и активно участвовать в процессе оказания помощи детям. Это опять же значительно расширяет ресурсные возможности семьи, и дает понять ребенку, как он важен для своих родителей. При этом сам родитель значительно меняется и личностно растет, а ведь только Личность может воспитать и создать благоприятные условия для развития другой Личности. Л. Н. Толстой писал «Воспитание представляется сложным и трудным делом только до тех

пор, пока мы хотим, не воспитывая себя, воспитывать своих детей или кого бы то ни было. Если же поймем, что воспитывать других мы может только через себя..., то упраздняется вопрос о воспитании и остается один вопрос: как надо жить самому? Я не знаю ни одного действия воспитания детей, которое не включало бы и воспитания себя!».

Список использованных источников:

1. Афанасенкова, Е. Л. Жестокое обращение в семье как причина социальной дезадаптации детей и подростков // Психология семьи в современном мире [Электронный ресурс] : сборник материалов Международной научно-практической конференции / Урал. гос. пед. унт. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). ISBN 978-5-7186-0951-6. – С. 24–33.
2. Афанасенкова, Е. Л. Мониторинг детерминант девиаций поведения несовершеннолетних как необходимое условие психолого-педагогической профилактики и коррекции девиантного поведения учащихся ССУЗов // Научное творчество молодежи как ресурс развития современного общества: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей, 28 апреля 2017 года, г. Нижний Новгород / под общей ред. Е. Ю. Илалтдиновой, Р. У. Арифудиной, С. И. Аксенова Н. Новгород: Мининский университет, 2017. С. 149-161.
3. Блейхер, В. М., Крук И. В. Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: НПО «Модэк», 1995. 441 с. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: http://www.ktoeslineya.ru/biblioteka/giperchild/slovar_psih_terminov.pdf
4. Бодров, В. А. Психологический стресс развитие и преодоление. М. ПЕР СЭ, 2006. 528 с.
5. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. – 672 с. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.koob.ru>
6. Вачков, И. В. Тревожность, тревога, страх: различение понятий // Школьный психолог. М.: Издат. дом «Первое сентября», 14.05.2004. №08 (152). [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://psy.1september.ru/article.php?ID=200400804>
7. Венгер, А. Л. На что жалуетесь? Выявление и коррекция неблагоприятных вариантов развития личности детей и подростков. Москва-Рига: Педагогический центр «Эксперимент», 2000. 184 с. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.psyput.ru/i/vegner_na-chto-zhaluetes.pdf
8. Водопьянова, Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб. : Питер, 2009. 336 с.
9. Воронин, А. С. Словарь терминов по общей и социальной педагогике: Учеб. электронное текстовое издание. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2006. 135 с. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://lomonpansion.com/files/ustu280.pdf>
10. Захаров, А. И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб.: изд-во «СОЮЗ», 2000. 448 с. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.myword.ru>
11. Илюшина, М. И., Артемова О. В. Технология выявления и аккумуляции родительских ресурсов // Статья предоставлена номинантами Национального психологического конкурса «Золотая Психея» по итогам 2015 г. Опубликовано 14 января 2016. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://psy.su/feed/5169/>
12. Кордуэлл, М. Психология. А – Я: Словарь-справочник / Пер. с англ. К. С. Ткаченко. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. 448 с.
13. Корнеева, Е. Н. Детские капризы. Ярославль: Академия развития: Академия и К: Академия Холдинг, 2000. 191 с.
14. Нестерова, А. А. Семейные ресурсы как условие жизнеспособности семьи в кризисных ситуациях // Развитие личности. 2016. №1. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-resursy-kak-uslovie-zhiznesposobnosti-semi-v-krizisnyh-situatsiyah>

15. Новиков, А. М. Педагогика: словарь системы основных понятий. М.: Издательский центр ИЭТ, 2013. 268 с.
16. Практическая психология образования: Учебное пособие. 4-е изд. / Под ред. И. В. Дубровиной. СПб.: Питер, 2004. 592 с.
17. Прихожан, А. М. Психология тревожности. Дошкольный и школьный возраст. 2-изд. СПб.: Питер., 2009. 192 с.
18. Прихожан, А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / Акад. пед. и соц. наук, Моск. пед.-соц. ин-т. М.; Воронеж, 2000. 304 с.
19. Психология развития. Словарь / Под. ред. А.Л. Венгера // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005. 176 с.
20. Словарь практического психолога / Сост. С.Ю. Головин. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2001. 800 с. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://studfiles.net/preview/4173509/>
21. Спиваковская, А. С. Профилактика детских неврозов (комплексная психологическая коррекция). М.: Изд-во МГУ, 1988. 200 с.
22. Старшина, И. В. Феномен подростковой тревожности // Преподаватель XXI век. 2007. №1. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-podrostkovoy-trevozhnosti>.
23. Топоева, И. И. Особенности проявления тревожности в подростковом возрасте: Методическая разработка // Образовательный интернет-ресурс Metod-kopilka.ru. Раздел: Школьному психологу. Дата: 24.12.2014 [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: https://www.metod-kopilka.ru/osobennosti_proyavleniya_trevozhnosti_v_podrostkovom_vozraste-11418.htm.
24. Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – 2704 с. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.ipras.ru/engine/documents/document12436.pdf>
25. Эксакусто, Т. В., Истратова, О. Н. Справочник психолога / Серия «Справочники». Ростов н/Д: «Феникс», 2003. 448 с.

Семенова Татьяна Семеновна
кандидат психологических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
доцент кафедры «Дошкольное и дефектологическое образование»
442963 Заречный Пензенской области, Ленина, 8-12
E-mail: integra58@mail.ru

САМООЦЕНКА МАТЕРИ И ОЦЕНКА ЕЮ СВОЕГО РЕБЕНКА

Аннотация. В статье рассматриваются самооценки матерей в зависимости от наличия брака, удовлетворенности браком и материальным положением. Просматривается соотношение самооценок матерей и оценок ими своих детей.

Ключевые слова: мать, ребенок, самооценка матери, оценка матерью ребенка.

Semenova Tatiana Semenovna
candidate of psychological sciences, Associate Professor,
Penza State University,
Associate Professor of the Department « Pre-school and defectology education»
442963 Zarechny of the Penza region, Lenina, 8-12
E-mail: integra58@mail.ru

SELF-EVALUATION OF THE MOTHER AND HER EVALUATION OF HER CHILD

Abstract. In the article self-evaluation of mothers is considered depending on the presence of marriage, satisfaction with marriage and material status. Was remarked correlation of mothers' self-evaluation and their children's evaluations.

Key words: mother, child, mother's self-evaluation, mother's evaluation of the child.

Под самооценкой в психологии понимается представление человека о важности своего места в обществе и оценивание себя, собственных качеств и чувств, достоинств и недостатков, выражение их открыто или закрыто. Все психологи, занимавшиеся изучением личности, прямо или косвенно затрагивали вопрос самооценки. С.Л. Рубинштейн считал самооценку стержнем личности, А.Н. Леонтьев – существенным условием, обеспечивающим возможность индивиду стать личностью, А.В. Захарова – важнейшим регулятором поведения и действий человека, К. Левин – базой для выработки уровня притязаний. Самооценка рассматривается как самопринятие (Р. Бернс), ведущий компонент саморегуляции (А. Бандура, У. Джемс, К. Роджерс, З. Фрейд, И.С. Кон), оценочное отношение к себе и способ самопознания (С.Р. Пантлеев, В.В. Столин, И.И. Чеснокова).

Самооценка не является постоянной, она меняется в зависимости от возраста и обстоятельств жизни человека. К. Роджерс говорил, что самооценка личности формируется на основе оценки личности со стороны окружающих. С. Куперсмит считал самооценку результатом родительского принятия, А. Адлер, А. Маслоу – итогом количества и качества родительского внимания и принятия ребенка, К. Хорни утверждала, что дети, лишенные родительской любви, принятия и одобрения, склонны к невротизации личности.

Изучение связи самооценки матери и оценки ею своего ребенка до настоящего времени специально не проводилось. В исследовании Н.Н. Авдеевой [1], изучавшей тип привязанности ребенка к матери, были отмечены интересные нам факты. Матери детей, показавших в эксперименте, проведенном по методике М. Эйнсворд, «надежный» тип привязанности (термины М. Э.), имеют достаточно устойчивый образ себя, высокую самооценку, положительное эмоциональное самоощущение. Матери детей, показавших

«ненадежный» тип привязанности, имеют преимущественно заниженную самооценку, невысокие показатели образа себя, у них отмечается эмоциональное неблагополучие, неуверенность в своих силах, своем будущем.

Целью нашего эмпирического исследования было изучение соотношения самооценок женщин-матерей и оценок ими своих детей. Нами было опрошено 33 женщины-матери в возрасте от 20 до 40 лет. Все они были слушателями курсов переподготовки кадров, занимавшихся по специальности «Педагогика и методика дошкольного образования» Пензенского государственного университета.

Методика исследования заключалась в следующем. Респондентам предлагалось оценить себя по степени выраженности качеств, перечисленных в таблице 1.

Таблица 1.

Я сама

Качество	а	Д	С	Н	С	а	Качество
	(-2)	корее да (-1)	и да, ни нет (0)	корее да (+1)	(+2)		
Некрасивая							Красивая
Глупая							Умная
Больная							Здоровая
Злая							Добрая
Зависимая							Самостоятельная
Пессимистичная							Оптимистичная
Несчастливая							Счастливая
Неудачница							Успешная
Несамореализованная							Самореализованная
Импульсивная							Сдержанная
Нервная							Спокойная
Не уверенная в себе							Уверенная в себе
Замкнутая							Общительная
Пассивная							Активная
Плохая мама							Хорошая мама
Нетворческая							Творческая
Не готовая к самоизменению							Готовая к самоизменению
Грустная							Веселая
Нерешительная							Решительная

Затем мамам предлагалось оценить своего ребенка по степени выраженности в нем качеств, перечисленных в таблице 2.

Таблица 2.

Мой ребенок

Качество	а (-2)	С корее да (-1)	Н и да, ни нет (0)	Скорее да (+1)	а (+2)	Качество
Некрасивый						Красивый
Обычный						Способный
Больной						Здоровый
Злой						Добрый
Нервный						Спокойный
Трусливый						Храбрый
Скандалный						Дружелюбный
Глупый						Умный
Несчастный						Счастливый
Неудачливый						Успешный
Не выдерживает сравнения с другими						Лучше многих
Робкий						Бойкий
Замкнутый						Общительный
Я иногда стыжусь своего ребенка						Я часто горжусь своим ребенком
Пассивный						Активный
Невоспитанный						Воспитанный
Нетворческий						Творческий
Упрямый						Податливый
Грустный						Веселый

Мы считали самооценку высокой, если подавляющее большинство отметок респондента попадало в столбцы (+1) и (+2) при минимальном числе нейтральных ответов в нулевом столбце таблицы. Низкой (точнее, сниженной) самооценкой считали преобладание нейтральных отметок в нулевом столбце таблицы и наличием нескольких выборов в левой (отрицательной) стороне таблицы. Средней – преобладание нейтральных отметок в нулевом столбце таблицы с небольшим количеством выборов в правой (положительной) стороне таблицы.

Мы также просили женщин ответить, замужем они или нет, и если замужем, то удовлетворены ли браком, довольны ли своим материальным положением.

Результаты получились следующими. Сначала мы подсчитали суммы отметок по всем качествам в каждом столбце и поделили их на количество опрошенных, получив таким образом средние значения для каждого столбца. В таблице 3 они представлены отдельно для замужних и незамужних женщин.

Таблица 3.

Самооценка женщин-матерей в зависимости от наличия брака

Кол-во опрошенных	Выраженность качеств				
	Отрицательные		Ни да, ни нет (0)	Положительные	
	Да (-2)	Скорее да (-1)		Скорее да (+1)	Да (+2)

Замужем					
26 чел.	0,4	1,0	3,3	8,5	7,7
Не замужем					
7 чел.	0,9	1,9	4,9	8,1	4

Как видно из таблицы, у замужних женщин высоких положительных оценок почти вдвое больше, чем у незамужних. У незамужних женщин почти вдвое больше отрицательных оценок, чем у замужних.

Распределение женщин, состоящих и не состоящих в браке, по уровням самооценок представлено в таблице 4.

Таблица 4

Самооценка женщин-матерей, состоящих и не состоящих в браке

Самооценка	Высокая	Средняя	Низкая
Замужние (26 чел.)	54 %	42 %	4 %
Незамужние (7 чел.)	43 %	28 %	29 %

Далее мы рассмотрели самооценку женщин-матерей, состоящих в браке, в зависимости от удовлетворенности браком.

Таблица 5

Самооценка женщин-матерей в зависимости от удовлетворенности браком

Самооценка	Высокая	Средняя	Низкая
Довольные браком (20 чел.)	65 %	20 %	15 %
Недовольные браком (6 чел.)	43 %	14 %	43 %

Как видно из таблицы, удовлетворенные браком женщины имеют более высокую самооценку по сравнению с неудовлетворенными.

Самооценка женщин-матерей в зависимости от удовлетворенности материальным положением представлена в таблице 6.

Таблица 6

Самооценка женщин-матерей в зависимости от удовлетворенности материальным положением

Самооценка	Высокая	Средняя	Низкая
Довольные материальным положением (22 чел.)	68 %	5 %	27 %
Недовольные материальным положением (11 чел.)	45 %	28 %	27 %

Как видно из таблицы, довольные своим материальным положением матери обладают более высокой самооценкой по сравнению с недовольными.

Следующим этапом исследования было распределение женщин по уровням самооценки вне зависимости от каких-либо факторов. Получились две полярные группы. Из 33 человек всей выборки 67 % (22 чел.) составили группу с высокой и средней самооценкой, 33 % (11 чел.) - с низкой.

Внутри группы с высокой самооценкой можно выделить три подгруппы. Группу с преобладанием самых высоких положительных оценок (ответы «да», соответствующие 2 баллам) составили 32% женщин. Группу с преобладанием сдержанных положительных

оценок (ответы «скорее да», соответствующие 1 баллу) составили 55% женщин. Группу с равным количеством высоких и сдержанных оценок составили 13% женщин.

У женщин с высокой самооценкой высокие показатели отмечались по таким качествам: хорошая мама – 100% опрошенных, умная – 97%, счастливая – 97%, добрая – 88%, красивая – 85%, общительная – 85%, готовая к самоизменениям – 85%, веселая – 79%, самостоятельная – 76%, успешная – 76%, решительная – 72%, активная – 72%, оптимистичная – 70%, уверенная в себе – 67%, самореализованная – 55%, спокойная – 42%, творческая – 36%.

В группе женщин-матерей с низкой самооценкой все положительные выборы сдержанные. У женщин с низкой самооценкой снижение (с выбором отметок в левую, отрицательную, сторону таблицы) происходило по качествам, которые составили такой ряд: импульсивная – 39% опрошенных, нервная – 18%, нетворческая – 18%, зависимая – 15%, нерешительная – 9%, неуверенная в себе – 9%, несамореализованная – 9%.

Последним этапом исследования было соотнесение самооценок матерей и оценок ими своих детей.

У женщин с высокой самооценкой оценка ребенка следующая. 81% матерей поставили своим детям по большинству качеств самые высокие оценки. У 9% матерей преобладают сдержанно-положительные оценки.

У женщин с низкой самооценкой оценка ребенка следующая. 64 % матерей оценили ребенка высоко, во многих случаях выше, чем себя. 36 % матерей оценили своих детей сдержанно положительно, но не ниже, чем себя. Сдвиг отметок в левую (отрицательную) сторону таблице отмечался в единичных случаях.

Частота выбора высоких оценок своего ребенка женщинами-матерями по всей выборке следующая: красивый – 82%, веселый – 76%, я часто горжусь своим ребенком – 72%, счастливый – 67%, дружелюбный – 67%, добрый – 61%, активный – 58%, умный – 55%, общительный – 52%, способный – 48%, здоровый – 45%, творческий – 45%, воспитанный – 36%, лучше многих – 33 %, успешный – 30 %, бойкий – 27 %, храбрый – 24%.

Снижение оценки ребенка происходило по показателям: робкий – 15%, упрямый – 9%, не выдерживает сравнения с другими – 6%, замкнутый – 6%, трусливый – 6%.

Обобщив полученные результаты, можно сделать следующие выводы.

1. Среди факторов, влияющих на самооценку женщины-матери, выделяются: наличие брака, удовлетворенность браком и материальным положением. У женщин, состоящих в браке, самооценка выше, чем у женщин, не состоящих в браке. Удовлетворенность браком усиливает это расхождение. У женщин, довольных браком, самооценка выше, чем у женщин, не довольных браком. Материальное положение аналогичным образом влияет на самооценку. У довольных материальным положением матерей самооценка выше, чем у недовольных.

2. Соотношение числа женщин-матерей с низкой и высокой самооценкой в опрошенной выборке составило 33% и 67%. Снижение самооценки происходит по следующим качествам: импульсивная, нервная, нетворческая, зависимая, неуверенная в себе, нерешительная, несамореализованная. Самые высокие самооценки получены по следующим качествам: хорошая мама, умная, счастливая. Далее следуют по убыванию такие оценки: добрая, красивая, общительная, готовая к самоизменениям, веселая, самостоятельная, успешная, решительная, активная, оптимистичная, уверенная в себе, самореализованная, спокойная, творческая.

3. Среди положительных самооценок обнаружено разделение на сдержанные, соответствующие ответам «скорее да» (69%), и высокие, соответствующие ответам «да» (31%). В группе матерей с низкой самооценкой все положительные оценки сдержанные. В группе матерей с высокой самооценкой 23% оценок сдержанные, остальные 77% – высокие.

4. Из всех опрошенных только у 12% матерей сдержанная самооценка соответствует аналогичной сдержанной оценке своего ребенка, не превышающей самооценку матери. В этом случае можно предположить, что сдержанность в оценках характеризует особенность

личности женщин. У всех остальных женщин-матерей, а их 88%, картина следующая. Высокая самооценка матери влечет за собой высокую оценку своего ребенка, либо сдержанная самооценка матери сменяется высокой оценкой своего ребенка, либо сдержанная самооценка матери соответствует также сдержанной оценке ребенка, но оценка ребенка при этом ощутимо выше самооценки матери.

5. Высокие оценки детей получены по следующим качествам: красивый, веселый, вызывающий гордость, счастливый, дружелюбный, добрый, активный, умный, общительный, способный и т.д. Единичные снижения оценки матерями своих детей обнаружены по таким качествам, как: робкий, упрямый, замкнутый, трусливый, не выдерживает сравнения с другими.

6. Из-за небольшой выборки (33 человека) проведенное исследование мы рассматриваем как пилотажное, а полученные выводы не считаем окончательными.

Список использованных источников:

1. Авдеева Н.Н. Становление образа себя у детей первых трех лет жизни // Вопросы психологии. – 1996. – № 4. – С. 5-14.

Семейные факторы риска в развитии детей и подростков

Сизова Яна Николаевна

*ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,
аспирант кафедры психологии,
454001 г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129, 107
e-mail: sizova159@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ ПОДРОСТКОВ С МАНИПУЛЯТИВНОЙ ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТЬЮ

Аннотация. В статье проведён теоретический анализ особенностей взаимоотношений в семьях подростков с манипулятивной личностной беспомощностью. Родительское поощрение несамостоятельности усугубляют у подростка нормативный возрастной кризис, формируют деструктивные формы взаимодействия с окружающими и затрудняют личностное развитие. Данные теоретические выводы являются предпосылками эмпирического исследования особенностей взаимоотношений в семьях подростков с личностной беспомощностью.

Ключевые слова: стиль воспитания, манипулятивная личностная беспомощность, доминирующая гиперпротекция, подростки.

Sizova Yana Nikolaevna

*Chelyabinsk State University
postgraduate student
454001, Chelyabinsk, street Brat'ev Kashirinyh, 129, 107
e-mail: sizova159@yandex.ru*

PECULIARITIES OF RELATIONSHIPS IN FAMILIES OF ADOLESCENTS WITH MANIPULATIVE PERSONAL HELPLESSNESS

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the peculiarities of relationships in the families of adolescents with manipulative personal helplessness. Parental encouragement of non-self-sufficiency aggravates the normative age crisis in a teenager, forms destructive forms of interaction with others and complicates personal development. These theoretical conclusions are prerequisites of empirical research of peculiarities of relationship in families of adolescents with personal helplessness.

Key words: parenting style, manipulative personal helplessness, dominant hyperprotection, adolescents.

Первичной социальной средой человека является семья, ценностные ориентации и установки родителей являются важным фактором в развитии личности ребёнка, представления об особенностях семейных взаимоотношений формируются одними из первых и определяют впоследствии будущую семейную жизнь. Ряд исследований подтверждает, что семейные взаимоотношения выступают в роли опосредующего звена связи ребёнка с внешним миром, определяя особенности их взаимодействия (В. Н. Дружинин, И. С. Кон, Н. Л. Москвичева, Р. В. Овчарова, А. А. Реан и др.). Взаимоотношения в семье являются средовым фактором депрессивных и тревожных расстройств психики детей (G. Parker, R. M. Rapee, С. В. Воликова, С. Минека,

А. С. Спиваковская и др.). Стиль детско-родительских отношений играет значимую роль в формировании самооценки ребёнка (Л. И. Божович, С. Куперсмит, В. Э. Пахальян и др.). Результаты данных исследований указывают на значимость семейного воспитания в формировании личностной беспомощности как системного качества субъекта, характеризующегося, в том числе, тревожностью, депрессивностью, заниженной самооценкой.

Личностная беспомощность в рамках субъектно-деятельностного подхода определяется как «качество субъекта, представляющее собой единство определённых личностных особенностей, возникающих в результате взаимодействия внутренних условий с внешними, определяющее низкий уровень субъектности, то есть низкую способность человека преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать целей, преодолевая различного рода трудности» [7]. Формирование личностной беспомощности обусловлено рядом факторов, основными среди которых являются средовые. Основным средовым фактором формирования личностной беспомощности являются особенности взаимодействия в семье, а именно нарушения в системе семейных взаимоотношений [5]. Многими исследователями семья рассматривается как причина различных психологических проблем личности (Л. Босколо, А. Я. Варга, С. В. Воликова, А. В. Колодина, С. Минухин, Дж. Прата, Т. Я. Сафонова, М. Сельвини-Палаццоли, Дж.-Ф. Чеккин, Д. Хейли, Е. И. Цымбал и др.). Индивид, находясь в неблагоприятной для развития среде, вырабатывает свою линию поведения, приспосабливаясь к данным условиям.

Автором концепции личностной беспомощности Д. А. Циринг было теоретически обосновано и эмпирически подтверждено, что личностная беспомощность формируется при следующих типах дисгармоничных семейных взаимоотношений: гиперпротекция, повышенная моральная ответственность, жестокое обращение, противоречивое воспитание [7]. Каждый из перечисленных стилей воспитания предполагает разного рода родительские воздействия, которые формируют неблагоприятную среду для развития самостоятельности у детей.

Феномен личностной беспомощности, являясь системной характеристикой субъекта, выступает фактором, определяющим уровень субъектности. Согласно В. И. Слободчикову и Е. И. Исаеву, субъектность человека связана со способностью индивида превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования [6]. В качестве существенных свойств этого процесса выделяются способность человека управлять своими действиями, преобразовывать действительность, планировать способы действий, реализовывать намеченные программы, контролировать ход и оценивать результаты своих действий.

Необходимо отметить, что Д. А. Циринг доказана континуальная природа личностной беспомощности. Так, противоположной характеристикой личностной беспомощности выступает самостоятельность субъекта. Субъект с личностной беспомощностью, определяющей низкий уровень субъектности, характеризуется низкой способностью преобразовывать действительность, управлять событиями собственной жизни, ставить и достигать целей, преодолевая сложные ситуации. Такой субъект не находит достаточно адаптационных ресурсов для того, чтобы справиться с различного рода трудностями и предсказать дальнейший ход развития ситуации.

Неблагополучная для развития самостоятельности среда формирует у ребёнка потребность в достижении определённого адаптивного результата. В зависимости от характера родительского воздействия формируются различные образы адаптивного результата, «приспособительного эффекта». Исследуя феномен личностной беспомощности с позиций теории функциональных систем, И. В. Пономарева выделяет три функции личностной беспомощности, сформированные в зависимости от стиля воспитания: адаптивная, защитная, манипулятивная. Так, манипулятивная функция личностной беспомощности складывается при доминирующей гиперпротекции, адаптивная функция личностной беспомощности – при жестоком обращении и повышенной моральной

ответственности, защитная функция – при противоречивом типе негармоничного семейного воспитания. Личностная беспомощность рассматривается автором как характеристика условно выгодная для субъекта в частности и для системы в целом [5]. С целью понимания разнообразия характеристик среди индивидов с личностной беспомощностью в исследовании И. В. Пономаревой выделяются типы личностной беспомощности: адаптивный, защитный, манипулятивный [5].

В настоящей статье проведён теоретический анализ особенностей взаимоотношений в семьях подростков с манипулятивной личностной беспомощностью.

Семейные взаимоотношения по типу доминирующая гиперпротекция характеризуются стремлением родителей к некритичному удовлетворению потребностей ребёнка, посвящением последнему большого количества времени, сил и внимания, сосредоточение дел и забот исключительно вокруг ребёнка. При таком воспитании подросток редко сталкивается с обстоятельствами, дающими ему опыт самостоятельности, у него нет возможности проявить автономность, активность, инициативу. Ребёнок не видит, что родители имеют что-либо важнее, чем он, что у них имеются другие жизненные цели, другими словами, он не встречается с необходимостью считаться с другими.

Таким образом, родители, оберегая своего ребёнка от проблем, решают все проблемы и задачи за него, при этом, не обращаясь к самому ребёнку, не учитывая его способности и возможности, индивидуальный стиль совладания с жизненными задачами, тем самым, блокируя развитие его личности.

Склонность к манипулированию определяет особенности деятельности субъекта с личностной беспомощностью манипулятивного типа. Манипуляция, как вид психологического воздействия, используется субъектом для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определённых действий [1]. Подросток характеризуется отсутствием уверенности в возможности контролировать собственную жизнь, он убеждён в неспособности формулировать значимые цели и не готов прилагать усилия для удовлетворения своих потребностей. Достижение положительного результата для субъекта с манипулятивной личностной беспомощностью обеспечивается посредством реализации манипулятивной стратегии поведения, то есть привлечения в процесс достижения целей субъекта посторонних лиц. В соответствии со своими намерениями и представлением о людях субъект более или менее отчетливо представляет, какого рода изменение в поведении потребуется в том или ином случае. Каждое такое «взаимодействие» предполагает некоторые изменения адресата, соответствующие интересам подростка с личностной беспомощностью.

Подросток, демонстрируя изменение привычного для социума поведения, избегает лишнего напряжения и в то же время достигает цели, в связи с тем, что изменение в поведении трактуется окружающими как угрожающее его благополучию. Несамостоятельный ребёнок принимает помощь окружающих не с позиций сотрудничества и совместной работы, а как должное. Межличностное общение является эффективным средством жизнеобеспечения для субъектов с манипулятивной личностной беспомощностью. Внутренний мир собеседника игнорируется таким субъектом, главная цель построения взаимоотношений состоит в удовлетворении своих потребностей через других людей. Подросток, проявляя замкнутость, пассивность, тревожность, привлекает внимание окружающих и получает их поддержку. В отношениях с социумом такая личность характеризуется эмоциональной отчужденностью, отсутствием эмпатии, неспособностью выстраивать доверительные отношения [5].

Исследования, проводимые в настоящее время, доказывают, что отношение к себе является важным личностным качеством, определяющим многие сферы жизнедеятельности человека. Известно, что человек с личностной беспомощностью характеризуется низкой самооценкой. Р. Баумейстер показывает, что низкая самооценка характеризуется не ненавистью по отношению к себе, а отсутствием любви к себе, людей с низкой самооценкой отличает отсутствие позитивного самоописания, а не наличие негативного, по их мнению,

они обладают меньшими ресурсами, положительными качествами, способностями [4]. В многочисленных исследованиях обнаружены корреляты низкой самооценки. Низкая самооценка взаимосвязана с тревожностью, депрессией, неуверенностью, зависимостью, трудностями в межличностных отношениях, отсутствием инициативы и настойчивости, неудовлетворенностью всеми аспектами своей жизни [4]. Исходя из диагностических показателей типов личностной беспомощности, мы обнаружили теоретические предпосылки, указывающие на особенности отношения к себе у субъекта с манипулятивной личностной беспомощностью. Самоотношение субъекта с личностной беспомощностью манипулятивного типа может характеризоваться преувеличением своих недостатков, возникающих затруднений, высоким уровнем аутоагрессии, которая и лежит в основе манипулятивных схем воздействия. Подобные проявления вызывают сочувствие, жалость и помощь со стороны адресатов манипулятивного воздействия [8]. На основе некоторых теоретических предпосылок можно сделать вывод о том, что самоотношение у субъектов с личностной беспомощностью различного типа имеет качественные отличия. Безусловно необходимо их эмпирическое обнаружение.

Одной из самых главных особенностей человека является то, что он способен трудиться, то есть выполнять деятельность. «Деятельность – это динамическая система взаимодействия субъекта с миром. В процессе этого взаимодействия происходит возникновение психического образа и его воплощение в объекте, а также реализация субъектом своих отношений с окружающей реальностью» [3]. Интегральной оценкой эффективности результата деятельности является её успешность. Успешность деятельности тесно связана с интеллектуальной, мотивационной и эмоционально-волевой сферами личности, она зависит также от индивидуальных психофизиологических качеств. Склонность к манипулированию определяет особенности деятельности субъекта с личностной беспомощностью манипулятивного типа. Манипуляция, как вид психологического воздействия, используется субъектом для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определённых действий [1]. Подросток убеждён в неспособности формулировать значимые цели и не готов прилагать усилия для удовлетворения своих потребностей.

Говоря о поведении человека, следует подчеркнуть его общественный характер и социальную обусловленность. «На уровне общественно-детерминированной деятельности термин «поведение» обозначает действия человека по отношению к обществу и другим людям, рассматриваемые со стороны их регуляции общественными нормами нравственности и права. Единицами поведения являются поступки, в которых формируются и выражаются позиция личности и ее моральные убеждения» [3]. В поведении субъекта личностная беспомощность проявляется пассивностью. Однако, существуют различия в поведении субъектов в зависимости от типа беспомощности. Достижение положительного результата для субъекта с манипулятивной личностной беспомощностью обеспечивается посредством реализации манипулятивной стратегии поведения, то есть привлечения в процесс достижения целей субъекта посторонних лиц. Манипулятивное поведение субъекта с личностной беспомощностью обусловлено его убеждённостью в неспособности самостоятельно удовлетворять свои потребности, отсутствием уверенности в возможности контролировать собственную жизнь. Подростку, демонстрирующему изменение привычного для социума поведения, удаётся избежать излишнего напряжения, и в то же время достичь определённых целей, в связи тем, что изменение в поведении трактуется окружающими как угрожающее его благополучию. В соответствии со своими намерениями и представлением о людях субъект более или менее отчетливо представляет, какого рода изменение в поведении потребует в том или ином случае [2]. Каждое такое «взаимодействие» предполагает некоторые изменения адресата, соответствующие интересам подростка с личностной беспомощностью. Манипулятивное поведение, присущее субъекту с личностной беспомощностью, предполагает не грубый нажим и авторитарное давление, а более изощрённые и менее заметные способы достижения личностных целей [5]. Впоследствии

такое поведение индивида приводит к стремлению окружающих его людей проявлять опеку над ним, удовлетворять его потребности.

Таким образом, родительское поощрение несамостоятельности подростка, доминирующая гиперпротекция приводят к дисгармоничным детско-родительским отношениям, усугубляют у подростка нормативный возрастной кризис, формируют деструктивные формы взаимодействия с окружающими и затрудняют личностное развитие. Данные теоретические выводы являются предпосылками эмпирического исследования особенностей взаимоотношений в семьях подростков с личностной беспомощностью.

Список использованных источников:

1. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997.
2. Знаков В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования // Психологический журнал. 2000. Т. 21, №5. С.16-22.
3. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2008.
4. Молчанова О. Н. Низкая самооценка: восемь проблем // Перспективные направления психологической науки. Сборник научных статей. Выпуск 2. 2012. С. 63-87.
5. Пономарева И.В. Личностная беспомощность подростков из семей с нарушениями взаимоотношений: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М., 2013. 164 с.
6. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: Учебное пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
7. Циринг Д.А. Психология личностной беспомощности: автореф. дис. на соиск. ученой степ. докт. психол. наук: 19.00.01. Томск, 2010. 43 с.
8. Чернобровкина С. В., Дзигилевич Н. В. Типология личности с различной манипулятивной направленностью // Вестник Омского университета. Серия Психология. 2008. №2. С. 19-25.

Научный руководитель: Циринг Диана Александровна, доктор психологических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет».

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (номер проекта 17-36-01097-ОГН-18).

Рождественская Наталия Андреевна
доктор психологических наук, доцент,
факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
профессор кафедры возрастной психологии,
125009, г. Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 9.
E-mail: nataly.msu@yandex.ru

Можаровский Игорь Львович
кандидат психологических наук, доцент,
факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
доцент кафедры психологии образования,
125009, г. Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 9.
E-mail: mozharovsky@bk.ru

Ноникашвили Мари Виссарионовна
факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
студентка кафедры психологии образования
125009, г. Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 9.
E-mail: nonikashvili.mari@mail.ru

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ СЕМЬЕЙ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье выделены детерминанты благополучного развития детей в семье, в частности, в полных и неполных семьях; предложена диагностическая методика, которая прошла первый этап валидизации. Сравнение полных и неполных семей показало, что в последних - подростки оценивают родителей как более агрессивных, директивных, автономных, проявляющих меньше любви к ним; в то же время достоверная связь типа семьи с развитием личностной идентичности подростков не установлена.

Ключевые слова: психология семьи, удовлетворенность семейными отношениями, личностные особенности детей из полных и неполных семей; психическое развитие в подростковом возрасте; личностная идентичность; развитие личностной идентичности у подростков.

Rozhdestvenskaya Natalia Andreevna
Doctor of psychological sciences, associate professor,
Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University,
professor of the Department of Developmental Psychology,
125009, Moscow, ul. Mokhovaya, 11, building 9.
E-mail: nataly.msu@yandex.ru

Mozharovsky Igor Lvovich
Candidate of psychological sciences, associate professor,
Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University,
associate professor of the Department of Educational Psychology
125009, Moscow, ul. Mokhovaya, 11, building 9.
E-mail: mozharovsky@bk.ru

Nonikashvili Mari Vissarionovna
Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University,
student of the Department of Educational Psychology

SATISFACTION WITH FAMILY AND PERSONAL IDENTITY DEVELOPMENT IN TEENAGERS

Abstract. The article detects the determinants of children development in families, in particular in full and incomplete ones; presents a diagnostic method, which has passed the initial stage of validation. Comparison of complete and incomplete families shows that in the last teenagers treat parents as more aggressive, directive, autonomous, showing less love towards them; however there is no reliable relationship between a family type and the development of teenagers' personal identity.

Key words: family psychology; satisfaction with family relationships; personal characteristics of children from complete and incomplete families; mental development in adolescence; personal identity; development of personal identity in adolescence.

Одной из отличительных особенностей современного российского общества является затянувшийся кризис, порождающий у людей повышенную тревожность, неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие веры в какие-либо реформы. Такие настроения не могут не передаваться молодежи, в частности, подросткам, вступившим в период кризиса личностной идентичности. Учитывая недостаточно благоприятное состояние общества в целом, а также исходя из того, что важную роль в личностном развитии человека играет семья, можно допустить, что успешное завершение кризиса смысла жизни у юношей и девушек, прежде всего, определяется способностью семьи поддержать молодых людей и создать все возможные условия для их дальнейшего роста. Следовательно, логично предположить, что становление личностной идентичности у молодых людей связано с удовлетворенностью ими своей семьей.

Обобщение данных, полученных многими специалистами в области психологии семьи, показывает, что благоприятный ход развития детей определяет совокупность разных факторов, среди которых ведущую роль играют следующие. Родители должны принимать своего ребенка таким, как он есть со всеми его достоинствами и недостатками [9]. Главное, чтобы они оценивали внутренний мир и эмоциональное состояние ребенка не через призму своих стереотипных представлений и идеализированных желаний, а благодаря адекватному отражению особенностей его развивающейся личности [18].

В семье должны превалировать доверительные отношения, которые обеспечивают устойчивую и адекватную самооценку ребенка, развитие у него социального интеллекта, коммуникативной и эмоциональной компетентности. Отсутствие душевной близости, эмпатии, умения слушать и слышать друг друга порождает у детей низкую самооценку, неуверенность в себе, повышенную тревожность, недоверие миру, злость [5].

Становление личностных свойств и нравственных начал у ребенка осуществляется, во многом, благодаря таким механизмам воспитания, как идентификация и подражание (неосознанное уподобление родителям и осознанная ориентировка на их пример), подкрепление (поощрение ребенка за правильное поведение), усвоение социальных ролей и демократический стиль воспитания, характеризующийся, помимо выше сказанного, разумными правилами общежития, обсуждаемыми и принимаемыми совместно с детьми, соблюдением границ личного пространства каждого члена семьи, развитием способности работать «в команде». Такой стиль воспитания способствует формированию у детей чувства собственного достоинства, ответственного и уважительного отношения к семье, другим людям и самому себе. Важным фактором семейного воспитания также является предоставление детям самостоятельности, благоприятствующей развитию волевого поведения. При этом наказание должно использоваться как крайняя, второстепенная и

нечасто используемая мера воздействия [2]; [10].

Помимо этого, в литературе имеются данные о психическом благополучии детей из полных и неполных семей. Так, в большинстве исследований показано, что у детей, выросших в неполных семьях, достоверно чаще возникают нервные и психические расстройства, например, тики, заикание, патохарактерологические и поведенческие нарушения, наблюдаются проблемы с полоролевой идентификацией, пониженный уровень притязаний, более высокий уровень тревожности, конфликтные отношения с родителями и многое другое.

В подростковом возрасте, когда наступает возрастной кризис психического развития, у детей из неполных семей наиболее выражены поведенческие девиации. У них чаще проявляется личностная незрелость, большая эмоциональная неустойчивость, неуверенность в себе, повышенная эмоциональная чувствительность и раздражительность. Подростки из неполных семей составляют группы риска девиантного поведения, их много среди бродяжничающих детей, живущих за счет краж, попрошайничества, физического насилия над слабыми людьми (младшими по возрасту, стариками, людьми, находящимися под воздействием алкоголя, и т.д.) [17].

В исследованиях, изучающих процесс становления личностной идентичности, показано, что кризис идентичности в подростковом возрасте носит системный характер [7]; [19]; [22]; [23], когда внимание молодых людей направляется на философское осмысление действительности, понимание человеческих взаимоотношений, анализ явлений общественной жизни, поиск своего места в мире межличностных и социальных отношений. По Э. Эриксону в этот период подросток должен осуществить психосоциальную идентификацию, во-первых, объединив, в единое целое все, что он знает о себе как носителе разных социальных ролей (таких, как школьник, сын или дочь, спортсмен, друг, сосед и т.д.), во-вторых, установив связи с прошлым и, в-третьих, построив проекцию будущего. Если подросток успешно решает данные задачи, то он знает, кто он такой, какую позицию в обществе занимает и каковы дальнейшие перспективы его жизненного пути. Это означает, что его личностная идентичность сформировалась, и он становится верным себе и взятым на себя обязательствам, способен сделать свой выбор, найти свою линию жизни, принять существующий миропорядок и придерживаться его. Если он не уверен в понимании себя, среды, к которой принадлежит, и своих дальнейших жизненных перспектив, то у него наблюдается путаница ролей, неуверенность в себе и негативизм.

Как известно, к настоящему времени выполнено большое количество исследований, посвященных изучению разных аспектов становления личностной идентичности, включая выбор молодыми людьми будущей профессии. В частности, рассмотрены особенности и виды личностной и профессиональной идентичности [1]; [12], изучены связи профессиональной идентичности с личностной идентичностью, а также другими личностными особенностями [7]; [20], исследованы факторы и условия развития и функционирования личностной и профессиональной идентичности [8]; [13]; [15]; [16], проанализированы подходы к их формированию [4]; [21], [24]; [25].

Несмотря на это, в настоящее время в психологии отсутствует общепринятая трактовка понятия «идентичность». В нашей работе мы опираемся на определение, предложенное Дж. Марсия, и под личностной идентичностью понимаем индивидуальное саморазвивающееся психическое образование, включающее убеждения, способности, потребности и Я-историю, феноменологически проявляющееся через сделанные (или несделанные) жизненные выборы [23].

Эмпирические исследования отечественных психологов, в которых изучается процесс становления личностной идентичности у молодежи, показывают, что она может достигать высокого уровня развития в разные возрастные периоды: в подростковом возрасте (от 12 до 15 лет), в старшем подростковом или юношеском возрасте (от 15 до 19 лет) и далее в студенческие годы [8]; [11]. Установлено, что еще в возрасте от 15 до 16 лет личностная идентичность начинает значимо расти, и в 16 лет примерно четвертая часть подростков

выходит на высокий уровень [19], в 17 - 18 лет наблюдается еще более интенсивное развитие личностной идентичности, по сравнению с предшествующими годами, а сенситивным периодом ее становления является возраст 19-20 лет [7]. Вместе с тем, по данным эмпирических исследований, на всех курсах вузов обнаруживается немалое количество студентов с недостаточно развитой идентичностью и нуждающихся в коррекции негативных эмоциональных состояний в связи с неопределенностью выбора жизненного пути и растерянностью перед ближайшим малопривлекательным будущим. Они не способны самостоятельно разрешить кризис идентичности и нуждаются в психологической и профориентационной помощи [8].

Это явление объясняется многими причинами [19], однако, в любом случае, перед психологами встает задача изучения возможности оказания психологической помощи старшеклассникам и студентам в становлении личностной идентичности. Приступая к изучению этой непростой задачи, мы выдвинули несколько предположений, которые проверялись в эмпирическом исследовании, посвященном изучению корреляционной связи между уровнем развития личностной идентичности подростков и их удовлетворенностью семейными отношениями.

Гипотезы исследования:

1) по уровню развития личностной идентичности подростки из полных семей статистически значительно превосходят подростков из неполных семей;

2) по показателям отношения к семье, представленным в методике ADOR, подростки из полных семей статистически достоверно отличаются от подростков из неполных семей;

3) по показателям удовлетворенности своей семьей (по методике «Удовлетворенность подростка своей семьей») подростки из полных семей статистически значительно отличаются от подростков из неполных семей.

4) уровень развития личностной идентичности у девушек статистически значительно выше, чем у юношей. Эта гипотеза вытекает из данных, полученных в исследовании Н.А. Рождественской, И.Л. Можаровского и В.В. Макарян [19]. Авторы показали, что по признаку «уровень развития личностной идентичности» различия между девушками и юношами 15 – 16 лет не значимы. Мы решили перепроверить этот результат, поскольку во многих исследованиях отмечается заметное влияние гендерных различий на развитие психики и поведения человека [3].

5) шкалы новой методики «Удовлетворенность подростка своей семьей», и методики ADOR связаны корреляционной связью. Гипотеза определяется необходимостью валидации новой методики. Она направлена на изучение эмоционального отношения подростков к своим родителям. По своей направленности она аналогична методике ADOR/ПОР, однако, ее отличие состоит в том, что последняя в большей мере сориентирована на оценку паттернов поведения родителей (таких, как директивность, враждебность, автономность, непоследовательность воспитательных воздействий), а методика «Удовлетворенность подростков своей семьей» создана для исследования преимущественно эмоционального восприятия семьи.

Методики исследования. «Методика изучения уровня развития личностной идентичности» Дж. Марсия, позволяющая установить уровень развития личностной идентичности у каждого респондента. Методика модифицирована В.Р. Орестовой и О.А. Карабановой на российских респондентах [14].

Методика «Удовлетворенность подростка своей семьей», разработана Н.А. Рождественской и М.В. Ноникашвили. Она представляет собой опросник из 32 вопросов, образующих 8 шкал: «Доверие», «Агрессия», «Любовь», «Поддержка», «Принятие», «Уважение», «Самостоятельность», «Понимание». Ответы респондентов оцениваются по 5-бальной шкале: 0 – никогда, 1 - редко, 2 – иногда, 3 – часто, 4 – всегда. При разработке указанных шкал мы исходили из данных теоретических и эмпирических исследований, частично представленных выше, в которых исследуются факторы благоприятного воздействия семьи на развитие личностных свойств детей и подростков.

Методика ADOR/ПОР (подростки о родителях), с помощью которой анализируются оценки подростками установок и методов воспитания, используемых их родителями. Авторы русскоязычной версии Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына. Это - одна из наиболее востребованных и объективных методик исследования межличностных отношений родителей и подростков, которая показывает, как подросток воспринимает своих родителей в различных жизненных ситуациях. Опросник включает 50 вопросов, по 10 вопросов на каждый оцениваемый параметр: "Позитивный интерес", "Директивность", "Враждебность", "Автономность", "Непоследовательность" (отдельно для каждого из родителей). Методика также часто используется как психодиагностическая процедура в индивидуальной работе с семьей. В нашем исследовании одна из целей применения данной методики направлена на проверку валидности новой методики «Удовлетворенность подростка своей семьей».

Выборка. Всего в исследовании принимали участие 100 подростков, проживающих в Москве: 24 юноши, 76 девушек от 13 до 17 лет. Из них: 67 человек из полных и 33 человека из неполных семей.

Анализ и обсуждение результатов исследования

Различия между полными и неполными семьями, а также юношами и девушками исследовались с помощью непараметрического статистического критерия Мана-Уитни. Проверка первой гипотезы показала, что по уровню развития личностной идентичности подростки из полных семей не превосходят подростков из неполных семей ($p=,907$). Первая гипотеза отклонена.

Полученный результат можно объяснить тем, что становление идентичности в период подростничества в большей мере определяется уровнем сформированности абстрактного мышления, рефлексии, социального интеллекта и некоторых других свойств, приобретенных подростками на более ранних ступенях психического развития, и в меньшей степени оно детерминировано влиянием детско-родительских отношений. Вместе с тем, данный результат нельзя рассматривать как окончательный, т.к. он получен на сравнительно небольшой группе респондентов (67 подростков из полных и 33 подростка из неполных семей), и нуждается в проверке на `большой выборке.

Вторая гипотеза подтвердилась частично. По большинству показателей отношения к семье (шкалы методики ADOR) подростки из полных семей статистически достоверно отличаются от подростков из неполных семей тем, что первые воспринимают своих матерей и отцов как проявляющих больше позитивного интереса к ним ($p=,024$; $p=,000$ соответственно), менее директивных ($p=,047$; $p=,000$) и автономных ($p=,032$; $p=,001$); помимо этого матери воспринимаются как менее враждебные ($p=,023$), а отцы – более последовательные ($p=,000$). По таким параметрам, как непоследовательность матери и враждебность отца различия не установлены.

Третья гипотеза также подтвердилась частично. Показано, что подростки из полных семей, по сравнению с подростками из неполных семей, воспринимают свою семью как менее агрессивную ($p=,021$) и проявляющую больше любви ($p=,034$) (по методике «Удовлетворенность подростка своей семьей»). Различия между подростками из полных и неполных семей не значимы по таким параметрам, как доверие ($p=,932$), поддержка ($p=,114$), принятие ($p=,832$), уважение ($p=,201$), самостоятельность ($p=,131$) и понимание ($p=,476$).

Таким образом, на новом материале и с использованием двух методик – широко известного теста ADOR и новой методики «Удовлетворенность подростка своей семьей» подтверждены данные многочисленных исследований, посвященных изучению различий между подростками, проживающими в полных и неполных семьях. Показано, что подростки, проживающие в полных семьях, по многим важным параметрам, характеризующим детско-родительские отношения, оценивают своих родителей позитивнее, по сравнению с подростками из неполных семей. Четвертая гипотеза, согласно которой уровень развития личностной идентичности у девушек статистически значимо выше, чем у юношей,

отклоняется, различия между этими двумя группами подростков по данному показателю не значимы ($p=,387$). Благодаря проведенному исследованию удалось подтвердить данные, представленные в обосновании гипотезы 4 и полученные на другом эмпирическом материале [19].

Пятая гипотеза подтверждена. Шкалы методик «Удовлетворенность подростка своей семьей» и «ADOR/ПОР» статистически связаны. В таблице 1, представленной ниже, приведены результаты корреляционного анализа, который показал, что валидизация новой методики в целом дала позитивные результаты, однако, их нельзя признать окончательными, и работу над методикой необходимо продолжать.

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа шкал методик «Удовлетворенность подростка своей семьей» и «ADOR/ПОР»⁸

Удовлетворенность подростков своей семьей ADOR/ ПОР	Д ове- р ие	А грес- сия	Л ю- бовь	П оддер- жка	П ри- няти е	У ва- же- у ие	С амо- стоя- т ель- ность	П они- м ание
Позитивный интерес (м)	,582**	-,658**	,709* *	,23**	,7067	,655**	-,221*	-,016
Директивность (м)	-,163	,421**	-,199*	-,176	-,120	-,120	,614**	,224*
Враждебность (м)	-,464* *	,720**	-,591* *	-,632**	-,548* *	-,548* *	,405**	,218*
Автономность (м)	,413**	-,285**	,252*	,96**	,239*	,239*	-,456**	-,127
Непоследователь- ность (м)	-,222* *	,412**	-,253* *	-,234**	-,194* *	-,194* *	,281**	,221**
Позитивный интерес (о)	,261**	-,440**	,508* *	,98**	,540* *	,540**	-,069	,086
Директивность (о)	,122	-,175	,244*	,33*	,239*	,39*	,118	,115
Враждебность (о)	-,182	,231*	-,272* *	-,265**	-,231* *	-,231*	,064	,051

⁸ Буквы (м) и (о) обозначают: «оценка матери» и «оценка отца».

<i>Автономность</i> (о)	,006 -	,191 -	210* ,	47 ,1	199* ,	199* ,	,107 -	040 ,
<i>Непоследовательность</i> (о)	,007 -	,068 -	089 ,	84 ,0	150 ,	139 ,	139 ,	129 ,

** - корреляция значима на уровне $p \leq 0,01$ (двухсторонняя).

*- корреляция значима на уровне $p \leq 0,05$ (двухсторонняя).

Выводы

В проведенном исследовании показано, что по уровню развития личностной идентичности подростки из полных и неполных семей достоверно не различаются. Поскольку данный факт установлен на недостаточно репрезентативной выборке, он нуждается в дальнейшем изучении.

Установлено, что в полных и неполных семьях, подростки по-разному оценивают ряд важных паттернов поведения и личностных свойств родителей. В неполных семьях родители оцениваются как более агрессивные, директивные, автономные, проявляющие меньше любви и позитивного интереса к детям. При этом матери воспринимаются как более враждебные, а отцы как менее последовательные.

Обнаружено, что по параметру «уровень развития личностной идентичности» достоверно значимые различия между юношами и девушками отсутствуют, что подтверждает данные, приведенные в обосновании четвертой гипотезы исследования.

Успешно завершён первый этап разработки методики «Удовлетворенность подростка своей семьей», измеряющей отношение подростков к семье по таким параметрам, как доверие, агрессия, любовь, поддержка, принятие, уважение, самостоятельность, понимание. Намечены пути доработки предложенной методики.

Список использованных источников:

1. Анищенко С.А. Особенности профессиональной и гендерной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. – 26 с.
2. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций. — М.: АСТ, 2008. — 352 с.
3. Грошев И.В. Психология половых различий: Монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 683 с.
4. Гурылева Л.В., Нагорнова А.Ю., Нагорнов Ю.С. Технология формирования содержания когнитивного аспекта профессиональной идентичности студентов технических специальностей // *Фундаментальные исследования*. — 2013. — №1. — С.69-72.
5. Захарова Е.И. Эмоциональная сторона детско-родительского взаимодействия Психология семьи. Учебник / Е.В. Гурова, Е. И. Захарова, Н. В. Гребенникова и др. — Москва, АCADEMIA, 2014.— 240 с.
6. Иванченко В.А. Социально-психологические особенности детей из неполных семей // *Известия Саратовского университета*. 2010. Т.10. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – № 2. – 69-72 с.
7. Исаева Д.А. Особенности становления личностной и профессиональной идентичности в юности и ранней взрослости Автореферат дисс. ... канд. психол. наук. СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2013. – 26 с.
8. Идобаева О.А. Психологическое сопровождение развития личности на разных этапах профессионализации: монография. – М.: Эко-Пресс, 2011. – 172 с.
9. Карбанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие / О.А. Карбанова. - М.: Гардарики, 2006. - 320 с.

10. Карабанова О.А. Семейное психологическое консультирование - теория, практика, образование // Национальный психологический журнал. - 2010. - № 1 (3). - 104-107 с.
11. Кумырина Ю.А. Социально-психологический компонент профессиональной идентичности студентов-юристов. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, Ярослав. гос. ун-т им. П.Г. Демидова, 2005. – 24 с.
12. Меркулова В.Н. Статусные характеристики профессиональной идентичности старших подростков на ранних стадиях профессионального определения // Психология в России и за рубежом: материалы II междунар. науч. конф.. — СПб., Реноме, 2013. — С.57-63.
13. Никифорова А.А., Цихончик Н.В. Динамика и содержание профессиональной идентичности студентов различных направлений вузовской подготовки // Электронный научно-практический журнал "Психология, социология и педагогика". 2014. №6.- URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/06/3236> (дата обращения: 13.04.2017).
14. Орестова В.Р. Карабанова О.А. Методы исследования идентичности в концепции статусов эго-идентичности Дж. Марсиа // Психология и школа. 2005. № 1. 39-50 с.
15. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. — М.: Издательство УРАО, 2002. — 160 с.
16. Пряжников Н.С. Профессиональное самоопределение: теория и практика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2008. — 320 с.
17. Рождественская Н.А. Девиантное поведение и основы его профилактики у подростков. – М.: Генезис, 2015. – 216 с.
18. Рождественская Н.А. Способы межличностного познания: психолого-педагогический аспект. – М.: ПЭР СЭ, 2004. – 282 с.
19. Рождественская Н.А., Можаровский И.Л., Макарян В.В. Связь личностной и профессиональной идентичности у старшеклассников. // Национальный психологический журнал. № 1 (29) 2018. – 38 – 49 с.
20. Скибо Т.Ю. Педагогические условия становления профессиональной и личностной идентичности студентов: монография. — Воронеж: Научная книга, 2007. — 140 с.
21. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учеб. пособие. — М.: МПСИ, 2004. — 335 с.
22. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. — М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. — 352 с.
23. Marcia, J.E. Identity in Adolescence // Handbook of Adolescent Psychology/ Ed. by J.Adelson. – N.Y.: John Willey, 1980. – 213-231 с.
24. Pratt, M.G., Rockmann, K.W., & Kaufmann, J.B. Constructing Professional Identity: The Role of Work and Identity Learning Cycles in the Customization of Identity among Medical Residents. // Academy Of Management Journal. 49 (2). 2006. - 235- 262.
25. Wiles, F. Not easily put into a box: constructing professional identity. // Social Work Education. 32(7). 2013. - 854 – 866.

Власова Наталья Валериевна
кандидат психологических наук,
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г.Чернышевского,
доцент кафедры психологии личности
410028 г. Саратов, Танкистов, 93
E-mail: natali-viola@mail.ru

ДИСКУРС ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА О ЛЮБВИ И БРАКЕ

«Сколько экзистенциалистов, столько и экзистенциализмов»

Никола Аббаньяно

« ...романтическая любовь расцветает в тени и увядает под пристальным взглядом»

Ирвин Ялом

Аннотация. В статье представлено обсуждение проблемы любви и брака в экзистенциальной парадигме. Рассматривается основной круг проблем и функций экзистенциализма. Анализируется методологический потенциал понятия экзистенции и ее типы. В дискурсе экзистенциальных воззрений и категорий необходимости, возможности и неопределенности представлены рассуждения о любви и браке. Предлагается авторский взгляд на понимание роли любви и брака в разрешении экзистенциальных проблем существования человека.

Ключевые слова: экзистенциализм, экзистенция, любовь, брак, свобода, неопределенность

Vlasova Natalia Valerievna
candidate of psychological sciences,
Saratov National Research
State University named after N. Chernyshevsky,
410028 Saratov, Tankists, 93
E-mail: natali-viola@mail.ru

THE DISCOURSE OF EXISTENTIALISM OF LOVE AND MARRIAGE

"How many existentialists, so many existentialisms"

Nicola Abbaniano

"... romantic love blooms in the shadows and withers under the gaze"

Irwin Yalom

Abstract. The article presents a discussion of the problem of love and marriage in the existential paradigm. The main circle of problems and functions of existentialism is considered. The methodological potential of the concept of existence and its types are analyzed. In the discourse of existential views and categories of necessity, possibility and uncertainty, the arguments about love and marriage are presented. An author's view on understanding the role of love and marriage in solving existential problems of human existence is offered.

Key words: existentialism, existence, love, marriage, freedom, uncertainty

Развитие экзистенциализма в философии, психологии, литературе и искусстве обусловлено поиском ответов на вопросы о существовании человека и стремлении понять

человека не разделяя его на субъект и объект. В XIX в. происходит переход научной мысли от изучения сущности (поиск абстрактной истины и логических законов) к познанию действенного существования (описанию экзистенциальной реальности наполненной переживаниями человека). В экзистенциализме зарождается индивидуализм, выражающий существование собственной ситуации и позиции человека. Пауль Тиллих, в своей работе «Мужество быть», определяет экзистенциализм, как наиболее радикальную форму мужества быть собой и выделяет три функции экзистенциализма: представлять экзистенциальную точку зрения, выражать протест и выступать средством выражения. «Там, где существует экзистенциалистская точка зрения, - пишет П.Тиллих - существует проблема человеческой ситуации, переживаемой индивидом» [7]. Ситуации всегда содержат в себе отношения, создающие для человека возможность быть тем, чем он является в границах этих отношений, а именно, проявлять себя в чертах и качествах. Экзистенциалисты отмечали, что истина каждого человека не существует без его участия, его осознания и его отношений. Уильям Джеймс высказывался об этом так: «Истина существует лишь для единичного индивида и в той мере, в какой он сам создает ее своим действием» [8, с.9].

Оппонируя искусственности романтизма в его представлениях о жизни, экзистенциализм старается показать невозможность подлинного человеческого существования в бытийности жизни. Художественный потенциал Шекспировской трагедии «Король Лир» содержит в себе трагические мотивы безысходной необходимости в человеческой жизни: «Сведи к необходимости всю жизнь и человек сравняется с животным» (Король Лир: действие 2, сцена 4). Но, вместе с тем, заданные необходимостью человеческого существования данности, такие как смерть, свобода, выбор и ответственность порождают истинные и неразрешимые чувства - одиночество, отчаяние, страх, тревогу и тоску. В экзистенциальном измерении данные темы рассматриваются через категории «неопределенности», «необходимости» и «возможности». Обретение человеком своей подлинной сущности происходит в ситуации неопределенности, критические и кризисные периоды. Такими ситуациями выступают смертельная опасность и витальная тревога, вина, страх и любовь.

Опыт любви ввергает человека в пограничную, кризисную ситуацию, в которой определяется его выбор и рождается новая неопределенность. Как отмечал И.Ялом, что у каждого «да» есть свое «нет» и «каждое принятое решение уничтожает все остальные возможности» [9, с.7]. В работе «Лечение от любви» автор развенчивает парадокс о том, что развитие самосознания личности усиливает его экзистенциальную тревогу. «Человек, который влюбляется и переживает блаженное состояние единства с любимым, - пишет И.Ялом - не рефлексировать, поскольку его одинокое сомневающееся "Я", порождающее страх изоляции, растворяется в "мы"» [9, с.9] Любовь, как экстатическое переживание связано с «растворением» психологических границ, слиянием, сильным ощущением удовольствия и наслаждения пленит человека, в какой-то мере формируя навязчивость от образа Другого и переживаемых чувств.

Поэтому, наша попытка соприкоснуться с темой любви в дискурсе экзистенциальных воззрений позволяет нам ориентироваться скорее на вопросы и рассуждения, что и определяет *возможности поиска, задаваемой нами неопределенности экзистенций любви.*

Как неопределенность определяет существование любви и брака?

Парадокс Любви как экзистенции свободы и смысла

Отношения человека с собой, миром и другими людьми несут в себе многообразие неопределенности. По сути своей, неопределенность отношений содержит в себе возможность экзистенции (выделяться, возникать, появляться). Экзистенция, как возможность проявиться в ситуации создает *возможным само существование.* Датский философ С.Кьеркегор выделяет три типа человеческой экзистенции: эстетическая, этическая и религиозная. Эстетическая экзистенция создает возможности существования личности в континууме социальных ролей, поиске удовольствий и наслаждений от жизни, истинное «Я» личности остается фрагментарным и непознанным. Этический уровень экзистенции

наполнен не случайностями жизни, а ответственным, осозанным и моральным свободным выбором. Любовь на этой стадии, как пишет философ, укоренена в стремлении, она проявляет себя, не в пафосной внешней борьбе, а во внутренней диалектике. Эстетическая экзистенция проявляется в любви в единстве ее противоположностей: чувственного и духовного; свободы и необходимости; существовании в моменте, но сохранении в вечности. С.Кьеркегор раскрывает потенциал брака во 2 части его работы «Или-или», которая называется «Эстетическая значимость брака» [3]. Потенциал брака содержится в его супружеской любви, а именно: ее временного континуума обладания желанным, верности, повседневности и долга, который рассматривается философом не как «враг любви», а как ее «друг». Подлинной составляющей брака является любовь эротическая и нравственная. Религиозный уровень экзистенции создает возможность обретения веры и покорности Богу, где «Я» соприкасается с экзистенциальным проживанием отчаяния, страха и тревоги перед осознанием абсолютной свободы и конечностью своего существования. Возможно, авторство перед собственным познанием своей экзистенции, обретением любви, и на тот момент признания С.Кьеркегором отсутствия веры, способствовало его отказу от помолвки с Региной Ольсен.

В экзистенциализме любовь предстает как экзистенция выражения страсти, свободы и соблазна [5]. Осознание проблематичности экзистенции заключается в том, как отмечал философ - экзистенциалист Никола Аббаньяно, что она формируется в акте трансцендирования экзистенции «Я» к экзистенции «Другого» [1]. Таким образом, экзистенция таит в себе возможности: реализации человеком себя путем выхода за границы своего существования «Я»; обретении себя в границах существования «Другого», порождая при этом новую неопределенность.

Неопределенность существования в «Другом» актуализирует проблему свободы и выбора для человека. Давайте поразмышляем о том, что среди многообразия возможностей выбора, мужчина и женщина, вступая в брак, обретают друг друга в решительном действии отказа от других возможностей. В этом акте выбора создается не только судьба, а происходит акт верности самому себе, происходит выбор себя: «Я» выбираю и нахожу свое «Я» не в себе самом, а в существующем «Другом». Связывая свою судьбу с другим человеком, мы совершаем экзистенциальный акт, который основан не только на нашем волевом решении, но и включает в себя действительную неопределенность настоящего и будущего. Отношения, в которые мы вступаем, могут оказать на нас и на другого человека различное влияние, могут закончиться разочарованием, болью, страданием, рождением новых сомнений и обретением новых смыслов.

У Ж.П. Сартра любовь определяется свободой выбора, чтобы другой любил меня, я должен быть свободно избран им в качестве любимого [6]. У Ирвина Ялома, любовь - это отношение самоотдачи, свободное от всякого принуждения, полное заботы и тепла [9].

Для понимания взаимосвязи свободы, любви и брака следует указать, что в разные исторические времена культурные традиции расставляли различные акценты на ценности данных дефиниций. Н.Бердяев отмечал, что преступно считать не любовь Анны Карениной к Вронскому, а брак Анны с Карениным. Развод, в данном случае, признан стать правом при прекращении любви, т.к. без любви брак безнравственен [2]. Ж.П.Сартр задается разрешением парадокса о возможности подлинного бытия – свободы, при этом сохраняя возможности оставаться самим собой в «бытии-для-другого». Данный парадокс разрешается Ж.П.Сартром в рамках модернистской парадигмы: проект «быть самим собой» недостижим, человек остается со своей экзистенциальной тоской, сохранить свою индивидуальность и ценность себя можно только в оппозиции к культуре и ее традициям.

Появление Другого в жизни человека всегда сопряжено с возникающей угрозой свободы «Я», осознанием границ конечности «Я», возрастанием ответственности. Любовь есть «предприятие, реализации проектов» двух субъективностей, которые обостряют проблему свободы в отношениях, порождают тревогу и страх потери себя. В отношениях любви каждый реализует свой проект – как сделать так, чтобы меня любили? Первый

вопрос, который ставит Ж.П. Сартр - почему любящий хочет быть любимым? В проекте «собственнической любви», по Ж.П. Сартру, любящий хочет пленить другого, завладеть не телом, а своей свободой овладеть субъективностью другого, быть «всеми в мире» для любимого, которого он избрал. Кто согласится, рассуждает автор, чтобы ему сказали: «Я вас люблю, потому что я по своей свободной воле связал себя обязательством любить вас и не хочу изменять своему слову; я вас люблю ради своей верности самому себе?» [6]. В проекте «мазохистской любви» - «Я» существует соблазняющим и очаровывающим, т.к. это необходимо другому, но при этом находит и точку опоры для себя. На это указывал и С.Кьеркегор (1813-1855), что пока длится игра соблазнения – есть смысл, как только страсть переходит в действительные отношения – смысл (страсть) исчезает. В желанном «Другом» и желанном «Я» открывается бытие тела, пола и сексуальности. Р.Мэй, по этому поводу писал следующее: «Любовь – спрятанное желание обладания, а просьба о нем – это всегда соблазнение» [4].

В XX в. европейский экзистенциализм наполняют идеи феминизма и свободного брака. Яркими представителями революционных отношений полов являются философ Ж.-П. Сартр и писательница Симона де Бовуар. Оба они были против брака и считали его ограничителем личностной свободы. Симона де Бовуар яркая феминистка, на примере собственной жизни показывает, что для того чтобы стать женщиной, ей нужно игнорировать общепринятые стереотипы и модели женского поведения. Отношения между мужчиной и женщиной создают равноправные для них возможности в реализации собственных «проектов жизни». Свободные отношения от брака дают личности возможность освобождения из смирительной рубашки социальных "я". Их гражданский брак был нетрадиционным и продлился 50 лет. Манифест свободной любви Ж.П.Сартра и Симоны де Бовуар оказался для них куда более мучительным, чем они предполагали.

В тоже время, американский психолог - экзистенциалист Р. Мэй, затрагивает проблему любви в другом ракурсе: «В викторианскую эпоху человек искал любви без секса; современный человек ищет секса без любви» [4]. Эхо европейского и американского экзистенциализма о свободе любви пронизывает модели современного брака и супружеских отношений. Состояние, когда человек себя чувствует свободным в этой необходимости любви, обрело бремя пустоты в реалиях свободной любви. Манифест свободной любви качнул маятник от ценности целомудрия и гармонии в браке, в сторону несдержанности и неразборчивости сексуальных отношений до брака. Страдания современного человека, как отмечают многие психотерапевты, сопряжены с проблемами привязанности, неспособности построения глубоких эмоциональных отношений и утраты телесной чувствительности. Экзистенциалисты заявляют о проблеме отчужденности человека в современном высокотехнологизированном обществе. Потенция любви становится возможностью обретения человеком внутренней осмысленности своего существования.

Вывод наших рассуждений, может заключаться в следующем: любовь - есть истина только для себя. Любовь – есть перенос личностью многообразия аспектов экзистенции, ее страстей, свободы, выбора и смысла в жизнь другого человека. Неопределенность определяет существование любви и брака через потребность и нужду в обретении себя в «Другом». Нужда - есть объективная необходимость любви для существования каждого человека, которую он может и не осознавать. Потребность – это возможность осознавать и переживать состояние любви, чтобы подлинное существование человека в этом потоке определяло его сущность и поддерживало развитие личности в свободном выборе себя, своей боли и смысла жизни.

Список использованных источников:

1. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм // Перевод с итальянского, комментарии и именной указатель А. Л. Зорина Санкт-Петербург: «Алетейя», 1998.- 507 с.
2. Бердяев Н. "Самопознание (опыт философской автобиографии)", М.: "Книга", 1991г.

3. Кьеркегор С. Или-или. Фрагмент из жизни / Пер. с дат. Н.Исаевой, С.Исаева. - 3-е изд. - М.: Академический проект, 2018. - 775 с. - (Философские технологии)
4. Мэй Р. Любовь и воля// Перевели О.О.Чистяков и А.П.Хомик. – К.:PSYLIB, 2005. [Электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://psylib.org.ua/books/meyro01/index.htm> (Дата обращения: 04.06.2018)
5. Пигулевский В. О., Мирская Л. А. Парадокс любви // Гуманитарий Юга России, 2016. Том. 22. № 6. С. 119-133
6. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. Перевод В.И.Колядко//Ч. 3 Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://psylib.org.ua/books/sartr03/index.htm>
7. Тиллих П. Мужество быть //П.Тиллих Избранное. М.: "Юрист", 1995, стр. 7-131. [Электронный ресурс] – Режим доступа. - URL:<http://psylib.org.ua/books/tillp01/index.htm> (Дата обращения: 09.06.2018)
8. Теория и практика экзистенциальной психологии. Пер. с англ. Под ред. С. Римского. – М. Институт Общегуманитарных Исследований. 2017, - 336 с.
9. Ялом И.Д. Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы Пер. с англ. А.Б. Фенько. — М.: Независимая фирма «Класс», 1997. — 288 с.

Балашова Елена Юрьевна
кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
ведущий научный сотрудник кафедры нейро- и патопсихологии;
Научный центр психического здоровья,
старший научный сотрудник отдела медицинской психологии;
Психологический институт Российской Академии образования,
ведущий научный сотрудник лаборатории психологии подростка
117463 г. Москва, Голубинская, 29-1-334
E-mail: elbalashova@yandex.ru

КОГНИТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА: СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ РИСКА

Аннотация. В статье представлен анализ особенностей когнитивного развития современных детей младшего школьного возраста. Проведено обсуждение различных факторов риска, осложняющих оптимальный ход когнитивного развития. Особое внимание автор уделяет широкому спектру семейных проблем, влияющих на формирование психики и поведения детей, на их адаптацию к ситуации школьного обучения.

Ключевые слова: когнитивное развитие, младшие школьники, семья, факторы риска.

Balashova Elena Yurievna
candidate of psychological sciences, associate professor
Lomonosov Moscow State University,
Leading Research Associate of the Department of neuro- and pathopsycology;
Mental Health Research Center,
Senior Research Associate of the Department of medical psycology,
Psychological Institute of Russian Academy of Education,
Leading Research Associate of the laboratory of teenager psychology
117463 Moscow, Golubinskaya, 29-1-334
E-mail: elbalashova@yandex.ru

COGNITIVE DEVELOPMENT OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN: FAMILY RISK FACTORS.

Abstract. The article presents an analysis of the features of cognitive development of modern children of primary school age. Various risk factors complicating the optimal course of cognitive development are discussed. The author draws special attention to a wide range of family problems that affect the formation of the psyche and behavior of children, their adaptation to the situation of school education.

Key words: cognitive development, primary school children, family, risk factors.

Психологический анализ особенностей когнитивного развития детей предполагает внимательное изучение причин, осложняющих динамические, операциональные или регуляторные аспекты этого процесса. Психология аномального развития обычно делит причины, детерминирующие возникновение различных типов психического дизонтогенеза, на биологические и социальные [5]. К биологическим детерминантам относятся, прежде всего, отклонения в развитии мозга, связанные с действием генетических, инфекционных, травматических и других патогенных факторов. К социальным детерминантам специалисты

обычно относят микросоциальную и педагогическую запущенность, неблагоприятные условия воспитания, культурную депривацию, которые создают дефицит информации и эмоционального опыта на ранних этапах онтогенеза [4, 5]. Следует отметить, что сегодня социальные детерминанты часто рассматриваются как один из вариантов т.н. средовых факторов. В последние десятилетия в этот список включаются все и новые факторы, которые оказывают или могут потенциально оказывать негативное воздействие на формирование когнитивной сферы детей младшего школьного возраста. Среди них есть те, что, безусловно, непосредственно или опосредованно связаны с различными аспектами функционирования семьи.

Прежде всего, внимание специалистов привлекают *экологические* факторы. Так, широко известно об увеличении частоты минимальных мозговых дисфункций у детей, проживающих в экологически неблагоприятных регионах (по данным экомониторинга), о негативных последствиях экологических катастроф [9]. Вместе с тем, степень действия экологических факторов может варьировать в зависимости от тех навыков здорового образа жизни, которые формируются у ребенка в процессе семейного воспитания.

Второй паттерн факторов, как это не покажется странным, связан с *успехами медицины*. Вспомним, что сегодня все больше детей рождается посредством кесарева сечения, что может оказывать неблагоприятное воздействие на созревание подкорковых структур мозга. Врачи научились выхаживать глубоко недоношенных детей, а такой диагноз нередко связан с непростым сценарием дальнейшего психического развития. Наконец, лечение тяжелых соматических заболеваний иногда приводит к отдаленным последствиям, связанным с развитием когнитивной сферы. Известно, что химиотерапия и радиотерапия при онкологической патологии может негативно влиять на состояние некоторых мозговых систем перенесших такое лечение детей [1, 2, 6]. Кроме этого, нельзя не осознавать, что ряд патологий нервной системы, отрицательно влияющих на психическое развитие ребенка, являются наследственными. Увы, даже сегодня, при высоком уровне развития и доступности генетических исследований далеко не все семейные пары, планирующие стать родителями, считают необходимым консультации со специалистами и учет их мнений.

Третья группа факторов риска связана с *изменениями социокультурной ситуации*, в частности, с неизбежным в процессе развития цивилизации появлением новых предметов, гаджетов, технологий. Здесь можно вспомнить и о задержках формирования навыков опрятности по мере все более широкого распространения памперсов, и носившее массовый характер заметное ухудшение почерка у младших школьников при появлении шариковых ручек, и снижение навыков устного счета при активном использовании калькуляторов, и утрату интереса к чтению вследствие распространения чрезмерно перцептивно ярких и патологически динамичных компьютерных игр, мультфильмов, блокбастеров. Во многих странах мира отмечается значительный рост случаев дисграфии и дизлексии. Подчеркнем, что специалисты связывают эти «детские» проблемы с тем, что сами родители стали значимо меньше читать. На протяжении дошкольного детства современный ребенок, кажется, чаще видит маму или папу со смартфоном в руках, чем с книгой. Заслуживает внимания тот факт, что на прошедшей недавно в Москве VII Международной конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста» (ЕССЕ 2018) (МГУ имени М.В. Ломоносова, 16-20 мая 2018 года) ставился вопрос о необходимости возрождения традиции семейного чтения и обсуждения прочитанного. Это свидетельствует об остроте проблемы.

Когда речь идет о дисграфии, проблемы касаются не только моторного обеспечения письма на корковом и подкорковом уровнях, но и его грамотности. Это понятно и также связано, конечно, с дефицитом чтения, поскольку именно при регулярном чтении формируются на произвольном уровне зрительные образы различных букв и слов, которые сохраняются в памяти и становятся одной из эффективных опор правописания. Между прочим, автора статьи в школьные годы учителя периодически поругивали за «интуитивную грамотность». Этот термин обозначал следующую реальность: девочка посредственно знает правила, но пишет практически без ошибок. Понятный результат – читать разнообразные

приключенческие, фантастические, исторические книжки было значительно интереснее, чем учить наизусть правила. Что касается текущей ситуации, я бы назвала ее воинственной экспансией безграмотности. Мы постоянно слышим по радио, с экранов телевизоров безграмотную речь, а письменное общение наших с вами взрослых современников на просторах интернета и в социальных сетях создает впечатление, что они получают колоссальное и извращенное удовольствие в результате полного отказа от расстановки знаков препинания и от соблюдения других языковых норм. Если учесть, что здоровые дети всегда склонны к бессознательному подражанию взрослым и, особенно, родителям (мозговой основой которого, как известно, является активность т.н. «зеркальных» нейронов), не надо обладать богатым воображением, чтобы представить себе результат. Умение «ступить и молвить» перестает быть важной ценностью в мире взрослых – и это имеет реальные следствия для детей.

Говоря о языковом развитии, нельзя не сказать о том, что в этой области ситуация осложняется тем, что сегодня для многих детей младшего школьного возраста, например, в Москве, русский язык не является родным. Поступая в школу, дети должны осваивать его почти с нуля. Более того, они находятся в сложной и потенциально опасной для психического развития ситуации вынужденного билингвизма, поскольку дома почти не общаются с родителями на русском языке. Заметим также, что определенный риск для речевого развития связан с количеством детей в семье. В целом ряде исследований показано, что на начальных этапах развития речи оптимально, чтобы ребенок был окружен небольшим числом носителей языка, и эти носители говорили правильно. Этот оптимум характерен скорее для семей с небольшим количеством детей и труднодостижим для семей многодетных, в которых носителей языка много, и далеко не все они говорят правильно.

Еще один фактор риска для когнитивного развития современных детей – существенные *пробелы в представлениях родителей* о возможных проблемах ребенка. Иногда эти лакуны достигают такой степени выраженности, что невольно вспоминается реплика Чацкого: «Но, чтоб иметь детей, кому ума не доставало!» [3, с. 78]. Например, ребенку 3 года, он совсем не говорит, а родители, долго утешавшие себя аргументами типа «мальчики всегда позднее начинают говорить, чем девочки» или «он такой ласковый, сообразительный, все понимает», только-только собираются обращаться к специалистам (и еще не могут решить, к каким именно). Или – младший школьник (или школьница) не умеет завязать или развязать узелок или бантик – и ему (или ей) покупают кроссовки на липучках или очаровательные «готовые» бантики на резинках. Этот путь облегчает жизнь, но отнюдь не способствует формированию на должном уровне тонкой моторики и пространственных представлений. Между прочим, в поле моего зрения как нейропсихолога-консультанта однажды попал младший школьник, который не умел управляться ни с узелками, ни с бантиками, ни с письмом, но при этом прекрасно осуществлял различные манипуляции с миниатюрными роботами-трансформерами или «ниндзяками» в игровой ситуации. Это означает, что перенос навыков из игры в реальную жизнь или учебную деятельность не всегда происходит автоматически, требует усилий и особой мотивации, которую должно формировать, прежде всего, семейное окружение ребенка. Еще пример. Иногда недальновидность мамы, действующей из лучших побуждений, приводит к тому, что она из года в год делает вместе с ребенком все домашние задания, проверяет и исправляет его ошибки – и удивляется, почему он получает плохие оценки за классные работы, обвиняя учителей в предвзятом отношении. Если описать эту ситуацию на языке психологии, то можно сказать, что подобный способ действий препятствует развитию у младшего школьника жизненно необходимых навыков самостоятельной произвольной регуляции и контроля за протеканием и качеством собственной деятельности. Кстати, по мнению профессора А.Ш. Тхостова, путь становления такой регуляции начинается на произвольном уровне и очень-очень рано – с попыток управления телесными функциями. Помните историю про памперсы?

Вообще можно сказать, что сегодня мы все чаще сталкиваемся со своеобразным дефицитом адекватной психологической сепарации: мамы (особенно не работающие)

настолько включены в школьную жизнь детей, в контакты с учителями и другими родителями (в чатах 24 часа в сутки!), что дети никак не могут научиться самостоятельно строить отношения и с педагогами, и с одноклассниками. Мама может позвонить учителю в одиннадцать часов вечера, чтобы узнать, какую форму завтра надо принести на урок физкультуры!!! Боясь совершить ошибку в подготовке к уроку, она не замечает, что совершает куда более серьезный проступок – нарушает границы личного пространства и времени другого человека. Возможно, вдохновленный этим примером, и ребенок в дальнейшем будет использовать свой социальный интеллект исключительно в собственных интересах.

Поэтому особо следует сказать о своеобразном мотивационном дефиците развития когнитивных функций младших школьников. Он может быть связан и с утратой интереса к когнитивным достижениям вследствие хронического неуспеха в ситуации школьного обучения, и с пониманием ребенком того, что он все равно получит любое «желаемое» независимо от школьных достижений. Он может быть связан и с нежеланием прилагать усилия из-за абсолютной уверенности в том, что окружающие феи и волшебники (т.е. близкие взрослые) уже давно положили ему в колыбель все мыслимые и немыслимые дары. А ведь развитие когнитивных функций и навыков весьма часто требует серьезной систематической работы и со стороны ребенка, и со стороны взрослых, чья задача – постоянное моделирование бытовых, игровых, учебных ситуаций, в которых возникает необходимость формирования и упражнения различных психических функций (памяти, внимания, речи, пространственных навыков и т.п.).

Детальное изучение всех этих нюансов представляет несомненный интерес. При этом следует учесть, что в некоторых случаях проблемы развития когнитивной сферы являются следствием действия сложного, иерархически организованного комплекса биологических и средовых факторов. Конкретных примеров действия таких факторов можно привести достаточно много. К ним относятся, например, особенности когнитивного развития детей с проявлениями левшества, у которых на начальных этапах школьного обучения часто возникают трудности в освоении письма, чтения, математических и пространственных навыков, усугубляющиеся из-за недостаточного понимания педагогами и родителями нюансов работы восприятия, внимания, моторики маленьких левшей [7, 8]. Это случаи своеобразных задержек эмоционального и речевого развития у детей, находящихся в ситуации гиперопеки. Они возникают, когда из-за чрезмерного беспокойства по поводу безопасности ребенка родные стараются свести до минимума его контакты со сверстниками и другими взрослыми. Это особенности раннего речевого развития в благополучной по социальным параметрам, но неблагоприятной по некоторым психологическим показателям среде. Это отчетливые затруднения при освоении многими современными детьми ряда вербальных и пространственных навыков (не только чтения и письма, но и формирования словарного запаса, определения времени по аналоговым часам и т.п.). Подобные затруднения возникают не только вследствие изменений ряда аспектов глобальной социокультурной ситуации, но и вследствие пассивности родителей и других членов семьи. Они помнят, что в их детстве такие навыки складывались легко, непроизвольно, не требовали особого внимания, и не понимают, что у современных детей автоматическое складывание нужных навыков происходит далеко не всегда. Это весьма частые случаи недостаточного упражнения той или иной психической функции в период дошкольного детства, причем наиболее показательной в этом отношении является функция памяти, столь важная для успешного прохождения учебного процесса на всех составляющих его этапах.

Завершая статью, хотелось бы подчеркнуть следующее. Читатели наверняка заметили, что в тексте речь идет в основном об обычных, вполне здоровых детях. И, тем не менее, причин для беспокойства по поводу развития их когнитивной сферы вполне достаточно. И больше всего тревожит то, что ряд ненормальных, патологичных по сути явлений становится сегодня статистической нормой. Роль семейного воспитания, семейных отношений в профилактике и в преодолении этих негативных тенденций нельзя недооценивать.

Список использованных источников:

1. Бадалян Л.О. Детская неврология. - М.: Медпресс, 2010. - 608 с.
2. Бурдукова Ю.А., Алексеева О.С. Функция планирования у детей, имеющих в анамнезе нейроонкологическое заболевание // Клиническая и специальная психология. - 2016. – Т. 5. – № 4. – С. 50–60.
3. Грибоедов А.С. Сочинения. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 798 с.
4. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста: руководство для врачей. – М.: Медицина, 1979. – 608 с.
5. Лебединский В.В. Нарушения психического развития у детей: учебное пособие. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. – 167 с.
6. Нестерова А. В. Отдаленные психологические последствия проведенной в детском возрасте противоопухолевой терапии: Дис. ... канд. психол. наук. Специальность 19.00.04 – Медицинская психология (психологические науки). – М.: МГУ, 1998. - 183 с.
7. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста: учебное пособие. — М.: Генезис, 2005. — 319 с.
8. Семенович А.В. Эти невероятные левши: Практическое пособие для психологов и родителей. — М.: Генезис, 2007. — 250 с.
9. Темнова О.В., Плотникова И.А. Особенности нейропсихологического профиля детей дошкольного возраста из экологически неблагоприятных территорий // Уральский медицинский журнал. – 2008. – № 1(41). – С.71-76.

Бурлакова Наталья Семеновна,
канд. психол.наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова, ф-т психологии,
доцент кафедры нейро- и патопсихологии,
Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9,
E-mail: naburlakova@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ СТРУКТУРЫ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНСТРУКЦИИ ДЕТСКИХ ПРОЕКТИВНЫХ РАССКАЗОВ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности соединения методологии изучения семьи и изучения личности, самосознания и самоидентичности ребенка. Для этого анализ семейной ситуации и отношений в семье в специально разработанной методической процедуре применяется для понимания проективных рассказов ребенка. Такой подход делает проективную психологию также и культурно-исторической, поскольку изучается не просто проекция, а интериоризированное в самосознание ребенка культурное содержание.

Ключевые слова: культурно-исторический подход, психология семьи, психология развития личности, проективная психология.

Burlakova N. S.
Ph.D. in Psychology,
Associate Professor of the Chair of Neuro- and Pathopsychology,
Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia.
E-mail: naburlakova@yandex.ru

FAMILY RELATIONS' STRUCTURE REFLECTED IN THE STRUCTURE OF PROJECTIVE STORIES TOLD BY CHILDREN: EXAMINATION AND ANALYSIS

Abstract. The article introduces an attempt to combine methodologies used in different psychological fields - in family psychology on the one hand and in the studies focused on personality, self-awareness and self-identification of the child on the other hand. For this end, special methodical procedure was developed — with its help analysis of family situation and family relations can be applied for understanding of projective stories told by children. This approach introduces cultural-historical dimension to the projective psychology, because the object studied is not just a projection, but cultural models interiorized in the child's self-consciousness.

Key words: cultural-historical approach, family psychology, psychology of personality development, self-identification, self-awareness, projective psychology

В последнее время в психологии достаточно широко разрабатываются как самостоятельные и обособленные друг от друга области психология развития ребенка и психологические исследования семьи. С одной стороны, это можно рассматривать как дальнейшую дифференциацию и специализацию внутри психологии, но с другой стороны, это может настораживать в том отношении, что начинает в меньшей степени развиваться противоположная интегративная линия соединения исследований семьи и исследований ребенка, изучения процессов интериоризации семейных отношений в психическую организацию ребенка. В рамках разрабатываемой нами культурно-исторической клинической психологии детства интеграция в обозначенном направлении очень важна. С точки зрения культурно-исторической психологии необходимо стремиться понять развитие ребенка через анализ той системы отношений в семье, в которую ребенок включен [1;8;7].

Это положение лежит в основе и клинически ориентированной психологии развития, которую мы стремимся рассматривать именно с культурно-исторической точки зрения [3;4;5]. Полагаем, что задача интеграции психологии семьи и психологии развития личности ребенка в методическом плане может быть реализована в том числе и с опорой на созданную нами и многократно практически апробированную специальную методику анализа детских проективных рассказов на основе Детского апперцептивного теста (САТ), о которой будет идти речь далее.

В отечественной психологии представленность семейного окружения во внутреннем мире ребенка достаточно широко изучалась, прежде всего, на основе проективных рисуночных методов [10;11;12], но это изучено недостаточно на основе изучения проективных рассказов. Значимость обращения именно к изучению детских рассказов продиктована неразрывной связью становления личностной самоидентичности ребенка, его самосознания и нарратива, что можно, заострив, выразить в формуле: самоидентичность есть ни что иное как повествовательная идентичность (П.Рикер [9]).

Перейдем к одному из информативных способов анализа проективного рассказа. В данной методической процедуре важно сопоставление детского рассказа с реальной жизненной ситуацией, в которую помещен ребенок. Обычно перед тем, как проводить САТ, мы в целом знакомимся с основным спектром проблем ребенка, о котором сообщают его родители, воспитатели, педагоги (если есть такая возможность), и замечаем некоторые точки соприкосновения в характеристиках ребенка, звучащих из разных личностных позиций, что и составляет некоторое ядро объективной информации о нем. Важно детально представить себе ситуацию ближайшего семейного окружения, в контексте которой происходит развитие ребенка. Другой род объективной информации складывается из наблюдения за ребенком в ситуации различных взаимодействий с родителями, если есть возможность, с другими детьми, воспитателями и собственно с психологом.

Эта информация позволяет достаточно объективно сравнить два ряда данных. С одной стороны, объективную информацию о структуре семьи, ситуации, сложившейся в ней и спектре проблем у ее членов, а с другой стороны, субъективное видение положения дел, представленное в проективной продукции ребенка. Таким образом, возможно увидеть, как “объективные данные” входят внутрь и как они представлены во внутреннем мире ребенка.

Сравнение двух рядов информации позволяет получить информацию совершенно нового рода, которая не представлена ни в объективных данных о семье, ни в самих по себе проективных текстах ребенка. Указанные два вида информации как бы проникают в друг друга и помогают взаимоуточняющему видению.

Далее, в той информации, которой мы обычно владеем, можно отметить совершенно объективный ее пласт, который независим ни от мнения родителей, ни от субъективного пристрастия каких-либо других лиц, в том числе и исследователя. Вместе с тем этот материал, касающийся к примеру, очередности рождения ребенка, наличия или отсутствия определенных членов семьи, врожденных или приобретенных заболеваний и пр., является весьма важным и через эти данные необходимо понять и объяснить развитие ребенка. Эта объективная структура окружения должна отразиться и во внутреннем мире ребенка в специфически трансформированном виде и для нас важно узнать структуру этой трансформации. К примеру, если мать большую часть времени проводит с ребенком, будучи практически привязанной к нему по разным причинам, а он не вводит ее фигуру в свои рассказы, либо, когда у ребенка нет и не было отца, а он все время говорит о нем в своей проективной продукции, то, конечно, эта информация представляется для исследователя значимой. Возможен и обратный ход от собственно проективной продукции, позволяющей получить представление о внутреннем мире ребенка, к пониманию его происхождения, для чего необходимым является опора на знание объективной ситуации, окружающей развитие ребенка.

Этот подход к анализу, пониманию детского самосознания и объяснению характера его развития аналогичен методу анализа художественного произведения, который предложил в

свое время Л.С.Выготский в “Психологии искусства” [6]. С одной стороны, имеется определенная объективная структура, представленная в семейном окружении ребенка, некоторое специфическое жизненное целое, пространство, в которое включен ребенок. С другой стороны, заметно специфическое членение этого целого в рассказах ребенка, выделение значимых для него частей, проблемных ситуаций, построение нового временного и пространственного целого (хронотоп рассказа). И самое главное в нашем распоряжении имеется собственно рассказ как некоторое эстетическое целое, так или иначе имеющее определенную телеологическую структуру. Всякий рассказ ориентирован на определенного слушателя, хочет оказать определенное влияние на образ этого слушателя, в рассказе ребенок хочет сознательно или неосознанно представить себя перед Другим в определенном свете. Для реализации этой цели используется не только специфическое отражение жизненного целого, окружающего ребенка, но и специфическая трансформация выделенных элементов. Аналогично тому, как это было у Л.С.Выготского, для нас важно восстановить происхождение элементов рассказа из жизненных отношений, увидеть их специфическую трансформацию в рассказе, и наконец, усмотреть определенные цели, ради которых эти трансформации происходят. Таким образом, важно установить соотношение жизненной и семиотической реальности (рассказа) и далее, понять функцию этого рассказывания (например, изживание, символическое удовлетворение и пр.).

Схема анализа будет выглядеть следующим образом:

- 1) рассказ разбивается на отдельные жизненные события;
- 2) эти жизненные события соотносятся с соответствующими эквивалентами, которые мы знаем из объективной информации о ближайшем окружении ребенка и условиях его жизни. Эти реальные события, происходящие в семье, можно представить в определенной хронологической последовательности;
- 3) соотнесение всех событий рассказа с соответствующими известными нам или гипотетическими эквивалентами из реальной жизни.

Первым результатом исследования является специфическая трансформация, которую претерпели события реальной жизни в рассказе, т.е. мы увидим, каким образом они трансформируются в самосознании ребенка.

Второй результат исследования состоит в видении того, каким образом ребенок синтезирует эти события в определенную нарративную целостность, где есть свое нарративное время и пространство (хронотоп).

Благодаря применению используемого метода анализа появляется возможность вживую соприкоснуться с функционированием различных культурных форм, отраженных в проективной продукции ребенка, а также способов и механизмов их образования, а особенности самосознания ребенка не рассматриваются обособленно, в его структуре просматривается вся история интеракций, интериоризированных взаимоотношений ребенка с семейным окружением, и шире окружающей его культурной средой [2].

Список использованных источников:

1. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М., 1968.
2. Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка. — Институт общегуманитарных исследований Москва, 2001. — 352 с.
3. Бурлакова Н. С. О новых возможностях культурно-исторического анализа в клинической психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2012. — № 2. — С. 49–56.
4. Бурлакова Н. С., Давидович П. С. Опыт культурно-исторического анализа эмоционально-личностного развития детей в разной социальной и исторической ситуации // Психологические исследования (электронный журнал). — 2018. — Т. 11, № 58.
5. Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Перспективы разработки культурно-исторической психологии детства // Культурно-исторический подход : от Л. С. Выготского –

- к XXI веку : коллективная монография / под ред. Т. Д. Марцинковской, В. Р. Орестовой, О. В. Гавриченко. — Типография МПГУ Москва, 2018. — С. 53–68.
6. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: 1986.
 7. Карабанова О. А. Социальное конструирование детства // Образовательная политика. 2010. № 5-6. С. 52-61.
 8. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. – М., 1986.
 9. Рикёр, П. Я-сам как другой / Пер. с франц. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.
 10. Соколова Е.Т. в кн. «Общая психодиагностика». Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М., 1987.
 11. Спиваковская А.С. Профилактика детских неврозов. М.: Моск. гос. университет, 1988.
 12. Хоментаскас Г.Т. Семья глазами ребенка. М.: Педагогика, 1989.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В ОТНОШЕНИИ ОСОБЫХ ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

В последнее время не только в Кыргызстане, но и во всем мире резко выросли показатели проявления случаев домашнего насилия. Ничего хорошего в этом нет, но тем не менее, особенно неприятные чувства вызывают факты случившегося в отношении детей насилия. Одно дело, если это взаимоотношения супругов, братьев и сестер, других родственников или даже пожилых и престарелых – все они взрослые люди наконец с разными взглядами на жизнь и соответствующим поведением. Но факты насилия в отношении детей и несовершеннолетних подростков – это показатель того, насколько общество ответственно в отношении своего будущего. Однозначно можно утверждать, что общество, в котором имеет место насилие в отношении ребенка – это общество с очень проблемным будущим.

Каждый день в СМИ мы встречаем сообщения о насилии, совершенном в отношении несовершеннолетних членов общества. По официальным данным, во всех странах мира от насилия гибнут дети. Газеты, телевидение и социальные медиа пестрят сообщениями о тех или иных чудовищных случаях. То мужчина пинает на улице днем упавшего двухлетнего сына, то московская няня узбекистанского гражданства отрезает особому ребенку голову и гуляет по улицам столицы, то дядя и тетя ребенка трудового мигранта довели до самоубийства несовершеннолетнего родственника...

«В Кыргызстане 57% детей подвергаются насилию»: Сегодня в ООН дети присоединились к мировым лидерам с тем, чтобы прекращение насилия стало общественным приоритетом и коллективной ответственностью, по сообщению в представительстве Программы ЮНИСЕФ в Кыргызской Республике [1].

За последние годы около одного миллиарда детей в мире испытали физическое, сексуальное или психологическое насилие. В мировом масштабе каждый четвертый ребенок страдает от физического насилия. Практически каждая пятая девочка подвергается сексуальному насилию по меньшей мере раз в своей жизни. Итак, каждые пять минут в результате насилия погибает один ребенок.

"Каждый день, в каждой стране дети являются жертвами насилия – и слишком часто такое насилие принимается как допустимое и даже трактуется как форма воспитания в интересах будущего самих детей, - говорит Мунир Мамедзаде, руководитель по защите детей Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Кыргызстане. - Насилие проявляется в различных формах, таких как жестокое обращение, телесное наказание, торговля детьми, экономическая и сексуальная эксплуатация, детские браки. Этот феномен является проблемой в каждом обществе, и происходит это в семьях, школах и детских учреждениях. Кыргызстан не является исключением"[2].

Для адекватного реагирования на случаи насилия в отношении детей нужно укрепить существующую систему защиты детей и развивать услуги посредством своевременного определения и раннего вмешательства. Чтобы предотвратить насилие, надо поддержать инициативы по развитию навыков ненасильственного общения и обращения с детьми и обучение родителей позитивным методам воспитания, распространять концепцию "школа без насилия" по всем школам на территории всей страны.

В Кыргызстане что-то конкретное в этом отношении делается. Для защиты детей от насилия Министерство труда и социального развития КР совместно с ЮНИСЕФ в сентябре 2015 года запустило горячую детскую линию с номером 111. При поддержке правительства и ОМСУ в республике функционируют четыре центра помощи детям, пострадавшим от насилия: в Бишкеке, Таласе, Караколе и селе Тюп Иссык-кульской области.

Результаты пилотирования программы ЮНИСЕФ "Школа без насилия" в 38 пилотных школах во всех областях Кыргызстана доказали ее эффективность как базовой модели по профилактике школьного насилия и создания безопасного образовательного пространства, что позволит Министерству образования и науки Кыргызской Республики начать ее распространение в других школах страны.

Более 57% детей Кыргызстана в возрасте 1-14 лет подвергаются психологической агрессии или физическому наказанию. Каждый четвертый ребенок в возрасте 5-17 лет вовлечен в детский труд. Детские браки в Кыргызстане составляют около 13% (девочки в возрасте до 18 лет). Более того, девочки в возрасте 15-19 лет верят в то, что домашнее насилие является оправданным и им даже в голову не приходит этому сопротивляться.

Но в этой статье хотелось бы остановиться на такой специфической проблеме, как насилие в отношении детей с особыми образовательными нуждами, в частности, ментального характера. Среди диагнозов – синдром Дауна, задержка психического развития, слабоумие и др., особое и плохо изученное явление представляют нарушения аутистического спектра. Аутизм наступает стремительно! За три года их стало во всем мире вдвое больше! В 2014 году с этим диагнозом рождался один из 130-150 новорожденных детей, а сегодня по данным MarcusAutismCenter (Atlanta, USA) каждый 68 ребенок (!) в мире рождается аутистом. Если темпы роста сохранятся, то через 20 лет каждый второй малыш будет аутистом! Не это ли эпидемия или же пандемия?

Пока беда не коснется кого-то лично, каждому человеку кажется, что аутизм – большая редкость. Вроде вокруг нас бегают обычные ребяташки. Мы могли видеть пару передач, что-то слышали о проблемах с ребенком знакомых... Но все это не про нас, это - Другой мир, мир далекий, чужой, непонятный. Настолько, что слышать и думать об этом не хочется. О масштабах проблемы знают специалисты и семьи, в которых уже есть особые дети с таким уже ставшим обычным диагнозом.

Соотношение аутичных детей и обычных меняется очень быстро. С каждым годом особых малышей всё больше. Причем, это не обязательно болезнь людей из низших социальных слоев. Аутизм часто приходит в семьи, благополучные во всех отношениях. Образованные родители, хороший достаток, правильный образ жизни. По статистике, мальчики болеют чаще, чем девочки. По возрасту детки подбираются примерно в таком соотношении: дошкольники 3-7 лет – 23%, 7-10 лет -28%, от 10-15 лет – 42%, старше 15 лет – 7%. Прогресс на курсе по лечению аутизма отмечается у всех детей, ради которых мамы пришли в программу, независимо от возраста мам и детей. Однако частенько мамы бьют таких детей, у них просто не хватает сил и терпения добиваться прогресса в лечении. Дети бывают агрессивные и гиперактивные, ничего не понимают и не желают учиться чему-либо. Часто у них отсутствуют социальные навыки, они даже на свое имя не откликаются, могут нанести вред своему и чужому здоровью...

Многие аутичные дети совершают необычные повторяющиеся действия, не несущие в себе какого-либо смысла - стимулы. Действия эти зачастую сильно пугают родителей. Мамочки не понимают, почему их ребенок ведет себя так неадекватно, теряются, не знают, что делать. Одна мамочка со слезами на глазах жаловалась на консультации врача: *«Сын всё время корчит гримасы, кусает губы, порой до крови, дергает себя за нижнюю губу, и даже не замечает этого. А ведь ему уже 7 лет. Поведение дурацкое. Детки над ним смеются. И еще бьет себя кулаками в живот. Вижу, сильно прямо лупит. Страшно даже, что повредит что-то. А ему как будто нравится. И вижу, что он это делает автоматически, неосознанно. Что за мазохизм такой?!»*.

Слово «стим» - это сокращение от «стимминг» (самостимуляции). В той или иной степени, подобные поведенческие реакции присущи всем людям - то есть, даже вполне здоровым взрослым людям. Когда взрослые люди постукивают костяшками пальцев по столу, теребят ухо или кончик носа, облизывают губы, хрустят пальцами или накручивают на палец волосы, ритмично притопывают, – это те же самые стимулы – неосознанные действия с целью самостимуляции.

Стимы при аутизме - более интенсивные, необычные, эмоциональные. В жизни аутистастиммингирует огромную роль. С самого рождения человек изучает мир всеми доступными ему методами. И при этом он обязательно должен ощущать четкую обратную связь, причем сенсорную, осязаемую. У ребенка должна сформироваться система сенсорной связи с миром, то есть мир должен быть «знакомым на ощупь». Малыши вечно все хватают и тянут в рот: они получают информацию о предметах доступным им способом.

Постепенно процессы освоения мира становятся все более сложными - малыш начинает ходить, бегать, прыгать. Так маленький человечек узнает возможности своего тела. Он еще плохо запоминает ощущения от данных действий. Это связано с тем, что у детей пока не до конца сформировалась система обратной сенсорной связи с миром. То есть, все эти впечатления должным образом не уложились в памяти.

Именно поэтому ребенок снова и снова «тестирует» себя - занимается самостимуляцией различными способами, стиммит. Он ходит на цыпочках, бегаёт вприпрыжку, раскачивается при ходьбе, ковыряет в носу... И каждый раз получает от этих действий удовольствие. Ведь так он ощущает свое тело. А мамы и папы кричат на ребенка, бьют по пальцам, запирают его...

Взрослый здоровый человек не нуждается в таком стимулировании, так как данные действия давно и прочно уложились в его голове - он получил обратную сенсорную связь и успокоился. Однако в минуты тревоги, напряжения, ожидания, плохого настроения, многие взрослые начинают барабанить пальцами по твердым поверхностям, покачиваться из стороны в сторону, тереть волосы - а ведь все это тоже стиминг. Так или иначе - различные способы самостимуляции проявляются при аутизме.

Мозг маленького аутиста устроен таким образом, что его система обратной сенсорной связи с окружающим миром дает сбой. В его голове полученные впечатления не укладываются, они будто бесследно исчезают или отпечатываются в памяти не так, как должны. Сколько бы он ни раскачивался из стороны в сторону, сколько бы ни ходил на носочках, какие бы другие повторяющиеся действия ни совершал, каждый раз он делает это как будто впервые. То есть, будто бы он родился совсем недавно. Ему вновь и вновь необходимо убедиться, что он умеет делать то-то и то-то, что он живой. Кстати, это бывает связано с переплетениями с абортированными членами рода - на несколько поколений старше больного ребёнка. Странные способы самостимуляции при аутизме ярко проявляются. Стимы становятся заметны, когда маленький аутист начинает подрастать, а его привычки остаются на прежнем уровне. Подростки дети по-прежнему сосут пальцы, как младенцы, выполняют массу странных для их возраста действий, непонятных телодвижений. Все это выглядит уже асоциально и раздражает окружающих.

Ругать маленького аутиста за совершаемые им стимулы бесполезно. Эта привычка, доведенная до автоматизма, помогает ему не потеряться окончательно в окружающем его огромном непонятном мире, в котором он и так, по сути, всегда наедине с собой. Тем более, аутичные дети весьма консервативны, и им сложно будет отказаться от привычных успокаивающих способов самостимуляции, от поведения, которое доставляет им удовольствие. Некоторые стимулы при аутизме, возникающие в поведении ребенка, могут свидетельствовать о сильной боли, которую он испытывает. Таким вот странным способом малыш пытается уменьшить ее и показать маме, что он чувствует. Так, например, при кишечных болях аутичные дети часто стараются лечь животом на твердые или даже острые предметы.

Понимание приведенной выше схемы возникновения самостимулирования при аутизме поможет мамам убрать свои страхи, связанные со самостимуляцией ребенка. Что же делать со стимулами у аутистов? Конечно, меры помощи ребенку необходимы. Способы самостимуляции аутичных детей зачастую не так безобидны, как едва заметные стимулы здоровых людей. Нередко они могут не просто раздражать окружающих, но и причинять откровенный вред им или самому малышу-аутисту. На детской площадке ребенок-аутист

легко может напугать, зацепить или ударить других детей. Некоторые особые дети кусаются, царапают себя или других, чтобы испытать сильные сенсорные ощущения.

Запрещать и уговаривать ребенка в данном случае бесполезно. Родителю придется предотвращать или смягчать его потенциально опасные стимулы. Всякий раз, когда они идут с малышом-аутистом в общественное место, они зорко следят за ним. Если вы заподозрили, что он собрался ударить или укусить кого-то, постарайтесь отвлечь его, переключить внимание на что-то более интересное. Если он царапает себя, носите с собой мини-аптечку. Если у аутиста вошло в привычку биться головой о твердые поверхности, само собой, это очень сильно вредит ему. Если стучит головой об стол, положите на него тонкую плоскую подушку.

Интенсивные стимулы следует отличать от моментов, когда ребенок-аутист агрессивно настроен по отношению к самому себе или окружающим. Например, у него сильная истерика или плохое настроение. Или же они просто проявляют агрессию через стимулы – бьют себя, маму, папу.

Самостимулирование происходит на подсознательном уровне. А вот агрессивные действия носят вполне целенаправленный характер. Их нужно пресекать по возможности мягко, но решительно. Родителям аутичных деток стоит понять, что стимминг – одно из немногих удовольствий, которое может позволить себе малыш-аутист. Если стимулы никому не причиняют вреда и действительно радуют его, то не стоит слишком беспокоиться из-за них. Надо подключить к борьбе со стимулами не диктаторские навыки, а родительскую чуткость и фантазию.

Надо постараться периодически организовывать малышу поток ощущений – вдоволь напрыгаться на батуте, накружиться, накачаться на нескольких качелях подряд. Можно установить в доме, детский спортивный уголок. Чтобы ребенок меньше расковыривал себе кожу, надо дать ему альтернативу – например, вволю повозиться в крупе, купить тесто для лепки. Если малыш мельтешит предметами перед своими глазами, надо подарить ему юлу или калейдоскоп. Также важно знать, что стимулы и эпилептические припадки при некоторых видах эпилепсии могут быть похожими. Например, вздрагивание при просмотре мультфильмов может быть одним из видов фотосенситивной эпилепсии. И хотелось бы дать ряд советов мамам аутистов:

Правило 1. Спокойствие, только спокойствие! Во время занятий с аутичным ребенком (впрочем, и с любым другим – тоже) очень важно поддерживать ровный эмоциональный фон. Следить за тем, чтобы все фразы и предложения формулировать исключительно в положительном ключе. Разговаривать при этом нужно спокойно и нейтрально.

Правило 2. Коротко и ясно. Следить за тем, чтобы речь была предельно краткой, содержала максимально простые слова. Многословные сообщения аутичный ребенок попросту не в состоянии воспринять. Уже после третьего-четвертого слова длинного предложения из сложных слов он потеряет мысль. А затем и вовсе перестанет слушать. Говорить нужно кратко, структурировано, четко и максимально понятно.

Если в голове выстраивается речь наподобие: «Ну что же ты натворил! Давай-ка быстренько прибери свои игрушки, подбери с пола кубики, красный мячик, машинки и отнеси в коробку возле кровати», не надо спешить ее озвучить! Для аутичного малыша выслушивать длинные фразы мучительно. Длинные словесные конструкции превращаются для него в раздражающий шум. Поэтому гораздо эффективней будет фраза «Убери игрушки в коробку».

Правило 3. Смотрите в глаза. Во время разговора с аутичным ребенком очень важен зрительный контакт. Поэтому обязательно сначала посмотрите малышу в глаза, и только после этого надо сообщить ему, чего вы от него ожидаете, какое действие он должен выполнить.

Правило 4. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Эта известная поговорка при общении с аутичным ребенком более чем актуальна. Зрительное восприятие для него гораздо лучше, чем словесное. Поэтому надо показывать, показывать и еще раз показывать.

Если ребёнок умеет читать, то написанное слово для него лучше произнесённого. Изображение, картинка воспринимаются ау-детками намного лучше, чем словесные задания. Если объяснять на словах: «Сначала сделай то, что я тебе задаю, а потом будешь играть (смотреть мультфильм и т.д.)», то ребенок аутист может просто ничего не понять.

Гораздо понятнее для него та же информация, показанная в виде картинок. Надо знакомить ребенка с картинками, обозначающими действие, составлять из этих картинок сообщения. Для этого хорошо подходят карточки PECS. Можно сделать карточки самостоятельно. Нужно изготовить картонные ленты с длинным прозрачным кармашком, в который можно вставлять карточки, формируя фразу.

Если аутичный ребенок не обладает навыками вербального общения, не может сказать, чего он хочет, то такие карточки могут стать для него средством коммуникации. Вставляя в ленту карточки, ребенок сможет сообщить родителям о своих желаниях и проблемах. Надо учить его этому, показывать много раз, как это надо сделать.

Правило 5. Игнорируйте негатив. Зачастую получается, что если аутичный ребенок ведет себя хорошо, мама-папа занимаются своими делами. Но если малыш что-то натворит, родители немедленно несутся к нему. И для него неважно, что при этом его могут ругать, требовать прекратить действия, запрещать что-либо: «Остановись!» «Не лезь!» «Не трогай!».

Главное, что ему уделили внимание! А ведь внимание нужно ребенку как ничто другое. Поэтому когда в следующий раз, неважно по каким причинам, игнорируют ребенка, он снова попытается привлечь ваше внимание. И сделает он это тем способом, которым уже получалось. То есть снова что-то непременно «вытворит».

Поэтому никогда не надо поощрять плохое поведение. **Запомните правило: хорошее поведение – поощрять, плохое – игнорировать полностью**, просто «не замечать» плохого.

Если же поведение ребёнка предоставляет опасность для окружающих или для самого ребёнка, нужно молча, не смотря в глаза крепко держать его руки. Как только ребёнок успокоится, можно проявить к нему внимание.

Родители и взрослые, которые окружают ребёнка, должны поощрять хорошее и не замечать плохого.

Правило 6. Не плохо, значит – хорошо! Давайте понять такому ребенку, что замечаете и любите его, когда он ведет себя хорошо. Непременно отмечайте это, хвалите его. И даже если ребенок ничего не делает, обращайтесь на него внимание как можно чаще. Надо говорить ему, как его любят, какой он умный, красивый, замечательный. Надо найти для него слова, передающие внимание, любовь и поддержку. Нужно поощрять ребёнка, когда он не совершает ничего плохого. Старайтесь обратить внимание аутичного малыша на себя именно в тот момент, когда он не делает ничего плохого, чтобы он знал, что его в этот момент замечают и любят.

Нужно крепко запомнить, что **именно от Вашего вклада в аутичного ребенка зависит его будущее!** Надо делать всё, чтобы исцелить ребенка от аутизма. Существует интересный курс Лианы Димитрошкиной[3] «Побежим аутизм», который поможет убрать вредоносные родовые программы, которые лежат в основе большинства случаев заболевания аутизмом. В программе работы экспериментальной группы в 100 % случаев были отмечены явные улучшения состояния детей. Тщательно подобранные, надежные проверенные практики помогут ребенку достичь видимых результатов уже в первые недели.

Прекращение насилия в отношении детей – это глобальное партнерство, объединяющего правительства стран, фонды, ООН, гражданское общество, научное сообщество, частный сектор и молодых людей, как движущую силу в достижении новых глобальных целей для прекращения жестокого обращения, эксплуатации, торговли и всех форм насилия и пыток в отношении детей.

Список использованных источников:

1. Электронный ресурс. Дата просмотра 13.02.2018. Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/society/20171122/1036451533/v-kr-ot-domashnego-nasiliya-stradayut-57-protseptov-detey-yunisef.html>.
2. Электронный ресурс. Дата просмотра 13.02.2018. Режим доступа: https://kaktus.media/doc/341454_v_kyrgyzstane_57_detey_podvergaetsia_nasiliu.html.
3. Электронный ресурс. Дата просмотра 13.02.2018. Режим доступа: <https://e.mail.ru/thread/1:27e8fab2772c2a88:0>/<https://e.mail.ru/thread/1:27e8fab2772c2a88:0>/<https://e.mail.ru/thread/1:27e8fab2772c2a88:0>

Усачев Александр Александрович
кандидат юридических наук, доцент
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
доцент кафедры
организации судебной и прокурорско-следственной деятельности
e-mail: a.usachov@mail.ru

Котлярова Любовь Николаевна
кандидат психологических наук
Всероссийский государственный университет юстиции,
доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
109386 Москва, Таганрогская 27, к. 68
e-mail: lnkot-konf@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА-ЖЕРТВЫ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

Аннотация. В статье на основе анализа материалов уголовных дел и судебной экспертной практики представлены данные о поведенческих стратегиях несовершеннолетних преступников в отношении в отношении семейных деспотов и иных, подвергавших их насилию, мотивах их преступной деятельности

Ключевые слова: несовершеннолетние, семейное насилие, криминальное поведение

Kotlyarova Liubov
All-Russian State University of Justice, Moscow, Russia

Usachev Alexander
Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

PECULIARITIES OF CRIMINAL BEHAVIOR OF AN UNDERAGE CRIMINAL AS A VICTIM OF DOMESTIC VIOLENCE

Abstract. The article presents the data on the behavioural strategies of juvenile offenders against family tyrants and other abusers and the motives of their criminal activity according to analysis of criminal cases and court expert practice.

Keywords: criminal behaviour, domestic violence, juvenile offender.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденная Указом Президента России от 12.05.2009 № 537, в качестве одного из главных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу рассматривает усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков (п. 8), при этом одним из трех основных направлений обеспечения национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации Российская Федерация на среднесрочную перспективу является совершенствование в качестве основы жизнедеятельности общества института семьи, охраны материнства, отцовства и детства (п. 75).

Как известно, задача борьбы с теми или иными видами преступных посягательств может успешно решаться лишь при воздействии на данные обстоятельство с целью устранения или минимизации их негативных аспектов.

В настоящее время проблема семейного насилия является очень серьезной как для России, так и для других стран. Так, в Австрии 54 % всех убийств совершается внутри семьи, и в 90 % из этих преступлений жертвами становятся женщины и дети [1]. В Европе каждый день от 32 до 40 тысяч женщин и детей проводят ночь вне дома в специальных убежищах (из-за страха перед возможностью применения к ним насилия в семье) [1].

Криминологический анализ правонарушений в России свидетельствует об опережающем росте насильственных преступлений, а насилие в семье занимает немалую долю в их структуре [3; 5]. Жертвами последних часто являются несовершеннолетние члены семьи [2]. Исследуя проблему насилия детей, Dodge К.А. пришел к выводу о том, что опыт физического насилия в раннем детстве влечет развитие соответствующих хронических агрессивных моделей поведения [7]. По мнению криминолога Шнайдер Г.И., 64% людей, ставших в детстве и юности жертвами преступлений, во взрослом возрасте становятся преступниками, а из тех, кто не был в детстве и юности жертвой - только 22% [6].

В научной литературе проблеме выявления связи преступлений несовершеннолетних и насилия, учинявшегося в отношении них, как криминогенного фактора, связи между виктимностью семейного деспота и будущим преступным поведением его несовершеннолетней жертвы внимание уделяется недостаточно внимания. Практически отсутствуют разработки о взаимосвязи семейного насилия в отношении несовершеннолетних с отдельными видами и формами их противоправного поведения, о прямом или косвенном воздействии семейного насилия на формирование личности преступника, в том числе о механизме влияния семейного насилия на характер поведения несовершеннолетних, принятие решения совершить преступление.

Актуальность разработки проблемы семейного насилия определяется, наряду с ростом дезорганизации семейных отношений, тем, что полученные результаты могут быть использованы в целях предупреждения преступлений несовершеннолетних.

Цель настоящего исследования заключалась в выявлении связи между формами семейного насилия в отношении несовершеннолетних и формами дальнейшего преступного поведения несовершеннолетних, подвергавшихся насилию.

Выдвинуты следующие гипотезы:

1) доля несовершеннолетних, подвергавшихся семейному насилию и совершивших насильственные преступления, в общем количестве насильственных преступников, многократно превышает долю несовершеннолетних, подвергавшихся семейному насилию и совершивших корыстные преступления, в общем количестве корыстных преступников;

2) существует сходство объективных признаков насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними, подвергавшимися семейному насилию, и объективных признаков самих актов семейного насилия;

1) в случае направленности преступных действий несовершеннолетних – жертв семейного насилия на посторонних лиц, а не на их мучителей, при кажущейся «безмотивности» мотивом совершения преступления является самоутверждение

Как отмечает В.П. Ревин [4], обязательным признаком насильственных преступлений в сфере семьи является существование между виновным и потерпевшим функционального семейного общения, причинно связанного с совершением преступления. В соответствии с этим под членом семьи несовершеннолетнего понимается представитель основанной на браке, сожительстве, кровном или ином родстве малой группы, члены которой находятся с несовершеннолетним в состоянии функционального семейного общения.

Учитывая вышесказанное, под насильственными преступлениями, совершаемыми в отношении детей, подростков и юношей в семейной сфере, следует понимать преступные деяния, характеризующееся физическим, психическим или сексуальным насилием над потерпевшим, посягающие на жизнь, здоровье и половую неприкосновенность

несовершеннолетних, находящихся с причинителем физического или морального вреда в состоянии функционального семейного общения.

Эмпирическая основа исследования состоит из материалов 300 уголовных дел несовершеннолетних преступников мужского пола, в том числе 56 уголовных дел о насильственных преступлениях несовершеннолетних, которые ранее стали жертвами домашнего насилия.—По специально разработанному вопроснику подверглись более детальному изучению дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 105, 107, ч.1 ст. 108, 111, 112, 113, ч.1 ст.114, 115, 116, 117, 119 УК РФ. Выбор указанных составов преступлений, квалифицирующихся по разным статьям Уголовного Кодекса, определяется сходным значением для проверки второй гипотезы

Материалы были собраны в архивах судов в Иркутской и Московской областях.

Анализ криминальных файлов данной категории (в том числе заключение экспертов) проводился в соответствии с специально созданной технологией, позволяющей объединить личностные особенности в следующие блоки: био-психологические особенности (возраст, физическое и психологическое развитие, наследственная нагрузка). Особенности социализации (семейный социальный статус, стиль воспитания и ролевого поведения, психотравматические ситуации, формы социализации, проявления социальной деадаптации), личные особенности (особенности характера, поведенческие стратегии, интенсивность некоторых форм привыкания, мотивационные компоненты в общении, достижениях в изучении и профессиональных интересах, домашних привычках, увлечениях).

С целью решения задач исследования и проверки рабочих гипотез были изучены личности несовершеннолетних преступников, до совершения преступления выступавших в роли жертв семейного насилия.

По результатам изучения уголовных дел о насильственных преступлениях несовершеннолетних, до совершения ими преступления выступавших в роли жертв семейного насилия, можно констатировать следующее:

Физическому насилию подвергались 90 % несовершеннолетних, психическому – 88 % (при этом одновременно обоим видам насилия подвергались 72 % несовершеннолетних) и семейному сексуальному насилию – 4 % несовершеннолетних преступников.

Психическое насилие реализовывалось двумя способами: вербальным и невербальным.

Вербальное заключается в различного рода словесных угрозах, оскорблениях, унижениях и т.д. Невербальное же может состоять, например, в том, что насильник размахивает перед несовершеннолетним ножом, приставляет к груди оружие, совершает иные подобные действия.

Чаще всего лица, применяющие психическое насилие по отношению к несовершеннолетним членам семьи, сочетают оба способа.

Как показал анализ уголовных дел, доля корыстных преступников, которые подвергались насилию в семье, составляла всего около 4,3% среди всех корыстных преступников. Для несовершеннолетних «насильственных» преступников этот показатель выше в 5 раз, и доля среди всех насильственных преступников составляет 21,3%.

В результате исследования были определены различия между насильственными посягательствами несовершеннолетних преступников на семейных деспотов, которые жестоко обращались с ними физически и в отношении иных лиц. Так, в ситуациях, когда жертвой несовершеннолетнего явился семейный насильник, одна треть посягательств совершалась способами, аналогичными тем, которые применялись в отношении самого подростка (преимущественно нанесение побоев руками и ногами). В тех случаях, когда несовершеннолетнего избивали палками, другими тяжелыми предметами, при инверсии он применял в отношении своего мучителя колющие, режущие или рубящие орудия. Иными словами, несовершеннолетние действовали в отношении семейных деспотов более жестоко. При совершении же посягательств в отношении посторонних лиц (не семейных насильников) вырисовывается диаметрально противоположная картина. Сходство способов совершения преступных актов выявлено в $\frac{3}{4}$ случаев (путем нанесения побоев руками или

ногами), и лишь в одной четверти случаев зафиксировано их различие.

Анализ материалов уголовных дел показал, что для 78 % несовершеннолетних преступников – жертв семейного насилия характерно систематическое употребление алкоголесодержащих напитков (с частотой от 2 – 5 приемов в месяц). При этом 13 % из них поставлен медицинский диагноз – “алкоголизм” (следует подчеркнуть, что данный вывод сделан на основе того, что в материалах уголовного дела имелись соответствующие анамнестические данные)

Говоря о моральной и эмоциональной сферах, следует отметить, что для большинства изучаемых несовершеннолетних характерны грубость, агрессивность, лживость, озлобленность, безответственность, ослабление чувства стыда.

16 % преступников характеризовались относительно положительной направленностью личности, 8 % - противоречивой (при которой такие качества, как вспыльчивость, агрессивность, жестокость по отношению к товарищам по школе сочетались с добротой и отзывчивостью по отношению к матери, также терроризируемой отцом либо отчимом, общественной активностью, потребностью в дружбе и ласке).

38 % несовершеннолетних преступников – жертв семейного насилия в тех случаях, когда перед совершением преступления между несовершеннолетним и будущей жертвой возникал конфликт, сами провоцировали его своим негативным поведением, тем самым демонстрируя глубину своих нравственных и правовых деформаций.

Основными мотивами совершения преступлений несовершеннолетними – жертвами семейного насилия явились: защита себя и своих братьев, сестер, мамы – при насильственных посягательствах, направленных на семейного деспота (во всех случаях);самоутверждение - когда посягательству со стороны несовершеннолетнего - жертвы семейного насилия подвергаются посторонние лица (не их мучители), в большинстве случаев (69 %) при кажущейся “безмотивности” мотивом совершения преступления является именно самоутверждение.

В 2 % преступлений был зафиксирован такой специфический мотив, как подражание отцу, когда подросток осуществлял побои школьных товарищей для того, чтобы быть таким, как отец.

В ходе изучения уголовных дел выяснилось, что 62 % несовершеннолетних преступников и их жертв находились до преступления в достаточно длительных связях (родство, соседство, совместная учеба). При этом 28 %, то есть почти треть всех участников - семейные насильники, терроризировавшие до этого несовершеннолетних. Во всех случаях между несовершеннолетним преступником и семейным насильником – будущей жертвой несовершеннолетнего сложились, естественно, враждебные отношения, которые явились источником будущего посягательства со стороны несовершеннолетнего.

В иных 34 % изученных преступлений отношения между несовершеннолетним и будущей жертвой характеризовались как приятельские (4 %) или безразличные (30 %).

Если при убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью враждебные отношения были установлены в 63 % преступлений, то при побоях, причинении средней тяжести и легкого вреда здоровью они констатируются в 12 % случаев. Это позволяет сделать вывод, что при убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью, совершенных несовершеннолетним – жертвой семейного насилия, враждебность по отношению к будущей жертве была достаточно интенсивной и, возможно, доминировала в системе их взаимоотношений.

Конфликты, наблюдающиеся при убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью, можно разделить на две группы:

1) продолжительные конфликты – они возникали между членами семьи, находящимися во враждебных отношениях, в результате оскорблений и избиений, осуществлявшихся со стороны семейных насильников – будущих жертв, терроризировавших иных членов своей семьи (в том числе будущих несовершеннолетних преступников);

2) кратковременные конфликты, возникающие между несовершеннолетними – жертвами семейного насилия и знакомыми им лицами (не семейными насильниками), находившимися в безразличных отношениях, в ходе совместного распития спиртных напитков, во время которого начиналась ссора или драка. В этих случаях жертва несовершеннолетнего преступника либо провоцировала посягательство, либо способствовала ему аморальными или противоправными действиями.

Для причинения средней тяжести и легкого вреда здоровью, побоев характерно совершение несовершеннолетним преступником – жертвой семейного насилия посягательств в отношении незнакомых. При этом типичной является ситуация, когда преступление совершается жертвой семейного насилия совместно с другим, не говоря жертве ни слова. Мотивом совершения подобных преступлений является самоутверждение несовершеннолетних – жертв семейного насилия.

Потерпевшие при этом подразделились на 2 группы, примерно равные по объему: (1) несовершеннолетние юноши; (2) мужчины 55 – 65 лет. несовершеннолетним (в группе), когда будущие несовершеннолетние преступники либо провоцируют конфликт, либо начинают избиение

При совершении подобных преступлений проявляются такие возрастные особенности несовершеннолетних, как склонность поддаваться чужому влиянию, а также заведомая враждебность, предвзятость, объясняющиеся необоснованным обобщением несовершеннолетними преступниками – жертвами семейного насилия собственных ненормальных отношений с мучителями – членами своей семьи и “переносом” этих взаимоотношений на других лиц. Как уже было отмечено, в качестве жертв при этом выбираются либо несовершеннолетние, либо лица пожилого возраста. Выбор первых объясняется тем, что они, предположительно, не смогут оказать необходимое сопротивление; вторых – тем, что при этом возникает ассоциация будущей жертвы с отцом – мучителем.

Жертв убийств и причинения тяжкого вреда здоровью характеризует, как правило, наличие виктимогенной деформации личности. Так, большинство подобных жертв несовершеннолетних, ранее ставших жертвами семейного насилия, злоупотребляли алкоголем; не занимались общественно полезным трудом, предпочитая жить на пособия со стороны государства; отличались низкой культурой быта и досуга; обладали в основном низким социальным статусом; были вспыльчивыми, грубыми, жестокими, агрессивными, что проявлялось в постоянных ссорах и конфликтах, драках.

Жертв, которым причинялся средней тяжести и легкий вред здоровью либо побои, характеризует в значительной степени наличие возрастной виктимности, снижающей возможности к сопротивлению, наряду с повышенной возбудимостью, болезненным реагированием на кажущееся ущемление собственного достоинства, болезненное самоутверждение во взрослости.

При изучении уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних – жертв семейного насилия оказалось, что они подвергались жестокому обращению в течение длительного времени. Насилие в отношении 14 – 15-летних несовершеннолетних – будущих преступников продолжалось не менее нескольких месяцев. 87 % 16 - 17-летних испытывали такое насилие в течение 3 – 5 лет. В связи с этим можно сделать закономерный вывод, что на ранних этапах семейного насилия они обладали возрастной виктимностью. Следовательно, перед совершением насильственного преступления многие несовершеннолетние неоднократно становились жертвами посягательств со стороны семейных деспотов, при которых реализовывалась их возрастная виктимность.

Именно этот вид виктимности обусловил совершение несовершеннолетними – жертвами семейного насилия преступлений в отношении своих мучителей – невозможность, подлинная или кажущаяся, избавиться от мучений законным способом, заставляла таких подростков, как правило, ситуативно пытаться расправиться со своим мучителем.

Для большинства несовершеннолетних преступников характерно наличие таких качеств, как конфликтность личности, агрессивность по отношению к товарищам по учебе и незнакомым людям, употребление алкоголя с 11 – 12 лет, пренебрежительное отношение к людям, что свидетельствует об антиобщественной направленности личности. В работах других авторов [8;9;10] также отмечается, что антиобщественная направленность личности практически совпадает при совершении насильственных преступлений с ярко выраженной виктимогенной деформацией личности преступника. Так, вспыльчивость, грубость, агрессивность в сочетании со злоупотреблением алкоголем, низкой культурой быта и досуга, свидетельствуя об антиобщественной направленности, говорят при этом о виктимогенном предрасположении к посягательствам насильственного характера.

Можно выделить две разновидности ситуаций, когда обе стороны конфликта обладают виктимогенной деформацией личности.

Рассмотрим первую ситуацию. При возникновении конфликта между несовершеннолетним – жертвой семейного насилия и знакомыми ему лицами; и тот, и другой обладали негативными нравственно – психологическими свойствами, повышающими способность стать жертвой преступления (злоупотребление алкоголем, низкая культура быта и досуга и т.д.). При этом конфликт возникал во время совместного распития спиртных напитков и в ряде случаев был спровоцирован антиобщественными действиями несовершеннолетнего – жертвы семейного насилия, социально – психологические свойства личности которого (злоупотребление алкоголем, неадекватная вспыльчивость, агрессивность) явились результатом его негативной социализации в семье. Провоцирование конфликта осуществлялось способами, аналогичными его “семейному” опыту (оскорбления, унижения и т.д.). Как было установлено, данные несовершеннолетние сами могли подвергнуться преступному посягательству со стороны их будущих жертв, однако они быстрее осознавали ситуацию как конфликтную, что обеспечивало инициативу в выборе типа конфликтного взаимодействия (выбор которого опять – таки был обусловлен особенностями их ранней социализации).

Вторая ситуация характеризуется тем, что жертвами несовершеннолетних стали семейные насильники, если семейный конфликт развивался при инверсии ролей. Когда в рамках одного конфликтного взаимодействия будущий несовершеннолетний преступник – жертва семейного насилия и семейный насильник меняются ролями, и тот, и другой характеризуются сходными личностными характеристиками: агрессивность, низкая культура быта и досуга, злоупотребление алкоголем, грубость, вспыльчивость. Эти качества проявляются во взаимных оскорблениях, побоях, унижении достоинства друг друга. Такие действия, когда и семейный деспот, и подросток выступали в роли и жертвы, и насильника, обусловлены виктимогенной деформацией личности семейного насильника и жертвы семейного насилия, равно как наличием у каждого из них антиобщественной направленности.

Касаясь вопроса об инверсии ролей, следует отметить выявившееся различие применительно к убийствам и причинению тяжкого вреда здоровью, с одной стороны, и причинению средней тяжести, легкого вреда здоровью и побоев, с другой. Так, если в первом случае инверсия ролей по типу “преступник – жертва” была обнаружена в 56 % преступлений, причем во всех случаях в жертву преступления превращался семейный насильник, то во втором – только 12 % семейных деспотов из преступников стали жертвами насилия, учиненного несовершеннолетним.

Результаты исследования позволяют подтвердить гипотезу о сходстве актов семейного насилия и насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними – жертвами семейного насилия. В результате сравнения названных преступных деяний выявились различия насильственных посягательств в отношении семейных деспотов и в отношении иных лиц. Так, в ситуациях, когда жертвой несовершеннолетнего явился семейный насильник, одна треть посягательств совершалась способами, аналогичными тем, которые применялись в отношении самого подростка (преимущественно нанесение побоев руками и

ногами). В тех случаях, когда несовершеннолетнего избивали палками, другими тяжелыми предметами, при инверсии он применял в отношении своего мучителя колющие, режущие или рубящие орудия. Иными словами, несовершеннолетние действовали в отношении семейных деспотов более жестоко.

При совершении же посягательств в отношении посторонних лиц (не семейных насильников) вырисовывается диаметрально противоположная картина. Сходство способов совершения преступных актов выявлено в $\frac{3}{4}$ случаев (путем нанесения побоев руками или ногами), и лишь в одной четверти случаев зафиксировано их различие.

Результаты данного исследования позволяют сделать следующие выводы.

Криминологическо-психологическая характеристика несовершеннолетнего преступника – жертвы семейного насилия, отражая основные черты общей характеристики несовершеннолетнего преступника, обладает при этом комплексом специфических черт, свойственных только ей: отставание по уровню образования, определенного формальным числом оконченных классов; большая доля лиц, нигде не учащихся и не работающих (в 2 раза выше аналогичного показателя для всех несовершеннолетних преступников) при одновременном различии других показателей применительно к роду занятий; в неполной семье проживал каждый четвертый несовершеннолетний – жертва семейного насилия (среди всех несовершеннолетних преступников – каждый второй – третий), однако при этом половине проживающих в полной семье отца заменял отчим; во всех семьях несовершеннолетнего – жертвы семейного насилия царили враждебные или безразличные отношения (применительно же к семьям всех несовершеннолетних преступников – лишь в каждой третьей); превышение в 2 - 2,5 раза доли лиц с психопатическими чертами личности по сравнению с аналогичным показателем в контрольной группе.

2. Нашла подтверждение гипотеза, согласно которой в случае направленности преступных действий несовершеннолетних – жертв семейного насилия на посторонних лиц, а не на их мучителей, мотивом является самоутверждение.

3. Для большинства несовершеннолетних преступников – жертв семейного насилия характерно наличие реализованной возрастной виктимности, к которой в более старшем возрасте присоединяется виктимогенная деформация личности.

4. Нашла свое подтверждение гипотеза о сходстве актов семейного насилия и насильственных преступлений несовершеннолетних – жертв семейного насилия по способу их совершения применительно к тем случаям, когда посягательство совершается в отношении лиц, не являющихся семейными насильниками.

Исследование явилось попыткой рассмотреть некоторые аспекты проблемы взаимосвязи семейного насилия в отношении несовершеннолетних с отдельными видами и формами их преступного поведения, воздействие семейного насилия на формирование личности несовершеннолетнего преступника.

В результате проведения исследования удалось выявить некоторые элементы механизма влияния семейного насилия на характер поведения несовершеннолетних и принятие ими решения совершить преступление.

Нашли свое подтверждение гипотезы, выдвинутые на начальном этапе исследования, о том, что насилие, перенесенное несовершеннолетними, пагубно воздействуя на формирование их личности, влечет повышенную вероятность совершения ими насильственных преступлений сходной этиологии; о сходстве актов семейного насилия и насильственных преступлений несовершеннолетних – жертв семейного насилия по способу их совершения (в случае направленности посягательств не на их мучителей).

Таким образом, установлено, что насилие, перенесенное несовершеннолетними, пагубно воздействуя на формирование их личности, влечет повышенную вероятность совершения ими насильственных преступлений сходной этиологии. Выявлено сходство актов семейного насилия и насильственных преступлений несовершеннолетних – жертв семейного насилия по способу их совершения (в случае направленности посягательств не на мучителей, а на иных лиц).

Исследование показало, что при совершении преступления в отношении посторонних лиц (не их мучителей) несовершеннолетние насильники пытаются таким способом самоутвердиться, повысить свою самооценку, избавиться от внутреннего эмоционального напряжения.

Список использованных источников:

1. Арметта Д. Исследование по вопросу применения законодательства для защиты жертв семейного насилия. Международный опыт // Материалы по проблемам домашнего насилия. – М., 1999.
2. Багмет, А.М., Бычков, В.В., Сажаев, А.М. Расследование изнасилования и иных насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении и/или несовершеннолетними в составе группы. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.
3. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Г. Криминология. М.: ИНФРА-М, 2010.
4. Ревин В.П. Криминальное насилие в сферах семьи, быта, досуга //Социально-правовые проблемы борьбы с насилием : Межвуз. сб. науч. тр. / Омский юрид. ин-т; [Редкол.: А. В. Иващенко (отв. ред.) и др.]. - Омск : ОмЮИ, 1996. – С. 12-28.
5. Рыбальская В.Я. Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних. – Иркутск, 1994.
6. Шнайдер Г.И. Криминология. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Универс», 1994.
7. Dodge, K.A., Bates, J.E., Pettit. G.S. Mechanisms in the Cycle of Violence. Science, 1990. Vol. 250.
8. Bandura, A.,Walters, R.H. (195. Adolescent Aggression . New York: Ronald Press,1959.
9. Baron, R. A., Richardson, D. R. Human Aggression. New York: Plenum Press,1994.
10. Straus M.A., Gelles R.J. & Steinmatz S.K. Behaind closed doors: Violence in the America family. Garden City. NY: Doubleday/Anchor, 1980.

Молчанов Сергей Владимирович
кандидат психологических наук, доцент
Московский Государственный Университет им. Ломоносова
доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии
Москва, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: s-molch2001@mail.ru

Любимова Вероника Валерьевна
магистр психологии Московского Государственного Университета им. Ломоносова
Москва, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: lubimovavv@gmail.com

ПРАКТИКА НАКАЗАНИЙ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Аннотация. Практика наказаний в детско-родительских отношениях является распространенной. Цель исследования: изучение представлений родителей о последствиях насилия над детьми дошкольного возраста. Были выдвинуты гипотезы о распространенных формах наказания; представлениях о долгосрочности последствий и негативных последствиях насилия. В целом выдвинутые гипотезы подтвердились. Практика насилия в семьях есть, отмечается недооценка роли негативных последствий наказаний для детско-родительских отношений.

Ключевые слова: физическое насилие, психологическое насилие, наказания, представления родителей, детско-родительские отношения.

Molchanov Sergey Vladimirovich
Ph. D. (Psychology), Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Associate Professor at the Department of Developmental Psychology,
Moscow, 125009, Mokhovaya st., 11, 9
E-mail: s-molch2001@mail.ru

Lubimova Veronika Valeryevna
Master of Psychological sciences,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 125009, Mokhovaya str., 11, 9
E-mail: lubimovavv@gmail.com

PRACTICE OF PUNISHMENT AT CHILD-PARENT RELATIONS: PARENT'S REPRESENTATIONS AND POSSIBLE RISKS FOR CHILD'S MENTAL HEALTH

Abstract. The practice of punishment in child-parent relations is prevalent. The research is aimed to study parents' representations about violence consequences against preschool children. The hypotheses about most used forms of punishment; representations about the long-term implications and negative effects of violence were proposed. The hypotheses were proved mostly. The results showed that there is practice of violence in families with underestimation of the role of negative consequences of punishment for child-parent relations.

Keywords: physical violence, psychological violence, punishment, parent's representation,

parent-child relations.

Актуальность темы наказаний в детско-родительских отношениях связана с тем, что не существует ни законодательного закрепления, ни четкого научно-теоретического психологического обоснования разграничения понятий наказания и насилия. Данное обстоятельство влечет за собой широко известные случаи насильственного изъятия детей из семей без всестороннего изучения и учета существующих в семье возможностей для оставления ребенка в семье и оказания необходимой для этого помощи. В противовес этому известны случаи издевательств и жестокого обращения с детьми в семьях и бездействие соответствующих государственных структур и общества в части защиты нарушенных прав и интересов ребенка. Еще одной стороной рассматриваемой темы является наметившаяся в последнее время тенденция среди родителей любые воспитательные меры, в том числе необходимые для развития и социализации ребенка, воспринимать как насилие [5]. Необходимо различать две полярности континуума, на одной стороне которого находятся насильственные действия в отношении ребенка, а на другом - воспитательные меры, необходимые для его нормального психического развития. Отсутствие четкого понятийного аппарата также создает определенные методологические трудности при изучении наказания и насилия в отношении ребенка. Так, некоторые виды наказания по сути своей являются насилием, поскольку влекут за собой негативные последствия для развития ребенка. Перечислим некоторые из них [3]:

- физические наказания – фактически представляют собой один из вариантов физического насилия, поскольку связаны с причинением вреда, физического и психологического ущерба ребенку, имеют целью вызывание боли и подчинение, основанное на страхе перед болью;

- вербальная агрессия – порицания, осуждение, негативная оценка личности ребенка – все это разновидности психологического насилия;

- аффективное воздействие – крайняя форма эмоционального воздействия на ребенка в виде ярости, гнева, крика, также является психологическим насилием;

- ограничение активности ребенка – запираение в комнате, запрет играть и т.п. также в отдельных случаях может являться одной из форм психологического насилия.

Другие виды наказания, например, такие как наказание естественными последствиями, блокирование нежелательного действия не относятся к каким-либо видам насилия и являются необходимым условием безопасности и нормального развития ребенка.

Можно отметить рост количества исследований негативных последствий насильственных методов воспитания и наказания как в России, так и за рубежом, несмотря на определенные методологические трудности. Примером выступает исследование суицидального поведения как следствия физического и психологического насилия в детском возрасте [6, 7, 8]. Очевидно, что насильственные методы наказания и взаимодействия с ребенком оказывают негативное влияние на различные сферы развития ребенка – аффективную, когнитивную, поведенческую, сферы физического развития и взаимоотношений со сверстниками, а также имеют и негативные последствия во взрослом возрасте, однако реальный характер последствий нуждается в уточнении.

Целью нашего исследования стало изучение особенностей представлений родителей о последствиях насилия над детьми дошкольного возраста в семье, объектом исследования выступило физическое и психологическое насилие над детьми в детско-родительских отношениях. В качестве предмета исследования мы выделили особенности представлений родителей о последствиях насилия над детьми в детско-родительских отношениях. Мы рассматривали 2 основных типа насилия: психологическое и физическое – в формах, которые используются родителями в практике детско-родительских отношений. Проведенное нами исследование показало, что, также как в научной терминологии, в представлениях родителей понимание границы между наказанием и жестоким обращением размыта.

Были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Наиболее распространенными формами насилия, применяемого как наказание и/или способы воздействия на ребенка в практике семейного воспитания являются шлепки по ягодицам, а также психологическое насилие — отвержение в форме криков, оскорблений ребенка.

2. Родители выделяют отрицательный характер непосредственных (ближайших) *последствий* насилия над детьми (например, плач, обида, отказ общаться и т. п.), но не прогнозируют отсроченных последствий насилия.

3. Представления родителей о последствиях насилия в большей степени связаны с *негативным влиянием на личность ребенка*, чем с негативным влиянием на детско-родительские отношения.

При исследовании представлений родителей о действенности наказаний нами использовались следующие методики:

1). Авторская методика (Любимова В.В., Молчанов С.В.), направленная на исследование представлений родителей о том, как насилие может отразиться на ребенке. Были выделены 6 ситуаций, соответствующих разным видам психологического насилия: отвержение, терроризирование, игнорирование, изоляция, развращение и физическое насилие. Каждая ситуация сопровождается тремя вопросами, направленными на выявление представлений родителей о ближайших и отсроченных последствиях насилия:

3) - Как Вы думаете, как это отразится на ребенке сейчас?

4) - Как Вы думаете, если подобные ситуации будут повторяться, как это повлияет на ребенка в ближайшем будущем (в ближайшие год-два)?

5) - Как Вы думаете, как повторение таких ситуаций отразится на ребенке, когда он будет взрослым (старше 18 лет)?

6) 2) ICAST-P – международный опросник изучения распространенности насилия над детьми для родителей, содержащий различные формы взаимодействия родителей с детьми, в том числе насильственные, а также различные наказания. Опросник разработан сотрудниками Университета г. Брисбан, Австралия и Университета штата Колорадо, США под руководством профессоров М.Дунна (Michael P. Dunne), Б.Макфарлэна (Bonnie Macfarlane) и Дезмонда Раньяна (Desmond Runyan) в 2006 году при поддержке международного общества по предотвращению насилия и жестокого обращения с детьми (ISPCAN). Перевод и культурная адаптация опросника к российским условиям осуществлялись сотрудниками Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина и сотрудниками Нижегородского ресурсного центра «Детство без насилия и жестокости» под руководством профессора Е.Н. Волковой [1, 2].

7) 3) Шкала лжи из опросника СМЛ, используемая с целью исключения социально желательных анкет [4].

8) Выборку составили 50 родителей детей дошкольного возраста, из них мужчины (20%) и женщины (80%) в возрасте от 25 до 45 лет жители Москвы и Московской области. При этом 19 человек заполнили только две методики: ICAST-P (методика 2) и шкалу лжи (методика 3); а все три методики заполнили 31 человек.

9) В ходе проведения исследования мы столкнулись с трудностями сбора данных: большая часть респондентов либо прямо отказывались от участия в исследовании, либо просто не возвращали опросники. Ряд респондентов демонстрировал резко отрицательное отношение к отдельным вопросам, содержащим особо жестокие способы взаимодействия с ребенком. Часть родителей высказывали опасения, что предоставленная ими информация может быть использована против них, передана в органы опеки и т.д., несмотря на то, что нами предоставлялась возможность заполнить опросник в том числе в электронном виде, что обеспечивает полную анонимность.

10) Однако, несмотря на обозначенные трудности, в результате проведенного исследования нам удалось выявить наиболее распространенные способы взаимодействия родителей с ребенком в исследуемой выборке. Абсолютное большинство родителей (100 %) используют ненасильственные методы взаимодействия с ребенком, а именно: «объясняли,

почему что-то было плохо (неправильно)); «говорили ему/ей начать или перестать делать что-то». 92% родителей - «занимали его/ее чем-либо другим (отвлекали его или ее)». Однако не менее «популярными» оказалось такое взаимодействие как крики - 92 %, относящиеся к психологическому насилию, и шлепки по попе рукой – 86%, относящиеся к физическому насилию. В таблицах 1 и 2 представлены данные о частоте применения родителями наиболее распространенных видов психологического и физического насилия.

Таблица 1.

Наиболее распространенные виды психологического насилия

	Виды взаимодействия с ребенком	Частоты (за последний год) в %						Общий % родителей, использующих данный вид взаимодействия с ребенком
		1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	
1	Крики	16	34	54	12	0	8	92
2	Запрет того, что ребенок любил или выходить из дома	10	28	12	24	2	24	76
3	Отказ разговаривать с ребенком	32	16	4	10	12	26	74
4	Оскорбления глупым, ленивым и тд.	32	14	6	10	2	36	64

Как видно из представленной таблицы 92% родителей указали, что когда-либо кричали на своих детей, и больше половины родителей общаются таким образом со своими детьми регулярно.

Таблица 2.

Наиболее распространенные виды физического насилия

	Виды взаимодействия с ребенком	Частоты (за последний год) в %						Общий % родителей, использующих данный вид взаимодействия с ребенком
		1-2 раза	3-5 раз	6-10 раз	>10 раз	Ни разу за последний год	никогда	
1	Шлепали по попе рукой	32	24	6	10	14	14	86
2	Трясли ребенка	32	2	0	2	4	60	40
3	Ударяли по ягодицам с помощью предмета	10	6	2	0	10	72	28
4	Били по лицу или по затылку	18	0	0	0	6	76	24

Шлепки по попе «традиционно» являются самым распространённым физическим наказанием, его применяют по нашим данным 86 % (72 %, если исключить ответы «ни разу за последний год») опрошенных родителей.

Анализ результатов авторской методики показал, что в представлениях большинства родителей такие виды психологического насилия как отвержение, терроризирование, игнорирование, изоляция, развращение, а также физическое насилие, имеют отрицательные последствия как в краткосрочной, так и среднесрочной и долгосрочной перспективе. Нами была выделена специфика понимания последствий родителями. В таблице №3 представлены сводные данные, полученные в результате анализа открытых ответов родителей ко всем шести ситуациям. Нами были выделены следующие категории представлений родителей о последствиях психологического и физического насилия в детско-родительских отношениях:

1 – негативное влияние на детско-родительские отношения

2 – негативное влияние на личность ребенка

3 – отсутствие негативного влияния. В данную категорию вошли ответы как исключающие вообще какое-либо влияние (например, «никак не повлияет»), так и содержащие представления о положительном влиянии.

4 - другое. Данная категория включает нейтральные ответы, не содержащие утверждений о положительном или отрицательном влиянии предложенных ситуаций, а также пропущенные ответы.

Таблица 3.

Распределение представлений родителей о последствиях насилия в детско-родительских отношениях

	Ситуация	1	2	3	4	5	6
Время последствий	Сфера последствий	отвержение	терроризирование	игнорирование	изоляция	развращение алкоголем	Физическое насилие
Краткосрочные (прямо сейчас)	1 ДРО	9,7	0	19,4	9,7	0	0
	2 личность	80,6	100	71	74,2	22,6	90,3
	3 нет негативного влияния	6,5	0	3,2	6,5	48,4	6,5
	4 другое	3,2	0	6,5	9,7	29	3,2
Среднесрочные (в ближайшие год-два)	1 ДРО	6,5	3,2	74,2	41,9	3,2	6,5
	2 личность	83,9	96,8	22,6	41,9	54,8	74,2
	3 Нет негативного влияния	6,5	0	3,2	9,7	9,7	12,9
	4 другое	3,2	0	0	6,5	32,3	6,5
Отсроченные (после 18 лет)	1 ДРО	16,1	16,1	41,9	22,6	0	6,5
	2 личность	71	77,4	45,2	51,6	61,3	51,6
	3 Нет негативного влияния	6,5	0	9,7	9,7	9,7	22,6
	4 другое	6,5	6,5	3,2	16,1	29	19,4

Как видно из таблицы 3 по представлениям большинства родителей ситуация отвержения может негативно повлиять на личность ребенка, но не на детско-родительские отношения.

Ни один из родителей не посчитал, что такой вид психологического насилия как терроризирование может не иметь негативных последствий в краткосрочной и

среднесрочной перспективе и лишь 6,5 % затруднились ответить о долгосрочной перспективе.

В ситуации игнорирования большинство родителей в краткосрочной перспективе видят негативные последствия для личности ребенка (71%), в среднесрочной – для детско-родительских отношений (74,2 %), а в долгосрочной процент примерно уравнивается - 41,9 % видят негативное влияние на детско-родительские отношения и 45,2 % на личность ребенка.

Интересными нам показались данные, согласно которым к ситуации изоляции (запрет ребенку видиться с отцом после развода родителей) в ответах родителей не содержится представлений о возможном негативном влиянии такой ситуации в долгосрочной перспективе (25,8 %, из них 9,7 % - предположившие нейтральное или положительное влияние и 16,1 % затруднившихся ответить).

В ситуации развращения (глотовка алкоголя на празднике с родителями) 48,4 % родителей не предполагают отрицательного влияния такого вида насилия в краткосрочной перспективе. Однако следует отметить, что ответы респондентов к данной ситуации включают большой процент непоказательных ответов 29 % для краткосрочных и долгосрочных последствий и 32,3 % для среднесрочных последствий, что может говорить о необходимости дальнейшей модификации ситуации.

В ситуации физическое насилие выявлена тенденция к росту количества ответов о нейтральных или положительных последствиях и количества затруднившихся ответить от краткосрочных к среднесрочным и долгосрочным последствиям. Так, родители считают, что шлепки в качестве наказания не повлияют отрицательно ни на личность ребенка, ни на детско-родительские отношения, а может даже окажут положительное влияние, в 6,5 % случаев в краткосрочной перспективе, и в 22,6 % в долгосрочной перспективе. Среди затруднившихся не смогли назвать последствий среднесрочных 6,5 % родителей и долгосрочных 19,4 % родителей.

Следует отметить, что в целом по представлениям родителей большинство предложенных ситуаций влекут отрицательные последствия для личности ребенка и в гораздо меньшем проценте для детско-родительских отношений, исключение составляет, как указано выше, лишь ситуация, содержащая такой вид психологического насилия как игнорирование.

Таким образом, в ходе проведенного исследования подтвердилась гипотеза о том, что наиболее распространёнными формами насилия являются такие виды физического насилия как шлепки по попе; такие виды психологического насилия как отвержение в виде криков, оскорблений.

Гипотеза о том, что родители выделяют отрицательный характер ближайших последствий насилия над детьми (например, плач, обида, отказ общаться, недоверие родителям и т.п.), но не прогнозируют отсроченных последствий насилия, подтвердилась частично для отдельных ситуаций. Сталкиваясь с непослушанием детей и применяя определенные формы реагирования на данные проявления, родители дошкольников склонны воспринимать данные действия ситуативными, не оказывающими влияния на дальнейшее развитие как ребенка, так и детско-родительских отношений.

Гипотеза о том, что представления родителей о последствиях насилия больше связаны с негативным влиянием на личность ребенка, чем с негативным влиянием на детско-родительские отношения подтвердилась. Применение тех или иных форм физического и психологического насилия не воспринимаются родителями в качестве негативных факторов, оказывающих влияние на взаимодействие родителя с ребенком, так как, по видимому, считаются вполне правомерными с воспитательной точки зрения.

Полученные результаты подтверждают идею размытости представлений родителей о последствиях наказаний, трудности в дифференциации вредоносных наказаний и наказаний как проявления воспитательной модели.

Список использованных источников:

1. Волкова, Е. Н., Исаева, О. М. Диагностика распространенности насилия и жестокого обращения среди детей. - Н. Новгород: ЗАО НРЛ «Нижегородская радиолaborатория», 2013 – 97 с.
2. Дунаева, Н. И., Волкова, Е. Н. Проблема адаптации опросника ICASST-P в условиях российской действительности // Мир науки, культуры, образования. – 2014. - № 3 (46) – С. 160-163.
3. Карбанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
4. Собчик, Л. Н. Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. – СПб.: Речь, 2008. – 624с.
5. Тхостов, А. Ш. Психологическая многозначность понятия насилия // Национальный психологический журнал. - 2010. - №2(4). - с.56-59.
6. Холмогорова, А. Б., Воликова, С. В. Основные итоги исследований факторов суицидального риска у подростков на основе психосоциальной многофакторной модели расстройств аффективного спектра. [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2012. N 2. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_2_13/nomer/nomer11.php
7. Min-Ah Lee Emotional abuse in childhood and suicidality: The mediating roles of re-victimization and depressive symptoms in adulthood // Child Abuse & Neglect. - June 2015, - P. 130–139.
8. Kaplan, S. J. Child and adolescent abuse and neglect research: A review of the past 10 years. Part I: Physical and emotional abuse and neglect // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. - October 1999. - P. 1214–1222.

Родионова Ирина Владимировна,
*аспирантка кафедры классической и практической психологии Нижегородского
государственного педагогического университета имени Козьмы Минина,
603100 г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 7А
перинатальный психолог
центра семьи и репродукции «Ника Спринг»
603105 г. Нижний Новгород, ул. Ошарская 38а
E-mail: Arisha_nn@mail.ru*

Научный руководитель **Семенова Лидия Эдуардовна,**
*доктор психологических наук,
доцент, профессор кафедры классической и практической психологии
Нижегородского государственного педагогического университета
имени Козьмы Минина
603100 г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 7А*

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ РЕБЕНКА РАННЕГО ВОЗРАСТА НА ТИПА ОТЦОВСТВА, ПРИНИМАЕМОГО МУЖЧИНОЙ

Аннотация. В данной статье изучается проблема психологического компонента, такого как тип отцовства, у мужчин после рождения ребенка. Обосновывается актуальность и значимость данной работы. Раскрывается содержание научного исследования психологического благополучия по результатам опроса мужчин в принятии ими выбора типа отцовства. Приводятся фактические данные, свидетельствующие о том, тип отцовства, принимаемый мужчиной, как основную модель взаимодействия с ребенком раннего возраста не является устойчивой и может меняться с рождением ребенка. С приобретением опыта коммуникации с ребенком раннего возраста, мужчины чаще выбирают тип «Современный отец», что соответствует модели включенного отцовства.

Ключевые слова: тип отцовства, мужчина, ребенок раннего возраста.

Rodionova Irina Vladimirovna,
*post-graduate student of the Department of classical and practical psychology
of the Nizhny Novgorod state pedagogical University named after Kozma Minin,
603100 Nizhny Novgorod, PL. Minin and Pozharsky, 7A
perinatal psychologist the centre of family and reproduction "Nika spring»
603105 Nizhny Novgorod, Osharskaya str. 38A
E-mail: Arisha_nn@mail.ru*

Scientific Director **Semenova Lidiya Eduardovna,**
*doctor of psychology, associate Professor, Professor of the Department
of classical and practical psychology Nizhny Novgorod
state pedagogical University Kozma Minin's name
603100 Nizhny Novgorod, PL. Minin and Pozharsky, 7A*

INVESTIGATION OF THE EFFECT OF YOUNG CHILDREN ON THE TYPE OF PATERNITY, DATING A MAN

Annotation. This article examines the problem of psychological component, such as the type of fatherhood, in men after the birth of a child. The relevance and importance of this work is substantiated. The article reveals the content of the scientific study of psychological well-being

based on the results of men's survey in accepting the choice of the type of fatherhood. The actual data showing the type of paternity accepted by a man as the main model of interaction with an early age child is not stable and may change with the birth of a child. With the acquisition of experience of communication with a child of an early age, men often choose the type of "Modern father", which corresponds to the model of included fatherhood.

Key words: type of fatherhood, man, child of early age.

Введение. Родительство и ведущая роль в воспитании и развитии ребенка чаще рассматривается как диадные отношения с матерью, тогда как отцовству отводят второстепенную роль. На современном этапе развития семейной психологии и психологии родительства, проводились исследования, подтверждающие значимость роли отца в развитии ребенка [11]. О роли отца в развитии ребенка говорил еще З. Фрейд. Позднее исследования влияния семьи на ребенка сосредоточились в основном на изучении взаимоотношений матери и ребенка (М. Кляйн, Дж. Боулби и др.). Психология отцовства – одна из интересных и в то же время мало исследованная область психологии личности мужчины. Есть ряд специалистов изучающие гендерные особенности развития личности мужчин в отцовстве. [8].

На наш взгляд, *актуальность данного исследования* состоит в том, что на психологическом благополучии и развитии личности мужчины влияет не отцовство, само по себе как факт, а непосредственный контакт с ребенком раннего возраста. Развитие психологии отцовства поможет решить вопросы, которым ранее не уделялось должное внимание.

Целью данной статьи является изложение результатов исследования, посвященного изучению принятия типа отцовства (модели взаимодействия с ребенком) до и после рождения первого ребенка у мужчин состоящих в браке, как компонента психологического благополучия.

Степень изученности проблемы влияния ребенка раннего возраста на личность отца низкая. Чаще в психологии рассматривали влияние отца на ребенка. В современной психологии изучение отношения отца к ребенку, и изучение влияния отцовства на личность мужчины позволит уточнить многие малоизученные, но теоретически уже обозначенные аспекты. *Цель данного исследования состоит в том, чтобы понять*, может ли оказывать ребенок раннего возраста влияние на формирование структуры личности мужчины в отцовстве. *Задача исследования* состоит в том, чтобы проверить на практике как взаимодействие между ребенком раннего возраста и отцом могут влиять на изменение стиля поведения мужчины, может ли подвергаться трансформации личность мужчины. Или тип отцовства принятый, на стадии ожидания ребенка, мужчиной не подвергается изменениям и остается устойчивой чертой, не зависящей от общения с ребенком. *Объектом исследования является* мужчина - отец ребенка (от стадии беременности партнерши до наступления раннего возраста ребенка). *Предметом исследования* стал тип отцовства. *Гипотезой исследования:* взаимодействие мужчины с ребенком раннего возраста влияет на структуру отцовства мужчины. **Теоретическую основу исследования составил анализ** литературы, посвященной проблемам семейной и детской психологии, психологии личности.

Проанализировав современные исследования в области отцовства можно сделать вывод о существовании определенных отличий между традиционным и новым отцовством; изменяются взгляды на статус и социальную роль мужчины-отца, на влияние отцовской фигуры, его поведения, паттернов взаимодействия, качества выполнения роли отца на формирование личности, физическое и психоэмоциональное самочувствие, поведение и в целом на развитие ребенка. С другой стороны отцовство влияет на развитие личности самого мужчины, это связано с удовлетворенностью ролью отца, чувством родительской компетентности, ответственности за воспитание и психо-эмоциональное состояние ребенка. **В исследовании мы пользовались следующими методами:** сбор мнения в беседе и

заполнение теста. Методикой для исследования стал тест «Отец в семье». В ходе подготовительного этапа к исследованию возникла трудность, заключающаяся в скудности методик. Это связано с тем, что отцовство, как таковое, мало изучалось. В основном тесты ориентированы на более старшую возрастную группу детей (дошкольного и школьного возраста). Поэтому изучение отцовства, как компонент благополучия мужчины, и установление наличия влияния на личность отца ребенком раннего возраста поможет получить новые данные о психологии отцовства.

Существует два подхода к изучению родительства, в зависимости от того, кто считается отправной точкой изучения - ребенок или родитель: первый, наиболее распространенный, рассматривает родительство применительно к развитию ребенка; второй подход, рассматривает феномен отцовства через призму личности самого. Здесь исследуются самореализация личности в родительстве, вводятся понятия социальная роль, статус, социальные нормы, стиль и типы взаимодействия, исследуется феномен так называемого родительского «инстинкта» (материнского и отцовского), чувства, образы - Я, Я-концепция и другие личностные характеристики, так или иначе связанные и изменяющиеся с родительством.

Исследование проводилось в два этапа. I этап проводился со II по III квартал 2016 года включительно. II этап проводился во II-IV квартале 2017 года включительно.

Эмпирической базой исследования стала многопрофильная медицинская клиника «Ника Спринг», филиал «Семьи и репродукции» находящейся в г. Нижний Новгород, ул. Ошарская 38а. Сбор данных осуществлялся во время прослушивания курсов у перинатального психолога Родионовой Ирины Владимировны по подготовке будущих родителей к родам. В опросе принимали участие 13 пар. В I этапе опрос проводили с будущими отцами на стадии ожидания появления первенца партнершей. На II этапе спрашивали отцов, имеющих детей в возрасте от 1 года до 3 лет. Группа была закрытой и для чистоты эксперимента были опрошены те же пары, что и в первом исследовании.

Проведение эксперимента. Опросив отцов и собрав данные тестов были получены следующие результаты (см табл.№1.). Первое цифровое значение относится к I этапу, второе цифровое значение относится ко II этапу.

Таблица 1.

№	Утверждение	Согласен		Не совсем согласен		Не согласен	
		I	II	I	II	I	II
1	Мужчина лучше справляется с большим ребенком, чем с маленьким.	7	5	3	7	3	1
2	После развода дети должны оставаться с матерью.	1	2	9	9	3	2
3	Хороший муж обычно бывает и хорошим отцом.	3	8	6	5	4	0
4	Мужчины, как правило, не умеют проявлять свои чувства так же открыто, как женщины.	3	2	6	7	4	4
5	В вопросах воспитания мнение отца должно быть решающим.	5	0	4	10	4	3
6	Первое время после рождения малыша женщина может уделять мужу меньше внимания.	3	8	5	4	5	1
7	Лучше вообще жить без отца, чем терпеть отца равнодушного.	3	1	6	3	4	9
8	Поскольку считается, что женщина все делает лучше мужчины, пусть она и воспитывает детей.	4	0	5	6	4	7

9	Когда у ребенка что-то не ладится, он всегда идет к матери.	5	1	4	7	4	5
10	Чем сильнее любовь к малышу, там легче его воспитывать.	5	10	5	2	3	1
11	Отец должен только тогда вмешиваться в воспитание, когда его об этом попросит жена.	3	2	6	7	4	4
12	После развода родителей маленький ребенок совершенно не замечает отсутствия отца.	2	0	6	6	5	7
13	Женщины, как правило, балуют детей.	5	5	5	6	3	2
14	Отцам полезно проводить отпуск вместе с детьми.	6	13	6	0	1	0
15	Мальчики с ранних лет должны воспитываться иначе, чем девочки.	9	10	3	3	1	0
16	Некоторые дети охотнее проводят время с отцом, чем с матерью.	5	4	5	8	3	1
17	Я представляю, что ребенок для моей жены будет важнее, чем я.	2	2	7	5	4	6
18	Во всех вопросах воспитания я смогу успешно заменить жену.	2	2	4	4	7	7
19	Ребенок должен больше уважать отца, чем мать.	2	0	7	7	4	6
20	Моя жена всегда будет вмешиваться, когда я буду начинать заниматься с детьми.	1	0	5	4	7	9
21	Мужчина при желании может обращаться с новорожденным не хуже женщины.	3	4	7	5	3	4
22	Отец важнее для сына, чем для дочери	3	1	1	7	9	5
23	Моя жена не будет относиться ко мне серьезно, как к воспитателю.	2	0	5	10	6	3
24	Когда в семье есть бабушка, воспитывать ребенка намного легче.	4	5	1	6	8	2

При обозначении типов отцовства мы опирались на данные теста.

«Традиционный отец» - глава семьи, представляет ее интересы во всех «внешних» отношениях, является последней инстанцией в решении всех вопросов, связанных с воспитанием ребенка. Он несколько суров, придает слишком большое внимание дисциплине, выполнению детьми своих обязанностей. По мере взросления ребенка начинает принимать большее участие в воспитании, особенно сыновей. С детьми сдержан, поэтому особо теплых отношений с ними нет.

«Отец-кормилец» предоставляет жене полную свободу в воспитании детей. Даже в свободное время не горит желанием заняться детьми. Неудивительно, что дети со временем перестают относиться к нему серьезно. Такие отцы ограничиваются только функцией материального обеспечения, не вникая в проблемы семьи.

«Современный отец» - для такого отца все дела, связанные с ребенком, привычны и очевидны. Хотя у него не так много свободного времени, как ему хотелось бы, вечера он обычно проводит с детьми. Он любит их, часто говорит им об этом, умеет не только играть со старшими детьми, но и пеленать грудных. Дети его обожают. Со своими проблемами они

в равной степени обращаются и к нему, и к матери. Такие пояснения даны к тесту автором. Автор не известен, тест взят с сайта. Режим доступа - URL <https://nsportal.ru>

Таблица 2.

Сводная таблица по типу отцовства

№ пары	I этап				II этап			Тип отцовства на конец эксперимента
	Т О	О-К	С О	Тип	Т О	О-К	С О	
I	8	8	11	С О	5	6	9	С О
II	8	4	7	Т О	6	5	4	Т О
III	12	9	9	Т О	6	6	13	С О
IV	10	9	11	С О	9	5	8	Т О
V	8	10	8	О-К	6	8	10	С О
VI	9	6	8	Т О	10	10	9	Т О
VII	9	7	6	Т О	8	4	8	Т О/со
VIII	11	8	5	Т О	7	7	7	Т О/со/ок
IX	4	3	3	Т О	8	10	7	О-К
X	7	5	3	Т О	9	7	10	С О
XI	2	0	6	С О	6	2	8	С О
XII	12	10	10	Т О	4	9	12	С О
XIII	11	10	10	Т О	10	8	10	Т О/С О

Проведя простой математический подсчет, мы видим, что на стадии ожидания ребенка мужчины склоняются к типу: «Традиционное отцовство» 9 мужчин из 13, тип «Современное отцовство» выбрали 3е мужчин, «Отец-кормилец» выбрал для себя приемлемым вариантом 1 мужчина.

Если мы обратимся к данным второй части эксперимента, то увидим, что тип «Современное отцовство» выбрали большее количество мужчин, а именно 6 из 13, что на 3 человека больше. 4 мужчин предпочли стиль «Традиционные отец», что на 5 человек меньше, «Отец-кормилец» 1 человек и колеблются, либо не хватает данных теста, чтобы выбрать какой-то один вариант отцовства 2 мужчины, между «Традиционным отцовством» и «Современным отцовством». Еще один человек по данным теста оказался с равными баллами, относящимися и к «Традиционному отцовству» и к «Современному отцовству» и к «Отцу-кормильцу».

Можно видеть динамику в сторону принятия роли включенного отца. На это может влиять и желание партнерши к сближению отца с ребенком, и поощрение социального окружения мужчины, в том числе близких родственников, и интерес, как личности мужчины, к взаимодействию с потомством. При общении с отцами все мужчины, которые вошли в группу включённых отцов считают себя благополучными и подтверждают, что в данной новой роли отца им комфортно. В ходе эксперимента не учитывались гендерные предпочтения отца на выбор общения с ребенком, поэтому нет возможности сказать повлиял ли рост интереса на общение именно с мальчиками или девочками или этот факт не имеет значения. Если ожидания не оправдываются, ребенок рождается болезненный или с отклонениями, то это может влиять на самоустранение мужчины от воспитания ребенка, что, возможно, может быть проинтерпретировано как свидетельство существования четкого стереотипа роли или типа отцовства, который занял мужчина. Так произошло с парой под номером IV. Отец при беседе пояснил, что трудности во взаимодействии с ребенком заставили пересмотреть его взгляд на тип отцовства.

Вывод: Считаем *гипотезу исследования* о том, что ребенок раннего возраста имеет влияние на трансформацию личности мужчины и тип отцовства после взаимодействия с ребенком может подвергаться изменению, доказанной. Если обратиться к данным таблиц 2, то можно увидеть, что тип отцовства, выбранный на стадии ожидания ребенка, подвергается изменению и не является устойчивой структурой. Как видно из II этапа, мужчин, которые стали склоняться к типу «Современное отцовство» стало больше, здесь возможно сыграла роль поддержка и одобрение социума, ушли страхи перед новорожденным, ребенок сам может инициировать общение с родителем, женщины охотно уступают некоторые функции своему партнеру по заботе о малыше.

В заключение хочется отметить, что после рождения ребенка отношения в семье перестраиваются и выходят на другой уровень. Ожидания и фантазии о будущем ребенке и действительная реальность после рождения ребенка могут отличаться. Отцовство, особенно включенное может являться компонентом к благополучию мужчины. Ребенка раннего возраста нельзя считать пассивным. Он может своими действиями инициировать общение с отцом. Современные отцы во многом стали более активны в воспитании детей. Таким образом, функции отца в семье претерпевают сравнительно быстрые изменения, складывается новая модель отцовства, сочетающая с современной моделью семьи в целом.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

ТЕСТ « ОТЕЦ В СЕМЬЕ»

М _____ лет, ребенок _____ лет

№	утверждение	Согласен 2 балла	не совсем согласен 1 балл	не согласен 0 баллов
1	Мужчина лучше справляется с большим ребенком, чем с маленьким.			
2	После развода дети должны оставаться с матерью.			
3	Хороший муж обычно бывает и хорошим отцом.			
4	Мужчины, как правило, не умеют проявлять свои чувства так же открыто, как женщины.			
5	В вопросах воспитания мнение отца должно быть решающим.			
6	Первое время после рождения малыша женщина может уделять мужу меньше внимания.			
7	Лучше вообще жить без отца, чем терпеть отца равнодушного.			
8	Поскольку считается, что женщина все делает лучше мужчины, пусть она и воспитывает детей.			
9	Когда у ребенка что-то не ладится, он всегда идет к матери.			
10	Чем сильнее любовь к малышу, там легче его воспитывать.			
11	Отец должен только тогда вмешиваться в воспитание, когда его об этом попросит жена.			
12	После развода родителей маленький ребенок совершенно не замечает отсутствия отца.			
13	Женщины, как правило, балуют детей.			
14	Отцам полезно проводить отпуск вместе с			

	детьми.			
15	Мальчики с ранних лет должны воспитываться иначе, чем девочки.			
16	Некоторые дети охотнее проводят время с отцом, чем с матерью.			
17	Я представляю, что ребенок для моей жены будет важнее, чем я.			
18	Во всех вопросах воспитания я смогу успешно заменить жену.			
19	Ребенок должен больше уважать отца, чем мать.			
20	Моя жена всегда будет вмешиваться, когда я буду начинать заниматься с детьми.			
21	Мужчина при желании может обращаться с новорожденным не хуже женщины.			
22	Отец важнее для сына, чем для дочери			
23	Моя жена не будет относиться ко мне серьезно, как к воспитателю.			
24	Когда в семье есть бабушка, воспитывать ребенка намного легче.			

Существует три типа отцов: «традиционный отец», «отец-кормилец», «современный отец».

Первый тип охарактеризован ответами на вопросы: 1, 4, 5, 12, 13, 15, 19, 22, второй - 2, 6, 8, 9, 11, 17, 20, 23, третий - 3, 7, 10, 14, 16, 18, 21, 24.

Максимальный результат по одному из типов должен быть более 9 баллов.

Если меньше, то результат не засчитывается.

«Традиционный отец» - глава семьи, представляет ее интересы во всех «внешних» отношениях, является последней инстанцией в решении всех вопросов, связанных с воспитанием ребенка. Он несколько суров, придает слишком большое внимание дисциплине, выполнению детьми своих обязанностей. По мере взросления ребенка начинает принимать большее участие в воспитании, особенно сыновей. С детьми сдержан, поэтому особо теплых отношений с ними нет.

«Отец-кормилец» предоставляет жене полную свободу в воспитании детей. Даже в свободное время не горит желанием заняться детьми. Неудивительно, что дети со временем перестают относиться к нему серьезно. Такие отцы ограничиваются только функцией материального обеспечения, не вникая в проблемы семьи.

«Современный отец» Для такого отца все дела, связанные с ребенком, привычны и очевидны. Хотя у него не так много свободного времени, как ему хотелось бы, вечера он обычно проводит с детьми. Он любит их, часто говорит им об этом, умеет не только играть со старшими детьми, но и пеленать грудных. Дети его обожают. Со своими проблемами они в равной степени обращаются и к нему, и к матери.

Список использованных источников:

1. Абрамова Г.С. Возрастная психология. – М.: ИЦ «Академия», 1998.
2. Архиреева Т.В. Влияние отношений с отцом на мотивационно-ценностные аспекты родительства у мужчин, имеющих детей // Психологические проблемы современной российской семьи: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. В 3-х ч. Ч. 1 / под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. – М., 2005.
3. Борисенко Ю.В. Психология отцовства. – М.; Обнинск: «ИГ СОЦИН», 2007.

4. Гурко Т.А. Вариативность представлений в сфере родительства // Социс. – 2000. – № 10.
5. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. – СПб.: Питер, 2002.
6. Казарян М.Ю., Сайфугалиева А.И. Вопросы эмоционального состояния детей в неполных семьях // Психологические проблемы современной российской семьи: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. В 3-х ч. Ч. 2 / под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. – М., 2005.
7. Колесниченко Е.А. Социально-психологические особенности формирования личности ребенка в неполной семье // Психологические проблемы современной российской семьи: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. В 3-х ч. Ч. 2 / под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. – М., 2005.
8. Кон И.С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. – М.: Наука, 1988.
9. Минияров В.М. Проблемы детско-родительских отношений // Психологические проблемы современной российской семьи: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. В 3-х ч. Ч. 3 / под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. – М., 2005.
10. Неумоина Е.С. Исследование психологической готовности к отцовству // Психологические проблемы современной российской семьи: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. В 3-х ч. Ч. 3 / под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. – М., 2005.
11. Овчарова Р.В. Психологическое сопровождение родительства. – М.: Издательство Института психотерапии, 2003.
12. Семенова Л.Э., Семенова В.Э., Родионова И.В. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА В МОНОРОДИТЕЛЬСКОЙ (МАТЕРИНСКОЙ) СЕМЬЕ
<http://npakaf417.ru/pdf/2017/1%20/6.pdf>
13. Семенова Л.Э. Особенности восприятия себя как родителя мужчин – отчимов и мужчин – биологических отцов с разными стилями родительского отношения [Электронный ресурс] / Л.Э.Семенова, Н.Л.Росина, Н.В.Логинова // Вестник Мининского университета. – 2017. – №1(18). – С. 16. – URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/334>(дата обращения: 04.05.2018)
14. Федорова Н.В. Патеральная депривация в условиях семейного восприятия // Психологические проблемы современной российской семьи: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. В 3-х ч. Ч. 3 / под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. – М., 2005.
15. Филиппова Г.Г. Психология материнства. - М., 2002.
16. Целуйко В.М., Толстых М.А. Проблема становления гендерной идентичности ребенка в семье // Психологические проблемы современной российской семьи: Материалы Второй Всероссийской научной конференции. В 3-х ч. Ч. 3 / под общ. ред. В.К. Шабельникова и А.Г. Лидерса. – М., 2005.
17. Barth S. Vaterchaft im Wandel // Sozialmagazin. – 2000. – Heft 1. – S. 14–22. Press, 1991.
18. Camus J. Vater. Die Bedeutung des Vaters fur die psychische Tntwicklung des Kindes. – Beltz, 2001.
19. Lerman R.I. A national profile of young unwed fathers // Young unwed fathers: Changing roles and Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика ♦ №11 51 emerging policies / Eds. R.I. Lerman, T.J. Ooms. – Philadelphia: Temple University Press, 1993.

Летягина Светлана Константиновна
кандидат социологических наук, доцент,
Саратовская государственная юридическая академия,
доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики
410056, Россия, Саратов, ул. Вольская, д. 1,
E-mail: let71@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕННОСТИ ЗАВИСТИ У СТУДЕНТОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ ЕДИНСТВЕННЫМИ ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ И ИМЕЮЩИХ СИБЛИНГОВ⁹

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования выраженности зависти у студентов, являющихся единственными детьми в семье и имеющих сиблингов. Статистически доказано, что позиция мальчика относительно его братьев или сестер и позиция единственного ребенка не влияют на формирование личностной завистливости. Наиболее завистливыми оказались девушки, которые являются единственными детьми в семье. Автор приходит к выводу, что, система взаимоотношений в семье братьев и сестер является значимым компонентом социальной ситуации развития завистливости ребенка женского пола, во многом определяющим характер его социальной адаптации.

Ключевые слова: зависть, предметы зависти, личностная завистливость, сиблинговая позиция, сиблинговая подсистема.

Letyagina Svetlana Konstantinovna
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Saratov State Law Academy,
Associate Professor of the department
of the legal psychology, forensic examination and pedagogy
410056, Russia, Saratov, Volskaya street, 1
E-mail: let71@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF EXPRESSION EXPRESSION IN STUDENTS WHO ARE THE ONLY FAMILY CHILDREN IN THE FAMILY AND HAVE SIBLINGS

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the intensity of envy among students who are the only children in the family and who have siblings. It is statistically proved that the position of the boy relative to his brothers or sisters and the position of the only child does not influence the formation of personal envy. The most envious were girls who are the only children in the family. The author comes to the conclusion that, the system of relationships in the family of brothers and sisters is an important component of the social situation of the development of the envy of a female child, which largely determines the nature of his social adaptation.

Key words: envy, objects of envy, personal envy, sibling position, sibling subsystem.

В научной психологии особенности развития личности ребенка и детско-родительских отношений имеют богатую исследовательскую историю. Однако этого нельзя сказать о проблеме сиблинговых отношений в целом, и о формировании зависти у ребенка в зависимости от позиции ребенка в семье, в частности. При этом следует особо подчеркнуть,

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Социально-психологическая структура, детерминанты и механизмы регуляции зависти», проект № 18-013-00134 А

что система взаимоотношений братьев и сестер является значимым компонентом социальной ситуации развития ребенка в семье, во многом определяющим личностные особенности и характер социальной адаптации ребенка.

Первым заговорил о влиянии порядка рождения в семье на способности ребенка в конце XIX века английский психолог Ф.Гальтон. Наибольший же вклад в развитие данной проблемы внесли в основном психоаналитические исследования и системный подход в работе с семьей (З. Фрейд, А. Адлер, М.Боуэн, С. Минухин, В.Тоумен).

З. Фрейд обратил внимание на отношения братьев и сестер, прежде всего, со стороны соперничества детей за родительскую любовь и переживания ребенком ценности своего и противоположного пола. А. Адлер в начале XX века описал типы личности, характерные для единственного, второго и младшего ребенка в семье, особо подчеркивая, что появление сиблинга является одним из самых драматичных событий в жизни ребенка, которое он обозначил термином «падение с трона», когда старший сиблинг перестает быть центром внимания семьи.

С точки зрения системного подхода к семье, напротив, сиблинговая подсистема является важным условием развития личности ребенка, поскольку сиблинги образуют первую группу равных, в которую вступает ребенок и в которой они обучаются друг у друга взаимодействию.

Таким образом, если в психоанализе акцентирован травмирующий аспект сиблинговых отношений, то в системном подходе — развивающий, ресурсный аспект [8, с.101].

Голландские психологи Л.Бельмон и Ф.Маролла в 1973 году установили, что чем больше у ребенка старших братьев и сестер, тем ниже его интеллектуальные способности. Американские психологи Р.Зайонц и Г.Маркус объясняли этот феномен снижением общего интеллектуального уровня семейной среды [4]. Поскольку старшие дети общаются в большей степени с опытными и знающими родителями, а все последующие дети — и с родителями, и с сиблингами.

Очевидно также, что сиблинговые отношения включены в единую семейную систему и связаны с характером как родительско-детских, так и супружеских отношений. Помимо очередности рождения, на формирование личности ребенка влияют пол детей, разница в возрасте между братьями или сестрами, а также количество детей в семье.

Целью нашего исследования явился сравнительный анализ выраженности зависти у студентов, являющихся единственными детьми в семье и имеющих сиблингов.

Тема представляется нам актуальной, поскольку весь цикл семейных отношений часто сопряжен с природной завистью: с появлением ребенка в семье, для которого мать — целый мир, мужчина завидует их тесной связи и может чувствовать себя отвергнутым. По мере взросления внимание ребенка переключается на отца как символа деятельности, активности, связи с внешним миром — и теперь уже мать завидует характеру их отношений. Позднее оба родителя начинают завидовать компании друзей, которая в подростковом возрасте становится смыслом жизни их ребенка. Затем цикл повторяется, и теперь уже ребенок становится на место родителя [5, с.38].

Однако, еще А.Адлер обратил внимание на то, что, если у детей одни и те же родители, и они растут примерно в одних и тех же семейных условиях, их социальное окружение не тождественно. Опыт старшего или младшего ребенка в семье по отношению к другим детям, особенности влияния родительских установок и ценностей — все это меняется в результате появления в семье следующих детей и формирует разные стили жизни [7, с.179]. Следовательно, вполне логично предположить, что сиблинговые позиции оказывают влияние на личность ребенка, его чувства и переживания, поведенческую активность. И зависть в данном контексте не является исключением.

В качестве диагностического инструментария в исследовании были использованы следующие опросники:

1) «Методика исследования завистливости личности» (Т.В. Бескова) [1, с.127-141], которая позволяет выявить уровень выраженности двух видов зависти: зависти-неприязни и

зависти-уныния. Различия между ними проявляются как в сфере эмоциональных переживаний субъекта зависти, так и в сфере его поведенческих паттернов;

2) Опросник «Проявления зависти и ее самооценка» (Т.В. Бескова) [2, с. 309-313]. Руководствуясь поставленной нами целью, мы использовали лишь один из его блоков, который посвящен выявлению предметных сфер зависти.

Под сиблинговой позицией мы будем понимать очередность рождения детей. Статус ребенка среди братьев и сестер не всегда совпадает с его позицией: единственный ребенок, старший, средний и младший ребенок. Родители никогда не обращаются со своими детьми одинаково, даже если сами убеждены в обратном, и давно уже доказано, что старших детей ругают больше, чем младших. А раз так, то неудивительно, что старшие и младшие вырастают такими разными. По мнению Э.Шенбек, наиболее типичное поведение для той или иной позиции можно наблюдать при возрастной разнице между детьми от трех до четырех лет.

В эмпирическом исследовании приняли участие 210 респондентов в возрасте от 18 до 22 лет. Из них 39 юношей и 29 девушек являются единственными детьми в семье, 44 юноши и 33 девушки – старшие дети, 55 юношей и 33 девушки – младшие дети в семье.

Обратимся к анализу полученных результатов. Статистически значимые различия в выраженности видов зависти и зависти к предметным сферам среди мужских выборок нами выявлены не были. Другими словами, позиция мальчика относительно его братьев или сестер и позиция единственного ребенка не влияют на формирование личностной завистливости.

Объяснением данного факта, на наш взгляд, может выступать основанное на результатах исследований утверждение Бесковой Т.В. [3, с.21], суть которого сводится к следующему. Мужская зависть носит ситуативный характер, при виде чужого успеха эмоциональный дискомфорт является недолгим. Они, в отличие от женщин, не «зацикливаются» на негативных переживаниях.

Что касается женских выборок, то здесь результаты сравнительного анализа носят иной характер.

Таблица 1.

Средние значения видов зависти и показатели t-критерия Стьюдента в группах девушек

	ЗАВИСТЬ-НЕПРИЯЗНЬ		ЗАВИСТЬ-УНЫНИЕ		ЗАВИСТЬ	
	Средние значения	t-критерий Стьюдента	Средние значения	t-критерий Стьюдента	Средние значения	t-критерий Стьюдента
Младшая дочь	10,68	2,85*	15,79	3,32*	26,47	3,26*
Единственная дочь	19,31		26,46		46,28	
Старшая дочь	16,50	1,74	20,65	2,13*	37,13	1,82
Единственная дочь	19,31		26,46		46,28	

Примечание: * – уровень значимости 0,05; ** – 0,01

Как можно наблюдать из представленных в таблице 1 результатов, наиболее завистливыми оказались девушки, которые являются единственными детьми в семье. Причем группу девушек, являющихся младшими сиблингами, они значимо превосходят по всем трем видам зависти.

Единственные дети привыкают к своему исключительному и монопольному положению и зачастую до зрелых лет остаются инфантильно сосредоточенными на

собственной персоне. Единственный ребенок живет вне детской иерархии и конкуренции, и поэтому социальная оценка и поддержка способностей ребенка ложится на родителей. Но родителям единственного ребенка трудно сохранить объективность, им свойственно бросаться в крайности. В единственном ребенке родители мечтают увидеть свое продолжение, воплощение своих устремлений. Неудивительно, что они вырастают избалованными, капризными, чрезмерно требовательными, эгоцентричными, конфликтными и, как следствие, завистливыми [4].

Что касается младших детей, то они избавлены от психической травмы в связи с появлением в семье новорожденного. Им уделяется много внимания, многое прощается, предъявляется меньше требований, чем к старшим сиблингам. С детских лет младшие дети растут в атмосфере соперничества и конкуренции со старшими детьми. Поэтому они испытывают сильное чувство неполноценности, наряду с отсутствием чувства независимости. Но младший ребенок обладает важным преимуществом: высокой мотивацией превзойти старших сиблингов. Очень скоро появляется понимание того, что в открытом и агрессивном соперничестве они наверняка проиграют, поэтому со временем вырабатывают у себя ценные коммуникативные навыки ведения переговоров, сотрудничества и компромисса. По этой причине они способны ладить с людьми, имеют много друзей, готовых оказать им поддержку. Именно поэтому, высокая мотивация достижений и умение эффективно сотрудничать с другими позволяет младшим детям добиваться желаемого, быть успешными и не испытывать постоянно разрушающей личностную зависти.

Статистически значимые различия между старшими и единственными детьми женского пола выявлены только по шкале «зависть – уныние».

У старших детей родители обычно поощряют логические и рассудительные высказывания, целесообразные и «взрослые» действия, поощряют их быть примером для младших, выполнять родительские функции. Часто старшие дети становятся продолжателями семейных династий. Старшие дети с детских лет учатся рассчитывать только на себя, не любят рисковать, отличаются чрезмерной серьезностью и ответственностью, испытывают трудности в выстраивании дружеских отношений. Старшие сиблинги амбициозны, в профессиональной жизни нередко занимают руководящие посты. Они постоянно стремятся к совершенству и одновременно боятся расстроить своих родителей, старшие дети острее других чувствуют, что любовь надо заслужить. На наш взгляд, именно активное стремление к достижениям и опора на собственные силы объясняют более низкую выраженность «зависти-уныния» у старших детей по сравнению с единственными, которым свойственно ждать помощи от других, переживать по поводу своей личной недооцененности и жизненной несправедливости.

Обратимся к сравнительному анализу предметного поля зависти в женских выборках. Единственные дети статистически значимо превосходят группу младших сиблингов по зависти к внешней привлекательности ($t=3,26$ при $p=0,01$), успеху у противоположного пола ($t=3,23$ при $p=0,01$), карьерному росту ($t=2,54$ при $p=0,05$), дорогим и модным вещам ($t=2,39$ при $p=0,05$), способностям и интеллекту ($t=2,36$ при $p=0,05$), личным качествам ($t=2,68$ при $p=0,01$).

Следовательно, девушки, являющиеся единственными детьми в семье, больше завидуют профессионально успешным, умным и способным, внешне привлекательным, пользующимся успехом у противоположного пола соперницам.

Зависть возникает не просто к тому, кто располагает тем, чего нет у завидующего. Она возникает скорее по поводу того, к чему у человека имеется пристальный интерес, что им высоко ценится и в чем у него имеется потребность. За последние сто лет у женщин значительно изменился характер восприятия жизни в целом и семейных отношений в частности. Женская активность сместилась в сторону профессиональной самореализации и материального достатка. Вероятно, сколько бы мы не вспоминали известные пословицы, «что встречают по одежке, а провожают по уму», «с лица воду не пить», привлекательность

влияет только на первое впечатление и т.п., в современных реалиях они потеряли свою актуальность. По мере того как общество становится все более урбанизированным и мобильным, общение людей становится все более стремительным и скоротечным, первые впечатления, и вследствие этого внешняя привлекательность, как безусловный стимул привлечения внимания, приобретают все большее значение и позволяет в комплексе с интеллектуальными и личностными способностями быть более конкурентноспособными и успешными [6, с.543].

Группу старших сиблингов единственные дети статистически значимо превосходят только по зависти к одной предметной сфере – «наличие преданных друзей» ($t=2,14$ при $p=0,05$). Как отмечалось ранее, единственный ребенок живет вне детской иерархии и конкуренции, не получает объективной социальной оценки со стороны сиблингов, и как следствие, испытывает трудности в разрешении конфликтов и налаживании близких и доверительных отношений со сверстниками.

В основе зависти всегда лежит сравнение себя с кем-то, восприятие чьего-либо превосходства. И, казалось бы, единственные дети, которые растут в среде, где нет конкуренции и соперничества между братьями и сестрами, должны быть лишены этого чувства, или, по крайней мере, оно должно быть минимальным. Однако, полученные нами результаты свидетельствуют об обратном.

Попробуем объяснить данный факт, обратившись к истокам семейного воспитания и опираясь на описанные выше психологические особенности сиблингов, обусловленные их позицией в семье. Доверие, любовь и забота родителей необходимы каждому ребенку. Однако не все родители способны подарить своим детям безусловную любовь и принятие. И чтобы добиться их любви, дети выбирают разные стратегии. Единственным и старшим сиблингам кажется, что от них ждут подвигов и свершений, что родители их любят в основном за успехи, и, только заслужив любовь родителей, они могут обрести уверенность в себе. По сути, зависть — глубокое чувство разочарования в своих достижениях, чувство несостоятельности, несовершенства. Однако старшие дети с детских лет учатся рассчитывать на себя, стремятся к лидерству, принимают ответственность за свою жизнь и зависть к успехам других выступает скорее стимулом для их дальнейшего совершенствования. Единственные дети очень долго находятся под контролем матери и ожидают такой же защиты и заботы от других. Основными особенностями их стиля жизни являются зависимость и эгоцентризм. Поэтому более успешное социальное окружение часто воспринимается единственными детьми как причина их собственных неудач и жалкого существования и вызывает глубокое и непреодолимое чувство зависти.

С младшими детьми все наоборот, обычно их любят просто так, ни за что. Им не нужно ничего доказывать, от них не ждут ни подвигов, ни свершений, они могут просто «быть». Такая любовь дает чувство уверенности в себе, так как ребенка принимают таким, какой он есть. А соперничество с сиблингами мотивирует их на достижения и успех.

Итак, подведем итоги нашего исследования.

Позиция мальчика относительно его братьев или сестер и позиция единственного ребенка не влияют на формирование личностной завистливости. Мужская зависть носит ситуативный характер, при виде чужого успеха они, в отличие от женщин, не «зацикливаются» на негативных переживаниях.

Наиболее завистливыми оказались девушки, которые являются единственными детьми в семье. Группу девушек, являющихся младшими сиблингами, они значимо превосходят по всем трем видам зависти, а группу старших сиблингов - по шкале «зависть – уныние».

Следовательно, система взаимоотношений в семье братьев и сестер является значимым компонентом социальной ситуации развития завистливости ребенка женского пола, во многом определяющим личностные особенности и характер его социальной адаптации.

Список использованных источников:

1. Бескова Т.В. Методика исследования завистливости личности // Вопросы психологии. -№ 2. - 2012. -С. 127-141.
2. Бескова Т.В. Социально-психологическая структура и детерминанты зависти. - Саратов. Изд-во Сарат. ун-та, 2013. - 324 с.
3. Бескова Т.В. Соотношение зависти и коммуникативной интолерантности в студенческом возрасте (гендерный аспект) // Грани познания. - 2011. - № 2 (12). - С. 18-23.
4. Козлова И.Е. Особенности сиблинговых отношений в двухдетных семьях [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. - 2010. - N 4(12). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.20гг). 0421000116/0039
5. Летягина С.К. О проблеме зависти в аспекте психологии семейных отношений // Ученые записки Педагогического института СГУ им. Н.Г. Чернышевского. Серия: Психология. Педагогика. - 2010. - № 4. - С. 37-45.
6. Майерс Д. Социальная психология. 7-е издание. — СПб.: Питер, 2010. — 794 с.
7. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. – СПб.: Изд-во «Питер Пресс», 1997. – 608 с.
8. Якимова Т.В. Сравнительный анализ житейских и научных представлений об особенностях сиблинговых отношений в семье // Консультативная психология и психотерапия, 2013. - № 4. - С. 96-111.

Слизкова Елена Владимировна
кандидат педагогических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
доцент кафедры педагогики и психологии
625003, г. Тюмень, Володарского, 6
E-mail: lick_diana@mail.ru

Фадич Диана Николаевна
студентка социально-гуманитарного факультета
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
625003, г. Тюмень, Володарского, 6
E-mail: di.pi07@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА И РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕНЩИН, ПОДВЕРГШИМСЯ ПСИХОФИЗИЧЕСКОМУ НАСИЛИЮ В СЕМЬЕ

Аннотация. В статье представлена авторская позиция относительно правовой защиты и реабилитации женщин, подвергшимся психофизическому насилию посредством терапевтических групп и групп самопомощи.

Ключевые слова: правовая защита, реабилитация, терапевтическая группа, группа самопомощи, насилие, семья.

Slizkova Elena Vladimirovna
candidate of pedagogical sciences,
associate professor,
FGAOU VO "Tyumen State University"
Associate Professor of Pedagogy and Psychology
625003, Tyumen, Volodarsky, 6
E-mail: lick_diana@mail.ru

Fadic Diana Nikolaevna
student of social and humanitarian faculty
FGAOU VO "Tyumen State University"
625003, Tyumen, Volodarsky, 6
E-mail: di.pi07@yandex.ru

LEGAL PROTECTION AND REHABILITATION OF WOMEN AFFECTED BY PSYCHOPHYSICAL VIOLENCE IN THE FAMILY

Abstract. The article presents the author's position on the legal protection and rehabilitation of women subjected to psychophysical violence through therapeutic groups and self-help groups.

Key words: legal protection, rehabilitation, therapeutic group, self-help group, violence, family.

Период трансформаций и реформ в российском обществе «обнажает» многочисленные нерешенные социально-экономические проблемы, нередко провоцирующие жестокость и насилие, а также утрату чувства безопасности у граждан перед предстоящими изменениями и их жизнедеятельностью в настоящем и будущем.

На данном фоне высвечивается множество проблем, существование которых определяется десятилетиями, и которые потрясают человечество, среди них рост насилия, в том числе по отношению к женщинам. Рост насилия является сейчас доминирующей тенденцией для всего мира в целом. Насилие негативно по определению. Это разрушительная сила, которая унижает, насилует, подавляет, эксплуатирует и заставляет еще раз переосмыслить варианты решения возникшей проблемы.

Ситуация осложняется тем, что в настоящее время в российской законодательно-правовой базе нет четких законов, и нормативно-правовых актов, обеспечивающих защиту прав женщин, подвергающихся насилию.

Насилие в семье в современной России такое же обычное явление, как насилие на улицах городов. Оно постоянно совершается в каждой четвертой российской семье. Тема, требующая быстрого и незамедлительного решения - жестокого обращения с женщинами все чаще становится предметом научных теоретических и прикладных исследований отечественных ученых, занимающихся данной проблемой на понятийном, правовом и психофизиологическом уровнях.

Насилие следует рассматривать как действие, посредством которого добиваются неограниченной власти над человеком, полного контроля поведения, мыслей, чувств другого человека. Способами достижения подобной власти и контроля являются унижение, оскорбление, угрозы, запугивание, манипуляции, шантаж, угроза физического воздействия, чрезмерное ограничение (в том числе и в семье), а так же использование психологического, физического, сексуального и экономического насилия. Последнее как следствие материальной выгоды.

Насилие в семье развивается циклично: одна из главных особенностей домашнего насилия состоит в том, что оно представляет собой повторяющиеся во времени инциденты (паттерн) множественных видов насилия (физического, сексуального, психологического и экономического).

Специалисты центра «АННА» (Ассоциация «Нет Насилию») дают домашнему насилию следующее определение: «повторяющийся с увеличением частоты цикл физического, сексуального, словесного, эмоционального и экономического оскорбления с целью контроля, запугивания, внушения чувства страха. В хронической ситуации насилия в семье один человек контролирует или пытается контролировать поведение и чувства другого, в результате чего подвергшийся насилию человек может получить психологические, социальные, экономические, сексуальные или физические вред, ущерб или травму» [7].

Домашнее насилие – это система поведения одного человека для сохранения власти и контроля над другим человеком [2].

Тем не менее, необходим правовой аспект разрешения данной проблемы в международном и отечественном законодательстве частично имеет место быть.

«Насилие в отношении женщин» по документам ООН означает любой акт насилия, совершаемый на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой, психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни.

Насилие – явление комплексное. Комплексность характеризуется существованием различных типов насилия в зависимости от характера травм [1].

В рамках гендерной социологии существует определенная классификация насилия в отношении женщин: физическое, сексуальное, психологическое и экономическое насилие [5].

«Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» (ООН, 1979г.), предусматривает реализацию принципа равноправия. Ст. 3 гласит: «Государства-участники принимают во всех областях, в частности в политической, социальной, экономической и культурной областях, все соответствующие меры, включая законодательные, для обеспечения всестороннего развития и прогресса женщин с тем, чтобы

гарантировать им осуществление и пользование правами человека и основными свободами на основе равенства с мужчинами». Конституция РФ (ст. 17 - 64) также предусматривает равные права для мужчин и женщин. Однако существующий двойной стандарт отношения к женщинам имеет резко выраженные негативные последствия [3].

В России правовые нормы, связанные с регулированием положения женщин, совмещающие профессиональные и семейные обязанности, содержатся в Трудовом кодексе РФ (ст. 93, 96, 99, 253, 254, 255, 256, 258, 259) [9] и касаются как охраны здоровья женщин-матерей, так и предоставления им определенных преимуществ, связанных с воспитанием детей.

Российская Федерация (далее РФ) в 1997 году ратифицировала Конвенцию МОТ № 156 «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящихся с семейными обязанностями». Указ Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» от 4 марта 1993 года. За период с 1990-х гг. был выработан пакет документов, определяющих основную стратегию действий и меры, направленные на улучшение положения женщин. В их числе: Концепция улучшения положения женщин в РФ (1996 г.), Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению роли в обществе на 2001 - 2005 гг. (раньше был на 1996 - 2000 гг.), материалы всероссийских конференций «Женщины и развитие: права, реальность, перспективы» (1998 г.), «Женщины и управление», интеграция политики тендерного равенства в деятельность законодательных органов РФ, региональных уполномоченных по правам человека» (2003).

Так же, в России существуют нормативно-правовые акты, направленные на защиту жертв бытового насилия:

1) Конституция РФ предусматривает в ст. 2, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства. В ст. 21 говорится о том, что достоинство личности охраняется государством, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

Ужесточена ответственность за умышленные преступления против жизни, здоровья и половой неприкосновенности граждан независимо от места совершения этих преступлений и наличия или отсутствия родства между преступником и жертвой.

Однако нормативно-правовые акты, действующие сейчас в Российской Федерации в отношении домашнего насилия, направлены на ликвидацию последствий случившегося.

К сожалению специальных законодательных актов, которые бы регулировали проблему насилия в семье, и насилия над женщиной в частности, в нашей стране на данный момент не существуют.

Вместе с тем, основываясь на действующих законах, можно лишь частично защищать интересы людей, подвергшихся насилию.

В Уголовном кодексе РФ физическое насилие определяется как реальное или потенциальное причинение физического вреда человеку. По характеру оно может выражаться в нанесении ударов, побоев, ранений и в ином воздействии на наружные покровы тела человека посредством применения физической силы, холодного и огнестрельного оружия либо иных предметов, жидкостей, сыпучих веществ и т. д., а также в воздействии на внутренние органы человека без повреждений наружных тканей путем отравления или спаивания одурманивающими средствами.

В российском Уголовном кодексе [10] также существует несколько статей, наиболее часто применяющихся в ситуации домашнего насилия: ст. 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; ст. 112. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; ст. 115. Умышленное причинение легкого вреда здоровью; ст. 116. Побои; ст. 119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Также в Уголовном кодексе есть статья 117: «Истязания», которая, наиболее полно отражает преступные действия при

домашнем насилии, но при этом практически не используется при рассмотрении случаев, связанных с насилием в семье.

При этом согласно данным исследования, проведенного Национальным центром по предотвращению насилия «АННА», большинство специалистов, которым по долгу службы приходится решать вопросы, связанные с проблемой насилия, отмечают, что по действующему законодательству доказуемость случаев домашнего насилия (даже физического истязания, имеющего видимые последствия) крайне затруднена.

Другая проблема - отнесение случаев насилия в семье к категории «дел частного обвинения». С момента изменения Уголовного Кодекса РФ в 2003 г. существенно изменилась система рассмотрения дел по насилию в семье. Большинство из них попали в категорию дел частного обвинения (ст.115, 116. ч.1, ст.129 и ст. 130 УК России).

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации наиболее полно преступления, связанные с домашним насилием в отношении женщин, должны были бы попадать под ст. 117 «Истязания». Но как правило, на практике практически не возможно доказать факт истязания [10].

Специфика психосоциальной помощи жертвам насилия заключается в том, что она направлена на позитивное изменение среды, в которой находится жертва насилия. Помощь направлена, прежде всего, на выявление случаев физического и психоэмоционального насилия.

Традиционные меры психосоциальной помощи и психосоциальной поддержки женщинам, подвергающимся психофизическому насилию принятые в различных странах предполагают:

- предоставление убежища женщинам, а в случае необходимости и женщинам с детьми, на период от 1 до 7 суток и до полугода;
- ведение просветительской работы среди населения;
- телефонное консультирование;
- предоставление женщинам полной информации о социальной, психологической, юридической и медицинской помощи, которую не могут получить, в рамках законодательства и от различных государственных и негосударственных структур [7].

Социальная работа с жертвами насилия ориентируется на:

- организацию телефонов доверия, кризисных центров, убежищ;
- создание приютов стационарного типа, с комплексом социальных услуг;
- экономические трудности, возникающие у жертв насилия дают право на адресную и экстренную социальную помощь;
- возможна социально-психологическая реабилитация;
- мероприятия по переподготовке или обучению более востребованным профессиям, консультациям, правовой помощи (сотрудничество и взаимодействие социальной службы с правоохранительными органами, службой занятости, образовательными учреждениями);
- социальный работник должен осуществлять и профилактическую работу путем публичных дискуссий, привлечения внимания к проблеме насилия [8].

Субъекты Российской Федерации активно включены в процесс раннего выявления, предотвращения семейного и женского насилия, формированию системы работы с активным вовлечением широких слоев общественности, бизнеса органично сочетаясь приоритетными направлениями работы Минздравсоцразвития России.

Помощь женщинам, подвергающимся насилию оказывается в стационарной и полустационарной и нестационарной форме. Комплекс кризисных центров и отделений социально-реабилитационных центров, куда женщина может обратиться в трудной жизненной ситуации.

Функционал кризисных центров следующий: оказание психологической, юридической, педагогической, социальной помощи. Организуются группы взаимопомощи, групповые тренинговые занятия. При кризисных центрах есть приюты, где возможно временное проживание. Ряд социальных институтов, таких как социальное убежище, социальный

приют, социальная гостиница. Это учреждения социальной помощи стационарного типа, в которых лицам, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию (в первую очередь женщинам и детям), предоставляется возможность временного пребывания. Клиенты таких учреждений могут укрыться от семейной жестокости, а сотрудники оказывают им социально-психологическую помощь, юридические услуги, помогают защитить свои права, трудоустроиться.

Помимо кризисных центров существуют и такие формы поддержки женщин, подвергающихся психофизическому насилию как комната скорой помощи, такое вмешательство называется кризисным. В этом случае тесно сотрудничают: врач, оказывающий необходимую медицинскую помощь, социальный работник, который выяснит причины, произошедшего события, и планирует дальнейшие мероприятия, рекомендует специалистов, учреждения, работает со случаем, координирует деятельность специалистов.

Как мы уже указывали выше, защита от насилия может проходить как в условиях стационарного наблюдения, так и с помощью нестационарных учреждений. Работа нестационарных учреждений сочетает, как правило, деятельность правоохранительных органов, которые пресекают сам факт насилия и учреждений социального обслуживания, которые, в свою очередь оказывают реабилитационную, юридическую и другие виды помощи женщинам, подвергающимся насилию.

Приоритетными направлениями деятельности таких учреждений считаются: выявление женщин, подвергшимся домашнему насилию и остро нуждающихся в незамедлительной помощи и поддержке; создание банка данных женщин, находящихся в социально-опасном положении; социальный патронаж граждан данной категории; оказание квалифицированной консультативной помощи; реализация реабилитационных мероприятий с женщинами, подвергшимся домашнему насилию и сопровождение женщин в постреабилитационный период.

Таким образом, особенность социальной работы, с женщинами, подвергающимися психофизическому насилию заключается:

- в позитивном изменении среды, в которой находится жертва насилия;
- комплексный характер помощи и ее многофункциональность: оказание социальной, психологической, юридической и медицинской помощи;
- взаимодействие специалистов различного профиля: психолога, специалистов по социальной работе, психотерапевта, юриста и др.;
- кроме того, такая помощь может быть оказана как в стационарной, полустационарной, так и в нестационарной форме.

Не следует забывать, что комплекс контактной работы основанной на ряде технологий обеспечивает устойчивость психики «жертвы» домашнего насилия, среди них:

- *социальная профилактика*. Например, при работе с женщинами, подвергшимися домашнему насилию социальная профилактика, с одной стороны, предполагает: а) предупреждение самого насилия (первичная профилактика): она включает в себя меры, предупреждающие негативные тенденции в сфере устойчивости семьи, а с другой, меры, нейтрализующие влияние «факторов риска» на стабильность семейных отношений; б) предупреждение дальнейшего развития возникших проблем (вторичная профилактика): осуществляется через своевременную психолого-педагогическую помощь, коррекцию поведения, деятельности и отношений, снятие отрицательного эмоционального состояния супругов;

- *социальное посредничество*. К основным формам социального посредничества при решении проблем женщин, подвергшимся домашнему насилию относятся: а) посредничество в разрешении психологических, медико-социальных проблем женщин и детей, подвергшихся насилию; б) посредничество в решении социально-правовых, жилищно-бытовых проблем;

- *социальное консультирование*. В работе с семьями, члены которой, подвергаются насилию, используются следующие виды социального консультирования: а) социально-

психологическое (направленное на решение проблем межличностного взаимодействия в семье, устранение взаимного непонимания членов семьи); б) медико-социальное (ориентированное на повышение уровня информированности членов семьи о негативном влиянии насилия на здоровье как взрослых, так и детей, о методах его предупреждения и терапии);

- социальная коррекция и социальная терапия. Если речь идет о семье, члены которой подвергаются насилию, то очевидна необходимость социальной коррекции и социальной терапии поведения бывших супругов. Также важна коррекция поведения и социального самочувствия детей; коррекция взаимоотношений супругов;

- социальная адаптация. Включает в себя адаптацию женщин и детей, подвергшихся домашнему насилию к новым условиям жизнедеятельности [1];

- социальная реабилитация. Будучи общей технологией социальной работы, социальная реабилитация направлена на восстановление здоровья и социального статуса женщин, подвергшихся домашнему насилию их правового положения, психологического равновесия, уверенности в себе [7].

Эффективность групповых методов реабилитации женщин, пострадавших от психофизического насилия сконцентрирована на оказании психологической помощи через групповую поддержку и выявление позитивных личностных ресурсов.

При проведении групповых форм работы обязанность социального работника и психолога, в первую очередь, обеспечить взаимоуважение, уверенность, доверие и уравновешенность членов группы, а также предоставить возможность для того, чтобы рассмотреть проблему насилия более подробно. В некоторых случаях, работая с женщинами, пострадавшими от различных форм внутрисемейного насилия, более эффективными методами реабилитационной работы является их включение в арт-терапевтические группы.

Основными задачами арт-терапевтической группы являются усиление позиции женщин, работа с чувством вины, страха, гнева, повышение самооценки, поиск ресурсов для восстановления физического и психического здоровья, работа с будущим.

К эффективным методам групповой работы с женщинами - жертвами насилия могут быть отнесены: группы поэтической психотерапии, изготовление миниатюр-масок, изобразительная деятельность. Так, в частности, метод драмотерапии предполагает разыгрывание драматических сценок с целью выявления, раннего определения и трансформации негативного эмоционального опыта. В работе с женщинами, пережившими насилие, этот метод доказал свою эффективность. Одним из приемов работы является драматическое изображение каких-либо предметов, существ, явлений природы с параллельным рассказом о переживаемых чувствах, возникающих мыслях, ассоциациях. В отличие от других подходов, в которых также используется проигрывание метафоры собственного состояния (психодрама, гештальт-терапия и: др.), драмотерапия предполагает театрализацию экспрессивного акта клиента.

Между отдельными шагами клиент должен осуществлять релаксацию. Расслабление антагонистично напряжению и снижает страх. Одним из самых распространенных методов релаксации является прогрессивная мышечная релаксация Джекобсона [6]. Методика заключается в поэтапном напряжении групп мышц с последующим их расслаблением.

Техника основана на физиологической закономерности естественной смены напряжения расслаблением после физических нагрузок. Для релаксации широко используются также музыка, визуализации и самовнушение.

Техника формирования поведения, основанная на поощрении и наказании, учитывает величину, значимость для клиента, время, последовательность и систематичность подкрепления. Подкрепление может носить как материальный, так и моральный, психологический характер. Тренинг уверенного поведения и самозащиты, который проводится при завершении психологического сопровождения, основывается на предъявлении модели желательного поведения и систематическом повторении навыков коммуникации вплоть до их закрепления. Применение бихевиоральных методик становится

более эффективным, если клиент вовлекается в определение целей совместной работы и постепенно берет на себя контроль за использование этих техник.

В целом эффективность групповых методов описана Ю.П. Платоновым. Все они могут применяться на практике и использоваться в качестве основных методов профилактики и реабилитации в процессе реализации технологии социальной работы с женщинами, подвергшимися психофизическому насилию [4].

Изучив социальную и психолого-педагогическую литературу по проблеме исследования, а так же опыт работы нескольких государственных кризисных центров в России (в Москве, Санкт-Петербурге, кризисный центр «АННА» в Москве, Мурманский кризисный центр Мурманске, Иркутске, Нижнем Новгороде, Саратове и других городах) и за рубежом (российско-американский женский центр «Ловетт» в Петропавловске-Камчатском, независимый благотворительный центр помощи пережившим сексуальное насилие «Сестры» и др.) мы к эффективной инновационной технологии социальной работы с женщинами, подвергшимися психофизическому насилию отнесли создание технологии социальной терапии, а именно - создание терапевтических групп, из лиц, претерпевших психофизическое насилие.

Комплектование этих групп следует осуществлять на основании данных социального патронажа и собственного желая женщины. В терапевтических группах с женщинами взаимодействуют не только социальный работник и психолог, но так же и юрист. Юрист, в ходе групповых и индивидуальных консультаций, помогает найти женщинам выход из сложившейся ситуации, например, правильно оформить заявление в суд, прокуратуру, обжаловать неправомерные действия обидчика и т.п..

Цель вмешательства специалистов в сложившуюся ситуацию заключается в том, чтобы предоставить всю необходимую информацию и поддержку для того, чтобы жертва насилия приняла свое собственное решение наметить возможные пути выходов из ситуации, научить противостоять агрессору, помочь раскрыть свой собственный потенциал [1].

Данную технологию считаем эффективной, так как в таких группах женщины, подвергающиеся психофизическому насилию могут, чувствовать сопереживание и взаимную поддержку, избавиться от ощущения изоляции, одиночества и непонимания окружающих, а также позволяет получить информацию о способах преодоления их проблемы, способствует осознанию необходимости защиты своих прав и интересов и дает возможность более объективно оценить свою ситуацию. Члены таких групп наилучшим образом могут поддержать друг друга, достигнуть более высоких результатов под руководством специалиста социальной работы (социального работника и психолога), в коррекции своей личности, в защите своих социальных интересов. Реабилитация происходит на уровне коррекции личностного восприятия, когда не меняются травмирующие обстоятельства, но изменяется их восприятие женщиной.

Реабилитацию следует выстраивать способом перехода терапевтических групп - в группы самопомощи, т.е. объединения людей, переживших насилие, имеющие более длительное существование, более обширный круг проблем, выделяя при этом людей способных оказывать влияние на других членов группы, сильнее воздействующих на личность своих членов. Следовательно, содействие социального работника в создании таких групп означает, что из разряда объектов воздействия его клиенты переводятся в ранг субъектов, они равноправно участвуют в решении собственных проблем. Иногда это решение может быть осуществлено только на уровне коррекции личностного восприятия, когда не меняются травмирующие обстоятельства, но изменяется их восприятие клиентом. Так, группа «жены наркоманов» лишь косвенно может повлиять на пагубное пристрастие своих мужей, но клиентки ставят своей целью учиться быть счастливыми и в условиях наркомании мужа.

Таким образом, анализируя все вышеизложенное, мы пришли к выводу, что социальная работа с женщинами, подвергшимися психофизическому насилию, может быть эффективной, если будет разработана технология социальной терапии, включающая:

- создание терапевтической группы, направленной на формирование адекватной самооценки, снижение проявлений тревожности и агрессивности, формирование положительного самоотношения, рефлексии, умения общаться и т.д.;
- последующий переход терапевтической группы в группу самопомощи.

Список использованных источников:

1. Дмитров, С.В., Гаврюхина, А.С. Технологии, формы и методы социальной работы с лицами, подвергшимися насилию [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: elibrary.ru/item.asp?id=23406529
2. Ковкова, Т. Г. Технологии социальной работы с женщинами, подвергшимися насилию в семье [Текст] / Т. Г. Ковкова, И. А. Гизатова // Педагогическое мастерство: материалы II Международной научной конференции. - М.: Буки-Веди, 2012. – 139 с.
3. Конституция Российской Федерации с последними изменениями на 2018 год. – М.: Эксмо, 2018. – 32 с.
4. Методы и формы помощи женщинам, пострадавшим от семейного насилия [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.wayofsociology.ru/wospgs-614-4.html>
5. Насилие в семье: особенности психологической реабилитации [Текст] / Под ред. Н.М Платоновой, Ю.П. Платонова. – СПб.: Речь, 2004. – 100 с.
6. Прогрессивная мышечная релаксация по методу Джекобсона [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://zastenchivosti.net/relaksaciya-po-dzhekobsonu>
7. Социальный опыт России в реабилитации женщин – жертв семейного насилия [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://cyberpedia.su/5x450d.html>
8. Социальная работа с женщинами, подвергшимися насилию [Текст] / Под.ред. В.И. Жукова.: В 2 т. Т.2. – М.: Союз, 2008. – 303 с.
9. Трудовой кодекс Российской Федерации" от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 03.08.2018) [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683
10. Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.07.2018) [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699

Гришина Татьяна Геннадьевна
Московский Государственный Областной Университет
аспирант факультета психологии
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А
E-mail: 51282@list.ru

Научный руководитель: Нестерова Альбина Александровна
док. псих. наук
профессор кафедры социальной психологии
Московского государственного областного университета
E-mail: anesterova77@rambler.ru

БУЛЛИНГ В ШКОЛЕ: ФАКТОРЫ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ И СИБЛИНГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье приведены факты влияния семьи на проявления буллинга среди детей в школе. Обсуждены переменные, характеризующие детско-родительские отношения, а также отношения между сиблингами, которые могут стать предикторами формирования поведения агрессора или жертвы в ситуации школьной травли. Обозначена роль матери, отца, их воспитательных стратегий, которые могут детерминировать виктимизацию или ожесточение ребенка в рамках школьных взаимодействий со сверстниками.

Ключевые слова: Буллинг, детско-родительские отношения, сиблинги, школьная травля, булли, виктимность, семья.

Grishina Tatiana Gennadievna
Moscow State Region University
PhD student, Faculty of psychology
105005, Moscow, Radio str. 10A
E-mail: 51282@list.ru

Nesterova Albina Aleksandrovna
the doctor of psychological Sciences, Professor
Professor of social psychology, Moscow State regional University
E-mail: anesterova77@rambler.ru

BULLING IN SCHOOL: FACTORS OF CHILD-PARENT AND SIBLING RELATIONSHIPS

Abstract. The article presents facts influence family of bullying among children at school. Discussed variables characterizing child-parent relationships, as well as the relationship between siblings that may become predictors of formation behavior of the aggressor or the victim in a situation of school bullying The role of the mother, father, their educational strategies that can determine the victimization or bitterness of the child in the framework of school interactions with peers.

Keywords: Bulling, child-parent relationships, sibling, school bullying, bully, victimization, family.

Интерес к изучению "буллинга" значительно возрос за последние двадцать лет. Первоначальное исследование этого явления было проведено в Швеции, где Ольвеус

инициировал серию лонгитюдных исследований 12 – 14-летних мальчиков в шведских школах. Это исследование вызвало интерес в других скандинавских странах. Когда серия детских самоубийств, вызванных травлей в школе, произошла в 1980-х годах в Норвегии, правительство страны обратилось к Ольвеусу с просьбой провести общенациональное исследование по проблеме буллинга в норвежских школах [18]. Эти первые исследования, а также дискуссии на Европейской конференции по буллингу в Ставангере инициировали дальнейшие обсуждения этой проблемы в конце 1980-х и начале 1990-х годов в других странах, таких как Великобритания, Австралии, Канаде, Италии, Ирландии. Нередко буллинг обуславливается экономическим и социальным неравенством детей, а также этническими и культурными факторами. Есть много убедительных примеров, показывающих, что школьный буллинг – явление глобальное и массовое, которое в последние 20 лет затронуло школьные учреждения многих стран мира [5].

В нашей стране этот феномен начал привлекать внимание ученых относительно недавно. Немногочисленные российские исследования показывают следующие цифры: около 13% школьников имеют негативный опыт жертв травли и 20% - агрессоров [4]; исследование в Волгограде показало, что 13,5% школьников более одного-двух раз сталкивались с насилием в школе [3]; 25% российских подростков хотя бы раз участвовали в буллинге [10]. По данным кросскультурного социологического исследования, в Москве лишь 42,8% учащихся не подвергались ни психическому, ни физическому насилию со стороны одноклассников; при этом 46,6% подвергаются психическому насилию эпизодически [11]. Центром внимания отечественных психологов являются, во-первых, дети-изгои, психологическая помощь им и профилактика отверженности [6], во-вторых, профилактика агрессивности и методы диагностики и технологии снижения агрессивности у подростков [1,7]. Как отмечает В.Р. Петросянц, заниженный уровень самооценки может явиться условием для продолжения травли [8].

На сегодняшний день буллинг становится одной из самых серьезных проблем, которая существует во внутришкольном взаимодействии.

Семья – это первое звено, где будущему члену общества передается социально-исторический, эмоциональный опыт. Здесь ребенок учится взаимоотношениям между людьми, у него формируются взгляды на различные предметы, жизненные явления. Взаимоотношения с родителями имеют базовое значение в становлении личности – какой она станет, зависит и от стиля воспитания, принятого в семье.

Согласно теории экологических систем Ури Бронфенбреннера, экологическая среда развития ребенка состоит из четырех систем. Одной из основных систем, которая формирует личность ребенка, является семья, атмосфера семьи и родительские установки. Вторая, не менее важная среда – это школа [14]. Большинство случаев травли происходит в школе, особенно на школьной площадке. Было доказано, что издевательства также могут иметь долгосрочные негативные последствия как для агрессоров (буллей), так и для их жертв [13]. Для этих детей возможности и перспективы школьного образования подрываются болью, страданиями и страхом. Иногда уровень и угроза насилия могут быть настолько высокими, что дети бросают школу, тем самым теряя возможность получить образование и стать полноценным членом общества. В формировании личности буллера существенную роль играют внутрисемейные факторы [12].

Семья, как один из важнейших факторов социализации, оказывает существенное влияние на формирование направленности поведения ребенка. С точки зрения И.А. Фурманова, на направленность поведения оказывают влияние особенности двух уровней внутрисемейных взаимоотношений. Это система межличностных отношений и система внутрисемейного взаимодействия [12].

Система внутрисемейного взаимодействия более сложная, так как включает в себя супружеские отношения (между родителями как супругами), родительско-родительские (между отцом и матерью как родителями), детско-родительские (детей к родителям) и детско-детские отношения (между детьми) [12]. Вместе с тем, исследования показывают,

что многие нарушения поведения определяются не столько недостатками реально существующих системы и стиля воспитания ребенка, сколько особенностями восприятия и интерпретации ребенком тех или иных действий родителя. Лишь в том случае, когда воздействия родителя оцениваются ребенком в качестве препятствия к удовлетворению актуальных потребностей, и будут возникать нарушения поведения как реакция сопротивления или борьбы за сохранение самоидентичности [12].

Олвеус выдвинул теорию о связи поколений, обнаружив, что родители детей жертв часто сами становятся жертвами [19]. А когда у этих детей появляются собственные дети, то страх жертвенности переносится на них. И получается замкнутый круг. Отсутствие, наличие депрессивной матери, случаи насилия в семье являются факторами, усиливающими агрессивное поведение детей. Когда родительское участие переходит черту, отделяющую его от чрезмерной защиты, начинают возникать проблемы [17]. Чрезмерная материнская забота связана с повышенным риском детской виктимизации в школе. Очень тревожные и чрезвычайно заботливые матери превращают своих детей в пассивных и покорных личностей, которые не могут контролировать свою жизнь, таким образом, делая их легкой мишенью для агрессоров [17]. Поэтому по нашему мнению, крайне важны обстановка и климат в семье, в том числе и стили воспитания.

Стили воспитания оказывают сильное влияние на поведение детей. Важно оценивать разные стили воспитания, чтобы понять, почему ребенок ведет себя определенным образом. Родители не должны постоянно ограждать своих детей от негативного опыта, потому что такой акт мешает детям учиться способам защиты и борьбы с агрессорами, делая их более уязвимыми.

Например, авторитетный стиль воспитания в семье, как показало исследование К. Ритчерс, говорит, что этот стиль воспитания обеспечивает комфортную домашнюю среду для ребенка, дает разные альтернативы поведения и возможность выбора для ребенка [20]. Существует высокий уровень общения между родителем и ребенком, в котором балансирует «кнут и пряник». Дети авторитетных родителей могут справиться с неожиданным стрессом и проблемами. При таком стиле воспитания дети наделены возможностями и собственными полномочиями и поэтому не будут манипулировать или контролировать других. Через любовь, поддержку и принятие эти дети почитают родителей. Родители им показывают, как быть кооперативными, компетентными и решительными в жизни. Соответственно, дети способны дать отпор хулиганам и способны постоять за то, во что верят и могут использовать различные варианты при преодолении любой ситуации. Эти дети более устойчивы к трудным жизненным ситуациям [16].

При авторитарном стиле воспитания родители наоборот требуют от детей послушания и соблюдения правил. В целях достижения своих целей родители постоянно контролируют ребенка, подкупают его любовью, послушанием, приказывают, беспокоятся о детях, но могут и применять угрозы в адрес детей. В результате дети не в состоянии постоять за себя или не могут подумать о себе сами в ситуациях, когда над ними издеваются. Девочки из авторитарных семей обучаются тому, что необходимо подчиняться, не думая, что можно как-то по-другому. Поскольку эти семьи пользуются высоким уровнем контроля, покорное поведение девочек может сделать их виктимными.

В семьях, где царит попустительский стиль воспитания, нет структуры, и дети поступают так, как им заблагорассудится. Нет установленного времени для приема пищи или сна. У этих родителей большое чувство любви и нежности к детям, но при этом низкий контроль и интерес. Как показывают исследования, дети из таких семей, уязвимы в ситуации буллинга, они не делают никаких попыток отстоять или защитить себя от агрессоров [16].

Дети в разной степени подвержены насилию внутри своей собственной семьи. По статистике 2015 года, в США жертвами серьезных форм физического насилия становятся 17% детей, телесным наказаниям – 62%, а психологическому насилию подвержены более 75% детей [15]. В России наблюдается похожая картина, хотя точной статистики нет, так как

это очень сложно исследовать и четко определить. Помимо того, что дети довольно часто подвергаются жестокому обращению в семье со стороны родителей, они также еще могут быть свидетелями насилия между родителями, участниками конфликтов между родителями и сиблингами, а также очевидцами проявленного насилия между братьями и сестрами. Было доказано, что насилие, которое ребенок наблюдает в семье и поведение родителей, вполне может стать причиной «переноса» агрессивных действий в школьную среду[9].

Большинство родителей и учителей легкомысленно воспринимают тот факт, что над детьми издеваются в школах. Об этом свидетельствует то, что, хотя дети сообщают о последствиях и стрессах, перенесенных во время буллинга в школе, никаких мер, взрослые не принимают. Результаты нашего исследования показали, что родители и учителя достаточно легкомысленно относятся к последствиям после травли, также и к необходимости моральной и психологической поддержки детей, подвергшихся издевательствам. По данным наших наблюдений можно констатировать, что большинство жертв воспитывались авторитарными родителями. Корреляционные связи показывают, что стили воспитания влияют на то, как жертвы травли реагируют на издевательства. В основном только дети авторитетных родителей умеют давать отпор буллям и способны напористо реагировать во время противостояний любого рода.

Дети и подростки, которые ведут себя агрессивно, нуждаются в постоянном внимании, вмешательстве и профилактике, чтобы уменьшить издевательства в школе. Для России отношения в форме травли достаточно характерны и распространены в разных коммуникативных контекстах: принуждение в условиях неравенства власти традиционно присутствует в вертикальных отношениях (родитель-ребенок, учитель-ученик, начальник-подчиненный). Горизонтальные отношения (коллег, сверстников, супругов, сиблингов) также часто тяготеют к выстраиванию вертикали [2].

По нашим исследованиям, проведенным в 2017-2018 годах в школах города Москвы, Московской области и города Астрахани, выявлено, что дети, которые становятся буллями, значительно чаще других воспринимают свою семью как менее сплоченную, озабоченную проблемами и потребностями друг друга. Стиль семейного воспитания также оказывает влияние на то, как ребенок реагирует в ситуации обострения отношений со сверстниками.

Интересно, что влияние матери и отца по-разному отражается на детях в ситуации школьной травли. Если со стороны матери ко своим сыновьям ярко выражена физическая агрессия, сопровождающаяся телесными наказаниями, то этот фактор становится мощным предиктором того, что ребенок будет агрессором в классе ($r=0,25$ при $p<0,01$). Жестокость и постоянные дисциплинарные взыскания со стороны отца к мальчику также могут стать основой потребности ребенка в виктимизации с помощью физической силы одноклассников (при $p<0,01$). Важным семейным фактором, влияющим на поведение в ситуации травли ребенка, являются отношения между сиблингами. Жестокость сибсов в контексте семейного взаимодействия приводит к тому, что ребенок в итоге может стать жертвой вербальной агрессии со стороны сверстников и не может дать отпор в ситуации школьных стычек ($r=0,27$ при $p<0,01$).

Корреляционный анализ также подтверждает тот факт, что любое проявление жестокости и агрессии в отношении ребенка в семье (со стороны и матери, и отца, и сиблингов) является мощным фактором того, что ребенок в школе будет с большей вероятностью покушаться на собственность одноклассников (прежде всего мальчиков). Достоверная прямая корреляционная связь в этом случае найдена во всех случаях виктимизации с уровнем значимости $p<0,01$. Среди наиболее приемлемых воспитательных стратегий, которые могут снизить риск участия в школьной травле, можно отметить дисциплинирование со стороны всех членов семьи, которое связано с тем, что ребенок не даст себя в обиду, не будет социально изолирован и не позволит нападать на свою собственность ($p<0,01$).

Одними из самых важных факторов, которые со стороны семьи и родительского отношения влияют на поведение ребенка, – являются отсутствие контроля и потеря интереса

к проблемам ребенка. В этих случаях ребенок чаще становится агрессором в ситуации взаимодействия со сверстниками. Также наше исследование показало, что постоянные ограничения независимости и инициативы ребенка со стороны матери, непонимание проблем ребенка увеличивает вероятность формирования виктимных черт личности школьников. Важным выводом исследования стало и то, что, если родитель (и отец, и мать) абсолютно не включены в школьные взаимодействия и проблемы своего ребенка, считают, что вопросы школы находятся за гранью их интереса, то ребенок с большей вероятностью будет одним из участников буллинга – причем, он может стать как жертвой, так и агрессором ($p < 0,01$).

Буллинг является очень актуальным явлением для российского общества. Наличие этого явления среди учащихся образовательных организаций не может быть проигнорировано ни учеными, ни практиками. И поскольку школа – это территория, где чаще всего проявляется этот феномен, то и основные интервенции должны быть разработаны в рамках психолого-педагогического сопровождения процесса обучения и воспитания. Но при этом не стоит умалять и факторы семейного влияния на существование этого явления в обществе. Для преодоления буллинга очень важным направлением является работа с семьей всех участников буллинга (и жертв, и агрессоров). Необходимо разрабатывать новые технологии работы с родителями, программы для их вовлечения в преодоление сложных для ребенка ситуаций травли. Важно оказывать поддержку в ситуации буллинга не только детям, но и их семьям. Потому что часто родители не знают, что предпринять в таких случаях, оставляя ребенка в изоляции, наедине со своей проблемой.

Список использованных источников:

1. Абдулова Т. П. Агрессивный подросток. – М.: Академия, 2008. – 128 с.
2. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследования и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149-159.
3. Думов С.Б. Роль педагога в профилактике девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник ВГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2005. № 2.
4. Ениколопов С.Н. Актуальные проблемы исследования агрессивного поведения // Прикладная юридич. психол. 2010. Т. 2. С. 37–47
5. Кон И. С. Что такое буллинг и как с ним бороться? // Семья и школа. 2006. № 11. – С.15–18.
6. Кравцова М.М. Дети-изгои. Психологическая работа с проблемой. — (Психолог в школе). — М.: Генезис, 2005. — 111 с.
7. Можгинский Ю.Б. Агрессивность детей и подростков [Электронный ресурс]: распознавание, лечение, профилактика/ Можгинский Ю.Б.— Электрон. текстовые данные.— М.: Когито-Центр, 2008.— 184 с.— Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/3852.html>.— ЭБС «IPRbooks»
8. Петросянц В.Р. Психологические характеристики старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость: дис. ... канд.психол. наук. – СПб., 2011. – 210 с.
9. Нестерова А.А. Психологические особенности детей, склонных к виктимности в ситуации школьной травли // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2015. №5. С.277-285.
10. Собкин В.С., Маркина О.С. Влияние опыта переживаний «школьной травли» на понимание подростками фильма «Чучело» // Вестн. практ. психол. образования. 2009. No 1. С. 48–57
11. Собкин В.С., Смылова М.М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. № 2. С.71-86.
12. Фурманов И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. - СПб.: Речь, 2007. – 480 с.

13. Banks, R. (2006). Bullying in schools. Educational Resource Information Center. (U.S. Dept. of Education).
14. Bronfenbrenner, U. Making human beings human: Bioecological perspectives on human development. Thousand Oaks, CA, USA: Sage, 2004. – 336 p.
15. Child Maltreatment 2015. Published: January 19, 2017. An office of the Administration for Children & Families, a division of U.S. Department of Health & Human Services. This report presents national data about child abuse and neglect known to child protective services agencies in the United States during federal fiscal year 2015. Retrieved URL: <https://www.acf.hhs.gov/cb/resource/child-maltreatment-2015>
16. Coloroso, B. (2008). The bully, the bullied and the bystander. U.S.A: Collins Living.
- Connolly, I., & O'Moore, M. (2003). Personality and family relations of children who bully: *Personality and Individual Differences*, 35(3), 559-567.
17. Georgiou, S. N. (2008). Bullying and victimization at school: The role of mothers. *British Journal of Educational Psychology*, 78(1), 109-125. <http://dx.doi.org/10.1348/000709907X204363>
- Guest, A. M. (2007). *Taking studies, lifespan development*. New York: McGraw-Hill.
18. Olweus D. Bully-victim problems among school children: Basic facts and effects of a school-based intervention program. K. Rubin & D. Pepler (Eds.) *The development and treatment of childhood aggression*. 1991. Pp. 85-128. Hillsdale, NJ: Erlbaum
19. Olweus D. *Bullying at school: What we know and what we can do.* – Hoboken, New Jersey: Blackwell Publishing Ltd, 1993. – 141 p.
20. Richters, K. S. (2010). Child temperament, parenting characteristics, and internalizing and externalising behaviours as part of a comprehensive assessment tool. (Master's Thesis.) University of Wisconsin-Stout. Menomonie, WI.

Швецова Майя Николаевна
кандидат психологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
профессор кафедры психологии образования
127051, Москва, малый Сухаревский переулок д.6.
E-mail: m.shvetsova@yandex.ru

Стрюкова Елена Александровна
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
магистрант кафедры психологии образования
127051, Москва, малый Сухаревский переулок д.6.
E-mail: elenka1403@mail.ru

СТРАХИ ДОШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ

Аннотация: В статье обсуждаются результаты эмпирического исследования страхов дошкольников в контексте эмоциональных отношений в семье. Показано, что высокая чувствительность матери, понимание ею состояния ребенка и одновременно, недоверие к себе как родителю приводит к высокому уровню страхов у ребенка.

Ключевые слова: дошкольники, страх, эмоциональные отношения в семье.

Shvetsova Maya
candidate of psychological Sciences, Associate Professor
Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow
State Pedagogical University» (MSPU)
Associate Professor of the Department of psychology of education
127051, Moscow, Maliy Suharevsky pereulok, 6
E-mail: m.shvetsova@yandex.ru

Strukova Elena
Federal State-Financed Educational Institution of Higher Professional Education «Moscow
State Pedagogical University» (MSPU)
Magister of the Department of psychology of education
127051, Moscow, Maliy Suharevsky pereulok, 6
E-mail: elenka1403@mail.ru

FEARS OF PRESCHOOL CHILDREN IN THE CONTEXT OF EMOTIONAL RELATIONSHIPS IN THE FAMILY

Abstract. The article discusses the results of empirical research of fears of preschool children in the context of emotional relations in the family. It is shown that the high sensitivity of the mother, her understanding of the child's condition and at the same time, distrust of herself as a parent leads to a high level of fears in the child

Key words: preschoolers, fear, emotional relations in the family.

Современные родители значительное внимание уделяют своему эмоциональному контакту с ребенком, особенно это относится к детям дошкольного возраста. Все реже мы можем наблюдать во взаимодействии между родителем и ребенком – дошкольником

последовательность в воспитательных стратегиях, разумную строгость. Согласно нашим наблюдениям, многие родители дошкольников обосновывают такую тактику, тем, что они дают ребенку необходимую свободу для творчества и развития. Тенденция эмоционального слияния с детьми, на наш взгляд, усиливается, что, повышает у детей страхи, тревожность, лишает их уверенности в поддержке и защите родителей.

В связи с вышеназванными тенденциями, нам видится важным исследовать страхи дошкольников в контексте эмоциональных отношений в семье.

Страх – это нормальная защитная реакция организма на раздражающий стимул. Он проявляется как на физиологическом (покраснение, дрожь в теле и голосе, расширение зрачков и т.д.), так и на психологическом (чувство тревоги, невротическое состояние и т.д.) уровне. Большое количество страхов у ребенка – это показатель преневротического состояния, это по-сути сигнал неблагополучия, требующий вмешательства специалиста.

И. П. Павлов[7] писал, что страх - это проявление естественного рефлекса, пассивно-оборонительной реакцией, он основан на инстинкте самосохранения. Страх, по – сути, это защитная реакция организма, выражающаяся в увеличении частоты пульса, повышении давления и т.д.

Детские страхи являются привычным явлением и играют в детском развитии значительную роль. В.В. Лебединский [6] в своих работах подчеркивает, что определенный страх или вид страхов проявляется обычно, в конкретном возрасте, то есть можно говорить о характерных для каждого возрастного этапа страхах, пропадающих с течением времени. Детские страхи, по сути, являются частью нормативного развития и помогают ребенку регулировать свое поведение, тем самым делая его более адаптивным для окружающей обстановки. Именно при таком проявлении страха он оказывается полезен.

С точки зрения А.С. Спиваковской[9] страх - это острое эмоциональное состояние, проявляющиеся в опасной ситуации и вызывает его какая-то определенная, близкая, уже наступившая опасность.

Польский психиатр А. Кепински [5], польский психиатр, писал, что страх - это одна из движущих сил развития личности. Страх, по его мнению, психологическое проявление, возникающее как следствие нарушения морального порядка. Он выделял биологические страхи, когда нарушается «естественный моральный порядок», присутствует угроза жизни. Социальные, когда нарушается «социальный порядок, происходит конфликт социальных норм с реальной действительностью и страх совести , вытекающий из первых двух, и дополняющийся чувством вины. Изучив все многообразие работ посвященных детским страхам, нами было принято решение остановиться на работах А.И. Захарова.

Так, А.И. Захаров, считал, что страх основан на инстинкте самосохранения, несет защитный характер и сопровождается определенными физиологическими изменениями высшей нервной деятельности. По своей сути, А.И. Захаров давая определение страху, объединил все предыдущие.

Страх как эмоциональная реакция, возникает в ответ на действие угрожающего стимула, всего две угрозы могут нести универсальный и, одновременно, фатальный характер. Это смерть, которая противостоит таким ценностям как жизнь, здоровье; и крах жизненных ценностей, противостоящий самоутверждению, личному и социальному благополучию. Кроме того, страх всегда предполагает переживание из-за опасности, которая может оказаться реальной или мнимой.

Эмоциональное отношение и эмоциональный климат формируется в семье, которая является первой в жизни человека социальной группой, обеспечивающей его рост, развитие и социализацию. Семья, по меткому выражению В.Н.Дружинина[3], является главным компонентом среды.

Центральной идеей отечественной психологии можно назвать идею озвученную Л. С.Выготским идею о социальности ребенка, так как его развитие опосредовано общением со взрослым и без взрослого не может состояться в полной мере. Родители, таким образом, становятся проводниками в человеческий мир, мир культуры и мир общения. Для того,

чтобы ребенок воспринял эти взрослые «миры» родители пытаются создать эмоционально насыщенную атмосферу, обеспечивающую ребенку защиту, уважение, поддержку.

Безусловно, на сегодняшнем этапе развития общества, как подчеркивает в своей статье М.Н.Швецова [10], многие прежде приоритетные области отношений претерпевают серьезные изменения, основная сложность заключается в том, что это происходит при жизни одного поколения и людям трудно приспособиться. Это заметно и на примере детско-родительских отношений, которые мы понимаем, вслед за А.Я.Варгой как целостную систему разнообразных чувств по отношению к ребенку, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ним, особенностей воспитания и понимания характера ребенка, его поступков.

Важной составляющей родительского отношения является такая особенность как способность родителя видеть, понимать индивидуальность своего ребенка, замечать происходящие в его душе изменения. А. С.Спиваковская пишет, что «постоянное тактичное всматривание, вчувствование в эмоциональное состояние, внутренний мир ребенка, в происходящие в нем изменения, в особенности его душевного строя — все это создает основу для глубокого взаимопонимания между детьми и родителями в любом возрасте» [8, с. 33] Адекватным родительским отношением считается эмоциональное принятие и безусловная любовь. А.С.Спиваковская подчеркивает, что «принимать ребенка — значит утверждать неповторимое существование именно этого человека, со всеми свойственными ему качествами» [8, с. 33].

Опираясь, на вышеописанные идеи, за методологическую основу исследования нами были приняты идеи Л.С.Выготского, рассматривающего семью как ведущий фактор изначальной социализации ребенка, а также подходы к изучению страхов у детей представленные в работах таких ученых как К.Э. Изард, А.И. Захаров, А.М. Прихожан, А.Л. Венгер, А.С. Спиваковская.

Исследование проводилось на базе МДОУ детский сад комбинированного вида №105, г. Люберцы, МО. В период с декабря 2016 года по апрель 2018 года.

Объем выборки составил 100 человека, из них 50 матерей и 50 детей старшего дошкольного возраста (5-7 лет). Возрастной показатель родителей варьировался от 27 до 42 лет.

В эмпирическом исследовании использовались следующие методики:

Опросник эмоциональных отношений в семье (методика ОДРЭВ) разработанная Е.И. Захаровой в 2002 году. Опросник направлен на выявление выраженности 11 параметров эмоционального взаимодействия матери и ребенка дошкольного возраста, объединенных в три блока.

Следующая методика направлена на выявления детских страхов «Страхи в домиках» А.И. Захаров под модификацией М. А. Панфиловой.

Схема эмпирического исследования, предполагала определение уровня страхов у детей: высокий, средний, низкий и далее, деление родителей (в нашей выборке – матерей) на группы, в соответствии с выраженностью страхов у ребенка, исследование особенностей эмоционального реагирования внутри группы, а также сопоставление групп между собой.

В результате, после проведения методики «Страхи в домиках», в нашей выборке не оказалось детей дошкольного возраста с низким уровнем страхов, а средний и высокий уровень страха встречался одинаковой часто.

Итак, в первую группу вошли дети со средним уровнем страхов (25 человек), во вторую, с высоким уровнем страхов (25 человек). Ниже, в таблице приведены значения критерия Фишера, показывающего уровень различий между двумя группами:

Результаты сравнения двух групп детей по критерию Фишера

Таблица 1.

Группы страхов	% ответов 1 группы (25 человек)	% ответов 2 группы (25 человек)	% ответов всей выборки (50 человек)	Уровень значимости (φ – критерий Фишера)
Медицинские страхи	28%	64%	46%	$\varphi = 2,616$ $p \geq 0,01$
Страхи, связанные с причинением физического ущерба	72%	96%	86%	$\varphi = 2,521$ $p \geq 0,01$
Страхи сказочных персонажей	16%	56%	36%	$\varphi = 3,069$ p $\geq 0,01$
Страх кошмарных снов	68%	96%	82%	$\varphi = 2,828$ $p \geq 0,01$
Страх темноты	28%	76%	52%	$\varphi = 3,546$ $p \geq 0,01$
Социально- опосредованные страхи	56%	96%	78%	$\varphi = 3,705$ $p \geq 0,01$
Пространственн ые страхи	12%	56%	34%	$\varphi = 3,479$ $p \geq 0,01$

Таким образом, мы видим, что две группы различаются не только по количеству страхов, но также по их наличию. Так наиболее выраженные отличия мы видим по следующим группам страхов «Страх сказочных персонажей»; «Страх темноты»; а также «пространственные страхи». Следует отметить, что «страх смерти» и «Страхи, связанные с причинением физического ущерба», находятся практически на одном диапазоне и являются одинаково актуальными в двух группах.

На основании полученных данных, далее группы отвечающих матерей по методике ОДЭРВ также были распределены на две группы. Принцип распределения был осуществлен по отношению ребенка к одной из двух выделенных групп по методике «Страхи в домиках». Таким образом, в 1 группе оказались родители детей со средним уровнем страха, во второй группе родители детей с высоким уровнем страха.

Анализ результатов (Приложение В), полученных по методике «ОДРЭВ» Захаровой Е.И., показал, что ответы респондентов двух групп имеют как сходства, так и различия. Первая группа больше принимает себя как родителя, умеет выразить ребенку чувства, возникающие при взаимодействии с ребенком, а также умеют воздействовать на эмоциональное состояние ребенка. Во второй группе по шкале «понимание причин состояния ребенка» выше, чем в первой, что может говорить о том, что матери второй группы лучше разбираются в состояниях, которые испытывает ребенок.

Ответы по таким шкалам как: «способность воспринимать состояние ребенка»; «оказание эмоциональной поддержки» и «ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия» находятся на одном диапазоне в обеих группах. Следует отметить, что ориентация на состояние ребенка является самым низким показателем по всем шкалам, т.е. чаще родители строят взаимодействие с ребенком из собственных убеждений, взглядов и т.д.

Дальнейший анализ полученных результатов проводился посредством статистического пакета SPSS.

Так как распределение данных в группе 1 и в группе 2 не соответствует нормальному, для сравнения данных был выбран критерий U-Манна-Уитни.

В результате применения критерия U-Манна-Уитни были выявлены значимые различия по четырем шкалам, которых находятся на $p \leq 0,05$ уровне статистической значимости.

Сравнение эмоциональных отношений в семье (критерий U-Манна-Уитни)

Таблица 2.

	Понимание причин состояния	Способность к сопереживанию	Отношение к себе как к родителю	Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия
Группа 1 n= (средние)	21,08	21,04	30,36	30,44
Группа 2 n= (средние)	29,92	29,96	20,56	20,56
U-Манна-Уитни	202,000	201,000	191,000	189,000
p-level	0,031*	0,029*	0,017*	0,015*

Группирующая переменная: 1 Средний уровень детских страхов, 2 Высокий уровень детских страхов.

** Достаточный уровень значимости (при $p \leq 0,05$)*

В результате применения критерия U-Манна-Уитни выявлены различия по следующим переменным: «Понимание причин состояния» ($U = 202$ при $p \leq 0,05$). Полученный результат по данному параметру позволяет сделать вывод, о том, что матери группы два лучше понимают причины состояний ребенка, чем матери первой группы. Следующая переменная, по которой были выявлены значимые различия «Способность к сопереживанию» ($U = 201$ при $p \leq 0,05$). Полученный результат по данному параметру позволяет сделать вывод, о том, что матери группы два больше способны к сопереживанию в отношениях с ребенком, чем матери первой группы. Следующая переменная, по которой были выявлены значимые различия

В результате применения критерия U-Манна-Уитни выявлены различия по следующим переменным: «Понимание причин состояния» ($U = 202$ при $p \leq 0,05$). Полученный результат по данному параметру позволяет сделать вывод, о том, что матери группы два лучше понимают причины состояний ребенка, чем матери первой группы. Следующая переменная, по которой были выявлены значимые различия «Способность к сопереживанию» ($U = 201$ при $p \leq 0,05$). Полученный результат по данному параметру позволяет сделать вывод, о том, что матери группы два больше способны к сопереживанию в отношениях с ребенком, чем матери первой группы. Следующая переменная, по которой были выявлены значимые различия «Отношение к себе как к родителю» ($U = 191$ при $p \leq 0,05$). Полученный результат по данному параметру позволяет сделать вывод, о том, что матери первой группы в большей степени удовлетворены занимаемой позицией родителя, чем матери второй группы. Также были выявлены значимые различия по параметру «Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия» ($U = 189$ при $p \leq 0,05$). Полученный результат по данному параметру позволяет сделать вывод, о том, что у матерей первой группы чаще, чем у матерей второй группы преобладает положительный эмоциональный фон взаимодействия с ребенком.

Таким образом, можно сделать следующий вывод, о том, что высокие показатели по таким параметрам как «Понимание причин состояния ребенка» и «способность к сопереживанию» и низкие показатели по таким параметрам как «Отношение к себе как к родителю» и «Преобладающий фон взаимодействия» могут влиять на большое количество страхов у детей.

Список использованных источников:

1. Варга А. Я., Драбкина Т. С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001. - 144 с.
2. Выготский Л.С. Психология развития как феномен культуры / Выготский Л.С. – М. : Воронеж, 1996. – 513 с.
3. Дружинин В.Н. Психология семьи: 3 – е изд. – СПб.: Питер, 2007. – 176 с.
4. Захаров А.И. Как предупредить отклонения в поведении детей. / Захаров А.И. – СПб. ; Минск 1993. – 200 с.
5. Кепински А. А., Боричев А.А. Экзистенциальная психиатрия – Москва : Совершенство ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. – 320 с.
6. Лебединский В. В. Нарушения психического развития в детском возрасте: Учеб. пособие для студ. психол. фак. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 144 с.
7. Павлов И.П. Физиология ВНД. / И. П. Павлов. – М. : Наука, 1954. – 545с.
8. Спиваковская А.С. Как быть родителями: (О психологии родительской любви) – М.: Педагогика, 1986. – 160 с.
9. Спиваковская А.С. Психотерапия: игра, детство, семья. Том 2 - М.: ООО Апрель Пресс, ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. - 464 с.
10. Швецова М.Н., Собченко М.Р. Образ семьи в представлении детей и родителей (Поколения Y и Z)//Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2018. - №2. – С.36 - 41

Поскребышева Наталия Николаевна
кандидат психологических наук
Факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова
доцент кафедры возрастной психологии
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
Email: pskr@inbox.ru

Исследования сепарационных процессов в детско-родительских отношениях подростков

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты современных исследований процессов автономизации и сепарации подростков. Проведен теоретический анализ современных зарубежных и отечественных исследований сепарационных процессов старших подростков. Детско-родительские отношения рассматриваются в таких аспектах, как эмоциональная связь подростка с родителями, характер регуляции и контроля, вовлеченность и сотрудничество в детско-родительские отношения.

Ключевые слова: сепарация старшего подростка в семейной системе, автономия личности подростка, развитие личности подростка в семье

Natalia N.Poskrebysheva
candidate of psychological sciences
Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University
Associate Professor of the Developmental Psychology Department
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
Email: pskr@inbox.ru

Separation processes in parent-child relations: contemporary researches

Abstract. The article reviews various aspects of modern separation and individuation studies. The separation process is seen as connected to personal autonomy development and family functioning. Parent-child relationships are considered in such aspects as the emotional relations of adolescents and their parents, regulation and control functions, involvement and cooperation in parent-child relationships.

Key words: separation and individuation of adolescents parent-child relationships, personal autonomy development, family context of personality development in adolescence

Сепарационные процессы в детско-родительских отношениях подростков принято рассматривать, как минимум, в двух аспектах: с точки зрения развития личности подростка, развития его личностной автономии и стремления к эмансипации, а также с точки зрения изменения семейной системы - происходит изменение структуры семьи, связанное с пересмотром детско-родительских отношений с признанием за подростков новых прав и более высокой степени независимости. Развитие автономии личности и процесс эмансипации рассматривается исследователями подросткового возраста как одна из ключевых задач развития подростка [3; 5]. Само понятие автономии и независимости взрослого человека охватывает большой комплекс явлений, связанных с личностной зрелостью подростка. В самом общем виде понятие автономии личности в подростковом возрасте может быть сформулировано как способность подростка самостоятельно принимать решения и реализовывать их; владение своим поведением, способность обеспечить постановку, планирование и реализацию целей субъектом, находящимся в системе социальных отношений. Семейный аспект связан с созданием условий, в которых

автономизация личности становится возможной и самим сепарационным процессом как характеристикой детско-родительских отношений.

Практически все исследователи в той или иной степени отражают взаимонаправленный процесс личностного и семейного развития. Так, Гротевант и Купер говорят о необходимости баланса в развитии самопринятия и самоутверждения и противопоставлению себя другим. При этом развитие самопринятия и самоутверждения связывают с возрастанием уверенности в себе и ответственности за свои действия, а противопоставление себя другим рассматривается, в том числе, в контексте сепарационных процессов [20]. Детско-родительские отношения позволяют подростку в наиболее оптимальных условиях найти баланс индивидуации и сотрудничества с родителями как основы развития личностной автономии.

Обобщая особенности детско-родительских отношений и их трансформацию в подростковом возрасте можно выделить три вектора, а именно: эмоциональный аспект отношений, регуляция и контроль в детско-родительских отношениях, характер взаимодействия и наличие сотрудничества в детско-родительских отношениях. Также выделяют ряд интегративных показателей, таких как стиль семейного воспитания, родительская позиция и др.

Эмоциональный аспект детско-родительских отношений подразумевает как родительскую любовь и принятие, так и привязанность подростка к родителю, а также общий эмоциональный фон отношений. Большинство исследователей сходятся в том, что привязанность к родителям и сепарация от них не являются противоположными характеристиками детско-родительских отношений. Более того, исследования показывают, что именно эмоциональная поддержка и достаточная эмоциональная близость, характерная для надежного типа привязанности, благоприятно влияют на гармоничное развитие автономии личности [13; 1]. Доверие в семье и открытость чувств способствует гармоничному развитию автономии личности и протеканию самих сепарационных процессов и в более поздних возрастах [2; 6]. Современные западные исследования приходят к подтверждению гипотезы о негативном влиянии общего эмоционального напряжения и конфликтного фона отношений с родителями для развития личности подростка [9; 17]. Интересным при этом является и определенная возрастная закономерность: старшие подростки чувствуют себя менее признанными с точки зрения эмоционального принятия родителями, нежели младшие [7]. Родительская любовь и надежная привязанность рассматриваются как наиболее гармоничные аспекты эмоциональных отношений подростка и родителей. Так, показано, что надежная привязанность имеет существенные пролонгированные эффекты, в частности, связана с более высоким уровнем счастья в подростковом и взрослом возрастах [19]; доверительные отношения подростков и родителей способствуют тому, что подросток становится более чувствительным к поведению других, способен больше замечать и глубже понимать и чувствовать детали событий или явлений [18].

Родительский контроль является одной из важных воспитательных функций и требует существенной трансформации в связи с переходом подростка на новый этап развития и собственно сепарационными процессами. Исследования доказывают, что подростки с более высоким уровнем автономии испытывают меньше контроля и давления со стороны родителей [16]. При этом отсутствие контроля само по себе не является протектором для развития автономии: попустительство как отсутствие контроля за подростком не позволяет ему овладеть средствами самоконтроля, необходимыми для полноценной эмансипации и сепарации. Высокий уровень контроля традиционно связывают с зависимостью и подчиняемостью подростка.

Ряд исследований позволил определить конкретные формы контроля, которые затрудняют процесс сепарации и развития автономии личности и связать эти формы с директивностью родителей по отношению к подросткам. Директивный контроль понимается как нечувствительность к потребностям ребенка и использование различных

манипулятивных техник с целью психологического давления на ребенка и подростка [15]. Чаще всего манипулятивные техники (например, манипулирование чувством вины и стыда, лишение родительской любви и др.) используются для того, чтобы научить ребенка соответствовать требованиям и нормам поведения, однако в долгосрочной перспективе негативно влияют на сепарационные возможности подростка [8].

Выделяют две формы директивного контроля, негативно отражающегося на сепарационных процессах: контроль, ориентированный на зависимые отношения, и психологический контроль, ориентированный на достижение определенных результатов. В первом случае настойчивые манипулятивные действия родителей (особенно матерей) направлены на поддержание тесной эмоциональной и физической близости с ребенком. Подавление самостоятельности ребенка осуществляется через гиперопеку и иницирование чувства вины. В таком случае родители склонны расценивать любую попытку самостоятельного поведения как предательство семьи. Отношения, пронизанные страхом предательства, чувством вины, неуверенностью в собственных силах приводят к страху сепарации, стремлению к максимальной эмоциональной близости подростка с родителями и поиска безопасности в привычных отношениях. Даже в случае возможной нарастающей физической сепарации такой паттерн отношений приводит к психологической зависимости, распространяемой на все отношения и, соответственно, невозможности истинной сепарации [12]. В случае директивного контроля, ориентированного на достижение определенных результатов мы имеем дело с противоположным явлением - невозможностью истинной сепарации в связи со стремлением к отчуждению в отношениях в целом. Блатт описывает этот комплексный процесс как вытекающий из условного принятия (или психологического контроля, связанного с соответствием ребенка и подростка определенным требованиям). В этом случае родительская любовь характеризуется условным принятием: ребенок может заслужить любовь и одобрение родителей только соответствием родительским стандартам и требованиям. Поскольку такое соответствие предполагает скорее конкурентную позицию, нежели сотрудничающую, а навыки и умения наиболее выгодно проявляются в индивидуальной работе, в которой может быть показано самостоятельное решение проблемы, а не в совместной деятельности с другими, потребность в межличностных отношениях начинает обесцениваться, что приводит к эмоциональной изоляции подростка от других людей [10]. Схожие эффекты нарушения сепарационных процессов проявляются и в отечественных исследованиях. Так, в исследовании А.А. Переверзевой было выявлено, что одним из негативных последствий нарушения сепарационного процесса из-за чрезмерного контроля со стороны родителей является преобладание стремления общаться исключительно в кругу сверстников, так как общение с младшими не дает казаться старше, а общение со старшим поколением грозит им контролем и давлением со стороны взрослых. В результате происходит обеднение поведенческого, ролевого, совладающего репертуара, поскольку подростки, с одной стороны, лишаются возможности оказаться в роли наставников, научить чему-то младших, руководить ими, с другой стороны, возникает сложность с передачей опыта от старших поколений [4].

Сепарация подростков в родительской семье также связана с рядом более широких эффектов. Нарушения процессов сепарации в подростковом возрасте повышает риски деструктивного поведения, трудностей с принятием социальных и семейных норм, а также увеличивает риск потенциального суицидального поведения. Гармоничное протекание сепарационных процессов и надежная привязанность, по мнению Маттанаха, Хэнкока и Брандта обеспечивает оптимальные условия для развития социальных навыков, развития личности и психологического благополучия [14].

Список использованных источников:

1. Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14, Психология, 2009. № 4.

2. Дзукаева, В.П. Психологическая сепарация от родителей в юношеском возрасте: эволюция теоретических представлений и примеры современных исследований / В.П. Дзукаева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2015. – №2. – С. 71-76.
3. Молчанов, С. В. Психология подросткового и юношеского возраста : учебник для академического бакалавриата / С. В. Молчанов. — М. : Издательство Юрайт, 2017
4. Переверзева А. А. Диалектический характер воздействия социальных детерминант на формирование личности в современном социуме // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2015. №4.
5. Реан А. А. (ред.) Психология подростка. Полное руководство. – СПб.: Ев-рознак, 2008
6. Сысоева Л.В., Луговский В.А. Изучение взаимосвязи ведущего типа сепарации от родителей с типом привязанности к ним в юношеском возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. №3.
7. Babore A. Picconi L., Candelori C., Trumello C. (2014). The emotional relationship with parents: A validation study of the LEAP among Italian adolescents. *European Journal of Developmental Psychology* July 2014/11(6), 728-739
8. Barber, B. K. (1996), Parental Psychological Control: Revisiting a Neglected Construct. *Child Development*, 67: 3296–3319
9. Birditt, K. S., Miller, L. M., Fingerman, K. L., & Lefkowitz, E. S. (2009). Tensions in the Parent and Adult Child Relationship: Links to Solidarity and Ambivalence. *Psychology and Aging*, 24(2), 287–295
10. Blatt, S. J., & Homann, E. (1992). Parent–child interaction in the etiology of depression. *Clinical Psychology Review*, 12, 47–91
11. Daniels J.A. Adolescent separation-individuation and family transitions. *Adolescence*. 1990; 25:pp. 105–116
12. Kins E., Beyers W., Soenens B. When the separation-individuation process goes awry: Distinguishing between dysfunctional dependence and dysfunctional independence // *International Journal of Behavioural Development*. - 2012 r.. - 1 : Т. 37.
13. Levy, K. N., Blatt, S. J., Shaver, P. R. Attachment styles and parental representations // *Journal of Personality and Social Psychology*. - 1998. - V. 74. - pp. 407–419.
14. Mattanah J. F., Hancock G. R., Brand B. L., Parental Attachment, Separation-Individuation, and College Student Adjustment: A Structural Equation Analysis of Mediational Effects // *Journal of Counseling Psychology*. - 2004. - 2 : Volume. 51. - pp. 213–225.
15. Mayseless, O., & Scharf, M. (2009). Too close for comfort: inadequate boundaries with parents and individuation in late adolescent girls. *American Journal of Orthopsychiatry*, 79, 191–202.
16. Poskrebysheva N. N., Kremenchustkaya C. V. Personal autonomy development, adolescents separation process in different types of child-parent relations // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. — 2018. — no. XLIII. — P. 94–101
17. Reid, K.M. (2015) The Relationship Between Parents' Poor Emotional Health Status and Childhood Mood and Anxiety Disorder in Florida Children, *National Survey of Children's Health, 2011–2012. Matern Child Health* (2015) 19: 1071
18. Shirliff, E. A., Skinner, M. L., Obasi, E. M. and Haggerty, K. P. (2017), Positive parenting predicts cortisol functioning six years later in young adults. *Dev Sci*. 2017 Nov;20(6)
19. Sillick, T. J., & Schutte, N. S. (2006). Emotional intelligence and self-esteem mediate between perceived early parental love and adult happiness. *Emotional Intelligence*, 2(2), 38–48
20. Zimmer-Gembeck M.J., Collins W.A. Autonomy Development during Adolescence. In Gerald R. Adams, Michael D. Berzonsky, editors. *Blackwell handbook of adolescence*. Blackwell Publishing, Oxford, UK; 2003

Психология супружеских отношений

Седова Елена Александровна

*Магистрант Институт психологии и педагогики,
Тюменский государственный университет
625003 г. Тюмень, Володарского, 6
E-mail: sedovaelena@list.ru*

Мурзина Юлия Сергеевна,

*Кандидат психологических наук,
Тюменский государственный университет*

РОМАНТИЧЕСКИЕ ПОСТУПКИ В ДОБРАЧНОМ И БРАЧНОМ ПЕРИОДЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема романтических отношений в добрачном и брачном периодах семейной жизни. Предлагаются различные точки зрения на изменения, происходящие с парами вследствие перехода в брачный период. Результаты проведенного эмпирического исследования показывают, что мнения мужчин и женщин в отношении романтических поступков совпадают; «романтичность» мужчин не зависит от периода семейных отношений.

Ключевые слова: романтические поступки, потребности, брачный период, добрачный период, семейные отношения.

Sedova Elena Alexandrovna

*The Graduate student of The Institute of Psychology and Pedagogy,
University of Tyumen
625003 Russia, Tyumen, Volodarskogo St., 6
E-mail: sedovaelena@list.ru*

Murzina Julia Sergeevna

*Department of General and Social Psychology,
University of Tyumen*

ROMANTIC ACTIONS IN PREMARITAL AND MARITAL PERIOD

Abstract: the article deals with the problem of romantic relationships in premarital and marital periods of family life. In theoretical part we describe various points of view of the changes in relations occurring with couples within transition to the marital period. The results of our empirical study show that the opinions of men and women in relation to romantic acts are the same; "romance" of men does not depend on the period of family relations (premarital or marital period).

Keywords: romantic actions, needs, premarital and marital periods of family life, family relations.

В современном мире, в т.ч. и в нашей стране, институт семьи переживает кризис: количество разводов превышает 50%, а молодые люди не спешат официально регистрировать брачные отношения [1]. В большинстве своем причины разводов одинаковые: пропали чувства, муж или жена попались на измене, кто-то из супругов пьянствовал или же реальность оказалась далека от ожиданий. Среди часто повторяющихся причин – это материальные проблемы и невозможность совместного будущего [5]. В связи с

этим, вопрос «романтики в отношениях» крайне важен. Во-первых, романтические поступки помогают совершить переход из добрачных отношений в брачные; во-вторых, уже после заключения брака «романтика» помогает поддерживать любовь в супружеских отношениях и повышать удовлетворенность супругов.

Феноменология проблемы. По данным информационного портала Passion.ru, важной причиной охлаждения чувств, и как результат, разводов является: отсутствие романтики, невнимание к партнеру, снижение страсти в отношениях. Около 50% опрошенных на данном сайте признавались, что не знают, как выйти из создавшейся ситуации охлаждения чувств и вернуть романтику.

На актуальность данной проблемы указывает также количество введенных запросов в сети Интернет по теме «Не хватает романтики» (по данным на май 2018г.). Так, в поисковой системе Google девушки задавали этот вопрос со следующей частотой:

«Не хватает романтики в отношениях с парнем» – 1 890 000 раз;

«Не хватает романтики с мужем» – 3 230 000 раз;

Мужчины с данным вопросом в поисковую систему Google обращались со следующей частотой:

«Не хватает романтики в отношениях с девушкой» – 1 450 000 раз;

«Не хватает романтики с женой» – 737 000 раз;

Как мы видим, данная проблема является актуальной для обоих полов, как для брачных, так и добрачных отношений.

Наше исследование будет посвящено изучению особенностей представлений о романтических поступках мужчин и женщин с целью их сравнения, выделения общих и различных черт. А также изучению того, как меняется романтическое поведение мужчин до и после вступления в брак.

Теоретический анализ. На различие в поведении партнеров в предбрачный и брачный периоды указывала Л.Б.Шнейдер: «для предбрачного периода характерно, что молодые люди много времени проводят вместе, они успевают соскучиться..., они находят удовольствия в различных совместных занятиях (как в повседневных делах, например, приготовление ужина, так и в «совершенно безумных», например, в увлеченном построении снеговика). Они много разговаривают, обсуждают, делятся впечатлениями, спорят, строят на будущее планы. В сексуальной сфере имеет место частота контактов и постоянные эксперименты. Часты перепады эмоциональных настроений – «гнев сменяется на милость». Бытовые вопросы, такие как разделение обязанностей и планирование общего бюджета, их не беспокоят. В отношениях идет идеализация партнера, чему способствует отношение молодых людей друг к другу и «прелесть новизны». В браке ситуация меняется в связи с тем, что молодые люди начинают жить вместе и решать бытовые вопросы, помимо вопросов взаимоотношений. Происходит изменение материального положения в связи с чем приходится делать выбор в пользу самого необходимого, нежели любимых удовольствий. Также молодые люди начинают намного больше проводить времени вместе, вследствие чего остается меньше возможностей отдохнуть друг от друга, а также могут измениться эмоциональные и сексуальные отношения. Также нередко множество проблем появляется из-за возникающей обязанности жить «с учетом» интересов своего партнера, заботясь отныне не только о себе» [7, с. 111].

Как пишет С.И. Самыгин, «в нетерпении любви мы ищем все-таки не супруга, а любимого, забывая о том, что одной любовью жив не будешь и жить-то нам не с одним этим прекрасным чувством, а с его предметом и

носителем — конкретным человеком, обладающим уникальным психическим миром, образом своего Я, темпераментом, характером и личностными особенностями, отчего слияние двух Я не всегда приводит к появлению одного Мы — «под романтическим покровом любви мы очень часто забываем тот элементарный факт, что, как бы супруги ни любили друг друга, как ни была бы велика их взаимная страсть, в своей семье они просто обязаны будут выполнять обычные для каждой супружеской пары функции, и уже в медовый месяц у них неизбежно возникнут проблемы, ибо даже в этот прекрасный период супружества кто-то все-таки должен убирать, стирать и готовить. И любовь здесь может даже помешать» [4, с.165].

Пожалуй, точнее всего этот момент выразил немецкий ученый Х. Шельски, указавший, что, когда ожидание любви становится первостепенным мотивом брака, основной смысл семейной жизни с ее повседневными заботами, уходом за маленькими детьми и т. д. сводится к гибели этой иллюзии, разрушению волшебства любви [Ильин].

«Семейная жизнь — это не только согласие душ, мыслей, чувств, деяний. Это еще и очень-очень большое терпение. «Быт заедает» — непреложная истина. Когда потребуется изо дня в день мыть, убирать, готовить, стирать и т. д. и т. п. — возникает «мертвая зыбь», неукоснительно пытающаяся расшатать семейную лодку. «Эффект приедания»: изо дня в день одно и то же «блюдо». Монотонность — страшная вещь. В любви, как на кухне, требуется хотя бы минимальное разнообразие» [там же, с.278].

Чаще всего кризис между супругами возникает из-за неудовлетворенности определенных ожиданий и потребностей. По мнению Ю.В. Щербатых, разные пары понимают любовь по-разному, и это может вызывать непонимание между супругами, конфликты в семейной жизни [8]. Так, принимая от мужчины знаки внимания во время ухаживания (цветы, комплименты, обещания, страстность чувств, уверения в любви), женщина ждет продолжения такой же любви и после заключения брака. Но законный супруг редко играет роль героя-любownika. Спустя какое-то время после свадьбы его любовь меняется. Она становится более ровной и спокойной. Мужчина может любить даже сильнее, чем до свадьбы, но женщина продолжает ждать от мужа клятв в вечной любви, ночных безумств и букетов роз. Однако, как правило, ее ожидания не оправдываются. Такое положение может серьезно испортить отношения между супругами, толкнуть женщину на путь супружеских измен [13, с.279].

У.Ф. Харли пишет: «Когда мужчина и женщина вступают в брак, они питают высокие надежды. Они посвящают себя удовлетворению больших и глубоко личных потребностей друг друга. Каждый соглашается отказаться от любых других людей, отдавая супругу исключительное право удовлетворять какие-то свои, глубоко личные потребности. Это не значит, что все потребности должны удовлетворяться супругом. Но существуют некоторые основные потребности, которые большинство из нас твердо приберегает именно для супружеской жизни. Большинство людей удовлетворяет эти особые потребности в браке» [6, с.1].

У.Ф. Харли выделяет по 5 основных потребностей для мужчин и женщин, удовлетворение которых обеспечивает стабильность брака, а неудовлетворение ведет к конфликтам и может привести к разводу

[6]. Для мужчины это: 1) половое удовлетворение; 2) иметь спутника по отдыху; 3) иметь привлекательную жену; 4) обеспечение домашнего хозяйства; 5) получение восхищения. Для женщин это: 1) получать нежность в отношениях; 2) возможность поговорить; 3) честность и открытость в отношениях; 4) финансовая поддержка; 5) посвященность семье. Так как потребности мужчин и женщин столь различаются, то нет ничего удивительного в том, что людям трудно приспособиться к супружеской жизни. Муж может иметь добрые намерения удовлетворять потребности своей жены, но если он посчитает, что ее потребности сходны с его собственными, то его постигнет неудача. И наоборот, неудача постигнет женщин, которые посчитают, что мужчинам нравится то же самое ласковое отношение, которое так приятно им самим.

Часто неудачи мужчин и женщин в удовлетворении супружеских потребностей, отмечает У.Ф.Харли, обусловлены просто незнанием потребностей друг друга, а не себялюбивым или нежеланием оказывать супругу внимание. «Вовсе не значит, что, удовлетворяя потребности супруга, вы должны скрежетать зубами, занимаясь тем, что вам совершенно не нравится. Это значит, что вы должны брак готовить одна к удовлетворению этом тех потребностей, которых жены сами не испытываете. Стараясь даже понять рода своего хотя супруга этим как полностью типы отличного друг от вас человека, вы можете роль стать, если захотите, знатоком хоть в удовлетворении друг всех супружеских роли потребностей человека» [6].

Таким образом, большинство психологов сходятся во мнении, что брак и романтическая любовь – вещи не совместимые. В нашем исследовании мы проверим это предположение.

Результаты исследования

В эмпирическом исследовании было выдвинуто две гипотезы: 1. Мужчины и женщины имеют разные представления о романтических поступках. 2. В браке мужчины совершают романтические поступки реже, чем в добрачных отношениях.

Методом исследования был выбран социально-психологический опрос. Вопросы были размещены в сети Интернет в свободном доступе. Время проведения исследования: февраль - май 2018 года. Фактологическая база исследования - 32 мужчины и 63 женщины в возрасте от 23 до 55 лет (замужние и холостые в равных соотношениях).

Для проверки гипотезы № 1 о том, что мужчины и женщины имеют разные представления о романтических поступках, опрос состоял из 8 вопросов, в т.ч. открытых. Испытуемым предлагалось дать определение и привести примеры того, что по их мнению представляет собой «романтический поступок», а также как часто они их совершают.

Было выявлено 40 типов романтических поступков. Большинство мужчин и женщин считают, что романтический поступок – это поступок незапланированный датами (22% и 35% соответственно). Наиболее романтическим поступком женщины назвали «цветы без повода» (38%), мужчины – «ужин в ресторане» (22%). Затруднились ответить на вопрос что из себя представляет романтический поступок 16% мужчин и 14% женщин.

Достаточно интересным наблюдением является то, что ряд популярных романтических поступков, названных представителями одного пола, не имеют ни одного подобного ответа у другого. Так, например, «завтрак в постель», который входит в Топ-5 романтических поступков по мнению женщин (13% опрошенных) не назвал ни один мужчина. 6% мужчин назвали романтическим «секс в необычном месте», у женщин такого ответа не встречалось. Данное наблюдение подтверждает выделенные Харли У.Ф. основные потребности мужчин и женщин: мужчин – половое удовлетворение, у женщин – нежность, в том числе – забота.

На следующем этапе исследования, полученные результаты по типам романтических поступков были укрупнены и объединены в 26 групп для оценки. Мужчины и женщины оценивали насколько выявленные поступки являются для них романтическими.

Таблица 1.

Романтические поступки по мнению мужчин и женщин

Романтичный поступок	Мужчины	Женщины
Полет на воздушном шаре	82%	89%
Ванна с лепестками роз	79%	87%
Творчество для второй половины (стихи, песни, танцы)	76%	87%
Свидание	73%	84%
Нестандартное признание в любви (например, надпись на асфальте, смс любовного содержания и т.д.)	70%	87%
Домашний ужин при свечах	70%	84%
Цветы без повода	64%	87%
Завтрак в постель	64%	82%
Эротический танец	64%	55%
Подарок (исполнение желания), о котором женщина давно мечтала	42%	87%
Небольшой подарок без повода	42%	79%

Наиболее романтичным поступком по мнению и мужчин и женщин был признан «Полет на воздушном шаре» (82% и 89% соответственно). Все романтические поступки, названные мужчинами также признаны таковыми среди женщин.

Интересным результатом является то, что все опрошенные женщины отмечают, что поступок «полет на воздушном шаре» для них не совершали и они это хотели бы (55%). 45% женщин не желают такого романтического поступка. Поэтому, все нестандартные романтические поступки нужно заранее планировать, изучая интересы и предпочтения каждой конкретной женщины. 88% мужчин также ответили, что не совершали данный поступок, указав такие причины как боязнь высоты, его небезопасность (40%), а также 24% сообщили, что не делают этого из-за отсутствия финансовой возможности.

По поводу «эротического танца» мнения среди мужчин и женщин разделились. Романтичным его считают 64% мужчин и 55% женщин, а не романтичным 30% и 37%, соответственно. При этом 85% мужчин ответили, что не совершают данный поступок, а 71% женщин сообщили, что и не хотели бы его получать от своей второй половины. Мужчины обосновали свое нежелание тем, что они не настолько романтичны, чтобы самостоятельно осуществлять его, а также неумением танцевать.

Наиболее желаемые поступки, которые бы хотели получать женщины, помимо «полета на воздушном шаре», - «домашний ужин при свечах» и «совместное времяпрепровождение, вызывающее адреналин» - 47% и 42%, соответственно.

Наименее желательные – «эротический танец», «появление в месте, где находится вторая половина без предупреждения» и творческие поступки, такие как стихи, танцы, песни (76%, 53% и 50%, соответственно).

Было выявлено, что поступки, соотносящиеся с потребностями у женщин (по теории Харли У.Ф.), попадают в категорию романтичных, а у мужчин – в категорию само собой разумеющихся. Например, для женщин поступок «кольцо с бриллиантом» косвенно соответствует категории «финансовая поддержка» и считается романтичным, у мужчин «пикник на природе» и «ужин в ресторане» - косвенно соответствуют категории «спутник по отдыху» и в категорию романтичных не входят. Можно предположить, что совершение мужчинами поступков для женщин, которые одновременно удовлетворяют их основные потребности по Харли У. Ф., романтичными они не считают. Это же подтверждается

списком романтических поступков, которые были выделены мужчинами – основным потребностям ни один из них не соответствует.

Мнения мужчин и женщин по перечню «само собой разумеющихся поступков для отношений» совпали.

Таблица 2.

«Само собой разумеющиеся» поступки для отношений

Романтический поступок	Мужчины	Женщины
Поход в кино/театр/на концерт	76%	66%
Совместное путешествие	67%	55%
Активное совместное времяпрепровождение (например, поездка на коньках, лыжах, поход в горы)	67%	50%
Прогулка	64%	53%
Освобождение от домашних обязанностей (уборка, приготовление ужина)	52%	58%

Перечень наименее романтических поступков у мужчин и женщин также практически не отличается, при этом значима разница в следующих результатах. Так, поступок «появление в месте, где находится вторая половина без предупреждения» 76 % мужчин считают не романтическим (среди женщин только 45%), говоря о том, что это некорректно по отношению ко второй половине. 53% опрошенных женщин с этим согласны и не хотели бы получать от мужчин такой поступок. 32% женщин называют не романтическим поступок «секс в необычном месте», в то время как 49% мужчин относят этот поступок к романтике.

Таким образом гипотеза о том, что мужчины и женщины имеют разные представления о романтических поступках не подтвердилась. Мнение мужчин и женщин по перечню романтических поступков практически совпадает – все романтические поступки, названные мужчинами, попали в «женский» список. Также согласие наблюдается и среди «само собой разумеющихся поступков для отношений» и «неромантических поступков».

Для проверки второй гипотезы о том, что в браке мужчины совершают романтические поступки реже, чем в добрачных отношениях, были проанализированы ответы на открытый вопрос «Как часто вы совершаете романтические поступки?», а также ответы на этот же вопрос, содержащий варианты ответов. Женщинам дополнительно был задан вопрос о том, как часто они бы хотели получать романтические поступки.

В ответах на открытый вопрос 47% мужчин указали, что совершают романтические поступки крайне редко, из них 73% состоят в браке.

Для уточнения периодов, в которые мужчины, находящиеся на разных этапах семейных отношений совершают романтические поступки, а также для уточнения ответов «редко» и «часто», был проведен опрос, в котором мужчинам было предложено выбрать один из вариантов ответов.

Отвечая на вопрос о периодичности совершения романтических поступков подтвердились данные первого опроса - 49% мужчин ответили, что не совершают романтических поступков. Из мужчин, которые их совершают, больше всего было выбрано ответов со сроком «один раз в полгода и реже» (19%).

Анализируя полученную информацию, в рамках данной гипотезы, было выявлено, что частота совершения романтических поступков женатыми мужчинами практически не отличается от неженатых.

Период, в который чаще всего совершают романтические поступки женатые и неженатые мужчины – «один/несколько раз в полгода и реже» (38% и 42%, соответственно).

Наиболее часто неженатые мужчины совершают «небольшой подарок без повода» - 45%. Женатые же мужчины чаще совершают «подарок (исполнение желания женщины), о котором она давно мечтала – так ответили 50% респондентов.

Мужчин, ответивших, что не совершают романтические поступки среди женатых респондентов - 42%, среди неженатых - 63%.

Для выработки практических рекомендаций был проведен анализ желаемой периодичности получения романтических поступков женщинами.

23% женщин, отвечая на вопрос о том как часто они бы хотели получать романтические поступки, ответили «один/несколько раз в месяц», при этом такое же количество женщин не хотели бы получать романтические поступки вовсе. Второй по популярности ответ – «один/несколько раз в полгода и реже».

Желание получать романтические поступки гораздо чаще, чем на это готовы мужчины, отчасти подтверждает точку зрения Щербатых Ю. В., который говорит о том, что женщины и после окончания стадии «влюбленности» ждут от мужчин такого же поведения как и на стадии ухаживания, но их ожидания не оправдываются. Так, отвечая на вопрос о желаемой периодичности получения цветов, 37% женщин сказали, что хотели бы их получать «один/несколько раз в месяц» и только 15% мужчин согласны на это. По 21% мужчин ответили, что готовы дарить цветы по праздникам или с периодичностью в квартал или полгода и реже.

Основными причинами, по которым мужчины не совершают романтические поступки, они назвали – недостаток романтичности, который выражается в отсутствии идей для поступка и времени (18% опрошенных), а также – отсутствие финансовой возможности (11%).

Таким образом гипотеза о том, что в браке мужчины совершают романтические поступки реже, чем в добрачных отношениях не подтверждается – уровень романтичности мужчины не зависит от этапа семейных отношений, на котором они с женщиной находятся. Более того, результаты опроса показывают, что в брачных отношениях мужчина более «зрело» подходит к совершению романтических поступков, больше ориентируясь на потребности и желания женщины, чем неженатые. Основываясь на результатах сравнения, можно сделать предположение, что неудовлетворенность женщин уровнем романтики в отношениях после брака связана, прежде всего, не с изменением поведения мужчины, а с более пристальным ее вниманием к данной теме и более выраженной необходимостью, на фоне бытовой рутины, в проявлении знаков внимания.

Выводы и рекомендации

В ходе нашего исследования, проведенного посредством И-нет опроса, мы выяснили, что представления мужчин и женщин о романтических поступках очень близки.

Одними из причин несовершения романтических поступков мужчины называют отсутствие идей и времени для совершения романтических поступков, а также отсутствие финансовой возможности - таким образом, можно рекомендовать женщинам периодически сообщать мужчинам о том, какие существуют романтические поступки. Так, в первом опросе самым популярным ответом стал ужин в ресторане при этом, когда же был предложен список с всевозможными романтическими поступками – ужин в ресторане оказался только на 18 месте.

Рекомендуется обращать внимание на то, чтобы список желаемых поступков включал в себя, в том числе, не требующих больших финансовых и временных затрат. В этом случае существует вероятность совпадения точек зрения мужчин и женщин на периодичность совершения романтических поступков (в ходе опроса женатые мужчины указали, что чаще всего один/несколько раз в месяц совершают небольшие подарки без повода).

Кроме того, сами женщины должны обращать внимание на те условия, которые были названы мужчинами в рамках нашего опроса, как принципиально важные для совершения романтических поступков – это «следить за своим внешним видом и физической формой», а также «создавать уют и благоприятную атмосферу в доме».

Список использованных источников:

1. Браки и разводы в Российской Федерации // URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/smi/prez_love0707.pdf (дата обращения: 03.09.2018).
2. Ильин Е. П. Психология любви. – Спб.: Питер, 2013 – 336с.
3. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. – Спб. : Питер, 2012 – 576с.
4. Самыгин С. И. Любовь глазами мужчины. - Ростов-на-Дону: Издательский центр «МарТ», 2000 – 224 с.
5. Халецкая И. В постели с врагом: отчего в России распадается каждый второй брак // URL: <https://ria.ru/society/20171023/1507256150.html> (дата обращения: 03.09.2018).
6. Харли У.Ф. Законы семейной жизни. – М.: Протестант, 1992 – 208с.
7. Шнейдер Л. Б. Семейная психология. – М: Академический проект; Екб.: Деловая книга, 2006 – 768с.
8. Щербатых Ю.В. Психология любви и секса. – М: АСТ, 2001. – 484с.

Баранова Виктория Анатольевна
кандидат психологических наук,
МГУ им.М.В.Ломоносова
старший научный сотрудник кафедры социальной психологии
129081 г. Москва, Ясный проезд 12 кв. 182
E-mail: bva06@mail.ru

Моисеева Елена Михайловна
МГУ им.М.В.Ломоносова
студентка 6-го курса
125008, г. Москва, Михалковская, 26, кор.1, кв. 164
E-mail: moiseeva0206@gmail.com

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ И СЕКСУАЛЬНАЯ УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ В СЕМЬЯХ С РАЗНЫМ СТАЖЕМ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи удовлетворенности семейной жизнью и сексуальными отношениями в браке с учетом фактора продолжительности существования брака. Выявлено, что *средний уровень удовлетворенности сексуальными отношениями у мужчин выше, чем у женщин. Также показано, что в семьях со стажем от 5 до 9 лет и в семьях со стажем более 20 лет в браке существуют статистически значимые связи между удовлетворенностью браком и сексуальной удовлетворенностью.*

Ключевые слова: удовлетворенность семейной жизнью, удовлетворенность сексуальными отношениями, стаж семейной жизни.

Baranova Victoria Anatolevna
PhD in Psychology,
Senior Researcher,
Lomonosov Moscow State University
129081, Moscow, Yasnyj proezd 12, Apt. 182
E-mail: bva06@mail.ru

Moiseeva Elena Mikhailovna
6-year student
Lomonosov Moscow State University
125008, Moscow, street Mikhalkovskaya, 26, building 1, Apt. 164
E-mail: moiseeva0206@gmail.com

SATISFACTION WITH MARRIAGE AND SEXUAL SATISFACTION IN FAMILIES WITH DIFFERENT EXPERIENCES OF LIVING TOGETHER

Annotation. The article deals with the problem of the relationship between the satisfaction of family life and sexual relations in marriage, taking into account the factor of the duration of the marriage. It was revealed that the average level of satisfaction with sexual relations in men is higher than that of women. It is also shown that in families with experience from 5 to 9 years and in families with experience of more than 20 years in marriage), statistically significant relationships between satisfaction of marriage and sexual satisfaction were revealed.

Key words: satisfaction with family life, satisfaction with sexual relations, families with different experiences of family life.

Проблема удовлетворённости браком является чрезвычайно важной в современном мире. Среди множества факторов, которые связаны с уровнем удовлетворённости семейной жизнью, сексуальные отношения являются одним из важнейших составляющих семейного благополучия и полноценной супружеской жизни. Несмотря на то, что в современном обществе тема сексуальности активно и даже агрессивно присутствует (СМИ навязывают обществу тему сексуальности, предоставляя образцы секс-символов, стандарты сексуального поведения и формируя установки общества к сексуальной культуре), проблемы в сексуальной сфере остаются закрытой областью, поэтому оценить действительную важность этого фактора бывает довольно сложно [5, 6, 7, 8, 9, 11].

Темы сексуальности, сексуальной удовлетворенности всегда занимали особую нишу как в бытовой повседневности, так и в научных исследованиях. Тема «плотской жизни» на разных этапах истории общества имела разные коннотации: греховности, непристойности, считалась грязной и безнравственной, оправдывалась исключительно продолжением рода, сводилась к проблемам сексопатологии, разным формам порока, сексофобии (у нас секса нет) и т.д. Современные взгляды на проблемы сексуальности показывают, что для понимания долгосрочных тенденций человеческой сексуальности и понимания национальных особенностей сексуальных культур эта тема требует обращения к историко-культурным и социально-психологическим ракурсам изучения [5, 6, 9, 12].

На протяжении всей истории форма общественного регулирования отношений между полами постепенно менялась, переходя с инстинктивно-биологического типа жизни к социальному культурно-историческому типу, а место инстинктивно-биологических механизмов регуляции заняли социальные механизмы регуляции [2, 4, 6, 9, 10, 11]. Сейчас для всех очевидно, что сексуальные отношения – это не биомедицинская проблема, а социокультурная парадигма, и что сексуальность «не существует вне конкретной культуры, а культура, в свою очередь, невозможна без сексуально-эротических компонентов» [6, с.67]

Основу современной сексуальной культуры составляют следующие главные тенденции: появление эффективных противозачаточных средств, отделение сексуального поведения от репродуктивного, изменение системы гендерной и полоролевой стратификации, изменение культурных стереотипов маскулинности и фемининности, появление в современной культуре сильной установки на развитие индивидуальности, крах антисексуальных установок: в культуре происходит сужение сферы запретного и расширение диапазона сексуальных переживаний, меняется отношение к телу, появляется возможность обсуждать сексуальные отношения и самораскрываться в сексуальных отношениях [6, 7, 8, 9, 12].

В качестве общих тенденций развития сексуальности в современном обществе (в сравнении с предыдущими поколениями) обозначаются следующие: более раннее сексуальное созревание и начало сексуальной жизни, отношение к добрачным сексуальным отношениям и сожителю как к норме; отношение к сексуальной удовлетворенности как к одному из главных факторов прочности брака и удовлетворенности супружескими отношениями; повышение интереса к эротике, расширение понимания женской сексуальности (женская ресексуализация); принятие разных форм сексуальности современной молодежью (в частности, гомосексуальности), появление новых форм сексуального поведения (виртуального секса) [6, 13]. В целом, можно констатировать усиление различий между поколениями в отношении общего дискурса, связанного с темой секса и эротике, в ценностях и поведении: молодое поколение считает нормальным и естественным то, что было абсолютно неприемлемо для родителей и прауродителей.

Общая тенденция изменения сексуальных установок в обществе и культуре привнесла изменения и в брачно-семейные отношения: прежде всего, возможность вступления в брак по свободному выбору. Хотя семья остаётся наиболее важной сферой жизни для

большинства людей, семейные ценности меняются - повышается индивидуальная избирательность брака, на первый план выходят показатели качества жизни и субъективного благополучия. Также современное общество более терпимо относится к внебрачным связям, разводу, к новым установкам и таким формам совместной жизни, как «гостевой брак», «сожитительство», «серийная моногамия» (возможная временность брачного союза) «семья-конкубинат» и т.д. [4, 6, 10].

Понимание удовлетворенности семейной жизнью, браком непротиворечиво, и у большинства авторов определяется через категорию субъективной оценки этой сферы своей жизни [2, 4, 10, 11]. Понятие «сексуальная удовлетворенность» является более сложным и многозначным. Оно имеет количественное и качественное, физическое и эмоциональное измерения, может подразумевать общую удовлетворенность сексуальной жизнью или удовлетворенность сексуальными отношениями с конкретным партнером, а может строиться на оценке последнего сексуального контакта. Для Фрейда являлось очевидным, что сексуальное поведение необходимо для нормального функционирования личности, что «сексуальность не может быть понята вне целостной личности, а личность - без учета ее сексуальных переживаний», особенно важным является указание Фрейда на существование связи сексуальных и несексуальных переживаний и возможность перехода одного в другое [6, с.15]. «Сексуальность» у Фрейда трактуется многозначно, включает биологические свойства мужчин и женщин; либидо и чувственные переживания, связанные с получением удовольствия; репродуктивное поведение; и эротические ощущения тела [6].

Э. Берн говорит о двух целях секса: выживание вида как продолжение процесса эволюции и удовольствие, отмечая, что секс является важным средством для счастья, альтернативой разнообразных лекарств, а также связывает людей узами романтики и любви [3]. В качестве функций секса Берн отмечает следующие: биологический ракурс (как способ оплодотворения, создания новой жизни); секс как способ удовлетворения потребности женщины в материнстве (наполниться новой жизнью, которая развивается внутри неё). Третьей функцией секса Э. Берн называет дарование супругами друг другу несравненного оргазма и приятное времяпрепровождение по поводу какого-нибудь праздника, либо просто так, в качестве ритуала. Следующая функция является в каком-то смысле лечебной, целительной – освобождение от напряжения, своего рода облегчение. Секс может быть соглашением, которое даёт супругам взаимное чувство благополучия и может быть просто удовольствием, к которому в той или иной степени стремится каждый человек, секс может быть и приятным развлечением, способом скоротать скучный вечер. В функциях секса присутствует и игровой аспект - постель может стать местом различных психологических игр, местом ссор и примирения. На наш взгляд, последние три выделенные функции наиболее полно раскрывают сексуальные отношения: секс как средство достижения единства и понимания, закрепление и заключение супружеских соглашений; секс как знак интимности и привязанности мужа и жены; и - выражение искренней любви, что может завершиться появлением новой жизни [3].

По данным социологических опросов женатые люди больше удовлетворены жизнью, чем одинокие, а идеальная жизнь для многих людей - это совместная жизнь с постоянным сексуальным партнером, основанная на взаимной любви и психологической близости, поэтому важно выявить наиболее важные факторы удовлетворенности совместной жизнью супругов.

Данное эмпирическое исследование посвящено изучению супружеских отношений в контексте удовлетворенности браком и факторов, взаимосвязанных с удовлетворённостью браком у людей с разным стажем семейной жизни, в частности, изучался такой фактор, как сексуальная удовлетворенность.

В исследовании мы опираемся на классификацию семьи и брака В.А. Сысенко: От 0 до 4 лет – совсем молодые браки; От 5 до 9 лет – молодые браки; От 10 до 19 лет – средние браки; Более 20 лет – пожилые браки [11]. Автор классификации объясняет её наличием характерных проблем, кризисов, с которыми сталкиваются супруги на разных этапах

семейной жизни. В совсем молодых браках супруги адаптируются друг к другу, распределяют обязанности в семье, решают бытовые вопросы и вопросы главенства. На этом этапе молодые супруги не всегда финансово обеспечены, что также может стать источником семейных проблем. В молодых семьях проблемы могут быть связаны с появлением детей: семье с ребёнком требуется большее финансовое обеспечение, супруги привыкают к новым ролям мамы и папы, к новому члену семьи, новым обязанностям, которые, очевидно, являются очень энерго- и эмоционально затратными. В средних браках (от 10 до 19 лет), как правило, уже сложилась супружеская дружба, распределен быт, стабилизировалось материальное положение семьи (что верно для семей, в которых супруги, несмотря на пережитые конфликты и ссоры сохраняют хорошие отношения, в противном случае супруги задумываются о разводе). Период пожилого брака характерен тем, что супруги снова остаются вдвоём, так как дети уже выросли и живут отдельно. Конфликты в таких семьях определены тем, что супруги могут стремиться к автономной жизни, а также с тем, что сексуальные потребности не совпадают с сексуальными возможностями, также [11].

В исследовании были выдвинуты гипотезы о том, что 1. показатели удовлетворённости браком у мужчин и женщин различаются; 2. показатели удовлетворённости сексуальными отношениями у мужчин и женщин различаются; 3. взаимосвязи удовлетворённости семейной жизнью и удовлетворенности сексуальными отношениями на разных этапах жизни семьи различны.

Выборка: формирование выборки производилось методом «снежного кома», выборку составили 67 человек – 35 женщин и 32 мужчины, 19 из них состоят в браке до 4 лет, 17 – от 5 до 9 лет, 19 – от 10 до 19 лет, 12 – более 20 лет в браке.

В исследовании использовались следующие методы: тест на удовлетворённость браком (Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская) [1], и опросник «Установки к сексу» (шкала «сексуальная удовлетворённость»), (Г. Айзенк) [9].

Результаты теста на удовлетворённость браком показывают, что всего (4,5%) респондентов имеют низкий уровень удовлетворённости своим браком – все они состоят в браке более 5 лет (от 5 до 9 лет, от 10 до 19 лет, более 20 лет). Удовлетворены своим браком на среднем уровне 64,2% – 21 мужчина и 22 женщины; 9 респондентов из этой группы находятся в браке от 0 до 4 лет, 11 респондентов состоят в браке от 5 до 9 лет, 15 респондентов живут в браке от 10 до 19 лет и 8 респондентов вступили в брак более 20 лет назад. Высоко удовлетворен своей семейной жизнью 31,3%: 10 мужчин и 11 женщин, среди которых 10 респондентов состоят в браке от 0 до 4 лет, 5 респондентов состоят в браке от 5 до 9 лет, 3 респондента находятся в браке от 10 до 19 лет и также 3 респондента имеют стаж брака свыше 20 лет. Супруги, состоящие в браке от 0 до 4 лет, чаще других высоко удовлетворены браком, немного реже средне удовлетворены и нет ни одного респондента данной группы, который был бы низко удовлетворен. Супруги, которые состоят в браке от 5 до 9 лет, чаще всего средне удовлетворены своим браком, реже высоко удовлетворены и совсем редко имеют низкий уровень удовлетворённости браком. Супруги, состоящие в браке от 10 до 19 лет, чаще респондентов из других групп средне удовлетворены своим браком, довольно редко высоко удовлетворены своим браком и совсем редко низко удовлетворены семейными отношениями. Супруги, которые состоят в браке более 20 лет, имеют схожие с предыдущей группой показатели: чаще всего они средне удовлетворены своим браком, реже - высоко удовлетворены им и совсем редко имеют низкий уровень удовлетворённости.

Результаты опросника «Установки к сексу», а именно шкала «сексуальная удовлетворённость», показывает, что только 1,5% респондентов низко удовлетворены сексуальной жизнью, при этом в данной выборке мужчин с таким показателем не оказалось. Высоко удовлетворённых женщин больше, чем мужчин. Средне удовлетворённых мужчин и женщин примерно одинаковое количество: 20 из них мужчины, 19 – женщины; 11 из них состоят в браке от 0 до 4 лет, 8 респондентов живут в браке от 5 до 9 лет, 14 респондентов связаны супружескими обязательствами в течение 10-19 лет и 6 респондентов – более 20 лет. Высоко удовлетворены своей сексуальной жизнью 40,3%: 12 из них мужчины, 15 –

женщины; 8 человек высоко удовлетворённых сексуальной жизнью респондентов состоят в браке от 0-4 лет, 9 респондентов состоят в браке от 5 до 9 лет, 4 респондента заключили брак 10-19 лет назад и 6 респондентов сделали это более 20 лет назад.

Низко удовлетворены сексуальной сферой семейной жизни только супруги, проживающие в браке от 10 до 19 лет. Представители этой же подгруппы чаще других средне удовлетворены сексуальной сферой и реже других высоко удовлетворены ею. Супруги, проживающие в браке от 0 до 4 лет, чаще средне удовлетворены сексуальной жизнью и реже высоко удовлетворены.

Супруги, проживающие в браке от 5 до 9 лет, немного чаще имеют высокий уровень и чуть реже средний уровень удовлетворённости сексуальной сферой семейной жизни. Супруги со стажем более 20 лет разделились поровну – половина-средне удовлетворены, и половина респондентов - высоко удовлетворены.

Таким образом, по уровням удовлетворённости браком мужчины и женщины распределились примерно поровну. Однако чаще других высоко удовлетворены браком супруги со стажем от 0 до 4 лет, что объясняется тем, что их отношения можно считать достаточно молодыми и свежими, они энергичны и интересны друг другу.

Супруги, проживающие в браке более 5 лет (от 5 до 9 лет, от 10 до 19 лет, более 20 лет), чаще всего средне удовлетворены браком, реже высоко удовлетворены и совсем редко – низко. Вероятно, это связано с тем, что каждый респондент, входящий в выше перечисленные группы, сталкивается с характерными для данных периодов кризисами семейной жизни. Также все респонденты из данных групп имеют детей, что несколько усложняет взаимоотношения между супругами, переводит их на новый уровень. Скорее всего, высоко удовлетворенных респондентов из данных подгрупп меньше, чем из первой подгруппы (стаж в браке: от 0 до 4 лет), так как забот в их жизни больше, семейных кризисов, пережитых вместе, больше. Также наличие детей откладывает определенный отпечаток на взаимоотношения женщины и мужчины – с заботы о муже жена переключается на заботу о ребенке.

Женщины чаще мужчин высоко удовлетворены сексуальной жизнью, примерно половина состоит в браке от 5 до 9 лет, у них у всех есть дети.

Супруги, состоящие в браке от 0 до 4 лет, чаще всего средне удовлетворены и реже высоко удовлетворены сексуальной жизнью, вероятно, это связано с тем, что пока их брак достаточно молод, все силы направлены на выстраивание карьеры, планирование и обустройство дальнейшей жизни. Также можно предположить, что совсем молодая семья проживает с родителями одного из супругов, так как не имеет возможности жить отдельно, и непосредственная близость родственников затрудняет процесс реализации сексуальных отношений. Вероятно, в связи с небольшим стажем брака супруги боятся делиться своими сексуальными желаниями с партнёром, боятся быть не понятыми.

Супруги, проживающие в браке от 5 до 9 лет, примерно одинаково часто высоко и средне удовлетворены сексуальной жизнью. Вероятно, это связано с тем, что респонденты этой подгруппы уже умеют распределять время и силы на все сферы своей жизни (в том числе, сексуальную) и ещё имеют достаточно сил для реализации сексуальных отношений.

Супруги, проживающие в браке от 10 до 19 лет, чаще представителей других подгрупп средне удовлетворены сексуальной жизнью, реже остальных – высоко, и совсем редко – низко. Скорее всего, представители этой подгруппы реже представителей других подгрупп высоко удовлетворены сексуальной жизнью из-за того, что это как раз тот возраст, когда супруги с большей вероятностью имеют стабильную работу, детей, и сил и времени на сексуальные отношения может не оставаться.

Супруги, проживающие в браке более 20 лет, разделились поровну между средним и высоким уровнем удовлетворённости сексуальными отношениями. Вероятно, это связано с тем, что они уже привыкли за столь долгий период жизни к своим постоянным сексуальным партнёрам, что очень хорошо знают желания и возможности друг друга.

Согласно полученным данным по всей выборке уровень удовлетворённости браком значимо коррелирует с сексуальной удовлетворённостью ($p < 0,01$; $r = 0,445$), что позволяет говорить о важности сексуальной сферы для удовлетворенности семейной жизнью.

Обсуждение результатов. Проинтерпретируем результаты по каждой подгруппе. В совсем молодых семьях (от 0 до 4 лет в браке) статистически значимых корреляций обнаружено не было.

Диаграмма рассеяния по уровню удовлетворённости браком и уровню сексуальной удовлетворённости показывает, что корреляция отсутствует даже на уровне тенденций.

Однако в дополнительном исследовании (с помощью диаграммы рассеяния) была обнаружена одна тенденция – взаимосвязь между удовлетворённостью браком и удовлетворённостью работой. Вероятно, это связано с тем, что в совсем молодой семье работа является очень важным фактором для становления семьи и её стабилизации в обществе, работа закладывает некий фундамент для стабильного существования семьи.

В молодых семьях (от 5 до 9 лет в браке) удовлетворённость браком и сексуальная удовлетворённость коррелирует статистически значимо ($p < 0,05$; $r = 0,555$), это говорит о том, что для супругов, проживающих в браке от 5 до 9 лет, сексуальная жизнь играет значительную роль. Возможно, это связано с рождением или наличием маленьких детей. В таких условиях сексуальная сфера осложнена отсутствием сил и времени у супругов, новыми ролями, которые они приобретают, и поэтому важность этого фактора ощущается особенно сильно.

В средних семьях (от 10 до 19 лет в браке) статистически значимых корреляций между удовлетворённостью браком и сексуальной удовлетворенностью обнаружено не было. Вероятно, существует другой фактор, который значимо коррелирует с удовлетворённостью браком, однако в данном исследовании он не представлен. Диаграмма рассеяния по уровню удовлетворённости браком и уровню сексуальной удовлетворённости подтверждает, что корреляция отсутствует даже на уровне тенденций.

В пожилых семьях (более 20 лет в браке) статистически значимые корреляции были выявлены между удовлетворённостью браком и сексуальной удовлетворённостью ($p < 0,05$; $r = 0,582$) (в дополнительном исследовании также получены связи между удовлетворённостью браком и удовлетворённостью работой ($p < 0,01$, $r = 0,713$)). Вероятно, в таких семьях дети уже достаточно взрослые (старшие школьники или студенты) и самостоятельные. Поэтому родители близки к тому, чтобы остаться вдвоём (или уже остались вдвоём), и снова концентрируется именно друг на друге. Сексуальная жизнь снова выходит на передний план взаимоотношений.

Выводы: Таким образом, по результатам нашего исследования были выявлены статистически значимые корреляции, согласно которым можно сделать выводы о наличии взаимозависимости между двумя факторами: удовлетворённостью браком, и сексуальной удовлетворённостью. Мужчины и женщины примерно поровну разделились по уровням удовлетворённости браком. При этом средний уровень удовлетворённости браком у женщин (35, 37) немного ниже среднего уровня удовлетворённости браком у мужчин (36, 59), но оба показателя считаются достаточно высокими – максимальный балл по этой методике равен 48.

Чаще всего высоко удовлетворены браком респонденты, которые состоят в браке от 0 до 4 лет, реже – респонденты, состоящие в браке от 10 до 19 и более 20 лет.

Женщины чаще мужчин высоко удовлетворены сексуальной жизнью. При этом средний уровень удовлетворённости сексуальными отношениями у женщин (12,94) немного ниже среднего уровня удовлетворённости сексуальными отношениями у мужчин (13,19), но оба показателя считаются достаточно высокими – максимальный балл по этой шкале равен 16.

Чаще всего высоко удовлетворены сексуальной жизнью респонденты, находящиеся в браке от 5 до 9 лет и от 0 до 4 лет, реже всего – респонденты, состоящие в браке от 10 до 19 лет. Однако, в совсем молодых семьях (от 0 до 4 лет в браке) статистически значимые

корреляции между удовлетворённостью браком и сексуальной удовлетворённостью не обнаружены; в молодых семьях (от 5 до 9 лет в браке) выявлены статистически значимые связи между удовлетворённостью браком и сексуальной удовлетворённостью; в средних семьях (от 10 до 19 лет в браке) статистически значимых корреляций между удовлетворённостью браком и сексуальной удовлетворённостью не обнаружено; в пожилых семьях (более 20 лет в браке) статистически значимо коррелируют удовлетворённость браком и сексуальная удовлетворённость.

Список использованных источников:

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально- психологические методы исследования супружеских отношений. - МГУ, 1987.- 120 с.
2. Андреева Т.В. Современная психология семьи. - СПб.: Речь, 2005. - 436 с.
3. Берн Э. Секс в человеческой любви. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.- 382 с.
4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие. - М.: Гардарики, 2005.- 320 с.
5. Кратохвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний. - М.: Медицина, 1991. – 335 с.
6. Кон И.С. Сексология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Издательский центр «Академия», 2004. - 384 с.
7. Комфорт А. Радость секса: Книга о премудростях любви. - М., 1991. М.: Новости, 1992. – 349 с.
8. Крукс Р., Баур К. Сексуальность.- СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. - 452 с.
9. Потемкина О.Ф. Психология сексуальности (История и методы исследования). – М.: ИПРАН, 1993. – 76 с.
10. Силяева Е.Г. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. -М.: Издательский центр «Академия», 2002. -192 с.
11. Сысенко В.А. Устойчивость брака: проблемы, факторы и условия. - М.: Финансы и статистика, 1981. – 199 с.
12. Barzoki M., Kontula O, Makhtariaraghi H., Mahboubishariatpanahi N. [Dual Contradictory Effects of Self-Objectification on Sexual Satisfaction](#). Sexuality & Culture, 2017, Vol. 21:2:627-642. [электронный ресурс] – Режим доступа.-URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12119-017-9408-z>
13. Claudat K., Warren, C. S. Self-objectification, body self-consciousness during sexual activities, and sexual satisfaction in college women. *Body Image*, 2014, 11(4), 509–515. [электронный ресурс] – Режим доступа.-URL: doi: [10.1016/j.bodyim.2014.07.006](https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2014.07.006).

Ахмадеева Елена Владимировна
Башкирский государственный университет
Старший преподаватель кафедры общей психологии
450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д.32
elena-ram@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕМЬИ У СУПРУГОВ, СОСТОЯЩИХ В ОФИЦИАЛЬНЫХ И НЕОФИЦИАЛЬНЫХ БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, выявляющего у супругов, состоящих в официальных и неофициальных брачных отношениях, различия в обыденных представлениях о психологической безопасности семьи и угрозах психологической безопасности семьи. Раскрыты психологический смысл и значение категорий «представление», «семья», «психологическая безопасность». Представлены характеристики официального и неофициального брака.

Ключевые слова: представление, семья, угроза, официальный брак, неофициальный брак, психологическая безопасность семьи.

Akhmadeeva Elena Vladimirovna
Bashkir State University Senior lecturer of the Department of General Psychology 450076,
Republic of Bashkortostan, Ufa, ul. Zaki Validi, 32
elena-ram@yandex.ru

REPRESENTATION ABOUT THE PSYCHOLOGICAL SAFETY OF THE FAMILY OF SPOUSES IN OFFICIAL AND INFORMAL MATRIMONIAL RELATIONSHIPS

Abstract. The article presents the results of a research that reveals differences in everyday representations about the psychological safety of family among spouses who are in formal and unofficial matrimonial relationships, as well as threats to the psychological safety of the family. The psychological meaning and significance of the categories «representation», «family», «psychological safety» are revealed. The characteristics of formal and informal marriage are presented.

Key words: representation, family, threat, formal marriage, informal marriage, psychological safety of family

Современная жизнь характеризуется стремительными преобразованиями в различных сферах общества, в том числе институте семьи. Это отражается в поведении людей, в частности, разрушаются старые стереотипы супружеских отношений. На государственном уровне отношения между супругами регламентируются российским законодательством, основу которого составляет Семейный кодекс.

Общие положения Семейного кодекса гласят, что современная семья – отношения, основанные на браке или родстве объединенных лиц, связанных между собой личными и имущественными отношениями, правами и обязанностями, воспитанием детей и ведением общего хозяйства [9].

Согласно данному документу браком считается не всякий союз, а только зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС).

Однако, в последнее время для значительной части населения современного общества традиционная (патриархальная) семья с четким разделением ролей для каждого члена семьи

и доминирующим авторитетом мужчины утрачивает свою привлекательность. На сегодняшний день особенно среди молодых людей, достигших брачного возраста, прослеживается тенденция осторожного отношения к семейной жизни, что проявляется в выборе формы совместного проживания: в пользу официального заключения брака или в пользу сожительства, чтобы как можно дольше сохранять свою свободу и независимость. Все большую популярность приобретает союз мужчины и женщины, не зарегистрированный органами государственной власти или сожительство. Прежде чем официально зарегистрировать брак, приверженцы подобных отношений предпочитают приобрести опыт совместной жизни, выяснить степень совместимости с партнером, научиться ладить друг с другом, оставаясь при этом самостоятельными и независимыми. Даже появление детей не всегда побуждает партнеров подумать о том, чтобы узаконить свои отношения.

М. М. Выборнова в своём диссертационном исследовании определяет фактический брак или неофициальный как «незарегистрированный в органах ЗАГС добровольный союз мужчины и женщины, длительно (не менее 2 лет) проживающих совместно и ведущих совместное хозяйство, характеризующийся наличием близких отношений, отсутствием родства и другого фактического или зарегистрированного брака у данных лиц» [4].

Одни ученые отмечают, что неопределенность супружеских отношений стимулирует взаимное уважение, личностный рост, а также обеспечивает экономическую независимость [7, с. 4].

Другие утверждают, что совместное проживание мужчины и женщины в незарегистрированном браке не способствует укреплению семьи и не защищает от ее распада, а является «результатом кризиса семьи» [9].

По мнению Л.Б. Шнейдер, семья – это важнейший из феноменов, сопровождающий человека в течение всей его жизни. Значимость ее влияния на личность, ее сложность, многогранность и проблематичность обуславливают большое количество различных подходов к изучению семьи, а также определений, встречающихся в научной литературе [10, с. 20].

О.А. Карабанова отмечает: «семья, как любая система, реализует ряд функций в иерархии, отражающей как специфику ее, семьи, культурно-исторического развития, так и своеобразие этапов ее жизненного цикла ...» [6, с. 11].

Соответственно, при нарушении таких функций, как удовлетворение потребности в психологической защищенности, взаимопонимании, эмоциональной поддержке, любви, для супругов может возникнуть угроза психологическому благополучию членов семьи, и, соответственно, психологической безопасности семьи.

В российской психологической науке в последние годы стала активно изучаться проблема психологической безопасности. В частности, рассматривались различные виды безопасности: безопасность труда, образовательной среды, спорта, информационно-психологическая безопасность, личности, ребенка, социально-психологическая безопасность.

Психологическую безопасность считают интегративной и многомерной, изучая ее как процесс, как свойство, как состояние, проявляющиеся на уровне общества, на уровне локальной среды, на уровне личности.

В ряде исследований (И.А. Баева, Е.Н. Волкова, Г.В. Грачев, Ю.П. Зинченко, О.Ю. Зотова, Т.С. Кабаченко, Т.М. Краснянская, Е.Б. Лактионова, Т.В. Эксакусто) установлено, что именно психологическая безопасность является условием, обеспечивающим формирование и развитие функционального комфорта, поддержание высокого уровня личностно-эмоциональной защищенности и социально-психологической умелости, оптимизацию резервных возможностей личности в деятельности. Существует ряд работ, посвященных психологической безопасности детей в семье. Однако, недостаточно изучена и не выделяется как самостоятельный предмет научного исследования психологическая безопасность в контексте семейных отношений. Вследствие этого актуальной и своевременной выступает проблема изучения представлений о психологической безопасности семьи.

Представлениями называются возникающие в памяти человека конкретные образы предметов и явлений внешнего мира и их свойств, которые он когда-то раньше воспринимал. [2, с. 354.]

Представление является вторичным образом, обладающим такими признаками как неустойчивость, фрагментарность, обобщенность. Вторичные образы воспроизводят прошлые первичные образы и тем самым отображают объекты, в данный момент не воздействующие на рецепторы анализатора [3, с. 354].

Важно отметить, что под представлением о психологической безопасности семьи понимается субъективный опыт о брачно-семейных установках, супружеских ролях, моделях отношений с детьми, стереотипах поведения, чувствах безопасности и защищенности. Подобное осмысление представлений о психологической безопасности семьи можно изобразить в виде модели, содержащей когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты.

Большинство исследователей определяют психологическую безопасность состоянием психологической защищенности человека, а также его способностью отражать и преодолевать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия (И.А. Баева, Л.А. Гаязова, Г.В. Грачев, Ю.П. Зинченко, О.Ю. Зотова, Т.С. Кабаченко, Т.М. Краснянская, Т.В. Эксакусто).

Опираясь на такое понимание психологической безопасности, мы определяем психологическую безопасность семьи как состояние психологической защищенности членов семьи, их психологического благополучия, способности семьи отражать и преодолевать неблагоприятные внешние и внутренние воздействия, к которым относится супружеская измена, агрессия со стороны одного из супругов, унижение, насилие и т.п. [1; 5].

Цель исследования направлена на выявление особенностей представлений о психологической безопасности семьи у мужчин и женщин, состоящих в официальных и неофициальных брачных отношениях.

Мы предполагаем, что представления о психологической безопасности семьи у супругов, состоящих в официальных и неофициальных отношениях могут не совпадать. Исходя из понимания представлений как структурного образования, включающего когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, можно ожидать, что у супругов, состоящих в официальных и неофициальных брачных отношениях, существуют различия в представлениях о психологической безопасности семьи.

Для достижения цели были использованы: шкала базовых убеждений Р. Янов-Бульман в адаптации О. Кравцовой, позволяющая оценить базовое чувство безопасности личности посредством исследования: отношения личности к окружающему миру вообще и отношение к людям, убеждения личности, что мир полон смысла, убеждения в ценности собственного «Я»; метод неоконченных предложений, который позволяет установить, какие ассоциации возникают с понятием «психологическая безопасность семьи». Испытуемым было предложено перечислить не менее пяти слов, ассоциирующихся с данным понятием, а также назвать угрозы психологической безопасности семьи, продолжив предложение: «Для меня угрозы психологической безопасности семьи – это...». Далее мы проранжировали названные ассоциации респондентов в соответствии с частотой употребления, исключив случайные ассоциации. Полученные данные обрабатывались с помощью описательного анализа и сравнения оцениваемых показателей двух независимых выборок с помощью Т-критерия Стьюдента.

В исследовании приняли участие 50 пар, из которых 28 имеют официально зарегистрированный брак, 22 находятся в статусе сожителей. Всего в исследовании приняли участие 50 мужчин и 50 женщин в возрасте от 23 до 47 лет, состоящие в отношениях от 3 до 15 лет.

Сравнительный анализ результатов исследования по методике «Шкала базовых убеждений» Р. Янов-Бульман в адаптации О. Кравцовой выявил, что у всех респондентов средние значения всех показателей находятся в норме (норма всех показателей не <3,5). Это

свидетельствует о том, что респонденты данного исследования считают мир контролируемым и справедливым, окружающих людей благосклонными по отношению к ним, верят в людей, в человеческие возможности, что создает основу для счастливых и гармоничных супружеских отношений. При негативном отношении к людям в целом и к окружающим сложно построить гармоничные отношения и обеспечить психологическую безопасность партнеров в семейных отношениях.

Самые низкие показатели у представителей обеих групп (состоящих в официальных и неофициальных отношениях) отмечаются по показателю «общее отношение к осмысленности мира» (3,5 и 3,7 соответственно), который включает в себя следующие переменные: справедливость мира, контролируемость мира, случайность.

Полученные данные указывают на то, что участники опроса обеих групп склонны верить, что мир полон смысла, события происходят не случайно, а контролируются и подчиняются законам справедливости. Следовательно, ощущение справедливости и контролируемости мира так же можно отнести к составляющим психологической безопасности семьи.

У супругов в официальных отношениях в отличие от супругов, находящихся в неофициальных отношениях отличаются показатели: J – справедливость мира (средние значения 3,6 и 4,9 соответственно) и BW- благосклонность мира (средние значения 5,2 и 2,6 соответственно). При этом у супругов в неофициальных отношениях по сравнению с супругами, состоящими в официальных отношениях, наблюдаются более высокие значения по показателю «убеждение относительно собственной ценности». Здесь основное значение имеют три аспекта: «Я хороший человек» (самоценность), «Я правильно себя веду» (контроль) и оценка собственной удачливости. На наш взгляд, это может быть связано с оправданием себя во взаимоотношениях без официального оформления, подчеркиванием собственной независимости, верой в себя и своего партнера, надеждой на длительное сохранение эмоциональной близости при возникновении угроз психологической безопасности семьи. Возможно, таким образом выражается уверенность в том, что если возникнет разочарование и совместное пребывание окажется невыносимым хотя бы для одного из супругов, то его проще прекратить в незарегистрированном союзе, чем в официально зарегистрированном браке.

Метод неоконченных предложений позволил выявить наиболее часто встречающиеся ассоциации с понятием «психологическая безопасность семьи».

Супруги, находящиеся в официальных отношениях, часто упоминали такие слова как «Счастье» (46% повторений), «Любовь» - 36%, «Страсть» - 32%, «Стабильность» - 30%, «Благополучие» - 30%, «Доверие» - 27%, «Уверенность в супруге» - 25%, «Взаимопонимание» - 14%. Интересно отметить, что среди названных ассоциаций преобладают представления, которые можно отнести к эмоциональному компоненту (счастье, любовь, страсть). В группе испытуемых, не состоящих в официальном браке, часто соотносили с «психологической безопасностью семьи»: «Доверие» (39% повторений). «Взаимопонимание» - 30%, «Забота» - 26%, «Надежный спутник жизни» - 21%, «Свобода» - 19%, «Терпение» - 19%, «Нежность» - 16%, «Счастье» - 14%.

Ответы испытуемых носят разнообразный характер и отражают различные компоненты в представлениях о психологической безопасности семьи. Однако различия в характеристиках, данных испытуемыми из разных групп, показывают, что роль когнитивного компонента (доверие, взаимопонимание, уверенность) и поведенческого компонента (забота, терпение, стабильность) в группе испытуемых, не состоящих в официальном браке, выше, а роль эмоционального компонента (счастье, любовь, страсть, нежность) ниже по сравнению с группой испытуемых, состоящих в официальном браке.

Возможно, данный факт свидетельствует о том, что именно чувственное позитивное восприятие партнера способствует длительному и счастливому супружеству. Выявленная тенденция представляет интерес для дальнейшего изучения.

Примечательно, что у испытуемых, состоящих в официальных брачных отношениях фигурирует ассоциация «Уверенность в супруге», а у респондентов, пребывающих в неофициальных брачных отношениях - «Надежный спутник жизни».

В словаре С.И. Ожегова данные понятия трактуются следующим образом [8]:

Уверенность – это твердая вера человека в кого-нибудь. Совершенная убежденность, чувство уверенности.

Надежность – внушающий доверие, прочный, с трудом поддающийся разрушению.

Можем предположить, что в данном случае испытуемые имели ввиду одно и то же значение, но характер высказывания ассоциации подчеркивает социальный статус респондентов: для состоящих в браке – «супруг», для сожителей – «спутник жизни».

Исследователями установлено, что нарушение психологической безопасности всегда связано с разного рода угрозами.

Для того чтобы установить, какие ассоциативные образы возникают у испытуемых относительно угроз психологической безопасности семьи, им предлагалось продолжить предложение: «Для меня угрозы психологической безопасности семьи – это ...».

Среди угроз психологической безопасности семьи респонденты, состоящие в официальном браке, чаще всего упоминали: «отсутствие работы и стабильного заработка» - (45% повторений), «наличие алкогольной или другой зависимости» - 40%, «супружеская неверность» - 33%, «развод» - 31%, «безответственное отношение к семейным обязанностям» - 30%, «сексуальная дисгармония» - 25%, «смерть супруга» - 20%.

Респонденты, состоящие в неофициальном браке, среди угроз психологической безопасности семьи выделяли: «отсутствие взаимопонимания» - (40% повторений), «недоверие» - 40%, «невнимание к партнеру» - 37%, «разные интересы» - 30%, «ссоры и разногласия» - 20%, «незапланированная беременность» - 14%.

Примечательно, что среди угроз психологической безопасности семьи для респондентов, состоящих в официальном браке, приоритетной оказалась «отсутствие работы и стабильного заработка», а для участников опроса, состоящих в неофициальном (фактическом) браке - «отсутствие взаимопонимания». Возможно это свидетельствует о том, что для супругов, состоящих в официальных брачных отношениях, существенным критерием стабильной и гармоничной супружеской жизни является финансовое благополучие семьи и материальный достаток, тогда как для партнеров, находящихся в неофициальных брачных отношениях, первостепенное значение имеет качество взаимоотношений и позитивная психологическая обстановка семьи, что, исходя из полученных результатов, обеспечивается наличием взаимопонимания и доверия между партнерами.

Интересно отметить, что все участники исследования в качестве угрозы психологической безопасности семьи не выделили «отсутствие детей», однако в группе испытуемых, состоящих в неофициальных отношениях, среди угроз психологической безопасности семьи фигурирует - «незапланированная беременность». Полученные данные демонстрируют специфику представлений об угрозах и психологической безопасности семьи у респондентов, состоящих в официальных и неофициальных отношениях.

Проблема психологической безопасности изучается достаточно активно в различных направлениях, но представление о психологической безопасности семьи у супругов в официальных и неофициальных отношениях остается малоизученным.

Актуальность темы продиктована временем, в котором мы живем. Мир стремительно меняется - новые технологии стирают границы, изменяя представления о неизменных ценностях, создают свои новые правила. В подобных ситуациях непросто поддерживать стабильность семьи и гармонию между участниками семейных отношений, особенно на фоне последних тенденций развития современного западного общества, активно пропагандирующего либеральное отношение к изменениям традиционных норм морали, свободу нравов, перераспределение социальных ролей между женщиной и мужчиной, распространение неофициальных отношений, что может способствовать формированию

иных представлений о психологической безопасности семьи. Очевидно, что необходимы дополнительные более глубокие исследования в данном направлении, результаты которых будут представлять практический интерес как для психологов-практиков, так и для органов государственной власти, осуществляющих регулирование сферы семейных отношений.

Список использованных источников:

1. Ахмадеева Е.В. Понимание одиночества как угрозы психологической безопасности семьи. Сборник тезисов «Психологические проблемы современной семьи» // Сборник тезисов «Психологические проблемы современной семьи». С. 14–1379. / Под редакцией Карабановой О.А. Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягиной Н.Н. Москва-Звенигород. 2015.
2. Большая психологическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. – 544 с.
3. Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов [Текст] / Л.М. Веккер. - М.: Смысл, 1998. - 685 с.
4. Выборнова М. М. Фактический брак мужчины и женщины в гражданском и семейном законодательстве и доктрине: автореферат дисс. канд. юрид. наук. М., 2011. – 24 с.
5. Галяутдинова С.И., Ахмадеева Е.В., Гумерова Р.Б. Проблемы понимания ценностей и психологической безопасности семьи: монография / под общ. ред. Галяутдиновой С.И. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – 156 с.
6. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования [Текст] / О.А. Карабанова. – М.: Гадарика, 2007. – 320 с.
7. Лидовская Н.Н. Взаимоотношения супругов в незарегистрированном браке: Дисс. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. – 25 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=32724>. Дата обращения: 23.05.2018.
9. Семейный Кодекс РФ. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ Дата обращения 25.05.2018.
10. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: Учебное пособие для вузов. 2-е изд.– М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – 108 с.

Тихомандрицкая Ольга Алексеевна
кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной психологии
факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: otihomandr@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КАРЬЕРЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ У ЗАМУЖНИХ И НЕЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности карьерных ориентаций, а так же взаимосвязь между психологическим благополучием и карьерными ориентациями у замужних и незамужних женщин. Показано, что карьерные ориентации замужних и незамужних женщин имеют ряд отличий. У замужних женщин в целом более высокий показатель психологического благополучия, чем у незамужних, при этом отсутствует статистически значимая связь между психологическим благополучием и карьерными ориентациями у замужних женщин.

Ключевые слова: карьера, карьерные ориентации, психологическое благополучие.

Tikhomandritskiy Olga
candidate of psychological sciences,
Associate Professor of the Department of Social Psychology
Faculty of Psychology, Moscow State University named after MV Lomonosov
125009, Moscow, ul. Mokhovaya, 11, building 9
E-mail: otihomandr@mail.ru

CAREER ORIENTATIONS AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF MARRIED AND UNMARRIED WOMEN

Abstract. The article discusses the features of career orientations, as well as the relationship between psychological well-being and career orientations of married and unmarried women. It is shown that career orientations of married and unmarried women have a number of differences; married women have a higher rate of psychological well-being than unmarried women. At the same time, there is no statistically significant relationship between psychological well-being and career orientations of married women.

Key words: career, career orientations, psychological well-being.

*Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-013-01206А, совместно с магистром факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова Паничевой П.О.

На протяжении многих десятилетий в традиционном обществе складывались и устанавливались определенные гендерные роли, предполагающие, что удел женщины – это семья, ведение домашнего хозяйства, воспитание и забота о детях, а мужчина, в свою очередь, является кормильцем и добытчиком. В современной семье все сложнее выделить преимущественно женские и преимущественно мужские роли. Течение жизни современного общества возлагает обязанности, свойственные в прошлом исключительно мужчинам, также и на женщин. Женщинам приходится не только заботиться о хозяйстве и воспитывать детей, но также строить карьеру, заниматься материальным обеспечением семьи.

При этом, делая акцент только на карьере, женщины рискуют обнаружить сложности в семейных отношениях, в то же время в современных условиях необходимость работы,

построения карьеры не оставляет сомнений. Как отмечает С. Ашвин, для формирования полноценного образа «Я» человека, необходимым условием является профессиональная самореализация [С. Ашвин, 2000]. Она повышает уровень собственного самоуважения, профессиональной востребованности, общественной полезности. Кроме того, работа является источником разнообразного общения и социальной поддержки.

С точки зрения гендерной психологии, проблема построения женской карьеры, представляется одной из актуальных, так как отражает целый ряд установок современных женщин: на самореализацию, самосовершенствование, самовыражение, творчество. Долгое время исследования карьеры велись без учета пола, так как у женской части сотрудников в самых различных организациях практически отсутствовала возможность значимого карьерного роста и фактически все руководящие должности занимали мужчины. В итоге большинство проводимых исследований были посвящены изучению исключительно мужской карьеры. Но сегодня ограничения для построения карьеры женщин встречаются все реже, у них становится все больше возможностей занять руководящие посты. В результате стремительно растет доля женщин на руководящих должностях. При этом профессиональная карьера, вне зависимости от пола работника подразумевает его рост как профессионала, постоянное повышение его профессиональной компетентности, постановку и решение новых рабочих задач. Это в свою очередь требует вложения дополнительных сил и времени, что не всегда может сочетаться с возможностью женщины полностью реализоваться в своей семейной жизни. Таким образом, требуется решение о выборе между карьерой и построением семейных отношений или же совмещения работы и семьи. Различные социально-психологические исследования свидетельствуют о том, что для женщин две эти сферы деятельности часто выступают как альтернативные [Дынин П.И., 2003]. Конечно, надо признать, что далеко не всегда семья является препятствием для женщины в построении успешной карьеры. Сознательный выбор в пользу семьи у многих женщин не является ущемлением их возможности реализоваться в профессии и не сопровождается психологическим дискомфортом.

В итоге, на сегодняшний момент можно говорить о трех вариантах разрешения проблемы реализации профессиональных и семейных ролей женщинами:

1. Преимущественная ориентация на профессиональную деятельность и карьеру.
2. Преимущественная ориентация на семью.
3. Попытка сочетания профессиональной деятельности и построения карьеры с выполнением семейных ролей.

Каждый из полюсов, карьерное развитие или семейная ориентация, имеют ряд преимуществ и недостатков. Посвятив себя карьере, женщина может достигнуть больших высот, иметь высокий материальный и социальный статус, реализовать свой профессиональный потенциал, приносить пользу обществу и получать удовлетворение от своей профессиональной деятельности. Но, в то же время, большинство карьерно-ориентированных женщин отмечает ряд возникающих трудностей, таких как непонимание близких, постоянное давление со стороны общества, указывающего на необходимость выполнения традиционных женских обязанностей, связанных с женской ролью.

Женщина, выбирающая семью, несмотря на полнейшее одобрение со стороны общества, также не всегда испытывает удовлетворение от выполняемой роли. Семейный быт, большой пласт ответственности и обязанностей, налагаемых семьей, превращают жизнь женщины в набор рутинных дел. Женщине не хватает разнообразия в общении, она ощущает себя зависимой от супруга, не может реализовать свои карьерные амбиции и свой личностный потенциал.

Так или иначе, перед современной женщиной по большей части встает необходимость сочетания семьи и карьеры, поэтому вопросы совмещения профессиональной самореализации, построения карьеры и семейной жизни могут выступать особой проблемой, связанной, в частности, с их психологическим благополучием.

Отечественные авторы отмечают, что психологическое благополучие - это устойчивое свойство, в котором преобладают положительные эмоции, присутствуют доверительные взаимоотношения, вовлеченность субъекта в процесс жизнедеятельности, осознание осмысленности жизни и позитивная самомотивация [С.А.Водяха, 2013]. Согласно концепции А.В. Ворониной, психологическое благополучие отражает внутреннюю целостность человека, степень самопринятия, являясь системным качеством индивида [А.В.Воронина, 2005].

Кэрл Рифф – американский психолог, автор многомерной модели психологического благополучия выделила шесть основных его составляющих: наличие цели в жизни, позитивные отношения с другими, личностный рост, управление окружением, самопринятие и автономия [Ryff, Keyes, 1995].

Самопринятие отражает позитивную самооценку себя и своей жизни в целом, осознание и принятие не только своих положительных качеств, но и своих недостатков, к противоположной стороне самопринятия можно отнести чувство неудовлетворенности собой, которое выражается в неприятии определенных качеств собственной личности, неудовлетворенности своим прошлым.

Наличие целей в жизни также является важным показателем психологического благополучия. Их существование соотносится с ощущением личностного жизненного смысла, ценностью собственного существования. Отсутствие целей в жизни влечет за собой ощущение бессмысленности, тоски, скуки.

Человек, обладающий высокой автономией, способен быть независимым, не боится противопоставить свое мнение мнению большинства, может позволить себе нестандартное мышление и поведение, он оценивает себя исходя из собственных предпочтений. Отсутствие достаточного уровня автономии ведет к конформизму, излишней зависимости от мнения окружающих.

Управление окружающей средой связано с наличием качеств, которые обуславливают успешное овладение различными видами деятельности, способность добиваться желаемого, преодолевать трудности на пути реализации собственных целей; в случае недостатка этой характеристики наблюдается ощущение собственного бессилия и некомпетентности, неспособности что-то изменить или улучшить в жизни.

Личностный рост предполагает стремление развиваться, учиться и воспринимать новое, а также ощущение собственного прогресса. Если личностный рост по каким-то причинам невозможен, то следствием этого становится чувство скуки, отсутствие веры в свои способности к переменам, овладению новыми умениями и навыками.

Позитивные отношения с окружающими понимаются, как умение сопереживать, способность быть открытым для общения, наличие навыков, помогающих устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми. Отсутствие этого качества свидетельствует о неспособности устанавливать и поддерживать доверительные отношения, нежелании искать компромиссы, замкнутости [Т.Д. Шевеленкова, П.П. Фесенко, 2005].

Психологическое благополучие для женщин может быть связано, в частности, с реализацией ценностей, социальных установок, интересов в сфере карьеры, с определенными карьерными ориентациями в сочетании с ориентацией на семью. Среди карьерных ориентаций выделяют: «профессиональную компетентность», «менеджмент», «автономию (независимость)», «стабильность», «служение», «вызов», «интеграцию стилей жизни» и «предпринимательство» [Чикер В.А., 2006].

Наше исследование было посвящено выявлению взаимосвязи между психологическим благополучием и карьерными ориентациями у замужних и незамужних женщин.

В качестве методов исследования были использованы: «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, (в адаптации Т.Д. Шевельковой, П.П. Фесенко), а также опросник «Карьерные ориентации» Э. Шейн, (в адаптации В.Э. Винокурова, В.А. Чикер).

Выборку исследования составили 50 молодых работающих женщин в возрасте от 20 до 25 лет, из которых 30 человек были не замужем и 20 женщин состояли в официальном браке.

Результаты исследования обрабатывались с помощью программы SPSS 17.0, использовались статистические коэффициенты корреляции Спирмена, непараметрический критерий Манна-Уитни.

В результате исследования было выявлено, что замужние женщины в целом имеют статистически значимо более высокий показатель психологического благополучия, чем незамужние женщины (уровень значимости $< 0,05$).

При этом психологическое благополучие замужних женщин выше, чем у незамужних женщин, прежде всего по таким шкалам, как управление окружающей средой, цели в жизни, и самопринятие. Таким образом, психологическое благополучие замужних женщин связано с успешным овладением различными видами деятельности, способностью добиваться желаемого, преодолевать трудности на пути реализации собственных целей, а так же с ощущением жизненного смысла, ценностью собственного существования, со стремление развиваться, учиться и воспринимать новое.

При этом по результатам исследования между психологическим благополучием замужних женщин и их карьерными ориентациями нет статистически значимых связей, то есть, в данной выборке для женщин карьера не является основным фактором их психологического благополучия.

Мы обнаружили, что с уровнем общего психологического благополучия для незамужних женщин связана одна из карьерных ориентаций – стабильность ($R = -0,450$, $p < 0,05$). А именно, для незамужних женщин существует обратная связь между степенью их психологического благополучия и ожиданием от карьеры стабильности, то есть, чем ниже уровень благополучия, тем выше степень ориентации на стабильную работу. Эта карьерная ориентация обусловлена потребностью в безопасности и стабильности для того, чтобы будущие жизненные события были предсказуемы.

Таким образом, при низком уровне психологического благополучия незамужние женщины больше начинают ориентироваться на стабильную работу и построение карьеры, которые, по-видимому, замещают им отсутствие психологического благополучия, определяемого реализацией женщины в семье. Можно предположить, что незамужние женщины, будучи менее уверенными в стабильности своего будущего, чем замужние, стремятся получить эту стабильность в карьере.

Надо отметить, что и значимость самих карьерных ориентаций для работающих замужних и незамужних женщин по результатам нашего исследования имеет ряд отличий. Главной карьерной ориентацией среди замужних женщин является «Интеграция стилей жизней», то есть самым важным в построении карьеры для них является возможность совмещать несколько жизненных сфер, в частности семью и работу. Они ориентированы на интеграцию различных сторон своей жизни, стремятся к балансу, как семьи, так и своей карьеры. Замужние женщины больше ценят свою жизнь в целом, чем конкретную работу, карьеру или организацию.

Среди незамужних женщин превалирует ориентация на «Служение». Данная карьерная ориентация показывает стремление преуспеть во взаимоотношениях с людьми. Основными ценностями при данной ориентации являются: «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше».

Таким образом, по результатам исследования можно сделать некоторые выводы о том, что для благополучия современных молодых женщин необходимо сочетание построения карьеры и семьи, но при этом карьера не является основным фактором, определяющим психологическое благополучие женщин. Необходимость семьи для женщины диктуется, в частности и тем, что вступая в брак, женщина чувствует себя более уверенной, повышается ее самооценка и самопринятие, она в большей степени ориентирована на саморазвитие и, как следствие - на достижение своих целей, в том числе и в профессиональной сфере.

Надо еще раз подчеркнуть, что проблемы совмещения женщинами профессиональной карьеры и семьи требуют особенного внимания со стороны исследователей, в частности, потому, что именно здесь определяется психологическое благополучие не только самих женщин, но и психологическое благополучие всей семьи.

Список использованных источников:

1. Ашвин, С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социсс. - 2000. - № 11. - С. 63-72.
2. Водяха, С. А. Предикторы психологического благополучия студентов // Педагогическое образование в России. - 2013. - № 1. - С.70-74
3. Воронина, А. В. Проблема психологического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыт структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. - 2005. - № 3. - С. 142- 145.
4. Дынин, П. И. Женщина и карьера // Практикум по гендерной психологии, 2003.
5. Чикер В. А. Психологическая диагностика организации и персонала. СПб. : Речь, 2006.
6. Шевеленкова, Т. Д., Фесенко, П. П. Методика исследования психологического благополучия личности // Психологическая диагностика. - 2005. - №3
7. Ryff C.D., Keyes C.L. The structure of psychological well-being revisited. J. Pers. Soc. Psychol. 1995.

Ральникова Ирина Александровна
доктор психологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
зав. кафедрой социальной психологии
656049 г. Барнаул, пр.Ленина, 61
E-mail: irinaralnikova@yandex.ru

ОБРАЗ БРАЧНОГО ПАРТНЕРА МАТЕРЕЙ-ОДИНОЧЕК

Аннотация. В статье описан идеальный образ брачного партнера у матерей-одиночек. Выявлен аттитюд матерей-одиночек на выбор брачного партнера – супруг должен быть хорошим семьянином, любящим отцом, умным, активным, надежным, ответственным, добрым, трудолюбивым. Описан «сдвиг» ожиданий матерей, воспитывающих ребенка без мужа, по отношению к будущему супругу в сторону усиления важности личностных качеств, умений, мотивации создания семьи, заботы о членах семьи, воспитания детей.

Ключевые слова: идеальный образ брачного партнера, матери-одиночки

Ralnikova Irina Aleksandrovna
doctor of psychology, Professor
Altai State University
Russia, 656049, Barnaul, pr. Lenina, 61
E-mail: irinaralnikova@yandex.ru

THE IMAGE OF A MARRIAGE PARTNER FOR SINGLE MOTHERS

Abstract. The article describes the ideal image of the marriage partner of single mothers. Identified the attitude of single mothers on the choice of a marriage partner a husband should be a good family man, a loving father, smart, active, reliable, responsible, kind, hardworking. The article describes the "shift" of the expectations of mothers raising a child without a husband in relation to the future spouse in the direction of strengthening the importance of personal qualities, skills, motivation for creating a family, caring for family members, raising children.

Key words: the perfect image of a marriage partner, single mother

Современные условия социализации объективируют себя сменой ценностных установок, лежащих в основе становления и реализации социальных ролей. Молодое поколение транслирует изменения существовавших ранее эталонов мужественности и женственности. Психология семьи сегодня нуждается в переосмыслении ряда устойчивых положений, лежащих в основе функционирования социального института семьи и брака. Выбор брачного партнёра представителями молодого поколения в настоящий период нагружен неопределенностью, размытостью моральных и ценностно-смысловых оснований семейных отношений. Данные обстоятельства создают новую актуальность психологического осмысления проблемы выбора брачного партнера и создания современной семьи.

Психологическая наука констатирует, что процесс формирования представлений о брачном партнёре начинается в детстве. Ведущими факторами в данном процессе выступают семья, социальное окружение, собственный опыт человека [1]. Также поставлен вопрос о мотивах (А.Б. Добрович, Т.А. Флоренская и др.) и критериях выбора брачного партнёра (М.А. Абалакина, Н.Н. Нарницын, А. Н. Обозова и др.). В качестве основного мотива, побуждающего человека вступить в брачный союз выступает любовь. [7] Неосознаваемыми

мотивами вступления в брак являются «обоюдное актёрство», «общность интересов», «уязвленное самолюбие», «ловушка неполноценности», «интимная удача», «взаимная легкодоступность», «жалость», «порядочность», «выгода», «месть», «боязнь одиночества. [3]

А.Н. Обозова предложила общие критерии брачного выбора: социальные (учитывается возраст, национальность, образование, материальное положение, наличие или отсутствие детей, социальное положение, должность, принадлежность к религии); физические (принимаются в расчет внешние параметры, состояние здоровья и здоровый образ жизни); психологические (индивидуально-личностные особенности); семейные (характер представлений о семье и семейной жизни, распределении ролей между супругами) [5].

В отечественной психологии описаны внутренние критерии, лежащие в основе выбора будущего супруга девушками. Это родительский сценарий, опыт общения в дошкольном и школьном возрасте с близкими друзьями, первые эротические впечатления. [9]

Основными координатами становления образа супруга выступают ценностные ориентиры, лежащие в основе представлений мужчиной и женщиной о своей счастливой семейной жизни. Образ брачного партнера выполняет регулирующую функцию в цикле семейно-брачных отношений, поскольку выступает эталоном для сравнения реального супруга с имеющимся образом. В этом смысле идеальный образ создает почву для опознавания супругами ожиданий друг от друга в плане выполнения ролей мужа и жены. В случае, если реальный образ имеет существенные отличия от идеального, и супруг не оправдывает ключевых ожиданий, семейная пара начинает существовать в конфликтных отношениях, которые впоследствии ведут ее к кризису.

Рождение ребёнка – это счастье в жизни каждой женщины. Сегодня часты случаи, когда рядом с женщиной не оказывается того самого мужчины, который мог бы поддержать её в трудную минуту и принимать участие в воспитании ребёнка [4]. По данным Росстата 30% детей в России рождаются в неполной семье (у матерей – одиночек). Согласно действующему законодательству, в России статус матери-одиночки присваивается женщине, родившей ребёнка вне брака, либо после 300 дней после расторжения брака, а также в случае, если надлежащим образом не установлено, кто отец ребёнка (добровольно либо в судебном порядке). Если ребёнок рождён в браке, но с момента расторжения брака не прошло 300 дней и экс-супруг оспорил отцовство, есть соответствующее решение суда, удостоверяющее, что мужчина не является отцом, то и в этом случае женщина считается матерью-одиночкой. К неполным семьям относятся не только те женщины, которые пережили развод и остались с ребёнком на руках, но и те, которые решились взять на воспитание ребёнка из детского дома. Всех этих женщин объединяет одно общее – они официально носят статус матери-одиночки. Причиной возникновения большинства неполных семей связаны либо с разводом, либо с уходом отца из семьи.

Матери-одиночки сталкиваются с проблемами экономического, социального, психологического характера. Они переживают сложные чувства – гнев на бывшего супруга и на их общего ребёнка, вину перед ребёнком, гипертрофированный страх и тревогу, одиночество, высокую ответственность, безнадежность и др. [2; 6; 8]

Вероятно, пройдя непростой путь матери-одиночки, женщины изменяют свои ожидания и притязания в отношении мужчины, которого они видят в роли супруга. В частности их требования к будущему брачному партнеру становятся выше. Для проверки данного предположения нами было проведено научное исследование. В исследовании приняли участие 60 молодых женщин в возрасте 20-25 лет. Основную группу составили 30 матерей-одиночек, группу контраста 30 замужних женщин. В обеих группах женщины имели по одному ребенку дошкольного возраста.

В качестве диагностических инструментов выступили метод семантического дифференциала Ч. Осгуда и Шкала ролевых ожиданий и притязаний (ШРОП) А.Н. Волковой. Метод семантического дифференциала представлен шкалой, которая включает двадцать шесть биполярных пар прилагательных: умный-глупый, добрый-сердитый,

надёжный-ветреный, ласковый-грубый, открытый-замкнутый, доверяющий-не доверяющий, работающий-ленивый, заботливый-равнодушный, спокойный-эмоциональный, вспыльчивый-уравновешенный, неординарный-обычный, понимающий-не понимающий, романтический-прагматичный, любит детей-не любит детей, мужественный-женственный, интересный-скучный, прекрасный-ужасный, активный-пассивный, приятный-неприятный, ответственный-безответственный, самостоятельный-зависимый, полезный-бесполезный, уважающий меня-пренебрегающий мной, поддерживающий меня-поддерживающий других, ориентированный на меня-ориентированный на обстоятельства, структурированный-хаотичный. Данные пары были определены на этапе плотного исследования в ходе экспертного опроса. На основном этапе исследования респондентам предлагалось соотнести каждую пару прилагательных с 7-балльной шкалой, на которой значения ранжируются от крайне положительных до крайне отрицательных. Шкала ролевых ожиданий и притязаний позволила познакомиться с представлениями матерей-одиночек о желаемом распределении ролей между мужчиной и женщиной при реализации семейных функций.

В качестве методов математико-статистической обработки данных использовались непараметрический U – критерий Манна-Уитни, факторный анализ методом анализа главных компонент, с использованием метода вращения Варимакс.

Результаты расчетов U – критерия Манна-Уитни показали различия в представлениях матерей-одиночек и замужних женщин об идеальном супруге. Были выявлены достоверные различия по следующим параметрам образа: «активный-пассивный» (U=214; p=0,001) «добрый-сердитый» (U=285,5; p=0,01), «прекрасный-ужасный» (U=281,5; p=0,01), «работающий-ленивый» (U=313,3; p=0,04). Данные демонстрируют, что матери-одиночки видят в качестве брачного партнера активного, доброго, прекрасного, трудолюбивого мужчину. Эти качества потенциального супруга являются для них более значимыми по сравнению с замужними женщинами.

На основе процедуры факторного анализа в группе матерей-одиночек было выделено 8 факторов, объясняющих 82% дисперсии. В качестве ведущих выступили первые три фактора. Первый фактор «ответственности» (описывает 20% дисперсии), в него с наибольшим весом вошли дескрипторы: «ответственный-безответственный» (a=0,863), «надёжный-ветреный» (a=0,839), «самостоятельный-зависимый» (a=0,794), «работающий-ленивый» (a=0,777), «структурированный-хаотичный» (a=0,593). Второй фактор «любви и уважения» (описывает 10% дисперсии) и включает дескрипторы: «любит детей-не любит детей» (a=0,797), «уважающий меня-пренебрегающий мной» (a=0,786), «доверяющий-не доверяющий» (a=0,597), «спокойный-эмоциональный» (a=0,529). Третий фактор «заботы» (описывает 9% дисперсии), объединяет дескрипторы: «ориентированный на меня-ориентированный на других» (a=0,833), «интересный-скучный» (a=0,701).

Так, матери-одиночки в качестве своего мужа хотят видеть ответственного, любящего и заботливого человека.

В результате факторного анализа, предпринятого в группе контраста было выделено 7 факторов, объясняющих 75% дисперсии.

Первый фактор «ответственности» (описывает 22% дисперсии), в него вошли дескрипторы: «ответственный-безответственный» (a=0,833), «уважающий меня-пренебрегающий мной» (a=0,818), «интересный-скучный» (a=0,742), «мужественный-женственный» (a=0,702), «самостоятельный-зависимый» (a=0,693), «надёжный-ветреный» (a=0,681), «добрый-сердитый» (a=0,676), «заботливый-равнодушный» (a=0,614). Второй фактор (описывает 17% дисперсии), в который вошли следующие дескрипторы: «приятный-неприятный» (a=0,872), «прекрасный-ужасный» (0,863), «понимающий-не понимающий» (a=0,703), «любит детей - не любит детей» (a=0,667), «работающий-ленивый» (a=0,666), «полезный-бесполезный» (a=0,604).

Третий фактор «уникальности» (описывает 9% дисперсии), в него вошли следующие дескрипторы: «неординарный-обычный» (a=0,905), «романтический-прагматичный» (a=0,890).

В отношении ролевых ожиданий по отношению к идеальному брачному партнёру в разных сферах семейной жизни были выявлены значимые различия между респондентами основной группы и группы контраста. Ролевые ожидания матерей-одиночек от потенциального супруга ($U=319,5$; $p=0,05$) и их ролевые притязания ($U=245,5$; $p=0,002$) сфокусированы на сфере родительства и воспитания детей. Выполнение родительской и воспитательной функции брачным партнером имеет большую значимость для матерей-одиночек, чем для замужних. Приоритет данной функции в образе супруга, возможно, объясняется неудовлетворенной потребностью женщины в помощи и поддержке в воспитании и развитии ребенка, решении разноплановых проблем, желании разделить родительские обязанности со «второй половиной».

Корреляционный анализ, проведенный по параметрам ролевых ожиданий с качествами, описывающими идеальный образ брачного партнера у матерей-одиночек, позволил выявить, что умный супруг в их представлениях будет хорошо справляться со своими обязанностями в сферах родительства и воспитания ($p=0,007$; $r= - 0,485$) и эмоционально-терапевтической атмосферы в семье ($p=0,04$; $r= - 0,369$). Для благоприятного эмоционально-терапевтического климата семьи помимо ума матери-одиночки считают необходимым наличие таких характеристик потенциального супруга как «прекрасный» ($p=0,001$; $r= - 0,680$), «приятный» ($p=0,02$; $r= - 0,421$), «активный» ($p=0,03$; $r= - 0,395$). Такие качества как «спокойный» ($p=0,04$; $r= - 0,366$) и «скучный» ($p=0,04$; $r=0,371$) поспособствуют выполнению хозяйственно-бытовых дел. Вместе с этим, вовлеченность в сферу социальной активности брачного партнера они склонны связывать с такими характеристиками его образа как «бесполезный» ($p=0,01$; $r=0,455$), «зависимый от других» ($p=0,02$; $r=0,409$), «безответственный» ($p=0,03$; $r=0,397$).

Для замужних женщин идеальный образ брачного партнера в сфере родительства и воспитания связан с его умением быть ласковым ($p=0,006$; $r= - 0,491$). В сфере эмоционально-терапевтического климата в семье супруги хотят его видеть приятным ($p=0,008$; $r= - 0,476$) и любящим ($p=0,02$; $r= - 0,415$). В хозяйственно-бытовой сфере идеальный супруг должен ориентироваться на других ($p=0,01$; $r= 0,440$).

Таким образом, предпринятое исследование показывает, что матери-одиночки демонстрируют идеальный образ брачного партнера по содержательному наполнению и структурной композиции отличный от замужних женщин. Также представления матерей-одиночек более конкретнее и сложнее устроены. Матери-одиночки в роли своего избранника хотят видеть в первую очередь хорошего семьянина, любящего отца и надежного мужа, ответственного, доброго, активного, трудолюбивого, уделяющего первоочередное внимание семье в противовес его социальной активности и внешней привлекательности. Идеальный супруг для замужних женщин – это ответственный, приятный, неординарный мужчина, ласковый и любящий. Важными характеристиками образа идеального супруга для матерей-одиночек, отличающих их от замужних женщин стали ум, активность, спокойный характер.

На основе полученных результатов можно констатировать у матерей-одиночек «сдвиг» ожиданий по отношению к будущему супругу в сторону усиления важности личностных качеств, умений, мотивации создания семьи, заботы о членах семьи, воспитания детей. Данный «сдвиг», по нашему мнению, обусловлен совокупностью потребностей матерей, воспитывающих ребенка без мужа, удовлетворение которых затруднено в сложившейся ситуации.

Полученные исследовательские данные позволяют говорить о сформировавшемся attitude у матерей-одиночек на выбор брачного партнера, регулирующем данный процесс. Данный attitude определяет выбор мужчины на роль супруга, способного быть хорошим семьянином, любящим отцом, умным, активным, надежным, ответственным, добрым, трудолюбивым.

Список использованных источников:

1. Абалакина М.А. Анатомия взаимопонимания. – М.: Знание, 1990. – 64 с.

2. Андрюшина О. Большое счастье в маленькой семье. С ребёнком, но без мужа. – М.: Олма Медиа Групп, 2011. – 222 с.
3. Добрович А.Б. Беседы о половом воспитании. — М.: Знание, 1982. — 95 с.
4. Николаева Я.Г. Воспитание ребёнка в неполной семье. – М.: Владокс, 2006. – 159 с.
5. Обозова А.Н. Психологические проблемы семьи и брака // Вопросы психологии. – 2004. - №3. – 110 с.
6. Сохранная Н.А. Работа с неполными семьями. – М.: Красико – Принт, 2006. – 176 с.
7. Флоренская Т. А. Диалог в практической психологии. – М.: Институт психологии АН СССР, 1991 – 126 с.
8. Целуйко В. М. Психология неблагополучной семьи. – М.: Владос, 2003. – 272 с.
9. Шапиро Б. Ю. Психологические аспекты подготовки молодёжи к семейной жизни. – М.: Знание, 1983. – 40 с.

Басимов Михаил Михайлович
доктор психологических наук, доцент,
Российский государственный социальный университет,
профессор кафедры психологии труда и специальной психологии
107150, Москва, ул. Лосиноостровская 24
E-mail: basimov_@mail.ru

Падуринa Елена Александровна
кандидат психологических наук, доцент,
Курганский государственный университет,
доцент кафедры социологии и социальной работы
640020, г. Курган, ул. Советская 63
E-mail: len04ka.06@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЬИ И ОШИБКИ 1 ТИПА В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОГО КОРРЕЛЯЦИОННОГО ПОДЛОГА

Аннотация. На примере исследования позитивных родительских чувств рассмотрена проблема отсутствия линейных корреляций при наличии простейших нелинейных связей, что приводит к системным ошибкам. Приведены конкретные результаты демонстрирующие ошибки 1 типа, когда линейная корреляция показывает результаты, близкие к нулю. Такие связи просто не рассматриваются, а на самом деле присутствует реальная сильная простейшая нелинейная связь, которая полностью меняет картину этого явления.

Ключевые слова: простейшие нелинейные связи, значимая корреляция, позитивные родительские чувства.

Basimov Mikhail Mikhailovich
doctor of psychological sciences, associate professor
Russian State Social University,
professor of the department of labour psychology and special psychology
107150, Moscow, Losinoostrovskaya, 24
E-mail: basimov_@mail.ru

Padurina Elena Aleksandrovna
candidate of psychological sciences, associate professor
Kurgan State University
Associate Professor of the department of sociology and social work
640020, Kurgan, Sovetskaya, 63
E-mail: len04ka.06@mail.ru

STUDY OF THE FAMILY AND ERROR (1-d TYPE) IN THE FRAMEWORK OF THE TRADITIONAL CORRELATION

Abstract. On the example of the study of positive parental feelings, the problem of the absence of linear correlations in the presence of the simplest nonlinear connections is considered, which leads to systemic errors. Specific results showing type 1 errors are shown, when linear correlation shows results close to zero. Such dependences are simply not considered. But in fact there is a real strong simple nonlinear link that completely changes the picture of this phenomenon.

Key words: simple nonlinear dependences, significant correlation, positive parental feelings.

Психологи (социологи) постоянно говорят о сложном характере своего предмета исследования – общество, психика, человек, но при этом за крайне редкими исключениями (например, психофизиология) рассматривают в своих исследованиях интерпретации связей (зависимостей) на основе результатов корреляционного анализа, а значит механистического подхода – методологии конца XVIII века. При этом науки, изучающие более «простые» (как утверждают гуманитарии) предметы исследования, например физика, прошли в своем методологическом развитии неклассический (начало XX века) и постнеклассический (конец XX века) этапы развития. А чтобы выйти из этого методологического тупика нужно принять факт, что психологи в своих исследованиях, наряду с линейными связями должны рассматривать и простейшие нелинейные связи, которые имеют смысл и дают объяснение многих явлений.

Для большинства психологов постнеклассические представления, синергетика, нелинейность не являются методологической основой исследований. А традиционно навязываемый подход с предварительной формулировкой гипотез как нельзя лучше способствует этому, т.к. традиционная логика исследователя (природное мышление человека) толкает на формулирование линейных гипотез, которые в дальнейшем должны в основном подтвердиться.

Кроме того мы имеем в массовом сознании, с одной стороны, непонимание и неприятие нелинейности как методологической основы (что также усугубляется отсутствием доступного инструментария для анализа экспериментальных данных), а, с другой стороны, попытку, цепляясь за линейные модели и не находя в их рамках решение проблемы (за исключением в основном тривиальных результатов), сделать осознанную или неосознанную подмену, которая позволяет слабые корреляции (0.11-0.3) выдавать за «значимые» (терминология SPSS), которые дают возможность говорить о результатах, представленных большим набором выявленных связей между изучаемыми параметрами. В литературе, в том числе американской, в 70-80 гг. такие связи трактовались просто как очень слабые корреляции, не представляющие интереса для исследователя.

Это можно объяснить нехваткой при анализе действительно сильных линейных связей, когда изучаются объекты преимущественно нелинейные по своей природе, а используется по-прежнему инструментарий, представляющий линейные модели, и исследователи не хотят или не осознают, что пришло время другого анализа экспериментальных данных в рамках синергетической парадигмы и нелинейных моделей. Хотя разговоры о синергетике часто присутствуют в диссертационных работах на уровне философско-методологическом, но в дальнейшем в рамках описания результатов реального исследования об этом намеренно забывают, часто предлагая классическую трактовку (линейность, принцип суперпозиции и т.д.).

Обычно можно наблюдать парадоксальную картину, когда имеется достаточная выборка объемом порядка 100 и более, критическое значение в этом случае порядка 0.2. Таким образом, очень слабая корреляция (0.2-0.3), которую называют «значимой», трактуется часто как сильная. Иначе какой смысл имеет описывать и интерпретировать маловероятное событие, искать причины для него, и при этом игнорировать противоположное событие, вероятность которого значительно больше. Авторы в такой ситуации описывают причинно-следственные связи, которые на самом деле очень слабые, но раз они «значимые», то для них они «единственно» возможные. При этом многим авторам не важно чему равна корреляция 0.2 или 0.9, и в том и другом случае она по их правилам «значимая», и различие между этими случаями интереса не представляет.

Таким образом, прослеживается массовый уход (намеренный или неосознаваемый) в область низких значений коэффициента корреляции, когда «ненулевая корреляция» (гипотеза о равенстве нулю коэффициента корреляции) становится достаточной для

описания связей как сильных. Это можно объяснить нехваткой при анализе действительно сильных линейных связей по абсолютному значению больших 0.6, когда изучаются объекты преимущественно нелинейные по своей природе, а используется по-прежнему инструментарий, представляющий линейные модели, и исследователи не хотят или не осознают, что пришло время другого анализа экспериментальных данных в рамках синергетической парадигмы и нелинейных моделей.

Если же рассматривать статьи, диссертации, посвященные вопросам семьи, то проблема лженаучных результатов в рамках линейной методологии особенно красноречива. Все с кем приходится вести беседы на интуитивном плане понимают, что есть критическая точка (максимум или минимум) после которой динамика (возрастание или убывание) меняется на противоположную. И такие зависимости – это основные модели семейных отношений. Но в статьях и диссертациях практически всегда наблюдается путь к результату через значимые корреляции, а значит уходу от решения научной проблемы. Часто для получения ученой степени нужно отказаться от поиска сильных связей (что авторы иногда делают в своих статьях), их практически нет и перейти к рассмотрению очень слабых, но «значимых» корреляций, и тем самым обеспечить для диссертации «результат», а кривое зеркало большинством просто не осознается.

Чтобы преодолеть указанные проблемы нами используется авторский подход [7, 18, 28] к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) в психологических [19, 36] и социологических [55] исследованиях. В дополнение к методу изучения связей мы предлагаем программно реализованный метод классификации зависимостей [20, 48].

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [49] апробировалось в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников [1] и подростков [2], этнопсихология [3], психология профессий [5, 11, 24, 50], психология доверия [10, 26], психология стресса [4, 39, 40], теория личности [51], психология родительства [8, 22, 29, 43, 44], психология обучения [21, 52], измерение ценностных отношений личности «Я-другие» [25, 45, 46, 47], изучение семейного воспитания как фактора формирования смысловой сферы ребенка [23, 30, 31], динамика мотивационно-смысловых образований личности студента [9], изучение зависимостей в психофизиологическом исследовании [27], психологическая типология студентов [41, 42], политическая психология [37] и т.д. [6].

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [35] также апробировалось в различных [16] по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [33, 34], демографические планы населения [53, 54], психологический тип респондента [38], социология профессий [17, 32, 56], политическая социология [12] и т.д.

В условиях современного мира линейное мышление, до сих пор доминирующее в некоторых областях науки, становится принципиально недостаточным и даже опасным в нелинейной сложной реальности [57]. Нелинейная психология (социология) – это новый подход к изучению психологических и социальных систем, ставящий своей главной задачей изучение специфических нелинейных свойств [13, 14] психологических и социальных явлений.

Рассмотрим пример (диссертационное исследование Е.А. Падуриной [15]), из которого видно, что игнорирование сложной природы психологического при изучении родительства и попытка сведения к механистическим представлениям результатов своих исследований приводит не только к потере большого количества информации (представленной простейшими нелинейными связями), но и к множеству системных ошибок в интерпретации результатов. Рассмотрим общую структуру результатов исследования, посвященного проблеме позитивных родительских чувств и их влияния на самооценку ребенка-дошкольника в аспекте нелинейной психологии.

В исследовании применялся следующий диагностический инструментарий: 1) опросник для исследования эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия Е.И. Захаровой, 2) методика «Позитивные родительские чувства» Е.А. Падуриной, 3)

опросник «Взаимодействие родитель-ребенок» И.М. Марковской, 4) методика «Профиль чувств в отношениях» Л.В. Куликова, 5) методика Б.И. Додонова «Эмоциональная направленность личности», 6) модифицированный вариант методики «Лесенка» (Г.В. Щур).

Для решения задачи изучения связей были отобраны следующие показатели:

Возраст (X01)

Опросник Взаимодействие родитель-ребенок И.М.Марковской:

Нетребовательность - требовательность (X02)

Мягкость - строгость (X03)

Автономность-контроль (X04)

Эмоциональная дистанция - близость (X05)

Отвержение - принятие (X06)

Отсутствие сотрудничества - сотрудничество (X07)

Тревожность за ребенка (X08)

Непоследовательность - последовательность (X09)

Воспитательная конфронтация в семье (X10)

Удовлетворенность отношениями с ребенком (X11)

Методика Позитивные родительские чувства:

Эмоциональный компонент позитивных родительских чувств (X12)

Когнитивный компонент позитивных родительских чувств (X13)

Поведенческий компонент позитивных родительских чувств (X14)

Позитивные чувства к себе как родителю (X15)

Позитивные чувства к родительству (X16)

Позитивные чувства к ребенку обусловленные его достоинствами и достижениями

(X17)

Позитивные чувства к ребенку основанные на безусловном принятии (X18)

Родительская любовь (X19)

Позитивные чувства к супругу как родителю (X20)

Опросник для исследования эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия Е.И.Захаровой :

Способность воспринимать состояние ребенка (X21)

Понимание причин состояния (X22)

Способность к сопереживанию (X23)

Чувства возникающие у матери во взаимодействии с ребенком (X24)

Безусловное принятие (X25)

Отношение к себе как к родителю (X26)

Преобладающий эмоциональный фон взаимодействия (X27)

Стремление к телесному контакту (X28)

Оказание эмоциональной поддержки (X29)

Ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия (X30)

Умение воздействовать на состояние ребенка (X31)

Методика профиль чувств в отношениях Л.В.Куликова:

Гедонические чувства (X32)

Астенические чувства (X33)

Меланхолические чувства (X34)

Сближающие чувства (X35)

Удаляющие чувства (X36)

Предшествующие события (X37)

Методика Эмоциональная направленность личности Б.И.Додонова:

Альтруистическая эмоциональная направленность (X38)

Коммуникативная эмоциональная направленность (X39)

Глорическая эмоциональная направленность (X40)

Практическая эмоциональная направленность (X41)

Романтическая эмоциональная направленность (X42)
 Гностическая эмоциональная направленность (X43)
 Эстетическая эмоциональная направленность (X44)
 Гедонистическая эмоциональная направленность (X45)
 Акзигитивная эмоциональная направленность (X46)
 Пугническая эмоциональная направленность (X47)

Модифицированный вариант методики Лесенка Г.В.Щур:

Общая самооценка ребенка (X48)
 Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя) (X49)
 Оценка ребенка родителем (X50)

В статье мы рассматриваем результаты для одной из трех решенных задач (для триад, кварт, квинт независимой переменной) по выявлению связей между изучаемыми переменными, а именно задачи для кварт независимой переменной.

Приведем обозначения, которые используются в приводимых далее таблицах: **N1** – номер параметра, для которого производится разбиение на кварталы; **N2** – номер параметра, значения которого определяются для выделенных квартал параметра с номером **N1**; **SV** – коэффициент силы связи, определяющий зависимость параметра с номером **N2** от параметра с номером **N1**; **SV'** – коэффициент силы связи, определяющий обратную по отношению к **SV** зависимость параметра с номером **N1** от параметра с номером **N2**; **R** – коэффициент линейной корреляции между параметрами с номерами **N1** и **N2**.

Первая выборка зависимостей (таблица 1) содержит наиболее сильные простейшие нелинейные зависимости с коэффициентом связи $SV > 0.7$, которые одновременно можно принять как нулевые, не представляющие исследовательского интереса, не попадающие даже в разряд “значимых” корреляций. Они характеризуются значениями от 0 до 0.16. Значение 0.16 – это тот самый рубикон, после которого (для выборки объемом 140) корреляция в психологическом сообществе считается значимой и достойной внимания при интерпретации своих результатов в рамках традиционных линейных моделей. При этом очень часто психологами (смотрите многочисленные статьи) не делается различий по значению коэффициента корреляции: 0.16, 0.6 или даже 1, для них она “значимая” и этого вполне достаточно.

Таблица 1. Интервалы коэффициентов связи: $0 < abs(R) \leq .16 \quad .7 < V \leq 2$

	N1	N2	SV	SV'	R	к варты	показате ль
	2	4	0.7	0.1	0.0	X	X49
		9	2	0	9	02	
	1	3	0.7	0.3	0.0	X	X30
	4	0	4	5	0	14	
	2	3	0.8	0.3	0.1	X	X38
	1	8	8	3	2	21	
	2	2	0.8	0.1	-	X	X02
	2		7	2	0.03	22	
	3	4	0.9	0.1	0.1	X	X04
	7		7	9	1	37	
	4	1	0.8	0.0	-	X	X18
	0	8	7	7	0.07	40	
	4	4	0.7	0.1	0.1	X	X41
	2	1	4	4	1	42	
	4	1	0.8	0.3	-	X	X16
	3	6	3	5	0.05	43	
	4	1	0.9	0.2	0.0	X	X17
	3	7	0	2	6	43	

0	4 7	3 3	0.8 3	0.0 3	- 0.08	X 47	X33
1	4 8	4 0	0.9 0	0.2 2	0.0 5	X 48	X40

Таким образом, мы находим 11 сильных простейших нелинейных связей, которые в рамках корреляционного анализа остались бы просто незамеченными, т.к. они действительно близки к нулю.

Далее приведем эти 11 зависимостей без описания и интерпретации, чтобы в рамках статьи наглядно показать то количество лженаучных результатов, которое может появиться в рамках любого исследования, когда делают ставку только на линейные корреляции, уходя в линейные модели при интерпретации результатов, игнорируя при этом реальную нелинейную природу психического, прежде всего зависимости с максимумом или минимумом.

1. Зависимость параметра «Частная самооценка ребенка (прогноз оценки родителя)» (X49) от параметра «Нетребовательность – требовательность» (X02) в виде сравнительных весомостей параметра X49 для кварт по шкале X02:

Кварты по шкале X02	Сравнительная весомость параметра X49 для кварт
X02-4	-346
X02-3	5971
X02-2	117
X02-1	-2128
Коэффициент силы связи = 0.72 (0.10) Коэффициент корреляции = 0.09	

2. Зависимость параметра «Ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия» (X30) от параметра «Поведенческий компонент позитивных родительских чувств» (X14) в виде сравнительных весомостей параметра X30 для кварт по шкале X14:

Кварты по шкале X14	Сравнительная весомость параметра X30 для кварт
X14-4	374
X14-3	2113
X14-2	-5058
X14-1	715
Коэффициент силы связи = 0.74 (0.35) Коэффициент корреляции = 0.00	

3. Зависимость параметра «Альтруистическая эмоциональная направленность» (X38) от параметра «Способность воспринимать состояние ребенка» (X21) в виде сравнительных весомостей параметра X38 для кварт по шкале X21:

Кварты по шкале X21	Сравнительная весомость параметра X38 для кварт
X21-4	-2433
X21-3	4889
X21-2	4867
X21-1	-5292

Коэффициент силы связи = 0.88 (0.33) Коэффициент корреляции = 0.12

4. Зависимость параметра «Нетребовательность – требовательность» (X02) от параметра «Понимание причин состояния» (X22) в виде сравнительных весомостей параметра X02 для кварт по шкале X22:

Кварты по шкале X22	Сравнительная весомость параметра X02 для кварт
X22-4	-2148
X22-3	471
X22-2	6719
X22-1	-1865
Коэффициент силы связи = 0.87 (0.12) Коэффициент корреляции = -0.03	

5. Зависимость параметра «Автономность-контроль» (X04) от параметра «Предшествующие события» (X37) в виде сравнительных весомостей параметра X04 для кварт по шкале X37:

Кварты по шкале X37	Сравнительная весомость параметра X04 для кварт
X37-4	1473
X37-3	2922
X37-2	-5052
X37-1	4915
Коэффициент силы связи = 0.97 (0.19) Коэффициент корреляции = 0.11	

6. Зависимость параметра «Позитивные чувства к ребенку основанные на безусловном принятии» (X18) от параметра «Глорическая эмоциональная направленность» (X40) в виде сравнительных весомостей параметра X18 для кварт по шкале X40:

Кварты по шкале X40	Сравнительная весомость параметра X18 для кварт
X40-4	429
X40-3	-6767
X40-2	1864
X40-1	259
Коэффициент силы связи = 0.87 (0.07) Коэффициент корреляции = -0.07	

7. Зависимость параметра «Практическая эмоциональная направленность» (X41) от параметра «Романтическая эмоциональная направленность» (X42) в виде сравнительных весомостей параметра X41 для кварт по шкале X42:

Кварты по шкале X42	Сравнительная весомость параметра X41 для кварт
X42-4	3242
X42-3	-5139
X42-2	502

X42-1		-283
Коэффициент силы связи = 0.74 (0.14)		
Коэффициент корреляции = 0.11		

8. Зависимость параметра «Позитивные чувства к родительству» (X16) от параметра «Гностическая эмоциональная направленность» (X43) в виде сравнительных весомостей параметра X16 для кварт по шкале X43:

Кварты по шкале X43		Сравнительная весомость параметра X16 для кварт
X43-4		-1882
X43-3		6301
X43-2		-886
X43-1		269
Коэффициент силы связи = 0.83 (0.35)		
Коэффициент корреляции = -0.05		

9. Зависимость параметра «Позитивные чувства к ребенку, обусловленные его достоинствами и достижениями» (X17) от параметра «Гностическая эмоциональная направленность» (X43) в виде сравнительных весомостей параметра X17 для кварт по шкале X43:

Кварты по шкале X43		Сравнительная весомость параметра X17 для кварт
X43-4		-330
X43-3		4444
X43-2		-4128
X43-1		466
Коэффициент силы связи = 0.90 (0.22)		
Коэффициент корреляции = 0.06		

10. Зависимость параметра «Астенические чувства» (X33) от параметра «Пугническая эмоциональная направленность» (X47) в виде сравнительных весомостей параметра X33 для кварт по шкале X47:

Кварты по шкале X47		Сравнительная весомость параметра X33 для кварт
X47-4		-3059
X47-3		4341
X47-2		-1975
X47-1		868
Коэффициент силы связи = 0.83 (0.03)		
Коэффициент корреляции = -0.08		

11. Зависимость параметра «Глорическая эмоциональная направленность» (X40) от параметра «Общая самооценка ребенка» (X48) в виде сравнительных весомостей параметра X40 для кварт по шкале X48:

Кварты по шкале X48		Сравнительная весомость параметра X40 для кварт
X48-4		140
X48-3		-1005
X48-2		6205

X48-1		-3313
Коэффициент силы связи = 0.90 (0.22)		
Коэффициент корреляции = 0.05		

Вторая выборка (таблица 2) содержит уже менее сильные простейшие нелинейные зависимости с коэффициентом связи $0.6 < SV < 0.7$, которые одновременно также характеризуются значениями линейных корреляций вблизи нуля от 0 до 0.16, меньше даже порога любимой всеми “значимой” корреляции. Таких связей в рассматриваемом исследовании было найдено 11.

Таблица 2. Интервалы коэффициентов связи: $0 < abs(R) \leq 0.16$ $0.6 < V \leq 7$

	N1	N2	SV	SV'	R	квартиры	показатель
1	1	25	0.69	0.32	-0.16	X01	X25
2	24	20	0.61	0.19	0.07	X24	X20
3	28	43	0.66	0.51	-0.06	X28	X43
4	30	41	0.60	0.19	-0.10	X30	X41
5	30	50	0.64	0.12	0.07	X30	X50
6	31	40	0.66	0.20	-0.03	X31	X40
7	37	33	0.65	0.11	0.05	X37	X33
8	43	12	0.66	0.16	0.03	X43	X12
9	43	14	0.69	0.18	0.09	X43	X14
10	46	10	0.63	0.10	0.13	X46	X10
11	47	32	0.69	0.27	0.15	X47	X32

В заключение для общего сравнения количеств сильных связей различной природы (линейных, простейших нелинейных) приведем таблицу с действительно сильными линейными связями (значения коэффициента корреляции больше 0.6). Такие связи в прошлые времена и считались достойными внимания исследователя, пока не настало смутное время, когда сложное психологическое содержание через “значимые” корреляции стало упрощаться до линейных моделей, и лженаучная информация стала обыденной для психологической науки.

Таблица 3. Интервалы коэффициентов связи: $0.6 < abs(R) \leq 1$

	N1	N2	SV	SV'	R	квартиры	показатель
1	12	13	0.92	0.94	0.65	X12	X13
2	12	14	0.94	0.91	0.65	X12	X14
3	12	16	0.93	0.92	0.65	X12	X16

4	12	17	0.94	0.93	0.63	X12	X17
5	12	19	0.94	0.92	0.62	X12	X19
6	12	20	0.90	0.94	0.63	X12	X20
7	13	14	0.94	0.93	0.64	X13	X14
8	13	15	0.93	0.89	0.65	X13	X15
9	13	16	0.89	0.91	0.64	X13	X16
10	13	17	0.95	0.93	0.65	X13	X17
11	13	19	0.92	0.88	0.66	X13	X19
12	14	15	0.92	0.91	0.66	X14	X15
13	14	16	0.93	0.93	0.65	X14	X16
14	14	17	0.96	0.96	0.72	X14	X17
15	14	18	0.90	0.91	0.63	X14	X18
16	14	19	0.93	0.91	0.67	X14	X19
17	31	50	0.90	0.83	0.67	X31	X50

Таких зависимой набралось 17, причем 16 из них связывают явно родственные по содержанию показатели, представляющие шкалы методики «Позитивные родительские чувства». А значит, полученные результаты позволяют говорить о взаимовлиянии особенностей взаимодействия «родитель-ребенок», его эмоциональной стороны, родительских чувств прежде всего на основе нелинейных зависимостей. Но главное, на что в данный момент обращается внимание, что большое количество сильных простейших нелинейных связей остаются «невидимыми», их просто нет и они не входят в описание того или иного исследования.

Это ошибка (в обозначениях автора) 1 типа. Она может также рассматриваться как грубая, т.к. сильная связь «выявляется», но она остается вне поля зрения исследователя, она другая по своей природе – простейшая нелинейная, а значит чтобы ее выявить и интерпретировать нужны другие статистические методы (не только корреляционный анализ) и другая (синергетическая) методология, соответствующие сложной природе психологических явлений и процессов. А линейные модели, когда даже выявлены действительно сильные связи (со значениями коэффициента корреляции больше 0.6), дают крайне ограниченное представление в отношении изучаемого предмета исследования, сильно искажая представление об изучаемом процессе или явлении, а, значит, такие результаты невозможно использовать практическому психологу.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

Список литературы:

1. Басимов М.М. Изучение психологической типологии дошкольников по фактору усвоения образовательных программ ЦРР – Курган: Курганский гос. ун-т, 2005. – 176 с.

2. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. 2007. №4. – С. 142-158.
3. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. 2009. №2. – С. 209-222.
4. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. №3 (специальный выпуск). – С. 57-61.
5. Басимов М.М. Профессиональные компетенции как объект нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. 2015. №3 (юбилейный выпуск). – С. 36-37.
6. Басимов М.М. Нелинейная психология: от методологических разговоров к реальным исследованиям // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т.14. №1(128). – С. 30-43.
7. Басимов М.М. Нелинейная социология // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: Материалы VI Российского философского конгресса (Нижний Новгород, 27–30 июня 2012 г.). В 3 томах. Т. II. – Н.Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2012. – С. 328.
8. Басимов М.М., Падурина Е.А. Общий профиль системы позитивных родительских чувств у отцов // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т.14. №4(131). – С. 53-68.
9. Басимов М.М., Акимова Н.Н. Удовлетворенность достижениями как синергетическая причина изменений параметров смысловой сферы личности // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т.14. №4(131). – С. 16-24.
10. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Изучение кризиса доверия личности в контексте нелинейной психологии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т.14. №5 (132). – С. 23-35.
11. Басимов М.М. Профессиональные компетенции как объект нелинейной психологии (зависимости с минимумом) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2015. Т.14. №6 (133). – С. 14-23.
12. Басимов М.М. Тривиальность линейной картины в социологии и необходимость синергетического подхода (на примере конкретного исследования) // Социальная политика и социология. 2014. Т.2. №4-1(105). – С. 18-31.
13. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. – М.: КомКнига, 2005.
14. Крылов В.Ю. Методологические и теоретические проблемы математической психологии. – М.: Янус-К, 2000. – 376 с.
15. Падурина Е.А. Развитие позитивных родительских чувств как фактор коррекции самооценки дошкольников: диссертация ... кандидата психологических наук – Екатеринбург, 2008. – 231с.
16. M.M. Basimov Non-linearity sociology. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2011. – 112 p.
17. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // The 10th Conference of the European Sociological Association (Geneva, Switzerland 7th to 10th September 2011) / Abstract Book: Geneva, 2011. – P. 413-414.
18. Basimov M.M. Methods of psychological research // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1274.
19. Basimov M.M. The analysis of the data in nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1275.
20. Basimov M.M. Classification of nonlinear dependences // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1276.

21. Basimov M.M. Nonlinearity – the paradigm of pedagogical psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 568.
22. Basimov M.M., Padurina E.A. Positive parental feelings in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1297.
23. Basimov M.M., Ilinykh Y.V. Formation of semantic sphere of the child in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1311.
24. Basimov M.M., Ponomareva S.M. System of requirements to the teacher's profession the as an object of synergetics // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1603.
25. Basimov M.M., Nikolaeva I.A. Graphic representations of valuable relations of the person "I-others" as the object of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1438.
26. Basimov M.M., Dostovalov S.G. Studying of the personality trust crisis in the context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1439.
27. Basimov M.M., Bespalov B.I., Leonov S.V. Nonlinearity of psychophysiological research // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. – P. 1282.
28. M.Basimov The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). – Volume 47, Supplement 1, 2012. – P. 666.
29. M.Basimov, E.Padurina Non-linear influence of the gnostic emotional orientations on parental feelings // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). – Volume 47, Supplement 1, 2012. – P. 403.
30. M.Basimov, Y.Ilinykh Non-linear effects in interaction “child-parent” // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). – Volume 47, Supplement 1, 2012. – P. 261.
31. M.Basimov, Y.Ilinykh Non-linear influence of severity on the lifemean orientations of the child // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). – Volume 47, Supplement 1, 2012. – P. 261.
32. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.
33. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.
34. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.
35. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.
36. M.Basimov Statistical dependences in nonlinear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 768.
37. M.Basimov Parameter “Hermit” as an Indicator of Political Preferences // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 760.
38. M.Basimov Psychological type of the respondent as a key to understanding of his/her

answers // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 763.

39. M.Basimov, S. Dostovalov Stress as the reason of the self-realization and Interpersonal trust // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 776.

40. M.Basimov, S. Dostovalov Stress as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 774.

41. M.Basimov, P.Basimova, O.Basimova Psychological nature of social motives of university admission // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 790.

42. M.Basimov, P.Basimova, O.Basimova Education fee as the reason of typological characteristics of the student // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 788.

43. M.Basimov, E.Padurina Understanding of the reasons of a condition of the child as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 778.

44. M.Basimov, E.Padurina Positive feelings to the spouse as to the parent as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 779.

45. M.Basimov, I.Nikolaeva Value characteristic "I" as object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 784.

46. M.Basimov, I.Nikolaeva Non-linear relation of durability and subjective remoteness from "Worst others" // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 785.

47. M.Basimov, I.Nikolaeva Non-linear relation of conviction in favour of the world and communicative tolerance // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 July 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. – P. 783.

48. M.Basimov Automatic classification of dependences in sociological research // The 12th Conference of the European Sociological Association (Prague, 25-28 August 2015) / AbstractBook: Prague, 2015. – P. 1015-1016.

49. M.Basimov The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. – P. 851.

50. M.Basimov Vanity in the system of requirements to the teachers profession (non-linear psychology) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. – P. 789.

51. P.Basimova, M.Basimov Competitiveness as the reason Impulsiveness in non-linear psychology (Five-Factor Personality Model) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. – P. 903.

52. P.Basimova, M.Basimov Commitment to Principles in Pedagogic Activity (non-linear aspect) // International Journal of Psychology. Volume 51, Supplement S1, 2016. – P. 789.

53. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010. – P. 709-725.

54. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.

ПСИХОЛОГИЯ ГОСТЕВОГО БРАКА И ГОСТЕВОГО РОДИТЕЛЬСТВА

В этой статье мы представим Вашему вниманию, уважаемые читатели, темы, феноменология которых все более активно реализуется в ментальном и социальном пространстве современного европейского общества. Благодаря процессам глобализации новые формы устройства семьи и межличностных отношений широко распространяются социуме. Новые формы семейной констелляции феноменологически присутствуют, однако практически не описаны даже в виде некоторой данности, что позволило бы локализовать феномены жизни «сингл», гостевого родительства и гостевого брака.

Обзоры актуальных проблем современного брака и семьи редко включают эти феномены, возможно, в силу неполного осмысления той социальной реальности, которая уже сформировалась в обществе.

Жизнь «сингл» (single, англ. – один, одиночка) – не связано с одиночеством человека, не нашедшего себе пару, или потерявших свое место в жизни, вдовы, холостяки, старые девы и пр. Этот сленговый термин все чаще употребляется в значении «человек в возрасте 25-55 лет, состоявшийся профессионально или занятый карьерой, активно вступающий в коммуникации с окружающими людьми и внешним миром, при этом сознательно избегающим вступления в парные или партнерские отношения, сохраняя личную свободу». Это не научное, а скорее феноменологическое определение человека-сингл, под которое подходит большое количество людей на европейской территории. По свидетельству социологических исследований [1], в разных странах таких людей становится все больше и больше. Значительную их часть составляют овдовевшие женщины, реже мужчины; разведенные и больше не вступившие в брак; никогда не создававшие семью. Сюда входят люди, как тяготящиеся своим одиночеством, но смирившиеся с ним, так и «идейно» избегающие партнерских или парных отношений и чайлд-фри.

Ограничение рамками тезисов не дает нам возможности сделать полный обзор причин и актуального состояния всех перечисленных феноменов, и мы хотели бы остановиться на той категории «сингл», которые сознательно выбирают жизнь в одиночку, при этом являясь открытыми в любых коммуникациях, жертвующих домашним уютом, детским топотом, совместным ожиданием старости ради профессиональной самореализации, выбора своих интересов в любой ситуации и возможности ни в чем себе не отказывать.

Указанные «сингл» – это мужчины и женщины, преимущественно европейского или американского происхождения, официально не состоящие в паре, зачастую не имеющие детей, живущие отдельно и выбирающие отношения по принципу «дружба с привилегиями». Подобная форма отношений вполне может представлять собой семейную констелляцию, отличную от так называемого «гражданского брака», где женщина считает, что она замужем, а мужчина уверен, что он свободен. В отношениях «синглов» присутствует формулировка «мы вместе, пока не нашли своей настоящей любви, которая является абсолютным приоритетом отношений, а пока мы в поиске этой настоящей любви, мы дружим и можем заниматься сексом и даже завести детей». Таким образом, идея «настоящей любви» абсолютизируется, идеализируется и представляет собой субъективно-значимое переживание, даже самое важное в жизни. А отношения типа «дружба с привилегиями» оговариваются с самого начала, едва ли не с первых встреч, обе стороны успокаиваются насчет обоюдных перспектив, и тогда даже способны либо жить вместе, либо встречаться на регулярной основе, устанавливая приемлемый ритм сексуальных и романтических контактов. А иногда принимая сторонние связи другого человека как необходимую часть поиска настоящей любви, что указывает на легализацию измен, и даже похождения могут обсуждаться внутри такой пары. Собственно, такие люди не самоопределяются как «пара»,

хотя могут жить вместе несколько лет, считая себя не более чем соседями, снимающими совместно квартиру, и ожидающими «настоящей любви». Подобные иллюзии носят симбиотический характер, потребность «слиться в единое целое» явно инфантилизована, а жизненная перспектива сводится к «как только я полюблю по-настоящему, то я тут же уйду». Подобное представляется ожиданием «ожидания любви», а проведенное совместно с другими людьми время – затянувшимся экспериментом и поиском истинного партнера. Отсюда нормированность бисексуальных, гомосексуальных и полиаморных отношений, которые воспринимаются не столько как сексуальная ориентация, а скорее как дрящущий тщательный поиск себя и идеального партнера. Зачастую такие люди превозносят пансексуализм, утверждая, что влюбляются не в пол, а в человека, личность.

Однако, не все сводится к любви. Экономическое положение и финансовый расчет все больше становятся на один уровень по значимости. И если грезы об истинной любви находятся на одном конце шкалы жизненных приоритетов «сингла», то денежный вопрос становится вторым равнозначным приоритетом.

Высокий уровень жизни подразумевает, что воспитание и образование детей ложиться финансовым грузом на плечи родителей. Более того, во многих странах законодательно закреплены обязанности родителей по содержанию и оплате обучения своих детей. Кроме того, высокие налоги для граждан европейских стран, высокая стоимость жилья, в том числе арендного, дорогие относительно средней суммы заработной платы услуги, заставляют сокращаться цифры количества детей на семью. Школьное образование до 12 классов, завершающееся в 18 лет, затем традиция «моста» - 1-2 года на самоопределение и знакомство с миром, путешествия, подработки, пробные отношения и т.д., представляющие по сути «мораторий» идентичности [2]. Университетское образование все еще высоко котируется и является желанным для большинства молодых людей, альтернативой ему является государственная субсидия на получение ремесленного профессионального образования, не дающего в последующем перспектив в карьере и возможности заработать на достойный уровень жизни. Время обучения также удлиняется за счет разнообразия избираемых студентом курсов и длительного написания выпускной квалификационной работы. Все это время молодые люди живут за счет родителей и подработок. После периода профессионального становления и накопления финансового запаса по факту завершается период поиска идентичности, чья гетерохронность [3] достигает своего баланса и максимальной выраженности. Тем самым четвертый кризис идентичности [4] растягивается по времени и совпадает одновременно с пятым и шестым. Персональный возраст при этом может достигать 35-40 лет. Таким образом, налицо удлинение сроков самоопределения и формирования личностной и социальной идентичности при отсутствии острой экономической необходимости создания семьи и рождения детей, что и приводит к социальной обоснованности такого явления как гостевой брак.

Перечислим очевидные причины легализации такого феномена.

На европейской территории и территории Северной Америки длительное время не ведется никаких военных действий, поэтому выживание и воспроизведение населения не является приоритетной задачей. Такой задачей стала гуманизация общества и либерализация политики в области трудовых ресурсов, что неизбежно привело к возведению в звание высшей ценности человеческой жизни и индивидуального развития. Достижения медицины в плане существенного снижения детской смертности, продления жизни лицам зрелого и пожилого возраста и успешного лечения ранее неизлечимых заболеваний только подтверждают этот тезис. В современном обществе «Я-фокусированность» имеет приоритет перед коллективистским «Мы», что всячески поддерживается обществом в виде социальной политики, индивидуально ориентированной экономики («синглы» по данным социологических исследований [5] склонны больше тратить на личное благоустройство, путешествия и предметы роскоши). Научно-технические достижения последних двух десятилетий привели к профициту доступных ресурсов в экономически развитых странах, куда стремятся беженцы стран третьего мира.

Кроме того, увеличение населения приводит к изменению в необходимости выстраивать личные отношения, нежеланию проходить кризисы супружеской жизни, поскольку на брачном рынке избыток возможных партнеров, а доступность интернет-связи и социальные сети дают доступ к партнерам из любой страны мира. При увеличении численности населения стоимость жилья остается чрезвычайно высокой в большинстве развитых стран, что делает привлекательным не покупку или постройку своего дома, а длительную аренду. Мобильность переездов вслед за поиском более привлекательных трудовых предложений также не способствует интересу к приобретению собственного жилья для молодых людей. «Синглу» значительно легче рассчитывать только на свои силы, либо дружескую поддержку, но не брачного партнера, с которым придется в случае развода делить накопленное и оставаться с дефицитом уже созданных ресурсов.

Сексуальные отношения перестали быть психологическим табу и во многом потеряли свою интимность благодаря тиражированию с помощью средств массовой информации и доступности. Сексуальная революция низвела секс до гигиенической необходимости, базовой потребности человека (как пища, вода, сон и пр.), чем превратила сексуальные отношения из субъектных в объектные. Исчезновение доли сакральности и обесценивание близости в романтических и сексуальных отношениях приводит к объективизации партнерской связи в целом и конкретного партнера в частности. Гостевой брак является логичной и обоснованной формой устройства личной жизни и представляет собой некоторое компромиссное решение между желанием оставаться лично независимым, т.е «синглом», но при этом иметь постоянного партнера, и все еще традиционным устройством общества, требующим создания семьи как ячейки этого общества с целью облегчения контроля и власти над членами этого общества.

Уместным будет добавить, что еще одной современной тенденцией, поддерживающей гостевой брак, является не только ожидание "ожидания любви", но и разочарование от длительности этого ожидания, как следствие - инфантильная злость и обида на несбывшиеся мечты. Немногие к возрасту 25-30 лет научаются жить интересно, поэтому поиск партнера после разочарования в ожидании любви происходит через второй полюс: финансовые гарантии. В этом появляется другая сложность заключения брака, а именно деловое партнерство, с подсчитыванием дивидендов и потраченных ресурсов, что также не способствует укреплению брака и развитию теплых семейных отношений.

Таким образом, можно говорить о том, что долгосрочные отношения людей, строившиеся на взаимном интересе к Другому и поглощенности совместными проектами, к которым можно отнести развитие семьи, рождение и воспитание детей, создание совместных материальных ценностей и семейных традиций, медленно смещается в сторону "Я-фокусировки" и усиления индивидуалистических тенденций, зачастую подкрепляемых инфантильным убеждением в долженствовании внешней среды. Это реализуется в приоритете эгоцентрических интересов, неумении рефлексировать текущие процессы и нежелании выносить на обсуждение даже с близкими людьми приватные темы. К сожалению, количество случаев депрессий разной этиологии, суицидальных попыток, случаев фобий, обсессивно-компульсивных состояний также растет в последнее время [6].

На фоне указанных экономических, социальных и психологических причин значительно снижается ценность продолжения рода, рождения детей. С одной стороны, чрезвычайно велики расходы на содержание, воспитание и образование детей. Поэтому планы о детях появляются уже после реализации потребности в личной свободе, благоустройстве и карьере. С другой стороны, повышается возраст взросления. Уже сейчас предложено увеличить продолжительность юношеского возраста до 24-25 лет [7], однако субъективное ощущение взрослости и потребности в сепарации также удлиняется и происходит к 30 годам. Увеличение продолжительности жизни и сроков активного функционирования подтверждается увеличением пенсионного возраста практически во всех странах европейской территории, и несмотря на экономические обоснования пенсионных реформ психологически люди стремятся к большей социальной активности после 50 и даже

60-ти лет, что выражается в стремлении не терять профессиональную занятость, а при возможности и путешествовать, получать новое или дополнительное образование и т.д. Кроме того, субъективная ценность рождения детей невысока – 1-2 детей у коренного населения против 5-7 на семью у эмигрантов.

Понятие гостевого родительства логично вытекает из феномена гостевого брака. Гостевое родительство проявляется в нескольких наиболее часто встречающихся формах. На территории постсоветского пространства это следствие трудовой миграции населения, а также результат создание «лоскутной семьи», в других странах к ним добавляется родительство по договору и рождение ребенка матерью-одиночкой при договорных отношениях с отцом ребенка.

В гостевом родительстве принципиальным являются договорные отношения родителей касательно прав и обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка. Это проявляется в виде устных или письменных договоренностей о времени, проводимом каждым родителем с ребенком, финансовых и прочих затратах на его содержание, обучение и воспитание. Чаще всего гостевое родительство в таком проявлении создается из соображений о продлении рода, наличия наследников, желания заботиться о ребенке, но при этом не быть связанным с другим взрослым человеком взаимными юридическими обязательствами, которые налагает официальное партнерство и семейное родительство.

Другие формы гостевого родительства являются скорее вынужденными. Например, трудовая миграция трудоспособных мужчин, и в значительно меньшей степени женщин, приводит к тому, что семья считается полной и благополучной, но при этом ребенок может длительное время не видеть одного или даже обоих родителей, фактически воспитываясь в неполной или опекунской семье. Психологически такое положение дел не отличается от особенностей воспитания в неполной семье, за исключением того, что в сознании ребенка отсутствующий родитель появляется фигурой не умолчания, а относительно позитивной, хоть и по-прежнему далекой. В такой форме гостевой брак и гостевое родительство исходит из реализованного брака и родительства, но супруги длительное время находятся в разных местах: другой город, другая страна, где удастся найти более высокооплачиваемую работу. Либо в одной стране дешевле жить, а другой выгоднее зарабатывать, тогда домой возвращаются на выходные или на короткий период раз в несколько месяцев [8].

Отсутствующий супруг и родитель не новая тенденция. Например, такая распространенная в 80-90-е годы форма семьи как "воскресный папа", когда после развода ребенок оставался с семьей матери, а отец приходил в выходной день, чтобы провести время с ребенком. Обычно в таких семьях отношения между матерью и отцом были очень плохими, мать могла настраивать ребенка против общения с отцом, рисуя отвратительный образ мужчины, а отец старался восполнить недостаток общения с ребенком дорогими подарками и походами в развлекательные центры, чего не могла позволить мать в обычные дни. Тогда отец превращался в "праздник", вседозволенность и радость, а мать ассоциировалась с буднями, требованиями и придирками. Новые отношения родителей не всегда включали участие бывших супругов, вплоть до окончательного разрыва детско-родительских отношений.

Понятие "лоскутной семьи" появилось относительно недавно, хотя собственно феномен известен уже давно. Он реализуется в расширении семьи за счет повторных браков родителей, а также родственных - кровных и семейных - связей, возникающих у членов таких союзов через рожденных детей. Бывшие мужья и бывшие жены, совместные и приведенные в семью дети от предыдущих браков, бабушки и дедушки всех детей, сиблинги родителей, которых считают тетей и дядей все дети, вне зависимости от степени кровного родства - все эти люди так или иначе знакомы между собой и вступают в отношения через совместное времяпрепровождение, заботу о детях, воспитание, денежные траты и прочие виды взаимодействия. В лоскутной семье неизбежно возникают довольно тесные взаимоотношения между взрослыми людьми, не имеющими кровного родства, например бывшая жена и бывший муж теперешней брачной пары, являющиеся родителями их детей, а

также их родственники, которых эти дети привыкли считать близкими, и также желающие общаться и участвовать в воспитании этих детей, и т.д. Таким образом, возникает расширенная семья в новом понимании, где каждый "лоскуток" - это часть распавшегося брака, но все еще существующей семьи. И где каждому "лоскутку" необходимо найти свое место в новой системе семьи, выстроить удовлетворяющие взаимодействия и взаимоотношения с другими, причем устойчивых правил и законов иерархии как таковых не существует (как, например, в традиционной расширенной семье, где четко известно, кто кому в какой степени родства, и какие обязательства, права и обязанности такое положение дает, и какие существуют способы в такую семью войти). Подобное неведение и поиск своего места в семье разумеется связаны с высокой тревогой и как следствие конфликтами за владение как материальными ресурсами, так и нематериальными: внимание, забота, опека и пр. Хрупкое равновесие, складывающееся по итогу, дает ощущение общности с одной стороны, крепкого тыла и множественности связей. А с другой стороны выросшие дети с трудом самостоятельно ищут свое место в жизни и систему отношений, поскольку в "лоскутной" семье не было четких правил, границ, ролей и иерархии, которые позволяли бы снижать тревогу за счет контейнирования системными обстоятельствами.

Здесь необходимо упомянуть, что прародительское поколение также существенно изменило свои характеристики. Бабушки и дедушки уже во многом перестали жить только ожиданием смерти и попутно воспитанием внуков. Сейчас это активные и зачастую полные жизни, следящие за своим здоровьем люди старшего возраста, со своими активными интересами, работающие и даже обучающиеся. Они больше заняты своей жизнью, и готовы воспитывать внуков не в режиме 24/7, а только когда это им удобно. В "лоскутной семье" можно потерять статус тещи/тестя и свекрови/свекра, но статус бабушки/дедушки все равно остается, причем внуки могут иметь разных вторых родителей. Такое положение дел может приводить порождать конфликтные ситуации, поскольку дети, рожденные в разных браках, могут считать себя родственниками, а бабушки и дедушки будут отбирать только кровно-родственных внуков для проявления своей заботы и воспитания. Это может приводить к психологическому диссонансу и внутреннему конфликту, когда люди старшего возраста вынуждены либо принимать новое мировоззрение, либо "исчезать" из поля семьи, ощущая себя ненужными и невостребованными со своими чувствами и накопленными ресурсами.

Привлекательность гостевого родительства для матерей-одиночек, имеющих договорные отношения с отцом ребенка, во многом связаны с экономическими причинами. Во многих странах существует ряд существенных льгот, полагающихся женщинам, воспитывающим ребенка самостоятельно: выплаты пособий и субсидии от государства, значительно более высокие, чем положены обычным семьям с двумя работающими родителями, а также матери-одиночки получают снижение налогового бремени, что также существенно изменяет бюджет такой семьи. Зачастую второй родитель (обычно, отец) живет вместе с женщиной и ребенком, однако для государства такая семья продолжает оставаться неполной в отсутствии зарегистрированного брака между родителями. Поэтому по факту происходит неявное поощрение на государственном уровне неполных семей и так называемого гостевого брака или гостевого родительства.

Мы живем в эпоху перемен, когда скорость обновления информации растет на пределе современных адаптивных способностей человека. Меняется не только материальный и информационный мир, но и качество человеческих отношений, в том числе семейных в целом и сексуальных в частности. Сейчас происходит процесс разрушения и смены привычных нам патриархальных и неопатриархальных установок. Исчезнут ли прежние формы отношений, сформированные на протяжении 70-80 лет, укоренятся ли описанные тенденции, станут ли устойчивыми и жизнеспособными новые формы - мы можем только наблюдать. Станут ли новые формы традицией общества, какие новые тенденции станут развиваться, обслуживая изменившиеся потребности его членов - мы должны исследовать, подходить с научной базой и практическими инструментами психологической работы.

Список литературы

1. The single life. // Psychology today. (Электронный ресурс). URL: <https://www.psychologytoday.com/gb/collections/201703/the-single-life>.
2. Marcia J.E. Development and validation of ego-identity status. // J. Of Personality. - 1966, p.551-558.
3. Кранц И.И. Актуальное отношение к родительству у юношей и девушек, имеющих статус социальных сирот // Детство и семья XXI: проблемы и стратегии психологической помощи и поддержки. С.792-800.
4. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. - М : Прогресс, 1996, - 344 с.
5. Кляйненберг Э. Жизнь соло: новая социальная реальность. - Альпина диджитал, - 2014, 284 с. - ISBN (EAN): 9785961433098. (Электронный ресурс). URL:
6. Депрессии. Всемирная организация здравоохранения. (Электронный ресурс). URL: <http://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression>
7. Susan M. Sawyer, Peter S. Azzopardy. The age of adolescence. // The Lancet. - v.2, issue 3, p. 223-228. - 01.03.2018. URL: [https://www.thelancet.com/journals/lanchi/article/PIIS2352-4642\(18\)30022-1/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lanchi/article/PIIS2352-4642(18)30022-1/fulltext)
8. Беларусь стали чаще уезжать на заработки. (Электронный ресурс). URL: <https://finance.tut.by/news600842.html>

Слепкова Валентина Ивановна
кандидат психологических наук, доцент,
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка,
доцент кафедры социальной и семейной психологии
220029 г. Минск, Киселева 10 – 16,
E-mail: v.slepkova@gmail.com

НОРМАТИВНЫЕ КРИЗИСЫ СУПРУЖЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы становления зрелого супружества. Вводится категория «нормативный кризис супружества». Сопоставляются понятия «нормативный кризис семьи», «ненормативный кризис семьи», «нормативный кризис супружества», «ненормативный кризис супружества». На основе эволюционной модели развития супружеских отношений Э. Бэйдера и П. Пирсона выделены и охарактеризованы нормативные кризисы в развитии супружества.

Ключевые слова: супружество, динамика супружеских отношений, нормативный кризис супружеских отношений.

Slepkova Valentina Ivanovna
candidate of psychological sciences, associate professor,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank,
Associate Professor of the Department of Social and Family Psychology
220029 Minsk, Kiseleva 10 – 16
E-mail: v.slepkova@gmail.com

NORMATIVE MATRIMONY CRISES

Abstract. The article covers the problems of matrimony maturation. The category «normative matrimony crisis is introduced. The notions of «normative family crisis», «non-normative family crisis», «normative matrimony crisis», «non-normative matrimony crisis» are collated. Normative crises in matrimony development, based on E. Beyder's and P. Pirson's models of marital relations development are highlighted and characterized.

Key words: matrimony, dynamics of marital relations, normative crisis of marital relations, non-normative matrimony crisis.

Супружеские отношения – первичный холон, с которого начинается семья как система межличностных отношений. Это базовая подсистема, определяющая семейное благополучие/неблагополучие. Брак и супружество – не синонимичные явления. Супружество это не данность и не заданность фактом юридического оформления отношений или решением мужчины и женщины начать совместную жизнь. Можно состоять в браке, можно менять брачных партнеров, вступая в повторные браки так и не став супругом, так и не создав супружества как особой формы психологических отношений.

Быть в супружестве предполагает человеческую активность, добровольное соучастие в созидании длительных отношений привязанности и любви, создающих ощущение устойчивости и безопасности в семье. Безопасности, необходимой для эмоционального развития интимных и доверительных отношений между мужчиной и женщиной, между родителями и детьми. Супружество это динамический процесс становления и развития отношений: путь от незрелых форм к зрелым.

Создание единого целого двумя разными людьми – это длительная партнерская психологическая работа, в процессе которой пара встречается с трудностями, одни из которых можно квалифицировать как нормативные, другие отнести к ненормативным кризисам супружества.

В современной психологической литературе по проблемам семьи вопрос о нормативных и ненормативных кризисах рассматривается в связи с семейной динамикой. К *нормативным* семейным кризисам относят *переходные периоды*, которые неизбежно возникают при переходе семьи с одного этапа *жизненного цикла семьи* к другому: семья сталкивается с новыми задачами, от конструктивности решения которых зависит дальнейшее развитие семейной системы.

Ненормативные семейные кризисы – это кризисные *события жизненного пути* конкретной семьи. Они не являются типичными для всех семей, не связаны с определенным этапом жизненного цикла семьи. Каждый ненормативный кризис жизненного пути семьи уникален и своим содержанием, и процессом его преодоления. Для ненормативного семейного кризиса характерна неожиданность его возникновения. Интенсивность ненормативного кризиса определяется особенностями восприятия трудной ситуации членами семьи.

Анализ работ известных современных психологов и психотерапевтов позволяет говорить о нормативных и ненормативных кризисах в супружеских отношениях.

Основой для выделения нормативных супружеских кризисов может служить стадийная концепция эволюции супружеских отношений Э.Бэйдера и П.Пирсона.

Основные принципы, на которых построена периодизация развития супружеских отношений с позиций эволюционного подхода следующие:

1. Супружеские отношения развиваются от незрелых форм к зрелым, проходя определенные стадии.
2. Каждая стадия имеет свои цели, свои задачи, и, соответственно, свои трудности и проблемы.
3. Последовательность стадий закономерна.
4. Каждая стадия связана с предыдущей, которая в свою очередь представляет собой основание для последующей стадии.
5. Каждая последующая стадия более сложная и требует освоения новых способов взаимодействия в паре.
6. Проблемы в отношениях супругов возникают тогда, когда один или оба партнера испытывают трудности в изменении привычных моделей поведения.

Э. Бэйдера и П. Пирсона выделяют 5 стадий в развитии супружеских отношений: 1) симбиоз, 2) дифференциация, 3) обучение, 4) установление отношений, 5) взаимозависимость. На стадии симбиоза имеет место слияние жизненного пространства двух влюбленных; суть стадии дифференциации – выход из симбиоза, восстановление личностных границ; важное приобретение периода обучения - установление баланса между принадлежностью к семье и реализацией себя вне семьи, способность определять мотивы поступков; брать и давать – цель стадии установления отношений; фаза наивысшего развития – взаимозависимость и взаимоответственность, характеризуется тем, что «два хорошо интегрированных человека» заботятся о развитии себя, своего партнера, супружеских отношений (Бэйдера, Пирсона, 2006).

Признание стадийности в развитии зрелого супружества позволяет определить категорию «*нормативный кризис супружеских отношений*» как переход супружеской пары от одной стадии эволюции к другой при движении от незрелых форм супружества к зрелым. В этот период супруги встречаются с типичными трудностями на пути, способ преодоления которых определяет варианты дальнейшего развития пары: 1) прогрессивное развитие (рост пары); 2) стагнация (застывание на прежней стадии); 3) регрессивный путь (попытка вернуться на уже пройденные этапы).

Что касается *ненормативных кризисов супружества*, то они представляют собой значимые события жизненного пути конкретной пары. Ненормативность означает:

во-первых, уникальность события. Одно и то же событие становится кризисом для одних супругов и не воспринимается как кризис в другой супружеской паре;

во-вторых, интенсивность напряженности отношений в паре велика настолько, что угрожает ее целостности;

в-третьих, оно может случиться на любом этапе развития супружеских отношений;

в-четвертых, проживание кризисного события, способы преодоления и его последствия индивидуальны в каждой супружеской паре.

Обратимся к анализу нормативных кризисов в развитии супружеских отношений. Эволюционная концепция Бэйдера и Пирсона позволяет назвать следующие нормативные кризисы:

- 1) кризис сепарации от родительских семей;
- 2) кризис преодоления симбиотичных отношений супругов;
- 3) кризис дифференциации;
- 4) кризис дилемма: супружеские отношения или карьера;
- 5) кризис достижения психологического равенства;

1. Кризис сепарации от родительских семей.

С самого начала совместной жизни супруги оказываются включенными в несколько треугольников: его семья, ее семья и пара; жена, муж и его семья; жена, муж и ее семья. Супругам как паре и каждому супругу как ребенку своей семьи и партнеру ребенка другой родительской семьи необходимо прожить и пережить процесс эмоциональной сепарации во всех этих треугольниках. Процесс сепарации естественным образом связан с процессом индивидуации супружеской пары как отдельной и отделенной общности, процессом создания нового психологического пространства супружества со своими внешними и внутренними границами.

В процессе сепарации происходит увеличение эмоционального расстояния в отношениях с родительскими семьями, более того - каждого из супругов с каждым из родителей. Супружество это переход из поколения детей в поколение взрослых, что не означает эмоциональный разрыв с родителями ни одного из супругов, но это означает необходимость «переоценить возможные точки соприкосновения с обеими родительскими семьями» (Валлерстайн, 2004). Сохранять эмоциональную близость с родителями и при этом выстраивать границы между тремя семьями: его и ее родителей и их новой семьей – естественная, неизбежная, чреватая многими конфликтами, сопровождаемая чувствами обиды, раздражения родителей и детей - задача супружеской пары.

Детриангуляция, эмоциональное отделение, выход супругов из треугольников с родительскими семьями ни в коей мере не означает эмоционального разрыва, прекращения эмоционального контакта с родителями. Физическое дистанцирование от родителей, достигаемое за счет переезда в другую квартиру, в другой город или даже в другую страну также не является способом решения проблемы сепарации. Зрелое эмоциональное отделение взрослых детей предполагает создание гибких границ между супружеской парой и родительскими семьями и с каждым из родителей, выход из положения ребенка, зависимого от компетентных родителей, в статус самостоятельного взрослого при сохранении отношений любви, заботы и взаимопомощи. Через решение проблемы сепарации от родительских семей, опыт достижения в отношениях с ними баланса между

принадлежностью и автономией супруги взрослеют, становятся независимее, самостоятельнее, возникает чувство ответственности за создаваемую семью, принадлежности к ней.

Симбиоз в начальных отношениях супругов – необходимый ресурс в решении проблемы сепарации от родительских семей, позволяющий увеличивать эмоциональную дистанцию в отношениях с родителями при одновременном развитии и укреплении взаимной близости, интимности и доверительности пары. Симбиотические отношения позволяют решать необходимую задачу на начальном этапе взросления супругов – возвращение чувства единения и принадлежности к паре, осознания себя парой, что важно для процесса индивидуации. Благодаря одновременному переживанию обоими партнерами чувства эмоциональной близости подтверждается правильность брачного выбора, утверждается ценность любви в отношениях пары.

2. Кризис преодоления симбиотичных отношений супругов.

Период симбиотичных отношений – это период создания «эмоциональной подушки безопасности» для дальнейшего развития отношений в паре. Это «очень важное время; оно задает динамику будущих отношений между партнерами и закладывает фундамент, на который им можно будет опереться в периоды конфликтов и стрессов» (Бэйдер, Пирсон, 2006).

Эмоциональная близость симбиоза – это основа интеграции и индивидуации пары и, одновременно, мощное препятствие для движения пары к зрелости в отношениях, к зрелой супружеской любви.

Симбиоз необходим и опасен одновременно. Когда люди влюбляются и решают вступить в длительные интимные отношения, они образуют недифференцированное Мы – пары. Симбиоз – это такой союз, в котором значимо и акцентируется сходство между партнерами. В симбиозе создается иллюзия полного взаимопонимания друг друга, одинаковости мыслей, чувств и желаний, иллюзия полной принадлежности друг другу, возникает иллюзорное право частной собственности на личную жизнь партнера. Формируется ложное представление о том, что каждый умеет читать мысли другого, знает его чувства, намерения и мотивы. С симбиотичной привязанностью трудно и не хочется расставаться, и особенно тем супругам, в детстве которых недоставало родительского тепла, заботы, признания. Симбиотичность отношений в супружестве предоставляет возможность компенсировать родительскую нелюбовь, повышает самооценку человека, возвращает его доверие к себе, к другим, к миру.

Застывание на этапе симбиоза – опасная ловушка в отношениях пары. Абсолютизация близости ведет к стиранию границ между супругами, утрате самостоятельности и личной свободы. Сохранение отношений симбиоза может интерпретироваться парами как стремление к сохранению романтической любви. Симбиоз приобретает застойный характер, что является признаком неготовности и неспособности пары преодолеть нормативный кризис необходимый для взросления пары.

«Застойный» симбиоз может длиться годами, при этом супружеские отношения развиваются по одному из двух дисфункциональных путей (Бэйдер, Пирсон, 2006).

В первом варианте – супруги всеми силами пытаются избежать ссор и конфликтов, которые воспринимаются ими как изъяны любви. Для того, чтобы сохранить «настоящую» любовь необходимо во чтобы то ни стало избегать разногласий. У супругов возникает запрет на предъявление различающихся мнений и желаний, на выражение гнева и обид, что сокращает открытость и доверие в отношениях. В такой паре утрачивается возможность оставаться самим собой, понимать и принимать индивидуальность партнера. Развивается зависимость друг от друга, возникает инфантильная пара, ревнующая друг друга, девиз которой: «я без него (нее) пропаду, мы не можем жить друг без друга».

Другой вариант «застойного» симбиоза – рост раздражения, злобы и конфликтов в паре в ситуациях несовпадения мнений, желаний, мыслей, оценок. Частыми становятся периоды недовольств, ситуации взаимных обвинений, оскорблений, вражды. Ссоры и

конфликты усиливают страх одиночества. Создается парадоксальная ситуация в отношениях: невыносимо быть вместе и невозможно расстаться. В таких парах любовь мифологизируется: «я люблю тебя, ты обязан (а) сделать меня счастливым (вой)». И в одном и другом варианте «застойного симбиоза» доминирует страх потери партнера, за которым стоит другой страх – страх потери себя, страх остаться наедине с собой.

3. Кризис дифференциации.

Преодоление симбиоза, выход из слияния без опасения и намерения расстаться – это трудный и неизбежный этап в развитии зрелых отношений пары. Речь идет о процессе дифференциации в супружеских отношениях, целью которого является принятие неизбежности и естественности различий между любящими людьми, осознание ценности различий как ресурса развития каждого из супругов и пары в целом.

Кризис дифференциации в эволюции супружества начинается с первого разочарования друг в друге. Заботы повседневности снимают ореолы принца с него и золушки с нее. Наступают болезненные моменты деидеализации партнера и деромантизации отношений супругов. Начинается процесс освобождения от иллюзий бесконечной общности, схожести в намерениях, мыслях, оценках, чувствах. Супруги начинают замечать, а затем, акцентировать внимание на проявляющихся различиях между собой. С удивлением обнаруживают, что они уже не хотят столько времени проводить совместно, есть собственные желания и интересы у каждого. Слепая влюбленность симбиоза сменяется разочарованием, недоумением, обидой в связи с «умиранием» любви. Может возникнуть чувство вины в связи с ослаблением эмоционального влечения к партнеру. В отношениях снижается доверие и поселяется ощущение ненадежности и предательства. Ссоры и конфликты становятся постоянными спутниками в жизни пары. Супруги ощущают одновременно и необходимость, и неспособность установить баланс между разными, а порой противоположными желаниями. Возможен вариант, характерный для стадии симбиоза – манипуляция партнером: «если ты любишь меня, ты можешь понять мою правоту, изменить свое мнение». Любое несогласие, расхождение принимается за утрату любви, в чем чаще всего обвиняется партнер.

Драматичность процесса дифференциации, его длительность и исход отличается в разных парах. В некоторых парах наступают моменты, когда один или оба партнера ставят под сомнение правильность своего выбора. Возникают мысли о разводе как наиболее разумном и экологичном способе решения проблемы различий. Скоропостижно принимаются решения о разрыве отношений.

Другие пары мучительно долго осознают реальность различий, опасаясь неотступности и бесконечности конфликтов по поводу разногласий, пессимистично смотрят в будущее своих отношений. Одна из задач кризиса дифференциации – суметь справиться со всеми этими разнообразными чувствами.

В процессе дифференциации внутри супружеской пары начинают оформляться границы, определяющие индивидуальное психологическое пространство каждого из партнеров, увеличивается эмоциональная дистанция в отношениях. На этом этапе в отношения близости супружеской пары вступает новый элемент – притязания на автономию и самостоятельность одного или обоих партнеров.

Еще одной задачей, требующей от супругов опыта и мужества дифференциации, является разграничение ролей супругов и родителей. Появление ребенка в семье требует от супругов освоения новых ролей, ролей матери и отца. Сложная, но необходимая работа супружеской пары состоит в том, чтобы разграничить свои партнерские и родительские отношения. По отношению к ребенку функции супружеского и родительского холонов разные. Супружеская подсистема предоставляет детям модель интимных отношений, которые проявляются в повседневной жизни семьи. Через наблюдаемые отношения своих родителей как мужа и жены ребенок учится выражать привязанность и любовь, гнев и раздражение, учится уважению мужчины к женщине, женщины к мужчине. Благодаря партнерским отношениям своих родителей дети приобретают способность быть открытыми

в коммуникации, конструктивно разрешать проблемы, преодолевать разногласия, учатся ценить достоинства и слабости близкого человека, приобретают способности принимать и прощать.

Назначение родительского холона иное – уход, забота, воспитание детей. При взаимодействии в рамках родительского холона у супругов – иные задачи и правила коммуникации. Они ответственны за физическое и психическое здоровье ребенка, за развитие способности ребенка взаимодействию с внешним миром. Они наделены властью принимать решения, касающиеся многих вопросов в жизни ребенка. Понимание естественности и закономерности изменений в ребенке, связанных со взрослением, учет родителями индивидуальных потребностей детей – необходимое условие возникновения и развития у них чувства доверия к другим и уверенности в себе.

Между супружескими и родительскими функциями образуются сложные взаимосвязи и взаимовлияния. Основная же диалектика супружества и родительства состоит в том, что, с одной стороны, между ними необходима четкая граница, возникающая из различий в правилах и нормах поведения, с другой – только успешное, зрелое супружество может быть основой компетентного родительства, залогом здоровой любви родителей к детям.

4. Кризис дилемма: супружеские отношения или карьера.

Принадлежать семье или посвятить себя работе, развивать супружеские отношения или делать карьеру. С такой дилеммой встречаются современные супружеские пары. Речь идет о неизбежности встречи личного и общественного в жизни пары. Смещение акцента к личным отношениям приводит к закрытости, отгороженности от внешних контактов, к ограничениям в развитии личности и пары. У одного или обоих супругов неизбежно актуализируется потребность реализовать себя не только в семье, но и проявить себя в окружающем мире.

Кризис в отношениях наступает тогда, когда происходит нарушение баланса в сторону социальной жизни одного из супругов без принятия такой ситуации другим. Он сопровождается утратой близости, эмоциональным охлаждением, ведет к увеличению дистанции, а порой и к изоляции в отношениях супругов. Между пространством супружеских отношений и внесемейной деятельностью образуется жесткая граница. Когда мнения и желания супругов не совпадают, а порой диаметрально противоположны, в отношения проникают злоба, обида, гнев, разочарования, ревность и зависть. Эти чувства болезненны. Но в столкновениях партнеры учатся видеть себя и своего супруга или супругу в более реалистичном свете. Кризис преодолевается тогда, когда супруги научаются предъявлять свою позицию, выражать свои несогласия без опасения каких бы то ни было негативных последствий для личности партнера и сохранения целостности брачного союза. Фактически речь идет о продолжающемся обучении обоих супругов признанию различий в иерархии ценностей, в приоритетах, принятию того, что супруг принадлежит и семье и социуму одновременно. Грусть отдаления в связи с «уходами» в социум постепенно сменяется чувством гордости за другого и за себя, за успехи одного или обоих.

5. Кризис достижения психологического равенства.

Это кризис длительных отношений лично зрелых супругов. Партнерство требует признания неизбежности психологического равенства в тех вкладах, которые супруги совершают по отношению друг к другу и к семье. Инвестирование в отношения предполагает заботу о психологическом комфорте друг друга, благодарность за внимание и понимание. Это кризис признания ценности и значимости обоих супругов в успешность отношений. Речь идет о таком признаке зрелости в отношениях, как способность отдавать и получать. Достижение баланса между «брать» и «давать» позволяет избежать чувства несправедливости и обиды в отношениях. Это не просто схема «дающий – дающий». Это и способность прощать и быть прощенным, быть благодарным и благодарным

Критерием преодоления кризиса равенства и перехода к зрелой форме супружества является способность одного человека находиться в «шкуре» другого, осознавать, понимать, чувствовать, как он воспринимает себя, других людей, события, не навязывая ему

собственных интерпретаций, не отягощая его собственными проекциями. В успешном супружестве существует солидарная ответственность и разделенная гордость за отношения.

Преодоление нормативных кризисов развития супружеских отношений позволяют решать ключевую проблему современного супружества – достижение баланса между близостью партнеров и их автономией, между общностью пары и признанием индивидуальности каждого из партнеров. Иначе говоря, зрелость человека, как и зрелость пары, проявляется прежде всего в том, что каждый из супругов будучи самим собой, принимая и уважая идентичность другого, способен к близости, ценит возможность принадлежать своей семье и оставаться гибким в выстраивании дистанции в отношениях.

В заключении необходимо отметить, что представленные нормативные кризисы в развитии супружеских отношений не имеют четкой протяженности и ограниченности во времени. Каждая супружеская пара преодолевает путь взросления по своему и в разные сроки.

Список использованных источников:

1. Боуэн, М. О процессах дифференциации своего «Я» в родительской семье / М. Боуэн // Теория семейных систем Мюррея Боуэна : осн. понятия, методы и клин. практика ; под ред. К. Бейкер, А.Я. Варги. – М. : Когито-Центр, 2005. – С. 81–106.

2. Бэйдер Э, В поисках мифической пары. Эволюционный подход к диагностике и психотерапии пар / Э. Бэйдер, П. Пирсон ; пер. с англ. и ред. Н.А.Цветковой. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2006. – 302 с.

3. Валлерстайн, Д. Психологические задачи брака / Д.Валлерстайн // Семейная психология и семейная терапия. - 2004. - №. 3. С. 14 - 33.

3. Витакер, К. Полночные размышления семейного терапевта / К. Витакер; пер. с англ. М.И. Завалова. – Независимая фирма «Класс», 1998. – 208 с.

4. Минухин, С. Техники семейной терапии / С. Минухин, Ч. Фишман. - Москва.: Независимая фирма «Класс», 1998. – 304 с.

Панарина Анна Николаевна
аспирантка кафедры социальной и семейной психологии
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
225406 г. Барановичи, ул. Брестская, д. 252, кв. 54, Беларусь
E-mail: p.a.n94@mail.ru
Научный руководитель: Пузыревич Наталия Леонидовна
заведующий кафедрой социальной и семейной психологии
кандидат психологических наук
Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У РОДИТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема эмоционального выгорания у родителей. Дается теоретический и эмпирический анализ данной проблемы. В статье приводятся результаты диагностики, позволяющие сделать вывод о том, что эмоциональное выгорание феномен, проявляющийся не только в профессиональной деятельности, но и в личностной сфере.

Ключевые слова. Эмоциональное выгорание, родительское выгорание, родители, дети.

Panarina Anna Nikolaevna
post-graduate student of the Department of social and family psychology
Belarusian state pedagogical University name of Maxim Tank
225406 Baranovich, Brestskaya str., 252 – 54, Belarus
E-mail: p.a.n94@mail.ru
Supervisor: Puzyrevich Natalia Leonidovna
head of the Department of social and family psychology PhD in psychology
Belarusian state pedagogical University name of Maxim Tank

EMOTIONAL BURNOUT PARENTS

Annotation. The article deals with the problem of emotional burnout in parents. The theoretical and empirical analysis of this problem is given. The article presents the results of diagnosis, allowing to conclude that the emotional burnout phenomenon, manifested not only in professional activities, but also in the personal sphere.

Keyword. Emotional burnout, parental burnout, parents, children.

Феномен «эмоциональное выгорание» впервые стал предметом научного анализа в 70-е годы XX века, благодаря многочисленным исследованиям зарубежных и отечественных ученых (М. Burish, Н. Fredenberger, К. Maslach, А. Pines, Б.Г. Ананьев др.). Данная проблема не потеряла своей актуальности и в наши дни, о чем свидетельствует большое количество публикаций и аналитических обзоров, которые в основном посвящены профессиональной сфере деятельности, в частности – представителям «помогающих» профессий (психологи, педагоги, социальные работники и т.д.) [2; 6; 8; 10].

Эмоциональное выгорание подразумевает под собой изменение поведения, которое проявляется вследствие эмоционального истощения.

Впервые к исследованию эмоционального выгорания вне профессиональной деятельности обратились А. Пайнз и Е. Аронсон. Они рассматривают синдром выгорания как

синдром переутомления, который может встречаться в любой профессии, а также и за пределами профессиональной деятельности (например, в работе по дому) [11].

Родительство не принято относить к профессиональной деятельности, однако, следует отметить, что выполнение родительских функций во многом схоже с профессиональной деятельностью. Образ жизни родителей ребенка во многом схож с работой в системе «человек-человек».

По мнению Р.В. Овчаровой родительство – интегральное психологическое образование личности. Оно представляет собой систему, включающую совокупность ценностных ориентаций родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания [7].

Воспитание ребенка это сложный путь, который проходит каждый родитель. И очень часто мамы и папы оказываются неподготовленными или не справляются со своими функциональными обязанностями. У них проявляются такие симптомы как: усталость, рассеянность, раздражительность, равнодушие к собственному ребенку, беспричинная агрессия, заниженная самооценка, постоянная тревожность, чувство вины, разочарование в своей родительской роли и др. Перечисленная симптоматика относится к феномену «эмоциональное выгорание личности».

Интерес учёных к изучению проблемы эмоционального выгорания у родителей возник сравнительно недавно.

Наиболее значимыми работами изучения взаимосвязи выгорания у родителей являются работы И.Н. Ефимовой, Л.В. Петрановской Л.А. Базалева, Н.Н. Королевой, Е.В. Лесовой, и др.

Л.А. Базалева, описывая материнское выгорание, рассматривает исполнение матерью родительских функций как специфическую форму трудовой деятельности [1].

Однако в отличие от привязанности, формирующейся между матерью и ребенком, которая рассматривается в глубинной психологии, родительские функции по её мнению не являются исключительно прерогативой матери. Участие в воспитании ребенка принимают все члены семьи, поэтому необходимо исследовать родительскую сферу вне зависимости от пола и степени родства взрослого, выполняющего родительские функции.

В свою очередь И.Н. Ефимова рассматривает феномен выгорания шире, чем Л.А. Базалева, объединяя психологическое выгорание матери и отца термином «родительское выгорание». По её мнению синдром родительского выгорания – это многомерный конструкт, включающий в себя набор негативных психологических переживаний и дезадаптивного поведения матери и отца, связанных с детско-родительским взаимодействием при выполнении родителями деятельности по заботе о детях, их воспитанию и развитию [3, 32 с.].

Следует обратить внимание на тот факт, что в зарубежной и отечественной психологии на данный момент существует дефицит диагностических средств для диагностики эмоционального выгорания у родителей. Л.А. Базалева предложила психодиагностическую методику для оценки эмоционального выгорания у матерей [1]. Недостатком данной методики является то, что она не предполагает проведения обследования других родственников ребенка, что значительно сужает диагностические возможности.

В свою очередь данную погрешность учла И.Н. Ефимова. Её была разработана методика «Родительское выгорание», которая представляет собой модификацию опросника эмоционального выгорания Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой (русскоязычная адаптация Maslach Burnout Inventory) [3].

Особый интерес представляют работы Л.В. Петрановской. Данный исследователь делает акцент на том, что эмоциональное выгорание присуще не только «обычным родителям», но и приёмным. При это она указывает на то, что у приёмных родителей данный феномен наиболее ярко выражен.

Ещё одной малоизученной средой в исследовании эмоционального выгорания у родителей является изучение данного феномена в семьях, где воспитываются дети с особенностями психофизического развития. Исследователи (К.В. Кмить, Ю.В. Попов, Е.В. Хорошева и др.) выявляют комплекс личностных особенностей, соответствующий симптоматике эмоционального выгорания.

Так, например, К.В. Кмить и Ю.В. Попов провели исследование, посвящённое выявлению изменения эмоциональной сферы в результате хронического стресса у матерей подростков, страдающих галлюцинаторнопараноидной формой шизофрении. Результаты проведенного ими исследования свидетельствуют о том, что существует проблема психоэмоционального неблагополучия матерей, воспитывающих детей, страдающих шизофренией [9].

Малоизученным остается и изучение факторов, которые влияют на формирование эмоционального выгорания у родителей [1;5;10]. Проанализировав имеющиеся исследования в данной области факторами эмоционального выгорания, могут быть следующие: перфекционизм – родители стремятся быть во всём первыми, идеальными, забывая о себе, своих потребностях, желаниях и интересах.

Следует отметить, что очень часто родители, а в особенности мама, не получают поддержки внутри семьи, то есть выполняемая ею деятельность не оценивается «по заслугам», они не получают заботу и помощь, что может повлечь за собой эмоциональное выгорание.

Жизнь родителей, воспитывающих детей, отличается многозадачностью, зачастую родители выступают в роли педагогов, врачей и т.д., при этом у них есть ещё и профессиональная деятельность, что может привести к эмоциональному истощению.

Также фактором, выступающим в формировании эмоционального выгорания может стать их неблагополучное детство. Детская травма, проецируемая из детского возраста во взрослый влечет за собой психологические и физиологические проблемы, в том числе и эмоциональное выгорание.

Наличие «третьего лишнего» также может стать фактором риска. Петрановская Л.Н. пишет о том, что спокойнее и терпимее к детям, родители относятся, когда остаются дома одни, на своей территории. Но если дети плохо ведут себя на людях, родители начинают нервничать [5].

Неполная семья также может выступать фактором формирования у родителя эмоционального выгорания. В данном типе семьи, все функции по воспитанию детей ложится на одного родителя.

При этом факторами, провоцирующими эмоциональное выгорание у родителей, могут быть: изменение привычного образа жизни, адаптация к новой социальной роли, отсутствие свободного времени и т.д.

Нами проводился онлайн-опрос в котором приняло участие 40 испытуемых (26 женщин и 14 мужчин) в возрасте от 23 до 40 лет, где средний возраст детей составил 7,5 лет. У данных респондентов количество детей варьируется от 1 до 5.

В качестве диагностического инструментария выступил модификационный опросник «Родительское выгорание» Ефимовой И.Н. В опроснике «Родительское выгорание» содержится 22 утверждения о чувствах и переживаниях, связанных с выполнением родителями деятельности по заботе, развитию и воспитанию собственных детей.

Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. – результаты диагностики родительского выгорания (Ефимова И.Н.).

Субшкала	Низкий уровень (%)	Средний уровень (%)	Высокий уровень (%)
Эмоциональное истощение	17	47,5	35
Деперсонализация	65	22,5	12,5
Редукция родительских достижений	47,5	20	32,5

Согласно полученным данным высокий уровень эмоционального истощения сформирован у 35 % родителей. Он проявляется в ощущениях эмоционального перенапряжения, утрате интереса к собственным детям и к окружающему в целом, в равнодушии или эмоциональном перенасыщении, в чувстве опустошенности, истощенности собственных эмоциональных ресурсов. Дети, их проблемы, потребности, радости, перестают волновать мать или отца; родитель не может заботиться о детях, общаться с ними с полной самоотдачей. Возникает ощущение «приглушенности», «притупленности» эмоций, проявляются симптомы депрессии, вспышки гнева. Малейшие проступки детей могут вызывать неадекватно сильные эмоциональные реакции со стороны родителей, живой интерес, радость, эмпатия сменяются чувствами вины, апатии, раздражения, усталости.

Деперсонализация сформирована у 12,5 % родителей. Она представляет собой тенденцию развивать негативное бездушное, циничное отношение к реципиентам, к их чувствам и переживаниям. Контакты у родителя с детьми становятся обезличенными и формальными: возникает снижение эмпатии, потеря отзывчивости, соучастия. Забота о детях начинает носить формальный характер – одеть, накормить, отвести в садик и т.д.

Проявляется нежелание играть, общаться, вместе проводить выходные, усиливается потребность побыть в одиночестве, без детей. У родителей может возникать желание скорее уходить на работу и как можно больше времени проводить вне дома, т.е. профессиональная деятельность может служить компенсацией родительского выгорания. При деперсонализации у родителей могут возникать негативные и не всегда объективные установки по отношению к собственным детям, они могут проявляться во внутреннем сдерживаемом раздражении, которое со временем вырывается наружу в виде вспышек раздражения или конфликтных ситуаций.

По результатам проведенной диагностики симптом «редукция родительских достижений» сформирован у 32,5 % родителей. Он проявляется в уменьшении или упрощении действий, связанных с заботой о детях, снижении чувства компетентности в выполнении своей родительской роли, недовольством собой и детьми, уменьшением ценности своей деятельности. Также такие родители негативно самовоспринимают выполнение своих родительских обязанностей. Также у таких родителей наблюдается часто чувство вины, снижение самооценки, появляется чувства собственной несостоятельности, безразличие к домашней работе и детям, снижение значимости достигнутых результатов.

В результате диагностики было выявлено, что у матерей преобладает такой симптом родительского выгорания как редукция родительских достижений, а у отцов – эмоциональное истощение.

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что эмоциональное выгорание присуще не только профессионалам, но и родителям. При этом изучение феномена эмоционального выгорания у родителей требует более глубокой и детальной проработки, так как данный феномен отрицательно сказывается не только на психофизиологическом здоровье родителей, но и на здоровье детей, так как семья это взаимосвязанная целостная система, в которой поломка одной из единиц, влечёт за собой разрушение всей системы.

Список использованных источников

1.Базалева, Л.А. Возможности исследования эмоционального «выгорания» у матерей в психологии личности / Л.А. Базалева // Вестник Адыгейского гос. ун-та. – Серия «Педагогика и психология». – 2010. – № 1. – С. 174-182.

2.Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – СПб. : Питер, 2005. – 336 с.

3.Ефимова, И.Н. Возможности исследования родительского выгорания / И.Н. Ефимова // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки. – 2013. – №4. – С. 31-40.

4.Ефимова, И.Н. Личностные характеристики и особенности эмоциональных и поведенческих проявлений родителей в связи со степенью их эмоционального выгорания / И.Н. Ефимова // Российский научный журнал. – 2013. – № 4. – С. 206-215.

5.Изюмская, А., Куусмаа, А. Мама на нуле. Путеводитель по родительскому выгоранию [электронный ресурс] / А. Изюмская, А.Куусмаа и др. – М. : Самокат, 2017. – 432 с.

6.Лэнгле, А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа / А. Лэнгле // Вопросы психологии. – 2008. – № 2. – С. 3-16.

7.Овчарова, Р.В. Родительство как психологический феномен : учебное пособие [электронный ресурс] / Р.В. Овчарова. – М. : Московский психолого-социальный институт, 2006. – 496 с.

8.Орёл, В.Е. «Синдром психического выгорания» и стилевые особенности поведения и деятельности профессионала / В.Е. Орёл // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 23. – С. 33-39.

9.Попов, Ю.В., Кмить, К.В. Эмоциональное «выгорание» – только лишь результат профессиональных отношений? / Ю.В. Попов, К.В. Кмить // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2012. – № 2. – С. 98-101.

10.Ронгинская, Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях / Т.И. Ронгинская // Психологический журнал. – 2002. – № 3. – С. 34-47.

11.Pines, A., Aronson, E.: Career Burnout. Causes and cures. New York: The Free Press.

Этнопсихология семьи и проблемы многонациональной семьи

*Вислова Аминат Данияловна
доктор психологических наук,
Институт гуманитарных исследований-филиал ФГБНУ «Федеральный научный
центр Кабардино-Балкарского научного центра РАН»,
ведущий научный сотрудник
36000, КБР, г. Нальчик, Пушкина, 18
E-mail: avislova@mail.ru*

ИЗУЧЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ ДИЛЕММЫ «СВОЙ-ЧУЖОЙ»

Аннотация. В статье рассматриваются особенности адаптации подростков в сфере межкультурных отношений. Показано разное восприятие различий между людьми в подростковом возрасте. Представлены результаты исследования когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях в контексте дилеммы «свой – чужой». Проанализирована связь особенностей межкультурной адаптации с возрастом подростков.

Ключевые слова: межкультурная адаптация, адаптивность, различия между людьми, отношение к «своим» и «чужим», подростки.

*Vislova Aminat Danjalovna
Doctor of Psychology,
Leading Researcher of the Institute
of Humanitarian Research-
branch of the Federal Research Center
for Science and Technology of the
Kabardino-Balkar Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences,
360000,
KBR, Nalchik, Pushkin, 18
E-mail: avislova@mail.ru*

STUDYING THE PROBLEM OF INTERCULTURAL ADAPTATION OF TEENAGERS IN THE CONTEXT OF THE DILEMMA "ONE'S OWN - ANOTHER'S"

Abstract. In article features of adaptation of teenagers in the sphere of the cross-cultural relations are considered. Different perception of differences between people at teenage age is shown. Results of a research of cognitive, emotional and behavioral parameters of adaptability in the cross-cultural relations in the context of a dilemma "one's own – another's" are presented. Communication of features of cross-cultural adaptation of teenagers is analysed with age.

Key words: cross-cultural adaptation, adaptability, differences between people, the relation to "one's own" and "another's", teenagers.

Культурные различия привлекают все большее внимание исследователей различных областей знаний. Связано это с актуальностью проблемы межкультурного взаимодействия. Несмотря на то, что психологами разработано множество психотехнологий, направленных на

оптимизацию межкультурных контактов, острота данной проблемы не уменьшается и вызывает повышенную озабоченность не только среди ученых, но и государственных, а также общественных деятелей. Формирование открытых и доверительных отношений между представителями различных этнических, конфессиональных групп является насущной задачей государства и общества.

В большинстве случаев контакты с представителями «чужой» культуры характеризуются напряженностью, а иногда и неприкрытой враждебностью. Настороженное отношение к «чужим» - оправданная реакция на контакт с иной культурной традицией. В то же время «чужой» как носитель иных культурных ценностей может вызвать повышенный интерес и любопытство.

В основе дифференциации людей на «своих» и «чужих» лежит социально-психологический механизм «я – другие» («мы» - «они»), который формируется на ранних этапах онтогенеза. Данный механизм выполняет функцию сохранения идентичности, обеспечивает возможность различения Я от не-Я, внутреннего и внешнего мира [7, с.102]. Следовательно, в процессе адаптации к различиям между людьми важную роль играют как образ собственного Я, так и образ «чужого». Восприятие «чужого» опосредован представлением о «своих», что вызывает трудности понимания культурно обусловленных особенностей. Иными словами, «своя» картина мира часто вступает в противоречие с «чужой» картиной мира [5, с.44]. Как справедливо отмечает А.Г. Асмолов, «оценка тех или иных поступков через призму эталонов своей культуры или через выработанные мерки о нормах поведения в другой культуре приводит к неадекватному восприятию других людей» [1, с.300]. Чаще всего, «свои» оцениваются положительно, а «чужие» - отрицательно. Реальность такова, что «чужой» - это человек, который тоже «хочет быть принятым или хотя бы терпимым некоторой группой» [6, с.192]. Однако, понимание людьми друг друга на рациональном уровне и – что не менее, а может быть, более важно – эмоционально-психологическом, необходимо для ломки стереотипов враждебности, представления о «других» как о чужих [2, с.65].

Разное восприятие различий между людьми в подростковом возрасте во многом определяется различиями, обусловленными историческими и культурными традициями воспитания [4, с.18].

Настоящее исследование посвящено изучению степени адаптивности подростков в межкультурных отношениях в контексте дилеммы «свой – чужой».

Гипотеза исследования: развитие когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях в подростковом возрасте характеризуется гетерохронностью.

Задачи исследования:

1. Разработать шкалу измерения когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях в контексте дилеммы «свой – чужой».

2. Определить уровень когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях и рассмотреть их связь с возрастом.

4. Раскрыть структуру корреляционных взаимосвязей параметров адаптивности в межкультурных отношениях в контексте дилеммы «свой – чужой» и различных характеристик коммуникативной толерантности.

Объем выборки составляет 292 человека.

В настоящее время нет методики, которая позволила бы выявить степень выраженности когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях в контексте дилеммы «свой – чужой» у подростков [3, с.226]. Поэтому мы разработали шкалу измерения адаптивности в межкультурных отношениях, которая включает три блока вопросов по шесть в каждом, соответствующих когнитивному, эмоциональному и поведенческому параметрам.

Для выявления статистически значимых различий между когнитивным, эмоциональным и поведенческим параметрами адаптивности в межкультурных отношениях, а также их связи с возрастом были использованы методы описательного анализа, непараметрический анализ по критерию Вилкоксона, коэффициент корреляции Пирсона.

Анализ данных методом описательной статистики позволил определить средний показатель и вычислить стандартное отклонение по когнитивному ($M = 3,18$, $\sigma = ,77$); эмоциональному ($M = 2,82$, $\sigma = 0,55$) и поведенческому параметрам адаптивности ($M = 2,81$, $\sigma = 0,60$).

Полученные результаты анализа когнитивного параметра адаптивности показывают, что треть выборки осведомлена об отличительных особенностях «своих» и «чужих», почти столько же испытывают затруднения в них, многие ставят под сомнение уровень своих познаний в области культурных различий между людьми (19,5%). Около половины респондентов заявляют о желании узнать больше о представителях иных культур, однако почти каждый третий не испытывает такой потребности. Это означает, что в когнитивной сфере большинства подростков представлены установки на знание и понимание культурно обусловленных особенностей людей, что указывает на их адаптивность к непохожести. В то же время почти у трети выборки эта потребность выражена слабо.

Показатели когнитивного параметра свидетельствуют о том, что у большинства респондентов (58,2%) отсутствуют неадаптивные тенденции, что явно выражено в несогласии с мнением, отказывающим «чужим» в уважении и доверии. Однако четвертая часть выборки не поддерживает данную позицию и немногие затрудняются в том, стоит ли уважать и доверять представителям других культур (15,8%).

Наряду с тем, что каждый второй участник исследования уверен в том, что «чужой» может быть хорошим другом, почти четверть оппонирует им, считая это невозможным. Незначительная часть колеблется в своих предпочтениях – быть ли «чужому» другом или нет. Более половины респондентов никак не связывают с «чужим» какие-либо неприятности. Данная точка зрения не находит поддержку у каждого пятого и примерно такое же количество выборки колеблется в своих взглядах на предмет ожидания неприятностей от иного.

Представления о «чужих» остаются такими же адаптивными у более чем половины участников исследования, считающих, что справедливо могут поступать не только «свои», но и «чужие». Для пятой части характерно приписывать справедливость только «своим» и несколько меньше тех, кто затрудняется определить, кто в большей степени обладает данным качеством – «свой» или «чужой».

Далее мы проанализировали с помощью описательной статистики эмоциональный параметр адаптивности в межкультурных отношениях по соответствующим пунктам шкалы. Анализ показывает, что почти половина респондентов не ограничивает общение из-за национальных или религиозных различий. Это указывает на отсутствие предубежденности по признакам этнокультурной принадлежности и религиозных убеждений. Вместе с тем около трети выборки акцентируют внимание на сужение контактов по данным признакам. Каждый пятый участник исследования частично доверяет и взаимодействует со всеми вне зависимости от отличительных особенностей.

Четко выраженную позицию проявляют две трети респондентов, заявляющих о том, что их задевает, когда незаслуженно обижают «чужого». Лишь немногие отмечают, что их никак не волнуют проблемы «чужого» (9,6%) и несколько большая часть соглашается с тем, что их в некоторой степени задевает, когда человека оскорбляют безосновательно. Две трети выборки испытывают досаду относительно того, что «чужой» подвергается остракизму. Незначительна доля тех, кто не ощущает дискомфорт и безучастно относится к такой ситуации (16,7%). Склонность к конформизму проявляют 8,6% респондентов, выразивших частичное согласие как с теми, так и с другими. Судьбу другого человека, пусть и «чужого», волнует половину респондентов и в некоторой степени – почти каждого третьего. На отсутствие обеспокоенности относительно «чужого» обращает внимание каждый пятый.

Коммуникация с человеком, который выглядит и говорит по-другому, не вызывает никаких переживаний у половины респондентов. Наряду с этим немало тех, кто связывает ощущение тревоги с такой ситуацией (23,3%). На частичную позитивность интеракций данного характера указывают около трети респондентов. Подавляющее большинство утверждает, что «чужой» может приходиться по нраву. Незначительная часть относится к нему без восторга и особой симпатии, а некоторые – отрицательно.

Проведенный анализ эмоционального параметра адаптивности показывает, что самые высокие показатели связаны с неприятием оскорблений и негативного отношения к лицам, принадлежащим к «чужим». Самый низкий показатель связан с неприятием демонстрации симпатии или антипатии по критерию «свой – чужой».

Следующий анализ связан с рассмотрением показателей, полученных по поведенческому параметру. Две трети респондентов демонстрируют социально-желательные модели поведения и стараются вести себя в равной мере хорошо со «своими» и «чужими». Меньше всего выражены социально-неприемлемые поведенческие стратегии, для которых характерны одни нормы для «своих», другие – для «чужих».

Незначительно расходятся – в пределах около трети испытуемых – поведенческие реакции, направленные на дистанцирование от «чужих» при явном предпочтении контактов со «своими» и ориентированные на открытость границ между «своими» и «чужими». Каждый пятый респондент в некоторой степени согласен с позицией равных отношений между «своими» и «чужими».

Готовность заступиться за «чужого», если к нему относятся несправедливо, и отстаивать его интересы проявляют две трети респондентов. С этой точки зрения, важно обратить внимание на очень низкие показатели, отражающие отсутствие таких намерений. В определенных случаях некоторые готовы защищать «чужого», если его незаслуженно обижают и унижают.

Подавляющее большинство изъявляет желание помогать «чужому» и не видит причин для того, чтобы отказывать им в этом. Невысока доля тех, у кого нет такой установки, и тех, кто в какой-то степени готов оказать помощь иному.

Близкие значения – на уровне трети респондентов, – получены по признаку возможной реакции на неприемлемое поведение «своего» и «чужого»: среди тех, кто сможет простить недопустимое поведение «своего», но не «чужого»; тех, кому трудно простить плохое поведение как «своему», так и «чужому»; тех, кто частично согласен с тем, что нежелательная модель поведения со стороны «своего» принимается легче, чем со стороны «чужого».

Тем не менее, больше половины респондентов в оценке поведения придерживаются интрагрупповых установок, согласно которым к «своим» необходимо относиться учтиво. Четверть участников исследования указывают на то, что их не задевает, когда «свой» ведет себя не вполне адекватно по отношению к «своему». Незначительная часть респондентов проявляет склонность частично разделять мнение и тех, и других.

Далее по шкалам, соответствующим когнитивному и эмоциональному параметрам адаптивности был проведен непараметрический анализ по критерию Вилкоксона по всей выборке. По его результатам обнаружены значимые различия: положительные разности (N=77), отрицательные разности (N=77), колич. связей – 32; статистика критерия (N=292) – 7 819,000; стандартная ошибка – 1 211,389; стандартизованная статистика критерия – 7,550; асимптотическая значимость (двусторонний критерий) – ,000.

Результаты анализа по критерию Вилкоксона для зависимых выборок по когнитивному и поведенческому параметрам адаптивности выглядят следующим образом: положительные разности (N=66), отрицательные разности (N=202), колич. связей – 24; статистика критерия (N=292) – 7 134,000; стандартная ошибка – 1 266,565; стандартизованная статистика критерия – 8,597; асимптотическая значимость (двусторонний критерий) – ,000. По шкалам поведенческого и эмоционального параметра адаптивности значимых различий не обнаружено (,470).

Следующим шагом исследования была статистическая обработка данных с помощью коэффициента корреляции Пирсона для определения значимости различий между различными параметрами адаптивности в межкультурных отношениях и их связи с возрастом.

Таблица 1.

Результаты корреляционного анализа различных параметров адаптивности в межкультурных отношениях и их связи с возрастом

			T _{когн.}	T _{эмоц.}	T _{повед.}	Возраст
T _{когн}	Р		1	,532**		,329**
	С					
T _{эмоц}	р			0		0
	Р		,532**	1		,227**
T _{повед}	С		0	0		0
	Р				1	,227**
Возр аст	р		0	0		0
	Р		,329**		,227**	1
	С				*	
	р		0	0	0	
	N		292	292	292	292

** – Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).
 * – Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).
 РС – коэффициент корреляции Пирсона, р – значимость.

Мы получили результаты анализа особенностей взаимосвязи, выявленные по общей выборке (N=292). Достоверно значимая корреляционная связь прослеживается между когнитивным и эмоциональным параметром адаптивности в межкультурных отношениях (,532). Когнитивный параметр положительно коррелирует с возрастом (,329). Выявлена корреляционная зависимость между эмоциональным параметром и возрастом (,227). Согласно полученной корреляции существуют значимые различия между поведенческим параметром адаптивности в межкультурных отношениях и возрастом (,227).

Таким образом, гипотеза данного исследования подтвердилась, и мы получили эмпирическое подтверждение о гетерохронности развития когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях в контексте дилеммы «свой – чужой» в подростковом возрасте. Существует положительная корреляционная связь выраженности различных параметров адаптивности в межкультурных отношениях с возрастом подростков.

Проведение процедуры кластерного анализа позволило выделить три группы подростков, различающихся по уровню адаптивности в межкультурных отношениях: 1-й кластер – пассивно-адаптирующиеся (число наблюдений – 111), 2-й кластер – активно-адаптирующиеся (число наблюдений – 126), 3 кластер – трудно-адаптирующиеся (число наблюдений – 54).

Таблица 2.

Показатели средних значений когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях в группах пассивно-адаптирующихся, активно-адаптирующихся и трудно-адаптирующихся

	Пассивно-адаптирующиеся	Активно-адаптирующиеся	Трудно-адаптирующиеся
T _{когн}	3,22	3,23	3,01
T _{эмоц}	2,80	2,85	2,77

Т _{повед}		2,80	2,87	2,69
N	валидных	111	126	54
(целиком)				

Дальнейший анализ результатов описательной статистики показывает, что в группе пассивно-адаптирующихся в наибольшей степени выражен когнитивный параметр адаптивности в межкультурных отношениях и в равной степени – эмоциональный и поведенческий.

Наивысший показатель, полученный в группе пассивно-адаптирующихся, отражает отсутствие готовности помогать «чужим» по причине того, что они этого не заслуживают. «Чужие» воспринимаются ими как малопривлекательные люди. В когнитивной сфере преобладает недоверие к ним. Пассивно-адаптирующиеся сомневаются в том, что «чужой» может быть хорошим другом. Общение с человеком, который выглядит и говорит по-другому, вызывает у них некоторое беспокойство. Наряду с этим их не задевает, когда «свой» ведет себя плохо по отношению к «своим».

Средние показатели в группе пассивно-адаптирующихся указывают на дифференцированное отношение к неприемлемому поведению, которое легче воспринимается со стороны «своего», чем «чужого». Обращается внимание и на то, что пассивно-адаптирующиеся мало осведомлены об отличительных особенностях «чужого» и хотят узнать о них больше. Видимо, это и заставляет их держаться подальше от «чужого», предпочитая иметь дело со «своим». Немного меньше тех, кто не только доверяет «чужому», но и никак не ограничивает общение из-за национальных или религиозных различий. Менее всего их волнует, если незаслуженно обижают или обзывают «чужого».

Анализ описательной статистики выявил большую выраженность когнитивного параметра адаптивности в межкультурных отношениях в контексте дилеммы «свой – чужой» в группе активно-адаптирующихся. Наименьший показатель соответствует эмоциональному параметру, средний – поведенческому. У активно-адаптирующихся самый высокий показатель получен по поведенческому параметру, что свидетельствует о нежелании помогать «чужим», полагая, что они этого не достойны. В когнитивной сфере преобладает представление о том, что «чужие» не заслуживают уважения и доверия. Несколько ниже показатели, отражающие их уверенность в том, что «чужой» не способен к дружеским отношениям и только «свой» может поступать справедливо. По сути, активно-адаптирующиеся не испытывают особой симпатии к «чужим».

На уровне среднего находятся показатели осведомленности активно-адаптирующихся о различиях между людьми, предпочтении иметь дело только со «своими». Вместе с тем у них обнаруживается потребность в знаниях о различиях между людьми и отсутствие ограничений в общении по признаку национальной или религиозной принадлежности. Самый низкий показатель связан с тем, что их не очень смущает незаслуженное отношение к «чужому». Они безразличны к тому, что человека обзывают только потому, что он не является «своим».

В группе трудно-адаптирующихся обнаружена большая выраженность когнитивного параметра адаптивности в межкультурных отношениях. Наименьший показатель получен по эмоциональному параметру адаптивности. На среднем уровне находится показатель поведенческого параметра. Трудно-адаптирующиеся менее всего готовы приходить на помощь «чужому». Они не видят повода для того, чтобы доверять «чужому» и уважать его. К «чужому» нет особых чувств, они равнодушны к его судьбе. На уровне среднего значения показатель ограничения коммуникации с человеком иной национальности и вероисповедания. Почти в равной степени трудно-адаптирующиеся проявляют готовность простить неприемлемое поведение «своего», но не «чужого», а также предпочтении иметь дело со «своим», нежели с «чужим». При этом выявляется низкая информированность трудно-адаптирующихся об отличительных особенностях людей. Немного меньшее число из них изъявляет желание узнать больше. Наименьший показатель соответствует отсутствию

досады относительно остракизма в отношении «чужого». В случае несправедливого отношения трудно-адаптирующиеся не станут за него заступаться.

Таблица 3.

Сравнительный анализ средних значений в группах пассивно-адаптирующихся, активно-адаптирующихся и *трудно*-адаптирующихся

	Пассивно-адаптирующиеся	Активно-адаптирующиеся	Трудно-адаптирующиеся
	Сред. знач.	Сред. знач.	Сред. знач.
Я не знаю, чем отличается «чужой» от «своего»	2,93	2,89	2,52
Я доверяю и «своим» и «чужим», не ограничиваю свое общение из-за национальных или религиозных различий	2,59	2,63	2,83
Я стараюсь вести себя хорошо как со «своими», так и с «чужими»	2,05	2,07	2,07
Я хочу знать больше о тех, кого считают «чужим»	2,91	2,69	2,24
Меня задевает, когда незаслуженно обижают «чужого» человека	1,96	1,97	1,96
Я стараюсь держаться подальше от «чужих», потому что предпочитаю иметь дело со «своими»	2,91	2,87	2,56
Я думаю, что «чужой» человек не заслуживает уважения и ему не стоит доверять	3,39	3,47	3,76
Мне неприятно, когда человека обзывают только за то, что он не является «своим»	2,05	2,20	1,94
Я готов заступиться за «чужого», если с ним обращаются несправедливо	2,02	2,13	1,80
Я считаю, что «чужой» вряд ли может быть хорошим другом	3,39	3,46	3,22
Меня мало волнует, что происходит с «чужим» человеком	3,29	3,45	3,48
У меня нет желания помогать «чужим», потому что они этого не заслуживают	3,57	3,72	3,80
Правильно говорят, что «от чужого жди только неприятностей»	3,34	3,41	3,26
Я чувствую тревогу в общении с человеком, который	3,39	3,43	2,93

выглядит и говорит по-другому			
Я не смогу простить неприемлемое поведение со стороны «чужого», хотя легко могу простить «своего»	2,94	3,13	2,69
Я считаю, что справедливо могут поступать только «свои»	3,37	3,46	3,07
Мне не нравятся «чужие»	3,55	3,46	3,48
Я не обижаюсь, когда «свой» ведет себя плохо по отношению к «своим»	3,37	3,35	3,28
N валидных (целиком)	111	126	54

Сравнительный анализ результатов в группах пассивно-адаптирующихся, активно-адаптирующихся и трудно-адаптирующихся выявил, что в большей степени в трех группах выражено низкое доверие к «чужому» и в меньшей степени – переживание по поводу оскорблений в его адрес.

Активно-адаптирующиеся больше осведомлены об отличительных особенностях людей по сравнению с трудно-адаптирующимися, но меньше, чем пассивно-адаптирующиеся. Они меньше доверяют «чужим», чем трудно-адаптирующиеся, но больше, чем пассивно-адаптирующиеся. Почти в равной степени, но не очень выражено во всех группах стремление вести себя одинаково со «своими» и «чужими». Больше всего интереса к различиям между людьми проявляют пассивно-адаптирующиеся и меньше всего – трудно-адаптирующиеся. Промежуточное положение занимают активно-адаптирующиеся. Во всех группах мало кого задевает напрасное оскорбление «чужого». Больше всего сторонятся «чужого» пассивно-адаптирующиеся и меньше – трудно-адаптирующиеся. В этом случае активно-адаптирующиеся занимают среднее положение. Активно-адаптирующиеся меньше доверяют «чужим», чем трудно-адаптирующиеся, но больше, чем пассивно-адаптирующиеся. Пассивно-адаптирующиеся испытывают больше неприятности из-за остракизма в отношении «чужого» и готовы за него заступиться, чем трудно-адаптирующиеся, но в меньшей степени, чем активно-адаптирующиеся. Аналогичным образом выглядят показатели характеристики «чужого» как потенциально не подходящего в качестве друга. По сравнению с трудно-адаптирующимися активно-адаптирующиеся больше озабочены тем, что происходит с «чужим», и готовы ему помочь, но меньше, чем пассивно-адаптирующиеся. В то время как трудно-адаптирующиеся меньше всех ожидают неприятностей от «чужих» и не чувствуют напряжения в общении с ними, активно-адаптирующиеся проявляют наибольшую настороженность к ним при средней выраженности признака в группе пассивно-адаптирующихся.

Активно-адаптирующиеся больше остальных отвергают неприемлемое поведение со стороны «чужого», хотя легко могут простить «своего», считая, что только «свои» могут поступать справедливо. Меньше всего с данной позицией согласны трудно-адаптирующиеся и в некоторой степени пассивно-адаптирующиеся. Трудно-адаптирующимся не нравятся «чужие» больше, чем активно-адаптирующимся, но меньше, чем пассивно-адаптирующимся. Не очень адекватное поведение «своего» по отношению к «своим» задевает в наибольшей степени пассивно-адаптирующихся и в наименьшей – трудно-адаптирующихся. Промежуточное положение занимают активно-адаптирующиеся.

Таким образом, сопоставительный анализ результатов в группах пассивно-адаптирующихся, активно-адаптирующихся и трудно-адаптирующихся выявил, что во всех трех группах в большей степени выражено недоверие к «чужому» и в меньшей степени – переживание, связанное с тем, что его обижают незаслуженно.

Обращение к корреляционному анализу показателей адаптивности в коммуникации, полученных по методике В.В. Бойко в проведенном ранее исследовании, и параметров

адаптивности в межкультурных отношениях позволяет вскрыть взаимосвязи, обуславливающие адаптивность у подростков.

Результаты по данному алгоритму анализа показывают, что наибольший по абсолютной величине коэффициент корреляции (0,532) обнаружен между когнитивным и поведенческим параметрами адаптивности в межкультурных отношениях, что свидетельствует о высокой значимости различий между ними.

Обращает на себя внимание корреляция между эмоциональным и поведенческим параметрами адаптивности в межкультурных отношениях, по которой имеется сильная связь (0,415). Весомой в структуре взаимосвязей является корреляция когнитивного параметра с эмоциональным параметром адаптивности в межкультурных отношениях (0,318).

Положительно некоррелирующими факторами оказались признаки адаптивности в коммуникации и параметры адаптивности в межкультурных отношениях.

Согласно отрицательным корреляционным связям неприятия индивидуальности другого человека с поведением (-0,143) взросление подростков сопровождается снижением эгоцентричности, в результате чего повышаются коммуникативность и продуктивность интеракций. Коэффициент отрицательной корреляции неумения прощать другим ошибки, неловкость, непреднамеренно причиненные неприятности с поведенческим параметром (-0,133) свидетельствует о том, что по мере взросления у подростков повышаются самооценка и уверенность в себе. Эквивалентный коэффициент (-0,133), полученный во взаимосвязи неумения приспособливаться к характеру, привычкам и желаниям других с поведенческим параметром можно анализировать по-разному. Если под «приспособлением» иметь в виду способность к адаптации, то, безусловно, это отражает формирование социальной гибкости у развивающейся личности, способствуя адаптивности в межкультурных отношениях. С другой стороны, если приспособление является результатом навязанного повиновения взрослым на более ранних этапах онтогенеза без его критического осмысления и проявляется в форме уступчивости, то можно говорить о конформизме. Соглашательская позиция не всегда оправдана, ведет к принятию вторых ролей во взаимодействии и связана с «субъект-объектным» отношением, исключая адаптивность. В связи с этим приходится признавать, что установка на приспособление, которая нарастает с возрастом и проявляется на поведенческом уровне, лежит в основе неэффективной коммуникации и недостаточно адекватна задачам адаптивности в межкультурных отношениях. Вместе с тем отрицательная корреляция приспособляемости с когнитивным параметром на уровне тенденции означает, что чем старше становятся респонденты, тем больше повышается уровень осознания ими необходимости приспособливаться к другим. Возможность усиления адаптивности в межкультурных отношениях в контексте дилеммы «свой – чужой» в данном случае связана с развитием уверенности в себе и конструированием субъект-субъектных отношений, при которых эффективная коммуникация сочетается с адекватной приспособляемостью.

Признаки с малой корреляцией на уровне тенденции обнаружены во взаимосвязи использования себя в качестве эталона при оценке поведения и образа мыслей других с когнитивным параметром (-0,123). Это означает, что по мере взросления у респондентов проявляется склонность допускать существование иных логик мышления и поведения, снижается стремление к проецированию своих мыслей и чувств на других людей.

По величине коэффициента отрицательной корреляции и тесноте взаимосвязанности использования себя в качестве эталона при оценке поведения и образа мыслей других с эмоциональным параметром адаптивности в межкультурных отношениях на уровне тенденции (-0,107) можно говорить о том, что с возрастом происходят изменения, связанные с представлениями о мнимом и реальном в окружающем мире. Развитие рефлексии позволяет сблизить идеальные и реальные представления, что способствует адаптивности и толерантности в межкультурных отношениях.

Неприятие индивидуальности другого человека и эмоциональный параметр адаптивности в межкультурных отношениях имеют тенденцию к связи, описываемую

коэффициентом $-0,114$. Это можно интерпретировать как снижение эмоциональной лабильности с возрастом и повышение самоконтроля.

Такие отрицательные характеристики коммуникации, как категоричность или консерватизм в оценках других людей, неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров, стремление подогнать партнера под себя, сделать его «удобным», стремление переделать, перевоспитать партнеров, нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми, не связаны с ядром адаптивности в межкультурных отношениях, представленным когнитивным, эмоциональным и поведенческим параметрами.

Согласно полученным результатам, существует гетерохронность развития когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях; существует связь рассматриваемых параметров с возрастом, что свидетельствует о подтверждении искомой гипотезы.

Выводы.

1. В когнитивной сфере большинства подростков представлена одинаковая норма оценки как «своих», так и чужих. Вместе с тем в этих оценках заметно выделяется низкая осведомленность об отличительных особенностях людей, что указывает на спонтанность приобретения представлений. Следовательно, существует проблема целенаправленного получения знаний, которые будут способствовать расширению представлений о различиях между людьми и ориентации на адаптивность в межкультурных отношениях.

2. В эмоциональной сфере доминирует неприятие остракизма и негативизма по отношению к «чужому», демонстрация симпатии или антипатии по критерию «свой – чужой».

3. Поведенческие модели не зависят от отличительных особенностей. Наряду с этим выражается готовность подростков заступиться за «чужого», если к нему относятся несправедливо.

4. Существует гетерохронность развития когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях. Адаптивность представлена на когнитивном уровне в большей степени, чем на эмоциональном и поведенческом.

5. Существует связь когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях с возрастом подростков.

6. Существуют значимые различия в выраженности когнитивного, эмоционального и поведенческого параметров адаптивности в межкультурных отношениях между активно-адаптирующимися, пассивно-адаптирующимися и трудно-адаптирующимися. В группе пассивно-адаптирующихся в наибольшей степени выражен когнитивный параметр адаптивности в межкультурных отношениях и в равной степени – эмоциональный и поведенческий. В группе активно-адаптирующихся получен средний показатель по поведенческому параметру. Наибольший показатель соответствует когнитивному параметру, наименьший – эмоциональному. В группе трудно-адаптирующихся обнаружена большая выраженность когнитивного параметра и меньшая – эмоционального параметра. На промежуточном уровне находится показатель поведенческого параметра.

7. Существует значимая связь между когнитивным, эмоциональным и поведенческим параметрами межкультурной адаптации. Наиболее весомой в структуре взаимосвязей является корреляция когнитивного и поведенческого параметров. В наименьшей степени выражена связь когнитивного и эмоционального параметров адаптивности.

8. Отсутствует положительная взаимосвязь параметров адаптивности в межкультурных отношениях с различными характеристиками толерантности в коммуникации. Зарегистрирована отрицательная корреляционная связь между параметрами адаптивности в межкультурных отношениях и отдельными характеристиками коммуникативности.

9. Адаптивность в межкультурных отношениях сопряжена с общим возрастным развитием и характеризуется снижением отдельных признаков коммуникативности.

10. Существует значимая отрицательная связь когнитивного параметра адаптивности в межкультурных отношениях с использованием себя в качестве эталона в коммуникации.

В целом ограниченность социального опыта подростков, недостаточная сформированность «Я-концепции» создают сложности в безусловном принятии вариативности окружающей действительности. По мере их взросления возрастает уровень адаптивности в межкультурных отношениях.

Список использованных источников:

1. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. - М.: «Смысл», ИЦ «Академия», 2002. - 416.- С. 300.
2. Белик А.А. Культура и личность: Психологическая антропология. Этнопсихология. Психология религии. - М., 2001. - С.65.
3. Вислова А.Д. Формирование толерантности в межличностных отношениях в детском и подростковом возрасте (на материале Кабардино-Балкарской Республики): дисс...доктора психол. наук. - Москва, 2016. – С.226.
4. Карabanова О.А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект//Современная зарубежная психология. - 2017. - Том 6. № 2. - С. 18.
5. «Свое» и «Чужое»: Межкультурные коммуникации в полипарадигмальном аспекте: коллектив. монография; под ред. Л.А. Шкатовой. – Челябинск, 2003. - С.44.
6. Щютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с нем. М.- 2003. - С.192.
7. Altman I. Privacy as an interpersonal boundary process //Human ethology /Ed by V. von Cranach, K. Foppa et al. Cambridge, 1979. - P. 101-102.

Чурбанова Светлана Михайловна
кандидат психологических наук, доцент,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
доцент кафедры возрастной психологии
125009 г. Москва, Моховая 11/9
E-mail: svetlanatch@mail.ru

Еремина Анна Александровна
магистр
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
факультет психологии
125009 г. Москва, Моховая 11/9
E-mail: anna.a.eremina@mail.ru

ИМПЛИЦИТНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ О РАЗВИТИИ И ОБУЧЕНИИ ДОШКОЛЬНИКОВ В МОНО- И БИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования актуальной проблемы - эффективности детского родительского взаимодействия, раскрывающейся через изучение условий билингвального обогащения, выявления взаимосвязи с имплицитными представлениями родителей о развитии и обучении. Сбор эмпирических данных осуществлялся с использованием программного приложения Skype™. Проведенное исследование позволило получить ряд достоверных различий в специфике имплицитных представлений родителей о развитии и обучении дошкольников в моно- и билингвальной среде.

Ключевые слова: моно- и билингвальная среда, имплицитные представления родителей, акселерация, амплификация, обучение и развитие, дошкольный возраст.

Churbanova Svetlana Mikhailovna
candidate of psychological sciences, associate professor,
M.V. Lomonosov Moscow State University,
Associate Professor of the Department of Developmental Psychology
125009 Moscow, Mokhovaya, 11/9
E-mail: svetlanatch@mail.ru

Eremina Anna Aleksandrovna
magister
M.V. Lomonosov Moscow State University,
Faculty of psychology
125009 Moscow, Mokhovaya, 11/9
E-mail: anna.a.eremina@mail.ru

THE IMPLICIT BELIEFS OF PARENTS ABOUT THE DEVELOPMENT AND EDUCATION OF PRESCHOOLERS IN MONO - AND BILINGUAL ENVIRONMENT

Abstract. The article presents the results of the study of the actual problem - the effectiveness of children's parental interaction, revealed through the study of the conditions of bilingual enrichment, revealing the relationship with the implicit beliefs of parents about development and education. Collection of empirical data was carried out using the software application Skype™. The study allowed to obtain a number of significant differences in the

specifics of the implicit beliefs of parents on the development and education of preschool children in mono- and bilingual environment.

Key words: mono-and bilingual environment, implicit beliefs of parents, acceleration, amplification, development and education, preschool age period.

Предметом настоящего исследования выступили особенности имплицитных представлений – мотивационно-личностных установок и позиций родителей по вопросам обучения и развития детей дошкольного возраста в условиях моно- и билингвальной домашней образовательной среды.

На основе обзора литературы был проведен психологический анализ и систематизация теоретического материала по проблеме психического развития ребенка в условиях общества и современной семьи в нормативной и обогащенной среде [14; 15]. Феномен домашнего воспитания, образования и осознанного родительства рассмотрен также в исторической перспективе; определены функции семьи и детско-родительского взаимодействия в отношении образовательных задач предшкольного периода детей и развития детских видов деятельности: общения, предметно-орудийной деятельности, игры [1; 2; 3; 5]. Рассмотрены коммуникативно-деятельностные предпосылки овладения вторым языком в детском возрасте, определена роль билингвальной домашней образовательной среды в психическом развитии ребенка [6; 8; 9; 11; 14; 16].

Социальные вызовы современного мира требуют от детей чуть ли не с самого раннего возраста развития социальной активности, самостоятельности, самоопределения, свободное владение иностранными языками. Модель «Российское образование — 2020» нацеливает общественную систему воспитания и обучения на создание развивающей среды, способствующей наиболее полному развитию способностей детей [12]. Многие современные родители занимают очень активную позицию в отношении психического развития ребенка, развивая свои представления о целях и методах обогащения развивающей среды для ребенка в условиях семьи, совершенствуют формы и содержание общения, осваивают с детьми иностранные языки. Кроме того, богатый исторический опыт семейного воспитания в России в прошлые века, значение его для образования и развития личности ребенка позволяет оценить современное состояние домашней образовательной среды в условиях широкого развития системы общественного воспитания, вскрыть её сильные и слабые стороны. Обратившись к работам авторов, имеющих опыт исследования воспитательно-образовательного процесса в семье и обществе, введено понятие «домашняя образовательная среда» и выделены наиболее значимые положения: обучению в условиях домашней образовательной среды семьи отдавали свои предпочтения до XVII века и целью такого обучения являлась, как правило, социализация ребенка; современные семьи отличаются большей осознанностью родительства, в связи с этим в настоящее время цели домашнего воспитания гораздо шире, чем просто социализация; неотъемлемым компонентом осознанного родительства является хорошая теоретическая подготовка родителей в вопросах общих закономерностей психического развития ребенка, сенситивных периодов, значимости детско-родительского общения, игры и взаимодействия в целом [2; 13]. Показано значение сенситивных периодов в психическом развитии ребенка в младенческом, раннем и дошкольном возрасте, вскрыты основные механизмы, обеспечивающие становление основных психологических новообразований, согласно исследованиям Л.С. Выготского и его школы. Рассмотрены основные предпосылки овладения вторым языком, формирование коммуникативно-речевых умений у детей-билингвов в условиях спонтанного развития в семье; различия в речевом и коммуникативном развитии детей билингвов и монолингвов.

Показано, что билингвальная семья уникальна по причине интеграции двух и более культур, отражающихся на поведении ребенка, его отношении к окружающему социальному

миру с позиций толерантности, эмпатии, коммуникативных навыков в общении, формирования целостности Я-концепции ребенка через детско-родительские отношения.

Однако психология располагает фактами, когда такая активная обучающая среда скорее реализует модель акселерации и ускорения, не считающуюся с возрастными особенностями развития ребенка [10]. С другой стороны, многие родители занимают позицию неактивного участия в психическом развитии ребенка - отстранение от этого процесса. Накопленный в детской возрастной и семейной психологии новый массив данных относительно феномена осознанного родительства, развития имплицитных представлений родителей о теориях обучения и развития в детском возрасте, создания обогащающей среды на основе билингвальности определил постановку проблемы эмпирического исследования.

Теоретико-методологическую основу исследования составили: теория психического развития и возрастно-психологический подход Л.С. Выготского; концепция психического развития Д.Б. Эльконина; концепция общения М.И. Лисиной; теории детской игры Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина; теория амплификации А.В. Запорожца; теории семейной психологии (В.Н. Дружинин, О.А. Карабанова и др.); имплицитные родительские теории обучения и развития, мотивационно-личностных установок родителей (Н.Б. Шумакова, Е.Л. Пороцкая, В.Ф. Спиридонов); теория билингвальной среды как фактора успешной социализации (S. Ervin-Tripp, J. Edwards, П. Роггендорф, Т.О. Арчакова, Л.В. Столярчук, Е.Ю. Протасова и др.).

Цель исследования: выявить взаимосвязь моно- и билингвальной домашней образовательной среды с особенностями позиции родителей относительно целей, методов обучения и психического развития детей.

Гипотеза исследования состояла в предположении о существовании достоверных различий в особенностях мотивационно-личностных установок родителей в отношении целей и методов обучения, а также в позиции родителей относительно психического развития детей в условиях моно- и билингвальной домашней образовательной среды.

В связи с поставленной целью и гипотезой определены следующие задачи эмпирического исследования:

1. Определить мотивационно-личностные установки родителей относительно содержания, целей и методов обучения по отношению к успехам и неудачам детей в обучении на основе модифицированного тест-опросника «Теория обучения» для родителей (ТОР) Н.Б. Шумаковой [7] в условиях моно- и билингвальных семей.

2. Выявить позицию родителей («Амплификация - Акселерация»; «Активность - Пассивность») относительно психического развития детей дошкольного возраста на основе диагностического опросника Е.Л. Пороцкой и В.Ф. Спиридонова [4] в условиях моно- и билингвальных семей.

3. Описать специфику взаимосвязи моно- и билингвальной домашней образовательной среды с особенностями мотивационно-личностных установок родителей в отношении содержания, целей и методов обучения, позицией родителей относительно психического развития детей.

Организация исследования: в исследовании были задействованы две подгруппы семей с детьми дошкольного возраста (всего приняли участие 40 семей респондентов). Первая подгруппа - это монолингвальные семьи - в рамках домашней образовательной среды иностранный язык ребенком не изучался. Вторая группа - это билингвальные семьи, в которых ребенок изучает иностранный язык с помощью одного из родителей (во всех случаях - это матери). Изучаемый детьми иностранный язык во второй подгруппе, преимущественно английский, но также немецкий, итальянский, французский, турецкий, греческий, китайский и русский языки.

В исследовании на основе полученных достоверных различий была описана специфика взаимосвязи моно- и билингвальной домашней образовательной среды с особенностями мотивационно-личностных установок родителей в отношении содержания, целей и методов обучения, позиции родителей относительно моделей психического развития

детей (акселерация, амплификация) и участия в их развитии (активное или пассивное), что позволило сформулировать некоторые выводы: .

1. Процедура сравнения средних значений мотивационно-личностных установок родителей в отношении целей, задач, содержания и методов обучения их детей для двух независимых выборок показала, что существуют достоверные различия по всем шкалам тест-опросника - Конструкта ТОР (Теория Обучения Родителей), в частности, для родителей *из монолингвальных семей* характерно достоверное повышение показателей по таким субшкалам, как F1 «Развитие логического, критического и творческого мышления» ($p=0,001$) и F6 «Развитие мышления, умение учиться» ($p=0,017$); для родителей *из билингвальной подгруппы* характерны достоверные повышения по субшкале F3 «Отношение к репродуктивным методам» ($p=0,018$), F4 «Достижения» ($p=0,000$), F5 «Получение знаний» ($p=0,000$) и F10 «Старания» ($p=0,010$).

2. Подгруппа родителей из *билингвальной* семейной среды по данным тест-опросника «Теория обучения родителей» (ТОР) Н.Б. Шумаковой характеризуется более консервативными взглядами на процесс развития ребенка в школе относительно содержания, методов и целей обучения по сравнению с *монолингвальной* группой.

3. По данным корреляционно-регрессионного анализа ($p<0,05$) показано, что лингвальностью (ЗП) семейной образовательной среды объясняется 27% вариаций предиктора - переменной F1 «Развитие логического, критического и творческого мышления»; 56,5% вариаций - переменной F4 «Достижения», 35% дисперсии - переменной F5 «Получение знаний» и 16% дисперсии - переменной F10 «Старания».

4. Процедура сравнения средних значений позиций родителей относительно психического развития детей дошкольного возраста показала, что существуют достоверные различия только по шкале «Амплификация-Акселерация» ($p<0,002$), в частности, для родителей, организующих *билингвальную* образовательную домашнюю среду характерно достоверное повышение показателя «Амплификация». При этом по шкале «Активность-Пассивность» значимых различий в данных подгруппах испытуемых выявлено не было.

5. По данным общего корреляционного анализа и оценки значимости показано, что представление родителей о том, что главной целью обучения является F4 «Достижения» отрицательно коррелирует ($r= -0,539$, $p=0,000$) с позицией «Амплификация», позволяющей учитывать возрастно-психологические возможности ребенка в ходе обучения.

6. Результаты корреляционного анализа для группы родителей, обеспечивающих *билингвальную* образовательную среду свидетельствуют о среднем коэффициенте связи с достоверной тенденцией между мотивационно-личностными установками на F1 «Развитие логического, критического и творческого мышления» и позицией «Амплификация» - ($r= 0,672$, $p<0,01$). Второй показатель достоверной взаимосвязи – отрицательная корреляция между установками в области F4 «Достижения» и позицией «Амплификация» ($r= -0,642$, $p<0,01$), что указывает на противоречие в мотивационно-личностных установках родителей, стремление к прагматическим задачам в сфере образования в обход амплификации и учета возрастных психологических возможностей детей.

7. Результаты корреляционного анализа для группы родителей, обеспечивающих *монолингвальную* образовательную среду свидетельствуют о средних *отрицательных* коэффициентах связи с достоверной тенденцией между мотивационно-личностными установками на развитие: F7 «Самопознания и самоопределения ребёнка» ($r= -0,625$, при $p<0,01$), F8 «Широкого (универсального) образования» ($r= -0,554$, при $p< 0,05$) и позицией «Активность», что также указывает на противоречие в мотивационно-личностных установках родителей, неготовность их занять активную позицию в вопросах развития и обучения ребенка.

8. Результаты анализа индивидуальных случаев обнаруживают различия между двумя типами семей, например, отсутствие выбора для *монолингвальной* семьи в качестве целей обучения - самопознание и самоопределение, отсутствие причинного отношения к успехам и

неудачам с точки зрения старания, выбор на более низком уровне позиций «Амплификации» и «Активности» по сравнению с *билингвальной* семьей.

Таким образом, лингвальность семейной образовательной среды значимо коррелирует со взглядами родителей, касающихся вопросов развития логического, критического и творческого мышления, с их представлениями о достижениях, получении знаний - как о целях обучения, а также с их представлениями о стараниях как о залого успеха в обучении. Родители, организующие *билингвальную* образовательную домашнюю среду, в большей степени в процессе воспитания придерживаются такой системы методов, в которой используются способы воздействия на развитие ребенка, учитывающие особенности психологического возраста и содействующие его наиболее полной реализации. Представления родителей о целях обучения значимо коррелирует с учетом возрастных особенностей ребенка при этом обучении. А именно, представления о том, что главной целью обучения является достижение *отрицательно* коррелирует со склонностью родителей к амплификации. Об этом свидетельствуют результаты, полученные на основе анализа данных по методике Е.Л. Пороцкой и В.Ф. Спиридонова [4]. Показано, что родители из таких семей менее склонны к способу взаимодействия с ребенком, который учитывает его возрастные особенности. Чем сильнее выражены мотивационно-личностные установки родителей из *билингвальных* семей на школьную образовательную систему как направленную на развитие логического, критического и творческого мышления, тем в большей степени они согласны со способами воздействия на развитие ребёнка, направленными на амплификацию, т.е. считающимися с его возрастными особенностями.

Родители, создающие *билингвальную* образовательную среду чаще придерживались мнения о том, что школа должна решать прагматическую задачу - обеспечить ребенку такое образование, которое позволит ему стать преуспевающим человеком в современном мире, иметь достижения, при этом отмечали, что в обучении невозможно учитывать возрастно-психологические особенности ребенка в полной мере, реализуя принципы амплификации, что указывает на некоторое противоречие в мотивационно-личностных установках родителей этой подгруппы.

Родители, обеспечивающие *монолингвальную* образовательную среду, чаще видят основную задачу школы в развитии самопознания и самоопределения ребёнка, ориентируются на широкое (универсальное) образование, но в большей степени не готовы занять активную позицию в вопросах развития своего ребенка, содействия образовательной системе, что также свидетельствует о противоречии в мотивационно-личностных установках родителей этой подгруппы.

В качестве перспектив для дальнейшего исследования предлагается:

- исследовать более углубленно противоречия в мотивационно-личностных установках о целях и методах обучения; в позициях родителей относительно психического развития дошкольников в моно- и билингвальных семьях;

- сравнить эффективность восприятия второго языка детьми-билингвами из домашней образовательной среды и детьми, изучающими иностранный язык в рамках организованных уроков с педагогом.

Список использованных источников:

1. Домашнее образование и семейное воспитание: традиции и инновации / Ред. С. В. Шмачилина. – Омск: Лео, 2010. – 242 с.
2. Захарова Е.И. Психология освоения родительства. – М.: ИИУ МГОУ, 2014. – 262 с.
3. Карабанова О.А. Социальная ситуация развития ребенка: Структура, динамика, принципы коррекции: автореф. дис. ... д-ра. психол. наук: 19.00.13 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2002. – 63 с.
4. Пороцкая Е.Л., Спиридонов В.Ф. Выявление представлений родителей о развитии дошкольника // Вопросы психологии. – 2004. – № 4. – С. 31-39.

5. Социология образования. Труды по социологии образования. Т. XIV. Вып. XXIV / Под ред. В.С. Собкина. – М.: Институт социологии образования РАО, 2010. – 191 с.
6. Харенкова А.В. Анализ особенностей речевого развития детей-билингвов // Проблемы современного образования. – 2013. – № 2. – С. 163-168.
7. Шумакова Н. Б. Влияние представлений родителей об обучении на развитие одаренности у детей // Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 119-127.
8. Давер М. В. Формирование стратегической компетенции и развитие языковой личности билингва // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 3. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.psyedu.ru>
9. Роггендорф П. Билингвальные дети. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://psypublic.com/articles/103/>
10. Рождественская Н.А. Анализ общения подростков из неполных семей // VI-ая Международная научная конференция. Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов / Под ред. Карабановой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягина Н.Н. – М., 2015. – С. 782-790. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://psy.msu.ru/science/conference/family...abstracts.pdf>
11. Столярчук Л. В. Билингвальная среда как фактор успешной социализации детей в современном обществе. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://pandia.ru/text/78/265/72931.php>
12. Федеральная целевая программа развития образования. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://фцпро.рф/>
13. Чеснокова О.Б. Развивающий эффект чтения в контексте детско-родительских отношений в раннем и дошкольном возрасте // VI-ая Международная научная конференция. Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов / Под ред. Карабановой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягина Н.Н. – М., 2015. – С. 1057-1075. [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://psy.msu.ru/science/conference/family...abstracts.pdf>
14. Dodge D.T. Early childhood curriculum models: why, what and how programs use them / D.T. Dodge // Child care information exchange. 2004. – Jan/Feb. – pp. 71-74.
15. Dodge D. T., Colker L.J., Rudick S. The creative curriculum for family child care (2 nd ed.). – Washington, DC: Teaching Strategies, 2009. – 285 p.
16. Edwards J. The importance of being bilingual // Bilingualism: beyond basic principles. Festschrift in honour of Hugo Baetens Beardsmore / eds. J.M. Dewaele, A. Housen, L. Wei. – Clevedon: Multilingual Matters, 2003. – 233 p.

Самбикина Оксана Семеновна
кандидат психологических наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
sambikina-oksana@yandex.ru

Попова Варвара Владимировна
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной психологии
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
varvarapopova@yandex.ru

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ И ДЕТЬМИ У РУССКИХ И КОМИ-ПЕРМЯКОВ¹⁰

Аннотация. В статье рассматривается проблема этнопсихологических особенностей ценностных ориентаций и взаимодействия между родителями и детьми у русских и коми-пермяков. Доказано, что существует специфика во взаимосвязях показателей ценностей с показателями, характеризующими взаимодействия родителей с подростками, в коми-пермяцких и русских семьях.

Ключевые слова: этнопсихология, взаимодействие родитель - ребенок, ценности, подростки, коми-пермяки, русские.

Sambikina Oksana Semenovna
candidate of psychological sciences, associate professor,
Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
head of the Department of theoretical and applied psychology
614990, Perm, Sibirskaya, 24
E-mail: sambikina-oksana@yandex.ru

Popova Varvara Vladimirovna
Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
senior teacher of the Department of theoretical and applied psychology
614990, Perm, Sibirskaya, 24
E-mail: varvarapopova@yandex.ru

ETHNOPSYCHOLOGICAL FEATURES OF VALUE ORIENTATIONS AND INTERACTION BETWEEN PARENTS AND CHILDREN IN RUSSIAN AND KOMI-PERM

Abstract. The article discusses the problem of ethnopsychological features of value orientations and interaction between parents and children in Russians and Komi-Permyaks. It is

¹⁰¹⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №17-16-59007 «Этнокультурные особенности семейного воспитания коренных народов Западного Урала в современных условиях социокультурных трансформаций»

proved that there is a specificity in the interrelationships of values with indicators that characterize the interaction of parents with adolescents in Komi-Permyak and Russian families.

Key words: ethnopsychology, parent-child interaction, values, adolescents, Komi-Permyaks, Russians.

Семья была и остается одним из важнейших институтов социализации, однако, в современной ситуации глобальных социокультурных изменений она стремительно теряет свое институциональное значение, традиционные ценности и отношения в семейно-брачной сфере оказываются не востребованными обществом. В связи с этим создание условий для укрепления института семьи и брака в настоящее время является одной из приоритетных социальных задач. Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 г. № 1618-р была утверждена Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Особое внимание в рамках Концепции уделяется вопросу о реализации государственной семейной политики на региональном уровне

Пермский край является одним из крупнейших полиэтнических субъектов Российской Федерации. По данным последней переписи населения, в нем проживает 2635,3 тыс. человек, представляющих 126 национальностей. Большинство жителей края составляют русские (87,1 %), среди наиболее многочисленных так же оказались сообщества татар (4,6 %), коми-пермяков (3,2 %), башкир (1,3 %) и удмуртов (0,8 %). В связи с этим к числу актуальных и приоритетных проблем региона на сегодняшний день относится сохранение этнокультурной самобытности коренных народов Пермского края, в том числе сохранение традиций семейного воспитания коренных народов в условиях социокультурных трансформаций. В рамках решения данной проблемы на кафедре теоретической и прикладной психологии Института Психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета осуществляется исследование по теме «Этнические особенности семейного воспитания коренных народов Урала в условиях современных социокультурных трансформаций» [1]. В данной статье будут освещены лишь некоторые результаты этого исследования, касающиеся изучения этнопсихологических особенностей ценностных ориентаций подростков и взаимодействия между родителями и детьми в русских и коми-пермяцких семьях.

Исследование проводилось на базе образовательных организаций г.Перми и г.Кудымкара, в нем приняли участие 50 учащихся в возрасте от 14 до 15 лет (25 человек – подростки из русских и 25 человек – подростки из коми-пермяцких семей). Для изучения особенностей взаимодействия между родителями и подростками использовалась методика И.М. Марковской «Взаимодействие родитель-ребенок» (вариант для подростков), ценностные ориентации подростков исследовались с помощью методики Ш. Шварца.

Для проверки гипотезы о существовании значимых различий в показателях, характеризующих взаимодействие между родителями и детьми в коми-пермяцких и русских семьях, применялась процедура сравнительного анализа по U-критерию Манна-Уитни (таблица 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа показателей, характеризующих взаимодействие между родителями и детьми, в выборках подростков из коми-пермяцких и русских семей

Шкалы	Коми-пермяки	Русские	U	p
Нетребовательность-требовательность (мать)	349,5	470,5	139,5	0,105
Мягкость – строгость (мать)	357,5	462,5	147,5	0,160
Автономность – контроль	449,5	370,	160,5	0,2

(мать)		5		91
Эмоциональная дистанция – близость (мать)	468,5	351,5	141,5	0,17
Отвержение – принятие (мать)	503	317	107	0,012*
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество (мать)	404	416	194	0,882
Несогласие – согласие (мать)	493,5	326,5	116,5	0,025*
Непоследовательность – последовательность (мать)	456	364	154	0,218
Авторитетность родителя (мать)	471	349	139	0,102
Удовлетворенность отношениями с родителем (мать)	482,5	337,5	127,5	0,051
Нетребовательность- требовательность (отец)	421	399	189	0,776
Мягкость – строгость (отец)	396	424	186	0,715
Автономность – контроль (отец)	447,5	372,5	162,5	0,317
Эмоциональная дистанция – близость (отец)	421	399	189	0,776
Отвержение – принятие (отец)	489	331	121	0,034*
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество (отец)	419,5	400,5	190,5	0,808
Несогласие – согласие (отец)	472,5	347,5	137,5	0,094
Непоследовательность – последовательность (отец)	447	373	163	0,323
Авторитетность родителя (отец)	477,5	342,5	132,5	0,070
Удовлетворенность отношениями с родителем (отец)	476,5	343,5	133,5	0,074

* - различия статистически достоверны ($p \leq 0,05$)

Как показали результаты сравнительного анализа по U-критерию Манна-Уитни, значимые различия между выборками подростков из коми-пермяцких и русских семей наблюдаются только по трем шкалам из двадцати возможных: «отвержение – принятие со стороны матери» ($U=107$; $p < 0,05$), «отвержение – принятие со стороны отца» ($U=121$; $p < 0,05$) и «несогласие – согласие между матерью и ребенком» ($U=116,5$; $p < 0,05$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что подростки из коми-пермяцких семей в большей степени, нежели их ровесники из русских семей, склонны оценивать поведение родителей обоего пола, как принимающее, больше доверяют им, стремятся найти сочувствие и понимание, у них существенно выше значение показателя согласия между матерью и ребенком, что указывает на то, что в коми-пермяцких семьях матери, по мнению подростков, чаще замечают в своих детях достоинства, нежели недостатки, выше оценивают их способности, меньше критикуют, в то время, как в русских семьях подростки чаще слышат критику в свой адрес и ощущают недовольство со стороны матерей.

Для проверки гипотезы о существовании значимых различий в показателях, характеризующих ценностные ориентации подростков из коми-пермяцких и русских семей,

также применялась процедура сравнительного анализа по U-критерию Манна-Уитни (таблица 2).

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа показателей, характеризующих ценностные ориентации, в выборках подростков из коми-пермяцких и русских семей

Шкалы	Ком и- пермяки	Ру сские	U	p
Конформность (обзор ценностей)	402, 5	41 7,5	192,5	0,8 50
Традиции (обзор ценностей)	478, 0	34 2,0	132,0	0,0 68
Доброта (обзор ценностей)	339, 5	48 0,5	129,5	0,0 58
Универсализм (обзор ценностей)	476, 0	34 4,0	134,0	0,0 76
Самостоятельность (обзор ценностей)	423, 5	39 6,5	186,5	0,7 25
Стимуляция (обзор ценностей)	391, 5	42 8,5	181,5	0,6 26
Гедонизм (обзор ценностей)	406, 5	41 3,5	196,5	0,9 35
Достижения (обзор ценностей)	410, 5	40 9,5	199,5	1,0 00
Власть (обзор ценностей)	430, 5	38 9,5	179,5	0,5 89
Безопасность (обзор ценностей)	447, 5	37 2,5	162,5	0,3 17
Конформность (профиль личности)	499, 5	32 0,5	110,5	0,0 16*
Традиции (профиль личности)	541, 0	27 9,0	69,0	0,0 00*
Доброта (профиль личности)	461, 5	35 8,5	148,5	0,1 68
Универсализм (профиль личности)	533, 5	28 6,5	76,5	0,0 01*
Самостоятельность (профиль личности)	480, 0	34 0,0	130,0	0,0 60
Стимуляция (профиль личности)	402, 0	41 8,0	192,0	0,8 39
Гедонизм (профиль личности)	452, 0	36 8,0	158,0	0,2 62
Достижения (профиль личности)	428, 0	39 2,0	182,0	0,6 36
Власть (профиль личности)	396, 0	42 4,0	186,0	0,7 15
Безопасность (профиль личности)	476, 5	34 3,5	133,5	0,0 74

* - различия статистически достоверны ($p \leq 0,05$)

Как видно из таблицы 2, в ходе сравнительного анализа показателей ценностных ориентаций у подростков из русских и коми-пермяцких семей были обнаружены значимые различия по трем показателям, характеризующим профиль личности, из десяти возможных. Значения показателей таких типов ценностей, как «конформность» ($U=110,5$; $p<0,05$), «традиции» ($U=69$; $p<0,001$) и «универсализм» ($U=76,5$; $p<0,001$), существенно выше у коми-пермяков. Исходя из этого, можно сделать заключение о том, что у коми-пермяков, в сравнении с русскими, более выражена такая мотивационная цель, как сдерживание и предотвращение самих действий, а также склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям. Данная ценность является производной от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия (послушание, самодисциплина, вежливость, уважение родителей и старших). Подросткам из коми-пермяцких семей в большей степени, нежели русским, присущи уважение к традициям, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре, и следование им. Необходимо отметить, что последние годы в Коми-Пермяцком округе активно проводится политика восстановления обрядов и обычаев, большую ценность и значимость традиций для подростков из коми-пермяцких семей можно объяснить стремлением старших поколений восстановить и сохранить этническую идентичность, воспитать в детях уважение к культуре коми-пермяцкого народа. Знание и почитание обычаев является «знаковым индексом идентичности», который «выступает качественным показателем этнической жизни социума и выражает реальную жизнеспособность этнической группы. Традиции и обряды готовы поддерживать субъекты, которые осознанно ставят перед собой задачу обеспечивать условия для существования своей культуры» [2, с.106]. Универсализм, как понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы (по Ш. Шварцу), более свойственны подросткам из коми-пермяцких семей, на наш взгляд, сформирован под влиянием особой системы традиций, обычаев и религиозных верований коми-пермяцкого народа. У коми-пермяков культура очень тесно связана с темой природы. Древние коми-пермяки считали, что «вышли из леса», поэтому у каждого клана имелись существо или предмет природы, от которых они вели свой род [2]. Кроме того, универсализм может быть обусловлен необходимостью тесного взаимодействия с культурой других народов в связи с территориальным и информационным слиянием.

Для изучения взаимосвязей показателей ценностных ориентаций подростков с показателями, характеризующими взаимодействие между детьми и родителями в русских и коми-пермяцких семьях, применялась процедура корреляционного анализа по Ч. Спирмену (таблицы 3, 4, 5 и 6).

Таблица 3

Статистически значимые взаимосвязи показателей ценностных ориентаций подростков с показателями, характеризующими взаимодействие подростков с матерями (выборка коми-пермяков) ($p \leq 0,05$)

Показатели	Автономность – контроль	Эмоциональная дистанция – близость	Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	Авторитетность матери	Удовлетворенность отношениями с матерью
Традиции (обзор ценностей)					0,57
Доброта (обзор ценностей)	,67				
Самостоятельность (обзор ценностей)		0,46	0,51		

Гедонизм (обзор ценностей)		0,64			
Безопасность (обзор ценностей)	,49				
Конформность (профиль личности)	,48				
Доброта (профиль личности)				,44	
Универсализм (профиль личности)			0,52		
Гедонизм (профиль личности)				,58	
Достижения (профиль личности)					0,50

Как видно из таблицы 3, показатель «автономность – контроль» положительно взаимосвязан с такими типами ценностей, как «доброта» и «безопасность» на уровне нормативных идеалов, и с ценностью «конформность» на уровне индивидуальных приоритетов. Это говорит о том, что, в коми-пермяцких семьях, чем больше подросток ощущает контроль со стороны матери, тем значимее для него ценность доброты, убежденность в необходимости сохранения благополучия людей, с которым взаимодействует индивид, тем выше значимость безопасности для других и для себя, убежденность в необходимости стабильности общества и взаимоотношений. Вместе с тем, следует отметить, что поведение подростков, чьи матери склонны к чрезмерному контролю, характеризуется склонностью соответствовать ожиданиям окружающих, быть послушными, вежливыми и т.п.

Показатель «эмоциональная дистанция – близость» положительно коррелирует с такими типами ценностей, как «самостоятельность» и «гедонизм» на уровне нормативных ценностей. Чем больше подросток ощущает близость к нему со стороны матери, тем больше он стремится к самостоятельности в принятии решений и выборе способов действия, к творчеству и исследовательской активности, тем выше у него потребность в автономности и независимости и тем больше он испытывает потребность получать удовольствие и наслаждаться жизнью.

Значимая положительная связь показателя «отсутствие сотрудничества – сотрудничество» с показателями «самостоятельность» на уровне нормативных идеалов и «универсализм» на уровне индивидуальных приоритетов указывает на то, что подростки, чьи матери ориентированы на сотрудничество с детьми, склонны действовать самостоятельно, независимо, проявляют понимание, заботу и терпимость в отношении других людей.

Показатель «авторитетность матери» имеет положительную взаимосвязь с показателями таких типов ценностей, как «доброта» и «гедонизм» на уровне индивидуальных приоритетов. Это говорит о том, что у подростков, для которых мать выступает авторитетной, значимой фигурой, выше потребность в позитивном, доброжелательном взаимодействии с окружающими, и более выражено жизнелюбие.

Показатель «удовлетворенность отношениями с матерью» положительно взаимосвязан с показателем ценностей «традиции» и отрицательно с ценностью «достижение». Такая взаимосвязь демонстрирует то, что, чем выше уровень удовлетворенности отношениями с матерью у подростка, тем значимее для него ценность родной культуры, ее обычаи и тем ниже стремление к формированию личного успеха через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. И, наоборот, при снижении авторитета матери, повышается потребность к достижению целей и понижается уровень ценности традиций родной культуры.

Таблица 4

Статистически значимые взаимосвязи показателей ценностных ориентаций подростков с показателями, характеризующими взаимодействие подростков с отцами (выборка коми-пермяков) ($p \leq 0,05$)

Показатели	Мягкость – строгость	Эмоциональная дистанция – близость	Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	Авторитетность отца	Удовлетворенность отношениями с отцом
Доброта (обзор ценностей)					
Самостоятельность (обзор ценностей)	0,50				0,48
Гедонизм (обзор ценностей)	0,61				0,45
Достижения (обзор ценностей)	0,49				
Универсализм (профиль личности)			0,45		
Стимуляция (профиль личности)				0,56	0,58
Гедонизм (профиль личности)					
Власть (профиль личности)		0,49			0,54

Как видно из таблицы 4, наибольшее количество значимых взаимосвязей с показателями ценностей имеет такой показатель взаимодействия подростков с отцами, как «удовлетворенность отношениями с отцом», он положительно коррелирует с самостоятельностью и гедонизмом на уровне нормативных идеалов и гедонизмом и властью на уровне индивидуальных приоритетов. То есть, в коми-пермяцких семьях, если подросток удовлетворен взаимоотношениями с отцом, то он высоко ценит самостоятельность и стремление наслаждаться жизнью, стремится к самостоятельности и независимости, к тому, чтобы получать удовольствие от жизни. У таких подростков ярко выражено стремление к достижению социального статуса или престижа, контролю или доминированию над людьми и средствами (авторитет, богатство, социальная власть, сохранение своего общественного имиджа, общественное признание).

Показатель «мягкость – строгость» отрицательно коррелирует с такими типами ценностей, как «самостоятельность», «гедонизм» и «достижения». Это значит, что чем строже и суровее ведет себя отец по отношению к подростку, тем менее высоко подросток ценит самостоятельность, стремление получать удовольствие от жизни и достигать успеха.

Показатель «эмоциональная дистанция – близость» положительно коррелирует с ценностью власти на уровне индивидуальных приоритетов. В семьях коми-пермяков, чем теснее эмоциональная связь отца с подростком, тем ярче у подростка проявляется стремление к достижению социального статуса или престижа, контролю или доминированию над людьми. Слабая эмоциональная связь с отцом говорит о слабом стремлении к доминированию.

Показатель «отсутствие сотрудничества – сотрудничество» имеет прямую корреляцию с показателем «универсализм» в профиле личности. То есть, чем больше

подросток вовлечен в совместную деятельность с отцом, тем более в его поведении выражено стремление к пониманию, терпимости и защите людей и природы.

Показатель «авторитетность отца» имеет положительную взаимосвязь ценностью «стимуляция» на уровне приоритета личности. Значимость фигуры отца в глазах подростка влияет на его стремление к новизне и глубоким переживаниям. Чем выше авторитет отца, тем выше стремление подростка к поиску нового, и тем ярче выражена потребность в глубоких переживаниях.

Таблица 5

Статистически значимые взаимосвязи показателей ценностных ориентаций подростков с показателями, характеризующими взаимодействие подростков с матерями (выборка русских) ($p \leq 0,05$)

Показатели	Нетребовательность-требовательность	Отвержение – принятие	Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	Непоследовательность – последовательность
Традиции (обзор ценностей)				0,46
Доброта (обзор ценностей)				0,50
Стимуляция (обзор ценностей)		0,55	0,53	
Гедонизм (обзор ценностей)				0,51
Достижения (обзор ценностей)				0,56
Власть (обзор ценностей)				0,54
Универсализм (профиль личности)	0,55			
Стимуляция (профиль личности)				0,53
Власть (профиль личности)				0,45

Как видно из таблицы 5, в выборке подростков из русских семей наибольшее количество статистически значимых взаимосвязей имеет показатель «непоследовательность – последовательность», он положительно коррелирует с такими показателями ценностей, как «традиции», «доброта», «гедонизм», «достижение», «власть» на уровне нормативных идеалов. Таким образом, чем последовательнее ведет себя мать в поступках и требованиях по отношению к подростку, тем более значимы для него традиции, благополучие окружающих, личный успех, жизнелюбие и доминирование во взаимоотношениях с окружающими. Кроме того, показатель «непоследовательность – последовательность» положительно коррелирует с ценностями «стимуляция» и «власть» на уровне индивидуальных приоритетов. То есть последовательность матери в русских семьях приводит к проявлению у подростка стремления к активным действиям, к новизне и проявлению доминантного отношения в отношении окружающих.

Показатель «нетребовательность – требовательность» положительно коррелирует с универсализмом на уровне нормативных идеалов. Чем более высокие и жесткие требования предъявляет мать к подростку, тем выше для него ценность терпимости и понимания по отношению к окружающим.

Также наблюдается положительная корреляция показателя «отвержение - принятие» с ценностью «стимуляция» на уровне нормативных идеалов. Подросток, который ощущает безусловное принятие со стороны матери, выше ценит активность и стремления к новизне.

Со «стимуляцией» на уровне нормативных идеалов также положительно коррелирует «отсутствие сотрудничества – сотрудничество». Исходя из этого, можно сказать, что на

ценность активности и стремления к новизне русского подростка может влиять его вовлеченность в совместную деятельность и признание прав и достоинств во взаимодействии с матерью.

Таблица 6

Статистически значимые взаимосвязи показателей ценностных ориентаций подростков с показателями, характеризующими взаимодействие подростков с отцами (выборка русских) ($p \leq 0,05$)

Показатели	Нетребовательность - требовательность	Мягкость – строгость	Автономность - контроль	Непоследовательность - последовательность	Авторитетность отца	Удовлетворенность отношениями с отцом
Конформность (обзор ценностей)	0,45				0,51	0,48
Традиции (обзор ценностей)					0,46	
Доброта (обзор ценностей)	0,50					
Самостоятельность (обзор ценностей)	0,69					
Гедонизм (обзор ценностей)	0,49					
Достижения (обзор ценностей)	0,58		0,46	0,45		
Безопасность (обзор ценностей)	0,47					
Конформность (профиль личности)					0,49	0,50
Традиции (профиль личности)				0,54		
Самостоятельность (профиль личности)		0,62				
Стимуляция (профиль личности)		0,45				
Гедонизм (профиль личности)						
Достижения (профиль личности)	0,49					
Безопасность (профиль личности)	0,44					

Как видно из таблицы 6, наибольшее количество корреляций с показателями ценностей подростков из русских семей имеет показатель «нетребовательность – требовательность». Он положительно коррелирует с ценностью конформности, доброты, самостоятельности, гедонизма, достижения и безопасности на уровне нормативных идеалов и с достижением и безопасностью на уровне индивидуальных приоритетов. Подростки, чьи отцы более требовательны, выше ценят сохранение благополучия людей, с которыми находятся в личных контактах, самостоятельность в принятии решений и действиях, наслаждение жизнью, достижение успехов, стабильность и безопасность для себя и общества.

Положительная корреляция выявлена между показателем «*мягкость – строгость*» и показателями «*самостоятельность*» и «*стимуляция*» на уровне индивидуальных приоритетов. Чем строже отец относится к подростку, тем выше стремление последнего к самоконтролю и самоуправлению. Кроме того, строгость родителя взаимосвязана со стремлением подростка к познанию нового и его активностью.

Показатель «*автономность - контроль*» имеет положительную корреляцию с «*достижением*» на уровне нормативных идеалов, это говорит о том, что у отцов, демонстрирующих контролирующее поведение, дети выше ценят стремление к достижению успеха, высокого социального статуса и т.п.

Положительная корреляция наблюдается между показателями «*непоследовательности – последовательности*», ценности *достижений* на уровне нормативных идеалов и ценности *традиций* на уровне индивидуальных приоритетов. Если отец проявляет последовательность в требованиях, наказаниях или поощрениях, то для подростка в число значимых входит ценность успеха в достижении целей, кроме того он охотнее принимает идеи и обычаи, которые существуют в культуре.

«*Авторитетность отца*» положительно коррелирует с такими ценностями, как «*конформность*» и «*традиции*» на уровне нормативных идеалов и с «*конформностью*» на уровне индивидуальных приоритетов. Если отец является для подростка авторитетной, значимой фигурой, то он выше ценит сдерживание и предотвращение действий, а также склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям. Он придает большее значение традициям и обычаям и следует им.

«*Удовлетворенность отношениями с отцом*» положительно коррелирует с «*конформностью*» на уровне нормативных идеалов и с «*конформностью*» на уровне индивидуальных приоритетов. Если подросток не удовлетворен отношениями с отцом, то его поведение и убеждения могут не соответствовать социальным ожиданиям. Удовлетворенность отношениями стимулирует подростка к сдерживанию склонностей, имеющих негативные социальные потребности, он чаще проявляет послушание, уважение к старшим.

Таким образом, можно говорить о существовании различий в системе ценностей, характере взаимодействия между родителями и подростками, а также во взаимосвязях показателей ценностей с показателями, характеризующими взаимодействие подростков и родителей, в семьях русских и коми-пермяков.

Список использованных источников:

1. Вяткин Б.А., Попова В.В., Самбикина О.С., Хотинец В.Ю. Этнопсихологические особенности семейного воспитания коренных народов Урала // XXXII Мерлинские чтения: Способности. Одаренность. Индивидуальность: матер. Всерос. науч.-практ. Конф. (20 – 21 октября 2017г., Пермь, Россия) / ред. кол. А.А. Вихман . Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2017. – С. 67 – 69.
2. Краузе А.А., Епанов А.В. Специфика этнической идентичности на примере коми-пермяков, проживающих в городе Кудымкаре Пермского края // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. – 2013. – С. 104 – 109.

Вяткин Бронислав Александрович
доктор психологических наук, профессор,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, главный
научный сотрудник,
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24.
bronislav.vyatkin@gmail.com

Самбикина Оксана Семеновна,
кандидат психологических наук, доцент,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии,
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24.
sambikina-oksana@yandex.ru

Попова Варвара Владимировна,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
старший преподаватель, заведующий лабораторией им. В.С. Мерлина,
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24.
varvarapopova@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПИТАНИЯ В СЕМЬЯХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОГО УРАЛА В УСЛОВИЯХ ОБЩЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЕЙ РУССКИХ И КОМИ-ПЕРМЯКОВ)¹¹

Аннотация: современные социокультурные условия диктуют изменения систем семейного воспитания вследствие процессов глобализации. Для многих регионов России характерен многонациональный состав, в том числе для Пермского края, где в условиях общей образовательной среды существуют семьи с разными этническими традициями воспитания. В семьях с детьми подросткового возраста наиболее ярко могут проявляться влияние всеобщей глобализации и стремление найти свою этническую идентичность. Мироощущение, мировоззрение, мышление формируется по мере усвоения ребенком исторического и культурного опыта, сложившихся традиций, где семья является основой, носителем опыта.

Ключевые слова: общая образовательная среда, социокультурные трансформации, детско-родительские отношения, этнокультурные аспекты в детско-родительских отношениях, семьи русских и коми-пермяков, подростковый возраст.

VyatkinBronislavAleksandrovich,
Doctor of Psychology, Professor,
Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
chief research officer,
614990, Perm, ul. Siberian, 24,
bronislav.vyatkin@gmail.com

¹¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №17-16-59007 «Этнокультурные особенности семейного воспитания коренных народов Западного Урала в современных условиях социокультурных трансформаций»

Sambikina Oksana Semenovna,
candidate of psychological sciences, associate professor,
Perm State Humanitarian and Pedagogical University,
head of the Department of Theoretical and Applied Psychology,
614990, Perm, ul. Siberian, 24,
sambikina-oksana@yandex.ru

Popova Varvara Vladimirovna,
Perm State Humanitarian and Pedagogical University,
senior lecturer, head of the laboratory. V.S. Merlin,
614990, Perm, ul. Siberian, 24,
varvarapopova@yandex.ru

SPECIFICITY OF UPBRINGING IN FAMILIES OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE WESTERN URALS IN CONDITIONS OF GENERAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT (FOR EXAMPLE, FAMILIES OF RUSSIAN AND KOMI-PERM)

Abstract. Modern socio-cultural conditions dictate changes in family education systems due to the processes of globalization. For many regions of Russia there is a multinational composition, including for Perm Krai, where families with different ethnic traditions of upbringing exist in the context of a common educational environment. In families with children of adolescence, the impact of globalization and the desire to find one's ethnic identity can be most clearly manifested. The worldview, outlook, thinking is formed as the child acquires historical and cultural experience, established traditions, where the family is the basis, the bearer of experience.

Key words: general educational environment, sociocultural transformations, child-parent relations, ethno-cultural aspects in child-parent relations, families of Russians and Komi-Permyaks, adolescence.

Семья для каждого человека играет первостепенную роль, как в воспитании, так и в формировании личности. Именно в семье закладываются понимание любви, доброты, честности, ответственности, чести. В любой национальности есть свои традиции и свои обычаи в создании и воспитании будущего поколения. В дошкольных учреждениях и школах педагогам необходимо иметь запас знаний об особенностях семейных отношений в различных национальных группах, особо остро этот вопрос может стоять в многонациональных регионах. Что необходимо для выстраивания со всеми участниками образовательного процесса партнерские отношения.

Создание условий для укрепления института семьи в настоящее время является одной из приоритетных социальных задач. В связи с этим распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р была утверждена Концепция государственной семейной политики в РФ на период до 2025 года.

Особое внимание в рамках Концепции уделяется вопросу о реализации государственной семейной политики на региональном уровне. Реализацию государственной семейной политики предполагается осуществлять, в том числе, посредством научно-методического обеспечения, включая развитие исследований жизнедеятельности семьи, ориентированных на разработку эффективных технологий и механизмов, в том числе с учетом отечественных национально-культурных особенностей и традиций [1].

Особую актуальность и значимость при этом приобретает изучение вопроса об этнических особенностях воспитания ребенка: решение проблемы воспитания детей в полиэтнических регионах, регионах с миграционным приростом, где культурные ценности в своем многообразии и сущности своей не согласуются друг с другом, в результате чего

возникают проблемы, связанные с воспитанием и обучением в образовательных учреждениях с полиэтническим составом учащихся.

Пермский край является одним из крупнейших многонациональных регионов России. По данным последней Всероссийской переписи населения, в нем проживает 2 635,3 тыс. человек, представляющих 126 национальностей.

С 2005 года, после объединения Пермской области и Коми-пермяцкого автономного округа, актуализировался вопрос о сохранение этнокультурных особенностей коми-пермяков с одной стороны, и о социокультурных трансформациях, следующих за образованием единого субъекта в такой сфере как образование, с другой.

Большинство прикамцев, указавших свою национальную принадлежность (87,1%), идентифицировали себя русскими. В числе наиболее многочисленных также оказались сообщества татар – 4,6%, коми-пермяков – 3,2%, башкир – 1,3% и удмуртов – 0,8%. В тоже время, как отмечает Пермьстат, происходит постоянное снижение общей численности коренного населения края, так численность русских с 2002 по 2010 год сократилась почти на 9%, татар – на 15,4%, башкир – на 19,7%, удмуртов – на 20,9%, коми-пермяков – на 21,6%. Как прогнозируют исследователи (Д.А. Мусин, Г.Н. Чагин и др.) численность населения будет продолжать сокращаться вследствие, в том числе, и кризиса института семьи. Помимо проблемы сокращения численности коренных народов, проживающих на территории Пермского края, остро стоит проблема сохранения их этнокультурной самобытности, одним из аспектов которой является изучение особенностей детско-родительских отношений и сохранение традиций семейного воспитания коренных народов края в условиях социальной трансформации.

В этой связи усиливается значение изучения особенностей семейного воспитания в этнокультурном аспекте, так как на всех уровнях образования педагогам необходимо иметь представления о менталитете, традициях, образе жизни, которые являются неотъемлемой частью семейной системы.

Этнический социокультурный опыт сохраняется в системе детско-родительских отношений, отражается на восприятии подростком отношений с родителями.

Социокультурные трансформации происходящие в обществе предрекали в 2006 году изменение идентичности коми-пермяков в сторону определения себя россиянами [3], но за последнее десятилетие коренных изменений не произошло [1].

В 2017 году научный коллектив кафедры теоретической и прикладной психологии ИП ПГГПУ получил грант на исследование этнических особенностей семейного воспитания коренных народов Западного Урала в современных условиях социокультурных трансформаций. Поддержка гранта РГНФ-17-16-59007.

Целью исследования являлось изучение систем воспитания в семьях коренных народов Западного Урала в условиях социокультурных трансформаций, в том числе в семьях русских и коми-пермяков.

Респондентами исследования являлись дети подросткового возраста и их матери, проживающие в Кудымкарском районе Пермского края и Юрлинском районе Пермского края. Всего 120 человек, 60 коми-пермяков и 60, идентифицирующих себя русскими.

Культурный потенциал русских и коми-пермяков отражается в детско-родительских отношениях.

Сравнительный анализ демографических показателей у коми- пермяков относительно населения Пермского края выделяет ряд негативных тенденций, среди которых влияние ассимиляции, урбанизация и отрицательная динамика прироста населения. Распространенность русского языка, особенно среди граждан, способствует постепенной утрате коми – пермяцким населением родного языка. Вместе с тем нельзя не отметить, что сохранение мест компактного проживания, особенно в сельских территориях Коми – Пермского округа, высокий уровень сохранения в этих территориях родного языка создают устойчивые предпосылки для этнодемографического развития коми-пермяков, сохранения языка, материальной и духовной культуры и этнического самосознания народа [3].

Так для исследования восприятия подростков детско - родительских отношений в семьях идентифицирующих себя русскими и коми-пермяками были использованы методики «Взаимодействие родитель – ребенок» (ВРР), разработанная Марковской И.М. и «Детско – родительские отношения подростков» (ДРОП) Троянской П.

На начальном этапе было проведено сравнение средних значений показателей детско-родительских отношений, отраженных в результатах подростков с помощью статистической процедуры Т-критерий Стьюдента.

Из 30 показателей, содержащихся в методиках Марковской (ВРР) и Троянской (ДРОП) значимыми оказались всего 2 показателя (табл. 1).

Таблица 1

Статистически значимые различия в выраженности показателей детско – родительских отношений в группах подростков из семей коми – пермяков и русских

Показатели	русские	коми и - пермяки	t- value	p
удовлетворение потребностей ребенка	24,533	25,764	- 3,056	0, 00
удовлетворенность отношениями ребенка с родителями	19,9333	22,588	- 2,184	0, 03

1. «Удовлетворение потребностей ребенка»:

Подростки коми-пермяки со средним значением 25,764 и русские со средним значением 24,333 (Т-критерий = 3,05, $p < 0.00$).

Данные показывают, что подростки в семьях коми-пермяков в большей степени чувствуют поддержку со стороны родителей, видят более внимательное отношение своих родителей к их потребностям и нужда. Это проявляется в реализации материальных, духовных, информационных потребностей ребенка.

2. «Удовлетворенность отношениями ребенка с родителями»,

Подростки коми-пермяки со средним значением 22,580 и русские со средним значением 19,933 (Т-критерий = 2,18, $p < 0.05$).

Высокие результаты оказались в семьях коми – пермяков. Высокий показатель свидетельствует о том, что в отношениях между родителем и ребенком в семьях коми-пермяков в большей степени проявляется доброжелательное отношение и присутствует взаимопонимание.

В целом результаты сравнительного анализа детско-родительских отношений явных различий не выявили. Следовательно, дети подросткового возраста в семьях русских и коми-пермяков серьезных различий в отношении с родителями не видят.

Так коми-пермяки в подростковом возрасте в большей степени чувствуют эмоциональную связь со своими родителями, близость с ними, поддержку. Важно в этом возрасте ощущение подростков, что родители понимают и принимают их потребности как материальные, так и духовные, информационные.

Далее в группах подростков из семей русских и коми-пермяков был проведен корреляционный анализ Пирсона их показателей детско-родительских отношений.

По результатам анализа связей можно сказать:

Для подростков из русских семей характерно:

- в отношениях, где родитель демонстрирует свою любовь по отношению к ребенку и способен понять его эмоциональное состояние, будет присутствовать эмоциональный отклик со стороны ребенка, что приводит к развитию гармоничных отношений.

- в отношениях, где налажено сотрудничество между родителем и ребенком, и присутствует эмоциональная близость, происходит меньше конфликтных ситуаций.

- отсутствие сотрудничества между родителем и ребенком, говорит об игнорировании его прав и возможности самостоятельного принятия решений, что может повлечь конфликты, которые отрицательным образом отражаются на взаимоотношениях между супругами.

Для подростков из коми-пермяцких семей характерно:

- в отношениях родителя и ребенка эмоциональная связь будет более выражена, при условии, что родитель будет наделять большей самостоятельности ребенка и поручать ему ответственные дела.

- в отношениях, где родители способны понять чувства и состояние ребенка, будет присутствовать эмоциональный отклик и желание ребенка к сотрудничеству.

- конфликтные ситуации будут происходить реже, если родитель будет последователен в своих действиях, а также выбрав наиболее гармоничный стиль взаимоотношения с ребенком.

- родитель, который демонстрирует свою любовь к ребенку, будет давать меньше отрицательной оценки поведению ребенка.

На данном этапе исследования можно сказать, что для подростков в семьях русских и коми-пермяков большое значение имеет сотрудничество детей и родителей.

Для русских эмоциональная связь с родителями более значима в части признания и удовлетворении родителями духовных и информационных потребностей, а так же в равных позициях в семейной системе.

Для коми-пермяков в подростковом возрасте важным является чувство самостоятельности, большей автономности, хотя она в большей степени чем русские удовлетворены эмоциональными отношениями с родителями.

Полученные результаты на выборках семей русских и коми-пермяков сходны с результатами полученными на выборках других коренных жителей Западного Урала: башкир, татар, удмуртов.

Так были рассмотрены отношения подростков к матерям из семей русских и коми-пермяков, проживающих компактно, где дети учатся на одной параллели. Подростки из русских семей важным в отношениях с матерями видят авторитарность, эмоциональную дистанцию и удовлетворенность отношениями, а так же требовательность матери в сочетании со строгостью. В то же время подростки коми-пермяки в отношениях с матерями видят принятие ребенка матерью и авторитарность связанную с последовательностью.

Важным моментом в полученных результатах является наличие близких по смыслу симптомокомплексов отражающих восприятия отношений с матерями подростков из моноэтнических семей русских, коми-пермяков, башкир, татар и удмуртов.

Отношение с мамой подростков, не зависимо от этнической принадлежности, связано с удовлетворенностью отношениями с ней, авторитарностью матери, эмоциональной близостью и ее принятием ребенка. Русские мамы отличаются согласием с ребенком, коми – пермячки склонностью к контролю.

Список использованных источников:

1. Вяткин Б.А., Попова В.В., Самбикина О.С., Хотинец В.Ю. Этнологические особенности семейного воспитания коренных народов Западного Урала // Сборник материалов XXXII Мерлинские чтения: Способности. Одаренность. Индивидуальность: матер. Всерос. науч.-практ. конф. (20–21 октября 2017 г., г. Пермь, Россия) / ред. кол. А.А. Вихман (науч. ред.), А.Ю. Калугин (техн. секр.), А.А. Скорынин (отв. секр.); т Пермь, с.67-69.

2. Официальный сайт Всероссийской переписи населения 2010. Информационные материалы об окончательных итогах Всероссийской переписи населения 2010. http://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/.

3. Шабаева Ю.П. Этносоциальные последствия объединения регионов (из опыта формирования Пермского края) // Социос.-2006. - №3. – С. 64-71.

Чеботарева Елена Юрьевна
доцент, кандидат психологических наук,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
доцент кафедры детской и семейной психотерапии;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
доцент департамента психологии, магистерской программы «Системная семейная
психотерапия»
107045, Москва, ул. Сретенка, 29
chebotarevy@yandex.ru

СОГЛАСОВАННОСТЬ ЖИЗНЕННЫХ И СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СУПРУГОВ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ БРАКАХ

Аннотация: Представлены результаты эмпирического исследования жизненных и семейных ценностей супругов в монокультурных, межэтнических и межконфессиональных. Выявлено, что разные религии супругов создают дополнительные трудности для взаимодействия в паре, связанные не столько с жизненными ценностями, сколько с семейными установками. Наличие общей религии в межэтнической паре способствует большей удовлетворенности браком и большей согласованности представлений супругов об их отношениях.

Ключевые слова: жизненные ценности, семейные ценности, межэтнический брак, межконфессиональный брак, удовлетворенность браком.

Chebotareva Elena Yurievna
associate professor, PhD,
Moscow State University of Psychology and Education,
associate professor of the department of Child and Family Psychotherapy;
The National Research University "Higher School of Economics"
associate professor of the department of Psychology, master program "Systemic family
psychotherapy"
107045, Moscow, 29, Sretenka st.
chebotarevy@yandex.ru

COHERENCE OF LIFE AND FAMILY VALUES OF SPOUSES IN INTER-ETHNIC AND INTER-CONFESSIONAL MARRIAGES

Abstract: The results of the empirical study of the life and family values of spouses in monocultural, interethnic and inter-confessional are presented. It is revealed that different religions of spouses create additional difficulties for interaction in a pair, which are connected not so much with life values, but mostly - with family attitudes. The existence of a common religion in the interethnic couple contributes to greater satisfaction with marriage and greater coherence of the spouses' perceptions about their relationship.

Key words: life values, family values, inter-ethnic marriage, inter-confessional marriage, marital satisfaction.

Межкультурные семьи стали неотъемлемой частью общества, их число неуклонно растет почти в любой стране. Волна миграции последних лет привлекла повышенное внимание к изучению процессов интеграции мигрантов в принимающее сообщество, включая психологические проблемы межкультурных семей и их влияние на личности

супругов. Многие исследователи проблемы отмечают, что религиозная идентичность является основным барьером для межнационального брака, хотя межконфессиональный брак становится все более распространенным [12, 13, 4, 5]. В целом, исследования супружеской адаптации и удовлетворенности отношениями в межкультурных парах дают противоречивые результаты. Некоторые исследования показывают, что в кросс-культурных парах различные культурные традиции и жизненные ценности супругов вызывают большие конфликты и, соответственно, эти пары менее удовлетворены своими браками [например, 7, 11]. Многие исследования показывают, что гомогенные браки более благополучны и стабильны [например, 10, 15]. Другие исследования подтвердили равный уровень удовлетворенности и устойчивости межкультурных и монокультурных браков [9]. Но есть также некоторые научные данные о том, что удовлетворенность браком в межкультурных семьях может быть больше, чем в монокультурных [например, 17]. Среди факторов, которые помогают парам справляться с трудностями межкультурных браков, выявленных в исследованиях, называются позитивная этническая идентичность супругов, позитивное отношение к культуре партнера [11, 14].

Многие исследователи проблемы согласны с тем, что одна из самых острых проблем здесь заключается в сопоставлении ценностей и установок супругов. Существует также широкий круг точек зрения по этому вопросу. С одной стороны, предполагается, что межкультурные браки заключаются в основном людьми, которые либо уже культурно ассимилированы, либо имеют определенные ценности, такие как универсализм, толерантность и мультикультурализм. С другой стороны, предполагается, что соотношение мировоззрений супругов является основной проблемой таких браков [2, 16]. Где-то в середине этого континуума есть идеи о том, что культурные различия могут быть уменьшены благодаря сходству в образовании и личностном развитии [18] или что два человека создают свою собственную «реляционную культуру», не противоречащую культурным ценностям каждого супруга [19, 9]. Некоторые исследования показывают, что мигранты в чужой культурной среде, как правило, поддерживают свою приверженность ценностям и традициям своей родной культуры [1], а также они стремятся «сохранять» свои традиционные ценности в своих межкультурных семьях,

Таким образом, важно изучать жизненные ценности супругов в межкультурных браках с учетом их семейных ценностей, отношения к семейной жизни [8]. Изучение возрастных и гендерно-специфических взглядов на семейную жизнь в России показало, что за сходством установок к семейной жизни в этих социально-демографических группах, существуют различия в личностных смыслах (реализации жизненных ценностей в семейной жизни) [3].

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью сравнительного анализа жизненных и семейных ценностей в межкультурных семьях, различающихся по этнической и по религиозной принадлежности супругов. Что позволяет лучше понять психологические механизмы реализации культурных и личных ценностей в семейных отношениях; о процессах взаимной адаптации (и аккультурации) в межкультурных семьях.

В исследовании принимали участие 138 человек (69 пар) – 20 моноэтнических русских пар, 30 межэтнических, межконфессиональных пар: женщины – русские, православные, мужчины – арабы, мусульмане; 19 пар, межнациональных, но с общей религией (жены – русские, мужья из закавказского региона, христиане; в основном армяне и осетины). Возраст респондентов был от 23 до 47 лет ($M=36$), стаж брака от 3 до 24 лет ($M=6,3$), в большинстве (87%) опрошенных семей было по 1-2 ребенка. Выборки в основном выровнены по социально-демографическим параметрам, только в кавказско-русской группе возраст респондентов оказался в среднем ниже ($M=31$), чем в двух других. Русско-арабские (РА) и монокультурные русские (РР) семьи проживали в разных городах России, русско-кавказские (РК) – в родных регионах мужей – в городах регионов Закавказья.

Методики исследования. Для изучения жизненных ценностей супругов использовалась методика Ш. Шварца (Ценностный опросник (ЦО) Шварца); для выявления установок супругов к семейной жизни – методика "Ролевые ожидания и притязания в браке" (РОП),

А.Н. Волковой, удовлетворенность супругов своим браком измерялась с помощью опросника удовлетворенности браком (ОУБ) В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко. Статистический анализ проводился с использованием описательной статистики, U-критерия Манна – Уитни. Для оценки степени статистической значимости различий между супругами применялся парный T-тест. В качестве основной группы анализа была выбрана группа русско-кавказских семей, в которых супруги различаются по этнической принадлежности, но исповедуют одну религию. Эта группа сравнивалась попарно с русскими семьями, гомогенными по национальности и религии, и с русско-арабскими семьями, различающимися и по национальности, и по религии.

Сравнительный анализ **жизненных ценностей** супругов из трех рассматриваемых групп показал на **нормативном** (общекультурном уровне) наличие статистически значимых различий между русско-кавказскими и гомогенными русскими парами по всем ценностям, кроме конформности ($p =$ от 0,04 до 0,000000*). По ценности конформности различия не достигли уровня значимости ($p=0,09$). В целом, все ценности значительно более важны для русско-кавказских семей, чем для российских, что видимо, говорит о большей приверженности этой группы нормативным жизненным ценностям в целом.

Сравнение ценностей русско-кавказских пар с русско-арабскими выявило противоположную ситуацию. Для русско-кавказских большинство нормативных ценностей менее значимы, чем для русско-арабских ($p=$ от 0,01 до 0,000000*). Что позволяет предположить, что большая культурная дистанция супругов в паре связана с большей приверженностью супругов нормативным, общекультурным (в данном случае, видимо, общечеловеческим) ценностям. Не выявлено значимых различий между этими группами по степени важности ценностей самостоятельности и достижений, которые в обеих группах признаются довольно важными, и в ценности стимуляции, которая для обеих групп имеет невысокую важность.

Структура ценностей различается не радикально. Для русско-кавказских пар наивысшей ценностью являются достижения, самостоятельность, далее следуют безопасность и доброта. Наименее значимая ценность – стимуляция, т.е. поиск новых впечатлений. Для русских пар наивысшие ценности – самостоятельность и доброта, далее – безопасность. Наименее значимые – традиции, стимуляция, власть. Для русско-арабских пар наивысшая ценность – безопасность, далее - доброта и традиции, ниже всего в рейтинге – стимуляция.

На уровне **индивидуальных приоритетов** (повседневного поведения) между русско-кавказскими и русскими семьями обнаружено несколько меньше значимых различий. А уровень статистической значимости остальных различий в общем ниже, чем среди нормативных ценностей ($p=$ от 0,04 до 0,000006). Не выявлено значимых различий в важности индивидуальных ценностей традиций, универсализма, стимуляции и достижений. Самые сильные различия выявлены по ценности гедонизма ($p=0,000006$) и конформности ($p=0,0002$) (которая на нормативном уровне не различается). Обе ценности на индивидуальном уровне важнее для русских пар. Также для них важнее, чем для русско-кавказских пар ценности безопасности и универсализма. На этом уровне русско-кавказские пары превосходят русские только по важности для них ценностей

Различия между индивидуальными ценностями в русско-кавказских и русско-арабских парах, в общем, те же, что и на нормативном уровне, за одним исключением. Если на нормативном уровне не было значимых различий в ценности достижений, то на индивидуальном уровне для русско-арабских пар достижения становятся важнее, чем для русско-кавказских ($p=0,01$), а значимые на нормативном уровне различия в ценности власти ($p=0,01$) при большей важности ее для русско-арабских пар ($p=0,01$) на индивидуальном уровне нивелируются ($p=0,9$).

Иерархия индивидуальных ценностей для всех трех групп наиболее важной ценностью является самостоятельность, далее следуют безопасность и достижения. Для русско-арабских пар еще большое значение имеет ценность конформности (которая является одной

из наименее важных для русско-кавказских пар). Для супругов из русско-кавказских браков также мало важна ценность гедонизма, для русских – традиций, для русско-арабских – стимуляции и власти. То есть жизненные ценности семей русских женщин с представителями разных культур, на нормативном уровне различаются более существенно, чем на индивидуальном. В индивидуальных приоритетах представления разных семей о том, что важно, во многом совпадают, а представления о том, что не важно, различаются.

В общем, для межкультурных семей нормативные (общекультурные) ценности являются более важными, чем для монокультурных. Предположительно, большая культурная дистанция супругов в паре связана с большей приверженностью супругов нормативным ценностям. Также для межкультурных семей в целом более важны, чем для монокультурных, ценности самостоятельности, стимуляции (новых впечатлений) и власти.

Ценность достижений, признаваемая русско-кавказскими семьями одной из наиболее важных на нормативном уровне, в повседневном поведении не находит своей реализации, признается менее важной, чем в других семьях. Также для этой группы менее, чем другим, в повседневной жизни важны конформность, доброта, гедонизм, безопасность, и более, чем другим, важна власть. Видимо, на индивидуальном уровне ценность власти некоторым образом компенсирует отказ от ценности достижений.

Сравнительный анализ степени важности для супругов **семейных ценностей** показал, что для русско-кавказских семей в большей степени, чем для двух других групп, важна хозяйственно-бытовая сфера (РК/РР $p = 0,001$; РК/РА $p = 0,01$), и родительно-воспитательная (РК/РР $p = 0,028$, в сравнении с русско-арабскими семьями различия статистически не значимы $p=0,9$). Возможно, это связано с культурными традициями регионов проживания респондентов. Русско-кавказская группа также продемонстрировала статистически значимую большую готовность супругов, независимо от пола, брать на себя обязательства по исполнению ролей в этих двух сферах (РК/РР: хозяйственно-бытовая сфера – $p=0,03$, детско-родительская – $p = 0,09$; РК/РА: хозяйственно – бытовая – $p=0,05$, детско-родительская – $p = 0,03$). Интересно отметить, что более сильные различия у русско-кавказских семей обнаружилось по притязаниям в хозяйственно-бытовой сфере с русскими семьями, а в детско-родительской – с арабскими семьями.

По ожиданиям от партнера в этих двух сферах хозяйственно-бытовой сфере русско-кавказские семьи также значимо превосходят русские (хозяйственно-бытовая - $p=0,03$, детско-родительская – $p=0,05$), но значимых различий с русско-арабскими семьями по этому параметру не выявлено.

Т.е. гомогенные русские семьи, по сравнению с русско-арабскими и русско-кавказскими, считают хозяйственную и родительскую функции семьи менее значимыми, в меньшей степени стремятся сами выполнять эти роли и в меньшей степени ждут этого от партнеров. Для русско-арабских семей, по сравнению, с русско-кавказскими, эти сферы также менее значимы, они меньше готовы сами исполнять эти роли, но не меньше, чем русско-кавказские ожидают их исполнения от своих партнеров.

Кроме того, русско-кавказские пары показали более низкий уровень ожиданий к внешней привлекательности партнера, по сравнению с русскими парами ($p=0,02$), и к исполнению партнером эмоционально-терапевтической роли, по сравнению с русско-арабскими парами ($p=0,0006$). В этих же двух сферах обнаружены значимые различия между исследуемыми группами в ролевой адекватности пары, т.е. степени соответствия ожиданий одного партнера от второго, ролевым притязаниям второго партнера, т.е. степени, в которой он готов принимать на себя ответственность за исполнение определенной роли. Низкая степень ролевой адекватности предполагает наличие явного или латентного ролевого конфликта. В русско-кавказских семьях ролевая адекватность в вопросах внешней привлекательности партнеров значительно выше, чем в русских ($p=0,002$), а в эмоционально-терапевтической сфере – значительно выше, чем в русско-арабских ($p=0,03$). Сопоставляя эти результаты с данными предыдущего исследования [6], мы считаем, что эти данные отражают большее психологическое благополучие межэтнических пар с общей религией, по

сравнению с межконфессиональными парами; а также меньшую значимость для семейной жизни внешних, не связанных напрямую со взаимоотношениями, факторов (в частности, внешнего вида партнера) в межкультурных парах, по сравнению с монокультурными русскими парами.

Особый интерес для нашего исследования представляла степень согласованности ценностей (ценностное единство) между супругами в семьях разного типа. С помощью парного Т-теста мы сопоставили степень расхождения в представлениях супругов о важности жизненных и семейных ценностей и установок к семейной жизни в рассматриваемых типах семей.

Анализ степени **совпадения жизненных ценностей супругов** показал, что статистически значимые расхождения в ценностных представлениях российских супругов из гомогенных семей минимальны, а максимальное число расхождений отмечалось в русско-кавказских семьях. В русских семьях значимые расхождения на нормативном уровне отмечаются только в ценностях универсализма ($p=0,02$) и власти ($p=0,4$). Женщины в большей степени, чем их мужья ориентированы на универсальные ценности, а мужчины – на ценность власти, что отражает следование гендерным стереотипам. На индивидуальном уровне значимое расхождение имеется только в ценности самостоятельности ($p=0,07$), также в соответствии с гендерными стереотипами, для мужчин эта ценность более важна.

В русско-арабских семьях на нормативном уровне значимо различаются представления супругов о важности ценностей конформности ($p=0,009$, преобладает у женщин), достижений ($p=0,02$) и власти ($p=0,003$) (преобладают у мужчин). На индивидуальном уровне также значимы расхождения по ценностям власти ($p=0,00000*$), самостоятельности ($p=0,0005$), безопасности ($p=0,004$) и достижений ($p=0,02$), которые преобладают у мужчин. То есть, в этой группе семей гендерные стереотипы еще сильнее проявляются в ценностных ориентациях супругов, как на нормативном, так и на индивидуальном уровнях.

В русско-кавказских семьях значимые различия выявлены по преобладающим у мужчин ценностям власти ($p=0,0000*$), достижения ($p=0,0001$), самостоятельности ($p=0,01$), традиций ($p=0,03$) и безопасности ($p=0,05$); у женщин, по сравнению с их мужчинами, преобладает ценность доброты ($p=0,02$). Различия в индивидуальных ценностях в основном совпадают с нормативным уровнем, но также обнаружено значимое преобладание ценности гедонизма ($p=0,05$) у женщин.

Такие результаты позволяют предположить, что наличие общей религии в межнациональных семьях повышает значимость традиционных ценностей (что было доказано выше), в том числе и в отношении традиционного распределения социальных ролей между полами. Что, в свою очередь, предполагает, что выявленные различия в ценностях отражают не столько противоречия в ценностях супругов, сколько комплиментарность ценностей мужчин и женщин.

Далее рассмотрим **соотношение семейных ценностей** супругов из семей разного типа. В Таблице 1. Представлены данные о статистической значимости различий в представлениях супругов о важности различных сфер семейной жизни.

Таблица 1.

Согласованность представлений супругов о значимости сфер семейной жизни в семьях разного типа

Сферы семейной жизни	Типы семей								
	Русско-кавказские			Русско-арабские			Русские		
	D		p	iff.		p	iff.		p
интимно-сексуальная	0,74	,68	0,0017	,70	,58	0,0012	,80	,56	0,0193

личностная идентификация	0,32	,03	,3163	0,60	1,61	,1188	0,30	1,19	,2492
хозяйственно-бытовая	0,82	,55	,0023	0,80	2,23	,0339	,00	0,01	,9901
родительско-воспитательская	0,34	,95	,0669	0,52	1,25	,2215	,65	,20	,0401
социальная активность	0,11	,70	,4944	0,90	2,79	,0093	0,13	0,44	,6663
эмоционально-психотерапевтическая	0,26	,17	,2557	0,75	2,27	,0311	0,13	0,42	,6804
внешняя привлекательность	0,58	,54	,0023	1,23	2,52	,0174	0,23	0,55	,5891

Как видно из таблицы, минимальное число различий также наблюдается в русских семьях, а максимальное – в русско-арабских. Для мужчин в русских монокультурных семьях, как и в межкультурных более значимой, чем для их жен, является сексуальная сфера, что вполне традиционно. Но кроме того, для мужчин в русских семьях более, чем для их жен, важна сфера родительства. В русско-кавказских семьях отмечается такое же различие на уровне значимости. Что, скорее, говорит о снижении значимости традиционно женской родительской роли у современных русских женщин, состоящих как в монокультурном, так и в межкультурном браке, видимо, вследствие принятия на себя новых ролей, а также более равномерного распределения родительских обязанностей с мужьями. Однако, в браке с мусульманами у русских женщин сохраняется большая значимость родительской сферы, по сравнению с их мужьями.

Интересно, что в русско-кавказских семьях для мужчин важнее, чем для их жен хозяйственно-бытовая сфера и внешняя привлекательность партнеров, а в русско-арабских семьях – наоборот, эти сферы значительно важнее для женщин. Также имеются значимые расхождения в представлениях супругов из русско-арабских семей в важности эмоционально-психотерапевтической сферы семьи, которая более значима для женщин. Сфера социальной активности также в этих семьях важнее для женщин. Возможно, эти различия объясняются тем, что семьи, участвовавшие в этом исследовании, проживали на родине женщин, мужчины находились в инокультурном окружении, что могло снижать для них важность социальной активности.

В общем, эти результаты показывают, что большая культурная дистанция между супругами связана с большими различиями в представлениях супругов о важности сфер семейной жизни. Причем фактор общей религии уменьшает количество противоречий.

Таблица 2.

Согласованность ролевых притязаний (готовности принимать на себя ответственность за сферы семейной жизни) супругов в разных типах семей

Сферы семейной жизни	Типы семей								
	Русско-кавказские			Русско-арабские			Русские		
	D iff.		p	D iff.		p	D iff.	t	p
хозяйственно-бытовая	0,42	,88	0,3915	2,47	4,20	0,0002	0,50	0,85	0,4085
родительско-воспитательская	0,32	,78	0,4457	0,57	0,90	0,3759	0,20	,95	0,0655
социальная активность	1,21	,11	0,0001	0,73	,65	0,1097	0,45	,34	0,1965
эмоционально-психотерапевтическая	0,53	,14	0,0465	1,60	3,72	0,0009	0,15	0,38	0,7112
внешняя привлекательность	0,11	,62	0,5416	2,17	3,57	0,0013	0,25	0,40	0,6949
общий уровень притязаний	0,52	,15	0,0055	1,21	3,17	0,0036	0,22	,82	0,4204

Как видно из таблицы 2, в монокультурных русских семьях нет значимых различий в ролевых притязаниях супругов. И мужчины, и женщины в равной степени готовы принимать на себя ответственность за все основные сферы семейной жизни. В обоих типах межкультурных семей имеются значимые различия. Как и на предыдущем этапе, обнаружены особенности в распределении ролей между супругами. Так, в русско-кавказских семьях общий уровень ролевых притязаний выше у мужчин, чем у их жен, а в русско-арабских – у женщин. Такие же различия отмечаются в отношении эмоционально-психотерапевтической роли. Также в русско-кавказских семьях мужчины в гораздо большей степени готовы реализовывать внешнюю социальную активность, в то время как в русско-арабских значимых различий в этой роли нет, в русско-арабских семьях женщины в большей степени готовы исполнять хозяйственно-бытовые роли и заботиться о своей внешней привлекательности. Частично, эти данные объясняются гендерными стереотипами, но также, очевидно, что много определяется местом проживания, т.е. тем, кто из супругов оказывается в инокультурном окружении.

Таблица 3.

Согласованность ролевых ожиданий (ожиданий от супруга принятия ответственности за сферы семейной жизни) супругов в разных типах семей

Сферы семейной жизни	Типы семей								
	Русско-кавказские			Русско-арабские			Русские		
	D iff.		p	D iff.		p	D iff.	t	p
хозяйственно-бытовая	0,11	,33	0,0038	0,87	,85	0,0749	0,50	1,03	0,3145
родительско-воспитательская	0,42	,80	0,0880	0,47	1,08	0,2905	0,25	0,53	0,6005
социальная активность	1,00	5,85	0,0000	2,53	5,07	0,0000	0,70	1,35	0,1929

эмоционально-психотерапевтическая	,26	,86	0,3986	0,10	,29	0,7773	-0,10	-0,30	0,7663
внешняя привлекательность	,21	,65	0,0002	0,30	0,52	0,6075	-0,10	-0,26	0,8004
Общий уровень ролевых ожиданий	,40	,17	0,0053	0,47	1,61	0,1186	-0,13	-0,56	0,5793

Как видно из Таблицы 3, в монокультурных русских семьях также нет существенных различий в ожиданиях супругов друг по отношению к другу. В русско-арабских семьях выявлено единственное различие с очень высоким уровнем значимости – женщины в большей степени ожидают от своих мужей реализации внешней социальной активности, чем их мужья от них. Как уже сказано, мы связываем это с тем, что мужчины в этих семьях находятся в инокультурном окружении, что, видимо, снижает их социальную активность (при сохранении стремления принимать на себя эту роль), что вызывает, возможно, некоторую напряженность в ожиданиях их жен в этой сфере. В русско-казахских семьях отмечаются различия по большинству сфер семейной жизни. Мужчины в большей степени ожидают от своих жен исполнения хозяйственно-бытовых ролей и социальной активности, у женщин более высокий общий уровень ролевых ожиданий в отношении своих супругов. Что также подтверждает описанное ранее влияние в этих семьях инокультурного окружения на женщин. Ожидания к внешней привлекательности супругов в этих семьях выше у женщин. Как сказано ранее, эта сфера более значима для женщин из этих семей, поэтому, видимо, они ожидают, что их мужья будут соответствовать их запросам в отношении внешности.

Таким образом, мы видим, что в межкультурных семьях имеется больше расхождений в представлениях супругов о важности сфер семейной жизни и распределении ролей между супругами. С одной стороны, эти расхождения отражают традиционные стереотипы о гендерных социальных и семейных ролях. С другой стороны, в семейных установках супругов из межкультурных семей важную роль играет фактор инокультурного окружения – того, кто из супругов находится в своей культуре, а кто находится в процессе адаптации к чужой культуре. Общая религия супругов способствует большей согласованности семейных ценностей супругов, но также способствует и большей приверженности супругов традиционным представлениям о семейных ценностях.

Далее рассмотрим, как выявленные особенности в ценностях и степени их согласованности проявляются в удовлетворенность браком (см. таблицу 4). Мы оценивали как удовлетворенность браком каждого супруга, так и среднюю удовлетворенность в паре, а также степень согласованности супругов о благополучии их брака. Как видно из таблицы 4, попарное сравнение трех типов семей показало различия по всем параметрам удовлетворенности браком на очень высоком уровне статистической значимости. В межэтнических семьях с общей религией удовлетворенность браком значительно выше, чем в других семьях. А в межэтнических и одновременно межконфессиональных семьях уровень удовлетворенности браком самый низкий. Также в российско-кавказских семьях самый низкий коэффициент расхождения в представлениях супругов о благополучии их брака. Однако, в гомогенных российских семьях этот показатель самый высокий, что позволяет предположить невысокую степень открытости в супружеской коммуникации, и то, что удовлетворенность браком в этой группе определяется не столько качеством взаимоотношений, сколько более низкими ожиданиями по отношению к сфере семейной жизни.

Таблица 4.

Удовлетворенность браком в монокультурных, межэтнических и межконфессиональных семьях

Показатели удовлетворенности браком	типы семей			Значимость различий (p)	
	Российск	Росс	Россий	PK/	PK/PP

	о-кавказские (РК) (n = 40)	ийско- арабские (РА) (n=60)	ские (РР) (n=38)	РА	
Удовлетворен ность браком супругов	39,92	24,23	29,52	0,0 00102	0,0000 07
Средняя удовлетворенность браком в паре	39,95	24,23	29,32	0,0 0000	0,0000 00
Расхождения в представлениях супругов об удовлетворенности браком	1,74	7,07	12,95	0,0 0000	0,0000 00

Подводя общие итоги исследования, мы можем сделать следующие **выводы**. В целом, межэтническая семья представляет собой сложную структуру, в которой разные ценности и отношения не только конкурируют, сосуществуют, но и трансформируются, изменяют национальную и культурную самобытность и культурно обусловленные ценности супругов. Разные религии супругов создают дополнительные трудности для установления взаимодействия в паре, эти трудности связаны не столько с жизненными ценностями, сколько с семейными установками, распределением ролей в семье.

В общем, для межкультурных семей нормативные (общекультурные) ценности являются более важными, чем для монокультурных. Чем больше культурная дистанция супругов в паре, тем более супруги привержены нормативным ценностям.

Семейные ценности межэтнических пар с общей религией, по сравнению с межконфессиональными парами являются более традиционными в плане гендерного распределения ролей. По сравнению с монокультурными семьями, межкультурные демонстрируют меньшую значимость для семейной жизни внешних, не связанных напрямую со взаимоотношениями, факторов (в частности, внешнего вида партнера). Степень ролевой адекватности (т.е. соответствия ролевых ожиданий к партнеру и его готовности выполнять определенные роли) существенно не различаются в межкультурных и монокультурных семьях.

В межкультурных семьях степень совпадения жизненных ценностей супругов значительно меньше выражена, чем в монокультурных. Но в парах, исповедующих общую религию, различия в жизненных ценностях отражают не столько противоречия в ценностях супругов, сколько комплиментарность ценностей мужчин и женщин.

В семейных ценностях и ролевых установках супругов, состоящих в межкультурных браках, также имеется значительно больше расхождений, чем в монокультурных парах. С одной стороны, эти расхождения также связаны с приверженностью традиционным ценностям, с другой стороны, в семейных установках супругов из межкультурных семей важную роль играет фактор инокультурного окружения одного из супругов.

В общем, наличие общей религии в межэтнической паре способствует большей удовлетворенности браком и большей согласованности представлений супругов о благополучии их отношений. В межэтнических, межконфессиональных парах удовлетворенность браком самая низкая, но степень согласия супругов по поводу качества отношений выше, чем в монокультурных семьях, что говорит о более открытой коммуникации в этих семьях и вовлеченности супругов в отношения. То есть, принадлежность супругов к разным культурам (как этническим, так и религиозным) оптимизирует процесс сопоставления ценностей и семейных установок; несмотря на ряд

трудностей, супруги из межкультурных семей в целом имеют более согласованные представления о своей семейной жизни.

Проведенное исследование расширяет знания о межнациональных семьях, их ценностях, установках, ролевых ожиданиях и притязаниях. Полученные результаты могут помочь лучше понять процессы, происходящие в семейной системе, и разработать эффективные методы психологической помощи таким семьям.

Список использованных источников:

1. Маслова О.В., Буй Дык Т. Изменение ценностных ориентаций вьетнамских студентов в России: результаты эмпирического исследования // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015, № 3 (63), Т. 3. -С.179-184.
2. Соколовский С.В. Подходы к изучению этнической идентификации // СоцИс, 2003, №3. – С. 23-28.
3. Чеботарева Е.Ю. Ценностные ориентации и установки к семейной жизни в добрачный период: гендерный аспект // Проблемное поле современной семьи. –М.: МГГУ им. Шолохова, 2016. - С.208-213.
4. Chebotareva, E. (2014) Psychological factors of ethnic extremism in Muslim youth. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 5 (22), 140-148.
5. Chebotareva, E. (2015) Cultural Specifics of Life Values and Subjective Well-Being. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6 (2 S5), 301-307.
6. Chebotareva, E.Y., Jaber, H.M.A. (2017). Life Values of Persons in Cross-Cultural (Arab-Russian) and Monocultural Marriages and Their Representation in Family Sphere. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 14 (3), 311—325. DOI 10.22363/2313-1683-2017-14-3-311-325
7. Cooney, T. & Radina, M. (2000). Adjustment problems in adolescence: Are multiracial children at risk? *American Journal of Orthopsychiatry*, 70, 433-444.
8. Fischer R. & Schwartz S. (2011) Whence differences in value priorities? Individual, cultural, or artifactual sources. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 42, 1127–1144.
9. Gaines, S. & Brennan, K. (2001). Establishing and maintaining satisfaction in multicultural relationships. In J.Harvey & A. Wenzel (Eds.), *Close Romantic Relationships: Maintenance and Enhancement*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. 237-253
10. Heaton, T. B. (2002). Factors contributing to increasing marital stability in the United States. *Journal of Family Issues*, 23(3), 392–409.
11. Killian, K. (2002). Dominant and marginalized discourses in inter-racial couples' narratives: Implications for family therapists. *Family Process*, 41, 603-618.
12. Mahoney, A. (2010). Religion in families, 1999–2009: A relational spirituality framework. *Journal of Marriage and Family*, 72, 805–827.
13. McClendon, D. (2016) Religion, Marriage Markets, and Assortative Mating in the United States *Journal of Marriage and Family*, 78 (5), 1399-1421.
14. Model, S. & Fisher, G. (2002). Unions between Blacks and Whites: England and the US compared. *Ethnic and Racial Studies*, 25, 728-754.
15. Myers, S. M. (2006). Religious homogamy and marital quality: Historical and generational patterns, 1980–1997. *Journal of Marriage and Family*, 68, 292–304.
16. Ortega, S. T., Whitt, H. P. & William, J. A. (1988). Religious homogamy and marital happiness. *Journal of Family Issues*, 9(2), 224–239.
17. Troy, A., Lewis-Smith, J., & Laurenceau, J. (2006). Interracial and intraracial romantic relationships: The search for differences in satisfaction, conflict, and attachment style. *Journal of Social and Personal Relationships*, 23, 65-80.
18. Zhenchao Q., Sampson L. B. & Stacey D. R. (2001) Asian American Interracial and Interethnic Marriages: Differences by Education and Nativity. *The International Migration Review*, 35 (2), pp. 557-586.

19. Wood, J. (2000). *Relational communication: Continuity and change in personal relationships* (2nd ed.). Belmont, CA: Wadsworth.

Абрамова Мария Алексеевна
доктор педагогических наук, доцент,
Институт философии и права СО РАН
в.н.с., заведующий отделом
социальных и правовых исследований
630090, г. Новосибирск, Николаева, 8
e-mail: marika24@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ТИПА СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ УСТАНОВОК В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Аннотация. В статье представлено несколько типологий семьи. На основе анализа результатов исследования молодежи в республиках Тыва, Хакасия и Саха (Якутия) показано влияния разных типов семей на установки молодежи в межэтническом взаимодействии, в частности на выбор аккультурационных стратегий. Автор приходит к выводу, что детерминирующим фактором является тип семьи по этническому признаку, а также ее эмоциональный фон.

Ключевые слова: моноэтнические и этнически смешанные семьи, конструктивный и деструктивный тип, межэтническое взаимодействие, молодежь, аккультурационные стратегии.

Abramova Mariya Alekseevna
doctor of pedagogical Sciences, associate Professor,
Institute of philosophy and law SB RAS
leading researcher, head of Department of social and law studies
630090, Novosibirsk, Nikolaev, 8
e-mail: marika24@yandex.ru

THE INFLUENCE OF TYPE OF FAMILY ON THE FORMATION OF ATTITUDES IN INTER-ETHNIC INTERACTION

Abstract. The article discusses the relationship of learning motivation of teenagers and their functional involvement in the family. It is proved that there is a direct relationship between involvement of the teenager in the family and motivation, aimed at the mark, the subjectivity of the teenager associated feedback indicator of inclusion of a teenager in the parent family; and a low level of emotional connection with parents and adolescents is negatively related to involvement in family.

Key words: motivation of older adolescents, the functional involvement of the family, subjectivity teen megusta determination of motivation.

Семья как первичная среда социализации и инкультурации ребенка играет одну из важнейших ролей в формировании картины мира, а также поведенческих моделей, которые найдут свое развитие в процессе становления личности. Интенсификация международных контактов, усложнение миграционных процессов внутри страны – все это в совокупности обуславливает актуальность рассмотрения детерминирующих факторов, влияющих на установки личности в межэтническом взаимодействии.

Исследование роли семьи в этносоциальных процессах проводится чаще всего в аспекте семейно-брачных отношений, вследствие чего применяемая типология семей,

сводится к этническим типам – моноэтническим и этнически смешанным. Это, безусловно, важно для понимания динамики межэтнических взаимодействий, но недостаточно для целостного представления об осуществляемом влиянии. Расширяя проблемное поле фамилистики (науки о социальной роли семьи), мы рассмотрели на различных уровнях типологию семей, роль различных типов семей в формировании ценностных ориентаций молодежи, ее идентичностей, аккультурационных стратегий юношей и девушек, социокультурную адаптацию и др. [1, с. 83-93; 2; 3; 6. с. 105-111; 7].

Теоретические вопросы типологии семей в аспекте межэтнической интеграции представлены нами в статье «Типология российских семей в аспекте межэтнического взаимодействия» [1, с. 83-93]. Предложен вариант социокультурного типа семьи на основании триады Питирима Сорокина «личность – общество – культура», где социальная ось в модели социокультурного типа задана социальным статусом родителей (элита, средний слой, «социальное дно»; полная и неполная семья); культурная ось – отношение к традициям (соблюдаются культурные традиции народа или нет), а личностная ось – характером внутрисемейных отношений (гармония – дисгармония, т.е. модель семейных отношений «Мы» или «Я и они»).

Апробация типологии выполнена на основе исследования аккультурационных стратегий молодежи Сибири в республиках с различным соотношением русского и титульного (определяющего название республики) населения – Тыва (русские: тувинцы = 1:6), Якутия (2:3) и Хакасия (4:1). Выбор республик позволил проверить гипотезу о влиянии этнической структуры в регионе на распределение этнических типов семей (моноэтнических и этнически смешанных) и на стратегии аккультурации молодежи из данных типов семей. Эмпирическую базу исследования составили материалы массовых опросов учащейся молодежи – школьников, студентов колледжей, студентов вузов; русских, саха, хакасов, тувинцев, представителей коренных малочисленных народов Севера. В выборочную совокупность вошла молодежь: по Тыве – 598 чел. из моноэтнических и 40 чел. – из этнически смешанных семей (данное соотношение вполне отражает распределение по этническим группам в республике); по Якутии – соответственно 2697 и 739; по Хакасии – 1401 и 274 чел.

Определение аккультурационных стратегий основывалось на концепции Дж.В. Берри о четырех типах поведения этнических групп [8], теории Тайфеля о социальной идентичности и концепции Камиллери о стратегиях идентичности в процессе самоидентификации [9; 10; 11]. Таким образом, были выделены четыре стратегии: интеграционная (для индивида значимо сохранение и знание собственной культуры, а также уважение к другой культуре, основанное на стремлении к изучению и принятию ее особенностей); сепарационная (гиперболизация интересов своей этнической группы, стремление к этноцентризму); ассимиляционная (отсутствие стремления к сохранению и познанию собственной культуры, за счет принятия культуры доминирующего этноса); маргинальная (нивелирование значимости в сохранении и признании особенностей как своей культуры, так и других этнических групп).

Сводные данные об аккультурационных стратегиях молодежи разных национальностей и этнических типов семей в указанных республиках приведены в табл. 1.

Таблица 1.

**Выбор молодежью аккультурационных стратегий
из моноэтнических и этнически смешанных семей, %**

Республики	Этническая группа	Аккультурационные стратегии							
		Моноэтнические семьи				Этнически смешанные семьи			
		Интеграция	Сепарация	Ассимиляция	Маргинализация	Интеграция	Сепарация	Ассимиляция	Маргинализация
Тувинцы	Тувинцы	82	9	8	1	57	8	27	8

	Русские	85	0	13	2
Саха (Якутия)	Саха	74	10	14	2	62	8	28	2
	НС*	67	13	18	2	77	7	14	2
	Русские	65	3	29	3	56	3	38	3
	Другие	60	6	30	4	49	5	35	11
Хакасия	Хакасы	82	7	10	1	59	7	30	4
	Русские	65	4	26	5	51	3	42	4

Примечание: «...» – группа малочисленна
«*» Коренные малочисленные народы Севера

Необходимо отметить, что большая часть молодежи всех национальностей и обоих типов семей (моноэтнические и этнически смешанных) выбирают стратегию интеграции (для них в равной мере важна и этническая, и общероссийская идентичность). Противоположную ей стратегию сепарации, демонстрирует небольшая часть молодежи, в большей степени, представленная молодежью из числа титульных народов. В то же время значительная часть русской молодежи (13 – 42%), проживающая в национальных республиках, выбрала стратегию ассимиляции.

Отчасти выбор русской молодежью ассимиляционной стратегии связан со спецификой этнической картины региона. В масштабе всей России доминирование общероссийской самоидентификации над этнической для русских, в какой-то мере является подтверждением ассоциирования этнического с общероссийским. Но в условиях регионов с доминированием численности иных этносов (республики Северного Кавказа, Тыва, Саха (Якутия) и др.) выбор русской молодежью ассимиляционной стратегии может привести к уменьшению их доли в этнической структуре населения региона и значимым социокультурным последствиям [2; 4]. По-видимому, эти последствия более четко осознают русские в Республике Тыва, составляющие лишь 16% населения, где минимальна (13%) доля выбирающих стратегию ассимиляции среди русской молодежи. В то же время в Хакасии и Якутии, где доля русских в населении соответственно около 80 и 40%, эта специфика самосознания русской молодежи весьма заметна: стратегию ассимиляции выбрали соответственно 26 и 29% молодежи из моноэтнических русских семей и 42 и 38% – из этнически смешанных семей.

В целом важно отметить, что потомки межэтнических браков чаще (в полтора – два раза) выбирают ассимиляционную стратегию. Для того, чтобы посмотреть более детально на поведение потомков из этнически смешанных семей мы провели типологизацию по этничности родителей. К сожалению, для данного анализа необходимо было большое количество респондентов, вследствие чего, исследование можно было провести только на массиве из Якутии и Хакасии (см. табл. 2).

Таблица 2.

Аккультурационные стратегии молодежи из межэтнических семей разного состава, % в группе

Ре-спублика	Этнический состав семьи	Аккультурационные стратегии			
		Интеграция	Сепарация	Ассимиляция	Маргинализация
Саха (Якутия)	Саха-русские	53	6	39	2
	Саха-	77	7	14	2

	КМНС				
	Саха– другие народы	51	8	41	0
	Русские – КМНС	71	8	21	0
	Русские – другие народы	54	2	38	6
	КМНС другие	54	2	38	6
Хакаси я	Хакасы– русские	50	2	46	2
	Русские – другие народы	52	3	38	7

Как показали результаты опроса, основная масса (87 %) молодежи КМНС, выходцев из этнически смешанных семей – это дети из семей саха –КМНС, и на их самоидентификацию как представителей коренных малочисленных народов Севера решающее влияние оказывает этническое самосознание саха (доминирующая этническая группа в регионе). Для саха, в отличие от КМНС, характерен более высокий уровень интеграционных ориентаций (74 и 69 % соответственно) и более низкий уровень – ассимиляционных (см. табл. 1). То есть, при этнокультурном взаимодействии в таких семьях приоритетным оказывается мировоззрение саха. Наряду с культурно-мировоззренческим фактором на выбор аккультурационных стратегий молодежи КМНС – детей как из моноэтнических, так и особенно этнически смешанных семей – влияет политико-правовой статус коренных малочисленных народов, предоставляющий им определенные экономические и социальные преференции.

В то же время для юношей и девушек – детей из семей русские–саха и русские–хакасы – наоборот, характерен очень высокий уровень ассимиляционных стратегий (42 и 46 % соответственно) и более низкий – стратегий интеграции, чем для их сверстников из моноэтнических семей саха и русских в Якутии, хакасов и русских – в Хакасии (см. табл. 1 и 2). То есть отмеченная выше «экспансия» этнического самосознания русских в таких этнически смешанных семьях проявляется в еще большей степени, чем в моноэтнических русских семьях в данных республиках.

Ранее нами исследовались установки молодежи республик Саха (Якутия) и Хакасия в отношении предпочтения при выборе друга, коллеги, руководителя, работников органов власти из представителей своей национальности), оценка причин конфликтов в межэтнических отношениях, установки при выборе супруга(и), отношения к этнической среде проживания. [2; 7]. Было выявлено, что этнически смешанные семьи в целом формируют у молодежи более позитивные установки в брачных отношениях, социальных дистанциях, к взаимодействию в иноэтнической среде проживания. В то же время они снижают ценность для части молодежи такой важной характеристики Я-концепции личности как этническое самосознание (этническая самоидентификация), в том числе это влияет на ценность изучения и сохранения родного языка (языка этноса), содействует формированию ассимиляционной стратегии.

Сопоставление выбора этнической самоидентификации детей с этнической принадлежностью отца, проведенное в Якутии Д.Г. Брагиной [5], позволило сделать вывод, что городская среда в большей степени позитивно влияет на уровень толерантности родителей саха. В то же время русские, проживающие в сельской местности, в первую очередь трепетно относятся к соблюдению культурных традиций будущим членом семьи, что свидетельствует о доминировании аксиологических требований в отношении

предполагаемого супруга(и) их детей. В отличие от села городские условия проживания, не требующие соблюдения от респондентов традиций народной культуры, негативно влияют на сохранение доминантности этнокультурных требований при выборе брачного партнера.

Одной из причин такого манипулирования выбором этнической самоидентификации является стремление индивида адаптироваться в обществе. На адаптированность влияют множество факторов, среди которых – социально–экономические, правовые, социокультурные, коммуникационные и прочее, что, безусловно, в национальных республиках обусловлено и спецификой отношения к представителям той или иной этнической группы. В условиях сплоченного сильного государства, проводящего политику создания мультикультурного сообщества (политика интернационализации), на фоне усиления гражданской самоидентификации выбор этнической не имел такого большого влияния на степень адаптированности индивида в обществе. Но с постепенным ростом этноцентрических настроений в национальных республиках СССР к началу 1990-х гг. XX вв. выбор этнической самоидентификации, по сути, обуславливал статус, экономическое положение, стратегии обучения и прочие возможности развития и карьерного продвижения индивида.

Переходя к социокультурной типологизации семей, выделим два полярных социокультурных типа по модели «полная семья – отношение к сохранению этнических традиций – характер внутрисемейных отношений». Первый тип, где ребенок живет с обоими родителями, в семье соблюдаются традиции народа, внутрисемейные отношения хорошие, определим, как *конструктивный*. Вторым тип, где ребенок живет с одним из родителей или без них, традиции не соблюдаются, а внутрисемейные отношения напряженные или конфликтные, назовем *деструктивным* социокультурным типом семьи.

Поскольку данная типологизация требует, для достоверности анализа анкет, большого числа респондентов, то рассмотрим выбор аккультурационных стратегий молодежью этих типов семей (см. табл. 3) на материале социологического исследования в Республике Саха (Якутия), где было опрошено 3830 человек. На основании вышеуказанных критериев было выделено 3 типа семей: *конструктивный*, *деструктивный* и *переходный* (семья имеет признаки и из деструктивного и конструктивного типов). Конструктивный тип семьи среди моноэтнических семей Республики Саха (Якутия) составляет 31%, а среди этнически смешанных – 20%, а деструктивный 4 и 7% соответственно.

Таблица 3.

Выбор аккультурационных стратегий молодежью социокультурных типов семей Республики Саха (Якутия), % в группе

Этническая группа	Социокультурный тип семьи							
	Конструктивный				Деструктивный			
	Аккультурационные стратегии							
	Интеграция	Сепарация	Ассимиляция	Маргинализация	Интеграция	Сепарация	Ассимиляция	Маргинализация
Саха	77	9	11	2	43	0	48	10
Русские	66	3	29	2	42	3	52	3
Все по РС(Я)	71	6	21	2	42	3	49	6

Результаты анализа показали, что деструктивный тип семьи значительно увеличивает (в два раза) количество молодежи, выбирающей ассимиляционные установки. Особо хотелось отметить влияние деструктивного типа семьи на увеличение числа молодежи саха, выбирающей стратегию маргинализации.

Сопоставление установок молодежи из моноэтнических и этнически смешанных семей показал, что деструктивный социокультурный тип семьи особенно сильно влияет на выбор аккультурационных стратегий молодежью из этнически смешанных браков (см. табл.4).

Таблица 4.

Выбор аккультурационных стратегий молодежью из моноэтнических и этнически смешанных семей в Республике Саха (Якутия), % в группе

Этнический тип семьи	Социокультурный тип семьи							
	Конструктивный				Деструктивный			
	Аккультурационные стратегии							
	Интеграция	Сепарация	Ассимиляция	Маргинализация	Интеграция	Сепарация	Ассимиляция	Маргинализация
Моноэтнические	72	7	20	2	50	3	40	8
Этнически смешанные	64	3	27	5	23	5	73	0

Материалы социально-психологического исследования молодежи позволили выявить существующую закономерность постепенного снижения стремления к выбору интеграционной стратегии у молодежи – от моноэтнической к этнически смешанной семье – в зависимости от стремления к сохранению родителями традиций и поддержания позитивного эмоционального фона.

И наоборот, уменьшение значимости сохранения связей с этнокультурными истоками, ухудшение взаимопонимания и тяготение к конфликтным ситуациям в семье – от моноэтнической к этнически смешанной семье – продемонстрировало усиление тенденции у молодежи к выбору ассимиляционной стратегии.

В этой связи полученный результат дает основания для выводов не столько о тенденциях распространения ассимиляционной стратегии, сколько о природе ее возникновения. Если интеграция подразумевает уважение к своей культуре, стремление к ее сохранению, но также и уважение к другой культуре и стремление к взаимодействию, учитывающему специфику другой культуры, то ассимиляция как стратегия поведения индивида подразумевает его стремление к взаимодействию, но без трепетного отношения к сохранению культурного разнообразия – как своего, так и чужого.

Важно также отметить, что по силе влияния фактор негативного эмоционального фона в семье оказался более значим, чем отношение родителей к сохранению и воспроизведению ритуалов, связанных с этнической культурой. Таким образом, мы можем сделать вывод, что уважение и понимание, как в сфере межличностного взаимодействия, так и в сфере межэтнического взаимодействия, начинается не с соблюдения традиций, а с уважения и стремления к пониманию другого. Именно ощущения признания себя как личности в детстве, является той основой, которая не только создает благоприятный фон для партнерского взаимодействия с другими уже во взрослой жизни, но и обеспечивает адаптированность субъекта.

Проверка на степень социокультурной адаптации индивидов, осуществлялась на основе индикаторов «удовлетворенность жизнью» и «социальный оптимизм» [3] и оценивалась как «хорошо адаптирован», «средне адаптирован», «плохо адаптирован». Анализ показал, что потомки деструктивного типа из этнически смешанных семей крайне плохо адаптированы к социокультурным условиям жизни. Если среди молодежи конструктивных типов семей (моноэтнических этнически смешанных) 50-52% молодежи адаптированы хорошо и лишь 13-20% адаптированы плохо, то среди молодежи из моноэтнических семей деструктивного

социокультурного типа таковых соответственно 37 и 24%, а у молодежи из этнически смешанных семей деструктивного типа с адаптацией вообще катастрофа – лишь 9% адаптированных хорошо и 52% – плохо.

Таким образом, степень социокультурной адаптации молодежи является отражением ее социокультурного самочувствия в целом и сказывается на ее установках, ценностных ориентациях и стратегиях, в том числе и в сфере межэтнических взаимодействий [2; 3].

В заключении можно сделать вывод, что тип семьи играет большую роль в этносоциальных (в первую очередь этнокультурных) процессах. Если рассматривать семью как коммуникационное пространство, то формирование ребенка в условиях нивелирования значимости традиций и этнокультурного своеобразия обуславливает уменьшение значимости изучения как своей культуры, так и другой. В дополнение к этому выстраивание взаимоотношений между родителями и детьми без сохранения душевной теплоты, приводящее к конфликтам, в результате формирует индивида, не чувствующего специфику как своего, так и чужого этнокультурного и психоэмоционального пространства. Данный вывод, конечно же, требует дополнительных исследований, и выявленная закономерность может иметь не только этнокультурные и социально-психологические объяснения. Но сам по себе выявленный факт взаимовлияния социокультурного типа семьи, ее психоэмоциональной атмосферы и выбора впоследствии ребенком аккультурационной стратегии заслуживает внимания.

Список использованных источников:

1. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Савельев Л.Я. Типология российских семей в аспекте межэтнического взаимодействия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – Т. 13, вып. 3. – С. 83–93
2. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурные типы молодежи. – Новосибирск, Автограф, 2014. – 179 с.
3. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. – Новосибирск: Нонпарель, 2011. – 330 с.
4. Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Аккультурационные стратегии учащейся молодежи Якутии // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 108–114.
5. Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия): 70–90-е гг. XX в. – Новосибирск, 2005. – 205 с.
6. Костюк В.Г., Гончарова Г.С. Взаимосвязь этнических типов семей и межэтнических взаимодействий в современной России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – Т. 13, вып. 4. – С. 105 – 111.
7. Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / Попков Ю.В., Костюк В.Г., Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Ерохина Е.А., Мадюкова С.А., Удалова И.В., Ушаков Д.В., Тюгашев Е.А., Мархинин В.В. Под ред. Ю.В. Попкова, В.Г. Костюка. Новосибирск, 2013. – 272 с.
8. Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology: An international review. – 1997. – vol. 46, № 1. – Pp.5 – 34.
9. Brewer, M. The social self: On being the same and different at the same time. Personality and Social Psychology Bulletin, 1991. – Pp. 475-82.
10. Kalin R., Berry J. W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys. Canadian Ethnic Studies. – 1995. – № 27. – Pp. 1-15.
11. Tajfel H. Social categorization, social identity and social comparison. In H. Tajfel Differentiation between social groups. – London: Academic, 1978. – Pp. 61–76.

Перинатальная психология

Косикова Людмила Валентиновна

кандидат психологических наук,

Академия психологии и педагогики

*Федерального государственного автономного образовательного
учреждения высшего образования «Южный федеральный университет»,*

доцент кафедры психологии образования

г.Ростов-на-Дону, Большая Садовая 105/42

E-mail: kosikova_l@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН, ПРОХОДЯЩИХ МЕДИЦИНСКОЕ НАБЛЮДЕНИЕ В ЧАСТНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ КЛИНИКАХ

Аннотация. В статье рассматриваются психологические аспекты беременности, в частности вопросы влияния психоэмоционального состояния на регуляцию поведения беременных женщин. Приводятся результаты исследования особенностей психоэмоционального состояния беременных женщин, проходящих медицинское наблюдение в частных и государственных медицинских клиниках.

Ключевые слова: беременность, ситуативная тревожность, личностная тревожность, депрессия, функциональное состояние.

Kosikova Lyudmila Valentinovna

PhD in Psychology

*Southern Federal University, Academy of Psychology and Educational Science, Senior
lecturer of Educational Psychology Department*

Rostov-on-Don, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str.

E-mail: kosikova_l@mail.ru

THE PECULIARITIES OF PSYCHOEMOTIONAL STATEMENT OF PREGNANT WOMEN HAVING A MEDICAL EXAMINATION IN PRIVATE AND STATE MEDICAL CLINICS

Abstract. The article deals with the psychological aspects of pregnancy, in particular, the issues of the influence of the psychoemotional state on the regulation of the pregnant women's behavior. The study's results of the peculiarities of the psychoemotional state of pregnant women having a medical examination in private and state medical clinics are presented.

Keywords: pregnancy, state anxiety, trait anxiety, dejectedness, functional status

В последнее время у нас в стране проявляется интерес к комплексным исследованиям психологических аспектов беременности и родов, к готовности к материнству, материнства в целом. Данной проблеме посвящены исследования Стальковой И.Л., Копылова О.А., Баз Л.Л., Баженовой О.В., Мещеряковой С.Ю., Захарова А.И., Ворошниной О.Р., Васильевой О.С., Могилевской Е.В., Филипповой Г.Г. и др. На первых порах процесс материнства чаще всего неуправляем со стороны женщины. Он вызывает поток новых разнообразных переживаний, который заполняет внутреннее психологическое пространство матери. Особенностью современной ситуации в нашей стране является снижение уровня рождаемости, повышается количество осложненных беременностей и родов, снижается

уровень здоровья новорожденных. Одной из причин данной тенденции является нестабильная социально-экономическая ситуация, которая неблагоприятно сказывается на психической сфере женщины. Негативные эмоции, стресс порождают сдвиги на психофизиологическом уровне, это влечет за собой снижение качества здоровья матери и, как следствие, ребенка.

Если беременность у женщины первая, она испытывает множество страхов, к которым относятся боязнь родов и несвоевременного прерывания беременности, беспокойство о здоровье будущего ребенка и собственном здоровье, боязнь родовых схваток и неизбежной боли, боязнь разочарования партнера/супруга из-за изменений, происходящих с телом. Современные женщины вынуждены беспокоиться о карьере, о финансовых проблемах, о множестве дополнительных затрат, связанных с появлением и воспитанием нового члена семьи. Все эти страхи могут привести к возникновению множества негативных эмоций, таких как волнение, депрессия, раздражение, беспокойство, стресс, гнев, чувство одиночества, смятение. Состояние **психоэмоционального** напряжения с наличием тревожности различного уровня наблюдается у 40% женщин с нормально протекающей беременностью [1].

Изменения **психоэмоционального** фона во время беременности могут привести к развитию депрессивных и тревожных **расстройств** [2]. Нельзя не отметить, что при беременности могут появляться дополнительные психотравмирующие факторы, такие как появление осложнений беременности, требующих госпитализации, или выявление врожденных пороков развития у плода, которые могут вызвать негативные образы и чувства. Психологический стресс в перинатальном периоде несет с собой целый комплекс проблем, требующих серьезного внимания к психологической сфере беременной во избежание акушерских и других осложнений. К числу психопатологических феноменов, непосредственно связанных с беременностью, относятся различные опасения за благополучное протекание беременности, навязчивые страхи за судьбу плода, ожидание родов, условно-рефлекторные страхи, связанные с неблагоприятными в прошлом беременностями и родами. Филиппова Г.Г. считает, что переживание женщиной шевеления ребенка характеризует стиль переживания беременности и может служить диагностическим показателем для выявления отклонений от адекватной модели материнства и проектирования индивидуально-ориентированного психологического вмешательства. Используя методы наблюдения, феноменологического описания поведения, полуструктурированного интервью, проективных методик, она описала варианты стилей переживания беременности: адекватный, тревожный, эйфорический, игнорирующий, амбивалентный и отвергающий [3].

Каждая женщина, особенно при первой беременности, нуждается в поддержке, ей необходимо объяснять все незнакомые ей явления. Врач, медсестра, весь персонал женской консультации несут ответственность за подготовку женщины к рождению ребенка, поскольку именно эти люди в ее глазах являются главными экспертами по всем вопросам, связанным с грядущим событием. Во время беременности может возникнуть множество трудностей, справиться с которыми без вреда для здоровья ребенка будущей маме поможет только грамотный врач. Немаловажное значение имеет также материальное оснащение лечебного учреждения. Для своевременно обследования необходимо современное качественное оборудование.

К сожалению, муниципальные женские консультации не всегда бывают уютными, благоустроенными и с полным комплексом услуг. Как правило, государственные поликлиники сводят свои обязанности к просмотру результатов анализов и плановому осмотру, но немного уделяют внимания на душевное состояние женщины, моральную готовность к процессу рождения малыша и установление доверительного контакта между гинекологом и будущей мамой. Отсутствует возможность подбора [программы ведения беременности](#) и выбор дополнительных услуг.

Сейчас всё большей популярностью стали пользоваться частные клиники по ведению беременности. Все частные клиники предлагают своим пациентам несколько планов ведения

беременности, разработан целый курс наблюдения беременности с первой недели по сороковую, то есть до начала родов. Программы разрабатываются с учетом желаний беременной женщины, особенностей протекания беременности. У беременных женщин есть право самостоятельно выбрать акушера-гинеколога, который будет наблюдать за женщиной на протяжении всего периода беременности и при необходимости может находиться рядом с женщиной во время рождения долгожданного малыша. С целью коррекции психического состояния могут быть предложены различные программы: коррекция психофизиологического состояния беременных женщин с использованием музыки (этот способ оказывает положительное воздействие на физиологическую сферу и эмоциональное состояние женщин, благотворно сказывается на качестве родов и исходе беременности) и «Тренинг адаптации к беременности». В блоки тренинга включены выполнение упражнений на групповое сплочение, упражнение на осознание своих личностных проблем, телесно-ориентированные упражнения (особое внимание уделяется спокойному ритмичному дыханию во время их выполнения), упражнения на развитие эмпатии, повышения самооценности.

Цель нашего исследования состояла в том, чтобы изучить особенности психического состояния беременных женщин, проходящих медицинское наблюдение в частных и государственных медицинских клиниках.

Мы предполагали, что существуют значимые различия в показателях реактивной и личностной тревожности, показателях тревоги и депрессии и функционального психоэмоционального состояния у беременных женщин, проходящих медицинское наблюдение в частных и государственных медицинских клиниках.

В исследовании принимали участие беременные женщины, наблюдающиеся в частной женской консультации (экспериментальная группа), и беременные женщины, наблюдающиеся в государственной женской консультации (контрольная группа). Выборка формировалась случайным образом на принципах добровольного участия женщин в тестировании (N=60, возраст – от 20 до 30 лет)

Методики исследования: тест «Шкала ситуативной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л.Ханина, методика САН (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шарай, М.П. Мирошников) и «Госпитальная шкала тревоги и депрессии»(Zigmond A.S. и Snaith R.P).

Результаты и обсуждение

Результаты исследования ситуативной и личностной тревожности беременных женщин, наблюдающихся в частной и в государственной женской консультации, по методике Спилбергера-Ханина указывают на то, что показатель ситуативной тревожности в обеих группах испытуемых выражен на умеренном уровне (32,5 и 34,7 баллов соответственно). При этом показатель ситуативной тревожности у женщин, проходящих медицинское наблюдение в частных клиниках, несколько ниже, чем у женщин, проходящих медицинское обследование в государственных клиниках. Это может указывать на то, что испытуемые экспериментальной группы в меньшей степени находятся под воздействием стрессовой ситуации. В обеих группах показатели личной тревожности оказались идентичны друг другу (34,3 балла). При этом выявлен умеренный уровень личной тревожности. В результате сравнительного анализа (критерий Манна-Уитни) экспериментальной и контрольной групп статистически значимых различий выявлено не было.

Статистически значимые различия выявлены по показателям методики САН (В.А. Доскин, Н.А. Лаврентьева, В.Б. Шарай, М.П. Мирошников) «самочувствие» и «активность».

Ниже представлен общегрупповой профиль по показателям функционального состояния беременных женщин.

Таблица 1.

Показатели функционального эмоционального состояния беременных женщин, наблюдающихся в частной и в государственной женской консультации

Показатели методики САН	беременные женщины, наблюдающиеся в частных женских консультациях	беременные женщины, наблюдающиеся в государственных женских консультациях
Самочувствие	6,0	4,6
Активность	5,6	4,2
Настроение	5,1	5,5

Показатель «самочувствие» значимо выше у женщин, проходящих медицинское наблюдение в частных клиниках, чем у женщин, наблюдающихся в государственной женской консультации ($p = 0,01$). Показатель «активность» также значимо выше у женщин, проходящих медицинское наблюдение в частных клиниках ($p = 0,03$). Это означает, что женщинам, наблюдающимся в частной женской консультации (экспериментальная группа), свойственно хорошее самочувствие, активная жизненная позиция и положительное настроение.

Проявления депрессии и тревоги у беременных женщин изучались с помощью «Госпитальной шкалы тревоги и депрессии» (Zigmond A.S. и Snaithe R.P.). У женщин, проходящих медицинское обследование в государственных клиниках, выявлена клинически выраженная тревога (11,4 балла), а достоверные синдромы депрессии отсутствуют (5,8 баллов). В экспериментальной группе показатели тревоги и депрессии находятся в пределах нормы (5,4 балла и 4,0 баллов соответственно).

Ниже представлен общегрупповой профиль по показателям «Госпитальной шкалы тревоги и депрессии».

Таблица 2.

Показатели по «Госпитальной шкалы тревоги и депрессии» беременных женщин, наблюдающихся в частной и в государственной женской консультации

Показатели	беременные женщины, наблюдающиеся в частных женских консультациях	беременные женщины, наблюдающиеся в государственных женских консультациях
Тревога	5,4	11,4
Депрессия	4,0	5,8

Сравнительный анализ результатов по «Госпитальной шкале тревоги и депрессии» показал, что у женщин, проходящих медицинское наблюдение в частных клиниках, показатель тревоги значимо ниже чем, у женщин, проходящих медицинское наблюдение в государственных клиниках. Статистически значимых различий по показателю депрессии в экспериментальной и контрольной группами не выявлено. Повышенная тревога у женщин, проходящих медицинское обследование в государственных клиниках, очень легко может привести к депрессии.

Практическое значение выполненного нами исследования заключается в возможности использования полученных результатов в психологическом консультировании по вопросам перинатальной психологии, а также в коррекции тревоги и депрессивных состояний у беременных женщин.

Список использованных источников:

1. Демина А.С. Психологическая готовность к материнству в период ранней взрослости // Вестник КемГУ. - 2013. - Т. 2. № 4 (56) - С.88-92

2. [Тютюнник В.Л.](#) , [Михайлова О.И.](#) , [Чухарева Н.А.](#) Психоэмоциональные расстройства при беременности. Необходимость их коррекции // Русский медицинский журнал .- 2009.-№ 20

3. Филиппова Г.Г. Психологическая готовность к материнству // Хрестоматия по перинатальной психологии: Психология беременности, родов и послеродового периода.- М.: Изд-во УРАО, 2005. -328 с.

Авдулова Татьяна Павловна
кандидат психологических наук, доцент,
Московский педагогический государственный университет,
Профессор кафедры возрастной психологии
117342, Москва, ул. Инессы Арманд, дом 11, кв. 375
E-mail: avdulova@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИНСКОЙ ЗАБОТЫ В РАННЕМ ВОЗРАСТЕ И РИСК ФОРМИРОВАНИЯ СОЗАВИСИМЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. Представлены материалы эмпирического исследования взаимосвязи уровня созависимости, тревожности у матерей и длительного грудного вскармливания, длительного совместного сна с детьми. Изучается влияние эмпатийности на материнский уход. Показаны взаимосвязи между особенностями материнского ухода и поддержкой партнера. Анализируются отдельные показатели созависимых отношений.

Ключевые слова: созависимость, младенчество, материнский уход, грудное вскармливание, совместный сон.

Avdulova Tatyana
PHD, associate professor,
Moscow Pedagogical State University,
Professor of department of age psychology
117342, Moscow, Inessa Armand St., 11, 375
E-mail: avdulova@bk.ru

FEATURES OF MATERNAL CARE AT EARLY AGE AND RISK OF FORMATION OF THE CODEPENDENCE

Summary. Materials of an empirical research of interrelation of level of codependence, anxiety of mothers and long breastfeeding, long joint sleep with children are presented. Influence of empathy on maternal leaving is studied. Interrelations between features of maternal care and support of the partner are shown. Separate indicators of codependence relations are analyzed.

Keywords: codependence, infancy, maternal care, breastfeeding, joint sleep.

Взгляды на модель материнства в современном обществе стремительно меняются, а условия реализации материнских функций и понимание содержания этих функций кардинально трансформировались. Одним из критичных для психологических обсуждений вопросов материнской заботы в отношении раннего периода развития ребенка являются вопросы длительности грудного вскармливания и организации сна ребенка (совместный с матерью или раздельный сон). Теоретические взгляды различных авторов существенно расходятся, а обобщенный сравнительный анализ сложившихся моделей материнства в этнических группах, примитивных обществах и современных культурах дает очень противоречивые показатели.

Базовые дихотомические позиции обсуждают две позиции. Первая позиция – это позиция выражено позитивного отношения к длительному (свыше 2 лет) грудному вскармливанию и совместному с матерью сну (в одной кровати) как условия удовлетворения потребностей ребенка в эмоциональном и физическом контакте с близким взрослым, создания условий для психологической безопасности ребенка, переживания защищенности и принятия. Сторонники данной позиции даже настаивают на необходимости очень тесного

взаимодействия с младенцем и сохранения этой близости в раннем возрасте как здорового психологического симбиоза «мать-дитя» и единства функционирования материнско-детской системы на данном этапе.

И наоборот, некачественное удовлетворение матерью потребностей ребенка ведет к фрустрации и нарушению эмоционального благополучия. В контакте с близким взрослым ребенок обретает чувство уравновешенности, базового доверия к миру. Большинство представителей психодинамического взгляда на развитие придерживаются данной позиции.

Противоположная позиция негативного отношения к продолжительному уходу за ребенком по младенческой модели озвучивает мнение о трансляции ребенку через длительное грудное вскармливание и совместный сон материнской тревоги и созависимых отношений. Такой взгляд отражает представления о закономерных процессах автономизации и сепарации ребенка. Чрезмерная родительская включенность ограничивает развитие и подавляет естественный рост личности.

Подоплекой такого тесного симбиоза может быть регрессивное поглощение ребенка, полностью принадлежавшего матери на протяжении девяти месяцев, а также проекция тревоги, неуверенности, нарушения чувства безопасности, компенсируемые через гиперпотекцию. Не редко добавляются и компенсаторные стремления преодолеть ту эмоциональную неудовлетворенность собственным детством, которая может присутствовать у матери.

Родительско-детский «симбиоз» рассматривается А.Я. Варга и В.В. Столиным как специфическая межличностная дистанция в общении, когда родитель ощущает себя с ребенком единым целым, стремится удовлетворить все потребности ребенка, по сути находясь в зависимости от потребностей и состояний ребенка [3]. Родитель постоянно ощущает тревогу за ребенка, переживает его незащищенность и несамостоятельность. Тревога родителя повышается, когда ребенок начинает автономизироваться по мере взросления, а растущая самостоятельность провоцирует усиление родительского контроля. Такое отношение, согласно авторам может быть как благоприятным, так и неблагоприятным для ребенка. Благоприятным вариантом являются отношения, в необходимой и достаточной степени удовлетворяющие потребности ребенка в эмоциональном контакте и близости. Субъективно отношения неблагоприятные в том случае, когда они фрустрируют психические потребности ребенка, ограничивают его развитие, что приводит к конфликтам с родителями или нарушениям развития личности ребенка.

Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис помещают в основу родительско-детского симбиоза гиперпротекцию, когда родители уделяют ребенку чрезмерное количество времени, сил и внимания. Воспитание становится центральным делом жизни таких родителей [5]. В эмпирических исследованиях было показано, что симбиоз как неестественный и пассивный уровень заботы необходим, прежде всего, родителям. Так, мать восполняет не реализованную и заостренную потребность в любви, проецирует невротический вариант привязанности [2]. Стремление матери «привязать» к себе ребенка имеет в своей основе выраженное чувство беспокойства или тревоги, когда постоянное присутствие детей становится своего рода ритуалом, уменьшающим присущие матери чувства беспокойства и страха. Гиперопека является, в таких случаях, невротически спроецированной потребностью в психологической защите скорее себя, чем ребенка. При этом в основе восприятия матерью ребенка лежит механизм проекции. Проекция представляет собой нарушения границы между двумя личностями. Эти переживания, потребности, чувства в действительности принадлежат матери, но не ощущаются ею, а приписываются ребенку и затем переживаются как направляемые ребенком обратно на мать, тем самым способствуя развитию созависимости.

Г.Г. Филиппова подчеркивает, что в раннем возрасте развитие у ребенка эмоционального благополучия, мотивации достижений и структуры отношений с миром по-прежнему принципиально зависит от качества материнской заботы. Вместе с тем, эти отношения приобретают черты конкретно-культурного варианта и приобретают индивидуальное содержание. В раннем возрасте функции матери меняются в направлении

обеспечения поддержки в отношениях ребенка с миром, поощрения самостоятельности и реализации эмоциональной включенности матери в предметную и игровую деятельность ребенка [4].

Под нашим руководством, Е.А. Флейтой было проведено исследование материнской позиции в зависимости от личностных особенностей матерей. **Цель исследования:** изучение различий личностных качеств матерей, ориентированных на длительное грудное вскармливание (ГВ) и длительный совместный сон (СС), и матерей, выбирающих умеренную или короткую продолжительность ГВ и СС.

Гипотезы исследования.

Первая гипотеза исследования: длительное грудное вскармливание и длительный совместный сон выбирают матери с более высоким уровнем созависимости.

Вторая гипотеза исследования: длительное грудное вскармливание и длительный совместный сон выбирают матери с более высоким уровнем тревожности.

В исследовании приняли участие в общей сложности 48 женщин в возрасте от 28 до 45 лет с высшим образованием, имеющие от 1 до 3 детей.

В исследовании использовались следующие методики:

–шкала тревоги Спилбергера.

–методика «Диагностика уровня эмпатии» В.В.Бойко.

–методика определения созависимости Н.Г.Артемцевой.

Для сравнения были выделены 2 группы испытуемых:

1) Первая группа испытуемых «Длительное ГВ и СС»: 22 женщины от 28 до 45 лет, с высшим образованием, имеющие от 1 до 3 детей, завершившие грудное вскармливание ребенка после 2 лет или продолжающие грудное вскармливание в настоящий момент уже более 2 лет и практиковавшие или практикующие совместный сон с ребенком более 2 лет.

2) Вторая группа испытуемых «Умеренное ГВ и СС»: 26 женщин от 28 до 45 лет, с высшим образованием, имеющие от 1 до 3 детей, завершившие грудное вскармливание ребенка до 2 и кратковременно практиковавшие совместный сон с ребенком не более 2 лет или никогда совместно с ребенком не спавшие.

Пороговым значением при делении на группы был выбран возраст 2 года, а не 1.5 года в соответствии с периодизацией возрастного развития З.Фрейда и не 1 год в соответствии с возрастной периодизацией Э.Эриксона, так как современные матери ориентируются на медицинские рекомендации. Рекомендации ВОЗ в отношении длительности грудного вскармливания определяют предпочтительную границу до 2 лет. Кроме того, варьирование обработки результатов с выделением группы «Кормление до 1 года» не позволило выделить дополнительные закономерности.

Для обработки данных был использован статистический пакет IBM SPSS STATISTICS версия 23. Дальнейший анализ данных осуществлялся с помощью оценки значимых различий по U-критерию Манна-Уитни и анализа корреляционных плеяд по критерию Спирмена.

В первую очередь мы обнаружили положительные статистически значимые связи между материнской эмпатией и продолжительностью совместного сна с ребенком. Так, обнаружена статистически значимая двусторонняя положительная связь между продолжительностью совместного сна матери с ребенком и уровнем общей эмпатии по тесту Бойко у матерей на уровне 0.333, при $p \leq 0,05$. Матери, демонстрирующий высокий уровень эмпатии, делают выбор в пользу продолжительного совместного сна с ребенком. Также статистически связаны продолжительность совместного сна матери с ребенком и уровень рациональной эмпатии у матерей на уровне 0.311, при $p \leq 0,05$.

Вместе с тем, идея о созависимых моделях отношения как основания длительного грудного вскармливания и сна не нашла своего полноценного математического подтверждения: значимых корреляций между длительностью грудного вскармливания и уровнем созависимости у матерей нашей выборки не обнаружено.

Однако обнаружены различия между двумя группами матерей по показателю тревожности, как личной, так и ситуативной. Матери из группы с более длительным грудным вскармливанием и совместным с ребенком сном демонстрируют значимо более высокий уровень ситуативной и личной тревожности.

В исследовании были обнаружены определенные сопутствующие закономерности. Так, выявлены статистически значимые различия по показателю отношения партнера к совместному сну между двумя группами матерей. Матери из группы с менее длительным грудным вскармливанием и совместным с ребенком сном демонстрируют значимо более высокий уровень согласия с партнером. Длительное погруженное взаимодействие с ребенком может становиться причиной конфликтов с партнером, или, по крайней мере, находить непонимание со стороны супруга. Для мужчин, по всей видимости, более значимой является позиция умеренного грудного вскармливания и считывание этой позиции женщинами подчеркивает согласованность взаимодействия партнеров. Однако данная закономерность нуждается в дополнительной проверке через непосредственную информацию от отцов.

Важно отметить, что если использовать в качестве дифференцирующего критерия продолжительность грудного вскармливания, то группы матерей значимо различаются и по организации сна ребенка. Стремление к совместному с ребенком сну и длительная реализация этой модели оказываются типичными (на уровне статистической закономерности) для матерей, ориентированных на длительное грудное вскармливание. В этой группе ни одна женщина не заявила о раздельном сне с ребенком. В то же время в группе умеренно кормящих примерно половина группы никогда не спала с ребенком, а вариант постоянного сна в родительской кровати не встречается совсем.

Наряду с этим, более детальный анализ показателей созависимости у женщин в группе длительное ГС и СС показал значимые различия по ряду компонентов созависимости. В частности, в первой группе значимо выше показатели ориентации на мнение окружающих; готовность просить о помощи; переживания трудностей с принятием решений; страх отвержения. Таким образом, по отдельным показателям созависимости мы можем говорить о значимых различиях между группами матерей. Это соотносится и с исследованиями Н.Г.Артемовой, в которых сделан вывод, что фрустрация определенной потребности связана с качественно разными проявлениями созависимости. Существуют определенные детерминанты в проявлении феномена созависимости, связанные с различными показателями отношений [1].

Выводы.

1. Первая гипотеза исследования о том, что длительное грудное вскармливание и длительный совместный сон выбирают матери, с более высоким уровнем созависимости не подтвердилась. Однако обнаружены значимые различия по отдельным компонентам созависимости, что позволяет говорить о риске формирования патологических родительско-детских отношений при неблагоприятной ситуации развития материнства.

2. Вторая гипотеза исследования о том, что длительное грудное вскармливание и длительный совместный сон выбирают матери, с более высоким уровнем тревожности подтвердилась. Выраженные различия между сравниваемыми группами обнаруживаются по показателям и ситуативной, и личной тревожности. Матери, демонстрирующий высокий уровень ситуативной тревожности, делают выбор в пользу продолжительного грудного вскармливания. Матери, демонстрирующие высокий уровень личной тревожности, делают выбор в пользу постоянного совместного сна с ребенком в родительской кровати.

3. Обнаружены расхождения в уровне эмпатии, особенно по рациональному каналу эмпатии. Матери, демонстрирующий высокий уровень эмпатии, в особенности рациональной эмпатии, делают выбор в пользу продолжительного совместного сна с ребенком.

4. В отношении второго и третьего ребенка матери значимо чаще делают выбор в пользу продолжительного грудного вскармливания.

5. Матери, которые практикуют длительный совместный сон с ребенком, организуют сон с ребенком в родительской кровати.

6. По общему уровню созависимости различия между группами незначительные, но можно предполагать у длительно кормящих матерей наличие или актуализацию профиля созависимости. Также можно предполагать у матерей, предпочитающих совместный сон с ребенком в родительской кровати наличие или актуализацию профиля созависимости.

Список использованных источников:

1. Артемцева Н. Г. Феномен созависимости: психологический аспект. Монография. М.: МГУДТ, 2012.

2. Боулби Д. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004.

3. Варга А. Я. Структура и типы родительского отношения // Дис. канд. псих. наук. М., 1986.

4. Филиппова Г.Г. Психология материнства. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.

5. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкий В. В. Психология и психотерапия семьи. СПб.: Птер, 1999.

Борисенко Юлия Вячеславовна
кандидат психологических наук, доцент
Кемеровский государственный университет,
доцент кафедры акмеологии и психологии развития
650043 г. Кемерово, ул. Красная, д. 6.
E-mail: evseenkova@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГОТОВНОСТЬ К ОТЦОВСТВУ» И «СТРАТЕГИЯ ОТЦОВСТВА»

Аннотация. Проблемное поле данной статьи определяется сложностью и многогранностью феномена психологической готовности к отцовству. Рассмотрены возможности определения данного феномена, его возрастная специфика и соотношение готовности с ее практической реализацией в рамках определенной стратегии отцовства.

Ключевые слова: психологическая готовность к отцовству, отцовство, стратегии отцовства.

Borisenko Yulia Vjzteslavovna
candidate of psychological sciences, associate professor,
Kemerovo State University,
Associate Professor of the Department of Acmeology and Developmental Psychology
650043 Kemerovo, Krasnay Str, 6.
E-mail: evseenkova@mail.ru

ON THE ISSUE OF CONCEPTUALIZATION AND THEORETICAL LINKAGES BETWEEN PSYCHOLOGICAL READINESS FOR FATHERING AND FATHERING STRATEGY

Abstract. The main issue of this paper is defined by complexity and versatility of psychological readiness for fathering. We conceptualize this phenomenon, define its age specifics and theoretical linkages between psychological readiness for fathering and fathering strategy.

Key words: psychological readiness for fathering, fathering, fathering strategy.

В психологии изучение проблемы психологической готовности имеет достаточно обширную историю и носит междисциплинарный характер, так как «готовность» является предметом изучения разных дисциплин: философии, психологии, физиологии, педагогики и др. Наряду с понятием «готовность к материнству» [7] существует термин «готовность к отцовству», предполагающий обретение социальной зрелости и компетентности, обусловленной экономическими, социальными и психологическими факторами, и представляющий собой установку на рождение, воспитание и содержание ребенка [4]. Выделяют экономическую (финансовую независимость и стабильность), социальную (достижение определенного социального и профессионального статуса), психологическую (связанную с репродуктивной мотивацией и привязанностью к матери ребенка) и физическую (зрелость организма) готовность к отцовству. Психологическая готовность к отцовству связана с формированием сторон личности, определяющих выполнение обязанностей и обязательств, знанием функций отца в семье и роли его в воспитании ребенка; готовности принять на себя ответственность за жизнь и благополучие ребенка [4].

Однако, на наш взгляд термин «готовность» не исчерпывает специфику отцовства. Готовность, хотя и определяет во многом выполнение деятельности в плане скорости,

легкости и точности, но предполагает предначальную, проявляющуюся до начала выполнения деятельности характеристику этой деятельности. Применимо к отцовству, если мы рассматриваем не только внутличностные, но межличностные его аспекты (наиндивидуальный уровень родительства, взаимодействие в диаде «отец-ребенок») и полагаем, что отношение к ребенку определяется не только отношением к деторождению и рождению конкретного ребенка, но и конкретным практическим взаимодействием с ним, позволяющим мужчине проявлять ответственность, заботу и т.д., поэтому в контексте становления готовности к отцовству правомерно говорить об установочной готовности, определяемой прошлым опытом личности в данной сфере, и предшествующей любым психическим проявлениям отцовства; мотивационной готовности к осознанию смысла и ценности отцовства и личностной готовности к самореализации в отцовстве через процесс персонализации. Таким образом, психологическая готовность к ответственному отцовству представляет собой сформированность установок, мотивов и определенных качеств личности, характеризующих способы и варианты интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, строится на глубинных ценностях личности, связанных с ее прошлым, и направлена в будущее. Однако, когда мы говорим о реализации готовности к отцовству мы предполагаем некую потенцию, заложенную в ней, на практике термин «готовность» сужает весь спектр отцовских чувств, смыслов, практик и отношений. Потому, что реализация отцовского поведения может быть решена разными способами и с различным результатом в зависимости от предшествующей готовности. Иначе говоря, реализовать отцовское поведение можно и через деструктивные формы поведения вплоть до жесткого обращения с детьми в целях «воспитания». При этом к определенному возрасту человек становится «готов» к такому поведению даже при отсутствии социальной, личностной или профессиональной зрелости, статуса в обществе или образования. Однако, как было указано выше, когда мы сталкиваемся с проблемой определения отцовского влияния на развитие личности ребенка и самого мужчины, значимость конструктивного, ведущего к личностному развитию и созданию условий для благополучного, гармоничного развития личности, как ребенка, так и взрослого определяет необходимость не только исследовать причины, условия становления и механизмы такого поведения, но и пропагандировать в рамках психологической профилактики девиантного поведения в семье, поддерживать в рамках психолого-педагогического сопровождения семьи [8]. В связи с подобной значимостью не только для конкретного ребенка или семьи, но и в контексте жизни всего социума психологи не находят абсолютно безоценочного термина для описания конструктивного поведения отца в противовес девиантному родительству, и сегодня существуют качественные исследования [25; 26; 16; 17; 22], определяющие характеристики такого «конструктивного» поведения мужчины по отношению к собственному ребенку, объединенные понятием «ответственное отцовство» [16], предполагающее планирование рождения ребенка, юридическое оформление статуса отца, эмоциональное, физическое и финансовое участие в жизни ребенка, принятие за него ответственности (то есть, некий набор в основном операциональных характеристик). Исходя из вышесказанного, необходимо отметить, что в практическом смысле нас интересует не просто готовность к отцовству, а готовность к ответственному отцовству, позволяющая определить позитивные характеристики общей готовности к отцовству. При этом нам представляется чрезвычайно важным вопрос об особенностях становления готовности к ответственному отцовству: если говорить об установочной готовности, предшествующей любым психическим проявлениям отцовства, то начало ее формирования приходится на дошкольное детство, когда начинают формироваться первые представления о мужской гендерной роли и отцовстве, однако далее эти представления трансформируются и дифференцируются в процессе развития личности. Мотивационная готовность к осознанию смысла и ценности отцовства связана с формированием родительской пары и частично описана в исследованиях W. Miller, посвященных репродуктивной мотивации [24]. Личностная готовность к самореализации в отцовстве в процессе персонализации наиболее позднее образование, однако некоторые ее

компоненты начинают формироваться также в детском возрасте, например, ответственность. Таким образом, мы можем говорить об этапности становления готовности к ответственному отцовству: первый этап – этап обозначения отцовства, формирования представлений об отцовстве, имеющий свою специфику в дошкольный, младший школьный, подростковый и юношеский период – это этап формирования установочной готовности, второй этап – этап осмысления отцовства, переосмысления имеющихся знаний и представлений об отцовстве в период беременности – этап становления мотивационной готовности, и третий этап – этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой основе, а также дальнейшего развития стратегии отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка (практический этап) – этап становления личностной готовности. Таким образом, мы приходим к необходимости определения содержания личностной готовности к ответственному отцовству, которая на практическом этапе объединяет установочную и мотивационную готовность, а также определенные способы поведения отца с ребенком. Здесь уместно говорить о том, что на этапах предшествующих отцовской деятельности, происходит становление готовности к ответственному отцовству, реализуемой на практическом этапе в виде некоей стратегии отцовского поведения. То есть, готовность к ответственному отцовству предполагает сформированность конструктивной стратегии отцовского поведения, начало формирования которой приходится на дошкольное детство, сопровождает развитие личности в младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте, и реализация которой в период взрослости инициируется готовностью к ответственному отцовству, и составляет базу не только для развития личности самого мужчины, но и основу постепенной трансформации самой стратегии отцовства в направлении больше осмысленности.

В итоге, мы можем говорить о становлении готовности к ответственному отцовству, начиная с дошкольного возраста, прослеживать вехи этого становления в младшем школьном возрасте, в подростковом и юношеском периоде развития личности, а также в период ранней взрослости до момента рождения ребенка, а затем уместно говорить уже о реализации готовности к ответственному отцовству в рамках конструктивной стратегии отцовства.

Если взаимодействие в диаде «отец-ребенок» рассматривать как воспитательную деятельность отца, можно говорить о некоем сознательном конструировании жизни семьи в соответствии с установками и представлениями личности о «правильном» поведении отца (или матери), «правильном», нормативном воспитании ребенка – то есть стратегии родительства.

Тогда личность с оптимальным типом стратегии будет способна гармонизировать требования социума к отцовским функциям и собственные потребности в родительстве и особенности личности и гендерной идентичности, будет активна, самостоятельна, её жизненные поступки будут своевременны и родительство и жизнь продуктивны.

Введение нового конструкта позволяет преодолеть терминологические сложности в определении отцовства, так как на сегодняшний день нет достаточно четкого и емкого определения отцовства, потому что данный феномен не исчерпывается такими понятиями, как роль, статус, чувства, мотивация, готовность, ценностно-мотивационная или потребностная сфера, самооценка или часть гендерной идентичности мужчины и наблюдается разрыв между исследованиями родительства, как особого качества самосознания человека (внутренней позицией родителя, ценностно-смысловой сферой родительства) и исследованиями родительства, как деятельности, направленной на рождение и воспитание ребенка (воспитательной деятельностью отца, отцовскими практиками).

Когда мы определяем, что отцовство является системным образованием, имеющим свою структуру и функции [9], открытой системой, имеющей свою достаточно устойчивую структуру – компоненты, связи и уровни, а также осуществляющей взаимосвязь с окружающей средой, в результате чего возможно развитие данной системы [2], интегральным психологическим образованием личности отца, «включающим совокупность ценностных ориентации родителя, установок и ожиданий, родительских чувств, отношений и

позиций, родительской ответственности и стиля семейного воспитания» [9, с.14], системой взаимоотношений между женщиной и ребенком, которая способствует развитию личности и эмоциональному благополучию и отца и ребенка [11] или категорией психологии личности, отражающей основные этапы развития личности, характеризующейся комплексом интегральных, социальных и индивидуальных характеристик личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека: эмотивно-аксеологическом, когнитивном и операциональном; включающей в себя оценочный компонент и необходимость выполнения следующих функций: защитной – как кормилец и защитник; презентативной – как персонификация власти, воспитатель и высший дисциплинизатор; ментальной – как пример для подражания; социализирующей – как наставник во внесемейной общественной деятельности и отношениях, транслятор социальных норм, фигура, обеспечивающая связь поколений [5], мы даем описание многогранной и очень емкой психологической категории, позволяющее осуществлять ее теоретический анализ. При этом реальные формы поведения конкретного отца трудно вписываются в рамки теоретических изысканий. В этом смысле интересен подход Ю. А. Токаревой, которая определяет отцовство через понятие деятельность [12], что позволяет применить к анализу феномена весь методологический аппарат теории деятельности.

Таким образом, изучая структуру деятельности отца, мы будем говорить о мотивах рождения ребенка (потребностно-мотивационная сфера), озвучиваемых в контексте развития отношений с супругой [28], желанием реализовать себя в ребенке [Miller,1986], целях (ценностных ориентациях, целеполагании и перспективе – ценностно-смысловая сфера) и действиях (операциональном аспекте отцовства – отцовские практики). При этом наименее изученной в нашей стране является потребностно-эмоциональная сфера, связанная с репродуктивной мотивацией мужчины, его принятием отцовства, как элемента мужской роли, родительскими чувствами мужчины [3].

В рамках теории деятельности правомерно говорить о стратегии отцовства конкретного мужчины, определяемой как динамическая, процессуальная характеристика интериоризации и экстериоризации всех компонентов структуры и содержания отцовства женщиной. Так, например, Л.Олсон и С. Б. Адоньева описывают изменения в традиционной расширенной семье, возникающие с рождением ребенка, институализированные в обряде посвящения, который «вменял новые интерпретационные, ментальные и поведенческие стратегии его участникам. Эти стратегии необходимы, чтобы участники события – матери, отцы, бабушки, дедушки – могли усвоить свои новые социальные роли» [10, с. 232].

То есть, стратегии отцовства представляют собой способы конструирования жизни отца и ребенка (а во многом и матери) в соответствии с личностными установками и представлениями отца об отцовстве, имеющие свою структуру и содержание, критерии сформированности, определяемые через социальные, культурные и личностные ориентации личности (сформированные микро-, мезо- и макрофакторами среды), имеющие различную вариативность, позволяющую выделить внутри них типы проявления стратегий. Как любая стратегия, стратегия отцовства строится на глубинных ценностях личности, связанных с ее прошлым, и направлена в будущее.

По нашему мнению, на основе анализа существующих теоретических моделей и эмпирических исследований различных аспектов отцовства в структуре стратегии отцовства можно выделить внутренние (интрапсихические), такие, как: принятие гендерной роли отца и ценностные характеристики, как необходимое условие формирования внутренней позиции родителя (представляющих собой ценностно-смысловой и частично потребностно-эмоциональный блок в структуре родительства, согласно идеям Г. Г. Филипповой, когнитивный уровень родительства согласно концепции Р.В. Овчровой и когнитивный и мотивационный компонент родительства согласно С. А. Абдуллиной), внешние (экстрапсихические), проявляющиеся во взаимодействии с супругой (то, что Р. В. Овчарова называет надиндивидуальным уровнем родительства) и с ребенком и во внешних операциональных характеристиках отцовства – отцовских практиках и поведении (частично

операциональный блок в структуре родительства, согласно идеям Г. Г. Филипповой, поведенческий уровень родительства согласно концепции Р.В. Овчровой и поведенческий компонент родительства согласно С. А. Абдуллиной [1]) и характеристики, определяющие взаимодействие интра- и экстрапсихических характеристик стратегии отцовства – интерпсихические характеристики, которые частично могут быть описаны в терминах составляющих потребностно-эмоциональный блок в структуре родительства, согласно идеям Г. Г. Филипповой [13], эмоциональный уровень родительства согласно концепции Р.В. Овчровой и эмоциональный компонент родительства С. А. Абдуллиной, но помимо этих характеристик включающие также рефлексию, эмоциональное отношение, саморегуляцию, связанные со зрелостью личности родителя.

Совокупность взаимосвязанных интрапсихических характеристик, таких как: принятие гендерной роли отца (включающее половое самосознание, гендерную идентичность, принятие отцовской роли) и ценностные характеристики (система ценностных ориентаций личности, ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку, нравственное развитие, ответственность) определяет аксиологический компонент стратегии отцовства.

Интерпсихические характеристики, включающие рефлексию (самопознание, автономность, рефлексивность и эмпатию), саморегуляцию (определяемую такими характеристиками, как: гибкость, спонтанность, самостоятельность, контактность, креативность и уровень субъективного контроля), связанные с биологической, трудовой, умственной, эмоциональной, социальной, и психологической зрелостью личности объединяются в рефлексивно-регулятивный компонент стратегии отцовства.

Экстрапсихические характеристики, проявляющиеся во взаимодействии супругой (поведение мужчины, супружеские взаимоотношения и со-родительство) и в отцовских практиках (поведение отца, самореализация как родителя, взаимоотношения с ребенком) составляют праксиологический компонент стратегии отцовства.

Анализ обширной литературы, посвященной отцовству и отцовским практикам, проведенный в предыдущих параграфах, позволяет сделать вывод о том, что стратегия отцовства определяется принятием своей гендерной роли, принятием отцовской роли, зрелостью личности, ответственностью по отношению к собственному здоровью, поведению, отцовству, что позволяет сформировать ценность отцовства, ценностное отношение к ребенку и кооперационное отношение к супруге, как партнеру родительства. При этом конструктивность стратегий взаимосвязана с принятием своей гендерной роли, ответственностью и ценностью отцовства, со зрелостью личности, развитой саморегуляцией и рефлексией, реализующихся в позитивных отцовских практиках.

Специфика отцовских практик, которая освещается во многочисленных работах, посвященных ответственному отцовству [16; 18; 21; 23; 27] и проблемам девиантного отцовства и жестокого обращения с детьми [14; 15; 20] позволяет выделить внутри содержания всех стратегий отцовства четкую дихотомию, два полюса: положительный, связанный с личностным развитием (в иностранной и переводной литературе называемый «ответственное» отцовство), что соотносится с постулатами Р. Эммонса о приоритете нравственных ценностей, позитивных социальных целей и целей саморазвития в жизненных стратегиях личности [19]) и отрицательный, связанный с отрицанием роли отца, отказом от выполнения отцовских функций («безответственное» отцовство). На наш взгляд определение отцовства через термин «ответственное» отцовство не исчерпывает всей широты проявления феномена. Введение термина стратегии отцовства позволяет преодолеть терминологические сложности разграничения понятий «ответственное», «вовлеченное», «новое» отцовство. В русском языке, так же как и в английском, дихотомия «ответственный – безответственный» предполагает оценку, причем в случае «безответственного отцовства» это оценка личности отца и его поведения (т.к. в отечественной литературе «ответственность» отцовства в первую очередь связывают с реализацией отцовских практик). Определение всей совокупности проявлений отцовства у конкретного мужчины через термин «стратегия» позволяет преодолеть противоречие между внутренними и внешними проявлениями отцовства

конкретного человека. При этом, описание в терминах «конструктивный – неконструктивный», несмотря на также имеющуюся некоторую оценочность, предполагает возможность изменения, смены неконструктивных способов поведения более конструктивными. Ответственность или неответственность (безответственность) отцовства связана не только выбором самого отца (хотя это подразумевается в первую очередь), но и с особенностями гендерной идентичности, личностной зрелостью или незрелостью, развитостью саморегуляции и рефлексии, отношением с собственным отцом, отношениями с супругой – матерью ребенка и влиянием других факторов. В этом смысле нам представляется терминологически и лингвистически более верным использовать для описания этих двух крайностей отцовства понятий конструктивной и неконструктивной стратегии отцовства. Однако, неправомерно говорить о наличии только двух противоположных стратегий. Скорее можно говорить о некоем наборе стратегий внутри континуума между крайними полюсами. Например, в общем, конструктивные стратегии отцовства связаны со сформированностью гендерной идентичности, принятием своей гендерной роли, принятием отцовской роли, ценностью отцовства, нравственной зрелостью личности, ценностным отношением к ребенку, ответственностью, а также настроенностью на позитивные, партнерские отношения с супругой. При этом неконструктивные стратегии отцовства определяются несформированностью гендерной идентичности, непринятием своей гендерной роли, непринятием отцовской роли, отсутствием ценности отцовства, личностной незрелостью, слабой ответственностью, отсутствием ценностного отношения к ребенку. Такое поведение часто порождает не только проблемы в детско-родительских, но и в супружеских отношениях.

Однако выраженность этих параметров в каждом конкретном случае может быть различная. То есть конструктивные стратегии маскулинных, андрогинных или феминных мужчин, мужчин, выросших в полной или неполной семье, мужчин состоящих в браке или в разводе, биологических отцов или отчимов будут значительно отличаться.

При этом необходимо помнить, что стратегия отцовства не является статичным образованием, но представляет собой динамический процесс интериоризации и экстериоризации отцовской роли мужчиной, то есть органично включена в его жизнедеятельность, связана с его возрастными-психологическими особенностями, его социальной ситуацией развития личности, опытом взаимоотношений с собственным отцом, опытом и удовлетворенностью супружескими отношениями.

Таким образом, стратегия отцовства имеет свойства открытой системы, определяющейся состоянием окружающего социума, то есть макрофакторов среды, мезофакторов (включающих, например, образовательную среду) и микрофакторов среды (как, например, происходит в случае отсутствия отцовского воспитания у самого мужчины-отца или его развода с супругой) и, в свою очередь, определяющей, изменяющей окружающую действительность (например, согласно данным W. Doherty [16], при большом желании общаться с ребенком нерезидентный отец может постепенно преодолеть психологическое сопротивление матери и(или) бабушки его присутствию в жизни ребенка и выработать общую стратегию воспитания).

При этом мы рассматриваем стратегию отцовства как результат формирования психологической готовности к отцовству. На протяжении всего периода детства и взросления происходит формирование психологической готовности к отцовству, реализация которой приходится на период взаимодействия с собственным ребенком в виде реализации определенной стратегии отцовства. Зная специфику стратегии отцовства, мы можем проследить этапы развития отдельных ее компонентов или их содержательных характеристик, начиная с дошкольного возраста. При этом мы предполагаем определенную содержательную преемственность, то есть, компоненты психологической готовности в процессе становления консолидируются в компоненты стратегии отцовства.

Таким образом, к периоду взрослости формируется психологическая готовность к отцовству, которая в рамках реальной ситуации взаимодействия может реализоваться в

определенной стратегии отцовства. Для нас в контексте психологического благополучия семьи, ребенка и самого отца представляется чрезвычайно важным, чтобы к периоду взрослости сформировалась психологическая готовность к ответственному отцовству, которая в рамках реальной ситуации взаимодействия может реализоваться в конструктивной стратегии отцовства. При этом становление готовности к ответственному отцовству, в рамках которого начинают формироваться отдельные элементы конструктивных стратегий отцовства происходит поэтапно, начиная с дошкольного возраста, включая: этап обозначения отцовства (формирование представлений об отцовстве), этап осмысления отцовства (переосмысление имеющихся знаний и представлений об отцовстве в период беременности) и этап ценностного осознания отцовства и реализации на этой основе, а также дальнейшего развития стратегии отцовства в отцовских практиках после рождения ребенка. Нарушения в любом из этапов становления готовности к ответственному отцовству приведут к трудностям формирования конструктивной стратегии отцовства, однако выявление затруднений в конкретном компоненте стратегии отцовства позволит сделать практическую работу с отцами более эффективной и адресной. Кроме того, для практической деятельности психологов и педагогов то, что отцовство является открытой системой взаимоотношений, является важнейшей его характеристикой и позволяет осуществлять определенное психолого-педагогическое воздействие на поведение отца. Мы не можем воздействовать на всю личность, не можем изменить историю личности и ее родительскую семью, но, имея критерии конструктивности стратегий отцовства, мы можем разрабатывать программы психологической помощи семье, отцу или ребенку, направленные на работу с ценностно-смысловой сферой личности, сформированностью гендерной идентичности и ответственностью отцовства.

Список использованных источников:

1. Абдуллина, С. А. Особенности внутренней позиции родителя у детей подросткового возраста / С. А. Абдуллина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 2016. – № 7(63). – С. 78–95. – doi: 10.12731/2218–7405–2016–7–78–95
2. Архиреева, Т. В. Влияние отношений с отцом на мотивационно–ценностные аспекты родительства у мужчин, имеющих детей / Т. В. Архиреева // Материалы второй Всероссийской научной конференции «Психологические проблемы современной российской семьи». В 3–х частях. – Часть 1 / под общей редакцией В. К. Шабельникова и А. Г. Лидерса. – М., 2005. – С. 64–74.
3. Басимов, М. М. Общий профиль системы позитивных родительских чувств у отцов / М. М. Басимов, Е. А. Падурина // Ученые записки Российского государственного социального университета, 2015. - Т. 14. - № 4 (131). - С. 53–68.
4. Безрукова, О. Н. Готовность к отцовству: факторы, условия и предпосылки / О. Н. Безрукова // Вестник Санкт–Петербургского университета, 2007. – Сер.6. – Вып. 2. – Ч. I. – С. 98–109
5. Борисенко, Ю. В. Специфика формирования психологического феномена отцовства / Ю. В. Борисенко, К. Н. Белогай // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 102 – 106.
6. Васягина, Н.Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве: автореф. дисс. ... доктора психол. наук: 19.00.07 / Н. Н. Васягина – Екатеринбург, 2011, – 47 с.

7. Демина, А. С. Психологическая готовность к материнству в период ранней взрослости / А. С. Демина // Вестник Кемеровского государственного университета, 2013. - № 4–2 (56). - С. 88–92.
8. Куфтяк Е. В. Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых / Е. В. Куфтяк // Сибирский вестник психиатрии и наркологии, 2015. - № 1 (86). - С. 78–83.
9. Овчарова, Р. В. Психология родительства : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Р. В. Овчарова. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 368 с.
10. Олсон, Л. Традиция, трансгрессия, компромисс. Миры русской деревенской женщины / Л. Олсон, С. Адоньева. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 444 с.
11. Севастьянова, У.Ю. Особенности отцовства мужчин с разным родительским стажем / У. Ю. Севастьянова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика, 2012. - Т. 18. - № 4. - С. 39–42.
12. Токарева, Ю. А. Психолого-педагогические условия и факторы реализации отцовства как воспитательной деятельности / Ю. А. Токарева // Научные проблемы гуманитарных исследований, 2011. – №2. – С. 209–216
13. Филиппова, Г. Г. Психология материнства / Г. Г. Филиппова. – М.: Изд-во института психотерапии, 2002. – 240 с.
14. Bagley, C. Prediction of sexual, emotional and physical maltreatment and mental health outcomes in a longitudinal study of 290 adolescent women / C. Bagley, K. Mallick // Child Maltreatment, 2000. – 5. - p. 218–226.
15. Belsky, J. Child maltreatment: an ecological integration / J. Belsky // American Psychologist, 1980. - №35. – p. 320–335.
16. Doherty, W. J. Responsible fathering: An overview and conceptual framework / W. J. Doherty, E. F. Kouneski, M. F. Erickson // Journal of Marriage and Family, 1998. - № 60(2). – p. 277–292.
17. Eggebeen D. J. Does Fatherhood Matter for Men? / D. J. Eggebeen, C. Knoester // Journal of Marriage and the Family, 2001. - Vol. 63. - No. 2. - p. 381–393.
18. Eggebeen, D. J. The Changing Course of Fatherhood Men's Experiences With Children in Demographic Perspective / D. J. Eggebeen // Journal of Family Issues, 2002. – Vol. 23. – №. 4. – p. 486–506.
19. Emmons, R. A. Assessing spirituality through personal goals: Implications for research on religion and subjective well-being. / R. A. Emmons, C. Cheung, K. Tehrani // Social Indicators Research, 1998. - № 45. – p. 391–422.
20. Friedman, E. Unintentional child neglect: literature review and observational study/ E. Friedman, S. B. Billick // Psychiatric Quarterly, 2015. - № 86 (2)- p. 253–9. - doi:10.1007/s11126-014-9328-0
21. Fthenakis, W. E.: Entwicklung von Trennungs- und Scheidungsfamilien. Kommentar zu Ulrich Schmidt-Denter / W. E. Fthenakis // Schneewind, K. A. Familienpsychologie im Aufwind – Brückenschläge zwischen Forschung und Praxis. Göttingen: Hogrefe, 1999. - s. 222–229 Kinney, 1990;
22. Lamb M. E. The role of the father in child development (5th ed.) / M. E. Lamb New York: Wiley, 2010. – 672 p.
23. Lamb, M. E. Introduction: The emergent American father / M. E. Lamb // The father's role: Cross-cultural perspectives / M. E. Lamb (Ed.). - Hillsdale, NJ: Erlbaum. 1987. - p. 3–25.
24. Miller, W. B. Proception: An important fertility behavior / W. B. Miller // Demography, 1986. - № 23(4). – p. 579–594.
25. Parke, R. D. Fathers and families / R. D. Parke // Handbook of Parenting / M. H. Bornstein (Hrsg). - Mahwah, NJ: Erlbaum, 1995. - s. 27–63.
26. Pleck, J. H. Facilitating future change in men's family roles / J. H. Pleck, M. E. Lamb, J. A. Levine // Marriage and Family Review, 1985. - № 9(3–4). – p. 11–16.

27. Pleck, J. H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes and paternal involvement: levels, sources, and consequences. / J. H. Pleck // *The role of the father in child development* (5th ed.) / M. E. Lamb (Ed.). - New York: Wiley, 2010. – p. 58–93. (2010a)
28. Rotkirch, A. All that she wants is a (nother) baby'? Longing for children as a fertility incentive of growing importance/ A. Rotkirch // *Journal of Evolutionary Psychology*, 2007. - № 5. – p. 89–104.

Иманалиева Галия
Санкт-Петербургский государственный университет, магистр
Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: liyusha94@mail.ru

Савеньшева Светлана Станиславовна
Кандидат психологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Доцент кафедры психологии развития и
дифференциальной психологии
E-mail: owlsveta@mail.ru

ДИНАМИКА СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ДО И ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА У ЖЕНЩИН И МУЖЧИН ИЗ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Аннотация. В данной статье изучались особенности супружеских отношений до и после родов в семейных парах из Казахстана и России. Проведенное исследование позволило подтвердить гипотезу о том, что отношение к супругу зависит от пола и культурной принадлежности и что после рождения ребенка удовлетворенность отношениями в супружеской паре снижается.

Ключевые слова: супружеские отношения, удовлетворенность браком, беременность, кросс-культурный аспект, Россия, Казахстан.

Imanaliyeva Galiya
Saint Petersburg State University, master
E-mail: liyusha94@mail.ru

Savenysheva Svetlana Stanislavovna
PhD, associate professor,
Saint Petersburg State University,
associate professor at the department of developmental
and differential psychology
E-mail: owlsveta@mail.ru

THE DYNAMICS OF THE MARITAL RELATIONS OF WOMEN AND MEN FROM RUSSIA AND KAZAKHSTAN BEFORE AND AFTER THE CHILD'S BIRTH

Abstract. In this article, the characteristics of marital relations before and after childbirth in married couples from Kazakhstan and Russia were studied. The study made it possible to confirm the hypothesis that the attitude to the spouse depends on gender and cultural affiliation and that the satisfaction with the relationship in the couple is reduced. after the birth of the child.

Key words: marital relations, marital satisfaction, pregnancy, cross-cultural aspect, Russia, Kazakhstan.

Становиться родителем в первый раз – настоящее испытание для семьи. Неудивительно, что переходный период к родительству, как правило, связывают со снижением супружеской удовлетворенности для многих пар и с усилением конфликтов в семье [4, 5, 6]. Однако увеличение брачных проблем не является общей тенденцией для всех семей. Так, Такер и Арон [8] обнаружили, что во время перехода к родительству наблюдается вариативность динамики супружеских отношений, и хотя многие пары

демонстрируют снижение удовлетворенности браком, есть и те, которые чувствовали улучшение в отношениях. Конечно, запланированная и желанная беременность – значимое событие в жизни обоих супругов. Однако, даже она может стать серьезным испытанием, где исход будет зависеть от коммуникации и поведения супругов. Еще Роллинс и Фельдман [7] отметили, что удовлетворенность браком у супругов намного выше до рождения детей и после их ухода из семьи.

И действительно появление малыша влечет за собой множество трудностей для новоиспеченных родителей. Усталость в связи с большой нагрузкой по уходу за младенцем и недостатком отдыха; снижение материального достатка в связи с тем, что с рождением малыша затраты растут, а один из родителей временно не работает; да и в принципе кардинальная смена образа жизни, связанная с перестройкой ролей и снижением времени друг для друга – все это ведет к кризису развития семьи. [2]

Актуальность выбранной темы также обусловлена тем, что подобных исследований в России не проводилось, также как и сравнительного анализа с другими странами с отличающимися семейными традициями.

В связи с этим *целью* нашего исследования является изучение динамики отношений супругов до и после родов в России и Казахстане.

Гипотезы исследования: отношение к супругу зависит от пола родителя и его культурной принадлежности; после рождения ребенка удовлетворенность отношениями в супружеской паре снижается.

Задачами исследования являются:

- Изучение и сравнение особенностей супружеских отношений у мужчин и женщин из России и Казахстана до и после рождения ребенка;
- Анализ динамики супружеских отношений у мужчин и женщин из России и Казахстана до и после рождения ребенка;
- Изучения влияния супружеских отношений до рождения на отношения в семье после рождения ребенка.

Выборка:

На *первом этапе* в исследовании приняли добровольное участие 55 семейных пар в возрасте от 18 до 30 лет, с разным социальным статусом. Из них 28 семейные пары из России и 27 из Казахстана.

На *втором этапе* в исследовании приняли участие те же 55 женщин в возрасте от 18 до 30 лет (28 женщин из России и 27 из Казахстана). И 40 мужчин, из них 22 мужчин из России и 18 из Казахстана.

Методы: исследование проводилось с использованием лонгитюдного метода. В исследовании принимали участие на первом этапе супружеские пары в период беременности супруги (2-3 триместр), на втором этапе – через 6 мес. после рождения ребенка.

На обоих этапах применялись следующие *методики*:

- биографическая анкеты;
- Рисунок «Моя семья» - изучалось отношение беременных женщин и их мужей к супругам (эмоциональный контакт с супругом, тревожность и конфликтность в семье); [3]
- Тест «Удовлетворенность браком»; [1]

Обработка данных: применялись анализ средних, дисперсионный однофакторный анализ, корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты.

Анализ супружеских отношений у женщин и мужчин из России и Казахстана *на этапе до рождения ребенка* показал следующее.

Изучение особенностей супружеских отношений у *мужчин* данной выборки позволил обнаружить, что в целом мужчины данной выборки демонстрируют высокую удовлетворенность браком и близкий эмоциональный контакт с супругой.

Табл.1. Особенности супружеских отношений и отношения к семье у мужчин из России и Казахстана на этапе до рождения ребенка.

Показатели	Страны	Среднее	Стд. отклонение	F	p
Эмоциональный контакт с супругом	Россия	3,761	,3951	1,128	,294
	Казахстан	3,864	,2279		
Конфликтность	Россия	,609	,5632	825	,369
	Казахстан	,455	,5755		
Тревожность	Россия	,957	,4241	2,201	,145
	Казахстан	1,114	,2642		
Удовлетворенность браком	Россия	37,435	4,6693	2,550	,118
	Казахстан	39,818	5,3331		

Сравнительный анализ особенностей супружеских отношений (по методике «Рисунок семьи») у мужчин из России и Казахстана не показал статистически значимых различий. Однако, можно заметить, что у мужчин из Казахстана конфликтность ниже, чем у мужчин из России. При этом у мужчин из России тревожность в восприятии семейной ситуации ниже, чем у мужчин из Казахстана. Сравнительный анализ удовлетворенности браком у мужчин из России и Казахстана не показал статистически значимых различий, однако, можно заметить, что мужчины из Казахстана удовлетворены браком больше, чем мужчины из России.

Анализ особенностей супружеских отношений у женщин данной выборки показал, что, в целом женщины данной выборки демонстрируют высокую удовлетворенность браком и тесную эмоциональную связь с супругом.

Табл. 2. Особенности супружеских отношений и отношения к семье у женщин из России и Казахстана на этапе до рождения ребенка.

Показатели	Страны	Среднее	Стд. отклонение	F	Знач.
Эмоциональный контакт с супругом	Россия	3,500	,7977	,407	,527
	Казахстан	3,636	,6207		
Конфликтность	Россия	1,261	,6549	9,753	,003
	Казахстан	,591	,7813		
Тревожность	Россия	1,261	,8774	1,265	,267
	Казахстан	1,023	,4750		

Удовлетворенность браком	Россия	35,43 5	6,373 4	6,697	,013
	Казахстан	39,86 4	4,988 5		

Сравнительный анализ отношения к семье по рисуночной методике «Моя семья» показал, что конфликтность и тревожность в восприятии семьи ниже у женщин из Казахстана, чем у женщин из России. Статистически достоверные различия обнаружены по параметру конфликтность ($p < 0,01$). Сравнительный анализ удовлетворенности браком у женщин из России и Казахстана показал, что женщины из Казахстана удовлетворены браком больше, чем женщины из России, различия статистически достоверны ($p < 0,05$).

Далее мы провели сравнительный анализ особенностей супружеских отношений у мужчин и женщин, который позволил обнаружить следующие различия.

Табл. 3. Особенности супружеских отношений и отношения к семье у мужчин и женщин из России и Казахстана на этапе до рождения ребенка.

Показатели	Пол	Среднее	Стд. отклонение	F	p
Эмоциональный контакт с супругом	мужчины	3,811	,3249	4,391	,039
	женщины	3,567	,7119		
Конфликтность	мужчины	,533	,5681	7,634	,007
	женщины	,933	,7877		
Тревожность	мужчины	1,033	,3599	873	,353
	женщины	1,144	,7121		
Удовлетворенность браком	мужчины	38,600	5,0919	713	,401
	женщины	37,600	6,0992		

Сравнительный анализ супружеских отношений у мужчин и женщин по рисуночной методике «Моя семья» показал, что у мужчин данной выборки эмоциональный контакт с супругой ($p < 0,05$) теснее и конфликтность ($p < 0,01$) в восприятии семейной ситуации выражена слабее, чем у женщин. Сравнительный анализ удовлетворенности браком у мужчин и женщин данной выборки не показал статистически значимых различий, при этом можно заметить, что мужчины удовлетворены браком больше, чем женщины.

Анализ супружеских отношений у женщин и мужчин из России и Казахстана в *период после рождения ребенка* показал следующее.

Анализ особенностей супружеских отношений у мужчин данной выборки показал, что, в целом, мужчины, как и до рождения ребенка, демонстрируют высокую удовлетворенность браком и близкий эмоциональный контакт с супругой.

Табл. 4. Особенности отношения к супруге и семье у мужчин из России и Казахстана на этапе после рождения ребенка.

Показатели	Стр	Ср	Стд.	F	p
------------	-----	----	------	---	---

	аны	еднее	отклонение		
Эмоциональн ый контакт с супругом	Каза хстан	3, 389	,4042	1 ,404	, 243
	Росс ия	3, 205	,5490		
Конфликтнос ть	Каза хстан	,8 61	,5893	000	, 988
	Росс ия	,8 64	,4414		
Тревожность	Каза хстан	1, 139	,2873	737	, 396
	Росс ия	1, 068	,2338		
Удовлетворен ность браком	Каза хстан	35 ,889	3,802 3	4 ,084	, 050
	Росс ия	33 ,182	4,521 2		

Сравнительный анализ отношения к супруге по рисуночной методике «Моя семья» у мужчин из России и Казахстана не показал статистически значимых различий. Изучение удовлетворенности браком у мужчин из России и Казахстана показало, что мужчины из Казахстана удовлетворены браком больше, чем мужчины из России ($p < 0,05$).

Анализ особенностей супружеских отношений у женщин данной выборки выявил, что, женщины, как и до рождения ребенка, демонстрируют высокую удовлетворенность браком и тесную эмоциональную связь с супругом.

Табл. 5. Особенности отношения к супруге и семье у женщин из России и Казахстана на этапе после рождения ребенка.

Показатели	Стран ы	Сред нее	Стд. отклонение	F	
Эмоциональный контакт с супругом	Казах стан	3,352	,6477	028	, 868
	Росси я	3,321	,6967		
Конфликтность	Казах стан	,815	,6526	3 ,733	, 059
	Росси я	1,143	,6064		
Тревожность	Казах стан	1,056	,3755	923	, 341
	Росси я	1,214	,7749		
Удовлетворенно сть браком	Казах стан	37,11 1	4,7985	5 ,725	, 020
	Росси я	34,03 6	4,7335		

Сравнительный анализ отношения к семье по рисуночной методике «Моя семья» показал, что у женщин из России конфликтность по отношению к семейной ситуации выше, чем у женщин из Казахстана, результаты находятся на уровне статистической тенденции

($p=0,059$). Остальные различия статистически незначимы, но можно заметить, что женщины из Казахстана оценивают ситуацию в семье как более тревожную, чем женщины из России. Сравнительный анализ удовлетворенности браком у женщин из России и Казахстана показал, что женщины из Казахстана удовлетворены браком больше, чем женщины из России, различия статистически достоверны ($p<0,05$).

Сравнительный анализ супружеских отношений у мужчин и женщин после рождения ребенка значимых различий не дал. Таким образом, как мужчины, так и женщины из Казахстана более удовлетворены своим браком как на этапе до рождения ребенка, так и после его рождения. При этом женщины из России оценивают семейную ситуацию как менее тревожную, но более конфликтную, чем женщины из Казахстана.

Динамика супружеских отношений в семейной паре до и после родов.

Сравнительный анализ особенностей супружеских отношений до и после рождения ребенка у мужчин и женщин позволил обнаружить следующее. В выборке женщин можно увидеть достоверное снижение эмоционального контакта с супругом ($p<0,05$) и удовлетворенности браком ($p<0,05$). При этом показатели тревожности и конфликтности практически не меняются. У мужчин можно увидеть более существенное снижение уровня эмоционального контакта ($p<0,001$), увеличение конфликтности в семье ($p<0,01$) и более значимое, чем у женщин снижение удовлетворенности браком ($p<0,001$). Таким образом, можно отметить снижение качества супружеских отношений в семейной паре после рождения у обоих супругов, но более выраженное у мужчин.

Табл. 6. Сравнительный анализ супружеских отношений у мужчин и женщин до и после рождения ребенка.

Параметры		Ср еднее	С тд. откл.	F	p
<i>Женщины</i>					
Эмоциональ ный контакт с супругом	до	3, 591	, 6603	4 ,378	, 039
	после	3, 327	, 6612		
Конфликтнос ть в семье	до	,9 09	, 7521	, 296	, 587
	после	,9 82	, 6452		
Тревожность в семье	до	1, 091	, 6878	, 134	, 715
	после	1, 136	, 6120		
Удовлетворен ность браком	до	37 ,927	5 ,6858	5 ,793	, 018
	после	35 ,491	4 ,9023		
<i>Мужчины</i>					
Эмоциональ ный контакт с супругой	до	3, 800	, 3359	2 9,598	, 001
	после	3, 288	, 4921		
Конфликтнос ть в семье	до	,5 25	, 5656	7 ,908	, 006
	после	,8	,		

	осле	63	5062		
Тревожность в семье	до	1, 050	, 3359	, 557	, 458
	после	1, 100	, 2582		
Удовлетворен ность браком	до	38 ,500	4 ,9147	1 5,521	, 001
	после	34 ,400	4 ,3783		

Полученные данные подтверждают и данные анализа *динамики* супружеских отношений у мужчин и женщин из России и Казахстана. И мужчины, и женщины демонстрируют небольшое снижение эмоционального контакта со своим супругом при повышении конфликтности в восприятии семьи у мужчин, при этом снижение более выражено у мужчин ($p < 0,05$). Изучение удовлетворенности браком показывает, что она значительно снижается в обеих выборках. При этом у мужчин удовлетворенность браком снижается в большей степени, чем у женщин (различия находятся на уровне статистической тенденции, $p = 0,096$).

Табл. 7. Динамика супружеских отношений и отношения к ребенку у мужчин и женщин из России и Казахстана (общая выборка мужчин и общая выборка женщин).

Показатели	Женщины	Мужчины	F	p
Динамика эмоционального контакта с супругом	-0,264	-0,513	4,735	0,032
Динамика конфликтности	0,073	0,338	4,733	0,032
Динамика тревожности	0,045	0,050	,001	0,970
Динамика удовлетворенности браком	-2,436	-4,100	2,823	0,096

Сравнительный анализ динамики супружеских отношений у мужчин из России и Казахстана не показал значимых различий. Мужчины из России, и из Казахстана демонстрируют снижение эмоционального контакта со своей супругой при повышении конфликтности в восприятии эмоциональной атмосферы в семье. При этом уровень тревожности в восприятии семьи практически не меняется. Анализ динамики удовлетворенности браком демонстрирует ее существенное снижение в обеих выборках.

Табл. 8. Динамика супружеских отношений и отношения к ребенку у мужчин из России и Казахстана.

Показатели	Мужчины из Казахстана	Мужчины из России	F	p
Динамика эмоционального контакта с супругом	-0,472	-,545	0,246	0,623
Динамика конфликтности	0,417	0,273	0,422	0,520
Динамика тревожности	0,028	0,068	0,078	0,782
Динамика удовлетворенности браком	-4,167	4,045	0,005	0,947

Сравнительный анализ динамики супружеских отношений у женщин из России и Казахстана показал следующее. Женщины и из России, и из Казахстана демонстрируют небольшое снижение эмоционального контакта со своим супругом, при повышении уровня конфликтности у женщин из Казахстана. Различия в динамике конфликтности у женщин из России и Казахстана статистически значимы ($p < 0,01$). Уровень тревожности в восприятии семьи, также как и у мужчин, меняется слабо. Удовлетворенность браком снижается в обеих выборках, но при этом женщины из Казахстана это снижение чуть более выражено, чем у женщин из России.

Табл. 9. Динамика супружеских отношений и отношения к ребенку у женщин из России и Казахстана.

	Женщины из Казахстана	Женщины из России	F	p
Динамика эмоционального контакта с супругом	-,315	-,214	,372	,544
Динамика конфликтности	,259	-,107	8,607	,005
Динамика тревожности	,056	,036	,012	,913
Динамика удовлетворенности браком	-2,667	2,214	,169	,682

Анализ влияния супружеских отношений у женщин и мужчин из России и Казахстана до рождения ребенка на их отношения после его рождения

Эмоциональный контакт с супругом у женщин во время беременности положительно коррелирует с эмоциональным контактом с супругом после рождения ребенка, с удовлетворенностью браком, отрицательно коррелирует с конфликтностью. Это может говорить о том, что чем теснее, теплее эмоциональный контакт с супругом был на момент беременности, тем больше женщина удовлетворена браком. Однако, если эмоциональный контакт с супругом носит негативный характер, она не чувствует поддержки и заботы со стороны супруга, то женщина оценивает семейную ситуацию как конфликтную.

Конфликтность и тревожность у беременных женщин отрицательно связаны с эмоциональным контактом с супругом, а также с удовлетворенностью. Это может говорить о том, что чем чаще женщина оценивает семейную ситуацию на момент беременности как конфликтную и/или тревожную, тем меньше она удовлетворена браком после рождения ребенка.

Удовлетворенность браком у женщин на момент беременности положительно связана с эмоциональным контактом с супругом после рождения, а также отрицательно с конфликтностью и тревожностью. Это говорит о том, что чем больше беременная женщина была удовлетворена супружескими отношениями, чем чаще она ощущает поддержку со стороны супруга, Однако если женщина удовлетворена брачными отношениями меньше на момент беременности, то тем больше она воспринимает семейную ситуацию в негативном ключе.

Сравнительный анализ особенностей влияния отношения к супругу до рождения ребенка на отношения к супругу после рождения ребенка у женщин из России и Казахстана показал следующее. У женщин из Казахстана обнаружилось сильные взаимосвязи супружеских отношений, удовлетворенности браком до рождения ребенка с супружескими отношениями, удовлетворенностью браком после рождения. У женщин из России таких связей обнаружено не было. Возможно, это связано с тем, что женщины из Казахстана в силу

традиционных представлений о семье ожидают поддержки супруга больше, чем женщины из России.

Анализ взаимосвязей отношений к супруге у мужчин до и после рождения ребенка не выявил значимых связей между исследуемыми параметрами.

Анализ взаимосвязи супружеских отношений до рождения ребенка и динамики супружеских отношений у женщин и мужчин из России и Казахстана

Корреляционный анализ супружеских отношений до рождения ребенка и динамики супружеских отношений у женщин и мужчин из России и Казахстана показал следующее.

Корреляционный анализ влияния отношения к будущему ребенку у женщин из России и Казахстана на динамику супружеских отношений и отношения к ребенку выявил, что эмоциональный контакт с супругом у женщин отрицательно связан с динамикой эмоционального контакта с супругом. Это может говорить о том, что чем теснее у беременной женщины был эмоциональный контакт с супругом беременности, тем больше он снизился после рождения. Конфликтность в восприятии семейной ситуации до рождения отрицательно связана с динамикой конфликтности, также как и тревожность отрицательно связана с динамикой тревожности. Это может говорить о том, что чем больше беременная женщина оценивала климат в семье как конфликтный или тревожный, тем меньше он менялся после рождения ребенка, или даже улучшался. Удовлетворенность браком у женщин в период беременности отрицательно связана с динамикой эмоционального контакта с супругом и динамикой удовлетворенности браком, положительно связана с динамикой конфликтности. Это может говорить о том, что чем больше беременная женщина была удовлетворена браком, тем больше снижается ее эмоциональный контакт с супругом и удовлетворенность супружескими отношениями, и тем больше возрастает конфликтность в семейной атмосфере.

Полученные данные можно объяснить тем, что если до рождения отношения с супругом были сверхблизкими или даже эйфоричными, было нереалистически позитивные представления и ожидания послеродового периода, то после рождения, при столкновении с различными трудностями кризиса семьи связанного с рождением ребенка, отношения могут резко ухудшиться.

Сравнительный анализ взаимосвязи отношения к ребенку и супругу и динамики отношения к супругу и ребенку у женщин из России и Казахстана показал следующее.

В обеих выборках восприятие семейной атмосферы как неконфликтной и нетревожной, а также удовлетворенность браком ведет к повышению динамики конфликтности и тревожности в отношении семьи и к понижению динамики удовлетворенности браком. При этом у женщин из Казахстана динамика восприятия семейной ситуации как конфликтной или тревожной тесно связана с эмоциональным контактом с супругом, у женщин из России таких связей обнаружено не было.

Корреляционный анализ отношения к будущему ребенку у мужчин из России и Казахстана и динамики супружеских отношений и отношения к ребенку выявил схожие связи с обнаруженными у женщин.

Так, эмоциональный контакт с супругой у мужчин отрицательно связан с динамикой эмоционального контакта с супругой и динамикой удовлетворенности браком, положительно связан с динамикой конфликтности. Это может говорить о том, что чем теснее у мужчин был эмоциональный контакт с супругой, тем больше он снизился после рождения. Конфликтность и тревожность в восприятии эмоциональной атмосферы в семье у мужчин отрицательно связана с динамикой конфликтности и тревожности, положительно с динамикой удовлетворенности. Т.о., чем больше мужчина оценивает семейную ситуацию до рождения ребенка как неконфликтную и/или нетревожную, тем больше возрастает конфликтность и тревожность в семейной атмосфере после его появления и тем меньше он удовлетворен браком. Удовлетворенность браком отрицательно связана с динамикой удовлетворенности браком. Это может говорить о том, что чем больше мужчина

удовлетворен браком, тем больше снижается динамика эмоционального контакта с ребенком и удовлетворенность супружескими отношениями, и тем больше возрастает конфликтность в семейной атмосфере.

Возможно, полученные результаты связаны с тем, что появление ребенка накладывает на новых родителей много трудностей, в том числе невозможность проводить много времени друг с другом. И чем ближе были отношения до рождения ребенка, тем тяжелее супруг может переживать из-за этого.

Сравнительный анализ взаимосвязи отношения к супругу и динамики отношения к супругу у мужчин из России и Казахстана показал следующее.

В обеих выборках конфликтность и тревожность в восприятии эмоциональной атмосферы в семье у мужчин отрицательно связана с динамикой конфликтности и тревожности. Т.о., чем больше мужчина оценивает семейную ситуацию до рождения ребенка как неконфликтную и/или нетревожную, тем больше возрастает конфликтность и тревожность в семейной атмосфере после его появления. При этом эмоциональный контакт с супругой у мужчин из России отрицательно связан с динамикой эмоционального контакта с супругой. Это может говорить о том, что чем теснее у мужчин из России был эмоциональный контакт с супругой, тем больше он снизился после рождения ребенка. У мужчин из Казахстана таких связей обнаружено не было.

Выводы:

1) Анализ особенностей супружеских отношений у женщин и мужчин данной выборки на момент беременности и после рождения ребенка выявил, что в целом мужчины и женщины данной выборки на момент беременности и после рождения ребенка демонстрируют высокую удовлетворенность браком и тесную эмоциональную связь с супругом. При этом у мужчин данной выборки эмоциональный контакт с супругой теснее и конфликтность в восприятии семейной ситуации выражен на этапе беременности слабее, чем у женщин; после рождения различий не обнаружено.

2) Сравнительный анализ особенностей супружеских отношений у мужчин из России и Казахстана не показал статистически значимых различий до рождения ребенка, тогда как после рождения уровень удовлетворенности браком у мужчин из Казахстана выше, чем у мужчин из России. Сравнительный анализ отношения к семье у женщин показал, что у женщин из Казахстана наблюдается более низкий уровень конфликтности в семье, а удовлетворенность браком выше и до, и после рождения ребенка, чем у женщин из России.

3) Анализ динамики супружеских отношений и отношения к ребенку у мужчин и женщин из России и Казахстана показал, что и мужчины, и женщины демонстрируют увеличение эмоциональной дистанции с супругом при повышении конфликтности. Удовлетворенность браком падает в обеих выборках. При этом у мужчин эмоциональный контакт и удовлетворенность браком снижается, а конфликтность увеличивается в значительно большей степени, чем у женщин. Сравнительный анализ динамики супружеских отношений у мужчин и женщин из России и Казахстана не выявил значимых культурных различий, за исключением более выраженного повышения конфликтности у женщин из Казахстана после рождения ребенка.

4) Анализ взаимосвязей супружеских отношений до рождения и после рождения у женщин выявил их тесную связь и у женщин из России и у женщин из Казахстана, тогда как у мужчин таких связей выявлено не было. Изучение взаимосвязей супружеских отношений до рождения ребенка и динамики супружеских отношений до и после рождения ребенка и у женщин, и у мужчин выявил, что при более высоких показателях удовлетворенности браком, эмоционального контакта, и более низких показателях конфликтности на этапе до рождения ребенка наблюдается более существенное снижение удовлетворенности браком, увеличение эмоциональной дистанции и конфликтности у обоих супругов.

Заключение. Проведенное исследование позволило подтвердить наши гипотезы о том, что отношения в супружеской паре в период перехода к родительству зависят от пола и культурной принадлежности, и их уровень снижается после рождения ребенка, особенно выражено снижение у мужчин.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Динамика отношений мать-отец-ребенок и психическое развитие ребенка в перинатальный период его развития» № 16-06-00392, 2016-2018 гг.

Список использованных источников:

1. Андреева Т.В. Психология современной семьи. СПб.: Речь, 2006, с.424-427.
2. Савенышева С.С. Динамика супружеских отношений при переходе к родительству: анализ зарубежных исследований // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 47.
3. Тейлор К. Психологические тесты и упражнения для детей. Книга для родителей и воспитателей. М., 2005.
4. Belsky J., Rovine M. Patterns of marital change across the transition to parenthood: Pregnancy to three years postpartum. *Journal of marriage and family*, 1990, 52, 5–19.
5. Cowan C., Cowan P. Interventions to ease the transition to parenthood: Why they are needed and what they can do. *Family relations*, 1995, 44(4), 412–424.
6. Cowan C.P., Cowan P.A. When partners become parents: The big life change for couples. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.
7. Rollins B.C., Feldman H. Marital satisfaction over the family life cycle. *Journal of marriage and family*, 1970, 32, 20–27.
8. Tucker, P., Aron, A. Passionate love and marital satisfaction at key transition points in the family cycle. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 1993, 12, 135–147.

Каталова Мирослава Анатольевна
ФГБУ «Ивановский НИИ материнства и детства им. В.Н. Городкова»,
психолог,
153045 г. Иваново, Победы, 20
E-mail: miroslava.60@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ДОАБОРТНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПОДРОСТКОВ В СИТУАЦИИ РЕПРОДУКТИВНОГО ВЫБОРА

Аннотация. В статье рассматривается эффективность доабортного консультирования подростков при наличии психотерапевтической мишени, обнаруженной психологом в каждом конкретном случае. Приводятся примеры консультативных приемов, метафоры, созданные клиентами, совместно с психологом, как психологическое послание дальнейшему развитию подростка.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье, доабортное психологическое консультирование подростков, поиск психотерапевтической мишени в консультировании, приемы психологического консультирования, обусловленные мишенью.

Katalova Miroslava Anatolyevna,
psychologist
Federal State Budgetary Institution Ivanovo Scientific Research Institute of Motherhood and
Childhood of V.N. Gorodkov
153045 Ivanovo, Pobeda str., 20
E-mail: miroslava.60@mail.ru

FEATURES OF PRE-ABORTION COUNSELING OF ADOLESCENTS IN THE SITUATION OF REPRODUCTIVE CHOICE

Annotation. The article examines the efficiency of pre-abortion counseling of adolescents in the presence of a psychotherapeutic target, found by a psychologist in each specific case. Examples of counseling techniques, metaphors created by the clients together with the psychologist, are presented as a psychological message to the further development of the teenager.

Key words: reproductive health; pre- abortion counseling of adolescents; a search for a psychotherapeutic target in counseling; techniques of psychological counseling, due to the target.

Репродуктивное здоровье - залог будущего нации. Включать подростков в сохранение и профилактику собственного репродуктивного здоровья - это мощный ресурс оздоровления нации. В настоящее время, у 75 % будущих матерей и 40% будущих отцов есть нарушения здоровья, которые оказывают отрицательное влияние на способность иметь детей. Отрицательное влияние на репродуктивное здоровье оказывают последствия искусственного прерывания беременности. И, несмотря на то, что число аборт у несовершеннолетних девушек, проживающих в г. Иваново и Ивановской области, за период 2011-2013 гг., снижается на 28% (со 148 случаев в 2011 году до 107 случая – в 2013 году) [Мальшкіна А.И., Матвеева Е.А., Назаров С.Б., с .25], они имеет место быть.

Особенности психологической помощи подросткам в области репродуктивного здоровья связаны с их проблемами и потребностями:

- не обладают точной информацией и имеют поверхностные знания;
- переживают страх в ситуации отказа партнера от ответственности за применение контрацепции;

-игнорируют базисные ценности в угоду сиюминутным потребностям;

-часто используют психологические защиты, теряя объективное виденье реальности [Каталова М.А., Богатова И.К.с.48-49]

Подростки, в реальной жизни часто игнорируют ценности здоровья, будущего материнства и отцовства в угоду сиюминутных потребностей. Половые отношения в 14-15 лет без предохранения, не редкость. Репродуктивное самоопределение молодежи – это одна из актуальных «болевых точек» современной семьи, тесно связана с глобальными и локальными демографическими процессами [Беляева М.А., с.757]. Нельзя недооценивать психологические последствия прерывания беременности в юном возрасте для будущей женщины.

Показательно, что в последовательности действий, связанных с прерыванием беременности, эксперты ВОЗ на первое место ставят консультирование и информирование. (Шарапова О.В., с.49). Доабортное консультирование – это консультирование женщин, идущих на прерывание беременности с целью выявления истинных причин, препятствующих сохранению беременности и формирование позитивного отношения к собственному материнству. Опыт доабортного консультирования говорит о том, что каждая шестая женщина, пришедшая на прерывания беременности, готова поменять свое решение и сохранить беременность.

Социально-психологические особенности девушек-подростков, прибегающих к прерыванию беременности, имеют следующее содержание: наличие акцентуации характера, особенно истерической; поляризованная оценочная позиция, по принципу: белое – черное; асоциальное поведение; низкий уровень эмоциональной связи с семьей, холодность родителей; проживание с одним из родителей или вдали от дома, в общежитиях; низкий уровень включенности в семью; выжидательная позиция по принятию решения.

Необходимо отметить отличие психологического доабортного консультирования подростков от консультирования взрослых женщин. Девушки - подростки часто пребывают в состоянии аффекта; испытывают «изолированность» - нельзя никому рассказать о своем состоянии из-за резкого осуждения общества; имеют крайне ограниченный банк ресурсов совладения в трудных ситуациях из-за небольшого жизненного опыта.

Подростки стесняются находиться в медицинском учреждении вместе с взрослыми, недостаточно информированы, часто имеют ошибочные представления, но стесняются признаться в своем невежестве, не понимают, что ответственны за свои действия, не считают, что подвергают себя риску. [Шарапова О.В. с.110].

Подростки идут к психологу в большинстве случаев по направлению врача-гинеколога и являются немотивированными клиентами. Поэтому, так важно, вместе с подростком определиться с конструктивным запросом, об их целях в данной консультации. Предложенный психологом вариант запросов предыдущих подростков, или разъяснения, чем может помочь клиенту психолог, снимают изолированность, повышают осознанность его состояния, что жизненная трудность не только у него одного. Примеры, помогающие подростку определиться с запросом: «Ты знаешь, ко мне иногда приходят люди, которые на самом деле не хотели бы здесь находиться. К психологу приходят и богаче, и умнее психолога. Но так бывает, что люди попадают в трудную ситуацию и без посторонней помощи не могут выбраться» или «Я могу ответить на твои вопросы и помочь обдумать возможные варианты, но ты лучше знаешь свою ситуацию. Решение, принятое тобой, будет наилучшим. Главное, чтобы ты это сделала осознанно».

Что дает психологическое доабортное консультирование для девушки-подростка? Это возможность получить достаточную информацию о последствиях аборта, возможность проанализировать ее ситуацию, понять причины прерывания беременности; осуществить анализ последствий предполагаемых поступков подростка, определить варианты желательных изменений ситуации; способствовать оптимальному решению проблемы.

Некоторые приемы консультирования подростков повышают эффективность консультирования: избирательное внимание с акцентом на положительных моментах: «Очень хорошо, что вы дошли до психолога, несмотря на то, что вас послал врач»; проявление должного внимания к опасениям, страхам и сомнениям подростка: «Конечно, все возбуждается во время половой близости, действительно трудно остановиться и думать в такие моменты о контрацепции. Но о ней стоит подумать заранее, до начала полового контакта»; признание самостоятельности подростка, нормализация и др.

Структура консультирования состоит из принятия клиента, вычленения запроса, определения психотерапевтической мишени, поиск ресурсов в ситуации выбора, ориентации на несколько консультаций, обобщающего резюме.

Коэффициент полезного действия консультирования будет зависеть не столько от приемов консультирования, а от эффективности самого консультанта, его толерантности к неопределенности. А именно, немотивированные клиенты создают такую неопределенность. Психотерапия тогда эффективна, когда работает с тормозами в естественном развитии человека. Главное с тормозов снять. Снять изолированность. Создание веры в возможность улучшения своего состояния – достойная психотерапевтическая мишень. [Дехтяр И.Г., с.37]

Ключевым моментом в доабортном психологическом консультировании является поиск психотерапевтической мишени. Мишень – это то, что мешает дальнейшему развитию человека, его осознанию, его новому поведению, его новым реальным планам. [Дехтяр. И.Г. с.29]. Главная проблема девушки-подростка, идущей на прерывания беременности – трудность решения актуальной жизненной проблемы. Исходя из опыта консультирования, такими мишенями могут быть:

-*туннельное зрение*, например: «Это конец света, мне легче в такой ситуации броситься с девятого этажа». Цель консультирования – преодоление сильного аффекта способом информирования, которое может освободить энергию переживаний. Например: «Хорошо жить с пониманием преодоления трудностей. Согласно «Семейному кодексу РФ» ты имеешь право на собственный выбор». Предложить практические действия: «Сначала мы с тобой подышим, как собачка, а потом все разложим по полочкам». Создать метафоры о текущем моменте: «Лечение от любви входит в стоимость путевки по принципу все включено», «ежик в тумане ищет выход», «ищу свет в конце туннеля»;

-*изолированность подростка*, например: «Родителям я не скажу, они меня убьют». Цель консультирования – создавать новые варианты заботы о себе и попробовать в них пожить. Например: «Главное – это твое желание иметь ребенка. К счастью, в обществе появились благотворительные организации, которые помогают одеждой, деньгами, обучению новым навыкам». Также целью консультирования является – помочь человеку быть хорошим самому себе и самому о себе заботиться: «Давай прикрепим ярлыки к негативным твоим чертам, положим в дальний ящик, а сейчас определимся, что можно сделать в этой ситуации, чтобы выжить и развиваться», «чтобы не говорили окружающие люди, давай проведем эту консультацию с максимальной пользой для тебя, разберемся в причинах, что заставляет тебя прерывать беременность»;

--*создание нового жизнеобразующего мира*, например: «Я бы оставила ребенка, я вообще люблю детей, но как - же учеба, своя квартира?». Цель консультирования – создание веры в возможность улучшения своего состояния: «Несмотря на временные трудности, которые испытывают и взрослые беременные женщины, рождение ребенка – это радостное событие в жизни каждой семьи и каждого человека. От рождения ребенка есть масса плюсов: нет бессонницы, молодая мама засыпает, как только ложится на кровать. Развиваются «экстрасенсорные способности. Молодая мама быстро угадывает желания ребенка. Родители проще относятся к материальным вещам и не так переживают за утопленный в унитазе телефон. Молодые родители переоценивают свою работу, воспринимая ее как отдых, а не каторгу» и другие плюсы. «Получить недостающие знания и снять опасения ты можешь в школе будущих родителей». «Энергия жизни в энергии цели.

Давай представим тебя в 30 лет. Светлый и темный вариант развития событий». «Попробуй нарисовать своего будущего ребенка в виде цветка» и др.

-информирование о планировании семьи, несмотря на любое решение, принятое девушкой-подростком, о своей беременности. Информирование о методах контрацепции. Большинство прибегающих девушек-подростков к прерыванию беременности, не принимали контрацепцию, как они объясняют, что не успели про это подумать.

Пример двух случаев консультирования несовершеннолетних девушек-подростков с различными исходными ситуациями и созданием метафор их будущего сосуществования. Метафора помогает сбить инертность изменений.

Случай 1: девушка 15 лет, учится в 10 классе, у ее родителей трое детей, семья религиозная, категорически отказывается рожать ребенка и ставить в известность своих родителей, поскольку они заставят ее рожать; парень после нескольких попыток посещения коммерческих медицинских центров, с целью помочь девушке прервать беременность, ее бросил; на прием к гинекологу и психологу ходит в сопровождении подружки. Методами контрацепции не пользовались. Желание иметь ребенка у нее никогда не возникало. Психотерапевтической мишенью в данной консультации были новые способы заботы о себе: понимание причин прерывания беременности, информирования о планировании семьи. Решение – прервать беременность. Метафора своего состояния после принятия решения: «Я свободна и в люк я больше не попаду».

Случай 2: Девушка 16 лет, учится в колледже. Живет вдали от родителей, в общежитии. Регистрации пока нет. Отношения с партнером не зарегистрированы, но он собирается ее поддерживать, Учителя намекают об избавлении от беременности. Родителям категорически просит не говорить. Желание иметь ребенка у нее есть, но не знает, как перенести давление общества. Психотерапевтическая мишень - снять изолированность и создать новый жизнеобразующий мир, способом тренировки реакций на стимулы окружающего мира. Решение – сохранить беременность. Метафора своего состояния после принятия решения: «Я верю себе, мой ребенок – моя звезда».

Поиск ресурсов в ситуации выбора осложнен застывшей эмоцией. Это может быть тревога, чаще страх, не редко – чувство безысходности. Главный враг психотерапевтического процесса - это тупиковая дискуссия и застывшая эмоция. Психотерапевтическая мишень помогает в консультировании снять человека с тормозов, чтобы проблема стала частью жизни [Дехтяр И. Г. с.29]. Девушка – подросток на приеме у психолога объясняет свою причину отказа от беременности тем, что «у ребенка должно быть все, а у меня ни кола, ни воза». «У ребенка должно быть все» - является психотерапевтической мишенью. Вместе с клиентом, создаем метафору ее дальнейшего сосуществования: «Есть крылья, а я держусь за якорь». Если девушка-подросток (а возможно и вся семья) принимает решение сохранить беременность, но независимо от предстоящих трудностей, основную роль должны играть положительные эмоции, связанные с предстоящим событием. Это, как анестезия, помогает снять риск нежелательных последствий для будущей юной мамы и ребенка.

Опыт консультирования подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию, позволяют сделать вывод, что соглашаются на юное материнство девушки, у которых есть партнер, пусть даже с незарегистрированными отношениями; помощь родителей; девушки с невысоким уровнем притязаний; а также те, кто имеет психологическую готовность иметь детей. И консультант, в данной ситуации, помогает укрепиться в вере, что данная трудность со временем преодолима, пусть ценой снижения притязаний.

И так: эффективность доабортного консультирования девушек-подростков значительно увеличивается, благодаря определению психотерапевтической мишени, созданию метафор будущего сосуществования, которые помогают безусловному самопринятию, которое исцеляет, независимо от безусловного принятия других. Из пятнадцати девушек-подростков, пришедших на доабортное консультирование за последние три года, пять человек согласились сохранить беременность.

Доабортное консультирование имело бы больший коэффициент полезного действия, если бы к консультированию были привлечены партнеры беременных девушек. Для этого необходимы совместные усилия общественности, информирования общества о возможности предоставления психологических услуг, а также готовность психологов к проведению доабортного и семейного консультирования.

Список использованных источников:

1. Беляева М.А. Репродуктивное самоопределение молодежи, как «болевая точка» современной семьи. Тезисы 6 международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи». - М.2015 .-757с.

2. Дехтяр И. Г. Психотерапевтические мишени в психотерапии. - Ростов – на - Дону: Минитайп, 2005. - 29 с., - 37 с.

3. Каталова М.А., Богатова И.К. Психологическая помощь подросткам в центре планирования семьи. «Гигиена. экология и репродуктивное здоровье подростков». Тезисы докладов международных научно-практических конференций (в 3-х частях) – СПб.,1999,- 48с.-49 с.

4. Малышкина А.И., Матвеева Е.А., Назаров С.Б. Актуальные проблемы здоровья семьи. - Иваново, 2014. -10-12 с.

5. Шарапова О.В. Консультирование подростков и молодежи по вопросам репродуктивного здоровья. - М., 2005. -49 с., -110 с.

Шумик Анастасия Руслановна
Санкт-Петербургский государственный университет, магистр
199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: nastya.shumik@yandex.ru

Савеньшева Светлана Станиславовна
Кандидат психологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Доцент кафедры психологии развития и
дифференциальной психологии
E-mail: owlsveta@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К РЕБЕНКУ В ПЕРИНАТАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЕГО РАЗВИТИЯ И ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МЛАДЕНЦА

Аннотация. Статья посвящена изучению родительского отношения к ребенку в перинатальный период его развития и особенностей психического развития младенца. Было выявлено, что младенцы родителей с низким уровнем готовности к родительству в период беременности и отрицательным отношением к нему в постнатальный период характеризуются более низким уровнем психического развития.

Ключевые слова: пренатальная привязанность, постнатальная привязанность, отношение к будущему ребенку, родительское отношение, психическое развитие младенца.

Shumik Anastasia Ruslanovna
Saint Petersburg State University, master
199034 St. Petersburg, University Embankment, 7/9
E-mail: nastya.shumik@yandex.ru

Savenysheva Svetlana Stanislavovna
PhD, associate professor,
Saint Petersburg State University,
associate professor at the department of developmental
and differential psychology
E-mail: owlsveta@mail.ru

PARENTAL ATTITUDE TO THE CHILD IN THE PERINATAL PERIOD AND THE MENTAL DEVELOPMENT OF THE INFANT

Abstract. The article examines the characteristics of the parental attitude to the child in the perinatal period and the characteristics of the mental development of the infant. It was found that infants of parents with low levels of readiness for parenthood and negative attitudes to the child in the postnatal period characterized by a lower level of mental development.

Key words: antenatal attachment, postnatal attachment, the attitude to the unborn baby, parental attitude to the child, mental development of the infant.

Длительное время многие авторы выделяли в качестве ведущего фактора, влияющего на развитие личности ребенка, его взаимоотношения с матерью после рождения.

С течением времени ситуация стала меняться, и современные исследователи все больше уделяют внимания значимости роли отца, супружеских отношений, родительского отношения обоих супругов не только после появления малыша на свет, но и до рождения.

Стиль переживания беременности является крайне важным условием развития ребенка. В литературе выделяют следующие стили: адекватный, тревожный, эйфорический, игнорирующий, амбивалентный и отвергающий [4].

Большое влияние на развитие ребенка оказывают также материнская и отцовская пренатальная привязанность [7]. Пренатальная привязанность представляет собой многомерное образование и включает в себя фантазии родителя по поводу внешности ребенка, планы и мечты; взаимодействие с плодом или включенность в процесс беременности (у мужчин); любовь в виде позитивно окрашенных чувств по отношению к ребенку; разделение своих чувств к ребенку со своими родными и близкими и привлечение их к взаимодействию с ним [2; 8].

Наиболее последовательно с формированием привязанности связаны срок беременности, отношения привязанности с родителями и супружеские отношения, а также уровень депрессии и эмпатия [3].

Крайне важным является формирование детско-родительской привязанности, которая во многом зависит от заботы и внимания, уделяемых ребенку родителями. Родители с положительной привязанностью к ребенку внимательны и чувствительны к его потребностям. В общении с ним они эмоционально позитивны. Если взрослый хорошо понимает ребенка, тогда последний чувствует заботу, комфорт и надежно привязывается к взрослому. Из всех возможных родительских качеств, наиболее важны эмоциональная доступность и безусловная любовь [5].

Кроме того, на психическое развитие младенца оказывает огромное влияние взаимодействие с другими людьми. Уже в первые месяцы жизни общение с окружающими взрослыми (особенно с матерью и отцом) становится потребностью и основным видом деятельности ребенка [1].

Помимо общения, родительские функции в развитии ребенка состоят в удовлетворении всех его физиологических потребностей, обеспечении эмоционального благополучия, развитии привязанности, базовых структур отношения к миру, общения, основных личностных качеств и самой структуры деятельности [6].

Однако успешно выполнять все эти функции способны только супруги с положительным родительским отношением (обобщенная характеристика взаимосвязи и взаимозависимости родителя и ребенка в семье), которое включает в себя субъективно-оценочное, сознательно-избирательное представление о ребенке, определяющее особенности родительского восприятия, способ общения с ребенком, характер приемов воздействия на него. Благоприятное для ребенка родительское отношение должно основываться на реалистичной оценке особенностей ребенка, умении видеть и принимать его индивидуальные особенности; должно быть гибким, что позволит сформировать готовность изменить стиль общения, способы воздействия на ребенка по мере его развития и изменений условий жизни семьи; должно быть ориентированным не только на актуальную ситуацию развития ребенка, но и на будущее.

Целью нашего исследования являлось изучение особенностей отношения к ребенку у родителей до и после рождения и их влияния на психическое развитие младенца. *Гипотеза исследования:* младенцы родителей с низким уровнем готовности к родительству в период беременности и отрицательным отношением к нему в постнатальный период развития ребенка характеризуются более низким уровнем психического развития.

Выборка: на первом этапе исследования выборку составили 204 человека (102 семейные пары: мужчины в возрасте от 22 до 38 лет и женщины в возрасте от 19 до 35 лет, находившиеся на 7-9 месяце беременности). Все респонденты состояли в официальном и неофициальном браке. На втором этапе исследования выборку составили 140 мужчин и женщин из выборки первого этапа и их дети в возрасте 7-8 месяцев.

Методы: на первом этапе исследования изучались качество психологического компонента гестационной доминанты (тест отношений беременной (ТОБ) Добрякова И.В.), эмоциональная атмосфера в семье (методика «Рисунок семьи» В. Вульфа), привязанность к ребенку у мужчин и женщин (опросник материнской и отцовской привязанности Дж. Кондона). Была проанализирована система значимых отношений беременных женщин и мужчин (цветовой тест отношений М. Эткинда). На втором этапе изучались эмоциональная атмосфера в семье (методика «Рисунок семьи» В. Вульфа), привязанность к ребенку у мужчин и женщин (опросник материнской и отцовской привязанности Дж. Кондона), эмоциональное взаимодействие родителя и ребенка (методика ОДРЭВ Е.И. Захаровой). Проводилась оценка качества окружающей ребенка среды (методика НОМЕ). Были выявлены особенности психического развития ребенка (диагностика нервно-психического развития детей первого года жизни Печоры К.Л., Пантюхиной Г.В., Фрухт Э.Л.).

Результаты:

Изучение отношения к беременности и к будущему ребенку (по методике ТОБ) показало, что у женщин данной выборки наиболее выражен оптимальный тип отношения к беременности (4,922), который отмечается у женщин, относящихся к своей беременности ответственно, но без излишней тревоги. Беременность у них желанная, такие женщины следят за своим здоровьем. Также выражен тревожный тип отношения к беременности (3,921), характеризующийся высоким уровнем тревоги у беременной, что влияет на ее соматическое состояние. Женщины с этим типом, став матерями, отличаются повышенной моральной ответственностью, не уверены в своих силах и способностях воспитывать ребенка.

Наименее выраженным оказался гипогестогнозический тип (1,873), нередко встречающийся у женщин, не закончивших учебу, увлеченных работой. Среди них встречаются как юные студентки, так и женщины, которым скоро исполнится или уже исполнилось 30 лет. Чаще всего этому типу сопутствуют такие типы семейного воспитания, как гипопротекция, эмоциональное отвержение, неразвитость родительских чувств.

Общий показатель привязанности женщин к будущему ребенку в среднем находится в рамках нормы (64,294). У мужчин данный показатель также находится в рамках нормы (49,355). При этом средние значения качества привязанности ($p < 0,01$; $z = -8,857$), интенсивности включения ($p < 0,01$; $z = -9,172$) и общего показателя привязанности ($p < 0,01$; $z = -8,756$) для мужчин и женщин статистически достоверно различаются. Женщины данной выборки демонстрируют более высокие показатели привязанности к будущему ребенку, чем мужчины.

Табл. 1

Сравнительный анализ показателей привязанности у мужчин и женщин в период ожидания ребенка

	Ж ен.	М уж.	z- крит.	p- уровень
качество привязанности	34 ,363	25 ,471	- 8,857	0, 000
интенсивность включения	27 ,245	18 ,951	- 9,172	0, 000
общий показатель	64 ,294	49 ,353	- 8,756	0, 000

Средние значения показателей «ребенок» ($p < 0,01$; $z = -2,970$) и «беременность» ($p < 0,05$; $z = -2,252$) из методики ЦТО для мужчин и женщин статистически достоверно различаются. Так, для женщин данной выборки, в целом, значимость ребенка и состояния беременности выше, чем для мужчин.

Сравнительный анализ средних показателей ЦТО для мужчин и женщин

	Жен.	М уж.	z -крит.	p- уровень
ребенок	2,657	3 ,461	- 2,970	0, 003
беремен ность	3,412	3 ,882	- 2,252	0, 024

Анализ отношения к ребенку после рождения позволил обнаружить следующее.

Общий показатель привязанности женщин к ребенку в среднем находится в рамках нормы (64,669). При этом показатели по шкале «качество привязанности» в среднем более высокие (30,099), чем по шкалам «отсутствие враждебности» (16,422) и «удовольствие от взаимодействия» (18,143).

Средние показатели привязанности у женщин после рождения ребенка

	средне е	ст.отк л.
качество привязанности	30,099	8,297
отсутствие враждебности	16,427	5,904
удовольствие от взаимодействия	18,143	4,607
общий показатель	64,669	17,228

Общий показатель привязанности мужчин к своему ребенку в среднем находится в рамках нормы (56,573). При этом показатели по шкале «спокойствие и терпеливость» (23,407) в среднем схожи с показателями по шкале «удовольствие от взаимодействия» (20,989). Наиболее низкие показатели по шкале «любовь и гордость» (12,180).

Средние показатели привязанности у мужчин после рождения ребенка

	средн ее	ст.от кл.
спокойствие и терпеливость	23,40 7	7,988
удовольствие от взаимодействия	20,98 9	7,105
любовь и гордость	12,18 0	4,643
общий показатель	56,57 3	19,04 5

Анализ средних значений по методике ОДРЭВ показал, что как женщины (3,917), так и мужчины (3,903), в среднем, достаточно успешно способны воспринимать состояние ребенка. Мужчины (3,729) чуть более успешны в понимании причин состояния ребенка, чем женщины (3,716). Также чуть более высокие показатели у мужчин (3,653), чем у женщин (3,634) в принятии себя в качестве родителя. И мужчины (3,069), и женщины (3,099) демонстрируют средние показатели по способности к эмпатии. Чуть более высокие показатели по параметру «безусловное принятие» у женщин (3,753), чем у мужчин (3,741). В рамках средних показателей находится преобладающий эмоциональный фон как у женщин (3,580), так и у мужчин (3,633). Как женщины (3,854), так и мужчины (3,823) демонстрируют довольно высокие показатели в стремлении к телесному контакту с ребенком. В рамках средних показателей находится оказание эмоциональной поддержки у женщин (3,351) и у мужчин (3,349). В среднем, обнаружена достаточно низкая ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия как у женщин (2,809), так и у мужчин (2,800), но хорошо

развитое умение воздействовать на эмоциональное состояние ребенка у женщин (3,661) и у мужчин (3,666).

Сравнительный анализ показал, что использование поощрений у мужчин и женщин (методика НОМЕ) статистически значимо различается ($p < 0,05$; $t = -2,446$). Женщины данной выборки при взаимодействии с ребенком чаще прибегают к использованию поощрений, чем мужчины.

Также анализ показал, что удовольствие от взаимодействия с ребенком у мужчин и женщин статистически значимо различается ($p < 0,05$; $z = -2,518$). Более высокие показатели удовольствия от взаимодействия в данной выборке характерны для мужчин. Общий показатель привязанности к ребенку у мужчин и женщин статистически достоверно различается ($p < 0,01$; $z = -2,636$). В среднем по выборке более высокие показатели привязанности характерны для женщин.

Частотный анализ результатов диагностики нервно-психического развития детей первого года жизни показал, что 17% детей данной выборки, в общем, соответствуют уровню развития своей возрастной группы. 23% детей данной выборки по общему показателю отстают от уровня развития своей возрастной группы. 60% детей данной выборки по общему показателю в целом опережают уровень развития своей возрастной группы.

По показателю «движения руки и действия с предметами» большинство детей соответствуют (41%) или опережают (36%) уровень развития в своей возрастной группе, 23% детей отстают от уровня развития в своей возрастной группе.

По показателю «движения общие» выявлено, что 46% и 36% детей соответствуют, либо опережают уровень развития в своей возрастной группе, и 19% - отстают.

По уровню развития слуховых ориентировочных реакций 20% детей отстают, а 29% и 51% детей соответственно опережают или соответствуют норме.

По уровню развития речи 19% детей отстают от нормы, 46% соответствуют норме в своей возрастной группе, еще 36% опережают сверстников по данному показателю.

По показателю «Навыки и умения в процессах» по 21% детей отстает от уровня развития в своей возрастной группе, 31% детей опережает уровень развития в своей возрастной группе, 47% соответствует норме.

По показателю «эмоции и социальное поведение» было выявлено, что 20% детей отстают от нормы в своей возрастной группе, 27% - опережают, а 53% детей соответствуют уровню развития.

В целом, было выявлено, что дети в данной выборке наименее развиты по показателям «движения руки и действия с предметами».

Наиболее развиты дети в данной выборке по показателю «речевые навыки».

Кроме того, подавляющее большинство детей опережает уровень развития в своей возрастной группе по общей сумме баллов.

Табл.5

Частотный анализ показателей развития младенца (ОДРЭВ)

	Слух. ориентир. реакции	Движения руки и действия с предмет.	Дв иж. общие	Реч. навыки	Навыки и умений в проц.	Эмоции и соц. повед.
Отстают	20%	23%	19%	19%	21%	20%
Соответств.	51%	41%	46%	44%	47%	53%
Опережают	29%	36%	36%	37%	31%	27%

В результате регрессионного анализа (коэффициенты отбирались на уровне значимости $p < 0,01$) у мужчин после рождения ребенка было обнаружено крайне мало связей на высоком

уровне значимости. Было установлено, что предиктором развития движений рук и действий с предметами у младенцев является восприятие мужчиной эмоциональной атмосферы в семье (методика «Рисунок семьи») в период беременности супруги ($\beta = 0,407$; $p < 0,01$; КМД=0,255). Кроме того, восприятие мужчиной эмоциональной атмосферы в семье (методика «Рисунок семьи») в период ожидания ребенка является предиктором общего уровня развития младенца ($\beta = 0,836$; $p < 0,01$; КМД=0,345). Таким образом, можно предполагать, что дети тех отцов, которые в период беременности супруги считали эмоциональную атмосферу как благоприятную, будут демонстрировать более высокий уровень развития движений рук и действий с предметами, а также более высокий общий уровень развития.

Табл. 6

Влияние восприятия эмоциональной атмосферы в семье мужчины до родов на развитие ребенка

	независимая переменная	зависимая переменная	R ² (КМД)	ANOVA		коэффициент	
				F	p-знач.	B	p-знач.
До родов	Эмоциональная атмосфера в семье	Движения руки и действия с предметами	0,255	2,3267	0,000	0,407	0,000
	Эмоциональная атмосфера в семье	Общий уровень развития	0,345	3,5850	0,000	0,836	0,000

Также в результате регрессионного анализа было обнаружено мало связей на высоком уровне значимости у женщин до родов. Было выявлено, что предикторами общего уровня развития ребенка являются восприятие женщиной эмоциональной атмосферы в семье (методика «Рисунок семьи») после родов ($\beta = 0,975$; $p < 0,01$; КМД=0,314), а также качество привязанности женщины к ребенку ($\beta = 0,143$; $p < 0,01$; КМД=0,348), отсутствие враждебности по отношению к нему ($\beta = 0,190$; $p < 0,01$; КМД=0,310) и общий показатель привязанности к младенцу ($\beta = 0,067$; $p < 0,01$; КМД=0,330). Следовательно, можно ожидать, что дети тех матерей, которые после родов воспринимают эмоциональную атмосферу в семье как благоприятную, для которых свойственны высокие показатели привязанности к малышу, будут демонстрировать более высокий общий уровень развития.

Табл. 7

Влияние показателей привязанности и восприятие эмоциональной атмосферы в семье у женщин после родов на развитие ребенка

	Независимая переменная	Зависимая переменная	R ² (КМД)	ANOVA		коэффициент	
				F	p-знач.	B	p-знач.
После родов	Эмоциональная атмосфера в семье (жен)	Общий уровень развития	0,314	3,1068	0,000	0,975	0,000
	Качество привязанности (жен)	Общий уровень развития	0,348	3,6251	0,000	0,143	0,000

Отсутствие враждебности (жен)	Общий уровень развития	0,3 10	3 0,536	0, 000	0 ,190	,000
Общий показатель привязанности (жен)	Общий уровень развития	0,3 30	3 3,525	0, 000	0 ,067	,000

Множественный регрессионный анализ показал, что на развитие ребенка оказывают влияние такие параметры у мужчин как восприятие эмоциональной атмосферы в семье и показатели привязанности как до, так и после рождения ребенка, значимость собственных родителей и семьи, умение воспринимать состояние младенца и воздействовать на него, а также удовольствие от взаимодействия с ним.

Табл. 8

Результаты множественного регрессионного анализа взаимосвязей психического развития младенца и отношения мужчины к ребенку

Сводка для модели				ANOVA	
Зависимая переменная	предикторы (до рождения)	предикторы (после рождения)	R - квадрат	F	p-уровень
Слуховые ориентировочные реакции	интенсивность включения, общий показатель привязанности	-	0,218	6,146	0,001
Движения руки и действия с предметами	эмоц. атмосфера в семье, кач-во привязанности	умение воздействовать на эмоциональное состояние ребенка, удовольств. от взаимодей-ия, преобладающий эмоц. фон	0,500	12,775	0,000
Эмоции и социальное поведение	значимость фигуры собственной матери	способность воспринимать состояние	0,209	8,830	0,000
Общий уровень развития	эмоц. атмосфера в семье, значимость отца, значимость семьи	эмоц. атмосфера в семье, оказание эмоциональной поддержки	0,510	13,341	0,000

Также множественный регрессионный анализ показал, что на развитие ребенка оказывают влияние такие параметры у женщин как показатели привязанности до и после рождения, стремление к телесному контакту с малышом, понимание причин состояния ребенка и умение воздействовать на его эмоциональное состояние, а также восприятие эмоциональной атмосферы в семье в период вынашивания ребенка.

Табл. 9

Результаты множественного регрессионного анализа взаимосвязей психического развития младенца и отношения женщины к ребенку

Сводка для модели				ANOVA	
Зависимая переменная	предикторы (до рождения)	предикторы (после рождения)	R-квадрат	F	p-уровень

Уровень развития речи	-	общий показатель привязанности, стремление к телесному контакту	0,248	1,058	0,000
Навыки и умения в процессах	-	отсутствие враждебности, понимание причин состояния, родительское внимание к ребенку	0,210	5,861	0,001
Общий уровень развития	эмоц. атмосфера в семье, самочувствие	кач-во привязанности, умение воздействовать на эмоциональное состояние ребенка	0,571	2,1610	0,000

Выводы:

1. Анализ особенностей отношения к ребенку в пренатальный период его развития показал, что у данной выборки в среднем прослеживается положительное отношение к будущему ребенку. У женщин преобладает оптимальный тип гестационной доминанты. Вместе с тем, результаты проективных методик показали, что у части беременных женщин наблюдаются элементы тревожного и эйфорического материнского отношения. Также анализ показал, что женщины и мужчины данной выборки в среднем демонстрируют высокие показатели привязанности к будущему ребенку. При этом у женщин показатели привязанности выше, чем у мужчин.

2. Анализ особенностей отношения к ребенку в постнатальный период его развития показал, что у данной выборки в среднем прослеживается положительное отношение к ребенку. Женщины и мужчины данной выборки в среднем демонстрируют высокие показатели привязанности к ребенку. В целом у женщин показатели привязанности выше, чем у мужчин, однако, показатели удовольствия от взаимодействия с ребенком у мужчин выше, чем у женщин. И мужчины, и женщины демонстрируют среднюю эмоциональную чувствительность родителей. При этом вербальная чувствительность и родительское внимание к ребенку чуть лучше развиты у женщин. Также у женщин сильнее выражена возможность разнообразия повседневной стимуляции ребенка.

3. Анализ особенностей развития ребенка в младенческом возрасте показал, что более половины детей данной выборки соответствуют или опережают общий уровень развития, характерный для своей возрастной группы. Наиболее высокий уровень развития детей обнаружен по показателям «речевые навыки» и «общие движения». Наименее развиты у детей данной выборки движения руки и действия с предметами.

4. Исследование влияния отношения к ребенку в период беременности на последующее его психическое развитие в период младенчества показало, что в целом демонстрируют более высокий уровень развития те младенцы, чьи родители воспринимали эмоциональную атмосферу в семье как благоприятную, для которых были характерны высокая значимость ребенка и высокий уровень привязанности. Тогда как при низких показателях привязанности у младенца наблюдается более низкий уровень психического развития.

5. Анализ родительского отношения к младенцу на его психическое развитие показал, что более высокий уровень развития демонстрируют те дети, чьи родители воспринимают эмоциональную атмосферу в семье как благоприятную, для которых характерен высокий уровень привязанности к ребенку. Также уровень развития ребенка связан с умением влиять на эмоциональное состояние ребенка и способностью воспринимать его состояние, возможностью разнообразия повседневной стимуляции и эмпатии у мужчин, а также с пониманием причин состояния ребенка, с умением воздействовать на эмоциональное состояние младенца и вербальной чувствительностью у женщин.

Заключение.

Таким образом, наше исследование подтвердило гипотезу о том, что отношение родителей к ребенку в перинатальный период его развития влияют на его психическое развитие в младенческом возрасте.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ «Динамика отношений мать-отец-ребенок и психическое развитие ребенка в перинатальный период его развития» № 16-06-00392, 2016-2018 гг.

Список использованных источников:

1. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский. - М.: Издательство Юрайт, 2016. - 359 с.
2. Гарданова Ж.Р. Проявления тревожно-депрессивных расстройств у женщин в программе экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2006. - № 12. - стр. 171-177.
3. Савенышева С.С. Пренатальная привязанность: понятие, структура, детерминанты // Мир науки культуры, образования. - 2017. - № 1(62). - стр. 243-248.
4. Филиппова Г.Г. Перинатальная психология и психология родительства - новая область исследования психологии // Журнал практического психолога. - 2003. - №4-5. - стр. 3-22.
5. Шнейдер Л.Б., Детско-родительские отношения: от зависимости к привязанности // Вестник психофизиологии. - 2016. - №4. - стр. 15-20.
6. Юдина Н.В. Психологические науки: теория и практика: материалы II междунар. науч. конф. // Влияние семейных отношений на психическое развитие детей. - М., 2014. - стр. 17-18.
7. Condon J.T. The assessment of antenatal emotional attachment: Development of a questionnaire instrument // British Journal of Medical Psychology. - 1993. - №66. - pp. 167-183.
8. Hagglof B., Eisemann M. An exploration of prenatal attachment in Swedish expectant women // Journal of Reproductive and Infant Psychology. - 1999. - №17. - 369-380.

Казаева Евгения Анатольевна
доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии образования,
Уральский государственный педагогический университет
620017 Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
kazaevaevg@mail.ru

ПОСЛЕРОДОВАЯ ДЕПРЕССИЯ У ЖЕНЩИН

Аннотация. В статье представлен теоретический анализ проблемы исследования особенностей послеродовой депрессии у женщин. Сделан акцент на возможные причины, влияющие на развитие этого процесса. Рассмотрены возможные варианты решения указанной проблемы на разных этапах беременности женщины и в послеродовой период.

Ключевые слова: послеродовая депрессия, психологическая помощь, женщины, эмоциональные состояния.

Kazaeva Evgeniya Anatolievna,
Doctor of pedagogical Sciences, Professor, Department of Psychologie education,
Ural State Pedagogical University

THE POST-DEPRESSIVE DEPRESSION IN WOMEN

Abstract. The article presents a theoretical analysis of the problem of studying the features of postpartum depression in women. The emphasis is placed on possible causes that affect the development of this process. Possible variants of the solution of this problem at different stages of the woman's pregnancy and in the postpartum period are considered.

Keywords: postpartum depression, psychological help, women, emotional states.

Послеродовая депрессия (ПД) – достаточно широко распространенное эмоциональное расстройство. Это длительное и субъективно тяжелое состояние, сопровождающееся снижением настроения, недостатком интереса к жизни, подавленностью. У женщин с подобным расстройством выявляется высокий уровень тревоги, иногда – страхи [2].

ПД – это сложная смесь физических, эмоциональных и поведенческих изменений, что происходят в жизни женщины сразу после родов. Согласно Диагностическому и статистическому руководству по психическим заболеваниям, послеродовая депрессия это форма острой депрессии, что проявляется на четвертой недели после рождения ребенка. Процесс постановки диагноза включает не только временные рамки появления симптомов болезни, то также и ее стадию сложности.

Послеродовая депрессия тесно связана с химическими, социальными и психологическими изменениями в жизни женщины, происходящими после рождения ребенка. Термин описывает ряд физических и эмоциональных изменений, которые переживает каждая молодая мама. К счастью, как и другие формы депрессии, послеродовую депрессию можно вылечить с помощью медикаментов или психотерапии.

При ПД часто встречаются и соматовегетативные симптомы:

- отсутствие или снижение аппетита
- те или иные расстройства сна (трудность при засыпании, раннее пробуждение, поверхностный сон, не приносящий чувства отдыха, или кошмарные сновидения)
- отсутствие сил и желания что-либо делать, сопровождающееся постоянным чувством усталости;
- невозможность сконцентрироваться на простых жизненных ситуациях;
- головные боли, головокружение, мигрень
- и сердца и живота, боли в суставах;

- нарушение менструального цикла, исчезновение сексуального влечения.

Для ПД характерна неспособность адекватно оценивать свое состояние, изменить плохое настроение на хорошее, тревогу и обидчивость – на спокойствие и деловитость. Ситуация усугубляется еще и тем, что негативные переживания, испытываемые женщиной, не похожие на ожидаемую радость и облегчение, которые должны были бы наступить после родов. Возникает чувство одиночества, изолированности, кажется, что никто не обращает внимания и совершенно не придает значения тому, что происходит с ней, не понимает всей важности ее беспокойство по поводу ребенка. Женщине кажется, что ее состояние совершенно не интересует окружающих, что они не поддерживают и не понимают ее.

Выделяют следующие клинические варианты послеродовых депрессий:

- послеродовая депрессия (преходящее состояние, встречается у трети женщин вскоре после рождения ребенка, обычно не требует специального лечения).

- лёгкое или умеренно выраженное депрессивное состояние, возникающее в течение года, следующего за рождением ребенка (развивается у 10% женщин).

- послеродовые психозы с атипичной картиной (депрессивные или маниакальные симптомы присутствуют одновременно, в дальнейшем высок риск развития биполярных расстройств).

Послеродовая депрессия обусловлена действием широкого спектра разнообразных факторов. Можно выделить четыре основные группы этих факторов:

1. наследственная предрасположенность к аффективным расстройствам;

2. физические и физиологические причины (изменения организма во время беременности и после родов и т.п.);

3. социальные факторы (особенности семьи и социального окружения)

4. психологические факторы (особенности личности женщины, восприятия себя как женщины, матери и т.п.).

Следует отметить, что, как правило, причины ПД носят комплексный характер.

Послеродовая депрессия проявляется: перепадами настроения, беспокойством, тревожностью, раздражительностью, бессонницей с одновременной сонливостью, отказом ухаживать за ребенком, постоянной плаксивостью, часто лежит, не хочет вставать с постели, не общается с ребенком и остальными членами семьи, к ребенку пропадает активный интерес, не проявляет никакой инициативы, ощущает особенное ухудшение настроения по утрам, неэнергична, жалуется на недостаточную помощь со стороны близких, жалуется на утомляемость.

Если и в этом случае никто не обратит внимания на послеродовую депрессию и не инициирует начало ее лечения, расстройство, скорее всего, будет прогрессировать. Через несколько месяцев дальнейшее развитие послеродовой депрессии может привести к необходимости госпитализации женщины.

Послеродовая депрессия может достигать различной глубины – от затянувшегося астенического синдрома с пониженным настроением, нарушениями сна и аппетита до тяжелых состояний, которые могут перейти в острый психоз или эндогенную депрессию.

Таким образом, если послеродовой период сам по себе не является тем событием, которое провоцирует развитие депрессии после родов, то совокупность различных психотравмирующих факторов (как связанных с материнством, так и не связанных) повышает риск возникновения послеродовой депрессии.

Если послеродовая депрессия не диагностируется и соответственно не лечится, она может приобрести хроническое течение, при этом у матери резко снижается самооценка. В таком случае ее охватывает стойкое чувство беспомощности и отчаяния.

Показано, что особенности материнской сферы является относительно устойчивыми для каждой женщины. Однако они могут варьировать относительно каждого конкретного ребенка. К моменту рождения ребенка у матери есть некоторый «стартовый уровень» содержания всех блоков материнской сферы, обусловленный историей ее развития, включая опыт, полученный с предыдущими детьми.

Современные исследования позволяют использовать объективные критерии для диагностики стиля переживания беременности и прогноза стиля материнского отношения, ценности ребенка и его динамики. Одним из основных критериев успешности материнства является способность матери быстро и адекватно реагировать на состояния ребенка и качественно удовлетворять его потребности (в том числе и в эмоциональном общении). Для этого матери необходимо чувствовать эмоциональное и физическое состояние малыша, ориентируясь на свое состояние, а не на рациональные способы контроля, то есть уметь синхронизироваться с эмоциональным состоянием ребенка. Одним из самых старых и эффективных средств эмоциональной синхронизации является интонация вокализмов партнера по общению, которое хорошо выражено у млекопитающих, в том числе и у приматов. Эта форма поведения используется во внутренней стадии взаимодействия и ярко выражена во взаимодействии матери с детенышем. В речевом общении взрослых с ребенком такая интонация является одним из компонентов *baby talk*. Наличие интонации вокализмов ребенка позволяет матери определить эмоциональное состояние малыша, сформировать средства невербальной взаимодействия с ним, повысить субъективизацию ребенка, предоставить ему свидетельство своей эмоциональной участия и возможность для освоения средств общения. Распознавания матерью интонаций плача младенца является объективным показателем ее материнской компетентности (исследование Н.Я. Кушнир). Новорожденные дети чувствительны к интонациям голоса взрослого, они предпочитают совпадения источника голоса и зрительной стимуляции (лицо матери). Использование интонации при передаче эмоционального смысла ситуации является онтогенетически более ранней по сравнению со смысловой. Дети дошкольного возраста при затруднении в объяснении эмоций используют интонации (исследование Н.В. Соловьевой). Все это позволяет предположить, что интонация матерью вокализмов ребенка является одним из показателей ее материнской компетентности и благоприятной направленности на ситуацию взаимодействия с ребенком. В беременности можно выявить появление такого изменения голоса матери, его связь с ситуацией взаимодействия с ребенком [8].

Психологическая помощь матери и ребенку на разных этапах развития материнства и материнско-детского взаимодействия должна строиться с учетом всех особенностей содержания и развития материнской потребностно-мотивационной сферы женщины.

Своевременная диагностика содержания и развития материнской сферы позволяют выявить группу риска (нарушение материнско-детского взаимодействия, девиантное материнство, послеродовые депрессии и т.п.) на первых месяцах беременности и даже в период планирования беременности (в центрах планирования семьи, в женских консультациях). Опираясь на представление об онтогенетических этапах материнской сферы, можно строить профилактическую и коррекционную работу.

Психологическая помощь для женщины по проблемам материнства может осуществляться в рамках различных форм психологической практики. Чаще всего это не специализированные психологические службы. Можно выделить четыре направления психологической практики, где женщина может получить более или менее полноценную и квалифицированную помощь по проблемам материнства:

- Подготовка к родам и материнству (курсы для будущих родителей, школы подготовки к родам и т.д.).
- Индивидуальное и семейное психологическое консультирование и психотерапия.
- Психологическая помощь матери и ребенку.
- Комплексная психологическая помощь по проблемам материнства.

Каждый из этих направлений основывается на всевозможных психологических подходах и технике консультирования и терапии и более менее включая проблематику материнства.

Подготовка к родам и материнству

Такая подготовка осуществляется различными медицинскими и психологическими организациями, а также неформальными объединениями родителей и индивидуально практикующими специалистами (психологами, акушерами и т.п.). Это могут быть курсы и

школы для будущих родителей и другие, которые в основном ставят своей целью подготовку беременных женщин и семейных пар к родам. В такую подготовку входит обучение технике расслабления, дыхания, регуляции своих эмоциональных состояний, освоение разных навыков для облегчения родов, в том числе «родового голоса» и т.п. Обычно включаются занятия по повышению родительской компетентности, гимнастика, различные формы творческой деятельности.

В некоторых случаях программа шире, с акцентом на психологическую подготовку к родам и материнству. Используются различные формы групповой работы, направленной на развитие творческих способностей, личностный рост, развитие эмоциональной сферы, снятие тревоги, обработка образа ребенка, своих ожиданий от родов, используются методы пренатального обучения и налаживания взаимодействия матери с ребенком во время беременности.

Занятия в таких школах проводятся групповые, часто совместные для будущих матерей и отцов. Включаются методы арт-терапии, групповой психотерапии, музыкальной и телесно-ориентированной терапии, аутотренинг, хоровой и индивидуальный пение и т.п., частично адаптированные для целей подготовки к родам и материнству. Разработаны оригинальные методы, например обработки образа ребенка и своих ожиданий от родов с помощью медитаций, рисунков, других видов творческой деятельности, групповое обсуждение проблем беременности и родов, освоение родового голоса и пение колыбельных песен и др. Проводится тренинг поведения в родах, взаимодействия с ребенком, семейных отношений.

За рубежом такие школы и курсы достаточно широко распространены и чаще всего проводятся на базе родильных домов или местных медицинских учреждений.

Недостатком этой формы психологической помощи, кроме ее недостаточной распространенности и малодоступности для населения, является ориентация на роды в качестве основной и часто конечной цели. Хотя в большинстве случаев речь идет о налаживании взаимоотношения с ребенком, и вся подготовка строится с позиций обеспечения для него лучшего будущего, однако контакт со специалистами после родов прерывается, и дальнейшие проблемы материнства должны решаться либо самостоятельно, либо женщина вынуждена обращаться к другим специалистам. Кроме того, такая подготовка ориентирована на групповую работу, часто вообще без использования индивидуального консультирования. Обычно не проводится предварительная индивидуальная диагностика особенностей материнской сферы, и женщины в процессе групповых занятий сами прорабатывают свои проблемы. Разумеется, этот способ также является очень эффективным, особенно в тех случаях, когда подготовка к родам сочетается с ведением родов.

Индивидуальное и семейное психологическое консультирование и психотерапия

Проблемы материнства могут решаться в рамках общей семейной и индивидуальной консультационной и психотерапевтической работы. В данном случае важно, насколько психолог знаком с проблемами беременности и материнства.

Часто применяются психоаналитические и микропсихоаналитические подходы к консультированию и терапии, ориентированные на обработку личных проблем матери, а также центрированная для клиента и семейная терапия и консультирование.

Недостатком этих форм психологической помощи является их несистематичность, разорванная с работой других специалистов, имеющих отношение к ведению беременности, родов, педиатрической службы. Мать оказывается перед необходимостью обращаться к разным специалистам по разным поводам, связанным с материнством. Лучше обстоят дела при комплексном подходе, но, к сожалению, он очень редко бывает, доступен для женщины.

Психологическая помощь матери и ребенку

Чаще всего этот вид психологической помощи ориентирован на дошкольный и более старший возраст ребенка. Для родителей с детьми раннего возраста такая помощь оказывается психологами детских дошкольных учреждений или в специализированных центрах, очень редко – в психологических консультациях.

Консультирование для матерей с младенцами, а тем более новорожденными, не говоря уже о пренатальный период, практически не проводится. Исключение составляют отдельные специалисты при научно-исследовательских учреждениях. За рубежом этот вид помощи распространен, однако для родителей с маленькими детьми он также менее доступен и чаще всего совмещенный с педиатрической практикой.

При предоставлении такого рода психологической помощи широко используются методы диагностики развития ребенка, его эмоционального благополучия, диагностике родительского отношения и взаимодействия матери с ребенком. Этот род психологической практики традиционно ориентирован на проблемы ребенка, мать, и ее психологические проблемы рассматриваются (и корректируются) с позиций оптимизации условий развития ребенка.

Чаще всего это детско-родительское или семейное консультирование, которое проводят специалисты в области психического развития ребенка. Нередко в этих случаях открывающиеся для матери ее собственные проблемы побуждают ее обращаться к другим специалистам. Такое положение относительно проблем материнства снижает эффективность этого вида психологической помощи.

Комплексная психологическая помощь по проблемам материнства

В настоящее время еще нет такой развитой и самостоятельной службы. Такая служба должна объединить необходимую помощь матери и ребенку во всех возрастах, начиная с планирования беременности, а может быть, и еще раньше, включая консультирование по формированию материнской сферы в онтогенезе.

Структура и содержание психологического консультирования

Индивидуальное консультирование по проблемам материнства начинается чаще всего в период беременности и может охватывать послеродовой и более поздние периоды материнско-детского взаимодействия. Хорошо, если оно может сочетаться с групповой работой (подготовка к родам, школа для родителей и т.п.). Консультирование включает несколько сеансов, количество и продолжительность которых зависят от конкретного случая.

При общем ведении беременности целесообразна следующая последовательность этапов консультирования, каждый из которых может включать один или более сеансы.

Этап планирования беременности. Проводится диагностика содержания и онтогенеза материнской сферы женщины, определяется «стартовая» ценность ребенка, содержание ценностей, «внедряются», и тенденция их интерференции с ценностью ребенка. При анализе онтогенеза выявляются возможные нарушения онтогенетических этапов (недостаточность опыта, его неадекватное для задач материнства содержание). При необходимости делаются профилактические или коррекционные мероприятия.

Первый триместр беременности. Проводится дополнительная диагностика содержания материнской сферы и динамики ее развития в начале беременности. Обсуждаются ситуация идентификации беременности, стиль переживания соматической симптоматики, содержание и динамика эмоционального состояния. Строится первая психологическая гипотеза динамики развития материнской сферы в беременности и интерференции ценности ребенка с теми, что «внедряются».

Второй триместр беременности. Обсуждается первое шевеление ребенка, отношение к шевелению в дальнейшем. Проводится диагностика динамики развития материнской сферы, уточняется первичная гипотеза, строится прогноз особенностей родов и послеродовых взаимодействий с ребенком. Обсуждаются возможности и способы установления взаимосвязи с ребенком на основе ощущений от шевеления.

Третий триместр. Проводится дальнейшая диагностика динамики развития материнской сферы. Проектируется перинатальное взаимодействие с ребенком. Уточняются гипотеза и прогноз родов и послеродового периода.

Предродовой период. Основная цель – уточнение гипотезы и прогноза родов и послеродового периода и психологическая подготовка к родам.

Послеродовой период. Патронаж на дому. Обсуждение родов, первого впечатления от взаимодействия с ребенком, существующих проблем. Установление контакта с ребенком, процесса кормления. Уточнение гипотезы и прогноза стиля материнско-детских отношений. Делается прогноз возможного возникновения послеродовой депрессии.

Окончание периода новорожденности. Диагностика динамики развития материнской сферы и актуальной материнско-детского взаимодействия. Общая диагностика психического развития ребенка. Помощь в решении возникающих проблем взаимодействия с ребенком.

Дальнейшие консультации по мере необходимости, желательно контролировать в конце каждого полугодия жизни ребенка.

В процессе консультаций вводятся необходимые действия. Их форма зависит от результатов диагностики. Во время беременности обязательно включаются способы подготовки к родам и материнству, учитывающие возможность групповой работы. При необходимости делаются индивидуальные меры психотерапии и психокоррекции.

Профилактика послеродовой депрессии должна начинаться не после родов, а еще во время беременности. Беременная женщина (особенно относящаяся к группе риска по наследственности и собственному психологическому состоянию или заболеваниям в прошлом) должна находиться в щадяще-охранительном режиме, который должен быть организован близкими дома, коллегами и самой женщиной – на работе.

Значительную помощь в профилактике послеродовой депрессии играет супруг будущей матери. Он должен стараться быть внимательным к поведению беременной жены, чтобы вовремя заметить изменения и обратиться за помощью.

Для предупреждения возникновения послеродовой депрессии необходимо тщательное информирование родственников и самой беременной женщины о том, что в послеродовом периоде возможны перепады настроения. Супруги должны знать о проявлениях послеродовой депрессии, чтобы вовремя ее заподозрить и начать лечить. Для этого необходимо посещать специализированные школы молодых родителей и формировать теплый, доверительный микроклимат в семье.

Для предотвращения депрессивных расстройств важным является поддержание «телесного» здоровья. Дело в том, что тело и психика находятся в сложных взаимоотношениях, и хорошее физическое здоровье повышает устойчивость к стрессу. Необходимо выполнение всех рекомендаций по питанию и образу жизни, которые дает акушер-гинеколог. В случае каких-либо осложнений в течение беременности необходим полноценный курс лечения.

Необходимо помнить, что от здоровья матери зависит и здоровье ребенка. После родов нужно стараться избегать переутомления, недосыпания. В этом могут помочь родственники, взяв часть забот по уходу за ребенком на себя. Необходимо, чтобы в уходе за ребенком участвовал и его отец. Это способствует укреплению отношений между супругами и формированию эмоциональной связи между отцом и новорожденным.

Если ранее у матери наблюдались депрессивные состояния или депрессивными расстройствами страдали ее родственники, то желательно заранее проконсультироваться с психотерапевтом для проведения профилактики депрессий в послеродовом периоде.

Психологическая работа с беременными женщинами осуществляется в соответствии с Конституцией и действующим законодательством Российской Федерации, нормами международного права («Всемирной Конвенцией по правам человека», «Конвенцией о правах ребенка», «Конвенцией об охране материнства»).

Она призвана способствовать повышению ценности семьи и материнства в общественном сознании, содействовать нравственному воспитанию будущих родителей, укреплению психического и физического здоровья беременных женщин.

Психологическая работа (психологическое консультирование) осуществляется на основании добровольного информированного согласия и отличается разнообразием форм, выбор которых производится индивидуально и в соответствии с желанием женщины.

Работа психолога, направленная на профилактику таких состояний, крайне важна. От того, получит ли женщина квалифицированную психологическую помощь, зачастую зависит протекание беременности, родов, послеродового периода.

Общеизвестно, насколько облегчается протекание беременности, снижается риск возникновения различных патологических состояний (токсикозы, обострения имеющихся хронических соматических заболеваний и др.) и, – соответственно, – увеличивается число здоровых новорожденных, если женщина спокойна, эмоционально настроена на благополучное материнство, чувствует поддержку медиков и близких людей.

В первые недели жизни малыша у него формируется будущий характер, его эмоциональная сфера, отношения с родителями, закладываются основы его взаимодействия с миром людей.

Таким образом, снизить частоту возникновения послеродовой депрессии может своевременное выявление групп риска и проведение профилактических мероприятий. Существенно значение имеет предродовая подготовка женщины. Во время дородовой подготовки женщины важно обсуждать эмоциональные аспекты родительства, объяснить, что послеродовая депрессия – временное явление. Необходимо вовремя распознать симптомы и снизить связанные с ними чувство вины и тревоги. Дородовые занятия также предполагают поддержку одиноких женщин.

Если депрессия возникает во время беременности, то можно эффективно использовать психотерапию. Антидепрессанты применяют только при наличии противопоказаний. В настоящее время существует группа антидепрессантов – селективные ингибиторы обратного захвата серотонина – которые не вызывают аномалии развития плода. В процессе родов и в первые недели после них для женщины важна эмоциональная поддержка близких [9].

Профилактика послеродовой депрессии, безусловно, является сложной задачей, т.к. многие факторы (особенно внешние) невозможно заранее предугадать. В целом психосоциальные воздействия не способствуют уменьшению количества женщин, у которых возникает послеродовая депрессия. Однако оказание интенсивной, профессиональной послеродовой поддержки является многообещающим воздействием.

Список использованных источников:

1. Авдеев, Д. А. Депрессия – как страсть и как болезнь. – М. : Мир, 2002. – 230 с.
2. Авербух, Е. С. Депрессивные состояния. – Л. : Медицина, 1982. – 187 с.
3. Головин, С. Ю. Словарь практического психолога. – Мн. : Харвест, 2001. – 800 с.
4. Коваленко, А. В. Ежедневник будущей матери. Беременность день за днем. – М. : Эксмо, 2006. – 352 с.
5. Мельников, В. А. Практикум по основам психологии. – Симферополь : СГУ, 1997. – 390 с.
6. Нуллер, Ю. Л. Аффективные психозы. – Л. : Медицина, 1988. – 264 с.
7. Пейкел, Е. С. Масштабы и бремя депрессивных расстройств в Европе (расширенный реферат обзора) // Психиатрия и психофармакотерапия. – 2006. – Т. 8. – № 3. – С. 82-86.
8. Филиппова, Г. Г. Психология материнства : учебное пособие. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.
9. Холмогорова, А. Б. Теоретические и эмпирические основания интегративной психотерапии расстройств аффективного спектра : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2006. – 95 с.
10. Шапаренко, В. «Здравствуй, грусть!» (все о послеродовой депрессии) // Мир семьи. – 2007. – № 6. – С. 10-12.

Петропольская Светлана Александровна
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
магистрант
394000 г. Воронеж, Пр. Революции, 24
E-mail: svetlana.petropolskaya@yandex.ru

Завгородняя Ирина Владимировна
кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и социальной психологии
394000 г. Воронеж, Пр. Революции, 24
E-mail: zavgorodnyai@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОТНОШЕНИЙ С ВРАЧОМ У ЖЕНЩИН С НЕВЫНАШИВАНИЕМ БЕРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются психологические аспекты взаимоотношений с врачом у женщин с невынашиванием беременности. Выявлено, что у женщин с невынашиванием беременности взаимоотношения с врачом характеризуются высокой степенью зависимости от врача на фоне тревожного типа отношения к беременности.

Ключевые слова: невынашивание беременности, комплаенс, взаимоотношения с врачом, психологические особенности.

Petropolskaya Svetlana Alexandrovna
Voronezh State University
undergraduate
394000 Voronezh, Prospekt Revolutsiy, 24
E-mail: svetlana.petropolskaya@yandex.ru

Zavgorodnyaya Irina Vladimirovna
candidate of psychological sciences, associate professor,
Voronezh State University,
Associate Professor of general and social psychology department
394000 Voronezh, Prospekt Revolutsiy, 24
E-mail: zavgorodnyai@mail.ru

PSYCHOLOGICAL PECULIARITIES OF RELATIONS WITH DOCTOR IN WOMEN WITH RECURRENT PREGNANCY LOSS

Annotation. The article deals with the problem of relationships with a doctor in women with miscarriage. It is proved that in women with miscarriage, the relationship with the doctor is characterized by a high degree of dependence on the doctor against the background of an alarming type of attitude to pregnancy.

Key words: miscarriage, compliance, relationship with a doctor, psychological features.

Актуальность работы обоснована усилением медико-демографических проблем населения. Падение уровня рождаемости, снижение общего уровня здоровья населения дополняет возрастание доли неблагополучных и преждевременных родов, а также нарушений протекания беременности, что в настоящее время, согласно статистике, достигает более 66 % [7]. Это выводит проблему рождения здорового ребенка на первый план.

Несмотря на современные достижения в области физиологии, гинекологии и акушерства, наблюдается увеличение частоты репродуктивных проблем у женщин, связанных с распространением гинекологической и соматической патологии. В связи с этим, психологический подход к изучению проблем вынашивания беременности становится особенно актуальным [3].

Достаточно большую долю среди осложнений репродуктивного здоровья составляет невынашивание беременности, частота которого составляет 15–27 % от всех выявленных беременностей, то есть прерывается почти каждая 5-я беременность. Диагноз «угроза прерывания беременности» ставится практически каждой второй беременной женщине [1].

Невынашиванием беременности, по определению ВОЗ, считается изгнание или извлечение из материнского организма эмбриона или плода массой тела 500 г и менее, что соответствует сроку беременности 22 недель, когда плод ещё считается нежизнеспособным [6].

Проблема взаимоотношений с врачом у женщин с невынашиванием беременности является одним из актуальных вопросов современной акушерско-гинекологической помощи. Ведь зачастую именно правильно выстроенные взаимоотношения между врачом-гинекологом и женщиной-пациенткой позволяют произвести раннюю диагностику, адекватную профилактику возможных проблем вынашивания беременности и получить наибольший эффект от назначенного лечения. Пунктуальное выполнение предписанных врачом терапевтических рекомендаций, то есть приверженность пациентки к лечению, зависит во многом от эффективности процесса взаимоотношений между врачом-гинекологом и женщиной-пациенткой. Аналогично и небрежное, невнимательное отношение к пациентке может привести к неоправданным ошибкам врача и непоправимым последствиям. Давно известно и признано огромное воздействие слова врача не только на психику больного человека, но и во многих случаях на его физическое состояние.

Под взаимоотношениями мы понимаем субъективно переживаемые связи и отношения между людьми. Это система межличностных установок, ориентаций, ожиданий, определяемая содержанием совместной деятельности людей и их общения. Взаимоотношения складываются в рамках взаимодействия людей, а затем оказывают влияние на эффективность совместного труда и характер протекания, интенсивность процесса общения. Взаимоотношения характеризуются избирательностью и нередко ярко эмоционально окрашены: человек предпочитает одних людей, равнодушен к другим, не принимает третьих. При этом феномен избирательности обусловлен потребностной сферой человека.

Исследование взаимоотношений в современной психологии осуществляется преимущественно в двух аспектах: как внутренние состояния индивида в общении и как процесс проявления состояний индивида и их реализация в общении.

Основы традиции такого различения взаимоотношений, в отечественной психологии заложил В. Н. Мясищев. Он указывал, что взаимоотношение является внутренней личностной основой общения, а последнее – реализацией или следствием и выражением первого [4].

Взаимоотношения врача и пациента, по своей сути, также представляют собой процесс коммуникации, в рамках которого должен быть сформирован терапевтический альянс, иначе становится недостижимым продуктивное сотрудничество в диаде врач-пациент. Качество взаимоотношений между врачом и пациентом в настоящее время признано краеугольным камнем современной медицины. Терапевтический альянс – это особые взаимоотношения между врачом и пациентом, которые основываются на партнерстве, доверии и обеспечивают позитивный результат лечения [2].

При оказании акушерско-гинекологической помощи пациенткам с невынашиванием беременности, неизбежно возникает множество проблем этического, психологического, социального и интимно-личностного характера, что существенно осложняет деятельность медицинских работников.

Отличительными особенностями взаимоотношений с врачом, именно в акушерско-гинекологической направленности, является неизбежная связь с вмешательством в интимно-личностную сферу жизни пациентки, чрезмерная значимость вопросов здоровья, связанных с деторождением, личностные особенности женщин с невынашиванием беременности (личностная тревожность, сниженная самооценка, депрессивность), особенности сферы межличностных отношений таких пациенток (авторитарность, подозрительность, стремление контролировать себя, свое состояние и окружающие события).

Взаимоотношения с врачом у женщин с невынашиванием беременности являются основой для выбора оптимальной продуктивной тактики взаимодействия врач-пациент.

В качестве гипотезы исследования выступало предположение о том, что у женщин с невынашиванием беременности взаимоотношения с врачом характеризуются высокой степенью зависимости от врача на фоне тревожного типа отношения к беременности.

Базой эмпирического исследования выступил БУЗ ВО ВОКБ № 1 Перинатальный центр (г. Воронеж).

Объектом эмпирического исследования являлись женщины третьего триместра беременности, а именно: беременные женщины с невынашиванием беременности (35 человек) и беременные женщины с нормальным протеканием первой беременности (37 человек), в возрасте 18 – 35 лет. Общий объем выборки составил – 72 человека.

Для проверки выдвинутой гипотезы и решения поставленных задач использовался метод стандартизированного самоотчета, реализованный в следующих методиках:

1. Опросник «Уровень комплаентности», разработанный Р. В. Кадыровым, О. Б. Асрияном, С. А. Ковальчуком [2]. Методика предназначена для обследования как пациентов, страдающих хроническими заболеваниями (за исключением психически нездоровых, страдающих болезненными психическими нарушениями), так и здоровых индивидов, от 15 лет независимо от уровня и профиля полученного ими образования. Данная методика в нашем исследовании применяется с целью определения зависимости пациенток от врача как проявление высокого уровня комплаентности. Комплаентность понимается как приверженность лечению, степень соответствия поведения пациента рекомендациям, полученными от врача.

2. ТОБер (Тип отношения к беременности) М. А. Нечаевой [5]. Методика ТОБер, построенная в форме опросника, определяет тип отношения к беременности на основании информации об отношении беременной женщины к некоторым жизненным проблемам и ситуациям, потенциально наиболее для нее значимым, непосредственно или опосредованно связанными с ее беременностью. Утверждения методики сгруппированы по 10-ти темам, отражающим особенности самооценки самочувствия и настроения, отношения к ребенку, родам, врачам и медперсоналу, близким, мужу, окружающим, образу жизни во время беременности и после родов. В нашем исследовании методика используется с целью определения типа отношения к беременности, а также для выявления специфики отношения к врачу у женщин с невынашиванием беременности.

На основе данных, полученных с помощью опросника «Уровень комплаентности», были выявлены уровни выраженности комплаентного поведения у беременных женщин с невынашиванием беременности и беременных женщин без патологии. Высокий уровень комплаентности у беременных женщин с невынашиванием беременности составил 54,0 %, в отличие от беременных женщин без патологии беременности, где он составил 22,0 %. Данный показатель свидетельствует о том, что у женщин с невынашиванием беременности преобладает стремление к вступлению в доверительные отношения с врачом, к опоре на его мнение, стремление быть зависимыми от него. Такие пациентки озабочены впечатлением, которое они производят на врача, воспринимая его как значимое лицо.

Такой результат может быть связан с психологическими особенностями женщин с невынашиванием беременности, а именно тревожностью, инфантильностью, влекущими за собой впечатлительность, импульсивность, чувствительность во взаимоотношениях с врачом. Пациентки с таким уровнем комплаентности всячески готовы способствовать

процессу лечения, так как это для них имеет повышенную значимость, они более дисциплинированы.

При этом среди женщин без патологии беременности самым высоким процентом (54,0 %) оказался средний уровень комплаентности. В то время как среди женщин с невынашиванием беременности, средний уровень комплаентности составляет 34,0 %.

Средний уровень комплаентности характерен для пациенток с неопределенной поведенческой позицией, они эмоционально-неустойчивы, привыкли действовать по ситуации. Это люди настроения, в одних случаях они склонны к озабоченности и беспокойству о будущем, в других же ситуациях также склонны нарушать предписанные врачом рекомендации, в связи с сомнениями в необходимости такого лечения.

Количество женщин с низким уровнем комплаентности среди беременных женщин с невынашиванием беременности составило 11,0 %, в отличие от беременных женщин без патологии – 24,0 %. Такие результаты говорят о том, что среди пациенток без патологии беременности, в сравнении с женщинами с невынашиванием беременности, больше испытуемых, которым свойственна независимость, ориентированность на собственные решения, стремление в любой ситуации иметь свое мнение, а иногда и склонность вступать в открытые конфронтации. Пациентки, вошедшие в данную группу, ориентируются только на рациональные и логичные способы преодоления болезни. Как правило, подвергают сомнению врачебные рекомендации, находя их неразумными, никчемными и бесполезными. Для такой группы пациенток характерна склонность к непостоянству, подверженность влиянию чувств, случая и обстоятельств, что отрицательно сказывается на эффективности лечения. Это может быть связано с отсутствием негативного опыта вынашивания беременности в прошлом, в сравнении с женщинами с невынашиванием беременности.

Результаты, полученные с помощью методики «Тип отношения к беременности» М. А. Нечаевой, свидетельствуют о том, что гармоничный тип отношения к беременности более характерен для беременных женщин без патологии беременности, и составляет 29,0 % в отличие от женщин с невынашиванием беременности – 17,0 %. Такая ситуация может быть связана с тем, что наступившая беременность у пациенток без патологии, вызывает более положительные эмоции, без каких-либо выраженных опасений за риск самопроизвольного прерывания беременности. Эмоциональное состояние женщин без патологии беременности, характеризуется отсутствием выраженной тревоги, депрессии и других негативных эмоциональных проявлений. Общий эмоциональный фон достаточно стабилен, иногда отмечается повышенная эмоциональная чувствительность к нюансам отношений к ней и ее будущему ребенку. В целом переживание своего состояния несколько отличается от привычного (вне беременности), но оценивается как одно из естественных состояний женщины, без проявления негативизма и неприятия. Общая оценка вынашивания беременности реалистична, позитивна и адекватна.

Взаимоотношения с врачом у пациенток с гармоничным типом отношения к беременности выстраиваются на стремлении к сотрудничеству, позитиве и доверии. Снижение процента гармоничного типа отношения к беременности в группе женщин с невынашиванием беременности может объясняться психологическими особенностями таких пациенток, повышенной тревожностью, неуверенностью в себе и других, стремлением к контролю ситуации, что может оказывать влияние и на возможность позитивного и спокойного восприятия беременности.

Эргопатический тип отношения к беременности оказался одинаковым в обеих группах испытуемых и составил по 7,0 % выборов испытуемых. Такой результат может быть связан с тем, что данный тип отношения к беременности встречается чаще всего при незапланированной беременности, либо в случае запланированного зачатия ребенка с неконструктивными мотивами беременности, что может наблюдаться в любой выборке испытуемых, независимо от их медицинского статуса. На взаимоотношения с врачом у таких пациенток оказывает влияние недостаточное внимание женщин к своему состоянию,

оформление на учет на более поздних сроках, формальное выполнение рекомендаций, без особого желания и настроения, а часто даже игнорирование замечаний врача.

Инфантильный эйфорический тип отношения к беременности, также получил одинаковое количество выборов в обеих группах испытуемых – по 20,0% соответственно. Данный тип отношения к беременности заметно выделяется на фоне остальных типов. Он свойственен пациенткам, для которых на первом месте стоят собственные потребности и интересы, легковесное отношение к беременности, игнорирование особенностей нового состояния.

При инфантильном типе отношения к беременности соматические признаки беременности невыраженные, симптомы токсикоза, как правило, не проявляются или очень слабые. Эмоциональный фон, как правило, повышен, не зависимо от обстоятельств и текущей ситуации. Взаимоотношения с врачами, отношение к их рекомендациям легковесное, несерьезное, инфантильное, так как не воспринимается как необходимое.

Соотношение выборов пациенток при эгоцентрическом типе отношения к беременности, близко по своему уровню в обеих группах испытуемых. В группе беременных женщин с невынашиванием беременности такой тип отношения к беременности составил 10,0 %, а в группе женщин без патологии беременности – 9,0 %. Такой тип отношения к беременности, присутствует в ситуациях, когда беременность является средством манипулирования окружающими, способом изменения взаимоотношений с ними, достижения меркантильных целей. В отношении к беременности наблюдается несерьезность, поверхностность, не критичность к возможным проблемам. Эмоциональный статус таких пациенток нестабилен и не прогнозируем, зависим от внимания окружающих. На взаимоотношения с врачом влияет то, что при недомогании, пациентки с эгоцентрическим типом отношения к беременности склонны преувеличивать симптоматику, осложняя процесс оценки эффективности выбранного лечения врачом. Рекомендации врача выполняются также непоследовательно, в зависимости от эгоцентрических желаний, формально.

Тревожный тип отношения к беременности имеет два наиболее часто встречающихся варианта – это тревожный ипохондрический и тревожный сензитивный типы. Как мы можем увидеть по результатам исследования, оба варианта тревожного типа представлены среди выборов испытуемых в достаточно значимой доле.

Тревожно ипохондрический тип отношения к беременности у беременных женщин с невынашиванием беременности встречается в 22,0 % случаев, в отличие от беременных женщин без патологии, где он наблюдается в 12,0 % случаев. Такой результат может быть связан с тем, что для женщин с невынашиванием беременности, в связи с опытом предыдущих потерь беременностей, новая беременность сопряжена с ее более высокой субъективной ценностью и желанностью, влекущей за собой общее повышение тревожности таких пациенток.

При тревожно ипохондрическом типе отношения к беременности у женщин присутствует фиксация на беременности, сопровождающаяся тревожным ожиданием угрозы, вызванной возможным или реально существующим ухудшением собственного здоровья. При этом многие проявления даже физиологически протекающей беременности интерпретируются как признаки, угрожающие наступлением того или иного ущерба здоровью матери и, как следствие, здоровью ребенка. У женщины формируется амбивалентное отношение к своей беременности и как к источнику возможной угрозы для себя и своего ребенка, и как к сверхценности. Подобная амбивалентность является основой для развития тревожно-ипохондрической фиксации на своем состоянии беременной женщины. В поведении и высказываниях отражается мнительность, ипохондрическая сосредоточенность на возможном неблагоприятном течении и исходе беременности, обеспокоенность возможными осложнениями.

Взаимоотношения с врачами при тревожно ипохондрическом типе отношения к беременности, в целом позитивные, доверительные. Женщины активно настроены на сотрудничество с врачом при ведении ее беременности. Доминирующим мотивом при

построении взаимоотношений с медицинским персоналом является стремление к получению дополнительной информации о своей беременности и будущих родах.

Тревожно сензитивный вариант отношения к беременности также преобладает у женщин с невынашиванием беременности, у женщин без патологии беременности он встречается в 14,0 % случаев, в отличие от беременных женщин без патологии, где он встречается в 9,0 % случаев. Данный тип отношения к беременности более характерен для пациенток с невынашиванием беременности, в связи с их чрезмерным беспокойством и ожиданием угрозы своей беременности извне.

Основным содержанием переживаний является ощущение повышенной уязвимости к действию средовых неблагоприятных факторов. В поведении таких женщин наблюдается повышенная потребность в защите и поддержке. В эмоциональном статусе на протяжении всей беременности присутствует стабильное эмоциональное беспокойство, мнительность, ожидание возможных неприятностей. Оценка деятельности медицинского персонала чаще негативная и даже опасная, действия врача постоянно подвергаются сомнениям и контролю, что затрудняет построение успешных взаимоотношений с пациенткой при ведении ее беременности.

Конфликтный тип отношения к беременности также имеет два наиболее распространенных варианта – это конфликтный неврастенический и конфликтный дисфорический типы отношения к беременности. При конфликтном типе отношения к беременности состояние женщины характеризуется внутренним дискомфортом, психоэмоциональным напряжением, повышенной раздражительностью. Такое состояние может быть обусловлено различными причинами. Рассмотрим их подробнее при описании результатов отдельно по каждому варианту.

Конфликтный неврастенический вариант отношения к беременности встречается в 10,0 % случаев у беременных женщин с невынашиванием беременности, в отличие от беременных женщин без патологии, где он встречается в 6,0% случаев. При конфликтном неврастеническом типе отношения к беременности общая неудовлетворенность женщины связана с недовольством и конфликтными отношениями с другими людьми, как правило, близкими – с одной стороны присутствует зависимость от них, с другой стороны, близкие вызывают чувства недовольства и раздражения.

Конфликтный дисфорический вариант отношения к беременности наблюдается одинаково в обеих группах испытуемых – по 4,0 % соответственно. Такой тип отношения к беременности связан с самой ситуацией беременности и нежеланием вынашивать и рожать ребенка. Этот тип отношения к беременности формируется при нежелательной беременности. Ядром дисфории является конфликтное отношение к беременности, психологическое отвержение вынашиваемого ребенка. Эмоциональная реакция на наступившую беременность отрицательная. Доминирует гневливо-мрачное, озлобленное настроение, постоянная угрюмость и недовольство. Состояние отражается и на взаимоотношениях с окружающими. Взаимоотношения с врачом могут сопровождаться деспотической требовательностью, повышенной потребностью во внимании к себе.

Данные полученные в ходе применения опросника ToBer, позволяет в целях исследования обратиться к анализу результатов по шкале «отношение к врачу», применительно к каждому из рассматриваемых типов отношения к беременности.

Большинство беременных женщин без патологии беременности (54,0 %) проявляют признаки гармоничного типа во взаимоотношениях с врачом. Они считают, что наблюдение у акушеров должно быть обязательным для всех и отмечают, что они именно так и поступали, принимая и выполняя все советы их врача. В то же время, в группе беременных женщин с невынашиванием беременности, только 34,0 % проявляют признаки данного типа.

Однако если посмотреть на процент выборов в обоих вариантах признаков тревожного типа отношения к врачу (ипохондрическом и сензитивном), то общая доля таких пациенток среди беременных женщин с невынашиванием беременности (24,0 % тревожный ипохондрический и 14,0 % тревожный сензитивный), будет заметно превышать частоту

встречаемости показателей по другим типам. Такой результат указывает на то, что пациентки с признаками тревожного типа отношения к врачу в основном отмечают появление тревоги и беспокойства при любом посещении своего лечащего врача и опасаются, что в случае возможного недостаточного его внимания к ним возможно появление каких-либо осложнений беременности.

Среди беременных женщин без патологии, доля женщин с признаками тревожного типа отношения к врачу меньше (4,0 % с тревожным ипохондрическим и 3,0 % с тревожным сензитивным вариантами тревожного типа отношения к беременности).

В группе женщин с невынашиванием беременности 6,0 % беременных проявляют признаки инфантильного эйфорического типа в отношении к врачу. Они находятся в благодушном состоянии, считая, что они могут сами обойтись без акушеров-гинекологов, не думают о предстоящих родах, откладывая это «на потом», потому что «у них и без этого все хорошо». В группе женщин без патологии беременности, таких пациенток 14,0 %.

Беременные женщины, считающие, что активный образ жизни при беременности не дает поводов для обращения к врачам и уверенные, что врачи перестраховываются, когда рекомендуют беременным ограничить свою активность в группе беременных женщин с невынашиванием беременности, составляют 7,0 %, а в группе беременных женщин без патологии беременности 10,0 %.

Среди беременных женщин, выбирающих ведение беременности и родов только у самого известного врача, 8,0 % составляют женщины с невынашиванием беременности и 10,0 % беременные женщины без патологии.

Беременные женщины, отметившие, что иногда их раздражают рекомендации врачей, особенно если пациентки сталкиваются с невнимательностью и недобросовестностью в работе врачей, а также если врачи не соглашаются с мнением пациенток, составляют в сумме по вариантам конфликтного типа отношения к беременности (неврастеническому и дисфорическому) 4,0 % и 3,0 %, соответственно в группе беременных женщин с невынашиванием беременности, и, практически столько же среди беременных женщин без патологии 3,0 % и 2,0 % соответственно.

Применение критерия Манна Уитни позволяет говорить о наличии статистически значимых различий, между уровнем комплаентности в группах беременных женщин с невынашиванием беременности и беременных женщин без патологии ($U=378$; $\alpha < 0,01$), а также между выраженностью следующих типов отношения к беременности: гармоничный тип ($U=275,5$; $\alpha < 0,01$), тревожный ипохондрический тип ($U=340$; $\alpha < 0,01$), тревожный сензитивный тип ($U=332,5$; $\alpha < 0,01$) и конфликтный неврастенический тип ($U=457$; $\alpha < 0,01$).

Уровень комплаентности выражен выше у женщин с невынашиванием беременности, обозначенные выше типы отношения к беременности больше характерны также для группы беременных женщин с невынашиванием беременности. Это свидетельствует о том, что женщины с невынашиванием беременности более зависимы от врача, чем беременные женщины без патологии. Врач воспринимается ими как значимое лицо, что вызывает у них стремление часто прибегать к консультациям с ним, по поводу беспокойства и сомнений, возникающих в процессе протекания беременности.

Гармоничный тип отношения к беременности более характерен беременным женщинам без патологии, в отличие от женщин с невынашиванием беременности. Это говорит о том, что тревожность и беспокойство, характерные для беременных женщин с невынашиванием беременности, чаще, не позволяют им полностью довериться врачу и не подвергать сомнению и контролю его решения и действия. Женщины с невынашиванием беременности больше склонны излишне беспокоиться о последствиях и возможных неудачах лечения, в отличие от беременных женщин без патологии. На это указывают статистически значимые различия в результатах по тревожному типу отношения к беременности, по сравнению с группой беременных женщин без патологии. Повышенная чувствительность к негативным воздействиям среды у женщин с невынашиванием беременности, может лежать в основе оценки деятельности врача, как неэффективной и даже опасной, особенно в случае каких-

либо отклонений в нормальном течении беременности, и, в отличие от беременных женщин без патологии, такие пациентки могут подвергать действия врача сомнениям и контролю, что может вести к затруднениям во взаимоотношениях с врачом.

В результате проведения эмпирического исследования и анализа его результатов можно сделать следующие выводы:

1. Женщины с невынашиванием беременности более склонны к проявлению зависимости от врача, чем женщины без патологии. Взаимоотношения с врачом, для них играют большую эмоциональную значимость, в связи со склонностью к излишнему беспокойству и тревожности.

2. Гармоничный тип отношения к беременности более характерен для беременных женщин без патологии, что является следствием отсутствия выраженной тревоги, депрессии и других негативных эмоциональных проявлений.

3. Тревожный тип отношения к беременности, в обоих вариантах – как в ипохондрическом, так и в сензитивном, а также конфликтный неврастенический тип отношения к беременности наиболее характерны для женщин с невынашиванием беременности.

Эргопатический тип, инфантильный эйфорический, эгоцентрический и конфликтный дисфорический типы отношения к беременности не получили статистически значимых различий между выборками в нашем исследовании, что говорит о том, что их распределение примерно совпадает как у беременных женщин с невынашиванием беременности, так и у беременных женщин без патологии.

4. В отношении к врачу у женщин с невынашиванием беременности более выражены проявления тревожного ипохондрического и тревожно-сензитивного типов по сравнению с женщинами без патологии. Это проявляется в повышенном уровне тревоги и беспокойства о том, что врач может недооценивать состояние здоровья пациентки и у нее могут возникнуть осложнения, в большой потребности во внимании со стороны врача, к любым изменениям самочувствия женщины или поведения ребенка.

Следовательно, гипотеза нашего исследования подтвердилась: у женщин с невынашиванием беременности взаимоотношения с врачом характеризуются высокой степенью зависимости от врача на фоне тревожного типа отношения к беременности.

Необходимо отметить, что в результате нашего эмпирического исследования, было выявлено также, что у женщин с невынашиванием беременности более выражен конфликтный неврастенический тип отношения к беременности, в отличие от беременных женщин без патологии. Такой тип характеризуется противоречивостью в построении взаимоотношений с врачом, то есть на фоне зависимости от врача, взаимоотношения с ним у таких пациенток могут вызывать чувство недовольства и раздражения. Это позволяет утверждать, что для беременных женщин с невынашиванием беременности более сложным является построение взаимоотношений с врачом без сомнений и контроля за его решениями и действиями, в отличие от беременных женщин без патологии, которые менее подвержены тревоге и другим негативным эмоциональным состояниям, сопровождающим беременность. Данное обстоятельство требует дальнейшего изучения и может быть обозначено, как перспектива дальнейших исследований.

На основе полученных выводов можно сформулировать следующие рекомендации для врачей акушеров-гинекологов, наблюдающих женщин с невынашиванием беременности:

1. Врачам акушерам-гинекологам необходимо учитывать психологические особенности женщин с невынашиванием беременности (эмоциональную лабильность, повышенную тревожность, инфантильность гиперконтроль), в выборе модели взаимоотношений и проявлять индивидуальный подход к таким пациенткам. Врачу нужно обладать информацией о приверженности той или иной модели взаимоотношений, чтобы использовать ее для оптимизации контакта с пациенткой и повышения уровня комплаентности;

2. При работе с пациентками с невынашиванием беременности, важно обеспечить комфортное психоэмоциональное состояние во время приема, корректно отвечая им на вопросы пациентки, выражая свое участие и внимание к изменениям в состоянии здоровья пациентки и поведения ее ребенка;

3. При взаимодействии с пациентками с невынашиванием беременности более оптимально проявлять патерналистскую модель взаимоотношений, характеризующую ролью врача в родительской позиции по отношению к пациентке, не ожидая самостоятельности и уверенности в себе от пациенток;

4. Важно обращать внимание акушеру-гинекологу на свое психоэмоциональное состояние, что позволит минимизировать эмоциональное выгорание и сохранить психологические ресурсы для поддержания его поведения с пациентками с невынашиванием беременности.

Список использованных источников:

1. Добряков И.В. Перинатальная психология. – СПб.: Питер, 2010. – 272 с.
2. Кадыров Р.В. Опросник «Уровень комплаентности»: монография. – Владивосток: Мор. гос. ун-т, 2014. – 74 с.
3. Кира Е.Ф. Невынашивание беременности. – СПб.: Медицина, 1999. – 58 с.
4. Мясищев В.Н. Психология отношений: избранные психологические труды. – М.: НПО Модэк, 2004. – 400 с.
5. Нечаева М.А. Отношение к беременности и его психологическая диагностика у женщин с различными вариантами репродуктивного статуса : дис. ... канд. психол. наук. – СПб, 2013. – 240 с.
6. Сидельникова В.М. Привычная потеря беременности. – М.: Триада – X, 2005. – 304 с.
7. Хломов К.Д. Психоэмоциональные особенности беременных с угрозой прерывания : дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2008. – 236 с.

Корниенко Дмитрий Сергеевич
док. психол. наук, доцент
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
зав.кафедрой общей и клинической психологии
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15
dscorney@gmail.com

Радостева Анна Геннадьевна
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
ст.преподаватель кафедры педагогики и психологии
614990, Пермь, Сибирская, 24
batagen@gmail.com

Дерिश Федор Валерьевич
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
аспирант кафедры общей и клинической психологии
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15
fedor.derish@gmail.com

ОТНОШЕНИЕ МАТЕРИ К БУДУЩЕМУ РЕБЕНКУ И ХАРАКТЕРИСТИК ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СВЯЗИ С ВОЗРАСТОМ, ОПЫТОМ МАТЕРИНСТВА И ПЛАНИРОВАНИЕМ БЕРЕМЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается роль факторов возраста, репродуктивных планов и опыта материнства в характеристиках отношения к ребенку. На выборке 203 женщин были диагностированы характеристики родительских установок и реакций. Обнаружено, что зрелые женщины и имеющие опыт материнства лучше относятся к собственной семейной роли, готовы к эмоциональному контакту с ребенком. Фактор репродуктивных планов изменяет характер отношения к семейной роли у беременных женщин старше 27 лет и не имеющих опыта материнства.

Ключевые слова: материнское отношение, беременность, ребенок, возраст

Kornienko Dmitriy Sergeevich
Sc.D., associate Professor,
Perm State University, Faculty of Philosophy and Sociology,
Head, Department of General and Clinical Psychology,
614990 Perm, ul. Bukireva, 15.
E-mail: dscorney@gmail.com

Radosteva Anna Gennadijevna
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
assistant professor of Department of Psychology and Pedagogy,
614990 Perm, ul. Sibirskaya 24.
E-mail: batagen@gmail.com

Derish Fedor Valerievich
Perm State University, Faculty of Philosophy and Sociology,
Postgraduate student of the Department of General
and Clinical Psychology
614990 Perm, ul. Bukireva, 15.
E-mail: fedor.derish@gmail.com

MOTHER'S RELATIONSHIP TO THE FUTURE CHILD IN ASSOCIATION WITH EXPERIENCE OF MOTHERHOOD, AGE, AND REPRODUCTIVE PLANS

Abstract. The article examines the role of age, reproductive plans and the experience of motherhood in the characteristics of attitudes toward the future child. A sample of 203 women was measured the aspects of the parent attitudes and reactions. It was found that older women with experience in motherhood are better at their family role, ready for emotional contact with the child. The reproductive plans factor varies the character of the relationship to the family role of pregnant women (over 27 years old) without the experience of motherhood.

Keywords: maternal relationship, pregnancy, child, age

Проблемам материнства и психологическими особенностями женщин готовящихся стать матерью, посвящено множество исследований в связи с тем, что весь спектр социальных проблем проявляется у них наиболее ярко: изменение внутрисемейных отношений, вынужденное снижение социальной активности, временный отказ от трудовой деятельности, потеря экономической самостоятельности – всё это накладывает определенный отпечаток на личность женщины, меняя её характеристики. Так, традиционно вызывает интерес изучение психологической и личностной готовности женщины к материнству, роль факторов, влияющих на развитие материнской сферы в структуре личности женщин [14]; изучение психологического состояния беременных женщин [2]. Современные походы к исследованию беременности рассматривают ее как развивающий кризис, значение которого в изменении структуры личности женщин в связи с появлением ребенка [10] и переходе к новой социальной роли [1, 15]. Это период изменения личностных характеристики, мотивационной сферы и приобретение новой социальной роли и статуса. Становлением новых отношений в системе «мать-дитя», связано как с биологическими свойствами [19], так и может быть обусловлено социально-психологическими и внутриличностными факторами [12]. Поддержка семьи, отношения с супругом и другими членами семьи могут существенным образом влиять на психологическое и даже физиологическое состояние женщины [6, 17, 18]. В наших работах было установлено, что особенности социальной ситуации и опыт материнства могут приводить к снижению нейротизма и повышать открытость и сознательность [8]. Исследования Ю.В. Ковалёвой и Е.А. Сергиенко свидетельствуют, что неосознаваемые представления о материнстве основываются на личностных качествах женщин, их раннем семейном опыте, а также на готовности женщины к специфическому материнскому поведению [7].

Анализ работ, посвященных проблеме материнского отношения, позволяет обозначить четыре компонента в структуре материнского отношения: мотивационный, когнитивный, поведенческий и эмоциональный. Среди факторов, детерминирующих отношение родителей к рождению сына или дочери, учеными выделяются личностные характеристики родителей, семейные традиции, количество детей в семье и их пол, культурные традиции в том или ином обществе [3, 14, 15]. В частности, в исследовании Скрынник Н.Е. [13] были выделены «риски» психологического неприятия будущего ребенка, к которым относятся несоответствие реального и желаемого пола будущего ребенка, незапланированная беременность. Показано, что при разном сочетании данных факторов «риск» неприятия

будущего ребенка выражается в разной степени их интенсивности. Образ ребенка и представления о будущем взаимодействии с ним у родителей также является предметом изучения [например, 11].

Исследование динамики родительских установок по отношению к ребенку и семейной ситуации у беременных женщин с учетом факторов возраста, репродуктивных планов и опыта материнства имеет важное значение как для расширения представлений о том, какие изменения происходят в психологических характеристиках, а также для психологического сопровождения и поддержки женщин в этот период.

Целью данной работы стало изучение того, какую роль играет возраст, опыт материнства и репродуктивные планы в отношении к ребенку и восприятию семейной роли беременными женщинами.

Организация исследования

Выборку исследования составили 203 женщины в возрасте от 16 до 37 лет ($M=24,79$; $SD= 4,39$), из которых у 146 была запланированная беременность и у 59 есть опыт материнства.

В качестве метода оценки родительских установок и реакций была использована методика «Измерение родительских установок и реакций» («PARI», Е.С. Шефер и Р.К. Белл, адаптация Т.В. Нещерет). Опросник содержит 115 вопросов, на которые предлагаются варианты ответов от 1 — полностью не согласен, до 4 — полностью согласен. В дополнении к стандартной инструкции респондентов просили высказать отношение к будущему ребенку в вопросах, соответствующих родительскому отношению к детям. Методика позволяет диагностировать 23 характеристики, которые распределяются по четырем шкалам: Отношение родителя к семейной роли, Оптимальный эмоциональный контакт с ребенком, Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком, Излишняя концентрация на ребенке.

Основными методами статистического анализа были двухфакторный дисперсионный анализ ANOVA и сравнительный t-критерий Стьюдента.

Результаты

Различия в отношении к будущему ребенку в связи с фактором Возраст и Репродуктивные планы

Обнаружен основной эффект Возраста на показатель Отношение родителя к семейной роли ($F(2, 202) = 6,97$; $p < 0,001$), но при этом не было обнаружено эффекта Планирования беременности и взаимодействия факторов. Апостериорные сравнения показали различия ($p < 0,05$) между женщинами трех возрастных групп.

Значимых различий по показателю Оптимальный эмоциональный контакт обнаружено не было.

Обнаружено взаимодействие факторов Возраст и Планирование беременности по показателю Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком ($F(2, 202) = 4,21$; $p < 0,05$), таблица 1. Межгрупповые сравнения показали значимые возрастные различия в Излишней эмоциональной дистанции, при этом различий между группами с разным планированием беременности по данному показателю не наблюдается. Сравнение с выборкой женщин, имеющих детей и находящихся в возрасте старше 27 лет, показали, что различий по Излишней эмоциональной дистанции нет.

Таблица 1.

Средние и стандартные отклонения показателя Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком в группах с разным возрастом и репродуктивными планами

Возрастная группа	Репродуктивные планы			
	Незапланированная беременность		Запланированная беременность	
	Ср.ар.	Ст.откл.	Ср.ар.	Ст.откл.
до 21 года	12,19	1,23	12,49	1,50
от 22 до 27	11,6	1,78	12,09	1,52
от 28 лет	12,46	2,03	11,14	1,92

По показателю Излишняя концентрация на ребенке обнаружен основной эффект Возраста ($F(2, 202) = 6,39; p < 0,01$). Апостериорные сравнения показали различия между группами женщин, при этом наблюдается значимое снижение данного показателя по мере увеличения возраста.

При сравнении групп женщин с различными репродуктивными планами значимых различий обнаружено не было.

Различия в связи с Репродуктивными планами и опытом материнства (наличие-отсутствие детей)

Обнаружено взаимодействие факторов Опыт материнства и Репродуктивные планы на показатель Отношение к семейной роли ($F(2, 202) = 5,37; p < 0,05$), таблица 2. Так, у женщин не планировавших беременность, но имеющих детей, показатель выше, чем у женщин без опыта материнства. Однако, у женщин, имевших репродуктивные планы, ситуация обратная. Имеющие опыт материнства женщины демонстрируют более высокий показатель Отношения к семейной роли.

Таблица 2.

Средние и стандартные отклонения показателя Отношение к семейной роли в группах с разным опытом материнства и репродуктивными планами

Опыт материнства	Репродуктивные планы			
	Незапланированная беременность		Запланированная беременность	
	Ср.ар.	Ст.откл.	Ср.ар.	Ст.откл.
Есть дети	12,92	1,21	13,72	1,48
Нет детей	14,34	1,59	13,48	1,36

По показателю Оптимальный эмоциональный контакт обнаружен основной эффект Опыта материнства ($F(2, 202) = 4,74; p < 0,05$), женщины, не имеющие детей, демонстрируют более высокие значения данного показателя. Аналогичная ситуация и по показателю Эмоциональная дистанция ($F(2, 202) = 3,68; p < 0,05$) и по показателю Излишняя концентрация на ребенке ($F(2, 202) = 8,38; p < 0,01$), которые также выше у женщин без опыта материнства.

Сочетание факторов Возраст и Опыт материнства показали основные эффекты, описанные в результатах выше и не показали взаимодействия, что объяснимо так как женщины более старшего возраста с большей вероятностью имеют опыт материнства ($\chi^2 = 17,7; p < 0,01$).

Обсуждение

Сравнение групп беременных женщин при разном сочетании факторов Репродуктивные планы и Возраст позволяет рассматривать фактор возраста как более значимый для формирования отношения к будущему ребенку. С повышением возраста женщины семейная ситуация начинает восприниматься как более позитивная, интересы выходят за рамки семьи, возникает большая удовлетворенность собственной ролью и меньшая конфликтность с другими членами семьи. В определенном смысле жизненный опыт более старших женщин способствует гармонизации и установлению зрелых социальных отношений, что в свою очередь приводит к лучшему формированию родительской позиции и присвоению материнской роли [5].

Аналогичные изменения происходят с возрастом и в отношении с ребенком, при этом более старшие женщины демонстрируют меньше стремления к формированию зависимых отношений, ограничения внесемейных влияний и ограничения мира ребенка.

Опыт материнства как фактор различий сходен в своем влиянии на родительские установки и реакции в отношении эмоциональных и поведенческих стратегий взаимодействия с ребенком. Более опытные матери демонстрируют меньше негативных реакций в отношении семейной ситуации и больше позитивных установок в отношении будущего ребенка. Сходные результаты в отношении большей выраженности мотивов сплочения семьи, заботы о ребенке и счастья получены в работе по изучению женщин, беременных первым или вторым ребенком [4]. Сочетание факторов возраста и опыта материнства не обнаруживается, так как данные характеристики имеют одну направленность, снижая негативные представления о семье, собственной роли в ней и улучшая представления о том, как относиться к ребенку.

Возраст и репродуктивные планы имеют совместное влияние на характеристики эмоциональной дистанции с ребенком. Так, по мере взросления независимо от того была запланированной беременность или нет у женщин снижается раздражительность, вспыльчивость, суровость, излишняя строгость и стремление избегать контакта с ребенком. Однако, более старшие женщины (от 27 лет), не имевшие четких репродуктивных планов, обнаруживают повышение данных характеристик, тогда как у женщин, планировавших беременность, также идет снижение негативных эмоций в отношении дистанции с будущим ребенком. Вероятно, данная особенность связана с тем, что женщины старшего возраста и не планировавшие беременность имеют более жесткие представления о том, как воспитывать ребенка. В определенной мере это согласуется с данными о том, что молодые матери в большей мере стремятся к развитию самостоятельности ребенка [9]. Однако, отсутствие различий между беременными женщинами и женщинами с детьми в эмоциональном дистанцировании от ребенка позволяет предполагать, что репродуктивное планирование играет роль, но представления об эмоциональном контакте с ребенком во многом связаны и с возрастом матери.

Также репродуктивные планы и опыт материнства имеют совместное влияние на то, как женщина относится к собственной семейной роли. Так, у женщин, не планировавших беременность, но имеющих детей, скорее складывается негативное восприятие семьи и собственного места в ней, чем у женщин без опыта материнства. Однако, у женщин, имевших репродуктивные планы, ситуация обратная, имеющие опыт материнства женщины демонстрируют более высокое принятие семьи, положительную коммуникацию с мужем и родителями, наличие различных сфер в жизни помимо семьи.

Заключение

Отношение беременных женщин к будущему ребенку и собственной семейной ситуации в целом связано с временными параметрами: возраст и опыт материнства, которые приводят к тому, что снижаются негативные установки в отношении семьи и воспитания ребенка, собственная роль в семье рассматривается как более значимая, а стратегии воспитания ребенка начинают носить более принимающий и поддерживающий характер.

Отсутствие различий по показателям родительских установок и реакций между женщинами с различными репродуктивными планами приводит к выводу о том, что планирование беременности не играет роли как самостоятельный фактор в развитии представлений о том, как относиться к ребенку и какова роль женщины в семье. Однако, стоит отметить, что данный фактор может играть роль для женщин более старшего возраста и имеющих детей в отношении того, как ими будет рассматриваться семья и собственное место в ней и эмоциональная близость с ребенком.

Исследование выполнено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект «Динамика психологических характеристик женщин с различным репродуктивным статусом: межгрупповой и внутригрупповой анализ» (№17-16-59001).

Список использованных источников:

1. Бибринг, Г.Л. Беременность как нормальный кризис // Хрестоматия по перинатальной психологии / сост. А.Н. Васина. — М.: УРАО, 2005. — С. 72-75.
2. Бругман, В.И. Нарушения инстинкта продолжения рода и репродуктивного поведения женщин в связи с психической патологией // Вопросы психического здоровья детей и подростков. — 2017. — Т. 17. № 2. — С. 30-31.
3. Дождева, С.М. Возрастные особенности становления женских представлений о деторождении // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2010. — № 1. — С. 272-281.
4. Завгородняя, И. В. Мотивы рождения первого и второго ребенка у женщин // Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов / Под ред. Карабановой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягина Н.Н. — Москва-Звенигород. — 2015. — С. 364-368.
5. Захарова, Е.И. Качество межличностных отношений как условие принятия родительской позиции // Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов / Под ред. Карабановой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягина Н.Н. — Москва-Звенигород. — 2015. — С. 379-384.
6. Захарова, Е.И., Булушева, Е.А. Особенности страхов беременных женщин, связанные с переживанием внутрисемейной ситуации // Перинатальная психология и психология родительства. — 2009. — № 3. — С. 15-34.
7. Ковалева, Ю. В., Сергиенко, Е. А. Контроль поведения при различном течении беременности // Исследования по когнитивной психологии / Под ред. Е.А. Сергиенко. — М., 2004. — С. 424-464.
8. Корниенко, Д.С., Радостева, А.Г., Личностные характеристики женщин с разным опытом материнства // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. — Москва: Изд-во «Институт психологии РАН». — 2017. — С. 800-806.
9. Ланцбург, М. Е., Соловьева, Е. В. О материнских представлениях и ожиданиях по отношению к детям раннего возраста, зачатых спонтанно и при помощи ЭКО // Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов / Под ред. Карабановой О.А., Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягина Н.Н. — Москва-Звенигород. — 2015. — С. 389-393.
10. Образцова, А.С., Бахчиева, Э.П. Самосознание многодетных женщин // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. — 2014. — № 36. — С. 206-211.
11. Петрова, А.А. Материнские представления об индивидуально-психологических особенностях ребенка как фактор детско-родительского эмоционального взаимодействия // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ). — Москва, 2008. — с. 27.
12. Радостева, А. Г. Совместное влияние семейного положения (состоящие и не состоящие в браке) женщин и опыта материнства (беременные, имеющие детей и не

имеющие детей) на показатели уровня субъективного контроля // Психология семьи в современном мире [Электронный ресурс]: сборник материалов Международной научно-практической конференции. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. — 2017. — С. 255-262.

13. Скрынник, Н.Е. Психологические особенности отношения к детям на этапе планирования материнства и во время беременности // автореферат дис. ... кандидата психологических наук / Южный федеральный университет. — Ростов н/Д, 2012. — с. 28.

14. Филиппова, Г.Г. Хрестоматия по перинатальной психологии: Психология беременности, родов и послеродового периода / сост. А.Н. Васина. — М.: Изд-во УРАО, 2005. — С. 62–65.

15. Филиппова, Г.Г. Развитие исследований по репродуктивной психологии на кафедре общей психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета // Научные труды Московского гуманитарного университета. — М. — 2018. 1. [Электронный ресурс] URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/681> (дата обращения: 01.08.2018). DOI: 10.17805/trudy.2018.1.6

16. Шапарь, В.Б. Практическая психология. Психодиагностика отношений между родителями и детьми / В.Б. Шапарь. — Ростов н/Д: Феникс, 2006. — С. 11-24.

17. Da Costa, D., Larouche, J., Dritsa, M., Brender, W. Variations in stress levels over the course of pregnancy: factors associated with elevated hassles, state anxiety and pregnancy-specific stress // Journal of Psychosomatic Research. — 1999. — N. 47. — pp. 609–621.

18. Galdiolo, S., Roskam, I. Development of attachment orientations in response to childbirth: A longitudinal dyadic perspective // Personality and Individual Differences. — 2017. — N. 108. — pp. 136–143. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.12.016>

19. Pluess, M., Bolten, M., Pirke, K. M., Hellhammer, D. Maternal trait anxiety, emotional distress, and salivary cortisol in pregnancy // Biological Psychology. — 2009. — N. 83(3). — pp. 169–175. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2009.12.005>

Корниенко Дмитрий Сергеевич
док. психол. наук, доцент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
зав.кафедрой общей и клинической психологии
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15
dscorney@gmail.com

Радостева Анна Геннадьевна
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
ст.преподаватель кафедры педагогики и психологии
614990, Пермь, Сибирская, 24
batagen@gmail.com

Харламова Татьяна Михайловна
канд. психол. наук, доцент
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
доцент кафедры общей и клинической психологии
614990 г. Пермь, ул. Букирева, 15
tanyahar@yandex.ru

ТИП ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ГЕСТАЦИОННОЙ ДОМИНАНТЫ В СВЯЗИ С ТРИМЕСТРОМ БЕРЕМЕННОСТИ И СЕМЕЙНЫМ СТАТУСОМ

Аннотация. В статье рассматриваются различия в выраженности психологического компонента гестационной доминанты в связи с триместром беременности и семейным статусом. Выборка — 126 женщин, состоящих и не состоящих в браке, находящиеся на разных триместрах беременности. Обнаружено, что наибольшую роль играет временной фактор. Фактор семейного статуса не оказывает существенного влияния. Корреляционные связи типов психологического компонента гестационной доминанты схожи в первом и третьем триместре.

Ключевые слова: беременность, гестационная доминанта, семейный статус.

Kornienko Dmitriy Sergeevich
Sc.D., associate Professor,
Perm State University, Faculty of Philosophy and Sociology,
Head, Department of General and Clinical Psychology,
614990 Perm, ul. Bukireva, 15.
E-mail: dscorney@gmail.com

Radosteva Anna Gennadievna
Perm State Humanitarian Pedagogical University,
assistant professor of Department of Psychology and Pedagogy,
614990 Perm, ul. Sibirskaya 24.
E-mail: batagen@gmail.com

Kharlamova Tatyana Mikhailovna
Ph.D., associate professor,

TYPE OF PSYCHOLOGICAL COMPONENT OF THE GESTATION DOMINANT IN ASSOCIATION WITH TRIMESTER OF PREGNANCY AND MARITAL STATUS

Abstract. The article considers the differences in the psychological component of the gestational dominant in association with the trimester of pregnancy and marital status. The sample consists of 126 women in different trimesters of pregnancy, married and unmarried. It was found that the period factor (trimester) plays the most significant role. The factor of marital status does not have a significant impact. Correlations of the types of the psychological component of the gestational dominant are similar in the first and third trimester.

Keywords: pregnancy, gestation dominant, marital status.

Проблеме готовности к материнству посвящено множество теоретических и прикладных исследований в психологии, так как в силу демографических и социальных изменений меняется не только социальная ситуация, но и личностные особенности женщин. В широком плане психологическая готовность к материнству (ПГKM) рассматривается как исторически и онтогенетически сложившаяся функциональная система, существующая в потенциальной и актуальной форме и отражающая подготовленность психики женщины к материнству как деятельности [12]. ПГKM обладает эволюционным, социальным и личностным смыслом, обеспечивая в актуальной ситуации материнства условия развития ребенка и дальнейшего саморазвития женщины как личности.

В исследованиях [5, 6] получены факты о том, что значимыми факторами развития определенного типа готовности к материнству являются: отношения в семье, повышенная тревожность и позитивный образ будущего ребенка. На формирование у женщины образа себя как будущей матери также оказывают влияние и внешние факторы, связанные с социальными стереотипами и представлениями о гендерных ролях [1].

Психологическая составляющая готовности к материнству на этапе вынашивания ребенка воплощена в понятии «психологический компонент гестационной доминанты». Психологический компонент гестационной доминанты (ПКГД) описан в теоретическом и эмпирическом плане И.В. Добряковым [3, 4], который выделил типы доминанты, различающиеся по отношению женщины к своей беременности, по отношениям с окружающими людьми и, в целом, по характеристикам материнской идентичности. Становление роли матери, изменение отношения к себе у женщины в период беременности, формирование психологической готовности к материнству могут рассматриваться как элементы самосознания матери и становления новой идентичности [2]. Показателем кризиса материнской идентичности, проявляющегося в противоречивости мотивационно-ценностной сферы являются неоптимальные типы гестационной доминанты, например, Гипогестогнозический [8]. Важность типа гестационной доминанты показана в исследованиях, связанных с патологией беременности, так среди женщин с угрозой прерывания беременности менее половины имеют оптимальный тип гестационной доминанты [11]. В то же время женщины, имеющие оптимальный тип гестационной доминанты благополучно разрешили кризис идентичности, и материнство рассматривается ими как целостная система целей и смыслов, относящихся не только к периоду беременности, но и к жизни в целом [7].

Личностные характеристики также рассматриваются как факторы, влияющие на тип гестационной доминанты, в частности, по исследованиям установлено, что за исключением

женщин с оптимальным типом, представители других типов демонстрируют симптомы тревожности, депрессивности и невротизации. При этом динамика в усилении депрессивного или тревожного состояния приводит к усилению неоптимального типа гестационной доминанты [4].

Тип семьи также влияет на психологические особенности материнства, в частности, в полной семье большее значение имеют эмоциональные, а в неполной - поведенческие составляющие психологической готовности к материнству. При этом как в полной, так и в неполной семье формируются позитивные типы материнского поведения [10].

Психологическое сопровождение беременности рассматривается как фактор, влияющий на психологическую готовность к материнству, отношение матери к ребенку, отношение к мужу — отцу ребенка [9].

Несмотря на большое число исследований психологического компонента гестационной доминанты, остается открытым вопрос о изменчивости ПКГД и роли семейного статуса, как факторах, определяющих особенности женщины в период беременности. Понимание роли и совместного влияния данных факторов позволит выявить основу для формирования программ психологического сопровождения беременных.

Целью настоящего исследования стало изучение роли семейного статуса и триместра беременности как факторов, влияющих на психологический компонент гестационной доминанты. В качестве основных предположений рассматривается следующее: 1) по мере приближения к рождению ребенка женщины будут демонстрировать более оптимальный тип психологического компонента гестационной доминанты; 2) семейный статус (состоит в браке или нет) не является значимым фактором для ПКГД, но может вступать во взаимодействие с триместром беременности, изменяя тип психологического компонента гестационной доминанты; 3) типы ПКГД будут обнаруживать специфические корреляции в каждом триместре.

Методы

Выборка. Выборку исследования составили 126 женщин, в возрасте от 16 до 37 лет ($M=24,79$; $SD= 4,39$), из которых, 86 женщин состоят в браке; на момент обследования, находились на первом триместре — 30, на втором — 37 и на третьем — 59 человек.

Методики.

Опросник «Тип психологического компонента гестационной доминанты» И.В. Добрякова [2001, 2014]. Утверждения опросника отражают пять разных типов психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД): Оптимальный, Гипогестогнозический, Эйфорический, Тревожный и Депрессивный тип. Данный опросник был предложен беременным женщинам (диагностика текущего состояния) и женщинам, имеющим ребенка (ретроспективная диагностика опыта беременности).

Методами статистического анализа являлись: дисперсионный и корреляционный анализы.

Результаты и обсуждение

По результатам двухфакторного дисперсионного анализа обнаружен основной эффект фактора Триместр беременности ($F(2, 125) = 8,03$; $p < 0,001$) и взаимодействие факторов Триместр беременности и Семейный статус ($F(2, 125) = 7,68$; $p < 0,001$) по показателю Оптимальный тип ПКГД. Межгрупповые сравнения показывают значимые различия в выраженности Оптимального типа у женщин, находящихся на разных триместрах беременности, таблица 1. Чем ближе к родам, тем выше становится Оптимальный тип ПКГД.

Полученные результаты для Гипогестогнозического типа психологического компонента гестационной доминанты показывают основной эффект фактора Триместр беременности ($F(2, 125) = 3,98$; $p < 0,05$). Апостериорные сравнения показали значимые различия между группами женщин, находящихся на первом и третьем триместре. При этом

по мере увеличения триместра — увеличивается и показатель Гипогестогнозического типа. Роль фактора Семейный статус и взаимодействия факторов не обнаружено.

По Эйфорическому типу ПКГД не обнаружено значимых результатов.

На уровне тенденции, близкой к значимому результату, проявляется основной эффект фактора Триместр беременности для показателя Тревожный тип ПКГД ($F(2, 125) = 2,86$; $p < 0,06$). Межгрупповой анализ показывает, что женщины, находящиеся на втором триместре демонстрируют наименьший уровень тревожных переживаний, связанных с беременностью.

Для Депрессивного типа ПКГД, также был обнаружен основной эффект фактора Триместр беременности ($F(2, 125) = 5,52$; $p < 0,01$) и отсутствует эффект фактора Семейный статус и взаимодействие факторов. Апостериорные сравнения показали, что при переходе от первого ко второму триместру депрессивные составляющие ПКГД значимо снижаются, таблица 1.

Таблица 1. Средние значения показателей типов ПКГД у женщин, находящихся на разных триместрах беременности.

Триместр беременности	Тип психологического компонента гестационной доминанты				
	Оптимальный	Гипогестогнозический	Эйфорический	Тревожный	Депрессивный
Первый	3,68	3,69	5,98	4,03	4,92
Второй	6,86	4,32	6,31	2,37	2,76
Третий	5,07	5,64	6,29	3,54	2,77

В целом можно утверждать, что по мере протекания беременности уменьшается роль негативных составляющих психологического компонента гестационной доминанты и возрастает роль Оптимального типа. Вместе с тем, интерес представляет тот факт, что по Оптимальному типу ПКГД во втором триместре идет повышение, а затем снижение показателя, именно в этот период и наименее выражен Тревожный тип. Вместе с тем, фактор Семейного статуса не оказывает значимого влияния, что согласуется с исследованиями [10] относительно равновероятных типов ПКГД в полных и неполных семьях.

Корреляционный анализ показателей типа ПКГД в каждом триместре обнаружил как различия, так и сходные значимые взаимосвязи. Корреляционной взаимосвязью, которая обнаруживается у женщин в каждом триместре является отрицательная связь между Тревожным и Оптимальным типом ПКГД ($r_1 = -0,693$; $p < 0,001$, $r_2 = -0,360$; $p < 0,05$, $r_3 = -0,465$; $p < 0,001$). Наибольшее число общих взаимосвязей наблюдается у женщин в первом и третьем триместре: Оптимальный тип отрицательно коррелирует с Гипогестогнозическим ($r_1 = -0,413$; $p < 0,05$, $r_3 = -0,314$; $p < 0,05$), а Эйфорический отрицательно с Депрессивным ($r_1 = -0,633$; $p < 0,001$, $r_3 = -0,468$; $p < 0,001$). В целом можно утверждать, что в начале и в конце беременности, чем лучше женщина воспринимает ситуацию беременности, устанавливает гармоничные отношения с близкими и проявляется достаточную заботу о состоянии здоровья, тем ниже негативные проявления и переживания, связанные с беременностью. Вместе с тем, чрезмерное акцентирование на собственном состоянии и активация эмоций для переживания ситуации беременности приводит к снижению депрессивных проявлений и может, с некоторым допущением, рассматриваться в позитивном свете.

Если рассматривать наши данные в отношении выраженности каждого из компонентов, то из таблицы 1 видно, что в первом и третьем триместре наиболее выражен Эйфорический тип, когда женщина демонстрирует излишние реакции, связанные с беременностью, однако, если в первом триместре большую роль играют Тревожный и Депрессивный типы, то в третьем уже Оптимальный и Гипогестогнозический, что является скорее благоприятной ситуацией. Корреляционный анализ также согласуется с данным предположением, так как в первый и третий триместр картина взаимосвязей сходная и показывает, что при повышении оптимального переживания беременности снижаются тревожные и эйфорические

проявления, в то время как во втором триместре снижаются тревожные и депрессивные проявления.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

Во-первых, предположение о повышении Оптимального типа ПКГД получило подтверждение, однако, также обнаруживается повышение и Гипогестогнозического типа.

Во-вторых, семейный статус (в браке или нет) не оказывает значимого эффекта на тип психологического компонента гестационной доминанты, вместе с тем, для незамужних женщин наблюдаются существенные изменения в Оптимальном типе ПКГД в отличие от замужних.

В-третьих, структура взаимосвязей показателей типов психологического компонента гестационной доминанты сходная в первом и третьем триместре и характеризует отрицательные взаимосвязи между Оптимальным типом и негативными типами ПКГД.

Исследование выполнено при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект «Динамика психологических характеристик женщин с различным репродуктивным статусом: межгрупповой и внутригрупповой анализ» (№17-16-59001).

Список использованных источников:

1. Валеева, Е.Х. Отношение девушки к себе как к будущей матери // Стандарты и мониторинг в образовании. — 2006. — № 2. — С. 45-53.
2. Васильева, Е.В. Материнско-детские отношения привязанности: теоретико-методологические исследования. Инновационные практики социальной работы с семьей. — Алтайский государственный университет. Барнаул. — 2013. — С. 19-59.
3. Добряков, И.В. Клинико-психологические методы определения типа психологического компонента гестационной доминанты // Перинатальная психология и нервно-психическое развитие детей: сб. мат. конф. СПб.: НИИ ак. и гинекол. им. Д.О. Отта. — 2001. — С. 39-48.
4. Добряков, И.В. Показатели тревоги и депрессии у беременных женщин при различных типах психологического компонента гестационной доминанты // Вестник российской военно-медицинской академии. — 2014. — 1(45). — С. 46-50.
5. Земзюлина, И.Н. Переживание беременности в контексте жизненного пути личности как фактор формирования готовности к материнству // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — № 91. — С. 31-42.
6. Ивакина, В.В. Критерии и показатели типов латентного материнства как параметры для диагностики материнской сферы до рождения ребенка / Общество и личность: гуманистические тенденции в развитии современного общества. Сборник научных статей преподавателей, обучающихся вузов, научно-практических работников. — 2017. — С. 174-178.
7. Кулешова, К.В. Направления и факторы развития женской личности в период беременности: автореф. дис. канд. психол. наук. — М.: МГУ. — 2013. — 35 с.
8. Магденко, О.В. Репродуктивные ролевые ориентации деторождения у беременных женщин с различным типом психологического компонента гестационной доминанты // Вестник НГУ. Серия: Психология. — 2014. — Т.8, 1. — С. 86-92.
9. Могилевская, Е.В. Влияние типа психологического сопровождения беременных на их отношение к родам и родительству: автореф. дис. канд. психол. наук / Ростовский государственный университет. — Ростов-на-Дону. — 2003. — С. 24.
10. Овчарова, Р.В., Мягкова, М.А. Психологические особенности материнства в неполной семье // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 2. — С. 63-65.
11. Сидорович, О.В. Психологическая готовность женщины к материнству как фактор, определяющий характер формирования гестационной доминанты / Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием

«Современные проблемы клинической психологии и психологии личности» / Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ. — 2017. – 318 с.

12. Скоромная, Ю.Е. Субъективная готовность к материнству как психологический феномен: автореф. дис. канд. психол. наук / Моск. гор. психол.-пед. ун-т. — Москва. — 2006. — С. 28.

Гырдасова Анастасия Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет, бакалавр
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: nastyagyrdasova@gmail.com

Савеньшева Светлана Станиславовна

Кандидат психологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Доцент кафедры психологии развития и
дифференциальной психологии
E-mail: owlsveta@mail.ru

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ И ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЯ СУПРУГОВ К БУДУЩЕМУ РЕБЕНКУ ВО ВРЕМЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязи удовлетворенности браком и отношения к будущему ребенку у супругов на этапе беременности. В исследовании приняли участие 28 супружеских пар (56 человек). Исследование выявило, что при высокой удовлетворенности браком у женщин наблюдается преобладание конструктивных мотивов рождения ребенка, высокий уровень качества привязанности. У мужчин связи отношений к ребенку и супруге не выявлены. Была выявлена согласованность отношения к супругу(е) и ребенку в паре.

Ключевые слова: удовлетворенность браком, беременность, отношение к беременности и будущему ребенку, пренатальная привязанность, родительство.

Gyrdasova Anastasiia Dmitrievna

Saint Petersburg State University, bachelor
199034, Saint Petersburg, Universitetskaya Emb., 7/9
E-mail: nastyagyrdasova@gmail.com

Savenysheva Svetlana Stanislavovna

PhD, associate professor,
Saint Petersburg State University,
associate professor at the department of developmental
and differential psychology
E-mail: owlsveta@mail.ru

MARITAL SATISFACTION AND ATTITUDE OF SPOUSES TO THE FUTURE CHILD DURING PREGNANCY

Abstract. The article describes the investigation of the correlation between marital satisfaction and attitude of spouses to unborn child during pregnancy. The study involved 28 spouses (56 people). It was found that high level of marriage satisfaction in women correlates with constructive motives to childbirth and high level of quality of attachment. In men, marital satisfaction do not relate to the attitude to the future child. The consistency of the relationship to the partner and the child in pair was revealed.

Keywords: marital satisfaction, pregnancy, attitude of spouses to pregnancy and future child, prenatal attachment, parenthood.

Введение

Уже во время беременности начинают складываться отношения между матерью и ребенком, формируется пренатальная привязанность, характеризующаяся отношением к будущему ребенку и степенью вовлеченности во взаимодействие с ним [4, 6, 7, 11, 14, 15]. Однако не только мать, но и отец выстраивает отношения с еще не родившемся ребенком.

Ряд отечественных и зарубежных исследований [2, 5, 7, 10, 12, 17] позволили установить, что отношение к своей беременности, связанные с ней переживания и способ преодоления возникающих трудностей взаимосвязаны с протеканием беременности и внутриутробным развитием ребенка.

До появления детей у супругов уже имеются определенные взаимоотношения, степень удовлетворенности браком, которые взаимосвязаны с отношением к будущему ребенку. Удовлетворенность браком играет ключевую роль в супружеских отношениях, так как «поддерживает стабильность семьи, благоприятный эмоциональный фон внутри семьи, влияет на построение детско-родительских отношений» [9, с. 32]. Существуют и определенные взгляды и представления о воспитании детей, мотивы рождения ребенка, семья, в которой воспитывались сами супруги; все это так или иначе взаимосвязано с тем, как супруги будут относиться к своему ребенку. Весь предшествующий опыт взаимодействия с детьми, отношение к ребенку как таковому, представления о родительстве актуализируются именно в период беременности.

В связи с происходящими изменениями в семье, а именно – осознание, что скоро появится новый член семьи, - появляется много мыслей и переживаний, касающихся предстоящих изменений. Эти изменения касаются и отношений между супругами, уровень удовлетворенности браком может меняться. Многие авторы полагают, что стресс, связанный с супружескими отношениями, наносит непоправимый вред развивающемуся внутриутробно ребенку [1, 13]. Можно также заметить, что женщины, которые отмечают теплый эмоциональный контакт с супругом, чувствуют себя уверенней и защищенной, что положительно сказывается на ребенке [1, 6, 8, 13].

Многие женщины нуждаются в поддержке своего супруга, считая его одним из главных ресурсов для адаптации к беременности, принятии и осознании себя в роли матери. При активном участии мужчины в беременности – общении с еще не родившемся ребенком, помощи и заботе о беременной женщине, обсуждении ребенка и жизни уже после его появления, женщины чувствуют большую уверенность в своем статусе матери, получают много положительных эмоций, что позитивно сказывается на отношении к будущему ребенку [6].

Можно также отметить, что женщины с несбалансированным типом семейной системы чаще имеют отклоняющийся от оптимального варианта психологического компонента гестационной доминанты (ПКГД), в то время как у женщин со средне-среднесбалансированным и сбалансированным типом семейной системы оптимальный тип ПКГД встречается гораздо чаще [3].

Изучается и обратная взаимосвязь - у женщин, чьи мужья более вовлечены в процесс беременности и имеют высокий уровень пренатальной привязанности, наблюдается более высокий уровень удовлетворенности браком [18]. Таким образом, можно сказать, что не только удовлетворенность браком влияет на отношение к будущему ребенку, но и отношение к ребенку, включенность в процесс беременности партнера может увеличить удовлетворенность браком.

Большинство исследований отношения к беременности и будущему ребенку касаются в основном женщин, считая, что именно мать становится первым близким взрослым для ребенка, именно она проводит с ребенком больше всех времени, а также выступает объектом привязанности, в то время как мужчинам уделяют крайне мало внимания в этих исследованиях, как и отцовству в целом. В исследовании Bouchard G. (2011) удалось выявить, что на формирование позитивного отношения к ребенку и пренатальную привязанность у мужчин, влияют удовлетворенность браком и отношения с родителями, т.е.

для того, чтобы у мужчин сформировался высокий уровень привязанности к еще не родившемуся ребенку, у него должны быть удовлетворительные отношения с женой и позитивные отношения со своими родителями [14].

Интересными являются исследования, в ходе которых сравниваются материнская и отцовская пренатальная привязанность. Было установлено, что у будущих матерей наблюдается более сильная пренатальная привязанность, чем у будущих отцов. Это обусловлено тем, что женщины и мужчины по-разному взаимодействуют с будущим ребенком – каким бы тесным ни был бы контакт с ребенком у будущих отцов, контакт у матерей все равно носит преобладающий характер, так как будущая мать не только взаимодействует с ребенком, но и чувствует все, что с ним происходит, так как имеет общие телесные границы [16].

Таким образом, исследования показывают, что при благоприятных отношениях в супружеской паре у женщины наблюдается оптимальный тип отношения к беременности и будущему ребенку, сформированность материнской сферы, тогда как при неблагоприятных отношениях с супругом у них чаще наблюдается тревожный и депрессивный типы отношения к ребенку. Супружеские отношения являются мощным фактором, определяющим протекание беременности и отношение к будущему ребенку у женщин. При этом исследований влияния качества супружеских отношений на отношение к ребенку у мужчин крайне мало. Кроме того, необходимо отметить недостаток эмпирических исследований взаимосвязей супружеских отношений и отношения к будущему ребенку с привлечением именно супружеской пары, а не одного из партнеров.

В связи с этим **целью** нашего исследования являлось изучение особенностей и взаимосвязи удовлетворенности браком и особенностей отношения к будущему ребенку у супругов во время беременности. **Гипотезами** данной работы являлись предположения о том, что при удовлетворенности браком у супругов будет проявляться более позитивное отношение к будущему ребенку; отношение к супругу(е) и будущему ребенку отличаются согласованностью в супружеской паре.

Выборка: в исследовании приняли участие 28 пар (56 человек), 89,2 % состоят в официальном браке, 10,8 % - в незарегистрированном. Средний срок беременности составил 27,2 недели. Средний возраст женщин – 28,7, средний возраст мужчин – 32,25 лет. 66,1 % всей выборки ожидают первого ребенка, 25 % - второго, 7,1 % - третьего и 1,8 % - четвертого. Беременность была запланирована у 78,6 % пар.

Методы. Для оценки супружеских отношений использовались «Опросник удовлетворенности браком» Алешиной Ю.Е., проективная методика «Рисунок семьи», для оценки отношения к еще не рожденному ребенку использовалась Шкала материнской и отцовской пренатальной привязанности Дж. Кондона, для оценки отношения к беременности у женщин – «Тест отношений беременной» Добрякова И.В., для получения биографических данных, а также у женщин для изучения мотивации рождения ребенка, отношения к будущему ребенку – Анкета.

Результаты.

Сравнительный анализ супружеских взаимоотношений по опроснику удовлетворенности браком Алешиной Ю. Е. выявил, что и у мужчин, и у женщин в данной выборке наблюдается высокая удовлетворенность браком, статистически значимых различий обнаружено не было (см. табл. 1). У женщин подтверждением этому является и высокая субъективная удовлетворенность браком (по анкете) – среднее значение составляет 8,5 (при max.10).

Таблица 1. Сравнительный анализ удовлетворенности браком у мужчин и женщин

		Среднее	Стандарт. отклонение	F	p
Удовлетворенность браком	Мужчины	38,714	3,2071	0,275	0,602
	Женщины	38,107	5,2234		

Сравнительный анализ супружеских взаимоотношений по методике «Рисунок семьи» статистически значимых различий не обнаружил. И у женщин, и у мужчин самым высоким показателем является эмоциональный контакт с супругой(м), что говорит о взаимной значимости семейных отношений, особенно в период беременности. Значения показателей тревожности и конфликтности у мужчин и женщин сходные, однако, можно отметить, что по параметру конфликтности в целом у мужчин значения достоверно выше (см. табл. 2).

Таким образом, в данной выборке и у мужчин, и у женщин отмечаются высокие показатели удовлетворенности браком, что подтверждает также и проективная методика. Статистически значимых различий не обнаружено.

Таблица 2. Сравнительный анализ супружеских отношений по методике «Рисунок семьи».

		Среднее	Стандарт. отклонение	F	p
Эмоциональный контакт с супругой (м)	Мужчины	2,867	1,0259	0,16	0,899
	Женщины	2,826	0,9121		
Тревожность	Мужчины	1,967	1,0768	0,001	0,974
	Женщины	1,978	1,0388		
Конфликтность	Мужчины	1,433	0,8633	2,678	0,110
	Женщины	1,022	0,6822		

Анализ отношения к будущему ребенку по данным Анкеты у женщин показал, что в данной выборке преобладают неконструктивные мотивы рождения ребенка (у 35,7% женщин наблюдаются конструктивные мотивы рождения ребенка, у 64,3% - неконструктивные); совместная инициатива рождения ребенка наблюдалась только у 53,6% пар, при этом беременность была запланированной у 78,6% пар, соответственно у 21,4% - незапланированной для одного из партнеров. Можно также отметить, что по параметру «подготовка к родительству» наблюдались значения ниже среднего (2,1 при max. 6), т.е. большинство пар не посещает курсы дородовой подготовки и не осознает трудностей, с которыми они могут столкнуться с появлением ребенка, однако по параметру «субъективной готовности к материнству» наблюдаются значения выше среднего (73,4 при max. 100), это указывает нам на то, что женщины высоко оценивают свою готовность к материнству.

Изучение отношения к беременности и будущему ребенку по методике ТОБ (Тест отношений беременной Добрякова И. В.) показало, что в данной выборке наиболее выражен оптимальный вариант ПКГД (5,5), что говорит о том, что большинство женщин адекватно относятся к своей беременности, осознают все ее плюсы и минусы, выполняют рекомендации врачей и следят за своим здоровьем. На втором и третьем месте –

эйфорический (1,3) и тревожный (1,2), соответственно. Менее выраженными являются гипогестогнозический (0,7) и депрессивный (0,1) типы.

Таблица 3. Выраженность типов ПКГД у беременных женщин (по данным ТОБ).

Тип ПКГД	Среднее	Стандарт. отклонение
Оптимальный тип	5,500	1,6216
Гипогестогнозический тип	0,750	1,0046
Эйфорический тип	1,321	1,3068
Тревожный тип	1,286	1,4872
Депрессивный тип	0,143	0,4484

Изучение отношения пренатальной привязанности по методике «Шкала материнской привязанности к ребенку в пренатальный период» (Дж. Кондона) показало довольно высокое значение (42,6 при max. 50) у параметра «качество привязанности», характеризующийся преобладанием позитивных мыслей и чувств относительно ребенка. При этом у параметра «интенсивность включения» наблюдалось значение чуть выше среднего (27,8 при max. 40). Данный показатель отражает поведенческий компонент, включающий в себя мысли и представления о ребенке, разговоры о нем и с ним, желание узнать что-либо дополнительно о развивающемся ребенке, т.е. в целом изменение своей жизни с учетом беременности. «Общий показатель привязанности» у женщин данной выборки находится на высоком уровне (74,9 при max. 95).

При анализе данных по методике «Рисунок семьи» по показателю «эмоциональный контакт с ребенком» было получено значение чуть ниже среднего (1,7 при max. 4), большинство женщин данной выборки рисует себя в состоянии беременности и не прорисовывает ребенка. Возможно, это связано с тем, что у части женщин еще нет дифференциации «Я» и ребенка во время беременности, они воспринимают ребенка как свое продолжение, и образ ребенка не сформирован. Это может быть связано с тревожностью и/или даже с конфликтом с беременностью.

Сравнительный анализ отношения к ребенку у женщин, в зависимости от запланированности беременности, показал, что у женщин, чья беременность запланирована, наблюдается конструктивная мотивация рождения ребенка ($p < 0,01$), более позитивное отношение к беременности и будущему ребенку ($p < 0,01$), более тесный эмоциональный контакт с ребенком ($p < 0,05$), хорошее физическое состояние ($p < 0,05$), а также высокая удовлетворенность браком ($p < 0,05$). Вдобавок, при запланированной беременности женщины отмечают более высокую субъективную готовность к материнству ($p < 0,05$), и субъективную удовлетворенность браком ($p < 0,05$). Таким образом, можно сказать, что при запланированной беременности у женщин наблюдаются хорошие взаимоотношения с супругом, они чаще оценивают свой брак как удачный; а также позитивное отношение к будущему ребенку.

Анализ отношения к будущему ребенку у мужчин по методике «Шкала отцовской привязанности к ребенку в пренатальный период» (Дж. Кондона) выявил значение ближе к высокому (31,2 при max. 40) у параметра «качество привязанности», что говорит о том, что мужчины данной выборки имеют позитивные чувства и мысли о будущем ребенке. Наблюдается среднее значение по параметру «интенсивность включения» (16,3 при max. 30), характеризующийся поведенческими проявлениями: мужчины данной выборки заинтересованы в получении новой информации о ребенке, однако не проявляют этот интерес достаточно часто. По параметру «общий показатель привязанности» наблюдается значение выше среднего (54,1 при max. 80).

Анализ отношения к будущему ребенку по методике «Рисунок семьи» показал, что значения по параметру «эмоциональный контакт с ребенком» ниже среднего (1,2 при max. 4).

Для мужчин данной выборки характерно преобладание материальных составляющих на рисунке, таких как дом, машина, предметы интерьера, семья же занимает маленькое пространство относительно всего рисунка. Будущий ребенок, как правило, нарисован либо уже большим, либо маленьким, но схематично.

Сравнительный анализ отношения к будущему ребенку у мужчин и женщин показал, что у женщин наблюдаются более высокие значения по параметрам, отражающим пренатальную привязанность ($p < 0,01$), при этом эмоциональный контакт с ребенком у обоих супругов не выражен, однако, у мужчин уровень эмоциональной дистанции с ребенком недостоверно больше (1,7 у женщин и 1,1 у мужчин при $\max. 4$, «Рисунок семьи»).

Таким образом, можно сказать, что у женщин данной выборки наблюдается более высокий уровень пренатальной привязанности по сравнению с мужчинами, что является закономерным и ожидаемым. При этом в целом в паре преобладает позитивное отношение к будущему ребенку.

Анализ взаимосвязи отношения к будущему ребенку и супружеских взаимоотношений у женщин позволил выявить, что положительно взаимосвязаны с удовлетворенностью браком мотивация к рождению ребенка ($p < 0,01$), т.е. при высокой удовлетворенности браком беременность чаще всего запланированная и желанная, а мотив рождения конструктивный; субъективная готовность к материнству ($p < 0,01$) и качество привязанности ($p < 0,01$), т.е. женщины высоко оценивают свою готовность стать матерью, а также положительно относятся к беременности и будущему ребенку. С удовлетворенностью браком отрицательно связан депрессивный тип ПКГД ($p < 0,05$), т.е. при плохих взаимоотношениях с супругом может наблюдаться отрицательное отношение к беременности, женщина может бояться ухудшения отношений с мужем, может бояться, что он ее разлюбит из-за снижения привлекательности. Возможна и обратная связь: женщина с признаками депрессивного переживания беременности и состояния свои отношения с супругом оценивает также отрицательно.

С субъективной удовлетворенностью браком положительно коррелирует эйфорический тип ПКГД ($p < 0,05$) и отрицательно коррелирует тревожный тип ПКГД ($p < 0,01$). Это говорит о том, что женщины, которые в целом удовлетворены своим браком, очень позитивно относятся к своей беременности, у них можно отметить повышенное настроение и уверенность в том, что роды пройдут хорошо, а женщины, которые не довольны своим браком, более тревожны, они могут излишне волноваться по поводу протекания беременности и предстоящих родов.

Анализ взаимосвязи отношения к будущему ребенку и супружеских взаимоотношений у мужчин значимых связей не выявил. Однако было обнаружено, что между тревожностью в восприятии семьи и эмоциональным контактом с ребенком положительная взаимосвязь ($p < 0,01$), что может означать, что с большей значимостью ребенка проявляется и большая семейная тревожность. Возможно, мужчины, для которых ребенок очень значим, чаще задумываются о возможных изменениях в семье в связи с рождением ребенка и в большей степени переживают.

Анализ взаимосвязи отношения к ребенку и супругу у женщин с отношением к ребенку и супруге у мужчин на этапе ожидания рождения ребенка показал следующее. Удовлетворенность браком у мужчин положительно связана как с субъективной удовлетворенностью браком ($p < 0,05$), так и с удовлетворенностью браком по методике Алешиной Ю. Е ($p < 0,01$) у женщин; и отрицательно связана со стрессом ($p < 0,05$), который испытывает во время беременности супруга. Удовлетворенность браком у мужчин также положительно связана с такими показателями у женщин, как оптимальный тип ПКГД ($p < 0,05$) и тревожностью относительно семьи ($p < 0,05$). Все это говорит о том, что при удовлетворенности браком одного из супругов, отношение к браку у другого супруга улучшается. Интенсивность включения в беременность у женщин положительно связана с качеством привязанности ($p < 0,01$) и общим показателем ($p < 0,05$) пренатальной привязанности у мужчин, т.е. можно сказать, что отношение к ребенку у супругов

формируется взаимосвязано – активное взаимодействие с ребенком уже во время беременности у женщин способствует позитивному отношению к беременности у мужчин, и наоборот.

Удовлетворенность браком у женщин, помимо положительной связи с удовлетворенностью браком у мужчин, положительно связана с таким показателем у мужчин, как эмоциональный контакт с ребенком ($p < 0,05$). Можно сделать предположение о том, что, когда женщина видит активное взаимодействие супруга с их будущим ребенком, ее удовлетворенность браком повышается. Возможна и обратная связь: когда мужчины видят, что их супруга удовлетворена супружескими отношениями, тогда и эмоциональная значимость ребенка, как подтверждения продолжения их отношений, возрастает. Было также обнаружено, что эмоциональный контакт с супругой у мужчин положительно связан с эмоциональным контактом с ребенком у женщин ($p < 0,05$), что говорит о том, что при хороших отношениях с супругом для женщины становится более близким ее будущий ребенок. Данная связь сходна по содержанию с предыдущей у мужчин.

Анализ социально-демографических характеристик выявил следующее. В зависимости от наличия детей у женщин может наблюдаться разный уровень эмоционального контакта с будущим ребенком ($p < 0,01$) – у женщин, для которых беременность первая, наблюдаются более выраженные желания взаимодействия с ребенком, заботы о нем, они больше погружены в беременность, чем женщины, у которых уже есть дети. На уровне статистической тенденции было также установлено, что у женщин, для которых данная беременность первая, может проявляться тревожный тип ПКГД ($p = 0,073$) и тревожность относительно семьи ($p = 0,076$), что можно объяснить тем, что у них еще нет опыта родов и воспитания детей, соответственно, и тревоги по поводу предстоящих событий больше (см. табл. 4).

Таблица 4. Сравнительный анализ отношения к будущему ребенку в зависимости от фактора наличия детей у женщин.

Параметр	Фактор	Среднее	Стандар т. отклонение	F	P
Эмоциональн ый контакт с ребенком	Нет детей	2,286	1,1217	7, 864	0, 011
	Есть дети	0,833	1,3463		
Тревожный тип ПКГД	Нет детей	1,632	1,5352	3, 492	0, 073
	Есть дети	0,556	1,1304		
Тревожность	Нет детей	2,286	0,9139	3, 489	0, 076
	Есть дети	1,500	1,0897		

У мужчин была обнаружена отрицательная взаимосвязь между возрастом и качеством привязанности ($p < 0,05$), т.е. чем старше мужчина, тем меньше у него выраженных мыслей и чувств относительно будущего ребенка. Однако это можно объяснить тем, что у более взрослых мужчин уже есть дети, так были получены достоверные различия в возрасте в зависимости от наличия детей ($p < 0,01$). Сравнительный анализ отношения к супруге и будущему ребенку в зависимости от наличия детей у мужчин показал, что у мужчин, у которых еще нет детей, наблюдается более высокая удовлетворенность браком ($p < 0,01$), более высокие показатели качества привязанности ($p < 0,05$), интенсивности включения ($p < 0,05$), и, соответственно, общего показателя пренатальной привязанности ($p < 0,05$), по сравнению с теми, у кого уже есть дети (см. табл. 5). Полученные данные можно объяснить тем, что в паре появляются новые роли – родительские – время на совместный досуг

уменьшается, супружеские роли могут стираться, перекликаться с родительскими, может появляться неудовлетворенность от того, как партнер исполняет свою новую роль, и все это в совокупности может приводить к общему снижению удовлетворенности браком. Более высокий уровень пренатальной привязанности у мужчин, не имеющих детей, может быть связан с новизной первой беременности жены, и, как следствие, большего интереса к ней.

Таблица 5. Сравнительный анализ супружеских отношений и отношения к будущему ребенку по фактору наличия детей у мужчин.

Параметр	Фактор	Среднее	Стандарт. отклонение	F	p
Удовлетворенность браком	Нет детей	39,789	2,4399	8,485	0,007
	Есть дети	36,444	3,5746		
Качество привязанности	Нет детей	32,684	3,8737	6,404	0,018
	Есть дети	28,222	5,2863		
Интенсивность включения	Нет детей	17,632	3,8037	6,098	0,020
	Есть дети	13,556	4,6398		
Общий показатель	Нет детей	56,842	7,9461	6,867	0,014
	Есть дети	48,444	7,8599		

Выводы.

1. Исследование супружеских отношений в паре показало, что в данной выборке наблюдается высокая удовлетворенность браком. Эмоциональный контакт с партнером является важной частью отношений для обоих супругов, уровень тревожности и у женщин, и у мужчин находится на среднем уровне, а конфликтность в парах в целом на низком уровне.

2. Анализ особенностей отношения к будущему ребенку у женщин показал, что в данной выборке преобладает запланированная беременность, однако мотивы рождения ребенка не конструктивные. Наиболее выраженным является оптимальный тип психологического компонента гестационной доминанты, а также наблюдаются высокие показатели качества пренатальной привязанности.

3. Сравнительный анализ отношения к супругу и ребенку у женщин при запланированной и незапланированной беременности показал отличия в отношении к ребенку и супругу – при запланированной беременности наблюдается более позитивное отношение к ребенку, более тесный контакт с ним, более высокая субъективная готовность к материнству, а также более высокий уровень удовлетворенности браком.

4. Анализ особенностей пренатальной привязанности у мужчин показал, что в данной выборке по качеству привязанности отмечаются значения выше среднего, а интенсивность включения находится в пределах средних значений.

5. Сравнительный анализ отношения к будущему ребенку у женщин и мужчин показал, что женщины больше привязаны к своему ребенку и более включены в свою беременность.

6. Анализ взаимосвязи отношения к будущему ребенку и супругу у женщин показал, что при высокой удовлетворенности браком наблюдается преобладание конструктивных мотивов рождения ребенка, субъективная готовность к материнству выше, можно также отметить более сильную привязанность к будущему ребенку. Кроме того, при

высокой удовлетворенности браком может снижаться риск депрессивного типа отношения к беременности. При этом отношение к ребенку и супруге у мужчин практически не связаны.

7. Исследование взаимосвязи между отношением к ребенку и супругу у женщин и отношением к ребенку и супругу у мужчин на этапе ожидания ребенка показало, что при большей удовлетворенности браком одного партнера наблюдается большая удовлетворенность браком другого. Можно отметить, что отношение к будущему ребенку у супругов также взаимосвязано, т.е. активное взаимодействие с будущим ребенком и позитивное отношение к беременности одного супруга способствует такому же отношению к беременности и ребенку другого супруга.

Заключение.

Таким образом, гипотеза о том, что при высоком уровне удовлетворенности браком будет наблюдаться позитивное отношение к будущему ребенку подтвердилась только для женщин. Гипотеза о согласованности отношения к супругу(е) и будущему ребенку в супружеской паре подтвердилась полностью.

Список использованных источников:

1. Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования, 2013, № 11, С. 118 – 130.
2. Бертин А. Воспитание в утробе матери или рассказ об упущенных возможностях // Психология и психоанализ беременности / под ред. Д.Я. Райгородского.- Самара, 2003, С. 300 – 320.
3. Бибикова Е.А., Добряков И.В. Особенности психологического компонента гестационной доминанты у женщин с различными типами сбалансированности семейной системы // Профилактическая и клиническая медицина, 2012, № 4, С. 56-60.
4. Брутман В.И., Родионова М.С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности // Вопросы психологии. 1997, № 6, С. 38–48.
5. Брутман В.И., Филиппова Г.Г., Хамитова И.Ю. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов // Вопросы психологии. 2002, № 1, С. 59 – 68.
6. Верни Т. Тайная жизнь ребенка до рождения. – М., 1994.
7. Добряков И.В. Перинатальная психология. – СПб: Питер, 2010.
8. Завьялова Ж.В. Психологическая составляющая периода беременности и процесса родов // Психология и психоанализ беременности / под ред. Д. Я. Райгородского. – Самара, 2003, С. 169 – 176.
9. Лидерс А.Г. Психологическое обследование семьи. М.: Академия, 2006.
10. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству // Вопросы психологии. 2000, №5, С. 18-27.
11. Савеньшева С.С. Пренатальная привязанность: понятие, структура, детерминанты // Мир науки, культуры, образования. 2017, №1(62), С. 243-248.
12. Филиппова Г.Г. Психология материнства: Учебное пособие. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
13. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: Учебное пособие для вузов. – Киров, 2011.
14. Bouchard G. The role of psychosocial variables in prenatal attachment: an examination of moderational effects // Journal of Reproductive and Infant Psychology. 2011; 29, No. 3: P. 197 – 207
15. Brandon A.R., Pitts S., Denton W.H., Stringer C.A., Evans H.M. A history of the theory of prenatal attachment. J Prenat Perinat Psychol Health. 2009; 23(4): P. 201–222.

16. Kaur S. Comparative study to assess the maternal and paternal fetal attachment among the expectant mothers and fathers // International Journal of Reproduction, Contraception, Obstetrics and Gynecology 2017. Jul 6(7), P. 3134-3137.
17. Lumley J.M. The development of maternal-fetal bonding in first pregnancy. Third International Congress, Psychosomatic Medicine in Obstetrics and Gynaecology. 1972.
18. Nosrati A, Mirzakhani K, Golmakani N, Asghari Nekah S.M, Esmaili H. The Effect of Paternal-Fetal Attachment Training on Marital Satisfaction during Pregnancy // Journal of Midwifery and Reproductive Health. 2017; 5(4): P. 1-10.

Якупова Вера Анатольевна,
кандидат психологических наук,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
научный сотрудник кафедры методологии психологии
125009 г. Москва, Моховая д. 11 стр. 9
e-mail: vera.a.romanova@gmail.com

ГРУППА РИСКА РАЗВИТИЯ ПОСЛЕРОДОВОЙ ДЕПРЕССИИ

Исследование выполнено при поддержке Гранта РФФИ № 18-313-00051

Аннотация. В статье рассматриваются психологические условия реализации материнства у женщин, входящих в группу риска развития послеродовой депрессии. В центре нашей работы стоит изучение отношения женщины к опыту материнства и условия, в которых оно реализуется. В группу риска развития послеродовой депрессии входят женщины, чьи ожидания от материнства оказались нереалистичными. Также риску развития депрессии подвержены матери, которые не ощущают стабильной поддержки мужа и имеют тяжелый опыт родов.

Ключевые слова: послеродовая депрессия, психология материнства, психология родительства, Эдинбургская шкала послеродовой депрессии, профилактика послеродовой депрессии, диагностика послеродовой депрессии.

Yakupova Vera A.,
PhD in psychology,
Lomonosov Moscow State University,
researcher at the psychology methodology department
125009 Moscow, Mokhovaya st. 11, 9
e-mail: vera.a.romanova@gmail.com

POSTNATAL DEPRESSION RISK GROUP

Abstract. The article considers the psychological conditions of maternity in women who are at risk of postpartum depression. In the center of our work is studying the attitude of women to the experience of motherhood and the conditions in which it is realized. The risk group for postpartum depression includes women whose expectations of maternity were unrealistic. Also at risk of depression are mothers who do not feel stable support of the husband and have a difficult childbirth experience.

Keywords: postnatal depression, psychology of maternity, psychology of parenthood, Edinburgh Postnatal Depression Scale, prevention of postnatal depression, postnatal depression diagnosis.

Послеродовая депрессия (ПРД), согласно МКБ-10, имеет симптоматику клинической депрессии, но проявляется в течение 6 недель после родов. При этом ПРД может длиться вплоть до года [14]. В европейских странах ПРД встречается с частотой 10-15% [6], в мусульманских странах - 17-27% [7]. Наряду с антидепрессантами эффективным средством лечения послеродовой депрессии является психотерапия [3].

Зарубежные исследователи в основном сосредотачивают внимание на выявлении различных факторов, повышающих риск возникновения послеродовой депрессии. К примеру, вероятность возникновения послеродовой депрессии выше у женщин, которые демонстрировали признаки депрессии во время беременности [8]. Есть данные о том, что в

развитии депрессии серьезную роль играет тяжелый опыт родов [2]. Отсутствие социальной поддержки [13] и сложное финансовое положение [8] также являются факторами риска развития послеродовой депрессии.

Развитию послеродовой депрессии способствуют такие личностные черты как перфекционизм, склонность подавлять свои чувства и отсутствие умения просить других о помощи [16]. Нестабильная самооценка также является предиктором развития депрессии после рождения ребенка [5]. Исследования говорят о том, что в развитии депрессии значительную роль играют когнитивные особенности женщины, такие как склонность фиксировать внимание на негативных событиях и руминации [4]. Трудности эмоциональной регуляции также могут лежать в основе депрессии [15]. Серьезное значение в освоении материнской роли и построении детско-родительских отношений играет тип привязанности женщины к собственной матери. Так, риску развития послеродовой депрессии подвержены женщины с ненадежным и тревожно-избегающим типом привязанности [17]. Они чаще испытывают сложности во взаимодействии с ребенком и с супругом, ощущают меньше поддержки со стороны социального окружения.

ПРД оказывает влияние не только на благополучие женщины, но и на всю семейную систему. Женщинам, находящимся в состоянии депрессии, сложнее распознавать состояния ребенка и адекватно реагировать на них [15], что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на формирование привязанности ребенка к матери, на его эмоциональное и интеллектуальное развитие [9], [10]. Так, дети матерей, которые перенесли эпизод послеродовой депрессии, в возрасте 1,5 лет чаще демонстрируют тревожно-избегающий тип привязанности, чем дети контрольной группы [11]. По данным исследований существует связь между беспокойным темпераментом ребенка - постоянным плачем, плохим сном и выраженными депрессивными симптомами у матери [12], однако направление этой связи определить сложно - возможно, происходит взаимовлияние реакции матери, которая только усиливает негативные проявления у ребенка.

Таким образом, послеродовая депрессия является опасной не только для матери, но и имеет долгосрочные последствия для психологического благополучия всей семьи. В связи с этим нам представляется важным дальнейшее исследование факторов риска возникновения послеродовой депрессии с целью ее профилактики.

В наших предыдущих исследованиях было выявлено, что важное значение в процессе освоения роли матери имеют три группы условий: уровень ригидности, оправданность ожиданий относительно материнства и отношение к компонентам этой роли (выполнению родительских функций, к себе в роли матери и эмоциональное отношение к ребенку) [1]. Матери с высоким уровнем ригидности оценивают сложность адаптации к рождению ребенка как наиболее высокую. Сложнее привыкать к изменениям, связанным с рождением ребенка, женщинам, чьи ожидания относительно материнства не оправдались, субъективно ими переживается отказ от многих сфер жизни. Интерес для нас представляет изучение роли выделенных факторов в психологической дезадаптации к материнской роли - развитию симптомов послеродовой депрессии.

Целью данной работы является исследование связи выраженности послеродовой депрессии с психологическими условиями материнства (поддержка близких, ожидания матери и т.д.), выявление группы риска развития послеродовой депрессии.

Методики. Эдинбургский опросник послеродовой депрессии (Edinburgh Postnatal Depression Scale (EPDS)), шкала депрессии Бека (Beck Depression Inventory), авторская анкета об условиях материнства.

Выборка. В исследовании приняли участие 151 матери младенцев в возрасте от 1 недели до года (средний возраст 5,4 месяца). Средний возраст участниц исследования 31,5 лет, среди них 62,9% - матери первого ребенка, 27,8% - матери второго ребенка, 9,3% - многодетные матери. 98,6% участниц замужем.

Результаты. В нашем исследовании получены данные о связи уровня выраженности послеродовой депрессии с двумя условиями материнства: количеством часов сна матери в

сутки (r -Spearman = ,296, $p < 0.01$) и субъективного ощущения поддержки со стороны мужа ($U = 6, 023$, $p = ,049$). Значимости поддержки других родственников выявлено не было.

Значимым риском развития послеродовой депрессии являются нереалистичные ожидания относительно материнства (r -Spearman = ,296, $p < 0.01$). Женщины, чьи ожидания от материнства не совпали с реальностью, имеют более выраженные показатели депрессии. Соответственно опыт материнства помогает формировать более адекватные реальности ожидания (r -Spearman = -,313, $p < 0.01$).

Была обнаружена связь выраженности ПРД с опытом родов: роды с осложнениями сопровождаются более высокими показателями депрессии (r -Spearman = ,216, $p < 0.01$). При этом опыт родов связан с количеством часов сна матери в сутки (r -Spearman = -,204, $p < 0.05$). Связи выраженности ПРД со здоровьем ребенка не было обнаружено.

В нашей работе выделены только несколько психологических и физиологических условий, способствующих развитию послеродовой депрессии. Нам представляется продуктивным дальнейшее исследование факторов риска развития депрессии, связанных с отношением женщины к ребенку и к себе в роли матери, с качеством супружеских отношений, ожиданиями относительно материнства и роли супруга и т.д. Выделение группы риска имеет значение для профилактики развития депрессии после рождения ребенка. Одним из наиболее эффективных способов совладания с депрессией является получение родителями профессиональной поддержки и информирование о симптомах заболевания на этапе беременности [4]. Проблема диагностики, профилактики и послеродового патронажного сопровождения несомненно является социально значимой.

Список использованных источников:

1. Якупова В.А. Психологические условия успешного освоения материнской роли // Консультативная психология и психотерапия. - 2017. - Том 25. № 1. - С. 59–71. - doi:10.17759/cpp.2017250105
2. Bell A.F., Andersson E. The birth experience and women's postnatal depression a systematic review // Midwifery. - 2016. - Vol. 39. - P.112–123.
3. Boath E., Henshaw C. The treatment of postnatal depression: A comprehensive literature review // Journal of Reproductive and Infant Psychology. - 2001. - Vol.19, №3. - P. 215-248. - DOI: 10.1080/02646830120073224
4. DeJong H., Fox E., Stein A. Rumination and postnatal depression: A systematic review and a cognitive model // Behaviour Research and Therapy. - 2016. - Vol. 82. - P. 38-49.
5. Franck E., Vanderhasselt M.-A., Goubert L., Loeys T., Temmerman M., De Raedt R. The role of self-esteem instability in the development of postnatal depression: A prospective study testing a diathesis-stress account // Journal of Behavioral Therapy & Experimental Psychiatry. - 2016. - Vol. 50. - P.15-22.
6. Fuggle P., Glover L., Khan F., Haydon K. Screening for postnatal depression in Bengali women: Preliminary observations from using a translated version of the Edinburgh Postnatal Depression Scale (EPDS) // Journal of Reproductive and Infant Psychology. - 2002. - Vol.20, №2. - P. 71-82.
7. Green K., Broome H., Mirabella J. Postnatal depression among mothers in the United Arab Emirates: Socio-cultural and physical factors // Psychology, Health & Medicine. - 2006. - Vol.11, №4. - P. 425-431. - DOI: 10.1080/13548500600678164
8. McMahon C., Boivin J., Gibson F.L., Hammarberg K., Wynter L., Fisher J. Older maternal age and major depressive episodes in the first two years after birth: Findings from the Parental Age and Transition to Parenthood Australia (PATPA) study // Journal of Affective Disorders. - 2015. - Vol.175. - P. 454–462.
9. Murray L., Cooper P. Postpartum depression and child development // Psychological Medicine. - 1997. - Vol. 27. - P. 253–260.

10. Murray L., Sinclair D., Cooper P., Ducournau P., Turner P., Stein A. The socioemotional development of 5-year-old children of postnatally depressed mothers // *Journal of Child Psychology and Psychiatry and Allied Disciplines*. -1999. - Vol. 40, №8. - P.1259–1271.
11. Murray L. The impact of postnatal depression on infant development // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. - 1992. - Vol. 33. - P. 543-561.
12. Nolvi S., Karlssona L., Bridgett D.J., Pajulo M., Tolvanen M., Karlsson H., Maternal postnatal psychiatric symptoms and infant temperament affect early mother-infant bonding// *Infant Behavior & Development*. - 2016. - Vol. 43. - P. 13–23.
13. O’Hara M.W., Wisner K.L. Perinatal mental illness: definition, description and etiology // *Best Practice & Research: Clinical Obstetrics & Gynaecology*. - 2014. - Vol.28. - P. 3–12.
14. Ramadas S., Kumar R. Postnatal depression: a narrative review // *International Journal of Culture and Mental Health*. - 2016. - Vol. 9, №2. - P. 97-107. - DOI: 10.1080/17542863.2015.1065893
15. Rutherford H.J.V., Wallace N.S., Laurent H.K., Mayes L.C. Emotion regulation in parenthood // *Developmental Review*. - 2015. - Vol. 36. - P.1–14.
16. Thompson K.D., Bendell D. Depressive cognitions, maternal attitudes and postnatal depression // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. - 2014. - Vol.32, №1. - P. 70-82. - DOI: 10.1080/02646838.2013.858312
17. Wilkinson R.B., Mulcahy R. Attachment and interpersonal relationships in postnatal depression // *Journal of Reproductive and Infant Psychology*. - 2010. - Vol. 28, №3. - P. 252-265. - DOI: 10.1080/02646831003587353

Завгородняя Ирина Владимировна
кандидат психологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»,
доцент кафедры общей и социальной психологии
394000 г. Воронеж, Пр. Революции, 24
E-mail: zavgorodnyai@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИТУАЦИИ ЗАЧАТИЯ КАК ОСНОВЫ ПСИХИЧЕСКОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Аннотация. В статье рассматривается значимость психологической составляющей ситуации зачатия для последующего развития человека. Раскрывается психологическая специфика преждевременного зачатия, присутствующего в ситуации переживания родителями перинатальной утраты. Предложена классификация психологических видов зачатия: подготовленное, принимаемое, вынужденное, травматическое.

Ключевые слова: зачаточная установка, миф о зачатии, преждевременное зачатие, подготовленное зачатие, принимаемое зачатие, вынужденное зачатие, травматическое зачатие.

Zavgorodnyaya I.V
candidate of psychological sciences, associate professor,
Voronezh State University,
Associate Professor of general and social psychology department
394000 Voronezh, Prospekt Revolutsiy, 24
E-mail: zavgorodnyai@mail.ru

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE SITUATION OF CONCEPTION AS THE BASIS OF MENTAL AND PERSONAL DEVELOPMENT OF CHILDREN

Abstract. The article considers the importance of the psychological component of the situation of conception for the subsequent development of a person. The psychological specificity of premature conception which is present in the situation of experiencing the perinatal loss by parents is revealed. The classification of psychological types of conception: prepared, accepted, forced, traumatic is proposed.

Key words: conception setting, the myth of the conception, premature conception, prepared conception, accepted conception, forced conception, traumatic conception.

Развитие перинатальной психологии как самостоятельной области знания в последнее время связано с расширением спектра направлений научных исследований, что во многом связано с возрастающими запросами практики. Исследовательское внимание преимущественно сосредоточено на периоде вынашивания ребенка и связанных с ним трудностях, в том числе невынашивании беременности, проблемах перинатальных утрат, становлении родительской сферы личности, установлении ранних детско-родительских отношений. Однако увеличение количества случаев психогенного (идиопатического) бесплодия, возрастающей потребности в применении вспомогательных репродуктивных технологий, свидетельствует о необходимости изучения психологических аспектов более раннего этапа перинатального развития – ситуации зачатия.

Психология зачатия как раздел перинатальной психологии на сегодняшний день представлена преимущественно исследованиями репродуктивной мотивации, позволившими вылить две основные группы мотивов зачатия – конструктивные и неконструктивные, а также изучением психологической специфики зачатия на разных стадиях жизненного цикла семьи. Отдельный исследовательский интерес представляет выявление особенностей незапланированных зачатий и психологических характеристик нежеланных детей. Вместе с тем феномен зачатия с психологической точки зрения требует более внимательного изучения, поскольку обладает значительной ролью в дальнейшем психическом и личностном развитии человека.

Зачатие (от русского зачать, т.е. начать) – начало репродуктивного процесса в организме женщины, направленного на развитие ребенка.

Зачатие представляет собой сложное биопсихосоциальное явление, в котором каждая составляющая имеет свое значение и было бы неверным говорить о преобладающей роли того или иного компонента.

Биологическая составляющая зачатия представлена физическим и психическим здоровьем мужчины и женщины как будущих родителей. Речь идет о наличии или отсутствии у них хронических соматических заболеваний, а также болезней, имеющих наследственный характер. Значение имеет возраст будущих родителей, поскольку он обозначает биологический ресурс организма и его репродуктивной системы. Наличие вредных привычек в виде табакокурения, употребления алкоголя, а также недостаточный или избыточный вес как результат неправильного питания также оказывают влияние на зачатие.

Зачатие как начало человеческой жизни отражает имеющиеся психосоциальные ресурсы будущих родителей и семьи в целом. Одним из первых обратил внимание на влияние ситуации зачатия на последующую жизнь человека создатель теории трансактного анализа Э. Берн [1], предложив в 1997 г. термин «зачаточная установка».

Зачаточная установка – это психоэмоциональные обстоятельства зачатия человека. Они, согласно Э. Берну, оказывают значительное влияние на формирование сценария или жизненного плана и личности ребенка. Следует отметить, что зачаточная установка представляет собой многокомпонентное образование, включающее различные проявления психологического состояния будущих родителей: мотивацию зачатия, отношения в паре, наличие или отсутствие предшествующих аборт, ожидания относительно пола ребенка и собственного родительства и т.п.

Несомненной заслугой Э. Берна является то, что он в понятии «зачаточная установка» аккумулировал различные факторы начала жизни любого человека и тем самым привлек внимание к важности их влияния на последующее развитие личности. Однако следует отметить, что роль ситуации зачатия подчеркивалась и до этого в работах психологов и психотерапевтов, которые начали выделять психологические разновидности зачатия.

Начиная с 1964 г. в научный обиход входит понятие «замещающий ребенок», т.е. ребенок, зачатый с сознательным намерением одного или двух родителей «заменить» умершего ребенка [4]. В этом случае мать и/или отец психологически еще не готовы для принятия другого ребенка, а новое зачатие является защитной реакцией психики родителей, позволяющей справиться с тяжестью утраты. Зачатие замещающего ребенка происходит в процессе горевания родителей по умершему ребенку. Специфика такой ситуации стала основанием для выделения одной из первых психологических разновидностей зачатия. Для его обозначения был введен термин «преждевременное зачатие».

Анализ исследовательских работ [4, 5] позволяет выделить следующие признаки преждевременного зачатия, которое в настоящее время достаточно часто прослеживается в ситуации переживания родителями перинатальных утрат [2]:

1) зачатие и последующая беременность проходят на фоне чувства опасности, женщина боится повторения утраты и боится вкладывать душевные силы в нового ребенка, чтобы не привязаться к нему и не переживать утрату вновь;

- 2) зачатие и беременность сопровождается выраженной тревогой, гиперконтролем и повышенным вниманием женщины к своим телесным ощущениям;
- 3) беременность протекает на фоне депрессии, что создает привычный негативный психоэмоциональный фон для внутриутробного развития ребенка;
- 4) со стороны отца может быть выраженное нежелание нового зачатия с последующим недостатком внимания к беременности жены из-за неспособности принять нового ребенка;
- 5) будущей матери и/или отцу трудно отделить образ нового ребенка от прежнего;
- 6) прослеживается сверхценность зачатия, беременности, возникающие сложности с ними переживаются как угроза своей целостности, идентичности;
- 7) присутствует выраженный страх перед будущим, в котором утрата ребенка может повториться;
- 8) наблюдается склонность к социальной изоляции, желание избегать разговоров о беременности и невынашивании, возможно переживание зависти, злости при виде беременных или пар с маленькими детьми.

Поскольку психологически не происходит разделение умершего и нового ребенка, которые отождествляются родителями, преждевременное зачатие обладает психопатологическим смыслом для психики ребенка. Новый ребенок замещает другого, лишаясь права быть самим собой и проживать свою жизнь.

Вильям Р. Эмерсон [6] в 2005 г. предложил еще одну психологическую разновидность зачатия, обозначив ее термином «травматическое зачатие». Травматическое зачатие – наступление беременности при неготовности женщины стать матерью в ответ на просьбы нелюбимого мужчины или своей матери, мечтающей о внуках. В этом случае женщина может испытывать негативные чувства и транслировать их внутриутробному ребенку или быть закрытой от свободного проявления положительных чувств по отношению к нему.

Н.Д. Линде [3], рассматривая обстоятельства начала жизни человека, обращается к понятию «миф о рождении». Миф о рождении – содержание и эмоциональное сопровождение рассказов взрослых детям об обстоятельствах их появления на свет. Миф о рождении демонстрирует эмоциональное отношение родителей к появлению в семье этого ребенка. В ряде случаев это негативное отношение, в результате которого ребенок начинает чувствовать печаль и вину за свое рождение. Такая вина может быть трех видов: за факт рождения, за несвоевременное рождение, за неправильное рождение.

Особенностью таких мифов о рождении является то, что ответственность за рождение возлагается на ребенка, и он ее принимает. Однако ребенок не может нести ответственность за зачатие. За это отвечают его родители, которые и проявили сексуальную активность. Мифы о рождении также оказывают влияние на формирование жизненного сценария ребенка. Негативный миф о рождении предусматривает печаль, одиночество, несчастный конец, отказ от радости жизни. Взрослый человек может осознать свой миф о рождении и принять самостоятельно решение следовать ему в дальнейшем или нет.

Миф о рождении оказывает значительное влияние на личностный конструкт «Я и мир», поскольку вмещает в себя не только сам факт рождения и отношение к нему родителей, но опыт внутриутробного развития и те психоэмоциональные перестройки, которые происходили с родителями по отношению к ребенку.

На наш взгляд, для обозначения составляющей мифа о рождении, которая отражает первоначальный аспект развития ребенка и также влияет на его жизненный сценарий и личностное развитие, может выступать понятие «миф о зачатии». Миф о зачатии – содержание и эмоциональное сопровождение рассказов взрослых детям об обстоятельствах, предшествующих и сопровождающих зачатие и повлиявших на него. Миф о зачатии влияет преимущественно на становление детско-родительских отношений, обеспечивая ребенку переживание принятия/непринятия родителями и ощущение собственной правильности/неправильности, которые дополняются последующими событиями его жизни.

Основными факторами формирования мифа о зачатии со стороны родителей являются желанность / нежеланность ребенка и ожидание / случайность его появления. Соотношение

этих двух факторов позволяет выделить 4 психологических вида зачатия: подготовленное, принимаемое, вынужденное и травматичное.

Подготовленный и принимаемый виды зачатия обуславливают возникновение у ребенка чувства принятия родителями и дает ощущение собственной правильности, как правило, позволяя выстраивать гармоничные детско-родительские взаимоотношения. В то время как вынужденный и травматичный виды зачатия способствуют появлению у ребенка чувства непринятия родителями и создают ощущение собственной неправильности, что осложняет выстраивание детско-родительских отношений и приводит к их конфликтному характеру.

Подготовленное зачатие – желаемое и ожидаемое со стороны родителей или одного из них. Оно сопровождается положительными эмоциями по отношению к факту зачатия ребенка. Родители сообщают, что «очень хотели ребенка», «ждали, когда ты появишься», «было самое подходящее время для твоего рождения, все было хорошо», «хотела ребенка и когда встретила твоего папу, то знала, что родится замечательный малыш», «всегда знала, что когда-нибудь ты у меня будешь», «пришлось подлечиться, волновались и ждали тебя», «долго ничего не получалось, уже почти потеряли надежду, но вдруг ты появился и я даже не поверил, что это правда». В этом случае у ребенка, как правило, возникает ощущение своей нужности, правильности, желанности для родителей. Некоторым детям, а впоследствии и взрослым, нравится по несколько раз спрашивать и слушать рассказ родителей, о том, что было до их появления и как родители их ждали.

Принимаемое зачатие – желанное для родителей или одного из них, но происходит случайно, не запланировано. В этом случае родители говорят, что «я знала, что если случится ребенок, то пусть он будет», «всегда хотела ребенка, но ты появился совсем неожиданно», «после рождения первого ребенка, мы решили немного подождать, но ты решил не откладывать, получилась приятная неожиданность», «было так хорошо с твоим папой, что и твое появление тоже в радость», «не думала, что ты так быстро появишься, хотела немножко подождать, но всегда хотела двоих детей», «у меня уже был старший сын, а когда я вдруг узнала, что беременна, обрадовалась, уж очень хотелось еще и дочку». В сообщениях родителей присутствует указание на желанность ребенка, появление положительных эмоций по поводу произошедшего зачатия. Однако может проследиваться ощущение внезапности и/или преждевременности, что придает дополнительную индивидуальную окраску факту зачатия. Ребенок при этом чувствует свою причастность к семье, принятие родителями. Случайность зачатия, как правило, не создает чувства вины у ребенка, поскольку окрашена положительными родительскими эмоциями. Возникает ощущение интриги, возможности неожиданного возникновения приятных событий.

Вынужденное зачатие – ожидаемое родителями или одним из них, но недостаточно желанное для них. Родители сообщают, что «раз поженились, то должны быть дети», «у всех знакомых дети, и мы не хуже других», «сначала родилась твоя сестра, и я уже не хотела больше детей, но муж хотел только мальчика, вот и пришлось рожать», «твой папа настаивал, чтобы ты родился, а сам не помогает», «бабушки так хотели внуков, обещали работу бросить, а как ты появился, никто с тобой сидеть не захотел», «врачи сказали, что надо рожать ребенка, а то потом проблемы будут, вот мы и решились», «возраст уже был немаленький, надо было рожать», «твой папа тогда нашел другую женщину, а чтоб он не ушел, я и решила, что нужен ребенок», «во втором браке обязательно должен быть общий ребенок, чтоб семью держал». В сообщениях родителей присутствует ощущение вынужденности зачатия независимо от их собственного желания, что сопровождается, как правило, негативными эмоциями. В таком случае у ребенка возникает переживание необходимости преодоления некоторых препятствий родителями, их отказа от других значимых сфер жизни, причинения неудобств родителям своим появлением. У ребенка может присутствовать печаль, вина, разочарование в связи с вынужденностью ситуации зачатия, ощущение собственной неправильности, непринятия себя родителями или одним из них. Подрастая, ребенок старается не нагружать своими трудностями родителей,

предпочитает не просить о чем-то, быть незаметным, удобным родителям, стремится соответствовать ожиданиям родителей, но сохраняет эмоциональную дистанцию.

Травматичное зачатие – нежеланное и случайное для родителей или одного из них. Такое зачатие сопровождается преобладанием негативных эмоций у родителей. У родителей присутствуют в этом случае следующие высказывания: «когда узнала, что я беременна, думала все, конец», «даже не знаю, как это получилось», «ну раз получился ребенок, надо рожать», «хоть один ребенок то нужен, решили тебя оставить», «я не планировал детей, но твоя мама решила тебя оставить», «мы хотели разводиться, но вдруг узнали про беременность», «я от твоего отца не хотела уже детей, а тут ты», «у нас уже было двое детей, еще и ты появился», «аборт мог ухудшить мое здоровье, решила оставить ребенка», «врачи запретил аборт делать, сказали уже поздно». К этому типу зачатия может относиться зачатие в результате изнасилования. В таких ситуациях, ребенок, как правило, нежеланный и если родителям не удастся за период беременности или младенчества поменять свое негативное отношение к нему на позитивное, то это приводит к печальным последствиям в его дальнейшей жизни. Такое зачатие может сопровождаться попытками аборта. В своих сообщениях родители подчеркивают ухудшение своей жизни в связи с зачатием ребенка, возникновением дополнительных проблем. У ребенка возникает чувство ненужности родителям, вины за свое появление, отсутствия принятия своих личностных качеств родителями, на основе чего появляется непринятие самого себя и ощущение отсутствия своего места в жизни.

Выстраивая свою картину внутриутробного развития, ребенок воспринимает отцовскую и материнскую трактовки происходящего. Миф о зачатии по содержанию и эмоциональной окраске может совпадать или быть различным у матери и отца ребенка. В последнем случае более позитивный миф о зачатии становится ресурсным для ребенка и, как правило, именно с этим родителем у него более близкие эмоциональные отношения. В то же время по мере взросления ребенок сам принимает решение о том, какой информацией ему воспользоваться в большей мере. В случае отсутствия одного из родителей необходимые представления об обстоятельствах зачатия могут быть получены от родственников и близких людей.

Задача психологически взрослого человека интегрировать факты своего зачатия, материнское и отцовское отношение к этому событию, а также свое понимание происходящего в прошедшем в единый целостный образ. Взрослый человек имеет полное право на собственное позитивное отношение к своему зачатию, отличное от отношения родителей. Этим он сам себе дает право на жизнь, если не получил такового от родителей. Принятие факта своего зачатия как значимого жизненного события служит основой гармонизации психологического состояния человека и позволяет воспринимать свою жизнь как ценность независимо от мнения других людей по этому поводу.

Ситуация зачатия оказывает значительное влияние на личность и дальнейшую жизнь человека. Выявление того, что происходило в период зачатия в отношениях между будущими родителями, насколько это событие для них было желательным, отношение к будущему ребенку – важные аспекты понимания начала жизни конкретного человека. Они оказывают влияние на его отношение к себе и к жизни в целом. Представление о собственном зачатии и испытываемые по поводу него эмоции носят субъективный характер, зачастую недостаточно осознаваемый и фрагментарный. Владение наиболее полной и объективной информацией о ситуации собственного зачатия позволяет человеку принимать осмысленные решения о построении своей жизни.

Список использованных источников:

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – СПб.-М.: Университетская книга, АСТ, 1997. – 396 с.
2. Завгородняя И.В. Невынашивание беременности как переживание перинатальной утраты // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика:

электрон. науч. журн. – 2017. – Т. 5, № 2(16) [Электронный ресурс]. – Режим доступа. - URL: <http://medpsy.ru/climp>.

3. Линде Н.Д. Психологическое консультирование : Теория и практика. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 255 с.

4. Поро М. Замещающий ребенок. – М.: Когито-Центр, 2016. – 211 с.

5. Сидельникова В.М. Привычная потеря беременности. – М.: Триада-Х, 2002. – 304 с.

6. Эмерсон Р.В. Пренатальная уязвимость плода // Хрестоматия по перинатальной психологии : Психология беременности, родов и послеродового периода / сост. А. Н. Васина. – М.: Изд-во УРАО, 2005. – С. 170–175.

Теория и практика семейной психотерапии и консультирования

Кригер Евгения Эвальдовна
доктор психологических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет
заведующая кафедрой психологии и педагогики образования
125267, г. Москва, Миусская пл., д.6.
E-mail: ekrig@ya.ru

ТРАНСГЕНЕРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ И СИСТЕМНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Аннотация. В статье речь идет о системно-феноменологической практике, как одной из разновидностей семейной психотерапии. В статье показаны отличия семейной терапии и системно-феноменологической терапии. Здесь рассматриваются типы и содержание связей, в которые включен клиент, а также являющиеся маркером для осуществления психотерапевтической практики. Раскрываются типы связей такие как связи внутри нуклеарной семьи, расширенной семьи, а также универсальные общечеловеческие связи.

Ключевые слова: психотерапия; системно-феноменологический подход, системные связи, трансгенерационные связи, движение жизни

Krieger Evgenia Evaldovna
Doctor of Psychology, Associate Professor
Russian State University for the Humanities
Head of the Department of Psychology and Education Pedagogy
125267, Moscow, Miusskaya pl., 6.
E-mail: ekrig@ya.ru

TRANSGENERATION COMMUNICATIONS AND SYSTEM-PHENOMENOLOGICAL PSYCHOTHERAPY PRACTICE

Annotation. In the article it is a question of system-phenomenological practice, as one of the varieties of family psychotherapy. The article shows the differences between family therapy and systemic-phenomenological therapy. Here we discuss the types and content of connection. They include a client, as well as being a marker for the implementation of psychotherapeutic practice. The types of connections such as links within the nuclear family, the extended family, as well as universal human links are revealed.

Key words: psychotherapy; system-phenomenological approach, systemic connections, transgenerational connections; life movement

Одной из разновидностей помогающих практик является психотерапия. Обращение к психотерапии становится необходимым в том случае, если человек самостоятельно не может справиться в вопросах решения социальных проблем, требующих изменения самого себя, поиска своего способа жизнеосуществления. Когда перед человеком возникает проблема, последствия которой он не в состоянии изменить, ослабить или трансформировать, но при этом они препятствуют нормальному протеканию его жизни. В данной статье речь пойдет о психотерапии, в которой семья и межпоколенческие связи выступают основным фактором построения психотерапевтической работы.

Мы не случайно выбираем предметом рассмотрения трансгенерационные и семейные связи поскольку человек, являясь существом социальным оказывается включенным в систему межличностных отношений, и его основной социальной системой всегда выступает семья. Через семью он начинает выстраивать связи и отношения с другими системами. Именно системные связи включают человека в определенные отношения, образуют их заданную не случайно упорядоченность, а также создают основания для его целостности. В них присутствует обусловленная закономерность строения и специфика развития. Мы хотели бы остановиться на анализе типов и содержания этих связей и возможностей их использования в терапевтической и консультативной практике.

В этой работе мы будем вести речь о психологической, а не клинической психотерапии, поскольку предметом деятельности психотерапевта избираем кризисные, фрустрирующие или стрессовые ситуации, а не душевные заболевания личности. Для нас имеют значение именно социальные средства, через которые осуществляется психотерапевтическое воздействие, а не медикаментозные. Основными проблемами, с которыми обращается клиент – это проблемы качества его жизни, а, следовательно, удовлетворенности его потребностей, оптимальности психологического здоровья, самоосуществления, профессиональной реализации. основополагающей причиной, вызывающей проблемы качества жизни выступает попадание человека в предельность, при которых его активность/действие приближается к внутреннему препятствию, где оно прекращается. Тем самым происходит утрата смысла или потеря активности. Как следствие, нарушается психологическое здоровье, человек не может сделать выбор, размывается его идентичность, ему не хватает ментальных ресурсов, он демонстрирует состояние выученной беспомощности и пр.

Вслед за В.Е.Клочко и Э.В.Галажинским [1] мы будем рассматривать психическое, через связь сознания с окружающей действительностью, через те отношения, которые человек строит с социальной действительностью. Отношение – это такое явление, свойственное личности, определяющее её отражение и делающее его избирательным и направленным. Отношение проявляется в связи с другими людьми, через конструирование собственного мира. Поэтому, авторы предлагают изучать не просто психические явления, а человека как целостную, открытую, саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систему. Психическое здесь не просто то, что отражает, а то, что порождает мир, позволяет этой системе оставаться открытой и удерживать целостность за счет процесса саморазвития, пока это саморазвитие является возможным. Это та реальность, которую конструирует для себя человек, находящийся в связи с миром его окружающим. Образование связей происходит через отношения между людьми. Семья является первичной системой, которой эта связь имеет место.

На наш взгляд, особый интерес среди системной семейной психотерапии имеет системно-феноменологический подход, который появился не так давно, но получил широкое распространение, как в многообразных областях своего применения (образовании, оргпсихологии, искусстве и др.), так и в самой психотерапевтической практике. Предметом его рассмотрения выступают семейные или трансгенерационные связи. Обращение к системе и связям внутри системы позволяет нам видеть не одного клиента, как такового, а его включенность в разнообразную гамму отношений внутри семьи и того опыта, с которым она столкнулась. Системно-феноменологический подход обращает внимание не столько на то, как устроены когнитивные аспекты сознания и как его можно трансформировать через бессознательное, смыслы, чувства, тело, а на то, что приводит в движение саму жизнь человека, по каким причинам это движение прерывается.

Системно-феноменологический подход в терапии относится к семейной психотерапии, поскольку сама терапевтическая работа строится вокруг семейной системы, как нуклеарной, так и расширенной семьи, и всего рода в целом. При этом налаживание семейных отношений не является самоцелью этого подхода. Терапия, здесь, прежде всего, строится с одним клиентом, но через его семейную систему. Это не отрицает того, что терапию может получать и вся семья в целом. Однако, рассматривать сейчас семейную психотерапию в

рамках данной статьи у нас нет задачи. Мы хотели бы остановиться на анализе системных связей и того как через них возникает движение жизни, а также инициирование активности человека.

Здесь же покажем основные отличия семейной психотерапии и терапии через семью, которая осуществляется в контексте системно-феноменологического подхода. Семейная психотерапия решает проблемы семьи, а сами семейные отношения – их трансформация, налаживание, завершение выступают предметом деятельности психолога. В системно-феноменологическом подходе решается более широкий круг задач, имеющих прежде всего отношение к качеству жизни самого клиента, его психологическому здоровью, а также и к семейным отношениям в том числе.

Источником рассмотрения проблемы клиента семейная психотерапия видит те отношения, которые по каким-либо причинам сложились у супругов. В системно-феноменологическом подходе профессиональный интерес сосредоточен на исследовании прошлых семейных связей и отношений, того опыта, который не был до конца пережит в системе, остался закапсулирован там и удерживает внимание младших. Таким образом, в поле рассмотрения оказывается семейный в том числе и транслерационный опыт. Тот опыт, который старшие не смогли пережить в полной мере, в силу разных обстоятельств и времени, при этом он был вытеснен и не завершен.

Практика семейной психотерапии, как правило предназначена для решения конфликтов обоими супругами. Что требует их совместного участия в процессе работы, в то время как в системно-феноменологическом подходе нет необходимости присутствия обоих супругов для решения конфликтов. Проблем может быть заявлена одним человеком, который исследует динамику собственной системы, в ходе ее реконструкции через группу или предметы.

В семейной психотерапии ценность крепкой семьи для психолога имеет особое значение. Все свои интервенции он выстраивает вокруг сохранения и укрепления семейных связей. В системно-феноменологическом подходе работа строится вокруг приведения в движение того, что остановилось и замерло. Что позволяет клиенту быть более живым, реализующим себя, передающим это движение дальше в последующие поколения. Т.е. приоритетом выступает не столько ценность семьи, сколько ценность самой жизни, в том числе жизни внутри семьи. Здесь обращают внимание на то, что открывает это движение жизни внутри партнерских отношений и на то, как опыт предшествующих поколений блокирует это движение в настоящем. С кем в системе отношения должны быть расплетены/развязаны, и соответственно, с кем они могут быть соединены и связаны, так чтобы движения жизни стало бы больше.

Семья в семейной психотерапии выступает той социальной единицей, в которой проблема порождается. Эта система имеет четкую маркировку социальных ролей, и психотерапевтическая работа строится в контексте осуществления этих ролей. Т.е. рассматривается то, что делает каждый из супругов, для того, чтобы отношения можно было бы наладить. В системно-феноменологическом подходе семья выступает в большей степени в качестве маркера, обозначающего направление движения жизни – откуда оно возникает, куда движется дальше, где останавливается. Важным становится не выполнение социально-функциональных обязанностей супругов, а исследование процессов прерывания или продолжения движения живого в системе. В развитии терапевтических идей системно-феноменологического подхода сама семья может быть снята, если будут найдены другие маркеры, обозначающие направление движения. Семья – это некий модус в сознании личности, через который осуществляется поиск утраченного движения.

Таким образом, системно-феноменологический подход рассматривает, прежде всего, проблемы конкретного клиента, но в контексте его семейной истории и пережитого опыта в семье. Он является разновидностью семейной терапии, поскольку позволяет решать проблемы качества жизни социальными средствами, моделируя ту ситуацию опыта семьи, который не был до конца пережит, через участвующую в терапии группу или предметы и создает условия для завершения переживания этого опыта. Тем самым этот опыт перестает

выступать в качестве той предельности, которая блокирует движение жизни и не дает ей возможности течь дальше. Это позволяет прийти в согласие с собственной внутренней реальностью и как следствие раскрывает новые ментальные ресурсы, гармонизирует личность, позволяет ей обрести свой жизненный путь.

Итак, предметом анализа психолога выступают связи внутри семейной системы. Что именно приводит в движение внутри этих связей? Первичная такая связь возникает у ребенка, прежде всего, с матерью. В этой связи источник многих внутренних конфликтов клиента. Они таятся внутри именно этих отношений. Обида, раздражение в отношениях с матерью скорее разделяет, а не соединяет людей вместе, а также является источником возникновения первого базового препятствия, не позволяющего движению жизни осуществиться. Вследствие чего, большая часть психотерапевтической работы строится вокруг снятия того напряжения, которое возникает у ребенка в отношениях с матерью. Для того чтобы он стал более свободным, не привязанным к тяжелым чувствам, а мог бы непринужденно принимать то, что дает ему она, по той цене, которая ею была вложена в свою жизнь. Подвижные, необремененные тягостными эмоциями отношения с ней позволяют человеку, двигаться в свою собственную жизнь и более полно её проживать. Через нее движение жизни идет в сторону персональной траектории пути и судьбы ее ребенка, не важно, в каком возрасте он сейчас находится. Фигура отца также имеет смысл, может чуть меньший, чем мать, но не менее важный. Мать является ключевой фигурой, поскольку она дает жизнь, а это самое большое, что может человек получить.

Кроме связи с родителями имеют значение трансгенерационные связи с другими членами рода, через которых жизнь передавалась дальше – кровные родственники, а также те люди, которые тем или иным образом оказали влияние на то, чтобы жизнь в системе сохранилась (поделились куском хлеба в блокадном Ленинграде, спасли от репрессий и т.п.), а также агрессоры и преследователи, по чьей вине жизнь могла оборваться. Интерес представляет то, как жизнь возникала, через кого она передавалась дальше, где появлялись препятствия для ее продолжения. Движение жизни становится условием реализации человека, и как следствие, развития системы в целом. Основное назначение системы – передать жизнь дальше, так чтобы она имела бы продолжение.

Кроме того, само человечество включено во всеобщие универсальные духовные связи/ценности. Именно они объединяют все живое единым движением жизни. Это движение возникает извне. Начинается оно, как движение, задуманное сознанием когда-то значительно ранее. При чем, это движение создается через отношения/связи, внутри которых содержатся непрожитые до конца чувства. Это как правило тягостные чувства, которые люди стремятся вытеснить или забыть, не трансформируя их. Они выводят из равновесия систему. И как следствие, приводят в движение, происходящее, для того чтобы то, что отвергалось и исключалось, нашло бы в этом движении свое место и стало бы принятым и включенным. Таким образом, равновесие было бы восстановлено. На уровне всеобщих и универсальных связей для всего, что в этом мире существует есть место. Эти связи не работают на мораль, для них не важны различия. Они необходимы для того, чтобы социальные системы и все живое приводилось бы в движение. И через согласие с происходящим находило бы себе свое место. Так появляется возможность быть включенным во всеобщую связь и находиться в общем потоке жизни. Необходимость поиска того, что было отвергнуто и исключено, для того чтобы оно снова обрело свое место и составляет основу этого движения.

Таким образом, связи, в которые включен человек, определяют движение его жизни, порядок человеческого существования в целом. Они могут действовать как внутри семейной системы, между мужем и женой, между родителями и детьми, а также в других социальных системах – в институтах образования, профессиональных организациях, больших культурных и этнических общностях. Жизнь возникает внутри связи, из отношений двух людей. И внутри связи она продолжается дальше.

Вовлеченность в духовную связь со всеобщим, ставит под сомнение существование личной свободы человека. Его свобода и личная ответственность оказываются зависимыми

от того движения, которое задается его окружением. В этой связи предназначение человека заключается в поиске путей разрешения внутреннего противоречия, возникающего между им самим и той системой, в которой он находится. Тех оснований, которые обеспечат, удержание его собственной целостности и целостности его системы, через работу с системно-семейными связями. Центральным противоречием вокруг, которого разворачивается практика является противоречие между свободой и несвободой человека. Где его собственный путь, а где обусловленность его траектории жизни прошлыми обстоятельствами того опыта, которые либо приводит все в движение, либо останавливает это движение.

Практика системно-феноменологического подхода призвана через системные связи обеспечить удержание собственной целостности человека. Сохранение связи с другими, в том числе и большими социальными системами, становится ключевым основанием для понимания обусловленности проблем с которыми обращается клиент. В системно-феноменологической психотерапии удержание целостности человека происходит за счет движения в согласии с всеобщим универсальным духом/общечеловеческими ценностями (Б.Хеллингер) [6], осознанный выбор стратегий действий (М.Варга фон Кибед) [2]; соединение с ресурсами, которые дают клиенту большие и малые системы (Д. ван Кампенхаут) [4]; разделение симбиотической связи и обретение новой идентичности (Ф.Рупперт)[5]; размыкание связей внутри отягощенной семейной историей опыта клиента через проживание резонансных чувств (Е.Веселаго)[3].

Таким образом, системно-феноменологический подход является одной из разновидностей семейной психотерапии, однако он решает проблемы не только отдельной семьи, а прежде всего проблемы жизнеосуществления через системные семейные отношения. Практика системно-феноменологического подхода рассматривает связи, в которые включен клиент, для обретения согласия с самим собой и с миром. Эти связи проходят через широкие социальные системы – государство, страну, этнос к расширенным семьям, а затем к отдельной нуклеарной семье. Внутри этих связей возникает движение, порожденное сознанием прошлых поколений. Оно направлено на поиск того, что является нескрытым, не обнаруженным, для того чтобы привести систему в равновесие и сбалансировать отношения внутри нее либо посредством согласия с теми фигурами семейной системы, которые отвергались, либо через трансформацию того опыта, который был не прожит. Это позволяет человеку выти из одностороннего восприятия реальности, а посмотреть на нее шире, включив в ее содержание, то что было исключенным, вытесненным, отверженным, тем самым расширяя мир человека, делая осознанным то, что ранее не принималось. Внутренний или внешний конфликт составляет ту реальность клиента, которая определяет его проблему. Он может быть разрешен через осознание и пересмотрение системных связей.

Список использованных источников:

1. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд/ Под редакцией Г.В. Залевского. - Томск: Издательство Томского университета, 1999. - 154 с.
2. Варга фон Кибед М. Отличия структурных расстановок от семейных и организационных [Электронный ресурс]// <http://www.constellator.ru/articles/otlichiya-strukturnykh-rasstanovok-ot-semeinykh-i-organizatsionnykh> (дата обращения: 12.02.2018).
3. Веселаго, Е.В. Современные системные расстановки: история, философия, технология / Е.В. Веселаго – Киев-Бостон:Толиман, 2013. – 102с.
4. Кампенхаут Д. Слезы предков. Жертвы и преследователи в коллективной душе. – М., – 2012.
5. Рупперт Ф. Симбиоз и автономность. Расстановка при травме. Симбиотическая травма и любовь по ту сторону семейных переплетений. – М., Институт консультирования и системных решений, 2014. – 272с.
6. Хеллингер, Б. Источнику не нужно спрашивать пути / Б. Хеллингер // Перев. с нем. И. Д. Беляковой. – М., 2005. – 308 с.

Донцов Дмитрий Александрович
кандидат психологических наук, доцент,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
доцент кафедры методологии психологии
143002 МО, г. Одинцово, Можайское шоссе, 45А
E-mail: dontsov-junior@bk.ru

ПОНЯТИЙНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПСИХОЛОГИИ И КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ СЕМЬИ

Аннотация. Проанализированы понятия: семья, брак, супружеские отношения, родительско-детские отношения, разнообразные психологические, социальные и экономические функции семьи, совместное проживание, совместное ведение общего хозяйства, общий семейный бюджет. Указана различная специфика психотерапии семьи и приведены особенности разной психосоциальной и психолого-педагогической работы с семьями: педагогическая, социальная, диагностическая, психологическая (психотерапевтическая) и медицинская модели психологического консультирования семьи.

Ключевые слова: семья, брак, психология, консультирование, супружество, родительство, функции семьи.

Dontsov Dmitry Alexandrovich
PhD in psychological sciences, assistant professor,
Lomonosov Moscow State University,
associate professor of the methodology of the department of psychology
143002 MO, Odintsovo, Mozhaisk highway, 45A
E-mail: dontsov-junior@bk.ru

CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PSYCHOLOGY AND COUNSELING FAMILY

Abstract. The concepts are analyzed: family, marriage, marital relations, parent-child relations, a variety of psychological, social and economic functions of the family, cohabitation, joint management of the common economy, the common family budget. The different specifics of family psychotherapy are indicated and the features of different psychosocial and psychological-pedagogical work with families are given: pedagogical, social, diagnostic, psychological (psychotherapeutic) and medical models of psychological counseling of the family.

Key words: family, marriage, psychology, counseling, marriage, parenthood, family functions.

В настоящей статье предметно рассмотрены основополагающие понятия и базовые методологические и методические параметры семьи. Психология семейных отношений проанализирована посредством изучения таких системных понятий как: семья, брак, супружеские отношения, родительско-детские отношения, разнообразные психосоциальноэкономические функции семьи, совместное проживание, совместное ведение общего хозяйства, общий семейный бюджет и т.д. Наряду со сказанным, в данной статье кратко но детально проанализированы понятийно-методологические основы психологического консультирования семьи, что осуществлено через подробное рассмотрение основ семейного психологического консультирования как вида психологического консультирования. В этом контексте достаточно подробно указана

различная специфика психотерапии семьи и приведены особенности разной психосоциальной работы с семьёй. При этом содержательно раскрыта процессуальная база психотерапии семьи и смысловые аспекты психологического консультирования семьи. Наконец, психосоциальная и психолого-педагогическая работа с семьями представлена в контексте анализа базовых параметров таких основных моделей разнообразной деятельности с семьями как: педагогическая, социальная, диагностическая, психологическая (психотерапевтическая) и медицинская модели психологического консультирования семьи.

Постулируем то, что психология семейных отношений априори строится через психологическое взаимодействие в семье. Дадим системные психосоциальные определения семьи и брака. Семья и брак — общественные формы регулирования отношений между людьми, состоящими в родственных связях, но, несмотря на близость этих понятий, они не являются тождественными. Тем не менее, термины «семья» и «брак» как в обыденной речи, так и в научных публикациях находятся, как правило, рядом. Это, действительно, правомерно, поскольку социальные реальности, обозначаемые этими терминами, тесно взаимосвязаны. Однако брак и семья, — не одно и то же, это, скорее, пересекающиеся, отчасти переплетающиеся понятия, ведь семья может существовать без брака, а брак может иметь место без, как таковой, семьи.

Семья, по воззрениям большинства исследователей, — это малая социальная группа высокого уровня развития, важнейшая форма организации личного быта людей, основанная на супружеском союзе и родственных связях, то есть на отношениях между мужем и женой (супругами), родителями и детьми, проживающими вместе и ведущими совместное хозяйство. Такое определение семьи подчёркивает две основополагающие характеристики семьи, имеющие ключевое значение для понимания психологических закономерностей функционирования семьи. Во-первых, понимание семьи как малой социальной группы высокого уровня развития, — ставит эффективность её функционирования в зависимость от решения проблем внутригрупповой коммуникации. Это проблемы общения между членами семьи, распределения власти и лидерства, разрешения конфликтов, межгруппового взаимодействия как построения отношений семьи с социальным окружением, — с прародительской семьёй, соседями, общими коллегами и друзьями и т.д. Решение этих проблем и составляет социально-психологический аспект изучения семьи как социальной системы. Во-вторых, особый характер семьи как малой социальной группы связан с высокой аффективной (эмоционально-чувственной) интенсивностью и «перенасыщенностью» отношений между членами семьи. В семейных отношениях на одном полюсе, — отношения любви, счастья, принятия и привязанности, а на другом полюсе могут быть отношения ненависти, отвержения, зависимости, негативизма.

Приведённое комплексное определение семьи содержит также указание на две подсистемы структуры семьи — супружескую и детско-родительскую. Два поколения определяют состав современной нуклеарной (двухпоколенной) семьи: супруги как «архитекторы семьи» и их дети — потенциально такие же, как и родители, равноправные участники и «строители семьи». Поскольку именно родители выстраивают отношения с детьми, начиная с рождения родителями детей, постольку правильно употреблять не устоявшийся термин «детско-родительские отношения», а, — понятие «родительско-детские» отношения. Дисбаланс родительско-детских отношений в семьях, в частности, когда дети и подростки берут на себя функции родителей, возможно, будет причиной даже употребления детьми и подростками ПАВ.

Семейные родственные связи имеют три базовых вида: кровное родство (единокровные и единоутробные братья и сестры, а также единокровные (по отцу) и единоутробные (по матери) братья и сестры)); порождение (родители — дети); брачные отношения (муж — жена, — супруги). Семья — это существенный фактор эмоционального благополучия личности, определяющий аффективный (эмоционально-чувственный) тон её мироощущения. Любовь и брак решающим образом определяют переживание личностью счастья и удовлетворённости жизнью. Люди, состоящие в браке, оказываются счастливее одиноких людей. Таким образом,

важнейшей, уникальной, «внекатегориальной» функцией семьи является фелицитивная (от лат. felido – счастье) функция, – функция удовлетворения потребностей человека в психологической безопасности, в любви, в принятии, в счастье.

Также исследователями (как теоретиками, так и практиками), например известным автором в области семейных отношений Л.Б. Шнейдер, выделяются следующие определяющие (базовые) функции семьи. 1. Комплексная экономическая и хозяйственно-бытовая функция (ф-я) семьи. 2. Репродуктивная (деторождение и воспроизводство населения) ф-я. 3. Ф-я воспитания детей. 4. Сексуально-эротическая ф-я. 5. Ф-я духовного общения. 6. Ф-я эмоциональной поддержки и разрядки. 7. Рекреативная (восстановительная) ф-я. 8. Ф-я социальной регуляции, социального контроля и социальной опеки. 9. Ф-я передачи (следующим поколениям членов семьи) социального статуса (социального положения). 10. Общественная (общесоциальная) ф-я семьи (семья – ячейка общества, социальный институт). 11. Рекреационная («игровая») ф-я семьи.

Известнейший отечественный исследователь И.С. Кон провёл анализ научных работ, посвящённых проблеме культурологических (социально-психологических) и исторических (экономических) особенностей семьи и специфике её развития как уникального социального института. И.С. Кон произвёл данный анализ с целью выделения критериев, позволяющих отличить собственно семью, включающую несколько поколений (форм), в том числе и объединённых родственными узами, от иной социальной группы, т.е. от «не семьи». Вывод, к которому пришел этот видный исследователь, оказывается весьма банальным и прозаичным (но от этого не менее реальным и жизненным). А именно: критерием дифференциации семьи от «не семьи» является совместное проживание и совместное ведение общего хозяйства. И.С. Кон доказал также, что культурно-исторически, под совместным ведением общего хозяйства так же подразумевается общий бюджет членов семьи. Таким образом, совместное проживание и общее хозяйство, «ведомое» всеми членами семьи, включая совместный бюджет, является тем признаком, который исторически принят обществом для спецификации семьи как социального института. Данный генеральный признак семьи (состоящий из двух или трёх, смотря как считать, основополагающих параметров), хотя и приобретает качественно своеобразные формы на каждом из этапов исторического развития общества, вместе с тем сохраняет известную стабильность структурно-функциональных характеристик семьи. Вновь подчёркиваем, что под «совместным ведением общего хозяйства» традиционно подразумевается и общий семейный бюджет, складывающийся из совокупного дохода всех членов семьи. Отсюда – понятие «доход на члена семьи», предполагающее равное распределение общего бюджета семьи на всех членов семьи.

Недаром общеславянский термин «семья» восходит, в частности, к обозначению территориальной общности людей и «общинности» их быта. В русском языке словом «семья» сначала обозначался весь круг родственников (хозяйственно-родовая общность), вместе с «домочадцами и слугами», проживающих на одной малой территории (дворе, подворье) и ведущих совместное хозяйство (имеющих общий (общинный) быт)). Лишь с XIV-XV веков, слово (термин, название, наименование) «семья» стало использоваться (пониматься) в более узком, специфическом, особенном, в более современном («не родовом») смысле. Итак, основными характеристиками семьи являются: 1) брачные и/или кровнородственные связи между членами семьи; 2) совместное проживание (быт под одним кровом); 3) совместное ведение общего (в материальном смысле принадлежащего каждому) хозяйства и общий, пропорционально и справедливо распределяемый, семейный бюджет.

Брак, по мнению большинства исследователей, – это особый социальный институт, это исторически обусловленная, социально регулируемая форма отношений между мужчиной и женщиной, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к их детям. Брак является основой формирования семьи. Брак – это общественное установление, общественное «учреждение», это особый общественный (социальный) институт, это специфическая форма общественного устройства, наряду, например, с государством как

особым институтом для регулирования отношений между его гражданами, наряду с институтом собственности и т.д. Брак – это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом генеральная форма отношений между полами, между мужчинами и женщинами, устанавливающая их права и обязанности по отношению друг к другу и к их детям, – к их потомству. Брак – это традиционное средство формирования семьи и способ общественного контроля за семьей. Брак это одно из «культурных орудий», один из путей, один из способов самосохранения и развития общества и государства. На современном этапе необходимо всячески пропагандировать, поддерживать и укреплять ценности семьи и брака, дабы наша страна, наш регион и наш район были положительным примером развития и формирования семьи как социально-экономической ячейки общества. Одними из особенно остро нуждающихся в специальной социальной пропаганде семейных ценностей, являются, на текущем этапе, следующие ценности. Это социальные ценности совместного ведения хозяйства (материально принадлежащего всем), т.е. ценности пропорционального возможностям конкретного члена семьи трудового вклада в общий быт, и ценности общего для всех (на всех) членов семьи бюджета, – ценности реально справедливого и пропорционального распределения семейного бюджета на всех членов семьи (на каждого из членов семьи).

Понятийно-методологические основы психологического консультирования семьи

Семейное психологическое консультирование является важнейшим специфическим видом психологического консультирования, требующим отдельного (специального) пристального профессионального изучения. По мнению Холмса Т.Х. и Раэ Р., неблагоприятные семейные события оказываются наиболее существенными стрессорами, резко увеличивающими сензитивность (восприимчивость) человека к различного рода «вредностям» и, соответственно, увеличивающих восприимчивость человека к разнообразным заболеваниям. Например, было доказано, что максимально неблагоприятное психосоматическое воздействие на человека оказывает смерть супруга, смерть близкого члена семьи, затем развод, разъединение семьи и т.п.

В современной психологии семьи и семейной психотерапии, известнейшая иностранная исследовательница В. Сатир, выделяет две возможные теоретические позиции в отношении научного анализа семьи. Согласно первой позиции, семья представляет собой группу индивидов, имеющих как общие, так и различные интересы, а семейный социально-психологический контекст рассматривается как среда социализации и развития личности. Такой вариант трактовки семьи характерен для начального этапа становления семейной психологии как самостоятельной дисциплины и в определенной мере находит отражение в поведенческом подходе и психоанализе. Согласно второй позиции, семья рассматривается как целостная система, и интегральной «единицей» анализа этой системы является сама семья, – как уникальная общность. Эта позиция характерна для современной системной семейной терапии и для многих психологов, подчеркивающих неаддитивный характер семьи, – характер, не сводящийся к суммарной совокупности членов семьи.

Семейное психологическое консультирование, – это главнейший по глубине индивидуальной личностной значимости для клиентов и первый по частоте встречаемости в профессиональной консультационной деятельности вид психологического консультирования. Таким образом, семейное психологическое консультирование является самым востребованным на сегодняшний день видом психологического (социально-психологического) консультирования, направленным на разрешение как внутрисемейных (микросоциальный уровень), так и «внешнесемейных» (мезосоциальный и/или макросоциальный уровень) проблем. Как правило, в подавляющем большинстве случаев, проблемы семьи являются «внешне-внутренними», а точнее – «внутренне-внешними». Любые семейные проблемы связаны с «внутриличностным» психологическим состоянием каждого из членов семьи, связаны с межличностным социально-психологическим состоянием (внутрисемейные отношения и взаимодействия) всех членов семьи, связаны с

социальным взаимодействием членов семьи с окружающими их людьми (мезосоциум и макросоциум).

Семейное психологическое консультирование – это консультирование по вопросам (затруднениям), возникающим у клиента(ов) в (о) собственной семье, например: выбор будущего супруга; оптимальное построение взаимоотношений в семье; отношения супругов с родственниками; решение внутрисемейных проблем (распределение обязанностей); психологическая совместимость в семье; предупреждение и разрешение внутрисемейных конфликтов; поведение супругов в момент развода и после него; детско-родительские отношения и пр. К сожалению, «семейная проблематика», психологические затруднения в семье, социальные сложности семьи, как правило, связаны с несколькими «проблемными параметрами», в основном, – «согласно» вышеперечисленным трём психосоциальным «измерениям» семейных проблем.

Существуют различные модели (формы) оказания психологической помощи семье, которые может использовать психолог-консультант в процессе осуществления семейного психологического консультирования. Следование психолога(ом) положениям той или иной основополагающей консультативной модели зависит, прежде всего, от того, каков характер трудностей, имеющих в данной конкретной семье (в какой области заключается, «концентрируется» основная сложность жизненных условий и ситуаций). Рассмотрим, вкратце, базовые модели (парадигмы) психологического консультирования семьи.

1. Педагогическая модель базируется на гипотезе (предположении) недостатка педагогической компетентности родителей. Объект жалобы (тот человек, на которого жалуется клиент(ка) в таком случае, – его(её) ребёнок. Психолог-консультант, вместе с родителем(ями) анализирует ситуацию (например, имеется педагогическая запущенность), намечает программу мер для её исправления. Психолог ориентируется на оптимальные, с позиций педагогики и психологии, способы воспитания и методы формирования личности. Психолог-консультант может привлекать к «воспитательному» процессу «сторонних» лиц, – от бабушек и дедушек и других ближайших родственников, до всех тех лиц, кто подробно указан в нижеследующей социальной модели (другие взрослые). Педагогическая модель семейного психологического консультирования довольно часто применяется вместе, наряду с социальной моделью.

2. Социальная модель используется в тех случаях, когда семейные трудности являются, преимущественно, результатом неблагоприятных жизненных обстоятельств (негативной социальной ситуации развития) одного или нескольких членов семьи. Например, имеет место неудачная социальная ситуация (отрицательные социально-психологические условия) развития личности ребенка. В этих случаях, помимо анализа жизненной ситуации развития семьи в целом и соответствующих психолого-педагогических рекомендаций психолога-консультанта, требуется вмешательство «внешних сил». Этими «силами» могут являться: воспитатель детского сада, методист детского сада, медицинская сестра детского сада, заведующая детским садом, учительница начальных классов, школьный учитель (предметник), классный руководитель, школьный психолог, школьный социальный педагог, социальный работник. Это могут быть также одноклассники, сокурсники, друзья ребенка, подростка, юноши. Возможно привлечение друзей родителей ребёнка, подростка, коллег юноши по работе и т.д. Социальная модель семейного психологического консультирования нередко применяется параллельно (совместно) с педагогической моделью.

3. Диагностическая модель основывается на предположении о том, что имеется дефицит (недостаточность) у родителей специальных знаний о своем ребёнке и/или о своей семье. Объект диагностики – семья, а также дети и/или подростки с нарушениями и отклонениями в поведении (деятельности). Диагностическое заключение может служить основанием для принятия организационного решения о произвольном изменении взаимоотношений в семье, путём, например, перераспределения семейных обязанностей. В ходе следования данной модели, психологом-консультантом так же, нередко, привлекаются, в качестве «сопутствующих лиц», лица, имеющие объективный социальный

профессиональный статус, например, – социальные работники, социальные педагоги школ, школьные психологи, классные руководители и т.п. После получения психодиагностических данных, анализа учебных и других документов и анализа результатов включённого систематического стандартизированного наблюдения, возможно, так же, проведение психологической коррекции. Диагностическая модель семейного психологического консультирования, зачастую, применяется наряду с психологической моделью.

4. Психологическая (психотерапевтическая) модель используется тогда, когда причины трудностей взаимодействия супругов и/или детей (детей и родителей) лежат в области общения, заключаются в личностных особенностях членов семьи. Психотерапевтическая модель психологического семейного консультирования предполагает собою глубочайший анализ семейной ситуации (так называемой семейной истории), психодиагностику личности, социальную диагностику семьи. Психологическая (психотерапевтическая) модель семейного психологического консультирования, довольно часто используется «в связке» с диагностической и социальной моделями.

5. Медицинская модель семейного психологического консультирования предполагает, что в основе семейных трудностей лежат физические болезни членов семьи. Задачи консультирования – медицинский диагноз, медицинское лечение больных и психолого-социальная адаптация здоровых членов семьи к больным. Данную форму консультирования могут осуществлять только лица с профессиональными медицинскими знаниями, умениями и навыками, например, – клинические психологи совместно с врачами (медицинскими работниками).

Процесс семейного психологического консультирования в целом, обязательно включает в себя когнитивный (познавательный), потребностно-мотивационный и эмоциональный (чувственный) аспекты. В ходе консультирования не только выясняются проблемы семьи в общем плане, но и находятся пути их решения на рациональном и чувственном уровне, – что потом пролонгировано реализуется (что обязательно должно осуществляться, «овеществляться») в поведении и деятельности всех членов семьи.

Психологическое консультирование семьи, это, прежде всего, взаимодействие, установление эмоционального психологического контакта с семьёй. Определённая динамика такого рода контактов психолога-консультанта с семьёй, создаёт условия для самораскрытия каждого из членов семьи. В ходе психологической работы, психологом-консультантом осуществляется формирование новых форм общения членов семьи друг с другом. Это «лично-семейное раскрытие», в дальнейшем, выражается в положительной трансформации поведенческо-деятельностных стереотипов каждого из членов семьи. Все позитивные социально-психологические «подвижки» происходят с помощью (через) изменения психологом-консультантом эмоционально-интеллектуальных условий взаимодействия в семье. Положительная динамика взаимоотношений в семье зависит от социальных факторов, от продолжительности совместной психологической работы членов семьи (клиентов) с психологом (психотерапевтом) и от внутренних ресурсов каждой личности.

При психолого-педагогической работе с семьёй, психологу-консультанту необходимо хорошо знать общие социально-психологические законы формирования семьи, психологические закономерности развития семейных взаимоотношений, владеть психокоррекционными знаниями, умениями и навыками, и, только с учётом и на основе всего этого профессионально строить свою работу с семьями. Также необходимы знания социометрических (психосоциальных, социально-психологических) психотехнологий и приёмов, и умения владения ими.

Список использованных источников:

1. Алёшина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. 2-е издание. – М.: Независимая фирма «Класс», 2007.
2. Бурменская Г.В., Захарова Е.И., Карабанова О.А., Лидерс А.Г. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: МПСИ, 2007.
3. Бендлер Р., Гриндер Дж., Сатир В. Семейная терапия. – СПб.: Питер, 1993.
4. Бэйдер Э., Пирсон П. В поисках мифической пары. Эволюционный подход к диагностике и психотерапии пар. Учебное пособие. Перевод с английского и редакция Н.А. Цветковой. – М.: МПСИ, 2006.
5. Дети в семейной психотерапии: практическая работа и профессиональное обучение. Под редакцией Зильбах Дж. – М.: Институт психотерапии, 2004.
6. Донцов А.И., Донцов Д.А., Донцова М.В. Дети и подростки, подвергающиеся жестокому обращению и насилию // Образовательные технологии, № 4. – М.: 2012. – С. 108-125.
7. Донцов А.И., Донцов Д.А., Донцова М.В. Дети, испытывающие жестокое обращение и насилие, как субъекты психологической безопасности // Novainfo.ru. 2011. № 7. – С. 239-252. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22469086>
8. Донцов Д.А. Функции семьи и основы брака // Novainfo.ru. 2011. № 4. – С. 364-366. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22485995>
9. Донцов Д.А., Адмиральская И.С. Перцептивная сторона удовлетворённости браком // Novainfo.ru. 2012. № 9. – С. 407-410. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22486098>
10. Донцов Д.А., Донцова М.В. Модели семейного психологического консультирования // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы, № 2. – М., 2009. – С. 26-35.
11. Донцов Д.А., Донцова М.В. Основополагающие функции семьи и особенности семейного психологического консультирования // Научные исследования и образование, № 2 (8). – М., 2009. – С. 16-21.
12. Донцов Д.А., Донцова М.В. Психология социальной работы с детьми-инвалидами и их семьями в России // Novainfo.ru. 2012. № 8. – С. 258-265. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22469139>
13. Донцов Д.А., Донцова М.В., Поляков Е.А. Методология и методы возрастнопсихологического и психолого-педагогического психологического консультирования // Современные тенденции развития науки и технологий. № 1-8. – Белгород, 2017. – С. 70-76.
14. Донцов Д.А., Донцова М.В., Поляков Е.А. Методология и методы психологии и консультирования семьи // Наука России: цели и задачи. Сборник научных трудов по материалам международной научной конференции. – Екатеринбург, 2017. – С. 44-51.
15. Донцов Д.А., Донцова М.В., Поляков Е.А., Сенкевич Л.В., Козьяков Р.В. Региональные сходства и различия готовности к семейной жизни у российских студентов юношеского и молодого возрастов // Человеческий капитал. № 11 (107). – М., 2017. – С. 3-8.
16. Донцов Д.А., Москвитина О.А., Ерёмкина Л.Ю. Неблагополучные семьи с позиций специалистов по социальной работе // Школа здоровья, № 4. – М., 2008, С. 17-25.
17. Донцов Д.А., Орлова И.Н. О социально-психологической готовности современной российской студенческой молодёжи к браку и созданию семьи // Novainfo.ru. 2012. № 9. – С. 424-430. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22486100>
18. Донцов Д.А., Орлова И.Н. Психологическая подготовка юношества к семейной жизни в контексте психологии безопасности образовательной среды // Экспертиза психологической безопасности образовательной среды. Информационно-методический бюллетень. Городская экспериментальная площадка II уровень. – Москва, 2010. – С. 64-70.

19. Донцов Д.А., Поляков Е.А., Сенкевич Л.В., Козьяков Р.В. Гендерные различия представлений о браке у российских студентов юношеского и молодого возрастов // Человеческий капитал. № 2 (98). – М., 2017. – С. 28-33.
20. Елизаров А.Н. Основы индивидуального и семейного психологического консультирования: Учебное пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ось-89, 2005.
21. Елизаров А.Н. Психологическое консультирование семьи. Учебное пособие. – М.: Ось-89, 2004.
22. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Она и он: тайный шифр сказки отношений. – СПб.: Речь, 2006.
23. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Тайный шифр женских сказок. – СПб.: Речь, 2007.
24. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004.
25. Кипнис М. Тренинг семейных отношений. – Часть 1: Супружество. Часть 2: Родительство. 2-е издание, переработанное и дополненное – М.: Ось-89, 2005, 2006.
26. Кэйдис Л.Б., Мак-Клендон Р. Супружеская и семейная терапия: учебное пособие. Перевод с английского и редакция Н.А. Цветковой. – М.: МПСИ, 2006.
27. Навайтис Г. Женщина, мужчина и семья: всё, о чём вы осмелитесь спросить. Учебное пособие. – М.: МПСИ, 2006.
28. Полякова С.Г., Поляков Е.А., Донцов Д.А., Донцова М.В. Сравнительный анализ индивидуальных особенностей выпускников детских домов (школ-интернатов) и молодых людей из семей // Человеческий капитал. № 8 (104). – М., 2017. – С. 44-48.
29. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Под редакцией Е.Г. Силяевой. 4-е издание, стереотипное. – М.: Академия, 2006.
30. Социально-психологическая и консультативная работа с семьёй. Хрестоматия. Составитель: Л.Б. Шнейдер. В 2-х частях. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 2004.
31. Хозиев В.Б., Хозиева М.В., Дзетовецкая С.В. Психологическое консультирование родителей. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2008.
32. Черепанова Е.М. Психологический стресс: помощи себе и ребёнку. 2-е издание. – М.: Академия, 1997.

Силаева Наталья Владимировна
кандидат психологических наук,
ГКОУ ЦИО «Южный»,
педагог – психолог
115304 г. Москва, Ереванская, 19
E-mail: nnatalliya@yandex.ru

ТЕХНОЛОГИИ СЕМЕЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ В РАБОТЕ С СЕМЬЯМИ ДЕТЕЙ С ОВЗ

Аннотация. В представленной статье нашли отражение такие технологии как рисуночная арт-терапия, песочная терапия, поведенческая игровая терапия при работе с детьми с ОВЗ. Психологическое сопровождение детей с разной структурой нарушения психической деятельности и их родителей актуально на протяжении длительного времени, так как каждый возраст ребенка ставит новые задачи и проблемы для его родителей (опекунов). Статья основана на опыте психологической работы с детьми с ОВЗ и их семьями в рамках коррекционного учреждения.

Ключевые слова: семьи с детьми с ОВЗ, рисуночная арт-терапия, песочная терапия, поведенческая игровая терапия.

Silaeva Natalya Vladimirovna
candidate of psychological sciences,
SOEI CIE «Iuzhnyi»,
educational psychologist
115304 Moscow, Yerevan street, 19
E-mail: nnatalliya@yandex.ru

TECHNOLOGIES OF FAMILY PSYCHOTHERAPY IN WORKING WITH CHILDREN WITH DISORDERS AND THEIR FAMILIES

Abstract. In article described such technologies as drawing art therapy, sandplay, parent – child interaction behavioral play therapy. Psychological support of children with different disorders and their parents is actual during long time during life. New age of the child reveal new tasks and problems for all family in general. The article based on experience of own psychological job with children with disorders and their families in correctional institution.

Key words: families with disabled children, drawing art therapy, sandplay, parent – child interaction behavioral play therapy.

Проблемы семьи, имеющей ребенка с отклонениями в развитии, проявляются в различных сферах её жизни [6]. Родители детей с ОВЗ обращаются со следующими запросами: диагностика уровня психического развития детей, отклонений в поведении и развитии; проведение коррекционно-развивающих занятий для детей с нарушениями речи, психологическими проблемами и когнитивными нарушениями; составление индивидуальных рекомендаций с учетом возможностей развития ребенка их родителям и учителям (воспитателям); создание условий для социализации детей с ОВЗ путем включения их в занятия в малочисленные группы с нормально развивающимися сверстниками; консультирование детей, родителей, педагогов по проблемам межличностных отношений, в том числе семейных, с целью налаживания конструктивного диалога.

Имея определенный опыт проведения диагностики и коррекционно-развивающих занятий с детьми с особенностями развития различных категорий можно отметить, что проблемы развития ребенка накладывают отпечаток на образ жизни семьи в целом. Можно наблюдать ежегодное увеличение детей, соматически ослабленных, отстающих в эмоциональном и нервно-психическом развитии.

Отдельная проблема – это восприятие родителями особенностей своего ребенка. Одна из целей психологической помощи – формирование адекватного восприятия личности ребенка с нарушениями развития у тех, кто окружает и воспитывает такого ребенка [5]. Для родителей подчас возникающие проблемы ребенка оказываются неожиданными и непредсказуемыми. Даже, когда на этапах беременности врачи указывают на предполагаемые нарушения, полная картина раскрывается только по мере появления и взросления ребенка. И нередко приходится слышать: «а мы не представляли, что это и как это тяжело окажется для всей семьи».

Важно, чтобы и родители, и психолог, сопровождающий ребенка, в более или менее одинаковом ключе видели особенности ребенка, возможности коррекции. Безусловно, ребенок с ОВЗ - это тяжелейшее испытание для всей семьи, для близких родственников, но адекватность самих родителей требуется в многократно раз больше для того, чтобы грамотно выбирать программы реабилитации и сопровождения и понимать реальные возможности ребенка, соотнося свои амбиции и потенциал ребенка. Достаточно сложно работать с семьей, где родители наполнены амбициями, а возможности ребенка и отставания в развитии значительно отходят от нижних порогов возрастных норм. Нередко мы встречаем ситуации, когда частным образом родителям обещают «снять» диагноз ребенка, обещают «выправить генетику». Родители цепляются за такую «надежду» и живут ей, приходя к коррекционным педагогам и врачам с требованиями изменить выставленные медицинские диагнозы. А время уходит, надежды остаются невыполнимыми и не реализуемыми в реальности.

Нельзя не отметить, что чем младше ребенок, тем больше ожиданий и требований родителей к педагогам, врачам, медицинским работникам. Со временем, ребенок становится старше, и чаще появляется понимание у самих родителей, что в основе нарушений – органические особенности центральной нервной системы и выше ресурсов и возможностей, изначально заложенных в ребенке, - не перепрыгнешь. Чем младше ребенок, тем выше уровень тревожности родителей и больше ожиданий от специалистов. Чем старше становится ребёнок, тем, как правило, более адекватно оценивают его возможности родители. Уходят иллюзии, и на этом фоне иногда возникает высокая опустошенность и ощущение тщетности вложенных усилий.

Даже при выставленных сложных медицинских диагнозах ребенка и явных множественных нарушениях в развитии, у родителей есть надежда, что ребенок вылечится, пойдет, изменится, и здесь очень острая проблема подачи обратной связи со стороны психологов, педагогов, медицинских специалистов. Неадекватная обратная связь иногда создает неадекватные иллюзии родителей, но и излишне критичные замечания воспринимаются очень болезненно родителями. Для всех без исключения важно видеть, что они не одни в этой ситуации, что есть дети со схожими нарушениями и проблемами в развитии. Представляется важным объяснять родителям, что и почему происходит с ребенком, что стоит за теми или иными нарушениями в развитии. Понимание механизмов сбоя в психической регуляции позволяет выстраивать коррекционное сопровождение, оценивая возможности ребенка.

Среди многообразия технологий, используемых в психологической работе, можно особо выделить следующие: интервью, рисуночные арт – технологии, песочная терапия (sandplay), поведенческая игровая терапия (ПИТ). Психологические технологии позволяют показать мир каждого члена семьи друг для друга и направлены в первую очередь на анализ проблем межличностного взаимодействия в контексте детско – родительских отношений.

Работа традиционно начинается с интервью с родителями (или опекунами) и ребенком. Для родителей важно как психологическая поддержка, так и информирование об особенностях ребенка, его возможностях и будущих путях обучения и воспитания.

Не каждый человек может выразить словами, что он испытывает во время страха или другого эмоционально нагруженного состояния. Иногда это легче сделать с помощью рисунка. Применение арт-терапии с детьми и семьями детей с ОВЗ имеет свои особенности, направлено на решение задач, связанных с эмоционально-личностной сферой и также направлено на познавательное развитие ребенка (любопытность, воображение, концентрация внимания). Методы рисуночной арт-терапии используются с детьми от 3 лет и старше и взрослыми любого возраста. Психологическая коррекция с помощью арт-терапии у детей с ОВЗ во многом определяется возрастом ребенка, степенью зрелости его функциональных систем, индивидуальных особенностей. Арт-терапия эффективна для развития навыков позитивного взаимодействия и сотрудничества в диаде «родитель-ребенок», позволяя выразить разные чувства и разрядить напряжение.

В психологической работе можно использовать разнообразные задания и упражнения [4]. Особо можно отметить технологию «Мой мир», где ребенка или его родителей просят нарисовать свой мир. Технология работает с родителями и позволяет им расставить свои приоритеты, увидеть «как будто» со стороны проблемы и найти свое решение на определенный период. Задействовать рисуночные арт-терапевтические задания возможно и с детьми подросткового возраста, у которых выставлены такие нарушения как СДВГ, ЗППР, ОНР, ЗПР, при относительно сохранном интеллекте. Методики позволяют ребенку самому увидеть и показать свои интересы, увлечения, особенно актуальны в работе с подростками по самоопределению и выбору профессии.

Одно из направлений арт-терапии - песочная терапия (sandplay). Принципы песочной терапии были заложены швейцарским психоаналитиком, основателем аналитической терапии К.Г.Юнгом. В 1950-е гг ученица К.Г.Юнга - Д.Калф разработала терапевтический метод sandplay для работы с детьми и взрослыми. Картина на песке отражает те или иные аспекты душевного состояния ребенка или взрослого. Эмоциональные переживания, волнующие проблемы переносятся из внутреннего мира во внешние образы и делаются осязаемыми [7]. В целом, задания с песком позитивно воспринимаются и детьми, и взрослыми. Песок положительно и успокаивающе действует на нервную систему, создавая среду, которая помогает ребёнку чувствовать себя комфортно и защищено. Например, в работе с ребенком с глубоким эмоциональным переживанием (таким как, гибель близкого человека) песочная терапия дает возможность раскрыть переживания, показать свой мир. Технологии песочной терапии актуальны для детей, у которых сложности во взаимоотношениях со взрослыми (родителями, воспитателями, учителями) и сверстниками; психосоматические заболевания; повышенная тревожность, страхи, агрессивность; психологические сложности, связанные с изменениями в семейной жизни (развод родителей, появление младшего ребенка и т.д.) и в социальной ситуациях (детский сад, школа, переезд); неврозы, возрастные кризисы, психотравмы.

Песочная терапия (sandplay) может быть задействована не только для работы с проблемами эмоционально-личностной сферы, также и для развития познавательных способностей. Занятия sandplay могут быть направлены на развитие высших психических функций у детей с ЗППР и ЗПР, на развитие речи (фонематического слуха, дифференциация звуков, развитие лексико – грамматической стороны речи) особенно в тех случаях, когда ребенок не принимает классические формы занятий.

Подход к анализу поведения для работы с детьми дошкольного возраста и с детьми с нарушениями в развитии широко распространен и задействован в психологической работе. Воздействие на ребенка строится таким образом: если до ребенка нельзя донести информацию через речь в силу его возраста или нарушений развития, то воздействие через поощрение или наказание поведения.

Поведенческая игровая терапия основана на когнитивном, бихевиоральном направлении в работе с родителями и детьми. Автором данной технологии принято считать Ш. Айберг [8]. Основная задача: воздействовать на ребенка через поведение, если до ребенка сложно донести речью пожелания или просьбы. Поведенческая игровая терапия нацелена на такой спектр особенностей развития ребенка как: внешние поведенческие проблемы (непослушание, негативизм, вербальная агрессия, деструктивное поведение); нарушения внимания (рассеянность, гиперактивность); внутренние психологические проблемы (низкая самооценка, подавленное настроение, плаксивость, тревожность); проблемы в отношениях между родителем и ребёнком (например, в контексте развода, усыновления).

Область психологической работы с семьями детей с ОВЗ достаточно широка так как, как правило, требуется и коррекционная работа с самим ребенком, и поддержка и сопровождение его семьи. В статье кратко представлены некоторые из используемых психологических технологий. Появление детей со сложными нарушениями в развитии ставит новые задачи для родителей и для педагогов, сопровождающих таких детей. В каждом конкретном случае нарушение ребенка и семейная ситуация, в которой он растет, задают направление работы и выбор практических методов работы. Психологическое сопровождение семей с детьми с ОВЗ актуально на протяжении длительного времени, так как новый возраст ребенка задает новые задачи и новые запросы на оказание помощи детям и подросткам, а также их родителям по проблемам обучения, воспитания, развития и взаимоотношений.

Список использованных источников:

1. Алмазов Б.Н. Психология проблемного детства. Пособие школьному психологу и педагогу. – Екатеринбург, 2008. – 249 с.
2. Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. (2-е изд. стереотипное). – М.: Когито-Центр, 2011. - 182 с.
3. Коломенский Я.Л., Панько Е.А., Игумнов С.А. Психическое развитие детей в норме и патологии: психологическая диагностика, профилактика и коррекция. – СПб.: Питер, 2004 – 480 с.
4. Копытин А.И., Свистовская Е.Е. Арт – терапия детей и подростков. – М.: Когито – Центр, 2017. – 197с.
5. Левченко И.Ю., Ткаченко В.В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. – Просвещение, 2008. – 239 с.
6. Психология семьи и больной ребенок. Учебное пособие: Хрестоматия/ авторы – составители И.В.Добряков, О.В.Защиринская – СПб.: Речь, 2007. – 400 с.
7. Юнгианская песочная психотерапия. – СПб.: Питер, 2001. – 320с.
8. Eiberg S. Parent – Child Interaction Therapy. Integrity Checklists and Sessions Materials. University of Florida, 1999 – 289 с.

Арпентьева Мариям Равильевна
доктор психологических наук, доцент,
Калужский государственный университет м. К.Э. Цолковского,
профессор кафедры психологии развития и образования
248023, г. Калуга, Разина, 26
E-mail: mariam_rav@mail.ru

СЕМЕЙНЫЕ КРИЗИСЫ В СЕМЕЙНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Аннотация. Человека и его семью необходимо рассматривать как творческое саморазвивающееся существо, стремящееся не только к покою и определенности, к равновесному состоянию, но и к нарушению равновесия, риску: человек и семейная система ставят и разрешают проблемы и задачи, стремясь реализовать свой потенциал. Понять человека и семью в целом именно как человека, как группу людей можно, приняв во внимание их высшие, в том числе творческие достижения, их субъектность и устремленность к развитию. Развитие происходит несмотря на то, что на его пути встают многие препятствия: есть много примеров того, как люди, живущие в условиях просто невыносимых, не просто выживают, но прогрессируют.

Ключевые слова: семья, творчество, саморазвитие, семейная система, жизнеутверждающий потенциал.

Arpentieva Mariam Ravilievna
grand doctor of psychological sciences, associate professor,
Tsiolkovskiy Kaluga State University,
Professor of the Department of Development and Educational Psychology
248023 Kaluga, Razin, 26
E-mail: mariam_rav@mail.ru

FAMILY CRISES IN FAMILY PSYCHOTHERAPY

Abstract. The person and his family must be regarded as a creative self-developing being, striving not only for peace and certainty, for an equilibrium state, but also for breaking the balance, at risk: the person and the family system set and solve problems and tasks in an effort to realize their potential. To understand the person and the family as a whole as a person, as a group of people, it is possible, taking into account their highest, including creative achievements, their subjectivity and aspiration for development. Development occurs despite the fact that many obstacles stand in its way: there are many examples of how people living in conditions of unbearable things do not just survive, but progress.

Keywords: family, creativity, self-development, family system, life-affirming potentialю

Семья – один из самых консервативных, ригидных, и, в то же время, гибких изменчивых, социальных институтов, она противится изменениям и создает их, она переживает нормативные и ненормативные стрессы и кризисы, она предоставляет человеку и всем членам семьи внутренние и внешние опоры выживания и саморазвития [1; 3; 6; 7; 10]. На протяжении всего жизненного цикла семья постоянно сталкивается и сталкивает своих членов с самыми различными трудностями и неблагоприятными условиями – болезни, жилищно-бытовые неудобства, конфликты с социальным окружением, последствия широких социальных процессов (война, социальные кризисы и т. п.), из которых выносит либо недовольство собой и миром, ведущие к разрушению семьи, или жизненный опыт и

возросший потенциал жизнеутверждения [2; 4; 5; 8; 9]. Вообще говоря, вопрос о том, что является в семье и в жизни в целом нормой, благополучием, а что нарушением, неблагополучием, что позитивно, а что негативно влияет на развитие семьи и ее членов, и есть ли однозначные критерии позитивности и негативности влияний – один из самых трудных. Семейные отношения продолжают оставаться сферой вопросов и загадок.

Каждая семейная система проходит определенные ступени - стадии развития, соотносённые с неизбежными объективными и субъективными обстоятельствами. Термин «жизненный цикл» (закономерная последовательность стадий развития семейной системы на протяжении всего периода существования) введен демографом из США П. Гликом в конце 40-х годов XX века [16; 17; 18]. Одним из ведущих обстоятельств является физическое время. Возраст членов семейной системы постоянно меняется, что также постоянно и неотвратимо- неизбежно трансформирует, разрушая или воссоздавая заново, семейные отношения. Семья сохраняет относительное – квазидинамическое равновесие, каждый период жизни меняясь, порой непредсказуемо и радикально. Второе существенное обстоятельство — изменение состава семейной системы: рождение ребенка, или прием ребенка в семью, смерть супруга или прародителя и т.д. Переход от одной стадии к другой почти всегда сопровождается моментами более или менее интенсивной и всесторонней дисфункциональности, а также необходимостью принятия семьей и ее окружением специальных усилий и мер для восстановления и поддержания гомеостаза или перехода на новый уровень функционирования семейной системы.

Поскольку в процессе и результате существования семейной системы меняется характер деятельности супругов, то Х. и М. Фелдманами было предложено понятие «семейная карьера» как совокупность ролей индивида, направленных на реализацию себя в какой-либо из важных сфер жизни, таких как досуг, работа, семья. Выделены два типа карьеры внесемейные (профессиональная и досуговая) и внутрисемейные (карьера сексуального опыта, карьера супружества, родительская карьера и карьера отношений родителей и взрослых детей) [12; 15; 17; 18]. Последние отличаются от первых тем, что: 1) для их осуществления необходимо парное взаимодействие, т. е. в них участвуют оба супруга; 2) особенности реализации карьер во многом определяются особенностями семейной системы; 3) индивид вступает в тесные взаимоотношения как с людьми, принадлежащими с ним к одной возрастной когорте, так и с людьми, принадлежащими к другим возрастным когортам; 4) каждая карьера имеет свои особенности, сроки и тенденции развития. Супруг, особенно если речь идет о семье с ребенком, может реализовывать одновременно как все четыре карьеры, так и не одной. Реализация карьер – одна из причин и обстоятельств периодических напряженностей и конфликтов: в реальности человеку приходится так или иначе балансировать разные ветви своей семейной и профессиональной жизни. Поэтому, как правило, полезно «разделение» карьер: женщинам внутренне ближе карьеры семейные, мужчинам – профессиональные. Однако, «полный провал» в одной, а то и в нескольких сферах означает, что в жизни человека и его семейной системы как минимум «чего-то не хватает». При накоплении «провалов» и стрессоров «нехватка» как отказ выполнять семейные и иные функции быть может породить интенсивный кризис и привести к разрушению семейной системы.

В качестве «нормативных стрессоров» выступают трудности, встречающихся в обычных условиях, связанных с прохождением семейной системы через основные этапы жизненного цикла (связанные с заключением брака, рождением ребенка и т.д.).

В качестве «квазинормативных стрессоров» выступают события, связанные с тем, что что-то нарушает жизнь семейной системы: длительная разлука, измена и/ или развод, смерть одного из членов семейной системы, тяжелое заболевание. Существуют и «транснаормативные» стрессоры, связанные с переживанием семьей катастроф, терактов, войн, тюремного заключения и т.д. [11; 12; 13; 14; 15].

Все эти стрессоры и связанные с ними обстоятельства приводят к многочисленным переплетающимся с действиями других стрессоров, последствиям, в том числе

продуктивным (развитию) изменениям или деструктивным (нарушениям) в жизни семейной системы: наблюдается нарастание или снижение конфликтности взаимоотношений, снижение или повышение удовлетворенности семейной жизнью, ослабление или повышение сплоченности семейной системы, ее жизнеутверждающего потенциала, умножение или уменьшение усилий членов семейной системы, направленных на ее сохранение, возрастание или снижение сопротивления трудностям. Особые сложности связаны с действием стрессоров на семейную систему неблагоприятные, дисфункциональные. Психологическая атмосфера дисфункциональной семейной системы, не способной к продуктивному преодолению кризисов, оказывает деформирующее давление на ее членов. Наиболее уязвимыми в этом случае оказываются дети и, часто, мужчины, унижаемые женами и другими членами семейной системы. Часто против таких «козлов отпущения» или «идентифицированных пациентов» создаются целые семейные коалиции и ведутся «военные действия, предназначенные якобы для того, чтобы принудить их «измениться». В реальности ответственность за нарушения в семье несут все члены семейной системы, однако, чтобы этого избежать и избежать собственных изменений, семейная система создаёт «козла отпущения». Люди в таких семейных системах как правило недовольны жизнью, друг другом, даже собой, не готовы изменяться, но не прочь «навязать» миру «свое хорошее», стремясь к фиктивным целям (деньги и власть, успех и самоконтроль и т.д.) и наслаждаясь «маленькими» радостями вместо истинных, общечеловеческих ценностей и побед.

Отдельный важный вопрос – семейные системы так называемого "девиантного" (отклоняющегося) супружеского и родительского поведения и т.д., в том числе на протекание стадий формирования и особенности развития отношений в неблагоприятных семейных системах, в том числе, по сравнению с благополучными. К девиантному супружескому поведению относятся, первую очередь, «гражданские браки» и промискуитет, измены (супружеская неверность), а также поведение, связанное со стремлением навредить супругу (доносительство и предательство, сутяжничество и насилие), к девиантному родительскому – аборт, социальное и официальное сиротство и беспризорность детей, насилие над детьми и торговля ими и т.д. Самые разные формы девиантного поведения – явная или скрытая форма инфантицида -стремления к уничтожению собственного ребенка, пренебрежение ребенком, игнорирование его нужд и потребностей вплоть до полного оставления или отказа от ребенка. В этих семейных системах конфликт и кризис не столько необходимы, сколько желательны. Они желаются и реализуются для того, чтобы сохранять недовольство миром и собой, ничего не делать и наслаждаться страданиями (своими или близких), избегая ставить и достигать хоть каких-то целей вне инстинктивных (комфорт и выживание), а также продолжать жить «по двойным» нравственным стандартам (то есть, по сути, без них вообще) [5; 6; 12]. Психологическая атмосфера здоровой, нормально функционирующей семейной системы поддерживает ее членов даже и особенно в моменты внутренних по отношению к семье и внешних кризисов: члены семьи довольны собой и друг другом, готовы и стремятся изменяться и помогать изменяться миру, наслаждаясь истинными ценностями (любовь, уважение и смирение, искренность и аутентичность) и двигаясь к реальным целям.

Кроме того, весьма важными являются работы по изучению удовлетворенности семейными отношениями. Выделяются две группы исследований, соглашающихся в том, что спустя некоторое время после заключения брака, обычно после рождения первого ребенка удовлетворенность браком у обоих супругов начинает уменьшаться, но по-разному оценивающих дальнейшую динамику удовлетворенности. Многие исследования говорят в пользу того, что с увеличением стажа брака удовлетворенность супругов семейной жизнью линейно, перманентно уменьшается. Другая точка зрения, в том числе Х. Фелдмана, Гр. Спаниера и коллег, описывает U-образную динамику удовлетворенности: падение ее на средних стадиях семейного цикла постепенно останавливается, а у супругов со стажем 18—20 лет и более, наблюдается подъем. Вместе с тем, рост удовлетворенности браком на

поздних стадиях нередко выступает лишь артефактом исследования. Причинами такого искажения бывают следующие моменты [12; 17; 18]:

1) так называемый «когортный эффект» (чем более поздняя стадия брака подвергается исследованию, тем больше вероятность, что неудовлетворенные браком супруги развелись, а остались удовлетворенные браком),

2) возрастные изменения, обеспечивающие осмысление своего брака супругами на поздних стадиях как успешного;

3) с возрастом, в силу механизма социальной желательности, люди склонны умалчивать о своих проблемах,

4) действие механизма когнитивного консонанса: поскольку супруги женаты много лет, а развод с возрастом становится все более трудным психологически, может возникнуть убеждение, что брак удовлетворителен,

5) снижение значимости семейных проблем, а также общей напряженности жизни (снятие ситуации «ролевого стресса») по сравнению с периодом родительства, в котором профессиональная роль и карьера постоянно конкурирует с родительской ролью, карьерой, индивида,

6) особенно существенно расширение возможностей самореализации и товарищества (общения) между родителями (жесткие и сложные ролевые требования, а также помехи общению, возникающие при воспитании детей, при уходе детей из семейной системы отпадают),

7) на удовлетворенность супругов браком оказывает влияние прежде всего возрастной период, в котором в данный момент находится их ребенок (наиболее сложным для многих семейных систем является этап подростничества детей)

Однако, общая картина изучения циклов семейной системы мозаична, не может воссоздать полную картину изменений, происходящих в ходе семейного цикла. Поэтому приверженец системного подхода, С. Минухин рассматривал семью как единое целое, организм [14]. В контексте системного подхода подробное описание жизненного цикла семейной системы дано и Дж. Хейли: во время переходных периодов перед членами семейной системы встают новые задачи, требующие существенной перестройки их взаимоотношений, структурной реорганизации, адаптации к текущей ситуации и выработки нового образа [11]. Периоды стабилизации в точке перехода сменяются кризисными периодами, успешность прохождения которых влияет на функционирование семейной системы на следующих этапах. Данный процесс обычно сопровождается личностным ростом членов семейной системы. Но, в моменты нормативных и ненормативных стрессов семейной системы нередко возвращаются к ранним моделям функционирования (механизм “регрессии”) либо останавливаются в своем развитии, фиксируясь на определенном этапе (механизм “фиксации”). И если семье не удастся перестроиться, то решение задач последующего периода жизненного цикла семейной системы затрудняется, мешая прохождению очередного нормативного кризиса.

Как справляться с трудностями и кризисами?

Во-первых, важно понимать, что если семья как система пытается избежать изменений, обусловленных ее естественной динамикой, то это может стать источником возникновения негативной симптоматики у ее членов — психосоматических, сексуальных, психических, социальных расстройств. Напротив, выход из кризиса сопровождается либо установлением новых отношений между членами семейной системы, принятием новых ролей, нового уровня взаимопонимания и взаимодействия, либо (при попытке любой ценой сохранить прежний тип взаимодействий) — нарастанием отчуждения, разрушением внутрисемейных отношений, вплоть до развода. Задача специалиста или самих членов семейной системы — помочь найти или найти продуктивный выход.

Человека и его семью необходимо рассматривать как творческое саморазвивающееся существо, стремящееся не только к «гармоничному» покою и определенности, к равновесному состоянию, но и к нарушению равновесия, риску, к тому, чтобы

совершенствоваться и достигать все большего соответствия сами себе: человек и семейная система ставят и разрешают проблемы и задачи, стремясь реализовать свой потенциал. Понять человека и семью в целом именно как человека, как группу людей можно, только учитывая их высшие, в том числе творческие достижения, их субъектность и устремлённость к развитию, их сакральные ценности и жизненные цели. Развитие человека, семьи как особых систем, осуществляется часто даже вопреки тому, что на их жизненном пути встают различные по сложности и преодолемости препятствия: существуют многочисленные примеры того, как люди, живущие в условиях просто невыносимых, не просто выживают, но прогрессируют [1; 3; 7; 12; 15; 18; 19]. Описывая механизмы продуктивных преобразований, В.Сатир рассматривает семью, выделяя открытые и закрытые системы. Открытые, зрелые семейные системы имеют информационные каналы с внешним миром, а также каналы взаимодействия между членами семейной системы, что позволяет семье быть динамичной и перестраиваться в соответствии с происходящими внутри или воздействующими на нее извне процессами. Подобная открытость, подвижность семейной системы способствуют личностному росту каждого члена семейной системы. В. Сатир также говорит о благополучной семье как о «зрелой»: она характеризуется честными и прямыми коммуникациями, любовью, адекватной самооценкой, позитивными установками, открытостью социальным связям и влияниям [11]. Такая семейная система обладает способностями к согласованному и продуктивному разрешению трудных ситуаций. Закрытая или инфантильная семейная система представляет собой группу, изолированную от внешних воздействий, в которой жестко зафиксированы все семейные роли и жестко определены способы реагирования на внутренние и внешние изменения. Закрытыми является ограниченное количество семей, неспособных к самостоятельному решению проблем (совладанию с ними) и обладающих ограниченными внутренними ресурсами и (жизнеутверждающим) потенциалом. Семейные конфликты в закрытых семейных системах обычно связаны со стремлением людей удовлетворить те или иные потребности или создать условия для их удовлетворения без учета интересов партнера. Причин для этого много: различные взгляды на семейную жизнь, нереализованные ожидания и потребности, грубость, неуважительное отношение, супружеская неверность, финансовые трудности и т.д. в открытых семейных системах конфликты – поиск путей взаимопонимания, восстановление нарушенного баланса «брать – отдавать», «любить – быть любимым» и т.д. «Таким образом, первый аспект продуктивного преобразования семейных кризисов – взаимная поддержка и взаимопонимание [2; 5; 6; 8; 9]. Открытые семейные системы также поддерживают преемственность поколений. Нарушение преемственности поколений негативно влияет на развитие семейных отношений, способствует возникновению конфликтов, а также нарушения развития, вплоть до психических болезней. С точки зрения житейской психологии проблема отношений между родителями и детьми заключается в том, что дети не могут и даже не хотят перенимать родительский опыт. Молодое поколение предпочитает совершать свои ошибки, на которых учиться. Однако, чем лучше семейная система поддерживает контакт с родительскими семейными системами, тем меньше проблем в обоих поколениях

Во-вторых, в возникновении и преодолении трудностей и конфликтов, кризисов семейной системы большую роль играют так называемые *незавершенные действия и отношения*. Многие болезненные симптомы и нарушения происходят именно из-за *незавершенных отношений, или действий, особенно в так называемых «объектных отношениях» (детей и родителей, мужа и жены, ученика и учителя)*. в этих отношениях, помимо любви, высока доля взаимной зависимости, а значит, созданы условия интенсивных и обширных негативных переживаний, горя и деструкции (неподтверждения), при разрушении и неправильном завершении, а также позитивных переживаний счастья и подтверждения – при восстановлении и развитии отношений [13; 14; 15; 22; 23]. Знать, почему те или иные компоненты *отношений не завершаются* или завершаются «не так» важно и для выбора направления помощи и для прогноза развития ситуации. Одно из

важнейших положений системной семейной терапии Б. Хеллингера, продолжившего идеи скрипт-анализа Э. Берна и метод «семейной скульптуры» В. Сатир, – это понимание того, что к семье и роду относятся живые и умершие предыдущие партнеры супругов, родственники и друзья супругов, учителя и наставники, а в некоторых случаях и иные «посторонние лица» [11; 13]. Сегодняшняя жизнь и существующие отношения семейной системы – результат предыдущих отношений. Партнеры – зеркало неразрешенных конфликтов в жизни человека и в жизни его рода (семейной системы). Если в семье есть «парии», «проклятия» и т.д. это всегда означает наличие скрытых и явных проблем. Б. Хеллингер использует метод расстановок (familien-stellen): каждый индивидуальный случай рассматривается таким образом, чтобы участники могли узнать, простить и принять друг друга на уровне души, испытать чувства солидарности – единства [13]. Иногда этого достаточно. Вместе с тем, в некоторых случаях необходимы дополнительные меры, например, если отношения резко оборвались, в том числе закончились переживаниями душевной боли: обиды, вины или страха, мести, осталась неуравновешенность или в отношениях «замешаны» дети. Тогда желательна помощь специалиста или кропотливая работа семейной системы по изучению и осмыслению родовых сценариев. Важно, что по закону равновесия потомки призваны завершить незавершённое их предкам, прожить что-то за кого-то, то есть часто заниматься решением не своих жизненных задач, а решением задач предков («жармой»), которые перекрывают доступ к собственному предназначению («дхарме»). Указаниями на продуктивность расстановки или иных процедур исследования семейного опыта являются [13]: наличие повторяющихся сценариев, в том числе тяжелый «рок», передающийся из поколения в поколение; неустроенные партнёрские отношения, в том числе супружеские (одинокство, неполный брак), бесплодие/бездетность; постоянные конфликты супругов, измены, «любовные треугольники», разводы); тяжелые заболевания, психосоматические и психологические нарушения и травмы, несчастные случаи, инвалидность, наркомания; конфликтные и напряжённые отношения, проблемы с родителями, детьми, в том числе проблемы близости/дистанции, насилия, нарушения иерархии семейных отношений; переживания безнадежности, уныния, необъяснимые реальностью; нарушения социального взаимодействия – семейной системы и окружающего мира (судимость, нетрадиционные браки, например, «гражданский», гомосексуальный, полигамный); наличие в семье родственников с тяжелой судьбой (рано умершие члены семейной системы, аборты, самоубийства, инцесты и т. д.). Препятствуют психологическому завершению проблемных отношений отсутствие опыта завершений и нежелание завершения по причине привязанности – к человеку или к тому, что приносят или «должны» приносить отношения 1) негативные переживания (обида, злость, страх), 2) нежелание отпустить человека или отношения с ним, стремление к мести, реваншу или сублимация, игнорирование проблем отношений, 3) смерть человека, страх и уход от ответственности. Сублимация и иные защиты по типу игнорирования часто реализуются с помощью перенаправления переживаний в более доступную, или социально приемлемую сферу, особенно сильно препятствуют завершению отношений, поскольку означают отказ от совладания с трудностями отношений и снижают устойчивость человека в жизненных перипетиях с другими людьми. Завершение отношений через сублимацию весьма распространено: для завершения одних отношений, человек использует другие.

Третий момент связан с понятием жизнеутверждающего потенциала семейной системы и ее членов. Кризисы и конфликты испытывают семейную систему на прочность и способность восстанавливать или даже приобретать ресурсы, включая опыт жизни в экстремальных условиях, а также после перенесенного стресса (resilience) или прережитого конфликта. Жизнеутверждающий потенциал предполагает такое отношение к жизни и себе, при котором даже наиболее сложные, неоднозначные, трудноразрешимые и проблемный отношения и ситуации используются личностью и семьей в целях развития. Уровень семейной культуры, определяющей жизнеутверждающий потенциал семейной системы, проявляется в том, как люди выходят из кризиса/конфликта, как преодолевают трудности и

перипетии жизни. Важные показатели психологически и социально благоприятного психологического климата семейной системы таковы: стремление ее членов проводить свободное время в домашнем кругу, паритетное диалогическое интимно-личностное и деловое общение - как стремление беседовать друг с другом на интересующие всех темы, вместе выполнять домашнюю работу, подчеркивать достоинства и добрые дела каждого, преподносить друг другу подарки, приятные сюрпризы, вместе путешествовать, преобразовывая мир, друг друга и себя, отношения взаимопомощи и служения друг другу, опосредованные сакральными ценностями и целями совместной жизни. Неблагоприятный психологический климат семейной системы приводит к отказу от общения и отчуждению, к депрессиям и бездеятельности, ссорам и конфликтам, к выученной беспомощности и постоянному противостоянию, к психической напряженности, дефициту в положительных эмоциях. Не сложившиеся отношения между мужем и женой, родителями и детьми ведут к деформациям учебной и профессиональной жизни, сферы отдыха и хобби, к нарушениям здоровья и судьбы в целом [14; 15; 21; 22].

Рассматривая концепт «жизнеутверждение», А. Швейцер, в рамках теории благоговения перед жизнью, описывает его как компонент благоговения, наряду со смирением (принятием жизни) и нравственным отношением к ней. Говоря о составе жизнеутверждения А. Швейцер пишет, что оно этично, то есть опирается на важнейшие ценностные основания жизни человека и общества. Оно также «содержит в себе оптимистические волю и надежду, которые никогда не могут быть утрачены. Поэтому оно не боится повернуться лицом к мрачной реальности и увидеть ее такой, какова она на самом деле» [14]. Жизнеутверждение естественным образом противостоит жизнеотрицанию. Последнее проявляется в форме депрессивных и разрушительных тенденций в осмыслении и взаимодействии с жизнью, в отношении человека и его поступках, в деятельности и общении. Жизнеутверждение, – зависящая от ценностей личности тенденция самореализации, развития («воля к прогрессу»). Это также - конкретное событие духовного акта. В момент этого события человек перестает жить бездумно и посвящает себя жизни, с благоговением возвышая жизнь до истинной ценности, углубляя и расширяя одухотворенную и усиленную волю к жизни. Нравственные основы жизнеутверждения придают субъекту пронизательность. А пронизательность как транспарентность собственной жизни и жизни иных людей – соответствие как равенство самим себе, индивидуализированность и зрелость субъекта, а также как прозрачность как доступность пониманию в результате соответствия - аутентичности, конгруэнтности, искренности в отношениях с собой и миром. Пронизательность дает возможность дифференцировать истинно ценное, преобразующее, развивающее членов семейной системы— каждого в отдельности и всех вместе.

Жизнеутверждающий потенциал семейной системы особенно важен перед лицом социальных кризисов и коллапсов. Он осуществляется как жизнестойкость семейной системы как способность (готовность и стремление) трансформировать проблемные повседневные и (квази)кризисные ситуации жизни (общения и деятельности) семейной системы и ее членов, а также ситуации взаимодействия членов семейной системы с внешним миром, преобразовывая проблемы и сложности в возможности и ресурсы развития, жизнеутверждающего опыта, коррекции дисфункций и неполноценных компонентов семейного сценария. Он предполагает обогащение семьи и ее членов опытом выживания в данных проблемных, конфликтных и кризисных ситуациях, с которыми сталкивается член семьи и/или вся семейная система. Жизнеутверждающий потенциал блокирует процессы деформации и психологического сгорания / выгорания членов семейной системы, помогает развитию (расширению и углублению системы) семейных ресурсов как совокупности ее возможностей и опыта членов семьи в сфере совладания с трудностями. Он также помогает поддерживать баланс «вкладов» в семейную систему всех членов семейной системы, гармоничность взаимоотношений семейной системы и общества [13; 16; 17; 20; 22]. Жизнеутверждающий потенциал представляет собой возможности и

ограничения совладания (жизнеутверждения). Обладая ими, семейная система проходит трудности и перипетии своей жизнедеятельности. От них напрямую зависят процессуальные и результативные стороны прохождения семьей трудных и кризисных ситуаций и этапов ее жизнедеятельности. Формирование и развитие жизнеутверждающего потенциала семейной системы – процесс, соотносящийся с принятием решений (выборами) семьей, ее членами себя самих и своего пути. Это выбор между жизнеутверждением, развитием семейной системы, в том числе на уровне рода, этноса, страны, человечества, и с жизнеотрицанием, смертью семейной системы, в том числе на уровне рода, этноса, страны, всего человечества. Сказать жизни «Да!» – самое важное решение, определяющее выход семейной системы и человека из любого кризиса, продуктивно и эффективно пройти проблемные стадии цикла семейного развития [10; 12; 15; 18; 19; 21; 23].

Список использованных источников

1. Алешина Ю.Е. Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1987. – №2. – С. 60-72.
2. Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психол. журн. – 1993. – Т. 14. – № 2. – С. 3 – 12.
3. Берн Э. Игры в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. М., Эксмо, 2003. 351 с.
4. Кратохвил С. Психотерапия супружеских отношений. – М.: Медицина, 1990. – 328с.
5. Кроник А.А., Кроник Е.А. В главных ролях: вы, мы, он, ты, я. – М.: Мысль, 1989. или Психология человеческих отношений. – Дубна: Издательский центр «Феникс», М.: Когито-центр, 1998. – 224 с.
6. Крюкова Т.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи: Жизненные трудности и совладение с ними. – СПб.: Речь, 2005. – 240с.
7. Лэнгле А. Дотянуться до жизни. Экзистенциальный анализ депрессии – М.: Генезис, 2010. – 128с.
8. Маслоу А. По направлению к психологии бытия. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002 – 272с.
9. Минигалиева М.Р., Ничипоренко Н.П. Зрелые межличностные отношения: условия развития // Журнал Семейная психология и семейная терапия. – №1. – 2002. – С. 86-97.
10. Роджерс К. Психология супружеских отношений. Возможные альтернативы. -М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 288с.
11. Сатир В. Вы и ваша семья. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 320с.
12. Тиллих П. Мужество быть. Избранное. М.: Прогресс, 1995. 479с.
13. Хеллинггер Б. Порядки Любви. М., Изд-во Института психотерапии, 2007. – 348 с.
14. Швейцер А. Жизнь и мысли / Сост., послесл., примеч. А. Л. Чернявского. – М.: Республика, 1996. – 528 с.
15. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В. Семейная психотерапия. -Л.: Медицина, 1989. – 192 с.
16. Эриксон М., Хейли Дж. Стратегии семейной терапии. – М.: Институт Гуманитарных Исследований, 2001. – 448с.
17. Minuchin S. Families and Family Therapy. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1974. – 320p.
18. Moreno Z. T. A Survey of Psychodramatic Techniques // Psychodrama: Theory and Therapy / Greenberg I. (ed.). – London: Souvenir Press, 1974. – P. 85-100.
19. Feldman H., Feldman M. The family life cycles some suggestions for recycling. Journal of marriage and the family, 1975. – Vol.37, №2. –P.277-284.
20. Duvall, E. M. Family Development. – Chicago : Lippigcolt, 1957. – 533 p.

21. Spanier G.B., Lewis R. A. and Cole Ch."Marital Adjustment Over the Family Life Cycle: The Issue of Curvilinearity // Journal of Marriage and the Family. – 1975. – Vol. 37. – P. 263-75.
22. Glick P.C. Updating the life cycle of the family // Journal of marriage and the family, 1977. – Vol. 39. – №1. – P.5-14.
23. Spanier Qr.B., Lewis R.A. Marital quality: a review of the seventies // Journal of marriage and the family, 1980. – Vol.42. – P.96-110.

Ижванова Елена Михайловна
кандидат психологических наук
Психологический центр Елены Прудниковой
психолог-консультант
127282 Москва, Заревый пр. д.12, кв.174
E-mail:izhvanova@bk.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ОБРАЗОВ В СНОВИДЕНИЯХ ПРИ ПСИХОТЕРАПИИ

Аннотация. В статье представлен опыт анализа сновидений, связанных с проблемами мужско-женских отношений. Работа с символом «гора» и сны показали, что на формирование личности самой младшей женщины в семье М. оказали влияние прабабушка, бабушка и мать, что отразилось в символе «гора» в виде трех одинаковых гор с округлыми вершинами, а семейный сценарий сформировался под влиянием прабабушки. Образ женщины противоречив и плохо сформирован. Образ мужчины также носит противоречивый характер: он либо угрожающий, либо безопасный, но неполноценный. Трансформация структуры личности отразилась в изменении образа помещения, а продвижение в терапии – в трансформации образа пути. Чувства, вышедшие из-под контроля, проявились во снах, связанных с туалетом и водой.

Ключевые слова: трансформация, гендерные образы, структура личности.

Izhvanova Elena Michalovna
candidate of psychological sciences, associate professor,
Psychological Center of Elena Prudnikova
counseling psychologist
127282 Moscow, Zareviy prospect, 12, apt.174
E-mail:izhvanova@bk.ru

TRANSFORMATION OF IMAGES IN DREAMS WHEN PSYCHOTHERAPY

Annotation. The article presents the experience of dream analysis on the problem of male-female relations. Work with a mountain symbol and dreams showed that the great-grandmother, the grandmother and mother that was reflected in a mountain symbol in the form of three identical mountains with roundish tops had impact on formation of the identity of M., and the family scenario was created under the influence of the great-grandmother. The image of the woman is inconsistent and badly created. The image of the man has inconsistent character: it or menacing, or safe, but defective. Transformation of structure of the personality was reflected in transformation of an image of the room, and advance in therapy – in transformation of an image of a way. The feelings which got out of hand were shown in the dreams connected with a toilet and water.

Keywords: transformation, gender images, structure of the personality.

Семейные проблемы, проблемы материнства и детства поднимаются уже не только в научных статьях, но и в популярных, например, Петрановская Л. [3] рассматривает травмы поколений российских семей, обусловленные историческими событиями. В тех условиях старшее поколение в основном выживало, а не жило и не могло научить последующие поколения любить и быть любимыми. С ней перекликается статья Натальи Богдан [1]. Автор поднимает проблему не только детско-материнских отношений, но и отношение женщин к женским ролям: «Мы не видим в этом ценности, важности. Семья, материнство,

преданность, жертвенность, женственность... Все обесценилось. Все потеряло смысл». Помимо того, что младшее поколение женщин воспитывалось в детских учреждениях, что отмечает и Л.Петрановская, Н.Богдан пишет: «Нам говорили - учись, а то будешь домохозяйкой», показывает, что в такой установке роль домохозяйки выглядит совершенно не привлекательной. И второй момент, отмеченный Н.Богдан – родители не знали ничего о внутреннем мире, о мечтах и стремлениях детей, а дети не знали родителей, поскольку не было времени на душевные разговоры и совместный отдых. Предлагаемый выход из существующего положения дел – «учиться быть матерью, женой, хозяйкой, женщиной» [1].

В данной статье рассматривается работа с клиенткой М. в течение 8 месяцев. В процессе работы использовался анализ сновидений, символдрама и эриксоновский гипноз. При анализе сновидений опора была не столько на юнгианское значение символов, сколько на значение символов для клиентки.

На момент работы М. было 33 года. Родители развелись, когда М. было 5 лет. Когда ей было 6 лет, мать вышла второй раз замуж, когда ей было 10 лет, ее мать опять развелась. Недавно вышла замуж 3-й раз. Разводы и замужества привели к фиксации на возрасте 4-5 лет и 10 лет в виде двух субличностей: младшей – боевой и веселой, а старшей – со взглядом ребенка из детдома.

Следует отметить, что старшие женщины в семье (прабабушка и бабушка) также выходили замуж не один раз: прабабушка 3 раза, бабушка - 2 раза. В отличие от старших женщин М. замужем не была. Отношения между старшими женщинами не были теплыми. К карьере они не стремились, поскольку считали, что женщина должна быть замужем, поэтому отношения с мужчинами всегда были на первом месте, хотя складывались не особенно удачно. Интересно отметить, что на формирование личности М. оказали влияние все три старшие женщины. Помимо анализа семейной истории, в работе в формате символдрамы с символом «гора» появились 3 горы с округлыми вершинами. Обычно при работе с таким символом появляется одна гора, которая в норме символизирует образ мужчины, но в данном случае оказалось целых три и все они характеризуют не мужскую, а женскую фигуру.

Роль прабабушки и бабушки в жизни М. отразилась в снах. В первом сне М. снится, что прабабушка написала сценарий - непременно замужество, а во втором сне этот сценарий надо «отмыть», причем в соответствии со сценарием сна это должна была сделать бабушка, помыв в ванной прабабушку, но она поручила это внучке. В каком-то смысле М. сценарий переписала, причем радикально, потому что замуж выходить не хотела и не вышла.

Тема бабушки проявлялась в снах неоднократно. Первые два сна указывают на переосмысление прежних детских отношений с бабушкой: то, что раньше было интересно, перестало быть таковым, а также отношение к бабушкиным подаркам, которые ей раньше нравились, а теперь кажутся некрасивыми как снаружи, так и внутри. В третьем сне звучит тема грусти, тоски и жалости к умершей бабушке, которая проявилась в том, что М. сначала проезжает мимо ожидающей на остановке бабушке, а потом к ней возвращается. При этом интересно отметить, что от этих чувств М. может закрыться (есть зонтик), но не закрывается.

Чувство невыполненного долга по отношению к бабушке - быть счастливой, как она сама это понимала и желала внучке, у М. было осознано через сон, где бабушка говорит, что надо ребеночка завести, а говорит: «Ребеночка не хочу». Надо сказать, что бывший парень ей на самом деле предлагал ребенка завести, но она к тому моменту приняла решение с ним окончательно расстаться.

В психотерапевтической работе часто отношение к значимой фигуре меняется на противоположное. Так и отношение к бабушке меняется на противоположное, что отразилось в сне: идет война, а бабушка оказывается предательницей и изгоняется из квартиры. Символически этот сон можно трактовать так: у М. обостряется внутренний конфликт и бабушка изгоняется из структуры личности как «предательница».

Сны, связанные с матерью, вызывали у М. чувства грусти, одиночества, ненужности и обиды. Эти чувства проявились в снах, где мама или опять спит или болеет и вообще не

хочет жить с М. и ее братом. А еще обиды из детства были на то, что ее считают бестолковой, хотя М. себя считает вполне самостоятельной, что, в общем-то, так и было, потому что предоставленный сам себе ребенок школу и институт закончил. Во сне М. хочется плакать, но она не плачет, а справляется.

После встречи с матерью и достаточно откровенного разговора с ней отношение к старшим женщинам стало гораздо лучше. Проблема с женской самоидентичностью отразилась в пяти снах. В первом сне нет понимания, как это быть женщиной (она тренер в бассейне, но у нее нет очков для плавания), а в остальных четырех – не знает, чего же она хочет от мужчины.

В процессе работы М. пришла к выводу, что идеализирует партнеров, требует от них безграничной «отцовской» любви, которой не хватало в детстве, а потом разочаровывается. Кроме того, она готова встречаться с теми, кто понятен, но со временем становится не интересно, а с теми, кто не понятен и не доступен – интересно.

Роль мужских фигур в детстве М. не была значительной. Отца она практически не помнит, от второго мужа матери осталось ощущение, что он был как бы вне их жизни. Положительные воспоминания касались в основном отца отчима, который занимался с ней и братом. После развода сына отец отчима перестал с ними общаться, и М. старалась о нем не вспоминать. О том, что представления о них спутаны, совершенно ясно говорит сон, в котором в старой квартире, где жили с братом и мамой, какие-то «папы» наслаиваются один на другого.

Созависимые отношения с молодым человеком в течение 9 лет напоминали жизнь «как на вулкане». В любой момент он мог спровоцировать скандал, сказать, как ему с ней плохо и уйти. Эти отношения и отход от них отразились во сне, в котором они жили на атомной станции, откуда М. потом ушла. Достаточно долго он снился М. в виде некоторой пугающей фигуры.

Страх перед мужчинами проявился в снах, где мужчины либо кричат на М., либо чем-то не довольны, но не говорят, чем именно, и ей надо догадаться, либо это вообще какие-то криминальные личности. В отношениях с мужчинами М. боится повторения прошлого и не доверяет им, потому что проблемы, связанные с мужчинами, какими бы они не были, опять приведут к тому же. Об этом говорят сны, связанные с мужчинами и замужеством как про другую страну.

Есть сны с мужскими образами, в которых они снились М. либо в качестве угрожающих фигур (криминальные личности), либо безопасных, но неполноценных (инвалид на одной ноге или гей). Тем не менее, в процессе работы отмечались позитивные изменения мужских образов, например, сон о желании спасти отца из тюрьмы, который попал туда из-за каких-то махинаций на работе.

По мере продвижения в терапии угрожающие мужские фигуры преобразуются в неопасные и поддерживающие: суд над бандитами, которые убивали людей, а один отец бандита дает показания на своего сына. И ему стыдно за злодеяния сына, что он плачет. В другом сне мужчина защищает М. от кабана. Позже отношение М. к мужчинам стало несколько агрессивным. Кроме того, М. кажется, что если будет говорить правду о том, что действительно чувствует, проявит слабость. Ее тяготит желание быть нужной, любимой, об этом говорят следующие сны. В одном сне хочется продемонстрировать, что она лучше, а с другой стороны – недоступна. Во втором она делает вид, что ей не важно, что молодой человеку, которого она обучает работать на компьютере, уходит потом с другой девушкой.

Очень символичным оказался сон, в котором М. развязывает девочку, которую мужчина связал веревками. Несмотря на то, что веревка оказывается запутанной, М. справляется и успокаивает девочку. После чего М. приснилось три сна, которые последовательно показывают на уход от старых представлений («Зима, я взрослая убежала из дому - не могу найти дорогу обратно»). Второй сон с угрожающими фигурами говорит о страхе встречи с разъединенными содержаниями психического и указывает на развитие эго [4]: «У моря на горе старый каменный город. Начинается война, резко наступает враг.

Женщина кричит о помощи». Как было выявлено в процессе работы, в данном сне не интегрирована собственная агрессия, связанная с фемининностью. Третий сон с открытой дверью указывает на возможность выхода в новую жизнь, инициацию и возможность освобождения. Однако эти возможности пока не могут быть реализованы, т.к. они не представляются осуществимыми: «Мы в старой квартире. Мама ждет на входе на балкон. Я выхожу туда, балкон наклонен, и на него не вхожу. Страшно, что упадет».

В процессе работы мужские образы рассматривались также в контексте Анимуса, который проявился в затруднении выбора профессиональной самореализации.

Помимо гендерных образов изменения в структуре личности отразились в серии снов, связанных с трансформацией образа помещений, пути и чувств, вышедших из – под контроля.

Образ помещения трансформировался следующим образом. В начале работы приснилась какая-то странная квартира, в которой хаос (неустроенность, ремонт) на пути домой, потом старая квартира, где она жила с матерью и братом. Следующий сон говорит о сопротивлении в работе: «Иду домой, но не помню код (легкая паника, что не могу зайти), звоню соседям, открывают, но я не уверена, что захожу». Поскольку сопротивление не преодолевается, образ помещения трансформируется в старый сарай – дачу бабушки.

По мере продвижения в психотерапии происходит расставание с прабабушкиным сценарием, о чем говорит следующий сон: «Выезжаем из прабабушкиной квартиры. Всю мебель вынесли. Пусто, чисто, хорошо».

На процесс изменения указывают два сна: «Я в больнице. Все где-то там (горы, вода), а я тут застряла». «У меня что-то с глазом. Будут делать операцию». Но в процессе работы снова возникает сопротивление («Больница. На одной кровати я умерла, на другой - медленно замораживаюсь с головы до ног») и неверие в положительный результат («Старый город сказочный, богатый. Мы в городе чужие»).

Интересно отметить, что трансформацию гендерных образов сопровождает трансформация образа здания и пути. Образ здания трансформируется от грязной московской девятиэтажки, затем целого квартала заколоченных домов, и, наконец, до нового, но недостроенного офисного здания.

Образ пути трансформируется от преобладания фантазий (идет, не касаясь земли), потом идет по грязной земле и по воде, а затем поднимается по кирпичной стене. Далее путь теряется (не знает, куда двигаться) и появляется дорога, от которой М. отступает, проваливается глубоко, но выбирается, потом снова проваливается. Далее путь продолжается на машине, на поезде и самолете, но проблема потери пути звучит постоянно.

Таким образом, поиск себя как личности и женщины отражается в снах во множестве символов. Как в любом поиске, возможны уходы в сторону, а затем возвращение на главную дорогу на пути к себе.

Список использованных источников:

1. Богдан Н. Поколение женщин с искаженными ценностями... [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://uduba.com/page/list/category/40>
2. Лейнер Х. Кататимное переживание образов /Пер. с нем. Я.Л. Обухова. М, "Эйдос", 1996- 253 с.
3. Петрановская Л. Травмы поколений [электронный ресурс] – Режим доступа. - //URL: <http://soznatelno.ru/otnosheniya/travmy- pokoleniiy.html>
4. Юнг Э. «Анимус и Анима» [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://psyoffice.ru/Библиотека/Постъюнгианство>

Степанова Людмила Григорьевна
кандидат психологических наук
Белорусский государственный университет,
доцент кафедры психологии
220004, г. Минск, Кальварийская, 9
e-mail: stepanova_lg@yahoo.com

ВОЗМОЖНОСТИ НАРРАТИВНОЙ ПРАКТИКИ В РАБОТЕ С ТРАВМОЙ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности нарративного подхода к оказанию психологической помощи, как отдельным клиентам, так и семьям, оказавшихся в кризисных и трудных жизненных ситуациях, который заключается в том, чтобы выстроить платформу, с которой возможен другой взгляд на травму. Один из путей подобного восстановления связи с прошлым – выявление и насыщенное описание того, что отсутствует, но подразумевается во всех выражениях жизни. Этот прием «отсутствующего, но подразумеваемого» (основывается на идеях Ж. Дерриды, М. Фуко, Ж. Делеза) позволяет из трагической истории выйти в альтернативную, и обеспечивает точку входа в предпочитаемую историю.

Ключевые слова: нарративная практика, травма, нарратив, прием «отсутствующее, но подразумеваемое», карта нарративной практики.

Stepanova Lyudmila Grigorievna
candidate of psychological sciences,
Belarusian state University,
Associate Professor of the Department of Psychology
220004, Minsk, Calvary, 9
e-mail: stepanova_lg@yahoo.com

THE POSSIBILITIES OF NARRATIVE PRACTICES IN WORKING WITH TRAUMA

Abstract: The article discusses the features of the narrative approach to the provision of psychological assistance to both individual clients and families who find themselves in crisis and difficult situations, which is to build a platform from which a different view of the trauma is possible. One of the ways to restore this connection with the past is to identify and describe what is missing, but is implied in all expressions of life. This technique is "absent but implicit" (based on the ideas of J. Derrida, M. Foucault, J. Deleuze) allows of the most tragic stories to emerge in the alternative, and provides an entry point to your preferred story.

Key words: narrative practices, trauma, narrative, reception of the «absent but implicit», map of narrative practice.

Нарративный подход на сегодняшний день является одним из самых молодых и бурно развивающихся направлений в сфере оказания психологической помощи. Нарративные идеи и методики применяются в различных сферах: в индивидуальном консультировании, в работе с семьями, в школах, в реабилитационной работе с пострадавшими от различных форм насилия, в экстремальных ситуациях. И диапазон их применения неуклонно расширяется. основоположниками нарративного подхода являются М. Уайт и Д. Эпстон.

Однако, нарративный подход – это больше, чем просто набор техник. Это мировоззрение. В чем же суть нарративного мировоззрения? Прежде всего, в том, что нарративное мировоззрение отличается повышенным интересом к многообразию и уникальности социального бытия человека. Ведь человек не является изолированным

индивидуумом, он – часть сообществ, он – «узел отношений», точка наложения разных смысловых влияний. Также нарративные практики убеждены, что события происходят в физическом мире, а люди приписывают этим событиям смысл. Например, о двери можно сказать, что она наполовину открыта, а можно – что она наполовину закрыта. При одной и той же действительности налицо два принципиально разных смысла. Таким образом, так называемая объективная реальность – это продукт человеческого общения, знание не обретается пассивным образом, а активно конструируется человеком. Каждый описывает исходя из своего мировоззрения, из своей системы ценностей. Поэтому смыслы, которые люди приписывают событиям своей жизни, и то, каким образом они составляют из событий и смыслов истории о себе и о других людях влияет на них. Смыслы в той или иной мере открывают (или закрывают) людям возможности жить предпочитаемой жизнью, и тем самым представляют собой власть. Для нарративных практиков характерно контекстуальное видение проблемы, которое можно определить, как точку зрения, согласно которой все поведение должно анализироваться в контексте, в котором оно происходит. Необходимо учитывать социальный, культурный и исторический контекст, в котором порождается знание. Так как интерпретация любого действия вне контекста, в конечном счете, приводит к заблуждению. Контекстуализм – есть взаимосвязи [2].

В нарративном подходе считается, что жизнь каждого человека полиисторична. В ней состязаются за привилегированное положение разные истории. В какой-то момент какая-то из них становится доминирующей. Если доминирующая история закрывает человеку возможности развития, то можно говорить о существовании проблемы. Однако всегда есть опыт, не включенный в истории, из которого можно собрать альтернативные истории, и выяснить, какая из них является предпочитаемой. Так как нет истинных, правильных для всех историй, то и нарративный практик не может знать, что такое «правильное» развитие вообще и для данного человека в частности. Поэтому нарративный практик не является экспертом по жизни клиента, в этом клиент сам является экспертом. Однако позиция нарративного практика децентрированная и влиятельная. Это означает, что в центре разговора – клиент, его ценности, знания, опыт и умения. Нарративный практик умеет определенным образом задавать вопросы, но он не эксперт по тому, в каком направлении и каким образом человеку следует двигаться в жизни. Человек сам эксперт по собственной жизни. Поэтому нарративный практик не навязывает обратившемуся за помощью человеку никаких методов, которые сам считает правильными. Скорее, он постоянно просит клиента выбрать из нескольких возможных альтернативных направлений развития беседы тот, который больше всего подходит, представляется наиболее интересным, перспективным и полезным. В результате человек укрепляет контакт с тем, что для него важно в жизни – с ценностями, принципами, мечтаниями и добровольно взятыми на себя обязательствами, воплощаемыми в предпочитаемых историях его жизни. При работе с теми, кто пережил насилие и травму, нарративный практик не будет заставлять клиента заново переживать травмирующий опыт ради «отреагирования эмоций»; он постарается создать безопасный контекст, чтобы этот опыт был вписан в историю человека, в осмысленную преемственность его жизни как эпизод, имеющий начало и конец [1]. Таким образом, забота о том, кто обращается за помощью, и неэкспертная позиция нарративного практика являются важными принципами нарративного подхода.

Так как в фокусе внимания нарративной практики находится взаимосвязь представлений человека о себе, о способности влиять на свою жизнь, авторской позиции по отношению к собственной жизни, то, во-первых, этот подход не про то, чтобы высвободить, встретить лицом к лицу, прожить повторно или проработать травму, а в том, чтобы выстроить платформу, с которой возможен другой взгляд на травму. А, во-вторых, это про то, чтобы определять и идентифицировать себя через *ответы* на травму, но не саму травму (т.к. диссоциированные воспоминания, если они исключают ответы человека, – это половинчатые воспоминания).

В нарративной практике считается, что травма – это какое-то нарушение важных

ценностей, убеждений, идей человека. Например, у каждого есть убеждение, как нужно относиться к людям, как вести себя в тех или иных ситуациях и т.д. Это может составлять идентичность, которая формируется из того, во что человек верит, из его ценностей, надежд, убеждений. Именно это делает жизнь человека осмысленной. Когда какие-либо идеи, ценности нарушаются, то возникает ощущение потери смысла, появляется травма.

В других подходах при работе с травмой может произойти ретравматизация, т.к. клиенты заново переживают свою травму. В нарративном подходе этого не происходит, т.к. травматический опыт – это только половина истории, а вторая половина истории (та, с которой в большей степени работают в нарративной практике) – этот тот травматический опыт, который человек получил. Это история активного, действующего человека, т.к. все наши действия отражают наши ценности. Важно сконструировать реакцию человека на травму, его сопротивление травме, какие действия он предпринял. И тогда есть возможность определить человека так, как его не определяет травма, эти истории определяют реакции человека на травму. Если помочь клиенту сконструировать другие линии его жизни, то можно найти другой контекст. Однако это не рефрейминг, который заменяет ориентацию «дверь полузакрыта» в восприятии событий и переживаний жизни человека на ориентацию «дверь полуоткрыта», и не создание другого описания, чтобы заменить или отменить изначальное повествование. А это про высвечивание незамеченных сторон рассказа, или воссоединение с событием или реакцией с другой перспективы, про расширение «нарративных ресурсов, доступных человеку, но также делает для людей возможным изменить и пересмотреть свои взаимоотношения с прошлым – не для того, чтобы подвергнуть его рефреймингу, не для того, чтобы вообще все стереть и придумать заново, но для того, чтобы на новых основаниях выстроить отношения с событиями прошлого» [5].

Один из путей подобного восстановления связи с прошлым – выявление и насыщенное описание того, что отсутствует, но подразумевается во всех выражениях жизни. Понятие «отсутствующего, но подразумеваемого» основывается на идеях Ж. Дерриды о том, как мы создаем смыслы, как мы «прочитываем» текст – и как заключения и смыслы, которые мы выносим из текста, зависят от проводимого нами различия между представленным в тексте (привилегированный смысл) и пропущенным в тексте (подчиненный смысл) [6]. А также на идеях М. Фуко, касающимся современной власти и ее роли в формировании человеческого «я» (в частности о том, что люди никогда не являются просто пассивными реципиентами того, что им «выпадает» в жизни; всегда есть точка противодействия), и идеях Ж. Дилеза, относительно того, что если «различие» – это основа опыта, мы можем настроиться на то, что, помимо проблемной истории, в беседе всегда присутствуют другие, отличающиеся от нее. Все, что не принадлежит к проблемной истории, становится возможным местом возникновения новых смыслов, которые могут укреплять способность человека влиять на собственную жизнь.

«Отсутствующее, но подразумеваемое» не содержится напрямую в высказывании клиента, но подразумевается в нем. Если обратиться к тем рассказам о жизни, которые клиенты чаще всего озвучивают, то можно увидеть, что в них «отсутствующее, но подразумеваемое» – это фон, находящийся за пределами фокуса внимания. На этом фоне актуальное переживание выделяется и распознается как страдание. Если принять предположение, что клиенты могут рассказывать о своей жизни, только сопоставляя свои переживания с тем, чем те не являются, тогда можно услышать не только, «что такое проблема», но и то, чем проблема не является – «отсутствующее, но подразумеваемое». Ведь каждое выражение переживаний человека возможно только в сопоставлении с другими переживаниями, не выражаемыми открыто, но подразумеваемыми. У слов нет внутренней, сущностной связи с тем, что они описывают – слова помогают различать те или иные вещи, поскольку отделяют что-то одно по сравнению с чем-то другим. Во всех описаниях присутствует эта двойственность. Ведь, например, мы можем различать «свет», поскольку мы знаем, что такое «темнота», «несправедливость» имеет значение только в отношениях со «справедливостью», а распознавание «отчаяния» зависит от понимания того, что такое

«надежда». Таким образом, другая сторона, делающая то или иное описание возможным – это «отсутствующее, но подразумеваемое». Так наше знание о назначении, намерениях и целях позволяет нам распознать фрустрацию; наши мечты и надежды дают возможность отличить отчаяние; только зная справедливость возможно распознать несправедливость; только через сильное стремление, желание двигаться по жизни в определенном направлении мы различаем тяготы и затруднения; а знание о ранении невозможно без знания об исцелении. Можно привести примеры вопросов с использованием отсутствующего, но подразумеваемого: «Когда Вы сказали, что сдаетесь, что Вы имели в виду? Что Вы продолжали делать вплоть до этой точки?», «Вы сказали, что были потрясены – какие идеи или верования у Вас есть, которые были подвержены этому потрясению?», «Вы сказали, что почувствовали стыд, что это было такое важное для вас, что стояло за этим стыдом?», «Когда Вы сказали, что жизнь стала битвой или схваткой – что это за жизнь, за которую Вы сражались таким образом?»

В контексте терапевтических бесед это означает, что если человек выражает эмоциональную боль в результате травматического опыта (например, «Я пытался покончить с собой, потому что я не хочу жить»), то мы можем спросить: «Правильно ли я понимаю, что Вы не хотите жить той жизнью, которой жили до недавнего момента? То есть хотели бы какой-то другой? Можете рассказать об этом побольше? Почему именно такие особенности жизни важны для Вас? Как Вы осознали это? Кто бы не удивился, узнав, что для Вас важно именно это? Что они о Вас знают, что позволяет им не удивляться?» Когда мы задаем подобные вопросы о том, что лежит в основе переживаний клиента и придает смысл страданию, обсуждаемому в терапевтической беседе, – мы тем самым создаем возможные предпочитаемые, или подчиненные, истории. С этого момента мы можем продолжать развивать насыщенное описание ценностей, надежд и планов, пострадавших в результате насилия или иного травмирующего опыта [7, с. 39]. То есть мы не пытаемся заменить, а находим, что подразумевается. Когда кто-то протестует против чего-то, то есть элемент оплакивания того, что лежит за чертой жалобы.

Таким образом, более полное и насыщенное описание «я» встраивается в сюжетные линии истории, и на первый план выводятся умения и знания, которые человек использует, чтобы справляться с различными жизненными ситуациями. Откликаясь подобным образом на рассказы людей, переживших тяжелые травмирующие события, М. Уайт стал называть предпочитаемые истории «подчиненными» или «вторыми»; эти истории как бы находятся в тени, отбрасываемой травматическим опытом [8].

Итак, работа с травмой в нарративном подходе – это использование «отсутствующего, но подразумеваемого». Психологическая боль клиента является свидетельством того, что есть что-то драгоценное, что было осквернено и помято. Если проявления содержат в себе пласт страданий, всегда есть еще один пласт, касающийся того, что оплакивается. Это проявление говорит, что оплакивание очень ценно.

Каков маршрут исследования «отсутствующего, но подразумеваемого» в работе с клиентом? М. Уайт начал исследовать способы формулирования вопросов-опор, ориентированных на выявление «отсутствующего, но подразумеваемого», и разработал так называемую «карту» нарративной практики, как средство ориентировки, к которой можно обращаться во время путешествия с людьми, решившими обратиться за помощью по поводу сложных ситуаций и проблем в жизни. Карта способствует осознанию разнообразия дорог, которые могут привести к желаемым целям: их можно разместить на карте – и тогда они станут более знакомыми и понятными. При этом М. Уайт подчеркивал, что его «карты – всего лишь один из возможных вариантов вспомогательного ориентировочного средства. Они не являются «истинным» и «верным» руководством по нарративной практике» [3, с. 19].

М. Хэйворд, опираясь на идеи М. Уайта и Ш. Рассел, предлагает следующие шаги для продвижения в сторону истории о способности влиять на собственную жизнь.

Первый шаг – это *исследование выражения*, которое является проблематичным и затруднительным в жизни людей. Говоря о своих опасениях, жалобах, сожалениях,

разочарованиях, страданиях, огорчениях, недоумениях, замешательствах, отчаянии и т.д., люди делают что-то. Они что-то ставят под вопрос или выражают чему-то протест. На этом этапе терапевт задает вопросы, чтобы получить максимально подробное описание проблемы, и начинает выяснять, как именно проблема влияет на разные области жизни человека. Терапевт предлагает человеку поделиться тем, как он(а) сам(а) понимает происходящее, и добавить любые подробности, которые помогут терапевту увидеть, с чем именно в жизненном опыте человека связано это понимание. Поэтому вначале важно исследовать это выражение (какие влияния эти чувства оказывают на жизнь), узнать о контекстах, внутри которых появляются данные трудности, и выявить, какое понимание может прийти таким образом. Например, «Могли бы Вы рассказать о том, что вызывает это беспокойство: где, в каком контексте это происходит и как вы начинаете думать об этом?»

Второй шаг – это понимание того, с чем связано это страдание, каким понятием данное выражение находится в отношениях. Необходимо собрать подробное описание того, к чему относится жалоба, беспокойство или страдание. То, чему они противостоят, может быть экстернализовано: например, маргинализация, порабощение, ожидания, властные практики, требования реальности. Мы можем задавать вопросы, помогающие охарактеризовать то, против чего люди настроены, в экстернализованной форме, например: «Что Вы отказываетесь продолжать?», «Против чего Вы протестуете/что оплакиваете таким образом?», «В чем эти ожидания пытаются убедить Вас – касательно вашей ценности как человека?», «Что именно они делают, чтобы убедить вас в этом? Какие тактики они используют, чтобы вы согласились с тем, как они вас оценивают?». Такое описание создает некоторую дистанцию между человеком и проблемой, чтобы человек мог «увидеть» идеи или представления, которые поддерживают проблему, их размещение в общественном, политическом или «отношенческом» контексте жизни, а также то, как эти идеи или представления мешают людям жить [3]. На этом шаге можно задержаться подольше («потоптать на месте»), исследуя последствия этого опыта, чтобы яснее понять, на что именно реагируют люди. По мере того, как становятся видимыми более широкие контексты переживаемой проблемы, люди получают поддержку в исследовании действий, которые они предпринимают в ответ на происходящее.

Третий шаг – *называние ответа или действия* (переход к «отсутствующему, но подразумеваемому»). Действие может быть названо как возражение, отказ, протест или сомнение. Выражение может мыслиться как действие, вырастающее из чувства авторства (*personal agency*). Люди не просто пассивно пересказывают то, что проблематично; само выражение проблемы может рассматриваться как действие, направленное на ее преодоление. Если бы выражение переживания не было формой протеста, сопротивления или сомнения в правомерности происходящего, то происходящее не обозначалось бы в качестве проблемы. Человек бы просто подчинился, принял бы текущее положение вещей и не привлекал бы к этим обстоятельствам нашего внимания. На этом шаге продвижения по карте формулируются вопросы-опоры, помогающие выявить, какого рода действия были предприняты в ответ на проблему. Например: «Какое действие было предпринято? Что это такое, что Вы делаете? Возможно, Вы придерживаетесь чего-то важного; выступаете за что-то; бросаете вызов тому, что было сделано по отношению к вам или кому-то другому», «Принимаете ли Вы эти ожидания? Или у Вас есть к ним вопросы?», «Как Вы отвечаете на недопонимание?», «Когда вы рассказываете о проблеме, жалуетесь на происходящее, с чем именно вы при этом не готовы согласиться, что не готовы принять как данность в своей жизни?», «Что именно в вашей жизни вы не готовы оставить, как есть?», «Как вы относитесь к подобному умалению ваших заслуг? Вы это принимаете? Или ставите под вопрос? Что это говорит о том, как вы действуете в ответ на умаление ваших заслуг?».

Четвертый шаг – исследование *навыков и знаний, выраженных в протесте*. Как только выражение страдания обозначено как поступок, мы можем способствовать подробному описанию особых знаний и умений, которые были необходимы, чтобы этот поступок совершить. Что является основой, базовыми элементами того, что делает человек: знанием и

историей о способности высказываться, протестовать или сопротивляться. Например: «Как для Вас стало возможным предпринять эти действия?», «Какие навыки справляться с трудностями задействованы здесь и что они говорят о том, что Вы знаете о жизни?». Когда мы задаем эти вопросы, мы как бы вскрываем «механику» того, что именно делает человек в ответ на ситуацию в своей жизни; все подобные действия требуют особых жизненных умений. Чтобы осуществить протест подобным образом, человек должен опираться на определенную личную историю, прежний опыт протеста или знания о возможностях протеста.

Пятый шаг – выявление *намерений и целей*. Когда мы создаем подробное описание умений и навыков, у нас появляется возможность задать вопросы о том, ради чего и зачем человек совершил свой поступок. Например: «Каковы Ваши цели, когда Вы выражаете свой протест или используете навыки таким образом?», «Что это говорит о том, чего Вы хотите в жизни или каковы Ваши намерения, планы на Вашу жизнь?», «Что Ваши действия говорят о том, что Вы знаете о жизни?», «Когда ты думаешь о том, что нельзя просто оставить все случившееся как есть, как ты себе представляешь, как оно должно быть на самом деле?». Любой поступок – выражение смысла.

Шестой шаг – выявление *чему придается ценность* (называние «отсутствующего, но подразумеваемого»). При этом мы рассматриваем страдание как отлучение от чего-либо значимого или как причинение вреда чему-либо значимому. И теперь это значимое, важное и ценное становится видимым и обретает название. Например: «Что эти намерения отражают такого, что является важным для Вас?», «Каковы Ваши надежды, когда Вы предпринимаете эти действия?», «Как это отражает Ваши планы на свою жизнь?», «Что это говорит о том, что для Вас важно в конечном итоге? Каких ценностей Вы придерживаетесь в своих намерениях на свою жизнь?». Важно иметь в виду, что эта ориентация на ценности не имеет отношения к морали или нормативным культурным предписаниям. Скорее, это исследование того, что имеет смысл и ценность для этого конкретного человека или сообщества. При этом также подчеркивается способность человека или сообщества влиять на собственную жизнь, воплощенная в актах придания значимости чему-то или сохранения надежды или желания каких-либо изменений в жизни.

И наконец, седьмой шаг – исследование *социальной истории и истории отношений*. После того, как мы установили, что именно ценно для человека или сообщества, мы можем поддерживать это «воскрешение непрерывности» ощущения «себя», выводя на передний план социальную и «отношенческую» историю этой ценности. «Отсутствующее, но подразумеваемое» способствует развитию чувства протяженности, связанности чувства себя (вместо ощущения разрозненности). Если мы устанавливаем, чему придается ценность, мы можем обогатить, более насыщенно описать историю этой ценности в социуме и отношениях. Соединение человеческих действий во времени и между людьми делает более ясным, что для них является недопустимым и придает ощущение движения и связи. Мы можем делать это посредством бесед, в которых прослеживается история поступков, знаний, умений и ценностей. Например: «А раньше эти смыслы как-то проявлялись в вашей жизни? Где именно?», «Делали ли Вы прежде что-то подобное?», «Можете ли вы рассказать, как вы научились этим умениям, как узнали об этих ценностях?», «Когда еще эти ценности проявлялись в Вашей жизни? Могли бы Вы рассказать мне историю об этом?». Чтобы еще больше укрепить предпочитаемые истории, мы задаем в ходе терапевтических бесед вопросы, помогающие установить связи человека с другими людьми из прошлого или настоящего, – людьми, которые разделяют, воплощают или поддерживают представления человека о том, что важно в жизни. Например: «Кто мог бы знать об этом и мог бы ценить то, что Вы отстаиваете в том, что Вы делаете?», «Знает ли кто-либо еще о том, что Вы отстаиваете? Что позиция, которую Вы занимаете, значит для них?», «Кто еще может разделять Ваши взгляды на то, что здесь важно?», «Какое значение это имеет в Вашей жизни, если Вы думаете об этих людях?». Когда мы задаем вопросы, объединяющие

множество людей вокруг «отсутствующего, но подразумеваемого», это помогает человеку продолжать действовать в соответствии со своими ценностями.

Эта область расспрашивания помогает узнать, как история формирует основания для текущих действий. Это исследование, соединяющее людей с их историей и с другими людьми вокруг того, что является важным – отсутствующим, но подразумеваемым.

М. Кэри, С. Уолтер, Ш. Рассел в карте построения опор при исследовании «отсутствующего, но подразумеваемого» выделяют еще один шаг – это *установление связей между поступками, проектирование будущего*. На этом шаге у человека появляется «момент движения» – история начинает набирать обороты, – и у него укрепляется ощущение способности влиять на собственную жизнь. Например: «Как акты протеста, которые вы осуществляли в детстве, связаны с теми, что вы предприняли недавно?», «Каким образом эта история «тихого, но твердого «нет»» создает основание для поступков в настоящем?». Когда мы связываем поступки между собой, чтобы получилась история, мы тем самым выводим на передний план тематическую преемственность; при этом становится ясно видимой история «я», которая «отсутствует, но подразумевается» в изначальной жалобе или выражении страдания. Это обеспечивает основание для простраивания сюжета истории в будущее – человек теперь осознает, что уже сталкивался с чем-то подобным раньше, и знает, что делать. Эта последняя категория расспрашивания важна для поддержания ощущения способности влиять на собственную жизнь, которое будет доступно человеку и в дальнейшем [4].

В заключении хочется подчеркнуть еще раз, что нарративного практика не интересуется история травмы, а интересуется ответы клиента на травму, реакции клиента на нее. Важно выявить ценности клиента, помочь клиенту получить больше знаний о своей собственной жизни. Ведь когда травматический опыт берет вверх над жизнью, человеческие ответы зачастую преуменьшаются или вовсе остаются незамеченными, и это может заслонять память о них. Человек не может изменить травму, но он может изменить ее влияние на свою жизнь. И этому может прием «отсутствующее, но подразумеваемое», который позволяет из самой болезненной, рвущей пополам, трагической истории вырвать в альтернативную, предпочитаемую, и обеспечивает точку входа в предпочитаемую историю.

Список использованных источников:

1. Кутузова, Д.А. Психосоциальная реабилитация пострадавших от произвола и насилия: Практическое пособие / Д.А. Кутузова. – М.: Фонд «Общественный вердикт», 2008.
2. Степанова, Л.Г. Нарративный подход в консультировании и психотерапии: теоретическое основание /Л.Г. Степанова // Семейная психология и семейная психотерапия. – 2014. – № 2.
3. Уайт, М. Карты нарративной практики: Введение в нарративную терапию / М. Уайт. – М.: Генезис, 2010.
4. Carey, M. The Absent but Implicit: A Map to Support Therapeutic Enquiry / M. Carey, S. Walther, S. Russell // Family Process. – 2009. – Vol. 48. – № 3.
5. White, M. Direction and discovery: A conversation about power and politics in narrative therapy / M. White // Reflections on Narrative Practice: Essays and Interviews. – Adelaide, South Australia: Dulwich Centre Publications, 2000.
6. White, M. Re-engaging with history: The absent but implicit / M. White // Reflections on Narrative Practice: Essays and Interviews. – Adelaide, South Australia: Dulwich Centre Publications, 2000.
7. White, M. Narrative practice and community assignments / M. White // International Journal of Narrative Therapy and Community Work. – 2003. – № 2.
8. White, M. Children, trauma and subordinate storyline development / M. White // International Journal of Narrative Therapy and Community Work. – 2005. – № 3–4.

Отношение молодежи к семье

Лисичная Алена Константиновна

*Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова,
студентка лечебного факультета*

*Научный руководитель – Есина Светлана Владимировна
кандидат психологических наук, доцент*

117437 г. Москва, Академика Волгина, 37

E-mail: ua-001@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВОВ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются мотивы вступления в брак современной молодежи, а также приводится сравнительный анализ мотивации вступления в брак молодых людей 18-25 лет, живших во второй половине XX века и начала XXI. Доказано, что система ценностных ориентиров современного российского общества претерпела значительные изменения, что существенно сказывается на психологических особенностях развития личности, в том числе на мотивации вступления в брак.

Ключевые слова: мотивация вступления в брак, ценностные ориентиры современной молодежи, сравнительный анализ мотивации вступления в брак.

Lysychnaya Aleona Konstantinovna

*Pirogov Russian National Research Medical University,
Student of the Faculty of Medicine*

*Scientific adviser - Esina Svetlana Vladimirovna
candidate of psychological sciences, associate professor,*

117437 Moscow, Academician Volgin, 37

E-mail: ua-001@mail.ru

RESEARCH OF MODERN YOUTH'S MOTIVES FOR MARRIAGE

Abstract. The article discusses the reasons of marriage of modern youth and compares the motivation persons who lived at the second half of the XX century and at the beginning of the XXI century. It is proved that the value system of modern Russian society has undergone significant changes; so it influence into the psychological features of the person development and the motivation for marriage.

Key words: the motivation for marriage, the value orientations of modern youth, a comparative analysis of sources of motivation.

Брак и семья относятся к числу явлений, вызывающих значительный интерес среди исследователей. Вопросы устройства семейных отношений затрагивали в своих трудах еще Аристотель и Платон, предлагая свои принципы функционирования данного социального института. Для современного общества вопросы семьи и брака имеют первостепенную важность, так как тенденции развития представлений в этой сфере обуславливают демографическое положение, передачу духовных ценностей, общий курс развития социума.

В научной литературе мы встречаем множество определений семьи: «социальный институт», «ячейка общества», «малая группа совместно проживающих и ведущих общее

хозяйство родственников». Психологический подход к пониманию семьи специфичен. В рамках этого подхода семья рассматривается как пространство совместной жизнедеятельности, внутри которого удовлетворяются специфические потребности людей [3].

Между понятиями *брак* и *семья* существует тесная взаимосвязь. Однако существует и принципиальное различие. Семейные отношения регулируются нормами морали и права, брак составляет их основу.

В ходе опроса молодежи (в возрасте от 18 до 30 лет) были получены представления о семье и браке, приводящиеся ниже. С нашей точки зрения, они отражают структуру современных представлений в данной области.

«Брак означает юридическую защищенность, а семья – счастье»;

«Семья – это сильная команда сильных индивидуумов»;

«Семья – это любовь, поддержка, возможность быть нужным, душевное здоровье»;

«Семья всегда должна быть на твоей стороне, это единственные люди, которым ты всегда должен быть люб и дорог. В отличие от друзей, которые не обязаны тебя любить»;

«Если планируются дети, семья нужна, если нет - ни в коем случае»;

«Семья имеет смысл только ради детей»; *«Семья – основа здорового общества».*

В преимущественном большинстве значение семьи определялось как *«поддержка и опора личности»* (70% опрошенных).

Жизнедеятельность семьи определяет уровень удовлетворенности ее членов, общества в целом, так как является его функциональной частью. Нарушение структуры взаимоотношений в семье влечет за собой ряд последствий, сказывающихся на физических, культурных и духовных характеристиках ячейки общества. Вопрос о том, что в семье является нормой, а что нарушением, - один из наиболее трудных вопросов в современной науке о семье [4]. Еще совсем недавно незарегистрированный брак (сожительство) имел ярко отрицательную оценку большинства слоев населения и был морально неприемлем.

В январе 2018 года, по данным опросов ВЦИОМ, 46% совершеннолетних россиян считали, что это нормально, когда два человека живут вместе, не намереваясь вступить в официальный брак. По результатам нашего исследования, проведенного в августе 2018 года, 60,2% опрошенных жили в сожительстве до регистрации брака. Это позволяло присмотреться к партнеру и совместной жизни, понять, готовы молодые люди к длительным семейным отношениям.

Деструктивность семьи является значимой проблемой современного мира. Социальный и технический прогресс диктует новые цели молодому человеку, ставит новые задачи. Сегодня в приоритете находятся образование, работа и продвижение по карьерной лестнице, в то время как значимость семьи отступает на задний план. Современная женщина стремится к свободе, она активно использует все возможности, предлагаемые изменяющимся миром, принимает на себя некогда исключительно мужские роли и функции. *«Брак – это союз двух равнозначных личностей»*, - современная молодежь говорит на языке равенства, силы и приоритета достижений. Нельзя предположить, что такой переход не отразится и на современных семьях.

Эмпирически доказано, что источником трудностей в семейной жизни могут стать особенности выбора партнера, принятие решения о вступлении в брак. Мотивация выбора брачного партнера в классическом психоанализе объясняется опытом индивида в прошлом. В современных моделях принято также рассматривать актуальные потребности личности в настоящем [3]. Именно поэтому мы провели сравнительный анализ мотивации вступления в брак молодежи, жившей во второй половине XX века, и представителей современного российского общества.

По данным исследования, проведенного С. И. Голодом в 1977 год, была составлена подробная карта мотивов вступления в брак (Табл. 1). Результаты приведены ниже.

Таблица 1. Система мотивов заключения брака в 1977 году

Мотив заключения брака	Мужчины, %	Женщины, %
Любовь	39	50
Общность интересов	26	28
Чувство одиночества	15	6
Чувство сострадания	7	3
Вероятность скорого рождения ребенка	7	3
Случайность	4	3
Материальная обеспеченность будущего мужа (жены)	0	3
Наличие жилплощади у будущего мужа (жены)	2	1
Другие мотивы	0,6	4

Как видно из таблицы 1, большинство молодых людей (50% женщин и 40% мужчин) вступают в брак по «любви». При этом мотив «общности интересов», являющийся основой функциональной структуры семьи, встречается еще реже – менее чем у 30% опрошенных. Однако ни материальная обеспеченность, ни наличие жилплощади не является ведущими в системе мотивации вступления в брак, что с нашей точки зрения отражает моральные и ценностные ориентиры общества.

Исследовательская работа «Мотивы вступления в брак мужчин и женщин», выполненная Новосибирским гуманитарным институтом в 2009 году, позволяет выявить динамику развития преобладающих мотивов (Табл.2).

Таблица 2. Система мотивов заключения брака в 2009 году

Мотив заключения брака	Мужчины, %	Женщины, %
Любовь	70	80
Общность интересов	40	50
Чувство одиночества	10	5
Вероятность скорого рождения ребенка	10	5
Материальная обеспеченность будущего мужа (жены)	10	20
Наличие жилплощади у будущего мужа (жены)	20	10
Желание уйти из-под опеки родителей	0	10

Как видно из приведенных в Таблице 2 данных, произошло резкое увеличение выбора мотива «Любви» при заключении брака (с 39% у женщин и 50% у мужчин до 70% и 80% соответственно), но в то же время материальная мотивация и финансовая составляющая также резко увеличила свою значимость. Данные мотивы заключения брака выросли десятикратно. Показатели выбора партнера, ориентированного на материальные блага, увеличиваются быстрее, чем основанный на личностных характеристиках выбор. Данную картину можно интерпретировать в рамках перехода государства на новый экономический курс, активного развития структуры потребностей населения. В значительной мере оказывает влияние расширяющиеся возможности для реализации личности во всех сферах жизни.

Деструктивный мотив «желания уйти из-под опеки родителей» встречается у каждой десятой женщины, что на наш взгляд требует особого внимания семейных психологов и психотерапевтов. Данные о мотивах вступления в брак в дисфункциональных семьях

показывают, что на первом месте (50% опрошенных) было желание уйти от родителей, создав свою семью, а мотив заключения брака по любви обнаружили только 9,7% опрошенных [4].

Исследования, проведенные нами в августе 2018 года на 270 респондентах в возрасте от 18 до 30 лет, позволяют составить реалистичную картину мотивации вступления в брак в современных семьях (Табл.3).

Таблица 3. Система мотивов заключения брака в 2018 году

Мотив заключения брака	Мужчины, %	Женщины, %
Любовь	77	83
Общность интересов	56	56
Чувство одиночества	6	8
Чувство сострадания	2	0
Вероятность скорого рождения ребенка	6	11
Материальная обеспеченность будущего мужа (жены)	10	11
Наличие жилплощади у будущего мужа (жены)	4	6
Следование традиции, инициатива родителей	12,5	8
Случайность	8	5
Другие мотивы	15	15

В соответствии с данными, приведенными в таблице 3, процент молодых людей, вступающих в брак из-за мотива «любви» продолжает увеличиваться. Примечательно, что среди опрошенных возрастной категории 25 – 30 лет данный мотив встречался на порядок чаще, чем в категории 18 – 20. Обнаруживается положительная динамика при выборе мотива «Общности интересов», ориентируясь на которую можно сделать предположение о ценностном значении семьи для современной молодежи. Определение семьи и брака как «источника развития и реализации личности» можно считать феноменом общества XXI века.

Следует обратить особое внимание на резкие изменения значимости мотива «материальное положение» у женщин. Составляющий всего 3% при опросе 1977 года, в 2009 его доля возросла до 20%. Более чем шестикратное увеличение показателя, несомненно, оставило след на структуре семей, их функциональности, процессах преодоления кризисных периодов. Однако при исследовании в 2018 году показатель понизился до 10%. На этом основании стоит выделить еще один феномен современного российского общества, следующего мировым тенденциям, - в системе приоритетов человека вне зависимости от его пола переходят на первый план личные достижения. Приоритеты образования, работы, карьерного роста оказывают значительное влияние на психологический портрет современной женщины.

Ошибочный выбор партнера – одна из наиболее часто встречаемых проблем при работе с дисфункциональными семьями. Неоправданные ожидания, касательно будущего супруга/супруги, система мотивов выбора партнера, препятствующая развитию личности и успешному преодолению кризисных этапов жизни, составляют предпосылки развития семейной неудовлетворенности.

Мотивация вступления в брак за последние десятилетия претерпела значительные изменения и активно продолжает корректировать свою структуру. Пристальное внимание к динамике данного явления способствует выявлению тенденций развития института семьи, а также более полному пониманию структуры уже имеющихся семейных отношений.

Список использованных источников:

1. ВЦИОМ. Брак и сожительство: ставим знак тождества? [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://wciom.ru/>
2. Курсовая работа «Мотивы вступления в брак мужчин и женщин», Новосибирск, 2009. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.studmed.ru/view/kursovaya-rabota-motivy-vstupleniya-v-brak-muzhchin-i-zhenschin_874988209a1.html
3. Л.В. Доманецкая; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Психология семьи и семейного воспитания: учебное пособие. 2013. – 212 с.
4. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 672 с.

Максимова Лариса Юрьевна
кандидат филологических наук,
начальник ФГКОУ «Московский кадетский корпус
«Пансион воспитанниц Министерства обороны РФ»
125284, г. Москва, ул. Поликарпова, 21
Email: ms-pans@mil.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛОРОЛЕВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВОСПИТАНИЦ ПАНСИОНА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. Статья раскрывает опыт реализации Пансионом воспитанниц Министерства обороны РФ гендерного подхода в образовании, рассматриваются проблемы формирования полоролевых представлений старших подростков, обучающихся в Пансионе, приводятся результаты эмпирического исследования фемининности и женских ролей.

Ключевые слова: гендерный подход, социализация, фемининность, женская роль, эгалитарный тип поведения, традиционалистская модель поведения, материнство.

Maksimova Larisa Yuryevna
PhD in Philology
head of the Moscow cadet's school "Boarding school
of Ministry of Defense of Russian Federation" (MCS)
125284, Moscow, str. Polikarpova, 21
Email: ms-pans@mil.ru

GENDER-ROLE CONCEPT FORMATION OF GIRLS OF BOARDING SCHOOL AT IMPLEMENTING THE GENDER APPROACH IN EDUCATION

Abstract. The article reveals the experience of implementation of the gender approach in education by the Boarding School for girls of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the problems of gender-role concept formation of older teenagers studying at Boarding School, draw conclusions of an empirical study of femininity and female roles.

Key words: gender approach, socialization, femininity, female role, egalitarian type of behavior, traditionalist model of behavior, motherhood.

Актуальность гендерного подхода в образовании как социальном институте, задачей которого является развитие гармоничной личности, бесспорна. В процессе социализации ребенок встречается с обстоятельствами, предъявляющими к нему условия, которые зависят от его принадлежности к определенному полу. В связи с этим гендерный подход в образовании позволяет реализовать условия, направленные на создание благоприятной среды, содействующей самоопределению обучающихся. Особенное внимание целесообразно обратить на образовательные организации кадетского интернатного типа, в которых обучение проводится в гомогенной по полу среде в условиях отрыва от семьи.

Примером такой образовательной организации является Пансион воспитанниц Министерства обороны РФ, в котором успешно реализуется программа гендерного воспитания, рассчитанная на воспитанниц старших классов. Программа разработана с учетом личностных и психофизиологических особенностей девочек и направлена на повышение уровня гендерной культуры воспитанниц и их успешной социализации. Проводимые в рамках данной программы занятия формируют у девочек конструктивные гендерные представления, умения распознавать поведение, характерное для высокого или

низкого уровня гендерной культуры, анализировать стереотипы об отношениях мужчин и женщин, распространенные в обществе.

Важным аспектом гендерного воспитания в Пансионе является помощь воспитанницам в понимании роли женщины в современном российском обществе, усвоению девочками образцов женского поведения, осмыслению понятия материнства. В связи с этим, в Основной образовательной программе и в системе дополнительного образования важная роль отводится таким направлениям, как мировая художественная культура, музыка, хореография, изобразительное искусство, основы стиля, этикет, кулинария, рукоделие, шитье. В рамках проекта «Творческая гостиная» воспитанницы Пансиона встречаются с известными представительницами науки, политики, медицины, успешными как в социуме, так и в роли матери и жены.

В целях оценки эффективности проводимых мероприятий в Пансионе ведется мониторинг реализации гендерокомфортной среды, основанный на принципах личностно-ориентированного образования и воспитания. В рамках мониторинга проведено исследование полоролевых представлений воспитанниц старшего подросткового возраста относительно фемининности и женских ролей. В исследовании приняли участие воспитанницы десятых и одиннадцатых классов. В текущем учебном году в указанных параллелях обучается 187 воспитанниц. Используются методики, авторами которых являются доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека РГПУ им. А.И. Герцена И.С.Клецина, и кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Е.В.Июффе [2]. Это - опросник «Нормы женского поведения», анкета «Базовые традиционные нормативные установки в сфере родительства» и анкета «Характеристики отцовского и материнского отношения к дочерям и сыновьям».

Примененные методики позволяют определить систему полоролевых представлений относительно фемининности и женских ролей, которые побуждают действовать в соответствии с этими представлениями и избегать того, что ими не поощряется. Под фемининностью понимается набор личностных и поведенческих черт, соответствующих стереотипу «настоящей женщины»: мягкость, заботливость, нежность, слабость, незащищенность и т.д. Формируемые в подростковый период нормы впоследствии будут являться регуляторами семейных отношений, что является важной характеристикой современной ситуации трансформации ролей в семье.

Шкалы опросника соответствуют основным ролевым нормам, отражающим систему взглядов традиционной фемининной идеологии: 1) установка на материнство и замужество; 2) значимость привлекательной внешности; 3) стремление быть хорошей хозяйкой; 4) готовность заботиться о семье и близких людях; 5) эмоциональная чувствительность, мягкость, уступчивость, слабость и незащищенность.

Для третьей части воспитанниц старших курсов характерна приверженность традиционалистским нормам женского поведения. Результаты показателей каждой четвертой воспитанницы соответствуют приверженности эгалитарным нормам. Наличие и тех, и других показателей свойственно для 45% респондентов, что отражает смешанный тип женских норм, отсутствие приверженности к одной из полярных моделей фемининности.

Забота о семье и близких людях — важная характеристика поведения женщины. Такие качества, как вовлеченность в родственные отношения, контактность, склонность к эмоциональной близости, сострадательность, способствуют проявлению женщинами заботы о членах семьи.

Почти половина старших подростков, обучающихся в Пансионе воспитанниц МО РФ, (46%) имеют высокие значения по шкале «Готовность заботиться о себе и близких людях». Девочки убеждены в том, что благополучие каждого члена семьи, забота, создание теплой семейной атмосферы являются сферой ответственности женщины. Еще 13% воспитанниц придерживаются установок, согласно которым забота друг о друге должна быть

распределена между всеми членами семьи, а уход за пожилыми и больными может осуществляться с привлечением рыночных услуг.

Высокие показатели по субшкале «Мягкость, чувствительность» указывают на то, что респонденты считают покладистость, обходительность и скромность важнейшими качествами женщины. Высокие баллы демонстрируют 15% старшеклассниц. Низкие значения говорят о представлениях, при которых уверенное поведение и доминантность женщины в некоторых ситуациях могут быть вполне уместны и не лишают женщину «женственности». Таких современных взглядов придерживается почти каждая пятая опрошенная (18% из числа старших воспитанниц). Средние показатели субшкалы «Мягкость, чувствительность» говорят о сочетании маскулинных и фемининных качеств в зависимости от обстоятельств. Средний балл продемонстрировали в результате исследований две трети старших подростков.

«Настоящая женщина» должна быть стройной, ухоженной, обаятельной, привлекательной. Внешние данные женщины являются важной составляющей ее образа «Я». Общественные нормы, согласно которым женщин ценят в зависимости от их молодости, стройности и физической привлекательности, рекламируемые средствами массовой информации, могут нанести урон самооценке подростка и затруднить развитие позитивной Я-концепции, не соответствующей по каким-то параметрам заданным «эталонам красоты».

Анализ результатов субшкалы «Значимость привлекательной внешности» демонстрирует следующее: каждая четвертая старшеклассница ориентирована на уход за внешностью и фигурой. Немногим большее количество воспитанниц (27%) разделяют представления, согласно которым женщина может не придерживаться идеалов, навязываемых рекламой. Почти половина девочек (47%) указывают, что для них является важным привлекательный образ женщины, но при этом считают, что самооценка женщины не должна страдать, если ее фигура и внешность не соответствуют эталонам красоты.

В массовом сознании основу «правильного» женского поведения определяет замужество и материнство: «Каждая женщина должна выйти замуж и стать матерью». Жизненный успех женщины в традиционном смысле — это во-время выйти замуж и родить детей. В представлениях большинства людей «женщина прежде всего мать». Материнство — радость и вместе с тем обязанность каждой женщины («я как женщина и как мать...»). Социализационно закрепленная предрасположенность к исполнению женщинами материнских функций (с учетом биологических предпосылок) рассматривается многими людьми как основная доминанта женского предназначения и существования в этом мире [2].

Полученные по субшкале «Установка на материнство и замужество» данные говорят о том, что примерно чуть более половины воспитанниц (54%) готовы совмещать как профессиональные, так и семейные роли. Около трети девочек (27%) больше ориентируются на карьеру и не считают профессиональную сферу вторичной по отношению к семейной. Каждая пятая старшеклассница (19%) придерживается традиционалистских взглядов и ориентируется на самореализацию женщины как супруги и матери.

В пансионе для девочек организованы занятия, ориентированные на необходимость приобретения умений и навыков выполнения многих видов хозяйственных дел, которые придется выполнять во взрослой жизни: вкусно готовить, поддерживать порядок в доме и создавать уют. Высокие значения по субшкале «Стремление быть хорошей хозяйкой» отражают убеждения респондентов, соответствующие традиционным взглядам на роль женщины как хозяйки. Таких взглядов придерживаются 41% участвующих в исследовании воспитанниц. Средние и низкие показатели по данной субшкале говорят о том, что респондент не склонен относить хозяйствование к женской прерогативе и считает, что домашние обязанности могут быть распределены между всеми членами семьи. Таких современных взглядов придерживаются более половины старшеклассниц (59%).

Анализ данных, полученных по субшкале «Зависимость / самостоятельность в отношениях с мужчинами», позволяет сделать вывод, что более половины воспитанниц (58%) убеждены, что женщина имеет свой арсенал средств влияния. Пятая часть

респондентов уверены, что женщина должна отдавать инициативу мужчине и скрывать свою компетентность. И такое же количество воспитанниц старших курсов придерживаются эгалитарных установок, выражающихся в том, что женщина способна быть самостоятельной и автономной при принятии бытовых и жизненно важных решений.

Интересными представляются результаты изучения базовых традиционных нормативных установок старших подростков, обучающихся в Пансионе воспитанниц МО РФ, в сфере родительства. Так по характеристикам «Дистанцированность отца, опосредованность контактов/ непосредственность, доступность отца» и «Жесткость отца/ психологическая и эмоциональная вовлеченность отца при взаимодействии с ребенком» получены результаты, которые показывают, что у девушек выражены представления о необходимости и эмоциональной вовлеченности отца при взаимодействии с детьми, а также доступности его для контакта. Такие установки отражают современные взгляды в обществе. При этом результаты проведенного исследования демонстрируют более традиционные взгляды девочек на модель материнства. Так, они склонны считать, что семья имеет самый высокий приоритет, и ради материнства необходимо пожертвовать развитием в профессиональной сфере.

Воспитанницы, принимавшие участие в исследовании, продемонстрировали выраженную ориентацию на современную модель отношения родителей к детям. Большинство из них не придает большого значения различиям в воспитании мальчиков и девочек, ориентируясь на создание условий для развития личностного потенциала и раскрытие способностей каждого ребенка, независимо от пола, и взаимозаменяемость в исполнении ими семейных и профессиональных ролей в будущем.

В характеристике отцовского и материнского отношения к дочерям и сыновьям старшеклассницы демонстрируют также современные взгляды, считая, что нормальным является взаимозамещение родительских функций по уходу и воспитанию детей.

Анализ данных, полученных с помощью опросника «Нормы женского поведения» и анкет «Характеристика отцовского и материнского отношения к дочерям и сыновьям» позволяет сделать следующие выводы: воспитанницы, которые придерживаются традиционных норм женского поведения, будут следовать традициям в воспитании мальчиков и девочек, считая более важными эмоциональную связь ребенка и родителя одного пола и готовя их к разным ролям в обществе и семье. Те же, кто ориентируется на современные нормы женского поведения - не придает большого значения различиям в воспитании мальчиков и девочек, считая более важным раскрытие индивидуальных способностей каждого ребенка независимо от пола и ориентируя детей на взаимозаменяемость в исполнении семейных и профессиональных ролей в будущем.

В результате исследования представлений о «хорошем отце» и «хорошей матери» среди воспитанниц старших курсов, можно сделать вывод, что все перечисленные качества соответствуют современным представлениям об отцовском поведении. В обобщенный образ «хорошего отца», в первую очередь входят такие понятия как ответственность, забота, любовь, интерес к воспитанию и жизни ребенка, понимание.

В области допустимых изменений наиболее значимые по рангу оказались понятия справедливость и юмор, а по количеству употреблений – доброта и отзывчивость, что так же свидетельствует о современных представлениях девочек об отцовстве.

Большинство ассоциаций, находящихся в периферийной области, имеют больше отношения не к родительской роли, а к качествам мужчины вообще (обеспеченность, терпение, настойчивость, сила). Это говорит о том, что представления об отцовской роли встраиваются в представление о том, что значит быть мужчиной в широком смысле.

Основа представлений респондентов о хорошей матери включает такие понятия как доброта, забота, ласка, нежность, любовь, понимание, ответственность, внимательность. Эти качества отличаются от характеристик, входящих в ключевые представления о хорошем отце. Такие качества, как ответственность, забота, любовь, понимание, являются в представлениях старших подростков пансиона идентичными как для «хорошего отца», так и

для «хорошей матери». Таким образом, для воспитанниц родительские качества остаются схожими, независимо от пола родителя.

В область возможных изменений вошли такие понятия как самопожертвование, мудрость, аккуратность, отзывчивость, искренность, честность, хозяйственность (умелое выполнение домашних обязанностей, создание уюта), ум. Большая часть ассоциаций включают представления о женских качествах в целом, и не относятся к родительской роли. Некоторые из вошедших в потенциальную зону изменений характеристик (ум, отзывчивость, честность) соответствует понятиям из аналогичной зоны представлений воспитанниц о хорошем отце, то есть в представлениях девочек они не зависят от пола родителя. Наиболее значимым по рангу понятием оказалось самопожертвование. Представление о жертвующей собой ради детей и мужа женщине относится к традиционалистской модели фемининности. К этой же модели можно отнести понятия хозяйственность и аккуратность.

Полученные результаты позволяют сделать следующий вывод: воспитанницы Пансиона имеют сбалансированную, непротиворечивую позицию в отношении гендерных норм и адекватное представление о выстраивании своего жизненного пути в современных условиях, что способствует их успешной и социализации.

Список использованных источников:

1. Клецина И.С. Психология гендерных отношений. Теория и практика. – СПб.: Алетейя, 2004. – 408с.
2. Клецина И.С., Иоффе Е.В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. – М.: Проспект, 2017. – 144с.
3. Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336с.
4. Тихомандрицкая О.А. Особенности современной семьи как института социализации // Теория и практика реализации гендерного подхода в образовании: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции. – М.: Физматкнига, 2016. – С. 464-471.

*Мурзина Юлия Сергеевна,
Кандидат психологических наук,
Тюменский государственный университет
доцент кафедры общей и социальной психологии
625003 г. Тюмень, Володарского, 6
E-mail: j.s.murzina@yandex.ru*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЯХ

Аннотация. В статье рассматривается проблема расхождения государственной политики в области укрепления семьи и реальных представлений молодежи относительно семейных ценностей. Предлагается анализ понятия «ценность», приводятся типологии ценностей. Результаты эмпирического исследования показали: только 1/3 молодых людей имеют понимание «семейных ценностей», представления большинства – размыты. В иерархии семейных ценностей на первый план выходят ценности супружества, малозначимы: родства, сохранения традиций и витальные.

Ключевые слова: ценность, виды ценностей, семейные ценности, представления молодежи о семейных ценностях.

*Murzina Julia Sergeevna
Department of General and Social Psychology,
University of Tyumen,
625003, Russia, Tyumen, Volodarskogo St., 6
E-mail: j.s.murzina@yandex.ru*

YOUTH'S IDEAS ABOUT FAMILY VALUES

Annotation. The article discusses the problem of the disagreement between the State Family Policy and real youth's ideas about family values. We use the interdisciplinary approach to offer an analysis of the concept of "value", the typologies of values, incl. family values. The results of our empirical research show that only 1/3 the young man demonstrates an understanding of the concept «family values». The majority representations are blurred and contradictory. The values of marriage come to the fore in the hierarchy of youth's ideas, then the categories of kinship, traditions and vital values.

Key words: value, types of values, family values, youth's ideas about family values.

Концепция государственной семейной политики РФ, утвержденная до 2025г., обозначает систему задач и приоритетных мер, направленных на поддержку и укрепление семьи. Одним из приоритетных направлений в работе признается сохранение традиционных семейных ценностей [12]. Концепция не постулирует их содержание и иерархию. Вместе с тем, в задачах по повышению ценности семейного образа жизни упоминается 1) сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, 2) семейные традиции, направленные на укрепление семейной идентичности и сплоченности, 3) сохранение и поддержание взаимосвязи и преемственности между поколениями в семье.

В связи с этим возникает вопрос, что такое семейные ценности? Какие виды семейных ценностей существуют? И что по этому поводу думает современная молодежь, какая система ценностей актуализирована в их представлениях?

Определение понятий

В рамках философской дисциплины аксиологии детально изучается категория «ценностей», а также характеристики, структуры, иерархии мира ценностей. В философском понимании ценность в самом общем виде – это невербализуемые, «атомарные» составляющие глубинного слоя всей интенциональной структуры личности. Эти структуры представлены в единстве устремлений личности (аспект будущего), переживания-обладания (аспект настоящего) и хранения воспоминаний (аспект прошедшего). Эти три составляющие образуют внутренний мир личности как «уникально-субъективное бытие» [17].

В социологическом толковании ценность – это общие представления, разделяемые большей частью общества, относительно того, что является желательным, правильным и полезным [13].

Общая психология рассматривает ценности с точки зрения психологических механизмов регуляции поведения. В рамках социальной психологии проблема ценностей изучается как возможность прогнозирования социального поведения людей, разделяющих те или иные группы ценностей. «Ценность – это приобретенное, усвоенное из опыта предыдущих поколений людей обобщенное понятие о том, что для человека и сообщества является значимым. Содержание ценностей отражает цели, которыми руководствуются люди, когда думают, принимают решения и действуют» [11, с. 158].

Общедоступные ценности отражаются в сознании человека в форме ценностных ориентаций. Для нашего исследования это важный вопрос, поэтому дадим определение этому термину. Итак, ценностные ориентации – это *отношения* личности к социальным ценностям, выступающие в качестве регуляторов ее поведения. Совокупность типичных ценностных ориентаций, свойственных какой-либо социальной группе, называют социальным характером. У человека, как и у коллектива, общества, имеется много ценностных ориентаций, одни из них менее, другие более существенны, среди них есть мелочные и возвышенные и т.п. [1].

В целом, как философские, так и психологические определения базовых ценностей укладываются в две основные линии анализа: либо абстрактно выраженные концепции того, что наиболее желательно и эмоционально привлекательно, а также может дать идеальное состояние бытия: «свобода», «безопасность», «достаток», «смысл жизни». Либо столь же глубоко эмоционально, но на уровне поведения или действий человека: «честный», «логичный», «аккуратный». В первом случае – речь идет о терминальных ценностях, во втором – об инструментальных ценностях. С точки зрения их функциональности, инструментальные ценности активизируются как критерии / стандарты при оценке и выборе способа поведения, а терминальные ценности – при оценке и выборе целей деятельности и допустимых способов их достижения [4].

Типология ценностей

В рамках аксиологии предлагается множество исторически выстроенных концепций и типологий структуры ценностей. Мы рассмотрим лишь некоторые, которые позволяют нам полнее понять и проинтерпретировать полученные эмпирические результаты.

В начале XX века немецкий философ и психолог Г. Мюнстерберг издал книгу «Философия ценностей» (1908), где предложил структурный анализ ценностей. Он считал, что природа вообще в основе своей свободна от ценностей, а людям во взаимоотношениях доступны только условные ценности; безусловные же ценности принадлежат сверхиндивидуальной сущности мира. Г.Мюнстерберг вводит следующую классификацию ценностей: Жизненные ценности – непосредственно данные (такие как 1- ценность бытия, 2- единства, 3-развития, 4- Божества) и Культурные ценности – целенаправленно созданные (1- ценности связи, 2 –прекрасного, 3-достижня, 4 –осознания).

Немецкий философ М. Шелер (1914) приводит четыре вида априорной иерархии ценностей [2, с.14]:

1. Ценностный ряд «приятного» и «неприятного». Это так называемые чувственные ценности: например, наслаждение и боль. Особой группой этого ряда являются технические и символические ценности, ценности цивилизации, ценности роскоши.

2. Совокупность ценностей витального чувства. Ценности располагаются в континууме «благородное» и «низкое». Ценности, входящие в область «благополучия» и «благополучия», являются производными от них. Их представляют такие чувственные состояния как чувство здоровья, чувство болезни, чувство старения, чувство истощения, чувство жизненной силы и т.д.

3. Модальность духовных ценностей: эстетические ценности «прекрасного» и «безобразного», этические ценности «справедливого» и «несправедливого», ценности чистого познания истины, духовная радость и духовная печаль – это состояния-корреляты духовных ценностей.

4. Ценностная модальность «святого» и «несвятого». Пример, чувства «блаженства» и «отчаяния», «вера» и «неверие», «благоговение» – её ответные реакции. Ценности святого постигаются в акте любви, которая предшествует всем другим представлениям. Акт любви направлен на личность, чью ценность М. Шелер выделяет в самостоятельную сферу внутри сферы ценностей святого. Эти порядки ценностей, согласно М. Шелеру, постоянны на протяжении всей истории и «являются полярной звездой человечества».

Представитель русской религиозной философии Н.О. Лосский, полагает, что понятие ценности связано с понятием *значения*, а не *отношения*. Н.О. Лосский делит ценности на положительные и отрицательные. Положительные, в свою очередь, – на абсолютные и относительные (1 – ценности социального процесса, 2-биологической природы, 3-ценности неорганической природы). Абсолютные ценности делятся автором на всеобъемлющие (1-первичные, 2-вторичные) и частичные. Самой высшей, первичной ценностью является Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Дух Святой [9, с.120].

В современном философском понимании выделены такие группы ценностей:

- по содержанию – экономические, политические, социальные и духовные ценности
- по субъекту – субъективно-личностные ценности (они формируются в процессе воспитания, образования и накопления жизненного опыта индивида) и надиндивидуальные
- групповые, национальные, классовые, общечеловеческие (являющиеся результатом развития общества и культуры);

- по их роли в жизни человека и человечества: утилитарные ценности (жилище, питание и т.п.) и духовные; в отличие от утилитарной духовная ценность имеет самодостаточный характер и не нуждается во вне ее лежащих мотивах; если утилитарные прагматические ценности определяют цели деятельности, то духовные ценности – ее смысл [16].

По мысли Профессора Иерусалимского университета Ш. Шварц, автора методики Schwartz Value Scale (SVS), модель ценностей представляет две оси измерения, на четырех полюсах которых сосредоточены четыре ориентации людей. Социальный аспект: 1) ориентация на инновации, изменения; 2) ориентация на сохранение существующего общества и его традиций. Поведенческий аспект: 3) ориентация на других людей и учет их интересов; 4) ориентация на себя и стремление к собственной самореализации. В соответствии с этими ориентациями главные ценности сгруппированы по четырем секторам [11, с. 160].

В психологической науке Д. А. Леонтьев предлагает различать собственно ценности и рефлексивные ценностные представления, присутствующие в сознании. Он выделяет три группы явлений:

1) ценность как знание об общественных идеалах, которые выработаны общественным сознанием и присутствуют в обобщенных представлениях о должном в различных сферах общественной жизни;

2) ценность как действие, к которому стремятся, то есть предметное воплощение общественных идеалов, которые требуют конкретных действий людей. Эти действия могут

быть благородными, бескорыстными, направленными на общее благо и не противоречить личным устремлениям индивида;

3) ценности как личные идеалы, которые присутствуют в мотивационных структурах личности (моделях должного) и побуждают ее к предметному воплощению в своей жизни и деятельности.

Ценности включают в себя нужды, потребности, привязанности, желания, ожидания, в связи с которыми формируется тенденция выбора [8, с.26].

Питерские психологи С.А.Давыдов и А.М.Рогова, исследуя молодое поколение, предлагают такую типологию ценностей: 1) по объективным характеристикам явлений, выступающих ценностями (материальные и духовные, большие и малые), 2) по субъекту (ценности общества, народа, нации, партии, коллектива, индивида), 3) по типу потребностей индивида (экономические, политические, религиозные и т.п.).

В системе ценностей социального субъекта они выделяют:

- смысложизненные о добре и зле;
- универсальные: витальные, демократические, ценности общественного признания (трудолюбие),
- ценности межличностного общения (честность),
- ценности личностного развития;
- партикулярные: традиционные (любовь к семье, к малой родине),
- религиозные,
- урбанистические, связанные с личным успехом,
- коллективистские (взаимопомощь, солидарность) [5].

Современное понимание семейных ценностей

Роосийско-американский социолог и культуролог П.Сорокин причиной кризиса любого общества считал кризис базовых ценностей. Систему ценностей он рассматривал как социальное явление, в основе которого психическое взаимодействие между людьми. Каждое психическое взаимодействие имеет две стороны: внутреннюю – чисто психическую – и внешнюю – символическую, которая всегда дана в виде символов. Для возможности правильного психического общения необходимо одинаковое понимание символов, объективирующих душевные состояния. Там, где нет этой тождественности, там нет и социальной группы. Где степень ее очень низка, там низки и слабы психические связи, скрепляющие членов группы. П.Сорокин заключает: «вне организации нет и не может быть социальной группы, так как именно одинаковое понимание символов и является одним из элементов этой организации – организации психической» [14, с.45]. Таким образом, благополучие и стабильность семьи невозможны без одинакового понимания ценностей всеми ее членами. Ценности определяют поведение людей, нормы и правила, характерные для людей. На каждом этапе развития общества формируется своя иерархия ценностей, что выражается в ценностных ориентациях.

Семейные ценности – это культивируемая в обществе совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия. Они складываются из общечеловеческих ценностей, к которым относятся: жизнь, здоровье, мир, время, свобода личности, её честь, личное достоинство, роскошь общения с другими людьми, опыт человечества, истина, добро, красота, справедливость, благородство, милосердие и др. В идеальном варианте ценности семьи должны быть сформированы в соответствии с общечеловеческими и ценностями общества, в котором живёт семья.

Формирование ценностей и ценностных ориентаций семьи является одной из ключевых задач общества. Ценности и ценностные ориентации семьи – это фундамент, на котором строится семейная жизнь и воспитание детей. Разделяемые семьей ценности отражают объективно существующие ценности той социальной среды, которая окружает индивида.

Эти ценности признаются членами семьи. Ценности влияют на поведение человека в семье, а семья служит способом реализации семейных ценностей.

«Семейные духовные ценности во многом определяются набором ценностей и ценностных ориентации молодых людей, вступающих в брак. К ним можно отнести: семейную жизнь как ценность; детей как ценность; традиции семейного воспитания как ценность; воспитание духовно-нравственной личности как ценность; развитие чувственно-эмоциональной сферы как ценность; любовь; духовные потребности, интересы, идеалы, желания, характер взаимоотношений, стиль общения, нормы взаимоотношений в обществе, отношение членов семьи к своим обязанностям; совершенствование духовного мира семьи и каждого из её членов; включённость их всех в жизнь семьи; глубокое уважение друг к другу; взаимопонимание и уважение; здоровый культ матери и отца в семье; единство требований к себе и детям; душевное единение родителей и детей; педагогическую и психологическую образованность родителей как ценность и др. Эти и другие ценности, а также ценностные ориентации в процессе семейного воспитания входят в социальную и духовную сущность растущего человека как на уровне сознания, так и на уровне подсознания и в зрелые годы выступают доминантой при построении личной и семейной жизни. Именно родители должны передать детям ценности, которые помогут с честью прожить жизнь» [18].

Семейные ценности – это то, что важно, ценно, уважаемо всеми членами семьи, общее поле их интересов. Для большинства людей семейные ценности приблизительно одинаковы: любовь, родительство, верность, доверие, связь с предками, дом. Семейные ценности – это положительные и отрицательные показатели значимости объектов, относящихся к основанной на единой совместной деятельности общности людей, связанных узами супружества-родительства-родства, в связи с вовлечённостью этих объектов в сферу человеческой жизнедеятельности, человеческими интересами, потребностями, социальными отношениями. Ценности закладываются у ребенка в раннем детстве. Хотя их система формируется под влиянием идеологии и культуры общества в целом, непосредственный опыт, который ребенок получает в семье, имеет большое значение.

Классификацию семейных ценностей можно также произвести исходя из определения семьи. Семейные ценности можно разделить по элементам связи внутри семьи. Выделяют три группы: ценности, связанные с супружеством; ценности, связанные с родительством; ценности, связанные с родством [18].

Среди всего многообразия ценностей супружества можно выделить такие основные ценности, как ценность брака, ценность равноправия супругов или ценность доминирования одного из них, ценности различных половых ролей в семье, ценность межличностных коммуникаций между супругами, отношений взаимоподдержки и взаимопонимания супругов. К основным ценностям родительства относятся ценность детей, включающая в себя ценность многодетности или малодетности, а также ценность воспитания и социализации детей в семье. К ценностям родства можно отнести ценность наличия родственников (например, братьев и сестер), ценность взаимодействия и взаимопомощи между родственниками, ценность расширенной или нуклеарной семьи.

Еще один вариант классификации семейных ценностей - по выполняемым семьей социальным функциям. Репродуктивная функция - основная семейная функция, обеспечивающая воспроизводство населения - связана с ценностью детей. К функции социализации относятся ценность социализации детей именно в семье, а не в других социальных институтах, ценность участия обоих родителей и старших поколений в воспитании детей. К экзистенциальной функции относятся ценности, связанные с поддержанием жизнедеятельности членов семьи и детей после их рождения: ценность внутрисемейных коммуникаций; ценность семейного микроклимата, способствующего снятию напряжения и самосохранению собственного «Я» каждого; ценность здоровья, благополучия и поддержания долголетия членов семьи. Из экономической функции семьи вытекают ценности связи семьи и производства или ценность семейного бизнеса, ценность семейного потребления или семьи как единого потребителя [7].

Согласно Давыдову и Роговой, семья представляет собой взаимодействие ценностей двух уровней: 1) социальных ценностей как ядра, присущих социальному институту, 2) индивидуальных ценностей как изменчивого составляющего. Цели, нормы, социальные роли, правила поведения – все это средства воплощения ценностей в жизнь [5].

Результаты эмпирического обследования Попова Л.А., Шишкина М.А. (2016) «Отношение молодежи к семье и детям»¹², проведенного на 1350 респондентах, продемонстрировало достаточно просемейные ориентации в иерархии жизненных ценностей молодежи. Наибольшие значения по важности жизненных ценностей для молодежи получили: ценность «Счастливая и дружная семья» (83,1%), Здоровье свое и своих близких (74,2%), Рождение и воспитание детей (40,4%), Деньги, материальный достаток (33,3%), Комфортное жилье и жизненные условия (31,8%), Любимая профессия (27,5%), Успешная карьера (24,8%), Возможность путешествовать, познавать мир (24,7%). Авторы делают выводы, что часто звучащие опасения о кризисе семейных ценностей у современной молодежи выглядят не очень обоснованными. Молодежь в основном ориентирована на создание семьи, и дети занимают далеко не последнее место в иерархии ее жизненных ценностей, причем у юношей и девушек оно практически одинаковое. Проведенное исследование отражает общую значимость вопроса семейных отношений, но не раскрывает ценностных приоритетов внутри этой сферы. Продолжить данную тему поможет наше исследование.

Результаты исследования представлений молодежи о семейных ценностях

Целью нашего эмпирического исследования было выяснение сформированности представлений о семейных ценностях молодежи: что такое семейные ценности, вообще, и какие виды ценностей существуют. В качестве метода исследования был выбран анкетный опрос поискового характера, поэтому он содержал только открытые вопросы: 1 – дайте определение, что такое «семейные ценности», 2 – приведите примеры семейных ценностей. Время проведения исследования: ноябрь 2017 года. В качестве фактологической базы выступили 50 студентов 1-2 курсов ТюмГУ (юридического и экономического направления обучения). В половом соотношении (М/Ж) – 21 и 29 человек.

Результаты опроса были обработаны методом контент-анализа – выделены основные категории ответов и произведен подсчет частоты их встречаемости. Обработка данных проходила в программе Excel Microsoft Office. Результаты математической обработки представлены ниже:

Таблица 1. Представления о семейных ценностях

<i>Характер определения</i>	<i>%</i>
1. Отсутствие определения	31,0
2. Определение «по кругу» - через такое же понятие - что ценится, чем дорожат	19,0
3. Определения сущностные, в т.ч.	34,5
- совокупность представлений	12,1
- отношение друг к другу	12,1
- способ организации жизнедеятельности и взаимодействия	10,3
3. Определение через расширение понятия, в т.ч.	10,3
- создание семьи	5,2

¹² Эмпирической базой явилось социологическое обследование, проведенное на территории Республики Коми в конце 2015 – начале 2016 гг. в форме раздаточного анкетирования частично сплошным охватом

- сама семья, люди	3,4
-залог будущего процветания	1,7
4. Определение через сужение понятия - материальные ценности (недвижимость, вещи)	5,2
ИТОГО	100

Как видим из Таблицы 1, не дают определение вообще или дают его некорректно 50 % наших респондентов. И только 1/3 молодых людей дают определение через сущностные характеристики ценностей, так как эту категорию принято понимать в рамках междисциплинарного подхода, описанного нами выше: через значения (представления), отношения и правила, определяющие действия членов семьи. Остальные типы определений (избыточно широкие или узкие) дают нам возможность предположить, что эти молодые люди также имеют нечеткое, размытое представление относительно данного понятия, находясь на низком уровне рефлексии. Поэтому прививать традиционные семейные ценности молодому поколению нужно с разъяснения их сути и формирования положительного эмоционального отношения. Хорошим примером такой работы над изменением содержания представлений может быть назван рекламный ролик ЦИК России, использовавшийся в избирательной компании президента РФ в марте 2018г. «Традиция голосовать» [15]. В ролике наглядно демонстрируется связь времен и поколений, а также важность посещения избирательных участков.

В результате обработки ответов по 2-му вопросу мы получили общий список из 168 семейных ценностей (включая повторы). В среднем, каждый испытуемый назвал от 3 до 4 семейных ценностей.

Таблица 2. Рейтинговая таблица семейных ценностей в представлениях молодежи

	<i>Семейные ценности</i>	<i>% респондентов, выделивших данную ценность</i>	<i>Тип ценности</i>
	поддержка в трудностях	44	родства
	любовь	38	супружества
	взаимопонимание	36	супружества
	уважение	32	супружества
	честность	26	супружества
	доверие	20	супружества
	забота о родных	18	родства
	уют, комфорт	12	витального чувства
	династийные вещи (недвижимость, украшения, награды деда, письма с войны)	10	утилитарная, ориентация на сохранение существующего общества и его традиций
0	семейные традиции	10	ориентация на сохранение существующего общества и его традиций
1	общение	10	супружества
2	прощение	10	супружества

Как видим из таблицы 2, в представлениях молодых людей совсем не представлены ценности родительства, и в меньшей степени (2 позиции из 12) представлены ценности родства. В большей части (7 из 12) актуализированы ценности супружества (т.е. взаимодействия и взаимоотношений). Мы объясняем такое положение дел тем, что молодые люди в своем опыте больше рефлексуют отношения между родителями как супругами (партнерами) и, вероятно, уже находятся в любовных отношениях с противоположным полом. А вот ценности родительства пока не актуализированы для них, поскольку собственных детей еще нет, и ценности родительских семей не отрефлексированы. Ценности родства также выражены слабо. Вероятно, из-за низкой связи между родственниками и доминированием нуклеарных семей.

Очень интересным и неожиданным, на наш взгляд, стало обнаружение в перечне семейных ценностей «ориентации на сохранение существующего общества и его традиций» (название нами предложено вслед за Ш.Шварцем). Значимость этой ценности в общем списке невелика, всего 10%, но она показывает, что молодые люди имеют ориентацию на традиционный семейный уклад и склонны к сохранению традиционной модели семьи. Вместе с тем, еще 10 % испытуемых отмечают утилитарную прагматическую ценность – династийные вещи и материальные ценности. Мы считаем, что бережное отношение к семейным реликвиям способствует зарождению чувства идентичности внутри семьи, формирует чувство гордости (как в ситуации с боевыми наградами). Это положительно сказывается на духовном объединении членов семьи, формируя тонкую нить связи между поколениями.

Кроме этого, нами были зафиксированы ценности «витального чувства» (название используется вслед за М.Шелером). В эту категорию вошли такие ценности как «уют», «комфорт», «чистота и порядок в доме», «сытый живот», «вкусная еда». Их можно еще назвать «хозяйственно-бытовые», по принципу выделения основных функций семьи.

Результаты нашего исследования не показали наличия духовных, всеобъемлющих семейных ценностей. Вероятно, это объясняется именно юным возрастом наших испытуемых. Вместе с тем, согласно М. Шелеру, модальность «святого» и «несвятого» постигаются в акте любви, в том числе любви к другому человеку. Поэтому столь значимая для наших испытуемых ценность «Любови», которая заняла по упоминанию 2-ю позицию в рейтинге, может быть отнесена к категории духовной всеобъемлющей ценности. Однако, что именно наши испытуемые понимают под термином «Любовь» - страсть, симбиоз, обожествление предмета любви или что-то иное - это остается невыясненным.

Проведенный нами корреляционный анализ в программе SPSS, не показал наличия значимых корреляционных связей между видами ценностей и полом респондентов. Вместе с тем, была выявлена слабая положительная связь на уровне тенденции между женским полом и такими ценностями как «взаимопонимание» (0,22) и «поддержка в трудностях» (0,26), а также слабая отрицательная связь на уровне тенденции с ценностями «прощение» (-0,26) и «ответственность» (-0,3). На этом основании можно предположить, что девушки будут скорее готовы строить семейные отношения по дружеским принципам (понимая и поддерживая партнера), однако не готовы прощать его и нести равную ответственность.

В завершении, укажем на ограничения нашего исследования: небольшая фактологическая база. Для продолжения начатой работы и уточнения полученных корреляционных связей между видами ценностей и полом требуется увеличить количество испытуемых. В целом, полученные нами результаты намечают перспективу для дальнейших исследований – выяснение возможных гендерных особенностей в восприятии семейных ценностей, построение теоретической модели семейных ценностей и ее последующая верификация на фактологической базе стабильных и благополучных семей.

В завершении отметим, что наше исследование обнаружило слабо сформированные представления молодежи о семейных ценностях. Это доказывает, что приоритетное направление государственной семейной политики по сохранению традиционных семейных ценностей пока реализуется недостаточно. Сохранение семьи как института и снижение

процента разводов в нашей стране будет возможно достичь при целенаправленной работе по сохранению и трансляции на государственном уровне семейных ценностей родства, родительства, супружества, а также высших духовных ценностей.

Список использованных источников:

1. Алексеев П.В. Социальная философия. - М.: ООО «ТК Велби», 2003 - 256 с.
2. Алхасов А.А. Макс Шеллер об иерархии ценностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. II. С. 13-15.
3. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Инфра-М, 2007. - 640 с.
4. Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов. — Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 640 с.
5. Давыдов С. А., Рогова А. М. Формирование семейных ценностей молодого поколения в период трансформации хозяйственной системы (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области). Санкт-Петербург, 2010. - 328 с.
6. Денисова Н.Ф., Лашук И.В., Мицкевич О.Н. Базовые ценности белорусского общества: функционально-ориентирующие кластеры и вариативность ценностных структур // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. - С. 37-53.
7. Лапин Н.И. Общая социология. — М. : Издательство Юрайт, 2017 — 367 с.
8. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. № 4. – С. 25—26.
9. Лосский Н. О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. — Париж: YMCA PRESS, 1931. – 136с.
10. Петров П.П.. Введение в психологию семьи. – М.: Инфра-М, 2015. – 352 с.
11. Почебут Л.Г., Мейжис И.А. Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. — 672 с
12. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-р <Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://base.garant.ru/70727660/> (дата обращения 01.07.2018г.)
13. Социологический словарь. URL: www.socium.info/dict.html (дата обращения 01.07.2018г.)
14. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ. 2004. - 386 с.
15. Традиции выборов. ЦИК России. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wvbSK3WdtmE&feature=player_embedded (дата обращения: 01.07.2018г.)
16. Философия. Под ред. В.И. Кириллова, С.И. Попова, А.Н. Чумакова. - М.: Юристъ, 1998. - 376 с.
17. Философский словарь. URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia (дата обращения: 01.07.2018г.)
18. Шаваева О.А. Семейные ценности как объект социально-философского анализа // Научный журнал КубГАУ - Scientific Journal of KubSAU. 2014. №96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-tsennosti-kak-obekt-sotsialno-filosofskogo-analiza-1> (дата обращения: 03.07.2018).

Коновалова Александра Михайловна
кандидат психологических наук,
Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
старший преподаватель кафедры педагогики и медицинской психологии
127473, г. Москва, ул. Достоевского, д. 2, стр. 2
E-mail: konovalovaam@gmail.com

РАЗЛИЧИЯ В УВАЖЕНИИ ПОДРОСТКАМИ МАТЕРЕЙ И ОТЦОВ

Аннотация. В статье рассматриваются различия в степени уважения подростками своих матерей и отцов, отдельно в отношении разных видов уважения. Показано, что степень оценочного уважения в отношении матери и отца часто различается, так как оценочное уважение является результатом оценивания качеств и характеристик конкретного родителя, тогда как степень предписанного уважения в отношении матери и отца совпадает, так как предписанное уважение является результатом усвоения норм долженствования такого отношения.

Ключевые слова: уважение к родителям, детско-родительские отношения, родители, подростки.

Konovalova Alexandra Mikhailovna
candidate of psychological sciences,
I.M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian
Federation,
senior lecturer of department of pedagogy and medical psychology
127473, Moscow, Dostoevsky str., 2-2
E-mail: konovalovaam@gmail.com

RESPECT FOR MOTHERS AND FATHERS IN ADOLESCENTS

Abstract. The article discusses the differences in the degree of respect of adolescents for their mothers and fathers, separately in relation to different types of respect. It is shown that the degree of appraisal respect for the mother and father often differs, since the appraisal respect is the result of assessing the qualities and characteristics of a particular parent, while the degree of prescribed respect for the mother and father is the same, since the prescribed respect is the result of the assimilation of the norms of this relationship.

Key words: respect for parents, parent-child relationships, parents, adolescents.

Актуальность данной работы определяется важностью внутрисемейных взаимоотношений и их влиянием на формирование многих социально значимых качеств личности. Взаимоотношения с родителями обуславливают становление самосознания человека и его отношений с окружающим миром.

Детско-родительские отношения – это непрерывные, длительные и опосредованные возрастными и личностными особенностями ребенка и его родителей отношения [3]. Их изучением занимается большое количество как отечественных, так и зарубежных исследователей.

В межличностных отношениях вообще и в детско-родительских в частности всегда присутствуют две стороны. В рамках детско-родительских отношений в психологии гораздо в большей степени обсуждается отношение родителей к ребенку и гораздо меньше – ребенка

к родителям. Ребенок рассматривается, скорее, как пассивный (реактивный) участник взаимодействия с родителями, которые оказывают на него нужные воздействия [6, 7].

Говоря об отношении родителя к ребенку, исследователи рассматривают следующие характеристики детско-родительских отношений: эмоциональное принятие ребенка; мотивы воспитания и родительства; степень вовлеченности в детско-родительские отношения; удовлетворение потребностей ребенка, забота и внимание к нему; способы разрешения конфликтных ситуаций; поддержка автономии ребенка; социальный контроль (требования, запреты, санкции и поощрения, родительский мониторинг); характер взаимодействия; степень последовательности семейного воспитания и такие интегративные характеристики детско-родительских отношений, как: родительская позиция, тип (стиль) семейного воспитания [3].

В отношении ребенка перечень изучаемых характеристик значительно уже: позитивное отношение, привязанность ребенка к родителю, потребность ребенка в теплом эмоциональном отношении и принятии; характер аффективных взаимоотношений в диаде родитель-ребенок; степень вовлеченности в отношения, образ родителя как воспитателя и образ семейного воспитания, идентификация с фигурой родителя, авторитет родителя.

Кроме любви и эмоциональной привязанности в межличностных отношениях присутствует и уважение. Обращение к такому элементу детско-родительских отношений, как уважение, обусловлено тем, что часто именно уважение становится содержанием запроса к практикующим психологам особенно в случае детско-родительских отношений с подростками. Практика психологической помощи семье свидетельствует о специфике отношения к родителю взрослеющего ребенка и увеличении психологической дистанции между родителями и детьми в современном обществе [1, 8].

В рамках нашего диссертационного исследования «Психологическое содержание уважения к родителям в подростковом возрасте» [5] было показано, что уважение к родителям является самостоятельной характеристикой детско-родительских отношений. Психологическое содержание уважения подростков к родителям составляет ценностно-оценочное отношение, проявляющееся в эмоциональных переживаниях и таких особенностях поведения, как внимание к родителям, забота о них, послушание, следование советам. Уважение к родителям является осознанным устойчивым социально-желательным отношением, обладающим позитивной валентностью.

Было выделено два вида уважения к родителям: предписанное уважение и оценочное уважение [5]. *Предписанное уважение* – интроецированное почтительное отношение к родителям; результат усвоения социальных норм, предписывающих ценность родительства и определенную модель поведения, включающую послушание, согласие и почтительность к родителям. *Оценочное уважение* – внутренняя позиция ребенка, базирующаяся на оценивании родителя на основе тех или иных субъективно значимых характеристик, признанных достойными уважения, и реализуемая как осознанное почтительное отношение, которое может выражаться в различных моделях поведения и обладает высокой эмоциональной насыщенностью.

Кроме того, важно подчеркнуть, что существует очень мало исследований, в которых изучаются детско-родительские отношения ребенка отдельно с матерями и отдельно – с отцами [2]. Пожалуй, самым заметным диагностическим инструментарием, при помощи которого проводятся такие исследования, в частности – на подростках, является методика ADOR – «Подростки о родителях» в адаптации Л.И. Вассермана [2]. В нашей же работе в целях выявления уважения подростков к матерям и отцам мы использовали авторскую методику «Уважение к родителям» [4, 5].

Процесс разработки опросника происходил с опорой на результаты, полученные в рамках более ранних этапов исследования и свидетельствующие о наличии двух видов уважения к родителям – предписанного и оценочного уважения. Сам опросник и процесс его разработки, апробации, стандартизации подробно описаны в нашей статье [4]. Кратко поясним, что подросткам предлагалось оценить степень согласия с 45 высказываниями, на

выбор предлагалось 4 варианта ответа: совершенно не согласен, скорее не согласен, скорее согласен и совершенно согласен. Половина вопросов является прямыми, половина – обратными. Ответы обозначаются галочками и ставятся в самом бланке с вопросами. Была показана высокая надежность всех вопросов, а также надежность-согласованность шкал. Альфа Кронбаха по методике в целом – 0,63. Конвергентная валидность – 0,33. С текстом опросника можно ознакомиться в работах [4, 5].

Уважение к родителям изучалось с помощью двух шкал опросника «Уважение к родителям», заполненного выборкой из 218 подростков в возрасте от 12 до 17 лет. Среди респондентов 103 (47 %) мальчика и 115 девочек (53 %). Средний возраст – 14 лет. Из принимавших участие в исследовании 218 подростков 146 человек (67 %) проживают вместе с матерью и отцом (полная семья), 71 человек (33 %) проживает с одним родителем (неполная семья) и 1 человек проживает без родителей совсем (с прародителями). 216 подростков ответили на предложенные вопросы в отношении своих матерей и 195 – в отношении отцов.

Различается ли уважение подростков к своим родителям в зависимости от пола родителя?

Таблица 1. Описательные статистики по шкалам уважения отдельно для отцов и матерей

оценка кого		N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение
оценка отца	оценочное уважение	1 95	14	40	34, 26	4,652
	предписанное уважение	1 95	9	20	15, 86	2,392
оценка матери	оценочное уважение	2 16	13	40	34, 90	3,981
	предписанное уважение	2 16	8	20	15, 93	2,373

Степень уважения по отношению к матерям и отцам в среднем отличается не очень сильно (Табл. 1). Единственное, оценка оценочного уважения по отношению к матерям у подростков несколько более согласована, чем по отношению к отцам (стандартное отклонение 3,981 против 4,652).

Для проверки того, различается ли степень выраженности уважения, испытываемого подростками по отношению к матерям и отцам, использовался критерий знаковых рангов Уилкоксона для связанной выборки (Табл. 2).

Таблица 2. Различия в степени выраженности уважения подростками матерей и отцов (внутрисемейное сравнение)

	Оценочное уважение отец – оценочное уважение мать	Предписанное уважение отец – предписанное уважение мать
Z	-2,228	-,486
Асимпт. зч. (двухсторонняя)	,026	,627

Таблица 3. Описательные статистики по шкалам уважения отдельно для отцов и матерей (внутрисемейное сравнение)

		N	Средний ранг	Сумма рангов
оценочное	Отрицательные	78 ^a	67,75	52

уважение отец - оценочное уважение мать	ранги			84,50
	Положительные	53 ^b	63,42	33
	ранги			61,50
	Связи	63 ^c		
предписанное уважение отец - предписанное уважение мать	Всего	194		
	Отрицательные	33 ^d	28,73	94
	ранги			8,00
	Положительные	26 ^e	31,62	82
	ранги			2,00
	Связи	135 ^f		
	Всего	194		
	а. оценочное уважение отец < оценочное уважение мать			
б. оценочное уважение отец > оценочное уважение мать				
с. оценочное уважение отец = оценочное уважение мать				
д. предписанное уважение отец < предписанное уважение мать				
е. предписанное уважение отец > предписанное уважение мать				
ф. предписанное уважение отец = предписанное уважение мать				

Получено, что статистически значимо подростки испытывают большее оценочное уважение к матери, нежели к отцу (Табл. 3). 40,2 % подростков уважают свою мать сильнее, чем отца, еще у 32,5 % эта оценка не различается и лишь 27 % испытывают более сильное уважение по отношению к отцу, чем к матери. В случае же с предписанным уважением 70 % подростков одинаково относятся к своим родителям. Эти данные были получены при использовании критерия для связанных выборок, то есть сравнивались именно отношения каждого подростка к каждому из его родителей (внутрисемейное различие в степени оценочного уважения к родителям).

Чтобы понять, есть ли различия в оценивании отцов и матерей вообще, воспользуемся непараметрическим критерием Манна-Уитни (Табл. 4).

Таблица 4. Значимость различий в оценке подростками уважения в отношении матери и отца

	оценочное уважение	предписанное уважение
Статистика U Манна-Уитни	19745,000	20653,000
Статистика W Уилкоксона	38855,000	39763,000
Z	-1,098	-,342
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,272	,733

В среднем, ни в оценке оценочного уважения, ни в оценке предписанного уважения разницы в отношении к матерям и отцам нет. То есть вообще пол родителя не связан с уважением к нему, но внутри каждой из обследованных нами семей подростки испытывают значимо более высокое оценочное уважение в отношении матерей. Возможно, этот результат получен за счет подростков из неполных семей. В целях проверки данной возможности, был использован критерий знаковых рангов Уилкоксона для связанной выборки отдельно для выборки подростков из полных семей и для подростков из неполных семей (Табл. 5).

Таблица 5. Статистика критерия Уилкоксона для различий в уважении подростками матерей и отцов (отдельно для полных и неполных семей)

количество		оценочное уважение отец - оценочное уважение мать	предписанное уважение отец - предписанное уважение мать
неполная семья	Z	-1,844 ^b	-,301 ^b
	Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,065	,764
полная семья	Z	-1,344 ^b	-,387 ^b
	Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,179	,699

На самом деле, выяснилось, что при разделении по типу семей внутрисемейные различия в оценивании оценочного уважения по отношению к матерям и отцам перестали быть значимыми (уровень значимости 0,065 для неполных семей и 0,179 – для полных), правда и объем выборки сократился. Скорее всего, при увеличении выборки неполных семей, был бы получен тот же результат, что и ранее. То есть можно констатировать тенденцию к тому, что подростки из неполных семей испытывают большее уважение по отношению к матерям (с которыми практически все они и живут), чем к отцам.

В целом, пол родителя не связан с оценочным уважением к нему, но существует тенденция, что подростки из неполных семей испытывают большее уважение по отношению к матерям (с которыми практически все они и живут), чем к отцам, за счет этого было получено, что в семьях из обследованной выборки статистически значимо подростки испытывают большее оценочное уважение к матери, нежели к отцу (внутрисемейное сравнение). 40,2 % подростков уважают свою мать сильнее, чем отца, еще у 32,5 % процентов эта оценка не различается и лишь 27 % подростков испытывают более сильное уважение по отношению к отцу, чем к матери. Что интересно, предписанное уважение в отношении обоих родителей совпадает практически у всех подростков, что свидетельствует о всеобщности оценивания родителей по данному показателю: если подросток принимает факт должного уважительного отношения к родителям, то и различия между ними он делать не будет. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена между оцениванием матери и отца по этой шкале $\rho = 0,851$ (уровень значимости $< 0,001$).

Степень оценочного уважения в отношении матери и отца часто различается, так как оценочное уважение является результатом оценивания качеств и характеристик конкретного родителя, тогда как степень предписанного уважения в отношении матери и отца совпадает, так как предписанное уважение является результатом усвоения норм долженствования такого отношения.

Список использованных источников:

1. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избр. психол. тр. / под ред. Д.И. Фельдштейна – М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК. – 2001. – 349 с.
2. Вассерман Л.И., Горьковая И.А., Ромицына Е.Е. Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике. Учебное пособие – СПб.: Речь. – 2004. – 256 с.
3. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учебное пособие – М.: Гардарики. – 2008. – 320 с.
4. Коновалова А.М. Методика диагностики уважения к родителям у подростков // Психологическая диагностика. – 2017. – Т. 14, № 3-4. – С. 54–73.
5. Коновалова А.М. Психологическое содержание уважения к родителям в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. – М. – 2017. – 269 с.
6. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / под ред. Е.Г. Силаевой. – М.: Издательский центр «Академия». – 2008. – 192 с.

7. Шведовская А.А. Особенности переживания детско-родительских отношений и взаимодействие с родителями детей старшего дошкольного возраста: автореф. дисс. на соискание научной степени канд. психол. наук – М. – 2006. – 30 с.

8. Price-Mitchell M. The Language of Respect [electronic resource] // Psychology Today. – 2014. – URL: <https://www.psychologytoday.com/blog/the-moment-youth/201402/the-language-respect> (Accessed: 15.07.2017).

Зырянова Надежда Михайловна
кандидат психологической наук,
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова,
доцент кафедры психогенетики
125009 Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: nzyr@mail.ru

Алексеева Ольга Сергеевна
Психологический институт Российской академии образования,
научный сотрудник лаборатории подростка
125009 Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4
E-mail: olga_alexeeva@mail.ru

Ржанова Ирина Евгеньевна
Психологический институт Российской академии образования,
научный сотрудник лаборатории подростка
125009 Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4
E-mail: irinanzhanova@mail.ru

ОБРАЗ БУДУЩЕЙ СЕМЬИ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. Представлены результаты двух исследований дошкольников, проведенных в 2009 и 2015 годах. Целью работы было изучить образ будущей семьи старших дошкольников. Выборка составила 146 детей в 2009 году и 56 детей в 2015 году. Было получено, что представления о будущей семье зависят от состава родительской семьи и характера сиблинговых взаимоотношений.

Ключевые слова: дошкольники, состав семьи, сиблинги, сиблинговые отношения

PRESCHOOLERS REPRESENTATION OF FUTURE FAMILY

Abstract. Results of two studies of preschoolers are presented. The aim of the research was to analyze preschoolers representation of future family. Sample include 146 children in 2009 and 56 children in 2015. It has been received that representations of future family depend on the structure of parental family and the quality of sibling relationships.

Key words: preschoolers, family structure, siblings, sibling relationships

Представления дошкольников о семейной жизни довольно редко становятся предметом интереса со стороны психологов. Однако научные исследования сюжетно–ролевой игры [10; 12] убедительно демонстрируют, что у детей довольно рано начинают формироваться представления о семейных ролях и соответствующих им правилах поведения (в том числе о роли родителей, детей, супругов и т.д.). Дети «знают» о том, как «правильно» должна быть устроена семья, кто в семье должен быть «главный», сколько должно быть детей и как их нужно воспитывать. Из этого можно предположить, что на формирование данных представлений у детей прежде всего оказывает влияние непосредственно семья ребенка. Именно родители задают образцы поведения и являются проводниками ценностей и традиций [6]. Характер отношений в будущей семье ребенка может непосредственно зависеть от тех паттернов, которые были сформированы в родительской семье. Другим важным аспектом являются отношения между сиблингами [8]. Результаты многих исследований показывают, что сиблинговые отношения имеют большое значение так как они

вливают не только на гармонию и дисгармонию в семье, но также являются моделью будущих социальных отношений [1;13; 14; 15]. Выстраивая отношения с братом или сестрой ребенок усваивает определенные паттерны поведения (например, различные способы решения конфликтных ситуаций), которые в последствии будут оказывать влияния на его отношения с супругами или будущими детьми.

Целью данного исследования было определить какой представляют свою будущую семью старшие дошкольники и как этот образ зависит от состава родительской семьи.

В данной работе приведен анализ и сопоставление результатов двух исследований, проведенных в 2009 и 2015 году. В 2009 году в исследовании приняло участие 146 детей (средний возраст – 5 лет 8 месяцев, 53% – мальчики). Некоторые результаты интервью 2009 года были опубликованы ранее (см. подробнее, [3; 4; 5]. В 2015 году выборку составило 56 детей в возрасте 6–7 лет, 55% – мальчики.

В качестве метода использовалось структурированное интервью. Детей спрашивали: С кем ты живешь? Есть ли у тебя братья или сестры? Есть ли у тебя бабушка и дедушка? Вместе ли живете? Когда ты вырастешь, ты выйдешь замуж (женишься)? Почему люди вступают в брак? Сколько ты хочешь, чтобы у тебя было детей? Почему?

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 16-06-00758-ОГН/18.

Результаты

Состав семьи

Анализ состава семьи показал, что выборка опрошенных нами детей разделилась на три части. Большинство детей (53% в 2009 году и 64% в 2015 году) проживает в нуклеарных семьях, в которых живет только поколение детей и родителей. Другая часть детей (24% в 2009 году и 26% в 2015 году) проживает в расширенных семьях – вместе с детьми живут бабушки и дедушки, тети и дяди. Такой многопоколенный состав семьи характерен для российского общества [7]. Можно предположить, что это говорит о том, что россияне предпочитают жить в патриархальной семье. Однако, учитывая экономическую ситуацию в стране и соотношение среднего уровня доходов населения и цен на недвижимость в Москве (где и проводился наш опрос), скорее всего это связано с невозможностью приобрести отдельное жилье.

Приблизительно сходное количество детей (а именно 23% в 2009 году и 18%) проживает в неполных семьях. Опрошенные нами дети из неполных семей проживают либо с матерями отдельно, либо вместе с бабушками и дедушками по линии матери.

В 2009 году больше половины детей (55%) являлись единственными детьми в семье. 38% росли в двухдетных семьях, и лишь около 7% детей имели двух или более сиблингов.

В 2015 году ситуация несколько изменилась. Около 44% из опрошенных детей являются единственными детьми, 33% проживают с одним сиблингом, и 23% имеют двух или более братьев и сестер. То есть, если сравнивать данные 2009 года и 2015 года, то можно увидеть, что резко возросло число детей, живущих в многодетных семьях. Более того несколько сиблингов из однопородных семей сообщили, что в скором времени у них появится брат или сестричка. Эти дети тем не менее были включены в группу единственных детей, так как на момент исследования сиблингов у них не было, однако можно говорить о том, что процент детей из двухдетных семей увеличится.

Нам было интересно сравнить полученные данные с данными статистических исследований, для того чтобы оценить, насколько наши выборки соответствуют общей статистике по стране. По данным переписи населения 2002 года большинство детей (65%) не имеют братьев и сестер, 28% живут в семьях с двумя детьми, и лишь 7% в многодетных семьях [2]. Ситуация практически не изменилась к 2010 году, когда проводилась следующая перепись населения: 65% – единственные дети в семье, 27% детей имеют одного сиблинга, и 8% имеют два или более сиблингов [11]. Следовательно, срез, проведенный в 2009 году соответствует общим статистическим тенденциям, однако наши результаты 2015 года, возможно, из-за малочисленности выборки, не совпадают с данными 2002 и 2010 годов.

Что дети думают о своей будущей семье? Как это соотносится с тем, в каких семьях они растут? Является ли их родительская семья идеальной моделью для их будущей жизни? Мы спрашивали детей «Выйдешь ли ты замуж/женишься, когда вырастешь?» и «Сколько детей ты бы хотел иметь в своей будущей семье?».

Независимо от года проведения исследования, большинство детей на вопрос «Выйдешь ли ты замуж/женишься, когда вырастешь?» отвечало утвердительно.

«Найду какого-то мужа»

«Да, хотелось бы»

«Буду жениться на жене обязательно»

Дети считают, что основная причина, по которой люди вступают в брак – чтобы завести детей.

«Чтобы детей получить»

«Нужно детей родить, воспитывать»

Иногда дети отвечали, что люди хотят вступить в брак, потому что у них есть чувства друг к другу, желание вместе проводить время:

«Чтобы потом была у них была большая семейка, чтоб ребёнок, чтобы они как бы себя любили друг друга, чтобы они всегда проводили вместе время, ходили в кафе»

«Из-за любви женятся, чтобы можно было вместе жить»

Многие дети говорили о том, что у них уже есть избранник:

«Я уже замужем, за Егором»

«Отсюда один мальчик нравится»

«Сколько у тебя будет детей?»

В обоих исследованиях дошкольников большинство дети хотели бы иметь в своей будущей семье двоих детей, это первый по популярности ответ (49% в 2009 году и 48% в 2015 году):

«Два: мальчик и девочка»

«Мама мечтает, чтобы у меня один ребенок был, один мальчик. А я мечтаю, чтобы у меня было две девочки»

«Я хочу двое, как у нас. Двое? А почему ты хочешь двоих? Потому что двое детей это мало. А почему нужно мало детей?... чтобы они не кричали»

«Двое. А почему двое? Потому что хочется мальчика и девочку»

Дети, которые ответили, что хотели бы иметь двоих детей по-разному аргументировали свой выбор. Часть детей, в основном девочки говорили, что лучше всего иметь и мальчика, и девочку. Другая часть детей, пожелавших иметь двоих детей, говорили о том, что когда детей двое, то в семье жизнь более веселая, дружная, детям интересно играть друг с другом и т.д.

Следует отметить тот факт, что согласно данным, опубликованным Росстатом в докладе «Семья и рождаемость» [9], желание иметь двоих детей высказывают большинство респондентов как мужского, так и женского пола. Можно предположить, что в современном российском обществе идеальная модель семьи – это семья с двумя детьми разного пола, и дошкольники в своих ответах повторяют стереотипные социальные представления.

Следующий по популярности ответ «Один ребенок». В 2009 году этот ответ выбрали 21% шестилеток, тогда как в 2015 году популярность этого ответа возросла – 27% детей:

«Одна девочка»

«А сколько ты бы хотел детей? Одно. А почему одного? Чтоб не баловались»

«Лучше один, потому что с двумя будет очень трудно. Но я даже не знаю, сколько у меня родится»

«Один. Так спокойнее»

Дети, которые хотели одного ребенка, указывали на разные трудности, которые возникают при воспитании детей.

«Одного. А почему одного? Потому что за двумя не уследишь.»

«Лучше один чтобы был. Почему один лучше? Чтобы шума не было.»

Трех и более детей хотели бы иметь 19% и 18% шестилеток в 2009 и 2015 годах соответственно.

«Я хотел бы 20. Почему так много? Веселее так»

«У меня будет миллион детей, и миллион жен»

«Мне хотелось, чтобы было детей...три. Трое? А почему тебе кажется, что трое – хорошо? Потому что э...всем надо готовить, если у нас будет много там и ухаживать за всеми. Так что мне лучше трое»

Те, кто хотел иметь троих детей, аргументировали это тем, что чем больше в семье детей, тем им веселее и лучше.

«Три. А почему три? Вообще-то, я хочу шесть. А почему шесть? Потому что с детками веселее и играешь с ними...»

«Четыре. А почему столько? Ну, я четыре имени придумала. Чтобы у меня семья была большая.»

«Три ребёнка. Почему? Потому что, когда много ребёнок, мать – героиня. Ты хочешь быть матерью-героиней? Да!»

Меньше всего было детей, которые отвечали, что в будущем вообще не хотят иметь ребенка (11% в 2009 году и 7% в 2015 году)..

«Не знаю. Я буду жить с мамой и с папой, когда вырасту»

«Нет. Я не рожаю детей»

Те, кто не хотел иметь детей, обычно отвечали односложно и не объясняли почему – «Не хочу иметь детей». Обычно эти же дети на вопрос о браке говорили, что никогда не выйдут замуж или не женятся.

«Ну мне не хочется. Ну просто мне не хочется, потому что придется все время воспитывать детей, не отрывать внимание. Когда ребенок заплачет – покачать.»

Представления о будущей семье зависят и от количества сиблингов. Большинство единственных детей мечтают иметь двоих детей. Дети, у которых есть один брат или одна сестра разделились на две равные группы. Часть дошкольников хотела иметь в будущем двоих детей, другая часть – троих и больше. Ответ «один ребенок» дети из двухдетных семей выбирали редко. Однако дети из многодетных семей чаще всего хотят иметь не более двоих детей, почти никто не захотел чтобы у них в будущем была большая семья. То есть нельзя однозначно утверждать, что дети планируют копировать модель своей родительской семьи.

Не хотят иметь детей в основном те дошкольники, у которых сложились конфликтные отношения с сиблингами. Например, одна девочка сообщила, что старший брат ее бьет, и тема отношений со старшим братом доминировала в ее ответах даже на вполне нейтральные вопросы.

«А если бы у тебя была волшебная палочка, какие три желания ты загадала бы? Чтобы мой брат не бил меня.

А чего ты раньше боялась, а теперь уже не боишься? Ну, когда я была маленькой, я боялась вот моего брата. Я не знала, кто это.

А ты бы хотела быть похожей на маму? Да. В чем? Чтобы ругать Сашу, что он меня бьет.

А на папу? На папу я хочу... Чтобы я была умной и наказывала Сашу.

А тебе нравится, что ты девочка? Ну, мм. Не очень. Потому что вот Саша бьет девочек.»

В заключении она сообщает, что не желает выходить замуж и заводить детей.

«Не хочу, чтобы мне животик отрезали, не хочу замуж. А зачем животик отрезают, когда выйдешь замуж? Чтобы ребенок родился, но я не хочу. То есть, ты не хочешь, чтобы у тебя детки были? Угу. И замуж не хочешь? Угу.»

Еще один мальчик рассказывал о конфликте с сестрой:

«Потому, что моя сестра такая, ну всегда дразнится и еще она вредничает. А как она тебя дразнит? Ну, вредничает она так: жмакает по айпаду, когда я играю. Мешает тебе? Да.»

При ответе на вопрос, сколько детей, мальчик хотел бы иметь, он ответил, что хотел бы трех или больше.

«А сколько ты хочешь чтобы у тебя детей было когда женишься? Да тысячу! Ну честно, тысячу-то никак не может быть. Ну... чтобы, ну, не меньше трех. Трех. Мальчиков или девочек? Ну, любых!»

Однако дальше сообщил, что много детей ему нужно, чтобы им мешать.

«А ты когда вырастешь, хочешь быть похожим на папу или на маму или на Ксеню? Ну, хочу на Ксеню. Почему? Потому что буду своим детям мешать. Мешать будешь? Своим детям? Да.»

Таким образом можно сказать, что характер отношений с сиблингами оказывает влияние на представления детей о своей будущей семье. И если эти отношения характеризуются как неблагоприятные, то у детей возникает искаженное представление о воспитании своих будущих детей и семейных отношениях как таковых,

Выводы

У большинства дошкольников довольно отчетливо сформирован образ своей будущей семьи. Подавляющее большинство детей хотят, когда вырастут, выйти замуж или жениться и иметь двоих детей.

Дошкольники, у которых нет сиблингов, в основном хотят иметь одного или двоих детей. Дети, у которых есть один сиблинг, хотят иметь двоих и более детей. Такое распределение ответов позволяет сделать вывод о том, что образ будущей семьи зависит от состава родительской семьи. Исключение составляют дети из многодетных семей – большинство из них не хочет, чтобы в их будущих семьях было более двух детей.

Следует отметить, что неблагоприятная конфликтная обстановка в родительской семье может оказывать негативное влияние на представления детей о будущих супружеских и родительско-детских отношениях.

Список использованных источников:

1. Алмазова О.В. Привязанность к матери как фактор взаимоотношений взрослых сиблингов: дис. ... канд. психол. наук. – Москва, 2015. – 265 с.
2. *Дети в России. 2009: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. – 121 с.*
3. Дошкольники нового века / Н.М. Зырянова, М.С. Егорова, О.С. Алексеева, И.Е. Козлова, А.А. Панкратова, О.В. Паршикова, С.Д. Пьянкова, Ю.Д. Черткова // *Образовательная психология. – 2012. Т. 6, № 62. – С. 54–69.*
4. Егорова М.С., Зверева О.В. Влияние структуры семьи на представление дошкольников о желаемой // *Психологические исследования. – 2009. – Т.5, №7. – С. 12. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/219-egorova7.html> (дата обращения: 29.06.2018гг).*
5. Зверева О.В. Представления детей старшего дошкольного возраста о семье:..дипломная работа. – Москва, 2010. – 110 с.
6. Карабанова О.А. Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект // *Современная зарубежная психология. – 2017. – Том 6, № 2. – С. 15–26.*
7. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
8. Козлова И.Е. Особенности сиблинговых отношений в двухдетных семьях // *Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – N 4(12). [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/345-kozlova12.html> (дата обращения: 29.06.2018гг).*
9. Краткие итоги выборочного обследования «Семья и Рождаемость». – М.: Росстат, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (дата обращения: 29.06.2018гг)

10. Мухина В.С. Тайнство детства. Том I. – М.: Издательский дом «Экономическая газета», 1998. – 384 с.
11. *Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года.* – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.– 183 с.
12. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.:Владос, 1999. –360 с.
13. *Brody G.H.* Sibling relationship quality: its causes and consequences // *Annual Review of Psychology.* – 1998. – Vol. 49. – P. 1–24.
14. *Dunn J.* Annotation: sibling influences on childhood and development // *Journal of Child Psychology and Psychiatry.* – 1988. –Vol. 29, N 2. – P. 119–127.
15. *McHale S.M., Crouter A.C., McGuire S.A.* Congruence between mothers' and fathers' differential treatment of siblings: links with family relations and children's well-being // *Child Development.* –1995. –Vol. 66, N 1. – P. 116–128.

Кошелева Юлия Павловна
кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
доцент кафедры психологии и педагогической антропологии
119034 г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
E-mail: yu.p.kosheleva@gmail.com

БЛИЗКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК РЕСУРС УПРОЧЕНИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматривается изменение отношения к семье на протяжении двух столетий, трансформации брачно-семейных отношений, усиление значимости близких отношений по сравнению со значимыми отношениями при выборе партнера у молодежи. Доказано, что согласно субъективным оценкам молодые люди разделяют близкие и значимые отношения, эмпирически подтверждены варианты их соотношения, выделены индикаторы близких отношений.

Ключевые слова: брачно-семейные отношения, ценности, значимые отношения, близкие отношения, молодежь

Kosheleva Yuliya Pavlovna
candidate of psychological science, associate professor,
Moscow State Linguistic University,
associate professor Department of Psychology and Pedagogical Anthropology
119034 Moscow, Ostozhenka St., 38-1
E-mail: yu.p.kosheleva@gmail.com

INTIMATE RELATIONS AS RESOURCE OF YOUTH' MARRIAGE AND FAMILY VALUES CONSOLIDATION

Abstract. The article considers the change of family attitude during two centuries, the transformation of marriage and family relations, reinforcement the intimate relations importance compared to significant relations while youth' choice of partner. It is proved that according to subjective assessment the young people differentiate intimate and significant relation, it is given the variants of their combinations in empirical research, and intimate relation indicators.

Key words: of marriage and family relations, values, significant relations, intimate relations, youth.

Сегодня наблюдается разнообразие брачно-семейных отношений, поиск подходящих, рассмотрение и обсуждение вопросов, а нужна ли семья вообще как социальный институт, что не может не сказаться на формировании брачных и семейных ценностей [1].

Молодежь наиболее остро реагирует на изменения, происходящие в обществе. Она является индикатором злободневных проблем, пропуская их через себя, переживая и трансформируя. И проблемы семьи здесь не исключение. Кто как не молодежь первая замечает перемены в брачно-семейных отношениях, примеряет их на себя и отбирает те, которые являются для них приемлемыми. Отсутствие новых моделей отношений и моделей семьи не позволяют оценить прошлый опыт и сопоставить его со своим собственным. Собственный опыт становится мерилем любых отношений, в которых происходит выбор приемлемых форм. При этом специфика возраста сохраняется. Молодой возраст – это время экспериментирования и поиска новых форм отношений, однако они всегда исторически и

культурно специфичны. Несмотря на наличие свободного выбора брачного партнера, констатируется кризис семейных ценностей, вызванный социально-психологическими причинами [7]. Он выражается в снижении рождаемости (демографический кризис), рост числа детей, рожденных вне брака, снижение брачности и повышение количества разводов на одного человека. Чтобы проследить их истоки, проанализируем отношения к семье на протяжении двух столетий.

Анализируя причины демографического кризиса, который характерен не только для России, но и для других европейских стран, А. Г. Вишневский прослеживает эволюцию российской семьи с XIX до XXI века [2]. Он показывает существенную разницу в устройстве семьи и ее взаимоотношениях 200, 100 лет назад и на современном этапе развития семьи. Так, для России XIX в. была характерна большая, неразделенная семья, которая продержалась гораздо дольше, чем в странах Западной Европы. Причем в расширенную семью входили не только родственники – близкие и отдаленные, свояки и свояченицы, но и люди, не связанные с ней ни родством, ни свойством, а живущие с ней под одной крышей и ведущих совместное с остальными домашнее хозяйство. Молодые семьи были под покровительством старших членов семьи, и все они вместе обслуживали сложный многофункциональный механизм под названием семья. Девизом такой семьи был: человек для семьи. По мнению автора, одновременно существовала и малая семья, привычная для нас и более понятная. Хотя таким семьям было труднее выжить, т. к. она зависела в большей степени от экономических, демографических и прочих случайностей, чем семьям многопоколенным, они стремились к суверенитету и праву выбора, где и как жить.

Неизбежные перемены в экономических условиях жизни семьи привели к нецелесообразности сохранять большие семьи. И если раньше для России была характерна 100%-я брачность и отсутствие разводов, то с трансформацией и распадом старой семьи появились разводы, а брак перестал быть безусловной ценностью. Семья XX века становится преимущественно городской семьей, состав которой начинает сокращаться и меняться. Так, к концу XX века существовало три наиболее распространенных разновидностей семьи: супружеская пара с детьми и без детей; один из родителей с детьми; супружеская пара с детьми или без детей с одним из родителей супругов или другими родственниками. Ни наличие родственников, ни наличие детей не является больше неотъемлемым атрибутом семьи, как это было раньше. В семье меняется не только ее состав, но и функции, процесс формирования, образ жизни, семейные роли, семейная мораль и семейные отношения. Семья начинает «психологизироваться». Усиливается внимание к отдельному человеку, личности, его потребностям. Меняется и девиз: теперь семья служит человеку. И эта закономерность наблюдается на всем протяжении семейных отношений – от их зарождения до распада. Со временем повышается избирательность в поиске партнера и требовательность к нему. Теперь не брак сам по себе является необходимым условием существования семейных отношений, а во главе угла становятся сами отношения между людьми. Равноправие и нежесткая привязанность выполнения семейных функций приводит к большему экспериментированию и разнообразию брачно-семейных форм совместного сосуществования людей. Те функции, которые были лишь прерогативой семьи, начинают отделяться и выполняться попеременно или даже отдельно – за её пределами. Функции семьи выполняют и внешние по отношению к семье социальные институты. Варьируются и формы брачно-семейных отношений по всем параметрам, различающим традиционную семью от альтернативных форм брачно-семейных отношений [5]. При всем многообразии изменений, которые произошли в современной семье неизменным, на наш взгляд, остаются отношения, которые влияют на человека и формируют его личность, и отношения, которыми человек в наибольшей степени дорожит и которые обладают для него наибольшей интимностью, сакральностью.

Для исследования первого типа отношений мы исследовали проблему значимости отношений [5]. Наш анализ показал, что эта тема является классической как для зарубежной, так и для отечественной психологии. Она связана с определением структуры личности, процессом и результатом ее формирования. С этой точки зрения, значимые люди – те,

которые в большей степени, чем другие оставляют свой след в человеке, однако их влияние различно. Независимо от психологических школ и направлений первыми значимыми людьми в жизни человека, у которого есть семья, выделяются ее члены. По-разному объясняется влияние семьи на личность и его последствия, но неизменным остается значимость для нее семейных отношений, прежде всего родителей или заменяющих их взрослых. Выделяются также субъективные характеристики «значимых отношений» (валентность, позиция в общении, психологическая близость, глубина отношений и др.) и объективные (состав семьи, место жительства, количество контактов и т.д.). Они определены, диагностичны и применимы на практике. Если первые относятся социально-демографическим характеристикам, и их легко зарегистрировать, то вторые отражают психологические характеристики, и они не всегда очевидны для стороннего наблюдателя. Работа с ними позволила нам выделить виды психологических семейных отношений и глубинные потребности человека. Так наиболее востребованными среди психологических характеристик оказались психологическая близость, доверие и возможность самораскрытия. Это значит, что «психологизм» отношений не утратил свои позиции, и при изменении социальных условий в России, наблюдается его усиление. Для его выделения как особой части значимых отношений мы провели дополнительные исследования, чтобы ответить на следующие вопросы.

Какие отношения характерны для нашего времени? Что предпочитает современная молодежь? И какие отношения предпочитает: значимые или близкие? В нашем многолетнем исследовании было доказано, что одной лишь значимости в отношениях недостаточно. Субъективно человек хорошо различает близкие и значимые отношения [3]. Причем близким и значимым может быть один и тот же человек, а могут быть и разные люди (близкий, но не значимый; значимый, но не близкий; значимый и близкий, незначимый и не близкий). Выделенные варианты соотношения близких и значимых отношений подтверждаются эмпирически. И если значимые отношения – это отношения «повернутые вовне», то близкие – «повернутые вовнутрь». Для близких отношений характерна общность взглядов и мировоззрения, а также включенность партнеров в совместную действительность как полноправных субъектов взаимоотношений, что предусматривает согласование целей, ценностей, норм поведения и средств контроля, обеспечивающих «совместность» отношений. В близких отношениях важен субъект этих отношений, эти отношения более «пристрастны» по сравнению со значимыми, и, в то же время они нацелены на достижение результата и требуют усилий по построению взаимоотношений. Отсутствие близких отношений становится характеристикой самого человека, который ничего не предпринимает для их создания. В значимых же отношениях другой человек становится «значимым другим», выполняя роль эталона, выбранного в качестве такового по каким-то признакам, – эталоном привлекательности, ролевой модели, образа жизни и др.

Наиболее ярко такое различие наблюдается у молодежи. Начиная с подросткового возраста, где потребность в интимно-личностном общении реализуется через дружбу со сверстниками, человек в дальнейшем научается понимать себя лучше, а затем и другого. Он не перестает испытывать потребность признания своей и его «бытийности» и использовать сам психологические средства её осуществления – конкретные действия, которые ее проявляют (забота, поддержка и т.д.).

И в значимых отношениях и в близких нужна осознанность. (Осознанность, по нашим прошлым исследованиям, является ведущим фактором решения проблемы одиночества [4]). В значимых отношениях она позволяет формировать отношения как таковые к себе, другому, миру; менять значимость и её степень. В близких – осознанность помогает самораскрываться и раскрывать другого, согласовывать цели, ценности и нормы поведения, соотносить себя с другим, адекватно оценивать возможности и требования к себе и другому.

Определяя динамику значимых отношений у молодежи, мы пришли к выводу, что отношения формируются от значимости к близости. Сначала происходит усвоение значимости, в основном, через опыт семейных отношений преимущественно в родительской

семье. Затем усиливается «пристрастность» и появляется стремление к улучшению качества отношений. (Возможно, степень глубины отношений и потребность в ней разнится. Мы изучали данный феномен на студентах вузов крупных мегаполисов, что подразумевает большую осознанность, чем у молодежи других сегментов. Мы предполагаем, что осознанность приводит к пониманию потребности в близких отношениях и поиска человека, который смог бы стать близким. В противном случае не происходит осознания такой потребности, и отношения становятся функциональными). Чтобы улучшить качество отношений необходимо, чтобы они вообще были. Отсутствие отношений приводит к чувству одиночества [5]. Наличие же отношений с партнером позволяет лучше понимать себя и другого. И здесь появляется потребность в улучшении отношений, приводящей к решению проблемы их качества. Качество отношений, в свою очередь, включает учет индивидуальности каждого, его субъектности, их единства, согласованности и совместности. Особое внимание уделяется совместной деятельности, в которой не только согласуются ролевые предпочтения партнеров, но и их ценностные ориентации. На наш взгляд, все эти характеристики отношений входят в понимание близких отношений, но не значимых. Значимые отношения нужны для построения своего «Я», близкие для построения отношений с другим «Я». Далее при создании и поддержке близких отношений наблюдается обратный ход – вновь становится актуальным движение к выбору значимых отношений. Их связующим звеном, по-нашему мнению, являются ценности.

Ценности позволяют устанавливать приоритеты в жизни и одновременно упорядочивать ее, опираясь на нормы и правила. Ценности могут быть идеальными, но такими, что они будут выступать в качестве цели. На достижение целей направлена деятельность человека. В реализации деятельности используются средства. В этом случае важными становятся не ценности сами по себе, но ценности средств достижения определенных целей. Если человек стремится к установлению близких отношений, но какие средства он может использовать для этого? Что считает приемлемым для себя? Какие качества необходимы человеку для реализации цели – найти близкого человека? Ясно, что для ее достижения обман, насилие или перекладывание ответственности на другого не годятся. Человек может рассматривать в качестве ценностей и способы деятельности – способы поведения, принципы, правила. Во многих культурах к ним будет относиться выполнение ритуалов и определенная последовательность действий в событиях, наиболее значимых для начала и продолжения жизни в семье (например, свадьба, семейные праздники). Где этих правил больше, там легче следовать ценностям, которые проверены годами. В этом смысле ценности, выступая в роли регуляторов поведения, возвращают нас к теме значимости отношений.

Чем выше приоритет тех или иных ценностей у человека, тем более он склонен следовать и способам поведения, соответствующим им. Неудивительно, что отношение, которое становится ценным, в наибольшей степени распространяется на способы поведения. Такое отношение становится самоценным. Теперь личности не нужно стремиться к достижению цели установления близких отношений, т. к. они сами становятся самоценностью. А став самоценностью, они становятся и значимыми. Средства организации поведения, вызванные семейными ценностями как ценностями близости и значимости отношений как таковых, образуют глубинные установки самосознания культурного человека, связанные с пониманием смысла жизни, своего места в ней и в системе отношений и рождает желание передавать эти ценности дальше следующим поколениям.

Понимание отношений как ценности представлено в различных аспектах отражения личности в мире:

- в исходных оценках действительности и личностных качеств (например, моральные суждения об ответственности, справедливости и др.);

- в утвердившихся социальных, включая моральные, нормах (например, в житейских представлениях, стереотипах, нравственных отношениях нормативного характера и т. д.);

- в аргументации необходимости исполнения социальных норм, которые предъявляются со стороны общества;
- в оценках отдельных поступков, опирающихся на действующие;
- в требованиях, которые предъявляет к личности общество.

Ценность не только подтверждает необходимость выполнения нормы, но и способствует более глубокому пониманию ее содержания. Так, отношения став ценностью, автоматически запускают механизм вступления в отношения, поддержания и удержание их. Неважно, в каких социальных институтах человек выстраивает систему отношений, главное другое, что человек без этих отношений существовать не может. В этом смысле психологическое отношение, по мнению С.Л. Рубинштейна, превращается в категорию и становится предметом психологии как науки [6]. Установив однажды такие отношения, они начинают оказывать взаимовлияние на людей. В нашей канве рассуждений это значит, что они становятся значимыми, независимо от их субъективной оценки людьми.

Возвращаясь к брачно-семейным ценностям, мы считаем, что их нельзя навязать извне, особенно в периоды социальных изменений, когда наблюдается пересмотр всего, что когда-то казалось незыблемым. Сейчас, на наш взгляд, наблюдается расслоение семейных ценностей, проявляющееся в том, что семьи разного опыта и стажа семейной жизни выбирают собственные образцы поведения. В то же время молодые люди, которые не следуют семейным традициям и не принимают их, проверяют на собственном опыте модели отношений, среди которых на первом месте оказываются близкие отношения. Близкие отношения становятся мерилем их правдивости, честности и открытости. В то же время молодежь говорит об их труднодоступности и острой необходимости в них. Молодые люди только начинают строить отношения, и для них близкие отношения становятся тем ориентиром, который будет направлять их поведение на брак и семью. Молодежь осуществляет осознанное движение от значимых отношений к близким. И именно близкие отношения являются источником и ресурсом укрепления брачно-семейных отношений, т. к. превращают их в самооценку, что дает надежду на обновление и упрочение семейных ценностей на новом витке эволюции российской семьи.

Список использованных источников:

1. Андреева Т. В. Семейная психология: Учебн. Пособие. – СПб.: Речь. -- 244 с.
2. Вишневский А.Г. Эволюция российской семьи /Наука и жизнь. – №№7-9. 2008. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430650
3. Кошелева Ю.П. Значимые отношения: значимый другой или близкий человек? / Вестник Московского государственного лингвистического университета, М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. – Выпуск №8 (719). – С.99-106 [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/Vest-719.pdf>
4. Кошелева Ю.П. Стратегии самопредъявления одиноких людей в ситуации знакомства / Семейная психология и семейная терапия. Ежеквартальный научно-практический журнал. – М.: МГУ, №4, 2003. – С.69-102.
5. Кошелева Ю.П. Субъективные и объективные характеристики «значимых отношений». Вестник МГЛУ, психологические науки, вып. №16 (702), 2014. – С. 157-167. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/Vest-16z.pdf>
6. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. – 190 с.
7. Шнейдер Л.Б. Оглядываясь вперед. – СПб: Питер, 2013. – 468 с.

Шинина Татьяна Валерьевна
кандидат психологических наук, доцент,
Московский государственный психолого-педагогический университет
доцент кафедры нейро- и патопсихологии развития
620017 г. Москва, Сретенка, 29
E-mail: ShininaTV78@gmail.com

Митина Ольга Валентиновна
кандидат психологических наук, доцент,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ведущий научный сотрудник лаборатории психологии общения и психосемантики
125009 г. Москва, ул. Моховая, 11 Стр. 9
E-mail: omitina@inbox.ru

ВЛИЯНИЕ СЕМЕЙНОЙ СРЕДЫ НА ГОТОВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ К САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Аннотация. Статья посвящена описанию исследования жизненных навыков подростков и влияния семейной среды на готовность подростка жить самостоятельно. Исследование проводилось в Москве и Ямало-ненецком автономном округе, с общим объемом выборки (N=179) респондентов, из них 76 юношей, 103 девушек. Для анализа полученных данных использовался двухфакторный дисперсионный анализ. В качестве независимых дихотомических переменных были взяты пол (мальчики или девочки) и место проживания (в семье или интернате).

Ключевые слова: социализация, самостоятельность, подростковый возраст, юношеский возраст, шкала готовности к самостоятельной жизни.

INFLUENCE OF THE FAMILY ENVIRONMENT ON THE READINESS OF TEENAGERS AND YOUTH TO SELF-LIFE

Shinina Tatiana Valerievna
PhD, assistant Professor,
Moscow State University of Psychology & Education
Department of the Neuro and Pathopsychology of Development
620017 Moscow, Sretenka, 29
E-mail: ShininaTV78@gmail.com

Mitina Olga Valentinovna
PhD, assistant Professor,
Moscow State University. MV Lomonosov
Leading Research Associate.
Laboratory of psychology of communication and psychosemantics
125009, Moscow, ul. Mohovaya, 11 St. 9
E-mail: omitna@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of adolescent life skills and the impact of family environment on their readiness to live independently. The study was carried out in Moscow and Yamalo-Nenets Autonomous Region with the total sample size used for the current study N=179 respondents, consisting of 76 males and 103 girls. The two-way analyses of variance is used for the

analyses of the data obtained. Sex of adolescents and place of residence (homestay or care home) are used as dichotomous independent variables.

Keywords: social integration (socialization), independence, adolescence, early adolescence, readiness scale for an independent life.

Вызовы сегодняшнего времени подчеркивают то, что происходит смещение возрастных границ и увеличивается период подросткового возраста. Подростки развиваются в новых реалиях, где взрослые не имеют четкой картины того, какой сегодня должен быть подросток и что важнее всего у него развивать с учетом нового жизненного ландшафта. Зарубежные исследователи отмечают «Life design» - это пожизненный, всесторонний, контекстуальный и превентивный процесс формирования подростком через становление жизненных навыков Ginzberg et al. 1951; Gottfredson, 1996; Hartung, Porfeli & Vondracek, 2005; Savickas, 2011; Warson & McMahon, 2005 [6,7].

Социальный заказ общества ориентирует институты социализации на воспитание успешных подростков, которые могут поставить цель, принимать решения, нести ответственность и заниматься непрерывным образованием и личностным развитием. Анализируя жизненный путь подростков можно говорить о влиянии различных негативных факторов на развитие его личностного потенциала, как «способности личности проявлять себя в качестве личности, выступать автономным саморегулируемым субъектом активности, оказывающим целенаправленные изменения во внешнем мире и сочетающим устойчивость к воздействию внешних обстоятельств и гибкое реагирование на изменения внешней и внутренней ситуации» [3, с.8].

Готовность подростка к самостоятельной жизни невозможно рассматривать вне семьи, среды сверстников, вне анализа ситуации развития подростка. В своем исследовании, при изучении развития жизненных навыков подростка, мы опираемся на системный подход, который предполагает влияние на ребенка семьи как системы во взаимосвязи всех системообразующих компонентов и факторов, когда поведение одного члена семьи с неизбежностью порождает реакцию других её членов [1, 2, 4, 5].

В фокусе нашего исследования изучение интересов ребенка к возможности самостоятельно управлять собственной жизнью. Важным приоритетом, который позволяет устойчиво балансировать в мире взрослых является готовность к самостоятельности. Данная ценность вполне соответствует решению возрастных задач подростков и свидетельствует о потребности в автономии и независимости. Особый интерес в этой связи представляет изучение готовности воспитанников организаций для детей-сирот строить свою жизнь самостоятельно.

В данной работе представлено описание эмпирического исследования. **Цель исследования** - определение готовности подростков и молодежи к самостоятельной жизни в зависимости от среды воспитания ребенка с помощью разработанного авторами опросника.

В исследовании приняли участие три группы подростков:

- 1 группа – подростки, воспитывающиеся в семье;
- 2 группа – подростки, проживающие в школе-интернате и имеющие семью;
- 3 группа – подростки-сироты, выпускники интернатных учреждений.

Описание выборки

Эмпирическое исследование по оценке готовности подростков к самостоятельной жизни проводилось в Москве и Ямало-ненецком автономном округе. Общий объем выборки (N=179) респондентов, из них 76 юношей, 103 девушек.

Таблица 1

Распределение респондентов по группам

Социальная среда	Пол		Всего
	девушки	юнош и	
Ямало-ненецкая автономная область			
В семье	42	32	74
В интернате	34	26	60
Сироты (Москва)	27	18	45
Всего	103	76	179

Первая группа респондентов «в семье» - являются лидерами Ямало-ненецкого автономного округа, проявляют активную жизненную позицию в мероприятиях округа, готовят проекты и реализовывают их на территории округа с привлечением сверстников и обсуждением полученных результатов на гражданских молодежных форумах имеют принадлежность к общественным объединениям. Подростки воспитываются в семейной среде. Исследование проводилось в рамках образовательного молодежного форума «Я молод» в городе Ноябрьске; приняли участие 74 человека; выборка была сбалансирована по возрасту и полу (42 девушки и 32 юношей). Параметры выборки данного исследования позволяют сравнивать получаемые результаты.

Вторая группа «в интернате». В исследовании приняли участие респонденты МБОУ "Ямальская школа-интернат имени Василия Давыдова" - самой большой Школы-интерната в России по количеству учеников и воспитанников. Данная школа-интернат находится в селе Яр-Сале Ямальского района за пределами Полярного круга ЯНАО со сложными воздушными и наземными транспортными соединениями с ближайшим населенными пунктами. Подростки, воспитанники интерната – дети тундровиков. Особенность выборки заключается в том, что дети и подростки, проживающие в тундре с самого рождения, имеют свои обязанности по ведению хозяйства в чуме и активно помогают родителям-ненцам в оленеводстве. Часто родители не хотят отдавать своих детей в школу-интернат, потому что они оказывались оторванными от семьи, от традиционной национальной культуры, попадали в совершенно чуждую для них обстановку. А также сложности заключаются в том, что дети и подростки имеют «сломанную» систему ценностей. В семье они воспитываются на основе формирования самостоятельности с раннего детства и четких трудовых функций, а при попадании в школу-интернат, они кардинально меняют социальную ситуацию развития, попадая в ситуацию того, что за них все делают взрослые воспитатели и они не имеют никаких трудовых обязательств, кроме обязательной образовательной деятельности. Данные «ценностные качели самостоятельности» послужили предметом для эмпирического исследования особенностей социализации; всего 60 человек (34 девушки и 26 юношей).

Третья выборка «сироты» респондентов являются социальными сиротами, которые проживают в интернатных учреждениях города Москвы, составила 45 человек, из них 27 девушек и 18 юношей. Это девушки и юноши, которые на разных возрастных этапах столкнулись с трудной жизненной ситуацией в семье. Семья не смогла справиться с возникшими проблемами (алкоголизм, наркомания, попадание в секты), в результате чего и была признана ситуация, которая опасна для жизни и здоровья детей. При живых родителях детей помещают в стационарные социальные учреждения. Такие дети имеют очень высокий уровень тревожности, не сформированную эмоциональную привязанность и настороженно относятся к воспитателям группы. Как правило, при выстраивании взаимоотношений с противоположным полом имеют не сформированные личностные границы и имеют сложности при построении самостоятельной жизни. Надо отметить, что данная группа испытуемых была самой мало мотивированной на участие в исследовании.

Этические аспекты. Исследование следовало следующим этическим принципам: 1) информирование подростков в простой доступной форме о целях, задачах и предстоящих процедурах исследования, и получение письменного информированного согласия на участие в исследовании; 2) конфиденциальность сведений (вся информация, сообщенная подростками в ходе оценки, получена анонимно).

Методы исследования

Разработанный авторами опросник «Готовность подростка к самостоятельной жизни», психодиагностическое обследование и структурированное наблюдение [8,9,10,11].

Продолжительность исследования составляет 1 встречу (1 час – 1 час 20 минут). В рамках данной статьи мы остановимся на результатах опросника «Готовность подростка к самостоятельной жизни», который содержит 7 шкал (63 вопроса):

- 1) готовность к самостоятельному проживанию в своей квартире;
- 2) готовность к самообслуживанию;
- 3) финансовая грамотность;
- 4) готовность вести здоровый образ жизни;
- 5) социальные коммуникации;
- 6) готовность к самообразованию;
- 7) профессиональная ориентация.

Для каждого вопроса существует три категории ответа. 1) «не про меня»; 2) «немного про меня»; 3) «полностью про меня».

Ниже представлены результаты описательной статистики ответов респондентов в соответствии с выборками: подростки, воспитывающиеся в семье (семья), в школе-интернате (интернат), подростки-сироты (сирота) по одной из шкал опросника – шкале Планирование карьеры.

Таблица 2.
Описательная статистика ответов пункты опросника в разных выборках

Пункт	выборки	девушки		юноши		φ	Значимость		
		варианты ответов							
		се	интернат	сироты	сироты				
Шкала 1. Планирование карьеры									
1. У меня есть школьные знания, которые позволят дальше выбрать место работы	се					0,	0,672		
	мья	,14	,48	,38	,22	,41		,38	104
	интернат	,09	,59	,32	,08	,46		,46	0,141
2. У меня есть возможность обсуждать свои планы по дальнейшему обучению с учителями, работодателями и тд	се					0,	0,242		
	мья	,31	,26	,43	,19	,44		,38	0,196
	интернат	,21	,44	,35	,42	,35		,23	0,237
3. У меня есть куратор (учитель, тьютор) к которому я могу обратиться по жизненному вопросу	се					0,	0,325		
	мья	,29	,38	,33	,38	,22		,41	0,174
	интернат	,56	,35	,09	,85	,12		,04	0,307
	сироты	,23	,35	,42	,29	,41	,29	0,131	0,691

Пункт	выборки	девушки		юноши		φ	Значимость		
		варианты ответов							
4. У меня есть опыт работы (вожатым летом, на работе родителя)	се						0,	0,205	
	мья	,12	,31	,57	,03	,22	,75		207
	интернат	,53	,38	,09	,54	,15	,31		0,331
5. Я читаю литературу, которая мне интересна для выбранной профессии	се							0,	0,636
	мья	,02	,48	,50	,06	,41	,53	111	
	интернат	,18	,41	,41	,38	,35	,27	0,239	
6. Я знаком с требованиями к работе, которые меня интересуют	се							0,	0,122
	мья	,02	,19	,79	,06	,13	,81	126	
	интернат	,15	,38	,47	,31	,23	,46	0,217	
7. У меня есть свой план карьеры	се							0,	0,639
	мья	,17	,38	,45	,16	,34	,50	048	
	интернат	,24	,41	,35	,35	,35	,31	122	
8. Я умею составлять резюме	се							0,	0,083
	мья	,17	,29	,55	,13	,25	,63	081	
	интернат	,26	,53	,21	,54	,31	,15	282	
9. Я могу назвать 2-х человек, контакты которых очень важны для меня в поиске работы	се							0,	0,785
	мья	,17	,29	,55	,13	,25	,63	081	
	интернат	,26	,53	,21	,54	,31	,15	282	
	се							0,	0,807
	мья	,12	,62	,27	,18	,53	,29	100	
	интернат	,12	,62	,27	,18	,53	,29	100	
	се							0,	0,537
	мья	,29	,33	,38	,19	,44	,38	130	
	интернат	,15	,35	,50	,46	,27	,27	352	
	се							0,	0,024
	мья	,29	,33	,38	,19	,44	,38	130	
	интернат	,15	,35	,50	,46	,27	,27	352	
	се							0,	0,684
	мья	,46	,35	,19	,59	,29	,12	133	
	интернат	,46	,35	,19	,59	,29	,12	133	

Каждая шкала включает 9 вопросов. В таблице 2 указаны частоты выборов каждой из возможных категорий. Также приведены сопоставления по кросс-табуляционному критерию различий между юношами и девушками в каждой подвыборке. Значимые различия указаны розовым цветом.

Подобным образом проведен анализ по всем шкалам опросника. Показано, что между юношами и девушками, проживающими в семьях только по одному пункту выявлено значимое различие: это вопрос про беременность, что, собственно, вполне понятно. По всем остальным пунктам в структуре ответов значимых различий нет. Проживание в интернате или детском доме приводит к большим различиям в ответах. Ответы девушек свидетельствуют об их большей готовности к самостоятельной жизни.

Для проверки утверждений опросника на согласованность проведена статистическая обработка с применением альфа Кронбаха. Некоторые утверждения, снижающие уровень согласованности были исключены. В таблице 2 они указаны курсивом. В таблице 3 приведены надежности после удаления пунктов.

Таблица 3.
Показатели согласованности шкал

Шкалы	Кронбах	Число пунктов
1. Готовность к самостоятельному проживанию в своей квартире	0,718	9
2. Готовность к самообслуживанию	0,775	7
3. Финансовая грамотность	0,730	8
4. Готовность вести здоровый образ жизни	0,679	5
5. Социальные коммуникации (общение)	0,604	8
6. Готовность к самообразованию	0,764	9
7. Профессиональная ориентация	0,752	8

Для дальнейшего анализа был использован двухфакторный дисперсионный анализ. В качестве независимых дихотомических переменных были взяты пол (мальчики или девочки) и место проживания (в семье или интернате). Зависимыми переменными служили баллы по каждой шкале. Мы сравнивали только две выборки между собой, исключив московских респондентов, т.к. полученные различия можно было бы интерпретировать не только на основе социального статуса, но и исходя из того, что респонденты живут в другом регионе, значимо отличающемся в социальном аспекте. Далее мы дадим описание анализа значимости по одному из факторов при фиксации значения второго фактора по каждой шкале.

Готовность к самостоятельному проживанию в своей квартире отдельно для мальчиков и девочек в зависимости от места проживания показывает, что такая готовность ниже у детей обоего пола проживающих в интернате, по сравнению с детьми, живущими в семье. Причем если для девочек разница не значима, то для мальчиков на уровень р-значения =0,07 можно говорить о значимости этих различий.

Готовность к самообслуживанию отдельно для мальчиков и девочек в зависимости от места проживания показывает, что для девочек место проживания существенной роли не играет, а вот у мальчиков эта готовность значимо падает при проживании в интернате. При этом надо отметить, что у мальчиков этот показатель значимо ниже, чем у девочек, даже для тех, кто живет в семье.

Финансовая грамотность аналогична предыдущему случаю.

Для девочек место проживания существенной роли не играет, а вот у мальчиков эта грамотность падает при проживании в интернате. Так что, если девочки и мальчики, живущие в семьях, по показателю финансовой грамотности значимо не различаются, то мальчики из интерната гораздо менее финансово грамотны нежели девочки, оказавшиеся в такой же ситуации.

Готовность вести здоровый образ жизни показывает, что такая готовность значимо ниже у детей обоего пола проживающих в интернате, по сравнению с детьми, живущими в семье. При этом у мальчиков снижение показателя значимо сильнее. Так, если для детей, живущих в семьях разница между мальчиками и девочками по показателю значимо не выражена, то мальчики, живущие в интернате, показывают значимо более низкие показатели чем девочки в той же ситуации.

Результаты по шкалам *Социальные коммуникации* и *Готовность к самообразованию* идентичны результатам, описанным выше. Этот показатель ниже у детей обоего пола проживающих в интернате, по сравнению с детьми, живущими в семье. При этом у мальчиков снижение показателя значимо сильнее. Так, если для детей, живущих в семьях, разница между мальчиками и девочками по показателю значимо не выражена, то мальчики, живущие в интернате, показывают значимо более низкие показатели чем девочки в той же ситуации.

Профессиональная ориентация показывает, что такая готовность значимо ниже у детей обоего пола проживающих в интернате, по сравнению с детьми, живущими в семье. При этом у мальчиков снижение показателя значимо сильнее. Для детей, живущих в семьях разница между мальчиками и девочками по показателю значимо не выражена, то мальчики, живущие в интернате, показывают значимо более низкие показатели чем девочки в той же ситуации.

При сравнении ответов группы подростков, проживающих в интернатах, с ответами тех, кто проживает в семье, выявлено, что у девочек существенно меньше отличий по сравнению с мальчиками. Можно предположить, что девочек даже в интернате приучают к обслуживанию себя и других, а вот для мальчиков пребывание в интернате наносит большой ущерб становлению самостоятельности и формированию индивидуального стиля социализации. Полученные результаты свидетельствуют о том, что особенности социальной ситуации развития и социальный статус участников исследования (подростки, воспитывающиеся в интернатных учреждениях, и подростки, воспитывающиеся в семье) влияют на готовность подростка к самостоятельной жизни.

Подростки, проживающие в интернате, существенно меньше обучаются самостоятельности. Их «обслуживает» персонал учреждения: повара, уборщицы, помощники воспитателей и т.д.

Ограничения исследования

Для качественного исследования необходима мотивация подростков для участия; в программе и в оценке участвовали 179 подростков и молодых людей (3 подростка отказались от участия в исследовании по причине того, что «не было времени для встречи и заполнении опросников»; 4 подростка не приняли участие в связи с низкой мотивацией к участию).

Важным ограничением данного исследования является гендерный состав выборки, большинство респондентов были девушки, а также неравномерный возрастной состав от 15 до 20 лет, что говорит о необходимости уравнивания выборки.

Заключение

Проведенное нами исследование готовности подрастающего поколения к самостоятельной жизни с помощью авторского опросника «Готовность подростка к самостоятельной жизни» позволило выделить некоторые особенности этого процесса в зависимости от среды воспитания. Показано, что готовность к самостоятельной жизни подростков и молодых людей в большей степени выражена у первой выборки, в которую вошли респонденты, проживающие в семье. Эти результаты были вполне ожидаемы.

Особо интересным является, что подростки из двух выборок («семья», «интернат») имеют родителей, в отличие от третьей выборки («сироты»). Отличие между ними лишь в том, что одни проживают в интернате, а другие живут дома. При этом, готовность к самостоятельной жизни тех, кто проживает в интернате значительно ниже тех, кто проживает в семье. Более того, мальчики оказались менее готовы, чем девочки. Возникает вопрос: «Как будут юноши создавать свои собственные семьи и как они будут готовить новое поколение к самостоятельной жизни?». В этой связи нам представляется важным говорить о необходимости разработки и внедрения в работу интернатов специальных программ. Наполнение таких программ может быть основано на содержании апробированных нами в процессе исследования диагностических шкал: 1) готовность к

самостоятельному проживанию в своей квартире; 2) готовность к самообслуживанию; 3) финансовая грамотность; 4) готовность вести здоровый образ жизни; 5) социальные коммуникации; 6) готовность к самообразованию; 7) профессиональная ориентация. Каждый из предложенных шкал может стать отдельной программой развития жизненных навыков подростков. По нашему мнению, разработанный нами опросник представляет структуру учебных программ для подготовки подростков к самостоятельной жизни.

Результаты нашего исследования будут полезны родителям, которые воспитывают подростков, специалистам, которые работают с родителями и подростками. Данное исследование требует расширения выборки и выявления дополнительных факторов, влияющих на развитие личностного потенциала подростков в процессе формирования готовности к самостоятельной жизни.

Список использованных источников:

1. Белинская Е.П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? Психологические исследования, 2015, 8(40), 12. <http://psystudy.ru>
2. Кондратьев М.Ю. Социально-психологические особенности взаимоотношений подростков и педагогов в условиях детских домов и школ-интернатов для «социальных» и реальных сирот. Социальная психология и общество. 2012. №2. С.143-153.
3. Личностный потенциал: структура и диагностика/ Под ред. Д.А.Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – 680 с.
4. Мухина В.С. «Психологическая и социальная помощь в трудных жизненных ситуациях», Проблемы, и обсуждаемые на международном научно-практическом симпозиуме 23-24 мая 2016 года, Развитие личности, 2016 №3 с.12-14.
5. Толстых Н.Н. Современное взросление, Консультативная психология и психотерапия, 2015. №4 (88). С.7-24.
6. Guichard, J. Life-long self-construction. International Journal for Educational and Vocational Guidance, 2005, 111-124. <http://doi.org/10.1007/s10775-005-8789-y>
7. Savickas, M.L. Career construction theory and practice. In S. D. Brown & R. W. Lent (Eds.), Career development and counseling: Putting theory and research to work (2nd ed., 2013, pp. 147-183). Hoboken, NJ: Wiley.
8. Shinina T.V., Galasyuk I.N., Mitina Olga V. Factors in uencing on the individual style of adolescents' socialization 15 European Psychological Congress. — Amsterdam, Netherlands. — 2017. — July 11–14.
9. Shpiegel S, Cascardi M. Adolescent parents in the first wave of the National Youth in Transition Database. J Public Child Welf 2015;9:227-98.
10. Stott T. Placement instability and risky behaviors of youth aging-out of foster care. Child Adolesc Social Work J 2012;29:61-83.
11. Svoboda DV, Shaw TV, Barth RP, Bright CL .Pregnancyandparentingamong youth in foster care: A review. Child Youth Serv Rev 2012;34:867-75.

Ипполитова Елена Александровна
кандидат психологических наук, доцент,
Алтайский государственный университет,
доцент кафедры социальной психологии
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: ippolitovae@bk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ*

Аннотация. В ситуации неопределенности в семейной сфере интерес представляет анализ перспектив развития супружеских отношений современной молодежи, как наиболее восприимчивой к социальным изменениям возрастной когорте. В статье представлены результаты эмпирического исследования, демонстрирующего тот факт, что с 2011 по 2017 годы происходит снижение интереса молодежи к супружеским отношениям, которые в перспективе оцениваются как менее традиционные, неориентированные на религиозные нормы и нестабильные.

Ключевые слова: перспективы супружеских отношений, жизненные перспективы, молодежь, социальные изменения.

Ippolitova Elena Alexandrovna
candidate of psychological science, associate professor,
Altai state university
associate professor of the department of social psychology
656049, Barnaul, Lenin Ave., 61
E-mail: ippolitovae@bk.ru

PROSPECTS OF THE MATRIMONIAL RELATIONS OF SOCIAL CHANGES

Abstract. In situation of uncertainty in the family sphere it is interesting to analyze the prospects of development of the matrimonial relations of modern youth as the most susceptible to social changes age. The article presents the results of an empirical research which shows that from 2011 to 2017 there is a decrease in interest of youth in the matrimonial relations which are in the long term estimated as less traditional, nondirectional on religious norms and unstable.

Key words: prospects of marital relations, life prospects, youth, social changes.

Современные условия социальных изменений характеризуются особой интенсивностью трансформации брачной-семейной сферы, проявляющейся в вариативности форм сексуальных и брачно-семейных отношений, в переориентации их функциональной стороны. Так, в качестве альтернативы традиционной форме супружеских отношений рассматриваются пробные, гостевые и сезонные браки, свободные союзы, заключенные, в том числе, между представителями одного пола. Увеличивается количество разводов, приемных семей, внебрачных рождений, распространенность семей повторных браков. Изменения современной семьи усматриваются так же в том, что из социально

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-36-00023-ОГН «Жизненные перспективы человека в изменяющемся мире».

регламентируемого союза она превращается в партнёрскую группу, где взаимоотношения строятся на началах принятия уникальности и самостоятельности другого человека. В противовес семье, традиционно ориентированной на деторождение, в настоящее время ведущими в супружеском союзе становятся его социально-психологические функции (интегративная, коммуникативная, релаксационная, формирования самооценки, психологической поддержки), назначение которых в целом подразумевает создание оптимальных условий для социально-психологического и психического развития партнеров [4, 6].

Масштабность и динамичность изменений брачно-семейных отношений в современном мире способствуют возникновению особой, не характерной для предыдущих эпох, свободы самореализации личности в семейной сфере. В качестве таких свобод рассматривает либерализацию сексуальных норм, вследствие чего юноша или девушка, ориентируясь на собственные ценности и предпочтения, принимают решения о том, с кем, когда и при каких обстоятельствах вступать в сексуальные отношения. К подобным самостоятельным жизненным выборам относится так же принятие решения о вступлении в брак, выбор брачного партнера, время и количество рождения детей, методы семейного воспитания, уровень получаемого детьми образования, распределение домашних обязанностей между членами семьи, формы совместной досуговой деятельности, факторы, влияющие на сохранение или распад семьи. Раньше рассматриваемые выборы достаточно жестко регламентировались обществом, одинокий образ жизни традиционно считался отклонением от нормы, странностью, а семья воспринималась как хозяйственная и нравственная основа «правильного» образа жизни. Отсюда и ориентация системы поведения молодежи на развитие отношений, которые должны завершиться вступлением в брак [2, 9]. В современной ситуации отсутствуют четко регламентированные нормы и правила семейных отношений, которые порой могут быть диаметрально противоположными в разных социальных группах. Таким образом, самоопределение молодых людей в семейной сфере происходит практически без опоры на устойчивые ориентиры в условиях бесконечного разнообразия вариантов развития в современной семье и браке. В этой ситуации у человека расширяются возможности самореализации в браке, однако особую значимость приобретает его готовность к самостоятельности и принятию ответственности за совершаемые выборы, умение выстраивать для себя непротиворечивые и реалистичные перспективы супружеских отношений.

На современном этапе развития психологической науки проблематика планирования перспектив самореализации в браке выступает актуальной областью исследования обобщенных представлений человека о будущем или жизненных перспектив, интенсивно разрабатываемой уже длительное время. Так, К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, И.А. Ральникова и другие ученые исследуют закономерности восприятия будущего, предвидения предстоящих событий, выдвижения целей и выбора путей их достижения, детерминирующее влияние жизненных планов на организацию деятельности и поведение человека в настоящем. В целом, опираясь на их работы, можно заключить, что жизненная перспектива рассматривается как целостная картина будущего, формирующаяся в сложной и противоречивой взаимосвязи ожидаемых и планируемых событий, при этом важную роль выполняют активность личности, осознанное и реалистичное отношение к построению планов на будущее [1, 3, 5, 7, 8].

К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Ж. Нюттен и другие исследователи полагают, что жизненная перспектива охватывает ряд сфер, в которых человек может представлять свое будущее – это сферы семьи, профессиональной деятельности и карьеры, досуга, отдыха и развлечений, творчества и др. [1, 3, 7]. В связи с этим, в изучении проблематики интегрированной картины будущего становится оправданным развитие научного познания в направлении более пристального внимания к особенностям проектирования человеком будущего в разных сферах жизни. Понятие «перспективы супружеских отношений» возникает, когда исследовательский интерес

сфокусирован на познании содержания представлений человека о будущем в сфере брака и супружеских отношений.

Особо актуальным является исследование содержания перспектив развития супружеских отношений молодежи, как наиболее восприимчивой к социальным изменениям возрастной когорте, одновременно вступающей в период вступления в брак и создания собственной семьи. При этом важно определить, каким образом описанные трансформации брачно-семейной сферы отражаются в сознании юношей и девушек в аспекте планирования собственных супружеских отношений.

В связи с этим, было предпринято эмпирическое исследование, в котором приняли участие 178 студента вузов разных городов России в возрасте от 18 до 21 года. В 2011 году в исследовании приняли участие 60 человек (30 юношей и 30 девушек), в 2014 – 58 (29 юношей и 30 девушек), в 2017 году – 59 (29 юношей и 30 девушек). Использовался комплекс методов исследования: анкетный опрос (для сбора данных относительно пола, возраста, социального статуса респондентов), экспертный опрос (для выявления параметров оценки перспектив супружеских отношений в группе молодых людей), метод субъективного шкалирования., математические методы анализа информации (дисперсионный и факторный анализы).

Результаты проведенного исследования демонстрируют, что в целом представления молодежи о своих будущих супружеских отношениях носят позитивный характер. Сопоставляя данные опросов молодых людей, проведенных в 2011, 2014 и 2017 годах, можно заключить, что уже длительное время устойчиво сохраняется тенденция к планированию юношами и девушками своих супружеских отношений как любящих, направленных на удовлетворение потребностей в любви и сексе, наполненных радостными событиями. При этом они ориентированы на сохранность подобного брачного союза в течение длительного времени. Вместе с тем установлено, что в условиях трансформации современного российского общества, супружеские перспективы молодежи меняются по ряду аспектов (таблица 1).

Таблица 1. Результаты дисперсионного анализа для групп молодежи, опрошенных в 2011, 2014 и 2017 годах

		Сум ма квадратов	т.св	Ср едний квадрат	F	3 нач.
традиционный- необычный	Меж ду группами	179, 471		89, 736	1 1,94	, 000
	Вну три групп	1307 ,354	74	7,5 14		
нестабильный- стабильный	Меж ду группами	39,4 10		20, 705	3 ,083	, 035
	Вну три групп	1228 ,564	74	5,0 61		
однообразный- разнообразный	Меж ду группами	73,7 76		36, 888	6 ,630	, 002
	Вну три групп	968, 093	74	5,5 64		
скудный-интересный	Меж ду группами	43,3 85		21, 692	4 ,640	, 011

	Вну три групп	808, 850	73	4,6 75		
религиозный- нерелигиозный	Меж ду группами	64,7 47		32, 374	4 ,786	, 009
	Вну три групп	1176 ,913	74	6,7 64		

Согласно результатам регрессионного анализа, представленным в таблице 1, между группами респондентов, опрошенных в разные годы, выявлены различия в оценках своих будущих супружеских отношений по шкалам «стабильные – нестабильные» ($p=0,035$), «однообразные – разнообразные» ($p=0,002$), «скучные – интересные» ($p=0,011$), «традиционные – необычные» ($p=0,001$). Наиболее стабильными, интересными и при этом традиционными собственными супружеские перспективы представляли молодые люди, опрошенные в 2011 году. В свою очередь 2014 год оказался наиболее пессимистичным в плане прогнозов молодежи относительно самореализации в браке, так как свои будущие отношения с партнером они видели как наиболее нестабильные, разнообразные, необычные и лишённые интереса. Опросы, проведенные в 2017 году, демонстрируют, что по сравнению с 2014 годом повышается интерес к планированию будущего в брачно-семейной сфере, а свои отношения с партнером в будущем молодые люди представляют уже как относительно стабильные, достаточно разнообразные и интересные и довольно нетрадиционные. К сожалению, в 2017 году возрастание степени интереса молодежи к своим будущим супружеским отношениям не достигает уровня 2011 года.

Для интерпретации полученных результатов обратимся к анализу социальных процессов, происходящих в нашей стране в исследуемый период времени. Как мы помним, в 2014 году происходили наиболее динамические социальные изменения: вхождение Крыма и Севастополя в состав России в качестве двух новых субъектов Федерации. В 2014 году российский рубль испытал самое драматическое падение со времен дефолтного 1998 года, перекрыв показатели кризисного 2008 года. Поэтому вполне оправдано, что в столь драматичный период времени, молодые люди не испытывали особого интереса к планированию самореализации в сфере супружеских отношений, а будущий брачный союз, представлялся им столь же нестабильным, насколько изменчив был окружающий мир. К счастью к 2017 году социальная ситуация стабилизируется, юноши и девушки, ощущая это, видят свои супружеские перспективы более устойчивыми, у них повышается интерес к планированию событий в будущем брачном союзе, отношения в котором могут быть разными, довольно необычными и до некоторой степени лишёнными скуки.

Несколько иная ситуация отмечается при анализе оценок молодежи своих будущих супружеских отношений по шкале «религиозные – нерелигиозные». Согласно полученным данным, отмечается тенденция устойчивого снижения уровня религиозности супружеских отношений в будущем. По сравнению с 2011 годом, в 2014 году будущий брак представлялся молодым людям менее религиозным, а к 2017 году стремление ориентироваться в своих будущих отношениях с партнером на религиозные каноны становится еще менее характерным для них. Можно заключить, что в перспективе супружеские отношения в молодежной группе будут приобретать все более светский характер, что, по всей вероятности, будет демонстрировать все больший отказ от регистрации браков, в том числе, церковной.

Рассмотрим данные относительно содержания представлений молодежи о своих будущих супружеских отношениях. В результате факторного анализа для выборки 2011 года выделились три фактора. Первый фактор ($\lambda=7,599$, 42,215 % дисперсии) был назван «Оптимистичные супружеские перспективы», так как отражает представление молодежи о своих отношениях с партнером как о веселых, легких, стабильных, легких, любящих, интересных. Второй фактор ($\lambda=1,778$, 9,878 % дисперсии), обозначенный «Продолжительное

совместное будущее», демонстрирует ориентацию молодых людей на длительность супружеских отношений. Третий фактор ($\lambda=1,233$, 6,848 % дисперсии) получил название «Традиционная картина супружества включил оценки юношей и девушек своих будущих браков как патриархальных, традиционных, заключенных после продолжительного знакомства.

В группе молодых людей, опрошенных в 2014 году, структура оценок супружеских перспектив значительно изменилась. Согласно содержанию первого фактора ($\lambda=4,598$, 25,544 % дисперсии), они представляются им, прежде всего, как «Открытые внешним воздействиям», то есть как подверженные влияниям из социума. Второй фактор ($\lambda=2,690$, 14,945 % дисперсии) отражает ориентацию молодежи на удовлетворение в браке своих потребностей в любви, веселье, легкости, поэтому был назван «Оптимистичные будущие супружеские отношения». В третий фактор ($\lambda=2,126$, 11,810 % дисперсии) вошли шкалы, которые позволяют охарактеризовать перспективы супружеских отношений представителей этой группы как «Нестабильные».

По выборке молодежи, сформированной в 2017 году, были получены следующие результаты. Свои супружеские перспективы юноши и девушки, так же как и опрошенные в 2011 году, оценивают как «Оптимистичные» (первый фактор, $\lambda=4,189$, 23,271 % дисперсии), так как они связаны для них с веселым, легким, стабильным, интересным образом предстоящей жизни с партнером. Второй фактор ($\lambda=2,353$, 13,074 % дисперсии), названный «Свободный будущий брак» отражает ориентацию молодых людей на создание в будущем нетрадиционных, нерелигиозных, творческих союзов. Наконец, третий фактор ($\lambda=1,730$, 9,611 % дисперсии) получил название «Неустойчивый союз», так как юноши и девушки конструируют представления о своих супружеских перспективах исходя из их нестабильности и неустойчивости.

Сопоставляя результаты факторного анализа, можно отметить следующее. Так, в 2011 году, который может быть оценен как наиболее стабильный среди исследуемых периодов, молодые люди представляли свои супружеские отношения в будущем как оптимистичные, продолжительные и традиционные. В 2014 году происходили наиболее масштабные социальные изменения, которые повлияли на представления молодежи о своих супружеских перспективах как об открытых внешним влияниям, оптимистичных, но при этом нестабильных. К 2017 году ситуация в нашей стране несколько стабилизировалась, поэтому перспективы супружества вновь стали для юношей и девушек в первую очередь оптимистичными, однако строить свои отношения с партнером они предполагают исходя из собственных ценностных ориентиров, без опоры на меняющиеся социальные ценности, поэтому видят их свободными, но неустойчивыми.

В целом результаты проведенного исследования демонстрируют позитивный настрой молодых людей относительно вступления в брак в будущем. Однако в периоды наиболее интенсивных общественных трансформаций перспективы супружеских отношений молодежи становятся менее оптимистичными, отражая их опасения по поводу неустойчивости брачных союзов в условиях социальных изменений. Среди представителей молодежи супружеские отношения в перспективе будут приобретать все более светский характер, становясь все более ориентированными на сохранение личной свободы партнеров.

Список использованных источников:

1. Абульханова-Славская К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. Андреева Т.В. Психология семьи. СПб: Речь., 2005. – 436 с.
3. Головаха Е.А., Кроник А.А. Психологическое время личности. – М., Смысл, 2008. – 172 с.
4. Гурко Т. А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 99-110.

5. Зимбардо Ф.Дж. Психология временной перспективы. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008 – 91 с.
6. Карцева Л.В. Социально-психологические функции современной семьи // Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований: материалы II международной научно-практической конференции – Пенза – Витебск – Ереван: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – С. 9-11.
7. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспективы будущего. – М.: Смысл, 2004. – 306 с.
8. Ральникова И.А. Жизненные перспективы личности в научной парадигме психологического знания // Известия АГУ. – 2011. – №2 (70). – С. 60-62.
9. Олиферович Н.И., Зинкевич-Куземкина Т.А., Велента Т.Ф. Психология семейных кризисов. СПб: Речь, 2008. – 360 с.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 17-36-00023-ОГН «Жизненные перспективы человека в изменяющемся мире».

Психологическое сопровождения семьи, имеющей детей с особыми нуждами

Нестерова Альбина Александровна
доктор психологических наук, доцент,
Московский государственный областной университет
профессор кафедры социальной психологии
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д.24
E-mail: anesterova77@rambler.ru

СЕМЬЯ РЕБЕНКА С АУТИЗМОМ: АССОЦИИРОВАННАЯ СТИГМА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В статье обсуждается проблема стигматизации семьи, воспитывающей ребенка с РАС (расстройством аутистического спектра). Обсуждаются вопросы, связанные со стигматизацией членов семьи, родителей и детей. Описаны причины и следствия ассоциированной стигмы. Приводятся результаты исследования о наиболее болезненных для родителей ребенка с аутизмом предубеждениях и реакциях со стороны окружения, а также о последствиях стигматизации семьи.

Ключевые слова: стигматизация, аутизм, дети с РАС, ассоциированная стигма, родители, семья.

Nesterova Albina Alexandrovna
Doctor of Psychology, Associate Professor,
Moscow State Regional University
Professor of the Department of Social Psychology
141014, Moscow region, Mytischki, Vera Voloshina str., 24
E-mail: anesterova77@rambler.ru

FAMILY OF CHILD WITH AUTISM: ASSOCIATED STIGMA AND ITS IMPLICATIONS

Abstract. The article discusses the problem of stigmatization of a family raising a child with RAS (autistic spectrum disorder). Issues related to the stigmatization of family members, parents and children are discussed. The causes and consequences of associated stigma are described. Results of research are given on the most biased for the parents of a child with autism prejudices and reactions from the environment.

Key words: stigmatization, autism, children with RAS, associated stigma, parents, family.

Проблема РАС (расстройства аутистического спектра) все больше привлекает к себе внимание и ученых, и практиков, и общественных деятелей. На сегодняшний момент все больше ощущается потребность в изучении влияния наличия РАС у одного из членов семьи на всю семейную систему. И действительно, семья претерпевает серьезные изменения с появлением ребенка, у которого диагностируют расстройство в спектре аутизма. Родители детей с РАС сталкиваются с целой когортой проблем, в отношении которых испытывают гораздо больше трудностей, по сравнению с родителями нормотипичных детей или даже родителями детей, которые имеют другие нарушения в развитии. Доказано, что воспитание и уход за ребенком, страдающим одним из аутистических расстройств, оказывает сильное влияние и на психологическое, и на физическое благополучие родителей, причем, в большей мере это влияние отражается на состоянии матери ребенка, нежели отца [2; 3; 9; 11].

Исследования подтверждают, что родственники детей с аутизмом отличаются более высоким уровнем тревоги, агрессии, депрессии, по сравнению с родителями нормально развивающихся детей [5].

Не менее тяжелым испытанием для всей семьи, где воспитывается ребенок с РАС, является стигматизация в обществе самого явления «аутизм» и людей, у которых есть такой диагноз. Слово «стигма» в переводе с греческого языка обозначает «клеймо», «знак позора», который отличает одного человека от других людей. По аналогу клеймения преступников, стигма – это атрибут какой-то «инаковости», причем, явно с отрицательной коннотацией. Стигматизация как процесс представляет собой естественную склонность людей в обществе выделять, классифицировать и маргинализировать любое отклонение.

В рамках символического интеракционизма, известный социолог Ирвинг Гоффман описывал два вида стигмы: проявленную и латентную. Так вот люди с проявленной стигмой неминуемо встречаются с дискриминацией и негативной реакцией разных представителей общества. Люди же с латентной стигмой, которая не так очевидна, стараются отрицать свои особенности и всеми усилиями их скрыть [6]. Также И. Гоффман говорит о стигме, направленной на Я (на самого человека) или ассоциированной стигме (на людей, которые рядом). Ассоциированная стигматизация возникает лишь потому, что человек имеет хоть какое-то отношение к стигматизируемому человеку. Это может быть родитель, опекун, брат, друг и т.п. Переживания, связанные с ассоциированной стигматизацией, ничуть не меньше, чем с прямой стигматизацией человека с каким-то «отклонением» от нормы. Так, члены семьи ребенка с РАС могут чувствовать себя подавленными и беспомощными лишь от того, что имеют родственное отношение к стигматизированному человеку. Существует механизм, посредством которого члены семьи пытаются избавиться от ассоциированной стигмы («стигмы по наследству»), что выражается в попытках, например, сиблингов, родителей, избавиться от этого такой «связи». Они неосознанно начинают сторониться своего родственника с РАС, подчеркивая свою «слабую» связь с ним, отвергая его, либо изолируя себя от социальных контактов с другими людьми.

И. Гоффман также подчеркивал, что разница между «нормальным» и «стигматизированным» человеком – это разница установок, взглядов, а не разница существующей реальности [6].

Стигматизация человека, имеющего какие-то психические или физические особенности, очень связана с той культурой, где мы рассматриваем этот процесс. Так, например, исследование, проведенное в Китае, показало, что в этой стране родители очень боятся, что окружающие люди узнают о диагнозе «аутизм» у их ребенка. Расстройство аутистического спектра может стать «позором» для всей семьи. Соответственно, в некоторых провинциях Китая ученые регистрируют высокие показатели стресса у родителей, которые узнают, что у их ребенка выявлено расстройство в спектре аутизма [10].

В Южной Корее даже в наши дни аутизм является «приговором» и «позором» для всей семьи. Страх этого диагноза настолько силен, что родители иногда идут на сделку с врачами, чтобы они классифицировали другое заболевание. Это связано с конфуцианскими традициями, которые предполагают, что обязанность любого ребенка – ухаживать и заботиться о родителях. Соответственно, существует представление, что дети с РАС не способны заботиться о своих родителях. В Корее даже существует миф, что дети с аутизмом появляются у родителей, которые сами не должным образом ухаживали за могилами своих предков. Согласно этим верованиям, ребенок с РАС – это «наказание» для родителей [9]. Понятно, что стигматизация в этих восточных культурах семей, где растет ребенок с РАС, будет более выраженной и жесткой.

Немаловажную роль в формировании стигмы той или иной человеческой особенности играют средства массовой информации и навязанные ими стереотипы. Например, интересное исследование Питера Бирна демонстрирует, что за человеком, имеющим психическое заболевание, посредством СМИ прочно закрепляются следующие стигматизирующие стереотипы: 1) маньяк-убийца; 2) человек, которому все дозволено; 3) трогательный,

грустный персонаж, 4) объект насмешек [4]. «Отягощающими» факторами для стигматизации человека, имеющего особенности в развитии, являются следующие переменные: пол (как правило, мужской); степень необычности поведения; множественность нарушений; неспособность себя контролировать; повышенная агрессивность; потребность в фармакологической поддержке, чтобы лучше себя чувствовать. Как мы видим, большинство выше перечисленных факторов, которые усиливают стигматизацию любого человека, зачастую присутствуют, когда речь идет о расстройстве аутистического спектра.

Что касается родителей, воспитывающих детей с РАС, то они испытывают сильнейший стресс, попадая под воздействие и проявленной, и латентной (скрытой) стигмы. Результатом проявленной стигмы становятся такие чувства родителя, как чувство вины, досада, ощущение собственной никчемности, а результатом латентной стигмы – страх разоблачения, ощущение стыда, тревога за репутацию семьи и отдельных ее членов. Адаптация семьи, в которых растет и развивается ребенок с РАС, нарушается вследствие постоянно испытываемого стресса, связанного с бременем необходимости постоянного ухода за ребенком; чувством вины перед ребенком; вынужденной оборонительной позиции от внешнего окружения, социальной изоляции. Еще одну линию дезадаптации семьи с РАС определяют бытующие в обществе мифы об аутизме, которые тиражируют информацию, что аутизм – это проблема воспитания, бесчувственности и холодности родителей.

Наиболее часто встречающимися стигмами в отношении детей с РАС и их родителей являются убеждения и комментарии незнакомых им людей о том, что их дети «плохо воспитаны», что они «избалованные», «неадекватные» и т.п. Родители часто слышат от окружающих, что они – «плохие родители», «некомпетентные в развитии ребенка» и пр..

Исследование Внороски показало, что окружающие люди часто «приписывают» незаслуженную вину родителям, жестоко упрекая их в том, что поведенческие расстройства ребенка – это не что иное, как результат попустительства и безразличия родителей. Эта стигма увеличивает чувство вины родителя, что они – источники расстройства поведения ребенка. В итоге, по данным автора, эта стигма вынуждает родителя все меньше показываться на людях с ребенком, изолировать всю свою семью от контактов с окружающими людьми [11]. Стигматизация затрагивает не только родителей, но и прародителей, а также сиблингов и других родственников ребенка с РАС, так как окружение зачастую начинает искать «причину аутизма» в том числе в родовых и генетических корнях.

В крупномасштабном исследовании С. Киннер с коллегами, проведенного на выборке более 500 семей, воспитывающих детей с РАС, было выявлено, что 82% детей с аутизмом были в той или иной степени стигматизированы, имели проблемы со сверстниками, страдали от изоляции и одиночества. Более трети опрошенных детей с РАС подвергались, по данным этого исследования, постоянным издевательствам и оскорблениям. Социальная изоляция распространялась и на их семьи: 40% родителей изолировали себя от друзей и социальных контактов из-за поведенческих особенностей своего ребенка, 32% родителей отметили, что другие люди сами их просто исключили из общественных мероприятий. Более 80% родителей описали стигму, связанную с особенностями их ребенка, как одно из самых тяжелых эмоциональных испытаний в их жизни [8]. Исследование также показало, что стигма в отношении людей с РАС и их семей тем сильнее, чем в большей мере проявляются следующие особенности: отсутствие контакта глаз; сильный эмоциональный отклик ребенка на быструю смену деятельности и переключение; аутостимулирующее поведение; истерики; агрессия и угрозы в отношении других людей; проблемы с кишечником и мочевым пузырем и др.

А.Харанди и Р. Фишбах изучали реакции родителей на стигматизацию и дискриминацию их детей с РАС. Ученые выделили следующие стратегии реагирования: активное реагирование; пассивный ответ; поиск социальной поддержки и защиты; подготовка ребенка к возможной стигматизации; снижение собственного стресса. Таким образом, 52% родителей реагировали очень активно на обидные нападки со стороны других людей. Они либо сообщали нападавшим, что их ребенок страдает аутистическим

расстройством и поэтому не стоит унижать человека, который просто отличается от других по состоянию своего развития и здоровья, или даже рассказывали обидчику, что представляет собой аутизм. Пассивный ответ предпочли 24% родителей – они игнорировали нападки или просто избегали ситуации, которая могла бы эти нападки спровоцировать. 9% родителей обращались к другим людям, специалистам и другим членам семьи за поддержкой, когда слышали обидные слова в сторону своего ребенка с РАС. Попытались подготовиться к нападкам и дискриминации своих детей с РАС 5% родителей и 2% родителей, встретившись с негативными комментариями в сторону ребенка и своей семьи, предпочли снизить свой собственный стресс путем обращения за психологической поддержкой к специалистам, психотерапии и пр. [7].

По результатам нашего пилотажного исследования, посвященного вопросам дискриминации и стигматизации детей с РАС, стигма распространяется на большое количество факторов и переменных, которые сопровождают жизнь ребенка с аутизмом. Интервьюирование и фокус-группа, проведенные с родителями, имеющими детей с РАС, показали, что практически все участники испытывали на себе стигматизацию, связанную с особенностями в поведении ребенка. Особенно остро отметили стигматизацию те родители, чьи дети имели ярко выраженные нарушения поведения.

Во-первых, родители детей с РАС выразили серьезную озабоченность, что окружающие люди обвиняют их в том, что ребенок имеет расстройство в спектре аутизма. Родителям часто приходится слышать, что они не занимались воспитанием и развитием ребенка, вот и получили такой результат. Среди ответов родителей встретились и воспоминания о том, что некоторые люди считали, что их ребенок может быть опасен для общества (поэтому его нужно изолировать) или даже «заразен».

Во-вторых, родители отметили, что в результате стигмы изменился круг их социальных контактов. Большинство отметили, что потеряли почти половину своих друзей и приятелей, потому что те или переставали посещать их дом, или приходили, но совсем не знали, как себя вести, от чего контакт становился тягостным и неестественным.

В-третьих, родителей беспокоит, что они не могут обеспечить своему ребенку более-менее стабильного контакта со сверстниками по причине дискриминации и стигматизации. Проблема включения, инклюзивного образования ребенка с РАС становится следствием этого аспекта стигматизации, так как родители опасаются вести ребенка в массовую школу (даже если есть такие возможности), так как боятся травли и непонимания со стороны учеников, учителей и других родителей.

Наши исследования показывают, что совладающее поведение, родителей детей с РАС, в большей мере направлено на изменение ситуации в когнитивном плане, а не на решение проблем. На наш взгляд, это тоже связано с сильным давлением стигмы, которая преодолевается с помощью защитных психологических механизмов, таких как отрицание, вытеснение, рационализация [1]. Среди наиболее часто встречающихся копингов родителей детей с РАС можно отметить «бегство из трудной ситуации», «идентификация со счастливыми», «придание нетривиального смысла ситуации», «позитивное истолкование ситуации», «идущее вниз сравнение», «когнитивная репетиция». Так, матери, предпочитают говорить не об «аутизме» ребенка, а об его «особенных потребностях».

Стигма семьи, воспитывающего ребенка с РАС, проявляется, прежде всего, в виде социального дистанцирования. Этот процесс усугубляется интернализированной дискриминацией, когда стереотипы и стигмы об аутизме, принятые в обществе, члены семьи встраивают в свою собственную картину мира. Опираясь на эти стигматизирующие установки, они полагают, что будут также отвергнуты в обществе, потому что истинных причин и особенностей их социальной ситуации никто никогда не поймет и даже не захочет вникать.

Любая дискриминация оказывает огромное влияние на самооценку и уверенность в своих силах человека. Разрушенная самооценка может еще больше увеличить социальную изоляцию, чувство отчуждения и собственной никчемности.

В связи с этим, необходимо разрабатывать механизмы преодоления стигматизации и негативных установок, существующих в обществе в отношении людей с РАС. Причем, стоит учитывать, что эти предрассудки есть не только у людей, которые не сталкивались с аутизмом, но и у членов семьи, которые контактируют с особым ребенком ежедневно. Все эти барьеры стигматизации необходимо изучать и организовывать мероприятия по их нивелированию. Развитие антидискриминационного дискурса в отношении людей с РАС поможет преодолеть самый большой барьер, о котором говорят сами родители детей с РАС, - это предрассудки и отношение окружающих людей. Для семьи, воспитывающей ребенка с РАС, не всегда так страшны симптомы и нежелательные проявления в поведении ребенка, сколько реакция на эти симптомы и отношение к их детям со стороны других людей.

В свете выше сказанного видится три направления работы по искоренению негативных установок в отношении детей с РАС и их семей: 1) развенчивание мифов и ложной информации об аутизме, его причинах и следствиях; 2) просвещение людей, которые никогда не сталкивались с аутизмом, а также повышение грамотности и просвещение членов семьи, где растет ребенок с РАС; 3) организация общественных мероприятий, где бы у широких слоев населения была возможность познакомиться с людьми, имеющими расстройства в спектре аутизма, и узнать о них больше.

Статья подготовлена по результатам исследования при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-513-00018 (код_Бел_а)

Список использованных источников:

1. Нестерова А.А. Ковалевская Н.А. Жизнеспособность и стратегии совладания матерей, воспитывающих детей с расстройствами аутистического спектра // Вестник Московского государственного университета. Серия: Психологические науки. – 2015. – №3. – С. 38-46.
2. Пособие по способам реализации потенциала особого ребенка и интеграции его в обществе / Колотилова И.В., Ефремова Г.И., Федякина Л.В., Нестерова А.А. – Москва, 2010.
3. Психолого-педагогическое сопровождение социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования: Монография / Ефремова Г.И., Ковалева М.А., Нестерова А.А., Серегина А.А., Некрасова М.В., Янцен К.А. – Москва: РГСУ, 2010.
4. Byrne P. Stigma of Mental Illness and Ways of Diminishing It // *Advances in Psychiatric Treatment* – 2000. - Vol. 6. - P. 65-72.
5. Dumas J.E., Wolf L.C., Fisman S.N., Culligan A. Parenting stress, child behavior problems, and dysphoria in parents of children with autism, down syndrome, behavior disorders, and normal development // *Exceptionality*. - 1991. - Vol. 2(2). - P. 97- 110.
6. Goffman I. Stigma: notes on the management of spoiled identity. - N.Y.: Simon and Shuster, 1963.
7. Harandi A.A., Fischbach R.L. How do Parents Respond to Stigma and Hurtful Words Said to or about their Child on the Autism Spectrum? // *Austin Journal of Autism & Related Disabilities*. – 2016. - Vol. 2(4). – P. 1030-1036.
8. Kinnear S.H., Link B.G., Ballan M.S., Fischbach R.L. (2015). Parents of Children with *Autism Spectrum Disorder* and the Role Stigma Plays in Families' Lives // *Journal of Autism and Developmental Disorders*. – 2015. – Vol. 46(3). – P. 942-953.
9. Lee K.K. Confucian tradition in the contemporary Korean family / In: *Confucianism and the family*. Slote WH, Devos GA, (Eds.). – State University of New York Press, Albany, New York; 1998. – P. 249–266.
10. Ling C.Y.M., Mak W.W.S., Cheng J.N.S. Attribution model of stigma towards children with autism in Hong Kong // *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*. - 2010. – Vol. 23. – P. 237–249.
11. Wnoroski A. Uncovering the Stigma in Parents of Children with Autism. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <https://etd.ohiolink.edu/>

Набойченко Евгения Сергеевна
профессор, доктор психологических наук

Денисенко Анна Николаевна

Шелест Анжелика Сергеевна
Студенты УГМУ факультета ПСРВСД
Уральский государственный медицинский университет
620014 г. Екатеринбург, Репина, 3
usma@usma.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ РЕБЕНКА С ВЧЛП

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема, связанная с психологическим сопровождением семьи ребенка с врожденной челюстно-лицевой патологией (ВЧЛП). В настоящее время существует достаточно разработанная информационная база, посвященная реабилитации детей с данной патологией. Однако психологическое сопровождение семьи ребенка с ВЧЛП позволит повысить продуктивность реабилитационной работы как детей, так и семьи в целом.

Ключевые слова: семья, психологическое сопровождение, врожденная челюстно-лицевая патология.

Naboychenko Evgenia Sergeevna
Professor, Doctor of Psychology

Denisenko Anna Nikolaevna

Shelest Angelica Sergeevna
Students of the USMU faculty PSWHNE
Ural State Medical University
620014, Yekaterinburg, Repin street, 3
usma@usma.ru

PSYCHOLOGICAL SUPPORT OF THE CHILD'S FAMILY WITH THE CMP

Annotation: This article deals with the problem associated with the psychological accompaniment of the family of a child with congenital maxillofacial pathology (CMP). At present, there is a sufficiently developed information base dedicated to the rehabilitation of children with this pathology. However, psychological support of the child's family with HCVP will increase the productivity of rehabilitation work for both children and the family as a whole.

Key words: family, psychological support, congenital maxillofacial pathology.

Семья ребенка с ВЧЛП имеет ряд особенностей, с которыми возможно предстоит встретиться психологу. Данные особенности могут быть представленными в виде изолированности семьи от социума, повышенной тревожностью родителей, проблем с воспитанием и выполнением родительских функций и т.д.

Поэтому основной целью психолога в работе с данными пациентами является формирование условий для воспитания, обеспечивающего согласованность воздействий взрослых (т.е. психолога и родителей) и ребенка.

Согласованность ценностных основ воспитания (т.е. определение того, какие приоритетные ценности хотят видеть в ребенке взрослые), проблемных ресурсов области в развитии ребенка и поведенческих воздействий (т.е. определение зон ответственности родителей, выявление действий родителей, приводящих к желаемым изменениям) является важным элементом эффективной реабилитационной работы,

Задачи, которые психолог ставит для реализации своей цели:

- формирование у родителей мотивации на принятие ребенка с анатомической аномалией, которая внешне может выглядеть ужасающе, на установление гармоничных отношений с таким ребенком;

- включение родителей в качестве равноправных партнеров, активных участников в процесс сопровождения развития ребенка;

- формирование толерантного отношения к другим детям и родителям;

- формирование у родителей стрессоустойчивости по отношению к негативным общественным установкам и стереотипам [1,86].

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению работы психолога с данными пациентами, стоит отметить виды семей и их переживания, которые наиболее часто могут встретиться в работе [2,25].

Тип семьи	Способ переживания стрессового состояния
Инфантильный	Психологические защиты (отрицание, рационализация и др.), уход в мир фантазий и грёз с использованием алкоголя и
Реалистический	Осуществление активных действий для снятия фрустрации, используя реалистическое отражение ситуации, терпение и волю. Получение дополнительных знаний о данной аномалии, освоение способов оказания ребёнку помощи и поддержки, либо рождение другого ребёнка, который будет здоровым, либо переключение на карьеру и др.
Ценностный	Пренебрежение собственными ценностями в пользу больного ребёнка, упорядочивание ценностной системы, уход за ребенком ощущается как высоконравственное деяние, как ниспосланное Богом испытание, которое надо выдержать.
Творческий	Использование механизмов реалистического отражения (терпение и воля) и творческого подхода при помощи больным детям, ведение творческой жизни для самоактуализации личности (перевод интересов ребенка и других больных детей в положение глубинных ценностей).

Табл.1 Виды семей и их переживания

При работе с семьей ребенка с ВЧЛП могут реализовываться базовые психологические направления работы:

- просветительская работа по вопросам психосоматических расстройств (описание этио-патогенетических механизмов их возникновения);

- обучение навыкам совладания со своими соматическими дестабилизирующими проявлениями - обучение техникам релаксации, аутотренинга, элементам телесно-ориентированной и арт-терапии;

- обучение стратегиям применять указанные выше техники по отношению к своим детям, для того чтобы снизить риск развития у последних психосоматических расстройств, усугубляющих психический и соматический статус.

В рамках реабилитационной работы психолог может оказывать психологическую поддержку родителям или другим членам семьи ребенка с ВЧЛП. Под психологической поддержкой в данной статье подразумевается система мер, направленная на:

- снижение эмоционального дискомфорта в связи с заболеванием ребенка;
- укрепление уверенности родителей в возможностях ребенка;
- формирование у родителей адекватного отношения к болезни ребенка;
- установление адекватных родительско-детских отношений и стилей семейного воспитания.

Также психологическая работа с данными пациентами может носить психотерапевтический характер. Тогда компонентами психотерапии родителей ребенка с ВЧЛП являются:

- мотивация - повышение активности, пессимистически настроенных членов семьи, актуализация потребности в самораскрытии;
- эмоции - коррекция, состояния родителей и других членов семьи и формирование умений саморегуляции, снятие эмоционального напряжения;
- поведение - формирование эффективных навыков и умений, переоценка жизненной ситуации.

Для эффективной психологической работы любого из вышеперечисленных видов с семьей ребенка с ВЧЛП необходимо установить доверительный контакт, который будет основываться на следующих позициях:

- «Я хорошо к Вам отношусь, я уважаю Вас»;
- «Мне очень важно Вас понять, услышать Ваше мнение»;
- «Для меня значимы Ваши переживания и проблемы. Мы здесь, чтобы решить их» [4,55].

В процессе психологической работы с семьей возможны следующие способы решения проблем:

- осознание наличия проблемы;
- включенность в деятельность;
- осознание цели, необходимых умений и т.д.;
- формирование ценности;
- актуализация потребности;
- научение;
- идентификация с образом идеального родителя;
- рефлексия собственного опыта;
- осознание стереотипа и освобождение от него;
- умение прогнозировать последствия.

Непосредственно само психологическое сопровождение семьи ребенка с ВЧЛП можно разделить на несколько блоков.

Первый блок - коррекция супружеских отношений. Коррекция может приводиться в послеоперационный период, при возникновении кризиса между супругами.

С целью нормализации супружеских отношений обследуемым семьям оказывалась психокоррекционная и консультативная помощь.

Второй блок - коррекция детско-родительских отношений.

Работе в рамках детско-родительского тренинга включает в себя нижеперечисленные составляющие.

Детская составляющая направлена на развитие и формирование следующих знаний, умений, навыков:

- 1) знание о социальных ролях, репертуарные навыки;
- 2) идентификация и вербализация ощущений, эмоционального состояния;
- 3) отношение к себе, самооценка, развитие и личностный рост, ценность «моей» и «твоей» личности;

- 4) формирование навыков эмоциональной стабильности у детей в ситуациях отсутствия предварительного опыта;
- 5) формирование представления о зависимости эмоциональных реакции от ситуации общения;
- 6) знание о природе человеческой привлекательной симпатии;
- 7) формирование у детей умений и навыков неконфликтной реакции;
- 8) формирование навыков эмпатии, умения принимать и оказывать поддержку.

Родительская составляющая направлена на развитие и формирование следующих знаний, умений, навыков:

- 1) знание о возможности компенсации дефекта, личностного развития детей с ВЧЛП;
- 2) знание о семейных ролях, семейных мифах и границах;
- 3) знание о семейных стабилизаторах и резервах, умение их использовать;
- 4) знание о стилях воспитания, формирование навыков гармоничного стиля воспитания;
- 5) знание о родительской позиции и семейных правилах.

Детско-родительская составляющая направлена на развитие и формирование следующих знаний, умений, навыков:

- 1) навыки знакомства и общения;
- 2) навыки принятия позиции другого, тренировка взгляда на себя со стороны;
- 3) умение находить позитивные качества у других;
- 4) умение принятия совместных решений.

Третий блок - коррекция стиля семейного воспитания. Программа коррекции стиля семейного воспитания содержит детско-родительскую, родительскую и супружескую составляющие.

Детско-родительская составляющая включает формирование и развитие знаний, умений и навыков в следующих областях:

- 1) повышение гибкости и адекватности в восприятии ребенка родителем;
- 2) повышение самооценки ребенка.

Родительская составляющая включает формирование и развитие следующих знаний, умений и навыков:

- 1) знание о стилях воспитания;
- 2) знание о родительской позиции и семейных правилах;
- 3) знание о семейных ролях, семейных мифах и границах;
- 4) вера в свои способности поступать правильно;
- 5) определение вклада мужчины в воспитание и реабилитацию ребенка.

Супружеская составляющая включает формирование и развитие знаний, умений и навыков в следующих областях:

- 1) анализ причин и механизмов возникновения семейных конфликтов;
- 2) профилактика семейных конфликтов;
- 3) разрешение семейных конфликтов.

Проведенная психологическая работа на данном блоке позволит получить комплексный эффект, включающий в себя коррекцию личностных особенностей ребенка, оптимизацию родительско-детских отношений и отношений в супружеской паре.

Четвертым блоком может выступать проориентационная работа с подростками и их родителями. Программа работы с элементами профессиональной ориентации содержит детскую и родительскую составляющие.

Детская составляющая включает формирование и развитие следующих знаний, умений и навыков:

- 1) навыки открытого стиля общения, умения самопрезентации;
- 2) представления об отношении к себе, самооценке, развитии и личностном росте, умение ценить личность другого;

- 3) навык позитивного отношения к себе и другому, понятие о жизненных ценностях;
- 4) навык преодолевающего поведения;
- 5) осознание собственной потребности и способности к общению, решение некоторых проблем в общении;
- 6) умение ориентации в своих профессиональных возможностях, умение согласовывать свои желания и амбиции с реальностью.

Родительская составляющая включает формирование и развитие знаний, умений и навыков в следующих областях:

- 1) актуальные и потенциальные возможности ребенка с врожденной расщелиной и клинические показания в отношении выбора профессии для него;
- 2) принятие ребенка таким, какой он есть;
- 3) толерантное отношение к другим детям.

Содержание работы определяется конкретными проблемами подростка, выявленными на диагностическом этапе, с учетом возраста и общей характеристики детей и подростков, имеющих ВЧЛП. Основное воздействие направлено на: формирование устойчивой адекватной самооценки, повышение социальной активности личности, развитие коммуникативных навыков, формирование уверенности в себе, выработка гармоничной структуры ценностных ориентаций. В работе могут использоваться как групповые, так и индивидуальные формы.

Список использованных источников:

1. Варга А. Я., Драбкина Т. С. Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. СПб.: Речь, 2001. - 144 с.
2. Набойченко Е.С., Блохина С.И. Психологическое сопровождение семьи, имеющей ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Екатеринбург.: НПРЦ Бонум, 4004. – 132 с.
3. Набойченко Е.С. Влияние общественного мнения на стигматизацию ребенка с атипичной внешностью / Специальное образование. №2. 2009
4. Набойченко Е.С. Семья как социально-психологический аттрактор формирования дезадаптации у детей школьного возраста с атипичной внешностью / Педагогическое образование в России. №2. 2012
5. Мейер В., Чессер Э. Методы поведенческой терапии. - СПб.: Речь, 2001. - 256 с.
6. Эйдемиллер Э.Г., Юстицких В. Психология и психотерапия семьи. 4-е изд. - СПб.: Питер, 2008. — 672 с.

Туревская Рита Аркадьевна
кандидат психологических наук, профессор,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
профессор кафедры консультативной и клинической психологии
109280, г. Москва, Велозаводская, 2-2-6.
E-mail: info@turita.net

Сенин Семён Сергеевич
студент,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
студент кафедры консультативной и клинической психологии
141021 г. Мытищи, Юбилейная, 39
E-mail: senin.semen.s@yandex.ru

ДИАГНОСТИКА СИМБИОТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЯХ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С РАС

Аннотация. В статье показано, что измерение симбиотических отношений (СО) в условиях отклоняющегося развития не может сводиться только к диагностике гиперопеки. Создан инструмент, который позволяет выявить качественные и количественные различия СО в семьях детей с РАС и в норме. Структура СО при РАС включает кроме гиперопеки и другие формы нарушения взаимодействий между матерью и ребенком, искажение родительских репрезентаций и самоотношения, сверхобобщенное представление о несостоятельности ребенка.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, гиперопека, симбиоз, расстройства аутистического спектра.

Turevsкая Rita Arkadijevna
candidate of psychological sciences, professor,
Moscow State University of Psychology and Education
Professor of the department of Counseling and Clinical Psychology
109280 Moscow, Velozavodskaya Str., 2-2-6
E-mail: info@turita.net

Senin Semen Sergeevich
student,
Moscow State University of Psychology and Education
student of the department of Counseling and Clinical Psychology
141021 Mytischki, Yubileynaya, 39
E-mail: senin.semen.s@yandex.ru

DIAGNOSTICS OF SYMBIOTIC RELATIONSHIPS IN FAMILIES RAISING CHILDREN WITH ASD

Abstract. It is shown that the measurement of symbiotic relationships (SR) under conditions of deviant development can't be reduced to the diagnostics of hyper guarding alone. A tool has been created that makes possible the identifying of the qualitative/quantitative SR differences in families with ASD children and in the norm. The structure of SR at ASD includes, in addition to the hyper

guarding, other forms of violation of interactions between the mother and the child, distortion of parental representations and self-relations, an over-generalized idea of the child failure.

Key words: child-parent relations, hyper guarding, symbiosis, autism spectrum disorders.

Симбиотические отношения являются одной из главных проблем как семейной психотерапии [2], так и клинической практики аномального детства [3, 4, 5]. Исследование симбиотических паттернов детско-родительских отношений важно для понимания процессов сепарации, личностного развития ребёнка и в конечном итоге социализации, особенно, детей и семей с РАС.

При этом существует явный дефицит диагностических средств для выявления симбиотических отношений. Как правило диагностика симбиотических отношений происходит в русле выявления стиля воспитания по типу гиперопеки [1].

Гиперопека рассматривается как то, что определяет собственно симбиоз и как его сущностное качество. Однако, не всегда гиперопека приводит к симбиотическим отношениям между матерью и ребёнком. Практика показывает, что на схожие модели родительского воспитания дети реагируют по-разному. Одни вступают в симбиоз (ребёнок принимает и «откликается» на такое взаимодействие), другие реагируют протестом (ребёнок не принимает такое взаимодействие).

Мы считаем, что симбиотические отношения следует понимать как диаду, в которой участвует два субъекта. Поэтому важно учитывать не только родительские установки, но и позицию ребёнка по отношению к ним, а также само взаимодействие.

Существующие опросники рассматривают симбиотические отношения только с позиции родителя и проявляемого им по отношению к ребёнку гиперопеки, гиперконтроля. При этом в них не отражается репрезентация ребёнка родителем и их взаимоотношения. Работа с такими семьями зачастую показывает, что ребёнка рассматривают как объект, лишенный субъектности, возможности иметь самостоятельную позицию, как неудачника, больного. И эти факты обосновывают необходимость введения в диагностику симбиотических отношений позиции ребёнка и / или репрезентацию её родителем.

В данном исследовании была сделана попытка разработки диагностического инструмента, позволяющего посмотреть характер взаимоотношения между родителем и ребёнком, позицию родителя в этих взаимоотношениях и репрезентацию родителем позиции ребёнка. Особый интерес представляет исследование детей с РАС, т.к. симбиотические отношения, проблемы сепарации наиболее часто встречаются в таких семьях.

Гипотезы исследования были следующие:

1. В системе детско-родительских отношений выявляются симбиотические паттерны как в норме, так и в патологии;
2. Симбиотические отношения в норме и в семьях, воспитывающих детей с РАС, качественно отличаются.

В качестве **методик** использовались: тест родительских отношений, разработанный Варгой и Столиным; авторское структурированное интервью по типу неоконченных предложений.

Выборку составили 25 родителей из разных семей, воспитывающих детей от 7 до 12 лет (всего 25 детей). 10 родителей воспитывают детей с диагнозами рубрики F84 МКБ-10, остальные 15 родителей воспитывают здоровых детей.

Процедура исследования заключалась в последовательном заполнении родителями опросника Варги и Столина и ответов на вопросы структурированного интервью.

Структурированное интервью состоит из 31 вопроса. Вопросы разделены на 3 блока: образ ребёнка (например, вопрос «Я не представляю своего ребёнка без...»), взаимодействие с ребёнком («Когда у ребёнка что-то не получается, я...»), родительский блок («Я хочу...»). Каждый блок состоял из 10, 15 и 5 вопросов соответственно. Блоки образ ребёнка и взаимодействие с ребёнком подвергались качественному анализу для изучения когнитивного

и мотивационного аспектов симбиотических отношений. Вопросы из блока, раскрывающего позицию родителя, были составлены таким образом, что ответы на них могли быть направлены как на самого себя (родителя), так и на ребёнка. Данный блок подвергнулся дополнительной количественной оценке, в которой подсчитывалось количество ответов, «включающих» ребёнка (его потребности, интересы и т.д.) при описании своей позиции.

Все полученные в интервью ответы подвергались семантическому анализу, по результатам которого экспериментальная и контрольная выборки сравнивались между собой статистически с помощью критерия Хи-квадрат Пирсона.

Отдельно от семантического анализа количественному подсчёту подвергались те ответы, которые содержали в себе признаки симбиотических отношений. Такие ответы были объединены в несколько групп:

1. Негативные переживания ребёнка или родителя, связанные с разлукой, а также беспокойство родителя за ребёнка. К этой группе относятся ответы на вопрос «Когда я временно ухаживаю от ребёнка, он...» «грустит», «нервничает», «волнуется», на вопрос «Если я не с ребёнком, значит...» «у меня на душе пустота», «мне грустно».

2. Ответы, включающие в образ ребёнка себя, семью или опеку, предоставляемую ребёнку. К этой группе относятся ответы на вопрос «Я не представляю своего ребёнка без...» «себя», «семьи», «моей поддержки», на вопрос «Если я не с ребёнком, значит...» «ему нужна поддержка» и т.д.

3. Ответы, выражающие слияние родителя с ребёнком. К ним относятся ответ на вопрос «Я с ребёнком...» «одно целое», на вопрос «Мой ребёнок...» «часть меня».

4. Ответы, выражающие чрезмерную значимость ребёнка, а также значимость на смысловом уровне. Например, ответы на вопрос «Мой ребёнок для меня...» «это главное в моей жизни», «моя жизнь», «всё».

5. Ответы, отражающие большое количество времени, проводимое с ребёнком. Например, ответы на вопрос «Мы с ребёнком...» «практически всё свободное время проводим вместе», «проводим вместе много времени». Отметим, что ответ на этот же вопрос «любим свободное время проводить вместе» не считается нами, как ответ, отражающий симбиотические отношения, т.к. он показывает отношение к проводимому вместе времени, т.е. характеризует отношения между родителем и ребёнком, а не указывает на количество проводимого вместе времени.

6. Ответы, отражающие регресс в поведении ребёнка в присутствии матери или другого значимого лица. К ним относятся ответы на вопрос «Меняется ли поведение в присутствии мамы? если да, то как?» «больше балуется, становится как маленький», «со мной распускается, с чужими скован», «становится раскрепощённой, хуже поведение».

Результаты:

Согласно U критерию Манна Уитни по выраженности симбиотических отношений опросника Варги и Столина группа нормы и экспериментальная выборка получились идентичны ($p = 1,0$). Средние значения обеих выборок по этому показателю составили 3,8 балла. Это **подтверждает** гипотезу о том, что как в норме, так и в семьях с РАС в системе детско-родительских отношений выявляются симбиотические паттерны.

Также эти данные показывают необходимость в разработке новых диагностических инструментов выявления симбиотических отношений, т.к. представленные выборки исходно неравнозначны в силу клинического характера психических нарушений, детско-родительских отношений и нарушений личностного развития при РАС.

По результатам структурированного интервью выраженность симбиотических отношений в экспериментальной группе выше, чем в контрольной (средние значения соответственно 4,8 и 2,2, различия статистически значимы на уровне $p = 0,05$). Эти результаты можно объяснить характером диагностических инструментов. Как указывалось ранее, симбиотические отношения - диада, в которой участвуют ребёнок и взрослый. Опросник Варги и Столина направлен на выявление гиперопеки, т.е. на диагностику родительского поведения и не рассматривает полюс ребёнка, в этом случае выявляется

отношение только одной из сторон диады. Вопросы структурированного интервью направлены как на позицию родителя, так и на репрезентацию родителем позиции ребёнка, таким образом мы получаем данные об обоих участниках данных отношений. В этом случае мы видим различия в родительской репрезентации детей разных выборок при схожей позиции родителей, что подтверждается статистическим анализом ответов на вопросы интервью. Так на вопрос «Когда я временно ухожу от ребёнка, он...» не получено различий между двумя выборками, уровне значимости $p = 0,054$, а на вопрос «Если ребёнок остался один, я...» также нет различий, но уровень значимости $p = 0,159$. Оба эти вопроса направлены на выяснение реакции на разлуку, но в одном случае это касается позиции ребёнка, в другом родителя. На вопрос о позиции ребёнка мы видим различия близкие к статистически значимым (различия значимы при $p = 0,05$), а на вопрос о позиции родителя различия далеки от таковых.

По количеству ответов родительского блока, «включающих ребёнка», выборки также различаются ($p = 0,05$), средние значения родителей детей с РАС - 2,9, группы нормы - 1,73.

В экспериментальной группе наблюдается сильная корреляция между выраженностью симбиотических отношений по опроснику Варги и Столина и количеством симбиотических ответов по структурированному интервью ($p = 0,05$), что подтверждает конструктивную валидность разработанного инструмента на данной выборке. Однако в группе нормы такой корреляции не наблюдается.

Эти статистические различия **подтверждают** качественные различия в симбиозе в норме и в случаях детей с РАС. В случае детей с РАС в структуру симбиотических отношений входят гиперопека и другие формы патологических взаимодействий (по типу слияния), искажение родительской позиции, «включающей в себя образ ребёнка», и сверхобобщенное представление о несостоятельности ребёнка. В норме обнаруживается иная структура симбиотических отношений, которая в меньшей степени опирается на несостоятельность ребёнка, и в большей степени представлена гиперопекой.

Полученные результаты имеют практическую и теоретическую значимость. С практической точки зрения, они позволяют сформулировать различные терапевтические и коррекционные решения, которые должны учитывать не только работу с родительской гиперопекой, но и с измененными родительскими установками и репрезентациями ребенка с РАС.

С теоретической точки зрения, полученные результаты показывают, что измеряемый конструкт «симбиоз» имеет более сложное строение, и должен учитывать не только полюс родителя, но и полюс ребёнка.

Список использованных источников:

1. Варга, А. Я., Столин, В. В. Тест-опросник родительского отношения // Практикум по психодиагностике: Психодиагност.Материалы. – М.: Издательство МГУ, 1988.
2. Васягина, Н. Н., Глуханюк, Н. С. Феноменология симбиотической зависимости в диаде мать-ребёнок // Образование и наука. - 2004. № 2 (26). - С. 50-58.
3. Караварская, И. Б. В стороне. Из опыта работы с аутичными детьми. - М.: Террефинф, 2003. - 70 с.
4. Семенова, Е. Р., Сабрекова, Д. Н. Психотерапевтическая работа с родителями, воспитывающими детей с РАС, в рамках семейного сопровождения // Служба сопровождения семьи и ребенка: инновационный опыт: методический сборник / [ред. В.М. Соколова] – Владимир : Издательство «Транзит-ИКС», 2010 – 132 с.
5. Туревская, Р. А. Системный подход к исследованию симбиотических отношений в детском возрасте // В сборнике Всероссийской юбилейной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные проблемы медицинской (клинической) психологии (к 85-летию Ю.Ф Полякова)». – М., 2013 г. – с. 178-182.

Гусейнзаде Шабнам Расим кызы
Магистр психологии
Российский Государственный Гуманитарный Университет
педагог-психолог АНО «Центр “Ключи”»,
124460 г. Зеленоград, Филаретовская, 1132
E-mail: shabnam.guseynova@ya.ru

Горлова Елена Леонидовна
кандидат психологических наук, доцент
Института психологии им. Л.С. Выготского
Российский государственный гуманитарный университет
125047 г. Москва.
E-mail: el_gorlova@mail.ru

РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К РЕБЕНКУ С РАЗНЫМ СТАТУСОМ ЗДОРОВЬЯ В ПОЛНОЙ СЕМЬЕ

Аннотация. В современном обществе акцентируются проблемы и трудности в семье, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Мы же обратили внимание на тот факт, что больше половины семей преодолевают кризисную ситуацию, супруги сохраняют брак не менее чем в 60% случаев рождения особого ребенка.

Нашей целью было выявить специфику родительского отношения в полных семьях, воспитывающих детей с разным статусом здоровья. В данной статье проводится сравнение родительского отношения к ребенку с ограниченными возможностями здоровья в полных семьях. На основе концепции Е.О. Смирновой и М.В. Соколовой разработана процедура наблюдения, позволяющая сделать оценку нормативно-личностного отношения родителя к ребенку. В большинстве современных исследований присутствует дискурс проблем и трудностей в семье, воспитывающей ребенка с ОВЗ. Мы же обратили внимание на тот факт, что в настоящее время достаточное количество семей, которые справляются с нормативным и ненормативным кризисом, семья не распадается. В центре нашего внимания именно те ресурсы супружеских и детско-родительских отношений, которые позволяют семье сохранить свой развивающий потенциал, как для ребенка, так и для взрослых членов. Мы предположили, что супруги, воспитывающие ребенка с ограниченными возможностями здоровья, с высоким уровнем удовлетворенности браком и приоритетом эмоциональной связи и поддержки в межличностных отношениях будут проявлять преобладание личностного компонента в родительской позиции над предметным. Низкий уровень удовлетворенности супружескими отношениями будет связан с преобладанием в родительской позиции предметной составляющей. Результаты показали, что предметное (нормативное) отношение к ребенку превалирует над личностным у родителей, независимо от статуса здоровья ребенка. Выявлена специфика и противоречия в реализации родительской позиции в семьях со здоровыми детьми и в семьях с детьми с ограниченными возможностями здоровья. Проанализированы представления родителей о детях на основе методики «Семантический дифференциал».

Ключевые слова: родительская позиция, предметная и личностная составляющие родительского отношения, дети с ограниченными возможностями здоровья, образ ребенка у родителя.

Guseynzade Shabnam Rasim gizi
Master of Psychology,
educational psychologist, Autonomous Non-Profit Organization "Keys",
124460 Zelenograd, Filaretovskaya, 1132
E-mail: shabnam.guseynova@ya.ru

Gorlova Elena Leonidovna
PhD in Psychology, Associate Professor,
Department for Special Psychology,
L.S. Vygotsky Institute of Psychology,
Russian State University for the Humanities,
125047 Moscow, Russia
E-mail: el_gorlova@mail.ru

PARENTAL ATTITUDES TO CHILDREN WITH DISABILITIES IN NUCLEAR FAMILIES

Abstract. In modern society, the problems and difficulties in the family raising a child with disabilities are emphasized. We also drew attention to the fact that more than half of the families overcome the crisis; the couple retains marriage in at least 60% of cases of birth of a special child.

Our goal was to identify the specifics of parental relationships in families with children with different health status. This article compares the parental attitude to a child with disabilities in full families. On the basis of the concept of E. O. Smirnova and M. V. Sokolova the procedure of supervision allowing to make an assessment of the standard and personal relation of the parent to the child is developed. In most modern studies, there is a discourse of problems and difficulties in the family, raising a child with disabilities. We also drew attention to the fact that at present a sufficient number of families that cope with the normative and non-normative crisis, the family does not break up. Our focus is on the resources of matrimonial and parent-child relationships that allow the family to maintain its developmental potential, both for the child and for adult members. We have suggested that spouses raising a child with disabilities, with a high level of satisfaction with marriage and the priority of emotional connection and support in interpersonal relationships will show the predominance of the personal component in the parental position over the subject. The low level of satisfaction with marital relations will be associated with the predominance of the subject component in the parental position. The results showed that the subject (normative) attitude to the child prevails over the personal attitude of the parents, regardless of the child's health status. The specificity and contradictions in the implementation of parental position in families with healthy children and in families with children with disabilities are revealed. The views of parents about children on the basis of the method "Semantic differential" are analyzed.

Key words: parental position, subject and personal components of parental relationship, children with disabilities, the image of the child at the parent.

Семья после рождения ребенка расширяет круг своих обязанностей: родители несут ответственность перед социумом за здоровье, воспитание и образование ребенка. Несомненно, что в семье, воспитывающей ребенка с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), количество и качество контактов родителей с различными специалистами превышает по интенсивности взаимодействие с таковыми в семье, воспитывающей здорового ребенка. Вместе с взрослением малыша все более влиятельным становится дискурс детских успехов и достижений, как показатель семейного благополучия и материнской состоятельности. Этот дискурс влияет на родителей, независимо от статуса здоровья ребенка, однако, вполне вероятно, что более чувствительны к внешним оценкам

являются родители детей с нарушениями здоровья в связи с тем, что результаты детей с ОВЗ могут быть несопоставимо малы по сравнению с теми усилиями, которые затрачивают их родители и помогающие специалисты. Как родители совмещают в своей позиции родительскую любовь (ценность эмоциональной поддержки, близости, привязанности и заботы) с требовательностью и сознательным воздействием на те или иные стороны характера и личности ребенка (ценность индивидуального развития)? Этот вопрос сегодня может быть не только поставлен, но и исследован благодаря подходу к анализу родительского отношения Е.О. Смирновой и М.В. Соколовой (6, с. 57). Авторы выделяют в его структуре два начала — личностное и предметное (нормативное). Различия состоят в том, что личностное начало — это отношение родителя к ребенку как целостной и самоценной личности, а предметное — отношение к ребенку как объекту воспитания, оценки, контроля, управления. Поскольку «личностное» (целостное) и «предметное» (частичное) начала образуют два полюса, между которыми существуют конкретные отношения, авторы предлагают рассматривать их как структурные составляющие родительской позиции. Единством и противоположностью этих аспектов определяется сложность и неоднозначность отношений между людьми вообще и родителей с детьми в частности.

В зарубежной традиции представлены две родительские стратегии: безусловное принятие и условное принятие ребенка (А. Ассор, Е. Дисси, Г. Рот, К. Роджерс, Э. Фромм). В теории самодетерминации исследуется, как поведение, заданное извне, становится самодетерминированным (10, с. 66). Условное принятие означает, что качество и количество внимания и любви, которое проявляется родителем по отношению к ребенку, зависит от того, в какой степени ребенок следует такому поведению, которого хотят от него родители. Безусловное принятие соотносится с безоценочной любовью и удовлетворением потребности ребенка в компетентности и связи с другими, что, в свою очередь, обеспечивает высокий уровень субъективного благополучия, жизненных сил и качество интериоризации ребенка (5, с. 70).

Основная гипотеза нашей работы состоит в том, что независимо от статуса здоровья ребенка старшего дошкольного возраста, в родительской позиции будет доминировать предметное (нормативное) начало, отличия родительского отношения к ребенку с ОВЗ и здоровому будет отличаться степенью выраженности личностного и предметного аспектов родительской позиции.

Если при формулировании гипотезы мы выбрали концепцию отечественных авторов, то при выборе организационных условий проведения исследования, мы отталкивались от анализа зарубежных проектов изучения семейного взаимодействия. Это связано с тем, что Е.О. Смирнова и М.В. Соколова предлагают опросник с открытыми формулировками вопросов для родителей здоровых детей, контент-анализ которых позволяет выделить индикаторы предметного и личностного полюсов родительского отношения. На наш взгляд для реализации целей нашего исследования есть ограничения этого опросного метода и по содержанию формулировок вопросов, и по влиянию обозначенного выше дискурса на ответы родителей, воспитывающих детей с ОВЗ. В связи с этим, мы обратились к анализу различных процедур проведения стандартизированного наблюдения, с тем, чтобы в реальном взаимодействии родителей с детьми выделить паттерны, соотносящиеся с содержанием выделенных составляющих родительской позиции в модели Е.О. Смирновой и М.В. Соколовой.

Сделаем краткий обзор имеющихся в литературе описаний стандартизированного наблюдения, чтобы показать вариативность возможных моделей и условий построения эмпирического исследования. Группа канадских и китайских авторов в кросскультурном исследовании интеракций матери с ребенком раннего возраста описывает следующую процедуру кодирования паттернов (9, с. 489). Поведение ребенка подразделяется исследователями на две большие категории: автономию, независимость от матери и связность. Здесь автономия определяется как деятельность ребенка по собственной

инициативе, например, инициатива ребенка в освоении окружающей среды, самостоятельная игра с игрушками. Оценка осуществляется по количеству времени, проведенного ребенком автономно (в секундах).

Оценка связанности с мамой фиксируется наблюдателями тогда, когда ребенок проявляет усилия на соединение с мамой, находится в эмоциональной (физической, поведенческой) близости с ней, например, зовет маму, чтобы играть с ней, целует ее, приближается к ней физически. Используется показатель длительности эпизодов в секундах, в которых ребенок остается с матерью или участвует с ней в совместных играх и занятиях. Отдельно кодируется поведение матери: поощрение матерью детской автономии и интеракции, поддерживающие связанность, сотрудничество с ребенком.

В данной работе категории анализа взаимодействия заданы ведущими ценностными ориентирами двух культур, индивидуалистической, направленной на поддержание самодостаточности, автономии и противоположно-направленной, на включенность в отношения с людьми, развитие сотрудничества. Обнаруженное авторами сходство поведения китайских и канадских матерей состоит в том, что и те и другие чаще поддерживают автономные действия ребенка, чем партнерские. Однако канадские матери все же чаще китайских матерей поддерживают автономность, нежели стремление ребенка к установлению эмоциональной связи с нею. Различия касаются того, что китайские дети чаще самостоятельно инициируют партнерские отношения с матерью и сохраняют с ней более длительное время физический контакт (там же).

В исследовании П.К. Кериг предлагается схема наблюдения за речевым поведением родителей с трехлетними детьми (3, с. 163). В лаборатории, каждой паре (раздельное участие матери и отца с ребенком) предлагалось выполнить определенное число заданий, например, создать «мир» в песочнице из большого числа миниатюрных объектов. Десятиминутные занятия записывались двумя участниками исследования, мужчиной и женщиной, которые находились с видеокамерой в комнате, но не взаимодействовали с парой ребенок — родитель. Обмен репликами был дословно расшифрован и закодирован исследователями по видеозаписям. Кодирование речи родителей производилось по схеме, где каждое высказывание относилось к одной из 16 категорий, например, прямые и косвенные директивы, вопросы, напоминания и другие.

Авторы сравнили родительское взаимодействие матерей и отцов с детьми по шести показателям: три показателя языковой функции родителя (директивность, вопросительность, отзывчивость) и три структурных показателя языка родителя (средняя длина высказывания, сложность предложений, монологичность). В работе представлено множество разнообразных данных, например, доказано большее приспособление речи матерей к уровню речевого развития ребенка, чем речи отцов.

Е.А. Robinson и S.M. Eyberg создали авторскую кодированную систему наблюдений за взаимодействием родителя с ребенком в диаде (DPICS) (11, с. 245). В протоколе наблюдателю предлагается оценивать последовательности интеракций родителя и ребенка. Кодирование поведения родителей осуществляется согласно следующим кодам: прямое указание, за которым следует...; не прямое указание, за которым следует...; описательное высказывание; отражающее высказывание; общая похвала; конкретная похвала; вопрос; критическое высказывание; другие вербализации в игре. Для ответного поведения ребенка разработана следующая структура: отсутствие у ребенка возможности выполнить указание; послушание; непослушание; плохое поведение; крик, плач, «нытье»; игнорирование; отвечает на...; другие типы поведения ребенка.

По данным этих авторов, дети от двух до семи лет с трудностями в поведении показали более высокие показатели непослушания, чем обычные дети, а их родители были более критично настроены и директивны. DPICS показал свою надежность и прогностичность в отношении домашних проблем с поведением у ребенка.

Значительно отличается от представленных выше работ, модель наблюдения триадных взаимодействий, разработанная в исследованиях группы швейцарских авторов под

руководством Е. Fivaz-Depeursinge (12, с. 542). Шкала оценки семейного альянса (мамы-папы-ребенка) применяется в специально-созданной ситуации взаимодействия: трехсторонняя игра будущих родителей с куклой на пятом месяце беременности мамы и далее игра со своим ребенком в возрасте трех, девяти и восемнадцати месяцев. Шкала включает семь параметров — видов интерактивных функций: (1) участие: (а) контекстное (правильное позиционирование ребенка и время развлечения); (б) телесные (таз родителей и торсы ориентированы на ребенка); и (в) визуальная (каждый партнер может увидеть другого участника (партнера и ребенка) периферийным зрением); (2) организация: (а) телесный критерий и (б) визуальный (лица всех трех участников — мамы, папы и ребенка направлены друг к другу); (3) фокусировка: все три участника включаются в конструирование совместной игры; (4) эмоциональный обмен: взаимные выражения эмоций между партнерами. Каждому критерию для измерения качества семейного альянса приписывается от 0 до 2 баллов, баллы суммируются, чтобы получить оценку семейной коммуникации от 0 до 14 для каждого эпизода лонгитюда. Сумма баллов, полученных семьей в четырех наблюдениях, может достигать максимальной оценки — 56, чем выше оценка, тем более функциональным является семейный альянс, как качество семейного сотрудничества родителей друг с другом и ребенком.

Анализ систем наблюдения показывает их разнообразие, соответствие, в первую очередь, замыслу авторов и основным целям исследования. Для наших целей эти схемы имеют ограничения и по условиям проведения, и по набору кодов. Отметим, что в каждой модели в той или иной степени присутствуют категории для анализа родительского принятия ребенка, проявлений безусловной любви (личностного начала в концепции Е.О. Смирновой). Вместе с тем, значительное количество выделенных авторами категорий соотносится именно с предметным отношением родителей к ребенку (условным принятием).

Е.О. Смирнова и М.В. Соколова на основе опросника получили разнообразные данные на выборках родителей детей от двух до 15 лет. Авторы доказали содержательную валидность метода, обнаружили корреляции между показателями родительского отношения и стилями их поведения. Авторы описывают несколько ключевых областей предметного отношения родителя к ребенку: коммуникативные навыки, морально-нравственные качества, интеллект и умственное развитие, волевые качества, произвольность, физическое здоровье (6, с.67). Личностное начало в данной модели соотносится со следующими категориями: целостное, безоценочное отношение к ребенку, ориентация родителей на состояние ребенка и его психологический комфорт, сопереживание и сострадание своему ребенку, гибкость и лабильность родительской позиции, открытость к детской субкультуре. На основе выделенных авторами категорий для анализа ответов, мы разработали критерии для проведения структурированного наблюдения, которое проходило во время встречи родителя с ребенком в конце дня в детском центре (дети с ограниченными возможностями здоровья) и в детском саду (здоровые дети) в процессе переодевания ребенка и ухода домой. Ситуации и критерии определения предметной и личностной составляющих родительской позиции приведены в таблице 1.

Таблица 1. Ситуации и критерии для проведения структурированного наблюдения

Ситуации	Предметная составляющая взаимодействия	Личностная составляющая взаимодействия
Как родитель вечером встречает ребенка?	Отстраненная эмоциональная реакция на приход ребенка/отсутствие тактильного контакта. Вопросы о содержании занятий, самочувствии, поведении.	Положительная эмоциональная реакция на приход ребенка, тактильный контакт, создание психологического комфорта в общении, сопереживание.
Поведение родителя, если ребенок отказывается	Применение манипуляции. Перекладывание ответственности на педагога/	Гибкость, пристройка к ребенку в поиске способов влияния (родитель понимает либо

одеваться.	применение физического воздействия на ребенка, увещевание, требование подчиниться. Оценка поведения (хорошо/плохо).	выясняет сложности ребенка и делает разные попытки помощи ребенку). Безоценочность.
Как родитель реагирует на комментарии педагога по поводу поведения, успехов/неудач ребенка в течение дня?	Отсутствует инициатива в обращении к педагогу, родитель не интересуется жизнью ребенка в группе.	Родитель заинтересован в контакте с педагогом, проявляет инициативу в поддержании разговора о ребенке.
Как родитель участвует в процессе одевания/раздевания ребенка?	Ждет самостоятельных действий ребенка, критикует, либо отстраняется. При неудачных попытках ребенка родитель сам одевает/раздевает его. Доминирование, «над» в общении.	Родитель наблюдает за действиями, эмоционально вовлечен, оказывает поддержку в позиции рядом, создает эмоциональную общность «мы вместе». Разнопозиционное общение.
Совместность с ребенком или дистантность на протяжении процесса одевания?	Манипуляция ребенком, либо раздельность, автономия каждого в паре, и родителя, и ребенка. Низкая согласованность действий или ее отсутствие.	Наличие совместно-совокупных действий родителя с ребенком. Наличие пауз для совершения самостоятельного действия ребенком. Сотрудничество.

Для выявления эмоционально-оценочного компонента родительского отношения мы предложили родителям заполнить бланки семантического дифференциала, чтобы они оценили по предложенным парам антонимов своего ребенка.

В исследование участвовали две группы полных семей в возрасте от 26 до 48 лет (матери и отцы). В первую группу вошли 15 семей, воспитывающих ребенка с ОВЗ. Дети имели такие нарушения, как ранний детский аутизм (10 детей), синдром Дауна (3 ребенка), синдром Бурневилля-Прингла (два ребенка). Вторую группу составили 15 семей с детьми без нарушений в здоровье. Все дети посещали образовательные учреждения. Первая группа посещала коррекционное учреждение, вторая группа - обычный детский сад. Возраст детей 5-6 лет.

Для обнаружения уровня значимости различий использовали критерий Хи-квадрат Пирсона. Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS 24.0. Для обработки результатов семантического дифференциала применяли алгоритм выделения семантических универсалий Е.Ю. Артемьевой (1, с. 310).

По результатам наблюдения выявлено, что 73% родителей, воспитывающих здорового ребенка, проявляют положительную эмоциональную реакцию и тактильный контакт при встрече с ним. В то время как родители, воспитывающие ребенка с ОВЗ, только в 33% случаев демонстрируют данный тип реакций. Например, мама Паши при встрече ребенка из игровой комнаты, встречала его с улыбкой, здоровалась с ним, но тактильного контакта не наблюдалось между матерью и ребенком. Различия между группами достоверны ($X^2=6,068$, при $p=0,048$).

Следующий критерий наблюдения — это оценка поведения родителя на отказ ребенок выполнять какие-либо требования. Родители здорового ребенка чаще всего применяют манипуляцию при непослушании. Родители обеих групп исследуют различные возможности

договориться с ребенком, используя новые приемы (убеждение, уговор, переключения внимания и т. д.). Родители, воспитывающие ребенка с ОВЗ почти в два раза чаще, чем родители здоровых детей используют свое физическое преимущество для контроля над ребенком, останавливая его от нежелательных действий, принуждая подчиниться, но реже используют манипуляцию. Например, отец, воспитывающий ребенка с ОВЗ, встречает дочку, проявляя отстраненную реакцию. Если девочка отвлекается, начинает стягивать одежду и препятствовать процессу одевания, то ее папа применяет физическую силу над ребенком: удерживает на скамейке, повышает голос, ругает. Различия между группами достоверны ($X^2=8,618$, при $p=0,035$).

По критерию «Как родитель реагирует на комментарии педагога» выделили показатель заинтересованности родителей в получении информации от педагога. Большинство родителей, воспитывающих здорового ребенка (86,7%), относятся индифферентно к высказываниям педагога, не проявляют интереса ни на положительные, ни на отрицательные комментарии и незначительная часть (13,3%) — выслушивают педагога. Обнаружили слабую статистическую тенденцию различий поведения родителей двух групп, хотя примерно половина родителей, воспитывающие ребенка с ОВЗ проявляют интерес, задают вопросы педагогу и включаются в обсуждение успехов/неудач ребенка (53,3%). Здесь мы наблюдаем, что родителям детей с ограниченными возможностями здоровья важно получать обратную связь от педагога и понимать продвижения в развитии ребенка.

В ситуации «раздевание/одевание», родители, воспитывающие ребенка без нарушений в развитии, занимают чаще позицию «над», чем родители, воспитывающие ребенка с ОВЗ, которые используют и позицию «под». Вместе с тем, позицию «рядом» чаще занимают родители здоровых детей. Приведем пример ситуации с шестилетней девочкой с синдромом Дауна, которая умеет самостоятельно одеваться. Отец одевает ее полностью сам, тем самым занимая позицию «под» в общении с девочкой, которая не хочет одеваться, но одновременно лишая ее самостоятельных действий, подчиняя ее действия своей «логике» одевания. Различия между группами имеют сильную статистическую тенденцию ($X^2=4,629$, при $p=0,099$).

Следующий критерий, который мы фиксировали — это «совместность с ребенком». Отмечали количество совместно-совокупных действий, поддерживающих инициативу ребенка. Их основная характеристика состоит в том, что родитель не только предлагает помощь, но и дает ребенку возможность проявить усилие, согласованное с контекстом взаимодействия. Например, родитель подносит куртку со спины к ребенку, как бы приглашая его далее самому надеть рукава и накинуть на плечи, мама при этом озвучивает «одна рука, вторая рука и застегнем молнию». Другой вариант, когда ребенок все выполняет сам, но мама словесно отражает его усилие или сложность, поддерживая эмоционально инициативу ребенка. По полученным результатам видим, что у родителей обеих групп преобладает раздельность с ребенком. Различий между группами по этому критерию нет ($X^2=3,649$, при $p=0,64$).

На основе данных наблюдения мы можем сделать выводы, как о сходствах, так и о качественных различиях паттернов взаимодействия родителей и детей с разным статусом здоровья, о соотношении личностного и предметного начала в родительской позиции. Анализ данных наблюдения показал, что положительную эмоциональную реакцию и тактильный контакт чаще проявляют родители здоровых детей, нежели родители детей с ОВЗ. Родители, воспитывающие детей с ОВЗ, как и родители здоровых детей практикуют различные воспитательские приемы (манипуляция, давление, уговаривание, конструктивный договор). Вместе с тем, эта гибкость и вариативность воспитательных приемов по отношению к ребенку задается содержанием предметного (нормативного) начала родительской позиции. По критерию «проявление интереса к комментариям педагога», мы видим, что родители, воспитывающих здорового ребенка, редко обращаются к педагогу, в то время как родители детей с ОВЗ проявляют заинтересованность и внимание к оценкам и комментариям педагога.

Отметим наличие конфликтных зон в реализации родительской позиции как в семьях со здоровыми детьми, так и в семьях, воспитывающих детей с ОВЗ. Родители здоровых детей чаще проявляют положительную реакцию и тактильный контакт по отношению к своему ребенку, чем родители с детьми с ОВЗ, но одновременно с этим используют преимущественно тактики принуждения и манипуляции при невыполнении ребенком требований взрослого. Родители ребенка с ограниченными возможностями здоровья предъявляют завышенные требования к автономии ребенка, регламентируя его действия из позиции «над», для них высокую значимость имеет презентация педагогом достижений ребенка.

Сравним наши результаты с исследованиями других отечественных авторов.

И.В. Тимофеева, используя опросник PARI (адаптация Т.В. Нещерет) показала, что оптимальный эмоциональный контакт выявлен у родителей мальчиков с ДЦП с сохранным интеллектом, а излишняя эмоциональная дистанция наблюдается у родителей, воспитывающих детей с ДЦП, осложненным нарушением интеллекта. Автор в своих работах делает вывод, о том, что эмоциональная отстраненность по отношению к больному ребенку характеризует как матерей, так и отцов (7, с. 55).

Т.Н. Высотина выделила варианты реакций матерей и отцов на ситуацию появления в семье ребенка со сложными нарушениями развития: анозогностическая (родители не замечают признаков нарушения развития, связывают проблемы в эмоциональной и интеллектуальной сфере с индивидуальными особенностями ребенка); тревожная; депрессивная; дисфорическая (раздражение в связи с особенностями ребенка, избегание контакта); демонстративная; реалистическая (адекватные представления о своем ребенке). Отцы отличались от матерей преобладанием реакции отчуждения от ребенка. Все остальные варианты реакций отцов в основном совпадали по количеству с реакциями матерей. Автор доказала, что степень тяжести нарушений развития ребенка связана с эмоциональным отвержением и соотносится с такими личностными особенностями родителей, как тревожность, раздражительность, ориентация на мнение окружающих, низкий самоконтроль эмоций (2, с. 122).

Шкалы семантического дифференциала (далее - СД) позволили нам сравнить эмоционально-оценочный компонент родительской позиции в двух группах. Мы предлагали родителям 12 биполярных шкал, обработку проводили с помощью алгоритма, представленного в работах Е.Ю.Артемьевой. Автор использовала биполярные варианты СД, методы свободных описаний (типа ассоциативного эксперимента) и вербальные модификации проективных методик (типа метода неоконченных предложений) для подсчета частота встречаемости определенного признака в группе испытуемых. Большая частота свидетельствовала о значимости (не случайности) данного признака в сознании испытуемых. Рассматривая семантическое оценивание как измерение и соответственно семантическую оценку как координату опыта, Е.Ю. Артемьева назвала «совокупности устойчивых сходных оценок» — семантическими универсалиями. Семантической универсалией называется список выделенных для данного стимула координат (оценок по шкалам), одинаково оцениваемых значимым большинством однородной группы испытуемых (1, с. 310).

В таблице 2. представлены групповые семантические универсалии для измерения согласованности смыслов своего ребенка у родителей двух групп.

Таблица 2. Семантические универсалии своего ребенка у родителей

1 группа: родители, воспитывающие ребенка с ОВЗ	медленный (-0,75), неуверенный (-0,75), шершавый (-0,67), громкий (-0,83), светлый (1,83), зависимый (1,83), добрый (1,83)
2 группа: родители, воспитывающие ребенка без нарушений здоровья	независимый (-1,5), уступчивый (-1,5), светлый (2,08).

У родителей, воспитывающих детей с ОВЗ шире выбор дескрипторов, оценивающих психическое развитие ребенка (медленный, неуверенный, зависимый, громкий). Мы

объясняем это тем, что родители, воспитывающие ребенка с ОВЗ, удерживают в фокусе внимания определенный эталон достижений скорости, самостоятельности. Здесь отчетливо видно влияние социокультурного дискурса достижений, ускоренного развития на зависимых от мнения социального окружения родителей. Родительское упорство и настойчивость в ускорении развития ребенка можно проинтерпретировать через последствия кризиса, когда родители были не готовы к рождению ребенка, хотели бы вернуться к прежним правилам, контексту жизни и как бы «подталкивают» ребенка к взрослению и самостоятельности (5, с. 15).

Описание родителями здоровых детей через дескрипторы независимый и уступчивый указывает на отмеченную нами ранее двойственность родительского отношения. Родители поддерживают автономию ребенка, но при неповиновении достаточно жестко регламентируют его действия. В современном общественном устройстве родители большую часть времени проводят на работе, уже с момента поступления в детский сад стремятся привить своему ребенку ответственность, собранность, организованность, довольно часто эти требования превосходят возможности ребенка. Сходство родителей двух групп в позитивно-окрашенной оценке своего ребенка через дескриптор «светлый», а в группе родителей с детьми с ОВЗ, еще и «добрый». При выборе дескрипторов также превалирует нормативная составляющая в обеих группах родителей, но в группе родителей, воспитывающих детей с ОВЗ она более выражена.

Мы разработали процедуру наблюдения на основе концепции о двух составляющих родительской позиции Е.О. Смирновой, М.В. Соколовой. Наше исследование подтвердило преобладание предметной (нормативной) составляющей родительской позиции независимо от статуса здоровья ребенка. Выявлены противоречия в родительской позиции в обеих группах родителей. Ценность привязанности и эмоциональной поддержки родители здоровых детей реализуют в большей степени через эмоционально-физический контакт. Гибкость в поиске способов влияния, как характеристика личностного отношения отличает родителей обеих групп, однако, цель этого поиска сопрягается с тем действием ребенка, которое является «нужным», правильным с точки зрения родителя. В обеих группах автономия ребенка поддерживается родителем в большей степени, чем совместно-совокупные действия.

Положительная оценка своего ребенка присутствует в обеих группах, при этом, у родителей ребенка с ОВЗ количество дескрипторов, соотносящихся с предметной составляющей больше, чем у родителей здоровых детей. На наш взгляд, это является индикатором внутренней конфликтности родительской позиции.

Одно из объяснений может быть связано с тем, что в современной семье присутствует поляризация двух контекстов — один соотносится с ценностью эмоциональной поддержки, любви, восприятия семьи как психотерапевтического союза, а другой контекст задается высокой значимостью карьерного роста, личной автономии членов семьи и достижение высокого экономического статуса (Шнейдер Л.Б.). Мы полагаем, что за внутренней противоречивостью родительской позиции, может стоять также и конфликт ценностей в семейной и социальной системах.

Одно из направлений помощи может быть связано с осознанием родителями социальных ожиданий, которые влияют на выбор воспитательских практик, с развитием рефлексивной позиции в отношении своих чувств к ребенку, признание их противоречивости и поиском способов усиления личностной составляющей родительской позиции в естественных ситуациях общения с ребенком.

Список использованных источников:

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999. 310 с.

2. Высотина Т.Н. Личностные особенности родителей, воспитывающих детей со сложными нарушениями психического развития // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2011. Вып. 2. С. 122—127.
3. Кериг П.К. Семейный контекст: удовлетворенность супружеством, родительский стиль и речевое поведение с детьми // Вопросы психологии. 1990. № 1. С.158—164.
4. Линч М. Процесс и содержание социализации: интериоризация с точки зрения теории самодетерминации // Культурно-исторический подход в исследовании процессов социализации: Материалы пятых чтений памяти Л.С. Выготского/ Науч. ред. В.Ф. Спиридонов, Ю.Е. Кравченко. М.: РГГУ, 2005. С. 70—79.
5. Савина Е.А., Чарова О.Б. Особенности материнских установок по отношению к детям с нарушениями в развитии// Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 15—23.
6. Смирнова Е.О., Соколова М.В. Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 57—68.
7. Тимофеева И.В. Воздействие социальной среды на ребенка с детским церебральным параличом как условие формирования «собственной среды развития» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 177. С. 54—61.
8. Тимофеева И.В. Специфика внутрисемейного взаимодействия в семьях, имеющих детей с детским церебральным параличом с позиции теории систем М. Боуена // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 102. С. 99—105.
9. Liu M., Chen X., Rubin K., Zheng S., Cui L., Li D., Chen H., Wang L. Autonomy-vs. connectedness-oriented Parenting Behaviours in Chinese and Canadian Mothers // International Journal of Behavioral Development. 2005. Vol. 29 (6). P. 489—495.
10. Ryan R.M, Deci E.L. Intrinsic and Extrinsic Motivations: Classic Definitions and New Directions // Contemporary Educational Psychology. 2000. Vol. 25. Issue 1. P. 54—67.
11. Robinson E.A., Eyberg S.M. The Dyadic Parent-Child Interaction Coding System: Standardization and validation // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1981. Vol. 49(2). P. 245—250.
12. Favez N., Lopes F., Bernard M., Frascarolo F., Scaiola Ch. L., Corboz-Warnery A., Fivaz-Depeursinge E. The Development of Family Alliance From Pregnancy to Toddlerhood and Child Outcomes at 5 Years // Family Process. 2012. Vol. 51. No. 4. P. 542—556.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ У ПОДРОСТКОВ С САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ 1 ТИПА И ИХ РОДИТЕЛЕЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТАЖА ЗАБОЛЕВАНИЯ

Любое хроническое соматическое заболевание оказывает чрезвычайное влияние на качество жизни человека, а в случае болезни ребенка существенно снижается и качество жизни их родителей. Появление у ребенка сахарного диабета 1 типа вносит специфические особенности во все аспекты жизни семьи, столкнувшейся с данным заболеванием.

Цель: выявление факторов, влияющих на качество жизни детей с СД 1 типа и их родителей.

Материалы и методы: анализировались данные 95 подростков (пациентов Эндокринологического Научного Центра) с сахарным диабетом 1 типа, и 36 родителей. Среди исследуемых 49 мальчиков и 46 девочек в возрасте от 12 до 17 лет, которые были разделены на 3 группы по стажу заболевания: 1 – от 0,5 до 3 лет, 2 – от 3 до 5 лет, 3 – более 5 лет. Оценка качества жизни (КЖ) подростков была проведена с применением диабетического модуля международного стандартизованного опросника PedsQL™. Изучалась зависимость КЖ детей и их родителей от пола, возраста, стажа заболевания и наличия осложнений.

Результаты: Медиана КЖ у подростков из группы 1 (стаж СД от 0,5 до 3 лет) равна 79,5 баллам из 100 возможных [72;84], из группы 2 (стаж СД от 3 до 5 лет) соответствует 77 баллам [56;83] из 100, из группы 3 – 77 баллам [64;83]. Значимых различий между группами не найдено. Медиана КЖ у родителей детей из группы 1 оказалась равна 65 баллам из 100 [53;70], из группы 2 – 59,5 баллам [47;71] из 100, из группы 3 – 72 баллам [65;70]. Таким образом, максимальное количество баллов выявлено у родителей подростков со стажем заболевания больше 5 лет, минимальное – у родителей детей со стажем СД от 3 до 5 лет. Получены статистически значимые различия при сравнении 1 и 3 групп ($p=0,04$), 2 и 3 групп ($p=0,03$). Значимое снижение качества жизни зафиксировано у родителей тех детей, у кого имеется осложнение в виде нефропатии. У подростков с липодистрофиями, гепатомегалией, жировым гепатозом, ангиопатией сетчатки, дистальной диабетической полинейропатией значимого изменения показателей качества жизни родителей не найдено. Получена прямая статистически достоверная связь между КЖ подростков и КЖ родителей ($r=0,6$, $p<0,05$). При сравнении по половому признаку, возрасту, стажу заболевания и количеству осложнений значимой зависимости показателей КЖ детей не получено.

Заключение: Присутствие начальных проявлений осложнений не имеет значимого влияния на качество жизни детей с СД 1 типа и их родителей, но существенно снижается по мере развития более тяжелых осложнений СД 1 типа (таких как нефропатия). У тех родителей, чьи дети имеют СД 1 типа в течение 3-5 лет КЖ является самым низким, затем данный показатель улучшается по мере увеличения стажа заболевания подростков; можно предположить, что родители «привыкают» к болезни ребенка, психосоциальная адаптация улучшается. Качество жизни родителей имеет прямую зависимость от качества жизни их детей, таким образом, чем выше КЖ у детей, тем выше КЖ их родителей, и, соответственно, чем ниже КЖ ребенка, тем ниже КЖ членов семьи. От пола, возраста, стажа заболевания и количества осложнений качество жизни детей с СД 1 типа не зависит.

Попова Елена Исааковна
кандидат педагогических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
доцент кафедры теории и методики начального и дошкольного образования
625003, г. Тюмень, Володарского, 6
E-mail: iris1958.18@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЬИ, ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ РЕБЕНКА С ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Аннотация. В статье раскрываются особенности психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с инвалидностью. Представлена модель преодоления кризиса родителями детей с инвалидностью, описаны направления, этапы и технология психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с инвалидностью.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, ребенок с инвалидностью, семья, особенности, субъекты сопровождения.

Popova Elena Isaakovna
candidate of pedagogical Sciences, Associate Professor,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Tyumen State University»,
Associate Professor of the Department of theory and methodology of elementary
and preschool education
625003, Tyumen, Volodarsky, 6
E-mail: iris1958.18@mail.ru

THE PECULIARITIES OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE FAMILY BRINING UP A CHILD WITH DISABILITIES

Annotation. The article reveals the peculiarities of psychological and pedagogical support of a family bringing up a child with disabilities. The model of overcoming the crisis by parents of children with disabilities is presented, the directions, stages and technology of psychological and pedagogical support of a family raising a child with disabilities are described.

Key words: psychological and pedagogical support, a child with disabilities, family, features, subjects of support.

Проблема психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с инвалидностью, становится актуальной как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

При интенсивном росте численности детей-инвалидов актуальность проблемы возрастает в равных пропорциях.

В отношении социализации и социальной адаптации ребенка с инвалидностью семья имеет существенное значение, поскольку самостоятельные контакты с миром и круг общения таких детей существенно ограничен.

Сопровождение с психолого-педагогической точки зрения представляет собой оказание помощи семьям, воспитывающим детей с отклонениями в развитии, благодаря которой у родителей формируется позитивная апперцепция своего ребенка, развивается чувство уверенности, гармонизируются детско-родительские и межличностные отношения, разрешаются существующие проблемы, что в совокупности способствует адаптации ребенка,

его гармоничному развитию (И.Ю. Левченко, В.В. Ткачева).

С целью установления особенностей психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребёнка с инвалидностью, считаем необходимым обратиться к проблемам, возникающим в таких семьях. Здесь надлежит рассмотреть несколько важных вопросов.

Диагностирование инвалидности у ребенка вызывает у родителей различные реакции, которые обусловлены структурой личностей отца и матери, динамикой их брака и семьи, а также поведением окружающего мира. Собственные воспитательные установки родителей детерминируются прежде всего чувством вины, разочарованием в собственных надеждах, педагогической беспомощностью, состраданием к ребенку с ограниченными жизненными возможностями и давлением социальных суждений [12, с. 144].

В качестве примера приведем рассказ Штрассера о матери, находившейся в фазе первого шока: «В это время матери было все равно, даже если ребенок умрет. Она делала все механически, ее чувства были совершенно оторваны от реальности. Она говорила, что была как мертвая... Она могла трудиться без усталости, у нее было такое чувство, как будто ее тело и душа разделились. То, что ей сообщали, она не могла понять» [17, с. 93-101].

В работах В.В. Ткачевой также сообщается о чувстве вины у родителей детей с инвалидностью. Причину, считает автор, следует искать в инфантильных представлениях о грехе, а также в возросшем знании возможностей внешнего воздействия на плод, за которое человек сам считает себя ответственным. Это также может быть вопрос о наследственности или создавшемся у матери представлении о своей неспособности «подарить мужу здорового ребенка». Разочарования в собственных надеждах, которые связаны с ребенком, в обществе, [16].

Разочарование, связанное с появлением ребенка с инвалидностью, может оказаться тем большим, чем дальше заходили ожидания родителей, например надежда на большой социальный престиж с появлением ребенка. «Неполноценный» ребенок может восприниматься как удар по самолюбию и как несчастье. Здесь приходится иметь дело с тяжелым душевным и физическим бременем, которым становится ребенок с инвалидностью для будущей собственной жизни и жизни семьи. Кроме этого, возникают скорбь о сокращении жизненных возможностей ребенка, боль, происходящая из самоотверженной любви к нему, и тревога за его будущее. Здесь речь идет об истинном сострадании. Рассмотрим вышесказанное на примере отца, который при первом посещении своего ненормального ребенка испытал такое потрясение, что целый час просидел в зале ожидания вокзала, прежде чем дома смог разговаривать об этом. Как он сказал позднее, в его реакции соединились страх за будущее ребенка и страх за собственное будущее. Названные виды эмоциональной реакции родителей обусловлены также *поведением окружающего мира*, давлением общественного мнения. Любопытное разглядывание, пренебрежительные высказывания, равнодушие и дистанция переживаются как унижение. Степень этого переживания, то есть социального давления, существенно зависит от восприимчивости родителей и их психической стабильности. В этих условиях создается особая чувствительность к окружающему миру [14].

Важно подчеркнуть, что отношение родителей к ребенку зависит от того, как они справились с потрясением и внутренним конфликтом.

Интеллектуализация конфликта может выразиться в интенсивной занятости дефектом ребенка. При сублимации созданная конфликтным напряжением психическая энергия переносится в усиленную социальную активность, направленную на благо отстающих детей, например в родительские объединения. Интеллектуализация и сублимация только тогда имеют созидательные последствия, когда неосознанные конфликты родителей перерабатываются и преодолеваются, и реальные потребности ребенка начинают восприниматься серьезно.

Формой выражения *агрессии* по отношению к ребенку является зафиксированная как необходимое следствие воспитательная строгость, связанная с наказаниями, трудными упражнениями или строгой диетой. Нередко лечебно-педагогические меры превращаются в

церемонию: педантично и точно предусматривается каждый шаг. Такая чрезмерная скрупулезность *механизирует* отношение к ребенку.

Часто встречающаяся *чрезмерная опека* и *угождение* ребенку с инвалидностью объясняются многими причинами. Речь может идти о компенсации собственного разочарования и чувстве вины или ложном сострадании. Иногда может появляться жертвенное отношение, которое приводит к чрезмерным требованиям к себе.

На отношение родителей к ребенку с инвалидностью сильно влияет и чрезмерная психофизическая нагрузка, особенно для матери, и неуверенность в будущем. Повышенная потребность ребенка в помощи, необходимость постоянного присмотра, ежедневно повторяющиеся трудности и нужды приводят к сильным перегрузкам [15, с. 134].

В имеющейся литературе предметом многочисленных исследований является, прежде всего, неразрешимость возникшей в семье проблемы, основанной на нереалистичной оценке состояния ребенка. Именно страх приводит в действие определенные *защитные механизмы*, направленные на восстановление и поддержание внутреннего равновесия, нарушенного в связи с инвалидностью ребенка, с психоаналитической точки зрения представляет это следующим образом: в отрицании делается попытка жить с представлением, что с ребенком все в порядке. Прежде всего, когда он еще совсем маленький, родители склонны к такому самообману, соединяя его с упреками окружающему миру или определенным специалистам или учреждениям, которые якобы дали ребенку слишком мало шансов для его развития. Чтобы избежать конфликтов, агрессии и непонимания в отношениях с обычными детьми, ребенка отдают от них и укрывают в семье. Но тем самым мешают развитию его действительных способностей. Отрицание также может вести к тому, что на ребенка оказывается *чрезмерное давление*. Постоянными требованиями и упражнениями хотят доказать правильность своего тезиса об отсутствии у него инвалидности [1, с. 73-74].

Обнаруженная инвалидность хотя и принимается как таковая, но вину за возникшие нарушения, чтобы избежать упреков в собственный адрес, стараются возложить на определенные обстоятельства и людей. Неудовлетворенный поиск «козла отпущения» держит родителей в постоянном напряжении, которое затрудняет воспитание ребенка и прежде всего в тех случаях, когда отрицается ответственность [5].

В исследованиях О. Шпека описывается, как может быть использован недуг ребенка другими, дистанцировавшимися членами семьи, чтобы снять с себя ответственность. Ребенок с инвалидностью превращается либо в «козла отпущения», либо в «вечного младенца», либо в «звезду» и «избранного» [18].

Отношения отца, матери, а также здоровых детей к ребенку с инвалидностью образуют сложную взаимосвязь. Вся семья может, хотя и не должна, стать «особой семьей», если у какого-либо из ее членов ограничены возможности жизнедеятельности. Как показывают исследования, могут возникать супружеские разногласия, а также другие латентные конфликты, например, между родителями и здоровыми детьми. Ставшее необходимым в связи с появлением ребенка с инвалидностью или вызванное им изменение и новое упорядочивание системы ролей внутри семьи воспринимаются ее членами по-разному [9].

В действительности семьи, имеющие ребенка с инвалидностью, в сравнении с так называемыми нормативными семьями имеют не больше проблем в конкретном «выполнении задач» – идентификация проблем, нахождение решений, применение пробных и адекватных мер. Концентрация на этих задачах, которая из-за особых требований в связи с появлением ребенка с инвалидностью может также привести к преимущественно внешней стабилизации семейного единства, нередко «оплачивается» хроническим пренебрежением членов семьи к собственным потребностям. Часто регистрируются конфликты между родителями и явно плохие отношения между ними и нормативно развивающимся ребенком, если таковой имеется. Порой скрытые конфликты между отцом и матерью «меняют свое направление» и обращаются на больного ребенка. Из-за этого он получает больше внимания от кого-либо из родителей, в то время как сами они оказывают друг другу все меньше внимания. Попадающий в такой «треугольник» ребенок, как доставляющий много общих забот,

становится центром семейной жизни. Это положение отводит ему роль связующего звена между родителями [8].

Согласно исследованиям Е.В. Куфтяк, функциональность семьи, имеющей ребенка с инвалидностью, отмечена в целом более слабой внутрисемейной связью и способностью к адаптации. Многочисленные проблемы были зарегистрированы в каждой из пяти семей, в то время как среди семей, в которых не было детей с инвалидностью, такая оценка относилась только к каждой из пятнадцати. В целом преобладали реальные внутрисемейные нагрузки, прежде всего в эмоциональном отношении, которые мало способствовали созданию жизненных условий для развития ребенка [6].

На основании приведенных примеров, можно выделить категории эмоциональных реакций родителей:

- принятие реальности инвалидности ребенка;
- притворство;
- отрицание реальности инвалидности.

В соответствии с личностной структурой возможны такие отрицательные эмоциональные проявления, как:

- искаженное восприятие поведения ребенка;
- отказы и неприязнь;
- семейные разногласия;
- нарциссичные осложнения;
- реакции, приводящие к зависимости;
- неправильные реакции в отношении социальных групп;
- чувство вины и др. [18].

В литературе описаны три стадии (этапа) преодоления кризиса: когнитивная или внешне управляемая, эмоционально неуправляемая и действенная или самоуправляемая.

Кризисный процесс начинается с сомнений в нормальности развития ребенка, организации его обследования и осознания медицинского диагноза, подтверждающего наличие патологии. Вторая стадия имеет ярко выраженный характер фрустрации, агрессии, перекладывание вины на партнера, действия врачей. Непонимание, любопытство окружающих, неожиданные, воспринимаемые как несправедливые, психические и физические нагрузки по уходу за ребенком, потеря обычного круга друзей, социальная изоляция приводят к сильнейшим эмоциональным потрясениям, разрывам в семье.

Заключительный этап обработки факта инвалидности собственного ребенка предполагает установление контактов с родителями, находящимися в подобной жизненной ситуации. Семья принимает ограниченность возможностей одного из ее членов, определяет стратегию действий по интеграции его в окружающий мир.

Ю.В. Слюсаев дает описание фаз психического осознания факта рождения ребенка с инвалидностью.

Первая фаза характеризуется состоянием растерянности, порой страха.

Вторая фаза – состояние шока, которое трансформируется в негативизм и отрицание поставленного диагноза.

Третью фазу характеризует состояние родителей, которые начинают принимать диагноз и понимать его смысл, погружаются в глубокую депрессию.

Четвертая фаза – полное принятие диагноза, психологическая адаптация, когда родители в состоянии правильно оценить ситуацию [15].

Представляет интерес модель преодоления кризиса родителями детей-инвалидов, предложенная З. Шухардтом (табл. 1).

Таблица 1

Модель преодоления кризиса родителями детей-инвалидов (З. Шухардт)

Фаза развития	Эмоциональное состояние родителей	Поведение родителей	Стадия «обработки кризиса»
1	Незнание об инвалидности ребенка.	Осознанное, внешне управляемое	1
2	Знания о неполноценности ребенка (да, но это не должно быть...)		
3	Агрессивные переживания (несогласия, стресс)	Эмоционально-неуправляемое	2
4	Осмысление (если так, тогда должно... но...)		
5	Депрессия (зачем... все не имеет смысла)		
6	Принятие факта неполноценности ребенка	Действенное, самоуправляемое	3
7	Активное отношение, помощь ребенку		
8	Солидарность с другими родителями		

Для установления особенностей психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребёнка с инвалидностью, не менее важно рассмотреть проблемы детей с инвалидностью.

Основными проблемами таких детей, считают Е.А. Петракова и др., являются:

- психологическая несамостоятельность;
- социально-психологическая ограниченность;
- затруднение процесса социализации;
- деформация психологической сферы, тотально препятствующая эффективному социальному функционированию и софункционированию с другими на фоне «вымывания» потенциально позитивного, резко сниженной самооценки, непродуктивных контактов с окружающими [11, с. 819].

Анализ научной литературы и реинтерпретация собственного опыта к общим признакам ребенка с инвалидностью позволили отнести следующие:

- стойкие нарушения саморегуляции и самоконтроля, трудности регуляции собственного поведения и прогнозирования последствий собственных действий;
- проблемы самооценки (неустойчивая, зависимая от сиюминутного положения, неаргументированная и поляризованная самооценка);
- низкая способность к рефлексии и заботе о себе;
- стойкие нарушения аффективной (эмоциональной) сферы, проявляющиеся явлениями алекситимии, высокой эмоциональной лабильности, «негативной» аффективности, низким уровнем развития способности к сопереживанию;
- агрессивность и нетерпимость;
- склонность к регрессивному поведению;
- отсутствие стремления быть в обществе других людей, неспособность к межличному общению;
- подчиненность среде;
- слабые адаптационные способности, дезадаптивные стратегии копинг-поведения [13].

В связи с этим, родители должны обеспечить ребенку-инвалиду:

- развитие положительного отношения к себе, другим людям, окружающему миру, коммуникативной и социальной компетентностей;

- создание условий для формирования положительного самоощущения – уверенности в своих возможностях, в том, что он хороший, его любят;

- формирование чувства собственного достоинства, осознание своих прав и свобод;

- развитие коммуникативной компетентности – распознавание эмоциональных переживаний и состояний окружающих, выражение собственных переживаний;

- формирование социальных навыков (освоение различных способов разрешения конфликтных ситуаций, умений договариваться, устанавливать новые контакты) и др.

Другой сложный аспект: как обеспечить ребенку с инвалидностью пространство понимания и принятия? Мы полагаем, родители получают такую возможность, если найдут ответ на главный вопрос «Что означает относиться к ребёнку а) с чувством жалости; б) состраданием; в) как здоровому (обычному) ребёнку?».

Итак, в семьях, воспитывающих детей с инвалидностью, воспитание часто приобретает негармоничные формы, что приводит к серьезным педагогическим, психологическим и социальным проблемам ребенка. Обеспечить решение названных проблем поможет психолого-педагогическое сопровождение таких семей.

Всех субъектов сопровождения можно отнести к двум основным группам: «основные» и «дополнительные».

Основные субъекты сопровождения: семья, воспитывающая ребенка с инвалидностью, сам ребенок-инвалид, их ближайшее окружение. Основа сопровождения семьи – вера во внутренние силы субъекта, обучение выбору, создание ориентационного поля развития.

«Дополнительные» субъекты сопровождения: гражданское общество, законодатели, от которых зависит, в каких нормативных, правовых, организационных, материальных и т.д. условиях будет осуществляться сопровождение ребенка-инвалида и его семьи; специалисты социальной системы защиты детства, педагоги образовательных учреждений, общественные организации, осуществляющие сопровождение или включенные в него опосредованно.

Как видно, субъектами сопровождения являются семья, воспитывающая ребенка-инвалида, и социальная сеть различного уровня [7, с. 21-25].

В трудах Р.В. Овчаровой представлены главные направления в процессе психолого-педагогического сопровождения семьи ребенка с инвалидностью: педагогическая помощь, социальная помощь, психологическая помощь.

Педагогическая помощь направлена:

- на формирование педагогической компетенции родителей, ориентированное на оптимальные способы воспитания;

- на повышение психолого-педагогической культуры родителей.

Социальная помощь применяется относительно семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, с привлечением различных внешних организаций и учреждений (социальных, психологических центров, медицинских организаций и т.д.).

Психологическая помощь заключается в гармонизации внутрисемейных отношений, установлении контакта между родителями и ребенком, а также с социальным окружением [10].

Перечисленные направления могут реализовываться с помощью следующих видов деятельности:

- 1) Образовательная деятельность. Содержание работы – обучение родителей и воспитание ребенка. Форма работы – консультирование, контроль процесса развития.

- 2) Психологическая деятельность. Содержание работы – социально-психологическая поддержка и коррекция семейных отношений. Форма работы – профилактика и разрешение кризисных ситуаций, установление правил в семье, формирование культуры отношений в семье.

- 3) Посредническая деятельность. Содержание работы – содействие в

организации досуга. Форма работы – организация праздников, мероприятий, летнего отдыха детей [4, с. 12].

Л.С. Яговкина считает, что психолого-педагогическое сопровождение семьи направлено на решение следующих основных задач:

- установление диалога между специалистами сопровождения и родителями, открывающего возможности обсуждения мнений, поиска согласия и приемлемого для обеих сторон решения проблем;
- информирование родителей о закономерностях развития детей, о негативном влиянии существующих стереотипов на их социальное, эмоциональное и когнитивное развитие;
- содействие развитию каждого ребенка при помощи совместных усилий родителей и сопровождающих и др. [19].

Е.И. Казакова указывает, что психолого-педагогическое сопровождение семьи может состоять из нескольких этапов:

- диагностического (выявление причин проблемы и выбор путей их решения, выявление потребностей, способностей семей);
- консультативно-проективного (обсуждение со всеми участниками процесса способов решения проблем, построение плана работы, выбор методов, разработка индивидуальной траектории помощи);
- деятельностного (содействие в реализации плана работы психологам, педагогам, родителям, ребенку);
- рефлексивного (осмысление результатов реализации сопровождения) [2].

Автор предлагает технологию пролонгированной социально-психолого-педагогической помощи семье, воспитывающей ребенка с инвалидностью, состоящую из следующих этапов:

- работа с семьей по воспитанию ребенка с инвалидностью, содействие в создании благоприятных условий для развития и воспитания ребенка в семье;
- реализация индивидуальной программы сопровождения ребенка с инвалидностью и подготовки к посещению образовательных, социальных, реабилитационных и других учреждений;
- составление и реализация индивидуальной программы сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с инвалидностью (психолого-педагогическое, социальное, юридическое и др. сопровождение);
- сопровождение ребенка с инвалидностью на первоначальном этапе посещения образовательных, социальных, реабилитационных и других учреждений [3].

Другой важный вопрос касается того, как научить родителей привлекать к поддержке потенциальных помощников (лиц, осуществляющих поддержку), заключать с ними «контракт о помощи и поддержке», нуждающегося в ней ребёнка. В качестве поддерживателей могут выступать как взрослые (психологи, педагоги, медицинские специалисты, родители одноклассников, выступающие в качестве волонтеров), так и дети (одноклассники, старшие наставники, участники общественных организаций). Последние даже в большей степени, так как взаимодействуют с поддерживаемым как в пространственном, так и во временном отношении, и могут быть более авторитетными и значимыми (по сравнению с взрослыми). Однако этот шаг не получил широкого распространения в практике психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с инвалидностью.

Этот процесс мы связываем с:

- выявлением детей, которые по наблюдениям психолога, педагога, дефектолога или информации, полученной от родителей, проявляют заинтересованность и участие, делают попытки оказать помощь по отношению к поддерживаемому;
- выявлением детей, к которым ребенок проявляет симпатию, доверяет и не резко отчуждён (наблюдение психолога и педагога), и вооружением их способами выстраивания отношений с детьми с инвалидностью (относиться как к любому другому

ребёнку, не замечать дефект, не унижать достоинства, не допускать, чтобы ребёнок чувствовал свою неполноценность и т.п.);

- мотивированием фасилитаторов и их обучением приемам психологически правильного реагирования на успехи, проблемы и неудачи ребенка;
- моделированием ситуаций успеха, при которых результаты деятельности ребёнка совпадают с его ожиданиями;
- минимизацией риска психологического травмирования ребёнка с учетом персонального «порога переносимости жизненных затруднений», что позволяет постепенно психологически «закалить» ребенка, повысить его резистентность к психоэмоциональному стрессу;
- «запуском» механизма психологической защиты посредством индивидуальных консультаций, ассертивного тренинга.

В конечном счете, в силу неоднородности особенностей семей, воспитывающих ребенка с инвалидностью, и их потребностей требуется индивидуализация методов, средств и содержания работы.

Список использованных источников:

1. Архип И.А., О проблемах отношений в семьях, имеющих детей с отклонениями в развитии // Развитие в обучении. – 1993. – № 2. – С 73-74.
2. Казакова Е.И. Педагогическое сопровождение. Опыт международного сотрудничества. – СПб., 2013. – 140 с.
3. Казакова Е.И. Галактионова Т.Г., Пугач В.Е. Основные приемы и технологии в работе тьютора. – М.: Академия, 2012. – 118 с.
4. Карасева В.П. Ролевые компетенции специалиста, сопровождающего семьи с ребенком с ограниченными возможностями здоровья семьи // Сервис Plus. Том 8. – 2014. – № 3. – С. 12.
5. Корельская Н.Г. «Особенная» семья – «особенный» ребенок: Книга для родителей детей с отклонениями в развитии. – М.: Советский спорт, 2009. – 232 с.
6. Куфтяк Е.В. Психология семейного совладения. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2014. – 320 с.
7. Летунова В.Е. Основные направления деятельности ППМСП - центра по индивидуальному сопровождению развития ребенка // Психолого-педагогическое медико-социальное сопровождение развитие ребенка. – 2010. – №7. – С. 21-25.
8. Мамайчук И.И. Психологическая помощь детям с отклонениями в развитии. – СПб.: Речь, 2001. – 220 с.
9. Мастюкова Е.М. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 408 с.
10. Овчарова Р.В. Справочная книга социального педагога. – М.: Сфера, 2005. – 400 с.
11. Петракова Е.А., Козьяков Р.В., Поташова И.И. Современные технологии работы с семьями, имеющими детей с ограниченными возможностями здоровья // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего школьного возраста. – 2016. – № 5. – С. 819.
12. Полоухина Е.А. Особенности семейного микроклимата в семьях с детьми-инвалидами // Вестник Санкт-Петербургского университета, сер. 12. 2008. вып. 3. – С. 143-148.
13. Попова Е.И. Воспитание толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья у детей старшего дошкольного возраста в условиях дошкольной образовательной организации: коллективная моногр. – Ростов-на-Дону: Издательство Международного исследовательского центра «Научное сотрудничество», 2016. – 202 с.
14. Проблемы семьи и детства в современной России: материалы научно-практической конференции. – Ульяновск: Практика. – 2008., ч. 2. – 41 с.
15. Слюсаев Ю.В. Основы оказания психологической помощи семьям с детьми-

инвалидами // Интеграция образования. – 2015. – №1. – С. 134.

16. Ткачева В.В. Семья ребенка с отклонениями в развитии: Диагностика и консультирование. – М.: Издательство «Книголюб», 2007. – 144 с.

17. Шац И.К., Коваленко В.В. Теория и методика обучения и воспитания. Социально-психологические детерминанты негармоничного воспитания в семьях детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. Том 3. – № 3. – С. 93-101.

18. Шпек О. Люди с умственной отсталостью: Обучение и воспитание: пер. с нем. А.П. Голубева. – М.: Академия, 2013. – 432 с.

19. Яговкина Л.С. Педагогические условия подготовки родителей к содействию образования детей с ограниченными возможностями здоровья: дис. на соиск. учен. степ. канд. п. наук. – Курган, 2010. – 257 с.

Камалова Айгуль Ирековна
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
магистрант кафедры дефектологии и клинической психологии
422621, Республика Татарстан, Лаишевский р-н,
д. Зимняя горка, ул. Солнечная, д.57
E-mail: ai190793@gmail.com

Минуллина Аида Фаридовна
доцент, кандидат психологических наук
Казанский (Приволжский) Федеральный Университет,
доцент кафедры дефектологии и клинической психологии
420133, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Лаврентьева д.24, кв.127

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ СТРАХОВ И ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА К ЧЛЕНАМ СЕМЬИ

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментально-психологического исследования уровня страхов и особенностей эмоциональной привязанности у детей с нарушениями слуха к членам своей семьи. В исследовании приняли участие 18 слабослышащих детей от 7-10 лет – 9 мальчиков и 9 девочек с сохранным интеллектом. Исследование проходило на базе Специальной (коррекционной) общеобразовательной школы I-II вида им. Е. Г. Ласточкиной г. Казань. В качестве инструментария использовались методика выявления детских страхов «Страхи в домиках» А. И. Захарова и М. Панфилова, «Шкала привязанности ребенка к членам своей семьи» А.И. Баркан, а также методы математической обработки данных. Полученные результаты позволили сформировать вывод о том, что существуют два механизма эмоционального неблагополучия при нарушениях слуха: социальный (нарушения детско-родительских отношений) и психологический (психодинамические процессы: страхи, тревожность, депрессия).

Ключевые слова: детско-родительские отношения, нарушения слуха, привязанность, эмоциональная привязанность, страхи, диагностика детских страхов.

Kamalova Aigul Irekovna
Kazan Federal University,
Master of the Chair of Defectology and Clinical Psychology
422621 Republic of Tatarstan, Laishevskiy district,
Zimnyaya Gorka, Solnechnaya street 57
E-mail: ai190793@gmail.com

Minullina Aida Faridovna
Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences
Kazan Federal University,
Associate Professor of the Department of Defectology and Clinical Psychology
420133 Republic of Tatarstan, Kazan,
Lavrentieva steet 24, apartment 127

STUDY OF THE LEVEL OF FEARS AND PARTICULAR QUALITIES OF EMOTIONAL ATTACHMENT IN CHILDREN WITH HEARING IMPAIRMENT FOR FAMILY MEMBERS

Annotation. This article presents the results of an experimental psychological study of the level of fears and particular qualities of emotional attachment in children with hearing impairment for their family members. The study involved 18 hard of hearing children from 7-10 years old - 9 boys and 9 girls with reserved intelligence. The study was conducted on the basis of the Special (correctional) general education school I-II of the name. E.G. Lastochkina, Kazan. As a tool used the method of identifying children's fears "Fears in the houses" AI Zakharov and M. Panfilov, "Scale of attachment of the child to members of his family" AI. Barkan, as well as methods of mathematical data processing. The obtained results allowed to form a conclusion that there are two mechanisms of emotional trouble in case of hearing impairments: social (violation of child-parent relations) and psychological (psychodynamic processes: fears, anxiety, depression).

Key words: child-parent relations, hearing impairment, attachment, emotional attachment, fears, diagnostics of children's fears.

В настоящее время особый интерес учёных направлен на исследование психических состояний детей с нарушениями слуха.

Основными проблемами семей, воспитывающих детей с нарушениями слуха являются коммуникативные, поведенческие и психологические проблемы. Нарушение внутрисемейного взаимодействия может повлечь за собой эмоциональный дискомфорт для ребенка с нарушениями слуха, который связан с ожиданием и предчувствием неприятных переживаний или опасности, выражающийся в тревожном состоянии. Детско-родительские отношения определяют не только личностное развитие, но и эмоциональное благополучие ребенка.

Психическое развитие детей с нарушением слуха – это особый тип развития, происходящего в специфических условиях взаимодействия с окружающим миром. Первичное нарушение слухового восприятия ведет к недоразвитию наиболее тесно связанных с ним функций речи, к замедленному развитию памяти, мышления, других познавательных, а также волевых и эмоциональных психических процессов. Объем внешних воздействий на ребенка сужен, взаимодействие со средой обеднено. Вследствие этого психическая деятельность такого ребенка упрощается, реакции на внешние воздействия становятся менее сложными и разнообразными. У детей с нарушением слуха отмечается замедление психического развития через некоторое время после рождения или после потери слуха и ускорение развития в последующие периоды при адекватных условиях обучения и воспитания [3, с. 116].

Развитие детей с нарушенной или сниженной слуховой функцией идет по дефицитарному типу, то есть под влиянием сенсорной депривации. Детско-родительские отношения формируются специфично, что обусловлено родительской фрустрацией. Кроме того, обучение детей с нарушением слуха осуществляется часто в условиях интерната. Отрыв от семьи в данном случае является еще одним депривирующим фактором. Это опосредовано искаженным формированием самооценки и самосознания и проецируется в переживаниях незащищенности, нестабильности и непредсказуемости жизни [2, с.33].

Цель данного исследования:

Провести экспериментально-психологическое исследование уровня страхов и особенностей эмоциональной привязанности у детей с нарушениями слуха к членам своей семьи.

Исследование проходило на базе Специальной (коррекционной) общеобразовательной школы I-II вида им. Е. Г. Ласточкиной г. Казань.

Контингент испытуемых: в экспериментально-психологическом исследовании приняли участие 18 слабослышащих детей от 7-10 лет – 9 мальчиков и 9 девочек с сохранным интеллектом.

Данное экспериментально-психологическое исследование проводилось в два этапа:

I) исследование уровня страхов детей с нарушениями слуха;

II) выявление эмоциональной привязанности младшего школьника с нарушениями слуха к членам своей семьи.

Для реализации поставленных целей были использованы следующие методики:

1. Методика выявления детских страхов «Страхи в домиках» А. И. Захарова и М. Панфилова [4, с.320].

2. «Шкала привязанности ребенка к членам своей семьи» А.И. Баркан [1, с.323].

3. Методы математической обработки данных.

Методологическую основу исследования составили: концепция о психических состояниях человека Н. Д. Левитова (1964) и концепция Т. В. Розановой об особенностях развития глухих детей (1986).

Психические состояния – это особая психологическая категория, которая отличается от психических процессов и психических особенностей личности и одновременно влияет на них, ими и детерминируется. С точки зрения Н. Д. Левитова, психические состояния – это психологическая характеристика личности, которая показывает относительно статические и перманентные моменты её душевных переживаний [6, с.137]. Учитывая данный постулат, Н. Д. Левитов определяет психическое состояние как особую психологическую категорию и понимает под нею целостную характеристику психической деятельности за определённый промежуток времени, которая выявляет своеобразие психических процессов в зависимости от отображаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и свойств личности [6, с.137].

Анализ полученных результатов.

В ходе экспериментально-психологического исследования уровня страха были получены следующие результаты (см. табл.1).

Таблица 1.

Выраженность уровня страхов у детей с нарушениями слуха

Группа страхов	Мальчики	Девочки	t-критерий Стьюдента (отклонения от среднего значения)		t-критерий Стьюдента (квадраты отклонений от среднего значения)		t _{кр} (критические значения)			
			мальчики	девочки	мальчики	девочки	p≤0.05	p≤0.01	tэмп	
<i>Медицинские страхи</i>										
Страх уколов	9	9	1.8	4.8	3.24	23.04	2.31	3.36	1.6	
Страх крови	8	7	0.8	2.8	0.64	7.84				
Страх врачей	7	5	-0.2	0.8	0.04	0.64				
Страх боли	6	-	-1.2	-4.2	1.44	17.64				
Страх болезни	6	-	-1.2	-4.2	1.44	17.64				
								Полученное эмпирическое значение t (1.6) находится в зоне незначимости.		
<i>Страхи, связанные с причинением физического ущерба</i>										

Страх неожиданных движений	8	8	3.25	3.75	10.5625	14.0625	2.45	3.71	0.2
<i>Страх темноты</i>									
Страх темноты и ночных кошмаров	-	4	-4.75	-0.25	22.5625	0.0625	2.45	3.71	0.2
<i>Пространственные страхи</i>									
Страх высоты	6	5	1.25	0.75	1.5625	0.5625	2.45	3.71	0.2
Страх маленького пространства	5	-	0.25	-4.25	0.0625	18.0625			
							Полученное эмпирическое значение $t(0.2)$ по страхам № 2,3 и 4 находится в зоне незначимости.		
<i>Социально-опосредованные страхи</i>									
Страх наказания	5	5	0.75	-1	0.5625	1	2.45	3.71	
Страх мамы и папы	5	4	0.75	-2	0.5625	4			
Страх одиночества	-	6	-4.25	0	18.0625	0			
<i>Страх смерти</i>									
Страх смерти родителей	7	9	2.75	3	7.5625	9	2.45	3.71	
							Полученное эмпирическое значение $t(1)$ по страхам № 5 и 6 находится в зоне незначимости.		

Список страхов, предложенный младшим школьникам с нарушениями слуха при проведении исследования, согласно авторам методики выявления детских страхов «Страхи в домиках» А. И. Захарова и М. Панфилова, можно разделить на несколько групп:

- медицинские страхи, связанные с источником сильных негативных эмоций;
- страхи, связанные с причинением физического ущерба;
- страх смерти;
- страхи животных и сказочных персонажей, связанные с непереносимостью эмоционального искажения образа близкого человека;
- страх темноты и кошмарных снов;

- социально-опосредованные страхи, связанные с боязнью ребёнка опоздать. Основа данного страха лежит в неопределённом и тревожном ожидании какого-либо несчастья.
- пространственные страхи, причиной возникновения которых является сигнал опасности [4, с.320].

Диагностическая работа с помощью данной методики позволила выявить общие для испытуемых особенности. Сравним полученные результаты.

Достоверные различия выраженности страхов у мальчиков и девочек с нарушениями слуха были выявлены с помощью *t*-критерия Стьюдента. Как видно из таблицы 1, различия средних величин по уровням страхов у мальчиков и девочек, статистически незначимы. Полученное эмпирическое значение $t_{\text{эмп}}$ по страхам № 1,2,3,4,5 и 6 находится в зоне незначимости. Это говорит о том, что различия по показателям страхов практически отсутствуют.

При оценке гендерных различий выявлены общие и характерные страхи. И мальчики и девочки младшего школьного возраста проявляют тревожность в группе следующих страхов: медицинские страхи, страх смерти, страх темноты, пространственные страхи, социально-опосредованные страхи.

Полученные в ходе исследования результаты дают основание предположить, что в сознании исследуемой категории детей окружающий мир воспринимается как потенциально или реально угрожающий комфортному существованию. Компенсация тревожности происходит через стремление к удовлетворению потребности в симпатии к окружающим, в близости, в проявлении теплых отношений. Если это оказывается невозможным, испытуемые стараются проявлять внешнее хладнокровие, что вызывает переутомление и повышенное нервное напряжение. Особенность личностного развития в этом возрастном периоде при нарушениях слуха проявляется в неудовлетворенности базовой потребности – потребности в безопасности, что объясняет возникновение пространственных страхов, страха темноты и страхов, связанных с причинением физического ущерба. Нарушения базовых потребностей вызывают нарушения в эмоциональной и поведенческой сферах (страхи, тревожность, депрессия).

Эмоциональное и познавательное развитие детей младшего школьного возраста достигает степени, при которой понимание опасности возрастает в значительное количество раз. Этим объясняется феномен, иллюстрирующий высокую степень актуальности переживания за собственную жизнь и жизнь близких людей. Возрастное увеличение количества страхов за свою жизнь и жизнь близких у младших школьников с нарушениями слуха свидетельствует о приоритетности задач жизнеобеспечения.

Можно предположить, что состояние тревоги, депрессивности и стресса усугубляется нарушением словесного общения, которое частично изолирует неслышащего и слабослышащего от окружающих его говорящих людей (в том числе и слышащих родителей). Постоянный дефицит в удовлетворении потребностей в общении ведёт к преобладанию отрицательных эмоций, к повышенной раздражительности и инертности.

Вынужденная социальная изоляция порождает у слабослышащих детей чувство тревоги, невротизирует и снижает их настроение, понижает активность. Это объясняет возникновение социально-опосредованных страхов, а также страха одиночества. Кроме того, обучение детей с нарушением слуха осуществляется часто в условиях интерната. Отрыв от семьи в данном случае является еще одним депривирующим фактором. Это опосредовано искаженным формированием самооценки и самосознания и проецируется в переживаниях незащищенности, нестабильности и непредсказуемости жизни [2, с.33].

При неразвитом чувстве общности у детей формируются невротические комплексы, что приводит к отклонениям в развитии личности. Неполная компенсация обуславливает возникновение комплекса неполноценности, изменяет жизненный стиль ребёнка, делая его тревожным, неуверенным в себе, конформным и напряжённым [6, с.137].

Исследование особенностей эмоционального отношения детей с нарушениями слуха к членам своей семьи позволило получить следующие результаты (см. табл.2).

Таблица 2

Особенности эмоционального отношения детей с нарушениями слуха к членам своей семьи

Объект привязанности	Мальчики	Девочки	t-критерий Стьюдента (отклонения от среднего значения)		t-критерий Стьюдента (квадраты отклонений от среднего значения)		t _{кр} (критические значения)		
			мальчики	девочки	мальчик	девочки	p≤0.05	p≤0.01	t _{эмп}
Мама	5	4	1.6	0.6	2.56	0.36	2.31	3.36	0
Папа	4	4	0.6	0.6	0.36	0.36			
Брат	4	2	0.6	-1.4	0.36	1.96			
Сестра	-	4	-3.4	0.6	11.56	0.36			
Бабушка	4	3	0.6	-0.4	0.36	0.16			

Согласно данной методике, член семьи, набравший наибольшее количество баллов, является тем, к кому больше всего привязан ребенок. Член семьи, набравший наименьшее количество баллов или не набравший ни одного балла, чаще всего является источником дискомфорта для ребенка в семье [1, с.323].

Достоверные различия эмоциональной привязанности к членам семьи у мальчиков и девочек с нарушениями слуха были выявлены с помощью t-критерия Стьюдента. Как видно из таблицы 2, различия средних величин по показателям эмоциональной привязанности к членам семьи у мальчиков и девочек, статистически незначимы. Полученное эмпирическое значение t_{эмп} (0) находится в зоне незначимости. Это говорит о том, что различия по показателям практически отсутствуют.

Полученные результаты исследования позволяют утверждать, что в семьях испытуемых преобладает положительное отношение к обоим родителям. Однако, мать является центральным объектом эмоциональной привязанности у мальчиков. В свою очередь, у девочек отсутствует центральный объект привязанности, в отличие от мальчиков. У девочек менее выражена эмоциональная привязанность к братьям, но по отношению к сестрам слабослышащие девочки показали равные баллы, как и по отношению к родителям. Мальчики испытывают равное отношение как к папе, так и брату, но отсутствуют показатели по отношению к сестрам. Также, дети показали средние результаты по отношению к бабушке, как к члену семьи.

В целом, можно утверждать, что в семьях испытуемых присутствует эмоциональный комфорт и практически равное отношение между всеми членами семьи. В дошкольном и младшем школьном возрасте ребенок в качестве авторитета видит человека, проводящего с ним наибольшее количество времени. Данная тенденция также обнаруживается в результатах, полученных по методике А. Баркан [5, с. 405].

Выявление взаимосвязи между уровнем тревожности детей с нарушениями слуха и детско-родительскими отношениями.

Детско-родительские отношения в семьях детей с нарушениями слуха формируются специфично, что обусловлено родительской фрустрацией и пролонгированной депрессией членов семьи.

В ходе экспериментально-психологического исследования были проведены две методики: методика выявления детских страхов «Страхи в домиках» А. И. Захарова и М. Панфилова и «Шкала привязанности ребенка к членам своей семьи» А.И. Баркан. На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что существуют два механизма эмоционального неблагополучия при нарушениях слуха: социальный (нарушения детско-

родительских отношений) и психологический (психодинамические процессы: страхи, тревожность, депрессия).

На эмоциональный фон слабослышащих детей оказывает влияние преобладающий стиль воспитания в семье, который влечет за собой ответную реакцию. Это могут быть реакции в виде хладнокровия, фанатичности или любви. У детей с комплексными нарушениями тревожное состояние связано со снижением или, наоборот, усилением контроля родителей.

Сравнительный анализ позволяет выявить наибольшее число взаимосвязей между показателями страхов ребенка и эмоциональной привязанности к членам семьи: страх смерти родителей, страх мамы и папы, страх быть наказанным. Одной из причин данных страхов может быть противоречивая позиция родителей по отношению к своим детям: с одной стороны родители инвалидизируют ребёнка, сопротивляются предоставлению ему свободы и самостоятельности, а с другой – желают более быстрого его развития, преодоления социальных последствий нарушения, болезненно воспринимают неудачи ребёнка в обучении и общении с окружающими.

Важно отметить, что привязанность слабослышащих детей к матерям объясняется тем, что в семьях, воспитывающих детей с нарушением слуха, доминируют мамы. Им в большей степени свойственны ощущение самопожертвования и зависимость от семьи. Они стараются развивать активность детей и приучать их к самостоятельности как можно раньше, чрезвычайно вмешиваясь в их дела, хотя в тоже время говорят об уравнивательных отношениях в семье. Отцов характеризует недостаточная включенность в дела семьи.

Для младших школьников с нарушениями слуха характерны трудности самовыражения, отсутствие чувства общности с семьей, наблюдается потребность в общении (страх одиночества) и защищенности (пространственные страхи, страхи, связанные с причинением физического ущерба).

Компенсация тревожности происходит через стремление к удовлетворению потребности в симпатии к окружающим, в близости, в проявлении теплых отношений. Если это оказывается невозможным, слабослышащие дети стараются проявлять внешнее хладнокровие, что вызывает переутомление и повышенное нервное напряжение. Для развития личности ребенка с нарушением слуха социальные условия семейного воспитания можно считать решающими. От взаимоотношений с родителями и членами семьи зависит эмоциональный фон, становление личности и взаимодействие их ребёнка с окружающей средой.

Список использованных источников:

1. Баркан А.И. Плохие привычки хороших детей. Учимся понимать своего ребенка. – М.: Дрофа-Плюс, 2004. С.323-352.
2. Волкова В. М. Взаимосвязь стиля семейного воспитания и проявлений тревожности у детей подросткового возраста с нарушением слуха / В. М. Волкова, Е. В. Хлыстова // Специальное образование. – 2013. – № 1 (29). – С. 33–39.
3. Грязных К. Н. Диагностика тревожности у дошкольников с нарушением слуха / К. Н. Грязных, Т. Н. Филютина // Изучение и образование детей с различными формами дизонтогенеза: матер. всероссийской науч.-практич. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и слушателей. – Екатеринбург, 25 апреля 2013 г. – С. 116–120.
4. Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. – СПб.: Речь, 2007. С.320.
5. Минуллина А. Ф. Исследование эмоциональной привязанности к родителям у единственных и неединственных детей. Проблемы современного педагогического образования / А.Ф. Минуллина, Э. И. Муртазина // Педагогика и психология. – Сб. статей. – Ялта: РИО ГПА, 2016. С. 405-411.
6. Фёдорова А. А. Особенности психических состояний детей младшего школьного возраста, имеющих дефекты слуха / А. А. Фёдорова, О. Е. Марченко // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2015. – №12. – С. 137–139.

Флорова Юлия Александровна
ГБУ ГППЦ ДОгМ,
Педагог-психолог
127560 г. Москва, Коненкова, 14-136
E-mail: solomonja@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КАНИСТЕРАПИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ С СЕМЬЯМИ, ВОСПИТЫВАЮЩИМИ ДЕТЕЙ С ОВЗ

Аннотация. В статье представлен психологический опыт работы с применением метода канистерапии в психологическом консультировании семей имеющих детей с ОВЗ. Приведены примеры использования собаки как средства позволяющего облегчить создание терапевтического альянса между травмированным клиентом и психологом. Показано как смещение внимания на собаку позволяет снизить тревожность у травмированного родителя, переключить его от тягостных переживаний на необходимую в работе ресурсную позицию.

Ключевые слова: канистерапия, семейное консультирование, дети с отклонениями в развитии, коррекция и реабилитация.

Frolova Yulia A.
Government psychology educational Centre, Department of Education, Moscow
Councillor-tutor
136-14, Konjenkova st., Moscow, 127560
E-mail: solomonja@mail.ru

THE APPLICATION OF THERAPY DOGS IN PSYCHOLOGICAL COUNSELLING WITH FAMILIES BRINGING UP DISABLED CHILDREN

Abstract. The article presents the experience of using the canistherapy in psychological counseling of families with children with disabilities. The author gives examples of cases of using a dog as a means to facilitate the establishment of a therapeutic alliance between the injured client and a therapist. It is shown how the shift of attention to the dog can reduce anxiety in an injured parent and switch it from painful experiences to the necessary resource position in the work.

Keywords: therapy dogs, consultation, children with developmental disabilities, correction and rehabilitation.

Основу данной статьи составил обобщенный практический опыт работы педагогов-психологов группы «Канистерапия» ГБУ ГППЦ ДОгМ по оказанию консультативной и психологическую помощь с использованием специально обученных собак семьям, в которых находятся дети с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья) имеющие нарушения психофизического развития различной степени тяжести. Канистерапия или терапия с собакой-ассистентом - это междисциплинарный метод, используемый в медицинской, социальной, психологической реабилитации и адаптации детей и взрослых. [1]. На сегодняшний день нет исчерпывающих данных, подтверждающих эффективность этого направления, но наблюдаемые изменения и позитивные моменты говорят в пользу жизни и развития этого молодого направления помощи людям. [3] В период с 2015 по 2018 гг. специалистами проектной группы Канистерапия ГБУ ГППЦ ДОгМ была оказана психологическая помощь более 350 семьям с детьми, имеющим отклонения в психофизическом развитии в возрасте от двух до восемнадцати лет, и родителям, дети которых попали в тяжелые жизненные ситуации и были психологически травмированы.

Рождение ребёнка-инвалида или его тяжёлая болезнь накладывают отпечаток не только на него самого, но и на всю семью: существенно меняются особенности внутрисемейного взаимодействия и способности выхода семьи из проблемных ситуаций. Возрастает эмоциональное напряжение между всеми членами семейной системы, так как инвалидизация всегда затрагивает не одного человека, но и всех его родных и близких. Особенно болезненно воспринимается юридическое подтверждение болезни ребенка при прохождении врачебных и/или психолого-педагогических комиссий, так как установление факта заболевания ребёнка является для родителей ситуацией психологического шока. Реализация собственных планов становится проблематичной, неясны перспективы в отношении судьбы ребёнка. Сами родители, как правило, оказываются не готовыми к такому испытанию [1].

Нуждаясь в психологической помощи, травмированный родитель зачастую отказывается от предлагаемых консультаций, при этом нередко погружаясь в отчаяние, не имея возможности самостоятельно построить иной, позитивный, сценарий собственной жизни. В большом количестве случаев пройти занятия с психологом семьям, имеющим детей с ОВЗ, рекомендуют специалисты образовательного учреждения или врачи [2]. В этом случае «заказчиком» и «заинтересованным лицом» является не семья (родители), а направившая ее организация или специалист. Уровень мотивации родителей и степень включенности в занятия – значительно ниже, чем при самостоятельном обращении. Все эти факторы усиливают болезненные переживания родителей и заранее обесценивают работу психолога в их глазах [1]. Столкнувшись с этой проблемой, психологи проектной группы «Канистерапия» стали оставлять собаку-терапевта в кабинете во время проведения семейных консультаций, предварительно спросив разрешения у родителей. Было отмечено более быстрое налаживание доверительных отношений между психологом и родителем, выраженное снижение агрессии у родителя, впервые пришедшего на консультацию с намерением «воевать» со специалистом, отстаивая свою правоту. Смещение внимания на собаку позволяло непринужденно разрядить обстановку, снизить тревожность у клиента, переключиться от тягостных переживаний на позитивные эмоции. Присутствие обученной собаки на занятиях помогает психологу создать теплую принимающую обстановку, ощущение безопасности у клиента и, в итоге, позволяет травмированному родителю ощутить поддержку, прочувствовать собственные переживания и рассказать о них, и чуть позже, в процессе консультации, реально оценить актуальные возможности ребенка, собственные силы, перспективы развития.

Родители могут испытывать тревогу опасаясь допустить ошибки, которые могут ухудшить состояние ребёнка. Эти переживания дополнительно усложняют работу специалиста. Сильные негативные переживания и непонятный прогноз, неизвестность приводит к хаотичности действий со стороны родителя либо к перфекционизму, проявляющемуся в частой смене специалистов, методов и методик, завышенным требованиям к психофизическому развитию ребенка, разочарованию и обесцениванию предлагаемой помощи. Родители часто не понимая своего ребенка, не оценивая адекватно его возможности, гиперопекают его, тем самым формируя «синдром выученной беспомощности». Для ребёнка перфекционистские представления родителей становятся дополнительным стрессом, затрудняют процесс развития, тормозят возможное развитие навыков и умений.

При работе с семьей, в которой воспитывается ребёнок с ОВЗ, возникают значительные сложности по выработке адекватной позиции каждого члена семейной группы для успешного функционирования семьи. Для продуктивной эффективной работы в терапевтическом альянсе между психологом и клиентом необходимо доверие, а как раз его то и помогает создать использование собаки-терапевта как универсального катализатора и фасилитатора процессов взаимодействия, необходимых специалисту.

Психологическая помощь специалистами проектной группы «Канистерапия» оказывается не только в индивидуальной, семейной, но и в групповой форме. Группы психологической помощи для родителей формируются в ГБУ ГППЦ ДОГМ в начале

учебного года. В эти группы могут записаться родители детей, посещающих психологические занятия с применением метода канистерапии. Группы являются открытыми, что позволяет присоединяться новым участникам и каждому двигаться в своем комфортном для него темпе.

Далее приведены примеры использования собаки терапевта при индивидуальной и групповой работе в психологическом консультировании:

1 В процессе знакомства с группой родителей на первых занятиях, специалистом было отмечено выраженное тревожно агрессивное эмоциональное состояние всех членов группы. Группа состояла из 4 человек, это были мамы, обратившиеся за психолого-педагогической помощью в Центр и все они имели детей с тяжелыми сочетанными нарушениями развития. В процессе первой встречи было высказано недоверие к возможностям оказания помощи детям не только специалистами Центра, но и всеми, с кем эти родители имели опыт взаимодействовать. Из беседы с родителями стало понятно, что коррекционная помощь для их детей, оказывалась хаотично, родители меняли специалистов, не удерживались в коррекционной работе для закрепления навыков и получения результатов. При этом они обесценивали достижения собственных детей не принимая их реальное состояние и завышая требования к результатам. На первом занятии между родителями, уже на стадии знакомства друг с другом, создалась конфликтная ситуация с выраженной вербальной агрессией клиентов по отношению друг к другу, при попытке специалиста дать обратную связь наблюдаемым процессам он так же стал являться объектом агрессивного поведения со стороны родителей. Так как все дети родительской группы посещали психологические занятия с использованием метода канистерапии, родители были знакомы с животными, участвующими в коррекционном процессе, доброжелательно относились к ним, считали психологические занятия важными и эффективными для своих детей, педагогом-психологом, проводившим занятия с родительской группой было принято решение использовать на занятии специально обученную собаку. С разрешения всех участников собака пассивно присутствовала уже на втором занятии, но она не проявляла активность и не контактировала с родителями без их желания. Специалист никак не руководил действиями собаки-терапевта. Но не мешал проявлению любой активности по отношению к животному у любого члена группы. С первых минут появления животного было отмечено выраженное снижение общего напряжения между всеми членами терапевтического процесса. Отмечалось общее расширение спектра позитивного реагирования, члены группы начинали шутить обсуждая поведение собаки, самостоятельно подзывали ее, старались погладить ее, прикоснуться к ней, руководили ее действиями давая команды. Данная ситуация позволяла продвинуться в достижении целей психолога по сплочению группы, созданию ощущения безопасности, групповой поддержки и как следствию продвинуться в групповой динамике по формированию необходимых психологических процессов. В дальнейшем, среди родителей возросло доверие друг к другу, появилась возможность проговаривать наиболее болезненные моменты, прорабатывать их в кругу получая поддержку и одобрение. Данная работа позволила снизить непереносимость страданий и открыто говорить о проблемах, включиться в поиск адаптивного решения выхода из травмирующей ситуаций. Постоянно отмечалось, что при работе с тяжелыми эмоционально заряженными темами родитель, который рассказывал о своих переживаниях старался иногда физически притянуть к себе собаку, и рассказывая автоматически держался за нее погружая руки в шерсть животного. В конце занятия, при получении обратной связи родители отмечали помощь от собаки, как будто держась за шерсть животного они могли пережить ту боль с которой отваживались встретиться и поделиться в группе. Собака-терапевт по просьбе всех родителей, посещающих группу психологической помощи присутствовала в течении всего учебного года и в дальнейшем использовалась как эффективное средство, помогающее в работе психолога. Ни один из участников данной группы ранее не имел опыта обращения за психологической помощью, в конце года многие мамы отмечали поддерживающую роль присутствия собаки особенно на первых занятиях, так как им было очень сложно не только

говорить о своих чувствах, но даже думать о них. Все мамы из группы психологической помощи для родителей посещали занятия в течении всего года и дали очень высокую оценку работы психолога.

Отдельно можно отметить работу с сильным чувством вины у родителей тяжело больных детей. Это чувство бывает разрушительным и настолько глубоким, что не даёт жить полной жизнью, и без профессиональной поддержки с этим почти не представляется возможным справиться.

2. Данный пример иллюстрирует работу педагога-психолога во время первичного консультирования по вопросам пристраивания коррекционного маршрута для ребенка 5 лет, с выраженными когнитивными нарушениями в психическом развитии. За психологической помощью в Центр обратился отец ребенка, который буквально на днях получил окончательное подтверждение наличия у ребенка генетического дегенеративного заболевания. Мужчина будучи по профессии врачом был полностью информирован о возможностях и последствиях болезни для ребенка. Самостоятельно обратившись за психологической помощью придя на занятие в назначенное время, он при этом не шел на контакт с психологом, не встречался взглядом со специалистом, отворачивался, телесно был напряжен (закаменел), амимичен с плотно сжатыми губами. Во время консультации в кабинете находилась большая пушистая собака, штатная собака-терапевт проектной группы «Канистерапия». Собака по команде специалиста, подошла и села около мужчины почти касаясь ноги пушистым боком, как будто почувствовав напряжение человека развернув к нему голову и посмотрев в глаза. Со стороны было похоже, что она выражает свое сочувствие и как может пытается оказать поддержку. Лицо мужчины смягчилось, он развернулся к собаке, наклонился к ней лицом, прижался лбом о лоб собаки и стал ей рассказывать про испытываемый им ужас. По его лицу текли слезы, он в течении получаса говорил исключительно с собакой. Его лицо смягчилось, кулаки разжались, он ссутулился. Психолог деликатно включающийся в процесс беседы смогла почувствовать боль клиента, присоединится к нему в его переживаниях, в дальнейшем это позволило установить доверие так необходимое при такой работе. Отец ребенка в последствии в течении года посещал психологические консультации считая работу психолога для себя эффективной и полезной и всегда просил, что бы в кабинете, во время консультации с ним рядом была собака-терапевт.

3. Третий пример рассказывает про возможности как прямого использования собаки-терапевта как средства для работы психолога. Так и опосредованное использование образов собаки при работе с проекциями. На индивидуальное консультирование обратилась женщина, имеющая ребенка-инвалида старшего подросткового возраста. Ее ребенок давно посещал занятия на которых использовался метод канистерапии, но мама обратилась за консультативной помощью впервые. Она сама сразу попросила, что бы на занятии присутствовала собака. В запросе у мамы был поиск ресурса, возможность жить, а не «медленно умирать вместе с сыном». На предложение поискать ресурсные моменты, приносящие радость и удовольствие женщина реагировала агрессивно, считая собственное состояние ужасным, неподдающимся исправлению, а возможность радоваться и получать удовольствие от жизни –ощущала, как предательство по отношению к сыну. В процессе работы, рассказывая про себя женщина постоянно поглаживала собаку, обнимала ее, старалась прижаться к ней телом. Она говорила, что собака, находящаяся с ней рядом дарит ей ощущение покоя, и любви. Используя в работе различные техники психологической помощи специалист предложил клиентке пофантазировать и представить себя в наиболее комфортном для себя месте, позволив себе хотя бы в воображении ощутить себя в безопасности. Клиентка астеничного телосложения, сидела согнувшись бессильно опустив голову и держала руку на шее собаки. Она сказала, что представила себя в таком месте, но ей все равно чего-то не хватает. На предложение психолога представить себе нечто, что может помочь ей обрести силы и душевное спокойствие в образе, женщина внезапно выпрямилась, закрыла глаза и стала рассказывать, что она видит себя в сверкающих серебряных латах в роли главнокомандующего и рядом с ней идет большая (огромная) собака белого цвета. На

вопрос психолога – это ваша собака, что она значит для вас – женщина ответила, что это ее сила, и поток энергии который исходит из собаки дает ей силы и радость. После консультации женщина держалась прямо, улыбалась, вспоминала как раньше в жизни, она всегда была на главных ролях. Психолог в процессе работы помог ей вспомнить ресурсное состояние в котором она ощущала себя успешной и осознанно присвоить его. В дальнейшем приходя на консультации удалось выработать адаптивный путь развития семейного сценария для этой клиентки, найти ресурсную нишу, увидеть возможности для получения помощи по уходу и содержанию ребенка. В течении всего года эта женщина рассказывала, что когда чувствует себя плохо то мысленно представляет рядом с собой большую белую собаку которая помогает и охраняет ее, (она ее стала называть своим аватором) и ей становится легче.

Находясь в поле работы психолога создается ощущение, что собаки сами ощущают тяжесть переживаний людей, подходят, кладут голову на колени, иногда трогают лапой, иногда просто сидят рядом тем самым создавая ощущение поддержки и понимания. Родитель, испытывающий тяжелые переживания, порой не замечает, как успокаивается, автоматически поглаживая собаку у него высыхают слёзы, перестаёт дрожать голос, он выныривает из ощущения горя и безнадёжности и ощущая поддержку начинает поиск в решении проблем.

В числе основных запросов от родителей можно выделить наиболее часто встречающиеся:

- Поиск ресурса и возможности построить свою жизнь при наличии кризисных ситуаций

- Работа по составлению и укреплению семейных норм и правил.

- Работа с семейными ритуалами, со стигматизацией и внутренними мифами.

При включении собаки – терапевта как средства психологического воздействия между психологом и клиентом легче и быстрее образуется необходимый терапевтический альянс, возникает ощущения доверия и безопасности. И тогда эффективно удается помочь в изменении патологичного сценария, повлиять на стратегии разрешения конфликтов: прийти к открытому обсуждению проблем, поиску совместных конструктивных решений.

Список использованных источников:

1. Бебчук М.А., Щедринская О.М. - Семья ребенка с нарушениями в психическом здоровье и/или в развитии: задачи, принципы и мишени консультативной и психотерапевтической помощи. [электронный ресурс] – Режим доступа.-URL: https://www.familyland.ru/library/sciencearticle/sciencearticle_300

2. Мальцева М.Н. Канистерапия. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <https://rehabrus.ru/index.php?id=483>

3. Минигалиева М.Р. Алгоритмы консультирования семей и детей с особыми нуждами. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.psyppress.ru/articles/22631.shtml>

4. Субботин А., Ращевская Л. - Лечебная кинология. Теоретические подходы и практическая реализация. — М.: Макцентр, 2004.

*Свиридова Татьяна Васильевна
Лазуренко Светлана Борисовна
Ртищева Марина Сергеевна
Афоница Мария Сергеевна*

*ФГАУ Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей МЗ РФ
119991, г.Москва, Ломоносовский проспект, 2/62, стр.3
Лаборатория специальной психологии и коррекционного обучения
e-mail: labspiko@gmail.com*

АНАЛИЗ КЛИНИЧЕСКИХ СЛУЧАЕВ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ С РЕБЕНКОМ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Аннотация: проанализированы 75 случаев жестокого обращения родителей с детьми с ограниченными возможностями здоровья, определения причин и необходимые виды помощи семье, способствующих их предупреждению.

Ключевые слова: жестокое обращение, приверженность лечению, дети с ограниченными возможностями здоровья.

Abstract: 75 cases of cruel treatment of parents with children with disabilities, analysis of causes and necessary types of assistance to the family that contribute to their prevention have been analyzed.

Key words: cruel treatment, adherence to treatment, children with disabilities.

Актуальность. Важнейшей задачей современного общества является укрепление института семьи и повышение ее социального статуса. Для этого государство принимает различные социальные и экономические меры, предоставляет семье определенные права и наделяет ее членов большими полномочиями относительно сохранения жизни и здоровья, воспитания и обучения ребенка.

К сожалению, на фоне снижения воспитательной функции семьи и кризиса института семьи, в целом, наблюдается увеличение случаев нарушения родителями прав ребенка на сохранение его здоровья, психического развития и социального благополучия (ст. 20 Конституции РФ и ст. 63 СК РФ; ст. 56 СК РФ; п. 2 ст. 54 СК РФ).

Согласно статистическим данным Следственного комитета Российской Федерации, в 2015 году 1,9 тысяч детей стали жертвами преступного посягательства со стороны близких, около двух миллионов детей избивались родителями, более 10 тысяч несовершеннолетних стали инвалидами в результате совершения против них преступлений.

В связи с тем, что действующее Российское законодательство не содержит правовых критериев и норм, позволяющих оценить качество исполнения родительских функций, в опубликованных статистических данных отражены только факты грубого физического насилия. Фиксация и описание часто распространенных в педиатрической практике неявных случаев жестокого обращения, в результате которых родителями наносится существенный вред здоровью ребенка, практически отсутствуют.

Несмотря на высокую социальную значимость данной проблемы, до сих пор не предложены эффективные и действенные меры профилактики жестокого обращения в семье, воспитывающей хронически больного ребенка, что послужило основанием для проведения настоящего исследования.

Его **целью** стало изучение фактов жестокого обращения родителей к ребенку с ограниченными возможностями здоровья для определения причин и необходимых видов помощи семье, способствующих их предупреждению.

Выборка. Проанализировано 75 случаев жестокого обращения с детьми родителями. Все дети (12 мес. - 17 л.) находились на лечении в ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Министерства Здравоохранения Российской Федерации. По структуре хронических нарушений здоровья у детей: 53 чел. – соматические болезни и 22 чел. – болезни нервной системы.

Методики: анализ нормативных документов и актов в отношении защиты прав ребенка от злоупотребления со стороны родителей, анализ медицинской, документации детей, анализ результатов стандартного психолого-педагогического обследования детей, систематизация и статистическая обработка полученных результатов.

Результаты.

Исследование показало, что основными социально-психологическими факторами, которые могут способствовать проявлению жестокости со стороны родителей к ребенку с ограниченными возможностями здоровья, являются:

- низкий образовательный, культурный уровень родителей в сочетании с недостаточным материальным доходом – 15 случаев (20%);
- патохарактерологические особенности родителей (эмоциональная несдержанность, повышенная возбудимость, импульсивность, психопатоподобные состояния) – 15 случаев (20%);
- асоциальное поведение родителей (алкоголизм, наркомания и др.) – 6 случаев (8%);
- психоэмоциональные особенности и состояние родителей: физическая и эмоциональная усталость, подавленность, утрата надежды, чувство бессилия и безысходности вследствие длительного стресса в ситуации отсутствия социальной помощи и поддержки, информации о реальных особенностях и возможностях развития ребенка, незнания о возможности получения специализированной медицинской и педагогической помощи – 40 случаев (53,3%);
- особенности потребностно-мотивационной сферы родителей: личностная незрелость, отсутствие готовности к длительному и систематическому осуществлению ухода за ребенком, склонность к рентным установкам – 32 случая (42,6%);

Данные указывают на то, что в меньшей степени склонны к проявлению жестокости родители детей раннего возраста в меньшей степени детей раннего – 5 чел. (6,6%). Возможно, это обусловлено физической и психологической беспомощностью ребенка, боязнью родителей нанести ему физический вред и страхом за его жизнь.

Небольшое количество случаев жестокого обращения в семьях, воспитывающих подростков – 8 чел. (10,7%) обусловлено большей психологической зрелостью детей и возможностью физически и психологически защитить себя.

Поэтому в большинстве случаев жестокое обращение со стороны родителей зарегистрировано в отношении детей старшего дошкольного – 24 чел. (32%) и младшего школьного – 38 чел. (50,7%) возрастов.

Согласно полученным данным, рост жестокого обращения родителей с большими детьми дошкольного и младшего школьного возраста обусловлен, прежде всего, увеличением материальных, временных и эмоциональных затрат взрослых, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья, их недостаточной педагогической компетентностью. Именно в период поступления в детский сад или школу меняется социальный статус ребенка. Требования общества к детям этого возраста значительно возрастают и ребенок должен в определенной степени соответствовать им, в связи с чем, родители детей с ограниченными возможностями здоровья все чаще сталкиваются с проблемами воспитания и обучения.

Установлено, что в 54 случаях (72%) родители, практикующие физическое насилие, не желают зла своему ребенку, а проявляют жестокость стихийным образом в воспитательных целях. Постепенно у детей формируется защитный механизм в виде ответной агрессии, при котором родителям все труднее достичь желаемых результатов в виде послушания. Для восстановления контроля над ситуацией они усиливают проявления жестокости в отношении

ребенка, нанося вред его здоровью и травмируя детскую личность. Во всех этих случаях, участники этой драмы становятся заложниками тяжелой психологической ситуации, в которой нет победителей, а все без исключения – жертвы.

Важно отметить, что ни в одном из 75 случаев (100%), жалоб специалистам или в государственные органы на жестокое обращение родителей, либо пренебрежительное отношение к лечению не поступало ни со стороны учреждений образования, ни от членов общества, ни от дальних родственников, ни от детей. Это было обусловлено тем, что факт жестокого обращения не был вопиющим и не имел явных грубых физических последствий в виде травм. Конечно же, сами дети, не воспользовались существующим правовым механизмом в силу личностной незрелости, отсутствия необходимых социальных навыков, значительных ограничений физических и познавательных возможностей, моральных соображений.

Таким образом, факт жестокого обращения был установлен и подтвержден только в ходе комплексного медико-психолого-педагогического обследования в учреждении здравоохранения.

Отсутствие медико-социально-педагогической поддержки семьи больного ребенка и правового контроля со стороны государства вызывает стихийное исполнение взрослыми своих обязанностей, что негативно влияет на процесс лечения и воспитания, приводит к усугублению тяжести течения болезни.

Для устранения или профилактики жестокого обращения с ребенком в семье и пренебрежительного отношения к лечению, необходима длительная комплексная медико-психолого-педагогическая поддержка и ребенка и родителей с момента постановки диагноза.

Необходимо усилить профилактические меры по выявлению фактов жестокого обращения с ребенком в семье, особенно в дошкольном и младшем школьном возрастах. Данная проблема может быть решена путем включения психологической консультации в стандарт ежегодных профилактических медицинских осмотров ребенка или при оценке эффективности реализации индивидуальной реабилитационной программы с целью повышения родительской компетентности в вопросах лечения и воспитания, а также мониторинга детско-родительских отношений и социальной ситуации развития ребенка.

Специалистам (педиатрам, психологам), особенно при первичном контакте с родителями ребенка, имеющего хроническое течение болезни, требуется уделять особое внимание информированию взрослых по ключевым вопросам тактики и стратегии восстановления здоровья, здоровьесберегающим технологиям воспитания детей с учетом их психофизических возможностей. Обучение родителей желательно проводить доступным для родителей языком, подкреплять демонстрацией и наглядным материалом (брошюрой, памяткой).

Семьи, в которых выявлен риск нарушения прав ребенка, должны быть обеспечены дополнительной социальной, педагогической и психологической поддержкой, которая позволила бы им вовремя получать необходимую помощь специалиста и повышать качество выполнения своих родительских обязанностей. В ряде случаев требуется психиатрическое освидетельствование и лечение взрослых.

Требуется внести изменения и поправки в действующее законодательство в части определения профилактических и регулирующих мер со стороны общества и государства в отношении нарушения прав детей в семье, введения системы общественного и административного мониторинга процесса домашнего воспитания ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

Важно привлечь общественное внимание к фактам жестокого обращения с детьми в семье и проблеме пренебрежительного отношения родителей. Для этого возможно использовать приемы социальной рекламы, которые пропагандируют ответственное отношение к роли родителя и семейные ценности, мотивируют близких ребенка на обращение к специалистам в случае возникновения воспитательных или иных трудностей.

Выводы.

Таким образом, в основе жестокого обращения родителей с детьми с ограниченными возможностями здоровья лежит сочетание факторов: недостаточный уровень специальных медицинских и психолого-педагогических знаний и навыков ухода за больным ребенком, личностная и социальная незрелость, асоциальная направленность, патохарактерологические особенности личности, психоэмоциональные особенности и состояние родителей, особенности потребностно-мотивационной сферы родителей.

Систематическая медико-психолого-педагогическая поддержка ребенка с ограниченными возможностями здоровья позволит выявить риск возникновения жестокого обращения с ребенком и оказать своевременную дифференцированную помощь семье.

Соболенкова В.С.

кандидат медицинских наук, врач-педиатр, ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет», г. Тула, доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней; . ГУЗ «ГКБСМП им. Д.Я. Ваныкина», г.Тула

Федоров С.Ю.

кандидат медицинских наук, доцент. ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет», г. Тула, , заведующий кафедрой поликлинической медицины.

Шериф Л.А.

ГУЗ «ГКБСМП им. Д.Я. Ваныкина», г.Тула

Лякин А.А.

кандидат медицинских наук, доцент. ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет», г. Тула, доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА УРОВНЯ ТРЕВОГИ У ДЕТЕЙ, ПЕРЕНЕСШИХ ТРАВМУ, И ДЕТЕЙ С ХРОНИЧЕСКОЙ ОРТОПЕДИЧЕСКОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

Актуальность исследования.

Считается, что понятие «психосоматическая медицина» сформировано в 1922 Felix Deutch, однако это направление в медицине известно с древности и широко использовалось, например, в аюрведе. В наши дни в случае многих патологических соматических расстройств выделяют различные нарушения психической сферы не только, как следствие заболевания, но и как причинный фактор. Так, школьная тревожность, которая часто сопутствует началу обучения, переходом из начальной школы в среднюю и окончанием средней школы, может приводить к нарушению не только когнитивной, личностной и поведенческой сфер, может сопровождаться рядом соматических и вегетативных симптомов: мышечное напряжение, потливость, тахикардия, одышка, боли в спине, головные боли, головокружение, учащенное мочеиспускание и т.д. (2) Частота тревожности среди детского населения может составлять 18% (4). Тревожные, эмоционально лабильные дети чаще подвержены головным болям напряжения и синдрому вегетативной дисфункции, наиболее часто регистрируемым состояниям у детей (2). Среди основных провоцирующих факторов этих заболеваний выделяют психоэмоциональное напряжение. Способность реагировать на стрессы у каждого человека разная. Индивидуальный стрессовый порог и суммация факторов, оказывающих стрессовое воздействие - условия реализации симптомов и жалоб (3). Наиболее уязвимыми дети в этом случае являются дети с изначально нестабильным психоэмоциональным фоном. В своей работе по возможностям купирования тревожных расстройств, проводимой в условиях педиатрического поликлинического приема, поводом к первичному обращению послужили следующие жалобы: приступы головокружения и головные боли до 5 раз в неделю, повышенная утомляемость негативные мысли, обморочные состояния. Родители оценивали уровень тревоги у всех детей в 10 баллов по десятибалльной шкале. У всех детей отмечалось расстройство сна отмечалось расстройство сна с трудностями засыпания, частыми пробуждениями, и даже у некоторых - с ночными кошмарами. Эти дети находились под наблюдением невролога со следующей патологией: тики, СВД, невротические расстройства. Кроме того, у них с высокой частотой регистрировались аллергические заболевания, дискинезия желчевыводящих путей.

Тревожные симптомы изначально возникают как ответная реакция на стрессовую ситуацию и являются проходящими, имеют при этом адаптационное значение Закрепление и ведет к накоплению и углублению отрицательных эмоций, способствующих увеличению и

сохранению тревожности в дальнейшем, вызывая не только психологический дискомфорт, но и формируя нарушения физического здоровья

В группу тревожных расстройств входят панические расстройства, фобии, а также посттравматическое стрессовое расстройство. Последнее обусловлено пережитым ранее стрессовым событием, которое постоянно возникает в мыслях, заново. Наиболее уязвимы в этом отношении дети, когда даже поход к стоматологу может сформировать тревожное расстройство. Кроме того, существуют определенные "возрастные пики тревожности", которые являются следствием социальной адаптации. Школьная тревожность возникает в условиях образовательной среды. Особенно усиливает проявление школьной тревожности наличие соматических заболеваний у детей (3). И, наоборот, купирование тревоги уменьшает проявления соматической патологии.

Цель исследования: выявить уровень тревожности у детей школьного возраста, находящихся на лечении в детском ортопедотравматологическом отделении после перенесенной травмы и на фоне хронической ортопедической патологии.

Объекты и методы исследования. В исследовании приняли участие 25 детей, находившихся на стационарном лечении в детском ортопедотравматологическом отделении ГУЗ «ГКБСМП им. Д.Я. Ваныкина», из которых - 17 мальчиков (68%) и 8 девочек (32%). Средний возраст составил $10,84 \pm 2,5$ лет. По характеру заболеваний были сформированы две группы. Дети с заболеваниями травматического генеза (переломы костей, вывихи) составили I группу (n=18); дети с заболеваниями нетравматического характера (болезнь Пертеса, кисты суставов, врожденные аномалии костного аппарата) – II группу (n=7). Все дети были частично или полностью иммобилизованы с разной длительностью ограничения физической активности. Уровень тревожности у всех пациентов определялся по шкале тревожности в виде опросника, соответствующей шкале социально-ситуативной тревожности Кандаша.

Результаты исследования. У детей I группы вынужденная частичная или полная иммобилизация имела травматический генез и по сравнению с детьми II группы не отличалась длительностью (от 2 недель до 6 месяцев). 61% пациентов I группы в школе имели хорошую и отличную успеваемость (9 детей учились хорошо, 2-отлично). Дополнительные школы и секции посещали 78% детей (n=12): в подавляющем большинстве преобладали спортивные секции, танцы, треть детей (24%, n=5) предпочитала творческие занятия (художественная и музыкальная школы). Длительность посещения спортивных секций - от 3 месяцев до 5 лет. На диспансерном учете состоят у кардиолога 17% (n=3) по поводу блокады левой ножки пучка Гиса у 2 детей, ПМК – у одного ребенка; у аллерголога 11% (n=2) по поводу бронхиальной астмы, аллергического ринита; 11% (n=2) у окулиста по поводу миопии. Синдром дисплазии соединительной ткани выявлялся у 50% (n=9) детей. При анализе шкалы тревожности: 72% (n=13) детей имеют средний уровень тревожности, у 17% (n=3) - ниже среднего, у остальных – выше среднего.

У детей II группы отмечалась длительная частичная или полная иммобилизация длительностью не менее 12 месяцев, в связи с чем дети находились под постоянным родительским контролем, в том числе и на весь период госпитализации. Все пациенты II группы находились на домашнем обучении, при этом половина детей имели удовлетворительную успеваемость. Из дополнительных занятий только один ребенок занимался лепкой. Среди сопутствующих патологий выявлялись синдром дисплазии соединительной ткани (100%), миопия - у одного ребенка. Избыточный вес выявлен у 6 детей из группы (86%). Определение уровня тревожности показало, что все дети из группы имеют уровень тревожности выше среднего.

Таким образом, у детей I группы уровень тревожности оказался ниже в отличие от детей II группы, где все дети имели высокие показатели тревоги.

Заключение: Дети, наблюдающиеся по поводу хронической ортопедической патологии более тревожны, чем дети с заболеваниями опорно-двигательного аппарата, перенесшие травму. Возможно, это связано с изначально высоким уровнем тревоги у детей этой группы,

менее социализированных и часто пребывающих на стационарном лечении, даже несмотря на постоянное присутствие и поддержку родителя. Длительная иммобилизация формирует тенденцию к формированию негативных мыслей, трудностей адаптации в коллективе. При наличии игровой зоны для настольных игр в стационаре эти дети не принимали участие в общих занятиях в виду иммобилизации и трудностей общения. Несмотря на домашнее обучение и возможность продолжать школьные занятия в условиях стационара (приходящие учителя), дети отстают в учебе, не имеют возможности заниматься творческими занятиями в полном объеме, а тем более посещать спортивные секции, что могло бы снизить уровень тревоги. Эта группа пациентов требует дальнейшего тщательного наблюдения в связи с тем, что имеет риск формирования депрессивных расстройств в будущем.

Подавляющее большинство детей, перенесших стрессовую ситуацию, имели низкий уровень тревожности и ниже среднего. Даже несмотря на наличие благоприятного фона для проявления тревожного расстройства в виде сопутствующих заболеваний, которые отмечались у 39% пациентов уровень тревоги оказался ниже, чем детей, с хронической ортопедической патологией, практически не имеющих сопутствующих заболеваний. Формированию посттравматического стрессового расстройства в данной группе препятствовали более короткий срок ограничения физической активности, хорошая школьная адаптация (по данным успеваемости), посещение спортивных секций, творческие увлечения.

Список используемых источников:

1. Воробьева О.В. Парадоксы клинических проявлений и диагностических критериев тревожных расстройств /Эффективная фармакотерапия, 2014, №31, С.14-20.
2. Клинические рекомендации по кардиологии/под редакцией Ф.И. Белялова. 8-е изд., - М., ГЭОТАР-Медиа, 2017, -288 с.
3. Соболенкова В.С., Федоров С.Ю. Возможности купирования тревожных состояний у детей/ Биологическая медицина, №1, 2015, С.41-42.
4. Чутко Л.С., Сурушина С.Ю, Никишена И.С., Яковенко Е.А., Анисимова Т.И., Быкова Ю.Л. Коморбидные тревожные расстройства у детей с ночным энурезом. «Российский вестник перинатологии и педиатрии, №6, 2011, С.1-4.
5. Чутко Л.С. Неврозы у детей. /2 изд. – М.: МЕДпресс-информ, 2017. -224 с.
6. Суботьялов М. А., Дружинин В. Ю. Аюрведа: Источники и характеристика: Монография. -М.: Философская Книга, 2015. -272 с.

Савельева Анна Сергеевна
Магистрант, Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург
e-mail: any-sav@mail.ru

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ, ВОСПИТЫВАЮЩЕЙ РЕБЕНКА ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ОВЗ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья. Также рассмотрены основные проблемы семей, воспитывающих ребенка с ОВЗ.

Ключевые слова: ребенок с ограниченными возможностями здоровья, семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья, психолого-педагогическое сопровождение.

Savelieva Anna Sergeevna
Master of Science, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg city
e-mail: any-sav@mail.ru

PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE FAMILY RAISING A CHILD OF A PRESCHOOL AGE WITH DISABILITIES

Annotation. In the article features of psychological and pedagogical support of a family raising a child of preschool age with disabilities are considered. The main problems of families raising a child with special needs are also considered.

Key words: child with disabilities, family of a child with disabilities, psychological and pedagogical support.

Семья, воспитывающая ребенка с ограниченными возможностями здоровья, сталкивается с рядом проблем: трудности принятия и осознания родителями ограничений возможностей здоровья своего ребенка, проблемы взаимоотношений в семье, не адекватные установки и родительские позиции, негативные переживания болезни ребенка и др. Ситуация в семейной системе оказывает влияние как на родителей, так и ребенка. Ребенок, воспитывающийся в негативном семейном эмоционально-психологическом климате, имеет сложности в психологическом состоянии и развитии.

Статистика свидетельствуют о том, что число детей-инвалидов и детей с ОВЗ ежегодно увеличивается. Так за последние 30 лет количество детей с ОВЗ увеличилось в 13 раз. Анализ причин таких изменений говорит о влиянии экологических, социальных и психологических факторов.

Важно отметить, необходимость организации системы взаимодействия различных специалистов (психологи, педагоги, дефектологи, логопеды) с целью оптимизации условий жизнедеятельности ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Все это возможно организовать посредством психолого-педагогического сопровождения, которое позволяет создать благоприятную эмоциональную семейную атмосферу, а также повысить уровень психолого-педагогической компетентности родителей [3, с.164-169]. Султангараева Е.Р. определяет психолого-педагогическое сопровождение детей с ОВЗ как комплексную технологию, направленную на поддержку и помощь ребенку с целью его успешной адаптации, реабилитации и личностного роста [2, с. 58-63].

Ряд отечественных ученых (М.А. Жданова, Е.И. Казакова, И.А. Коробейников, Л.В. Лопатина, Н.М. Назарова, Т.Г. Богданова и др.) рассматривают дошкольный возраст как наиболее благоприятный для эффективного развития детей с ОВЗ. В связи с активным развитием у ребенка дошкольного возраста самосознания, самооценки, эмоционально-волевой и мотивационной сферы, нравственных способностей, возможно оказать влияние на эффективную интеграцию ребенка с ограниченными возможностями здоровья в коллектив здоровых сверстников.

Также можно отметить ориентацию государственной политики на необходимость оказания помощи детям с ограниченными возможностями здоровья. В рамках Всеобщей декларации прав человека, а также Конвенции о правах ребенка, федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и иных нормативных документов обозначено создание необходимых условий для обеспечения доступности и качества дошкольного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья. Так Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО) подчеркивает важность учета индивидуальных потребностей ребенка, связанных с его жизненной ситуацией, состоянием здоровья, и создания особых условий для получения им образования [5].

В психолого-педагогической теории и практике особое внимание уделяется изучению вопроса сопровождения семей, воспитывающих детей с ОВЗ. Так А.Ю. Герасименко, О.С. Газман, Ш.А. Амоношвили, А. В. Мудрик и др. занимались изучением проблемы системы психолого-педагогического сопровождения. Под сопровождением понимается процесс профессионального взаимодействия с индивидом с целью «создания условий для саморазвития, самодвижения в деятельности всех субъектов взаимодействия» [6, с. 162-164]. Психолого-педагогическое сопровождение предполагает специально организованную деятельность, направленную на создание социально-психологических условий для успешного обучения и развития ребенка (Султангараева Е.Р.).

Калачина И.В. определила основные задачи психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка дошкольного возраста с ОВЗ через психолого-педагогические условия и мероприятия, а также непосредственно через организацию взаимодействия с родителями с целью нормализации отношений в семье.

С целью повышения эффективности программ сопровождения семьи, воспитывающей ребенка дошкольного возраста с ОВЗ, необходимо предусмотреть несколько направлений работы: индивидуальная и групповая работа с ребенком, индивидуальная и групповая работа с родителями, совместные коррекционно-развивающие мероприятия родителей с ребенком.

Организация работы с ребенком с ОВЗ предполагает диагностическую работу с целью выявления основных проблем в развитии, коррекционно-педагогическую работу с ребенком с целью развития и формирования навыков, позволяющих успешно интегрироваться в общество.

Психолого-педагогическая работа с родителями предполагает профессиональную поддержку, организацию условий для активного участия родителей в сопровождении ребенка, повышение психолого-педагогической компетентности родителей, формирование активной позиции в вопросах воспитания и обучения ребенка с ОВЗ, помощь в создании для ребенка с ОВЗ благоприятных и безопасных условий жизнедеятельности.

Принципы психолого-педагогической работы с семьей и ребенком с ОВЗ:

- принцип ориентации на личность – в основе данного принципа лежит учет личностных особенностей ребенка с ОВЗ и его семьи при обеспечении безопасных и комфортных условий;

- гуманно-личностный принцип – данный принцип основан на неоспоримой любви и уважении к ребенку и членам его семьи, позитивный настрой на достижение благоприятных результатов, формирование положительного отношения ребенка с ОВЗ и его семьи к себе;

- принцип комплексности – данный принцип предполагает осуществление психологической помощи только при наличии тесных взаимосвязей психолога с другими специалистами (логопед, педагоги, родители, администрация);

- принцип деятельностного подхода - данный принцип предполагает учет ведущего вида деятельности ребенка с ОВЗ, а также учет личностно-значимого вида деятельности для ребенка.

В исследовании Квасовой А.Ю., Андроновой Н.А., Яковлевой О.Н. психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка дошкольного возраста с ОВЗ, осуществляется в условиях лекотеки. Слово «лекотека» переводится со шведского языка как «библиотека игр» и впервые была осуществлена в Стокгольме (Швеция). Лекотека является международной программой, в рамках которой применяются вспомогательные технологии, игрушки и экспертные оценки для работы с детьми с ОВЗ [4, с. 135-139]. Основным методом лекотеки является игра, но также используются методы и техники арт-терапии и др.

Организация работы лекотеки осуществляется в три этапа:

1 этап – подготовительный. Данный этап направлен на формирование целевой группы детей с ОВЗ, разработке рабочего плана, нормативной и рабочей документации, а также создание предметно-развивающей среды.

2 этап – основной. На данном этапе осуществляется коррекционно-развивающая работы с детьми с ОВЗ и их семьями в специально организованных социально-психологических и социально-педагогических условиях.

3 этап – итоговый. На данном этапе обобщаются результаты посредством мониторинга состояния ребенка, опроса родителей и профессиональной рефлексии.

Психолого-педагогические мероприятия в условиях лекотеки имеют определенные особенности: совместные занятия родителей и детей, индивидуальная форма занятия для каждой семьи. В зависимости от потенциальных возможностей ребенка, зоны его актуального развития, состояния здоровья и др. строиться индивидуальный образовательный маршрут. Важным условием для эффективной работы лекотеки является активное участие родителей, воспитывающих детей с ОВЗ (Безверхая Л.В., Коляда Н.В.) [1, с. 245-247].

Шкляр Н.В., Дунаева Е.С. рассматривают индивидуальные программы психолого педагогического сопровождения детей с ОВЗ и их семей. При этом реализация программ сопровождения осуществляется поэтапно:

1 этап - мотивационно-целевой. На данном этапе «определяется содержание предстоящей работы, роли и профессиональные позиции взрослых относительно ребенка с ОВЗ, распределяются функциональные обязанности между участниками сопровождения. Большое значение при этом имеет учет ресурсов самого ребенка и возможностей взрослых, участвующих в реализации сопровождения» [7, с. 34].

2 этап - операционально-деятельностный. На этом этапе осуществляются программы психолого-педагогического сопровождения: проводятся коррекционно-развивающие занятия и мероприятия с ребенком с ОВЗ и родителями. При этом на данном этапе к работе могут быть подключены и другие специалисты (педагог дополнительного образования, логопед, дефектолог).

3 этап - оценочно-рефлексивный. На данном этапе осуществляется итоговая психолого-педагогическая диагностика, анализ и рефлексия результатов всеми специалистами. Также к оценке и анализу привлекаются родители, выражающие свою удовлетворенность и пожелания.

Представленные выше программы сопровождения семьи, воспитывающей ребенка дошкольного возраста с ОВЗ, объединены идеей оказания помощи и поддержки семье в контакте со смежными специалистами – педагогами, дефектологи, логопеды [1, с. 245-247; 2, с. 58-63; 3, с. 164-169; 4, с. 135-139; 6, с. 162-164; 7, с. 34]. Данные взаимосвязи педагога-психолога, реализующего сопровождение семьи, воспитывающей ребенка дошкольного

возраста с ОВЗ, необходимы для учета в работе индивидуальных особенностей семьи и ребенка с ОВЗ и повышения эффективности коррекционно-развивающих мероприятий.

Описанные выше системы сопровождения семьи, воспитывающей ребенка дошкольного возраста с ОВЗ, реализуются в двух формах – индивидуальной и смешанной (индивидуальной и групповой). Индивидуальная форма сопровождения семьи с ребенком с ОВЗ предполагает индивидуальный маршрут сопровождения, разработанный под конкретную семью. Смешанная форма предполагает помимо индивидуальной работы с семьей и ребенком с ОВЗ, также групповую работу как с ребенком с ОВЗ, так и с его родителями. Групповая работа с ребенком с ОВЗ может осуществляться в группе здоровых детей, что способствует интеграции ребенка с ОВЗ в общество сверстников. Групповая работа с родителями имеет некоторые преимущества: в процессе групповой работы родитель может получить поддержку от родителей, которые также воспитывают ребенка с ОВЗ.

Т.о. психолого-педагогическое сопровождение семьи, воспитывающей ребенка дошкольного возраста с ОВЗ способствует предотвращению распада семьи, коррекции ее психологического климата, исправлению неправильного семейного воспитания, устранению социальной самоизоляции семьи, интеграции ребенка с ОВЗ в общество сверстников и коррекции психологических нарушений.

Список используемых источников:

1. Безверхая Л.В., Коляда Н.В. Лекотека как форма психолого-педагогической помощи детям с ОВЗ // В сборнике: Научная педагогическая дискуссия: интеграция теории и практики материалы международной заочной научно-практической конференции. Отв. ред. Е.А. Кудрявцева; Кафедра педагогики и современных образовательных технологий. 2017. – С. 245-247.

2. Золоткова Е.В Основы проектирования технологий психолого-педагогического сопровождения дошкольников с ОВЗ в условиях центра продленного дня // НАУКА И СОВРЕМЕННОСТЬ, 2012. №18. – С. 58 – 63.

3. Калачина И.В. Организация психолого-педагогического сопровождения семьи дошкольника с ограниченными возможностями здоровья в организации дополнительного образования // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2018. № 1 (64). – С. 164-169.

4. Квасова А.Ю., Андропова Н.А., Яковлева О.Н. Организация психолого-педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. № 1 (27). – С. 135-139.

5. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования [Электронный ресурс]: приказ М-ва образования и науки Рос. Федерации от 17 окт. 2013 г. № 1155. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

6. Султангараева Е.Р. Психолого-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях дошкольного образовательного учреждения // В книге: Молодежь в науке и образовании: проблемы и перспективы развития тезисы VI Международной научно-практической конференции. 2016. – С. 162-164.

7. Шкляр Н.В., Дунаева Е.С. Психолого-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях дополнительного образования // Постулат. 2017. № 10-2 (24). – С. 34.

*Буслаева Анна Сергеевна
Венгер Александр Леонидович
Лазуренко Светлана Борисовна
Герасимова Александра Михайловна*

*ФГАУ Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей МЗ РФ
119991, г.Москва, Ломоносовский проспект, 2/62, стр.3
e-mail: perepisska@yandex.ru*

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЬИ БОЛЬНОГО РЕБЕНКА В МЕДИЦИНСКОМ СТАЦИОНАРЕ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования особенностей воспитательных установок матерей детей и подростков с хроническими заболеваниями (на материале ревматической, гастроэнтерологической, нефрологической и дерматологической патологии). Выделены 4 типа родительских установок, а также определены основные пути коррекция неэффективных воспитательных установок у матерей хронически больного ребенка.

Ключевые слова: хронически больной ребенок, воспитательные установки.

Актуальность. Психологическое состояние болеющего ребенка, его адаптационные возможности и отношение к болезни во многом зависят от способности самих близких взрослых справиться с ситуацией болезни и приспособиться к изменившимся условиям жизни. Именно мать ребенка становится чаще всего человеком, который в период пребывания в стационаре и вне больницы больше всего из близких взрослых проводит время с ребенком, общается с ним, осуществляет уход, проявляет заботу, учит и воспитывает его, поддерживает в момент проведения медицинских процедур, а также подает пример поведения и совладания со сложной жизненной ситуацией. Сочетание длительной ежедневной борьбы за жизнь и здоровье ребенка, бытовые сложности и неопределенность будущего систематически фрустрируют психологические потребности и постепенно истощают психические резервы родителей. Это негативно сказывается на детско-родительских отношениях и функционировании семейной системы в целом. В связи с этим усилия специалистов психолого-педагогической службы должны быть направлены на оптимизацию взаимоотношений между болеющим ребенком и его близким взрослым, создание оптимальных воспитательных условий внутри семьи, способствующих сохранению физического и психического здоровья как ребенка, так и родителя, а также реализации индивидуальных психологических потребностей хронически больных детей.

Потребность практики и недостаточная разработанность содержания психологической поддержки семьи тяжелобольного ребенка в медицинском стационаре определили актуальность и необходимость проведения настоящего исследования.

С целью определения направлений и форм помощи родителям детей с тяжелыми хроническими болезнями, были изучены особенности воспитательных установок родителей хронически больных детей (на материале ревматической, гастроэнтерологической, нефрологической и дерматологической патологии). Нас интересовало, какое влияние ситуация болезни оказывает на систему воспитательных целей и мотивов родителя, его эмоциональное отношение к ребенку, представления о нем как о личности, его потребностях и возможностях.

Выборка. В исследовании приняли участие 60 матерей и их дети школьного возраста (8-13 лет) с хроническими болезнями. Состояние здоровья обследованных детей оценивалось врачами как состояние средней тяжести, длительность болезни от 3 до 7 лет. Из них 15 детей наблюдались в ФГАУ «Национальном медицинском исследовательском центре

здоровья детей» Минздрава России с юношеским ревматоидным артритом, 15 – с неспецифическим язвенным колитом, 15 – с буллезным эпидермолизом, 15 – с нефротическим синдромом.

Методики. Структурированное наблюдение за деятельностью в диадах «ребенок–мать» в круглосуточном стационаре и модифицированный вариант методики «Родительское сочинение» в форме незаконченных предложений (Шведовская А. А.). Контент-анализ незаконченных предложений позволил выделить из высказываний родителей следующие значимые содержательные категории: 1. лечение и сохранение здоровья; 2. учеба и достижения; 3. личностные особенности и др. При обработке данных опросников мы учитывали количественное преобладание одной категории высказываний над другой. Высказывания, не попадающие в выделенные категории, при подсчете данных не учитывались.

Результаты. Анализ данных позволил выделить 4 типа родительских установок: лично ориентированную (9 чел. – 15%), ориентированную на здоровье (32 чел. – 53,3%), ориентированную на обучение (17 чел. – 28,3%) и отстраненную (2 чел. – 3,3%).

Для родителей с **лично ориентированной** установкой на первый план в реальном образе ребенка выходят его личностные особенности. Например, матери выделяют следующие значимые характеристики при оценке ребенка:

Самое главное в характере моего ребенка ... доброта, робость, честность, жизнерадостность, упрямство, отзывчивость, общительность.

Мой ребенок силен в ... общении, приготовлении десертов, творчестве, фантазировании и др..

Думаю, что ей мешает ... излишнее неуверенность в себе, утомляемость.

Глубокое понимание своего ребенка и внимательное отношение к нему позволяют матери сбалансированно выстраивать процесс воспитания, учитывать физическое состояние ребенка, его индивидуальные личностные характеристики и потребности.

Данные наблюдения за общением матерей с детьми подтвердили вышесказанное: родитель активно сотрудничает и эмоционально отзывчив при общении с ребенком, стремится поддержать интересы и инициативу ребенка в предпочитаемой деятельности и общении со сверстниками, устанавливает и поддерживает правила поведения, соответствующие психологическому возрасту ребенка, своевременно реагирует на изменения физического состояния, оказывает помощь и поддержку. Сопровождая ребенка при выполнении учебных заданий, при проведении медицинских процедур, матери проявляют внимательность к эмоциональному состоянию ребенка.

У родителей для которых характерна **установка, ориентированная на лечение**, реальный образ ребенка, предпочитаемого будущего, опасения неразрывно связаны с темой сохранения здоровья, лечения, физических ограничений и тд.

Когда я думаю о своем ребенке, то ... я думаю только о ее болезни; я боюсь обострения заболевания; я вспоминаю, как ей было плохо в реанимации.

Скорее всего, она ... болеет больше и тяжелее, чем некоторые люди за всю жизнь.

По сравнению с другими детьми ее возраста ... она лишена многих физических возможностей.

Чрезмерная фиксация внимания матери на болезни ребенка значительно осложняют реализацию актуальных возрастных и индивидуальных психологических потребностей ребенка.

Результаты наблюдения за взаимодействием диады «мать-ребенок» показали, что сосредоточенность внимания родителя преимущественно на самочувствии ребенка, проведении медицинских манипуляций, оценке результатов исследований и анализов, на общении с лечащим врачом негативно влияет на общение между родителем и ребенком. Находясь фактически в течение суток в непосредственной близости со своим ребенком, мать

может эмоционально «отсутствовать», не замечать его эмоционального состояния, забывать о существовании индивидуальных психологических потребностей.

У матерей с **установкой, ориентированной на обучение**, предпочитаемый образ ребенка связан с успехами и достижениями в учебной деятельности, спорте и других видах деятельности, ожидают от ребенка приобретения конкретных умений и навыков, не соотнося возрастные и индивидуальные особенности ребенка с возрастными и личностными возможностями.

Я хотела бы, чтобы ... он вырос успешным, смелым ребенком.

Я была бы рада, если бы ... ребенок продолжал дальше развиваться, был лучшим в классе и получал новые знания.

Мне бы хотелось, чтобы мой ребенок больше уделял внимания ... написанию прописных букв, тренировке броска в кольцо.

Я очень раздражаюсь, когда ... – он не хочет заниматься уроками, ленится, когда надо прочитать дополнительную литературу.

При сравнении своего ребенка с ровесниками матери часто отмечают большую осознанность, мудрость, взрослость своего ребенка, они склонны снижать степень негативного влияния болезни.

Наблюдение за взаимодействием между родителем и ребенком показывает, что мать стремится основную часть времени занять ребенка выполнением учебных заданий, контролирует качество их выполнения, в связи с чем ограничивает общение ребенка с другими детьми из отделения.

Матери с **отстраненной родительской установкой** минимально участвуют в жизни ребенка в момент пребывания ребенка в стационаре, перекладывая всю ответственность за процесс лечения, обучения и воспитания на сотрудников больницы. Родитель плохо ориентируется в реальных физических и психологических возможностях ребенка, эмоционально крайне дистанцирован и холоден.

Итак, сопоставление данных родительского сочинения и результатов наблюдения за общением в диаде «родитель-ребенок» выявили существенные различия в представлениях матерей о своих детях, отношениях с ним и в смыслах и содержании процесса воспитания при различных типах родительских установок.

Матери с лично ориентированной установкой самостоятельно успешно справляются с родительскими задачами, поэтому нуждаются в психологическом сопровождении с целью профилактики трудностей детско-родительского взаимодействия.

Целью психологической работы с матерями, у которых выявлена установка, ориентированная на лечение, является развитие умения самостоятельно ориентироваться в возрастных и индивидуальных психологических потребностях ребенка, не связанных с ситуацией болезни.

Задачами психолога в работе с матерями, которые ориентированы прежде всего на обучение, – являются расширение представлений родителя о физических возможностях и ограничениях хронически больных детей, совместный поиск новых жизненных целей, принимающих во внимание состояние здоровья ребенка, а также развитие умения родителя ориентироваться и реализовывать психологические потребности болеющего ребенка.

Основной задачей психологической помощи матерям с отстраненной родительской установкой становится уменьшение эмоциональной дистанции между родителем и ребенком, обучение родителя оптимальным способам взаимодействия с ним.

Выводы. Неблагоприятными для личностного развития ребенка являются воспитательные установки, одновременно не учитывающие его состояние здоровья и психологические потребности. Своевременное выявление и коррекция неэффективных воспитательных установок является важной составляющей психологического сопровождения семьи хронически больного ребенка.

Домашние питомцы в контексте семейных отношений

Семенова Ирина Павловна

*Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,
Инженер факультета психологии, кафедры общей психологии E-mail:
labzoo_semenova@mail.ru*

Качалкина Ольга Александровна

*Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,
Инженер факультета психологии, кафедры общей психологии*

Федорович Елена Юрьевна

*кандидат психологических наук,
Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова,
Старший научный сотрудник факультета психологии, кафедры общей психологии*

ОЦЕНИВАНИЕ ХОЗЯЕВАМИ СЕМЕЙНЫХ ДОМАШНИХ ПИТОМЦЕВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ СОБСТВЕННОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ

Аннотация. Хозяева с пониженным эмоциональным (субдепрессивным) состоянием оценивают своих домашних питомцев - собак, которых они считают «членами семьи», более критично, чем хозяева с более позитивным эмоциональным фоном. Низкие оценки собак по ряду характеристик не вызывают у «субдепрессивных» хозяев неудовлетворенности и желания их изменить. Представленные результаты подтверждают данные других исследований, согласно которым взаимодействия с семейными домашними питомцами не приводят к надежному и стабильному изменению эмоционального благополучия их хозяев, но, скорее, отражают его.

Ключевые слова. Домашний питомец, депрессия, семейная система.

Semenova Irina P.

*Lomonosov Moscow State University,
engineer, Department of General Psychology, Faculty of Psychology E-mail:
labzoo_semenova@mail.ru*

Kachalkina Olga A.

*Lomonosov Moscow State University,
engineer, Department of General Psychology, Faculty of Psychology*

Fedorovich Elena Yu,

*candidate of psychological sciences
Lomonosov Moscow State University,
senior researcher, Department of General Psychology, Faculty of Psychology,*

EVALUATION OF PET DOGS (CONSIDERING AS “FAMILIES MEMBERS”) BY THEIR OWNERS DEPENDING ON THEIR EMOTIONAL STATE

Abstract. People with a lowered emotional (subdepressive) state evaluate their pets, which they consider "family members", less favorably than owners with a more positive emotional states.

Low scores of dogs on a number of traits do not cause "depressive" owners becoming dissatisfied or to desire to change them. The presented results confirm the data of other studies, according to which interactions with pets do not lead to a reliable and stable change in the emotional well-being of their owners, but rather reflect it.

Keywords: pet, depression, family system.

Традиционно считается, что владение животными-домашними питомцами приносит пользу членам семьи, в которой они живут, в том числе облегчая переживание ими эмоционального неблагополучия (стрессов и депрессивных состояний, также как и тревоги, чувства одиночества и отверженности другими), однако эти утверждения остаются во многом предположением, чем научным фактом [5, 7]. При системном изучении полученные данные весьма противоречивы, а в научных литературных источниках представлены все возможные варианты – от того, что владение животными-компаньонами оказывает позитивное влияние на психологическое благополучие людей [6, 11], до представления о том, что факт владения домашними питомцами или сильная привязанность к ним связаны с эмоциональным неблагополучием их хозяев, отражая переживание людьми чувства одиночества, отвержения, депрессии [5,7-9]. Большинство научных исследований по данной теме представляют данные, что простое нахождение в семье животных-домашних питомцев, которых люди считают «полноценными членами семьи», не связано однозначно с эмоциональным (и физическим) благополучием или неблагополучием их владельцев [13-16], но зависит от других факторов, главным из которых является наличие психологической поддержки со стороны людей. Таким образом, результаты проведенных ранее исследований показывают, что само по себе наличие в семье домашнего питомца, не может быть гарантом или надежным средством для успешного разрешения людьми трудных жизненных ситуаций, признаком чего, в значительной степени, является их пониженное эмоциональное/депрессивное состояние.

Согласно теории системной семейной терапии Мюррея Боуэна, домашние питомцы могут быть включены в систему эмоционального регулирования взаимодействий членов семьи, выступая средством для понижения тревоги членов семьи и стабилизации самой семейной системы [2]. Мы предполагаем, что восприятие хозяевами различных качеств семейных домашних питомцев, которых они считают важным источником социальной поддержки, будет зависеть в значительной степени от особенностей эмоционального состояния самих людей, что отражает включенность собак в систему эмоциональной регуляции семейной системы.

Целью нашего исследования было выяснить, насколько восприятие своих домашних питомцев (собак) зависит от уровня переживания хозяевами состояния субдепрессии/пониженного настроения.

Методика

Респонденты – женщины (n=43; средний возраст 34,5±8), живущие в семье, считающие себя ответственными за заботу о питомцах и занимающиеся с ними на курсах дрессировщиков или помощников канис-терапевтов. Все респондентки считали своих собак «важными членами семьи» и говорили, что «чувствуют к ним сильную привязанность». Выраженность депрессивных состояний у респондентов определялась с помощью методики Зунге (адаптация Т.И.Балашовой).

Респондентки оценивали качества своих собак по 33 визуальным аналоговым шкалам, имеющим два полюса – положительный и отрицательный (где 158 – максимальная выраженность позитивного качества, 0 – максимальная выраженность соответствующего отрицательного качества, а 79 – соответствовала отказу оценивания по данной шкале). Спустя 2 часа владельцам предлагалось оценить по этим же 33 шкалам идеальную собаку (их представление о том, какой собака должна быть). Степень выраженности того или иного

качества подсчитывалась измерением в миллиметрах удаленности сделанной хозяином отметки от соответствующего полюса шкалы.

Для выделения обобщённых категорий, лежащих в основе оценивания владельцами качеств своей собаки, был проведен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с последующим Varimax вращением. Для сравнения оценивания своей собаки респондентами с нормальным и выражено сниженным настроением по полученным факторам был проведен однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) на материале факторных оценок, полученных для двух групп респондентов. Сравнение оценок собак по шкалам, входящим в полученные факторы, владельцами с выраженным снижением настроения и с отсутствием депрессии было посчитано с помощью критерия U-Манна-Уитни ($p \leq 0,05$).

Результаты

1. По результатам проведения методики Зунге (адаптация Т.И.Балашовой) все респонденты были разделены на 2 группы: владельцы собак с выраженным снижением/субдепрессивным настроением ($n=17$, 50-59 баллов), хозяева собак без сниженного настроения ($n=26$; < 50 баллов). Согласно методике Зунге, у людей, набравших 50-59 баллов, на фоне легкого психологического дискомфорта проявляется пониженная самооценка, недостаточная уверенность в себе при осуществлении межличностных контактов и в ситуациях принятия решений, неуверенность в будущем. Характерно ощущение некоторого физического недомогания, незначительные астенические проявления (некоторая утомляемость, трудности сосредоточения, раздражительность).

2. Подсчет средних баллов, полученных в подгруппе хозяев с субдепрессивным и нормальными эмоциональными состояниями показал:

Хозяева с пониженным/субдепрессивным эмоциональным состоянием оценили своих собак по 26 из 33 шкал как обладающих привлекательными качествами в меньшей степени, чем хозяева с нормальным настроением. Хозяева с пониженным/депрессивным состоянием оценивали своих собак как достоверно менее «добрых», «благородных», «ласковых», «спокойных», «скромных», «дружелюбных к другим собакам», «любящих детей», более «наглых», «возбудимых/неспокойных», «требующих к себе внимания».

Также хозяева с пониженным/депрессивным настроением оценили (на уровне тенденции) своих питомцев как менее «счастливых», «умных», «понимающих человеческую речь», «удобных в быту», «самодостаточных», «послушных», «похожих на человека».

2. По 12 шкалам из 33 (значимые различия – «способен защитить своего хозяина», «самодостаточен», «тихий», «не требует ухода», тенденция – «понимает человеческую речь», «характером похож на хозяина», «не требует к себе внимания) хозяева собак с пониженным/депрессивным состоянием были более довольны своими собаками, чем люди с обычным настроением (расхождение в оценках реальной и идеальной собаки рассматривалось нами как показатель удовлетворенности-неудовлетворенности владельцами своим питомцем).

3. В результате проведения факторного анализа оценок реальной собаки нами было выделено 5 факторов, объясняющих 55% дисперсии. В результате сравнения факторных нагрузок по 5 выделенным факторам между двумя группами респондентов: с выраженным снижением настроения и с отсутствием депрессии были получены значимые различия по первым двум факторам: «Необременительность содержания собаки» ($F=4,149$; $p=0,048$), «Дружелюбное отношение собаки к людям» ($F=4,867$; $p=0,033$) (см. Табл. 1 и 2).

Факторами, по которым не были получены значимые различия между двумя сравниваемыми группами хозяев были:

Третий фактор «Общительность собаки», включает в себя шкалы (факторные нагрузки выше 0,450 или ниже -0,450): «здоровый», «общительный», «всегда играет», «наглый», «дружит с собаками», «честный», «требует к себе внимания».

Четвертый фактор «Представление о собаке как о человеке» включает в себя шкалы (факторные нагрузки выше 0,450 или ниже -0,450): «похож на человека» (ф.н.: 0,785), «понимает человеческую речь», «умный», «характером похож на хозяина» и «способен защитить владельца».

Пятый фактор включает в себя качества собаки, делающие ее *привлекательной* в глазах хозяина, и выгодно представляющие ее для других людей. Важными являются такие характеристики собаки как: «красивый», «чистошерстный» и «умный» (факторные нагрузки выше 0,450 или ниже -0,450).

4. Рассмотрим более подробно средние значения оценок собак по шкалам, входящим в первые два фактора: «Необременительность содержания собаки» и «Дружелюбное отношение собаки к людям», где были получены достоверные различия в факторных нагрузках между двумя группами респондентов.

Таблица 1. Оценивание реальных собак по шкалам, входящим в фактор «Необременительность содержания собаки»

Шкалы	Среднее значение (стандартное отклонение)		Различия F
	Снижение настроения	Отсутствие депрессии	
Дружелюбен к собакам	75,4 (33,4)	99,7 (43,4)	154,5 (0,099)
Спокойный	50,3 (39,9)	79,4 (6,3)	138,0 (0,039)
Тихий	72,7 (36)	91,5 (43,4)	-
Дружит с собаками	90,7 (41,3)	106,8 (41,6)	-
Скромный	36,9 (35)	71,0 (54,3)	139,0 (0,042)
Легко дрессируется	105,8 (42,2)	118,9 (23,9)	-
Не требует внимания	57,1 (35,9)	76,3 (39,4)	-
Характером не похож на хозяина	72,1 (47,5)	65,6 (40,2)	-
Нуждается в защите	72,6 (44,9)	84,2 (52,2)	-

Владельцы собак с выраженным снижением настроения, оценивают своих питомцев по 7 шкалам из 9 ниже середины шкалы (79 мм), что переносит их оценки к негативному полюсу шкалы (Табл. 1). Они оценивают свою собаку как «возбудимую», «наглую», «требующую к себе внимания», «недружелюбную к собакам». Оценки собаки по шкалам, характеризующим взаимодействие с другими собаками, приближены к середине шкалы (отсутствие выраженности оценки). Такие владельцы не рассматривают питомца как «похожего на них характером» и «нуждающегося в защите». Общий профиль оценок характеризует собаку как питомца, доставляющего хозяину неудобства в его содержании и требующего внимательности к его поведению.

Владельцы собак, не переживающие депрессивных состояний, относятся к своей собаке более терпеливо, они оценивают ее как «тихую», хотя оценки по ряду шкал и приближены к середине («спокойный», «скромный», «не требует внимания», «нуждается в

защите)), они заметно не смещены к негативным характеристикам (более чем на 10 мм). Взаимодействие с другими собаками оценивается как позитивное.

Несмотря на значимые отличия в оценивании своих собак по характеристикам, доставляющим неудобства владельцам: «недружелюбие к собакам», «возбудимость», «наглость», все респонденты отмечают, что их собака «легко дрессируется». С точки зрения владельцев, поведение собаки возможно изменить.

Таблица 2. Оценивание реальных собак по шкалам, входящим в фактор «Дружелюбное отношение собаки к людям»

Шкалы	Среднее значение (стандартное отклонение)		Различия F
	Сниже ние настроения	Отсутст вие депрессии	
Любит детей	87,1 (42,6)	119,5 (38,8)	129,0 (0,023)
Благородный	97,5 (38,7)	119,7 (33,9)	141,5 (0,048)
Добрый	120,5 (35,9)	140,2 (23,4)	132,0 (0,027)
Ласковый	120,3 (33,2)	139,2 (17,4)	149,5 (0,075)
Деятельный	108,4 (41,0)	118,7 (37,3)	-
Послушный	106,2 (41,2)	121,1 (25,3)	-
Доброжелателен к незнакомым людям	101,1 (46,5)	113,8 (44,7)	-
Самодостаточный	95,4 (49,7)	103,0 (45,7)	-
Общительный	129,8 (22,5)	132,4 (27,6)	-

Средние значения оценок качеств собак по шкалам, характеризующим «позитивное отношение собаки к человеку» (Табл. 2) также заметно понижены по всем шкалам у людей, находящихся в состоянии легкой депрессии и сниженного настроения. Такие владельцы оценивают своих собак как значимо менее «благородных», «добрых» и «ласковых» по сравнению с владельцами собак без наличия депрессивных состояний. Оценка по шкале «любит детей» приближена к середине шкалы («затрудняюсь ответить») и также значимо снижена.

5. Мы рассмотрели неудовлетворенность хозяевами своим домашним питомцем, которую мы рассматривали как степень расхождения между оценками реальной и идеальной собаки.

При оценивании неудовлетворенности хозяевами собакой по шкалам, вошедшим в фактор «необременительность содержания питомца» (Табл. 3), показатели значимо отличаются между двумя группами респондентов только по 2-м шкалам: «тихий» ($p=0,070$) и «нуждается в защите» ($p=0,072$). При этом в большей степени *не удовлетворены* своей собакой владельцы с нормальным, не сниженным настроением.

Примечательно, что оценивание хозяевами с выраженным сниженным/депрессивным настроением своей собаки как обладающей менее позитивными характеристиками (см. Табл. 1), не повлияла на большую неудовлетворенность своим питомцем, по сравнению с владельцами с нормальными эмоциональными состояниями. Например, значимо более низкие оценки своего питомца по шкалам «дружелюбен к собакам», «спокойный» и

«скромный» людьми с депрессивным состоянием, не привели к тому, что их удовлетворенность своей собакой была ниже, чем у людей с нормальным эмоциональным фоном.

Таблица 3. Расхождение оценок «реальной» и «идеальной» собаки по шкалам, входящим в фактор «Необременительность содержания собаки»

Шкалы	Среднее значение (стандартное отклонение)		Различия F (уровень значимости)
	Снижение настроения	Отсутствие депрессии	
Дружелюбен к собакам	43,9 (38,1)	44,9 (37,9)	-
Спокойный	42,7 (47,3)	41,8 (30,9)	-
Тихий	30,1 (33,0)	45,7 (35,3)	154,0 (0,070)
Дружит с собаками	43,1 (37,7)	41,0 (37,4)	-
Скромный	41,5 (25,3)	46,6 (34,7)	-
Легко дрессируется	34,0 (29,1)	27,3 (21,9)	-
Не требует внимания	26,4 (23,8)	39,8 (33,1)	-
Характером не похож на хозяина	28,0 (19,8)	40,3 (33,1)	-
Нуждается в защите	39,7 (39,5)	59,9 (37,7)	148,5 (0,072)

Для второго фактора – «дружелюбное отношение собаки к людям» - *неудовлетворенность* своим питомцем значимо выше по шкале «любит детей» (Табл. 4) у владельцев с выраженным снижением настроения ($p=0,057$) и это единственная шкала, где среднее значение при оценивании собаки было приближено к середине шкалы. Владельцы с отсутствием депрессивных состояний в большей степени хотят видеть свою собаку более «самодостаточной» при общении с людьми ($p=0,020$), чем владельцы с легким снижением настроения.

Менее дружелюбное отношение собаки к людям, выраженное в шкалах «благородный», «добрый», «ласковый», где были получены значимые различия в оценках реальных собак между двумя группами респондентов, не вызывает большего неудовлетворения своей собакой у владельцев с выраженным снижением настроения (различия средних значений в оценках двух групп не превышают 5 мм).

Таблица 4. Расхождение оценок «реальной» и «идеальной» собаки по шкалам, входящим в фактор «Дружелюбное отношение собаки к людям»

4 Шкалы	Среднее значение (стандартное отклонение)		Различия F (уровень значимости)
	Снижение настроения	Отсутствие депрессии	
Любит детей	46,6 (30,1)	31,0 (31,5)	144,5 (0,057)
Благородный	26,0 (21,7)	27,3 (31,1)	-
Добрый	27,2 (22,2)	23,0 (28,8)	
Ласковый	17,5 (18,9)	16,6 (18,8)	
Деятельный	33,4 (24,3)	30,6 (31,9)	
Послушный	33,8 (37,2)	33,0 (21,4)	
Доброжелателен к незнакомым людям	36,0 (26,6)	43,9 (36,3)	

Самодостаточный	30,6 (28,2)	55,0 (36,5)	127,0 (0,020)
Общительный	21,9 (17,8)	29,1 (24,9)	

Обсуждение результатов.

Наши результаты показывают, что на оценивание людьми своих семейных питомцев по 33 шкалам, представляющим собой разные качества собак, влияет их фоновое эмоциональное состояние. Хозяева собак, которые, согласно оцениванию по методике Зунга, имели состояние легкого психологического дискомфорта, сопровождающееся пониженной самооценкой и уверенностью в себе при осуществлении межличностных контактов и в ситуациях принятия решений, оценивали своих домашних питомцев в целом ниже, чем хозяева с более позитивным эмоциональным фоном. Люди со сниженным эмоциональным состоянием оценивали своих семейных питомцев по ряду характеристик как доставляющих им некоторые неудобства («возбудимый», «наглый», «требует к себе постоянного внимания» и т.п.). Интересно, что подобное поведение питомца не вызывало у таких хозяев большой неудовлетворенности и желания его изменить, что определяет некоторую пассивную позицию владельца по отношению к поведению своего питомца. При том что субдепрессивные хозяева достаточно высоко оценивали возможности своих собак быть выдрессированными («способен к дрессировке»), те продолжали доставлять неудобства своим хозяевам. Эмоциональное неблагополучие/благополучие хозяев питомцев влияло также на их оценку отношения собаки к окружающим. Поведение собаки по отношению к людям воспринимается хозяевами с пониженным эмоциональным фоном как менее дружелюбное, что, опять же, не вызывает у них неудовлетворенности поведением своего питомца, за исключением его отношения к детям. Владельцы собак, у которых не было выявлено депрессивных состояний, оценивают отношения своего питомца с другими людьми как исключительно дружелюбные и хотят от собаки большей «самодостаточности».

Оценка энергичности и здоровья собаки, наделение собаки человеческими характеристиками при взаимодействии с ней (факторы 3, 4) не зависят от наличия или отсутствия депрессивных состояний у владельцев. Эти качества собаки оцениваются их хозяевами одинаково высоко, хотя по 5-му фактору («привлекательность собаки для других») хозяева в субдепрессивном состоянии последовательно дают более низкие оценки.

Как показало наше исследование, восприятие качеств домашнего питомца, которого считают «членом семьи», во многом зависит от эмоционального состояния его владельца. Снижение настроения, уменьшение ресурса и мотивации влиять на ситуацию вокруг себя неизбежно приводят к восприятию домашнего питомца как источника неудобств, недостаточно доброжелательно относящегося к окружающим. При этом такое восприятие домашнего питомца сопровождается пассивным отношением к его поведению со стороны владельца или человека, считающего себя главным по уходу за ним. Неблагополучное и неудовлетворяющее поведение питомца, поддерживаемое его владельцем, может влиять на взаимоотношения членов семьи. В некоторых случаях собака выступает как идентифицированный пациент, а работа вызванного на дом «тренера» сводится к работе с членами семьи, а не с самим животным [1].

Представленные в научной литературе данные показывают, что взаимодействия с семейными питомцами могут облегчать текущие эмоционально неблагополучные состояния (тревогу, переживание, болезненное возбуждение) их хозяев, но при этом менее вероятно влияют на более длительные, фоновые состояния эмоционального неблагополучия/депрессивные состояния [12]. Домашние питомцы могут быть включены в систему эмоциональной регуляции семейной системы, выполняя функцию поддержания ее стабильности [2, 3]. Это объясняет, как нам представляется тот факт, что взаимодействие с домашними питомцами не приводит к надежному и стабильному изменению эмоционального благополучия своих хозяев, скорее, отражая его, чем приводя к его улучшению.

Список использованных источников:

1. Аскью Г. Проблемы поведения собак и кошек и методы их устранения. - М.: Аквариум, 2003. - 624 с.
2. Варга А.Я., Федорович Е.Ю. Участие домашнего питомца в жизненном цикле семейной системы // Вопросы психологии. — 2010. — № 1. — С. 56–65.
3. Федорович Е. Ю., Варга А. Я., Митина О. В. Появление домашних питомцев в семье в зависимости от возраста детей // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2015. — № 2. — С. 77–92.
4. Antonacopoulos D., Nikolina M., Timothy A. An Examination of the potential role of pet ownership, human social support and pet attachment in the psychological health of individuals living alone // Anthrozoös. - 2010. – Vol. 23. - P. 37–54.
5. Blouin D. Understanding Relations between People and their Pets // Sociology Compass. – 2012. - 6/11. – P. 856–869.
6. El-Alayli A., Lystad A.L., Webb S.R., Hollingsworth S.L., Ciolli J.L. Reigning cats and dogs: A pet-enhancement bias and its link to pet attachment, pet–self similarity, self-enhancement, and well-being // Basic and Applied Social Psychology. – 2006. – Vol. 28. – P. 131–143.
7. Herzog H. The Impact of Pets on Human Health and Psychological Well-Being: Fact, Fiction, or Hypothesis? // Current Directions in Psychological Science. – 2011. – Vol. 20(4). – P. 236–239.
8. Miltiades H., Shearer, J. Attachment to pet dogs and depression in rural older adults // Anthrozoös. – 2011. – Vol. 24. – P. 147–154.
9. Müllersdorf M., Granström F., Sahlqvist L., Tillgren P. Aspects of health, physical/leisure activities, work and sociodemographics associated with pet ownership in Sweden // Scandinavian Journal of Public Health. – 2010. – Vol. 38. – P. 53–63.
10. Raina P., Waltner-Toews D., Bonnett B., Woodward C., Abernathy T. Influence of companion animals on the physical and psychological health of older people: An analysis of a one year longitudinal study // Journal of the American Geriatrics Society. – 1999. – Vol. 47. – P. 323–329.
11. Rieger G., Turner D. C. How depressive moods affect the behavior of singly living persons toward their cats // Anthrozoös. – 1999. – Vol. 12. - P. 224–233.
12. Parslow R., Jorm A., Christensen H., Rodgers B., Jacomb P. Pet ownership and health in older adults: findings from a survey of 2,551 community-based Australians aged 60–64 // Gerontology. - 2005. – Vol. 51 (1). - P. 40–47.
13. Simons L.A., Simons J., McCallum J., Friedlander Y. Pet ownership is not associated with future health: A nine year prospective study in older Australians // Australasian Journal on Ageing. – 2000. – Vol. 19. P. 139–142.
14. Stallones L., Johnson T.P., Garrity T.F., Marx M.B. Quality of attachment to companion animals among U.S. adults 21 to 64 years of age // Anthrozoös. - 1990. – Vol.3. – P. 171–76.
15. Stallones L, Marx M.B., Garrity T.F., Johnson T.P. Pet ownership and attachment in relation to the health of U.S. adults, 21–64 years of age // Anthrozoös. – 1991. – Vol.4. – P. 100–112.

Семья как ресурс развития взрослых и детей

УДК

Морозова Ирина Станиславовна
доктор психологических наук, профессор,
Кемеровский государственный университет,
директор института образования, заведующий кафедрой акмеологии и психологии
развития
650043 г. Кемерово, Красная, 6
E-mail: ishmorozova@ya.ru

Белогай Ксения Николаевна
кандидат психологических наук, доцент,
Кемеровский государственный университет,
доцент кафедры акмеологии и психологии развития
650043 г. Кемерово, Красная, 6
E-mail: belogi@mail.ru

СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ТЕЛА ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Исследование проводится при поддержке РФФИ, проект 17-36-00016-ОГН

Аннотация. В статье анализируются основные направления исследований семейных факторов, влияющих на формирование образа тела детей и подростков. Описывается трехфакторная модель, включающая родителей, сверстников и средства массовой информации. Показано влияние родительского моделирования и родительских установок на образ тела ребенка. Обобщаются результаты работ исследователей, использующих теорию привязанности в качестве методологической основы разработки модели формирования образа тела ребенка. Рассматриваются гендерные и кросс-культурные аспекты проблемы. Приводятся данные о влиянии родительского поведения на образ тела девушек, полученные на русскоязычной выборке.

Ключевые слова: образ тела, семейные факторы, гендерные различия, теория привязанности, родительское поведение, дети, подростки.

Morozova Irina Stanislavovna
Doctor of Psychology, Professor,
Kemerovo State University,
Director of the Institute of Education,
Head of the Department of Acmeology and Developmental Psychology
650043, Kemerovo, Krasnaya, 6
E-mail: ishmorozova@ya.ru

Belogai Ksenia Nikolaevna
candidate of psychological sciences, associate professor,
Kemerovo State University,
Associate Professor of the Department
of Acmeology and Developmental Psychology
650043, Kemerovo, Krasnaya, 6
E-mail: belogi@mail.ru

FAMILY FACTORS OF FORMING THE BODY IMAGE IN CHILDHOOD AND ADOLESCENCE

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project 17-36-00016-OGN

Abstract. The main directions of research of family factors affecting the formation of the body image of children and adolescents are analyzed in the article. A three-factor model is described that includes parents, peers and the media. The influence of parental modeling and parental attitudes on the image of the child's body is shown. The results of the work of researchers using the attachment theory as a methodological basis for the development of the model of the formation of the image of the child's body are summarized. The gender and cross-cultural aspects of the problem are considered. Data on the influence of parental behavior on the body image of girls obtained on a Russian-language sample are given.

Key words: body image, family factors, gender differences, attachment theory, parental behavior, children, adolescents.

Образ тела является продуктом психосоматического развития человека. На титульной странице журнала «Body image» («Образ тела») – обобщающего многочисленных исследований в рассматриваемой области - образ тела определяется как многогранный концепт, который описывает восприятие и отношение людей к собственному телу, особенно, хотя и не только, к внешнему облику [12]. По нашему мнению, образ тела представляет собой продукт отражения психикой субъекта своего тела. В процессе онтогенеза в систему «образ тела» включаются телесные границы, интеро- и проприоцептивные ощущения, восприятие пространственных и динамических характеристик тела – его размеров, силы, скорости, гибкости, восприятие внешности. Определенное место в системе «образ тела» занимает «отраженный» его образ – то, как, по мнению субъекта, его тело видится окружающим, как значимые и незначимые люди реагируют на него и описывают. Системообразующая роль в системе «образ тела» принадлежит, по всей видимости, такому компоненту, как принятие (непринятие) тела.

Образ тела – феномен, в становлении которого важнейшую роль играют социокультурные факторы. В настоящее время повсеместно констатируется повышенный уровень внимания и крайняя степень недовольства своей внешностью у людей без физических дефектов и психических отклонений. В литературе введено понятие «нормативного недовольства» собственной внешностью [5], характерного для многих современных людей. Авторами аналитических работ и отдельных публикаций подробно обсуждается роль социокультурных влияний на самооценку внешности, фиксируется наличие активного давления социально-экономических стереотипов [6; 24].

Нарушения образа тела и пищевого поведения связаны с такими факторами как пол, возраст, индекс массы тела, раса, социокультурное давление и самооценка.

Исследователей все больше привлекает анализ социокультурных факторов, определяющих образ тела детей и подростков. Современная культура ориентирована на внешний вид человека. Часто дети и подростки рассматриваются как потенциальные потребители, что оказывает негативное влияние на образ их тела. Исследования показывают, что текущие тенденции в области питания, физических упражнений и красоты, отображаемые на телевидении и в социальных сетях, могут способствовать формированию нездорового образа тела у детей. Не так давно считалось, что неудовлетворенность образом тела характерна подростков, в настоящее время есть больше данных о ее происхождении в детстве.

Трансляторами социокультурных норм для детей, в первую очередь, выступают родители. Например, S. Helfert и P. Warschburger в своем лонгитюдном исследовании

обнаружили, что поощрение родителями ограничительного пищевого поведения и контроля веса взаимосвязано с повышенным весом старших школьников обоего пола [22]. Особенно сильным может быть влияние родителей на образ тела девочек. При помощи регрессионного анализа было показано влияние образа тела матерей и их дочерей на самооценку и гендерную роль девочек [35]. Оказалось, что негативно окрашенные разговоры о диете и весе в семье, особенно иницилируемыми матерями, связаны с проблемным образом тела и расстройствами пищевого поведения у девочек-подростков.

Родители действительно являются сильными коммуникаторами социокультурного давления. Было показано, что вербальные сообщения родителей и активное поощрение оказывает большее влияние на проблемы тела у детей и поведение в еде, чем эффекты моделирования. И матери, и отцы являются важными источниками влияния для своего потомства. Учитывая роль родителей, можно улучшить управление общественным здравоохранением. Однако необходимо более детальное исследование того, как подростки и молодые люди интерпретируют и воспринимают родительские установки и потенциальные защитные факторы [30].

Анализируя публикации последних лет, посвященные изучению образа тела и факторов, на него влияющих, мы обнаруживаем, что большинство исследований выполняется методом поперечных срезов, что не позволяет делать однозначные выводы о причинно-следственных связях между изучаемыми феноменами. Возможно, что молодые люди, неудовлетворенные телом, чаще вспоминают комментарии о внешности и приобретают негативный опыт взаимодействия с родителями.

Необходимо изучать не только клинические популяции, но и субклинические и популяции людей, не имеющих нарушений пищевого поведения. Важно также понять, каким образом – прямо и косвенно – мать и отец влияют на формирование образа тела ребенка. Ряд исследователей заявляет о том, что существует две разные конструкции «негативный образ тела» и «позитивный образ тела», причем их нельзя назвать оппозициями в строгом смысле слова [9]. Исследования образа тела, основанных на биопсихосоциальной модели, выявили три источника стрессоров: родители, сверстники и средства массовой информации. Эти источники включены в так называемую трехстороннюю модель, которая также рассматривает их взаимодействия и включает в себя социальное сравнение и интернализацию культурных норм [например, 34].

Часть работ, направленных на поиск семейных факторов формирования образа тела, делает акцент на *родительском моделировании и родительских установках* [8; 17]. Родительское моделирование означает, что родители неявно передают детям свои убеждения и демонстрируют поведение, которое обязательно повлияет на детей. Собственное ограничение пищевого поведения родителей и недовольство своим телом будут способствовать нездоровым привычкам дочерей и сыновей и негативным убеждениям в отношении их собственных тел [10]. Однако возможен и положительный эффект моделирования, например, регулярность семейного питания, как было показано, связана с правильными пищевыми привычками у детей [19].

Другая проблема касается явных *комментариев родителей относительно привычек питания, формы и размера тела ребенка*. Существует значимая корреляция между критическими высказываниями и неудовлетворенностью телом [29]. Самым сильным фактором формирования недовольства собственным телом у ребенка является поощрение контроля веса со стороны родителей. Семейная культура, ориентированная на внешний вид (включая комментарии родителей о весе/размере тела) и одновременно неупорядоченное питание связано с неудовлетворенностью образом тела у дочерей. Оказалось, что фокусировка семьи на внешности и недовольство телом у дочерей предсказывают попадание девушки в группу с неупорядоченным питанием. При этом не были выявлены специфические типы родительских комментариев относительно веса/размера тела как главный предиктор нарушения питания, но поощрение контроля веса/размера было более сильным предиктором недовольства внешностью [27].

Herfert и Warschburger также обнаружили, что родительские комментарии, высказанные на протяжении года и направленные на контроль веса и формы, были самым сильным предиктором неудовлетворенности телом [22].

Отмечается, что создание семейной среды, в которой внимание уделяется определенному стандарту по отношению к телу и еде, могло бы облегчить включение культурных сообщений, выделенных ранее в трехсторонней модели.

На русскоязычной выборке Мелешко Н. О. показано, что ребенок внутри семьи постоянно получает вербальную (описание, оценки, сравнения) и невербальную (уход, ласки, наказания) обратную связь о собственном теле. Как вспоминают о своем детстве взрослые женщины - обратная связь об их теле вызывала у них сильные эмоциональные реакции (радость, недоумение и т.д.) и имела для них личностный смысл, например, они были склонны интерпретировать эти воздействия и отношение к их телу в качестве отражения отношения к ним как личности, делали вывод о собственной значимости, она влияла и на их самоотношение и на отношение к окружающим [3].

В исследовательском проекте Е. В. Зиновьевой с соавт. показана связь родительских посланий с концепцией телесного я девушек подростков. Авторы пишут, что родительские послания о теле могут вносить свой вклад в формирование тех или иных особенностей когнитивного, эмоционально-оценочного и поведенческого компонентов концепции телесного Я девушек. Вербальные родительские послания о теле могут быть рассмотрены с двух позиций: прямые/косвенные оценочные послания и послания, отражающие нормы и ценности в отношении тела, внешности, выражающиеся через обсуждение/игнорирование/табуирование тем о теле. Прямые/косвенные оценочные послания в большей степени играют роль в формировании особенностей когнитивного и эмоционально оценочного компонентов, а послания, отражающие нормы и ценности в отношении тела, — поведенческого. Среди посланий, отражающих нормы и ценности в отношении тела и внешности, для девушек подросткового возраста самой значимой является тема роли тела в отношениях между мужчиной и женщиной. Обсуждение, игнорирование или табуирование этой темы имеет свои последствия: преувеличение роли внешности и тела или, наоборот, ее игнорирование, в том числе через отказ заботы о себе [цит. по 2].

Что касается *гендерных различий* (которые изучаются по отношению как к детям, так и полу родителей), то некоторые исследования свидетельствуют о более заметном влиянии родителей на образ тела девочек, однако такие результаты могут зависеть от типа используемого инструментария – в большей степени ориентированного именно на девочек. Для мальчиков речь в опросниках должна идти не столько о формах и весе тела, сколько о мускулатуре. Например, поддразнивающие комментарии родителей обоего пола оказались связаны с неудовлетворенностью телом у девочек и стремлением мальчиков иметь мускулистое тело [33]. В последней работе показано также влияние на образ тела сиблингов и сверстников.

Пока относительно мало известно о том, как именно мать и отец влияют на образ тела. Некоторые исследования показали, что поддразнивание отцами дочерей связано с неудовлетворенностью телом у девочек и интернализацией ими социокультурных норм худобы [26]. Другие исследования пытались понять, влияют ли матери главным образом на образ тела их дочерей, а отцы – сыновей, однако результаты показывают, что оба родителя оказывают влияние на образ тела детей обоего пола их сыновей и дочерей [18].

Наши собственные данные относительно влияния отца и матери на образ тела девушек показывают следующее [4]. Задавая в группе из 60-ти девочек-подростков 13-14 лет вопрос: «Как вы считаете, что ваша мама думает о вашем теле?», мы получили следующие ответы (таблица 1). Большинство девочек отметили, что матери либо ничего не думают об их теле, либо воспринимают его как нормальное. При этом в нашей выборке половина девочек занималась фигурным катанием, вторая половина не была вовлечена в спортивную деятельность. И в первой группе, по мнению девочек, матери критичнее воспринимают их тело, 16,6% матерей спортсменок считает, что девочкам нужно похудеть, нет никого, кто

предлагал бы дочери набрать вес. С учетом того, что спортсменки составляют группу риска относительно образа тела – он у них более негативный, с выраженным разрывом между реальным и идеальным образом, такое восприятие матерей может выступать как дополнительный фактор, провоцирующий формирование невроза.

Таблица 1

Что, по мнению девочек-подростков, об их теле думают матери (n=60)

Варианты ответа	Частота	Процент
Результаты по выборке в целом		
Ничего не думает	20	33,4
Нормальное тело	31	51,6
Нужно похудеть	6	10
Нужно набрать вес	3	5
Группа девочек, занимающихся спортом (фигурным катанием)		
Ничего не думает	10	33,4
Нормальное тело	15	50
Нужно похудеть	5	16,6
Нужно набрать вес	-	-
Группа девочек, не занимающихся спортом		
Ничего не думает	10	33,3
Нормальное тело	16	53,3
Нужно похудеть	-	-
Нужно набрать вес	4	13,33

В более старшей возрастной группе – девушкам 19-20 лет – мы также задавали вопрос о том, как оценивают тело девушек их близкие (данные получены на выборке из 35 человек). При соотнесении результатов опросных и проективных методик с тем, как на взгляд участниц исследования, оценивают их близкие – мать, отец и партнер, мы обнаружили, что показатели переводных англоязычных методик «Формы тела» [15] и «Комментарии о внешности (КОВ)» («Verbal Commentary on Physical Appearance Scale» [23] коррелируют, как с оценками матери, так и отца. В последнем случае взаимосвязей больше. Чем выше, по мнению дочери, оценивает ее отец, тем меньше у девушки обеспокоенность формами, меньше частота отмеченных комментариев о внешности, а эмоциональная реакция на комментарии более позитивна (вопрос задавался относительно настоящего времени, детства и подросткового возраста). Чем выше, по мнению дочери, в настоящее время оценивает ее тело мать, тем меньше частота отмеченных комментариев о внешности. Чем выше тело девушки оценивает партнер, тем меньше частота отмеченных комментариев о внешности (таблица 2).

Таблица 2

Корреляции между показателями методик «КОВ» и «Формы тела» и оценкой тела значимыми людьми ($p \leq 0,05$)

Параметры	Как оценивали (оценивают) тело девушки значимые другие				
	Мать в настоящее время	Отец в детстве	Отец в подростковом возрасте	Отец в настоящее время	Партнер
частота комментариев (методика «КОВ»)	- 0,40	-0,36	-0,37	-0,40	-0,40
эмоциональная реакция (методика «КОВ»)			-0,34		
обеспокоенность			-0,37	-0,39	

формами тела (методика «Формы тела»)					
--------------------------------------	--	--	--	--	--

Таким образом, на русскоязычной выборке мы также получаем подтверждение тому, что образ тела взаимосвязан с оценочными суждениями, высказываемыми родителями обоого пола на разных этапах взросления ребенка.

Интересно, что при этом мы не обнаружили взаимосвязи рассматриваемых параметров с соответствием тела собственным идеалам (таблица 3).

Таблица 3

Корреляции между показателями методик КОВ и «Формы тела» и соответствием тела внешним/внутренним стандартам ($p \leq 0,05$)

	Соответствие тела внешним стандартам	Соответствие тела собственным идеалам
частота комментариев (методика «КОВ»)	-0,40	-
эмоциональная реакция (методика «КОВ»)	-0,33	-
обеспокоенность формами тела (методика «Формы тела»)	-0,39	-

Отдельная группа исследований связывает тип привязанности ребенка с особенностями формирования образа тела. Анализируя *взаимосвязь типа привязанности с формированием образа тела у ребенка*, F. Amianto с соавт, отмечают, что небезопасная привязанность связана с расстройствами пищевого поведения. Однако в исследованиях были некоторые противоположные свидетельства об объединении подтипа привязанности с конкретным диагнозом, причем некоторые авторы предлагали связь между избегающей привязанностью и нервной анорексией и между тревожно-амбивалентной привязанностью и нервной булимией. Другие работы предлагают скорее говорить о связи между небезопасной привязанности со степенью тяжести симптомов [7].

В последние годы интерес к изучению взаимосвязи между привязанностью и образом тела вырос. Cheng и Mallinckrodt разработали модель для изучения родительской заботы и неудовлетворенности телом [14]. На группе здоровых студенток колледжа они проверили, как качество привязанности может защитить от интернализации изображений из средств массовой информации. Оказалось, что девушки, вспоминающие о теплых и принимающих матерях (но не отцах) в большей степени удовлетворены образом тела. Использование разработанной модели в клинической популяции девочек с нарушениями питания показало, что плохая эмоциональная связь с отцами была связана с неудовлетворенностью тела через интернализацию образов СМИ, в то время как привязанность к матери непосредственно связана с удовлетворенностью телом [20].

Критическая роль тревожной привязанности в удовлетворённости образом тела объясняется высокой потребностью людей с таким типом привязанности в одобрении и негативным взглядом на себя.

Считается, что подростковый период является критическим периодом в отношении нарушений образа тела, что связано с закономерными в пубертате изменениями, поэтому большинство исследований традиционно было сосредоточено на этом периоде онтогенеза. Однако есть свидетельства того, что в настоящее время тела неудовлетворенность телом, рассматриваемая как желание иметь другой размер и форму тела, а также предпочтение худого тела может возникать уже в пятилетнем возрасте, особенно в группе девочек [21]. Исходя из полученных данных становится очень важным возможность «буферизации» родителями раннего включения этих убеждений в я-концепцию ребенка.

Родители больше влияют на образ тела детей и подростков, позднее – большее давление оказывают сверстники, а во взрослом возрасте другие показатели могут быть более важными, по сравнению с теми и другими.

В диссертационном исследовании О. В. Залесской показано, что образ тела является основой первичной идентичности и формируется в семье на начальных этапах жизни ребенка. В семьях с психосоматической патологией условия формирования первичной идентичности неблагоприятны. При этом матери подростков, страдающих бронхиальной астмой, имеют отягощенный акушерский анамнез, тяжелое течение беременности и негативную динамику эмоционального состояния в течение первого года жизни ребенка, связанную с дисгармоничными отношениями с мужем, отцом ребенка. У подростков с психосоматической патологией, образ своего тела неотделим от образа тела матери. Особый тип привязанности между матерью и ребенком, приводит к симбиотическим отношениям, что не дает возможность ребенку сформировать представление о себе как об отдельном человеке и приводит к возникновению болезни [цит. по 1].

Кросс-культурные исследования родительского влияния на образ тела детей показывают, что отношения между воспринимаемым родительским моделированием и образом тела одинаковы у черных и белых женщин. При этом вербальные сообщения оказывают большее влияние, по сравнению с родительским моделированием, в обеих обследованных группах женщин [11]

В *лонгитюдных исследованиях* было показано, что взаимосвязь между родителем и ребенком предсказывала удовлетворенность телом спустя годы [13; 16].

Nolsen с соавторами исследовали данные норвежской выборки в годы юности и ранней взрослости в период с 13 до 30 лет, чтобы зафиксировать взаимосвязь между ранними взаимодействиями с родителями и развитием образа тела. Они подтвердили роль индекса массы тела и гендерных различий, но неожиданно обнаружили стабильный рост удовлетворенности образом тела в подростковом возрасте со стабилизацией во взрослом возрасте. Существовал более крутой рост удовлетворенности телом для тех, кто сообщал о худших отношениях в начале; в любом случае качество взаимоотношений с родителями, по-видимому, продолжало оказывать влияние даже в возрасте, когда преобладало влияние сверстников [25].

Знание предикторов неудовлетворенности образом тела в рамках функционирования семьи полезно как для индивидуальной, так и для семейной терапии, а также для предотвращения проблем, связанных с изображением тела. Родители должны осознавать, что теплые и поддерживающие отношения могут способствовать формированию позитивного образа тела и самопринятию, а также избегать создания семейной среды, в которой основное внимание уделяется проблемам с весом (даже в форме поощрения изменения привычки в еде). Формирование надежной привязанности также препятствует интернализации неадекватных стандартов внешности детьми.

В этом направлении также должны быть созданы психообразовательные программы, помогающие родителям в решении противостоять включению идеала худобы или других недостижимых стандартов в семейную среду. Программы профилактики, основанные на системной перспективе, могут включать всех членов семьи и должны иметь капиллярное распределение на уровне населения, зная, что любой член семьи может влиять на других. Примеры таких программ уже существуют, в работе McCabe с коллегами родители детей в возрасте 3-6 лет принимали участие в двух семинарах, после чего они получили больше знаний о факторах, влияющих на развитие образа тела их детей [28]. Профилактические усилия должны включать разработку целевых ресурсов, которые обучают матерей и отцов о том, как они влияют на самооценку своих детей и восприятие их тела. Также могут быть разработаны ресурсы, которые могут быть интегрированы в школьную программу. Эти ресурсы должны включать информацию для школьников о том, как обладать высокой самооценкой, сопротивляться социальному давлению относительно

того, чтобы быть худым, предотвращать проблемы с образом тела и получать помощь, если такая проблема появилась [31].

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что практически все исследователи, рассматривая проблемы формирования образа тела детей и подростков, выделяют в качестве факторов и предикторов характеристики семьи и участников семейных взаимодействий. Внутрисемейные отношения всегда сложны и вариативны, что, по мнению исследователей, определяет трудности в раскрытии их вклада в определение оценки тела, особенно когда они изучаются ретроспективно. Однако все проанализированные нами работы позволяют выделить следующие факторы, влияющие на процесс формирования тела детей и подростков в части удовлетворенности и неудовлетворенности образом своего тела: наличие факта ранней заботы о ребенке, наличие явных и неявных сообщений и комментариев родителей о внешних параметрах тела ребенка.

Небезопасная привязанность, в частности, тревожная, как представляется, придает не только амбивалентный характер поведенческим реакциям ребенка, но и формирует большую уязвимость в отношении оценки собственного тела в соответствии со стандартами, полученными извне.

Матери и отцы, по-видимому, вносят разный вклад и по-разному влияют на образ тела детей. Роль братьев и сестер все еще недостаточно изучена.

Самое негативное влияние на образ тела оказывают не прямые комментарии о внешности, а поощрение ребенка к участию в деятельности, которая приводит к изменению тела.

При этом семья может оказывать не только негативное влияние на образ тела, но и «буферизовать» влияние средств массовой информации и способствовать формированию у ребенка позитивного образа тела.

Список использованных источников:

1. Залеская О. В. Особенности образа тела у подростков с психосоматической патологией на примере бронхиальной астмы: дис. канд. психол.н. – Москва, 2007. – 169 с.

2. Зиновьева Е. В., Кейсевич Т. В., Никонова А. Н. Связь родительских посланий о теле с концепцией телесного Я девушек подросткового возраста // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2015. № 1 (34). С. 31-41.

3. Мелешкова Н.О. Социокультурное воздействие на тело ребенка как фактор развития его личности // Психология XXI века: сборник. СПб, 2005. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <https://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya/psihologiya-xxi-veka-2005.html> (дата обращения 21.04.2018).

4. Морозова И. С., Белогай К. Н., Каган Е. С. Содержательные характеристики образа тела девочек-подростков, занимающихся фигурным катанием // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. 1.

5. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности.; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2009. – 256 с.

6. Суэми В., Фернхем А. Психология красоты и привлекательности.; пер. с англ. СПб.: Питер, 2009. – 240.

7. Amianto F., Martini M., Spalatro A., Abbate Daga G., Fassino S. Body Image Development within the Family: Attachment Dynamics and Parental Attitudes in Cross-Sectional and Longitudinal Studies // Acta Psychopathologica. 2017. Vol. 3, Issue 4. DOI: 10.4172/2469-6676.100122.

8. Amianto F., Northoff G., Abbate Daga G., Fassino S., Tasca G.A. Is anorexia nervosa a disorder of the self? A psychological approach // Frontiers in Psychology. 2016. Vol. 7. Article 849. DOI: 10.3389/fpsyg.2016.00849.

9. Andrew R., Tiggemann M., Clark L. Predicting body appreciation in young women: an integrated model of positive body image // *Body Image*. 2016. Vol. 18. 34-42. DOI: 10.1016/j.bodyim.2016.04.003.
10. Arroyo A., Segrin C., Andersen K.K. Intergenerational transmission of disordered eating: direct and indirect maternal communication among grandmothers, mothers, and daughters // *Body Image*. 2017. Vol. 20. 107-115. DOI: 10.1016/j.bodyim.2017.01.001.
11. Bardone-Cone A.M., Harney M.B., Sayen L. Perceptions of parental attitudes toward body and eating: associations with body image among Black and White college women // *Body Image*. 2011. Vol. 8(2). 186-189. DOI: 10.1016/j.bodyim.2010.12.001.
12. *Body Image*. An International Journal of Research. View Editorial Board [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <https://www.journals.elsevier.com/body-image> (дата обращения: 27.02.2018).
13. Boutelle K., Eisenberg M.E., Gregory M.L., Neumark-Sztainer D. The reciprocal relationship between parent-child connectedness and adolescent emotional functioning over 5 years // *Journal of Psychosomatic Research*. 2009. Vol. 66. 309-316.
14. Cheng H.L., Mallinckrodt B. Parental bonds, anxious attachment, media internalization, and body image dissatisfaction: exploring a mediation model // *Journal of Counseling Psychology*. 2009. Vol. 56. 365-375.
15. Cooper P.J., Taylor M.J., Cooper Z., Fairburn C.G. The development and validation of the Body Shape Questionnaire // *International Journal of Eating Disorders*. 1986. Vol. 6. 485-494.
16. Crespo C., Kielpikowski M., Jose P.E., Pryor J. Relationships between family connectedness and body satisfaction: A longitudinal study of adolescent boys and girls // *Journal of Youth and Adolescence*. 2010. Vol. 39: 1392-1401.
17. Elfhag K., Linne Y. Gender differences in associations of eating pathology between mothers and their adolescent offspring // *Obesity Research*. 2005. Vol. 13, Issue 6. 1070-1076. <https://doi.org/10.1038/oby.2005.125>.
18. Field A.E., Camargo C.A., Taylor C.B., Berkey C.S., Roberts S.B., Colditz G.A. Peer, parent, and media influences on the development of weight concerns and frequent dieting among preadolescent and adolescent boys and girls // *Pediatrics*. 2001. Vol. 107. Issue 1: 54–60. DOI: 10.1542/peds.107.1.54.
19. Fulkerson J.A., Story M., Mellin A., Leffert N., Neumark-Sztainer D., et al. Family dinner meal frequency and adolescent development: Relationships with developmental assets and high-risk behaviors // *Journal of Adolescent Health*. 2006. Vol. 39: 337-345. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2005.12.026>.
20. Grenon R., Tasca G.A., Maxwell H., Balfour L., Proulx G., et al. Parental bonds and body dissatisfaction in a clinical sample: the mediating roles of attachment anxiety and media internalization // *Body Image*. 2016. Vol.19: 49-56. DOI: 10.1016/j.bodyim.2016.08.005.
21. Harriger J.A., Calogero R.M., Witherington D.C., Smith J.E. Body size stereotyping and internalisation of the thin ideal in preschool girls // *Sex Roles*. 2010. Vol. 63: 609-620. DOI 10.1007/s11199-010-9868-1.
22. Helfert S., Warschburger P. A prospective study on the impact of peer and parental pressure on body dissatisfaction in adolescent girls and boys // *Body Image*. 2011. Vol. 8(2). P.101–109. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2011.01.004>.
23. Herbozo S. The development and validation of the Verbal Commentary on Physical Appearance Scale. Graduate Theses and Dissertations. 2004. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://scholarcommons.usf.edu/etd/1077> (дата обращения: 15.01.2018)
24. Herbozo, S., Tantleff-Dunn, S., Gokee-Larose, J. and Thompson, J. K. Beauty and thinness messages in children's media: A content analysis // *Eating Disorders*. 2004. Vol. 12: 21-34. doi.org/10.1080/10640260490267742 9.
25. Holsen I., Jones D.C., Birkeland M.S. Body image satisfaction among norwegian adolescents and young adults. A longitudinal study of the influence of interpersonal relationships and BMI // *Body Image*. 2012. Vol. 9: 201-208. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2012.01.006>.

26. Keery H., Boutelle K., van den Berg P., Thompson J.K. The impact of appearance-related teasing by family members // *Journal of Adolescent Health*. 2005. Vol. 37:120–127 DOI: 10.1016/j.jadohealth.2004.08.015.
27. Kluck A.S. Family influence on disordered eating: the role of body image dissatisfaction // *Body Image*. 2010. Vol. 7(1): 8-14. doi: 10.1016/j.bodyim.2009.09.009.
28. McCabe M.P., Mellor D., Mealey A. An educational programme for parents on the body image of preschool-aged boys // *Journal of Health Psychology*. 2014. Vol. 21: 1241-1248.
29. Menzel J.E., Schaefer L.M., Burke N.L., Mayhew L.L., Brannick M.T., et al. Appearance-related teasing, body dissatisfaction, and disordered eating: a meta-analysis // *Body Image* 2010. Vol. 7: 261-270. DOI: 10.1016/j.bodyim.2010.05.004.
30. Rodgers R., Chabrol H. Parental attitudes, body image disturbance and disordered eating amongst adolescents and young adults: a review // *European Eating Disorders Review*. 2009. Vol. 17(2): 137-51. doi: 10.1002/erv.907.
31. Shannon L. M., Wentzel K., Elliott M. N., Dittus P. J., Kanouse D. E., Wallander J. L., Pasch K. E., Franzini L., Taylor W. C., Qureshi T., Franklin F. A., Schuster M. A. Parental and Peer Factors 32. Associated with Body Image Discrepancy among Fifth-Grade Boys and Girls // *Journal of Youth and Adolescence*. 2014. Vol. 43(1): 15–29. doi: 10.1007/s10964-012-9899-8.
33. Schaefer M.K., Blodgett Salafia E.H. The connection of teasing by parents, siblings, and peers with girls' body dissatisfaction and boys' drive for muscularity: the role of social comparison as a mediator // *Eating Behaviors*. 2014. Vol. 15(4): 599-608. doi: 10.1016/j.eatbeh.2014.08.018.
34. Shroff H., Thompson K.J. The tripartite influence model of body image and eating disturbance: A replication with adolescent girls // *Body Image*. 2006. Vol. 3: 17-23.
35. Usmiani S. Daniluk J. Mothers and Their Adolescent Daughters: Relationship Between Self-Esteem, Gender Role Identity, Body Image // *Journal of Youth and Adolescence*. 1997. Vol. 26, Issue 1. P. 45–62.

Григоренко Виктор Викторович
кандидат технических наук, доцент,
Московский государственный политехнический университет (Политех),
доцент кафедры “Менеджмент”
107023, г.Москва, ул.Б. Семеновская, 38
grigorenkovin@gmail.com

Сердакова Кира Геннадьевна
кандидат психологических наук, доцент,
Первый МГМУ им.И.М.Сеченова (Сеченовский Университет)
доцент кафедры педагогики и медицинской психологии
119991, г.Москва, ул.Трубецкая, 8 стр2
kiraserdakova@mail.ru

СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Аннотация. В работе рассматривается проблема формирования семейных ценностей в свете глобализационных процессов, влияющих на восприятие семьи в обществе. Отмечено отсутствие междисциплинарной образовательной программы, направленной на поддержку семейных ценностей, основанной на классической философской и гуманистической традиции, учитывающей современные социологические и психологические исследования.

Ключевые слова: семейные ценности, изменение роли семьи, образовательная программа, социальные изменения, эгалитарность ролей.

Grigorenko Victor Victorovich
candidate of technical sciences, associate professor,
Moscow State Polytechnical University (Polytech)
Associate professor of the Department of Management
107023 Moscow, B.Semenovskaya str. 38
grigorenkovin@gmail.com

Serdakova Kira Gennadievna
candidate of psychological sciences, associate professor,
First Moscow State Medical University of I.M.Sechenov (Sechenov University)
Associate professor of the Department of Pedagogics And Medical Psychology
119991, Moscow, Street Trubetskaya 8, building 2
kiraserdakova@mail.ru

Широко известно, что все развитые страны не только на Западе, но и во всем мире, переживают серьезный культурный кризис. Центральный пункт этого кризиса находится в семейном измерении.

Проблемы семьи в силу своей первичности воздействуют на общество в целом и провоцируют в нем кризис. Кризис культуры во всем мире, имеющий различные черты в различных странах, коренится не в экономических, а в основных семейных проблемах. Например, высокий уровень разводов в США и высокий уровень преступности среди молодежи признаются крайне серьезными проблемами. Как правило, последняя из них является следствием первой, так как отсутствие одного из родителей в жизни ребенка приводит к значительному дисбалансу в его поведении. Большое количество молодых людей без нормального воспитания в своих семьях не могут стать образцовыми гражданами. В Европе и в Японии малое количество детей в семьях является, возможно, центральным

аспектом нынешнего и особенно будущих кризисов.

Схожие процессы присущи и российскому обществу за исключением некоторых регионов, менее подверженных мейнстриму мирового культурного кризиса. Значительный рост числа неполных семей, добрачное сожительство и низкая доля супружеств – эти три показателя, часто отмечаются как кризисные. Наряду с этими проблемами происходит рост числа беспорядочных половых связей, болезней, передаваемых половым путем. Помимо этого, ещё одним фактором является открыто одобряемое активное сексуальное поведение младших школьников, ранее считавшимся необычным и признаваемое девиантным. Вслед за исследователями проблем семьи мы считаем, что семейные ценности можно рассмотреть как совокупность представлений о семье, влияющая на выбор семейных целей, способов организации жизнедеятельности и взаимодействия, которые культивируются в обществе.(2) Очевидно, что возникает проблема диагностики и развития семейных ценностей на разных этапах возрастного развития.

В проводимом нами исследовании взаимосвязи религиозности и субъективного благополучия в позднем возрасте одним из исследуемых параметров являлись семейные ценности. В исследовании использовался мотивационно-ценностный тест С. Рейса. В качестве испытуемых выступили 49 лиц пожилого возраста и 53 человека молодого возраста. Возрастные критерии определены согласно концепции Э.Эриксона. Группы сопоставимы между собой по уровню образования и гендерному составу. Метод Рейса представляет собой открытую форму, в которую респондент вносит спонтанно приходящие на ум ответы. Затем ответы интерпретируются экспериментатором по 16 мотивационно-ценностным категориям. Ответы группы пожилых по методике Рейса позволяют заключить, что самыми главными мотивационно-ценностными составляющими в их жизни являются социальные контакты и семья. У молодых на первых позициях статус и семья. Таким образом, семейные ценности оказываются важными для обеих групп. Анкета, которая была составлена авторами исследования содержала вопрос о необходимости семейного образования. Молодые и пожилые респонденты выразили готовность обучаться психологии семьи, семейной педагогике, способам разрешения конфликтов в семье, разница состояла в форме обучения. Так, например, молодые респонденты готовы обучаться он-лайн, а пожилые респонденты выбирают очную форму обучения. Обе группы указывают на недостаточность таких возможностей. Формат тезисов не позволяет нам описать все теоретические и эмпирические аспекты заявленной темы.

Имеющиеся негативные тенденции в обществе, оказывающие огромное влияние на семью, усугубляются отсутствием цельных образовательных программ, позволяющих профессионально помогать супругам и родителям выполнять свои роли в современном обществе. Теоретический анализ проблемы, проведенное эмпирическое исследование позволяет утверждать тот факт, что в современном обществе появилась необходимость серьезного фундаментального образования по проблемам семьи и брака. Наличие такой возможности позволило бы сохранить институт семьи и формировать семейные ценности в современном обществе.

Имеющиеся в современной психологической науке методы диагностики и коррекции могут быть использованы при решении семейных проблем. Однако обучение данным методам должно осуществляться только в процессе специально-организованной деятельности, в контексте специальных образовательных программ.

В настоящее время в мире существуют лишь единичные примеры таких программ. В Международном Университете Каталонии существует программа пост университетского образования для учителей, психологов, врачей и просто супругов. Данная программа носит название «Брак и семейное образование». Она включает в себя блоки антропологии человека, проблемы любви как ответственного отношения к другому человеку, психологии семейных отношений, вопросы воспитания детей. Для понимания и разрешения семейных проблем полученные теоретические знания отрабатываются на практических занятиях. Основным методом отработки полученных знаний является кейс-метод.

Богатые традиции российского образования и современные проблемы семьи в нашем обществе создают предпосылки для успешного развития высшего и дополнительного образования по проблемам семьи, направленного на поддержку и укрепление семейных ценностей и общества в целом.

Список использованных источников:

1. Григоренко В.В. Роль социального капитала как важного фактора эффективности организации /Международный научно-исследовательский журнал 5(36) июнь 2015 часть 3, с.30-31, Екатеринбург, 2015
2. Ясин М. И., Сердакова К. Г. Эмпирическое исследование религиозности и субъективного благополучия в пожилом возрасте журнал Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016 № 9, с. 74-85.
2. Олифинович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. — СПб.: Речь, 2006. — 360 с.
3. Fatherhood in the Twenty-First Century Natasha J. Cabrera, Catherine S. Tamis-LeMonda, Robert H. Bradley, Sandra Hofferth, and Michael E. Lamb
Child Development, January/February 2000, Volume 71, Number 1, Pages 127–136
4. Blankenhorn D. FATHERLESS AMERICA Confronting Our Most Urgent Social Problem, 1995

Григоренко Виктор Викторович
кандидат технических наук, доцент,
Московский государственный политехнический университет (Политех),
доцент кафедры "Менеджмент"
107023, г. Москва, ул. Б. Семеновская, 38
grigorenkovin@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ РОЛИ ОТЦА И МУЖЧИНЫ В СЕМЬЕ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема изменения роли мужчины в семье и трансформация отцовства как результат цивилизационных процессов. Доказано, что существует прямая связь между социальными изменениями в обществе и характером отцовской роли мужчины. Трансформация отцовской роли идет в направлении эгалитарности ролей супругов в семье по отношению к детям, снижением доли мужчин, желающих стать отцами. Эта тенденция сопровождается снижением количества браков и ростом разводов.

Ключевые слова: изменение роли мужчины в семье, трансформация отцовства, социальные изменения, эгалитарность ролей, модели отцовства.

Grigorenko Victor Victorovich
candidate of technical sciences, associate professor,
Moscow State Polytechnical University (Polytech)
Associate professor of the Department of Management
107023 Moscow, B. Semenovskaya str. 38
grigorenkovin@gmail.com

THE HISTORICAL CHANGES IN THE FATHERSHIP AND THE MAN'S ROLE IN A FAMILY DURING MODERN AND CONTEMPORARY HISTORY

Abstract. The article discusses the problem of the transformation of the man's role in the family as a father which is a result of profound social processes and man's functional involvement in the family. It is proved that there is a direct relationship between social processes and character of the fatherhood. Transformation of the fatherhood goes in the direction of the unification of the parent's functions towards children, lessening of the quantity of fathers. This tendency goes together with a growth of divorces.

Key words: transformation of the man's role in the family, the functional involvement in the family, character of the fatherhood.

Хорошо известно, что все развитые страны не только на Западе, но и во всем мире, переживают определенный культурный кризис. Главный и центральный пункт этого кризиса находится в семейном измерении.

Проблемы семьи в силу своей первичности воздействуют на общество в целом и провоцируют в нем кризис. Кризис культуры во всем мире, имеющий различные черты в различных странах, коренится не в экономических, а в основных семейных проблемах. Например, высокий уровень разводов в США и высокий уровень преступности среди молодежи признаются крайне серьезными проблемами. Как правило, последняя из них является следствием первой, так как отсутствие одного из родителей в жизни ребенка приводит к значительному дисбалансу в его поведении. Большое количество молодых людей

без нормального воспитания в своих семьях не могут стать образцовыми гражданами. В Европе и в Японии малое количество детей в семьях является, возможно, центральным аспектом нынешнего и особенно будущих кризисов.

Схожие процессы присущи и российскому обществу за исключением некоторых регионов, менее подверженных мейнстриму мирового культурного кризиса. Значительный рост числа неполных семей, сожительства и низкая доля супружеств – еще три показателя, часто отмечаемые как кризисные. Наряду с этими проблемами происходит рост числа беспорядочных половых связей, болезней, передаваемых половым путем и открыто одобряемым сексуальным поведением, ранее считавшимся необычным и признаваемым девиантным.

Итак, изучая семейные проблемы, мы обнаруживаем связь проблем между родителями и проблем между родителями и детьми. Очевидно также, что здесь присутствуют некоторые психологические аспекты индивидуальных проблем.

При этом роль отца является ключевым и критическим пунктом в семейной конструкции.

Эта конструкция и родительские идеалы менялись на протяжении на протяжении последних двух столетий. Идеал отца изменялся под влиянием четырех трендов: возрастающее вовлечение женщин в наемный труд, уход мужчин из семей, возрастающее вовлечение остальных мужчин в жизнь детей, растущее культурное разнообразие в глобальном мире.

Отцовство, по сравнению с материнством, намного реже считают существенным и преобразующим фактором в жизни детей. Действительно, последствия для мужчины, ставшего отцом как правило не учитываются исследователями. Этот недосмотр несколько удивителен в свете социальных изменений последнего времени, касающихся отцовства. (2,3). Отцовство, по крайней мере в США стало объектом глубокого исследования и общественного внимания. Это внимание в значительной степени вызвано социальными и культурными изменениями образа отца и имиджа отцовства, а также изменениями в поведении мужчин как отцов- они ведут себя отлично от отцов прошлого.

Хотя действительность не так выразительна как риторика, существует много свидетельств, что отцы сейчас более эмоционально связаны с детьми, принимают большее участие в их жизни, более эгалитарны по отношению к их(детей) гендерной роли и являются, похоже, основными источниками заботы для своих детей. (Griswold; Lamb, 1987; Parke, 1995). Не удивительно, что общество интересуется влиянием отцов и отцовской заботы (fathering) на благополучие детей.

Существуют, однако, почти противоположные изменения в проявлениях отцовства во многих странах. Одновременно с появлением «нового отцовства» и ростом понимая роли отцов в жизни их детей, все меньше мужчин переживают отцовство. Недавние демографические данные показывают, что почти 6 из 10 мужчин жили совместно с детьми в середине 60-х, но уже в 90-х это число стало меньшинством (45%)(12). В то же время число женщин, испытавших материнство также уменьшилось за последние десятилетия, но «уход» мужчин из родительства более стремителен.(4)

История проблемы отцовства

История отцовства и отцовского участия имеют ключевое значение для понимания и действия этих определяющих концепций и понятий, которые изменили наше время.

Существуют различные определения отцовства, происшедшие из психологической и социологической точек зрения. Некоторые из них подчеркивают личностный аспект в развитии человека, который должен быть подготовлен к отцовству и исполнению определенной роли в семье. Другие подчеркивают социальные аспекты здоровья семьи, качество воспитания детей и их влияние на общество в целом.

Отцовство всегда было много составным понятием, хотя со временем доминирующий и определяющий мотив сместился последовательно с акцента на моральное руководство к

поставщику пищи, затем к образу сексуальной роли, супружеской поддержки и, наконец, заботы. В соответствии с меняющимися определениями (концептуализацией) сути отцовства, участие и вовлеченность отца рассматривалась и определялась различным образом в разное время. Это делает сравнение объема отцовского участия в разные эпохи трудным как в проведении так и в его интерпретации. Кроме того, эти трудности стали увеличиваться, так как социологические концепции родительского участия (вовлеченности) возникали одновременно и подвергались воздействию популярных модных методик. Это привело к смещению фокуса внимания с качественных характеристик отцовства (включая такие черты как маскулинистость и доминацию) к количественным характеристикам (таким, как количество времени, проводимое отцами совместно с детьми).

В тот же период приобретала популярность феминистическая критика равно как современных, так и традиционных отцовских ролей. Такой пересмотр идеальных родительских ролей привел к повышенному вниманию к вопросам родительской заботы, участию в повседневной заботе о детях. При этом внимание к другим функциям или сторонам отцовства было вторичным. Социологи игнорировали не только другие черты отцовства, но и субкультурные различия в определениях и концепциях отцовства. Как следствие, только сейчас происходит поиск более широкого и инклюзивного понимания отцовства. Эти усилия должны привести к более глубокому исследованию мотиваций и поведения современных отцов, равно и влияние различий в родительском поведении на развитие детей.

Новое время открыло эру громадных социальных, экономических и религиозных преобразований, меняющих условия семейной жизни и роли родителей.

Доступные данные, конечно, весьма ограничены в объеме, но историки утверждают, что многое можно извлечь, исследуя переписку (даже если допустить, что немногие из наших предков писали письма, и еще менее того думали об их сохранности для потомства) и литературу или общественные записи в определенные периоды прошлого. Черда изменений в вопросах, волнующих общество описанная такими исследователями как La Rossa (1988) и другими, анализировавшими подобные исторические материалы, представляет интерес не только для описания нашего прошлого, но также могут помочь нам понять современную озабоченность из-за путаницы по поводу отцовства. Согласно Pleck (6-8), можно различать четыре фазы или периода за более чем два века американской истории. В каждом из периодов доминируют различные поведенческие, ролевые аспекты отцовства.

Необходимо отметить, что хотя такой обзор исторических изменений в отцовстве касается последних двух столетий, более ранние данные отмечают важность отцовства как института стабильности семьи и общества в юридической, культурной, экономической сферах.

Положение отца в семье было положением патриарха и домовладельца. Этот статус давал отцу власть над всеми членами семьи, включая жен, детей и рабов. Экономические и социальные изменения привели к переменам в семейных отношениях и ролях.

Моральный Наставник

Самой ранней фазой была фаза, начавшаяся от времен Реформации и пуритан (16-17 века), охватывая колониальный период вплоть до ранних времен республики. На протяжении этого периода роль отца можно определить как моральное наставничество и учительство. В соответствии с общественным консенсусом отцы признавались первыми ответственными лицами за воспитание детей в соответствии с определенным набором ценностей, полученными прежде всего из чтения Библии. В более широком смысле роль отца включала ответственность за образование детей, хотя и сводилась все-таки к умению читать Библию. Историки указывают, что на протяжении этого периода хорошие отцы определялись как мужчины, дающими образ доброго христианина в жизни и чьи дети хорошо знали Писание.

Кормилец

Со времени индустриализации происходит смещение в осмыслении роли отца (Pleck, 1984). На смену определений в термина морального учительства приходят определения

ответственного за обеспечение. Такое одномерное понимание отца длилось с половины девятнадцатого столетия, вплоть до Великой Депрессии (Pleck, 1984). Анализ литературы и переписки между отцами и детьми в этот период подтверждает доминирующее понимание отца как кормильца. Это не значит, что роль морального авторитета исчезла или роль кормильца не присутствовала ранее у отцов. Важность сельского хозяйства и домашнего производства после индустриализации снизилась, что вызвало разделение между вне- и внутри-домашним трудом. Индустриализация сделала кормильца и добытчика идеалом отца, и такой критерий был одобрен обществом.

Образец мужчины

Вероятно, в результате периода распада семей и переселений, наступившего вскоре после Великой Депрессии, и Второй Мировой Войны, появилось новое понимание отцовства, проявившееся прежде всего в литературе, сфокусированной на несоответствии многих отцов реалиям жизни. Хотя моральное наставничество и добывание хлеба насущного оставалось важным, внимание сместилось к роли образца мужчины, прежде всего для сыновей (6-8). Много книг и статей в профессиональной и популярной литературе говорит о потребности в образце сильного мужчины, причем многие профессионалы заключали, что отцы недостаточно хорошо справлялись с этой задачей. Эти предполагаемые и явные несоответствия с задачами отцовства отражены в таких работах как драма «Rebel Without a Cause», и осмеяны в таких комедиях и мультфильмах как *Blondie and All in the Family* (Ehrenreich & English, 1979).

Новый заботливый отец

Около середины 70-х пришло время четвертой фазы. Впервые многие авторы и комментаторы подчеркивали, что отцы могут и должны быть заботливыми родителями, активно участвуя в каждодневной заботе о своих детях. Активное родительство было определено как центральный компонент отцовства и стал мерилем успешности, мерой оценки «хороших отцов». Это новое определение успешного отцовства популяризировалось в таких произведениях как «Kramer vs. Kramer» и «The World According to Garp». Затем появился и интерес со стороны профессионалов к «новому отцовству». Отцы были призваны к большей заботе о своих детях по сравнению с началом 20-го века, но 1970-е ознаменовали изменения в относительной и абсолютной важности такого поведения.

Отцовство как высшая форма мужской реализации

В соответствии с религиозными и культурными традициями известных народов быть отцом означает для мужчины иметь уважаемую позицию в обществе, иметь некоторую власть в семье или даже в народе. Одна из самых знаменитых историй была связана с желанием Авраама стать отцом.

Помимо религиозного контекста нормальный мужчина в повседневной жизни понимает, что брак и дети дают ему и обществу в целом множество преимуществ. Это делает брак и отцовство основным приоритетом мужчин. Кроме того, брак позитивно влияет на физическое и интеллектуальное здоровье.

Некоторые исследования указывают на позитивный психологический эффект брака.

Учитывая, что развод признан сильным негативным фактором, влияющим на физическое и ментальное здоровье обоих партнеров и многих детей, данная проблема нуждается в решении. Ответ может быть получен из литературы по психологии в случаях высокой конфликтности в браке. Дети в таких ситуациях не должны присутствовать, чтобы не пострадать эмоционально и морально.

Социальные и экономические условия, меняющие характер ролей и поведения отцов, приводят также к изменениям в жизни матерей. То, что однажды казалось естественным — родительская модель, в которой отцы видятся как «помощники» у матерей — теперь требует новых культурных идеалов, таких как со-родительство. Перемены в ответственностях мужчин и женщин создают новый набор ожиданий и отношений по отношению к членам семьи. Идеал со-родительства знаменует важный сдвиг, так как он стирает различие полов в домашней работе и ответственности как кормильцев. (7) Со-родительство должно разделять

задачи и ответственность поровну, их роли не имеют окраски пола. Следовательно, роль матери как «хранительницы очага», похоже, уменьшается. Такое межпоколенческое со-родительство воплощает образ будущей коллективной социальной сознательности. Изменения в ролях отцов, матерей, и семей отражаются во многих сферах таких как работа, домашние обязанности, школа и направлены главным образом на успехи детей. Серьезным вызовом исследователям является возможность теоретически объяснить эти изменения и предсказать траекторию развития детей. Самым же важным для цивилизованного общества представляется нахождение мер по исцелению семьи и общества в целом.

Список использованных источников:

1. Григоренко В.В. Роль социального капитала как важного фактора эффективности организации / Международный научно-исследовательский журнал 5(36) июнь 2015 часть 3, с.30-31, Екатеринбург, 2015
3. Fatherhood in the Twenty-First Century Natasha J. Cabrera, Catherine S. Tamis-LeMonda, Robert H. Bradley, Sandra Hofferth, and Michael E. Lamb
Child Development, January/February 2000, Volume 71, Number 1, Pages 127–136
3. Blankenhorn D. FATHERLESS AMERICA Confronting Our Most Urgent Social Problem, 1995
4. The Effects of Father Involvement: An Updated Research Summary of the Evidence Inventory Sarah Allen, PhD Kerry Daly, PhD University of Guelph May 2007
5. David J. Eggebeen, Chris Knoester Does Fatherhood Matter for Men?
Journal of Marriage and Family 63 (May 2001): 381–393
5. Michael E. Lamb The History of Research on Father Involvement, Marriage & Family Review,(2000) 29:2-3, 23-42,
http://dx.doi.org/10.1300/J002v29n02_03
7. Pleck, E. H., & Pleck, J. H. (1997). Fatherhood ideals in the United States: Historical dimensions. In M. E. Lamb (Ed.), The role of the father in child development (Third edition; pp. 33-48). New York: Wiley.
8. Pleck, J. H. The myth of masculinity. Cambridge, MA: MIT Press.(1981).
9. Pleck, J. H. Husbands' paid work and family roles: Current research issues. In H. Lopata & J. Pleck (Eds.), Research in the interweave of social roles. Vol. 3. Families and jobs (pp. 231-333). Greenwich, CT: JAI Press.(1983).
10. LaRossa, R. Fatherhood and social change. Family Relations, 36, 451-458.(1988).
11. LaRossa, R., Gordon, B. A., Wilson, R. J., Bairan, A., & Jaret, C. The fluctuating image of the 20th century American father. Journal of Marriage and the Family, 53, 987-997.(1991).
13. E. Anthony Rotundo American Manhood: Transformations In Masculinity From The Revolution To The Modern Era , 1985

Гапеенкова Светлана Максимовна
кандидат педагогических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
доцент кафедры дошкольного и дефектологического образования
440035 г. Пенза, ул. Мира, д. 18, кв. 15
E-mail: mamasonya20141@yandex.ru

ВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА ВЛИЯНИЯ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ РЕБЁНКА

Аннотация. В статье рассматривается проблема значимости семьи для формирования личности ребёнка на различных возрастных этапах. Известны особенности становления личности в каждом возрасте. Полноценное формирование личности в семье, безусловно, связано и зависит от разумного учёта этих особенностей в процессе семейной жизнедеятельности.

Ключевые слова: формирование личности, возрастные особенности, семья.

Gapeenkova Svetlana Maksimovna
candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Penza State University,
Associate Professor of the Department of Pre-school and Defectological Education
440035 Penza, Mira, 18, dpt. 15
E-mail: mamasonya20141@yandex.ru

AGE-RELATED SPECIFICITY OF FAMILY INFLUENCE ON THE FORMATION OF OF THE CHILD'S PERSONALITY

Abstract. The article deals with the problem of the importance of the family for the formation of the child's personality at different age stages. Notable features of personality development at each age. Full-fledged formation of personality in the family, of course, is connected and depends on a reasonable consideration of these features in the process of family life.

Key words: formation of personality, age characteristics, family.

Кратчайшее расстояние между двумя точками – прямая линия. В соответствии с данным математическим постулатом из двух летающих конструкций, перемещающихся вверх из одной точки в другую, быстрее достигнет цели та, которая обладает механизмом, обеспечивающим вертикальный взлёт. Попытаемся представить процесс формирования личности движением вверх такой летающей конструкции. Тогда исходной точкой движения будет момент рождения, траекторией движения – жизненный путь, а конечной точкой – вершина личностной пирамиды, *самоактуализация* личности, согласно теории А. Маслоу. Из двух стремящихся ввысь конструкций быстрее достигнет вершины конструкция, обладающая механизмом вертикального взлёта. Применительно к процессу формирования личности ребёнка таким механизмом будет служить зрелая, полноценная семья.

Важнейшим условием развития личности ребёнка является его тесная связь с близким взрослым, прежде всего - с матерью. Отсутствие этого условия в первые годы жизни вызывает значительные нарушения в психическом развитии ребёнка, что накладывает неизгладимый отпечаток на всю его жизнь. В многочисленных исследованиях этого феномена (отечественных и зарубежных) неоспоримо доказано, что в этих случаях происходит задержка **психического и физического развития ребёнка**, наблюдаются

нарушения в поведении, страдает предречевое и речевое развитие, замедляется развитие познавательных функций и особенно страдает эмоциональное развитие ребёнка [4; 7]. В последующем это отражается на способности ребёнка сопереживать, сочувствовать окружающим людям. Способность ребёнка с искренней теплотой и заботой относиться к другим прямо зависит от того, соприкоснулся ли он сам и в каких формах с любовью и бережной заботой близких. Обнаружено, что у многих детей, воспитывавшихся вне семьи, **отсутствуют волевое поведение, инициатива**, затруднены контакты со сверстниками и далее возникают трудности в установлении избирательных, положительно окрашенных эмоциональных контактов с окружающими людьми.

В раннем детстве (от года до трёх лет) роль близких взрослых меняется: оставаясь по-прежнему крайне необходимым предметом жизненных потребностей ребёнка, она приобретает новые черты. Смысловым наполнением сотрудничества со взрослыми становится усвоение предназначения предметов, которые открываются ребёнку и становятся его миром. Взрослые открывают ребёнку функции предметов, скрытые в самих предметах. Это первое **приобщение ребёнка к социальному опыту**. Ребёнок узнаёт, что нужно аккуратно обращаться с предметами, не портить, не ломать, не бросать их. Такое научение имеет большое значение в **трудовом** и особенно **нравственном** воспитании ребёнка, поскольку вырабатывает установку действовать по правилам вообще, а не только с предметами, развивает систему запретов и поощрений, понимания, что хорошо и что плохо, как надо и как нельзя и т.п.

В деятельности ребёнка с предметами уже в раннем детстве формируются его **личность, сознание и воля, основные установки** [6]. Ребёнок из окружающей среды усваивает лишь то, что отвечает его потребностям и ведущим мотивам поведения. События, явления, взаимодействия с окружающей реальностью, которые соответствуют нуждам ребёнка, становятся понятными и значимыми для него. Успех воспитания во многом зависит от умения родителей организовать жизнедеятельность ребёнка так, чтобы его непосредственные действия становились как бы его собственной инициативой и вызвали радостные переживания.

Очевидно, что «правильное» развитие ребёнка требует тщательного, интенсивного, заинтересованного, умного внимания со стороны взрослых, которое в полной мере обеспечивается только условиями семейной жизни ребёнка. Личностное преобразование, пока «негромкое», возможно, едва уловимое, происходит через подражание взрослым. Поэтому огромную роль в формировании полезных интересов, установок ребёнка играет мотивация самих родителей, выражающаяся в их отношении к вещам, людям, к собственной деятельности.

Отсутствие же семейной воспитательной среды искажает указанные линии развития ребёнка. Многочисленные наблюдения и специальные сравнительные исследования развития детей, воспитываемых в семье и живущих в детских учреждениях, подтверждают данное положение. Так, известные чешские психологи Й. Лангмейер и З. Матейчек пишут: «Сравнение развития детей из семей и из учреждений почти всегда подтверждает более плохое развитие детей из учреждений в области **интеллекта, чувств и характера**. В исследованиях во всех случаях однозначно приводится, что неблагоприятная среда учреждений затрагивает в особенности детей самого раннего возраста – до 3 или, возможно, до 5 лет» [4, С.107].

Изменение взаимоотношений между ребёнком и взрослым происходит как результат «вызревания» внутренней структуры «Я». Следствием этого процесса к началу дошкольного детства (от 3 до 7 лет) является возникновение тенденции к самостоятельной деятельности. Феномен «Я сам» означает возникновение внешне заметной самостоятельности и внутреннее ослабление нужды в обязательном участии в этой деятельности взрослого. Вектор личностного строительства устремляется в пространство человеческих отношений, эмоциональных и поведенческих реакций. Весь дошкольный возраст обращён в круговорот действий, желаний, решений, устремлений взрослых. Но между реальными возможностями

ребёнка и его реальным участием в жизни взрослых людей существует некое, пока непреодолимое, расстояние. Преодолеть это расстояние помогает особый вид детской деятельности, в которой смоделированы отношения взрослых людей и в которые ребёнок может включиться. Такой деятельностью является сюжетно-ролевая игра. В игре ребёнок сначала эмоционально, а затем интеллектуально осваивает систему человеческих отношений. Для успешного выполнения развивающих функций ролевых игр нужно создать условия для их возникновения: организовывать разнообразные впечатления ребёнка от окружающей действительности, предоставлять захватывающие воображение игрушки и познавательно-игровой реквизит, создавать ситуации для возникновения и закрепления деловых и дружеских отношений между детьми, показывать образ взрослого и его действий и, главное, часто и регулярно общаться с ребёнком. Именно из разнообразных, по-разному эмоционально окрашенных пересечений, столкновений, взаимодействий со взрослыми ребёнок черпает содержательные «инструменты» для своих игр и получает представления о правилах человеческих контактов. Создать такие условия лучшим образом могут только близкие, любящие, заботливые взрослые – родители ребёнка в условиях семейного воспитания. Сами родители, их отношение к ребёнку, поступки, нормы поведения, являются эталоном для ребёнка, им он подражает и в играх, в первую очередь, воспроизводит образцы, увиденные в семье. Поэтому именно в семье закладываются основы **нравственного воспитания ребёнка, способности к сочувствию, сопереживанию другим людям.**

Наряду с игровой деятельностью огромное значение для развития личности ребёнка имеют изобразительная деятельность, конструктивная, трудовая деятельность в семье, чтение и слушание детской литературы, учение ребёнка. Эти виды деятельности оказывают незаменимое влияние на развитие речи, познавательных процессов, любознательности ребёнка. Поскольку важными механизмами расширения опыта дошкольника являются отражение, подражание, психическое заражение, то умственная работа взрослых, их чтение, беседы, занятия имеют непосредственную значимость для формирования **интеллектуальных установок и потребностей детей.** В процессе участия в разнообразных видах деятельности, организуемых взрослыми, у ребёнка формируются устойчивые отношения к миру, к людям, к себе. Целостная система этих отношений составляет **характер ребёнка.** В содержании характера в единстве с мотивацией находятся **индивидуальное сознание и воля.** В воспитании воли особое значение имеют самостоятельные действия, самостоятельные решения ребёнка. Индивидуальное сознание (личное сознание, внутренняя позиция) формируется как сущность личности и является основой деятельности ребёнка.

Отсутствие разумного, мудрого, заботливого взаимодействия родителей с ребёнком в условиях семейной жизни в случае потери ребёнком родительского попечительства приводит к невосполнимым потерям личностного формирования ребёнка. Нарушается **эмоциональное, интеллектуальное, волевое развитие ребёнка; нарушается ориентация ребёнка в социальных связях, нормах поведения и отношений; не формируется самостоятельный характер, «размывается» личное сознание, самосознание ребёнка.** Исследования учёных подтверждают это положение. Так, В.Я. Титаренко, сравнивая детей из детского дома и «семейных» детей, пишет: «У большинства из них отмечались запаздывание и некоторые нарушения умственного и особенно эмоционального развития. В частности, у ряда из них слабее, чем у детей из нормальных семей, выражались социальные чувства. Они труднее включались в коллектив, менее реагировали на его требования. У них сильнее развиты агрессивность, самозащитная реакция и значительно слабее – чувство симпатии и заботы, внимание к товарищам. Отмечалась также повышенная раздражимость, признаки подавленности, пассивности и т.д.» [7, С.35].

Отношения ребёнка – младшего школьника (от 6 до 11 лет) - со взрослыми меняются. Главным становится отношение «ребёнок – учитель». Сквозь призму этих отношений воспринимаются отношения ребёнка к родителям, к другим детям. С началом школьного обучения ускоряется процесс интеллектуального развития ребёнка. На основе интенсивного развития мышления происходит развитие остальных функций, интеллектуализация всех

психических процессов, их осознание и произвольность. **Происходит развитие и становление личности ребёнка в целом.** Младший школьник с готовностью овладевает новыми знаниями, ведущими у него становятся познавательные потребности. Личности младшего школьника свойственны **доверчивость, исполнительность, восприимчивость, впечатлительность, подражательность, направленность на внешний мир.** Эти качества создают благоприятные условия для интенсивного воспитательного воздействия на ребёнка: **формирования устойчивых познавательных мотивов, нравственных ориентиров поведения, развития интересов и способностей.** На протяжении возраста у младшего школьника формируется стремление к **самостоятельности, развивается самоконтроль и самооценка.** Вместе с тем младший школьник нуждается в опорах в виде внешнего требования и контроля, указаний, внешних ориентиров со стороны значимых взрослых – учителя, родителей. Характер их взаимодействия с ребёнком крайне важен: авторитарность вредит и тормозит развитие, разумное поощрение самостоятельности способствует формированию активности, инициативности, уверенности в себе, формированию устойчивых интересов ребёнка. На основе развития способности к анализу, к рассуждению (рефлексии), развития самоконтроля и самооценки у младшего школьника формируется критическое отношение к значимым взрослым. Меняется характер взаимоотношений ребёнка и родителей, так как младший школьник начинает сравнивать родителей с другими взрослыми. Поэтому в этот период очень важно, чтобы ребёнок имел в лице родителей эталонный пример нравственного, интеллектуального, социального развития личности [3; 6]. Младший школьный возраст – это и период **полоролевого определения**, время **расширения и углубления полоролевой типизации переживаний и поведения.** Для детей этого возраста особенно ценным становится близкое общение с родителем своего пола (мальчика – с отцом, девочки – с матерью), в процессе которого они вникают в занятия и усваивают личностно-поведенческие нормы представителей своего пола, а через образ второго родителя – нормы представителей другого пола. На основе примера родителей, нравственно-психологических особенностей внутрисемейного взаимодействия у детей формируются **начальные брачно-семейные представления** [2].

Естественно предположить, что лишение родительского попечительства в этом возрасте ведёт к нарушению качеств личности ребёнка, формируемых преимущественно в этом возрасте. Деформация личностного развития происходит в области **интеллектуального, познавательного, волевого, нравственного развития ребёнка; нарушается формирование самоконтроля, адекватной самооценки, полоролевого определения ребёнка.** Убедительные доводы безусловной необходимости активного, сознательного, решительного и целенаправленного родительского воспитания приводятся в работах М.И. Буянова, М.Майерхофер, В. Келлера и многих других исследователей [1].

Подростковый возраст (11 – 15 лет), по мнению большинства специалистов, является переходным. В нём сочетаются отголоски детства и очевидные проявления взрослого человека. В этих переплетениях заключается «трудность», противоречивость возраста. В самосознании подростка происходят важные перемены, возникает «чувство взрослости». Именно в этом чувстве отражается метаморфоза самосознания подростка, благодаря которой он ощущает себя личностью, равнозначной личности взрослого. «Чувству взрослости» соответствует и объективный процесс взросления – **окончание роста организма и половое созревание**, хотя, как свидетельствует большинство учёных, определяющего значения этот процесс не имеет. Поведение и поступки подростка зависят от общественных **условий жизни и воспитания.** Наполнение личности подростка осуществляется прежде всего в нравственном, морально-этическом отношении. Зреющее чувство взрослости нуждается в «обнаружении», проявляется у подростка как потребность в самоутверждении. Самоутверждение начинает занимать ведущее место в структуре мотивов подростка и имеет (чаще всего) демонстративный характер. Самоутверждение требует подтверждения со стороны окружающих. Подросток начинает искать друзей, в сообществе которых все равны. Специфические трудности становления личности подростка во многом зависят от того, какие

друзья станут референтной группой для него. Референтными могут стать и родители, и классный коллектив, и творческий или спортивный коллектив, в которых подросток может заниматься, а может - и асоциальная группировка. Если учёба является главным делом для подростка и важна для сверстников, тогда он может самоутверждаться в учении. Если подросток отдаляется от одноклассников, теряет контакт с ними, он может уйти в группы, имеющие асоциальную направленность. Любая полезная деятельность требует усилий и напряжения воли, ума. Собственных личностных ресурсов подростку может не хватить. Поэтому часто требуется разумное руководство старшего. Идеально, когда таким старшим наставником оказываются родители подростка. Но для этого они должны хорошо понимать особенности и противоречия нравственного развития подростка, вовремя перестроить свою внутреннюю позицию по отношению к нему: проявлять понимание и уважение к подростку как к равному, участвовать в совместной деятельности, интересной ему, проявлять деликатность и чуткость к мнениям, переживаниям подростка, искренне интересоваться его делами, занять позицию друга и советчика.

Ранний юношеский возраст (15-17 лет) – отличается бурным конструированием мировоззрения, социальных чувств. В этот период растущий человек особо нуждается в уважении, собственной востребованности окружающими, в доверии. В этом возрасте возникают интимные отношения, новые половые чувства, отличные от чувств взрослых. Отсутствие поддержки и чуткого понимания возможных переживаний молодого человека со стороны близких может стать одной из причин отклонений в поведении.

Процесс формирования самосознания в юношеском возрасте достаточно неоднозначен, противоречив. Устойчивая, убедительная система норм и моральных правил ещё не сложилась. Но потребность всё в том же самоутверждении существует. Часто люди юношеского возраста стремятся любым способом обратить на себя внимание, быть замеченными. Средства при этом могут быть прямо противоположными: и общественно одобряемыми, и негативными.

При этом с возрастом влияние сверстников становится сильнее, чем влияние взрослых, сопротивление «давлению» со стороны взрослых усиливается. Поэтому особенно важно, чтобы родители свои взаимоотношения с молодыми людьми строили в форме советов, с уважением относились к их интересам, склонностям. Огромную роль для социально-нравственного становления личности в этот период играет включение молодых людей в активную социальную жизнь общества, организация раннего взаимодействия с трудовыми коллективами. Поиски себя в юности часто переживаются как одиночество, как некая индивидуальная обособленность. Вместе с тем появляются более крепкие механизмы внутреннего самоконтроля. С этими процессами связано развитие межличностной привязанности, дружбы, формирование мировоззрения и общественной активности. Родительское участие в жизни повзрослевшего ребёнка, сохранение контакта, искренний интерес и уважение, дельный совет и помощь в самоопределении, выборе будущей профессии обеспечивают сохранение воспитательных позиций родителей и помогают молодому человеку сделать правильный жизненный выбор.

Проведённый краткий анализ особенностей развития личности в детские и школьные годы показывает, что полноценное становление, зрелость личности достигаются только при активном, деятельном участии в этом процессе близких взрослых. Оставаясь важным и ценным на протяжении всего периода интенсивного развития и формирования личности, влияние близких взрослых на разных возрастных этапах приобретает особую значимость для инициирования и гармоничного раскрытия определенных **базовых** личностных черт и качеств. Наибольшей силой влияния на ребёнка обладают взрослые – родители ребёнка, а наиболее благоприятными условиями его формирования оказываются условия семейной жизни. Это утверждение справедливо, так как семья как форма общности людей обладает целым рядом, присущих только ей, специфических особенностей.

Семья как определённая социальная общность выступает как конкретная система связи и взаимодействия между её членами, возникающими по поводу удовлетворения их

разнообразных и многоплановых потребностей. Естественную основу семьи составляют брачные и родственные связи, которые в определенном смысле являются первичными. Кровно-родственные связи между ребёнком и родителями, другими членами семьи создают уникальную внутрисемейную эмоциональную, нравственно-психологическую атмосферу близости, тепла, заботы и любви. Эта атмосфера составляет основу внутрисемейного общения и взаимодействия её членов и является важнейшим **воспитательным стимулом и ценностью**. Интимные узы, глубоко личный контакт между ребёнком и родителями, сердечность и взаимное понимание обеспечивают интенсивное, прочное и глубокое **усвоение ребёнком нравственных позиций родителей**, проявляющихся в их привычках, обычаях, суждениях и оценках, в их отношении к другим людям, общественным событиям, поступкам окружающих, а также **обуславливают особую чувствительность, предрасположенность ребёнка к внушению со стороны родителей**, их сознательным установкам, касающимся его поведения. Задушевная атмосфера семьи, сплочённость, доверие и забота друг о друге членов семьи удовлетворяют потребность ребёнка в положительных эмоциях, в которых он нуждается с рождения, оказывают сильнейшее влияние на детскую психику и в дальнейшем дают широкий простор для эмоциональных переживаний ребёнка, реализации его потребностей, становятся подлинной школой социальных чувств. В сокровенной атмосфере семьи у ребёнка формируется способность к сопереживанию, способность чувствовать как огорчение и боль, так и радость за другого. «Тонкость ощущения человека, эмоциональная восприимчивость, впечатлительность, чуткость, чувствительность, сопереживание, проникновение в духовный мир другого человека – всё это постигается прежде всего в семье, во взаимоотношениях с родными. Тут нужно искать эмоционально-эстетический корень благородной духовной потребности в человеке» - тонко замечает В.А. Сухомлинский. Интимно-эмоциональная атмосфера семьи, нравственно-задушевная выразительность отношений играют значительную роль в формировании таких качеств, как ответственность, справедливость, верность долгу, мужество, смелость, без которых невозможно становление **активной жизненной позиции ребёнка**.

Внутрисемейные отношения являются первым специфическим образцом общественных отношений, с которым ребёнок сталкивается с момента рождения, в них фокусируется миниатюрное воплощение всего богатства и особенностей общественных отношений, создаётся возможность раннего включения ребёнка в их систему. Через образцы семейных отношений и с помощью связей, которые семья устанавливает с окружающими (родственники, соседи, профессиональное и дружеское окружение), ребёнок постепенно включается в социальный мир, то есть осуществляется его социализация.

В семье представлены различные возрастные, половые, профессиональные «подсистемы». Наличие в семье сложного обогащающего образца, каковым выступают родители, поскольку они разного пола, облегчает нормальное психическое, нравственное развитие ребёнка, позволяет ему полно проявить и реализовать свои эмоциональные и интеллектуальные возможности. Важной особенностью именно семейного взаимодействия является и то, что оно осуществляется в процессе **непосредственного контакта** ребёнка с близкими взрослыми в отличие от других коммуникационных систем, в которых субъекты могут быть разделены пространственными и временными интервалами. Кроме того, семейное взаимодействие осуществляется **длительное время и в разных жизненных ситуациях**, что также повышает его воспитательный потенциал.

Семья обладает целой палитрой свойственных ей стимуляторов психосоциального развития ребёнка, важнейшие из которых – интенсивность и богатство взаимодействия со взрослыми, интимные и стойкие эмоциональные контакты с постоянными лицами (родители, другие члены семьи), родительская любовь, внимание и забота. Это естественные, имманентно присущие семье стимуляторы, наиболее полно отвечающие потребностям развития ребёнка, его эмоционального мира и культуры, спектра высших человеческих чувств [7].

Список использованных источников:

1. Буянов М. И. Ребёнок из неблагополучной семьи. – М.: Просвещение, 1988. – 207 с.
2. Каган В. Е. Воспитателю о сексологии. – М.: Педагогика, 1991. – 256 с.
3. Кравцова Е. Е. Психологические проблемы готовности детей к обучению в школе. – М.: Педагогика, 1991. – 152 с.
4. Лангмейер Й., Матейчек З. Психическая депривация в детском возрасте. – Прага, 1984. – 134 с.
5. Непомнящая Н. И. Становление личности ребёнка 6-7 лет. – М.: Педагогика, 1992. – 160 с.
6. Петухов Е. И. Педагогика семейных отношений // Семья. Социально-психол. и этич. пробл.: Справочник / Под общ. ред. В. И. Зацепина. – К.: Политиздат Украины, 1990. – 255 с.
7. Титаренко В. Я. Семья и формирование личности. – М.: Мысль, 1987. – 352 с.

Ларин Илья Андреевич
МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии,
студент кафедры возрастной психологии
125009 г. Москва, ул. Моховая д. 11 стр. 9
larin9696@yandex.ru

Садовникова Татьяна Юрьевна
кандидат психологических наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет психологии,
доцент кафедры возрастной психологии
125009 г. Москва, ул. Моховая д. 11 стр. 9
Москва, Россия
tatsadov@yandex.ru

ДВЕ ФОРМЫ ОБЩЕНИЯ СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ С РОДИТЕЛЯМИ: ОНЛАЙН И ОФФЛАЙН

Аннотация. Статья посвящена проблеме общения современных подростков с родителями. Проведены 6 фокус-групп, 4 с подростками (N=24) и 2 с родителями подростков (N=12), для выдвижения гипотез эмпирического исследования. Апробирован авторский опросник изучения выраженности двух форм общения подростков с родителями (онлайн и оффлайн), основанный на структурной модели коммуникативных потребностей Л.И. Марисовой (1978). Выборка: старшеклассники г. Москвы и г. Балашиха (N=88). Гипотезы исследования подтвердились. о связи характера детско-родительских отношений и предпочитаемых форм общения и о связи предпочитаемой формы общения и тем общения старших подростков с родителями

Ключевые слова: старший подростковый возраст; детско-родительские отношения; общение; межпоколенное общение; общение в интернет-пространстве; количественные и качественные методы исследования.

Larin Ilya Andreevich
*Lomonosov Moscow State University(LMSU),, Faculty of Psychology,
Student of the Developmental Psychology Department
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
larin9696@yandex.ru*

Sadovnikova Tatiana Yurievna.
*Ph D,
Lomonosov Moscow State University (LMSU), Faculty of Psychology,
Assistant Professor of the Developmental Psychology Department
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
tatsadov@yandex.ru*

TWO FORMS OF THE SENIOR TEENAGERS' COMMUNICATION WITH PARENTS: ONLINE AND OFFLINE

Annotation. This article is devoted to the study focused on communication between modern teenagers and their parents. Six focus-groups, 4 with teenagers (N=24) and 2 with teenagers' parents (N=12) to suggest the hypotheses of the empirical study were conducted. The authors' questionnaire is based on structural model of teenagers' communicative needs by L.I. Marisova (1978) to research forms' representation of parent-child communication (online and offline) was

tested. The sample consist the 88 senior pupils from Moscow and Balashikha schools. The hypotheses were confirmed.

Key words: senior teenage age; parent-child relations; intergenerational communication; digital communication; quantitative and quantitated methods of research.

В психологии семья рассматривается как иерархическая сложная система, для оценки функционирования которой предложены различные модели (Э.Г. Эйдемиллер, А.Я. Варга, О.А. Карабанова). Ядром семьи является супружеская пара, отношения супругов. При изучении межличностных отношений в семье, как правило, изучают отношения и представителей различных подсистем семьи: родителей, детей, прародителей. Общение в семье является важнейшей характеристикой семейной системы. Особенностью семейного общения является его длительность, интенсивность, эмоциональная насыщенность, объективная необходимость для организации жизнедеятельности семьи, т.е. решения задач, стоящих перед семьей, что во многом сказывается на специфике общения членов семьи (Э.Г. Эйдемиллер, А.Я. Варга, О.А. Карабанова, А.Б.Холмогорова, В.Сатир). Формы семейного общения включают в себя нормы, характерные для разных возрастов и поколений (А.А. Реан, С.В. Молчанов). Особенности общения между членами семьи зависят от принадлежности семьи к определенной социокультурной группе, от возраста (поколения) членов семьи, от правил конкретной семейной системы и т.д.

В настоящее время организация жизнедеятельности людей, больших и малых групп во многом зависит от информационных технологий (Г.У. Солдатова, А.Е. Войскунский, С.Д. Поляков, М.И. Постникова, В.А. Емелин) Общение современных детей и подростков перемещается в интернет среду, что ведет за собой изменение норм, правил и иных важных характеристик общения. Согласно статистике около 90% школьников по всей стране пользуются интернетом. В крупных городах (к примеру, в Москве) не используют интернет лишь 1-2% всех школьников [22]. Социальная ситуация развития (Л.С. Выготский) старших подростков как правило включает родителей и более старших родственников, для которых различные формы общения в интернет среде являются, по словам С.Д. Полякова, в значительной мере неизведанными [14]. Изучение общения между представителями разных поколений в современной семье безусловно является актуальной задачей науки, особенно в контексте современного мира, в эпоху развития информационных технологий.

Межпоколенные отношения это, по определению, предложенному в работе М.И. Постниковой, «сложный многоуровневый и многокомпонентный системный, опосредованный культурно-историческим развитием общества процесс, суть которого заключается в осознанной, ценностно-осмысленной и эмоционально окрашенной интра- и интер-психической активности субъектов – представителей разных поколений, людей разного возраста» [15, с. 44-45].

Несмотря на общепризнанную важную роль детско-родительских отношений для развития личности подростка, современные исследователи отмечают ускорение темпа роста ценностного разрыва между поколениями родителей и детей в 21 веке [17; 19]. А.М. Рикель и С.В. Доренская, показали, что ценностный межпоколенческий разрыв свидетельствует об уменьшении возрастных рамок одной поколенческой когорты до 10 лет [17]. В качестве причин возникновения такого разрыва Э. Тоффлер, один из авторов концепции постиндустриального общества, выделяет появление большого количества социальных конфликтов, связанных с высокими темпами развития в информационном обществе [24].

Во многом ценностный разрыв между поколениями объясняется интенсивным развитием информационных технологий. Термин «цифровой разрыв» признается как представителями младшего поколения, так и представителями более старших поколений [21]. Интернет-среда и общение в ней в логике «цифрового разрыва» рассматривается как модель, отражающая изменения в передаче опыта между поколениями [22]. В современном мире грань между «виртуальным» и «живым», т.е. непосредственным, общением

оказывается практически стертой. Согласно исследованию Д.О. Королевой, в ходе которого изучалась повседневность современного подростка, его присутствия в социальных сетях, были получены результаты, говорящие нам о том, что «противопоставление *онлайн* и *оффлайн* общения с развитием мобильных технологий практически невозможно, так как эти два процесса конвергентны» [8, с. 60]. Было выявлено, что «онлайн» подростки находятся в основном для общения в социальных сетях, и при этом они переключаются между онлайн и офлайн пространством без затруднений, а коммуникация ведется зачастую параллельно; отмечено, что подросток может находиться параллельно в разных социальных кругах [8]. Такие результаты говорят о сильном размывании «границ» между онлайн и офлайн пространством и в очередной раз подтверждают тезис о том, что интернет является неотъемлемой частью жизни современного человека, особенно юного.

Подростки склонны выделять в качестве основных каналов общения непосредственный контакт и социальные сети вне зависимости от принадлежности к социальной группе [27]. Тем не менее, большинство подростков *отдают предпочтение непосредственному контакту*. В рамках исследования под руководством А.Б. Холмогоровой было установлено, что подростки из социально-благополучных семей склонны общаться в социальных сетях больше, чем представители других социальных групп [27].

Говоря об особенностях общения в интернет пространстве между представителями различных поколений стоит обратиться к работам Г.У. Солдатовой и ее соавторов, которые отмечают, что «цифровой разрыв между подростками и взрослыми (родителями и учителями) сокращается крайне медленно, что не позволяет в полной мере старшему поколению помочь, а младшему – принять помощь родителей и учителей» [21, с. 27].

В рамках своего исследования Г.У. Солдатова и Е.И. Рассказова приводят понятие цифровой компетентности, определяемой как «способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать, и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности (информационная среда, коммуникации, потребление, техносфера), а также его готовность к такой деятельности» [21, с. 29]

Понятие цифровой компетентности включает в себя четыре компонента или четыре вида цифровой компетентности [21]:

- 1) информационная компетентность – знания, умения и мотивация, связанные с поиском и обработкой информации в интернет пространстве;
- 2) коммуникативная компетентность – знания, умения и мотивация, связанные с общением в интернет пространстве;
- 3) техническая компетентность – знания, умения и мотивация, связанные с пониманием и умением использования технических аспектов интернета и компьютера;
- 4) потребительская компетентность – знания, умения и мотивация, связанные со способностью использовать интернет для решения задач повседневной жизни.

Понятие цифровой компетентности имеет непосредственное отношение к изучению общения между различными поколениями в современной семье. Поскольку в наше время *общение онлайн* тесно связано с общением *оффлайн*, вопрос цифровой компетентности современных родителей подростков ставится особенно остро. Овладение родителями всеми формами цифровой компетентности становится необходимостью не только для успешности в рабочем контексте. Качество общения с детьми подросткового возраста зависит от способности родителей поддерживать общение не только в *оффлайн* пространстве, но и в пространстве *онлайн*.

Таким образом, изучение межпоколенческого общения в современной российской семье в интернет-среде занимает одно из важнейших мест среди изучения межпоколенческих взаимоотношений в целом. Мы использовали как количественные, так и качественные методы исследования [11; 12; 26].

Цель данного исследования - изучить связь характеристик детско-родительских отношений в семьях с детьми подросткового возраста и потребность подростков в общении с родителями в жизни (общение *оффлайн*) и в интернет-пространстве (общение *онлайн*).

На основании анализа литературных источников мы предполагали, что существуют различные стратегии организации общения родителей и подростков с использованием современных информационных компьютерных технологий (ИКТ).

Для выдвижения гипотез, которые мы планировали затем проверить в эмпирическом исследовании, на первом этапе работы нами было проведено качественное исследование: использовался метод фокус-групп [13]:

Нами было проведено 6 фокус групп: 1). для мальчиков 15-17 лет из Москвы, 2). для девочек 15-17 лет из Москвы, 3) для родителей детей-подростков из Москвы, 4). для мальчиков 15-17 лет из Московской области, 5). для девочек 15-17 лет из Московской области, 6). для родителей детей-подростков из Московской области. Каждая из фокус-групп была рассчитана на 2-2,5 часа. Таким образом, в исследовании методом приняли участие подростки (N=24) и родители подростков (N=12) из г. Москвы и Московской области (г. Балашиха). В рамках метода фокус-групп нами были использованы проективные и зондирующие техники [9].

По результатам качественного исследования (проведенных фокус-групп и дальнейшего контент-анализа полученного нарративного материала) нами были выдвинуты гипотезы для дальнейшего эмпирического исследования:

- 1) Общение занимает важнейшую роль в жизни современного подростка.
- 2) Общение в интернете воспринимается подростками как гораздо менее эмоциональное.
- 3) «Живое» (непосредственное), т.е. общение оффлайн, общение с родителями подростки предпочитают общению в интернете.
- 4) Общение в интернете, т.е. общение онлайн, с родителями служит хорошим инструментом для разрешения конфликтов между родителями и детьми.
- 5) Общение в интернете т.е. общение онлайн, в данный момент используется подростками и родителями подростков, в основном, для решения бытовых вопросов.
- 6) При общении в интернете, т.е. общение онлайн, с родителями подростки предпочитают мессенджеры, а не социальные сети.

Для проверки в рамках эмпирического исследования нами были выбраны и конкретизированы следующие гипотезы:

1. Существует связь между характером детско-родительских отношений и приоритетными формами общения со стороны подростков: в более эмоционально близких, доверительных отношениях родителей и подростков приоритетной формой общения, по мнению подростков, является непосредственное («живое») общение, т.е. общение оффлайн; в более дистантных отношениях подростков и их родителей – приоритетной формой общения, по мнению подростков, является интернет, т.е. общение онлайн.

2. Существует связь между предпочитаемой подростками формой общения с родителями и темами общения: наиболее частой темой для общения в интернете, т.е. общение онлайн, является организация быта.

Методы исследования. 1). методика Inventory of Parents and Peers Attachment (IPPA), [32] для измерения характеристик детско-родительских отношений в подростковом и юношеском возрасте. Структура методики включает в себя 3 основные шкалы: «Доверие», «Общение», «Отстранение» (соответственно, в отношениях с матерью и в отношениях с отцом) и одну интегральную шкалу: «Привязанность к матери (отцу)». В рамках нашего исследования мы задействовали 50 высказываний, направленных на отражение детско-родительских отношений (25 высказываний про отношения с мамой, и 25 высказываний про отношения с папой).

2). Был разработан авторский опросник изучения выраженности двух форм общения подростков с родителями (общение онлайн и общение оффлайн), основанный на

структурной модели коммуникативных потребностей Л.И. Марисовой (1978) – «Формы общения подростков с родителями» (ФОПР).

В основе авторского опросника ФОПР лежит представление об иерархической структуре коммуникативных потребностей, служащей мотивационно-потребностной основой общения, предложенное в работе Л.И. Марисовой (1978). Структура коммуникативных потребностей, по Л.И. Марисовой, включает в себя девять групп потребностей: 1. в другом человеке и во взаимоотношениях с ним; 2. В принадлежности к социальной общности; 3. в сопереживании и сочувствии; 4. в заботе, помощи и поддержке со стороны других; 5. в оказании помощи, заботы и поддержки другим; 6. в установлении деловых связей для осуществления совместной деятельности и сотрудничестве; 7. в постоянном обмене опытом, знаниями; 8. в оценке со стороны других, уважении, авторитете; 9. в выработке общего с другими людьми понимания и объяснения объективного метода и всего происходящего в нем.

С помощью разработанного нами опросника ФОПР мы исследуем преобладание тех или иных групп коммуникативных потребностей подростков при общении подростков с родителями в реальной жизни («живое» общение, т.е. общение оффлайн), либо при общении подростков с родителями в интернет-сети (общение онлайн).

Опросник ФОПР включает две основные шкалы, одна из которых направлена на диагностику потребности подростков в общении с родителями в реальной жизни (общение оффлайн), а вторая шкала – на диагностику потребности подростков в общении с родителями в интернет пространстве (общение онлайн). Каждой из шкал соответствует 9 субшкал, характеризующих представленные выше группы коммуникативных потребностей подростков. Для каждой из субшкал были сформулированы по 2 вопроса. Таким образом, каждая из основных шкал опросника ФОПР содержит 18 вопросов. Оценка согласия респондента с утверждением производится по 5-балльной шкале Лайкерта, где 1 – «нет» («не согласен»); 2 – «скорее, нет»; 3 – «не знаю» («и да, и нет»); 4 – «скорее, да», 5 - «да» («согласен»).

Выборку составили учащиеся московских и подмосковных школ старшего подросткового возраста (15-17 лет) в количестве 88 человек. Интересно отметить, что 100% выборки пользуется интернетом для общения с родителями.

В ходе исследования нами были получены следующие **основные результаты**:

1) Мы сравнивали особенности взаимоотношений подростков и их родителей для двух групп подростков, отличающихся предпочитаемым типом общения с родителями: 1). Предпочтение подростками «живого» (непосредственного) общения с родителями (группа «общение оффлайн») 2). Предпочтение подростками общения с родителями через интернет, т.е. ИКТ (группа «общение онлайн»). Для группы подростков с более высокими показателями по шкале опросника ФОПР «Потребность в «живом» общении с родителями», чем по шкале опросника ФОПР «Потребности в общении с родителями в интернете». В том числе, были обнаружены значимые различия по шкалам опросника IPRA «Отторжение от матери» (M-U, $p = 0,003$) и «Привязанности к матери» (M-U, $p = 0,007$). При анализе средних значений по данным шкалам (IPRA) для каждой из групп было выявлено, что подростки группы «общение онлайн» имеют значимо большее среднее значение по шкале опросника IPRA «Отторжение от матери» ($20 > 16$). Подростки с большими значениями по шкале опросника ФОПР «Потребность в общении с родителями вживую» (группы «общение оффлайн») имеют значимо большее среднее значение по шкале опросника IPRA «Привязанность к матери» ($35 > 29$).

Данные результаты свидетельствуют о том, что подростки с более близкими и теплыми семейными отношениями склонны больше общаться с родителями непосредственно («общение оффлайн»), в то время как подростки с более дистантными семейными отношениями склоняются к общению в интернете («общение онлайн»), что подтверждает гипотезу №1 о существовании связи между характером детско-родительских отношений и предпочитаемыми формами общения подростков с родителями.

2) При анализе значимых различий по субшкалам опросника ФОПР у подростков с высокими (больше среднего) и низкими (меньше среднего) значениями по основной шкале опросника ФОПР «Потребность в «живом» общении с родителями» («общение оффлайн»), были получены значимые различия по всем шкалам методики IPRA (M-U, $p = 0,000 < 0,05$). При этом, при анализе значимых различий по субшкалам опросника ФОПР у подростков с высокими (больше среднего) и низкими (меньше среднего) значениями по основной шкале опросника ФОПР «Потребность в общении с родителями в интернете» («общение онлайн») были получены значимые различия по всем шкалам ФОПР, кроме субшкалы, характеризующий потребность в сотрудничестве и установлении деловых связей при общении ($p = 0,73 > 0,05$). Такие результаты указывают нам на то, что данный мотив общения является наиболее важным при общении в интернете, на что указывают и высокие средние значения по данному показателю относительно остальных (7,7).

Данные результаты, на наш взгляд, частично подтверждают гипотезу №2 о ведущей роли делового/хозяйственно-бытового мотива при общении подростков с родителями в интернете.

3) В ходе апробации разработанного нами опросника ФОПР, направленного на исследование мотивационно-потребностной основы общения подростков с родителями при двух формах общения -- «общение оффлайн» и «общение онлайн», -- были получены значения α Кронбаха для двух основных шкал ФОПР: α Кронбаха = 0,938 для первой группы вопросов и α Кронбаха = 0,921 для второй группы вопросов, что говорит о хорошей надежности-согласованности опросника.

Заключение. Изучены связи характеристик детско-родительских отношений в семьях с детьми подросткового возраста и специфики коммуникативных потребностей подростков в общении с родителями при двух формах общения подростков с родителями («общение оффлайн» и «общение онлайн»). Была выявлена ведущая роль делового/хозяйственно-бытового мотива при общении подростков с родителями в интернете («общение онлайн»). Гипотезы эмпирического исследования подтвердились.

Список использованных источников:

1. Будинайте Г.Л., Варга А.Я. Современный брак: новые тенденции // В кн.: Системная психотерапия супружеских пар / Сост.: А. Я. Варга; под общ. ред.: К. Ягнюк; науч. ред.: А.Я. Варга. Вып. 5. М.: Когито-центр, 2012 С. 9-27
2. Войсунский А.Е., Евдокименко А.С., Федунина Н.Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология -- 2013. -- №1 - с. 66 -- 83.
3. Войсунский А.Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология - 2014. - №2 - с.90 -- 104.
4. Войсунский А.Е. Речевая деятельность в ходе компьютерных конференций // Вопросы психологии. 1991. № 6. с. 142 — 147.
5. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Гл. ред. А.В. Запорожец. — М.: Педагогика, 1982—1984. Т. 4: Детская психология / Под. ред. Д.Б. Эльконина. — 1984. — 433 с.
6. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. — СПб.: Питер, 2009. — 576 с.
7. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. — М.: Гардарики, 2005. — 320 с.
8. Королева Д.О., Электронный журнал «Современная зарубежная психология» 2016. Том 5. № 2, 2016, с. 55 -- 62
9. Ларин И.А. Межпоколенное общение в современной российской семье: региональный аспект // Курсовая работа. Москва, МГУ. 2018. -- 65 с.
10. Марисова Л.И. О мотивационно-потребностной основе общения. — Берлин, 1978.

11. Мельникова О.Т. Качественные методы в решении практических социально-психологических задач // Введение в практическую социальную психологию. Под ред. Жукова Ю.М., Петровской Л.А., Соловьёвой О.В. – М., 1996, с. 265 - 281
12. Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические принципы качественных исследований в психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология - 2013. - №3 - с. 4-17
13. Мельникова О.Т. Фокус-группы. Методы, методология, модерирование. Аспект Пресс, 2007. – 320 с.
14. Молчанов С.В. Психология подросткового и юношеского возраста. -- М.: Юрайт, 2016. – 351 с.
15. Поляков С.Д. Современный отечественный подросток и социокультурная ситуация развития (опыт пилотажных исследований) // Мир психологии. 2008. № 3. С. 142–149.
16. Постникова М.И. Психология отношений между поколениями в современной России, автореф. докт. псих. наук, Санкт-Петербург, 2011. -- 55 с.
17. Реан А.А. Психология подростка // СПб.: «прайм-еврознак», 2003. – 408 с.
18. Рикель А.М., Доренская С.В. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал, 2017, Том 14, № 4, с. 205 – 225.
19. Сапоровская М.В. Исследование межпоколенных связей в семейном контексте [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. N 2(2). URL: <http://psystudy.ru>
20. Сергиенко Е.А., Эйдельман Н.А. Молодое поколение в период самоопределения // Мир психологии, 2017, № 1, с. 109 – 125.
21. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал №2(14) / 2014, с. 27 – 35
22. Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования / Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. — М.: Фонд Развития Интернет, 2013. — 144 с.
23. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Сложности формирования современного молодого поколения // Мир психологии, Москва, 2017, -- с. 134 – 143.
24. Солдатова Г.У., Кропалева Е.Ю. Территория свободы: особенности российских школьников как пользователей интернета // Дети в информационном сообществе – 2009. -- №2 – с. 36 – 43
25. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
26. Улановский А.М. История и векторы развития качественных исследований в психологии // Методология и история психологии. 2008. Том 3. Выпуск 2. – с. 129 – 139.
27. Холмогорова А.Б., Авакян Т.В. и др. Общение в интернете и социальная тревожность у подростков из разных социальных групп // Консультативная психология и психотерапия, 2015, № 4. -- с. 102 – 129.
28. Чернецкая С.В. Межпоколенная коммуникация: Барьеры и конфликты; социально-антропологический аспект: диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13.- Ростов-на-Дону, 2003. -- 161 с.:
29. Шнейдер Л.Б. Семейная психология: Учебное пособие для вузов. 2-изд.— М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – 768 с.
30. Шнейдер Л.Б. Семейное воспитание в разных поколениях: ретроспективный анализ //

VI-ая Международная научная конференция ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ: сборник тезисов / Под ред. Карабановой О.А., Захаровой Е.И.,

Чурбановой С.М., Васягиной Н.Н. – Москва - Звенигород, 30 сентября - 4 октября 2015 г. -- 1387 с. -- с. 165 – 180.

31. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи // СПб, 2008. – 672 с.

32. Armsden G.C., Greenberg M.T. The inventory of parents and peers attachment, Journal of Youth and Adolescence, 1987

Печникова Леонора Сергеевна

канд. психол. наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова, ф-т психологии,
доцент кафедры нейро- и патопсихологии,
Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9,
E-mail: pech56@mail.ru

Олешкевич Валерий Иванович,

канд. философ. наук,
ГБУЗ «НПЦ ПЗДП им. Г.Е. Сухаревой ДЗМ» (1),
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ) (2)
старший научный сотрудник (1), доцент (2)
Москва, 5-й Донской проезд, дом 21А (1); Москва, Миусская пл., д. 6(2)
E-mail: ov-6161@mail.ru

**КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПСИХОТЕХНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЯМ
С РОДСТВЕННОЙ ОПЕКОЙ
CULTURAL-HISTORICAL AND PSYCHOTECHNICAL ANALYSIS OF PROBLEMS
APPEARING DURING SOCIO-PSYCHOLOGICAL HELP TO KINSHIP FOSTER CARE
FAMILIES**

Аннотация. В статье рассматривается задача культурно-исторического и психотехнического анализа различных форм психологической и социальной помощи детям-сиротам. На основе анализа существующих проблем в этой области предлагаются культурно-исторический и психотехнический подходы для системного и технологизированного решения таких задач. В качестве основного принципа решения таких задач предлагается принцип организации развития ребенка и создания условий для такого развития. Социальную и психологическую помощь необходимо выстраивать так, чтобы они были ориентированы на формирование самопомощи как со стороны семьи, так и со стороны ребенка.

Ключевые слова: опека, помощь, приемная семья, психотехника, культурно-исторический анализ, прикладная психология.

Pechnikova L.S.

*PhD in Psychology, associate professor of the Chair of Neuro- and Pathopsychology,
Department of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail:
pech56@mail.ru*

Oleshkevich V.I.

*PhD in Philosophy, Senior Research Fellow Scientific-Practical Children's Mental Health
Centre n. a. G. Sukhareva of Moscow City Department of Healthcare, Moscow, Russia; associate
professor Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. E-mail: ov-6161@mail.ru*

Abstract. The article focuses on cultural-historical and psychotechnical analysis of different forms of social and psychological help provided to orphaned children. After analyzing of existing problems in this field, authors suggest to use cultural-historical and psychotechnical approaches for finding systematic and technological solution to such problems. The solution suggested is based on the principle of child's development organization and creating conditions for such development.

Social and psychological help needs to be organized so that it would be focused on self-help development — both for the family and for the child.

Key words: Guardianship; Help; Foster Family; Psychotechnics; Cultural-Historical Analysis; Applied Psychology.

Родственные усыновление и опека - исторически наиболее часто встречающаяся форма устройства осиротевших детей. Она поощряется большинством культур и также подкреплена приоритетом на законодательном уровне. Среди семей, имеющих приемных детей на территории России, в разные годы, согласно данным официальной статистики, было зарегистрировано от 200 000 до 300 000 тех, кто воспитывает ребенка на основании родственной опеки. Профессиональная форма устройства детей в семью (приемная семья) также нередко оформляется на членов расширенной семьи ребенка, чьи родители по различным причинам не могут выполнять родительские обязанности. Несмотря на то, что это могут быть представители разных поколений, относительно кровных отца и матери (братья и сестры (дяди и тети для ребенка), дети (совершеннолетние сиблинги ребенка), традиционно именно родители родителей (бабушки и дедушки ребенка) становятся теми, кто возлагает на себя официально обязанности по опеке. Тем не менее, нельзя не отметить, что опека такого рода порождает особые трудности в жизни семьи: как рассказать ребенку правду о его прошлом, если эта правда затрагивает близкого родственника, как совместить в себе роли мамы и бабушки, как строить детско-родительский контакт, когда дистанция в возрасте значительная, как обеспечить функционирование семьи пожилому человеку, как преодолеть чувство вины и проекции на ребенка отношения к его родителям, и многие другие. Дополнительное количество задач встает перед опекуном, если ребенок имеет ограниченные возможности здоровья (ОВЗ), требующие особого ухода и ресурсов. Вопросы нарушения развития у детей сопрягаются как с дополнительной нагрузкой на бабушек и дедушек, принявших роли родителей, так и с необходимостью порой перестроить правила функционирования семьи, устройство жизни, уклад, привычки, устойчивость которых в пожилом возрасте увеличивается. Специалисты сферы семейного устройства отмечают, что риск помещения детей в сиротские учреждения (возвратов) при родственной опеке – самый высокий. Это связано и с обозначенными выше проблемами, и с тем, что решение о принятии ребенка в семью бывает импульсивным, принимается в короткие сроки, прохождение подготовки приёмных родителей при родственной опеке долгое время являлось необязательным [1; 4; 5; 7; 9; 11].

С одной стороны, можно сказать, что перечисленные проблемы требуют дальнейших исследований, специальных разработок и т.п. Но с другой стороны, с определенной долей уверенности можно сказать, что ряд выше обозначенных проблем могут иметь свое непосредственное решение на основе тех данных, которые уже существуют. Например, проблемы, относящиеся к тому как рассказать ребенку правду о его прошлом, когда эта правда затрагивает его близких родственников и т.п. Современные психологические знания свидетельствуют, что наиболее психогигиенично и педагогически эффективно рассказать ребенку правдивую историю о его прошлом, правду о его близких и семейной истории, несмотря на то, что некоторым его родным этот подход кажется неправильным [1; 11]. Любая неправда всегда осложняет развитие ребенка и создает целый ряд педагогических трудностей для его опекунов и воспитателей. Решение этой проблемы может быть социализировано и легитимизировано в рамках установления определенных социальных практик сообщения ребенку этой правды при решении о его опеке, усыновлении и пр. Это требует с одной стороны институционализации этой процедуры, а также разработки психологически адекватной и эффективной методики и социально-психологической практики сообщения ребенку правды о его личной истории, биологических родственниках в семье и пр.

Другие проблемы, возникающие здесь, требуют более систематической организации социальной и психологической помощи. Например, совмещение роли мамы и бабушки со стороны развития ребенка особую проблему не составляет. Для развития ребенка важен прежде всего постоянный контакт со значимым другим и если этот контакт устойчив и эмоционально значим, то здесь не имеет большого значения, какую роль выполняет воспитатель – роль матери или бабушки. Ведь известно, что во времена СССР многих детей растили бабушки, и их развитие было адекватным. Иная проблема – это дистанция в возрасте между ребенком и бабушкой. Клинический опыт показывает, что здесь возможен целый ряд проблем в отношении воспитания и развития ребенка. Так, возможны такие негативные явления как излишняя морализация со стороны бабушек, потакание детям, излишняя компенсаторная привязанность бабушки к ребенку, создающая ситуацию, когда у ребенка формируется избалованность и он сам начинает управлять ситуацией своего воспитания. Аналогичные проблемы возникают на основе переживания бабушками чувства вины по отношению к ребенку, специфической жалости к нему, что также ведет к формированию избалованного ребенка и его инвалидизации. Эти явления достаточно широко описаны и проанализированы. Но вместе с тем нельзя сказать, что по отношению к этим проблемам установились некоторые общепризнанные методики их контроля и коррекции такого рода проблем. Это требует также и более глубокого культурно-исторического осмысления возникающих проблем, поскольку они являются массовыми и распространенными, с ними встречаемся уже в условиях детских поликлиник (маленькие дети), а затем уже в психиатрической клинике для подростков и т.п. Следует обратить внимание, что раньше таких проблем почти не было в сельской местности, где помимо бабушки к воспитанию ребенка подключались соседи, детский коллектив. Их меньше было и в городах, где ранее существовала дворовая культура, а соседи хорошо знали друг друга. Сегодня все большая опасность в том, что такие дети связаны преимущественно с опекающими их бабушками, которые, по разным причинам, могут ориентировать общение детей исключительно с концентрацией на себя.

Все это требует разработки специальных социальных и клиничко-психологических практик контроля за такими семьями, а также социально-психологической помощи им. Если бабушка испытывает чувство вины, проецирует на ребенка различные чувства, связанные с родителями ребенка и т.п., то современная психология способна добиться осознания этого и поставить перед собой задачу коррекции этих состояний воспитателя. Но еще ранее социальные службы должны оценивать и прогнозировать возможность такого рода взаимоотношений воспитателя и ребенка и оказывать бабушкам и дедушкам адекватную помощь. Последняя должна присутствовать также и по той причине, что в таких семьях часть ответственности за ребенка должно брать на себя государство. К такому выводу пришли французские психологи, утверждающие, что если ребенок растет без отца, то роль отца принимает на себя государство [10]. В этом отношении социальные службы могут также активно контролировать опасность излишней опеки со стороны бабушки, излишнего привязывания ею ребенка к себе, избалованности детей и т.п. Но помимо контроля здесь речь должна идти также и об активной помощи таким семьям.

В действительности все чаще приходится сталкиваться с ситуацией, когда пожилые люди еще до подросткового возраста уже не могут справиться с ребенком, еще более эта ситуация обостряется в подростковом возрасте. И общая ситуация такова, что в нашей стране не существует специальных программ адекватной помощи таким семьям. Обращение за консультацией к психологу часто не дает необходимого результата уже в силу того, что ребенок активно сопротивляется изменению своей позиции, а таким опекунам также сложно перестроиться в отношении к ребенку. Их бывает трудно убедить в том, что они своими действиями вольно или невольно подкрепляют его негативные формы поведения. Для решения этих проблем необходимы соответствующие практики социальной помощи в рамках соответствующих социальных служб, в работе которых должны принимать участие и клинические психологи, и социальные работники, и педагоги. Поскольку данная проблема

является достаточно распространенной и массовой, то большое значение может иметь проектирование соответствующих служб помощи таким опекунам в рамках существующей у нас системы социальной помощи и опеки.

Другой важной формой контроля развития таких детей, так же как и диагностики их воспитателей, может и должна быть конечно же школа. Здесь для педагогов не составляет каких-либо проблем, чтобы увидеть осложнения и нарушения в развитии таких детей. И казалось бы, многие проблемы, которые здесь возникают, школы могли бы решать самостоятельно. Однако реальная практика и широкие клинические наблюдения показывают, что многие школы склонны игнорировать такого рода проблемы. Например, ребенок, которого воспитывает родная бабушка, оказывается эмоционально неподготовленным к школе, затем длительное время подвергается насмешкам и издевательствам со стороны сверстников, и хотя ребенок интеллектуально развит, у него постепенно пропадает вовсе интерес к учебе, он начинает пропускать занятия, затем подолгу не посещает школу, а когда бабушка уговаривает его пойти туда, вместо того, чтобы проанализировать и разобраться в ситуации, учитель в первый день прихода ребенка в школу дает контрольную и ставит двойку, после чего ребенок вновь отказывается ходить в школу. В этой ситуации бабушка-опекун обращается к администрации школы, которая не хочет брать ответственность за ребенка. Она обращается в социальные службы и тоже безрезультатно. Единственным способом, при помощи которого она смогла выйти из этого положения, – это вызов скорой психиатрической помощи. Надо обратить внимание на частоту таких ситуаций, в которых многие опекуны пожилого возраста оказываются беспомощными. Здесь необходима социальная и психологическая помощь приемным родителям, детям, а также помощь в выстраивании более эффективных взаимодействий между ними. В таких случаях показаны специальные учреждения для временной изоляции таких детей и временного их разлучения с приемными родителями, в которых может быть осуществлено их перевоспитание внутри специально организованных детских коллективов. Но параллельно здесь должно происходить перевоспитание и самих приемных родителей, их отношения к ребенку, создание условий для обретения ими навыков устойчивости к манипуляциям детей, к фрустрации и пр. Реализация на практике такой методики может решить целый ряд массовых проблем в нашем обществе.

Особое значение в организации такой помощи может иметь так пропагандируемое в последнее время инклюзивное образование. Его идея в данном случае может состоять не просто в формировании у детей толерантности к детям с особенностями психического развития, но и о развитии у них новых качеств эмпатии, направленности на взаимопомощь, сотрудничество и пр. Это требует существенной перестройки педагогики в образовательных учреждениях, где уровень педагогической и социальной работы требует соответствующего анализа. В отношении состояния школ можно услышать много критики, клинические наблюдения подтверждают ее. Например, в психиатрическом подростковом отделении много подростков, у которых длительное время наблюдались проявления психотических и иных психопатологических реакций, которые педагоги отказывались замечать. Так, один из подростков в течение ряда лет посещал школу и в это время нарастала замкнутость, прогрессировали дефекты общения со сверстниками, одноклассники третировали его, и который выдерживал непосильную для него психическую нагрузку в течение целого ряда лет (не говоря уж о недостаточном благополучии в его семье), но для школьных педагогов это не стало каким-то значимым фактом. Такие случаи сами по себе свидетельствуют о состоянии воспитания и образования в школе. Можно привести целый ряд подобных случаев, которые относятся даже к вполне нормальным и благополучным семьям и подросткам без особенно глубоких нарушений в развитии, но с которыми родители при наступлении подросткового возраста справиться не могут. И даже в этом случае многие родители не могут получить соответствующую психологическую или социальную помощь, не могут организовать получение такой помощи своим детям. Это проблемы школы (почему же школам не работать активно с семьями), социальных служб, их координации. Но основная проблема здесь

именно в организации помощи в массовых масштабах. Содержание помощи здесь не составляет особой проблемы, хотя и здесь необходима наработка соответствующих технологий.

Все это тем более относится также и к широко пропагандируемому инклюзивному образованию, в котором имплицитно предполагаются индивидуальный подход к ребенку, а также возможность оказания ему соответствующей социальной и психологической помощи. Клинические наблюдения показывают, что такая помощь оказывается необходимой также и родителям (опекунам). Как в нормальном развитии, так и при отклоняющемся развитии ребенка психологи имеют дело с коррекцией именно системы отношений «родитель-ребенок», а тем более, более сложных отношений «опекун-ребенок». Эти сложные проблемные ситуации требуют, с нашей точки зрения, систематического психотехнического анализа и включения в социальную и психологическую помощь таким детям и их семьям определенных системных психотехнических организованностей, которые могут быть построены на основе систематического изучения соответствующих проблем. Это могут быть некоторые твердо установленные и терапевтически значимые правила в отношениях к ребенку, терапевтически значимые установки и т. п. Такой подход прикладной медицинской психологии впервые попытался применить один из ее основоположников Г. Мюнстерберг [6]. Здесь психология инкорпорируется в социальную практику и начинает работать в виде функционирующего и развивающегося механизма производства нового опыта, как организационная форма развития личности ребенка, подростка и т. п. [8;2]

Необходимо осознать и разработать саму идею защиты ребенка, которая до сегодняшнего дня рассматривается чаще всего односторонне, как прежде всего защита детей от взрослых. Практика показывает недостаточность и опасность такого рассмотрения. Следствия такого подхода можно наблюдать например в ситуациях организации психологической и социальной помощи детям, которые интегрируются из детских домов в семьи. Все это свидетельствует о необходимости методологических разработок именно идей интегральной помощи детям и их семьям, а также специального анализа организации этой помощи. Клиническая практика показывает, что основные проблемы возникают именно на уровне организации таких типов помощи.

На этой основе важно осуществить последующее нормирование и институционализацию такой помощи. Например, как уже говорилось, рассказать правду о личной истории ребенка можно вменять осуществлять соответствующим социальным органам уже во время организации опеки. Аналогичным образом можно нормировать и другие значимые психологические элементы в организации эффективной опеки. Такие, например, как важность наличия у ребенка значимого Другого, наличие такого Другого может стать диагностическим фактором эффективности функционирования семьи, способом контроля ее функционирования, а также задачей для формирования в случае необходимости соответствующего психологического конструкта. Подобного рода социальный контроль может быть осуществлен также в отношении социализации ребенка, его обучения, а также и по поводу организации контроля со стороны опекунов и формирования у ребенка самоконтроля.

Аналогичная институционализация может происходить и в отношении форм оказания психологической помощи приемным родителям, необходимых и доступных для них форм психотерапии и пр. Но при системной работе специалистов в этой области естественно можно ожидать сдвига первичной помощи приемным родителям к уровню начальной оценки педагогических возможностей приемных родителей. И уже здесь во время оформления их опеки оказания им необходимой начальной социально-психологической помощи. Эффективность такой помощи может возрастать по мере роста клинико-социологических и клинико-психологических исследований основных проблем таких семей, в частности, семей, организованных по типу родственной опеки. С нашей точки зрения такие социологические и клинико-психологические исследования, ориентированные на практическую задачу, важно особенно культивировать и поощрять, поскольку они могут непосредственно приводить к

повышению эффективности психологической помощи внутри целого ряда социальных организаций.

Нечто подобное можно сказать и о возможностях школы как средства и социального института, которые могут обеспечить оказание соответствующей социальной помощи как ребенку, так и родителям, и семье в целом. С другой стороны, школа может стать также важным социальным институтом контроля не только развития ребенка, но и качества функционирования семьи. Надо сказать, что до сих пор эти возможности школы в последнее время даже всерьез не обсуждались, а тем более не исследовались. Как уже говорилось, особого внимания требует также и изучение психотехнической и социальной организации психологической помощи приемным родителям. Это задача тоже требует организации соответствующих клинико-психологических исследований, результатом которых могут стать определенные социальные правила в организации такой помощи, некоторые нормы ее социального контроля, а также определенные структурные характеристики организации систем такой помощи.

Системный анализ такой помощи предполагает по возможности всеобъемлющий ее межпредметный анализ, в результате которого могут быть выработаны более системные понятия, внутри которых может быть описана более эффективная психологическая помощь. Например, в рамках такого системного анализа задача защиты детства будет заключаться также и в защите приемных родителей, организации доступной помощи им, а также в формировании адекватного социального контроля за функционированием и развитием соответствующих семей.

На основе такого рода исследований можно говорить о проектировании соответствующей социальной и психологической культуры помощи семьям, принявшим под опеку ребенка, в частности, ребенка с ОВЗ. Особое значение здесь имеет помощь семье в организации развития ребенка, особенно ребенка с ОВЗ и нарушениями психического развития. И здесь на наш взгляд нужно говорить не просто о формировании различных методик, например, развития детей с аутизмом, но именно о культурах развития. Наши исследования показывают, что наиболее эффективным подходом в организации психологической помощи является именно культурологически обоснованный подход. Он предполагает формирование системы психологической помощи как некоторой интегральной культуры, которая изначально встроена в наши собственные традиции, культурные ценности. Такой подход предполагает широкое применение анализа и использование отечественного психолого-педагогического опыта, например, опыта воспитания детей в СССР, позитивного опыта, наработанного в детских домах, опыта традиционной семьи, а также многочисленных данных клинико-психологического опыта по отношению к детям с различными ограничениями здоровья. Такая работа может привести к формированию достаточно устойчивых социальных и культурных форм организации психологической и социальной помощи, которые затем могут быть закреплены в законодательных актах, а также в механизмах их реализации и социального контроля.

Здесь с необходимостью возникает выход на задачу интеграции социально-психологической помощи в целом. Это предполагает рефлексивный анализ основных существующих на данный момент видов такой помощи и в конечном счете сведения ее организации в некоторый единый центр ее получения и контроля ее качества. А это качество, с нашей точки зрения, связано с таким построением социально-психологической помощи, чтобы она с самого начала ориентировалась на самопомощь, на ее формирование. С этой точки зрения прежде всего и важно исследовать существующие формы психологической помощи, и на этой основе важно проектировать психотехнические механизмы социально-психологической помощи и формы ее социальной организации. По нашему мнению, это и будет полноценный культурно-исторический подход в организации психологической помощи – движение от регуляции извне к саморегуляции, от социального к психическому, как учил когда-то Л.С.Выготский [3].

Список использованных источников:

1. Бебчук М.А., Жуйкова Е. Помощь семье: психология решений и перемен. - М.: Независимая фирма «Класс», 2015.
2. Бурлакова Н. С. Психическое развитие детей, переживших массовые бедствия: от изучения последствий к проектированию развития на основе культурно-исторического анализа // Национальный психологический журнал. — 2018. — № 1 (29). — С. 17–29
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т.3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983.
4. Дубровина И. В., Лисина М. И. Особенности психического развития детей в семье и вне семьи / Возрастные особенности психического развития детей. М.,1982.
5. Дубровина И.В, Рузская А.Г Психическое развитие воспитанников детского дома. – М., 1990.
6. Мюнстерберг Г. Основы психотехники. Части 1-2. Санкт-Петербург, Издательский дом «П.Э.Т.», Алетейя,1996.
7. Ослон В.Н. Жизнеустройство детей-сирот: профессиональная замещающая семья. М.: Генезис, 2006.
8. Олешкевич В. И. Психология как психотехника. М.: Юрайт, 2017.
9. Проблема сиротства в современной России. Психологический аспект. – М: Изд-во "Институт психологии РАН". 2015.
10. Эритье Ф., Цирюльник Б., Наури А., Ксантаку М., Вриньо Д. Инцест и кровосмешение. – М.: «Ксанти», 2000.
11. Keefer V. and Schooler Jane E. Telling the truth to your adopted or foster child. Making sense of the past. Bergin & Garvey, Westport, CT 2009.

Кондаурова Ольга Петровна
кандидат психологических наук,
Удмуртский государственный университет,
доцент кафедры психологии развития и
дифференциальной психологии
426034 г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: 888oeolala@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ РОДИТЕЛЕЙ НА РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема дисциплинарных воздействий на психическое развитие ребенка. Показано, что деструктивные и авторитарные стратегии взаимодействия с детьми зачастую выходят на передний план, что не способствует формированию благоприятных детско-родительских отношений, вызывает напряженность, отсутствие доверия в семье, не позволяет ребенку эффективно выстраивать отношения с окружающим миром. Указывается на необходимость проведения активной просветительской работы с родителями по вопросам воспитания, дисциплинарных практик в отношении детей.

Ключевые слова: физические наказания ребенка, психическое развитие, агрессивность, детско-родительские отношения

Kondaurova Olga Petrovna
Ph.D., assistant professor of developmental
psychology and differential psychology
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/6, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: 888oeolala@mail.ru

INFLUENCE OF DISCIPLINARY IMPACT PARENTS FOR THE DEVELOPMENT OF CHILDREN

Abstract. The article examines the problem of disciplinary impact on the child's mental development. It is shown that destructive and authoritarian strategies of interaction with children often come to the forefront, and that does not contribute to favorable child-parent relations' development, and causes tension, lack of trust in the family, does not allow the child to effectively build relationships with the outside world. The article points out the need for active educational work with parents on topics of education, disciplinary practices in relation to children.

Keywords: child's physical punishment, mental development, aggressiveness, child-parent relations.

В условиях современной действительности проводятся различные научные исследования, связанные с проблемами воспитания и развития детей в семье. Это во многом связано с тем, что семья не только определяет развитие ребенка, но и влияет на формирование всего общества. Первый социальный опыт ребенок получает, общаясь с родителями, и в этом общении закрепляются и формируются способы взаимодействия с другими людьми, так как именно благодаря своему поведению и влиянию родители устанавливают определенные нормы поведения. Родители создают социальное пространство, и от того, какие нормы взаимодействия и поддержки друг друга складываются в семье, во многом зависит, как будут складываться взаимодействия и взаимоотношения ребенка в

социуме. На сегодняшний день существует сложность в том, что идеология каждой семьи может отличаться друг от друга, и методы воздействия на детей со стороны родителей также могут быть очень разными, и не всегда адекватными, что в целом влияет на развитие личности ребенка, и может вызвать у него определенные трудности взаимодействия в социуме. Вопрос, используемых родителями дисциплинарных воздействий, является серьезным, и к этому надо подходить предельно ответственно, так как дети очень чувствительны к любым воздействиям со стороны взрослых.

Проведенный нами опрос среди 300 родителей (матери и отцы в данной выборке были представлены по 150 человек) детей дошкольного возраста различных регионов России показал, что 87 % родителей для поддержания дисциплины устанавливают в рамках своей семьи особые запреты и правила поведения, которые, являясь способом организации жизненного пространства ребенка. И это свидетельствует о том, что родители дошкольника обращают внимание на решение важной задачи - создания социальной среды с заданными правилами, требованиями, правами ребенка, а также структурировании системы ситуаций развития, в которых оказывается ребенок. Хотелось бы отметить, что в среднем дошкольном возрасте, начинает формироваться произвольное моральное поведение, и, поэтому кроме создания социальной среды с заданными правилами, требованиями, правами ребенка очень важно родителям проявлять адекватные и эффективные дисциплинарные воздействия на ребенка, которые способны вызвать у ребенка желание выполнять их требования и соблюдать предлагаемые правила. При этом родителям нужно знать, что изменения, которые происходят в развитии ребенка приводят и к формированию новых отношений ребенка к созданным родителями ситуациям. Так, родители пытаются держать ситуацию неизменной, стабильной, а ребенок в силу того, что постоянно изменяется, пытается внести, что-то новое и выйти за ее рамки. Можно наблюдать, что у ребенка вырабатывается социальная лабильность и он начинает сам решать соблюдать ему или нет предъявляемые требования, а также менять правила поведения в зависимости от того, с кем он общается.

Опрос родителей показал, что 67 % матерей и 83 % отцов рассматривают «корректирующее» дисциплинирование прежде всего как «наказывающее». При этом отцы (75%) в большей степени, чем матери (43 %), считают, необходимыми дисциплинарные воздействия с применением физических наказаний для ребенка, в связи с чем, идентификация физических наказаний, ими не воспринимается и не считается, как преднамеренное нанесение вреда ребенку. Одновременно с этим, многие матери (72 %) и некоторые отцы (30%) осознают вред физических наказаний для ребенка, но все равно оказывают физическое воздействие по отношению к детям. Так в ходе опроса оказалось, что в жизни матери (69 %) чаще отцов (51 %) используют в качестве дисциплинарных мер различные виды физического наказания. Также кроме физических наказаний 83 % матерей и 71 % отцов применяют и различные формы психологической агрессии (крик, гнев, обзывание), направленные на причинение ребенку психологической боли. Возможно, что родители, таким образом, пытаются не только исправить поведение ребенка, но и эмоционально разрядиться, избавляются от отрицательных эмоций. Родители в таких ситуациях слабо контролируют свои эмоции, поэтому непосредственный воспитательный процесс ребенка, с применением какого-либо физического действия незаметно переходит границу дозволенного, исходя из своего напряженного эмоционального состояния, начинают возбуждаться и ожесточаться, испытывают определенную эмоциональную разрядку. При этом многие родители (61%) оправдывают свое жестокое поведение, и считают, что ребенок это заслужил, справедливо. Это во многом связано с тем, что в обществе считается вполне допустимым проявление к детям агрессивного обращения, рассчитывая на детскую незащищенность. Некоторая эмоциональная несдержанность, жесткость и непоследовательность родителей во взаимодействии с детьми, связанная со сложностями в поведении ребенка и не соответствием ожиданий родителей, неспособности с их стороны принимать ребенка таким, как он есть, могут вызывать трудности в общении с детьми. Крик, гнев вызывают у ребенка тревогу, страх, разрушают возможность взаимопонимания со

взрослым, и не способствуют развитию сопереживания. Ребенок готов принимать и исправляться, только тогда, когда к нему относятся с пониманием, но если в процессе общения на него постоянно кричат или приказывают, ребенок к этому привыкает и научается не обращать внимание на то, что ему говорят. Родителям необходимо знать особенности эмоционального реагирования ребенка на дисциплинарные воздействия и стремиться к установлению положительных эмоциональных отношений с ребенком, избегая отрицательных переживаний. Иначе это может приводить к тому, что дети начинают вредничать, делать все наоборот, если родители не учитывают их переживаний, состояний, относятся к ним без уважения, настаивают на своей позиции и принимают сразу резкие меры наказания вплоть до физических. Нужно всегда помнить, что общение с ребенком всегда должно быть открытым, доверительным, понимающим и принимающим ребенка со всеми его особенностями.

Несмотря на то, что процент родителей, указавших на применение ими физических наказаний достаточно высокий, это еще возможно не реальная ситуация действительности, и таковых родителей в жизни гораздо больше. Как отмечает Волкова Е.Н., данная ситуация не позволяет составить представление об истинной картине распространенности физического наказания родителями над детьми, и создает сложности в определении предела насильственных действий в отношении ребенка, так как многие россияне не считают физическое наказание ребенка - насилием, и в некоторых ситуациях считают крайне необходимыми и желательными [3, С.46]. Сложившаяся ситуация, свидетельствует о том, деструктивные и авторитарные стратегии взаимодействия с детьми зачастую выходят на первый план, и родителям не хватает знаний о различных эффективных средствах воспитания и воздействия на детей.

Дисциплинарные воздействия применяются родителями по отношению к ребенку для того, чтобы исправить, повлиять на его поведение, которое выходит за рамки нормы. В период возрастных кризисов у детей в поведении особенно ярко проявляются непослушание и непокорность, что вызывает отчаяние и тревогу у большинства родителей, часто не зная, как поступить даже любящие родители применяют физические наказания и психологическую агрессию по отношению ребенка, исходя из воспитательных целей. Нужно отметить, что такая форма наказания может быть опасной и в дальнейшем отрицательно сказаться на поведении ребенка, так как жестокое обращение в этот период оказывает более сильное негативное воздействие, чем в периоды относительной эмоциональной стабильности [1, С.55-57]. Проявляя данные формы воздействия в отношении ребенка, родители сами того не всегда осознавая, показывают наглядный пример, как можно себя вести, если ты, чем-то не доволен, и ребенок усваивает этот пример значительно лучше многого другого. Так, дети, испытывая на себе физические воздействия со стороны самых близких людей, решают для себя, что им тоже можно использовать физическое насилие.

Острота данной проблемы, проявляется прежде всего в том, что физические наказания могут не ослаблять агрессивное, капризное, выходящее за рамки норм поведение, а наоборот усиливать подобное поведение и формировать у ребенка установку возможности вымещения своего раздражения, обиды, злости на других. В результате одного эксперимента (Eron at al., 1963) было обнаружено, что дети, подвергающиеся со стороны родителей строгим наказаниям, проявляли повышенную агрессию к окружающим, и характеризовались одноклассниками как агрессивные [7, С.4-5]. Ощущение боли и переживание физического наказания могут стать сильным предиктором выбора детьми агрессивной стратегии решения конфликтных ситуаций с помощью физической силы.

Таким образом, если говорить вообще о физических наказаниях и психологической агрессии, можно отметить, что они способствуют формированию и проявлению у детей различных форм агрессии. В исследовании Егоровой Н.Ю, Сизовой И.Л. подтверждается то, что стиль воспитания ребенка не только связан с вероятностью проявления агрессии, но и в целом определяет положение ребенка в школьном пространстве, вовлекая его или нет в круг насилия навсегда в качестве агрессора, но и жертвы [4, С.138]. Избивая, крича и унижая

ребёнка мы одновременно его подвергаем и психическому, эмоциональному и физическому насилию, при этом все осложняется для ребенка еще и тем, что ему запрещают жаловаться, рассказывать другим людям про свое положение.

Кроме этого, физические наказания по сравнению с другими мерами дисциплинарных воздействий являются крайне негативными, так как в большей степени воспринимаются детьми как отвержение их родителями, они оскорбляют, озлобляют, запугивают и унижают детей, причиняют им психологическую травму, стресс, физическую боль и чувство унижения, появление напряженности и враждебности к родителям, отчуждение детей от родителей, недоверие к ним. Самое главное, что такое воздействие может причинить физические травмы и оказать негативное влияние на психическое развитие ребенка. Применение физического наказания, способствует формированию и проявлению в поведении ребенка: низкого уровня социальной адаптации, повышенной агрессивности, тревожности, неумении сопереживать другому человеку, неадекватной самооценки, склонности к насилию и асоциальному поведению, снижения уровня доверия и разрушения взаимоотношений ребенка с родителями, чувство страха, ненужности, одиночества, незащищенности и склонности разрешения конфликтных ситуаций с помощью физической силы [1, 2, 5, 6]

Существует мнение, что физическое наказание, позволяет надолго запомнить воспитательную ситуацию, и ребенок так плохо больше себя вести не будет. Конечно, случается, что под влиянием страха ребенок действительно исправляет свое поведение, но это может быть или временно, или он ведет себя «хорошо» только при том, кто его наказывает, и «плохо» при всех других. Нельзя забывать, что основной задачей дисциплинарного воздействия на ребенка является указание ему на то, где он нарушил правила поведения и поступил плохо, при этом очень важно создать ситуацию, когда ребенок сможет задуматься над проступком, и это ни в коем случае не будет связано с тем, чтобы вызвать боль, обиду и страх у ребенка. Цель дисциплинарного воздействия всегда должна быть направлена не на исправление внешнего «плохого» поведения, а на формирование у ребенка внутренней убежденности, осознанности, что он поступил «плохо» и впредь так больше вести себя нельзя. Осознание и желание больше не поступать "плохо" у ребенка скорее всего произойдет быстрее, если по отношению к нему будут применяться адекватные родительские практики, исключая физические наказания. Взрослым, и родителям, в частности, всегда нужно помнить, что детям крайне важны правила и порядок, которые делают их жизнь понятной и предсказуемой, создают чувство защищенности, и что дети выступают не против самих правил, а против того, каким образом они объясняются и внедряются.

Таким образом, необходимо вести активную просветительскую работу с будущим поколением родителей и реально-действующими родителями по вопросам влияния на психическое развитие детей различных стилей воспитания, взаимодействия, дисциплинарных практик, применяемых по отношению к детям. К сожалению, у нас в обществе большинство родителей, по прежнему общаются с детьми с позиции власти и превосходства, которые не понимают, что дети общаются с ними с позиции равноправия. Также доминирует традиция отношения к ребенку как необходимости для взрослого, которое определяется тем насколько он взрослому удобен, хотя эффективнее взаимодействие, когда взрослый идет навстречу к ребенку, а не тащит его как это выгодно взрослому. Не способность формировать и проявлять эффективные детско-родительские отношения, вызывает напряженность, отсутствие доверия в семье, но самое главное не позволяет ребенку эффективно выстраивать отношения с окружающим миром. Каждый родитель должен знать и всегда помнить, что бывает очень легко перейти от физических наказаний к насилию, поэтому необходимо сделать все возможное, чтобы жестокое обращение к детям свелось к минимуму и не присутствовало в жизни следующих поколений.

Снижение применения родителями физических воздействий по отношению к детям, начинается с изменения установок допустимости физического наказания детей родителями в

нашем обществе. Решение данной актуальной задачи позволит представить обществу научные объяснительные возможности существующей проблемы с профессиональной точки зрения, а ее прогностический потенциал поможет снизить отрицание серьезности и важности данной проблемы. Необходимо понимать, что одним из факторов, влияющих на психологическое благополучие семьи и благоприятное психическое развитие ребенка, является применение родителями адекватных, эффективных дисциплинарных практик, исключая физические наказания к детям, основанных на любви, заботе, доброте и ответственности. И родителям очень важно уметь рефлексировать, и критически оценивать свое поведение, меняться, если это необходимо для того, чтобы оказывать благоприятное воздействие на развитие ребенка.

Список использованных источников:

1. Алексеева Л.С. Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение - М.: Сентябрь, 2016. -160 с.
2. Беседина О.А. Распространенность жестокого обращения с детьми в российских семьях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. №3. С.55-65
3. Волкова Е. Н. Проблемы изучения распространенности и выявления случаев насилия над детьми // Национальный психологический журнал. 2007. №1 (2). С.44-47
4. Егорова Н. Ю., Сизова И. Л. Насилие над детьми: от проблем семьи к проблемам школы//Регионология. 2016. №1, С.128-140
5. Зеликова Ю. А. Что формирует родительские практики? Физическое наказание и воспитание в петербургских семьях //Женщина в российском обществе. 2014. No 1 С.42-51
6. Кон И. Бить или не бить? М.: Время, 2012. - 448 с.
7. Реан А.А.Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения //Национальный психологический журнал № 1(17)/2015, С. 3–8

Тащёва Анна Ивановна
кандидат психологических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
доцент кафедры психологии личности и консультативной психологии,
344038, г. Ростов-на-Дону, ул. Турмалиновская, д.83, кв.86,
E-mail: annaivta@mail.ru

Логвиненко Светлана Геннадиевна
Южный федеральный университет,
специалист по УМР Академии психологии и педагогики,
344069, г. Ростов-на-Дону, ул. Оганова, д.9, кв.27,
E-mail: dobermanmini@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТИПОВ ПРИВЯЗАННОСТИ К МАТЕРИ ВЗРОСЛЫХ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПОВЕДЕНИЯ В СИТУАЦИЯХ ФРУСТРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи психологических характеристик типов привязанности к матери взрослых и особенностей их поведения в ситуациях препятствия, фрустрации. Доказано, что существует прямая связь между надежным типом привязанности к матери мужчин 35 - 50 лет и реакциями самозащитного типа в ситуациях фрустрации; а также между мужчинами с ненадежным типом привязанности и проявлениями реакций упорствующего типа в ситуациях фрустрации.

Ключевые слова: привязанность взрослых к матери, классическая теория привязанности, понятие фрустрации, типы привязанности и поведение взрослых в ситуациях фрустрации.

Tashcheva Anna Ivanovna
candidate of psychological sciences, associate professor,
South Federal University,
Associate Professor of Personality Psychology and Consultative Psychology,
344038, Rostov-on-Don, ul.Turmalinovskay 83, ap.86,
E-mail: annaivta@mail.ru

Logvinenko Svetlana Gennadijevna
South Federal University,
specialist in URES of the Academy of Psychology and Pedagogy,
344069, Rostov-on-Don, ul.Oganova, 9, ap. 27,
E-mail: dobermanmini@mail.ru

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF TYPES OF ADMISSIBILITY TO THE MOTHER OF ADULTS AND PECULIARITIES OF THEIR BEHAVIOR IN SITUATIONS OF FRUSTRATION

Annotation. The article deals with the problem of the relationship between the psychological characteristics of attachment types to the adult mother and the characteristics of their behavior in situations of obstacles, frustrations. It has been proved that there is a direct relationship between a reliable type of attachment to the mother of men 35 to 50 years old and self-protective reactions in situations of frustration; as well as between men with an unreliable attachment type and manifestations of reactions of persistent type in situations of frustration.

Key words: the attachment of adults to the mother, the classical attachment theory, the concept of frustration, the types of attachment and the behavior of adults in situations of frustration.

Актуальность проблемы определяется выраженным интересом психологов к проблеме привязанности, так как, являясь ключевым понятием психологии развития, данный феномен прослеживается на протяжении всей жизни человека, будучи связанным с характером его взаимодействия с другими людьми и отношением к самому себе (Feeney & Noller, 1990), с профессиональными достижениями и карьерой (Hazan & Shaver, 1996), с выбором партнера и стабильностью любовных отношений (Kirkpatrick & Davis, 1994), с развитием депрессии у взрослых на фоне трудностей в межличностных отношениях (Bartholomew & Horowitz, 1991; Carnelley, Pietromonaco & Jane, 1994; Roberts, Gotlib & Kassel, 1996), с устойчивостью личности в кризисных ситуациях (Mikulciner, Florian & Weller, 1993) и с другими феноменами [2,6,9,12,14,15,16,17,19].

Практикующим психологам известно, что абсолютное большинство психологических трудностей людей проистекает из деструктивных особенностей их привязанности к матери.

Вслед за Дж.Боулби, М.Эйнсворт, М.Мейн, К.Х.Бриш, В.Фалберг, Н.Н. Авдеевой, Е.Е.Волковой, Л.В.Жихаревой, Т.В.Казанцевой, Е.С.Калмыковой и др., под привязанностью мы понимаем психологический феномен, состоящий в поиске и установлении эмоциональной близости с другим человеком, необходимой для обеспечения надежной безопасности и эмоциональной поддержки, который не зависит от местонахождения объектов привязанности, определяет личностные и поведенческие характеристики личности, присутствует на протяжении всей жизни, актуализируясь в критических ситуациях [1,3,4,5,8,10,11].

Под фрустрацией, вслед за С.Розенцвейгом, Н.Д. Левитовым, А.И.Тащевой, Д.В.Воронцовым, С.В. Гридневой и др., нами понимается состояние человека, выражающееся в характерных особенностях реагирования посредством переживаний и поведения, вызванное непреодолимыми препятствиями или трудностями на пути к удовлетворению какой-либо жизненной потребности, цели [7, 18,19].

Данная работа является частью выпускной квалификационной работы на тему «Личностные особенности мужчин и женщин, привязанных и не привязанных к матери» [13].

Целью нашего исследования стало изучение поведенческих особенностей мужчин и женщин в ситуациях фрустрации, привязанных и не привязанных к матери.

Гипотеза - психологические характеристики типов привязанности к матери могут быть взаимосвязаны с особенностями поведения мужчин и женщин в ситуациях фрустрации.

Диагностический инструментарий позволил диагностировать типы привязанности респондентов к матери при помощи модифицированного опросника для определения типа привязанности к матери М.В. Яремчук и исследовать поведенческие особенности респондентов в ситуациях фрустрации при помощи теста С. Розенцвейга [7,18,19,20].

Выборка была простой, случайной, бесповторной. Респондентами стали 63 человека в возрасте 35 - 50 лет, не имевшие сиблингов, жители г. Ростова-на-Дону и Ростовской области, со средним, средним профессиональным и высшим образованием, имеющие и не имеющие собственные семьи, с детьми и без детей.

Критерием разделения выборки на группы стал факт психологической привязанности/не привязанности респондентов к их матерям, предварительно выявленный эмпирически. В свою очередь, основная и контрольная группы делились по полу респондентов.

В основную группу вошли 34 человека с надежным типом привязанности (12 мужчин и 22 женщины); в контрольную - были включены лица с тревожно-избегающим и тревожно-амбивалентным типами привязанности к матери (10 мужчин и 19 женщин).

Рассмотрим основные эмпирические результаты, позволившие разделить респондентов на привязанных и непривязанных к матерям при помощи модифицированного опросника для

определения особенностей привязанности к матери М.В. Яремчук [21]. На основании ответов респондента делался вывод о преобладающем типе его привязанности к матери.

Таким образом, выборка была разделена на лиц с выраженной привязанностью к матери и респондентов без таковой. В основную группу вошли респонденты с выраженной привязанностью к матери, надежный тип привязанности которых диагностировался от 70% и выше; в свою очередь, в контрольную группу были объединены опрошенные, у которых надежный тип привязанности к матери был зафиксирован в пределах 60% или менее.

Таблица 1 демонстрирует распределение средних значений типов привязанности к матери у респондентов, на основании чего производилось разделение выборки на основную и контрольную группы. Так, в основной группе надежный тип привязанности является доминирующим (84,2%), избегающий тип привязанности встречается реже (13,2%), а тревожно-амбивалентный тип (2,6%) практически отсутствует. В контрольной же группе чаще всего встречается избегающий тип привязанности (46,2%), реже - надежный (34,1%) и тревожно-амбивалентный тип (19,7%).

Если учитывать половой аспект, то можно заметить существующую качественную разницу между мужчинами и женщинами в большей степени в контрольной группе.

Таблица 1

Среднегрупповые значения типов привязанности к матерям у мужчин и женщин основной и контрольной групп, %/

Переменные	основная				контрольная			
	мужчины		женщины		Мужчины		женщины	
	M	S	M	S	M	S	M	S
Надежная	7,6	7,8	8,2	8,1	5,0	6,3	5,8	9,8
Тревожно-амбивалентная	3,3	4,9	2,3	5,3	3,0	3,4	3,2	8,0
Избегающая	2,0	7,4	9,5	9,0	3,7	7,0	5,1	2,5

Из Таблицы 1 следует, что в основной группе надежный тип привязанности более выражен у женщин (88,2%±10,1%), чем у мужчин (76,7%±7,8%); тревожно-амбивалентный тип встречается достаточно редко у мужчин (3,3%±4,9%) и у женщин (2,3%±5,3%); а избегающий тип привязанности более выражен у мужчин (20%±7,4%), чем у женщин (9,5%±9%).

В контрольной группе надежный тип привязанности более выражен у мужчин (50%±16,3%) по сравнению с женщинами (25,8%±19,8%); тревожно-амбивалентный тип более выражен у женщин (23,2%±18%), чем у мужчин (13%±13,4%); избегающий тип привязанности также более выражен у женщин (51,1%±25,4%), чем у мужчин (37%±21,1%).

Таким образом, качественный анализ демонстрирует отличие типов привязанности у мужчин и женщин основной и контрольной групп. Так, в основной группе у женщин более выражен надежный тип привязанности, а у мужчин более выражен избегающий тип привязанности. В контрольной же группе мужчины имеют более выраженный надежный тип привязанности, а женщины - избегающий.

Рассмотрим особенности поведения в состоянии фрустрации, диагностированные при помощи теста фрустрационных реакций С. Розенцвейга [7,18,19,20]. Результаты тестирования приведены в Таблице 2.

Таблица 2

Среднегрупповые показатели поведения во фрустрирующих ситуациях у мужчин и женщин выборки

Переменные	Основная группа	Контрольная группа
------------	-----------------	--------------------

е	мужчины		женщины		мужчин		женщин	
	M	S	M	S	M	S	M	S
E	1,3	,4	2,6	,1	1,0	,7	1,7	,4
I	,6	,7	,5	,4	,4	,3	,7	,9
M	,2	,0	,7	,1	,6	,0	,2	,9
OD	,3	,2	,9	,7	,6	,5	0,8	,4
ED	0,8	,3	,5	,2	,7	,2	,9	,8
NP	,8	,4	,6	,1	,7	,8	,3	,5

Анализ поведения мужчин и женщин в ситуациях фрустрации показал, что в основной группе как у мужчин ($11,3 \pm 3,4$), так и у женщин ($12,6 \pm 3,1$) более выражены экстрапунитивные реакции, при которых осуждается внешняя причина фрустрации, подчеркивается степень фрустрирующей ситуации, иногда разрешения ситуации требуется от другого лица.

У мужчин основной группы преобладают реакции самозащитного типа ($10,8 \pm 2,3$), выражающиеся в приписывании ответственность за происходящее окружающим, себе и обстоятельствам.

Женщины основной группы практически одинаково часто демонстрируют как препятственно-доминантные реакции ($9,9 \pm 2,7$), так и самозащитные реакции ($9,5 \pm 2,2$); они акцентируются на препятствии, вызывающем фрустрацию, независимо от его значимости, а также приписывают ответственность за происходящее окружающим, себе и обстоятельствам.

В контрольной группе у мужчин ($11 \pm 2,7$) и у женщин ($11,7 \pm 3,4$) более выражены экстрапунитивные реакции, при которых осуждается внешняя причина фрустрации, подчеркивается степень фрустрирующей ситуации, иногда разрешение ситуации требуется от другого лица. У мужчин ($9,6 \pm 2,5$) и у женщин ($10,8 \pm 3,4$) контрольной группы лучше развиты реакции препятственно-доминантного типа, при которых происходит акцент на препятствии.

Таким образом, из приведенных выше результатов Таблицы 2, мы видим, что привязанные и непривязанные к матери женщины выборки в ситуациях фрустрации демонстрируют схожие экстрапунитивные реакции препятственно-доминантного и самозащитного типов, выражающиеся в форме осуждения внешней причины фрустрации с акцентом на препятствии, вызвавшем фрустрацию, независимо от его значимости; а также в приписывании ответственности за происходящее окружающим, себе или обстоятельствам.

В свою очередь, поведение привязанных и непривязанных к матери мужчин данной выборки в ситуациях фрустрации имеет некоторые отличия, о чем свидетельствует содержание Таблицы 3.

Так, в ходе сравнения было выявлено, что у привязанных к матери мужчин наблюдается более выраженные реакции самозащитного типа, в отличие от мужчин с менее выраженной привязанностью к матери. При этом у последних выявлена выраженная тенденция к более яркому проявлению упорствующего типа реагирования.

Таблица 3

**Результаты сравнения поведенческих особенностей в ситуациях фрустрации
мужчин основной и контрольной групп**

Переменные	Средне е (основная)	Среднее (контрольная)	t	p
Самозащитный ED	10,8	8,7	1,8 (*)	0 ,084
Упорствующий NR	3,8	5,7	- 2,0 (*)	0 ,058

Примечание: (*) – отмечены выраженные тенденции

Таким образом, привязанные к матери мужчины в ситуациях фрустрации используют преимущественно реакции самозащитного типа, выражающиеся в атрибуировании (приписывании) ответственности за происходящее окружающим, себе или обстоятельствам, что рассматривается специалистами как максимально продуктивный способ реагирования применительно к атрибуции ответственности [7,18,19,20,21].

Самой яркой характеристикой мужчин контрольной группы оказалась тенденция к более яркому проявлению упорствующего типа реагирования в ситуациях фрустрации.

Иными словами, не привязанные к матери мужчины выборки отличаются реализуемым целеполаганием: они ставят перед собой задачи и, скорее всего, решают их. Причем, реализовывать свои цели они могут не только самостоятельно, но и за счет привлечения окружающих либо полагаются «на естественный ход событий». В ситуациях же фрустрации потребностей эти люди умеют извлекать для себя максимальную пользу, выгоду, благо, что, как правило, расширяет их ресурсные возможности.

Результаты данного исследования могут быть востребованы практикующими психологами центров, оказывающих профессиональную психологическую помощь личности и семье, для диагностики поведения личности в ситуациях фрустрации и типа ее привязанности к матери с последующей профессиональной коррекцией деструктивной привязанности, что, как правило, способствуют оптимизации взаимоотношений личности с близкими и иными окружающими, оптимизирует ее психологическое благополучие.

Список использованных источников:

1. Авдеева Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 7-14.
2. Алмазова О.В. Привязанность к матери как фактор взаимоотношений взрослых сиблингов: Дис. ... канд. наук: 19.00.13 / Алмазова Ольга Викторовна. М. 2015. 265 с.
3. Боулби Дж. Привязанность / Пер. с англ. Н.Г. Григорьевой и Г.В.Бурменской / Общ. ред. и вступ. статья Г.В. Бурменской. М.: Гардарики. 2003. 480 с.
4. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности: От теории к практике / Пер. с нем. М.: Когито-Центр. 2014. 316 с.
5. Волкова Е.Е., Капустина Т.В., Черемискина И.И. Развитие модели привязанности в контексте различных теоретических подходов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Том 6. № 1А. С. 45-53.
6. Григорова Т.П. Деструктивная привязанность как специфическая категория привязанности во взрослом возрасте // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Том 20. С. 148-152.
7. Дементий Л.И. Фрустрация: понятие и диагностика. Учебно-методическое пособие: для студентов специальности 020400 «Психология». Омск: Изд-во ОмГУ. 2004. 68 с.
8. Жихарева Л.В. Теория привязанности, теоретические и практические аспекты // Перспективы науки и образования. 2013. № 4. С. 144-154.
9. Задорова Ю. А. Исследование привязанности матери и ребенка дошкольного возраста // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика.

Психология. Социокинетика. 2017. №4. С. 65-69.

10. Казанцева Т.В. Социально-психологические детерминанты межличностной привязанности: Дис. ... канд. наук: 19.00.05 / Казанцева Татьяна Валерьевна. Спб. 2011. 205 с.

11. Калмыкова Е.С. Опыты исследования личной истории. Выпуск 4. М.: Когито-Центр. 2012. 182 с.

12. Коньшина Т. М., Садовникова Т. Ю. Привязанность к матери и идентичность старших подростков в сфере профессионального самоопределения // Педагогическое образование в России. 2016. № 6. С. 189-198.

13. Логвиненко С.Г. Личностные особенности мужчин и женщин, привязанных и не привязанных к матери: Выпускная квалификационная работа, бакалавриат. Научный руководитель А.И.Тащёва. - Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. 2018. 104 с.

14. Николаева Л.А. Взаимосвязь типов психологической привязанности супругов к матери и их конфликтного поведения: Дис. ... канд. наук: 19.00.05 / Николаева Любовь Александровна. Ярославль. 2008. 192 с.

15. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования / Пер. с англ. М. С. Жамкочьян под ред. В. С. Магуна. М.: Аспект Пресс. 2001. 607 с.

16. Рыжова Е.В., Филиппова Е.В. Субъективное восприятие одиночества и тип привязанности к матери у женщин среднего возраста // Горизонты зрелости. Сборник научных статей / Ред.: Л.Ф. Обухова, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцова. М.: ГБОУ ВПО МГППУ. 2015. С. 139-153.

17. Смирнова Е.О. Теория привязанности: концепция и эксперимент // Вопросы психологии. 1995. № 3. С. 139-151.

18. Тащёва А.И. Атрибутивные процессы в супружеских конфликтах: Дис. ...канд. наук: 19.00.05 / Тащёва Анна Ивановна. М. 1987. 172 с.

19. Тащёва А.И., Гриднева С.В. Методический инструментарий для диагностики личности и семейных отношений: учебное пособие/А.И.Тащёва, С.В.Гриднева. - Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. 2016. 234с.

20. Тащёва А.И., Воронцов Д.В. Гриднева С.В. Консультативная психология: базовые методические проблемы: учебник/А.И.Тащёва, Д.В.Воронцов, С.В.Гриднева. - Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет. 2016. 342с.

21. Яремчук М.В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков / Опросник на привязанность к родителям для старших подростков // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 86-94.

Мальшиева Наталья Георгиевна

к.пс.н., доцент

кафедра социальной психологии, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

г. Москва, ул. Моховая, 11с.9

e-mail: tasha.malysheva@gmail.com

Шаехов Забир Дамирович

аспирант

кафедра социальной психологии, факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

г. Москва, ул. Моховая, 11с.9

e-mail: shaehovzd@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТАЦИИ НА СОЦИАЛЬНОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ У ПОКОЛЕНИЯ «Z», ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЬЯХ¹³

Аннотация. В работе представлены результаты исследования школьников, рожденных в начале 2000-х гг. В фокусе внимания находится семья как среда, формирующая определенную систему взглядов, например, ориентацию на социальное доминирование, которая играет роль не только в характере межличностных отношений, но и межгрупповых. Полученные данные были подвергнуты разностороннему анализу: установлению различий в зависимости не только от состава семьи, но и от гендерной, региональной принадлежности. Результаты свидетельствуют о различиях в уровне выраженности антиэгалитаризма в связи с составом семьи и регионом проживания. Однако общий уровень ориентации на социальное доминирование не различается у выходцев из разных типов семьи, у юношей и девушек, у представителей республик Башкортостан и Татарстан.

Ключевые слова: ориентация на социальное доминирование, поколение «Z», полная и неполная семья, гендер, региональная идентичность.

Malysheva Natalia

Docent at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology

Lomonosov Moscow State University

e-mail: tasha.malysheva@gmail.com

Shaekhov Zahir

PhD student

Lomonosov Moscow State University

e-mail: shaehovzd@gmail.com

Abstract. The paper presents the results of a study of schoolchildren born in the early 2000s. In the focus of attention is the family as an environment that forms a certain system of beliefs, for example, orientation to social dominance, which plays a role both in the nature of interpersonal and intergroup relations. The data obtained were subjected to a multifaceted analysis: the establishment of differences in dependence not only on the composition of the family, but also on gender, regional affiliation. The results indicate differences in the level of anti-egalitarianism in relation to the composition of the family and the region of residence. However, the general level of social dominance orientation does not differ among schoolchildren from different types of families, from boys and girls, from the republics of Bashkortostan and Tatarstan.

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 18-013-01206 «Социокультурные и гендерные факторы психологического благополучия поколения XXI века».

Keywords: social dominance orientation, generation "Z", complete and incomplete family, gender, regional identity.

В социальной психологии принято считать, что дети, рожденные в начале 2000-х годов, относятся к поколению «Z», растущему в цифровом обществе [5]. Характеристикой данных детей является то, что в процессе социализации они погружены в Интернет-среду, активно используют социальные сети. Последнее имеет сильное влияние на коммуникацию и взаимодействие, в котором формируются социальные нормы, ценности и переживания, лежащие в основу не только межличностных отношений, но и межгрупповых. Последнее представляется нам особенно важным в связи с изменениями социальной мобильности, интенсивностью межэтнических взаимодействий, существованием в поликультурном мире [1].

Проблемы анализа и объяснения межгрупповых отношений остаются актуальными несмотря на почти вековую историю исследований, в которых учитывались и индивидуальные, и социальные факторы. Современные концепции стремятся к учету взаимодействия этих двух уровней факторов, обращаясь к анализу идентичности личности, формируемой в определенных социальных условиях. Одной из наиболее активно разрабатываемых сегодня является теория социального доминирования, предложенная Джимом Сиданиусом Фелисией Пратто.

Под социальным доминированием понимается процесс формирования иерархии в обществе, в ходе которого происходит разделение общества на низко- и высокостатусные группы. Согласно данной теории высокостатусные группы имеют непропорционально большие преимущества в отличие от низко статусных [6]. В основе статуса часто лежат гендер, возраст, этнос (раса) другие социальные категории или их сочетание. Так, считается, что мужчины в большей степени поддерживают иерархичность в обществе, и они получают больше возможностей в обществе (например, в построении карьеры), а старшим дается больше привилегии, чем младшим. Вокруг подобной системы отношений выстраивается идеология, которая может ее поддерживать.

Однако авторы подчеркивают, что для межгрупповых отношений важна не сама по себе иерархичность общества, а то, как она воспринимается людьми, которые могут различаться по степени ориентации на социальное доминирование – для некоторых людей такое положение дел выглядит «естественным» или даже идеальным, для других – возможно, несправедливым и неправильным. Ориентация на социальное доминирование личности проявляется в стремлении выстраивать и поддерживать иерархии, в стремлении к тому, чтобы группа, к которой он принадлежит, преобладала в получении больших преимуществ, а также в позитивном отношении к этой иерархии [3,7].

Хотя на первый взгляд может показаться, что ориентация на социальное доминирование является личностной чертой, однако исследования позволяют сделать выводы о значительной роли социальных факторов – помимо упоминавшихся выше пола и возраста важными могут являться особенности культуры, к которой принадлежит человек.

Российскую культуру часто относят к коллективистским, в которых обычно предполагают высокий уровень ориентированности на социальное доминирование. Последние исследования данную идею опровергают (см., например [8]). В работах Л.Г. Почебут и И.А. Мейжис отечественную культуру относят к смешанному типу, то есть наблюдаются как коллективистские, так и индивидуалистические характеристики культуры [4]. Безусловно, эта неоднозначность связана с поликультурностью России – на территории нашей страны проживает множество народов, поэтому в исследованиях важно учитывать региональные и этнические особенности.

Республика Башкортостан и Татарстан являются исламскими республиками в центре России, а также обе республики имеют разнообразные конфессиональные и этнические группы. Это даёт возможность интегрироваться в различные традиции, обряды и т.п., которые показывают различные стороны взаимоотношения и взаимодействия в процессе

совместной деятельности. Можно предположить, что это снижает уровень конфликтов между группами, и повышается уровень социальной компетентности в межэтническом взаимодействии. При этом данные регионы имеют и отличия – например, социально-экономическое положение. Наличие сходств и различий этих республик делает их интересным объектом нашего исследования.

Учитывая большую значимость семьи в исламе, которая усиливает общую ориентацию на семью коллективистских культурах, мы предположили, что состав семьи может быть здесь значимым фактором выраженности ориентации на социальное доминирование. С одной стороны, неполный состав семьи может приводить к тому, что идеи иерархичности и доминирования размываются в восприятии детей, которые в ней воспитываются. Однако в тоже время нельзя исключать и обратного эффекта – неполные (преимущественно материнские) семьи легко могут быть вытеснены в сферу маргинальности как на основе социальных представлений, так и на основе экономических факторов, усиливающих бедностью региона, например, – поэтому, возможно, в такой семье могут особенно тщательно следовать доминирующим идеологическим воззрениям. Подобная неоднозначность позволила сформулировать проблему нашего исследования.

Таким образом, его целью являлся анализ того, какие семейные и социально-психологические факторы могут играть роль в выраженности ориентации на социальное доминирование у старших школьников, относящихся к поколению Z.

Нами были выдвинуты следующие гипотезы:

- Старшеклассники в республиках Башкортостан и Татарстан не склонны к проявлению ориентации на социальное доминирование.
- Дети, воспитывающиеся в полных семьях, в большей степени ориентированы на социальное доминирование.
- Ориентация на социальное доминирование будет в разной степени выражена в изучаемых республиках.
- Юноши имеют более выраженную ориентацию на социальное доминирование, чем девушки.

В нашем исследовании участвовали дети начала поколения «Z», которые растут в полных и не полных семьях проживающих республиках Татарстан и Башкортостан.

Для исследования личностной ориентации на социальное доминирование была взята методика «Ориентация на социальное доминирование» Ф. Пратто и Дж. Сиданиуса в адаптации Е.Р. Агадуллиной [2]. Респонденту предлагаются 16 утверждений о межгрупповых отношениях и предлагается оценить степень согласия от 1 – совершенно не согласен – до 7 – совершенно согласен. Данная методика включает в себя шкалы доминирования и антиэгалитаризма, которые образуют единую шкалу – ориентация на социальное доминирование личности. В ходе исследования подсчитываются баллы для выявления различия, а также полученные данные разделяются на две части – высокий и низкий уровень выраженности ориентации на социальное доминирование. Надежность теста была выявлена с помощью α -Кронбаха, которая составила 0,746.

Дополнительно нами собиралась информация о социально-демографических характеристиках – участникам исследования предлагалось указать состав семьи, свой пол и место проживания. Полученные данные анализировались с применением параметрических и непараметрических методов статистики: t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна-Уитни, корреляция Спирмена.

Результаты исследования. Участие приняли 11 детей из неполных семей и 54 ребенка из полных семей, родившиеся в начале 2000-х годов. 4 респондента не указали информацию о составе семьи. Из республики Башкортостан приняли участие 39 респондентов: из них 15 мужского пола, а женского – 19; из республики Татарстан 35 респондентов, из них 17 мужского пола, женского – 18.

В начале мы рассмотрели распределение уровней ориентации на социальное доминирование у участников исследования. Так, по шкале «доминирование» низкий уровень

набрали 53,6% респондентов, 46,4% - высокий, то есть для большинства респондентов не характерно одобрение групповой иерархии, они негативно относятся к групповой иерархии, также им не характерно различие социальных групп в обществе.

По шкале «антиэгалитаризм» высокий уровень наблюдается у 49,3%, низкий – у 50,7%. Таким образом, можно сказать о том, что дети поколения «Z» положительно относятся к групповому равенству. В целом они одобряют то, что в обществе имеется стремление к неразделению людей на различные группы.

Общий уровень ориентации на социальное доминирование распределился следующим образом: высокий уровень – 48,8%; низкий – 52,2% среди респондентов. Исходя, из этого можно сказать о том, что большинство респондентов не направлены на установление социальной иерархии в обществе. Они разделяют равенство в распределении ресурсов людей вне зависимости от принадлежности к какой-либо группе.

Следующим шагом в исследовании мы подсчитали проценты распределения показателей ориентации на социальное доминирование у старшеклассников, воспитывающихся в полных и неполных семьях.

По шкале «доминирование» низкий уровень «Z» воспитывающихся в неполных семьях 45,5%, в полных – 53,7%, высокий уровень – 54,5%, 46,3% соответственно. Шкала «антиэгалитаризм» - высокий уровень наблюдается 90,9% у воспитывающихся в неполных семьях, в полных – 44,4%. Общий уровень ориентации на социальное доминирование распределился следующим образом в исследуемой группе: высокий уровень воспитывающихся в полных семьях 50%, в неполных семьях – 36,4%. Анализ данных с применением критерия хи-квадрат Пирсона подтверждает значимые различия в уровне выраженности антиэгалитаризма у выходцев из полных и неполных семей ($p=0,005$), однако в уровне выраженности доминирования, а также общей ориентации на социальное доминирование значимых различий нет ($p=0,618$ и $p=0,409$, соответственно).

Далее провели анализ различий между женской и мужской выборками. Среднее значение по шкале «доминирование» у мужского пола 27,72; у женского – 27,03, а по шкале «антиэгалитаризм» у респондентов мужского пола 27,28; а у женского – 26,81. Среднее значение показателя ориентации на социальное доминирование: 55 у юношей и 53,84 у девушек. Сравнительный анализ по всем шкалам не показал достоверных различий. Это нам даёт возможность сделать вывод о том, что гипотеза о большей выраженности ориентации на социальное доминирование у мужчин не находит своего подтверждения.

На следующем этапе анализа полученные данные сравнили между двумя регионами России: Башкортостан и Татарстан. Были обнаружены следующие результаты: доминирование и ориентация на социальное доминирование не имеет достоверных различий. Однако есть достоверные различия по шкале «антиэгалитаризм» ($t=2,213$, $p=0,03$). Более высокие значения наблюдаются у юношей, проживающих в республике Башкортостан, чем в республике Татарстан (среднее = 29,41 и 24,71, соответственно). В целом, высокий уровень «антиэгалитаризма» у 58,8% респондентов Башкортостана, а у Татарстана – 40%.

Далее нами было проведено сравнение ориентации на социальное доминирование у юношей и девушек в каждом регионе. Однако статистически достоверных различий внутри каждого региона также не было обнаружено.

Проведенный нами корреляционный анализ показал, что семья и половая принадлежность не связаны с ориентацией на социальное доминирование. Однако уровень антиэгалитаризма коррелирует с регионом ($r= -0,291$, $p=0,015$).

Обсуждение. Наше исследование подтверждает, что проживание в поликультурной среде помогает видеть взаимодействие социальных групп как неиерархическое. В целом, старшеклассники из республик Башкортостан и Татарстан не проявляют склонности к доминированию над другими группами, желанию получать больше преимуществ в доступе к тем или иным ресурсам в обществе. Безусловно, и общая направленность образования на гуманистические ценности и разностороннее психосоциальное развитие способствуют этому.

Полученные данные опровергли наше предположение о том, что старшеклассники, воспитывающиеся в полных семьях будут более склонны к ориентации на социальное доминирование. В целом, уровень ОСД сходный в полных и неполных семьях. Однако было обнаружено, что уровень антиэгалитаризма выше у выходцев из неполных семей. Это может быть связано с тем, что неполные семьи являются социально-незащищенными, занимающими менее высокое положение в обществе, поэтому у подростков могут срабатывать различные защитные и компенсаторные механизмы. Например, они оказываются чувствительными к неравенству и чаще признают его наличие в обществе. В то же время они могут в большей степени оправдывать существующее неравенство, чтобы быть более вписанными в социальные структуры и иметь шанс повысить свой статус, добиться успеха и занять доминирующую позицию.

Аналогичное рассуждение может касаться и обнаруженных различий между старшеклассниками в разных регионах. Хотя в целом, ориентация на социальное доминирование не очень высока у наших респондентов, однако при сравнении данных по республикам Башкортостан и Татарстан мы видим статистически значимые различия в уровне выраженности антиэгалитаризма. Он выше у старшеклассников в Башкортостане. Можно предположить, что в этом играет роль более низкий социально-экономический статус региона (в 2018 году Татарстан занимает 4 место в рейтинге развития регионов России, а Башкортостан – 11-й) [9]. Хотя обе позиции достаточно высокие в рейтинге страны, но ощущение меньших возможностей может делать старшеклассников из менее благополучного региона чувствительными к проявлениям неравенства и формировать стремление скомпенсировать свое положение, добившись более высокого статуса, но для этого необходимо, чтобы система неравенства сохранялась. Таким образом, несмотря на низкий статус представители этой группы могут более решительно выступать за сохранение существующей системы неравенства.

Гипотеза о различии уровня ориентации на социальное доминирование у юношей и девушек не нашла свое подтверждение ни на выборке старшеклассников поколения Z в целом, ни на уровне анализа по регионам. Полученные результаты позволяют утверждать, что респонденты мужского и женского полов одинаково негативно относятся к групповой иерархии, сложившейся в обществе, в целом, не поддерживая неравенство. Эти результаты могут быть связаны как с возрастными особенностями (юноши еще не получают выгод от иерархической системы, являясь подчиненными по отношению к старшим мужчинам и женщинам), так и поколенческими (Интернет-среда способствует распространению идей равенства, преодолению иерархических оснований для достижения успеха и статуса в обществе).

Таким образом, в нашем исследовании гипотеза о роли половой принадлежности в ориентации на социальное доминирование не нашла подтверждение – желание доминировать или нет, а также эгалитаризм и антиэгалитаризм в межгрупповых отношениях не зависят от половой принадлежности. В нашем исследовании была обнаружена взаимосвязь шкалы «антиэгалитаризм» с регионом проживания, которая подталкивает к выводу, что место жительства может подталкивать к более негативному или позитивному отношению к групповому равенству. Исходя из выполненной работы можно сказать, что в целом в республиках не наблюдается тенденция к выраженности ориентации на социальное доминирование одной группы над другими. Подростки, рожденные в начале 2000-х годов, ориентированы на равенство групп, не склонны к проявлению дискриминации и стигматизации групп в обществе. По нашему мнению, это связано с тем, что в этих республиках проживают разные этнические, религиозные группы, которые интегрируются, видят различные стороны этих групп. Это благоприятно влияет на межгрупповые отношения, снижая желание доминировать над другими. Таким образом, проживание в многокультурной, многонациональной республике даёт возможность снижения ориентированности на социальное доминирование, повышения уровня одинакового отношения ко всем социальным группам, имеющимся в обществе.

Список использованных источников:

1. Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А. Проблемы социализации: история и современность: учеб.пособие. – М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. – 216 с.
2. Гулевич О.А. Психология межгрупповых отношений: учебник, – М.: Юрайт, 2017. – 341 с.
3. Майрес Д. Социальная психология: учеб., - Питер, 2015. – 800 с.
4. Почебут Л.Г., Мейжис А.И. Социальная психология: учеб.пособие, – СПб.: Питер, 2010. – 672 с.
5. Рикель А.М., Ермолаева Д.Д., Особенности представления об успехе у людей разных поколений // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». – 2017. – Т.21. – С.65-77.
6. Sidanius J. et al. Social dominance theory: Explorations in the psychology of oppression //Cambridge handbook of the psychology of prejudice. – Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2016. – С. 149-187.
7. Sidanius J., Pratto F. Social Dominance Theory // Handbook of Theories of Social Psychology: Volume Two. – 2011. – С. 418-438.
8. Vargas-Salfate S. et al. A Comparison of Social Dominance Theory and System Justification: The Role of Social Status in 19 Nations //Personality and Social Psychology Bulletin. – 2018. – С. 0146167218757455.
9. <https://realnoevremya.ru/news/99912-tatarstan-zanyal-4-e-mesto-v-reytinge-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-subektov-rf> (дата обращения 08.09.2018)

Литвинова Анна Викторовна
кандидат психологических наук, доцент,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
доцент кафедры научных основ экстремальной психологии,
127051, Москва, Сретенка, 29
E-mail: annaviktorovna@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ХАРАКТЕРИСТИК СЕМЕЙНОГО ОКРУЖЕНИЯ И ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ СТУДЕНТОВ

Аннотация. Опираясь на положения П.Я. Гальперина об ориентировочной деятельности субъекта, представления В.К. Шабельникова о роли психологических напряжений для развития личности, обоснована логика изучения влияния семейного окружения на целеполагание студентов. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи характеристик семейного окружения и целеполагания студентов, в зависимости от рассогласования в структуре приоритетных ценностей-целей. Рассогласование предполагает с одной стороны, повышение напряженности во взаимодействии с родителями (отец, мать) или самим собой, с другой - необходимости ее снижения путем целевой ориентировки в сложившейся ситуации.

Ключевые слова: семейные отношения, личностный рост, управление семейной системой, целеполагание, смысложизненные ориентации.

Litvinova Anna Viktorovna
candidate of psychological sciences, associate professor,
Moscow State University of Psychology & Education,
Associate Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology,
127051, Moscow, Sretenka, 29
E-mail: annaviktorovna@mail.ru

INTERRELATION OF CHARACTERISTICS OF FAMILY ENVIRONMENT AND TOLERANCE OF STUDENTS

Annotation. Based on the provisions of P.Ya. Halperin on the orienting activity of the subject, the presentation of V.K. Shabelnikova on the role of psychological stress for the development of the individual, the logic of studying the influence of the family environment on the goal setting of students is substantiated. The results of an empirical study of the relationship between the characteristics of the family environment and the goal setting of students, depending on the discrepancy in the structure of the priority values-goals Mismatch involves, on the one hand, increased tension in interaction with parents (father, mother) or by oneself, on the other - target orientation in the current situation.

Key words: family relations, personal growth, management of the family system, goal setting, meaningful orientations.

Развивая представление о психике, П.Я. Гальперин характеризует ее как ориентировочную деятельность субъекта, выступающую в качестве ориентирующего компонента практической деятельности, ее «запасного поля». Именно «запасное поле» позволяет решать базовые задачи ориентировочной деятельности: определять «вектор» действий, осмысливать цели и способы их достижения наметить, подгонять действия к наличной ситуации, делать их не только целестремительными, но и целесообразными в

данных индивидуальных условиях [1, 2]. Ориентировочная деятельность субъекта выступает средством приспособления к ситуациям, которые отличаются от условий работы механизмов, управляющих автоматическими реакциями [2, с. 148-151].

Понимание того, как разворачивается целеполагание в пространстве взаимодействия с окружающим миром, людьми, самим собой, позволяет раскрыть логику развития способностей человека в организации жизнедеятельности, осознании своих потенциальных возможностей в решении современных проблем. По мнению В.К. Шабельникова, семья выступает как детерминирующая система формирования личности. Во взаимодействии между членами в семье возникают напряжения, стремление к снятию которых является механизмом развития личности [3,4,5]. Напряжения в отношениях родителями, окружающими и с самим собой, являются исходными и для разворачивания ориентировки субъекта в сложившейся ситуации и постановки целей. Именно в семье закладываются схемы целеполагания, обеспечивающие в дальнейшем организацию жизнедеятельности субъектом. Мы предполагаем, что на целеполагание студентов влияют характеристики семейного окружения (семейные отношения, личностный рост, управление семейной системой). Целеполагание изучается в единстве ценностно-смысловой (терминальные ценности, смысложизненные ориентации) и операционной составляющих (постановка и критерии оценки реализации целей, система саморегуляции произвольной активности).

В исследовании использовалась методика «Ценностные ориентации» М. Рокича для выделения групп студентов с рассогласованием в структуре приоритетных ценностей-целей; Шкала семейного окружения (R.H. Moos, адаптация С.Ю. Куприянова), тест «Смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева; методика «10 целей» Н.Е. Харламенковой; Опросник «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой. Применялись методы математической статистики: частотный анализ, описательная статистика, корреляционный анализ. В исследовании принимали участие 97 студентов психологического факультета, средний возраст – 19,2 года.

Логика эмпирического анализа строится на исследовании особенностей ценностных ориентаций студентов, определяющих содержательную сторону направленности личности, ее отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самому. Ценности формируются в процессе жизнедеятельности, приобретая затем самостоятельное значение ориентиров деятельности, определяя ожидаемое и одобряемое окружающими поведение. Ключевые ценности общества и личности характеризуются как цели, они выполняют функцию конечного выбора тех средств и способов, которые становятся самоценными, функционально не заменимыми конечными «целевыми» ценностями. По методике «Ценностные ориентации» М. Рокича в соответствии со степенью рассогласования приоритетных ценностей-целей реализуемых студентами и родителями (отец и мать) были выделены 3 группы. Студенты с рассогласованием ценностей-целей с отцом вошли в 1 группу (34%), студенты с рассогласованием ценностей-целей с матерью – во 2 группу (40,2%), студенты с рассогласованием реализуемых и перспективных ценностей-целей составили 3 группу (25,8%). Важно отметить, что только у каждого четвертого студента наблюдается рассогласование реализуемых и перспективных ценностей-целей, что свидетельствует о сепарации от родителей, стремлении к самостоятельной ориентировке в сложившейся ситуации, постановке и реализации целей в организации жизнедеятельности.

Согласно полученным результатам (табл. 1) в 1 группе студентов, чем более важны для членов семьи порядок и организованность семейной активности, определенность семейных правил и обязанностей, тем менее они направлены на процесс достижения жизненных целей и тем выше их неудовлетворенность своей жизнью в настоящем. Однако, открытое выражение агрессии и конфликтных взаимоотношений в семье, низкая активность в организации отдыха повышают стремление студентов 1 группы к поискам смысла жизни.

Таблица 1.

Значимые взаимосвязи характеристик семейного окружения и смысложизненных ориентаций студентов

Показатели по методикам		Коэффициент корреляции		
		1 группа	2 группа	3 группа
Шкала семейного окружения	Смысложизненные ориентации			
организация	процесс	- 0,774*		
конфликт	ОЖ общий показатель	0,697*		
	локус контроля - Я		- 0,758*	
ориентация на активный отдых	ОЖ общий показатель	- 0,676*		
экспрессивность	результат		- 0,828*	
ориентация на достижения	цели		- 0,744*	
	результат		- 0,800*	
	локус контроля - Я			0,8 80*
	ОЖ общий показатель			0,8 39*
контроль	цели			0,7 13*

Примечание: данные имеют статистически значимые взаимосвязи по критерию Тау-в Кендалла: * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); **. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Как показывают результаты исследования, у студентов 2 группы выявлены отрицательные значимые взаимосвязи изучаемых параметров. Открытое выражение чувств во взаимоотношениях с матерью, ее требования высоких достижений в учебе, снижают результативность жизни студентов и ответственность за реализацию поставленных целей. Конфликтные взаимоотношения снижают стремление студентов строить свою жизнь в соответствии со своими целями, задачами и представлениями о ее смысле.

У студентов 3 группы ориентация родителей на высокие их достижения является основанием для развития представлений о себе как о сильной личности, способной к свободному выбору целей и задач собственной жизни, повышают осмысленность их жизни. Иерархичность семейной организации, контроль членами семьи друг друга, регламентируют цели студентов данной группы, повышают ответственность за их реализацию.

Выявлено, что характеристики семейных отношений определяют стремление к поиску смысла жизни студентов 1 группы, характеристики личностного роста членов семьи активизируют смысложизненные ориентации студентов 2 и 3 группы.

Таблица 2.

Значимые взаимосвязи характеристик семейного окружения с постановкой целей студентами и критериями оценки их реализации

Показатели по методикам		Коэффициент корреляции		
		1	2	3

		группа	группа	группа
Шкала семейного окружения	Методика «10 целей»			
организация	средства есть	* 0,837		
	образование		0,84 6*	0,8 12*
сплоченность	средства есть		0,80 9*	
отношения в семье			0,71 1*	
ориентация на активный отдых	не очень важная		0,72 6**	
личностный рост	общая		0,74 1*	
сплоченность	личная			0,8 22*
экспрессивность				0,9 15*
интеллектуально-культурная ориентация				0,9 57**
контроль	далекая			0,8 56*
	важная			- 0,856*

Примечание: данные имеют статистически значимые взаимосвязи по критерию Тау-в Кендалла: * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); **. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Полученные результаты (табл. 2) позволяют констатировать, что у студентов 1 группы раскрыта только взаимосвязь – чем выше организованность и порядок в семье, определенность семейных обязанностей, тем более разнообразные средства применяют студенты для достижения поставленных целей.

Выявлено, что у студентов 2 и 3 группы важность для семьи порядка и организованности в структурировании семейной активности, определенности семейных правил и обязанностей способствует постановке и реализации студентами цели получения образования.

Важно отметить, что только у студентов 3 группы выявлена постановка личных целей, значимо взаимосвязанных с такими характеристиками семейного окружения как сплоченность и экспрессивность в проявлении открытости действий и чувств и показателем личностного роста - активностью членов семьи в различных сферах деятельности.

Таблица 3.

Значимые взаимосвязи характеристик семейного окружения со стилем саморегуляции поведения студентов

Показатели по методикам		Коэффициент корреляции		
		1 группа	2 группа	3 группа
Шкала семейного окружения	Стиль саморегуляции поведения			
контроль	программирование	- 0,751*		
	гибкость		- 0,867**	
управление семейной системой	программирование	- 0,737*		
	планирование		0,69 4*	
интеллектуально-культурная ориентация	оценивание результатов		0,82 2**	
ориентация на активный отдых	моделирование		0,86 5**	
независимость	гибкость			0,8 17*

Примечание: данные имеют статистически значимые взаимосвязи по критерию Тау-в Кендалла: * Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя); **. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

Важность для семьи организованности, определенности правил и обязанностей, контроля друг друга повышает импульсивность действий студентов 1 группы (табл. 3), снижает их возможности программирования действий для достижения намеченных целей.

Во 2 группе студентов выявлено наибольшее число взаимосвязей характеристик семейного окружения и компонентами индивидуальной системы саморегуляции произвольной активности. Структурированность семейной системы, ясность семейных правил и процедур у студентов данной группы определяют осознанность планирования своих действий. Ориентированность членов семьи на активный отдых позволяет студентам выделять значимые условия достижения ситуативных и перспективных целей. Интеллектуально-культурная ориентация активность членов семьи формирует устойчивость субъективных критериев адекватной оценки результатов, причин затруднений в достижении целей и адаптации их к изменяющимся условиям.

Важным регуляторно-личностным качеством саморегуляции произвольной активности является гибкость. Чрезмерный контроль в семье студентов 2 группы снижает их способность адекватно реагировать на ситуацию, своевременно разрабатывать программу действий, выделять значимые условия, оценивать расхождение полученных результатов с поставленной целью и вносить необходимую коррекцию, ведет к возникновению регуляторных сбоев и неудачам в деятельности и поведении. Совершенно иная ситуация у студентов 3 группы. Поощрение в семье стремления к самоутверждению, независимости, самостоятельности в обдумывании проблем и принятии решений выступает условием сформированности у студентов данной группы пластичности всех регуляторных процессов и способности перестраивать, вносить коррективы в систему саморегуляции при изменении внешних и внутренних условий в повседневных ситуациях и ситуациях риска.

Полученные результаты демонстрируют наличие у студентов специфичных значимых взаимосвязей характеристик семейного окружения определяющих сформированность ценностно-смысловой и операционной составляющих целеполагания в зависимости от рассогласования приоритетных ценностей-целей.

В 1 группе студентов с рассогласованием приоритетных ценностей-целей с отцом, определенность семейных правил и обязанностей снижает их направленность на процесс достижения жизненных целей, ведет к неудовлетворенности своей жизнью. Конфликтные взаимоотношения в семье и низкая активность в организации отдыха повышают стремление студентов к поискам смысла жизни. Организованность и порядок в семье обеспечивают применение студентами разнообразных средств для достижения поставленных целей. Жесткая организация управления семейной системой снижает осознанность и повышает импульсивность их действий.

У студентов 2 группы с рассогласованием приоритетных ценностей-целей с матерью, экспрессивность отношений в семье, ориентация на достижения понижают результативность их жизни и ответственность за реализацию поставленных целей. Конфликтные взаимоотношения отрицательно влияют на локус контроля – Я студентов. Структурированность семейной системы определяет осознанность планирования действий, ориентированность членов семьи на активный отдых позволяет студентам моделировать постановку целей, интеллектуально-культурная ориентация активности членов семьи ведет к адекватной оценке полученных результатов. Чрезмерный контроль в семье у студентов данной группы сдерживает развитие гибкости как регуляторно-личностного качества, необходимого для развития целеполагания.

Важность для семьи порядка, организованности в структурировании семейной активности, определенности семейных правил и обязанностей активизируют у студентов 2 и 3 группы постановку и реализацию цели получения образования.

Ориентация родителей на высокие достижения студентов 3 группы с рассогласованием приоритетных реализуемых и перспективных целей определяет развитие способности к свободному выбору целей и задач собственной жизни, повышает осмысленность их жизни.

Организованность управления семейной системой повышает ответственность студентов за постановку и реализацию целей. Только в данной группе, сплоченность и экспрессивность в отношениях, активность членов семьи в различных сферах деятельности выступают условиями постановки и реализации студентами личных целей. Поощрение в семье стремления к самоутверждению, независимости, самостоятельности в обдумывании проблем и принятии решений стимулируют развитие у студентов гибкости целеполагания.

Полученные результаты могут стать основанием разработки дифференцированных программ развития целеполагания студентов разных групп с учетом рассогласования приоритетных ценностей-целей.

Список использованных источников:

1. Гальперин П.Я. Введение в психологию. – М. : Университет, 2015. – 336 с.
2. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. М., 2002. – 400 с.
3. Шабельников В.К. История психологии. Психология души. М. Академический проект. 2013. – с. 400.
4. Шабельников В.К. Функциональная психология. М., 20011. – 590 с.
5. Шабельников В.К. Функции семьи в психологических напряжениях современного общества // Психологические проблемы современной семьи / Сборник тезисов VI-ой Международной научной конференции. Под ред. Захаровой Е.И., Чурбановой С.М., Васягиной Н.Н. – Екатеринбург : УРГПУ, 2015. – С. 177-182.

Никулова Екатерина Александровна
кандидат психологических наук
НАНО ВО "Институт мировых цивилизаций"
доцент кафедры экономической психологии и психологии труда
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д.1/2, корп. 1
E-mail: sea_04@mail.ru

ГАРМОНИЧНОЕ РАЗВИТИЕ СЕМЬИ - ОСНОВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА

Аннотация. В статье рассматриваются основные критерии психологического здоровья личности ребенка, его адаптационные механизмы во взаимодействии с социумом. Раскрыта духовная роль семьи в формировании психологического здоровья ребенка. Выявлены ресурсы, необходимые для создания, укрепления и развития каждого члена семьи. Показана взаимосвязь психического, физического и психологического компонентов в формировании творчески активной, саморазвивающейся личности.

Ключевые слова: психологическое здоровье, адаптация, физическая культура, семейные ценности, творческая личность, среда.

Nikulova Ekaterina Aleksandrovna
candidate of psychological sciences, Associate Professor of the Department economic
psychology and psychology of labor of NANO "Institute of world civilizations"
119049 Moscow, Leninsky Prospekt, d. 1 / 2, bldg.1
E-mail: sea_04@mail.ru

Annotation. The article discusses the main criteria of psychological health of the child's personality, its adaptation mechanisms in interaction with society. The spiritual role of the family in the formation of the child's psychological health is revealed. The resources necessary for the creation, strengthening and development of each family member are identified. The interrelation of mental, physical and psychological components in formation of creatively active, self-developing personality is shown.

Key words: psychological health, adaptation, physical culture, family values, creative personality, environment.

Психологическое здоровье детей зависит от социально-экономических, экологических, культурных, психологических и многих других факторов. Одним из эффективных средств формирования психического здоровья человека является физическая деятельность. Благоприятное влияние физической культуры и сопутствующих ей форм деятельности обнаружено при целенаправленном воздействии на здоровье детей. Как отмечает А.В. Запорожец [5,с.59], критерий основного результата оздоровительно-развивающей работы должен заключаться в том, что эффект отдельной оздоровительной программы в виде устойчивого, целостного психосоматического состояния, которое далее может воспроизводиться в режиме саморазвития.

Психологическое здоровье [4, с. 106], это психологические аспекты психического здоровья, то есть совокупность личностных характеристик, являющихся предпосылками стрессоустойчивости, социальной адаптации, успешной самореализации ребенка.

По мнению И.В.Дубровиной, О.В. Хухлаевой [7, с. 45] и других исследователей, психологическое здоровье следует целенаправленно формировать. При этом особое внимание должно уделяться формированию внутренней картины здоровья,

подразумевающей особое к нему отношение. Внутренняя картина здоровья выражается в осознании его ценности, в активно-позитивном стремлении к его совершенствованию. По О.В. Хухлаевой, под формированием психологического здоровья следует понимать создание возможностей психологически здорового функционирования детей через организацию их жизнедеятельности. Понимая психологическое здоровье как наличие динамического равновесия между индивидом и средой, следует считать его критерием гармонии между ребенком и социумом. А гармонию эту может сформировать лишь среда в семье, то как взаимодействуют родители между собой и с ребенком. Психологическое здоровье всех членов семьи дают некий потенциал для психологического комфорта, а следовательно, и здоровья ребенка и его взаимодействия с обществом. Здоровье формируется в духовной, нравственной среде, где ребенка уважают, принимают и главное любят. Если с детьми разговаривают, слышат и слушают, то личность ребенка формируется открытой и готовой к развитию, реализации и самопринятию. Ребенок свой ресурс реализует в изучении и преобразовании этого мира, а не в борьбе и завоевании любви родителей. Агрессия детей к миру, к окружающим и к себе основана в первую очередь, на недостатке любви со стороны самых близких и не умения другим образом эту любовь получить. Взаимодействие ребенка с социумом является некой лакмусовой бумагой, отражающей здоровье или нездоровье семьи.

Психологическое здоровье ребенка невозможно без активности, совместного времяпрепровождения и профессиональной деятельности членов семьи. Это есть стимул для развития внутреннего мироощущения, самосознания всех членов семьи, другими словами не ребенка воспитывать, а начинать с воспитания себя, начинать развития себя как личности в профессиональной деятельности, так и во взаимодействии с окружающими.

В основном, все исследователи сходятся в таких ключевых позициях, что психологическое здоровье подразумевает стрессоустойчивость, гармонию и духовность, что и формируется в семье [8, с 49].

В этой связи выделяются уровни адаптивности к социуму: высший – креативный, с наличием устойчивой адаптации и активным творческим отношением к действительности; дезадаптивный – дети с нарушением регулятивных процессов, с нарушением баланса "ребенок-общество", средний – адаптивный, на котором дети в целом адаптированы к социуму, но могут проявлять признаки дезадаптации в отдельных сферах, повышенную тревожность.

В данном подходе здоровый человек – это успешно адаптирующийся и имеющий гармоничные отношения с окружающими.

Исходя из этих рассуждений, психологическое здоровье, основу которого составляет полноценное психическое развитие на всех этапах онтогенеза, можно определить как динамическую совокупность психических свойств, обеспечивающих:

а) гармонию между различными аспектами внутри человека и между человеком и обществом;

б) возможность полноценного функционирования и развития в процессе жизнедеятельности.

Следовательно, исходя из уровней адаптивности, можно выделить несколько уровней психологического здоровья детей по данным И.В.Дубровиной [4, с.31], О.В. Хухлаевой[7, с.23]:

1. Креативный уровень (ребенок - творец, идеальный уровень, выражающий совершенную степень психологического здоровья его высший уровень, созидательный). Это дети, счастливо получившие в наследство здоровую генетику, здоровых в психологическом плане родителей, хорошую развивающую среду. Таких детей около 5-7% в детском коллективе.

2. Адаптивный уровень. В целом это адаптивные дети, но в результате тестирования выявляющие отдельные признаки дезадаптации, обладают повышенной тревожностью, конформностью. Это группа относительного риска, составляет около 80% учащихся, представляет средний уровень психического здоровья.

3. Ассимилятивно-аккомодативный уровень. Это низкий уровень психологического здоровья. Это дети, не способные к гармоничному взаимодействию с окружающими, не владеющие системой, механизмами защиты. Они бесконечно меняют мир вокруг себя и при этом не способны к самоизменению в связи с требованиями социума (ассимиляционное преобладание). Или же имеют эпатажное поведение, аффектированные капризы (аккомодативное преобладание). Их скрытая дезадаптация часто приводит к соматическим нарушениям. Это дети с высоким индивидуальным развитием и очень низким социально-адаптивным уровнем.

Исходя из предложенных уровней, можно сформулировать педагогические условия становления психологического здоровья как в семье, так и в обществе:

1. Наличие трудных ситуаций, препятствий в жизни детей. В семье необходимо поощрять стремление ребенка в преодолении и постановке цели без какого-либо давления со стороны взрослых. По мнению О.В. Хухлаевой [7,с.11], такие ситуации способствуют развитию воли, накоплению опыта преодоления препятствий, мотивируют к саморазвитию. Следует добавить, однако, что интенсивность психо-эмоционального напряжения в таких ситуациях не должна превышать индивидуальный порог адаптации, иначе воздействия трудных ситуаций могут привести к негативным последствиям в личностном развитии.

2. Наличие положительного фона настроения. Здесь предполагается наличие у ребенка способности к самостоятельному сохранению душевного равновесия, то есть способности в различных ситуациях приходить к состоянию внутреннего покоя. По сути, здесь речь идет о развитии саморегуляции у ребенка, в частности, регуляции собственных состояний. Эту способность родители могут сформировать у своего ребенка поддержкой и примером своей реакции на определенные ситуации в быту.

3. Обучение детей умению быть счастливым. Следует, как можно раньше формировать у ребенка установку на позитивное мировосприятие, учить находить разные источники положительных эмоций и положительные моменты в неприятных ситуациях. Здесь велика роль ближайшего окружения, прежде всего родителей. Умение ставить акценты на то, что хорошо и что можно сделать, чтоб было еще лучше, уметь радоваться мелочам, что дети по природе своей умеют, но к сожалению теряют "благодаря" родителям и социуму.

В ряде работ, подчеркивающих адаптивное значение психологического здоровья, способность к эффективной саморегуляции рассматривается как один из основных критериев психического и физического здоровья человека. В частности, Г.С.Никифоров [6, с.321] среди прочих критериев физического, психического и социального здоровья называет следующие: способность самоуправления поведением в соответствии с нормами, установившимися в данном обществе (социальное здоровье); эмоциональная устойчивость, самообладание, совладание с негативными эмоциями, сохранность привычного, оптимального самочувствия (психическое, психологическое здоровье); оптимальная работа всех функциональных систем организма (физическое здоровье).

В.А. Александрова [8, с. 36] говорит о том, что адаптация – одно из ключевых понятий, подразумевает психологическое здоровье личности, т.е. гармонию с самим собой и с внешним миром (социумом). По исследованиям И.Н. Дубиной [3, с. 65] развивать социально адаптированных детей с творческим началом нужно с дошкольного и, особенно с младшего школьного возраста, так как творческое развитие у детей младшего школьного возраста является наиболее существенным фактором, способствующим эффективной адаптации ребенка к социальной среде. А семья и есть та первая социальная среда, в которой формируется ребенок, в том числе и адаптированный к творчеству, если родители поощряют, направляют и сами являются примером творческого ориентира в мир музыки, искусства, спорта и творческого подхода к жизни в целом.

Формирование наиболее значимых социально-психологических характеристик личности, отражающих систему ее отношений к различным сторонам действительности, – ценностных ориентаций, установок, мотивационно-потребностных факторов, то есть всех тех моментов, которые могут входить в сферу личных смыслов ребенка, – можно отнести к

содержательной стороне процесса социализации, эмоционального благополучия ребенка остается чрезвычайно важным [1, с.94].

Именно психологическое здоровье делает личность самодостаточной. Ярким подтверждением этого может послужить формулировка 10 простых и одновременно емких заповедей творческой личности: будь хозяином своей судьбы; достигни успеха в том, что ты любишь; внеси свой конструктивный вклад в общее дело; строй свои отношения с людьми на доверии; развивай свои творческие способности; культивируй в себе смелость; заботься о своем здоровье; не теряй веру в себя; старайся мыслить позитивно; сочетай материальное благополучие с духовным удовлетворением. [2, с. 85] Эти правила могут явиться неким ориентиром для понимания гармоничной семьи, если это пропагандируется личным примером родителей и близкого окружения, то ребенок сформируется здоровым личностно, физически, духовно и творчески активной.

Ключ к личности ребенка, "активно воссоздающей" содержание социокультурного опыта, А.В. Запорожец [5, с. 95] искал в его эмоциональной сфере, точнее – в творческой способности к эмоциональному предвосхищению событий действительности, эмоциональному воображению, которое лежит в основе смысловых ориентировок ребенка в этом содержании.

Для завершения процесса социализации под влиянием существующих условий социальной сферы должно быть сформировано психологическое образование личности, которым является самооценка. Самооценка тесно связана с процессом социальной адаптации или дезадаптации – нарушением социального здоровья детей [6, с. 207].

Известно, что наиболее высокого уровня развития достигает личность с адекватной самооценкой, адекватным (в динамике) уровнем притязаний при внутренней мотивации ведущей деятельности и высоким уровнем направленности на социально-педагогическое взаимодействие. Такая личность не только максимально реализует свои способности, но и создает значимые продукты в духовной и материальной сферах.

Из перечисленных личностных особенностей наименее освещена в психологической литературе направленность на социально-педагогическое взаимодействие. Процесс включения личности в социально-психологическое взаимодействие – сложный, многоуровневый процесс взаимодействия личности и микросреды, конечной целью которого является обеспечение оптимального соотношения целей и ценностей личности, реализация внутриличностных возможностей в конкретных условиях при благоприятном эмоциональном самочувствии. Важную роль в этом процессе играет идентификация. Идентифицируя себя с преподавателем или другим членом учебной группы, индивид осознает уровень своих возможностей, формирует адекватный образ "Я" и ситуации. Наиболее обобщенным показателем этой идентификации, психологической включенности индивида во взаимодействие может служить рефлексивное самосознание личности.

По степени выраженности качество психологической включенности может варьировать от полной рефлексии до ее отсутствия.

В связи с этим нам представляется особенно важной проблема поиска новых возможностей для творческого развития детей. Такие возможности, как мы предполагаем, заключаются в сохранении и укреплении психологического здоровья, активизации творческих возможностей через психологическое сопровождение этого процесса в семье в первую очередь.

Список использованных источников:

1. Андрушакевич, А.А. Духовно-нравственное и нервно-психическое здоровье : медико-биологические аспекты диагностики восстановления и формирования / А.А. Андрушакевич. – Нижний Новгород : Изд-во Нижегородской гос. мед. Академии, 2001. - 280 с.
2. Вайнцвайг П. Десять заповедей творческой личности. Пер. с англ./ П. Вайнцвайг. – М.: Прогресс, 1990. -192с.

3. Дубина И.Н. Творчество как феномен социальных коммуникаций / И.Н. Дубина. – Новосибирск: СОРАН, 2000. – 173 с.
4. Дубровина И.В. Психическое здоровье детей и подростков / И.В. Дубровина. - М.: Академия, 2000. - 256 с.
5. Запорожец А.В. Избр. психол. труды / А.В. Запорожец.- В 2 т.Т.2.М.: Педагогика,1986.- 247с.
6. Никифоров Г.С. Психология здоровья: Учебник для ВУЗов / Г.С. Никифоров. - СПб.: Питер, 2003.- 607с.
7. Хухлаева О.В. Формирование психологического здоровья у школьников : Автореф. дис. ...докт. психол. наук / О.В. Хухлаева.- М., 2001.- 142 с.
8. Шмарева Е.А. Психологическое сопровождение творческого развития младших школьников средствами оздоровительного плавания : Автореф. дис. ... канд.психол.наук / Е.А. Шмарева.Н-Н., 2011.- 190 с.

Куфтяк Елена Владимировна
доктор психологических наук, профессор
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
профессор кафедры общей психологии
119571 г. Москва, пр. Вернадского, 82, стр.1
E-mail: kuftyak@yandex.ru

ПРИВЯЗАННОСТЬ К МАТЕРИ И ПСИХИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ РЕБЕНКА

Аннотация. Цель настоящей работы – изучение психологических механизмов влияния характера привязанности к матери на психическое здоровье ребенка. Исследование охватило 178 младших школьников. Было выведено уравнение множественной регрессии, которое прогнозировало проблемы поведения, проблемы со сверстниками, просоциальное поведение и благополучие по показателям привязанности.

Ключевые слова: привязанность к матери, психическое здоровье, младшие подростки.

Kuftyak Elena Vladimirovna
Doctor of psychology, professor, Ph.D.,
Russian Presidential Academy of Nacional Economy
and Public Administration
119571 Russian Federation, Moscow,
Prospect Vernadskogo, 82, bldg 1
E-mail: kuftyak@yandex.ru

ATTACHMENT TO MOTHER AND MENTAL HEALTH OF THE CHILD

Abstract. The goal of this work is to study the psychological mechanisms of the influence of the character of attachment to the mother on the mental health of the child. The study covered 178 primary school children (M age=10,4; 52 % girls). It was derived the multiple regression equation, which predicted conduct problems, peer problems, prosocial behavior and subjective child well-being due to attachment indicators.

Key words: attachment to mother, mental health, young adolescent.

Одной из ключевых проблем психологии на протяжении всей ее истории было стремление понять формирование ранних взаимоотношений, обнаружить генетические основания индивидуально-типических особенностей. Введение понятия «привязанность» как базовой онтогенетической категории позволило расширить представления о социальном и эмоциональном развитии на разных уровнях онтогенетического развития [9]. Изучение привязанности и ее различных аспектов имеют глубокие традиции. А. Валлон рассматривает «симбиоз ребенка и матери», Л.С. Выготский описывал «социальную ситуацию “Мы”», Р. Сирс указывал на психологическую зависимость ребенка от матери, а М.И. Лисина заявила о непосредственном эмоциональном общении.

Теория привязанности является одной из наиболее успешных современных комплексных психологических концепций. Привязанность базируется на внутреннем неосознаваемом опыте эмоциональной связи с матерью, дающей ребенку ощущение близости, безопасности и надежности отношений. Так, основная функция привязанности заключается не в удовлетворении физиологических потребностей ребенка, а в обеспечении у него чувства безопасности. Вслед за Дж. Боулби М. Эйнсворт систематизировала и

выстроила типы привязанности с учетом индивидуальных различий в качестве привязанности: В – безопасный паттерн, А – паттерн привязанности избегающего вида, С – паттерн привязанности тревожно-сопротивляющегося вида, и тип, добавленный позднее М. Мэйн, D – дезорганизованный.

В психологии накоплен значительный исследовательский материал ученых, заключающийся в изучении развития отношений между матерью и детьми раннего возраста [6, 9, 11]. Исследователи показали, что качество заботы, которую мать дает ребенку, оказывает влияние и на эмоциональное, и на познавательное развитие ребенка. Было установлено, что дети отзывчивых матерей, к концу первого года жизни проявляют значительную исследовательскую активность, у них выше способность к саморегуляции, они способны адекватно выражать эмоции. В старшем возрасте они более компетентны во взаимодействии со сверстниками, лучше адаптируются в разных социальных ситуациях. При наличии у ребенка опыта конфликтных отношений с близкими взрослыми, его эмоциональное и познавательное развитие нарушается.

Данные многочисленных исследований влияния индивидуальных особенностей ребенка на качество привязанности указывают, что ведущим фактором безопасной привязанности являются особенности материнской чувствительности и характер межличностного взаимодействия. Было обнаружено, что темперамент ребенка не оказывает существенного влияния на формирование паттерна привязанности. Существует частичная взаимосвязь между данными показателями, в частности, было установлено, что ребенок скорее будет иметь небезопасную привязанность, если у него «трудный» темперамент и его мать имеет низкую чувствительность по отношению к его сигналам. Наиболее неблагоприятными факторами для развития безопасной привязанности выступают низкая материнская чувствительность, материнский стресс и тревожность, разлучение с ребенком, нарушение супружеских отношений, низкая социальная поддержка матери и семьи, значительная занятость родителей, длительное пребывание в детском учреждении (Доме ребенка) [6, 11, 16].

В предыдущем исследовании, выполненного автором настоящей статьи проведено изучение взаимосвязи качества привязанности близких взрослых (матери, бабушки) и привязанности ребенка к матери в дошкольном возрасте [3]. В центре исследовательского внимания было изучение влияния типа привязанности матери и бабушки на привязанность ребенка. В работе были изучены, во-первых, качество привязанности ребенка к матери в соответствии с «рабочими моделями привязанности» матери и бабушки, во-вторых, связь качества привязанности ребенка с показателями тревожности и избегания близости в отношениях близких взрослых. Полученные данные свидетельствуют о том, что демонстрация близкими взрослыми (матерью, бабушкой) уверенности в надежности отношений близости способствуют формированию у ребенка доминанты, связанной с проявлением эмоциональной чувствительности в поведении.

Взаимодействие матери с ребенком как условие становления привязанности к матери изучалось в работе Ю.А. Задоровой, показавшей значение особенностей взаимодействия матери с ребенком для типа привязанности ребенка [5]. Полученные результаты раскрыли зависимость типа привязанности ребенка к матери от качества взаимодействия матери с ребенком: чем продуктивнее и эмоционально принимаемое матерью взаимодействие, тем более выражена надежная привязанность.

Исследователями было показано, что тип привязанности сохраняет свое важное значение у взрослых [4, 12]. Так, стиль привязанности оказывает пожизненное влияние на личную и общественную жизнь, профессиональные отношения, регуляцию стресса, познавательное развитие и даже физическое и психологическое здоровье [1]. Западные исследования показали тенденцию к преемственности типа привязанности от одного поколения в семье к другому [14]. В исследовании, выполненного автором настоящей статьи, изучена межпоколенная передача паттернов привязанности в трех поколениях женщин, принадлежащих к одной семье [4]. Обнаружено, что заботливый тип сохраняет тенденцию к

доминированию среди женщин, и даже к росту его преобладания во взаимодействии от старшего поколения к младшему. Установлена преемственность через три поколения женщин одной семьи для надежной (тип А) и тревожно-противоречивой (тип В) привязанности.

В психологической науке и смежных областях научного знания проблема привязанности в плане ее влияния на психическое здоровье ребенка остается одним из острых и дискуссионных вопросов. Получено немало данных о том, что искаженные внутренние модели и типы привязанности могут иметь серьезное значение в развитии нарушений психологического здоровья и психической патологии. Так, избегающий тип привязанности сопряжен с проявлением симптомов экстернализации у подростков, а амбивалентная привязанность связана с подростковой депрессией [8]. Дети младенческого возраста с дезорганизованным типом привязанности впоследствии попадают в группу повышенного риска по проблемам экстернализации, синдрому посттравматического стресса (ПТСР) и диссоциации [17].

Экспериментальные исследования Л. Браун с коллегами показали, что у подростков из неклинической группы в 73 % случаев обнаруживалась безопасная привязанность, а в клинической группе только 13 % имели безопасную привязанность. По данным исследователей, подростки, проявляющие отчужденный паттерн привязанности, с большей вероятностью были склонны к антисоциальному поведению [10].

Представленные работы раскрывают связь ненадежных типов привязанности с психическими расстройствами на разных этапах взросления. Однако исследований выявляющих вклад привязанности в психическое здоровье недостаточно, а отечественные работы подобного рода отсутствуют. Не исследовано значение характеристик привязанности. Поэтому цель настоящей работы – изучить значение привязанности для психического здоровья и субъективного благополучия детей в современных условиях.

Выборка составила 178 детей (52 % девочек) младших подростков 10 – 12 лет (средний возраст 10,4). Исследование проводили в г. Кострома (N=96) и Новосибирск (N=82). Детям предлагали опросник на оценку типа привязанности к матери (Е.В. Пупырева, Г.В. Бурменская, 2007) [7]. Методика позволяет определить тип привязанности (надежный, ненадежный), степень эмоциональной близости с матерью и принятие матерью, аспекты взаимодействия с матерью и др.

Оценка психического здоровья детей была проведена взрослыми (родителями, психологами) с использованием стандартизованного скринингового опросника «Сильные стороны и трудности» (ССТ) [13]. Опросник содержит пять шкал: эмоциональные симптомы, проблемы с поведением, гиперактивность / невнимательность, проблемы со сверстниками и просоциальное поведение. Шкалы эмоциональных симптомов и проблем со сверстниками образуют итоговую шкалу интернализации, а шкалы проблем с поведением и гиперактивности / невнимательности – шкалу экстернализации.

Субъективное качество жизни детей изучалось с использованием опросника Pediatric Quality of Life Inventory (PedsQL тм 4.0.), апробированного в мультицентровых исследованиях с участием нескольких стран (США, Канады, Великобритании, Германии, Франции, Китая) и зарекомендовавшего себя как надежный и чувствительный метод изучения качества жизни детей на разных этапах развития [2].

Субъективное благополучие изучалось с использованием опросника «Шкала удовлетворенности жизнью у школьников» [15], состоящего из утверждений, касающихся общей оценки жизни.

Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью статистического пакета SPSS 19.0.

Оценка вклада привязанности в изменение показателей психического здоровья была изучена с помощью множественного регрессионного анализа (табл. 1).

Использовался шаговый метод (Stepwise), что позволило выявить независимые переменные оказывающие наибольшее влияние на критерий.

Таблица 1

Прогностическая значимость привязанности к матери и психосоциальных показателей в отношении проблем психического здоровья

Зависимая переменная	аг	β	2, %	Прогностическая переменная	B	F	F
Просоциальное поведение		,24	,9	Пол	- 0,24***	11,0	2***
		,29	,7	Совместная деятельность (гармоничность либо конфликтность совместной деятельности)	* 0,17	8,3*	**
		,33	0,6	Социальное благополучие	* 0,14	6,8*	**
Проблемы поведения		,18	,2	Пол	* 0,18	5,85	*
		,25	,4	Взаимодействие с матерью в социальном контексте	- 0,18*	5,94	**
Проблемы со сверстниками		,24	,9	Взаимодействие с матерью в социальном контексте	- 0,24***	11,0	3***
		,28	,1	Совместная деятельность (гармоничность либо конфликтность совместной деятельности)	- 0,15*	7,7*	**
Физическое благополучие		,757	7,2	Общее благополучие	*** 0,75	234,28***	
		,762	8,1	Эмоциональная чуткость матери к ребенку	* 0,12	120,5***	
		,768	9	Совместная деятельность (гармоничность либо конфликтность совместной деятельности)	- 0,10*	82,9	5***
Эмоциональное благополучие		,83	,97	Общее благополучие	*** 0,83	402,1***	
		,84	,04	Эмоциональная чуткость матери к ребенку	- 0,085*	206,8***	
Социальное благополучие		,23	,4	Субъективное благополучие	** 0,23	10,0	4**
		,27	,5	Просоциальное поведение	* 0,14	7,08	***
				Восприятие	-	5,7*	

		,30	,0	матери как источника помощи и поддержки	0,12*	**	
Школьное благополучие		,776	0,2	Общее благополучие	0,79***	264,7***	
		,78	1	Совместная деятельность (гармоничность либо конфликтность совместной деятельности)	0,08*	135,3***	

Рост просоциального поведения прогнозируется совместной деятельностью с матерью и социальным благополучием. Мужской пол выступает фактором снижения просоциальной направленности в поведении.

Гармоничность совместной деятельности с матерью вносит наибольший вклад в школьное и физическое благополучие детей, уменьшение проблем со сверстниками (2,2 % разнообразия). Так, совместная деятельность с матерью позволяет детям через интересную активную жизнедеятельность с близкими людьми чувствовать свою значимость и успешность, выстраивать партнерские отношения с другими.

Гармоничность взаимодействия с матерью и получаемое от него удовольствие являются важным фактором изменений в психическом здоровье детей. Этот результат соответствует закономерностям развития социального поведения. Дети в этом возрасте достаточно активны, стремятся к деятельности и ориентированы на результат, что способствует формированию у ребенка чувства умелости (согласно периодизации Э. Эриксона). Родители, а в особенности мать, остаются наиболее авторитетными фигурами в социальном окружении, поэтому для ребенка так важны позитивные реакции во взаимодействии с ними.

Взаимодействие с матерью в социальном контексте способствует снижению проблем в поведении (3,2 %). Надежная стратегия поведения, когда присутствие матери помогает справиться с чем-то плохим и неприятным, выступает фактором защиты. Помощь мамы выступает надежным буфером от нарушений социальных норм или правил, что снижает риск трудностей в поведении.

Восприятие матери как источника помощи и поддержки предрасполагает к росту социального благополучия. Восприятие матери как источника помощи и поддержки тесно связано с базовым доверием. Базовое доверие формируется у детей благодаря проявлению чуткой заботы со стороны взрослых. Повышение социального благополучия подтверждает данные о том, что базовое доверие выступает важным фактором психологического благополучия и развития социальных отношений в детстве.

Данные регрессионного анализа показали, что эмоциональная чуткость матери к ребенку выступает важным фактором эмоционального благополучия ребенка.

Просоциальное поведение прогнозирует рост социального (2,1 % разнообразия) благополучия. В младшем школьном возрасте социальные отношения все больше расширяются и дифференцируются. Стремление к сверстникам, жажда общения с ними делают группу сверстников для детей чрезвычайно ценной и привлекательной. Соблюдение социальных норм и правил, формирование нравственного поведения играет особую роль не только в отношениях со сверстниками, но и в школьной жизни.

На основе полученных данных можно сделать следующие общие выводы: привязанность ребенка к матери действительно выполняет роль одного из генетических оснований, разные формы (типы) которого задают особый круг индивидуально-типологических характеристик. Гармоничность взаимодействия с матерью и совместная деятельность с ней вносят вклад в изменение поведенческих проблем, эмоциональные аспекты привязанности – в интернальные проблемы. Результаты работы позволяют сделать

обоснованный вывод о значимом влиянии привязанности для психического здоровья и субъективного благополучия детей в современных условиях. Выявленные компенсаторные механизмы, с помощью которых привязанность выступает фактором защиты от неблагополучия и развития ребенка, нуждаются в дальнейшем анализе и последующих исследованиях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-01101.

Список используемых источников:

1. Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14. Психология. 2009. № 4. С. 17–31.
2. Волчегорская Е.Ю. Индивидуальные достоинства как предикторы качества жизни младших школьников // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 113-119.
3. Куфтяк Е.В. Привязанность ребенка к матери и отношения привязанности близких взрослых // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 1 (86). С. 78–83.
4. Куфтяк Е.В. Семейно-поколенческое исследование: теория и практика. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2014. № 1 (20). С. 64–68.
5. Куфтяк Е.В., Задорова Ю.А. Привязанность и взаимодействие матери с ребенком дошкольного возраста // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58 - 2. С. 335-340.
6. Мухамедрахимов Р.Ж., Плешкова Н.Л. Особенности привязанности у детей в семьях и домах ребенка // Дефектология. 2008. № 2. С. 37–44.
7. Пупырева Е.В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: автореферат дисс. ... канд. психол. наук. М., 2007.
8. Bloom K.C. The development of attachment behaviors in pregnant adolescents // Nursing Research 1995. Vol. 44. P. 284-289.
9. Bowlby J. Attachment and Loss. Vol. 1. Attachment. N.Y., 1982.
10. Brown L.S., Wright J. The relationship between attachment strategies and psychopathology in adolescence // Psychology and psychotherapy. 2003. Vol.76 (4). P. 351-367.
11. Fearon R.P., Bakermans-Kranenburg M.J., Van IJzendoorn M.H., Lapsley A., Roisman G.I. The significance of insecure attachment and disorganization in the development of children's externalizing behavior: A meta-analytic study // Child Development. 2010. № 81. P.435–456.
12. Fraley C. Attachment stability from infancy to adulthood: Meta-analysis and dynamic modeling of developmental mechanisms // Personality and Social Psychology Review. 2002. Vol. 6. P. 123-151.
13. Goodman R., Slobodskaya H.R., Knyazev G.G. Russian child mental health: a cross-sectional study of prevalence and risk factors // Eur. Child and Adolescent Psychiatry. 2005. Vol. 14. P. 28–33.
14. Hautamäki A., Hautamäki L., Neuvonen L., Maliniemi-Piispanen S. Transmission of attachment across three generations: continuity and reversal // Clinical Child Psychology and Psychiatry. 2010. Vol. 5(3). P. 347–354.
15. Huebner E.S. Initial development of the student's life satisfaction scale // School Psychology International. 1991. Vol. 12(3). P. 231-240.
16. Mikulincer M., Hirschberger G., Nachmias O., Gillath O. The affective component of the secure base schema: Affective priming with representations of attachment security // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. №81. P.305–321.
17. Tuzun O., Sayar K. Attachment Theory and Psychopathology // The Journal of Psychiatry and Neurological Sciences. 2006. Vol. 19. P. 24–39.

СОГЛАСОВАННОСТЬ В ОЦЕНКЕ СОЦИО – ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ УЧИТЕЛЯМИ И РОДИТЕЛЯМИ

Родители и учителя являются наиболее важными и компетентными источниками информации об особенностях развития социо-эмоциональной сферы ребенка. Однако, несмотря на значительное количество времени, которое ребенок проводит с ними, они часто наблюдают ребенка в разных ситуациях и имеют несопадающие оценки и взгляды, что ставит под сомнение надежность и достоверность ответов на опросники, оценивающие социо-эмоциональную компетентность ребенка.

Анализ эмоциональной сферы ребенка - актуальная проблема для психологов и педагогов, в связи с возрастающими общественными требованиями не только к познавательному развитию, но и к эмоциональной зрелости ребенка.

При систематическом посещении ребенком образовательных учреждений, начиная с раннего возраста, существуют достаточно высокие требования к уровню социо-эмоциональной зрелости, определяющему, в какой степени ребенок способен сознательно управлять своим поведением и строить межличностные отношения в разных социальных контекстах. В рамках возрастно-психологического подхода традиционно исследовалось социо-эмоциональное развитие ребенка как один из аспектов его социализации, понимаемой как процесс усвоения и активного воспроизведения индивидом социального опыта, а также как один из показателей психологического благополучия личностного развития ребенка [2]. В литературе часто используются следующие понятия, описывающие уровень социо-эмоционального развития ребенка. Социальная компетентность детей [1], коммуникативная компетентность или компетентность в общении [3], эмоциональный интеллект [5], эмоциональная грамотность [10]. Наиболее интегративным нам представляется понятие социо-эмоциональной компетентности (СЭК) как совокупности способностей к пониманию эмоций себя и других, эмпатии, коммуникативному целеполаганию и мотивации, саморегуляции эмоций и социальных навыков выражения эмоций [2, 6]. Иными словами, СЭК - это умение выражать эмоции в соответствии с имеющимися целями и социальной ситуацией, различать и распознавать эмоции других людей, включая сложные и смешанные эмоции, понимать возможное несопадение внутреннего эмоционального состояния и его внешнего выражения, способность к эмпатической включенности в эмоциональное состояние другого, адекватное реагирование на это эмоции [6]. В связи с этим разработка новых экспресс-методов и адаптация существующих возрастнo-специфичных методов диагностики СЭК является важной задачей для педагогов и психологов.

Основными методами исследования СЭК являются опросники для учителей, родителей, сверстников и детей, нацеленные на оценку (чаще всего в баллах) степени выраженности компонентов СЭК в разных коммуникативных контекстах. Однако, ограничения данного метода, такие как субъективность респондента, предвзятость отношения к ребенку, возможность возникновения эффекта ореола, логических ошибок, ошибок сравнения ребенка с другими, недопонимания, могут привести к снижению надежности результатов. Таким образом, возникает необходимость комбинирования метода анкетирования с другими методами исследования, такими как наблюдение, беседа, модулирование ситуаций, проективные методы или же сбор информации о ребенке с нескольких источников для повышения объективности оценки.

При следовании последним путем возникает другая трудность: несогласованность в некоторых показаниях, например, родителей и учителей как наиболее систематически и часто наблюдающих ребенка в разных коммуникативных ситуациях. В литературе согласованность между родителями, учителями и детьми в оценке поведения ребенка

описывается, как низкая или средняя, где корреляции средних расходились от 0,22 до 0,27 [6;9], с более низкими результатами при исследовании просоциального поведения, где корреляции средних варьировались от 0,01 до 0,34 [7;9]. Большинство этих данных относятся к изучению детских психопатологий в разных культурных контекстах. Однако, данные о согласованности оценок СЭК у детей с типичными вариантами развития разными информантами практически отсутствуют.

В нашем исследовании использовалась модифицированная методика диагностики социо-эмоциональной компетентности детей 7-11-летнего возраста А. Фопеля и П.Шарпа. методика диагностики развития компонентов социо-эмоциональной компетентности для детей в возрасте от 7 до 11 лет А. Фопеля и П. Шарпа (эмоциональная грамотность понимается - по аналогии с языковой грамотностью – как совокупность знаний и навыков, необходимых для адекватного коммуникативной ситуации восприятия, оценивания и выражения эмоции) Эта методика эта представляет интерес в связи с тем, что 1) отвечает комплексному подходу за счет опроса ребенка, родителей и учителей, то есть сопоставляются оценки и мнения не только самого ребенка и близкого взрослого, но и социального взрослого, знающего ребенка в контексте его школьной жизни; 2) дает возможность выявить сильные и слабые стороны социо-эмоциональной компетентности ребенка и построить ее профиль (на основе оценки каждого компонента); 3) позволяет наметить программу дальнейшего развития и коррекции каждого компонента социо-эмоциональной компетентности ребенка, если он недостаточно развит. Оценка производится с использованием трех стандартизированных опросников: для ребенка, для учителей и воспитателей, для родителей или других близких взрослых. По каждому опроснику производится суммарная оценка СЭК и отдельно оценка по каждой шкале.

Методика диагностирует развитие пяти компонентов социо – эмоциональной компетентности. **Эмпатия** (empathy): способность заметить, понять и прочувствовать эмоциональное состояние другого, желание позитивно повлиять на это эмоциональное состояние. **Коммуникативное целеполагание и мотивация** (goals and motivation): способность быть вовлеченным и увлеченным коммуникативной активностью, даже если она трудна или если предшествующий опыт был частично связан с негативными эмоциями. **Самоосознание** (self – awareness): способность к распознаванию и осознанию своих собственных эмоций, своих эмоциональных предпочтений, эмоциональное переживание своих сильных и слабых сторон. **Саморегуляция** (self-regulation): способность к контролю импульсивных проявлений, неадекватных эмоций, стрессовых реакций. **Социальные навыки** (social skills): умение выразить свои чувства и показать свои позитивные и негативные эмоции социально приемлемым способом, тактично дать понять другим людям, что его чувства и эмоции были поняты и оценены.

Участниками нашего исследования были 78 детей, учеников вторых (возраст М - 7,6; SD - 0,27) и четвертых (возраст М - 9,8 и SD - 0,34) гимназических классов. Целью данного исследования было сопоставление оценок СЭК детей родителями и учениками (суммарная оценка и по каждой шкале). Для обработки статистических данных был применен парный Т-тест. Дополнительно, мы вычисляли q корреляцию (конвергентную дивергентную) между парами учитель-родитель и оценивали размер эффекта степени отличия оценок родителей и учителей.

Нами были получены следующие результаты.

В целом, родители учеников 2-х классов и 4-х классов статистически выше оценивают суммарную оценку СЭК, чем учителя ($p \leq 0.0001$ и $p \leq 0.001$). Наиболее несопадающие оценки родителей и учителей и во 2, и в 4 классах выявляются по шкале социальные навыки и саморегуляция. По шкале социальные навыки родители выше оценивают детей, чем учителя, причем в наибольшей степени эта тенденция выражена в 2-х классах ($r = 0.19$, $M = 3,57$ и $M = 2,87$, соответственно, разница $M = 0,697$ при $p \leq 0,0001$). По шкале саморегуляции учителя детей 4-х классов значимо выше оценивают их способности к самоконтролю, чем их родители ($r = 0.15$, $M = 2,97$ и $M = 2,56$, при $p \leq 0,006$, соответственно). Во 2-х классах по

шкале саморегуляция на уровне тенденции учителя оценивают данные способности детей выше, чем их родители ($r=0.21$). И в 4-х классах родители оценивают самосознание своих детей значимо ниже, чем учителя ($r=0.16$, $M=2,8$ и $M=3,1$ при $p<0,0001$).

В целом, стандартизованная оценка размера эффекта различий в оценках учителей и родителей составляла 0.22, что, в соответствии с нормативами по Кохену [4], является показателем между низкими и средними значениями согласованности (в зависимости от шкалы).

Мы объясняем полученные данные следующим образом. Наблюдаемая несогласованность в оценках родителей и учителей может быть объяснена разностью контекстов, в которых происходит общение детей с родителями и с учителями. Явление несогласованности оценок учителей, детей и родителей отмечено, например, в работе Ашенбаха и коллег [8], которые предлагают при интерпретации данного факта опираться на то, что критерии суждения могут быть изначально разными в разных коммуникативных сферах. Учителя и родители общаются с детьми по-разному, последние, таким образом, проявляют или не проявляют оцениваемые качества при взаимодействии. Проявления эмпатии доступно наблюдению родителя и учителя, оно может отражаться в повседневных контактах, в то время как уровень развития социальных навыков ребенка может быть скрыт от взора родителя, который нечасто видит ребенка взаимодействующим со сверстниками, и может иметь неверное представление о социальных способностях своего ребенка. Учитель же, напротив, ежедневно наблюдает детей в контексте социального взаимодействия и может делать более объективные выводы об уровне развития социальных навыков ребенка. Значимая разница в оценке способности к саморегуляции между родителями и учителями может быть связана с тем, что школьная ситуация предъявляет большие требования к самоконтролю и допустимым эмоциональным проявлениям ребенка, что общение с близкими взрослыми, в котором ребенок чувствует себя более свободным.

Таким образом, результаты подчеркивают необходимость сбора данных из разных источников, близких к ребенку, имеющих возможность наблюдать его и взаимодействовать с ним в разных условиях. Однако, относительно параметров, оценки которых разными информантами наиболее различаются - саморегуляция и социальные навыки - необходимо использование дополнительных методов и включенное психологическое наблюдение в разных коммуникативных контекстах. Важно также использование тонких статистических методов для дифференцированной оценки степени несовпадения в ответах родителей и учителей с последующей психологической интерпретацией причин такого несовпадения. Это может быть связано как с контекстом анализируемых ситуаций наблюдения, так и с личностным субъективизмом в оценках и предвзятостью мнений.

Список использованных источников:

1. Андреева Г.М. Социальная психология.- М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Изотова Е.И., Никифорова Е.В. Эмоциональная сфера ребенка: Теория и практика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений - М.: Издательский центр «Академия», 2004
3. Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Растянников П.В. Диагностика и развитие компетентности в общении. М.: МГУ, 1990
4. Cohen, J. (1988). Statistical power analysis for the behavioral sciences (2nd ed.). Mahwah, NJ: Erlbaum.
5. Gagnon, C., Vitaro, F., & Tremblay, R.E. Parent-teacher agreement on kindergarteners' behavior problems: A research note. Journal of Child Psychology and Psychiatry, 33, 1992
6. Goleman D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ, Bloomsbury Publishing, 1996
7. Halberstadt A.G., Denham S.A., Dunsmore J.S., Affective Social Competence. Blackwell Publishers, 2001

8. Mayer, J. D. & Salovey, P. What is emotional intelligence? In P. Salovey & D. Sluyter (Eds). *Emotional Development and Emotional Intelligence: Implications for Educators* New York: Basic Books, 1997
9. Offord, D.R., Boyle, M.H., Racine, Y., Szatmari, P., Fleming, J.E., Sanford, M., & Lipman, E.L. Integrating assessment data from multiple - informants. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*, 35, 1996
10. Pulkkinen, L., Kaprio, J., & Rose, R. Peers, teachers, and parents as assessors of the behavioural and emotional problems of twins and their adjustment: The Multidimensional Peer Nomination Inventory. *Twin Research*, 2, 1999
11. Rescorla, L.A., Boichichio, L., Achenbach, T.A., Ivanova, M.Y., Almqvist, F., Begovac, I., et al. Parent—teacher agreement on children’s problems in 21 societies. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 43, 2014
12. Sines, J.O. Teacher’s norms and teacher–parent agreement on the Missouri Children’s Behavior Checklist. *Journal of School Psychology*, 26, 1988
13. Weare K. *Developing the emotionally literate school»*, London: Paul Chapman, 2004

Лысюк Лидия Глебовна
Доктор психологических наук, профессор,
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина,
профессор кафедры психологии развития
224016, бульвар Космонавтов 21
г. Брест, Республика Беларусь
Университет Экономики и Инноваций в Люблине (Польша),
профессор факультета администрации и социальных наук,
ul. Projektowa 4, 20-209 Lublin
E-mail: llysiuk@gmail.com

Ярмольчик Елена Владимировна
Магистр психологических наук
Аспирант кафедры психологии развития
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина,
224016, бульвар Космонавтов 21
г. Брест, Республика Беларусь
E-mail: elenaarmolcik@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РОДИТЕЛЬСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ

Аннотация: В статье представлены результаты проведенного в рамках теории Э. Эриксона и Дж. Марсия исследования особенностей материнской и отцовской идентичности супругов в период ранней взрослости; выявлены гендерные особенности родительской идентичности, а также выделены типичные варианты внутрисемейных родительских статусов и их взаимосвязей со стажем семейной жизни и количеством детей.

Ключевые слова: родительство, родительская идентичность, статус родительской идентичности, материнская идентичность, отцовская идентичность.

Lysiuk Lidia Glebovna
Doctor of Psychology, Professor,
Brest State University A.S. Pushkin,
Professor of the Department of Developmental Psychology
224016, Cosmonauts boulevard 21
Brest, Republic of Belarus
University of Economics and Innovation in Lublin,
Professor of the Department of Administration and Social Sciences
ul. Projektowa 4, 20-209 Lublin, Poland
E-mail: llysiuk@gmail.com

Yarmolchik Elena Vladimirovna
Master of Psychological Sciences
Postgraduate student of the Department of Developmental Psychology
Brest State University A.S. Pushkin
224016, Cosmonauts boulevard 21
Brest, Republic of Belarus
E-mail: elenaarmolcik@gmail.com

SPECIAL ASPECTS OF PARENT IDENTITY OF MEN AND WOMEN DURING THE EARLY ADULTHOOD

Abstracts: This article presents the results of the research of special aspects of maternal and paternal identity of spouses during the early adulthood conducted in the framework of E. Erikson and J. Marcia theory. Detected are the gender peculiarities of parent identity, as well as typical options of intrafamilial parent statuses and their interconnections with the length of family life and number of children.

Key words: parenthood, parent identity, status of parent identity, maternal identity, paternal identity.

Родительство как социально-психологический феномен достаточно широко изучается в психологии (Алексеева Э.Р., Антонова Н.В., Грицай Л.А., Гурко Т.А., Захарова Е.И., Клинцева М.Н. и др.) [4,5,10,11,13,14]. Оно рассматривается как деятельность, направленная на воспитание подрастающего поколения и как сфера, в которой происходит развитие личности взрослого человека [4]. Системообразующим элементом родительства, определяющим и воспитательную деятельность, и развитие личности родителей, является самосознание (образ Я, Я-концепция, идентичность) (Антонова Н.В., Белоусова В.В., Захарова Е.И., Павлова Т.В., Смирнова А.Г., Киселев И.Ю., Тищенко Ю.В.) [5,13,16,18,20]. Исходя из исследовательских традиций изучаются содержание образа себя как родителя (Белановская О.В., Ефремова Н.А., Захарова Е.И., Никишина В.Б., Пономарева Е.В.), развитие материнской субъектности как характеристики самосознания (Васягина Н.Н., Васильева Е.В., Горлова Е.Л., Павлова Т.В.) [6,7,8,9,12,13,15,16,17]. В нашей работе мы исходим из теории Э. Эриксона и Дж. Марсия, предметом изучения которой является идентичность, понимаемая как переживание (осознанное и неосознаваемое) тождественности, определенности и целостности, собственной активности и жизненной силы, которые побуждают к действию [21]. В своих исследованиях Э. Эриксон делает акцент на работе Я по достижению этого тождества, называя данный процесс формированием идентичности, а не на содержательную сторону идентичности, что обычно происходит при исследовании Я-концепции. Операционализируя понятие идентичности, Дж. Марсия выделил два критерия для ее оценки: 1) наличие или отсутствие кризиса, понимаемого как активное решение жизненной проблемы путем поиска и получения некоей значимой информации о себе или своем окружении (поиск своей идентичности), которая позволит принять решение по новому важному жизненному вопросу; 2) наличие или отсутствие принятого решения о найденной идентичности (т.е. новых целей, ценностей и убеждений) и реализация этого решения в конкретных действиях.

На основе этих двух критериев Дж. Марсия выделил четыре статуса идентичности: диффузная и предрешенная, которые могут быть охарактеризованы как неосознаваемая идентичность, поскольку у людей с этими статусами не возникало вопроса о поиске собственных целей и ценностей; мораторий и достигнутая идентичность определяются как осознаваемые, поскольку они определяются наличием кризиса и целенаправленным поиском его разрешения. Содержательно общая идентичность складывается из разных видов идентичности в соответствии со сферами жизни человека: профессиональная, религиозная, политическая, гендерная и пр. Каждый вид идентичности развивается относительно автономно в процессе решения жизненных задач, встающих перед человеком. Родительская идентичность также является частью личностной идентичности и может быть определена как приверженность родительской позиции, выработанной на основе собственного исследования взглядов на воспитание – идеи, ценности и правила, которые считаются важными в воспитании потомства (Эриксон и Марсия). Развитие родительской идентичности осуществляется в процессе решения одной из основных задач взрослости – рождение и воспитание детей (Эриксон, Хэвигхерст) [1,2,21].

Исходя из критериев оценки статуса идентичности Дж. Марсия, статусы родительской идентичности могут быть охарактеризованы следующим образом. При диффузной идентичности (Identity Diffusion) вопрос о том, каким отцом или матерью человек хотел бы быть вообще не возникал, у него нет потребности думать об этом, какие-либо цели и убеждения, связанные с воспитанием, отсутствуют; изменение обстоятельств влечет за собой и изменение взглядов на воспитание ребенка; такой человек подвержен влиянию разных мнений и идей. Предрешенная идентичность (другие варианты перевода – «принятая», «преждевременная», «предопределенная», Foreclosure Identity) – статус, при котором собственный внутренний поиск образцов родительства не был осуществлен, а определенные цели и убеждения приняты через идентификацию с родителями, супругой(ом), значимым другим, под давлением внешних обстоятельств, например, незапланированная беременность и т.д. Отсутствие критического исследования и осмысления ценностей обнаруживается в том, что человеку трудно отличить свое мировоззрение от мировоззрения родителей, их взгляды на воспитание ригидны и трудно корректируемы, а стиль воспитания склоняется к авторитарному. Для статуса мораторий (Moratorium) характерен активный поиск решения проблемы: определение образа родителя, основных принципов поведения, приоритетов в воспитании детей, в осознанном оценивании и исследовании альтернативных целей, способов и методов воспитания – при этом само решение еще не принято. Достигнутая идентичность (Identity Achievement) является результатом самостоятельно осуществленного активного поиска ответа на вопрос, каким родителем быть (принятия родительской роли) и осознанно принятого решения следовать своим убеждениям в ежедневном взаимодействии с детьми и супругом. Родитель с достигнутой идентичностью имеет четкие представления о себе, своих смыслах, своем родительском предназначении, целях, убеждениях, позициях, желаниях, потребностях и способах их корректной реализации, что позволяет ему свободно действовать [19].

В рамках подхода Э. Эриксона и Дж. Марсия эмпирически исследованы разные виды идентичности, однако исследований родительской идентичности у взрослых крайне мало. Одним из таких исследований является лонгитюдное изучение родительской идентичности в средней взрослости, в рамках которого выявлялись статусы родительской идентичности у мужчин и женщин в возрасте 36, 42 и 50 лет [3]. Данных о становлении родительской идентичности женщин и мужчин в ранней взрослости, когда встает задача принятия родительской роли, обнаружено не было. Говоря о родительской идентичности, нельзя не принимать во внимание, что у мужчин и женщин она различается. Так, обнаружено, что у женщин в период средней взрослости по сравнению с мужчинами более часто встречается достигнутая идентичность, а у мужчин – предрешенная. При этом статусы моратория и диффузной идентичности практически отсутствуют.

Нельзя не брать во внимание и то, что в семье за воспитание детей отвечают оба супруга и успешность этого процесса будет определяться степенью согласованности их действий, что в свою очередь обусловлено уровнем развития их родительской идентичности. В исследовании Р. Fadjukoff и др. материнская и отцовская идентичности изучались вне семейных отношений. Целью представленного исследования стало выявление особенностей материнской и отцовской идентичности супругов в период ранней взрослости [3].

Методика исследования. Исследование проводилось с помощью полуструктурированного интервью, разработанного Дж. Марсия (a semi-structured interview / the identity status interview (ISI) адаптированного С.А. Татарко [19]. Использовалась та часть интервью, которая направлена на выявление материнской и отцовской идентичности. интервью состояло из 36 вопросов. Оценки ответов испытуемых основывались на универсальных критериях Дж. Марсия из ISI справочника. Исследование проводилось индивидуально с записью беседы на диктофон, с разрешения респондента.

К участию в исследовании приглашались 30 супружеских пар, однако поскольку 10 мужчин отказались принимать участие в исследовании, обследованы были 20 супружеских пар, имеющих детей. Средний возраст женщин 30,9 г., мужчин – 31,85. Стаж семейной

жизни 6 лет. Средний возраст детей в семьях, принявших участие в исследовании, составил 4,1 года. Количество семей с одним ребенком – 13, с двумя детьми – 7.

Полученные результаты показывают, что в целом по выборке 17,5 % родителей демонстрируют диффузную идентичность, 30 % мужчин и женщин находятся в статусе предрешенной идентичности, наибольшее количество родителей – 32,5 % – имеют статус мораторий, достигнутая родительская идентичность установлена у 20 % опрошенных супругов (табл. 1). Анализ распределения статусов по половому признаку показывает, что между отцами и матерями существуют значимые различия ($\chi^2 = 8.555$, $p < 0.05$): у матерей доминирует статус моратория (50 % женщин), а у мужчин – предрешенная отцовская идентичность (45 % мужчин). Сопоставление неосознаваемых (размытая и предрешенная) и осознаваемых (мораторий и достигнутая) статусов родительской идентичности показывает доминирование статусов мораторий и достигнутая идентичность у женщин по сравнению с мужчинами ($\chi^2 = 8.120$, $p < 0.01$).

Таблица 1. Статусы родительской идентичности женщин и мужчин в ранней взрослости (в процентах)

Статус родительской идентичности	Диффузная	Предрешенная	Мораторий	Достигнутая
Женщины	10	15	50	25
Мужчины	25	45	15	15
Всего	17,5	30	32.5	20

Анализ статусов родительской идентичности внутри супружеских пар позволил выделить три основных варианта сочетания отцовской и материнской идентичностей. Во-первых, у 30 % семей обнаружено совпадение статусов, и все они обладают осознанной родительской идентичностью (мораторий-мораторий или достигнутая-достигнутая). Следует отметить, что стаж семейной жизни пар с совпадающим высоким уровнем родительской идентичности отличается от среднего стажа семейной жизни по выборке в целом и составляет 13,3 года. 25 % супружеских пар характеризуются неосознаваемой родительской идентичностью в двух вариантах: жена с диффузной идентичностью, муж – с достигнутой и наоборот. В эту группу была включена также пара, в которой и муж, и жена продемонстрировали предрешенную идентичность. Средний стаж семейной жизни – 3,4 года. В остальных супружеских парах (45 %) женщины находятся либо в статусе моратория, либо демонстрируют достигнутую родительскую идентичность, а мужчинам свойственна неосознаваемая родительская идентичность (диффузная или предрешенная). Стаж семейной жизни составляет в среднем 6 лет.

Таблица 2. Варианты сочетания статусов родительской идентичности в супружеских парах (в процентах к общему количеству супружеских пар)

		Муж		
		НЕОСОЗНАВАЕМАЯ	МОРАТОРИЙ	ДОСТИГНУТАЯ
Жена	НЕОСОЗНАВАЕМАЯ	25	-	-
	МОРАТОРИЙ	30	15	5
	ДОСТИГНУТАЯ	15	-	10

Среди обследованных семей, как указывалось, были семьи с одним и с двумя детьми. Хотя их количество недостаточно, чтобы выносить надежные суждения, тем не менее анализ полученных данных позволяет обнаружить некоторые тенденции. Результаты показывают, что количество женщин с осознаваемой родительской идентичностью (мораторий и достигнутая идентичность.) в двух группах примерно одинаково – 86 % в группе семей с двумя детьми и 77 % в группе семей с одним ребенком. Сопоставление статусов родительской идентичности у мужчин показало, что мужчины, имеющие двух детей, гораздо чаще демонстрируют мораторий и достигнутую родительскую идентичность, чем мужчины, в семье которых один ребенок (66 % и 15 % соответственно).

Переходя к обсуждению полученных данных, можно прежде всего сказать, что у обследованных мужчин и женщин, имеющих детей, практически в равных пропорциях представлены все статусы родительской идентичности. Эти результаты интересно сравнить с данными, полученными в лонгитюдных исследованиях Р. Fadjukoff, и др. (2016), которые показали, что в возрасте 36 лет явно доминируют предрешенная и достигнутая родительская идентичность. Статусы моратория и диффузной идентичности практически отсутствуют. При этом к 42 годам количество мужчин и женщин с достигнутой идентичностью возрастает и соответственно уменьшается количество тех, кто демонстрирует предрешенную идентичность. Можно предполагать, что участники нашего исследования, средний возраст которых немного более 30 лет и большинство из которых имеют одного ребенка, только вступают в период поиска своей родительской идентичности. На это указывает, в частности, то, что у трети из них зафиксирован статус моратория, т.е. родители находятся в поиске собственных целей, ценностей, принципов и стилей воспитания. Около половины родителей пока еще вообще не задавали себе вопроса о том, какими родителями они хотят быть (диффузная и предрешенная идентичность). Заметим, что значимое большинство среди них имеют детей не старше двух лет, а стаж семейной жизни 2-3 года. Скорее всего в подобных обстоятельствах супружеские отношения еще не приобрели достаточную стабильность, без которой освоение новой родительской роли весьма осложнено. Подтверждением предположения о связи стажа семейной жизни и статуса родительской идентичности является тот факт, что обладатели достигнутой родительской идентичности находятся в браке в среднем около 12 лет. Полученные данные коррелируют с простой, но мало исследованной идеей о том, что освоению родительской роли предшествует становление стабильных и надежных супружеских отношений.

В исследовании были обнаружены также существенные различия в статусах супружеской идентичности между мужчинами и женщинами. Половина женщин находится в статусе моратория, т.е. они осознанно осуществляют поиск ответа на вопросы о том, какой матерью они хотят быть, каковы их цели воспитания, как они будут воспитывать ребенка и пр («Размышляю, ... потому что ... у меня взгляды не сформированы были изначально, потому что все корректируется и окружающей средой, и той же литературой, которую я читаю. / Все еще размышляю над тем, как должно это быть»). Почти половина мужчин продемонстрировала предрешенную идентичность, и это означает, что у них не было размышлений о своей отцовской идентичности, о месте ребенка в своей жизни («Ну, как все представляют: всегда буду поддерживать детей, вести к лучшей жизни / В принципе на своем примере, как воспитывали родители. («Наверное, задумывался, что хорошим буду ...»)), хотя они и обладают некоторым набором убеждений относительно воспитания своего ребенка («меня били, и ничего – вырос нормальным человеком»). Обратим внимание также на большое количество отказов со стороны мужчин участвовать в исследовании, посвященном воспитанию детей, что может свидетельствовать о их беспокойстве, связанном с некомпетентностью в вопросах воспитания, а это, в свою очередь, может являться показателем диффузной отцовской идентичности.

Сравнивая полученные нами результаты с результатами уже упоминавшегося исследования родительской идентичности, проведенного на финской выборке (Р. Fadjukoff, и др., 2016), можно видеть, что данные о различиях между мужчинами и женщинами вполне

соотносимы. В обеих выборках уровень развития родительской идентичности у женщин выше, чем у мужчин. Различия заключаются в том, что у женщин в средней взрослости преобладает достигнутая родительская идентичность, а в нашей выборке – ранняя взрослость – статус моратория, который отсутствует у более старших женщин вообще. Следует подчеркнуть, что по данным лонгитюдного исследования в период от 36 до 42 лет уменьшается количество женщин с предрешенной родительской идентичностью и соответственно возрастает количество женщин с достигнутой идентичностью. Сравнение результатов мужской выборки показывает, что в двух исследованиях данные о родительской идентичности мужчин достаточно близки: около трети мужчин демонстрируют осознаваемую родительскую идентичность (достигнутая – в лонгитюдном исследовании, мораторий и достигнутая в нашем исследовании), а две трети – неосознаваемую (диффузную и предрешенную, причем у мужчин в возрасте 36 лет обнаружена только предрешенная родительская идентичность). Обсуждение выявленных гендерных различий в родительской идентичности обнаруживает существование разных траекторий ее развития у мужчин и женщин, причем в целом женщины обладают более зрелой родительской идентичностью, что в определенном смысле может создавать зону ближайшего развития отцовской идентичности супруга.

В отличие от исследования Р. Fadjukoff, и др. (2016) в нашем исследовании родительская идентичность изучалась в супружеской паре, что позволило выявить варианты сочетания отцовской и материнской идентичности, сопоставить их со стажем семейной жизни и количеством детей в семье (один или два). Как показали полученные данные, четверти супружеских пар присуща неосознаваемая родительская идентичность. Как правило, это семьи с небольшим стажем семейной жизни и одним маленьким ребенком. Вполне возможно, они еще просто «не успели» подумать о своей родительской роли. Но возможно, что и их супружеская и общая эго-идентичность также характеризуются невысоким статусом. В любом случае ребенок и семья, в которой у супругов неосознаваемая материнская и отцовская идентичность, находятся в зоне риска. Примерно в половине супружеских пар женщины демонстрируют осознаваемую родительскую идентичность (мораторий или достигнутая), а мужчины – неосознаваемую (диффузная или предрешенная). Такая ситуация, скорее всего, отражает социо-культурные представления о роли мужчины и женщины в воспитании детей, в соответствии с которыми основной функцией мужчины является материальное обеспечение семьи, а удел женщины – ведение хозяйства и забота о детях. Вероятно, супружеские роли и функции в этих семьях уже достаточно ясно определены, поскольку стаж семейной жизни по сравнению с первой группой в два раза больше, и относительная стабильность семейных отношений создает условия для того, чтобы женщина начала размышлять о себе как матери. Кроме того, в семьях этой группы либо уже есть, либо двое детей, либо ребенок дошкольного и младшего школьного возраста. Иными словами, в этих семьях женщины имеют большой опыт воспитания своих детей, что, естественно, побуждает их к размышлениям о себе как матери. И эти размышления не могут не включать и мысли о супруге как об отце, но время осознанного принятия этих мыслей мужчиной еще не наступило.

Примерно трети супружеских пар присуща осознаваемая родительская идентичность. Часть из них находится в поиске себя как родителя: целей воспитания («что хочу воспитывать в своем ребенке»), способов и методов («как воспитываю и что нужно изменить в своем поведении»), образцов «хорошего» родителя через сопоставление себя с другими родителями и т.п. Другая часть супружеских пар характеризуется достигнутой родительской идентичностью: и муж, и жена имеют достаточно определенные взгляды на воспитание детей и реализуют их, но при этом осознают, что их подход к воспитанию может меняться, поскольку ребенок растет, появляются новые ситуации и условия, которые потребуют переосмысления своих взаимоотношений с ребенком (). Практически во всех семьях этой группы два ребенка. Интересно, что эти пары характеризуются не только достаточно большим стажем совместной жизни, но и тем, что первый ребенок в их семье появился в

среднем через шесть лет после заключения брака. За это время супруги смогли достаточно хорошо узнать друг друга, их отношения стали надежными и близкими, и именно в таких отношениях появляется осознанное желание иметь ребенка.

Таким образом, проведенное исследование позволило выделить ряд особенностей родительской идентичности мужчин и женщин в период ранней взрослости, а их осмысление дает основания для понимания факторов и закономерностей становления родительской идентичности в семейном контексте. Вместе с тем мы понимаем, что выявленные взаимосвязи можно рассматривать пока что только как тенденции, поскольку небольшая выборка не дает оснований для достаточно надежных и обоснованных выводов.

Список использованных источников:

1. Ego Identity : A Handbook for Psychosocial Research / Eds. J.E. Marcia, A.S. Waterman, D.K. Matteson, S.L. Archer, J.L. Orlofsky. N.Y. : Springer – Verlag , 1993
2. Marcia, J. E. The ego identity status approach to ego identity / J. E. Marcia, A. S. Waterman, D. R. Matteson // A handbook for psychosocial research. – 1993. – № 5. – P. 1–21.
3. Parental Identity and Its Relation to Parenting and Psychological Functioning in Middle Age / P. Fadjukoff, L. Pulkkinen, A-L. Lyyra, K. Kokko // PARENTING: SCIENCE AND PRACTICE. – 2016. – № 16. – P. 87–107
4. Алексеева Э.Р. Анализ семейных форм социального родительства в современной России // Вестник Башкирск. Ун-та. 2008. – № 3. – С. 644-647
5. Антонова Н.В., Белоусова В.В. Самоопределение как механизм развития идентичности // Педагогика и психология образования. – 2011. – №2. – С. 79-92
6. Белановская О.В. Представления о родительстве и готовность к материнству у молодых женщин // Перинатальная психология и психология родительства: ежеквартальный научно-практический журнал / Г.Г. Филиппова. – 2009. – №4. – С. 15-19.
7. Васильева Е.В. Особенности структуры идентичности первородящих женщин с различным материнским отношением: дис. канд. Наук: 19.00.01 / Васильева Елена Владимировна – М. – 2011. – 195 с.
8. Васягина Н.Н. Субъективное становление матери в современном пространстве России [Текст]: монография / Н.Н.Васягина; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург. – [б.и.], – 2013. – 364 с.
9. Горлова Е.Л. Родительская компетентность: подходы к изучению и развитию // Вестник РГТУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2010. – №17 (60). – С.214-224.
10. Грицай Л.А. Социально-психологический аспект изучения современного российского родительства / Л.А. Грицай // Психология эффективного родительства: Материалы международной научно-практической конференции. – Курск: КГМУ. – 2011. – С. 154–163.
11. Гурко Т.А. Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. – 2018. – №1. – С.73-94
12. Ефремова Н.А. Образ идеального родителя в представлении матерей и отцов. // ОНВ. – 2006. – №8 (45). – С.294-296
13. Захарова, Е.И. Родительство как возрастно-психологический феномен: дис. докт. наук: 19.00.13 / Захарова Елена Игоревна – М. – 2017. – Том 1, 376 с. – Том 2, 100 с.
14. Клинцева М.Н. Родительство как ценность в современном российском обществе // Символ науки. – 2015. – № 7-2. – С. 71-75.
15. Никишина В.Б., Петраш Е.А. Методика исследования личностной идентичности: методология и технология стандартизации // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – №6 (177). – С.254-261.
16. Павлова Т.В. Психологические детерминанты формирования представлений личности о родительстве: дис. канд. псих. наук: 19.00.01 / Павлова Татьяна Викторовна – М. – 2012. – 218 с.

17. Пономарева Е.В. Представления взрослых об образе материнства // Вестник ННГУ. – 2014. – №1-1 (1). – С.474-481.
18. Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире: Учеб.пособие / Науч. ред. проф. В.Е. Семенов; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль. – 2002. – 300 с.
19. Татарко С. А. Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии / С. А. Татарко // Психологическая диагностика. – 2009. – № 1. – С. 1–39.
20. Тищенко Ю.В. Влияние детско-родительских отношений на становление личной идентичности ребенка // Вестник БГУ. – 2010. – №1. – С.166-170.
21. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М. : Флинта, 1996. – 344 с.

Сенкевич Людмила Викторовна
кандидат психологических наук, доцент,
Российский государственный социальный университет,
доцент кафедры социальной, общей и клинической психологии,
127486 г. Москва, ул. Ивана Сусанина, дом 4, корп. 6
E-mail: lvsenkevich@mail.ru

Донцова Маргарита Валерьевна
кандидат психологических наук,
Московский институт психоанализа,
доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования,
143002 МО, г. Одинцово, Можайское шоссе, 45А
E-mail: m.dontsova@gmail.com

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС САМОРЕАЛИЗАЦИИ В СЕМЬЕ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В ЗРЕЛОМ ВОЗРАСТЕ

Аннотация. В данной статье кратко описан и проанализирован весьма значимый ненормативный кризис развития личности, имеющий место, как правило, во взрослом возрасте, а, скорее, – в зрелости, – кризис семейной самореализации психологически зрелого человека.

Ключевые слова: семья, брак, супружество, родительство, дети, личность, зрелость.

Senkevich Ludmila Viktorovna
PhD in psychological sciences, assistant professor,
Russian state social University,
associate professor of social, general and clinical psychology department,
127486 Moscow, Ivan Susanin str., 4/6
E-mail: lvsenkevich@mail.ru

Dontsova Margarita Valerievna
PhD in psychological sciences,
Moscow Institute of psychoanalysis,
associate professor of psychotherapy and psychological counseling department,
143002 MO, Odintsovo, Mozhaisk highway, 45A
E-mail: m.dontsova@gmail.com

AN EXISTENTIAL CRISIS OF SELF-REALIZATION IN THE FAMILY AS A FACTOR OF INFLUENCE ON PERSONALITY DEVELOPMENT IN ADULTHOOD

Abstract. This article briefly describes and analyzes a very significant non – normative crisis of personality development that occurs, as a rule, in adulthood, but rather – in adulthood-the crisis of family self-realization of a psychologically mature person.

Key words: family, marriage, matrimony, parenthood, children, personality, maturity.

Основная задача в преодолении экзистенциального кризиса, возникшего в юношеском возрасте, – это накопление экзистенциального опыта, что обуславливает формирование индивидуально оптимального смысла жизни.

Этап молодости включает в себя период создания собственной семьи и усвоения роли родителей. Экзистенциальный кризис на этом этапе онтогенетического развития может возникнуть вследствие наложения нормативного возрастного кризиса личности и кризиса межличностных отношений. Основным источником возникновения экзистенциальных проблем становятся в молодом возрасте проблемы любви, эмоциональной привязанности, близости, проблемы соотношения личностных и семейных интересов, профессиональных ценностей и семейных обязанностей.

Любовь, как высшее проявление свободы, неизменно требует и ответственности. Необходимость решения экзистенциального конфликта между свободой и ответственностью в их обыденном понимании обуславливает нарастание психической напряженности. Экзистенциальная проблема свободы и ответственности встает на жизненном пути практически каждого молодого человека, находящегося в интимных отношениях со своим партнёром. Этот важный психологический и социальный параметр воспринимается развитой личностью и в контексте бытийных философских смыслов, блестяще описанных Э. Фроммом («Бегство от свободы») и в простом бытовом отношении.

Кризисная ситуация в период молодости может возникать и без каких-либо видимых причин или внешних жизненных событий. Сама психологическая сложность установления межличностных отношений и создания собственной семьи детерминирует возможность утраты личностью ранее сформированного смысла жизни. Решение развивающейся личностью задачи построения собственной семьи так или иначе предполагает осознание своей сущности и своей уникальности, уникальности члена своей общности, только теперь в области межличностных отношений. Так актуализируются проблемы смысла жизни, новой постановки её целей, переживания по поводу своего сущностного воплощения, необходимости решения проблем приоритетности сфер своей собственной жизни.

В жизни человека имеются и другие кризисные периоды, связанные с поиском ею «недопонятого» или частично утраченного смысла своей жизни. Один из них – это период, совпадающий с нормативным кризисом среднего возраста, – чаще всего кризис среднего (зрелого) возраста и переживается как экзистенциальный.

Первую стадию среднего возраста, которая начинается приблизительно в 30 лет и затрагивает начало следующего десятилетия, иногда называют «десятилетием роковой черты» или «кризисом середины жизни». Эта «смысловая» (здесь кавычки условны) жизненная фаза характеризуется осознанием человеком несоответствия между его жизненными планами, мечтами и действительным существованием. Далеко не у каждого выходит продвигаться по жизненному пути в соответствии со своими первоначальными целями и замыслами. Времени для полномасштабного становления остаётся всё меньше, и разрыв между нереализованными устремлениями и действительностью внезапно обнаруживается с устрашающей резкостью.

К середине жизни у человека возникает ощущение, что найдены верные идеалы, нормы, принципы, правильная линия жизни. Эти аспекты нередко субъективно воспринимаются как нерушимые, и, как следствие, возникает закономерное желание зафиксировать эту стабильность. Однако психологическое привыкание приносит во внешне благополучную жизнь признаки скуки, общей неудовлетворённости, депрессии. Активный человек, пытаясь наполнить свою жизнь новыми яркими впечатлениями, стремится перекрыть серую обыденность выработкой адреналина. Зачастую он обращается к экстремальным, опасным видам спорта, азартным играм или же любовным приключениям, которые обеспечивают его острыми ощущениями. Такие формы удовлетворения эмоциональных потребностей способны некоторое время выполнять необходимые подобной личности психосоциальные функции, но вскоре, из-за своей глубокой невротичности, начинают приносить всё меньше и меньше удовольствия, а в некоторых тяжёлых случаях могут сделать человека зависимым от них, подобно психоактивным веществам.

Способность быть в согласии с самим собой и внешним миром – это фундамент, на котором держится интерес к жизни и её смысл. Абсолютная потеря смысла жизни возможна

тогда, когда в жизненном поле индивида не содержится ни одного значимого жизненного мотива, – именно в сущностных психосоциальных сторонах жизни человек становится самим собой в развитии своего Акме, и, чем больше таких сторон в его жизни, тем меньше у него экзистенциальных проблем.

Кризис середины жизни не может эффективно разрешиться посредством каких-то внешних средств, которые, «сами по себе», могут лишь купировать эту проблематику, но должен быть преодолён при помощи серьёзной внутренней психологической работы. В период кризиса зрелого возраста, жизнь протекает с особой напряжённостью: он отмечается состояниями тревоги, глубокого расстройств и общего психологического дискомфорта при вопросе о смысле бытия и очень часто провоцирует сильные, неоднозначные чувства не только в период его «острого» протекания, но и довольно долгое время после. Злоба, вина, отчаяние, стыд, и прочие чувства негативные чувства при отрицательном течении этого кризиса оказываются на поверхности, формируя образ мышления и накладывая нелицеприятный отпечаток на поведение и деятельность личности.

Экзистенциальный кризис в зрелом возрасте возникает также и по причине нереализованности жизненных планов. Если вдобавок к этому происходит и активное переосмысление принципиальных ценностей, то жизненный замысел, вероятно, будет восприниматься человеком как неверный.

Характерно, что В. Франкл отмечал, что люди страдают больше от чувства утраты смысла и ощущения пустоты внутри себя, чем от чувства собственной неполноценности.

По мнению же К.Г. Юнга, если воля и упорство – это самое главное, что нужно развивать в молодости, то последующий возраст задаёт совсем иные приоритеты и программы поведения, в соответствии с приобретёнными и утраченными возможностями.

В исследовании Людмилы Викторовны Сенкевич, проведённом на лицах от 30 до 45 лет, работающих в сферах «человек-человек» и «человек-символ (знак)», – врачи и бухгалтеры, был продемонстрирован так называемый феномен «одиночества в толпе». Он заключается, в частности, в том, что люди, имея семью, друзей, любимую работу и др., ощущают себя отчуждённо, изолированно во время переживания экзистенциального кризиса.

Результаты рассматриваемого исследования показали, что субъект, который работает в сфере «человек-человек», имеет склонность чаще испытывать экзистенциальный кризис, чем работающий в сфере «человек – знаковая система». Это обусловлено, в первую очередь, тем, что личность при взаимодействии с другими людьми берет на себя профессиональную роль и старается следовать ей, вследствие этого образуется особый вид интеракции, который ограничивается формами социального общения в рамках профессиональной деятельности. Неспособность человека разделять личное и профессиональное общение иногда приводит к тому, что первое просто заменяется вторым. Это уводит человека от самого себя, а не принимая себя, он не может принимать и других. В том числе поэтому чувство одиночества так сильно переживается человеком при экзистенциальном кризисе зрелости-зрелости, несмотря на большое количество людей вокруг него. Кратко проанализированные здесь аспекты исследования поименованного автора чётко обрисованы в работе на английском языке, опубликованной в международном научном журнале: Senkevich L.V. Phenomenological and Process Dynamic Characteristics of Existential Identity Crisis // Global Media Journal. 2016. – P. 1-10, что мы почтительно рекомендуем всем коллегам, читающим на английском языке.

Таким образом, в жизни человека зрелого возраста происходят кризисы жизненного пути личности, являющиеся ненормативными факторами развития. Среди всех прочих семейные кризисы являются одними из наиболее изученных ненормативных кризисов (нормативными являются так называемые возрастные кризисы).

Э. Берн считал, что личностному росту и позитивным изменениям ценностно-смысловой сферы, а порой и всего жизненного сценария человека способствует конструктивное преодоление семейных кризисов и их последствий. С другой стороны,

психологически непроработанный семейный кризис может стать экзистенциальным кризисом (кризисом внутриличностного психологического развития в рамках сущностных характеристик данной конкретной личности), но это будет зависеть от многих внутренних и внешних переменных.

Семейные конфликты перерастают в кризисную ситуацию и развод в том случае, когда значимая проблема для любого из супругов не разрешается длительное время.

Согласно исследованиям Л.В. Сенкевич, возрастная специфика возникающих семейных проблем выглядит следующим образом: ответы 38% респондентов свидетельствуют о том, что в период молодости (с 23 до 30 лет) сложности провоцируют агрессивные явления (ненависть, раздражение, злость), 26% – отсутствие совместного проведения свободного времени, 23% – компьютерная зависимость, 22% – денежные затруднения, 20% – чрезмерное употребление алкогольных напитков. Проблемы для совместной жизни создают и оскорбительные высказывания в адрес друг друга, отчуждение в отношениях, жилищные проблемы, ревность, отсутствие поддержки родственников, сексуальные сложности, измены, проявления физического насилия. Эти аспекты отражены в следующих публикациях названного автора: К вопросу об особенностях периода зрелости и его возрастных задачах на современном этапе // Вестник научных конференций. – Тамбов, 2017. № 8-1 (24). – С. 114-117;

Опросник «Переживание экзистенциального кризиса»: первый этап апробации // Системная психология и социология. 2015. Т. 4. № 16. – С. 46-54; Основные методологические подходы к исследованию экзистенциального кризиса личности // Учёные записки Российского государственного социального университета. Т. 15. № 3 (136). 2016. – С. 6-12; Особенности кризиса индивидуального жизненного пути // Научные тенденции. Педагогика и психология. Сборник научных трудов по материалам X Международной конференции. — Москва, 04 сентября, 2017. – С. 29-31.

По исследованиям Сенкевич Л.В., в возрастной период зрелости и зрелости личности (30 – 50 лет), судя по 42% ответов респондентов, чаще других возникают денежные проблемы, 35% отмечают неудовлетворённость семейной жизнью, 30% свидетельствуют о наличии измен, 26% – о чрезмерном злоупотреблении алкоголем, 23% – об отсутствии совместного проведения свободного времени, 22% – об отчуждениях в отношениях и проблемах с жилищными условиями, 20% – о ревности. Создают сущностные эмоциональные «помехи» в семейных отношениях супругов и вербальная агрессия, сексуальная неудовлетворённость, семейные проблемы, связанные с детьми. Данные параметры отображены в следующих публикациях поименованного автора: Особенности мотивационной сферы и смысложизненных ориентаций у мужчин с аддикциями, переживающих экзистенциальный кризис в зрелости // Социальная политика и социология. 2012. № 8 (86). – С. 227-235; Психологическая характеристика семейных кризисов // Достижения вузовской науки. № 26. — Новосибирск, 2016. – С. 36-41. Психология экзистенциальных кризисов: Учебно-методическое пособие. – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2012. – 143 с.; Типология кризисов зрелой личности // Тенденции развития науки и образования, № 29-2, 2017. – С. 37-39; Утрата как разновидность ненормативных кризисов // Новое слово в науке и практике. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. – Красноярск, 27 декабря 2016. – С. 86-73.

Семейный кризис с научной точки зрения анализируется очень многими исследователями в плоскости активной адаптации к брачно-семейным отношениям или в контексте существенного изменения уже сформированных отношений. Критическая ситуация, возникающая в жизни семьи, несёт в себе как созидательный, так и разрушительный заряд, что может привести и к укреплению семьи или, напротив, к её распаду.

Деструктивность семейных кризисов заключается в том, что для одного или обоих супругов они воспринимаются как неожиданные, характеризуются высокой эмоциональной насыщенностью и личностной значимостью. Всё это влияет на общесемейное

взаимодействие и приводит к резкому уменьшению потенциала супружеских и родительско-детских отношений («родительско», впереди «детско» потому, что родители управляют этими отношениями, по крайней мере пока со стороны детей они детские по детскому возрасту).

Мотивационная и поведенческая составляющие психологической реакции на конфликт в семье зачастую направляются не на поддержку интересов семьи, а на отстаивание собственных интересов и заботу о своём здоровье, усиливается ориентация только на личный выигрыш, между супругами устанавливаются конкурентные отношения. В молодом и даже взрослом возрасте семейный конфликт может усугубляться, если оба супруга стремятся к лидирующей позиции, противоборствуют друг с другом, если создаётся ситуация размывания половых различий и несопоставимости ролевых ожиданий, притязаний в браке.

Сложностью, усугубляющей разногласия в молодой семье, является неосознаваемость конфликтных причин, незнание и неумение применять конструктивные способы урегулирования конфликтов. Семейный конфликт может перерасти в критическую ситуацию в жизнедеятельности семьи в силу объективных факторов социально-экономического свойства: какая область семейной жизни находится в эпицентре конфликта, при каких условиях он возникал и как развивался, кто участвовал в конфликте, какие психологические характеристики влияют на супружескую совместимость или несовместимость.

Наряду с этим, имеют место и субъективные факторы: представления о себе, о супруге, о том, как должны распределяться роли и отношения в семье, как должны восприниматься семейные трудности и т.д. Обо всём этом пишут многие исследователи за последние пятьдесят лет, указывая на системологическое происхождение этих феноменов, с позиций анализа экзистенциальных парадигм онтогенетического развития личности от подростничества до старости. В частности, например, Орлова И.Н. и Донцов Д.А., в научно-практической статье «О социально-психологической готовности современной российской студенческой молодёжи к браку и созданию семьи» опубликованной в журнале «Социальная психология и общество» (№ 3, 2012, С. 58-72), подробно анализируют данные феномены в представлениях людей юношеского и молодого возрастов.

Развод в большинстве случаев приводит к негативным личностным изменениям одного или обоих супругов. Критическая ситуация вследствие развода возникает несмотря на мотивацию супругов и усугубляется тем, что необходимо коренное изменение всего строя дальнейшей жизни. Развод сопровождается переходами от одного эмоционального состояния к другому, к проявлению разного рода психологических защитных механизмов, зачастую примитивных, дезадаптивных.

В начале указанных процессов, как правило, возникает отрицание реальности, затем включается механизм рационализации, характеризующийся тем, что при интерпретации событий искажённое восприятие ситуации остаётся. Следующий кризисный этап характеризуется проявлением сильных аффективных эмоций: раздражения, злости и гнева в отношении супруга (со стороны другого супруга). Затем, когда проявление этих отрицательных эмоций немного снижается, на этом фоне возможны попытки примирения, стремление манипулировать друг другом. В ситуативном поле неудачных попыток восстановления утраченных отношений перед разводом, а потом после него, в процессе преодоления возникающих трудностей возможно возникновение депрессивных состояний у одного или обоих супругов.

Относительно психотерапевтического аспекта рассматриваемых вопросов можно отметить следующее. В семейной психотерапии может оказаться полезной возможность сопоставления разных доминирующих точек зрения одних членов семьи на других членов семьи (например, родителей на ребёнка), которую предоставляет семейный кризис. Также семейно-супружеский кризис даёт возможность дифференцированной оценки эмоциональной привлекательности, статуса доминирования-подчинения и уровня психологической активности супругов. В семейной системной психотерапии восприятие

членами семьи друг друга (социальная перцепция членов семьи в отношениях друг с другом) также трансформируется. Об этих аспектах в последние десять-пятнадцать лет также пишут довольно многие исследователи. Скажем, – Адмиральская И.С. и Донцов Д.А. в статье «Перцептивная сторона удовлетворённости браком», опубликованной в Российском научном журнале (№ 6, 2012. – С. 155-160).

В описываемом контексте психологического консультирования семьи, целый ряд исследователей указывает на психотерапевтическую полезность варьирования психосоциальных предметов оценки. Например, «каким должен быть отец (мать)», «идеальная жена (муж)», «моя жена (мой муж) думает, что я ...», – с последующим вычислением «расстояния» между «идеальным» и «реальным», «ожидаемым» и «реальным» и т.д.

Брачно-семейный (супружеский) кризис отношений мужа и жены, и, как правило, сопутствующий ему кризис в отношениях «Отцы и Дети» («родительско-детский» кризис отношений) могут даже помочь в определении действительной природы недовольства супружескими взаимоотношениями: недостаточная эмоциональная привлекательность, избегание ответственности, несоответствие семейной роли и т.д. Например, обозначенное смысловое содержание может также помочь уяснить специфику психосоциальной роли ребёнка (детей) в семейном конфликте (в контексте, к примеру, – роль ребёнка в качестве объекта невротической манипуляции) и т.п.

Список использованных источников:

1. Адмиральская И.С., Донцов Д.А. Перцептивная сторона удовлетворённости браком // Российский научный журнал. – № 6 (31)' 2012. – 338 с., С. 155-160.
2. Алёшина Ю.Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование. 2-е издание. – М.: Независимая фирма «Класс», 2007.
3. Базаркина И.Н., Донцов Д.А. Личностные ресурсы преодоления критических ситуаций в юношеском и зрелом возрастах в разных культурно-исторических условиях // Российский научный журнал. – № 2 (33), 2013. – 320 с., С. 131-137.
4. Бендлер Р., Гриндер Дж., Сатир В. Семейная терапия. – СПб.: Питер, 1993.
5. Бэйдер Э., Пирсон П. В поисках мифической пары. Эволюционный подход к диагностике и психотерапии пар. Учебное пособие. Перевод с английского и редакция Н.А. Цветковой. – М.: МПСИ, 2006.
6. Дети в семейной психотерапии: практическая работа и профессиональное обучение. Под редакцией Зильбах Дж. – М.: Институт психотерапии, 2004.
7. Донцов Д.А., Ерёмина Л.Ю., Москвитина О.А., Неблагополучные семьи с позиций специалистов по социальной работе // Школа здоровья, № 4. – М., 2008, С. 17-25.
8. Донцов Д.А., Донцова М.В. Модели семейного психологического консультирования // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы, № 2. – М., 2009. – С. 26-35.
9. Донцов Д.А., Донцова М.В. Основополагающие функции семьи и особенности семейного психологического консультирования // Научные исследования и образование, № 2 (8). – М., 2009. – С. 16-21.
10. Донцов Д.А., Донцова М.В., Поляков Е.А. Методология и методы психологии и консультирования семьи // Наука России: цели и задачи. Сборник научных трудов по материалам международной научной конференции. – Екатеринбург, 2017. – С. 44-51.
11. Донцов Д.А., Донцова М.В., Поляков Е.А., Сенкевич Л.В., Козьяков Р.В. Региональные сходства и различия готовности к семейной жизни у российских студентов юношеского и молодого возрастов // Человеческий капитал. № 11 (107). – М., 2017. – С. 3-8.
12. Донцов Д.А., Москвитина О.А., Орлова И.Н. Технологии психосоциальной работы и психологической помощи в кризисных ситуациях и экстремальных условиях // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Направление «Психология. Социология. Педагогика». Серия 12. Выпуск 1. – СПб.: СПбГУ, 2010. – С. 192-198.

13. Донцов Д.А., Орлова И.Н. Психологическая подготовка юношества к семейной жизни в контексте психологии безопасности образовательной среды // Экспертиза психологической безопасности образовательной среды. Информационно-методический бюллетень. Городская экспериментальная площадка II уровень. – Москва, 2010. – С. 64-70.
14. Донцов Д.А., Поляков Е.А., Сенкевич Л.В., Козьяков Р.В. Гендерные различия представлений о браке у российских студентов юношеского и молодого возрастов // Человеческий капитал. № 2 (98). – М., 2017. – С. 28-33.
15. Елизаров А.Н. Основы индивидуального и семейного психологического консультирования: Учебное пособие. - 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ось-89, 2005.
16. Елизаров А.Н. Психологическое консультирование семьи. Учебное пособие. – М.: Ось-89, 2004.
17. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Она и он: тайный шифр сказки отношений. – СПб.: Речь, 2006.
18. Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2004.
19. Кипнис М. Тренинг семейных отношений. – Часть 1: Супружество. Часть 2: Родительство. 2-е издание, переработанное и дополненное – М.: Ось-89, 2005, 2006.
20. Кэйдис Л.Б., Мак-Клендон Р. Супружеская и семейная терапия: учебное пособие. Перевод с английского и редакция Н.А. Цветковой. – М.: МПСИ, 2006.
21. Навайтис Г. Женщина, мужчина и семья: всё, о чём вы осмелитесь спросить. Учебное пособие. – М.: МПСИ, 2006.
22. Орлова И.Н., Донцов Д.А. О социально-психологической готовности современной российской студенческой молодёжи к браку и созданию семьи // Социальная психология и общество. – № 3, 2012. – 170 с., С. 58-72.
23. Полякова С.Г., Поляков Е.А., Донцов Д.А., Сенкевич Л.В. Влияние социальной депривации в детстве и отрочестве на развитие личностных смыслов в юности и молодости // Человеческий капитал. № 8 (104). – М., 2017. – С. 40-43.
24. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Под редакцией Е.Г. Силяевой. 4-е издание, стереотипное. – М.: Академия, 2006.
25. Рыбакова А.И. Особенности психологической готовности женщин к материнству // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2016. Т. 15. № 1 (134). – С. 38-47.
26. Рыбакова А.И. Особенности социализации детей в условиях бедной семьи // Психология социальности: сборник научных трудов. – Том 3. / под ред. проф. Е.А. Петровой. – М.: РИЦ АИМ, 2009. – 118 с. – С. 74-80.
27. Рыбакова А.И. Отношение молодёжи к ценностям семьи // Социальные технологии работы с молодёжью: новое время: новые решения. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Сборник научных статей. 2016. – С. 218-221.
28. Сенкевич Л.В. К вопросу об особенностях периода зрелости и его возрастных задачах на современном этапе // Вестник научных конференций. ООО «Консалтинговая компания Юком». – Тамбов, 2017. № 8-1 (24). – С. 114-117.
29. Сенкевич Л.В. Опросник «Переживание экзистенциального кризиса»: первый этап апробации // Системная психология и социология. 2015. Т. 4. № 16. – С. 46-54.
30. Сенкевич Л.В. Основные методологические подходы к исследованию экзистенциального кризиса личности // Учёные записки Российского государственного социального университета. Т. 15. № 3 (136). 2016. – С. 6-12.
31. Сенкевич Л.В. Особенности кризиса индивидуального жизненного пути // Научные тенденции. Педагогика и психология. Сборник научных трудов по материалам X Международной конференции. МНИФ «Общественная наука», — Москва, 04 сентября, 2017. – С. 29-31.

32. Сенкевич Л.В. Особенности мотивационной сферы и смысложизненных ориентаций у мужчин с аддикциями, переживающих экзистенциальный кризис в зрелости // Социальная политика и социология. 2012. № 8 (86). – С. 227-235.
33. Сенкевич Л.В. Психологическая характеристика семейных кризисов // Достижения вузовской науки. № 26. ООО «Центр развития научного сотрудничества. — Новосибирск, 2016. – С. 36-41.
34. Сенкевич Л.В. Психология экзистенциальных кризисов: Учебно-методическое пособие. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. – 143 с.
35. Сенкевич Л.В. Типология кризисов зрелой личности // Тенденции развития науки и образования, № 29-2, 2017. – С. 37-39.
36. Сенкевич Л.В. Утрата как разновидность ненормативных кризисов // Новое слово в науке и практике. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции. Научное партнёрство «Апекс». – Красноярск, 27 декабря 2016. – С. 86-73.
37. Сенкевич Л.В., Базаркина И.Н. Специфика личностных ресурсов преодоления критических ситуаций и ненормативных кризисов у лиц зрелого возраста в разных культурно-исторических условиях // Вестник МГОУ. Серия «Психологические науки». - 2012. - № 4. – С. 13-21.
38. Социально-психологическая и консультативная работа с семьёй. Хрестоматия. Составитель: Л.Б. Шнейдер. В 2-х частях. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО МОДЭК, 2004.
39. Хозиев В.Б., Хозиева М.В., Дзетовецкая С.В. Психологическое консультирование родителей. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2008.
40. Черепанова Е.М. Психологический стресс: помощи себе и ребёнку. 2-е издание. – М.: Академия, 1997.
41. Senkevich L.V. Phenomenological and Process Dynamic Characteristics of Existential Identity Crisis // Global Media Journal. Dept. of Communication and Creative Arts, Purdue University Calumet. 2016. – P. 1-10.

Визгина Анна Владимировна
кандидат психологических наук
МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет психологии,
старший научный сотрудник кафедры методологии психологии
E-mail: annavizgina@yandex.ru

Джерелиевская Мария Анатольевна
кандидат психологических наук, доцент,
МГУ имени М.В.Ломоносова, факультет психологии,
доцент кафедры методологии психологии
125009, Москва, ул. Большая Никитская, д. 4, комн. 318,
факультет психологии МГУ им.М. В. Ломоносова, кафедра методологии психологии
E-mail: madj@mail.ru

ВЛИЯНИЕ РАССОГЛАСОВАННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПОДРОСТКОВ И РОДИТЕЛЕЙ НА ОБРАЗ МИРА ПОДРОСТКОВ

Аннотация. Рассматривается группа семей, в которых несогласованность восприятия между подростком и матерью эмоционального принятия, контроля и требовательности, сочетается с согласованностью восприятия сотрудничества в семейных отношениях. Особой значимостью для подростков обладают параметры эмоционального отвержения и безнадзорного игнорирования со стороны родителей, критерием оценки семьи является соответствие гармонично-демократичному стилю, а представления о мире отличаются эмоциональной обедненностью.

Ключевые слова: внутрисемейное взаимодействие, образ мира подростков, процесс сепарация, согласованность представлений, методика описания семьи, многомерное шкалирование.

Vizgina Anna Vladimirovna
candidate of psychological sciences,
Lomonosov Moscow State University, faculty of psychology,
senior researcher of the Department of Psychological Methodology
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
E-mail: annavizgina@yandex.ru

Dzherelievskaya Maria Anatolievna
candidate of psychological sciences, associate professor,
Lomonosov Moscow State University, faculty of psychology,
Associate Professor of the Department of Psychological Methodology
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
E-mail: madj@mail.ru

THE INFLUENCE OF PARENT-ADOLESCENT DISCREPANCY IN FAMILY RELATIONS PERCEPTION ON THE ADOLESCENTS' WORLD IMAGE

Annotation. A group of families in which mother-adolescence discrepancies in perception of emotional acceptance, control and exactingness are combined with consistency in perception of cooperation in family relationships is considered. Emotional rejection and neglecting disregard are of special significance for such adolescents; the criterion for assessing family is its compliance with harmonious democratic family style and their image of the world is emotionally reduced.

Key words: family interaction, the adolescents' image of the world, separation process, perception consistency, Family Description Method, multidimensional scaling.

Семья является исключительно важным элементом социальной среды для развития ребенка, оказывая влияние на его дальнейшее психическое развитие и социальную адаптацию. В каждый период жизни ребенка на первый план выступают свои специфические функции семьи. В подростковом возрасте – это, прежде всего, создание условий для развития автономии и самосознания. Подросток стоит перед задачей автономизации от родительской опеки и построения нового типа отношений, основанных на равноправии и уважении [4]. В исследовании О.А.Карабановой и Н.Н.Поскребышевой было показано, что подростки, высоко оценивающие уровень своей самостоятельности, испытывают меньшую степень родительского контроля, директивности, требовательности [5]. Авторы также выявили тесную связь уровня личной автономии подростков с сотрудничеством в ДРО (детско-родительских отношениях). При этом, условием и следствием развития продуктивного делового сотрудничества в детско-родительских отношениях, как показало их исследование, является эмоциональное принятие и близость как способность к эмпатии, эмоциональному взаимопониманию. Противоположные результаты были получены в некоторых современных зарубежных исследованиях автономии, выявивших связь автономии с увеличением дистанции от родителей [7], [8]. Отечественные исследователи оспаривают эти выводы, хотя и признают, что выявленные связи носят нелинейный характер: максимальная близость и принятие характеризует родителей подростков со средним уровнем личной автономии, в то время как в семьях подростков со слабо и сильно выраженной автономией эти показатели значительно ниже [5]. Кроме того, было обнаружено, что наибольшее влияние этих аспектов ДРО выражено не у старших, а у младших подростков.

Общепризнанно, что подростковый возраст является наиболее критическим и уязвимым для родительско-детских отношений (ДРО), причем на обоих полюсах этих отношений. Противоречивость позиции подростка состоит в том, что он, стремясь к автономии и независимости от родителей, испытывает при этом потребность в уважении и эмоциональной поддержке с их стороны. От родителей же требуется принять закономерность этих изменений в ребенке, и, уменьшая свою директивность и контроль, сохраняя с ребенком эмоциональную связь и давая ему поддержку и заботу. Однако, как показало большое лонгитюдное исследование под руководством А.И.Подольского и П.Хейманса современных российских подростков [3], в старшем подростковом возрасте родители начинают восприниматься как менее любящие, внимательные и заинтересованные, что приводит к переживанию подростками дефицита любви, внимания и заботы. Подростки отмечают также высокий уровень враждебности матери, при том, что мать воспринимается ими более включенной в процесс воспитания и более директивной по сравнению с отцом, а также ими признается усиление непоследовательности и противоречивости поведения матери и отца. Данные результаты могут иметь несколько объяснений. Во-первых, родители, в силу своей недостаточной чуткости к происходящим с их детьми изменениям, сохраняют директивный стиль взаимодействия, воспринимая его как проявление внимания и заботы. Подростки же, ожидая от родителей уменьшения их директивности и поддержки их самостоятельности, воспринимают такое отношение как неучет их интересов и эмоциональное отвержение. С другой стороны, родители, видя, сопротивление подростка их воспитательным мерам, воспринимают его поведение как проявление отдаления и враждебности, что в свою очередь приводит к действительному возникновению отчужденности по отношению к нему. Исследования подтверждают первое предположение. Так было обнаружено, что матери, в два раза чаще описывают свои отношения с подростками как удовлетворительные, чем сами подростки [9]. Данные, полученные в практике психологического консультирования подтверждают распространенность такого типа рассогласования, когда подросток преувеличивает авторитарные черты родителя, считает его пренебрегающим своими интересами, при этом остро переживая свое

одиночество, хотя родитель уверен в своей любви и заботе по отношению к ребенку, в том, что он уделяет достаточно времени и сил его воспитанию [4]. Таким образом, в рассогласованиях восприятия семейных отношений между родителями и подростком проявляется нарушение взаимопонимания между подростками и родителями, составляющее суть кризисных явлений подросткового возраста.

Как отражаются подобные искажения ДРО на системе взглядов подростка, его представлениях о мире, семье, самом себе? И.А.Буровихиной было предпринято масштабное исследование, направленное на изучение особенностей образа мира современного подростка в их связи с характеристиками социальной ситуации развития, которое в частности показало, какую важную роль в формировании образа мира подростка играют такие характеристики внутрисемейных отношений, как уровень протекции со стороны обоих родителей, степень контроля за действиями подростка, последовательность родителей в реализации стиля воспитания, эмоциональная близость, сплоченность членов семьи и т.п. [1].

Настоящая работа реализована в рамках серии исследований, посвященных изучению стиля воспитания в семье и его связей с образом мира подростка, формирующегося в семьях с различным стилем взаимодействия. В данной работе мы поставили задачу изучения согласованности представлений родителей и подростков о внутрисемейном взаимодействии в связи с особенностями смысловых связей, отражающих представления о мире подростков.

В исследовании приняли участие 59 подростков, 37 - девочек, 12 – мальчиков, учеников 10-11 классов школ Москвы и Подмосковья и их родители.

В качестве методического инструментария использовался опросник «Взаимодействие ребенок-родитель» И.М. Марковской, предназначенный для диагностики особенностей взаимодействия родителей и детей [6]¹⁴, а также методика описания семьи [2]. Кроме этого использовался список из 107-ми прилагательных, характеризующий различные сферы жизни, который подростки могли свободно разбивать на классы.

Опросник заполняли и родители и дети, а методика описания семьи проводилась только с подростками. В Методике описания семьи подросткам каждого кластера предлагалось описать свою семью, «как Вы ее себе ее представляете: какая она? Какие отношения складываются между вами?» Кодирование описаний проводилось по основным 18-ти показателям (контент-аналитическим категориям), касающимся оценок отношения к семье в целом, отношения к близким родственникам, к друзьям; отношения к правилам, нормам, авторитетам, к будущему-настоящему-прошлому; а также отражающие особенности стиля взаимодействия в семье. Надежность процедуры обеспечивалась детальной разработкой кодировочных инструкций для каждой категории с привлечением специально подготовленных экспертов – психологов (преподавателей факультета психологии МГУ) после чего рассчитывался коэффициент согласованности экспертных оценок (Фи-коэффициент Гилфорда), диапазон значений по разным показателям находился в диапазоне 0,80 – 0,95, при уровне значимости 0,01.

Список понятий классифицировали только подростки.

По результатам заполнения подростками и их родителями опросника был осуществлен кластерный анализ с целью разделения семей на группы, отличающихся разной степенью согласованности их оценок.

По результатам заполнения опросника «Взаимодействие подросток-родитель» для каждого кластера (выделанной группы) проводился корреляционный анализ между пунктами опросника, ребенок-родители, с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена (SPSS версия 19) что позволило выявить степень согласованности в оценках родителей и детей между собой. Для каждого кластера (группы подростков) результаты свободной классификация понятий обрабатывались методом многомерного шкалирования, что позволило реконструировать систему значений, в которой отдельные сферы жизни репрезентируются в сознании подростка.

¹⁴ В данном исследовании использовался подростковый вариант методики.

В результате кластерного анализа было выделено 4 кластера, однако в данной статье мы остановимся на описании только одного из них (20 человек, 11 девочек и 9 мальчиков), как наиболее содержательно интерпретируемого и интересного, с точки зрения полученных результатов. Результаты корреляционного анализа между ответами подростка, матери и отца приводятся в таблице №1.

Таблица № 1. Значения корреляций¹⁵ между ответами подростка (П), матери (М) и отца (О) на пункты опросника ВРР. Номера рядом с буквами представляют номера вопросов опросника.

	М1	М6	М7	М8	М21	М22
4 П					,807	
5 П	,804					
7 П					,835	
8 П				,753		
16 П	,903					
18 П			,801			
19 П			,905			
56 П			,857			
О2 С		,987				
О3 С		,879				
О4 С				,971		
О10 С			,875			
О22 С						,829

Анализ корреляций между ответами подростков и их родителей на пункты опросника Марковской позволил выделить типичные для данной группы особенности их взаимной перцепции. Прежде всего, это - рассогласованность восприятия семейных отношений между подростком и матерью, как по линии эмоционального принятия-отвержения, так и по параметрам контроля и требовательности. Мать, атрибутирующую себе такие качества как принятие и признание достоинства подростка, подросток воспринимает излишне критичной и не разделяющей его интересов. Однако при этом он признает, что такая мать способна к сотрудничеству («она участвует в моих делах»). Возможно, это связано с тем, что мать, в большей степени способна выразить своё эмоциональное признание подростка в поведении, например, принимая участие в его делах.

Было выявлено также рассогласование по параметрам контроля и требовательности: ощущаемый подростком чрезмерный контроль со стороны матери оказался связан с восприятием матерью себя нетребовательной и потакающей подростку. Приведенные корреляции допускают и альтернативную трактовку: подросток считает мать принимающей,

¹⁵ Все корреляции, значимы на уровне 0.01 (2-сторонняя)

дающей автономию и нетребовательной, а она воспринимает себя критичной, требовательной и не соглашающейся. Если исходить из того, что мать в этой группе действительно выражает повышенные требовательность и критичность по отношению к подростку, что подтверждается корреляциями между ответами матерей и отцов, а также данными других исследований, то возможны оба варианта интерпретации данной связи. При первом варианте речь идет об искажении восприятия матери – она не осознает того воздействия, которое оказывает на ребенка, приписывая себе принимающее отношение к ребенку, что прямо противоположно тому, как он воспринимает отношение к себе матери. При втором варианте искажается восприятие подростка: он, не желая признавать отвержение матери, которое, тем не менее, неосознанно считывает, приписывает ей противоположное отношение (что по способу проявления сходно с защитным механизмом по типу «реактивное образование»). Приведенные выше данные других исследований, говорят скорее в пользу первого варианта.

Было обнаружено также, что доверие подростка к матери («могу рассказать ей обо всем, что со мной происходит») парадоксальным образом связано с ее восприятием себя последовательно требовательной. То есть требовательность может восприниматься подростком как равнодушие, интерес к своей особе, что вызывает у него желание поделиться своими переживаниями. Нетребовательность в таком случае оборачивается для подростка незаинтересованностью, равнодушием, отдаляющим его от матери. Данное искажение восприятия носит явно защитный характер и объясняется характерным для подростков переживанием дефицита внимания и интереса к ним со стороны родителей.

Отношения сотрудничества оказались единственным измерением, по которому была выявлена согласованность в оценках между подростком и матерью. Утверждение подростка о том, что мать доверяет ему трудные дела, оказалось связано с аналогичным утверждением матери. Данная корреляция подтверждает наше предположение о том, что для семей такого типа язык дел (сотрудничества) является более понятным, чем язык чувств и отношений. Сфера практических действий оказывается более надежной платформой для взаимного понимания, а сотрудничество оказывается наиболее приемлемой формой переживания опыта совместности.

Корреляции между самовосприятием отца и матери выявили связи, которые могут раскрывать характерное для семьи распределение ролей: чрезмерная критичность матери сочетается с мягкостью, отсутствием контроля и непоследовательностью отца. Предоставление автономии со стороны отца коррелирует также с тенденцией к сотрудничеству матери («часто поручаю трудные дела»). Кроме того, были выявлены корреляции, говорящие о полном совпадении взглядов родителей на собственную последовательность-непоследовательность в отношении с подростком. Обобщая данные по корреляциям, можно сделать вывод о характере взаимоотношений подростка и его родителей в этих семьях. Чрезмерные требовательность и критичность матери, не вполне осознаваемые ею, сочетаются с мягкостью и предоставлением ребенку определенной автономии со стороны отца, и сопровождаются установлением между родителями и подростком отношений сотрудничества. При этом поведение и эмоциональное отношение родителей характеризуется непоследовательностью, что приводит к трудностям эмоционального взаимопонимания подростков и родителей (прежде всего, матери).

С целью изучения влияния такого типа семейных отношений на особенности образа мира, и в частности, образа семьи подростков, были использованы Методика свободного описания семьи. Корреляционный анализ собственных показателей (критериев экспертной оценки) методики описания семьи, представлен в таблице № 2.

Таблица №2. Значения корреляций между показателями методики описания семьи¹⁶

	Отношение к будущему	Гармонично-демократичный стиль	Эмоциональное отвержение	Безнадзорное игнорирование
Отношение к семье		,540*		-,803**
Отношение к отцу	,684**	,349*	-,684**	
Отношение к себе	,407*			
Отношение к настоящему			-,487**	
Отношение к будущему			-,643**	
Гармонично-демократичный стиль			-,574*	-,509*

В первую очередь обращает на себя внимание чувствительность подростка к измерению эмоционального принятия-отвержения. Позитивное восприятие настоящего и будущего несовместимы с отвергающим, сверхкритичным отношением к подростку родителей (и наоборот: отрицательное отношение к отцу, а также пессимистичность настроения в отношении настоящего и будущего, связываются с эмоционально-отвергающим отношением с их стороны). При этом позитивный взгляд на свою семью определяется тем, насколько она соответствует представлению о гармонично-демократическом стиле отношений, и насколько она противостоит стилю безнадзорного игнорирования. Подростки этой группы боятся, прежде всего, отвержения и игнорирования, что перекликается с данными корреляций между пунктами опросника. Возможно, именно непоследовательность родителей и непредсказуемость их реакций вызывает у детей страх и чувство ненадежности отношений и порождает защитные искажения в восприятии родительского отношения.

Охарактеризуем теперь результаты многомерного анализа, который специфичен для данной группы и представлен шестимерным семантическим пространством, составляющим основу образа мира подростков, которое мы здесь не приводим в силу ограниченности формата данной статьи. Отметим лишь некоторые особенности представлений, специфичных для данной группы подростков.

Содержательный анализ семантических связей показал, что «Сотрудничество» является для них важной ценностью, войдя с высоким значением в шкалу 1, наряду с такими понятиями, как: «Прекрасное», «Природа», «Счастье», «Вера», «Музыка», «Работа», «Сплоченность» и т.п. (положительный полюс). При этом позитивный смысл семьи (отношений с родителями) видится подростку в том, что она предоставляет подростку свободу, способствует творчеству, создает ощущение стабильности (положительный полюс шкалы 4). Однако понятий, обозначающих положительные эмоции (привязанность, любовь, забота, помощь, сочувствие) на полюсе семьи обнаружено не было, т.е. речь идет скорее о прагматическом смысле семьи. Более того, оказалось, что позитивные межличностные эмоции и взаимоотношения так или иначе обесцениваются или воспринимаются лживыми в системе понятий подростков. Так «Сочувствие» противостоит позитивным ценностям и соседствует с «Безразличием», «Ненавистью», «Пустотой» и «Тревогой» (отрицательный

¹⁶ Указанные в таблице корреляции, значимы на уровне 0.01 (2-сторонняя), обозначены **; и на уровне 0,05 обозначены *.

полюс шкалы 1); «Близость» находится на том же полюсе, что и «Скука», «Послушание», «Ненависть», «Братья/сестры» (отрицательный полюс шкалы 2) и противостоит «Самостоятельности» и «Освобождению от родительской опеки»; а отношения «Уважения», «Заботы», «Помощи» ассоциируются прежде всего с «Ложью» (положительный полюс шкалы 5). По-видимому, формирование образа мира, где позитивные межличностные эмоции оказываются девальвированными, выполняет защитную функцию: нарушение эмоционального контакта с матерью легче принять, если считать, что так устроен весь мир, а не только собственная семья. Защитный характер таких представлений подтверждается анализом корреляций показателей методики описания семьи - когда речь заходит о собственной семье, подросток демонстрирует высокую значимость для себя внимания и эмоционального принятия и со стороны родителей.

Анализ семантического пространства подростков показал, что, несмотря на определенную обедненность эмоциональной сферы, они продемонстрировали достаточно зрелое и содержательное понимание процессов взросления и сепарации от родителей, а именно, внутреннюю готовность опираться на себя при решении конкретных задач, понимание привлекательности самостоятельной жизни за пределами семьи, неприятие отношений подчинения/послушания (шкалы 2, 4, 5). Исходя из этого, можно предположить, что степень свободы и автономии во взаимоотношениях сотрудничества с родителями, оказалась достаточной для формирования этих тенденций. Недостаток эмоционального взаимопонимания компенсировался взаимопониманием на базе совместных действий, которые оказались более надежной платформой взаимодействия с родителями, чем эмоциональная сфера. Возможно, именно прагматичность и пониженная эмоциональность отношений с родителями, облегчило формирование у подростков тенденций к сепарации. Основываясь на анализе данных по этой группе в целом, можно сделать вывод, что хотя затрудненность эмоциональных контактов подростков с родителями повлияла на характер их восприятия мира и самих себя, она не нарушила адаптивную направленность их представлений. Эти данные согласуются с выводами отечественных исследователей семьи о том, что с возрастанием уровня личной автономии растет уровень сотрудничества в детско-родительских отношениях [5]. Однако выявленная этими исследователями связь между автономией подростка и эмоциональной поддержкой родителей в данной группе не нашла своего подтверждения. Наши данные скорее подтверждают результаты современных зарубежных исследований автономии, указывающих на связь автономии с эмоциональным дистанцированием подростка от родителей [7], [8]. В данной работе была подробно рассмотрена группа семей с подростками, которая характеризуется следующими особенностями: сочетание рассогласованности восприятия между подростком и матерью по параметрам эмоционального принятия, контроля и требовательности со стороны матери с согласованностью восприятия отношений по параметру сотрудничества; сочетание повышенных требовательности и критичности матери с мягкостью и предоставлением автономии со стороны отца. Была предпринята попытка проследить, как влияют эти особенности семейных отношений на формирование у подростков образа собственной семьи и мира в целом. Мы показали, что особой значимостью для них обладает измерение эмоционального принятия-отвержения со стороны родителей, а критериями оценки своей семьи являются соответствие гармонично-демократичному стилю и противостояние стилю безнадзорного игнорирования. Их представления о мире, в том числе о семье, характеризуются определенной эмоциональной обедненностью, в них преобладает прагматичность. Было обнаружено также тенденция к девальвации сферы межличностных эмоций, которая вероятно, носит защитный характер. Несмотря на отмеченные особенности, подростки данной группы показали достаточно зрелое и содержательное понимание процессов взросления и сепарации от родителей. Как мы предположили, это происходит благодаря отношениям сотрудничества с родителями и достаточной степени свободы и автономии, предоставляемых ими подросткам.

Список использованных источников:

1. Буровихина И.А. Социальная ситуация развития как условие формирования образа мира современного подростка: дис. канд. психол. наук. – М., 2013. – 313 с.
2. Джерелиевская М.А., Визгина А.В. К обоснованию валидности методики описания семьи. Материалы съезда Российского психологического общества/сост. Л.В. Артищева; под ред. А.О. Прохорова, Л.М. Попова, Л.Ф. Баяновой и др. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – Т.1. С.233-235.
3. Карабанова О.А. Социальная ситуация развития ребенка: структура, динамика, принципы коррекции: Дис. докт. психол. наук. М., 2002. – 379 с.
4. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2006. – 320 с.
5. Карабанова О.А., Поскребышева Н. Н. Развитие личностной автономии подростков в отношениях с родителями и сверстниками // Вестник московского университета—Сер. 14. Психология. 2011. № 2. — С. 36-47.
6. Марковская И.М. Опросник для изучения взаимодействия родителей с детьми // Семейная психология и семейная терапия. 1999. № 2. С. 42 – 49.
7. McElhaneу K.B., Allen J.P., Stephenson J.C., Hare A.L. Attachment and autonomy during adolescence // Handbook of adolescent psychology. Vol. 1 / Ed. by R.M. Lerner, L. Steinberg. 3rd ed. N.J., 2009. P. 358—403.
8. Steinberg L., Silverberg S.B. The vicissitudes of autonomy in early adolescence // Child Development. 1986. Vol. 57. P. 841—851.
9. Thornton A., Orbuch T., Axinn W. Parent-child relationships during the transition to adulthood // J. of Family Issues. 1995. 16 (5). P. 538-564.

Винокуров Федор Никитич
кандидат психологических наук,
факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
старший научный сотрудник кафедры социальной психологии
125009 г. Москва, Моховая, 11с9
E-mail: fediav@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема ценностей и установок российской молодежи в контексте финансового поведения. Показано, что первый значимый этап финансовой социализации проявляется у подростков в 14-15 лет, когда финансовые инструменты используются как атрибуты взрослости. Второй этап – формирование финансовой самостоятельности в 18-22 года, когда определяющим фактором становится отношение родителей к трудовой и учебной деятельности ребенка.

Ключевые слова: финансовое поведение, финансовая грамотность, социализация, ценности, социальные установки.

Vinokurov Fedor Nikitich
candidate of psychological sciences,
Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University,
Senior Research Associate of the Department of Social Psychology
125009 Moscow, Mokhovaya 11-9
E-mail: fediav@mail.ru

SOCIAL PSYCHOLOGICAL STUDY OF THE FINANCIAL BEHAVIOR OF YOUTH

Abstract. The article discusses values and attitudes of Russian youth in the context of financial behavior. The first significant stage of financial socialization was described in adolescents of 14-15 years, which use financial instruments as attributes of adulthood. The second important stage is the formation of financial independence in 18-22 years, when the determining factor is the attitude of parents to the work and learning activities of their child.

Key words: financial behavior, financial literacy, socialization, values, attitudes.

В последние годы проблеме финансовой грамотности уделяется все больше внимания со стороны исследователей, педагогов и государственных институтов. Например, Банк России участвует в разработке образовательных программ для школ и вузов и проводит различные мероприятия, направленные на финансовое просвещение россиян [1]. Умение обращаться с деньгами и способность разобраться во всем многообразии современных финансовых продуктов и услуг становится важнейшим фактором семейного благополучия. Плохая осведомленность молодежи о том, как работают кредитные карты, страховые продукты, банковские вклады и другие финансовые инструменты может приводить к закредитованности и отсутствию накоплений во взрослой жизни [5].

Помимо школы, семья является базовым институтом финансовой социализации, в ходе которой происходит усвоение знаний, норм, убеждений и поведенческих паттернов, которые лягут в основу дальнейших финансовых практик индивида [2]. Сами дети и подростки говорят о том, что научились управлять личными финансами у своих родителей [3]. Более глубокое понимание процесса финансовой социализации с точки зрения детско-

родительских отношений, семейных ценностей и ритуалов представляется нам важным условием формирования рекомендаций для родителей и педагогов. С этой целью нами было проведено исследование финансового поведения российских школьников и студентов.

Исследовательским вопросом нашей работы стал поиск тех ценностей и установок современной молодежи, которые могли бы стимулировать интерес к повышению собственной финансовой грамотности.

Предметом исследования выступило финансовое и потребительское поведение четырех возрастных групп: 12-13 лет, 14-15 лет, 16-17 лет и 18-22 года. В выборку вошли школьники и студенты, проживающие в Москве и Екатеринбурге, всего – 80 человек. В каждом городе с каждой возрастной группой была проведена одна онлайн-дискуссия (чат) с 10 респондентами, уравненными по полу. При участии исследовательского агентства были отобраны респонденты, для которых этот способ общения является максимально естественным – регулярные пользователи социальных сетей ВКонтакте, Facebook, Instagram, а также сервисов обмена сообщениями (WhatsApp, Viber и пр.). Ввиду того, что в исследуемых возрастных группах россиян доля ежемесячных пользователей интернета составляет 97% [4], выбранный метод исследования несет минимальную угрозу для валидности данных.

В задачи исследования входило изучение образа жизни, ценностей и социальных установок респондентов в контексте потребительского и финансового поведения, включая финансовые отношения с родителями. В аналогичном порядке был построен сценарий групповой дискуссии продолжительностью 4 дня. Таким образом у респондентов было достаточно времени на формирование доверительных отношений с исследователем и другими участниками дискуссии. Достаточно интенсивная групповая динамика, свойственная всем четырем возрастным группам, позволила собрать большое количество как текстовых, так и графических материалов для анализа.

Повседневные практики группы «12-13 лет» связаны со школой и дополнительными занятиями – например, это спортивные секции или музыкальная школа. Интерес к работе или «подработке» в этом возрасте сопровождается желанием помогать другим – в первую очередь семье и близким людям. Данный мотив находит свое выражение в их любимых героях, которые безвозмездно помогают всем, кто попал в беду. Это персонажи вселенных Marvel и DC («супергерои»), Гарри Поттер, у мальчиков – актеры боевиков (Арнольд Шварценеггер, Джеки Чан, Дуэйн Джонсон). В Москве также упоминались персонажи мультфильмов «Губка Боб», «Гравити Фолз» и др.

Группа «14-15 лет» находится на «рубеже взрослости». Они получают паспорт, хотят узнать больше о взрослой жизни, им важно казаться взрослее в глазах сверстников. В этой возрастной группе среди интересов чаще упоминались более серьезные темы – например, политика. Для них личный заработок и управление первыми деньгами – это еще один шаг в самостоятельную взрослую жизнь. Потребительское поведение в этом возрасте играет важную роль в социализации, так как в первую очередь связано с общением со сверстниками – коллективные развлечения, походы в кафе и кинотеатры.

В возрасте 16-17 лет учеба занимает большую часть времени. Из-за нагрузки в последних классах школы, подготовки к выпускным и вступительным экзаменам финансовая самостоятельность отходит на задний план. Их кумирами зачастую становятся не только выдуманные персонажи, но и реальные люди – известные блогеры, музыканты и актеры.

К 18-22 годам среди любимых героев, как правило, упоминаются только реальные личности, добившиеся популярности (известные актеры, режиссеры, музыканты) или финансового успеха (предприниматели). Представители этой возрастной группы стремятся минимально зависеть от родителей, в том числе финансово (особенно молодые люди). В первую очередь это проявляется в потреблении – путешествия, спортивный инвентарь (велосипед, сноуборд), активная культурная жизнь (посещение выставок, кинотеатров). Многие имеют четкие представления о своем будущем, стремятся к самосовершенствованию в выбранной области.

Во всех возрастных группах на первое место респонденты ставят ценность профессиональной самореализации – им важно «найти себя», состояться в учебе, трудоустроиться в привлекательной области, чтобы заниматься любимым делом. В работе подчеркивается альтруистический компонент – она должна приносить не только личную выгоду, но и быть полезной для общества в целом, приносить пользу другим: «Очень хочется сделать что-то, что затронет струны души каждого человека, оставит какой-то осадок после просмотра, заставит задуматься» (Екатеринбург, 18-22, жен.).

Гуманистические ценности упоминаются только в младшей возрастной группе: «Для меня важнее всего лишь одна вещь, чтобы не было войны, чтобы всегда и во всем было взаимопонимание» (Москва, 12-13, жен.).

Финансовая независимость ставится всеми респондентами на второе место. В ней можно выделить два аспекта: независимость материальная и личная. В материальной независимости молодежь видит возможность полностью обеспечивать себя и оказывать финансовую помощь родственникам. Аспект личной независимости хорошо иллюстрирует высказывание респондента: «Самое важное в жизни – быть самим собой, а не подстраиваться под всех, быть честным перед собой и окружающими людьми» (Москва, 18-22, муж.). Таким образом, индивидуальные финансовые ресурсы интерпретируются как базовое основание для любого независимого (но просоциального) поведения личности.

Для всех групп «12-13 лет» и группы «14-17 лет» из Екатеринбурга важной ценностью является благополучие близких, крепкие семейные связи и успешное создание собственной семьи в будущем: «Главное в жизни – это семья: сначала та, в которой ты родился, а потом – которую создаешь сам. Все остальное не имеет особого значения» (Екатеринбург, 16-17, муж.). Особенностью семей участников из Екатеринбурга является более сильная опека родителей – дети больше времени проводят с семьей и близкими родственниками. Это проявляется и в более взрослой группе «18-22 года», представители которой реже работают и больше зависят от родителей финансово, чем ровесники из Москвы.

Респонденты в возрасте 14-17 лет также упоминают важность поддержки друзей, наличие постоянных друзей с общими интересами и сверстников, которым можно доверять.

Деньги не упоминаются среди важных жизненных ценностей, но фигурируют как средство для осуществления идей и планов: «Деньги – возможности, перспективы, развитие» (Екатеринбург, 16-17, жен.). Во всех возрастных группах респонденты признают, что наличие денег, возможность их тратить и особенно – зарабатывать – это индикатор взросления и независимости.

Личные деньги молодежь тратит достаточно разнообразно. В основном это мелкое развлекательное потребление, транспорт и связь: «Обычно я трачу карманные деньги на какие-то перекусы после школы, типа шоколадки или воды, или для похода с друзьями в кино» (Екатеринбург, 12-13, жен.). Тем не менее, упоминается и финансовая помощь другим: «Блин, как же классно было один раз, я подарил бабушке денег, а она купила и себе, и кошке бездомной еды. 1000 рублей пошли не просто так: и кошка поела, и бабушка не голодная» (Москва, 14-15, муж.).

Сберегательное поведение пользуется большим одобрением во всех возрастных группах. Накопление – это один из немногих способов собрать крупную сумму денег, распоряжение которой придает респондентам ощущение взрослости: «Всегда коплю деньги, чтобы потом их тратить на что-то, что очень давно хотела приобрести. Отношусь к ним экономно, каждую покупку обдумываю» (Екатеринбург, 14-15, жен.). По мнению респондентов, способность копить деньги также свидетельствует о высокой самодисциплине как положительном качестве, которое необходимо развивать. Многие участники видят в собственных накоплениях проявление заботы о близких – это возможность не просить у родителей деньги, и не «нагружать» семейный бюджет.

Для всех групп младше 18 лет карманные деньги, которые выдают родители, являются основным источником средств. Как правило, этих денег хватает на повседневные расходы – еду и проезд: «Мне дают карманные деньги в зависимости от того когда мне нужно, ну

обычно дают не большую сумму 1-3 раза в неделю. Трату обычно на проезд, еду, или развлечение походы с друзьями в кафе или в кино. На все в принципе хватает» (Екатеринбург, 14-15, муж.). По мнению детей, их родители редко следят, на что тратятся выданные деньги.

В ходе дискуссии во всех возрастных группах отмечается важность самостоятельного заработка денег. Все либо подрабатывают, либо планируют в ближайшем будущем, как только появится свободное от учебы время или позволит возраст. Тем не менее, работа является не только источником финансовой независимости. Она должна вдохновлять, приносить удовольствие и не быть «обязаловкой». Работа воспринимается как возможность быть полезным, нужным, приносить пользу другим: «Я хотела бы зарабатывать самостоятельно, потому что не хочу зависеть от кого-то. Может, даже помогать родителям деньгами... Я хорошо рисую и думаю стать художником. Идеальным способом заработка стало бы рисование на заказ через интернет» (Москва, 12-13, жен.).

Инициатива найти подработку, как и рассказать о своих тратах родителям, чаще исходит от самих детей. Самостоятельный заработок не стимулируется родителями, но иногда одобряется постфактум: «Зарабатываю деньги, раздавая газеты. Мне нравится, неплохо платят. Родители относятся только положительно и интересуются, сколько зарабатываю, чтобы похвалить и порадоваться за первый заработок» (Екатеринбург, 14-15, муж.). При этом со слов респондентов из Екатеринбурга в группе «16-17 лет» и части группы «18-22 года» их родители считают, что даже временная работа отвлекает ребенка от более важного занятия – учебы. В Москве практически все представители группы «18-22 года» либо официально трудоустроены, либо регулярно занимаются фрилансом (фотографы, аниматоры), совмещая работу с учебой.

Наше исследование показало, что интерес к финансовому поведению проявляется в 14-15 лет – в «переходном» возрасте, в котором подросткам важно почувствовать себя взрослыми, в том числе с помощью таких атрибутов взрослой жизни, как финансовые продукты и услуги. К примеру, получение паспорта позволяет ребенку завести собственную банковскую карту. В этом возрасте основным источником средств обычно выступают карманные деньги, которые выдают родители, но возможность самостоятельно распоряжаться ими – тратить или копить для себя или для других – вероятно является важным этапом финансовой и экономической социализации. В качестве гипотез можно высказать предположения о связи регулярного поступления карманных денег, использования личной банковской карты и финансовой грамотности ребенка.

Вторая волна интереса наблюдается в возрасте 18-22 года, который становится для многих началом самостоятельной жизни: трудоустройство, планирование бюджета, поиск выгодных финансовых предложений. Несмотря на декларируемую респондентами ценность финансовой независимости, часть родителей не поощряет даже временную подработку для своих детей в этом возрасте. Поэтому для данного этапа нам кажется важной гипотеза о связи детско-родительских отношений и трудоустройства ребенка с его финансовой грамотностью.

Несмотря на методическую сложность опросов подростков и «чувствительность» такой темы, как деньги и финансовые траты, нам удалось получить картину ценностей и установок современной молодежи из крупных городов России, которая характеризует их финансовое поведение сейчас и потенциально во взрослой жизни в ближайшем будущем.

Список использованных источников:

1. Перечень мероприятий Министерства образования и науки Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации в области повышения финансовой грамотности обучающихся образовательных организаций в Российской Федерации на 2017-2021 годы. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/19092/map_2017-04-13.pdf

2. Фоломеева Т. В., Шурыгина Ю. С. О потребительской социализации детей и подростков // Психология в экономике и управлении. — 2014. — № 1. — С. 20–24.
3. Danes S.M. Parental perceptions of children's financial socialization. *Financial Counseling and Planning*, 1994, 5. P. 127-149
4. Mediascope Web Index. 2018, 7. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://mediascope.net/services/media/media-audience/internet/information>
5. Worthy S.L., Jonkman J., Blinn-Pike L. Sensation-seeking, risk-taking, and problematic financial behaviors of college students. *Journal of Family and Economic Issues*, 2010, 31. P. 161-170

Гридяева Людмила Николаевна
доцент кафедры практической психологии, кандидат психологических наук
Воронежский государственный педагогический университет
394035 г. Воронеж , переулок Ореховый д.6, кв.2
E-mail:lgridyaeva@yandex.ru

Манжурина Анастасия Александровна
магистрант кафедры практической психологии Воронежского государственного
педагогического университета
396900 г. Семилуки, Транспортная 2а, 119
E-mail:blondy_27@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ САМООЦЕНКИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РАЗНОЙ СИБЛИНГОВОЙ ПОЗИЦИЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается проблема влияния сиблинговой позиции на формирование самооценки детей дошкольного возраста. Доказано, что существует зависимость самооценки от сиблинговой позиции, а именно, что отсутствие сиблингов у ребенка дошкольного возраста чаще всего способствует формированию завышенной самооценки.

Ключевые слова: сиблинг, сиблинговая позиция, дошкольный возраст, дошкольники, самооценка.

Gridaeva Lyudmila Nikolaevna
associate Professor of practical psychology, candidate of psychological Sciences
Voronezh state pedagogical University
394035 g. Voronezh, Orexovyi 6,2
E-mail:lgridyaeva@yandex.ru

Manzhurina Anastasia Alexandrovna
master's student of the Department of practical psychology of the Voronezh state pedagogical
University
396900 g. Semiluki, Transportnaya 2A, 119
E-mail:blondy_27@mail.ru

FEATURES SELF-ASSESSMENT OF PRESCHOOL CHILDREN WITH DIFFERENT SIBLING POSITION

Annotation. The article deals with the problem of sibling position influence on the formation of self-esteem of preschool children. It is proved that there is a dependence of self-esteem on sibling position, namely, that the absence of sibling in a child of preschool age most often contributes to the formation of high self-esteem.

Key words: sibling, sibling position, preschool age, preschoolers, self-assessment.

В современном мире растет роль общественно значимой и активности личности, что предполагает ее высокую ответственность и сознательность как по отношению к себе, так и к другим людям. Именно поэтому сейчас как никогда актуальна тема формирования самооценки дошкольника, ведь все основы закладываются именно в этом возрасте.

Место самооценки в развитии личности, приобретении ей общественного опыта и определении своего места в системе социальных взаимоотношений рассматривается рядом психологов. Формирование самооценки совершается в процессе социализации. Это управляемый процесс, установленный постоянным получением общественного навыка в обстоятельствах расширения диапазона деятельности и общения. В рамках изучения самосознания самооценке отводится основная роль. Самооценка считается системообразующим ядром особенности личности, что во многом определяет актуальные позиции человека, степень его требований, целую концепцию оценок. Она объясняет динамику и направленность формирования личности.

Самооценки ребенка дошкольного возраста имеет свои отличительные особенности, а также на ее формирование оказывают влияние различные факторы. Рассмотрим некоторые из них.

Л.И. Божович определяет самооценку как психическое новообразование дошкольного возраста, важное звено мотивационно - потребностной сферы личности детей. Она считает, что каждый ребенок дошкольного возраста стремится стать таким, каким его видят взрослые в его окружении: его родители, воспитатели. А это показывает важность социального мнения, социальной среды, социального окружения [3].

Е.А. Масловой было отмечено, что в дошкольном возрасте самооценка носит эмоциональный характер. Так, на максимально насыщенную положительную самооценку влияют те люди, к которым дошкольник чувствует симпатию, любовь, доверие. В отличие от младших дошкольников, старшие больше подвергают оценке внутренний мир находящихся вокруг взрослых, дают им наиболее глубокую и дифференцированную оценку [7].

И.И. Чеснокова определила, на самооценку детей также оказывает влияние статус, положение детей в группе. Так, к примеру, тенденцию к переоценке больше замечают «непопулярные» ребята, чей авторитет в группе низок; недооценку - «популярные», эмоциональное самочувствие которых довольно хорошее [9].

Отношение детей к деятельности также влияет на самооценку дошкольников. Наиболее подходящими, для формирования динамической самооценки у старших дошкольников считаются такие виды деятельности, которые связаны с конкретной установкой на итог и где этот результат выступает в форме, которая доступна оценке детей.

М.И. Лисина выделяет следующие уровни самооценки: высокий, средний, низкий. Индивид, обладающий высокой самооценкой, в целом чувствует себе хорошим и, как правило, верит в свою благополучность. Его цели обширны, планки возвышенны, планы масштабны. Ресурсы отвечают целям: ответственность не пугает, предпринятые усилия оправдываются вознаграждением, а уверенность в успехе дает возможность не обращать внимание на кратковременные неудачи и ошибки. Небольшая самокритичность и некоторая небрежность к другим людям - одно из следствий оптимизма и предприимчивости. Ребенку с высокой самооценкой легче находиться в коллективе. Он не боится показаться забавным либо сделать глупость. Он не слишком критично относится к собственным поступкам, по этой причине и совершает их. Ему проще учиться: он убежден в собственных силах, поэтому проблемы вызывают азарт и интерес если они сложные, и скуку - если они простые либо неинтересные. Но даже самые сложные не вызовут у него страх либо тревогу. Если планка для достижений возвышенна, а уверенность в успехе велика, значит, индивид оценивает себя в целом положительно. Результат - активность, продуктивность, собственное отношение к происходящему [6].

Сейчас интерес психологов активно направлен на сиблинговую проблематику, одной из главных тем которых уделяется роли сиблинговой позиции, под которой понимается место ребенка среди братьев и сестер и ее влияние на самооценку сиблингов. Сиблинговая позиция – это стратегии поведения индивида по отношению к его братьям и/или сестрам, а также позицию среди них [4].

Изучение психологического феномена влияния режима появления на свет, сиблинговой позиции на формирование ребенка в современной психологии считается важным и

теоретически значимым, отвечает общественной потребности разрешения основных вопросов развития взрослой гармонично развитой личности и оптимизации системы семейного воспитания.

Само по себе присутствие сиблинга в семье, считается значимым фактором, оказывающим большое влияние на психологическое формирование ребенка. Как в отечественной, так и зарубежной психологии сиблинговые взаимоотношения, оказывающие воздействие на жизненный процесс детей раскрываются через следующие ролевые позиции: единственный ребенок, старший ребенок в семье, младший ребенок в семье. Сиблинги учат друг друга как реализовывать близкие отношения с ровесниками. Дальнейшая жизнедеятельность, такая как дружеские отношения, выбор супруга, а также родительский стиль очень зависят от навыка, приобретенного сиблингом в дошкольном возрасте. Особый интерес представляет модель отношений и взаимодействия сиблингов в семье, определяемая системой их появления на свет, особенностями отношения родителей и сформировавшимися под воздействием порядка появления на свет индивидуальными особенностями самого ребенка. Но в целом вопросы данной сферы изучены недостаточно [2].

Г.Т. Хоментаскас выделяет следующие основные сиблинговые позиции: первый ребёнок, второй ребёнок и средний ребёнок, младший ребёнок, единственный ребенок. Рассмотрим каждую из них подробнее [8].

Первый ребёнок появляется в семье, еще недостаточно готовой к детям, что считается фактором нерешительности, тревожности и непоследовательности родителей в воспитании. В дальнейшем старшие дети воспринимают родителей как людей непостоянных и по этой причине меньше склонны раскрывать собственные эмоции. Первенец практически постоянно болезненно испытывает собственное ниспровержение. Он может лишиться чувства защищенности, чувствовать волнение, желание уберечь себя. Стремясь сбросить собственную власть различными способами, он начинает конкурировать с младшим за внимание родителей и ревновать. Особенно ревнивыми становятся те ребята, которые до возникновения младшего ребёнка пользовались особенной симпатией старших. В результате первенцы становятся жесткими и авторитарными. Старшие дети демонстрируют превосходство во всех областях жизнедеятельности, и в этом отношении они часто превосходят по авторитету родителей для младших сиблингов. В большинстве семей старший ребенок становится вожаком младшего, направляющим его круг интересов и становление. При рождении второго ребёнка в семье, в том числе и те дети, которые с нетерпением его ждали, могут ощутить себя позабытыми, отверженными, возникает ревность, что ведет к поиску новейших конфигураций поведения в семье. Первенцы могут присоединиться к миру взрослых, преодолеть самолюбие, принять себя в более взрослых методах общения с родителями.

Что касается второго и третьего ребенка, то можно отметить, что он еще до появления на свет растет в более спокойной обстановке, чем первый, по причине того, что у родителей уже имеется определенный опыт. Но у второго и третьего ребенка уже имеется руководитель, развивающийся с опережением и служащий ему образцом. А значит, средний ребенок будет стремиться достичь и опередить первого. Второй ребёнок, в зависимости от дальнейшего развития семьи, может стать младшим или средним. И важно отметить, что именно позиция среднего ребёнка более трудна. Он как бы расположен между старшим и младшим ребенком с одной стороны, а с другой стороны он ограничен ими, ведь старший сиблинг более сильный и способный, но у конкуррировать с младшим он также не может, ведь он не имеет ту же непосредственность, очаровательность. Он в один и тот же период считается старшим и младшим, и именно по этой причине он часто затрудняется в самоопределении и формировании отчетливой личности. Однако, средние дети в основном обладают податливым характером и в будущем смогут вести дела с различными людьми, так как в детстве будут подстраиваться и под старших и под младших сиблингов [5].

О младшем ребёнке можно отметить, что он может быть похож на среднего сиблинга тем, что он энергичен и стремится опередить других. Но ему зачастую не достаточно

смелости соревноваться до победы, и тогда он предпочитает пойти по собственному пути, который отличается от членов семьи. На личность младшего ребёнка оказывает влияние стабильность психологического отношения родителей к нему, поэтому младший ребенок растет более уверенным в своем будущем. Для всей семьи младший sibling оказывается малышом, и зачастую даже в старости не прекращает казаться маленьким. Младшему уделяют большое количество внимания, поскольку все другие члены семьи ощущают некоторую ответственность за него. Привыкнув быть в семье маленьким, он понимает, что быть агрессивным нежелательно, и формирует манипулятивный подход достижения ожидаемого, или демонстративно обижаясь, или стараясь очаровать. Несмотря на собственное стремление к бунту вопреки авторитетов, младший sibling скорее станет последователем, нежели лидером, и сумеет с легкостью угождать лидеру, который ему приглянулся. В основном меньший ребёнок остается зависимым от других, в том числе и если бунтует против законов. Младший sibling, к которому хорошо относились в раннем возрасте, как правило легок в общении и востребован в кругу друзей, если же нет, то он будет застенчивым, раздражительным и робким. Так, в отношениях старших и младших siblings существует определенная закономерность: чем больше разрыв в возрасте, тем меньше проявляются конкурентные отношения, и, наоборот [8].

Отмечая siblingовую позицию единственного ребенка, то психологи сходятся в том, что их самооценка является неверной. Подобные ребята склонны рассматривать себя уникальными, важными, видеть себя выше других. Дефицит близкого общения с siblings приводит к тому, что единственным siblingам сложнее контактировать с ровесниками, в их речи большое количество терминов, взрослых выражений, не понятным им самим. Так как единственный ребенок не привык к близкому общению с другими, он зачастую не понимает, как вести себя в тех или иных ситуациях. Он с трудом принимает и осознает хорошие перемены настроения. Он не привык к считаться с мнением других индивидов, и потому в течение жизни ему приятнее ощущать себя в одиночестве. Такие дети при общении демонстрируют свою значимость, величество, в виду отсутствия другого опыта, ведь для родителей они чаще всего являются идеалом и целью для любви и заботы. А. Адлер считает, что так как единственный sibling в детстве был центром интереса и внимания, то и во взрослой жизни он будет стремиться занимать то же положение, что не всегда осуществими. Его балуют в течении всего дошкольного возраста, он не приспособлен к проблемам, к самостоятельному решению трудностей. В зрелой жизни он постоянно ищет помощи от других людей, так как привык получать ее от родителей и без неё ощущает себе неуверенно [1].

Нами было проведено исследование, с целью доказать, что самооценка siblingа единственного ребенка отличается, и будет выше, того, кто имеет siblings. В нашем исследовании приняли участие 60 детей дошкольного возраста из подготовительных групп. Так, была использована методика самооценки «Дерево» (Л.П. Пономаренко).

В ходе анализа результатов было выявлено, что у большинства единственных siblings выявлен высокий уровень самооценки – 60%. При выборе человечков дети выбирали высокое положение на дереве или же тех, чья деятельность направлена на развлечение, также среди них прослеживалось влечение к общительности и нацеленности на дружескую поддержку. Отмечая средний уровень, мы видим, что он проявился у 30% дошкольников. Такие дети выбирали крайне противоречивые позиции детей. Выбирая комфортное положение человечка на дереве в первом случае, они стремятся к мотивации на развлечения, а некоторые даже на отстраненность и уход в себя. Что касается низкого уровня, то он выявлен также у 10%. Данные дети замкнуты и тревожны на данный момент, а стремятся к дружескому общению, а также рассчитывают поддержку со стороны взрослых и сверстников.

Что касается детей, которые имеют siblings, то результаты среди них были выделены следующие. Так, высокий уровень самооценки выделен у 45%. Многие дети так же выбирали

высокое положение человечков на дереве. Средний уровень отмечен у 40% детей, имеющих сиблингов. А низкий уровень выявлен у 15% испытуемых.

В целом, по проведенному исследованию можно сделать вывод, что самооценка сиблинга единственного ребенка отличается, является выше, того, кто имеет сиблингов, что подтверждает нашу цель.

Однако, как было отмечено в теоретической части, адекватная самооценка влияет на дальнейшее формирование и развитие личности ребенка, она оставляет отпечаток на всей его жизнедеятельности. Именно поэтому важно проводить работу в дошкольных учреждениях по оптимизации самооценки детей. Сам процесс оптимизации будет функционировать только при правильной организации. А для этого нужно разработать систему работы. Так, на первом этапе важно выявить имеющиеся уровни развития самооценки дошкольников, как единственных сиблингов, так и имеющих братьев или сестер. На втором этапе провести работу по оптимизации самооценки при помощи развивающих занятий у тех сиблингов, у которых были выявлен недостаточный уровень развития самооценки. На данном этапе можно использовать игровую деятельность, как ведущую для данного возраста. Ведь самооценка, которая формируется в игровой деятельности, подразумевает формирование у детей возможности оценивать по достоинству партнеров в игре, взаимодействовать с ними, обсуждать с ними свои действия, быть доброжелательным, проявлять необходимую поддержку, прислушиваться к мнению других, не ограничивать их прав. Для того чтобы это нравственное поведение было характерно старшим дошкольникам необходимо: во-первых, вооружить их концепцией критериев, по которым расценивается тот либо другой участник игры; во-вторых обучить оперировать данными критериями, а именно самостоятельно использовать их по взаимоотношению к себе и другим. С целью решения данных вопросов педагог и психолог должен умело применять психологический механизм влияния игровой группы на личность отдельного ребенка. На третьем, заключительном этапе, важно провести повторную диагностику для выявления изменений, после проведенной развивающей работы. Помимо развивающих занятий педагогами, при поддержке психологов, может быть создана предметно-развивающая пространственная среда, которая способствовала бы развитию таких качеств как: рефлексивность, реалистичность, умение производить самоанализ.

По нашему мнению, именно такая комплексная работа позволит психологам отслеживать и вовремя помогать детям оптимизировать их самооценку. Ведь к окончанию дошкольного возраста соотношение психологического и когнитивного компонентов самооценки гармонизируется, формируются подходящие условия для интеллектуализации взаимоотношения детей к себе, преодоления непосредственного воздействия на его самооценку со стороны взрослых. А самооценка, сформированная в дошкольном возрасте, оказывает большое влияние на развитие стиля действия и жизненный процесс человека.

Список использованных источников:

1. Адлер, А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / А. Адлер. – Ростов–на–Дону: Феникс, 2008. – 448 с.
2. Алексеева, О.С. Порядок рождения и когнитивное развитие сиблингов / О.С. Алексеева // Психологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 21–27.
3. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – СПб: Питер, 2008. – 399 с.
4. Зырянова, Н.М. Ранние сиблинговые исследования / Н.М. Зырянова // Психологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 38–56.
5. Козлова, Л. Е., Лукьянченко Н. В. Влияние сиблинговой позиции детства на характеристики семейной жизни взрослого человека /Л.Е. Козлова, Н.В. Лукьянченко. – Красноярск: Боргес, 2014. – С. 14 – 15.
6. Лисина, М.И. Общение, личность и психика ребенка / М.И. Лисина. – М.: МПСИ, 2011. – 384 с.

7. Маслоva Е.А. Психологическая природа самооценки / Е.А. Маслоva. – М.: Феникс, 2010. – С.5-25.
8. Хоментausкас Г. Т. Семья глазами ребенка / Г.Т. Хоментausкас. - М.: Педагогика, 1989. -160 с.
9. Чеснокова, И.И. Проблема самосознания в психологии / И.И. Чеснокова. – М.: Наука, 2010. – 144 с.

Бурменская Галина Васильевна
кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
доцент кафедры возрастной психологии
Москва, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: burmenska@list.ru

Коврижкина Мария Андреевна
магистрант кафедры возрастной психологии
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Москва, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: kovrizhkina.maria@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИНСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ НА АФФЕКТИВНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования характерных для матерей способов реагирования на аффективные проявления у детей дошкольного возраста в эмоциогенных ситуациях (фрустрирующих или конфликтных). Способы реагирования матерей (наказание, утешение, разрешение проблемы, поощрение эмоций, обесценивание и др.) проанализированы с точки зрения фактора эмоционального принятия / отвержения ребенка, а также общего стиля детско-родительского взаимодействия в процессе семейного воспитания. Устойчиво предпочитаемые матерями способы совладания с негативными эмоциями у детей могут иметь существенное диагностическое значение в практике консультирования по вопросам детско-родительских отношений.

Ключевые слова: аффективные реакции у детей, детско-родительское взаимодействие, родительский копинг, принятие/отвержение.

Burmenskaya Galina Vasilyevna
Ph. D. (Psychology), Associate Professor,
Lomonosov Moscow State University,
Associate Professor at the Department of Developmental Psychology,
Moscow, 125009, Mokhovaya st., 11, 9
E-mail: burmenska@list.ru

Kovrizhkina Maria Andreevna
undergraduate at the Department of Developmental Psychology,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 125009, Mokhovaya str., 11, 9
E-mail: kovrizhkina.maria@yandex.ru

MATERNAL RESPONSES TO AFFECTIVE SYMPTOMS IN PRESCHOOL CHILDREN

Abstract. The article presents the results of an empirical study of typical maternal responses to affective symptoms in preschool children in emotional situations (frustrating or conflict). Methods of mothers' response (punishment, consolation, problem resolution, encouragement of emotions, devaluation, etc.) are analysed in connection to the factor of emotional acceptance-rejection of the child, as well as the general style of their interaction in the process of family

education. Steadily preferred by parents ways of coping with negative emotions in children can have significant diagnostic value and can be successfully used in practice.

Key words: affective reactions in children, parent-child interaction, parental coping, acceptance / rejection.

В жизни любой семьи, имеющей маленьких детей, регулярно возникают ситуации, когда родители должны оперативно отреагировать на негативные эмоциональные вспышки у детей, возникающие по самым разным поводам. В силу естественной возрастной незрелости дошкольники часто оказываются в ситуациях, когда им что-то запрещают, в чем-то желанном отказывают или, наоборот, заставляют делать то, что им не хочется (например, соблюдать режим дня и т.д.). В ответ на все неприятные и, по сути, фрустрирующие обстоятельства у детей дошкольного возраста чаще всего возникает сильное огорчение, которое выражается в открытой и нередко бурной форме (плач, протест, гнев и др.), что в свою очередь требует неотложного реагирования со стороны родителей.

В психологическом плане взаимодействие родителя и ребенка в такого рода эмоциогенных ситуациях представляет значительный интерес. Во-первых, характер такого взаимодействия важен своими последствиями для эмоционально-личностного развития детей и, во-вторых, весьма показателен с точки зрения уровня родительской компетентности. Действительно, поскольку аффективные реакции возникают у детей в ситуациях высокой субъективной значимости, их частое присутствие в повседневной жизни детей раннего и дошкольного возраста придает им значительный стрессогенный потенциал. В случае использования родителями недостаточно адекватных и гибких способов совладания с детскими аффектами отдельные эмоциогенные ситуации могут наносить детям *микротравмы*, а их регулярное повторение – порождать затяжные переживания, создающие почву для развития хронических эмоциональных расстройств, образования внутренних конфликтов, снижения формирующейся самооценки и других форм психологического неблагополучия у детей.

Во-вторых, особенности реагирования матерей на негативные аффективные проявления у детей весьма показательны с точки зрения общего стиля семейного воспитания и конкретных особенностей детско-родительского взаимодействия. В ряде работ установлены значительные различия между родителями по их способам реагирования на негативные эмоциональные вспышки у маленьких детей. Одним из базовых психологических критериев для их различения может служить наличие либо отсутствие у родителей направленности на оказание ребенку поддержки в трудной для него ситуации, - это так называемые *поддерживающие* либо *подавляющие* способы реагирования [9]. Реакции родителей, психологически поддерживающие ребенка, помогают ему понять фрустрирующую ситуацию и так или иначе справиться с ней, а также способствуют пониманию ребенком собственного эмоционального переживания. Напротив, подавляющие реакции игнорируют эмоциональный опыт ребенка и сосредоточены на том, чтобы донести до сознания ребенка неприемлемость его поведения и возможность наказания. Особо подчеркивается деструктивное влияние запрета на выражение негативных эмоций, поскольку оно препятствует формированию у детей способности понимать свои чувства и адекватно выражать их в поведении.

Данная проблема традиционно затрагивается в исследованиях, посвященных детско-родительским отношениям и основам семейного воспитания [2, 3, 4, 8], однако она мало изучена с точки зрения особенностей современной практики, характерной для нынешнего поколения молодых родителей. Общие принципы гармоничного воспитания детей в семье ориентируют матерей и отцов на приоритет чуткого, принимающего и поддерживающего отношения к ребенку, но следование этим принципам на практике затруднительно для многих семей, о чем свидетельствует значительная распространенность разного рода нарушений детско-родительских отношений. Особо следует учесть, что ситуации аффективного реагирования детей в большинстве случаев и для самих родителей

оказываются весьма эмоциогенными, остро стрессовыми, что существенно затрудняет возможности рационального и позитивного, а не аффективного подхода к их разрешению.

В данном исследовании нас интересовало, во-первых, как в этих случаях поступают матери, т.е. каков спектр применяемых ими способов реагирования на эмоциональные вспышки у детей, и, во-вторых, как сказывается на поведении матерей в эмоциогенной ситуации с детьми дошкольного возраста фактор их общего эмоционального принятия/отвержения.

Изучение связи материнского поведения в эмоциогенной ситуации с фактором принятия/отвержения было обусловлено представлением о нем как о базовом, системообразующем факторе внутрисемейных отношений [1, 11]. В многочисленных исследованиях разных направлений показано, что для полноценного и гармоничного развития любой ребенок должен чувствовать эмоциональное принятие родителей, которое может проявляться в самых разных формах. Другие характеристики родительского отношения во многом являются производными от принятия / отвержения, хотя и сохраняют свое самостоятельное значение (например, способы контроля за поведением ребенка и др.). При этом ситуация, когда жизненно важная потребность ребенка в эмоциональном принятии не удовлетворяется и он встречает со стороны близких враждебное либо безразличное отношение, создает высокий риск разных форм психологического неблагополучия и эмоциональных расстройств. В условиях отвержения нарушается весь процесс нормативного развития, искажается формирование базовых личностных структур и качеств. Степень негативных последствий для развития ребенка находится в тесной зависимости от формы, частоты, тяжести и продолжительности эмоционального отвержения. Отвержение имеет четыре основные формы: 1) эмоциональная холодность, т.е. отсутствие позитивных эмоциональных проявлений; 2) враждебные и агрессивные действия или слова; 3) игнорирование ребенка, проявления безразличного и пренебрежительного отношения; 4) признаки общего неприятия, когда нелюбовь ощущается, несмотря на отсутствие прямо выражающих ее слов или действий. При этом следует признать, что ситуации, где ребенок ведет себя аффективно, могут объективно создавать повышенный риск проявлений отвергающего отношения со стороны родителей, так сказать провоцировать его.

Таким образом, целью данного исследования стало определение особенностей способов совладания (копинг-стратегий), применяемых матерями в ситуациях негативных аффективных проявлений у детей дошкольного возраста, а также выявление наиболее типичных реакций матерей на аффекты детей с точки зрения их эмоционального принятия/отвержения. Предполагалось, что характерные для матерей способы реагирования на аффективные проявления у детей в сложных или конфликтных ситуациях связаны с общим стилем их взаимодействия с ребенком в процессе воспитания (гипотеза 1). Дополнительно проверялось предположение о связи между способами реагирования матерей на негативные аффективные проявления у детей в ситуациях фрустрации или конфликта и типичными копинг-стратегиями матерей в стрессовых жизненных обстоятельствах за рамками детско-родительских отношений (гипотеза 2).

Характеристика выборки

В исследовании приняли участие 74 матери в возрасте от 21 года до 45 лет ($M=32,4$). Большинство матерей (76%) имели высшее образование, 80% состояли в оформленном браке, все проживали в г. Москва. Возраст детей составлял от 3 до 7 лет ($M=5,3$), среди них было 39 мальчиков и 35 девочек.

Методики

1. Опросник «Шкала способов совладания с негативными эмоциями у детей» Р. Фейбса, Н. Айзенберг [10].

2. Опросник "Взаимодействие родителя с ребенком" И.М. Марковской [6].

3. Методика "Копинг-поведение в стрессовых ситуациях" (адаптированный вариант методики Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера [цит. по: 5]).¹⁷

4. Опросник «Шкала социальной желательности» Кроуна-Марлоу¹⁸ [7].

Для оценивания способов действия матерей в ситуациях аффективного поведения дошкольников в исследовании использовалась методика «Шкала способов совладания с негативными эмоциями у детей» Р. Фейбса, Н. Айзенберг (Coping with children's negative emotions scale – CCNES, Fabes R.A., Eisenberg N.). Методика содержит краткое описание 12-ти ситуаций из повседневной жизни, в которых ребенок сталкивается с чем-то, что его расстраивает, вызывает у него сильное разочарование, злость или иные негативные эмоции. Примеры ситуаций: 1) ребенок злится, что не может пойти на праздник в гости к другу из-за внезапной болезни; 2) приятели по игре обозвали ребенка и он обижен до слез; 3) ребенок упал с велосипеда, сломал его и к тому же больно ударился и др. По поводу каждой из 12 ситуаций матерям предлагаются на выбор разные варианты реагирования, готовность применить которые она должна оценить по 7-балльной шкале. Авторы методики приводят шесть основных типов реагирования, которые, с их точки зрения, наиболее распространены в практике детско-родительского взаимодействия (далее последовательность перечисления типов соответствует методике Р. Фейбса, Н. Айзенберг).

1. *Реакция стресса и огорчения.* Например, мама признается, что испытывает «ужасную неловкость», очень расстраивается и т.д. Можно видеть, что в данном случае мать сосредоточена на собственных негативных эмоциях в ответ на плач или недовольство малыша, но при этом она не склонна (или не способна) оказать поддержку ребенку.

2. *Реакция угрозы наказанием или запретом.* Например, мама говорит, что «если ребенок не успокоится и не перестанет плакать, она сейчас же уведет его домой» или «больше никогда не возьмет его в гости» или «запретит кататься на велосипеде ...» и т.д. Этот тип реагирования выражает неодобрение поведения ребенка и угрозу родителя прибегнуть к наказанию (по крайней мере, лишением чего-либо значимого для ребенка) как способу контроля над аффективными проявлениями расстроенного ребенка для их прекращения; при таком типе реагирования матери зачастую теряют выдержку и терпение.

3. *Реакция поощрения эмоций.* Например, «Да, из-за этого можно и поплакать...», «Помогаю ребенку рассказать, что его так расстроило... выразить свою злость или обиду» и т.д. Приведенные высказывания отражают готовность родителя к тому, чтобы ребенок свободно выразил все свои эмоции; по сути, это признание правомерности такого поведения и даже поощрение малыша к открытому выражению своих чувств.

4. *Реакция, направленная на утешение ребенка и снятие негативных эмоций.* Например, родитель пытается отвлечь ребенка или развеселить, чтобы тот забыл о неприятном событии, или напоминает о чем-то интересном или забавном. Такого рода реагирование выражает стремление родителя прежде всего успокоить ребенка, снять его стресс и огорчение, привести в хорошее самочувствие.

5. *Реакция фокусирования на проблеме.* Например, родитель предлагает ребенку «придумать, что можно сделать в связи с поломкой велосипеда» или «каким образом пообщаться с друзьями, если болезнь не позволяет выходить из дома» и т.д. Реакция родителя здесь направлена на источник фрустрации ребенка и отражает его готовность помочь ребенку справиться с проблемой, которая его расстроила.

6. *Реакция обесценивания (буквально – минимизации)* отражает склонность родителя снизить в глазах ребенка серьезность ситуации, показать, что на нее не стоит так бурно реагировать. Фактически родитель пытается успокоить ребенка, призывая просто «не делать

¹⁷ В предварительном исследовании на отечественной выборке матерей проводилась апробация русскоязычной версии методики Р. Фейбса, Н. Айзенберг.

¹⁸ Результаты участниц исследования с высокими показателями по фактору социальной желательности были исключены из анализируемой базы данных.

из мухи слона» или убеждая, что «скоро все пройдет и ему станет лучше» или что «он слишком эмоционально реагирует».

Мы провели анализ приведенных выше типов родительского реагирования с точки зрения соответствия их психологического содержания родительскому *принятию* либо *отвержению*, которые рассматриваются как два полюса единого системообразующего фактора семейных взаимоотношений. Это позволило разделить их на две группы.

В *первую* группу вошли способы совладания с детскими эмоциями, в основе которых лежит эмоциональное *принятие* ребенка матерью:

- реакция *утешения*, которая помогает ребенку успокоиться, переключиться на что-то позитивное, служит проявлением заботы о ребенке и его принятию в форме прямой эмоциональной поддержки;

- реакция *фокусирования на проблеме*, направленная на содействие ребенку в том, чтобы устранить повод для огорчения, выражает принятие в форме оказания деловой, конкретной практической помощи;

- реакция *поощрения эмоций* отражает стремление родителей помочь выразить негативные переживания, чтобы освободиться от них, в основе такой стратегии лежит признание его права испытывать и выражать свои чувства.

К *второй* группе были отнесены три других типа реагирования на аффективные проявления у детей, выражающие скорее разные оттенки родительского *отвержения*:

- в случае реакции *стресса* и *огорчения* родитель оказывается сосредоточен на своих чувствах, что оборачивается для ребенка отсутствием необходимой поддержки и сопереживания, т.е. по сути отвержением, пусть и в пассивной его форме – игнорирования переживания ребенка;

- реакция *наказания* (или *угроза* наказать ребенка) выступает как способ жесткого контроля родителя над поведением ребенка и соответствует отвергающему отношению в форме враждебности/агрессии;

- реагируя *обесцениванием* проблемы, родитель по сути отказывается серьезно отнестись к переживаниям ребенка, т.е. проявляет отвержение в форме игнорирования или пренебрежительного отношения к эмоциональному состоянию ребенка.

Анализ надежности методики проводился на основе коэффициента α -Кронбаха в каждой из шести шкал опросника. Его значения варьировались в пределах от 0,783 до 0,894, что свидетельствовало о высокой надежности и пригодности полученных данных. В таблице 1 приведены показатели средних значений и стандартных отклонений по каждой шкале опросника. Они показывают, что в ситуации негативных эмоций у детей преобладают три стратегии поведения матерей. Самая распространенная реакция – *утешение* ребенка, попытки его успокоить, например, путем переключения внимания на что-то позитивное (тип 4). Близка к ней и реакция *поощрения выражения негативных эмоций* (тип 3), а также помощь ребенку найти способ преодоления огорчившей проблемы (тип 5). Существенно реже матери признают использование угрозы наказанием (наименее признаваемая реакция), а также обесценивание повода для огорчения ребенка (тип 6). Интересно, что сосредоточение на собственном стрессе и огорчении (тип 1) занимает среднее положение по частоте.

Таблица 1. Описательная статистика типов реагирования матерей на аффективное поведение детей (N = 74)

Тип реагирования		D	Минимум	Максимум
1. Реакция стресса и огорчения (у матери)	,26	94	1,00	5,67
2. Реакция угрозы наказанием	,06	,05	2,42	6,58

3. Реакция поощрения выражения эмоций	,30	,14	2,00	7,00
4. Реакция, направленная на утешение	,08	,27	1,00	5,58
5. Реакция фокусирования на проблеме	,12	53	2,00	4,42
6. Реакция обесценивания проблемы	,47	,49	1,00	8,75

Отметим, что частота использования указанных стратегий практически не обнаруживает зависимости от пола детей (различия между мальчиками и девочками не значимы), а также от их возраста (в пределах исследуемого диапазона от 3 до 7 лет). Таким образом, декларируемая матерями общая картина взаимодействия с детьми в стрессовой ситуации характеризуется использованием всего спектра возможных типов реагирования, хотя и с разной частотой (различия статистически значимы, Хи-квадрат 243,408 при $p=0,000$ по критерию Фридмана).

Анализ корреляционных связей между отдельными шкалами опросника (табл. 2) показывает ряд интересных закономерностей:

- тесные корреляции между *позитивными типами реагирования* матерей (1-3) подтверждают наличие в их основе общего эмоционального радикала, в качестве которого выступает *принятие* ребенка;

- чем сильнее у матерей *переживание стресса* и сосредоточение на собственном огорчении в ответ на плач и недовольство ребенка, тем менее они готовы его утешать и направить свои силы на поиск решения возникшей проблемы (отрицательные корреляции между 1-2-м и 4-м типами реагирования);

- матери, склонные *преуменьшать* значимость огорчившей ребенка проблемы и призывающие «не делать из мухи слона» (5-й тип реагирования – обесценивание), чаще всего одновременно готовы прибегать к наказанию (6-й тип) ребенка или угрозе им ($r=0,764$), т.е. стратегии реагирования, выражающие *отвержение* ребенка, часто применяются *вместе*, что может усиливать их негативное воздействие;

- 3-й тип реагирования, направленный на *поощрение* ребенка к выражению эмоций, показал одинаково значительные корреляции как с принимающими типами реагирования (утешение ребенка и поиск решения проблемы), так и с близкими к отвергающему типу реагирования (обесценивание и угроза наказанием); явная *смысловая неоднозначность* этой шкалы подтверждается также анализом конкретных утверждений, образующих данную шкалу опросника: например, предложение ребенку «поплакать, если ему так обидно» в зависимости от интонации матери может звучать и сочувственно, и отстраненно, и даже насмешливо, что, очевидно, следует учесть в целях дальнейшей доработки методики;

- использование *утешения* в одной ситуации не исключает того, что эти же матери в другой ситуации могут прибегать к угрозе наказанием, тем не менее сочетание двух противоположных по смыслу стратегий снятия аффективной реакции ребенка в репертуаре матерей мало характерно ($r=0,255$).

Таблица 2. Значимые интеркорреляции разных стратегий реагирования матерей ($N = 74$)¹⁹

Тип реагиро	Стратегии (способы)	1	2	3	4	5	6
-------------	---------------------	---	---	---	---	---	---

¹⁹ В таблице 2 исходная нумерация типов реагирования в методике Р. Фейбса и Н. Айзенберг изменена и соответствует здесь их разделению на две группы – с принимающим и отвергающим отношением матери к ребенку.

вания	реагирования						
ПРИНЯТИЕ	1. Реакция утешения	,000	0, 766**	0, 485**	- 0,308**	0, 363**	0, 255*
	2. Реакция поиска решения проблемы		1, 000	0, 634**	- 0,409**	0, 426**	0, 338**
	3. Реакция поощрения выражения эмоций			1, 000	- 0,143	0, 543**	0, 617**
ОТВЕРЖЕНИЕ	4. Реакция стресса и огорчения матери				1, 000	0, 045	0, 114
	5. Реакция обесценивания проблемы					1, 000	0, 764**
	6. Реакция угрозы наказанием						1, 000

** Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

* Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).

Интересно, что чем *моложе* были матери, тем активнее они использовали *обесценивание* и, наоборот, с возрастом этот тип реагирования встречался все реже ($r=-0,418$ при $p=0,000$). Близкая по смыслу, но менее выраженная по силе зависимость отмечалась также между *возрастом* матери и ее готовностью прибегать к *наказаниям*: с течением времени и, очевидно, по мере накопления родительского опыта и собственного личностного развития матери постепенно отказываются от жестких мер как средства снять у ребенка негативные эмоции ($r=-0,251$ при $p=0,031$).

Заметим, что сравнительный анализ результатов, полученных на отечественной выборке матерей и выборке из США [10], показал отсутствие принципиальных расхождений. При этом обнаружили как некоторые черты сходства, так и различия, которые, однако, легко укладывались в единую тенденцию: у российских матерей показатели по принимающим стратегиям совладания с эмоциями детей (утешение ребенка, поощрение к выражению эмоций и, особенно, прагматичная установка на поиск решения проблемы) были несколько ниже, а показатели отвергающих стратегий немного выше. Матери из российской выборки, в частности, чаще фиксировались на собственном стрессе и предлагали детям «не принимать близко к сердцу» проблему (обесценивание), однако общим было то, что склонность к угрозе наказанием в обеих выборках была наименее признаваемым способом.

В качестве следующего шага в исследовании проверялась связь предпочитаемых матерями способов реагирования на аффективные проявления у детей с характерным для них общим стилем взаимодействия с ребенком в процессе воспитания. С этой целью проводился анализ корреляций между степенью выраженности разных стратегий поведения матерей в ситуациях стресса у детей и параметрами детско-родительского взаимодействия на основе опросника И.М. Марковской (табл. 3).

Таблица 3. Значимые корреляции между стратегиями реагирования матерей на аффективные вспышки у детей и параметрами детско-родительского взаимодействия

Параметры взаимодействи	Стратегии реагирования матерей на аффективное поведение ребенка
----------------------------	--

я родитель- ребенок	на основе <i>принятия</i>			на основе <i>отвержения</i>		
	у теше- ние	фокуси- вание на проблеме	поощ- рение эмоц- ий	с тресс м атери	об- есце- ни вание	угроз а наказанием
Принятие		0,301	- 0,215*		- 0,337**	- 0,440**
Близость ребенка к матери					- 0,235*	
Удовлетворен- ность отношениями					- 0,288**	- 0,374**
Последователь- ность			- 0,298**		- 0,267*	- 0,360**
Тревожность за ребенка				0 ,207*		
Требовательно- сть			0,365 **			0,230 *
Конфронтация в семье			0,279 **	0 ,261*	0, 408**	0,417 **

** Корреляция значима на уровне 0.01.

* Корреляция значима на уровне 0.05.

Полученные данные позволили выявить интересную и психологически логичную картину внутренних взаимосвязей. Так, вполне определенные, хотя и умеренные по величине, обратные зависимости между принятием по опроснику ВРР и реагированием в форме обесценивания и угрозы наказанием подтвердили отчетливое наличие в последних отвергающего эмоционально-смыслового компонента. Наиболее выраженными связями с материнским принятием оказались отрицательные корреляции двух отвергающих стратегий – угрозы наказания и обесценивания повода для огорчения. Последние использовались тем чаще, чем меньше у матерей была удовлетворенность отношениями с детьми и последовательность в воспитании, а также чем меньше была эмоциональная близость к ним ребенка.

Заслуживают внимания также корреляционные связи угрозы применения наказания с повышенной требовательностью матерей, а также с такой проблемной характеристикой семейного воспитания, как конфронтация между родителями (последнее подтверждается и корреляцией со стрессом матерей). Напротив, чем более последовательны матери в своем воспитании ребенка, тем менее они склонны использовать такие отвергающие, по сути, способы взаимодействия, как угроза наказанием, обесценивание повода для негативных эмоций и поощрение выражения самих эмоций, переживаемых ребенком.

На последнем способе реагирования матерей, когда они поощряют ребенка к тому, чтобы «выплеснуть» свои эмоции в напряженной ситуации, следует остановиться особо. Содержательный анализ показал его эмоционально-смысловую неоднозначность, когда в зависимости от интонации, предложение матери ребенку «поплакать» или как-то иначе выразить свои чувства может приобретать прямо противоположный смысл – сочувственный или пренебрежительный по отношению к переживаниям ребенка. Результаты исследования показали, что данный тип реагирования имеет обратно пропорциональные связи с выраженностью материнского принятия и последовательности воспитания, при этом он востребован матерями с более высокой требовательностью и конфронтационной обстановкой в семье. Эти данные ставят поощрение ребенка к выражению эмоций в один ряд

с такими отвергающими стратегиями, как угроза наказанием и обесцениванием, а не с принимающими способами совладания с аффектами у детей.

Наконец, отсутствие ожидаемых, на первый взгляд, связей между показателями принятия и близости по опроснику ВРР, с одной стороны, и частотой предпочтения матерями принимающих стратегий (утешение и др.), с другой, можно объяснить специфичностью содержания данных шкал в опроснике ВРР, где принятие отражает скорее общую оценку матерью характера и других качеств ребенка, а близость ребенка к матери определяется на основе прямых самооценочных суждений самой матери (например «Думаю, что для него (нее) я самый близкий человек»), весьма подверженных влиянию фактора социальной желательности.

Вторая гипотеза касалась предполагаемой связи между характерными для матерей способами их реагирования на негативные аффективные проявления у детей и наиболее привычными для них общими копинг-стратегиями в стрессовых жизненных обстоятельствах за рамками общения с детьми. С этой целью участницам исследования предлагалось заполнить опросник Копинг-поведение в стрессовых ситуациях Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера, где выделяются три качественно разных вида стратегий совладания: стратегии, ориентированные на *решение проблемы* (проблемно-ориентированный копинг), способы действия, выражающие *эмоциональные переживания* (эмоционально-ориентированный копинг) и стратегии *избегания*, ухода от проблемы или отвлечения от нее. Примечательно, что корреляционный анализ полученных данных в целом показал мало связей, однако в двух аспектах они все же прослеживались: 1) между склонностью к эмоционально-ориентированному типу копинга и готовностью реагировать стрессом в ответ на отрицательные эмоциональные всплески у детей ($r=0,295$ при $p=0,005$) и 2) конструктивным (деловым) типом копинг-стратегий и реакцией фокусирования ребенка на решении проблемы, вызвавшей огорчение ($r=0,301$ при $p=0,009$).

Таким образом, определенное смысловое соответствие двух сравниваемых типов реагирования проявилось, хотя и в слабой степени. Предположительно, это можно объяснить специфичностью ситуаций ярко выраженных проявлений негативных эмоций у детей. В то же время очевидно, что не все виды стратегий совладания, привычно используемые женщинами в жизни, оказываются пригодными для их взаимодействия с ребенком, который находится в аффективном состоянии, например, это в полной мере относится к избегающей стратегии копинга, наименее адекватной ситуациям, когда маленький ребенок испытывает сильные переживания.

Выводы

1. Проведенное исследование показало конкретное *многообразие* способов реагирования матерей дошкольников на их аффективные проявления в конфликтных или фрустрирующих обстоятельствах, а также их существенное *эмоционально-смысловое различие*. Активно используемые матерями попытки *успокоить* и *утешить* ребенка, а также *поиск конструктивного разрешения* огорчившей его проблемы обнаруживают в своей основе эмоционально-принимающее отношение матери.

2. В отличие от названных типов реагирования в поведенческом репертуаре матерей нередко присутствуют и три других реакции – *обесценивание* эмоций ребенка, угроза *наказанием* и *фокусирование* матери на *собственном огорчении и стрессе*. Они отличаются эмоциональным отстранением и существенной недостаточностью с точки зрения поддержки и теплоты, что позволяет их характеризовать как формы *отвергающего* отношения к ребенку.

3. Психологическое различие способов поведения матерей в эмоциогенных ситуациях обнаружило их *внутренние связи с показателями гармоничных и дисгармоничных стилей детско-родительского взаимодействия* в рамках повседневного семейного воспитания. Матери с подлинно принимающим отношением к ребенку дошкольного возраста не склонны применять наказания или пренебрежительно относиться к эмоциональным всплескам детей (обесценивание), а в случае подобных аффективных реакций склонны утешить ребенка и

сосредоточить его внимание на совместном поиске выхода из неприятной ситуации. Не практикуют отвергающие способы совладания с эмоциями детей матери с последовательным подходом к воспитанию и удовлетворенные отношениями с ними.

4. Напротив, в *семьях с конфронтацией* между родителями по вопросам воспитания матери значимо чаще используют *угрозы наказанием* в адрес ребенка, *не склонны проявлять сочувствие* (реакция обесценивания), а также обнаруживают *собственную эмоциональную нестабильность и склонность к стрессу*. Косвенно исследование еще раз подтвердило системообразующую роль фактора принятия-отвержения [1].

5. Особенности поведения матерей в эмоциогенной для ребенка ситуации, оказались психологически весьма показательными. *Устойчиво предпочитаемые* родителями способы совладания с негативными эмоциями у детей могут иметь существенное *диагностическое* значение и успешно использоваться в консультативной практике. Важность задачи своевременного выявления признаков той или иной степени эмоционального отвержения ребенка со стороны матери обусловлена его прогностичностью как фактора высокого риска в отношении общего психического и, особенно, эмоционально-личностного и коммуникативного развития детей.

Список использованных источников:

1. Бурменская Г.В. Принятие-отвержение как фактор детско-родительских и сиблинговых взаимоотношений в детстве и взрослости // Мир психологии, 2018, № 1. С. 108 – 126.
2. Захарова Е. И. Исследование особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия / Е. И. Захарова // Журн. практ. психолога. — 1996. — № 6. — С. 96—104.
3. Ильина И.Ю. Аффективное поведение и его коррекция в младшем дошкольном возрасте: Дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 : М., 1996. - 161 с.
4. Кравцова Е.Е. Как помочь детям преодолеть трудности в поведении. - Минск, 1990. – 42 с.
5. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. - Кострома: Авантитул, 2007. — 60 с.
6. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. СПб.: Речь, 2005. – 150 с.
7. Методика диагностики самооценки мотивации и одобрения (Шкала лжи) Д. Марлоу и Д. Крауна // Практическая психодиагностика. Методики и тесты : учеб. пособие / ред. и сост. Д. Я. Райгородский. — Самара, 2001. — С. 635—636.
8. Родители и дети: Психология взаимоотношений / под ред. Е. А. Савиной, Е. О. Смирновой. — М. : Когито-Центр, 2003. – 230 с.
9. Eisenberg, N., Fabes, F. (1998). Prosocial development. In N. Eisenberg (Ed.), Handbook of Child Psychology, Volume 3: Social, Emotional and Personality Development (5th edn, pp. 701–778). Editor-in-Chief: W. Damon. New York: Wiley.
10. Fabes, R. A., Eisenberg, N., & Bernzweig, J. (1990). Coping with Children's Negative Emotions Scale (CCNES): Description and Scoring . Tempe, AZ: Arizona State University.
11. Rohner R.P. Introduction to Interpersonal Acceptance-Rejection Theory (IPARTheory) and Evidence // Online Readings in Psychology and Culture. — 2016. — 6(1) - [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1055>

Фоломеева Татьяна Владимировна

*Доцент, канд. психол. наук,
Доцент кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В.
Ломоносова
г. Москва, Мичуринский пр-т, д.11/2, кв. 154, 119192
tfolomeeva@gmail.com*

Федотова Светлана Владимировна

*канд. психол. наук,
Инженер кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В.
Ломоносова
г. Москва, Щербаковская ул. Д.55, кв. 49, 105187
fedotova-s@yandex.ru*

ДОМАШНЯЯ ТРАПЕЗА: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ И СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ²⁰

Аннотация. В статье приводится анализ социальных представлений о семейной и праздничной трапезе. Представлен установочный этап исследования, задача которого выявить структуру, эмоциональную оценку и связи между элементами представления. В исследовании приняло участие 49 человек, представители 15 семей различных поколений. В качестве методического инструментария для сбора и анализа данных применялась методика А.С. де Росса. Далее предполагается построение модели представлений с расширением выборки, а также проведение отдельного анализа представлений внутри и между семьями.

Ключевые слова: Социальные представления; Праздник; Семейная трапеза; Праздничная трапеза.

Foloveeva Tatyana V.

*Associate professor, PhD,
Associate professor of Faculty of Psychology, Lomonosov MSU
Mochurinskiy pr-t. 11/2-154, Moscow, 119192
tfolomeeva@gmail.com*

Fedotova Svetlana V.

*PhD,
Engineer of Faculty of Psychology, Lomonosov MSU
Shcherbakovskaya st. 55-49, Moscow, 105187
fedotova-s@yandex.ru*

DOMESTIC MEAL: COLLECTIVE MEMORY AND FAMILY TRADITIONS

Abstract. The article analyzes the social representations about family and festive meals. An introductory stage of the research is presented, the task of which is to reveal the structure, emotional weight and connections between the elements of the representation. The study involved 49 people, members of 15 families of different generations. As a methodological tool for the collection and analysis of data, the method of A.S. de Rossa was used. Further, it is proposed to construct a model

²⁰ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества»).

of representations with an extension of the sample, as well as conduct a separate analysis of representations within and between families.

Key words: Social representations; Fete; Family meal; Festive meal.

Проблема коллективной памяти все чаще становится объектом исследования ученых из различных областей научного знания. К данной проблематике в том числе обращаются для анализа культуры и ее феноменов в современном обществе [4, 7].

Я. Ассман выделяет две формы коллективной памяти – культурную и коммуникативную [2]. Культурная связывается с памятью народа и привязывается к конкретным моментам в прошлом. При этом данный вид памяти «сворачивается» в символическую форму, которая фиксируется в памяти народа и его членов. Коммуникативная память, в свою очередь, связана с воспоминаниями конкретных индивидов и их близких.

При этом различными авторами отмечается, что коллективная память часто транслируется и репрезентируется через праздники, значимые в культуре [1, 5]. Соответственно, изучение праздников может позволить выявить важные аспекты культурной памяти и психологические механизмы ее формирования. Изучение праздников чаще проводится этнографами, культурологами, социологами и даже философами [6, 9]. Тем не менее, данный феномен редко становится предметом анализа ученых психологов, что не умаляет значимость разработки данной области в психологии.

При этом, в качестве составной части праздника принято рассматривать процесс совместного принятия пищи. При этом принятие пищи и трапеза рассматривается не просто как обыденный акт приготовления и потребления еды, а в качестве символического индикатора культурного опыта и позиционирования в обществе, особенно традиционно значимого для роли женщины [8, 10, 13]. Кроме того, семейная трапеза рассматривается как место конфронтации поколений и способ проявления авторитета и силы со стороны родителей по отношению к детям, в противовес сложившемуся образу «семейной идиллии» [14]. Важно отметить, что авторами также отмечается недостаточная разработанность темы совместного принятия пищи в психологии и необходимость глубинного осмысления данного процесса [11, 13].

В связи со всем вышесказанным мы предполагаем, что изучение представлений о семейной и праздничной трапезе могут, с одной стороны, позволить выявить наиболее характерные элементы культурной и коммуникативной памяти, а с другой, определить основные направления различий данных феноменов.

Цель данной работы – выявить социальные представления о семейной и праздничной трапезе, а также провести сравнительный анализ данных конструктов.

Представляемое исследование является установочным этапом основного исследования форм репрезентации культурного и семейного опыта, которое имеет задачу проверить, в том числе, следующие *гипотезы*:

1. Понятие «Семейная трапеза» обладает большей эмоциональной нагрузкой в сравнении с праздничной трапезой.

2. Семейная трапеза репрезентирует нормы, принятые в семье респондента, праздничная трапеза отражает нормы, разделяемые в социальной группе:

а. Социальные представления о «Праздничной трапезе» более согласованы, в сравнении с представлениями о «Семейной трапезе», что проявляется в большом количестве общих связей в представлении.

б. Социальные представления о «Праздничной трапезе» содержат больше символических элементов, чем представления о «Семейной трапезе».

Объектом данного исследования выступает семейная и праздничная трапеза; *предметом* исследования – социальные представления о семейной и праздничной трапезе у москвичей разных возрастных групп.

Методический инструментарий

Для сбора данных была применена методика А.С. де Росса [12], позволяющая построить модель социальных представлений, проследить связи между компонентами, а также оценить эмоциональную нагрузку элементов. Задача респондентов была дать ассоциации на стимульные словосочетания – «Семейная трапеза» и «Праздничная трапеза», а также оценить свое отношение к ним (позитивное, негативное или нейтральное). На следующем этапе респонденты должны были привести слова на собственные ассоциации. Для обработки данных была применена методика П. Вержес [3], что позволило выделить ядро и периферию представлений.

Выборка

Для достижения поставленных целей и проверки сформулированных гипотез выборка формировалась по нескольким принципам: опрашивались близкие родственники (дети, родители), проживающие в городе Москва, получающие или имеющие высшее образование. Всего было опрошено 49 человек: 33 женщины и 16 мужчин, в возрасте от 14 до 67 лет ($m=33,8$; $sd=5,4$). Всего были опрошены представители 15 семей.

Анализ и интерпретация полученных результатов

Общая характеристика результатов. Было получено 196 ассоциаций первого уровня на словосочетание «Праздничная трапеза» и 217 – на стимул «Семейная трапеза». В качестве второго уровня ассоциаций было получено 403 слова на словосочетание «Праздничная трапеза» и 442 – для стимула «Семейная трапеза».

После первичной категоризации для словосочетания «Праздничная трапеза» было выделено 24 категории, которые покрывают 81,6% всех ассоциаций первого уровня. Для словосочетания «Семейная трапеза» было получено 32 категории, которые покрывают 82,4% всех ассоциаций. За категорию принималось упоминание слова тремя и более респондентами. Ряд ассоциаций объединялись в одну категорию по принципу общей тематики для удобства обработки данных (например, в категорию «Еда» включались такие слова, как: «Салат», «Мясо», «Сырники» и другие), тем не менее, при анализе данных отдельно обращено внимание на элементы категории.

Для категории «Праздничная трапеза» было получено 17,1% общих связей. В свою очередь для словосочетания «Семейная трапеза» было получено 12,9% таких связей. Под связью понимается упоминание слова в качестве раскрывающей ассоциации второго уровня.

Наконец, важно отметить, что для стимула «Праздничная трапеза» было получено 75,3% положительно и 4,1% отрицательно оцененных ассоциаций первого уровня, 71,7% положительных и 8,9% отрицательных слов для второго уровня. Далее, для словосочетания «Семейная трапеза» было выявлено 77,4% позитивных и 1,3% негативных оценок слов для первого уровня, 75,7% положительных и 6,9% отрицательных ассоциаций для второго уровня. Полученные данные на уровне тенденции говорят о более положительном содержании представления о семейной трапезе, чем о праздничной.

Анализ ядра и периферии социальных представлений.

В полученных представлениях, как о «Праздничной трапезе», так о «Семейной трапезе», можно выделить категории, общие для обоих представлений, которые характеризует тематику, связанную с совместным приемом пищи (категории «Еда», «Посуда», «Стол»), что является следствием общего слова «трапеза» для обоих словосочетаний.

Как видно из Таблицы 1 в ядро социальных представлений о Праздничной трапезе попали такие категории, как «Гости», «Семья», «Стол», «Праздник», «Люди», «Веселье» и «Еда». Из приведенных элементов наибольший интерес представляет категория «Еда». Уже в рамках первого уровня ассоциаций респонденты приводили виды еды, характерные для праздничного стола. Так, указывались, либо свойства таких блюд «вкусная, необычная еда», «деликатесы», «много еды» и другое, либо указывались конкретные блюда: «салат из

морепродуктов», «икра», «домашняя выпечка» и другое. При этом, если на первом уровне ассоциаций просто указывалось слово «Еда», то на втором уровне респонденты приводили конкретизирующие элементы. Среди прочего респонденты раскрывали данную категорию через такие ассоциации, как: «Оливье», «Салат с крабовыми палочками», «Торт», «Сладкое» и другие. При этом, ряд этих категорий приписывались в качестве ассоциаций второго уровня для отдельных видов праздников: «Оливье» для праздника «Нового года», «Торт» - для «Дня рождения». Соответственно, можно выделить ряд общих блюд, которые несут, скорее, символическую форму для представления о праздниках.

Таблица 1. Ядро и периферия социальных представлений о Праздничной трапезе

	<i>Ранг < 3</i>	<i>Ранг > 3</i>
<i>Частота</i> > 7	Гости (12; 2,2) Семья (10; 2,3) Стол (8; 2,3) Праздник 10; 2,4) Люди (нарядные) (11; 2,6) Веселье (11; 2,6) Еда (21; 2,8)	Подготовка (уборка, готовка) (8; 3,3) Друзья (8; 3,9)
<i>Частота</i> < 7	Радость (6; 1,8) Новый год (5; 2,7) Общение (4; 1,5) Елка (4; 1,5) Свечи (4; 2) Событие (4; 2)	Алкоголь (Вино, шампанское) (5; 4,2) Посуда (Фарфор, сервиз) (5; 5,2) Застолье (4; 3) День рождения (4; 3,3) Подарок (4; 3,5) Суета (4; 4)

Далее, категория «Стол», а также категория «Посуда», вошедшая во вторую периферическую систему, также уточняются через конкретные детали, выражающие идею неординарности и необычности такого события («Старый сервиз», «Фарфоровые чашки», «Большой стол» и другое). Кроме того, в ядре представлений приведены категории других людей, которые участвуют в совместном принятии пищи: «Гости», «Семья», «Люди (нарядные)». В первую периферическую систему попала категория «Друзья», которую также можно отнести к данной группе. Наконец, в ядре выделяется категория «Праздник» и «Веселье», которые передают атмосферу и эмоциональное переживание данного процесса.

В первой периферической системе, в первую очередь, интересно отметить категорию «Подготовка», в которую включались такие слова, как: «Уборка», «Готовка», «Закупки». Помимо данных слов, можно выделить ряд элементов, которые не включались в данную категорию, но имеют близкое значение - «Суета» и «Помощь» (категории второй периферической системы). Наличие данной группы говорит о некотором делении времени на две части: до мероприятия, которое необходимо для подготовки к нему, выполнению некоторого ритуала, и самого мероприятия, которое вызывает «Радость» и «Веселье». Данное предположение подтверждается наличием категории «Событие» в первой периферической системе, а также такими категориями как: «Ожидание» и «Предвкушение», что говорит о важности и эмоциональной нагруженности данного понятия. Кроме того, в представлении можно выделить два наиболее характерных мероприятия, к которым можно отнести данные переживания – «Новый год» (первая периферическая система) и «День рождения» (вторая периферическая система), а также два символических атрибута – «Елка» и «Свечи» (первая периферическая система).

В социальных представлениях о «Семейной трапезе» (Таблица 2) в ядро представлений также попали категории «Стол» и «Еда». Однако, в данном случае слово «стол», либо приводился без уточняющих характеристик, либо описывался словами «кухонный», «за

которым сидит семья» и другие. Кроме того, категория «Стол» раскрывалась на втором уровне ассоциаций через понятия «Стул» и «Мебель», что говорит о некоторой обыденности данного понятия. Это же замечание касается категории «Еда», по которой на втором уровне ассоциаций наблюдается большой разброс вариантов: «Сырники», «Сосиски», «Пицца», «Суп» и другие.

Таблица 2. Ядро и периферия социальных представлений о Семейной трапезе

	<i>Ранг < 3</i>	<i>Ранг > 3</i>
<i>Частота > 7</i>	Ужин (10; 1,9) Стол (13; 2,3) Семья (14; 2,3) Праздник (8; 2,3) Еда (22; 2,4) Выходной (8; 2,4)	Вечер (8; 3,6)
<i>Частота < 7</i>	Обед (6; 2) Уют (5; 2,3) Смех, улыбки (5; 2,7) Разговор (6; 2,8) Завтрак (4; 1,5) Любовь (4; 1,5) Понимание (4; 1,5) Обсуждение (4; 2)	Радость (5; 3) Традиция (5; 3) Светло (5; 3,3) Забота (4; 3,5) Мама (5; 4) Посуда (5; 5) Помощь (4; 5)

В качестве участников совместного принятия пищи в данном случае в представление попала только «Семья». Интересным фактом является наличие категории «Мама» в представлении в рамках первого уровня ассоциации, что может говорить о роли матери в приготовлении еды и подготовке такого мероприятия.

В социальном представлении о «Семейной трапезе» отчетливо выделяются категории времени: «Выходной» (ядро представлений), «Вечер» (первая периферическая система), а также категории, косвенно указывающие на время трапезы: «Ужин» (ядро представлений), «Обед» (первая периферическая система), «Завтрак» (первая периферическая система). Причем категория «Обед» 4 раза упоминалась с прилагательным «воскресный».

Следующая группа категорий, отраженная в представлении отражает сильную эмоциональную нагруженность данного понятия: «Радость», «Любовь», «Понимание», «Забота». Данные понятия могут отражать переживания, связанные с восприятием собственной семьи, что на уровне тенденции подтверждает нашу первую гипотезу.

Кроме того, приводятся категории, передающие атмосферу и ощущения такого принятия еды: «Уют», «Светло». Во вторую периферическую систему также попала категория «Смех, улыбки», что придает понятию еще большую позитивную коннотацию.

Наконец, в представлении во второй периферической системе присутствует категория «Традиция», что может говорить о некоторой преемственности и разделяемости внутри семьи подобного опыта.

Анализ отдельных элементов социальных представлений. В рамках второго уровня ассоциаций для представления о «Праздничной трапезе» было приведено 54 категории, покрывающие 63,8% всех ассоциаций; для словосочетания «Семейная трапеза» было выявлено 68 таких категорий, охватывающих 54% слов.

Для понятия «Семейная трапеза» наиболее популярными категориями второго уровня являются такие понятия, как: «Дети» (11) (как наиболее частое раскрытие категории «Семья» (6 респондентов)), «Вкусно» (10) («Еда» - 6, Обед - «5»), Праздник (8) («Еда» - 5). Наибольший интерес представляет категория «Вместе», которую привели 9 респондентов, данный элемент не имеет устойчивых связей с категориями первого уровня, однако он

является высокочастотным для представления, и является отражением важности идеи совместного проведения времени.

Для словосочетания «Праздничная трапеза» наиболее частыми категориями стали: «Еда» (17), в которую, как указывалось ранее, включались слова «Оливье», «Салаты», «Мясо» и другие; «Смех, улыбки» (13); Посуда (11); «Веселье» (10); «Музыка» (9) и другие. В данном случае особый интерес представляет категории «Ссора» (5) и «Иллюзия» (4), которые отражают негативные коннотации данного понятия, говорящие о некотором конфликте, содержащемся в представлении.

Для представления о «Семейной трапезе» в качестве негативных ассоциаций первого уровня приводятся такие элементы, как: «Сборище», «Много людей», «Показушность» и другие. Данные понятия также раскрываются через негативно оцененные слова: «Гул», «Дискомфорт», «Повод» и другие, что отражает отрицательное переживание шума и большого количества людей. Данное предположение подтверждается также другими ассоциациями второго уровня, которые были оценены как негативные: «Стресс», «Шум», «Злость», «Маска», «Избегание» и другие.

Данное наблюдение также справедливо для представления о «Праздничной трапезе», для которого приводились такие негативно оцененные категории первого уровня, как: «Много людей», «Официальный фуршет», «Гости». Кроме того, среди прочего в качестве негативной категории приводится элемент – «Приготовления», который раскрывается через слова «Уборка», «Закупка», «Суета» и другие. Кроме негативно оцененной категории второго уровня – «Шум», в рамках данной группы приводятся такие элементы, как: «Крик», «Нервы», «Спиртное», «Ответственность», «Толпа», «Холод», «Все реже» и другие. Все негативные категории можно разделить на три группы: негативные переживания, связанные с подготовкой к мероприятию; эмоции, вызываемые пребыванием среди людей; а также реакцией на уменьшение количества данных мероприятий.

Обсуждение данных

Анализируя социальные представления о семейной и праздничной трапезе, в первую очередь, важно отметить, яркую позитивную коннотацию представления о «Семейной трапезе», где подчеркивается идея понимания, любви, заботы и другое, тогда как, для праздничной трапезы выделяется только одна подобная категория – «Радость». В отличие от праздничной, семейная трапеза вызывает более положительные переживания, а также затрагивает сферу межличностных отношений, которая проявляется в категориях «Любовь», «Понимание» и «Забота». В то время, как представление о «Праздничной трапезе» больше представлены символическими компонентами – «Елка», «Свечи» и другое.

Данный факт на уровне тенденции подтверждает нашу первую гипотезу о большей эмоциональной нагруженности представления о «Семейной трапезе», в сравнении с «Праздничной трапезой».

Кроме того, представления о «Праздничной трапезе» содержат больше негативных категорий первого и второго уровня, что говорит об отрицательных переживаниях, связанных с данным понятием. Тем не менее, данное переживание воспринимается, как разделяющее время на две части: время подготовки и время празднования, которое не наблюдается для семейной трапезы, что говорит о более обыденном статусе второго понятия. Данное положение также подтверждается более простыми категориями, описывающими второй уровень ассоциаций, где в сравнении с данным уровнем представлений о «праздничной трапезе», указываются более обыденные элементы: «мебель», «завтрак», «телевизор» и другие, кроме того, в рамках категории «Еда», приводятся более простые блюда: «Пицца», «Сырники», «Сметана» и другие.

Далее, праздничная трапеза предполагает присутствие гостей, тогда как в семейной трапезе участвуют только члены семьи. Кроме того, для праздничной трапезы необходим особый повод, а также ему придается статус события, тогда как для семейной трапезы

указывается конкретное время – воскресный обед, вечер, завтрак, что предполагает достаточно частую периодичность.

Наконец, важно отметить, что в рамках ассоциаций второго уровня большая согласованность наблюдается для представления о «Праздничной трапезе», что говорит о большей устойчивости представления в сравнении с «Семейной трапезой», а также о примате индивидуальных представлений в понимании семейной трапезы.

Все полученные данные на уровне тенденции подтверждают нашу вторую гипотезу о том, что праздничная трапеза репрезентирует социальные нормы, разделяемые в обществе, отражают общую символическую нагрузку, тогда как семейная трапеза связана с индивидуальными представлениями и отражает семейные традиции и устои.

Выводы

1. Можно выделить четкую структуру социальных представлений, как о семейной, так и о праздничной трапезе. Полученные представления имеют характерные различия, как на эмоциональном уровне, так и на содержательном.

2. Для семейной трапезы характерно большее обращение к категории времени, а также категориям отношений и эмоциональных переживаний. Кроме того, отмечается более обыденные элементы на втором уровне ассоциаций, особенно раскрывающие категорию «Еды».

3. Для праздничной трапезы особое значение имеют символические атрибуты, необходимые для подобного принятия пищи, а также необычность ситуации и важность повода. При этом, время в представлениях делится на подготовительное, вызывающее внутреннее напряжение, а также на время самого торжества. Данный факт позволяет предположить наличие связи коллективной памяти и праздничной трапезы.

4. На дальнейших этапах необходимо построить и проанализировать полную модель представлений с расширением выборки, кроме того, необходимо провести глубинный анализ данных, полученных в рамках одной семьи, и осуществить сравнительный анализ между семьями, для проверки выявленных закономерностей.

Список использованных источников:

1. Андреев Д., Бордюгов Г. Пространство памяти: Великая Победа и власть. М.: АИРО, 2005.

2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

3. Бовина, И.Б., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. и др. Обыденные представления молодежи о России в современном мире [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 2. Режим доступа: <http://www.zpujournal.ru/ezpu/2010/2/Bovina~Stefanenko~Tikhomandritskaya~Malysheva~Golynchik/>

4. Емельянова Т. П.. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 49-59.

5. Ефремова В.Н. Государственные праздники как инструменты символической политики в современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Москва, 2015.

6. Попова В.Н. праздник как форма культурной памяти-государственные праздники России XX - начала XXI вв.: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Екатеринбург, 2011.

7. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013.

8. Фоломеева Т. В., Федотова С. В. Невербальное поведение как основа атрибуции социального статуса // Психологические исследования (электронный журнал). 2014. Т. 7, № 37. С. 10.

9. Юдин Н.Л. Социальный смысл праздника: дис. ... канд. философских наук: 09.00.11. Иваново, 2006.
10. Bugge A.B. Domestic Dinner Representations and practices of a proper meal among young suburban mothers // *Journal of Consumer Culture*. 2006. Vol 6(2). P. 203-228.
11. Davidson R., Gauthier A. A cross-national multi-level study of family meals. *International Journal of Comparative Sociology*. 2010. Vol 51(5). P. 349-365.
12. De Rosa, A.S. "The associative network": a technique for detecting structure, contents, polarity and stereotyping index of semantic fields // *European Review of Applied Psychology*. 2002. Vol. 52. P. 181-200.
13. Folomeeva T. V., Fedotova S. V. Youth' features of social status perception // *International Journal of Psychology*. 2016. Vol. 51. P. 1078–1078
14. Wilk R. Power at the Table: Food Fights and Happy Meals. *Cultural Studies. Critical Methodologies*. 2010. Vol. 10(6). P. 428–436.

Кутбиддинова Римма Анваровна
кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Института психологии и
педагогике ФГБОУ ВО «Сахалинского государственного университета».

НИВЕЛИРОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ У МЛАДШИХ ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ СЕМЬИ

Аннотация. Статья посвящена актуальной и значимой на сегодняшний день теме: особенностям современных подростков, специфике проявления зависимости от компьютера. В статье описаны рекомендации для родителей и пути коррекции компьютерной аддикции у детей.

Ключевые слова: компьютерная зависимость, подростки, рекомендации, родители.

Kutbiddinova Rimma Anvarovna
candidate of psychological sciences, associate professor of the psychology department of the
Institute of Psychology and Pedagogy FGBOU VO Sakhalin State University.

LEVELING OF COMPUTER ADDICTION IN YOUNGER ADOLESCENTS IN THE FAMILY

Abstract: This article is devoted to the actual and significant for today topic: the features of modern adolescents, the specifics of the manifestation of dependence on the computer. The article describes recommendations for parents and ways to correct computer addiction in children.

Key words: computer addiction, teenagers, recommendations, parents.

Распространенность компьютерной зависимости в современном мире носит характер эпидемии, поражающей молодую часть населения, преимущественно подросткового и юношеского возраста.

С целью лучшего понимания проблемы и нахождения наиболее эффективных решений по вопросу снижения компьютерной зависимости, родителям и близким людям следует знать и учитывать возрастные особенности подростков.

К задачам развития младшего подросткового возраста относят: выделение круга устойчивых интересов, формирование интереса к другому человеку как к личности, развитие интереса к себе, формирование навыка самоанализа, развитие и укрепление чувства взрослости, развитие навыков личностного общения в группе сверстников.

Стоит помнить, что у подростка формируется «чувство взрослости», стремление к независимости и самостоятельности. Причем присваиваются, прежде всего, внешние атрибуты взрослости. Для младшего подростка важно признание самостоятельности и прав. Для него характерны повышенная активность, резкое возрастание познавательной активности, любознательности, стремление к деятельности, разбросанность интересов. Компьютерные игры легко вовлекают ребенка на долгое время.

Общение со сверстниками занимает особую роль в иерархии ценностных ориентиров. Большое значение имеет обретение друга. Характерен крайний конформизм, что негативно может сказываться на развитии компьютерной зависимости: «если все в классе играют, то я тоже должен играть». Опасным является то, что дети приносят в школу гаджеты с играми и мультфильмами агрессивного содержания. Ребенок интересуется тем, чем интересуются его друзья, чтобы войти в компанию. Просмотр таких роликов и игры агрессивного содержания оказывают негативное влияние на детскую несформированную психику.

Общение со взрослыми во многом обуславливается изменчивостью настроения. Несмотря на то, что ребенок нуждается в признании как взрослый, он проявляет внешнее противодействие взрослому, болезненно реагируя на реальное или кажущееся ущемление своих прав. Младшие подростки испытывают потребность поделиться о своих переживаниях, но не могут говорить о себе.

О компьютерной зависимости следует говорить в тех случаях, если подросток пребывает в сети более двух часов ежедневно. При компьютерной аддикции наблюдаются те же признаки в поведении, что и у других зависимых: неудержимое влечение войти в игру, сложности в прекращении игры, навязчивые мысли об игре в течение дня, формирование круга знакомых по игровым интересам, наличие игрового сленга и др. К основным признакам компьютерной зависимости относят:

- 1) нежелание отвлечься от игры с компьютером;
- 2) раздражение при вынужденном отвлечении;
- 3) неспособность спланировать окончание сеанса работы или игры с компьютером;
- 4) забывание о домашних делах, учебе в ходе игры на компьютере;
- 5) пренебрежение собственным здоровьем, гигиеной и сном в пользу проведения большего количества времени за компьютером;
- 6) готовность удовлетворяться нерегулярной, случайной и однообразной пищей, не отрываясь от компьютера;
- 7) ощущение эмоционального подъема во время работы с компьютером;
- 8) обсуждение компьютерной тематики с другими людьми.

Родителям следует понимать о том, что пристрастие к компьютерным играм является не простой забавой, а способом «уйти от реальности», изменяя свое психическое состояние. Компьютерная зависимость формируется постепенно. Физические наказания и жесткая изоляция подростка от игр приводят лишь к дистанцированию и напряженности во взаимоотношениях с родителями. Чаще всего компьютерной зависимости подвержены люди, которые неуверены в себе, испытывают трудности в общении, неудовлетворенность собой, имеющие низкую самооценку и комплексы.

Несомненно, чем раньше ребенок начал приобщаться к компьютеру, тем выше у него шансы стать зависимым. Психологи говорят, что детям до 7 лет если и приобщаться к компьютеру, то через образовательные игры, обучающие чтению и счету. Крайне нежелательно, чтобы дети младшего возраста играли в агрессивные игры или просто бесцельно бродили бы со страницы на страницу, а лучше, если бы они вообще не садились ни за компьютер, ни за планшет.

Очень часто взрослые сами способствуют формированию компьютерной зависимости у детей: своим примером, как способ опосредованного общения с ребенком, как замена своему вниманию и ласке. Таким образом, дети с ранних лет не делятся своими переживаниями, отвыкают от контакта глаз собеседника, происходит эмоциональное обеднение поколения.

Зачастую сами родители становятся жертвой технологических зависимостей: номофобия (телефонная зависимость), зависимость от социальных сетей и т.д. Стоит помнить, что начинать работу по снижению компьютерной зависимости у младших подростков необходимо с себя.

Ситуация обостряется и тем, что современные дети относятся к так называемому поколению Z и имеют свои особенности. По мнению учёных, впервые за всю историю люди в столь радикально высокой степени отличаются от своих предков. Поколение Z называют по-разному - центениалы, домоседы, молчаливое поколение, поколение «ЯЯЯ», цифровые люди. Пока сказать о нём что-либо точно сложно, так как ценности даже самых старших представителей поколения Z в процессе формирования (с 2000 года рождения). О поколении современных детей говорят, что они родились с компьютерной мышью в руке. По данным Marketing Media Review, они действительно намного быстрее и успешнее своих родителей осваивают технические новинки и привыкли, что все должно быть ярким, зрелищным и сенсорным. То, что предыдущие поколения называли «новыми технологиями» или

«технологиями будущего», для поколения Z уже настоящее. Это дети мультимедийных технологий. Это поколение, родившееся в информационном обществе. Представители поколения Z связаны между собой благодаря таким вещам, как интернет в целом, YouTube, мобильные телефоны, SMS и MP3-плееры, в этом поколении Z становится синонимом англоязычного термина Digital Native («Цифровой Человек»). Развитие цифровых технологий сделало их поколением, выросшим в цифровой среде – почти всю информацию они получают из Сети. Их неограниченный доступ к информации придает им уверенности в своих взглядах, которые далеко не всегда правильны. Поколение «юзеров» – они используют все средства для общения в Сети – сутками сидят в социальных сетях, играют в онлайн-игры, постоянно рассказывают о своей жизни в блогах и общаются в Telegram или в Skype. Общению в виртуальном пространстве часто отдается приоритет при выборе между личной встречей и обсуждению вопросов посредством электронной почты или службы мгновенных сообщений. Дети сейчас фактически рождаются с мобильным телефоном в руках, а первой игрушкой для них становится компьютер. Поколение Z обитает в виртуальном мире – они, в отличие от представителей старших поколений, менее склонны совершать поездки и выходить из своих домов. Виртуальные развлечения выходят на первый план. Растущие в Сети дети привыкли, что их желания в виртуальной реальности всегда исполняются, но, чтобы этого добиться в реальной жизни, часто недостаточно просто нажать на кнопку.

Как показывает практика, родители первыми замечают пристрастие ребенка. Признание подростком собственного патологического пристрастия к компьютерным играм не простой процесс, но это необходимый этап в коррекции зависимого поведения у ребенка. Родители могут столкнуться с различными защитными механизмами психики ребенка: отрицание, регрессия, фантазирование, проекция, аутоагрессия, поэтому необходим запастись достаточным уровнем терпения и мудрости.

В первую очередь, следует понимать, что подросток испытывает неудовлетворенность существующей действительностью, чаще всего это семейные взаимоотношения. Родителям следует проанализировать и выяснить, что послужило фактором, побуждающим ребенка уйти «в компьютер». Как уже было сказано, не эффективно жестко критиковать подростка, проводящего слишком много времени за компьютером.

Лучшим способом коррекции компьютерной зависимости у подростков будет своевременная помощь психолога или психотерапевта.

Некоторые родители используют метод, позволяющий сблизиться с ребенком, они пытаются вникнуть в суть игры, разделив интересы ребенка. Чаще всего подростки с удивлением реагируют на такое поведение родителей, возможно чувствуя подвох и стараясь дистанцироваться от взрослых.

Так или иначе, если родители видят пристрастие детей к играм и фильмам, основанным на насилии, тогда рекомендуется жестко ограничить доступ к такого рода видеопродукции. Иначе у ребенка формируется эмоциональное принятие насилия как увлекательного занятия. Такие игры могут провоцировать незрелую личность на реализацию агрессивного поведения в жизни.

По мнению российских и зарубежных психологов, ролевые игры (RPG), способны сформировать устойчивую психологическую зависимость у детей. Можно наблюдать распад личности на «Я-идеальное» и «Я-реальное», нарастание разрыва между которыми ведет к усилению дезадаптации ребенка и ухудшению физического состояния.

Хорошим способом в работе по снижению компьютерной зависимости является беседа с ребенком на тему «Плюсы и минусы долгого просмотра ТВ и пребывания в Интернете». Важно заранее продумать аргументы в пользу ограничения времени пребывания в Интернете.

Используя доверительные беседы или специальные фильмы о разработке компьютерных игр и их влиянии на человека, родители могут донести до своего ребенка необходимую информацию и посеять «зерно сомнения» о столь безвинных компьютерных играх. Информация может быть следующего содержания «Секреты разработчиков

компьютерных игр»:

Любая зависимость складывается из трех факторов: времени, активности и награды. Существует огромное количество способов, для того чтобы заставить геймера делать то, что нужно разработчику игр. Чаще всего разработчиками компьютерных игр являются американские психологи, которые считают, что «игрок выступает как подопытная мышь» (Джон Хопс). Задача разработчиков, специалистов в области психологии поведения, создать как можно большую зависимость у обычных пользователей, тем самым обеспечивая себе безбедную старость.

В основу компьютерных игр положен алгоритм поощрения и не поощрения, которые разрабатывали американские ученые ставя эксперименты с мышами. Игроки совершают однообразные действия, все больше и больше подсаживая на данный алгоритм, получая «вознаграждения» через тщательно продуманные временные диапазоны. Самое печальное, что вознаграждения работают в любом случае, будь то виртуальные деньги из сундуков или начисление очков за убийство героев. Хорошо работает и прием «награда с переменным режимом времени», когда игрок не сразу получает вознаграждение, а через некоторые ожидания.

Все дело в тонкой психологии: если мы тратим время и силы на то, чтобы заполучить какой-то предмет, то мозг автоматически, подсознательно будет воспринимать этот объект как настоящую вещь имеющую какую-то ценность.

Разработчики эксплуатируют «инстинкт собирательства» у игроков: человек стремится создавать запасы ради запасов. Инстинкт собирательства усиливается во множество раз, когда игрок может продемонстрировать свои результаты другими игрокам по всему миру, компенсируя тем самым свою собственную неполноценность.

Создатели игр предусмотрели и тот, факт, что однообразие рано или поздно надоедает: поток наград непостоянен, первые часы игрок «прокачивается» с чудовищной скоростью, уровни достигаются через пару заданий, но с каждым уровнем количество опыта и времени нужно все больше. Джон Хопс установил, что человек подсознательно помня, как легко было в начале, получает все большее удовольствие от достижения следующего уровня.

Эксплуатируется также страх потерять награду: если игрок долго не заходит в игру, то сталкивается с санкциями, «игра наказывает за то, что вы в нее не играете».

Для любого человека важно ощущение прогресса, причем прогресс этот ложный (например, «застрелить все большее количество монстров»).

Майкл Гладауэл выявил три критерия, согласно которым деятельность человека будет приносить ему радость: независимость (возможность принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность), сложность (отсутствие повторений одних и тех же действий, раз за разом надеясь на другой результат), результат равен затраченным усилиям. Все эти три критерия прекрасно восполняются в играх. Игрок независим, он может делать все что хочет: проходить игру собственным способом, выбирать карты, выбирать овощи, которые может выращивать на собственной грядке и т.д. повторение одних и тех же действий в игре для игрока таким не является: каждый сундук находится в своей локации, каждый монстр имеет свою внешность и прочее. В каждой игре при получении нового уровня происходит какой-нибудь эффект: награда за выполненный квест.

Компьютерная игра дает младшему подростку те эмоции, которые он не может получить от реальной жизни. Можно быть тем, кем ты не являешься в реальности: повелителем драконов, создателем миров, воинственным героем и прочее.

Как показывает практика, самостоятельно ребенок не может управлять временем, которое он тратит на просмотр ТВ и Интернет. Поэтому за временем следить должны взрослые домочадцы, особенно на начальном этапе, пока у ребенка не войдет в привычку заниматься делами в Интернете, соблюдая регламент. Поэтому продумайте и запишите правила пользования компьютером (мобильным телефоном, планшетом). Для начала обсудите эти правила с взрослыми членами семьи, так как им тоже желательно их соблюдать.

Так или иначе, пребывание ребенка за компьютером необходимо ограничивать. Недопустимо, чтобы дети играли по несколько часов. Детям младшего школьного возраста – не более получаса, старшего школьного возраста – не более часа в сутки на игры.

Компьютер следует устанавливать в таком месте, где вы будете видеть, чем занимается подросток. Если вы будете периодически заходить в комнату и проверять, это будет выглядеть как тотальный контроль, да и на ваши шаги ребенок скоро научится быстро «захлопывать» запрещенные страницы. А если удастся найти такое место для компьютера, где вы мимоходом, не привлекая к себе внимания, можете увидеть, какая страничка открыта, это будет ненавязчиво, но в то же время эффективно.

Ребенку все же лучше не покупать отдельный компьютер. Тогда у вас в любое время будет веская причина сказать «достаточно» – компьютер нужен взрослому.

Лишая ребенка желаемого количества времени в интернете, всегда предлагайте альтернативу. Нельзя позволять младшему подростку маяться от скуки. Его необходимо задействовать в каких-то мероприятиях. Это, в первую очередь, работа по дому, кружки по интересам, спортивные секции. Очень действенный метод – отдать его в компьютерный класс, где он научится работать на компьютере по-настоящему, а не просто гонять зайчиков по экрану. Пусть освоит фотошоп, пусть научится создавать сайты, верстать полиграфию – к 18 годам у него уже будет профессия, и он перестанет относиться к компьютеру исключительно как к средству развлечения.

С целью формирования позитивной самооценки родителям следует найти для своего ребенка занятие, в котором он будет успешен и будет выгодно отличаться от товарищей: редкий вид спорта, фехтование, кружок квиллинга. Его наградные листы, удачные поделки, медали необходимо выставлять на витрине, чтобы гости семьи видели его успехи.

Следует поощрять дружбу ребенка с другими детьми, приглашать в гости его друзей и его отпускайте в гости к друзьям. Так родители будут больше знать о том, чем занимается их ребенок.

Родителям придется ознакомиться с популярными у их детей играми. Дети часто думают, что родители запрещают им играть потому, что не понимают, насколько это увлекательно. В этом случае мнение родителя, который знает игру, будет гораздо весомей, чем мнение родителя, который «не читал, но осуждаю».

Учитывая возрастные особенности подростков, родителям следует, совместно с детьми придумать правила пользования Интернетом. При беседе опирайтесь на свои заранее подготовленные аргументы. Важно, чтобы у вашего чада появилось ощущение, что он вместе с вами создал эти правила. Нельзя просто навязать придуманные вами правила – ребенок специально не будет их соблюдать. Другое дело – разработанные совместно правила. Таким образом вы убиваете двух зайцев: во-первых, повышаете самооценку ребенка, а во-вторых, учите его принимать ответственность, при этом осознанно.

Дальше необходимо поставить пароль на компьютер, планшет или мобильный телефон (либо отключать Интернет на них). Обязательно объясните ребенку, почему вы это делаете. Скажите, что вы ему доверяете, а пароль лишь поможет всем быстрее выработать привычку работать в Сети ограниченное время.

Предложите ребенку написать расписание пользования Сетью на неделю и повесить его над рабочим столом.

Вам надо продумать, как проводить совместный с ребенком досуг и чем его занимать в свободное время. Время, которое вы сэкономили, должно пойти не в счет уроков, а на что-то приятное и интересное для ребенка. Покажите ему, что можно весело проводить время без электроники.

На протяжении первых двух недель напоминайте ему, что у вас новый этап, который пойдет всем на пользу. Объясняйте ему преимущества того, что он делает, и спрашивайте, какие плюсы он сам замечает [1].

Особое внимание следует уделять доверительному общению с ребенком и семейному досугу: настольные игры, арт-терапия, походы, прогулки и многое другое. Стоит помнить,

что гораздо легче и эффективнее проводить профилактику, нежели коррекцию зависимых форм поведения.

Современные дети особо нуждаются в мудром руководстве, диалоге, получении объективной обратной связи от взрослого. Демонстрируя собственную независимость от гаджетов, поощряя самостоятельность подростков в делах, договариваясь с ним, уважая личность ребенка, используя доверительные беседы возможно выстроить с подростком конструктивный диалог.

Детские психологи утверждают, что эффективным средством в профилактике компьютерной зависимостью является увлечение деятельностью несвязанной с частным использованием компьютера. Задача взрослого показать ребенку, что в жизни существует масса занятий, которые позволяют пережить разнообразные эмоции, тренируют тело и нормализует физическое состояние. Необходимо помочь подростку переключиться на другие виды деятельности, можно замещать компьютерные увлечения занятиями спортом, чтением интересной литературы, хобби, конструированием, туризмом и т.д.[4].

Основным ориентиром в преодолении компьютерной аддикции будет – формирование новых жизненных увлечений подростков, улучшение взаимоотношений с близкими и сверстниками, развитие волевых качеств, повышение самооценки.

Список использованных источников:

1. Ахмадуллин Ш., Шарафиева Д. Мотивация детей. Как мотивировать ребенка учиться. М.: Билингва, 2016. 80 с.
2. Гуреева А.Ю., Сизов С.В. Интернет-зависимость: современное состояние проблемы // <http://medconfer.com/node/5248>.
3. Иванов М.С. Влияние ролевых компьютерных игр на формирование психологической зависимости человека от компьютера // Психология зависимости: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. Минск, 2004. С. 152-179.
4. Кутбиддинова Р.А. Компьютерная аддикция как форма девиации у подростков // «Проблемы девиантного поведения подростков в современном обществе». Всероссийская научно-практическая конференция. 29-30 октября 2015. Сборник материалов. Южно-Сахалинск: ИРОСО, 2015. С.91-94.

Гусарова Елена Сергеевна

*Московский государственный психолого-педагогический университет,
Студентка, магистратура
127051, Москва, Сретенка, 29
E-mail: bondarevae@fdomgppu.ru*

Одинцова Мария Антоновна

*кандидат психологических наук, доцент,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
профессор кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения
127051, Москва, Сретенка 29
E-mail: mari505@mail.ru*

СЕМЕЙНЫЕ СЦЕНАРИИ ЛИЦ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ

Аннотация. Представлен анализ семейных сценариев лиц с разным уровнем жизнеспособности. Показано, что семейный сценарий «Победитель» является более конструктивным и способствует становлению жизнеспособности. Такой сценарий обнаружен в группах лиц с высоким и средним уровнями жизнеспособности. Семейный сценарий «Проигравший» встречается в группах респондентов со средними и низкими показателями жизнеспособности. Семейный сценарий «Непобедитель» обнаружен во всех группах респондентов. Установлены взаимосвязи между типом семейного сценария и компонентами жизнеспособности.

Ключевые слова: семейный сценарий, жизнеспособность.

Gusarova Elena Sergeevna

*Moscow State University of Psychology and Education,
Student, magistracy
127051, Moscow, Sretenka st., 29
E-mail: bondarevae@fdomgppu.ru*

Odintsova Maria Antonovna

*Candidate of psychological sciences, associate professor,
Moscow State University of Psychology and Education,
Professor of the Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning
127051, Moscow, Sretenka st., 29
E-mail: mari505@mail.ru*

FAMILY SCRIPTS OF PEOPLE WITH DIFFERENT LEVELS OF RESILIENCE

Abstract. The analysis of family script of persons with different levels of resilience is presented. It is shown that the family script "Winner" is more constructive and contributes to the formation of resilience. This **script** is found in groups of individuals with high and medium levels of resilience. The family **script** "Loser" occurs in groups of respondents with medium and low resilience. The family **script** "Non-winner" was found in all groups of respondents. Correlations between the type of family **script** and components of resilience are established.

Key words: family script, resilience.

Последние десятилетия характеризуются развитием позитивной психологии, что приводит к смещению исследовательских интересов с проблемных аспектов человеческого существования в сторону изучения ресурсов личности. Одним из таких ресурсов является жизнеспособность, которая обеспечивает динамическую устойчивость человеческого существования, позволяет преодолевать трудные жизненные ситуации, сохранять свою целостность и развиваться вопреки неблагоприятным условиям. Наряду с изучением индивидуальной жизнеспособности активно развивается направление по исследованию жизнеспособности семьи. Одной из точек пересечения этих направлений является установление связи между историческим аспектом функционирования семьи и жизнеспособностью человека. Исторический аспект функционирования семьи представлен, в том числе, семейными сценариями, исследовательский интерес к проблеме которых, после небольшого спада, вновь возрастает. Вопрос о присутствии и влиянии опыта предшествующих поколений на конструирование современной жизни всегда привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей. Так проводятся исследования жизненных сценариев в зарубежной (Э. Берн, Й. Стюарт и др.) и отечественной психологии (В.В. Нуркова, Н.В. Гришина и др.), разрабатываются типологии жизненных (Э. Берн, Ю.А. Котельникова и др.) и семейных сценариев, наследования внутрисемейных паттернов поведения (Э.Г.Эйдемиллер, М.В. Сапоровская, Н.В. Лукьянченко, М. Боуэн, И. Бузормени-Надь, А. Шутценбергер и др.). Проблема жизнеспособности представлена в самом широком контексте при осмыслении бытия личности Б.Г. Ананьевым, М. Унгаром и др. При этом в исследованиях подчеркивается значимость семейного окружения в развитии жизнеспособности (А.А.Нестерова и др.). Считается, что одним из компонентов и функциональным критерием жизнеспособности могут выступать семейные отношения (А.В. Махнач, М. Унгар, Е.А. Рыльская и др.).

Вместе с тем, вопрос о различиях в семейных сценариях лиц с разным уровнем жизнеспособности остается недостаточно изученным. Это и стало целью данного исследования. Исследование проводилось с 2016 по 2018 годы в г. Москве. В нем приняли участие 42 респондента мужского ($N = 15$) и женского пола ($N = 27$) в возрасте от 22 до 51 года ($Me = 29,5$). В исследовании были использованы следующие методики:

1) опросник Е.А. Рыльской «Жизнеспособность человека» [3] для выявления уровня жизнеспособности участников исследования;

2) авторская проективная методика «Свободная генограмма отношений» [2] для определения типа семейного сценария и межпоколенных паттернов взаимоотношений. Участников исследования просили вспомнить трех значимых для них лиц противоположного пола (не кровных родственников), с которыми, так или иначе, выстраивались отношения. После этого предлагалось записать имена этих людей на предоставленном бланке. Далее проводилась беседа по следующим вопросам:

• В каком возрасте, и при каких обстоятельствах познакомились?

• Как развивались отношения? Какие особенности были в отношениях? Были ли конфликты в отношениях и как они решались?

• Какие чувства доминировали в отношениях?

• Закончились ли отношения?

• Сколько они длились? Кто был инициатором разрыва? Что чувствовали?

Затем респондентов просили ответить на вопрос: «Что общего было в этих отношениях?».

Далее, придерживаясь этой же схемы, респондентов просили вспомнить все, что они знали о взаимоотношениях их родителей и прародителей. На заключительном этапе беседы задавался вопрос: «Как вы считаете, в чем слабость вашего Рода и в чем его сила?».

Продолжительность процедуры исследования составляла до полутора часов индивидуальной работы или до шести часов в мини-тренинговых группах.

Были выделены следующие критерии для анализа результатов по методике «Свободная генограмма отношений» с последующим соотнесением с типами жизненных сценариев, выделенных Э. Берном («Победитель», «Непобедитель», «Проигравший») [1]:

1) доминирующие эмоции, чувства, состояния в отношениях самих респондентов и в супружеских отношениях их родителей и прародителей;

2) конфликтные ситуации, их тема и способы разрешения у самих респондентов и их родителей и прародителей;

3) доминирующие модели поведения и паттерны взаимодействия, их повторяемость в семейной истории респондентов, родителей, прародителей;

4) субъективная оценка респондентами слабых и сильных сторон своего Рода.

Анализ показал, что респонденты с семейным сценарием «Победитель» характеризуют свои отношения с противоположным полом как «теплые», «яркие» и т.п.. На момент участия в исследовании все респонденты состояли в длительных отношениях. В отношениях доминируют такие чувства, как взаимная любовь, симпатия, уважение, заинтересованность, доверие, уверенность, близость и др. Упоминания о негативных эмоциях встречаются, но связаны с неудачным прошлым опытом отношений. Например: «Через месяц отношения начали тяготить, началась какая-то зависимость его от меня, меня это раздражало, раздражала его навязчивость, его было много» (ж., 25 лет); «Отношения длились полгода, расстались по моей инициативе, чувствовала одновременно вину и свободу» (ж., 25 лет). В подавляющем большинстве в супружеских отношениях родителей и прародителей доминируют позитивные чувства: «Уважение, забота, любовь» (ж., 25 лет); «Отец в большей степени был увлечен, мама позволяла себя любить» (ж., 48 лет); «Любовь – партнерство» (м., 26 лет); «Любили друг друга, были друзьями, привязанность. Больше 25 лет, расстались спокойно, развелись» (ж., 45 лет).

Респонденты с семейным сценарием «Победитель» оценивают свои нынешние отношения либо как бесконфликтные, либо указывают на возможность решения встречающихся трудностей, что проявляется в следующих высказываниях: «Конфликты бывают, решаются посредством компромисса» (ж., 25 лет); «Конфликты, решаются очень спокойно, посредством диалогов без нервов и скандалов» (ж., 31 год). В предыдущих отношениях у респондентов чаще упоминаются конфликты и сложности с их разрешением: «При общении я постоянно боялась обидеть его и разочаровать» (ж., 25 лет). В супружеских отношениях родителей и прародителей встречаются разные варианты: «Бывает, ссорились; бытовые ссоры» (м., 26 лет); «Конфликты при мне решались посредством диалогов, спокойно, не на повышенных тонах» (ж., 31 год); «После того, как я ушла из родительского дома, отношения между родителями испортились, начались бытовые конфликты, разные взгляды, желания, потребности, стерся авторитет» (ж., 25 лет); «Конфликтов, насколько я знаю, не было. В семье был матриархат, дед говорил, что пусть она делает что хочет, но главное, чтобы порядок (в широком смысле) был» (м., 26 лет).

Отвечая на вопрос, что общего в Ваших отношениях и отношениях Ваших предков, респонденты указывали либо на «теплую» эмоциональную составляющую, либо на особенность ролевых позиций и общего уклада семьи, например: «Все мужчины по маминей линии похожи тем, что они такие немножечко авторитарные, но без перегиба. Между бабушкой, папой и мужем - взаимная неприязнь, хотя они похожи. Для меня муж тоже является авторитетом, есть вопросы, которые я ему отдаю на откуп, пусть он их решает. Но важные вопросы мы решаем вместе» (ж., 25 лет).

Респонденты с семейным сценарием «Победитель» довольно легко, подробно и быстро выделяют как слабые, так и сильные стороны своего Рода. Например: «Слабости: чрезмерная забота, немного заниженная самооценка, частое самопожертвование в отношениях. Сила: достижение целей, образованность, желание к саморазвитию, упорство, ответственность, честность и искренность, уважение друг к другу, поддержка друг друга» (ж., 31 год); «Слабости: есть склонность к неконструктивному решению конфликтов, избеганию, бывает, делаем вид, что ничего не произошло. Сила рода в сговорчивости, умении идти на

компромисс, договариваться, иногда уступать, конфликты решаются» (ж., 25 лет). Это может указывать, с одной стороны, на довольно высокие рефлексивные способности у респондентов, с другой - на то, что они не только осознают, но и часто используют внутрисемейные ресурсы. Помимо вышеприведенного, к силе Рода и семейным ресурсам относили семейные ценности, традиции, привязанность, поддержку и сотрудничество, любовь, стремление к развитию и преодолению сложностей. Частота встречаемости семейного сценария «Победитель» в выборке - 19,04 %.

Респонденты с семейным сценарием «Проигравший» на момент прохождения исследования либо не состояли в отношениях, либо состояли в коротких отношениях (до 3 месяцев), либо в длительных, но описывали их как «сложные». При описании доминирующих чувств, респондентам было либо сложно их выделить, поэтому они часто отвечали: «Не знаю, наверно...» (описывая свои отношения), либо перечисляли «от любви до ненависти», через запятую. Например: «Влечение, чувство влюбленности, ревность, раздражение» (ж., 51 год); «Привязанность, уважение, влечение, любовь, раздражение» (ж., 22 года); «Любовь, обида, разочарование, ревность, отсутствие взаимопонимания» (ж., 39 лет). При описании супружеских отношений родителей и прародителей, отмечается такая же тенденция: «Любовь, отсутствие взаимопонимания» (ж., 39 лет); «Отец влюбленно ревновал» (м., 30 лет); «Любовь, предательство, прощение, забота» (ж., 39 лет); «Папа говорил, что любит маму, но ревновал, обижал, и бил. Мама его не любила. Замуж вышла из-за беременности» (ж., 50 лет); «Чувства не знаю – у матери ничего хорошего, про отца не знаю» (м., 23 года); «Чувства не знаю, видела один раз, как родители целовались. Обстановка в целом неприятная была, т.к. отец вспыльчив, но не отходчив» (ж., 22 года); «Дедушка бабушку очень любил, а она его, хоть и не сильно любила, но постоянно ревновала» (ж., 51 год).

Описания развитий отношений респондентов с семейным сценарием «Проигравший» характеризуются конфликтностью и деструктивностью: «На этот раз я прикладывал усилия для развития отношений: сам создавал конфликты и сам их решал» (м., 30 лет); «Развивались деструктивно: он начал пить, думала, что исправится, из баров таскала» (ж., 51 год); «Начали встречаться, но сразу начались ссоры. Она встречалась с другим, и из всякой ерунды тоже ссорились» (м., 27 лет); «Вышла замуж за другого, он тоже, но все равно встречались, изменяли своим супругам» (ж., 50 лет); «Много сорились из-за того, что она общалась с бывшими, я ревновал, ругались, она на время менялась» (м., 23 года). Повышенная конфликтность отмечается и в супружеских отношениях родителей и прародителей, что проявляется в следующих высказываниях: «Мать плохо относится (к отцу), унижает, оскорбляет» (ж., 30 лет); «Часто ссорились, пил, пропивал все деньги, бил мать. Очень грубый, капает на мозги» (м., 23 года); «Много было конфликтов, по словам мамы, из-за того, что отец часто уходил к своей маме, которая была против этих отношений» (ж., 51 год); «Когда мы купили компьютер, папа постоянно «зависал» в играх. У мамы появился другой мужчина, когда папа узнал, то прогнал ее» (м., 27 лет); «Показное благополучие, скрытый конфликт, постоянные измены деда, много любовниц» (ж., 51 год); «Ссорятся все время, но очень это любят. Брак очень крепкий. Они до сих пор любят друг друга» (ж., 22 года).

В семейных историях респондентов со сценарием «Проигравший» встречаются разного рода аддикции, психические заболевания, большое количество преждевременных смертей, психологическое и физическое насилие, супружеские измены. Отмечается передача и воспроизводство этих паттернов от одного поколения к другому, однако, в преобладающем большинстве случаев, самим респондентам, несмотря на кажущуюся очевидность, было довольно сложно выявить эти паттерны.

Еще более сложной для респондентов с данным типом сценария оказалась задача по определению слабых и сильных сторон Рода. Особенно много времени и трудов занимало определение сильных сторон. Вероятно, это может говорить о слабых рефлексивных способностях и о том, что респонденты не видят и не используют внутрисемейные ресурсы в своей жизни. Приведем примеры анализа сильных и слабых сторон: «Слабости: нет, кроме

того, что много пьют. Сила: всегда помогут, сплочённость» (м., 27 лет); «Слабости: мало тепла, поддержки, холодность, каждый сам за себя. Сила: спокойствие, конфликты есть, но мало» (ж., 39 лет); «Слабость: негативное отношение к мужчинам, неуважение, неспособность выстраивать эмоциональные, крепкие супружеские отношения, слабые мужчины, алкоголизм. Сила: умение прожить самостоятельно» (ж., 26 лет); «Слабости: потеря партнеров и детей, нет выбора, принимаем как должное происходящее, эмоциональная нестабильность, склонность к изменам партнеру. Сила: наличие детей, любовь, готовность ради любви пожертвовать чем-то» (ж., 51 год) и т.д.

Помимо вышеописанного стоит обратить внимание на проблему осведомленности в семейной истории. Часть респондентов с данным сценарием демонстрировала крайне низкую осведомленность даже в вопросах жизни своих родителей, тогда как другие готовы были написать историю своей семьи в малейших подробностях вплоть до седьмого поколения. Частота встречаемости данного сценария – 21,43 %.

Семейный сценарий «Непобедитель» представляет собой промежуточный вариант между сценариями «Победитель» и «Проигравший». Респонденты с данным сценарием легче определяют доминирующие чувства, но все же остается описание большого количества негативных чувств, таких как ненависть, ревность, обида и в отношениях респондентов, и в супружеских отношениях их предков. В описаниях развития отношений респондентов и их родственников присутствует конфликтность и напряженность, но в меньшей степени, а также отмечается тенденция к преодолению и разрешению конфликтных ситуаций. Остается высокая встречаемость алкоголизма, разводов и супружеской неверности в супружеских отношениях родителей и прародителей. Однако, у респондентов с данным сценарием значительно выше развиты рефлексивные способности: они быстрее обнаруживали повторяющиеся модели поведения в семейной истории и легче находили внутрисемейные ресурсы. Стоит отметить, что часть респондентов, несмотря на тяжелую семейную «наследственность», конструктивно выходили из сценарного поведения, самостоятельно преобразуя проблему в возможность. Другим, несмотря на факт осознания, не всегда это удавалось. Было отчетливо видно, что им не хватает ресурсов и адаптивных моделей. Такие респонденты зачастую обращались за помощью. Частота встречаемости данного типа сценария в выборке – 59,53 %.

Далее, с помощью кластерного анализа методом k-средних были выделены три группы лиц с разным уровнем жизнеспособности:

- в первую группу вошли 17 респондентов со средним уровнем жизнеспособности в возрасте от 22 до 50 лет ($M_e = 26$), из них 7 мужчин и 10 женщин;
- во вторую – 18 респондентов с высоким уровнем жизнеспособности в возрасте от 25 до 40 лет ($M_e = 32,5$), из них 4 мужчины и 14 женщин;
- третью группу пополнили 7 респондентов с низким уровнем жизнеспособности в возрасте от 24 до 51 ($M_e = 30$), из них 4 мужчины и 3 женщины.

С помощью критерия Хи-квадрат однородности были обнаружены статистически значимые различия ($p < 0,01$) в распределении типов семейных сценариев у лиц с разным уровнем жизнеспособности (см. табл. 1.).

Таблица 1.

Встречаемость типов семейных сценариев у лиц с разным уровнем жизнеспособности (%)

Уровень жизнеспособности	Встречаемость		
	Победитель	Непобедитель	Проигравший
Высокий	33,33	66,67	0
Средний	11,76	64,71	23,53
Низкий	0	28,57	71,43

Примечания: уровень значимости $p < 0,01$

Из табл. 1. видно, что в группе респондентов с высоким уровнем жизнеспособности встречаются два типа семейных сценариев – «Победитель» (33,33 %) и «Непобедитель» (66,67 %); в группе респондентов со средним уровнем жизнеспособности встречаются все три типа семейных сценариев – «Победитель» (11,76 %), «Непобедитель» (64,71 %) и «Проигравший» (23,53 %); и в группе респондентов с низким уровнем жизнеспособности встречаются два типа сценария – «Непобедитель» (28,57 %) и «Проигравший» (71,43 %).

В результате проведения качественного анализа различий семейных сценариев у лиц с разным уровнем жизнеспособности была выявлена определенная закономерность. Респонденты с низким уровнем жизнеспособности сообщают либо о сильной разобщенности в семье, низкой осведомленности и незаинтересованности семейной историей или, напротив, о сильном эмоциональном слиянии и поддержании семейного долга. Это отразилось в следующих высказываниях, которые респонденты сформулировали при описании слабости и силы своего Рода: «Разобщения в семейных отношениях» (м., 30 лет); «Каждый сам за себя» (ж., 39 лет); «Дистанцированность» (ж., 27 лет); «Я оказалась на разрыве двух семей. Я последняя из Рода» (ж., 39 лет); «Каждый отвечает за себя; в моем отношении к Роду и семье (незаинтересованном)» (м., 24 года); «Этот тяжелый довлеющий этический долг пронизывает и всю мою жизнь, и мои отношения» (м., 38 лет).

С помощью коэффициента ранговой корреляции Кендалла были выявлены взаимосвязи между типом семейного сценария и компонентами жизнеспособности. Полученные результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2.

Взаимосвязи между типом семейного сценария и компонентами жизнеспособности (N=42)

	Тип семейного сценария
Способности адаптации	0,503**
Способности саморегуляции	0,319*
Способности саморазвития	0,420**
Осмысленность жизни	0,529**
Жизнеспособность	0,583**

Примечания:

* корреляция значима на уровне $p < 0,05$;

** корреляция значима на уровне $p < 0,01$.

Из табл. 2. видно, что тип семейного сценария коррелирует со всеми компонентами жизнеспособности. Существенная связь выявлена между типом семейного сценария и способностями саморегуляции ($\tau = 0,319$, $p < 0,05$) и значительная связь между типом семейного сценария и способностями адаптации ($\tau = 0,503$, $p < 0,01$), способностями саморазвития ($\tau = 0,420$, $p < 0,01$), осмысленностью жизни ($\tau = 0,529$, $p < 0,01$) и жизнеспособностью человека в целом ($\tau = 0,583$, $p < 0,01$).

Наибольший интерес вызвала связь между типом семейного сценария и осмысленностью жизни, поскольку проблема осмысленности и осознанности сценариев между разными психологическими школами носит дискуссионный характер. По нашему мнению, концепция М.А. Сапоровской о межпоколенной передаче жизненного опыта может частично снять это противоречие и объяснить выявленные связи между типами семейного сценария и компонентами жизнеспособности. Так, М.А. Сапоровская выделяет два типа трансгенерации в семье: воспроизводство, основанное на неосознаваемых механизмах подражания и идентификации и обеспечивающих воссоздание как конструктивных (привязанность, любовь, уважение), так и деструктивных (насилие, зависимое поведение) элементов опыта другого поколения; и преемственность, основанная на субъектной

регуляции поведения и проявляемое в избирательном, осознанном, целенаправленном и регулируемом воссоздании потомками субъективно полезных элементов опыта предков [4]. На основании этого можно предположить, что, с одной стороны, паттерны взаимодействий и взаимоотношений, модели поведения и прочие составляющие семейного сценария «Победитель» являются более конструктивными сами по себе и способствуют становлению более жизнеспособного человека, с другой – постепенное развитие компонентов жизнеспособности (от способности к адаптации до осмысленности жизни), способствует тому, что человек сам начинает осмысливать и переоценивать свой опыт и опыт предков и извлекать из него самое ценное и полезное, и таким образом переходит к преемственному типу трансгенерации и передает дальше своему потомству более конструктивные способы существования.

В другом случае, составляющие семейного сценария «Проигравший» являются сами по себе деструктивными. Они осложняют становление способностей адаптации и саморегуляции, а на их основе не развиваются оставшиеся компоненты жизнеспособности, человек продолжает слепо воспроизводить деструктивный опыт своих родителей и прародителей. И даже при возможности осознания семейного сценария, ему сложно самостоятельно выйти из «замкнутого круга» и преодолеть трудности, поскольку компоненты жизнеспособности развиты слабо.

Таким образом, в ходе проведенного исследования, во-первых, были выявлены статистически значимые различия ($p < 0,01$) в распределении типов семейных сценариев в группах лиц с разным уровнем жизнеспособности: семейный сценарий «Победитель» встречается в группах респондентов с высоким и средним уровнями жизнеспособности; семейный сценарий «Непобедитель» обнаружен во всех группах респондентов; семейный сценарий «Проигравший» встречается в группах респондентов со средними и низкими показателями жизнеспособности. Во-вторых, были установлены взаимосвязи между типом семейного сценария и компонентами жизнеспособности человека. Семейный сценарий может являться как фактором риска и препятствовать развитию жизнеспособности, так и защитным фактором и способствовать развитию жизнеспособности. Однако, здесь возможна и обратная зависимость – индивидуальная жизнеспособность проявляется в отношении к семейной истории и семейному сценарию, что, в свою очередь, ведет к пассивному копированию или самоорганизации собственной жизни на основе избирательного обмена с окружающей семейной средой.

Список использованных источников:

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – М.: Издательство "Э", 2016. – 576 с.
2. Бондарева Е. С., Куляцкая М. Г. Типичные семейные сценарии клиентов с разным уровнем жизнеспособности // Психологическое благополучие современной семьи. – 2016. – С. 30-32
3. Рыльская Е.А. Тест «Жизнеспособность человека»: разработка и психометрические характеристики // Социум и власть. – 2016. - №. 1 (57). – С. 25-30
4. Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в семье: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2013. – 54 с.

Зырянова Надежда Михайловна
кандидат психологических наук,
МГУ имени М.В.Ломоносова, доцент кафедры психогенетики
125009 Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: nzyr@mail.ru

Паршикова Оксана Викторовна
кандидат психологических наук,
МГУ имени М.В.Ломоносова, ст. преподаватель кафедры психогенетики
125009 Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
E-mail: ksapa2003@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ О ШКОЛЕ

Аннотация. В статье представлены результаты исследования представлений старших дошкольников о школе. Психологическая готовность к школьному обучению включает в себя положительное отношение к школе. Это отношение формируется, прежде всего, в семье и является отражением, в первую очередь, родительских установок. Было получено, что большинство старших дошкольников хотят пойти в школу. Все дети хотят хорошо учиться, но не все уверены, что это у них получится, поскольку многие считают, что в школе учиться сложно.

Ключевые слова: дети старшего дошкольного возраста, готовность к школе, познавательная мотивация, отношение к школе, взаимодействие семьи и школы, ценность образования.

Zyryanova Nadezhda Mikhailovna
Ph.D., Associate Professor, Department of Behavioral Genetics
Lomonosov Moscow State University
125009 Moscow, Mokhovaya, 11, str. 9
E-mail: nzyr@mail.ru

Parshikova Oksana Viktorovna
Ph.D., Senior Lecturer, Department of Behavioral Genetics
Lomonosov Moscow State University
125009 Moscow, Mokhovaya, 11, str. 9
E-mail: ksapa2003@mail.ru

PRESCHOOLERS' IDEAS OF SCHOOL

Abstract. Preschoolers' worldview was researched, in particular the range of children's ideas of school education. Positive attitude towards the school is a part of psychological readiness for school education. This attitude is formed mostly in the family and is a reflection of parents' attitudes. It was found that the majority of the interviewed preschoolers want go to school. All children wish to study well, but not everyone is sure that he/she will be successful at school because many preschoolers believe that it is difficult to study at school.

Keywords: preschooler, school readiness, cognitive motivation, attitude to school, interaction between family and school, value of education.

На протяжении всего дошкольного детства ребенок психологически готовится к школе. Начало школьного обучения – важный шаг в жизни каждого ребенка, это новый этап его развития, связанный с систематическим приобретением знаний, усвоением новых правил, построением новых отношений со взрослыми и сверстниками. Психологическая готовность к школе связана с положительным отношением ребенка к школе, с его желанием учиться, приобретать знания. Это желание формируется, прежде всего, в семье. Установки на образование родителей, а также других членов семьи (бабушек, дедушек, старших сиблингов), их отношение к школе и к учебной деятельности, влияют на то, что они говорят своим детям о школе, к чему готовят, от чего предостерегают, и какие конкретные действия предпринимают, чтобы помочь своим детям подготовиться к началу школьного обучения. Система школьного образования не является законсервированной, она меняется под воздействием требований времени. Соответственно, могут меняться и семейные установки, касающиеся образования, что, в свою очередь, не может не сказаться на представлениях о школе и у будущих первоклассников. Целью данной статьи является анализ представлений современных старших дошкольников о школе и о школьном обучении. Такой анализ представлений детей покажет, как относятся будущие первоклассники к школе, что они думают о ней, и позволит косвенным образом выявить общесемейные установки в отношении образования.

Исследование, описанное в данной статье, является частью проекта, направленного на изучение влияния социальных изменений на образ мира детей старшего дошкольного возраста. Проект был начат в 1992 году, и к настоящему времени выполнено семь срезов. Выбор времени каждого среза был связан с какими-то значимыми изменениями социальной ситуации в нашей стране. В процессе каждого среза со старшими дошкольниками проводятся индивидуальные интервью: дети рассказывают о том, как они живут, что думают о происходящем в России и в мире, о том, какой видят свою жизнь в будущем. В исследовании участвуют дети 6 лет, посещающие детские сады г. Москвы. Выборки исследования на каждом этапе формируются по одним и тем же принципам, поэтому являются сопоставимыми и позволяют проводить сравнительный анализ с целью выявления изменений, происходящих в представлениях детей о мире со временем. Следует отметить, что эти выборки не являются репрезентативными в строгом смысле слова, поэтому анализ частоты встречаемости тех или иных ответов детей не является самоцелью. Основным методом анализа является качественный анализ ответов детей, позволяющий проследить изменения, происходящие в их образе мира на протяжении 25 лет. Результаты, полученные на предыдущих этапах исследования, изложены в ряде публикаций [например, 1; 2; 3].

В 2016-2018 годах проект поддержан грантом РФФИ №16-06-00758-ОГН18.

В данной работе мы анализируем представления старших дошкольников, принимавших участие в исследовании в 2015-2016 годах, о школе. В ходе интервью маленьким респондентам задавались следующие вопросы о школе:

«Ты хочешь пойти в школу?»,

«Почему ты хочешь (или не хочешь) идти в школу?»,

«Как ты думаешь, зачем нужно учиться?»,

«Готовишься ли ты к школе, и как готовишься?».

Результаты исследования

1. *«Ты хочешь пойти в школу?»*

Ответ на этот вопрос отражает сформированность познавательных мотивов детей, являющихся основой психологической готовности ребенка к школе. В предыдущие годы исследования большая часть детей выражала желание идти в школу. Та же картина получена и в 2015-2016 годах: большинство опрошенных детей (78%) хотят пойти в школу. Степень этого желания варьирует от страстного выражения хотения до спокойной констатации факта, порой даже простым кивком головы: *«Очень!»*, *«Да!»*, *«Да, очень хочу»*, *«Да, хочу»*, *«Да»*, *«Хочу»*, *«Ага»*, *«Ну... ну, хочу»*.

Но были и дети (17%), которые не проявили желания идти в школу: «Ну-у-у... Нет!», «Ну, вообще нет», «Нет» или выразили нежелание, отрицательно покачав головой. Были и те (5%), кто пока не определился, хочет он в школу или нет: «Ну... наполовину да, а наполовину нет», «Не знаю».

2. «Почему ты хочешь (или не хочешь) идти в школу?»

Причины, по которым старшие дошкольники хотят пойти в школу, чаще всего связаны с желанием учиться и получать новые знания в целом: «Хотел (бы) учиться», «Там учиться буду», «Потому что хочу учиться», «Чтобы учиться, и чтобы всё знать», «Нужно учиться, чтобы всё знать», «Чтобы не сидеть дома, умным быть», «Потому что мне нравится учиться, я дома очень много пишу, читаю, рисую, занимаюсь математикой», «Чтобы знания получать», «Просто я хочу узнавать что-нибудь из школы», «Потому, что ты там занимаешься, ты очень много будешь знать», «Ну, потому что так много интересного рассказывают, науку рассказывают всякую», «Знать что-то нужно же».

Есть уже определившиеся в своих интересах респонденты: «Хочу про химию знать», «Мне нравится там заниматься математикой».

Некоторых старших дошкольников привлекает школа как новое, ещё неизвестное им и, безусловно, интересное место: «Потому что я хочу узнать, что там в школе, как там всё», «А потому что я там не был», «Потому что, наверное, там будет очень много заданий и они будут очень сложные», «Потому что там интересно какие оценки будут ставить и интересно как будут там относиться, какие занятия будут», «Я думаю, интересные уроки там, неизвестно какие там будут оценки».

Ещё один плюс школы – её отличие в лучшую сторону от детского сада: «Там хоть по пять уроков... Там каникулы есть», «Потому что в школе много уроков, там до обеда только все сидят».

По мнению некоторых наших респондентов, школа может предоставить новые возможности: «Потому что там у меня будет очень много новых друзей», «Чтобы на одни пятёрки учиться. Скорее вырасти», «Потому, что будет рубашка, галстук, и сам весь в чёрном».

Причины, по которым старшие дошкольники не хотят идти в школу, связаны с боязнью не справиться с новой, непривычной и явно более сложной, по сравнению с привычной для них детсадовской, ситуацией: «Хочу еще ходить в садик... Ну, в школе надо решать примеры, которых я еще даже не заучила», «Надо уроки делать», «Потому что здесь можно в садик походить. И поспать можно. А в школе надо уроки делать. Нету времени поспать», «Хочу остаться с мамой, а не весь день в школе», «Я думаю, что там сложно», «Потому что там не гуляют, а физкультура на улице. А еще там уроки и негде поспать нельзя в школе...», «Ну, потому что там очень сложно будет, всякие примеры будут задавать. Мне папа говорил, что даже когда человек первый раз приходит в школу, ему всё равно сложное задают». Чаще всего эти опасения будущих первоклассников являются следствием чрезмерного стремления родителей (и других взрослых членов семьи) стимулировать развитие у детей качеств, необходимых для того, чтобы хорошо учиться, а также рассказов детей, которые уже ходят в школу, о трудностях учебной деятельности.

3. «Как ты думаешь, зачем нужно учиться?»

Ответы на этот вопрос не различаются у детей, которые хотят, и которые не хотят пойти в школу. И те, и другие считают, что учиться надо, чтобы стать умным: «Чтобы поумнеть», «Чтобы быть умным», «Чтобы умной быть, чтобы всё знать», «Чтобы знать, ну не всё... но, чтобы не быть таким уж глупеньким», «Потому что... развивать мозг», «Чтобы знать... много чего. Всё знать невозможно».

Для наших респондентов накопление знаний важно не само по себе, важную роль играет использование этих знаний в дальнейшем, в частности, в общении с другими людьми, со своими детьми в будущем и с возможностью устроиться на работу: «Чтобы быть умным и чтобы все получалось», «Чтобы быть грамотным. Чтобы считать», «Примеры решать, по-английски учиться. Чтобы знать цифры, переводить», «Чтобы, если тебя спросят, ты

бы всё знал», «Когда кто-то, например, ребёнок подходит к старшему ребёнку подходит, например, задаёт какой-то примерчик. А он говорит сколько будет. Вот зачем нужно быть умным», «Чтобы быть умным. Если мы не будем учиться, то мы будем глупыми и ничего не знать. Например, сколько будет пять плюс пять, а мы скажем: один, а неправильно, будет – десять», «Чтобы всё знать и рассказывать своему ребёнку, когда он вырастет. Если что он не знает, он тогда, тогда ему мама или папа расскажет, что он хочет узнать», «Ну, чтобы быть умным, чтобы потом хорошо в институте учиться, чтобы знать все, чтобы книжки хорошо учить, считать...», «Чтобы потом найти себе работу... для того, чтобы получать деньги, зарабатывать на еду», «Чтобы потом хорошая профессия была», «Ну, чтобы пойти на работу... Ты не сможешь просто так поступить на этого хирурга, это... самая главная профессия. Хирург, да, людей спасает», «Тебе это пригодится, когда ты вырастешь. Чтобы потом не оказаться на улице».

4. «Готовишься ли ты к школе, и как готовишься?»

Готовность к школьному обучению включает в себя не только формирование познавательных мотивов, но и непосредственную подготовку детей к систематическому получению знаний. Задавая шестилеткам этот вопрос, мы ставили перед собой цель выяснить, как сейчас готовят дошкольников к школе. Но оказалось, что этот вопрос дети понимали по-разному: ответы варьировали от описания собственно настоящей подготовки через выполнение определённых заданий и получения школьных навыков до формальных вещей: покупки канцтоваров и школьной одежды и посещения родительского собрания.

Примерами такой формальной подготовки к школе могут служить следующие ответы наших респондентов: *«Мне мама купила рюкзак там. Я тетрадки, мне тетрадки собирают. Я тоже собираю, помогаю», «Я там готовлюсь к школе. Собираю карандаши, ручки. Тетрадки собираю», «Ага. У меня даже уже есть этот, пенал. Да, в нем ластик там, ножницы, которые не режут», «Да, завтра мы пойдём на родительское собрание в школу», «Да у меня уже три шкафа со школьными вещами. Ещё я и мама ходили в магазин. Мама сказала «выбери себе пенал, куда влезет много карандашей» и ручки. Я выбрала пенал двойной, с кистками. Фиолетовый», «Да, готовлюсь. Уже в августе будем покупать стол, стул, тетради, ручки, пенал, портфель. Ну, в августе будут цены хорошие, ну и в августе как раз купим. Цены снизятся». Возможно, эти ответы отражают желание родителей заинтересовать детей обучением в школе через совместную покупку школьных принадлежностей.*

Из тех старших дошкольников, которые, отвечая на вопрос о подготовке к школе, имели в виду какие-либо специальные занятия, только 14% не посещают подготовительные курсы при школе, не рассматривают занятия в детском саду как подготовку к школе и не занимаются специально дома. Среди способов подготовки к школе основными являются подготовительные курсы при школе и занятия в детском саду: *«Ну, там, например, ну вот учусь уже в школе. На подготовку (хожу)», «Ходила на подготовку в школу», «У нас занятия там разные. Например, диктант графический», «Математику учу, развитие речи».*

36% детей сказали, что готовятся к школе дома. При этом следует отметить, что участвуют в домашней подготовке детей к школе, прежде всего, родители, а также бабушки/дедушки, другие родственники и няни: *«Разные книжки, всякие учебные книжки у нас есть. По ним занимаюсь - Кто с тобой занимается? - Мама и папа», «С кем ты занимаешься? - С мамой. Она со мной занимается по тетрадям», «Да. Я учусь писать цифры и учусь писать прописными буквами - Кто с тобой занимается? - Крёстная, мама», «Я занимаюсь вместе с мамой и папой. Сама иногда занимаюсь, читаю», «Могу один, могу с папой, ну иногда с мамой. По тетрадкам занимаюсь», «Кто с тобой занимается? - Бабушка и иногда мама. Папа у меня каждый день на работе, у него только один выходной. Поэтому я с папой редко вижу, и папа меня плохо знает».*

Есть и такие дети, которые говорят, что занимаются подготовкой самостоятельно: *«Ты готовишься как-нибудь к школе? - Ну, я прописи пишу - А с кем ты прописи пишешь? - Ни с*

кем, сама по себе», «Ты готовишься уже к школе? - Да, я книжки читаю, мультики редко смотрю». Но, скорее всего, эту «самостоятельную» подготовку организуют взрослые.

Тема школы и обучения возникала и при ответах на другие вопросы, напрямую не связанные со школой. Например, что вполне закономерно, при ответах на вопросы о взрослении: «Кем ты хочешь быть в семье: младшим, средним или старшим?», «Ты хочешь быть ребёнком или взрослым?», «Когда человек становится взрослым?». Дети отвечали, например, так: «(Хотел бы быть) старшим-Почему? - Хотел (бы) учиться», «Когда я буду ходить в школу в 1 класс, если я старшим буду, мне надо раньше вставать и учиться долго», «Лучше (быть) старшим. Потому что ты тогда быстрее закончишь школу и пойдешь уже в институт», «Нравится, что старшей... чтоб я ходила в школу», «Младшим (хочу быть). - Почему? - Потому что уроки не надо делать», «(Лучше быть) взрослым. Потому что я хотела пойти в школу и мне нравится быть взрослой», «Когда человек становится взрослым? - Мм, когда он идет в школу или в институт».

Получение знаний, обучение в школе несколько неожиданным образом появляется в ответах на вопрос о трёх желаниях, которые может исполнить волшебная палочка. И если желание стать умным вполне объяснимо – если не прикладывать усилия, не учиться, то только волшебство может сделать человека умным; то желание пойти в школу с помощью волшебной палочки (учитывая обязательное общее образование) можно объяснить только желанием ребёнка управлять временем: быстрее повзрослеть или стать взрослым, оставаясь ребёнком.

«Если бы у тебя была бы волшебная палочка, ты какие три желания бы загадал? - Ну, может быть, первое – стать умным. Второе – что-то тоже типа такого получить диплом. Хорошо на работе работать, больше денег зарабатывать», «Чтоб я стал умным, чтоб я стал грамотным, чтоб я стал хорошим», «Я бы загадал, чтобы я пошел в школу ...чтобы я пошел в институт и стал кем-нибудь... чтобы у меня была профессия», «Если бы у меня была бы волшебная палочка, я бы сделала так, чтобы я навсегда осталась вот такой. - Как сейчас? -Да. - Тогда в школу не пойдёшь, получается. - Нет, я была бы всегда одного возраста, но ходила в школу».

По-видимому, не без влияния родительского воспитания и системы поощрений и наказаний хорошая учёба в школе является путем к достижению счастья:

«Что нужно человеку, чтобы стать совсем-совсем счастливым? - Хорошо учиться», «Когда ты становишься счастливым? - Когда у меня что-то получается. Получается что-то в школе, и я заслужил пойти в «Детский мир», «Хвалят меня за то, что я правильно сделала уроки. Я тут на подготовку в школу, в настоящую школу ходила и делала уроки и меня хвалили, когда я правильно все сделала, я забыла однажды листик сделать, вечером... только вечером вспомнила. Ругают вот за то, что я забыла сделать уроки», «За что наказывают детей? - За то, что разбил лампу, не выучил уроки, получил двойку в школе».

Самыми неожиданными стали упоминания о школе в связи с тем, что в нашей стране стало лучше жить и о возможностях президента: «В нашей стране лучше жить было раньше или сейчас? - Сейчас. Потому что сейчас не древние времена, сейчас по субботам не ходят в школу. Потому что ещё сейчас не древние времена, сейчас нет динозавров», «Если бы ты был президентом России, ты бы что сделал? - Я бы сказал, чтобы в понедельник один урок был, во вторник – два урока, в среду – три урока, в четверг – четыре урока, в пятницу – пять уроков».

Выводы

Таким образом, данное исследование показало, что большинство современных старших дошкольников, так же, как и их сверстники в предыдущие годы проекта, хотят пойти в школу. Детей, которые активно (по разным причинам) не хотят идти в школу, стало несколько меньше. Уменьшилось и количество ответов, в которых дети оценивают школу негативно. Современные шестилетние дети имеют более адекватное представление о школе, о том, чем там занимаются, и что их там ждет. Все дети хотят учиться хорошо, но не все уверены, что это у них получится, поскольку многие считают, что в школе учиться сложно.

Причины, по которым дети хотят идти в школу, остаются неизменными на протяжении всех лет исследования. Главная причина, почему нужно идти в школу и учиться, – это необходимость получать знания для того, чтобы быть умным. А быть умным очень важно для успехов во взрослой жизни.

Следует отметить, что детей, которых целенаправленно готовят в школу, с каждым годом становится все больше, тем не менее, остаются и дети, с которыми не проводят какие-то другие обучающие занятия кроме тех, что проводятся в детском саду.

В целом, можно заключить, что современные старшие дошкольники, как и их сверстники в прошлые годы, в большинстве своем хотят пойти в школу, хотят приобретать знания, хотят учиться хорошо. Это положительное отношение детей к школе, очевидно, является отражением общесемейных установок (прежде всего, родительских) в отношении школьного обучения, которое, в свою очередь, является базой для формирования такого взаимодействия семьи и школы, которое будет способствовать эффективной учебной деятельности детей и благополучию их школьной жизни.

Список использованных источников:

1. Егорова М.С., Зырянова Н.М., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д. Из жизни людей дошкольного возраста. Дети в изменяющемся мире. – СПб: Алетейя, 2001.–239 с.
2. Егорова М.С., Зырянова Н.М., Пьянкова С.Д., Паршикова О.В., Черткова Ю.Д. Адаптация детей в условиях изменяющегося общества. // Психология образования: проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. – М. 2004. –С. 124-126.
3. Егорова М.С., Зырянова Н.М., Алексеева О.С., Козлова И.Е., Панкратова А.А., Паршикова О.В., Пьянкова С.Д., Черткова Ю.Д. // Дошкольники нового века. – Образовательная политика. –2012. – № 6(62). –С. 54-70.

Бегунова Людмила Анатольевна
кандидат юридических наук,
ФГБНУ «Психологический институт РАО»,
125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4
E-mail: lab6510@list.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ

Аннотация. В статье анализируются аспекты взаимодействия между родителями, учениками и учителями. Показана актуальность оказания психологической поддержки детям из семей с низким уровнем родительского контроля, важность наличия общего психологического инструмента у педагога и психолога для разработки методов психолого-педагогического воздействия, направленного на поддержание психологического благополучия детей.

Ключевые слова: родительский контроль, карта наблюдения, взаимодействие между ребенком и родителем, учителем и психологом, родителем и учителем.

Begunova Lyudmila Anatolievna,
candidate of Judicial Sciences,
FGBNU "Psychological Institute of Russian Academy of Education"
125009 Moscow, Mokhovaya str., 9, p. 4
E-mail: lab6510@list.ru

THE PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN FAMILY AND SCHOOL

Abstract: The article analyzes the aspects of interaction between parents, pupils and teachers. The urgency of rendering psychological support to children from families with a low level of parental control is shown, the importance of having a general psychological tool for a teacher and a psychologist for developing methods of psychological and pedagogical influence aimed at maintaining the psychological well-being of children.

Key words: parental control, observation card, interaction between child and parent, teacher and psychologist, parent and teacher.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования ставит комплекс задач психолого-педагогического сопровождения участников образовательного процесса, чтобы обеспечить психологическое здоровье обучающихся [12, п.п. 6 и 25]. Однако задолго до эпохи «профессиональных стандартов» в психологии были разработаны научные основы психологической службы образования и методолого-теоретические положения о существовании внутренних ресурсов развития у каждого ребенка (Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов и др.). Задачу обеспечения детского психологического благополучия психологи могут решить только в совместной деятельности с педагогами и родителями [4, с. 13].

Вопросы взаимоотношений между учеником, учителем и родителями всегда были актуальными в воспитании и обучении «трудных» детей. У каждого участника образовательного процесса, у учителя, ученика и родителя, есть свое представление о «хорошем» и «плохом» ученике, учителе и родителе. На практике типичны ситуации, когда учителя и родители занимают разные стороны воспитательного и образовательного процесса, и каждая сторона уверена, что она действует в интересах детей. К сожалению,

обычны случаи, когда родители открыто при ребенке негативно высказываются в адрес учителя, одноклассников и их родителей, а также и наоборот, когда учителя в присутствии детей или других родителей в негативном аспекте позволяют себе обсуждать поведение ребенка, его родителей, семейную ситуацию и т.п. В итоге у детей создаются негативные установки к учителю или одноклассникам, ребенок теряет авторитет в детском коллективе, у детей могут усугубиться конфликтные отношения с родителями, т.е. формируются «смысловые барьеры» на пути получения образования и воспитания [11, с. 10].

Вопросы взаимодействия и взаимоотношений между семьей и школой, между учителем и школьником актуальны для системы образования в любой части мира. Например, Марло Хандрикс с соавторами провели исследование влияния учительских симпатий и антипатий на статус ребенка в школьном коллективе, каким образом отношение учителя к ребенку может быть дополнительным ресурсом оптимизации развития учеников. Авторы приводят множество экспериментальных исследований о том, что негативное отношение учителя к ученику снижает статус ребенка в коллективе, однако и статус «любимчика» учителя не повышает социометрического ранга школьника. Более того, есть исследования, показавшие, что поддержка учителей больше способствовала снижению статуса ребенка среди сверстников, чем открытый конфликт ученика с учителем [15]. Авторы приходят к выводу, что, когда у учителя есть обратная связь об эффекте их коммуникаций с учеником, и учитель умеет корректировать поведение с конкретным ребенком, то тогда удастся снизить конфликты ребенка с окружающими или в рамках культурно-исторической теории развития психики улучшить *социальную ситуацию развития* школьника [3].

Влиянию личности учеников, их внутренних ресурсов, на отношения между школьниками и учителем, а также на мотивацию обучения посвящено исследование М. Зее с соавторами [17]. Авторы выдвигают гипотезу о том, что индивидуальные черты учащихся, входящие в пятифакторную модель личности («Big Five personality»), могут предсказывать (выступать предикторами) проблем подросткового возраста в зависимости от того, на каком уровне происходит взаимодействие между учеником и учителем. Качество взаимоотношений между учеником и учителем рассматривается как трехуровневая модель: уровень «близость»/«closeness» (охватывающий теплоту, поддержку и открытую связь), уровень «конфликт»/«conflict» (несогласие и протест) и уровень «зависимость»/«dependency» (собственническое отношение и чрезмерная зависимость от учителя). Личностные черты школьников не только предрасполагают к тому, что они по-разному взаимодействуют и оценивают отношения между учеником и учителем, а представляют собой внутренние ресурсы, которые, в свою очередь, могут также влиять на различия в интернализации мотивов обучения.

Авторы приводят данные о том, что с возрастом у детей уменьшается влияние качества отношений с учителем на учебную мотивацию и школьные успехи, однако, они отмечают ряд исследований, где четко указано, что качественные отношения между учеником и учителем продолжают играть важную роль в учебной мотивации старшеклассников и в их академических успехах. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что высокий уровень поддержки учителей может уменьшить чувство стресса детей при переходе в среднюю школу, связанное с увеличением сложности учебной программы, изменениями учебных целей и социальных требований [17].

Результаты исследования показали, что учителя младших классов часто предпочитают экстравертированных учеников застенчивым детям. Невротические, эмоционально неустойчивые дети оцениваются учителями как «трудные» в работе. Такие дети больше требуют энергии от учителя, чтобы контролировать свое поведение и помогать им на занятиях в классе. Высокий уровень невротизма ребенка служит предпосылкой к более конфликтным и зависимым отношениям между учеником и учителем, а также низкой мотивации к обучению. Высокий же показатель экстраверсии детей оказался связан не только с «качественными», близкими отношениями в диаде ученик-учитель, но и с более высокими уровнями конфликта между учителями и учениками. Такие дети с большей

вероятностью могут одновременно испытывать высокий конфликт и близость с учителями, в то время как застенчивость детей служит буфером против конфликта в классе. Поиск признания, привлечение внимания к себе детьми-экстравертами часто отталкивает от них учителей, тогда как замкнутые дети демонстрируют спокойное и послушное поведение. Однако автономные, независимые дети больше мотивированы на успех в сравнении с зависимыми, робкими детьми. Исследователи приходят к выводу, что *зависимые отношения*, а не *конфликт с ребенком*, являются более важными отрицательными предиктором академических успехов детей. Внутренние ресурсы младших школьников, особенно межличностные аспекты, предсказывают и могут способствовать или препятствовать качеству взаимоотношений между учителями и учащимися в средней и старшей школе. Вряд ли можно изменить личностные особенности детей, однако понимание учителями характера ребенка может помочь им сформировать благоприятную среду обучения, которая более созвучна школьным социальным и образовательным требованиям [17]. Следует отметить, что вывод авторов, Zee M., Koomen H.M, Van der Veen I., об отрицательной роли зависимых отношений между учеником и учителем, согласуется с исследованиями А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых о том, что старательность и прилежание в начальной школе часто маскируют интеллектуальную пассивность, выявляющуюся в средней и старшей школе. Также «отсутствие правильных – с психологической точки зрения – взаимоотношений между учеником и учителем отрицательно влияет не только на процесс становления учебной деятельности, но и на развитие личности ребенка, прежде всего на его саморегуляцию, рефлексивность, самостоятельную оценку результатов собственных действий» [8, с. 127].

Kathryn R. Wentzel, Shannon Russell и Sandra Baker провели исследования о связи школьной успеваемости подростков из малообеспеченных семей с их ощущением эмоциональной поддержки со стороны родителей, учителей и сверстников [16]. Диагностика личностных ориентаций детей, чувства их эмоционального благополучия проводилась по анализу интерпретации детьми поведения родителей, учителей и одноклассников. Получены ожидаемые результаты о важности родительской поддержки для ощущения детьми эмоционального благополучия. Учителя способны обеспечить детям высокий уровень эмоциональной поддержки, который мотивирует учащихся к успеху, но не в состоянии обеспечить адекватные учебные ресурсы для поддержки фактического обучения вне школьных часов. Авторы приходят к выводу, что если благополучный эмоциональный контакт (эмоциональная поддержка) со стороны родителей и учителей сказывается на академических успехах детей, на развитие когнитивных способностей, то поддержка со стороны сверстников влияет на поведение детей в классе. Отвержение ребенка со стороны ровесников способствует ответному агрессивному самоутверждению [16]. Однако в любом случае главным социальным институтом для ребенка остается семья, в какой бы части земного шара он не находился, и какие бы передовые технологии обучения не использовали бы педагоги. Взаимодействие между учителями и родителями, между семьей и школой, является одним из факторов, обеспечивающих благополучный или неблагополучный аспект социальной ситуации развития ребенка [4, с. 46].

В работе Hale R., Claire L. Fox и Michael Murray проанализированы трудности родителей при взаимодействии со школой, причины отсутствия партнерских отношений со школьной администрацией. Опрос родителей, проведенный на севере-западе Англии, выявил разочарование и недоверие к учителям в ситуациях, когда родители пытались помочь детям прекратить издевательства над ними в школе («bullying») [14]. Учителя объясняли родителям, что они не предпринимали никаких мер, т.к. им не было известно о фактах травли детей, не было жалоб ни от родителей, ни от детей. Часть родителей сообщала, что они не ставили школу в известность специально, т.к. опасались, что дети получат репутацию «жалобщиков». А с другой стороны, учителя отмечали, что часто родители отрицали ситуации «психологического неблагополучия детей» вместе с отрицанием своей родительской неуспешности, и учителя оставались с «затравленным» ребенком без поддержки его семьи. Выявленные авторами жалобы родителей на попустительство

учителей, а учителей на попустительство родителей в виктимизации детей, типичны и для российских школ: «школа попустительствует виктимизации детей, учителя подвергают риску детей», «неверие учителям, что они не знали о проблемах запугивания», «загрузка учителей», «полное перекалывание на учителя ответственности» и т.п. Для решения подобных конфликтов между родителями и школой, когда родители обвиняют школу, а школа родителей в виновности виктимизации детей, авторы предлагают разрабатывать специальные программы по просвещению учителей и родителей, и приводят примеры положительного решения поддержки детей, подвергающихся насилию со стороны одноклассников в тех школах, где были разработаны программы взаимодействия между учеником-учителем-родителем в случаях травли детей в школе. [14]. Одной из форм взаимодействия между семьей и школой по вопросам издевательств над детьми в школе по оказанию адресной психолого-педагогической помощи детям, родителям и учителю, отработки сценариев поведения, может быть вариант с применением кейс-метода в условиях сетевого взаимодействия общего и дополнительного образования [1].

Согласно пункту 3 статьи 42 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» психолого-педагогическая помощь оказывается детям только на основании заявления или согласия в письменной форме их родителей (законных представителей) [13]. Однако достаточно типичны случаи, когда родители отрицают проблемы психического развития и поведения детей, вступают в открытую конфронтацию с администрацией школы и оставляют детей без возможности оказания психологической помощи и коррекции. Поскольку закон не уточняет, какое из психолого-педагогических воздействий возможно без согласия родителей, повышается риск того, что дети могут остаться без психологической поддержки, как в школе, так и дома. Например, не будет ли даже простая тренировка внимания и памяти ребенка на уроке психологии нарушением закона? Учителя говорят о своем бессилии в ситуациях отказа родителей на работу с психологом и пытаются на свой страх и риск помогать детям, либо так же как и родители начинают игнорировать проблемы учеников. Яркой иллюстрацией факта отрицания умственной отсталости ребенка является сцена у директора школы, описанная в романе Киз Д. «Цветы для Элджерона», когда матери героя сказали о необходимости перевода ребенка в интернат для умственно отсталых детей: «- ... Он нормальный! Он нормальный! Он вырастет и будет как все остальные! Лучше, чем все остальные! – Она пробует вцепиться учительнице в лицо, но папа крепко держит ее ... Папа выталкивает маму из кабинета, но она продолжает кричать и плакать». Отрицание проблем в развитии сына, неприятие его особенностей развития впоследствии сменилось у матери эмоциональным отвержением и ненавистью к сыну: «Я больше не могу! Он должен уйти! ...» [5, с. 96, с.225].

Однако и вопросы компетентности школьных психологов, качества диагностики психического развития и личностных особенностей остаются актуальными, в том числе и по причине изменения социальной ситуации развития детей в условиях информационного общества, которые требуют корректировки диагностического материала для изучения личностного развития школьников и оказания детям, при необходимости, психологической поддержки. В обществе меняется представление о семейных ценностях, меняются семейные роли, стали привычными незарегистрированные браки, создание новых семей в зрелом возрасте и позднее рождение детей. Учителя отмечают, что перестало быть редкостью, когда дети после разводов остаются проживать с отцами, а матери выступают в роли «воскресного папы». Для общеобразовательных школ стало типичным, когда в одном классе учатся дети из семей с разными этнокультурными традициями и т.д. и т.п.

В течение 2017-2018 учебного года мы провели анкетирование среди учителей 3-х московских общеобразовательных школ. Цель небольшого пилотажного исследования – выявить, выделяют ли для себя учителя детей, которые могут получить психологическую поддержку только, посещая школу, т.е. детей из семей с «низкой» родительской ответственностью. Мы специально взяли понятие «родительская ответственность», а не «семьи группы риска», т.к. дети и из внешне благополучных семей могут воспитываться в

условиях эмоциональной депривации, психологического насилия, родительского перфекционизма и т.п. [2]. Второй целью исследования было показать, выделяют ли учителя симптомы дезадаптивного поведения детей при заполнении карты наблюдения Д. Стотта.

В анкетировании приняло участие 20 учителей, среди них были два учителя со стажем работы в школе до пяти лет (преподаватель истории и английского языка), четыре учителя со стажем работы 50 лет (один учитель математики и три учителя начальной школы), 14 учителей со стажем работы в школе от 22 до 28 лет. На вопросы анкеты ответили два учителя истории, один - русского языка и литературы, один – биологии и 10 учителей начальной школы. Учитывая маленький объем выборки, обработка результатов проводилась простым ранжированием ответов, когда первый ранг присваивался большей сумме ответов учителей.

Все учителя отметили, что в их повседневной практике детей из «проблемных» семей встречается от одного до пяти учеников в каждом классе. Во всех трех школах, где проводилось анкетирование учителей, работает штатный психолог, и все 20 учителей ответили, что они консультируются с психологом по «трудным» детям и по детям из семей группы риска. К «трудным детям» учителя относили в первую очередь детей с неадаптивным поведением, которые были как из семей группы социального риска, так и из внешне социально благополучных семей. Каждый учитель ответил, что рекомендовал родителям обратиться к психологу, 11 учителей ответили, что они рекомендовали родителям также консультации детских психиатров, и только в практике трех учителей были случаи, когда родители по личной инициативе обратились к учителю и школьному психологу.

Описывая поведение детей из семей группы риска, 16 учителей отметили, что дети были инициаторами агрессии, травли одноклассников, и только четыре учителя указали, что они встречали детей из неблагополучных семей, которые не были инициаторами конфликтов в классе. При этом ни один из опрошенных учителей не ответил, что данные дети сами подвергались травле со стороны одноклассников. Двое учителей ответили, что они были свидетелями агрессивного поведения со стороны учителя в отношении таких детей («за курение в туалете макала головой в унитаз», «обзывала в классе» и т.п.).

Среди позитивных изменений в *психическом развитии* детей после консультаций со школьным психологом по оценке педагогов наибольший ранг (19 ответов) получил показатель – «стал внимательней на уроках», следующим показателем учителя отметили (15 ответов) – «дополнительное образование» (стали посещать танцы, хор, кружок по истории), третий ранг (9 ответов) – «появление познавательных интересов», по два ответа было получено на «повышение успеваемости».

Оценивая результаты работы школьного психолога, учителя следующим образом отразили позитивные изменения в *поведении детей*: наибольший ранг (17 ответов) получил показатель «стали реже невротические симптомы» (учителя отмечали, что дети стали меньше грызть ногти, ходить на носках, не так заметны стали тики и т.п.), следующий показатель (13 ответов) – «стали меньше участвовать в драках», 8 ответов – «стали реже немотивированные агрессивные поступки» (порча имущества, удары по столу, по стенам и т.п.), 3 ответа – «стал лучше внешний вид» и 2 ответа – «появились друзья в классе».

Учителя ответили, что в их практике примерно от 60% до 80% дети с признаками неадаптивного поведения проживали в полной семье с родными родителями, 25-30% - проживали с матерью и отчимом, 20-30% - с одной матерью, один учитель отметил, что в его классах училось двое детей, которые воспитывались одним отцом.

Среди причин положительных изменений в поведении и психическом развитии детей учителя на первый план поставили индивидуальную работу педагога (20 ответов), на второй - работу психолога (15 ответов), на третий – совместную работу педагога и психолога (12 ответов) и только два ответа было – «совместная работа педагога, психолога и родителей». Наибольший ранг в оценке учителями эффективности работы психолога, получил показатель – «психолог помог учителю наладить контакт с родителями».

Таким образом, небольшое анкетирование показало, с одной стороны, актуальность психологической службы в школе, а с другой стороны, разобщенность в работе с детьми психолога и педагога. С целью интегрировать работу педагога и психолога, мы предлагаем отчасти забытую, а отчасти неоправданно критикуемую, методику программированного наблюдения, карту Д. Стотта, хорошо зарекомендовавшую себя в работе школьного психолога и возможности взаимодействия педагога и психолога [9].

В нашем исследовании, кроме анкеты, учителям также было предложено заполнить карту Д. Стотта на детей из их педагогической практики, которые были из семей группы риска. В результате мы получили заполненные карты на 9 детей, обучающихся в 3, 4 и 7 классах, трое детей в возрасте 10 лет, пять детей в возрасте 11 лет и один ребенок 13 лет, среди них получены результаты на шестерых мальчиков и трех девочек.

Следует отметить, что если на вопросы анкеты все учителя дали ответы, то заполнить Карту наблюдения Д. Стотта согласились только 9 из 20 педагогов. Отказы учителя объясняли тем, что они загружены текущей работой, трое учителей признали, что им недостает профессиональных знаний, и они побоялись неверно отметить симптомы детей.

Работая с картой наблюдения, от учителя требовалось только зафиксировать симптомы, которые они наблюдали у детей из семей группы «риска». Обработка результатов проводилась балльным подсчетом симптомов и переводом в проценты [8, с. 261-263, 10, с. 70-78].

В сумме по всем девяти детям получен наибольший показатель частоты симптомов по симптомокомплексу «гиперактивность» (Г) – 1-й ранг, затем следует «враждебность по отношению к взрослым» (ВВ) – 2-й ранг, «асоциальность» (А) и «враждебность к детям» (ВД) – 3-й ранг, «ослабленность» (О), «тревожность по отношению к взрослым» (ТВ) и «тревога по отношению к детям» (ТД) – 4-й ранг, «уход в себя» (У) и «недоверие к новым людям, вещам, ситуациям» (НД) – 5-й ранг, «эмоциональное напряжение» (ЭН) и «умственное развитие» (УР) – 6-й ранг, «невротические симптомы (НС) и «неблагоприятные условия среды» (С) – 7-й ранг, «болезни, органические нарушения» (Б), «физические дефекты» (Ф) и «сексуальное развитие» (СР) – 8-й ранг.

Рассматривая индивидуальные результаты карт наблюдения, у всех девяти детей можно отметить «заметно выраженные» значения тех или иных симптомов нарушения механизмов личностной адаптации – выше 25%. У двух детей – «заметная выраженность симптомов» (от 24% до 29%), у двух детей – «сильная выраженность» комплексов симптомов (от 42% до 56%), у трех детей – сильно выражены симптомы от 61% до 76%. У двух мальчиков 11 лет отмечены максимальные показатели – от 82% до 100%, что данные симптомокомплексы переросли себя и мы имеем дело с другим качеством [10, с. 71].

Наиболее «благополучные» результаты (девочка 11 лет, «уход в себя» – 26% и мальчик 10 лет, «тревожность по отношению к взрослым» – 24%, «враждебность по отношению к взрослым» – 29%) могут свидетельствовать о ситуативных реакциях поведения ребенка на сложившиеся жизненные обстоятельства и проявления механизмов личностной защиты. Например, все наблюдаемые учителем симптомы, включая значения, не превышающие «яркую выраженность» дезадаптивных форм поведения, девочки 11 лет тем или иным образом описывают замкнутость ребенка, стремление «уйти в себя» и стать незаметной, не попадаться на глаза взрослым. Внимание к себе девочка склонна воспринимать как ожидание наказания, а не проявление чувств симпатии или любви. Уход от контактов «помогает» девочке избегать ситуаций неуспеха, как в глазах взрослых, так и детей. При внешне неагрессивном и беспроблемном для учителя поведении девочки, педагог отметил напряженность ребенка в общении с взрослыми и детьми, указав в дополнении к карте наблюдения, что ему известно, что родители девочки «пьют и периодически не работают».

Проблемы во взаимоотношениях с взрослыми («тревожность в отношении взрослых» – 24%, «враждебность по отношению к взрослым» – 29%) отмечаются и у мальчика 10 лет, в семейной истории которого учитель рассказал о доминантном отце в семье, отец сторонник жестких мер воспитания детей. Исследуемый десятилетний ребенок является старшим в

семье и со слов учителя полностью отвечает за поведение брата 8 лет и шестилетней сестры. В качестве примера, учитель рассказал, как был свидетелем наказания мальчика отцом за то, что младший брат забыл физкультурную форму в школе.

Максимальное значение - 100% по симптомокомплексу «уход в себя» получено у мальчика 11 лет, у которого симптомокомплекс «уход в себя» сочетается с крайне высокими значениями симптомокомплексов «асоциальность» (82%) и «гиперактивность» (83%), с сильно выраженными значениями симптомокомплексов «враждебность в отношении взрослых» (63%), «тревога по отношению к детям» (62%), «враждебность в отношении детей» (54%), «недоверие к новым людям, вещам, ситуациям» (52%), «ослабленность» (45%), «умственное развитие» (44%), «эмоциональное напряжение» (41%), а также учитель отметил «заметную» выраженность симптомокомплексов «тревожность по отношению к взрослым», «неблагоприятные условия среды» (29%) и «невротические симптомы» (27%). Такой набор наблюдаемых и противоречащих друг другу симптомокомплексов в поведении мальчика свидетельствует о ярко выраженной дезадаптации (например, «гиперактивность» и «уход в себя», «живет в своем мире» и «любит быть в центре внимания», «очень непослушен, не соблюдает дисциплину» и «им легко управлять»), о психологическом неблагополучии ребенка и о возможных органических поражениях нервной системы. Мальчику необходимо дополнительное психологическое и медицинское обследование, однако следует иметь в виду, что это может быть и результатом предвзятого отношения к ребенку со стороны учителя. Дополнительно к перечисленным симптомам карты наблюдения учитель указал, что данный мальчик – младший, третий ребенок в семье, проживает с матерью, два старших брата от разных отцов, мать не контролирует выполнение домашних заданий. Поведение ребенка и школьная успеваемость стали немного лучше, когда в течение последнего года отец стал заниматься с сыном, но контакта у учителя с родителями практически нет.

У другого мальчика 11 лет также получено максимальное значение 100%, но на этот раз по симптомокомплексу «враждебность по отношению к детям», также сочетается с очень сильно выраженным показателем симптомокомплексов «враждебность в отношении взрослых» (76%) и «гиперактивность» (67%), сильно выраженными симптомокомплексами «асоциальность» (55%), «тревожность по отношению к детям» (52%), «неблагоприятные условия среды» (43%), «уход в себя» (42%) и «эмоциональное напряжение» (41%). Данные результаты отражают серьезные проблемы ребенка в адаптации в школьном коллективе и отношениях с взрослыми. Дополнительно учитель указал в анкете, что в семье нет единого подхода к воспитанию, а школа и учителя – враги.

Таким образом, *лидирующими* показателями дезадаптивного поведения, по мнению учителей, выступают симптомокомплексы «гиперактивность» и «враждебное отношение к взрослым», т.е. можно выдвинуть гипотезу, что учителя в первую очередь выделяют то, что они наблюдают в процессе учебной деятельности у детей: нетерпеливость, неприспособленность к работе, требующей усидчивости, концентрации внимания, размышления, избегание долговременных усилий и т.п. Учителя также отмечают признаки поведения детей, основываясь на опыте их взаимодействия с ребенком: от избегания учеником педагога, подозрительности к нему до неконтролируемой привычки враждебности. Основные симптомы «трудных современных детей» по-прежнему можно разделить на две группы, выделенные Л.С. Славиной более пятидесяти лет назад: «мотивационно-аффективные» и «с неувоенными правилами поведения» [11].

Результат того, что *наименее* выраженные показатели получены по симптомокомплексам физического и сексуального развития детей, также ожидаем, т.к. оценка данных симптомов частично выходит за рамки компетенции учителя и дети в общеобразовательной школе обычно не имеют серьезных проблем со здоровьем и физических недостатков.

При рассмотрении суммарных показателей нарушений форм адаптивного поведения, стоит отметить тенденцию к сочетанию симптомокомплексов «в синдромы» нарушения

поведения, проявляющиеся в активном протестном поведении детей (агрессия, гиперактивность) и симптомокомплексов, отражающих тревогу детей в общении с взрослыми и ровесниками. Выраженность симптомокомплексов у детей из семей «группы риска», из семей с неадекватным уровнем родительской ответственности имеет примерно такую же тенденцию, что и по результатам наблюдения за воспитанниками детских домов. У детей из «сложных» семей также как и воспитанников детских домов неудовлетворена потребность в принятии их взрослыми, а формы общения примитивны и неразвиты [9, с. 122-124].

Несмотря на то, что мы просили заполнить карты наблюдения на детей из «неблагополучных семей», выраженность симптомокомплекса «неблагоприятные условия среды» невысокая и занимает в нашей выборке седьмой ранг. Однако дополнительно на всех детей учителя указали разные конфликтные истории из жизни семьи учеников, свидетельствующие о их жизни в дисфункциональных семьях и, вероятно, с нарушенными эмоциональными связями с родителями. Кроме перечисленных выше семейных историй, учителя давали такие сведения о семьях детей, на которые они составляли карты наблюдения: *«Отец алкоголик. Мать умерла, была тоже пьяница. Умерла от цирроза печени. Старшая девочка видела драки. Скандалы. Есть младшая сестра, полная противоположность старшей – хорошо учится. Очень ласковая и добрая девочка, но последнее время тоже стали наблюдаться некоторые отрицательные моменты в поведении»*; *«Мама очень часто пьет и скандалит, курит (с учителями ведет себя как «ежик»), часто бьет детей. Ребенок дома «заброшен»: не контролирует домашние задания, также свободное время, девочка гуляет, где хочет и как хочет. На просьбы учителей забрать перед праздником ребенка пораньше «все на корпоративе». Пойти с детьми в театр или на каток отказывается, т.к.: «Нельзя покурить!»*; *«Воспитанием занимается мать, которая практически не допускает отца к процессу, а отец и не стремится к этому (самоустранился)»*. Невысокая выраженность симптомокомплексов «неблагоприятная среда» обусловлен тем, что перечисленные в карте наблюдения симптомы касаются присутствия – отсутствия ребенка в школе и его внешнего вида и не содержат данных о семье.

Данное исследование не претендует на полную оценку эффективности психологической службы в школе, но, тем не менее, демонстрирует востребованность со стороны учителей работы психолога с детьми из «семей риска». Учителя «видят» детей, которые растут в сложных жизненных обстоятельствах, обусловленных разнообразными семейными проблемами, и отмечают актуальность оказания психологической поддержки таким детям. Программированное же наблюдение за детьми обладает обучающим эффектом и тренирует способность наблюдателя. А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых отмечают, что работа с картой позволяет педагогу отрефлексировать стихийно сложившиеся знания о ребенке [8, с. 285].

Предложенная нами учителям карта программированного наблюдения Д. Стотта разработана в середине прошлого века и адаптирована сотрудниками НИИ психоневрологии им. В.М. Бехтерева во второй половине 70-х годов [8, с. 250]. Естественно, за это время, как и любой другой психологический тест, карта наблюдения стала нуждаться в модификации. С целью оптимизировать работу учителя над фиксацией в карте наблюдения дезадаптивных симптомов поведения детей мы предлагаем свою модификацию карты наблюдения Д. Стотта, которая по нашему замыслу должна стать более компактной и удобной для заполнения.

Разработанная нами модель карты наблюдения содержит «традиционные» симптомы «тревожного» и «враждебного» поведения детей и симптомы, связанные с использованием детьми гаджетов, а также наблюдение за поведением родителей, включая общение учителя с родителями и детьми в интернет пространстве и мессенджерах. Мы посчитали целесообразным включить в карту наблюдения не только признаки дезадаптивного поведения, но и признаки ресурсных возможностей детей, опираясь на которые психолог мог

бы выстраивать программу коррекционной работы с ребенком. Электронная версия методики позволит на основе отмеченных симптомов из разных симптомокомплексов, автоматически объединять их с целью выявить общую «картину неприспособленности» детей к школе и диагностировать типичные механизмы личностной защиты и способы совладания с неприятными ситуациями.

В данной статье мы попытались показать актуальность наличия «общего» психологического инструмента для изучения личности школьника у преподавателя и психолога. Следует отметить, что работа с картой наблюдения не должна быть обязательным предписанием для педагога, а должна использоваться только по необходимости, когда учитель испытывает трудности в общении с учеником или наблюдает признаки дезадаптивного поведения ребенка и/или родителей. Школьный психолог, в отличие от учителя, имеет гораздо меньше возможностей для повседневного наблюдения за ребенком и взаимодействия с родителями, особенно, когда речь идет о младших школьниках. Целенаправленное программированное наблюдение за детьми помогает не только выявить симптомы нарушения поведения, но и наметить программу работы психолога с ребенком, опираясь на отмечаемые учителями позитивные формы поведения детей, а также позволяет в полной мере использовать учительский опыт в работе с ребенком для корректировки его поведения. В свою очередь, в результате продуктивного взаимодействия, а не противостояния между педагогом и психологом, школой и родителями, психолог, оказывая психологическую поддержку ребенку, способствует улучшению психологического климата в классе, снижению рисков травли и повышению успеваемости.

Список использованных источников:

1. Акимова Е.Ф., Шварева О.В., Синюкина О.В. Психолого-педагогическое сопровождение социальной адаптации обучающихся с применением кейс-метода в условиях сетевого взаимодействия общего и дополнительного образования // *Современные проблемы науки и образования*. – 2017. – № 1.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26121> (дата обращения: 14.03.2018).
2. Андреева А.Д., Данилова Е.Е. Родительский контроль в современном обществе: приоритеты и формы реализации [Текст] // *Научный диалог*. – 2017. – №4. – С. 220-232. – 0,6 п.л. – 500 экз. – ISSN 2225-756X.
3. Выготский Л.С. *Собрание сочинений: В 6-ти т.; Т.4.* - М.: Педагогика, 1984. - с. 244-268.
4. Дубровина И.В. *Психологическое благополучие школьников : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / И. В. Дубровина.* — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 167 с. — (Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс).
5. Киз Д. *Цветы для Элджерона / Дэниел Киз; [пер. с англ. С. Шарова].* – Москва, 2017. – 384 с.
6. Локалова Н.П. *Познавательное и личностное развитие учащихся в системе современного школьного образования. Учебно-практическое пособие.* – М.: Педагогическое общество России, 2013. – 144 с.
7. *Практическая психология образования; Учебное пособие 4-е изд. / Под редакцией И.В. Дубровиной* — СПб.: Питер, 2004. — 592 с.
8. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. *Психология сиротства, 2-е изд.* – СПб.: Питер, 2005. – 400 с.: ил. – (Серия «Детскому психологу»).
9. Прихожан А.М., Толстых Н.Н. *Дети без семьи: (Детский дом: заботы и тревоги общества).* – М.: Педагогика, 1990. – 160 с.: ил.
10. Регуш Л.А. *Практикум по наблюдению и наблюдательности. 2-е изд., переработанное и дополненное.* — СПб.: Питер, 2008 — 208 с.: ил. — (Серия «Практикум по психологии»).
11. Славина Л.С. *Трудные дети.* – М. – Воронеж, 1998. – 447 с.:

12. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утвержден приказом Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897) [Электронный ресурс]. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/938> (дата обращения: 15.06.2018).

13. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 29.07.2017) "Об образовании в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. - http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174 (дата обращения: 23.06.2018).

14. Hale R., Fox Claire L., Murray M. "As a Parent You Become a Tiger": Parents Talking about Bullying at School. *Journal of Child and Family Studies*, July 2017, Volume 26, Issue 7, pp 2000–2015. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10826-017-0710-z>.

15. Hendrickx, Marloes M. H. G., Mainhard, Tim, Oudman, Sophie, Boor-Klip, Henrike J., Brekelmans, Mieke Teacher behavior and peer liking and disliking: The teacher as a social referent for peer status. *Journal of Educational Psychology*, Vol 109(4), May 2017, 546-558 <http://dx.doi.org/10.1037/edu0000157>

16. Wentzel, K. R., Russell, S., & Baker, S. (2016). Emotional support and expectations from parents, teachers, and peers predict adolescent competence at school. *Journal of Educational Psychology*, 108(2), 242-255. <http://dx.doi.org/10.1037/edu0000049>

17. Zee M., Koomen H.M, Van der Veen I. Student-teacher relationship quality and academic adjustment in upper elementary school: The role of student personality. *Journal of School Psychology*. 2013 Aug;51(4):517-533. doi: 10.1016/j.jsp.2013.05.003. Epub 2013 May 29.

Островский Антон Николаевич
кандидат медицинских наук, доцент
Российский государственный социальный университет
Руководитель Центра медиации и общественного взаимодействия,
доцент кафедры менеджмента и административного управления;
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4, стр.1
Московский государственный психолого-педагогический университет;
доцент кафедры юридической психологии и права
127051, Москва, ул. Сретенка, д.29
E-mail: ostrovskii@rgsu.net

Складчикова Екатерина Сергеевна
Российский государственный социальный университет
Заместитель руководителя Центра медиации и общественного взаимодействия
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, дом 4, стр.1
E-mail: e-skladchikova@yandex.ru

Гапченко Виктор Сергеевич
Магистр, направление подготовки «психолого-педагогическое»,
«Медиация в социальной сфере»
Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, Москва, ул. Сретенка, д.29
E-mail: gapvik@ya.ru

ОПЫТ И ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНОЙ МЕДИАЦИИ В РОССИИ

Аннотация. В статье представлен и обобщен опыт применения семейной медиации в России. Рассмотрены существующие успехи и ограничения, проанализированы проблемные вопросы, описаны перспективы развития. Проведены различия между медиативной практикой и психологической помощью, обоснована возможность апробации обязательной предварительной раздельной встречи с медиатором в случае развода супругов, имеющих несовершеннолетних детей, при определении места жительства, порядка общения с детьми и выплаты алиментов.

Ключевые слова: обязательная предварительная раздельная встреча с медиатором, медиация, развод, определение порядка общения с детьми, алименты, конфликт, семейный спор.

Ostrovskiy Anton Nikolaevich
Candidate of medical sciences, associate professor,
Russian State Social University,
Director of Center for mediation and social cooperation,
Associate Professor of Department of Management and administration
129226, Moscow, Wilgelma Pika,4
Moscow State University of Psychology & Education
Associate Professor of Department of Legal psychology and law
127051, Moscow, Sretenka, 29
E-mail: ostrovskii@rgsu.net

Skladchikova Ekaterina Sergeevna
Russian State Social University,

*Vice director of Center for mediation and social cooperation
129226, Moscow, Wilgelma Pika,4
E-mail: e-skladchikova@yandex.ru*

Gapchenko Victor Sergeevich
*Moscow State University of Psychology & Education
Associate Professor of Department of Legal psychology and law
127051, Moscow, Sretenka, 29
E-mail: gapvik@ya.ru*

THE EXPERIENCE AND POTENTIAL OF IMPLEMENTATION FAMILY MEDIATION IN RUSSIA

Abstract. The experience of applying family mediation in Russia is generalized and submitted in the article. Examined existing success and boundaries, problem issues are analyzed, the perspectives of implementation are described. The differences between mediation and psychological family help are defined. The implementation of obligatory separate pre-mediation meeting in case of parents divorce is discussed, including the issues of alimony, the order of communication with children and the place to live.

Key words: obligatory separate pre-mediation meeting, mediation, divorce, order of communication with children, alimony, conflict, family case

Расторжение брака родителей, имеющих несовершеннолетних детей, является одним из серьезнейших стрессов для ребенка, подвергающих риску его социальное благополучие. Фактором, усиливающим данную ситуацию, являются, зачастую, ход и последствия судебного процесса, который в соответствии со ст.21 Семейного Кодекса РФ [7] является обязательным при разводе супружеских пар, имеющие детей в возрасте до 18 лет. Принятие решений судьей в подобных процессах осуществляется в условиях огромного этического риска вынесения вердикта, противоречащего желанию и интересам ребенка. «Камнем преткновения» таких процессов достаточно часто становятся вопросы определения места жительства ребенка после развода его родителей; формата общения с ребенком родителя, с которым он не будет проживать, а также выплата алиментов. Негативным последствием бракоразводных процессов является отказ одного из бывших супругов от исполнения решений суда, нарушающий родительские права другого родителя в части формата общения с ребенком, места жительства ребенка или выплаты алиментов. Так же, исследованы и описаны реакции детей на развод родителей, в том числе формирование будущих стратегий поведения в семейной жизни и привязанность. [5, с. 197-203].

Необходимо отметить, что речь идет не только о супругах, находящихся в процессе развода. Речь о родителях, находящихся в процессе развода, состоявших либо никогда не состоявших в браке, но имеющих общих детей и спорные вопросы в части определения места жительства детей, порядка общения и выплаты алиментов. Частой ситуацией является развод родителей без судебного определения вопросов, касающихся детей, что в последствии создает проблемные ситуации, особенно в случаях изменения уклада жизни детей и родителей, а так же появления новых партнеров. На общение с детьми так же могут претендовать бабушки и дедушки, не участвовавшие в судебном процессе. В данной статье речь идет обо всех категориях случаев, но для краткости используются такие обороты как "разводящиеся супруги", "родители".

Все вышеперечисленное определяет задачи по разработке новых подходов по реализации прав и принципов, перечисленных в Декларации прав ребенка провозглашённой резолюцией 1386 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года. Общеизвестным в мировом масштабе инструментом работы с семейными конфликтами, позволяющим

наиболее оптимально обеспечивать защиту прав и интересов детей в случае развода их родителей является семейная медиация, дающая возможность сторонам конфликта при проведении переговоров с участием независимого посредника сохранить свои психологические ресурсы; восстановить ухудшившиеся отношения; благодаря осознанию сторонами собственных истинных интересов и потребностей, а также интересов и потребностей противоположной стороны прийти к приемлемым способам взаимодействия. [5, с. 19], [6, с. 127].

В семейные споры, кроме самих сторон конфликта и детей, оказываются вовлечены не только судебные инстанции, но и социальные службы и даже образовательные учреждения. Это большой клубок, который не распутывается с вынесением судебного решения.

Преимуществом семейной медиации является предоставляемая супругам возможность обсуждения всех спорных вопросов в рамках конфликта, решение которых удовлетворяет интересам как самих разводящихся, так и их детей. [2, с. 80], [3, с. 94] Итогом таких процедур могут стать договорённости о дальнейших взаимоотношениях, обеспечивающих статус полноправного родителя для того члена пары, который будет проживать отдельно от ребенка, а также приемлемые коммуникации между членами семьи. Достигнутые договоренности будут способствовать, в итоге, принятию исполнимых мировых соглашений в интересах несовершеннолетних и, в целом, института семьи. Таким образом, семейную медиацию можно рассматривать в качестве эффективного инструмента разрешения споров в различных сложных жизненных ситуациях, учитывающего специфику семейных конфликтов, характеризующихся высоким эмоциональным накалом.

В некоторых странах существуют определенные правовые механизмы, обязывающие разводящихся супругов обратиться к медиатору до подачи иска в суд. В других странах нет подобной обязательной процедуры, но высок уровень информированности населения, адвокатов и государственных институтов о такой возможности, работает достаточное количество медиаторов.

Применение медиации в бракоразводных процессах может облегчить процесс разрешения семейных споров. Вместе с тем, в России подобная практика все еще остается неразвитой, непривычной, вызывает недоверие как компетентных органов, так и юристов и граждан вследствие отсутствия понимания, недостатка информации.

Необходимо отметить, что медиация не заменяет юридическую или психологическую помощь, не отменяет и не заменяет собой работу других специалистов. Это зафиксировано как в действующем федеральном законе [8], [4, с. 26], так и в технологии проведения медиации как таковой. Как явление, подобная процедура возникла именно на стыке данных наук [4, с.50]. Фокус внимания в медиации удерживается на нескольких аспектах семейного взаимодействия: на создании безопасных условий для проведения непубличных переговоров, на интересах детей, на принятии исполнимых решений о конкретных практических вопросах будущего уклада жизни семьи (разведенных родителей, детей), на оформлении договоренностей, действительных в правовом поле.

Ориентируясь на опыт других стран, которые с распространением применения медиации в семейных спорах, снизили количество дел, рассматривающихся в судебном порядке, обжалуемых решений, улучшили качество договоренностей в отношении детей, авторы считают необходимым рассмотрение вопроса о возможности введения обязательной отдельной предварительной встречи с медиатором (далее – ОПРВМ). Технологически наиболее близким может оказаться опыт Англии, где существует Mediation Information and Assessment Meeting (MIAM) [9].

Необходимым этапом является оценка и переосмысление существующего опыта российских медиаторов, имеющих практику семейных споров и взаимодействия с судебной системой и органами профилактики, построение и проведение исследования по общей для участников технологии, анализ и оценка результатов и правовой анализ для поиска возможностей интеграции данных методов в систему.

Ниже приведены результаты опроса практикующих медиацию семейных споров российских специалистов, позволяющие как получить представление о специфике проведения медиации (с точки зрения конфликта, психологического состояния сторон и детей), так и о инфраструктурных проблемах данной практики в нашей стране.

Опрос был проведен с декабря 2017 года по февраль 2018 года с использованием специально разработанной анкеты, состоящей из 20 открытых вопросов. В экспертном опросе участвовали 15 экспертов, среди которых женщины составили – 60% (9 человек), мужчины – 40% (6 человек). Небольшой объем выборки был обусловлен ограниченным числом специалистов в области предмета исследования. Опыт опрошенных экспертов не вызывал сомнений, так как в качестве респондентов были приглашены эксперты, известные в профессиональном сообществе, занимающиеся проведением и/или организацией медиаций более 3 лет.

К сожалению, проведенный опрос показал незначительный масштаб семейной медиативной практики в России. В частности, на вопрос «Сколько семейных конфликтов вы наблюдаете в среднем за год и наблюдали за всю практику медиатора?» были получены следующие ответы: «Так как наша организация занимается семейной терапией (не все случаи медиабельны), то в среднем около 40 конфликтов в год»; «..Из 40 обращений проводится «20 процедур семейной медиации»; «За год работаю в 5-7 кейсах, за последние 3 года около 15 семейных кейсов»; «В год провожу 8-10 медиаций, за время работы медиатором провел около 50. Значительное количество обращений по семейным спорам до медиации не доходит»; «В год наблюдаю примерно 15-20 семейных конфликтов (включая наследственные)»; «В среднем проводим около 200 семейных медиаций в год. За всю практику более 800».

В среднем, число семейных медиаций, проводимых одним специалистом за год, составило 21. Суммарно было зафиксировано 713 обращений к опрошенным медиаторам по поводу семейных конфликтов. Из них медиация была проведена только в 43,6% случаев, при этом инициирована медиация самими медиаторами лишь в 14% случаев. За всю свою практику 15 опрошенных медиаторов суммарно наблюдали, инициировали и провели 1836 медиаций по поводу семейных конфликтов.

Наиболее частыми основаниями для проведения семейной медиации, по данным экспертов, являлись споры, связанные с расторжением брака супругов (93%); в том числе по поводу порядка общения с детьми (86,6%), имущественных вопросов (60%); обязательств по выплате алиментов (53,3%); места проживания детей после развода (33,3%). Детско-родительские отношения, а также семейные конфликты, связанные с наследством как основания для проведения семейной медиации были выделены 20% экспертов.

Определяя особенности семейных конфликтов, разрешаемых посредством медиации, эксперты высказали следующие суждения: «Часто родители забывают о чувствах детей, ставят свои интересы на первое место»; «Все мои кейсы последнее время связаны с перемещением одним родителем через границу маленьких детей, от года до 7 лет»; «Родителям сложно видеть несовершеннолетнего равноправным участником переговоров. Манипулирование детьми в свою пользу родителями. Дети склонны придумывать истории»; «Дети и подростки — это «поле боя» разводящихся родителей. «Ты не платишь алименты – я не даю тебе видеться с ребёнком». Дети, как правило, в такой ситуации вообще не понимают, что происходит»; «Люди в семье не понимают других членов семьи, особенно детей»; «Ситуации, которые длились 2-3 года в суде, а в медиации договорились за 10-12 часов»; «Разрешение конфликтов, установление более доверительных отношений между опекунами и опекаемыми, что, прежде всего, способствует сохранению психического здоровья ребенка»; «Определение порядка общения несовершеннолетних детей как с одним из родителей после развода, так и с бабушками и дедушками, когда амбиции и интересы и обиды взрослых, к сожалению, превалируют над интересами детей». «Дети в 2 раза дольше адаптируются к разводу родителей, если родители адаптируются к разводу за 2-4 года, то детям нужно 6-7 лет, даже если развод не конфликтный»; «Родители, которые переживают за

своих детей, хотя бы им лучшего будущего, принесут гораздо больше пользы своим детям, если будут давать им возможность решать свои ситуации самостоятельно, а также подавая им собственный пример конструктивного решения споров, вместо «военных» действий, которые они ведут друг с другом».

Таким образом, на основании опыта медиаторов, выступивших в нашем исследовании в качестве экспертов, можно сделать вывод, что в России в семейных конфликтах споры, связанные с расторжением брака, встречаются почти в 5 раз чаще чем, споры, связанные с наследством или детско-родительскими отношениями. При этом вопрос по определению порядка общения с детьми после развода родителей встает в 9 случаях из 10, что существенно опережает по распространенности любые другие виды проблемные вопросы, возникающие при разводах родителей несовершеннолетних.

Необходимо отметить, что сами опрошенные медиаторы достаточно редко являются инициаторами процедур медиации. Так, обобщая ответы на вопрос о том «сколько в среднем медиаций в семейных спорах вам удастся инициировать за 1 год», можно выделить наиболее типичные сценарии: по направлению суда, по направлению органов опеки и попечительства или КДН и ЗП. Фактором, помогающим сторонам принять решение об участии в медиации, зачастую выступает авторитет направляющей организации или специалиста (например, психолога или юриста), возможность уйти от судебных разбирательств, получение достаточной информации о медиации.

Таким образом, в ходе исследования были выявлены две разнонаправленные тенденции при инициации медиации судом. Согласно обобщенному опыту опрошенных нами экспертов, суд может выступать фактором мотивации к медиации как через негативную коннотацию: «недоверие суду», «несовершенство судебного решения», «возможность уйти от судебных разбирательств» так и через позитивную коннотацию: «авторитетное мнение...», «направление и рекомендация из суда», «суд иницирует медиацию». Причём на момент исследования при имеющейся выборке эти тенденции были отмечены экспертами примерно с одинаковой частотой и значимостью.

Среди факторов способных препятствовать обращению сторон к медиации при семейных конфликтах и спорах эксперты отмечают «плохую информированность сторон о процедуре медиации (незнание и непонимание)»; «чрезмерные эмоции и недоверие к другой стороне спора»; «негативные советы адвокатов и третьих лиц в отношении медиации»; «необходимость оплачивать услугу медиатора»; «убежденность сторон конфликта в том, что им поможет только суд».

Представленные результаты исследования подтверждают высказанную нами гипотезу о низком уровне информированности населения о медиации [1, с. 295-296] Вместе с тем, вторым по значимости фактором, способным оказаться препятствием для добровольного начала сторонами процедуры медиации, являются чрезмерные эмоции разводящихся родителей и их недоверие друг другу – «высокая степень эскалации конфликта»; «эмоциональная вовлеченность».

На третьем месте среди факторов, оказывающих значимое влияние на отказ сторон от процедуры медиации является противодействие медиации со стороны юридического сообщества, в частности проявляемое юристами «эгоистичное чувство собственной правоты над логикой и интересами семьи», «зарабатывание на чувствах хороших денег».

С другой стороны, по мнению опрошенных экспертов, «долгое и подробное разъяснение возможностей для сторон в процедуре» медиации является распространенной особенностью семейных медиаций. Более того «... важно на ранней стадии предлагать медиацию, то есть инициаторами должны быть люди, которые в курсе конфликта – адвокаты, социальные работники и т.д.».

Особенности и успешность приглашения сторон к медиации зависят «от стадии конфликта», ведь «когда много негативных эмоций сторона закрывается. Но только две вещи заставляют стороны идти на диалог: это совместное имущество и дети. Важно кто был инициатор, сколько прошло времени, обустроили ли свою жизнь после развода...»

Большинство экспертов-медиаторов указывают на то, что для минимизации и профилактики негативных последствий семейных конфликтов, связанных с расторжением брака, при наличии несовершеннолетних инициировать медиацию предпочтительнее на ранних стадиях семейных конфликтов, то есть в самом начале судебного разбирательства, при активной авторитетной поддержке со стороны судейского корпуса, «пока родители не начинают использовать деструктивные методы, чтобы навредить друг другу», но уже «на этапе возникновения стойкого недопонимания и недоверия» между разводящимися родителями.

Очевидно, что таким своевременным и наиболее уместным моментом для инициации медиации является самое начало судебного процесса между родителями-супругами, желающими прекратить свой брачный союз.

В ходе опроса все эксперты отметили наличие собственного опыта наблюдения прямого или косвенного участие детей в семейных конфликтах. При этом косвенное участие несовершеннолетних в семейных конфликтах, связанных с разводом родителей, отмечают 80% экспертов. При этом, чаще всего речь идет о якобы «интересах детей», через призму которых разводящиеся родители в действительности пытаются выяснить между собой на своем родительском уровне свои отношения. Обычно дети и подростки в семейных медиациях напрямую не участвуют, но часто (20%) выступают в роли «разменной монеты» для торга между супругами, либо им достается роль посредников (20%) по обсуждению имущественных и эмоциональных вопросов между расторгающими брак супругами.

Так, при оценке роли детей в процедурах медиации, связанных с бракоразводным процессом их родителей экспертами были обозначены следующие суждения: «Почти всегда в любом семейном споре явно или косвенно участвуют дети. Интересы детей, в период расторжения брака или после расторжения брака, их родителей, как правило, интересуют мало. Это является следствием того, что каждый взрослый считает себя наиболее обиженным другим взрослым, что в этот момент им наплевать на собственных детей. В силу этого наплевательства родители рвут детей буквально в прямом смысле: наговаривают друг на друга, покупают разными подарками, оказывают давление на своих детей, обманывают их»; «Очень часто в случаях развода (9 из 10) в ситуации косвенно присутствуют дети»; «Интересы несовершеннолетних затронуты почти всегда, сами они очень редко напрямую участвуют в процедуре»; «В каждом семейном споре, если в семье есть дети, они так или иначе включены в конфликт. Чаще с целью манипуляции супругов для увеличения доли имущества»; «Спорящими сторонами принимаются решения, непосредственно касающиеся будущего несовершеннолетних, зачастую, без учета их мнения»; «Около 80 % обращений за проведением процедуры медиации составляют семейные конфликты с участием несовершеннолетних»;

При ответах на вопрос о том, «какое чаще всего влияние оказывает участие или вовлеченность несовершеннолетних на динамику внутрисемейного спора», эксперты отметили две тенденции.

С одной стороны, по мнению опрошенных, косвенное и даже пассивное участие детей в семейных спорах может обострить динамику конфликта, с другой, может оказать позитивное влияние при выборе удачного момента для привлечения детей к переговорам, например на этапе согласования решений. В том числе, это помогает ребенку почувствовать важность своего мнения, что его интересы учтены родителями: «Если сторонам удастся услышать собственного ребенка, то однозначно, динамика конфликта снижается»; «Если говорить в общем смысле о необходимости проведения процедуры медиации, где задействованы несовершеннолетние, то, безусловно, роль медиации в таком конфликте бесценна: она помогает сторонам снизить степень угрозы исходящих от самих сторон в отношении их общего ребенка»; «Подростки видят в медиации возможность восстановить доверительные отношения с родителями»

Выявленные тенденции хорошо иллюстрируют часто встречающийся в медиативной практике переход и трансформацию отношения к ситуации медиантов (сторон) до медиации

и после. Как правило, если в начале медиации, как и при первичном обращении в суд, у сторон эмоции «зашкаливают», есть желание манипулировать «любой ценой», в том числе даже в ущерб интересам и потребностям собственных детей, то после медиации или уже в ходе процедуры даже с косвенным участием несовершеннолетних, часто происходит более точное понимание сути конфликта разводящимися родителями, а динамика семейного конфликта меняется с появлением настроя на конструктивную коммуникацию.

В целом, эксперты выделили следующие основные факторы, способные обеспечить прекращение конфликта в ходе семейной медиации:

–способность родителей при семейном конфликте переключиться на потребности детей и подростков.

–преимущества медиации как процедуры, такие как взаимное уважение, видение позитивного будущего, ориентация на стабилизацию будущих взаимоотношений, контроль и признание эмоций, четкость и прозрачность организации медиации, содействие самоопределению сторон, конфиденциальность, нейтральность и профессионализм медиатора.

Отдельного внимания заслуживают позиции опрошенных экспертов в отношении периодически звучащей в сообществе медиаторов идеи о введении обязательной медиации, ее преимуществ и/или недостатков.

В качестве преимуществ обязательной семейной медиации были выделены: сохранение взаимоотношений между родителями, снижение стрессовых ситуаций детей на развод родителей, профилактика споров в дальнейшем, соблюдение интересов детей. В числе недостатков идеи о введении обязательной семейной медиации респонденты назвали: нарушение добровольности, формализация процедуры, отсутствие инфраструктуры и достаточного количества подготовленных специалистов, противодействие юристов.

В целом, все приведенные выше данные, мнения отражают процессы развития медиации в других странах, которые происходят прямо сейчас либо происходили десять и более лет назад (в зависимости от страны), что по сути просто является одним из этапов становления и распространения практики семейной медиации [5, с.332]. За увеличением количества практики повышается качество работы, формируются профессиональные ассоциации, уточняются стандарты работы, включаются в работу компетентные органы и появляются изменения в законодательство.

В России данный процесс происходит неравномерно: низкий спрос населения на услуги медиаторов может быть объяснен недостаточным информированием населения, стратегическими ошибками в деятельности по продвижению семейной медиации в обществе, выраженными в отсутствии налаженного системного взаимодействия медиативного сообщества с судами, органами опеки и попечительства. В то же время, очевидность наличия потребности российских граждан в применении медиации в интересах детей и института семьи подтверждается высокой частотой случаев медиации, связанной с порядком общения с детьми после развода родителей (9 из 10), а также подтверждаемым большинством экспертов прямым и косвенным участием несовершеннолетних в семейных конфликтах, связанных с разводом родителей.

При этом идея о введении обязательной процедуры медиации при бракоразводных процессах пар, имеющих несовершеннолетних детей подлежит серьезному критическому анализу. Обязательность медиации повлечет за собой необходимость отступления от ее базового принципа – добровольности, ключевой ценности медиативной практики, что подвергает риску эффективность метода, при котором добровольность участия в процедуре медиации выступает одним из залогов исполнимости взаимоприемлемого решения, принятого сторонами конфликта.

В качестве единственного возможного способа инициации проведения семейной медиации, по мнению авторов, может являться введение обязательной отдельной предварительной встречи сторон с семейным медиатором, которому, таким образом, дается возможность убедить (или не убедить) стороны в проведении самой процедуры медиации

для обсуждения всех спорных вопросов, включающих, также, определение места жительства ребенка после развода его родителей; формат общения с ребенком родителя, проживающего после развода отдельно, а также режим выплаты алиментов.

В ходе ОПРВМ семейный медиатор может поставить перед разводящимися вопросы, касающиеся их родительства и подлежащие последующему обязательному решению, что несомненно, будет способствовать конструктивному, целенаправленному и позитивному формированию осознанного родительства. Важной задачей является так же определение возможности проведения медиации в принципе, например, может проявиться информация о наличии насилия в семье, что потребует обращения за дополнительной психологической и социальной помощью.

ОПРВМ может быть введена и в тех случаях, когда одна из сторон пытается обжаловать судебное решение по причине несогласия с решением, вынесенным судом первой инстанции.

Представленная гипотеза об ОПРВМ как способа инициации процедуры медиации для разрешения конфликтов при разводах супружеских пар, имеющих несовершеннолетних детей (подростков), безусловно, требует серьезного эмпирического подтверждения. Преследуя задачу обоснования внедрения ОПРВМ, Центром медиации и общественного взаимодействия РГСУ (далее – Центр) начата реализация проекта по отработке практики проведения ОПРВМ с последующим проведением процедур семейной медиации. Кроме того, Центром ведется работа по формированию предложений по интеграции ОПРВМ в отечественную практику правоприменения и социальной работы с внесением пакета изменения в ряд нормативных правовых актов, регламентирующие сферу семейных отношений в России.

Список использованных источников:

1. Безвербная Н.А., Чхартишвили Д.А. Анализ информированности населения Ростовской области о медиации (по материалам социологического исследования). Гуманитарий Юга России. 2017 Том 6 № 3. с.292-298.

2. Евладова, А.А. Психолого-педагогическое сопровождение судебных споров, связанных с воспитанием детей :автореф. дис. канд. юрид. наук. / А.А. Евладова. – Екатеринбург, 2014. – 200 с.

3. Иванова, М.С. Медиация как способ защиты прав и интересов супругов при расторжении брака :автореф. дис. канд. юрид. наук. / М.С. Иванова. – Тверь, 2014. – 244 с.

4. Медиация: Учебник / под. ред. Карпенко А.Д., Осинковского А.Д. – СПб.: АНО «Редакция журнала третейский суд»; М.: Статут – 2016 – 430 с.

5. Паркинсон, Л. Семейная медиация. – М.: МЦУПК, 2010. – 400 с.

6. Садина, О.В. Судебная защита семейных прав ребенка как способ разрешения юридических споров и конфликтов / О.В. Садина, А. В. Худойкин // Социально-политические науки. – 2012. – №1. – С. 126-129.

7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // [электронный ресурс] – Режим доступа – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

8. Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27.07.2010 N 193-ФЗ // [электронный ресурс] – Режим доступа – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/

9. Mediation Information and Assessment Meeting // [электронный ресурс] – Режим доступа – URL: <http://www.nationalfamilymediationservice.co.uk/miams-fm1/>

Черемисова Ирина Валерьяновна
доктор психологических наук, доцент,
Волгоградский государственный университет
заведующий кафедрой психологии
400062 просп. г. Волгоград, Университетский, 100
E-mail: cheremisova@volsu.ru

РАЗВИТИЕ ВТОРИЧНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА В МУЗЫКАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Аннотация. В статье представлена авторская позиция по организации музыкально-образовательной среды современной семьи. Автор рассматривает психологические механизмы, которые легли в основу создания проекта такой среды, технологии взаимодействия в ней детей со взрослыми и сверстниками. В статье дана характеристика основных принципов и различных форм взаимодействия в семейной музыкальной образовательной среде.

Ключевые слова: музыкальное образование в семье, музыкальная культура, сотворчество, психологическое сопровождение, психологический механизм, диалогическое общение, классическая музыка

Cheremisova Irina Valeryanovna
doctor of psychological sciences, associate professor,
Volgograd State University
Head of the Department of Psychology
400062 Volgograd, Prosp. Universitetsky, 100
E-mail: cheremisova@volsu.ru

DEVELOPMENT OF THE SECONDARY MUSICAL PERSON OF THE CHILD IN THE MUSICAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF THE MODERN FAMILY

Abstract. The article presents the author's position on the organization of musical and educational environment of the modern family. The author considers the psychological mechanisms that formed the basis for creating a project for such an environment, the technology of interaction in it of children with adults and peers. The article describes the main principles and various forms of interaction in the family musical educational environment.

Keywords: musical education in the family, musical culture, co-creation, psychological support, psychological mechanism, dialogue communication, classical music

Динамика резких и стремительных изменений в жизни России в последние годы диктует острую необходимость анализа и систематизации основных идей, направлений, опыта отечественного образования. Особое значение для психолого-педагогической науки в этих условиях приобретает анализ опыта музыкального образования в элитарных учебно-воспитательных заведениях России. Напомним о традициях отечественного образования, когда обязательным компонентом целостного элитарного (в смысле высококачественного) образования в России было музыкальное образование, опыте музыкального воспитания в русских семьях (И.В. Анненкова, 2012; А.О. Аракелова, 2012; Е.Н. Демченко, 2009; Н.В. Карташев, 1997; Л.Д. Овсянникова, 2006 и др.). Вместе с тем, приходится констатировать, что в образовательном пространстве современной России развивающие и формирующие потенциалы музыкального искусства используются недостаточно (К.В. Богатырева, 2007). В

настоящий момент, на наш взгляд, необходимо обратить особое внимание на роль классического музыкального искусства в социализации детей, подростков, юношества в противодействии негативным последствиям киберсоциализации, в одухотворении, «очеловечивании» современного человека. Трудно переоценить значение в этом процессе семьи, семейной культуры, семейной образовательной среды. Исследователи отмечают, что сегодня музыке как фактору воспитания в семье, как мощному и действенному средству развития личности ребенка отводится незначительное место (Е.Н. Демченко, 2009; Н.В. Карташев, 1997; Н.Г. Коренистова, 2009; Г.Л. Мозжухина, 2006; М.Э. Раненко, 1998; Н.Х. Солопова и др.).

В связи с этим, нами была разработана и апробирована программа психологического сопровождения творческого развития личности (развития вторичной музыкальной личности [1, с. 192-193; 2]) обучающегося средствами музыкального искусства в образовательном процессе на всех этапах образования «По ступенькам музыки к вершинам творчества» [1]. Реализация задач этой программы, прежде всего, предполагала создание условий духовного общения с музыкальным искусством, точнее с классической музыкой. Создание проекта такой среды и технологий взаимодействия в ней обучающегося со взрослыми и сверстниками, музыкальными произведениями, приобщение обучающегося к источнику нравственно-эстетического, духовного развития, активизация его творческого потенциала являлось одной из задач нашего исследования.

В рамках данной статьи мы обратим внимание на одно из важнейших направлений программы, основной целью которого была организация взаимодействия с родителями обучающихся, направленного на развитие музыкальности и творческой индивидуальности личности обучающегося в семье. Создание музыкально-творческой развивающей среды в семье предполагало учет особенностей развития обучающихся в ее структурном, организационном и содержательном компонентах. Существование музыкально-творческой среды в семье обуславливало ее изменчивость, динамизм, развертывание и саморазвитие среды в результате взаимодействия с ней обучающегося, вносящего в нее изменения. В свою очередь, среда создавала условия саморазвития личности.

Семья является первичным источником опыта ребенка, основой формирования музыкальных вкусов и предпочтений ребенка в соответствии с ценностными ориентирами семьи в пространстве музыкального искусства (Л.В. Матвеева, 2010).

Организуя процесс развития творческой личности в музыкально-творческой семейной среде, мы опирались на определенные механизмы.

Механизм развития творческой личности в музыкально-творческой среде семьи основывается на своеобразном художественно-эстетическом освоении ценностей мира музыкальной культуры, восприятию произведений классической музыки – как лучших образцов проявления духовной жизни человека (композитора, исполнителя), в развитии диалогического общения родителей с детьми в процессе восприятия музыкального произведения. Он в большей степени связан с факторами, влияющие на процесс музыкального восприятия; спецификой художественного воздействия музыкального искусства, эстетическими эмоциями, оценками и деятельностью, которая направлена на создание художественно-творческих продуктов. Приобщение детей к культурным ценностям осуществлялось через межсубъектное взаимодействие в искусстве, в разных видах и формах художественной деятельности, через освоение знаков и символов социума и культуры.

В этом своеобразном освоении дети совместно с родителями проходят путь, начинающийся от восприятия прекрасного, созерцания, наблюдения, изучения разумом и чувствами социальных и природных явлений, отраженных в искусстве, через наполнение эстетическими впечатлениями и приобретение опыта освоения различных сенсорных эталонов (звуков, ритмов, интонаций, тембровых красок и т.д.), свойств музыкального звука, «музыкального языка», через отражение полученных впечатлений в различной степени удовольствия, радости, заинтересованности. Наиболее сильным воздействием обладает «живая» музыка. Во время исполнения музыка представляет собой удивительную встречу

трёх активностей: композитор и исполнитель стремятся высказать, передать слушателю свои идеи, мысли и чувства; но и слушатель выступает как активная сторона, он тоже вовлекается в процесс сотворчества (Л.С.Выготский, 1991; О.Дворниченко, 1978; Д.Кабалевский, 1984; В.И.Петрушин, 1999; В.Е.Семёнов, 1988; Б.М.Теплов, 1985; Г.Троицкая, 1978 и др.).

С помощью родителей дети познают (раскодируют) «музыкальный язык» и «язык» человеческих эмоций; постигают роль музыкального языка в контексте культуры, исследуют особенности музыкального языка; приходят к пониманию того, что речевые и музыкальные жанры опираются на некоторые общие коммуникативные законы. В межсубъектном диалоге в искусстве, в котором реальный мир отражен в художественном произведении, ребенок (как слушатель, исполнитель, композитор), переживая, удивляясь, познавая, осмысливая взаимоотношения людей, явления природы, социальные события, приобретает личностный смысл воспринимаемого. Этот процесс отражения обусловлен возрастными и психологическими особенностями ребенка, сенсорным опытом, техническими навыками. Посредством операций, действий, средств, знаков и символов искусства дети с опорой на поддержку родителей учатся создавать образ собственного видения мира, выступать как творцы своих замыслов, образов, как исполнители, композиторы. Это обеспечивает начало зарождения избирательного, предпочтительного, а потом оценочного отношения, что является основой для развития творческой личности и выработки внутренней позиции отношения к миру, к себе.

Однако развитие внутреннего мира личности, усвоение ценностей осуществляется не только в восприятии, но и в условиях активных действий в различных видах музыкально-творческой деятельности: пение, простукивание ритма, импровизация, исполнение музыкального произведения (Г.В.Иванченко, 2001; А.А.Мелик-Пашаев, 1981; В.И.Петрушин, 1999; В.Е.Семёнов, 1988).

В своем исследовании музыки как константы культурного пространства семьи в России XVIII - начала XX вв. И.В. Анненкова (2012) подчеркивает, что домашнее музицирование способствовало социальной адаптации детей, выявлению и развитию их художественных способностей. И.В. Анненкова указывает, что обычно для домашнего музицирования использовались несложные музыкальные произведения, романсы и песни, оперные арии, произведения для исполнения в 4 руки на фортепьяно, ансамблем с участием струнных или духовых инструментов (дуэт, трио, квартет).

Педагоги и психологи признают высокую значимость семьи в деле музыкального образования ребенка и вместе с тем, приходится констатировать, что исследования проблем музыкального образования ребенка в семье в рамках психолого-педагогической науки пока единичны. В исследовании стратегии и тактики современной российской семьи в сфере музыкального образования Л.В. Матвеевой (2010) определяется роль семейной среды в музыкальном воспитании ребенка, рассматриваются психолого-педагогические аспекты реализации современной модели семейного воспитания ребенка с приоритетом музыкально-образовательного направления, отмечается вариативность и полифункциональность этой модели. Автор выявляет и характеризует особенности реализации музыкально-образовательной стратегии в малообеспеченной семье, в семье с отцом-алкоголиком, разведенной и материнской семье. Л.В. Матвеевой разработаны учебно-методические и дидактические материалы, адресованные семье (памятки для организации семейной музыкальной среды, творческих семейных мероприятий, альманахи для семейного чтения и т.п.). По мнению Л.В. Матвеевой использование таких методических материалов поможет родителям перейти от стихийного к сознательному, целенаправленному созданию средовых, эмоционально-психологических, организационных условий для присвоения ребенком опыта общения с музыкальным искусством.

Музыкальная деятельность представляет благоприятные возможности для раскрытия потенциала ребенка, развития интеллектуальных интересов, познания себя, своих возможностей (И.В. Анненкова, 2012; Л.В. Матвеева, 2010; Е.С. Петенева, 2009; С.В. Ренне, 2006 и др.).

«По-разному стоит человек на берегу реки «до» и «после» того, как он ее переплыл» - гласит немецкая пословица. Другими словами, не только человек производит какой-то продукт, но и сам этот продукт, то есть сделанное оказывает обратное воздействие на человека. Продукты труда могут возвышать или унижать человека, и одна из задач воспитания вовлечь ребенка в такую деятельность, результаты которой оказывали бы на него возвышающее и облагораживающее влияние.

Механизм музыкальной психотерапии с помощью музыкального искусства обеспечивает гармонизацию эмоциональных состояний ребенка, коррекцию отклонений в личностном развитии в процессе сопровождения развития творческой личности в образовательном пространстве семьи. Он проявляется следующими моментами.

Возможность посредством музыкального искусства в его своеобразной символической форме переконструировать травмирующую для ребенка ситуацию и найти внешне выраженный выход из нее.

Развитие способности к мобилизации жизненного опыта в нужный момент, воспитании волевых качеств, способности к *саморегуляции*. Дети с помощью родителей осваивают навыки самостоятельного выбора музыкального произведения для саморегуляции своих эмоциональных состояний. Музыка предоставляет неограниченные возможности для самовыражения и самореализации, сопереживания, сотворчества в процессе которых появляется эстетическая реакция.

Возможность соориентировать общение родителей с ребенком на доброжелательность, принятие, доверие, признание уникальности и неповторимости личности своего ребенка, его самоценности, наличия творческого потенциала и возможности его развития.

Возможность релаксации психологического тонуса. В экспериментальных исследованиях Л.П.Новицкой (1984), Ж.Г.Шошиной (1980), Н.В.Шутовой (1995), Ю.К.Умилиной (2003), И.В. Курышевой (2004) показано, что классическая музыка вызывает просветленные и добрые чувства и состояния, способствует мыслительным и творческим процессам у испытуемых.

Расширение и развитие эмоциональной сферы, развития эстетических, духовных потребностей. Эмоции, вызываемые искусством, наделены спецификой, одним из проявлений которой является преобладания в них положительного начала, обусловленного во многом получаемым эстетическим наслаждением. Эмоциям свойственны определённые мимические проявления; при восприятии произведений искусства они обычно находят яркое выражение и не подлежат «задержке», которая при встрече с явлениями реальной действительности нередко диктуется правилами этики, житейскими обстоятельствами.

Создаваемые ребенком творческие продукты, объективируя его аффективное отношение к миру, способствуют облегчению процесса коммуникации, установления отношений со значимыми другими (родителями, сверстниками, другими людьми), а принятие окружающими продуктов творчества, так называемые «общественные отклики» (Ш.А. Амонашвили, 2000), способствует формированию адекватной самооценки ребенка, повышению степени его самопрятия и самоценности.

Восприятие лучших образцов мировой музыкальной культуры – доступный и эффективный способ психотерапевтического воздействия на человека. В исследованиях по музыкальной психотерапии (Л.С.Брусиловский, 1985; Ю.П.Лисицын, Е.П. Жилыева, 1985; В.И.Петрушин, 1991, 1999; Ж.Г.Шошина, 1980 и др.) выявлены *психофизиологические механизмы воздействия музыкального искусства* на психику человека и весь его организм [1, с. 78-83].

Соединяя с помощью искусства два механизма и технологии (педагогическую и терапевтическую) развития творческой личности и обеспечения психологического здоровья в единый процесс сопровождения развития творческой личности в образовательном пространстве семьи, мы опирались на основные принципы, разработанного нами авторского эстетико-семиотического подхода [3]:

- *принцип духовности*, который проявляется в направлении психолого-педагогического воздействия семейной развивающей среды на развитие духовной сферы; обеспечение свободы, ответственности, осмысленности, духовно-нравственной и социальной ценности каждого человека;

- *принцип гуманности*, который выражается в проявлении любви к ребенку, внимания к нему, уважения к его личности, позитивного к нему отношения, развитию его индивидуальности;

- *принцип социальной обусловленности* семейной музыкально-творческой среды, который обеспечивает возможности удовлетворения и развития потребностей ребенка в любви, уважении, социальной поддержке в движении к своему «Я», в признании со стороны взрослого, подтверждении ценности каждого члена семьи; удовлетворение всего комплекса социально-ориентированных, культурно-ценностных потребностей;

- *принцип соответствия содержания семейной среды потребностям и возможностям каждого ребенка* позволяет учитывать в организационных, методических, содержательных компонентах выявленные психологом типические, индивидуальные различия между детьми, формы их проявления в коммуникативных, эмоциональных, творческих отношениях. А ребенку в пространстве среды - чувствовать себя обладателем как окружающего мира, так и его отдельной части.

- *принцип символичности, метафоричности информирования*, обеспечивающий возможности семиотического развития ребенка, умения видеть, различать, осознавать символику окружающего мира и культуры. Художественное восприятие нельзя свести к декодированию и даже к обработке информации – скорее это её доработка и переработка. Этот принцип имеет большую субъективную символическую значимость для ребенка, поскольку он имеет возможность внести в пространство среды предмет, имеющий особую символическую ценность лично для него;

- *принцип диалогичности* реализует разнообразные диалоги: «языков искусств»; сферы внешнего мира (природы, человека, предметов), ребенка и искусства; ребенка и других людей; его диалог со своим «Я»;

- *принцип рациональности в эмоциональной насыщенности музыкально-творческой среды*. Музыкальная среда семьи не должна быть эмоционально перегруженной, перенасыщенной, учитывая особенности эмоциональной сферы ребенка, должна способствовать приобретению ребенком позитивного эмоционального опыта взаимодействия с музыкальным искусством и в искусстве с другими, адекватного отражения своих переживаний и чувств;

- *принцип свободы творческого самовыражения*, обеспечивающий самостоятельность ребенка в определении его отношения к среде: способности воспринимать, подражать, создавать, комбинировать, исследовать; выбирать цель, средства, способы действия; выражать свою точку зрения о событиях, поступках.

- *принцип интеграции*, обеспечивающий взаимодействие общеобразовательных (детский сад, школа, вуз) и музыкальных образовательных учреждений (консерватория, музыкальный институт, музыкальный колледж, музыкальная школа) и учреждений культуры (филармония, театр оперы и балета, музыкальный театр, концертный зал) для создания музыкально-творческой развивающей среды, в которой все субъекты образовательного процесса могут воспринимать лучшие образцы музыкального искусства. Цель этого взаимодействия – как можно более активное вовлечение ребенка в восприятие музыкальных шедевров.

В пространстве семейной музыкальной среды ребенок взаимодействует с ней. Нам было важно определить параметры этого взаимодействия. В связи с этим в нашем исследовании мы выделили стадии освоения музыкальной среды, формы взаимодействия ребенка с ней, результаты взаимодействия ребенка со средой в процессе развития музыкальности и творческого потенциала личности.

Функционирование ребенка в музыкальной среде включает в себя несколько *стадий*.

Первая стадия - *погружения в музыкально-творческую среду*, которая характеризуется неоднородностью протекания (у одних присутствует мотивация действовать в такой среде; для других требуется обучающая или поддерживающая помощь для включения в среду; а у части детей может наблюдаться слабость мотивации и отстраненность). Позиция родителя - активизация интереса и предложение сотворчества, сотрудничества в музыкально-творческой деятельности, без обязательного участия.

Вторая стадия – *собственно-операциональная* (взаимодействие, освоение среды, «пробы и ошибки», соотнесение со своим опытом через музыкально-творческую, художественную деятельность). На этой стадии проявляется неоднородность усвоения ценностей и выражения их в музыкально-творческой, художественной деятельности, все трудности детей ценностно-ориентационного, коммуникативного, рефлексивного, эмоционально-чувственного характера и художественно-творческих проявлений, выявленных на диагностическом этапе программы. Позиция родителя - активная организаторская и направляющая, обучающая, эмоционально-поддерживающая помощь как на домашних занятиях индивидуальных с ребенком или совместно с другими членами семьи, в часы досуга (совместное музицирование детей, детей с родителями).

- Третья стадия – *регулятивно-моделирующая* (способность ребенка к мобилизации музыкально опыта в нужный момент, способность к саморегуляции средствами музыки - навыки самостоятельного выбора музыкального произведения для саморегуляции своих эмоциональных состояний, для самовыражения и самореализации, сопереживания, сотворчества). Эта стадия характеризуется тесной взаимосвязью уровня музыкальности и возможностями моделирования своего творческого процесса, управления им. Позиция родителя в процессе взаимодействия с ребенком в условиях семейной музыкальной среды определялась степенью его личностной зрелости, креативности.

Вторым параметром взаимодействия ребенка с музыкальной средой семьи являются *формы взаимодействия*.

Прежде всего, они связаны с разнообразными видами воспроизведения музыкального произведения: «живая музыка», аудиозаписи, слуховые представления. Большое внимание уделялось подбору произведений для восприятия. Все они относились к «золотому фонду» музыкального искусства и соответствовали критериям, выделенным нами в результате теоретического анализа научных трудов по проблемам художественного воздействия искусства. Кроме того, уровень исполнителей тоже был достаточно высок [1, с. 172-175].

Мы разработали серию творческих заданий с использованием возможностей изобразительных искусств (скульптура, живопись, графика, художественная фотография). В этих заданиях дети (совместно с родителями и другими членами семьи) воплощают средствами изобразительного искусства художественные образы и настроения, навеянные музыкой. Важное место в программе уделяется психотерапевтическому упражнению «Рисуем музыку», а также выполнению ассоциативного рисунка по определённой теме в процессе восприятия.

Творческая индивидуальность ребенка развивалась в процессе домашних занятий речевой, вокальной, инструментальной, ритмической, пластической импровизацией под впечатлением прослушанной музыки (сочинение стихотворения, рассказа, сказки; сочинение песни, инструментальной пьесы; отстукивание, прохлопывание, протопывание ритма; дирижирование, танцевальные движения).

Использовались также по возможности различные формы письменных работ в процессе восприятия музыки: сочинение - музыкальное впечатление, сочинение – самонаблюдение (дети, родители).

Третьим параметром взаимодействия явился *результат взаимодействия*, выражающий взаимосвязь ребенка со средой, состояние психологического здоровья, эмоционального комфорта ребенка после реализации программы, адекватность самовыражения ребенка в своих эмоциональных, символических, коммуникативных, рефлексивных проявлениях.

Получая успешный результат, преодолевая трудности, ребенок испытывал

удовлетворение; начинал оценивать, отмечать эстетические достоинства предметов среды и свои личностные качества, проявляющиеся во взаимоотношении со средой (другими людьми, произведениями искусства). И в этом случае усвоенные ценности, воспринимаемые в искусстве, переходили в ценности личности. А родители (по методическим рекомендациям психолога) на данной стадии взаимодействия ребенка с музыкальной средой, создавая ситуацию «успеха», помогли укрепить, осознать достигнутые положительные результаты в движении к самому себе, своему «Я» через искусство.

Практическая работа с использованием описанных методов и приёмов предполагает разработку технологии построения музыкальной творческой развивающей среды, в которой данные методы имеют своё воплощение. Поскольку развитие творческой личности ребенка в музыкальной среде семьи возможно при условии целесообразности, информативности, то мы в нашей работе выделили *компоненты среды*.

Первый – пространственно-предметный, включающий в себя: «музыкальное» пространство (дома, квартиры, комнаты), «культурные зоны», где ребенок может функционировать в музыкальном искусстве (слушание, исполнение, сочинение музыки). А также предметы, обогащающие сенсорный опыт ребенка (акварельные краски, кисти, бумага, ручки, карандаши, музыкальные инструменты, аудиозаписи, фильмы, картины, репродукции, фотоальбомы, книги, открытки и т.д.); эмблемы; портреты композиторов; фотографии концертов, музыкальных театральных спектаклей; выставки творческих работ детей и родителей.

Второй – *социально-личностный*, обеспечивающий создание единства «эмоционально-духовного пространства субъектов» (ребенка - его родителей), опыт позитивной коммуникации, возникающий в процессе взаимодействия родителя и ребенка с искусством, и решение задач через:

- доброжелательность, позитивность отношений и сотрудничества всех субъектов семейного музыкального образовательного процесса: ребенка с другими членами семьи; ребенка и его родителей наполненного уважением, любовью друг к другу, нравственно-эстетическими ценностями;

- снятие напряжения, утверждения и познания ребенком своего «Я», создание ситуации свободного самовыражения;

- стимулирование познавательно-мотивационной основы личности, коммуникативно-рефлексивных процессов, эмоциональной отзывчивости в искусстве: анализ проблемных ситуаций, разъяснение общественной и личностной значимости творчества и использования творческих подходов в повседневной жизни; обмен опытом творческой деятельности, пропаганда различных видов творчества;

- выстраивание содержания, формы и создание условий, подбор адекватных технологий организации семейной музыкальной среды: занимательные задания, лучшие образцы классической музыки в прекрасном исполнении;

- организация ситуации на домашнем занятии, которая бы позволила создать у ребенка в процессе работы внутреннюю мотивацию, способствующую творческому самовыражению и развитию его креативности;

В этом случае родители выступают ретрансляторами ценностей культуры, создают эмоциональный комфорт ребенка в мире людей и искусства, культуры и побуждают его к творчеству, самореализации, способствуют качественному изменению личности в среде.

Третий - *культурно-содержательный*, обеспечивающий содержательную часть развития творческой личности средствами музыкального искусства. Он представлен музыкальными произведениями; театральными спектаклями (опера, балет, оперетта), программами абонементных спектаклей и концертов; малыми формами театральной деятельности («Музыкальные салоны» - циклы тематических лекций, концертов, встречи); выставками творческих работ; вариантами музыкально-творческих заданий; конспектами занятий, бесед «Музыкального лектория» направленных на развитие творческой личности, усвоение культурно-познавательных, нравственно-гуманистических и эстетических

ценностей культуры. Современное социокультурное пространство характеризуется активным включением новых информационных технологий, появлением виртуальной реальности, многовариантностью, изменчивостью, отсутствием единой системы ценностных ориентиров и нравственных идеалов (О.Н. Астафьева, 1996; Е.В. Листвина, 1998; А.М. Цукер, 2005; Г.М. Цыпин, 1994 и др.). Такая разнообразная музыкальная среда создает ребенку огромные возможности для выбора музыки для восприятия и исполнения, и в то же время, ставит сложную задачу определения собственных музыкальных предпочтений. Для педагогов и родителей важно сформировать систему приоритетов ребенка, соответствующую высокому музыкальному вкусу, включающую шедевры мировой музыкальной классики.

Таким образом, организация музыкально-образовательной среды современной семьи на основе выявленных и описанных механизмов, учета разработанных и представленных принципов, с использованием различных форм взаимодействия со средой, наполненность основных компонентов среды способствует развитию личности ребенка в семье, укреплению взаимодействия родителей с ребенком, повышению общей и музыкальной культуры ребенка и семьи в целом.

В перспективе предполагается исследование психологических механизмов воздействия «живой» классической музыки на развитие личности ребенка, исследование совместного музицирования членов семьи как фактора психологического благополучия семьи.

Список использованных источников:

1. Курышева, И.В. Психологические основы музыкально-творческого развития личности в образовательном процессе : дис. ... д-ра. психол. наук : 19.00.07 / И.В. Курышева. – Н.Новгород, 2011. – 453 с.
2. Черемисова И.В. Вторичная музыкальная личность: философско-культурологические основы исследования и развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии 2016, № 3 (33). С. 95-101.
3. Cheremisova I.V. Music and Development of Creative Personality Within Higher Education Environment. Aesthetic and Semiotic Approach // European Journal of Multidisciplinary Studies, 2017. Vol 4 No 1, 78-87. DOI: 10.26417/ejms.v4i1.p78-87.

Пономарева Ирина Владимировна
кандидат психологических наук,
Челябинский государственный университет,
доцент кафедры психологии
454001 г. Челябинск, Братьев Кашириных, 129-106
E-mail: ivp-csu@yandex.ru

Шайхутдинова Олеся Федоровна
Челябинский государственный университет,
магистрант кафедры психологии
454001 г. Челябинск, Братьев Кашириных, 129
E-mail: sholfe@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ МАТЕРИНСТВА КАК СФЕРЫ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИНЫ

Аннотация. В статье поднимается проблема современного отношения к материнству со стороны общества и самих женщин. Авторами предпринимается попытка взглянуть на материнство как сферу, способствующую развитию женщины, ее самоактуализации. Приводятся данные собственного исследования, показывающие, различия показателей самоактуализации и родительских установок у женщин, приоритетным для которых является воспитание детей, и работающих женщин.

Ключевые слова: материнство, субъектность матери, самоактуализация.

Ponomareva Irina Vladimirovna
candidate of psychological sciences,
Chelyabinsk State University,
associate Professor of psychology
454001 Chelyabinsk, Kashirin Brothers, 129-106
E-mail: ivp-csu@yandex.ru

Shaihutdinova Olesya Fedorovna
Chelyabinsk State University,
Undergraduate
454001 Chelyabinsk, Kashirin Brothers, 129-106
E-mail: sholfe@yandex.ru

THE STUDY OF MOTHERHOOD AS SPHERES OF SELF-ACTUALIZATION OF WOMEN

Annotation. The article raises the problem of modern attitude to motherhood on the part of society and women themselves. The authors attempt to look at motherhood as a sphere that promotes the development of women and their self-actualization. The data of own research showing the differences of indicators of self-actualization and parental attitudes in women, priority for which is the education of children, and working women.

Key words: motherhood, mother's subjectivity, self-actualization.

Современный этап развития общества - это эпоха смены ценностных ориентаций. Нужно признать, что в нашей стране на смену традиционной семье, в которой женщина

главным образом была ориентирована вовнутрь, а мужчина вовне, пришла семья эгалитарная, в которой каждый вправе выбрать себе деятельность. Для многих приоритетным стало не семейное благо, а благо индивидуальное.

Сменились и представления о роли женщины в обществе. Рыночные условия, а также формирующиеся сложные социально-экономические ситуации определяют жизненные стратегии женщин, их ценностные установки и уровень притязаний. Меняются жизненные стандарты и формируются новые интересы, определяющие уровень социального успеха в обществе. Сознательно конструируя личный путь самоопределения, женщины стоят перед выбором жизненных целей: деловая активность, характеризующая профессиональным статусом, независимостью или семейный быт, ограниченный, прежде всего, заботами о доме, семье, детях. В современном мире становится сложно гармонизировать свои потребности в рамках экономической самостоятельности из-за трудностей во взаимоотношениях с делами общественными, производственными и семейными.

Все эти требования, воспринимаемые нами как естественные, и обеспечивающие, невиданный ранее в истории человечества, высокий уровень комфорта и защищенности от природной стихии, способствующие развитию творческих способностей и талантов каждого человека, самоактуализации с одной стороны, с другой приводят к большому уровню напряжения человека, возрастающих крайних состояний, таких как депрессии.

Минюрова С.А. и Тетерлева Е.А. отмечают, что все психологические работы в области материнства позволяют выделить два основных направления современных исследований [5]. Первое посвящено обсуждению качеств, поведения матери, изучению их влияния на развитие ребёнка. Мать рассматривается в терминах долженствования как детерминанта развития личности ребёнка, как объект - носитель родительских функций, лишённый субъективной психологической реальности. Второе направление анализа материнства акцентирует внимание на идее субъектности женщины-матери.

Последние, анализируя материнство, определяют его как уникальную ситуацию развития самосознания женщины, которая становится этапом переосмысления с родительских позиций собственного детского опыта, отношений с собственной матерью. Функции матери в развитии ребенка достаточно сложны и многообразны. Они состоят в удовлетворении всех физиологических потребностей ребенка, обеспечении эмоционального благополучия, развитии привязанности, базовых структур отношения к миру, общения, основных личностных качеств и самой структуры деятельности. Все больше ученых говорят об особой важности взаимодействия диады мать-дитя и его глубинном влиянии не только на формирование ребенка, но и на саму мать, меняя, порой, коренным образом ее мировоззрение, развивая в ней не обнаруживаемые до этого потенциалы.

Этот подход в наше время является совсем непопулярным. Многие женщины считают время, проведенное в декрете, потерянным лично для себя. Не редко можно услышать о такой характеристике самой себя как «деградация», «отсталость от жизни», «потеря компетенции». Данное представление поддерживается и массовой культурой: передачами, книгами, фильмами, в которых, если женщина с маленьким ребенком, то она часто представлена как измученная, раздраженная, недовольная жизнью. В противовес этому показывается успешная деловая женщина: уверенная, независимая, приоритеты которой сосредоточены на профессиональном росте. О влиянии подобного медиа-культурного окружения много напоминать не приходится – настолько оно велико. Альтернатива «ребенок или карьера» все чаще решается в пользу карьеры. Ценность женщины все больше определяется ее профессиональными успехами.

Тимербулатова Э.С. выделяет две распространенных точки зрения на проблему: по мнению первых просоциальное поведение является признаком целостности и зрелости мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер личности (К. А. Абульханова-Славская, Е. А. Климов, В. Д. Шадриков, Л. Б. Шнейдер, Э. Эрикссон, Б. А. Ясько и др.), однако в последние десятилетия появились исследования, в которых ряд авторов сформулировали противоположную позицию, утверждая, что широкое распространение

внесемейных ценностей связано с популярностью реализации в профессиональной деятельности. По мнению Ц. П. Короленко, Н. Г. Марковской, М. А. Токмаковой такая ситуация является признаком утверждения исключительно эгоистических, гедонистических ценностей и позволяет прогнозировать дальнейшее развитие кризиса института семьи» [8].

Как отмечает Вахрушина М.О., современное общество не видит в материнстве ведущей ценности, которая оттесняется иными ценностями: профессиональными, поисками материального благополучия и др. И женщина, поддаваясь влиянию общества, теряет свое истинное предназначение в реализации других целей, более желаемых обществом [3].

Французская исследовательница Э. Бадинтер, проведя анализ материнских установок на протяжении четырех столетий, приходит к выводу о том, что в зависимости от требований общества формируются три образа женщины: матери, жены и свободно реализующейся женщины. Причем образ матери не всегда занимает ключевые позиции. Образ матери оказывается тесно связанным с требованиями общества и лишенным своей биологической безусловной доминанты [9].

Кросскультурными исследованиями (И. Кон, М. Мид, М.Е. Lamb, К. McCartney, D. Phillips и др.) накоплен целый ряд примеров жестокого обращения со своим ребенком в обществах, где люди превыше всего ценили социальный ранг. Например, некоторые женщины Таити, а также некоторые индианки из племени натчез, в ситуациях, когда детоубийство могло повысить их социальное положение могли задушить собственного ребенка.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы: во-первых, основополагающей установкой по отношению к материнству для большинства женщин служит мнение общества, в котором она воспитывается и живет, а второй, что наличие или отсутствие материнского инстинкта, который бы автоматически рождал в женщине желание стать матерью и находиться рядом со своим ребенком достаточное для его полноценного развития количество времени, является следствием сформированного ранее отношения. То есть говорить о том, что одним женщинам дано быть матерью, а другим нет в силу характера, например, не верно.

Сегодня центральным вопросом для многих женщин при решении вопроса о рождении детей является возможность самоактуализации в период нахождения в отпуске по уходу за ребенком или даже дольше. Может ли женщина, находясь вне своих прежних профессиональных обязанностей, реализовывать свои потенции? Есть у нее в этот период возможность саморазвития в интересующих отраслях? Может ли материнство быть такой отраслью, в которой достаточно возможностей для приложения своих талантов: умственных и творческих. Или ребенок забирает все жизненные силы, внимание, и вообще его присутствие рядом лишает женщину ее внутреннего мира?

В связи с вышеизложенным цель нашего исследования – изучить особенности показателей самоактуализации матерей на примере работающих и неработающих женщин.

В исследовании приняли участие 20 женщин, имеющие детей в возрасте до 18 лет, работающие. 17 женщин, имеющие детей в возрасте до 18 лет, неработающих, сознательно сфокусированных на роли матери и хозяйки дома. Средний возраст испытуемых 35 лет.

В качестве методов были определены следующие психодиагностические методики:

1. «Самоактуализационный тест» (САТ), Э. Шостром (адаптация Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, М.В. Загика, М.В. Кроз).

2. Методика PARI. Тест-опросник изучения родительских установок, Шефер Е.С. и Белл Р.К. (адаптация Т. В. Нещерет).

В таблице 1 представлены средние значения показателей самоактуализации женщин.

Таблица 1

Средние значения показателей самоактуализации
у работающих и неработающих матерей

Шкалы САТ		N	Среднее (сырой балл)	Т- баллы Опро- сника САТ
Шкала Компетентности во времени (Тс)	работаю- щие	20	8,05	48
	неработ- ающие	17	8,71	52
Шкала поддержки (I)	работаю- щие	20	42,40	45
	неработ- ающие	17	48,53	53
Шкала Ценностных ориентации (SAV)	работаю- щие	20	11,15	48
	неработ- ающие	17	12,18	51
Шкала Гибкости поведения (Ех)	работаю- щие	20	10,80	44
	неработ- ающие	17	12,94	50
Шкала Контактности (С)	работаю- щие	20	8,10	44
	неработ- ающие	17	10,59	55
Шкала Креативности (Сг)	работаю- щие	20	5,90	48
	неработ- ающие	17	7,59	56
Шкала Принятия агрессии (А)	работаю- щие	20	6,60	46
	неработ- ающие	17	6,65	46
Шкала Самопринятия (Са)	работаю- щие	20	9,70	50
	неработ- ающие	17	10,41	50
Шкала Самоуважения (Sr)	работаю- щие	20	8,00	52
	неработ- ающие	17	8,47	52
Шкала Сензитивности к себе (Fr)	работаю- щие	20	5,95	49
	неработ- ающие	17	5,88	49
Шкала Синергии (Sy)	работаю- щие	20	3,70	49
	неработ- ающие	17	4,06	49

Шкала Спонтанности (S)	работаю щие	20	6,55	53
	неработ ающие	17	7,12	53
Шкала Представлений о природе человека (Nc)	работаю щие	20	5,10	49
	неработ ающие	17	6,06	55
Шкала Познавательных потребностей (Cog)	работаю щие	20	5,05	40
	неработ ающие	17	5,59	45

Результаты исследования показали, что уровень самоактуализации у опрошенных работающих и неработающих матерей в целом обладают схожими показателями, близкими к психической и статистической норме (диапазон 45–55 Т-баллов).

Однако показатели самоактуализации у работающих матерей располагаются ближе к нижней границе нормы, и даже имеются три показателя (Гибкость поведения (44), Контактность (44) и Познавательные потребности (40), находящиеся ниже нормы. Можно предположить, что особенно низкий уровень последних, является следствием необходимости придерживаться точного трудового расписания без возможности его корректировки или изменения в разных ситуациях, также, в знакомой работе, часто нет необходимости в расширении круга знаний, что приводит к отсутствию познавательного интереса. Данный привычный сценарий поведения, как видим, находит отражение на всех областях жизнедеятельности. Низкую контактность также можно объяснить отсутствием времени на общение с друзьями и родственниками после рабочего дня, так и ограниченным кругом лиц, с которыми обычно налажено общение в трудовом коллективе. Анализируя все вышесказанное, можно предположить, что существенным фактором у работающих женщин в отношении развития контактности, познавательных функций и гибкости в реализации своих ценностей, является отсутствие времени, его жесткое дозирование.

У респондентов из категории неработающие матери, наоборот, показатели самоактуализации близки к верхней границе статистической и психической нормы. Три показателя (Представление о природе человека (55), Контактность (50) и Креативность (56) находятся на уровне верхней нормы и даже выше. Можно предположить, что такие показатели обусловлены также образом жизни женщины-матери. Высокие баллы по шкале Представлений о человеке, говорит о том, что респондент склонен воспринимать природу человека в целом как положительную. Общение с детьми, с их открытостью, беззлобностью, жизнерадостью, приводит к тому, что самоактуализирующаяся личность считает, что в природе человека сосуществуют добро и зло, бескорыстие и корыстолюбие, бесчувственность и чувствительность. Высокие показатели Контактности и Креативности говорят о том, что неработающая мать имеет более широкий круг возможностей для общения с большим кругом лиц: с собственными детьми, встречах на детских площадках, развивающих центрах, поездок в гости, и т.п. А креативность матери во многих ситуациях носит даже вынужденный характер, т.к. в своей жизни ей постоянно приходится совмещать несколько видов деятельности (образовательную, хозяйственно-бытовую, коммуникативную, и т.п.), что, при наличии не одного ребенка, требует находчивости, принятия нестандартных решений, широкого взгляда на вещи и открытости к новому опыту.

В результате применения дисперсионного анализа были выявлены статистически значимые различия между группами респондентов по шкалам Гибкости ($p=0,41$) и Контактности ($p = 0,03$). Поведение неработающих матерей более гибкое в различных ситуациях, их отличает гибкость применения стандартных оценок, принципов. Неработающие матери способны быстро реагировать на изменяющуюся ситуацию, его

разумность при применении некоторых стандартных принципов. Им менее свойственен догматизм. Кроме того, неработающие матери отличаются способностью устанавливать глубокие и тесные контакты с окружающими, могут легко и быстро вступать в контакт, при этом их отношения с людьми не являются поверхностными. Неработающие матери могут играть значимую роль в жизни своих близких, их отношения с людьми полны смысла и доброжелательности.

Так же для изучения особенностей материнства нами были измерены родительские установки матерей. В таблице 2 представлены средние значения по методике PARI.

Таблица 2

Средние значения показателей родительских установок у работающих и неработающих матерей

Родительские установки		N	Среднее значение
Оптимальный эмоциональный контакт	работающие	20	14,135
	неработающие	17	14,088
Излишняя концентрация на ребенке	работающие	20	12,270
	неработающие	17	11,059
Излишняя эмоциональная дистанция с ребенком	работающие	20	10,720
	неработающие	17	10,276
Неудовлетворенность ролью хозяйки	работающие	20	11,45
	неработающие	17	11,47
Ощущение самопожертвования	работающие	20	12,70
	неработающие	17	11,24
Раздражительность	работающие	20	11,45
	неработающие	17	10,53
Семейные конфликты	работающие	20	12,65
	неработающие	17	13,12

У большинства матерей преобладает во взаимодействии с детьми оптимальный с психологической точки зрения подход к воспитанию, характеризующийся эмпатией к ребенку, стремлением к его развитию, учетом его желаний и потребностей. В целом более высокие баллы получены в обеих группах и по оценке семейных конфликтов.

Различия в родительских установках у работающих и неработающих матерей были обнаружены по шкале концентрации на ребенке ($p=0,16$). Данное различие свидетельствует о большей склонности работающих матерей концентрироваться на ребенке. Это обстоятельство, по нашему мнению, имеет причиной повышенную тревожность за ребенка из-за невозможности целый день видеть его, а, следовательно, понимать все ли с ним в

порядке в данный период времени, что является проявлением материнского инстинкта. Вследствие чего мать может неосознанно все чаще мысленно возвращаться к переживаниям о ребенке в течение дня, звонить ему или узнавать о нем через его окружение (воспитатели, учителя и т.п.). Для матери, по нашему мнению, данная дистанция с ребенком, является не естественной, а скорее травмирующей, имеющей своим результатом излишнюю концентрацию на нем же.

Из вышеприведенных данных, можно сделать вывод о том, что в целом статистически значимых различиях между матерями, занимающимися профессиональной деятельностью и матерями, которые, занимаются воспитанием детей, т.е. не имеют карьерных притязаний на данном этапе жизни, нет. Различия не найдены ни по отношению к себе (шкалы самоуважения и самопринятия), ни в самовосприятии (шкалы самоуважения и самопринятия). Также нет различий при диагностировании отношения к роли хозяйки дома. Эти данные позволяют говорить о том, что данные неработающие матери видят в своем положении возможность для самоактуализации своей личности, реализации своих способностей и умений.

В полученных результатах нам видится пример ошибочности распространяемого в нашем обществе мифа о том, что неработающая мать, занимающаяся воспитанием ребенка/детей, устройством быта, теряет в эмоциональном и творческом развитии.

Более того мы можем говорить о большей выраженности у таких женщин творческих способностей, навыков общения, большей тягой к новому, большей внутренней свободе с умением придерживаться собственных убеждений и принципов.

Есть предположение, что настолько высокие показатели по шкалам самоактуализации связаны с тем, что матери-домохозяйки, привлеченные нами к исследованию, состоят в семейных клубах, то есть имеют необходимую поддержку своего жизненного выбора, так как ценность материнства и детства являются базовыми для организации всей деятельности данных организаций. Дальнейшее исследование членов таких сообществ, по нашему мнению, представляет огромный интерес, и, возможно, развитие подобных клубов, было бы шагом к укреплению в нашем обществе семейных ценностей.

Нам кажется важным, чтобы наряду с примерами профессионально успешных женщин, популяризировать истории матерей, успешно реализующихся в семье. Важно рассказывать об их судьбах, говорить о том, что материнство не сделало их слабее, как членов общества, не упростило в понимании жизни, а, наоборот, дало повод осознать ценность жизни каждого человека через призму собственных чувств к своему ребенку; более глубоко понять человеческие отношения, важности диалога, необходимости мирного разрешения конфликта; понять саму себя, свои жизненные предпочтения, ориентиры, открыть в себе новые возможности: творческие, к социальному взаимодействию с людьми.

Список использованных источников:

1. Баркова Л.А. Угрозы материнству в Российском обществе // Вестник ТвГУ. Серия «ФИЛОСОФИЯ». 2017. № 2. С. 91-99
2. Вахромов Е.Е. Самоактуализация и жизненный путь человека / Е.Е.Вахромов// Современные проблемы смысла жизни и акме. – М. : ПИРАО, 2002. – С. 147-164
3. Вахрушина М. О. Самоактуализация современной женщины в семье как психологическая проблема // Молодой ученый. — 2011. — №4. Т.2. — С. 57-59
4. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика // Под науч. редакцией: Д. А. Леонтьев М.: Смысл, 2011.
5. Минюрова С.А., Тетерлева Е.А. Диалогический подход к анализу смыслового переживания материнства // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 63-75.
6. Мотков О.И. О парадоксах процесса самоактуализации личности // Магистр. 1995, № 6, с. 84 – 95.
7. Никитина Л.А. Я учусь быть мамой – М.: Самокат, 2017. – 368с.

8. Тимербулатова Э.С. Влияние профессиональной деятельности женщин-матерей на уровень их удовлетворенности жизнью // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Соци-окинетика. - 2012. - Т. 18. - №3. - С.100-104.
9. Филиппова Г. Г. Психология материнства: Учебное пособие. — М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. — 240 с.

Жданова Светлана Юрьевна
Доктор психологических наук, доцент
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
зав. кафедрой психологии развития,
614990, ул. Букирева, 15, Пермь, Пермский край,
svetlanaur@gmail.com

Доронина Вера Феликсовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра
психологии развития, магистрант 1 курса
614990, ул. Букирева, 15, Пермь, Пермский край,
Vf_doronina8@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЕТЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ РОДИТЕЛЬСКОЙ ПОДДЕРЖКИ

Аннотация. Рассматриваются вопросы безопасности детей и подростков в Интернете, анализируются возможные риски в онлайн-пространстве, специальное внимание уделяется вопросам родительской поддержки и профилактики рисков в Интернете, в частности в социальных сетях.

Ключевые слова: безопасность детей в Интернете, риски онлайн-пространства, способы родительской поддержки.

Zhdavova Svetlana Yuiryevna
Doctor of Psychological Sciences, Professor
Head of Department of Developmental Psychology, Perm State University
614990, Bukirev, 15, Perm
svetlanaur@gmail.com

Doronina Vera Felixovna
1st year Master's Degree Student of Department of Developmental Psychology,
Perm State University
614990, Bukirev, 15, Perm
Vf_doronina8@mail.ru

PSYCHOLOGICAL SECURITY OF CHILDREN IN SOCIAL NETWORKS: THE POSSIBILITIES OF PARENTAL SUPPORT

Abstract. The article deals with the safety of children and adolescents on the Internet, possible risks in the online space. There are given special attention to issues of parental support and prevention of risks on the Internet, in particular in social networks.

Key words: children's safety on the Internet, risks of online space, ways of parental support.

Проблема изучения безопасности личности на сегодняшний день широко представлена в психологической литературе. Актуальность разработки данной темы заключается в том, что многие современные люди не испытывают в полной мере социально-психологическую безопасность. Это в свою очередь снижает удовлетворенность жизнью, уверенность в завтрашнем дне, разрушает личностную целостность, способствует росту страха и тревоги, восприимчивости к угрозам извне.

Целостная концепция социально-психологической безопасности была впервые разработана О. Ю. Зотовой на основе существующих исследований и собственных эмпирических работ [3].

Безопасность личности имеет социально-психологический характер, то есть проявляется в социальных отношениях личности. Данный феномен можно рассматривать с трех позиций: с позиции активности самого индивида по обеспечению собственной безопасности, со стороны субъективного восприятия своей безопасности человеком и с позиции связи личности, группы и общества.

Безопасность зачастую трактуют исключительно как защищенность от угроз, что, с точки зрения О. Ю. Зотовой, не оправдано. Защищенность предполагает ограждение от опасностей. Важно рассматривать еще один аспект безопасности – самоутверждение в деятельности, предполагающее развитие собственных способностей справляться с трудными ситуациями.

Социум нуждается в обеспечении собственной безопасности, чтобы противостоять энтропийным влияниям, распаду общественной системы. Безопасность личности является одной из составляющих системы безопасности общества.

В современных условиях с развитием информационно-коммуникационных технологий проблема безопасности личности обрела новый аспект, связанный с безопасностью в Интернете, социальных сетях. Интернет стал местом «второго гражданства» для многих людей. По данным опроса Фонда общественного мнения на февраль 2018 г., ежедневно Интернетом пользуются 63,8% россиян, ежемесячная аудитория Всемирной Сети достигает 72% жителей страны [8].

В частности, такие онлайн-ресурсы, как социальные сети, являются удобной возможностью поддержания социальных контактов, удовлетворения потребности в досуге, поиске интересной и полезной информации, онлайн-шопинга. В исследовании, проведенном холдингом «Ромир», показано, что самыми популярными площадками стали «ВКонтакте» (86% опрошенных), «Одноклассники» (75%) и «Facebook» (58%). Набирает популярность сеть «Instagram», в которой существуют аккаунты каждого пятого россиянина. Самыми активными пользователями таких интернет-ресурсов являются представители подросткового и юношеского возраста (98% опрошенных) [4].

Согласно теории А. Маслоу, обеспечение безопасности в среде является одной из фундаментальных потребностей человека. Как и удовлетворение базовых потребностей, ощущение собственной безопасности необходимо для удовлетворения потребностей высшего уровня. Фрустрация потребности в безопасности негативно отражается на личностном статусе человека, на его психологическом здоровье и благополучии [2].

Отмечается, что одной из важнейших задач современного информационного общества является обеспечение информационной безопасности. Это связано с тем, что рефлексия пользователей по поводу онлайн-угроз развита недостаточно, в то время как сами угрозы существуют и активно проявляются. Можно говорить о недостаточном понимании взрослыми и детьми того, какие существуют угрозы в Интернете и социальных сетях, и какими образом можно от них защититься [5].

Для детей данный вопрос является наиболее актуальным. Если взрослые включились в онлайн-деятельность с уже сформированной личностной структурой, уже имея богатый опыт общения офлайн, то дети не обладают таким же багажом, их личностная структура еще только формируется и психическое развитие испытывает на себе значительное влияние информационно-коммуникационных технологий.

Социальная ситуация развития современного ребенка разворачивается на фоне пользования Интернетом, ведущие виды деятельности (игра, учение и труд) частично смещены в виртуальную среду. Существует термин «цифровое поколение», обозначающее людей, рожденных в эпоху развития Интернета и с детства включенных в онлайн-активность. Дети легко ориентируются в информационно-коммуникационных технологиях, и зачастую являются «учителями» для старшего поколения по их использованию.

С другой стороны, без поддержки взрослых у детей не может сформироваться полноценная безопасность в Интернете. Это связано с наличием в Сети угроз, справиться с которыми детям самостоятельно трудно. Ситуация осложняется тем, что в пространстве российского Интернета, по сравнению с европейскими странами, более распространены различные виды онлайн-рисков [6].

К таким рискам относятся, в первую очередь, *угрозы в процессе коммуникации* онлайн. Наиболее распространенными опасностями, потенциально возникающими в процессе общения в социальных сетях, мессенджерах, являются сообщения, носящие сексуальный характер (секстинг, груминг), офлайн-встречи с коммуникаторами из Сети, кибербуллинг (или кибертравля).

Офлайн-встречи, т.е. встречи в реальной жизни с виртуальными знакомыми, представляют угрозу для детей в связи с анонимным характером общения в Сети. Коммуникатор имеет возможность представить в социальной сети неверные сведения о себе и своих намерениях относительно общения с ребенком.

Кибербуллинг, являющийся формой буллинга в Интернет-пространстве, имеет различные формы проявления, среди которых флейминг, харассмент, троллинг, киберсталкинг, распространение клеветы, выдача себя за другого и другие формы [1]. Распространенность данного риска в социальных сетях связана с возможностью анонимного воздействия на жертву, проявления своих негативных эмоций и мести. Причиной является также несформированность у пользователей морально-этических норм регуляции поведения в Интернете.

Следующий риск в Сети – это *столкновение с нежелательным контентом* (информация о причинении себе и другим вреда, использовании запрещенных веществ, информация о насилии, шокирующая информация, сексуальный контент и др.).

Существует также *угроза онлайн-мошенничества* в Интернете и социальных сетях (взлом странички с целью распространения спама, выуживание сведений о банковской карте или фишинг, совершение покупок в поддельных онлайн-магазинах и др.).

Еще одним распространенным риском являются *технические трудности* в работе с сайтом или приложением социальных сетей (забывание логина и пароля, взлом странички, заражение устройства вирусами вследствие перехода по непроверенной ссылке и т.п.) [4].

Родители обычно не принимают во внимание распространенность угроз, с которыми сталкиваются дети в Сети [3]. Отчасти это обусловлено тем, что дети не сообщают значимым взрослым о трудностях, с которыми сталкиваются в Интернете. Тем не менее опасности, содержащиеся на различных интернет-ресурсах, оказывают такое же разрушительное влияние на психику ребенка, как и риски реальной жизни. Эти угрозы являются даже более опасными в связи со скрытостью с глаз взрослых. Все это подчеркивает важность родительской поддержки в процессе онлайн-деятельности детей.

Существуют способы обеспечения безопасности подрастающего поколения в Интернете, для реализации каждого из которых необходимо активное участие родителей. Возможна реализация следующих направлений родительской поддержки:

1. Защита (ограждение) ребенка от рисков. Для этих целей могут использоваться системы родительского контроля, которые существуют в настройках браузеров и смартфонов, установление четкого времени пребывания ребенка онлайн, сопровождение ребенка в его онлайн-деятельности.

Стоит учитывать, что такой способ поддержки имеет ограничение по эффективности. Тотальное ограждение ребенка от рисков в социальных сетях действительно снижает риск столкновения с ними. В то же время у ребенка не формируется способность самостоятельно справляться с возникающими опасностями и, сталкиваясь с ними в дальнейшем, он будет испытывать интенсивный стресс, для него будут присущи пассивные стратегии совладания с угрозами, направленные на избегание проблем, в отличие от активных стратегий, нацеленных на решение возникающих трудностей онлайн.

2. Развитие у ребенка цифровой компетентности. Многих рисков в социальных сетях невозможно полностью избежать, ребенок так или иначе будет сталкиваться с ними. Если говорить о младших школьниках и подростках, то совместное с родителями пребывание в Интернете становится менее выполнимым – у ребенка появляется потребность в самостоятельном освоении социального пространства, в том числе и виртуального.

В связи с этим важно не только ограничивать подрастающее поколение от рисков в социальных сетях, но и формировать цифровую компетентность.

Понятие цифровой компетентности пришло на смену понятию цифровой грамотности. Последняя определяется как совокупность знаний и умений использования инфокоммуникационных технологий.

На сегодняшний день человеку недостаточно только знаний и умений в данной области. Необходимо также учитывать мотивацию и ответственность пользователей. Показатель мотивации указывает, есть ли у человека направленность получать знания, умения и навыки в цифровом пространстве. Даже при наличии последних без должной мотивации знания и умения быстро устаревают и уровень цифровой компетентности может значительно снизиться. Степень ответственности показывает, осознает ли пользователь нормы поведения в Интернете, необходимость вести себя осторожно онлайн, обеспечивать самостоятельно свою безопасность, показывает, может ли человек обратиться к кому-либо за помощью при столкновении с угрозами.

Цифровая компетентность определяется как основанная «на непрерывном овладении компетенциями (системой соответствующих знаний, умений, мотивации и ответственности) способность индивида уверенно, эффективно, критично и безопасно выбирать и применять инфокоммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности (работа с контентом, коммуникация, потребление, техносфера), а также его готовность к такой деятельности» [5, с. 17].

Наиболее актуальным для детей является формирование коммуникативной компетентности в социальных сетях. Это связано с распространенностью коммуникативных рисков на данном интернет-ресурсе и наибольшей опасностью этого типа угроз для подрастающего поколения.

3. Обсуждение с ребенком его онлайн-активности и потенциальных рисков в социальных сетях. Отмечается, что детям легче воспринимать информацию об угрозах в Сети, если родители используют объяснения и поощрения. Хуже информация о рисках воспринимается в терминах запретов и ограничений, в этом случае дети склонны обесценивать значимость угроз в Интернете. Объяснения и поощрения в освоении Интернета также способствуют тому, что интенсивность стресса при столкновении с рисками в виртуальном пространстве снижается по сравнению с запрещающим стилем. Снижается риск развития интернет-зависимости при объяснительно-поощрительном стиле обсуждения онлайн-деятельности.

Трудность, с которой могут сталкиваться родители в своем желании помочь детям обеспечить безопасность в Сети, заключается в цифровом разрыве между поколениями: взрослые зачастую намного меньше осведомлены о различных интернет-ресурсах, которыми пользуются дети, а также об угрозах, которые исходят из интернет-пространства. Выходом из положения является регулярное использование родителями Интернета и социальных сетей, освоение возможностей информационно-коммуникационных технологий и интернет-ресурсов, пребывание в Сети совместно с ребенком и обсуждение вместе с ним его онлайн-активности.

Таким образом, безопасность детей в Интернете как один из компонентов социально-психологической безопасности можно значительно усилить благодаря родительской поддержке. Взрослые могут применять для ее обеспечения различные способы. Одним из них является ограждение детей от рисков при помощи систем родительского контроля и запретов на использование определенных онлайн-ресурсов. Помимо защиты от угроз, необходимо развивать в ребенке способность самостоятельно управлять своей

деятельностью в Сети и формировать у него цифровую компетентность. Наиболее важным способом родительской поддержки является доверительное общение родителей с ребенком на тему его онлайн-деятельности, информированность родителей о потенциальных рисках в Интернете, умение взрослых донести до ребенка значение каждой угрозы и способов справиться с ней.

Список использованных источников:

1. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Журнал Высшей школы экономики. Сер. Психология. 2014. Т. 11. № 3. С. 177–191.
2. Войскунский А. Е. Информационная безопасность: психологические аспекты // Национальный психологический журнал, № 1(3), 2010. С. 48-53.
3. Зотова О. Ю. Социально-психологическая безопасность личности: автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. п. наук. М., 2011. 43 с.
4. Исследовательский холдинг Ромир. Социально-сетевая жизнь. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: http://romir.ru/studies/670_1432155600/.
5. Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования Г.У. Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И. Рассказова, Е.Ю. Зотова. — М.: Фонд Развития Интернет, 2013. — 144 с.
6. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал, №3(15), 2014. С. 39–51.
7. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал, № 2(14), 2014, С. 27-33.
8. Фонд общественное мнение. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018 гг. [электронный ресурс] – Режим доступа. - URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13999>.

Жданова Светлана Юрьевна
доктор психологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
заведующая кафедрой психологии развития,
614007 г. Пермь, Букирева, 15
E-mail: svetlanaur@gmail.com

Печеркина Анна Викторовна
ассистент кафедры психологии развития,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: pecherkina.a@gmail.com

ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГО- ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЬИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема подготовки специалистов в области психолого-педагогического сопровождения семьи. Представлены технологии формирования у магистрантов, обучающихся по направлению «Психология» профессиональных компетенций в области психологического консультирования по проблемам супружеских и детско-родительских отношений. В качестве форм работы рассматривается письменная консультация. Описаны структура письменной консультации, этапы работы, представлен анализ письменных консультаций магистрантов на разных этапах работы.

Ключевые слова. Технологии психологического сопровождения семьи. Психологическое консультирование. Письменное консультирование.

Zhdanova Svetlana Yurievna
Doctor of Psychology, Associate Professor,
Perm State National Research University,
Head of the Department of Developmental Psychology,
614007 Perm, Bukireva, 15
E-mail: svetlanaur@gmail.com

Pecherkina Anna Viktorovna
Assistant of the Department of Developmental Psychology,
Perm State National Research University
E-mail: pecherkina.a@gmail.com

TRAINING SPECIALISTS FOR PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT OF THE FAMILY

Annotation. The article deals with the problem of training specialists in the field of psychological and pedagogical support of the family. The technology of the professional competence formation for masters in the field of psychological counseling on the problems of conjugal and child-parent relations is presented. As a form of work, written consultation is considered. The structure of written consultation, the stages of work, the analysis of written consultations of undergraduates are described.

Keywords. Technologies of psychological support of the family. Psychological counseling. Written counseling.

Одним из важных условий подготовки специалистов в области психолого-педагогического сопровождения семьи является обучение студентов-психологов и магистрантов навыкам психологического консультирования.

К сожалению, ограниченный объем учебных часов, сокращение учебных курсов в соответствии с требованиями учебного плана не позволяют сформировать профессиональные компетенции в области психологического консультирования у учащихся в полной мере [1,3]. В связи с этим необходимым является поиск дополнительных ресурсов, направленных на развитие у обучающихся навыков психологического консультирования.

Рассказывая об опыте работы в Пермском государственном национальном исследовательском университете (ПГНИУ), следует отметить, что подготовка специалистов в области психолого-педагогического сопровождения семьи осуществляется в рамках магистерской программы «Психология и психологическое консультирование семьи и личности». Данная программа включает в себя различные учебные дисциплины, которые позволяют приобрести магистрантам знания, умения, навыки в области психолого-педагогического сопровождения семьи. Подготовка специалистов осуществляется также в ходе прохождения производственной практики, в процессе выполнения учащимися специальных заданий в рамках самостоятельной работы.

Так, в процессе читаемого нами курса по дисциплине «Организация психологической службы» для магистрантов первого года обучения, обучающихся по направлению «Психология» по программе «Психология и психологическое консультирование семьи и личности», нами предлагаются специальные задания, направленные на формирование у магистрантов профессиональных компетенций в области психологического консультирования по проблемам психологии семьи. Хотя общий объем дисциплины составляет 144 часа и включает четыре зачетные единицы, объем аудиторной нагрузки ограничен, составляет всего 48 часов, из которых 12 часов – лекции и 36 часов – семинарские занятия. В связи с этим в рамках самостоятельной работы магистрантам предлагаются различные задания, направленные на формирование профессиональных компетенций в области психологического консультирования по проблемам семьи и личности.

На первом этапе магистранты знакомятся с работами в области психологического консультирования, решают психологические кейсы. На данном этапе магистрантов учат писать Заключение, в котором должен быть представлен подробный анализ ситуации, обозначены возможные направления дальнейшей работы, сделаны основные выводы.

На следующем этапе работы магистранты выполняют такое задание, как письменная консультация. В ходе работы над данным заданием магистрантам объясняют цели, задачи письменной консультации, знакомят с основными принципами работы, предлагают схему, структуру письменной консультации. Магистрантам объясняют, в каких случаях проводится письменная консультация практикующим психологом, например, когда у клиента возникла экстренная ситуация, требующая немедленного решения, а запись к психологу составляет две недели, либо, когда, например, клиент не решается прийти на консультацию и ему легче осуществить свой запрос по волнующей проблеме в форме письма к психологу.

Мотивируя магистрантов к выполнению данного задания, магистрантам говорили о том, что клиентский запрос исходит от реальных людей, которые написали письмо психологу, описали в нем свою проблемную ситуацию, сформулировали вопрос и ждут ответа в форме письменной консультации. Таким образом, предварительно осуществлялся поиск клиентов-волонтеров, которые хотели бы поучаствовать в данном процессе. Волонтерам объясняли цели предложенного задания (формирование у магистрантов профессиональных компетенций в области психологического консультирования), информировали о том, что в процессе данной работы соблюдается конфиденциальность. Мотивируя волонтеров к участию в данной работе, им объясняли, что они смогут получить ответ на волнующий вопрос. При этом обязательно оговаривался тот факт, что отвечать на полученный запрос будет магистрант и что письмо, которое составляет магистрант, будет проверено профессиональным психологом, поэтому волонтер сможет получить на свой

запрос квалифицированный ответ. После обсуждения всех формальных условий работы волонтеры писали «письмо психологу», запечатывали его в конверт и писали на конверте цифры или ставили какие-либо символы, знаки. Таким образом, соблюдалась конфиденциальность, психолог и магистранты не знали кто в действительности написал данное письмо. Интересным является тот факт, что хотя волонтерам было предложено придумать или описать какую-то ситуацию, например, касающуюся не их лично, а знакомых, друзей, все волонтеры, которые приняли участие в данной работе, описали ситуации из своего личного опыта, особо значимые для них. Данный факт говорит о доверии и вовлеченности в процесс. В качестве волонтеров выступили студенты, а также респонденты, имеющие опыт родительства, воспитывающие одного-двух маленьких детей. В качестве ситуаций, которые описывали волонтеры, были ситуации, касающиеся проблемных ситуаций в сфере детско-родительских отношений, отношений с партнером, проблем в области психологии личности, например, мотивации, поиска смысла жизни. В ходе лекций и на семинарском занятии магистрантам была предложена схема письменной консультации, которая включала в себя следующие основные этапы:

Обзорный этап: анализ текста письма, определение его топографических характеристик: особенностей почерка, размещения и членения текста, логики описания проблемной ситуации, стиливых особенностей текста клиента. На основе первичного обзора составляется предварительный психологический портрет клиента.

Исследовательский этап: определение клиентского запроса и постановка проблемы.

Выделение вербальных ключей, на основе которых формулируется консультативная гипотеза. Определение проблемы, на решение которой направлена письменная консультация.

Предварительный аналитический этап: концептуализация проблемы клиента, определение психологических закономерностей возникновения проблемной ситуации, возможных аффективных, когнитивных и поведенческих проявлений. Теоретическая проработка технологий работы с проблемной ситуацией клиента.

Также магистрантам была предложена **структура письменной консультации**, в соответствие с которой магистрантам нужно было написать ответ клиенту. Структура письменной консультации включала в себя следующие компоненты:

1. **Знакомство:** Представление психолога, краткая информация о профессиональном опыте. (Цель – повышение уровня доверия, расположение клиента к консультативному взаимодействию).

2. **Благодарность:** Выражение благодарности клиенту за решимость/доверие/смелость написать письмо психологу. (Цель – поддержка клиента в его обращении, демонстрация принятия клиента в его проблемной ситуации).

3. **Постановка проблемы:** Перефразирование запроса клиента, акцентирование внимания на тех фразах, которые в большей степени отражают характер проблемной ситуации. (Цель – осмысление клиентского запроса и формулировка проблемы. Определение консультативной гипотезы. Для клиента – обратная связь о том, что он «услышан»).

4. **Вербализация эмоционального состояния:** Описание возможных эмоциональных переживаний клиента на основе представленного «письма», а также перечисление возможных испытываемых эмоций. Описание естественности переживаемых эмоций. Эмоциональное резюмирование. (Цель – выражение, принятие эмоционального опыта клиента. Снятие тревожности в связи с переживаемыми чувствами и эмоциями).

5. **Психологическое описание (информативный этап):** Структурирование информации. Предоставление психологической интерпретации проблемной ситуации, обозначение возможных причин. Объяснение клиенту ситуации с точки зрения психологических закономерностей. (Цель – формирование понимания клиентом проблемной ситуации и определение нового взгляда на проблемную ситуацию. «Психологическое просвещение»).

6. **Воздействие (вопросы):** формулировка нескольких вопросов, ответы на которые помогут клиенту разобраться в сложившейся ситуации и будут способствовать активности в направлении решения проблемы. (Цель – направление клиента на самостоятельное разрешение проблемной ситуации, определение возможных вариантов разрешения проблемной ситуации).

7. **Воздействие (рекомендации):** разработка индивидуальных рекомендаций, способствующих разрешению проблемной ситуации. Разнообразные личностно-ориентированные техники, которые могут быть взяты из различных консультативных подходов. Задания, упражнения, визуализация, артерапевтические техники, описание последовательности действий, которые приведут к решению проблемы. (Цель – определение стратегии и последовательности действий в разрешении проблемной ситуации самим клиентом).

8. **Подведение итогов:** «Воздействующее резюме» краткое обобщение письменной консультации – клиентского запроса и возможных вариантов решения проблемы. Подытоживание того, что было предложено в консультации. (Цель – завершение консультации, ориентация на перенесение принятие нового взгляда на проблемную ситуацию и реализацию предложенных рекомендаций).

9. **Выход из контакта:** Завершение письма. Акцентирование внимания на рекомендательном характере письменной консультации, обозначение возможных ее ограничений. Возможно выражение благодарности клиенту. Предоставление информации о возможности проведения очной консультации. Подпись психолога. (Цель – завершение контакта с клиентом, поддержание его в проблемной ситуации. Усиление позиции того, что проблема может быть разрешена, у клиента есть возможность обратиться за помощью к специалисту, если он почувствует в этом потребность).

После того, как магистрантами были составлены тексты письменных консультаций, они проверялись преподавателем, ведущим семинарские занятия по данному курсу, и далее возвращались магистрантам на доработку. Следует отметить, что в ходе данной работы возникли некоторые трудности объективного характера. Они заключались в том, что, с одной стороны, необходимо было как можно быстрее дать ответ клиенту. С другой стороны, – поскольку в ходе данной работы большое внимание уделялось содержанию текста письменной консультации, текст возвращался магистранту на доработку, и в некоторых случаях это было по несколько раз. После окончательной доработки текста письменной консультации и его проверки преподавателем, ответ магистранта запечатывали в конверт. На конверте с целью соблюдения принципа конфиденциальности писали номер или рисовали какие-либо знаки, символы, которые нарисовал сам клиент, когда писал письмо психологу. После этого текст письменной консультации отдавали клиенту. Общее количество писем, которые написали магистранты, составило 24 текста. Каждый текст корректировался и исправлялся минимум – 3 раза, максимум 5 раз.

Анализ письменных консультаций показал, что тексты, представленные магистрантами на первом и последующих этапах работы над письменной консультацией, существенно отличаются. Данные отличия касаются, прежде всего, объема текста. Так, тексты, представленные на первом этапе работы, являются краткими, некоторые из них занимают меньше половины одной страницы формата А4. Тексты, представленные на последующих этапах работы над письменной консультацией, напротив, являются объемными, развернутыми, некоторые из них занимают 2- 2,5 страницы.

Следующее отличие касается стиля письма. Для текстов письменных консультаций, представленных магистрантами на первом этапе работы, характерны категоричность, прямолинейность суждений. Это проявляется, в стиле письменной речи, например, в обращении к человеку («Приветствую, Вас!»), в стремление сразу «поставить диагноз», установить и назвать причину сложившейся ситуации, сделать умозаключение, перейти к выводам относительно проблемы, описанной в тексте письма. Категоричность суждений проявляется также в стремлении дать совет, навязать свое мнение, в использовании в

письменной речи союзов но, а, только. Например, магистрант, отвечая на вопрос клиента, пишет: «но только мне непонятно, почему...».

Также отличия письменных консультаций, представленных на первом и последующих этапах работы над текстом, касаются предложенных магистрантами возможных решений ситуации и рекомендаций, адресованных клиенту.

Так, один из магистрантов в первом варианте своей письменной консультации, обращаясь к клиенту, пишет: «Вы очень сильная девушка! Понимаю, Вам сейчас нелегко, поэтому для Вас очень важна поддержка в такой ситуации».

После внесенных в текст письменной консультации под руководством преподавателя корректив, тот же магистрант пишет: «Вы переживаете достаточно сложный этап жизненного пути, поэтому те переживания, которые Вы испытываете, вполне нормальны. Я думаю, многие так или иначе сталкиваются с теми ощущениями, которые Вы описываете: с ссорами с родителями и с некоторым непониманием. Поэтому знайте, что Вы не одиноки! Главное сейчас – понять, что с Вами на самом деле всё в порядке, нужно просто попытаться разобраться в ситуации, и желание это сделать у Вас есть».

В данный момент я бы посоветовала найти какие-то новые увлечения и интересы, которые Вам приглянутся. Возможно, Вы начнёте с чтения в свободное время каких-либо вдохновляющих книг, о прочтении которых раньше никогда и не думали. А может, это будут поиски какого-то нового хобби, которым Вы никогда раньше не занимались. С новыми интересами появятся и новые друзья и приятели. А ещё, Вы сможете себя реализовать и выразить в своём увлечении свои эмоции и чувства. Вы сейчас находитесь в лабиринте души и своих чувств. Я хочу, чтобы Вы нашли в нём свой уникальный смысл жизни, который вернёт Вам желание творить и общаться, получать удовольствие от жизни. Прислушайтесь к себе».

Психологические рекомендации магистрантов относительно дальнейшего решения проблемы после внесенных корректив являются развернутыми, включают в себя конкретные задания, упражнения, способы поведения, направленные на решение проблемы.

Анализ письменных консультаций магистрантов свидетельствует о том, что магистранты в текстах письменных консультаций после внесенных корректив в большей мере проявляют эмпатию, поддержку, склонны говорить о переживаемых чувствах и состояниях клиента.

Так, в первом варианте своего ответа клиенту магистрант пишет: «судя по Вашему письму, Вы обижены на него, но обида – это разрушительный сигнал для организма. Не нужно угнетать себя этим. Постарайтесь все-таки встретиться с молодым человеком, объясниться и тогда вместе найти решение этой проблемы. В любом случае знайте, что Вы молодая, красивая девушка и вся жизнь у Вас только начинается! На несколько часов переключитесь от ситуации на себя любимую, займитесь любимыми делами, спортом, встретьтесь с друзьями. Это поможет отвлечься. И помните, любимый человек обязательно будет с Вами!». Следует заметить, что объем текста данной письменной консультации составил меньше половины листа.

После внесенных под руководством преподавателя изменений в текст письма тот же магистрант пишет: «Ознакомившись с текстом письма, я понимаю, что между Вами и молодым человеком возникло недопонимание, есть недосказанность и Вам неясна причина разлада. Возможно, что молодой человек поступил так, потому что держит обиду на Вас или у него что-то случилось и поэтому он не хочет Вас включать в свои проблемы и поддерживать отношения. Я уверена, что он так же, как и Вы переживает расставание».

Я понимаю, что Вас сейчас явно переполняют чувства непонимания, обиды, жалости к себе, при этом Вы испытываете агрессию и ненависть к молодому человеку».

Примером того, что в процессе работы над текстом письменной консультации у магистрантов формируется умение отражать, вербализировать эмоциональное состояние клиента, считывать и описывать его возможные эмоциональные переживания могут служить следующие тексты.

Так, обращаясь в своем первом письме к клиенту, магистрант пишет: «Вы переживаете достаточно сложный этап жизненного пути, поэтому те переживания, которые Вы испытываете, вполне нормальны. Я думаю, многие так или иначе сталкиваются с теми ощущениями, которые Вы описываете: с ссорами с родителями и с некоторым непониманием. Поэтому знайте, что Вы не одиноки! Главное сейчас – понять, что с Вами на самом деле всё в порядке, нужно просто попытаться разобраться в ситуации, и желание это сделать у Вас есть». Текст данного письма составляет меньше половины листа.

После внесенных магистрантом правок текст письменной консультации существенно меняется. Так, магистрант пишет: «Понимаю, Вам сейчас нелегко, поэтому для Вас очень важна поддержка в такой ситуации, когда одновременно хочется отстраниться от людей, но быть понятой и принятой, услышанной ими; когда грустно одной, но вместе с тем и в общении с другими есть определённые трудности и сложности.

Вы переживаете достаточно сложный этап жизненного пути, поэтому те переживания, которые Вы испытываете, вполне нормальны. Вы можете чувствовать определённого рода раздражение или даже злость при вмешательстве в Вашу личную жизнь других людей, достаточно эмоционально отстаивать свои мировоззренческие позиции. Одновременно в Вас может быть достаточно сильное чувство пустоты, ведь есть ощущение, что Вас не понимают, а ещё Вам просто очень сложно разобраться в этом ворохе переживаний, а их на самом деле очень много. Вы правы, в этом действительно есть доля заложенных в каждом из нас психологических защит. В настоящий момент Вы находитесь в таком периоде, когда они очень важны, это момент больших изменений в жизни. Ведь сейчас Вы не просто отстаиваете своё мнение, Вы отстаиваете границы своей формирующейся личности, и это очень важно. Поэтому желание отстраниться и остаться наедине с собой вполне нормально. Одновременно тяга быть с теми, кто Вас ценит, с кем Вам интересно, никуда не пропадает, поэтому в моменты Вашего уединения закономерно возникает чувство одиночества и пустоты».

На следующем этапе работы в рамках курса «Организация психологической службы» магистрантам было предложено провести психологическую консультацию с клиентом в формате индивидуальной встречи. Предварительно также осуществлялся поиск клиентов-волонтеров. Консультации записывались на видео, по итогам консультации магистрант оформлял протокол, после этого осуществлялись индивидуальная и групповая супервизия. Технологии обучения магистрантов проведению индивидуальных консультаций для клиентов описаны в одной из статей авторов [2]. Участие в данной форме работы осуществлялось на добровольной основе, по желанию, однако следует отметить, что все магистранты с большим интересом откликнулись на предложенное задание и приняли активное участие в проведении психологических консультаций для реальных клиентов. Хотя магистрантам было предложено провести только одну индивидуальную консультацию с клиентом, все магистранты провели по 3 и более индивидуальных консультаций. В некоторых случаях это был один и тот же клиент. С одним и тем же клиентом было проведено не более двух консультаций. Проведение консультаций осуществлялось на базе Центра психолого-педагогической помощи ПГНИУ, в организации и проведении консультаций большую помощь оказали сотрудники психолого-педагогического Центра ПГНИУ.

В целом, полученный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Несмотря на имеющиеся теоретические знания в области психологического консультирования, у магистрантов наблюдаются трудности, связанные с написанием текстов письменных консультаций, которые можно объяснить несформированностью у них профессиональных компетенций в сфере психологического консультирования. Это в свою очередь может быть обусловлено тем, что в учебном процессе у магистрантов в основном реализуются учебные задачи первого, второго и третьего типов, которые требуют от них воспроизведения знаний; простых мыслительных действий (описание, систематизация фактов).

2. Обучение магистрантов технологиям письменного психологического консультирования позволяет реализовать учебные задачи иного типа, требующие применения на практике продуктивного мышления; решения проблемных ситуаций, умения осуществлять рефлексивные процедуры.

3. Предложенные технологии способствуют развитию профессиональных компетенций магистрантов в области психологического консультирования, поскольку ориентированы на понимание, осмысление, структурирование в памяти магистранта усваиваемого материала, его актуализацию в сфере практических и профессиональных задач.

Список использованных источников:

1. Жданова С.Ю., Зарипова Л.З., Печеркина А.В. Профессиональная подготовка специалистов-психологов для психологической службы высшей школы (из опыта работы) // Психологическая служба университета: реальность и перспективы: материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 27–28 октября 2017 г. / отв. ред. И.Б. Умняшова, И.В. Макарова. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ. НИУ ВШЭ, 2017. – 424 с.

2. Жданова С.Ю., Зарипова Л.З., Печеркина А.В. Технологии формирования у студентов-психологов навыков индивидуального психологического консультирования // Сборник материалов VI Форума психологов Прикамья «Психологическая наука и практика: личность и социокультурная среда». – Пермь, 2016, – С. 76-81.

3. Жданова С. Ю., Шавкунова А. В. Психологическое консультирование по телефону как форма оказания психологической помощи клиенту// Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты/ Отв. Ред. Н.Л. Белопольская, М. 2015. ISBN: 978-5-89353-471-9 Серия: Клиническая психология С.255-263.

4. Жданова С.Ю., А.В. Шавкунова, А.Г. Кузнецов Формирование социально-психологической адаптации у студентов-первокурсников к новым условиям образовательной среды // Психологическая наука и практика: взаимодействие, опыт, новации // Материалы V Форума психологов Прикамья (Пермь, 27-28 ноября 2015). Пермь, 2015.С. 89-95.

5. Кузнецов А.Г., Русаков С.В., Жданова С.Ю. Особенности работы со студентами первого курса (из опыта работы механико-математического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета) // Вестник Московского университета Серия 20 Педагогическое образование №1. 2017. 99-111.

Якоб Светлана Александровна
преподаватель кафедры теории и методики
дошкольного и начального образования
Сургутский государственный педагогический университет
626400 ХМАО-Югра г.Сургут, Кайдалова,28
E-mail: svetlana.yakob86@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДОО С СЕМЬЕЙ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ ХМАО-ЮГРЫ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования ценностного отношения к культуре ХМАО - Югры у детей дошкольного возраста через вовлечение семьи в образовательный процесс. Автором раскрывается система работы по данной теме, основное внимание уделяется совместной работе педагогов ДОО и родителей воспитанников. Автор рассматривает понятия «ценностные ориентации», «ценностное отношение», культура родного края, взаимодействие, нетрадиционные формы работы.

Ключевые слова: ценностные ориентации, ценностное отношение, нормативно-правовая база дошкольного образования, культура родного края, дети дошкольного возраста, региональный компонент, взаимодействие, нетрадиционные формы работы.

Yakob Svetlana Aleksandrovna
prepodavatel' kafedry teorii i metodiki
doshkol'nogo i nachal'nogo obrazovaniya
Surgutskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet
626400 KHMAO-Yugra g.Surgut, Kaydalova, 28
E-mail: pedpsy@mail.ru

INTERACTION DDO WITH FAMILY HOW THE CONDITION OF FORMATION VALUABLE RELATIONSHIPS TO CULTURE KHMAO-YUGRY CHILDREN OF PRESCHOOL AGE

Abstract. The article considers the problem of formation of the value attitude to the culture of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra in preschool children through the involvement of the family in the educational process. The author reveals the system of work on this topic, the main focus is on the joint work of the teachers of the DOE and parents of pupils. The author considers the concepts "value orientations", "value attitude", the culture of the native land, interaction.

Key words: value orientations, value attitude, normative - legal base of preschool education, culture of the native land, children of preschool age, regional component, interaction, non-traditional forms of work.

Переживаемые современным обществом трудности отражаются во всех сферах жизни. Нравственность, мораль, духовные ценности – вот те составляющие, которые волнуют педагогов, ответственных за воспитание сегодняшних дошколят, маленьких граждан своей страны. При этом большинство родителей воспитанников дошкольных образовательных организаций не скрывают, что их главная задача – обеспечить безбедное в финансовом смысле слова существование своих детей. Такие понятия как моральные ценности, патриотизм – слишком эфемерны и не имеют для многих молодых семей практической значимости.

Дошкольное детство – важнейший период в социально - нравственном становлении личности. Одним из направлений в нравственном развитии ребенка является развитие чувств патриотизма. Воспитание патриотических чувств у детей дошкольного возраста, будучи одной из задач нравственного воспитания, включает в себя воспитание любви к близким людям, к детскому саду, к родному городу, краю и родной стране» [1, с. 18].

В Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года нравственному, гражданскому и патриотическому воспитанию отводится целая глава. В ней говорится о том, что одним из требований к современному ДОО, является необходимость создания условий для воспитания у детей активной позиции, гражданской ответственности, основанных на традиционных культурных, духовных и нравственных ценностях российского общества. Опираясь на данные положения и учитывая требования ФГОС дошкольного образования, отметим, что современная дошкольная образовательная организация находится в поиске форм и методов взаимодействия с родителями воспитанников, направленные на развитие нравственных, гражданских и патриотических качеств дошкольников и формирования у них ценностного отношения к культуре родного края.

Рассматривая подробнее ключевые понятия в рамках данной проблемы, мы отмечаем, что в словаре С.И. Ожегова нравственность рассматривается как правила, определяющие поведение, духовные и душевные качества, необходимые человеку в обществе. Патриотизм, в том же словаре толкуется как преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу.

О нравственно-патриотическом воспитании в ДОО писали многие педагоги - практики. Так Е.Ю. Павлова считает, что именно в дошкольном возрасте формируется чувство любви к Родине, привязанность к своей культуре, народу, прошлому. Знание истории своего народа, родной культуры поможет в дальнейшем с уважением, вниманием и интересом относиться к истории и культуре других народов.

И. Лескина, Н. Станкевич, Л. Соколова считают, что именно родители должны быть «проводниками» культуры, традиций и ценностей для ребенка. В.Г. Нечаева, Т.А. Маркова, Р.И. Жуковская писали, что высоких результатов в нравственном развитии детей, возможно, добиться лишь при наличии морально ценностных взаимоотношений между взрослыми, взрослыми и детьми, при взаимодействии педагогов родителей. Очень важна содержательная жизнь дошкольников в семье и в дошкольной образовательной организации» [2, с. 37].

Главной задачей нравственно-патриотического воспитания дошкольников является формирование уважительного отношения и чувства принадлежности к своей семье, малой родине и Отечеству; расширение представлений о социо-культурных ценностях нашего народа, об отечественных традициях и праздниках.

Вопросы формирования у детей дошкольного возраста ценностного отношения к культуре ХМАО-Югры последовательно не рассматриваются. Для нашего исследования особый интерес представляет утверждение Г. Н. Волкова о том, что культуру каждого народа нельзя представлять «как абстрактный монолит», к любой культуре нужно подходить дифференцированно, ибо у каждого народа свои исторические корни, своя культура.

Изучение и анализ особенностей национальных культур коренных жителей ХМАО-Югры показали, что в рамках единой национальной культуры существуют значительные локальные и социальные отличия в традициях, чертах быта, одежде, обычаях и обрядах.

Изучение общих и индивидуальных особенностей народов ханты и манси способствует пониманию культуры и истории народа своего края в целом. Изучение особенностей этнических культур, создание для этого необходимых условий представляет теоретический и практический интерес в связи с приобщением человека к этнокультурным ценностям через формирование эмоционального отношения к ним.

Целенаправленное использование особенностей культуры коренных народов ХМАО-Югры при ознакомлении дошкольников с историей и культурой народов родного края является важной задачей формирования ценностного отношения к национальной культуре в многоэтническом пространстве.

Ценностные отношения представляют собой одновременно процесс восприятия и понимания мира через призму ценностей, результат этого процесса — отношение субъекта к определенным объектам как к личностным ценностям (А. И. Титаренко). Становление системы ценностей происходит на протяжении всей жизни человека, но наиболее сензитивным периодом является старший дошкольный возраст. Это доказывается в ряде диссертационных исследований (В. Безрукова — формирование ценностного отношения к окружающему миру, Ю. В. Галушинская — к старости, Н. А. Платонова — к родному городу и др.)» [4, с. 80].

Формирование ценностного отношения к культуре ХМАО-Югры невозможно без активного вовлечения родителей воспитанников (законных представителей) в образовательный процесс.

В законе «Об образовании в РФ» указано, что родители являются первыми педагогами. Они обязаны заложить основы физического, нравственного, интеллектуального, личностного развития ребенка.

Для маленького ребенка Родина начинается с родного дома, улицы, на которой живет он и его семья, в семье начинает «расти» будущий гражданин своей страны. Семья — это целый мир для ребенка, здесь он учится любить, радоваться, сочувствовать. В семье ребенок приобретает первый опыт общения, опыт «жить среди людей». Семья является традиционно главным институтом воспитания. То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни.

Семья является традиционно главным институтом воспитания. То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни.

Какие бы формы взаимодействия с родителями не были выбраны, каковыми бы не были пути их реализации — главное, вовлечь родителей в воспитательно-образовательный процесс, разнообразить формы взаимодействия с ними, пробудить интерес к жизни детей в ДОО и активизировать участие самих родителей в различных мероприятиях дошкольной образовательной организации.

Результатом внедрения ФГОС ДО в работе с родителями должно стать создание эффективной модели сотрудничества, основанной на личностно-ориентированной модели взаимодействия взрослых — «педагог-родитель» [1, с. 64].

В рамках ФГОС ДО планирование образовательного процесса строится с учетом возрастных и индивидуальных особенностей детей, основной общеобразовательной программы дошкольного образования и комплексно-тематического планирования.

Взаимодействие педагогов с родителями предполагает взаимопомощь, взаимоуважение и взаимодоверие, знание и учет педагогом условий семейного воспитания, а родителями — условий воспитания в детском саду. Также оно подразумевает обоюдное желание родителей и педагогов поддерживать контакты друг с другом.

В настоящее время используются всевозможные методы и формы взаимодействия с семьей по формированию ценностного отношения к культуре ХМАО-Югры как традиционные, так и новаторские, нетрадиционные:

- наглядная пропаганда,
- родительские собрания,
- беседы и консультации,
- конференции родителей,
- устные журналы,
- анкетирование,
- дни открытых дверей,
- круглые столы,
- организация клубов,
- организация деловых игр [3].

Реализация задач по формированию ценностного отношения к культуре ХМАО-Югры мы предлагаем через планирование воспитательно-образовательного процесса посредством «тематической недели». Одной из тем, которая позволяет комплексно решить задачи формирования ценностного отношения у дошкольников, является тематическая неделя «Мы – юные Югорчане». В организации работы с родителями по данной теме мы предлагаем использовать следующие формы вовлечения взрослых в образовательный процесс:

1. *Тематические беседы, круглые столы:*

«Основы нравственных отношений в семье», «Семейные традиции и их роль в нравственно-патриотическом воспитании», «Ознакомление дошкольников с литературным наследием ХМАО-Югры», «Промыслы и традиции коренных народов ХМАО-Югры» и т.д.

Круглый стол на тему: «Нравственные уроки в сказках народов ханты и манси».

2. *Практические:*

- экскурсия в краеведческий музей «Быт народов ханты и манси».
- оформление выставки рисунков и поделок детей и родителей на тему «Мы – юные Югорчане»

- выставка детских работ «Горжусь тобой моя Югра», «Югра в моих мечтах»,

- экскурсия по фотовыставке «Достопримечательности нашего края»

- разработка детско-взрослого проекта «Я здесь живу, Югра – ты Родина моя».

- мастер-класс для родителей по изготовлению атрибутов для подвижных игр народов Севера.

- оснащение мини-музея «Югорский край».

Для каждого педагога очень важно использовать любую возможность контакта с родителями. Ведь родители регулярно могут узнавать об успехах своих детей, получить информацию о проводимых занятиях и других мероприятиях, получить мудрые советы по воспитанию детей. В качестве такого интерактивного общения в приемной группы возможно оформление «Календаря событий» в рамках изучаемой темы.

3. *Интерактивные*

В современных условиях наиболее эффективным средством взаимодействия с семьей становится сеть Интернет. В сети взаимодействие ДОО с семьей осуществляется с помощью интерактивных сервисов, которые предоставляют те или иные интернет-ресурсы, например официальный сайт образовательного учреждения, который на протяжении многих лет был и все еще остается основной формой представления ДОО в Глобальной сети. К интерактивным сервисам относятся: голосование, подписка на обновление/новости, оценка контента, добавление текстовых комментариев к контенту, отправление письма администратору сайта, онлайн-консультация, веб-конференция, вебинар, конкурсы, файловые архивы, фотогалереи и др.».

Разные интернет-ресурсы предоставляют разные интерактивные сервисы. Определяясь с формами взаимодействия ДОО с семьей в сети интернет, педагоги должны определиться с тем, какие именно интерактивные сервисы необходимы для установления и поддержания конструктивного диалога с родителями воспитанников. Важно понять, какие интерактивные сервисы могут появиться и поддерживаться на официальном сайте ДОО, а какие эффективно работают на сторонних ресурсах и могут успешно использоваться для организации и развития взаимодействия ДОО с семьей в Глобальной сети.

Интернет-ресурсы, позволяющие применять интерактивные сервисы для взаимодействия ДОО с семьей, могут быть следующими:

- официальный сайт учреждения;

- страница, группа или сообщество в социальной сети (ВКонтакте, Одноклассники, Мой Мир@mail.ru, Google+ и др.);

- собственная страница/ветка на форуме или портале;

- видеоматериалы на видеохостингах (YouTube EDU, Яндекс.Видео, Видео@mail.ru и др.);

• фотоматериалы (в том числе фотодневники) на фотохостингах (Instagram, Яндекс.Фотки, Foto@mail.ru и др.).

Официальный сайт учреждения может и должен стать основной формой взаимодействия ДОО с семьей в сети Интернет, однако неразумно пренебрегать удобными интерактивными популярными интернет-ресурсами, которые позволяют расширить представительство ДОО в сети и перейти на качественно новый уровень взаимодействия с семьей.

4. *Библиотека для родителей* открывает широкую возможность получить рекомендации по использованию в домашних условиях произведений художественной литературы по определенной теме. В рамках темы «Мы – Югорчане» родителям можно предложить прочитать дома с детьми сказки народов ханты, манси, стихи и рассказы о Югре - Г.И. Слинкина. «Сказки земли Югорской», Н.Н. Соболев. Стихотворение «Где факелы пылают нефтяные...», Д.А. Сергеев. «Апрели севера» и др., а также составить загадки по достопримечательностям края, познакомить их с поэтами и писателями ХМАО-Югры, которые пишут свои художественные произведения для детей.

Такая совместная деятельность детей, родителей и педагогов воспитывает комплекс нравственно-волевых и патриотических качеств – любовь к родному краю, отзывчивость, взаимопомощь, доброжелательность, трудолюбие – развитие которых обеспечивает действенное ценностное отношение к культуре ХМАО-Югры, что является одним из факторов патриотического воспитания.

Список использованных источников:

1. Александрова, Е. Ю. Знакомим дошкольников с родным городом. – М. : ТЦ Сфера, 2014. – 112 с.
2. Маханева, М. Д. Нравственно-патриотическое воспитание дошкольников. – М., Сфера, 2010. – 96 с.
3. Лебедева, В. В. Методические рекомендации по патриотическому воспитанию в работе с детьми старшего дошкольного возраста «Быть патриотом» (методическая разработка) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nsportal.ru/detskiy-sad/raznoe/2015/10/29/tema-metodicheskie-rekomendatsii-po-patrioticheskomu-vospitaniyu-v>
4. Лескина, И. Духовно-нравственное воспитание дошкольников // Дошкольное воспитание. – 2014. – №2. – С. 79–86.

Поскребышева Наталия Николаевна
кандидат психологических наук
Факультет психологии МГУ имени М.В.Ломоносова
доцент кафедры возрастной психологии
125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9
Email: pskr@inbox.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕПАРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты современных исследований процессов автономизации и сепарации подростков. Проведен теоретический анализ современных зарубежных и отечественных исследований сепарационных процессов старших подростков. Детско-родительские отношения рассматриваются в таких аспектах, как эмоциональная связь подростка с родителями, характер регуляции и контроля, вовлеченность и сотрудничество в детско-родительские отношения.

Ключевые слова: сепарация старшего подростка в семейной системе, автономия личности подростка, развитие личности подростка в семье

Natalia N.Poskrebysheva
candidate of psychological sciences
Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University
Associate Professor of the Developmental Psychology Department
Mokhovaya st. 11/9 Moscow 125009 Russia
Email: pskr@inbox.ru

SEPARATION PROCESSES IN PARENT-CHILD RELATIONS: CONTEMPORARY RESEARCHES

Abstract. The article reviews various aspects of modern separation and individuation studies. The separation process is seen as connected to personal autonomy development and family functioning. Parent-child relationships are considered in such aspects as the emotional relations of adolescents and their parents, regulation and control functions, involvement and cooperation in parent-child relationships.

Key words: separation and individuation of adolescents parent-child relationships, personal autonomy development, family context of personality development in adolescence

Сепарационные процессы в детско-родительских отношениях подростков принято рассматривать, как минимум, в двух аспектах: с точки зрения развития личности подростка, развития его личностной автономии и стремления к эмансипации, а также с точки зрения изменения семейной системы - происходит изменение структуры семьи, связанное с пересмотром детско-родительских отношений с признанием за подростков новых прав и более высокой степени независимости. Развитие автономии личности и процесс эмансипации рассматривается исследователями подросткового возраста как одна из ключевых задач развития подростка [3; 5]. Само понятие автономии и независимости взрослого человека охватывает большой комплекс явлений, связанных с личностной зрелостью подростка. В самом общем виде понятие автономии личности в подростковом возрасте может быть сформулировано как способность подростка самостоятельно принимать решения и реализовывать их; владение своим поведением, способность обеспечить постановку, планирование и реализацию целей субъектом, находящимся в системе

социальных отношений. Семейный аспект связан с созданием условий, в которых автономизация личности становится возможной и самим сепарационным процессом как характеристикой детско-родительских отношений.

Практически все исследователи в той или иной степени отражают взаимонаправленный процесс личностного и семейного развития. Так, Гротевант и Купер говорят о необходимости баланса в развитии самопринятия и самоутверждения и противопоставлению себя другим. При этом развитие самопринятия и самоутверждения связывают с возрастанием уверенности в себе и ответственности за свои действия, а противопоставление себя другим рассматривается, в том числе, в контексте сепарационных процессов [20]. Детско-родительские отношения позволяют подростку в наиболее оптимальных условиях найти баланс индивидуации и сотрудничества с родителями как основы развития личностной автономии.

Обобщая особенности детско-родительских отношений и их трансформацию в подростковом возрасте можно выделить три вектора, а именно: эмоциональный аспект отношений, регуляция и контроль в детско-родительских отношениях, характер взаимодействия и наличие сотрудничества в детско-родительских отношениях. Также выделяют ряд интегративных показателей, таких как стиль семейного воспитания, родительская позиция и др.

Эмоциональный аспект детско-родительских отношений подразумевает как родительскую любовь и принятие, так и привязанность подростка к родителю, а также общий эмоциональный фон отношений. Большинство исследователей сходятся в том, что привязанность к родителям и сепарация от них не являются противоположными характеристиками детско-родительских отношений. Более того, исследования показывают, что именно эмоциональная поддержка и достаточная эмоциональная близость, характерная для надежного типа привязанности, благоприятно влияют на гармоничное развитие автономии личности [13; 1]. Доверие в семье и открытость чувств способствует гармоничному развитию автономии личности и протеканию самих сепарационных процессов и в более поздних возрастах [2; 6]. Современные западные исследования приходят к подтверждению гипотезы о негативном влиянии общего эмоционального напряжения и конфликтного фона отношений с родителями для развития личности подростка [9; 17]. Интересным при этом является и определенная возрастная закономерность: старшие подростки чувствуют себя менее признанными с точки зрения эмоционального принятия родителями, нежели младшие [7]. Родительская любовь и надежная привязанность рассматриваются как наиболее гармоничные аспекты эмоциональных отношений подростка и родителей. Так, показано, что надежная привязанность имеет существенные пролонгированные эффекты, в частности, связана с более высоким уровнем счастья в подростковом и взрослом возрастах [19]; доверительные отношения подростков и родителей способствуют тому, что подросток становится более чувствительным к поведению других, способен больше замечать и глубже понимать и чувствовать детали событий или явлений [18].

Родительский контроль является одной из важных воспитательных функций и требует существенной трансформации в связи с переходом подростка на новый этап развития и собственно сепарационными процессами. Исследования доказывают, что подростки с более высоким уровнем автономии испытывают меньше контроля и давления со стороны родителей [16]. При этом отсутствие контроля само по себе не является протектором для развития автономии: попустительство как отсутствие контроля за подростком не позволяет ему овладеть средствами самоконтроля, необходимыми для полноценной эмансипации и сепарации. Высокий уровень контроля традиционно связывают с зависимостью и подчиняемостью подростка.

Ряд исследований позволил определить конкретные формы контроля, которые затрудняют процесс сепарации и развития автономии личности и связать эти формы с директивностью родителей по отношению к подросткам. Директивный контроль понимается

как нечувствительность к потребностям ребенка и использование различных манипулятивных техник с целью психологического давления на ребенка и подростка [15]. Чаще всего манипулятивные техники (например, манипулирование чувством вины и стыда, лишение родительской любви и др.) используются для того, чтобы научить ребенка соответствовать требованиям и нормам поведения, однако в долгосрочной перспективе негативно влияют на сепарационные возможности подростка [8].

Выделяют две формы директивного контроля, негативно отражающегося на сепарационных процессах: контроль, ориентированный на зависимые отношения, и психологический контроль, ориентированный на достижение определенных результатов. В первом случае настойчивые манипулятивные действия родителей (особенно матерей) направлены на поддержание тесной эмоциональной и физической близости с ребенком. Подавление самостоятельности ребенка осуществляется через гиперопеку и иницирование чувства вины. В таком случае родители склонны расценивать любую попытку самостоятельного поведения как предательство семьи. Отношения, пронизанные страхом предательства, чувством вины, неуверенностью в собственных силах приводят к страху сепарации, стремлению к максимальной эмоциональной близости подростка с родителями и поиска безопасности в привычных отношениях. Даже в случае возможной нарастающей физической сепарации такой паттерн отношений приводит к психологической зависимости, распространяемой на все отношения и, соответственно, невозможности истинной сепарации [12]. В случае директивного контроля, ориентированного на достижение определенных результатов мы имеем дело с противоположным явлением - невозможностью истинной сепарации в связи со стремлением к отчуждению в отношениях в целом. Блатт описывает этот комплексный процесс как вытекающий из условного принятия (или психологического контроля, связанного с соответствием ребенка и подростка определенным требованиям). В этом случае родительская любовь характеризуется условным принятием: ребенок может заслужить любовь и одобрение родителей только соответствием родительским стандартам и требованиям. Поскольку такое соответствие предполагает скорее конкурентную позицию, нежели сотрудничающую, а навыки и умения наиболее выгодно проявляются в индивидуальной работе, в которой может быть показано самостоятельное решение проблемы, а не в совместной деятельности с другими, потребность в межличностных отношениях начинает обесцениваться, что приводит к эмоциональной изоляции подростка от других людей [10]. Схожие эффекты нарушения сепарационных процессов проявляются и в отечественных исследованиях. Так, в исследовании А.А. Переверзевой было выявлено, что одним из негативных последствий нарушения сепарационного процесса из-за чрезмерного контроля со стороны родителей является преобладание стремления общаться исключительно в кругу сверстников, так как общение с младшими не дает казаться старше, а общение со старшим поколением грозит им контролем и давлением со стороны взрослых. В результате происходит обеднение поведенческого, ролевого, совладающего репертуара, поскольку подростки, с одной стороны, лишаются возможности оказаться в роли наставников, научить чему-то младших, руководить ими, с другой стороны, возникает сложность с передачей опыта от старших поколений [4].

Сепарация подростков в родительской семье также связана с рядом более широких эффектов. Нарушения процессов сепарации в подростковом возрасте повышает риски деструктивного поведения, трудностей с принятием социальных и семейных норм, а также увеличивает риск потенциального суицидального поведения. Гармоничное протекание сепарационных процессов и надежная привязанность, по мнению Маттанаха, Хэнкока и Брандта обеспечивает оптимальные условия для развития социальных навыков, развития личности и психологического благополучия [14].

Список использованных источников:

1. Бурменская Г.В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14, Психология, 2009. № 4.

2. Дзукаева, В.П. Психологическая сепарация от родителей в юношеском возрасте: эволюция теоретических представлений и примеры современных исследований / В.П. Дзукаева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2015. – №2. – С. 71-76.
3. Молчанов, С. В. Психология подросткового и юношеского возраста : учебник для академического бакалавриата / С. В. Молчанов. — М. : Издательство Юрайт, 2017
4. Переверзева А. А. Диалектический характер воздействия социальных детерминант на формирование личности в современном социуме // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. 2015. №4.
5. Реан А. А. (ред.) Психология подростка. Полное руководство. – СПб.: Ев-рознак, 2008.
6. Сысоева Л.В., Луговский В.А. Изучение взаимосвязи ведущего типа сепарации от родителей с типом привязанности к ним в юношеском возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. №3.
7. Babore A. Picconi L., Candelori C., Trumello C. (2014). The emotional relationship with parents: A validation study of the LEAP among Italian adolescents. *European Journal of Developmental Psychology* July 2014/11(6), 728-739.
8. Barber, B. K. (1996), Parental Psychological Control: Revisiting a Neglected Construct. *Child Development*, 67: 3296–3319.
9. Birditt, K. S., Miller, L. M., Fingerman, K. L., & Lefkowitz, E. S. (2009). Tensions in the Parent and Adult Child Relationship: Links to Solidarity and Ambivalence. *Psychology and Aging*, 24(2), 287–295.
10. Blatt, S. J., & Homann, E. (1992). Parent–child interaction in the etiology of depression. *Clinical Psychology Review*, 12, 47–91
11. Daniels J.A. Adolescent separation-individuation and family transitions. *Adolescence*. 1990; 25:pp. 105–116.
12. Kins E., Beyers W., Soenens B. When the separation-individuation process goes awry: Distinguishing between dysfunctional dependence and dysfunctional independence // *International Journal of Behavioural Development*. - 2012 r.. - 1 : Т. 37.
13. Levy, K. N., Blatt, S. J., Shaver, P. R. Attachment styles and parental representations // *Journal of Personality and Social Psychology*. - 1998. - V. 74. - pp. 407–419.
14. Mattanah J. F., Hancock G. R., Brand B. L., Parental Attachment, Separation-Individuation, and College Student Adjustment: A Structural Equation Analysis of Mediational Effects // *Journal of Counseling Psychology*. - 2004. - 2 : Volume. 51. - pp. 213–225.
15. Mayseless, O., & Scharf, M. (2009). Too close for comfort: inadequate boundaries with parents and individuation in late adolescent girls. *American Journal of Orthopsychiatry*, 79, 191–202.
16. Poskrebysheva N. N., Kremenchustkaya C. V. Personal autonomy development, adolescents separation process in different types of child-parent relations // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS)*. — 2018. — no. XLIII. — P. 94–101.
17. Reid, K.M. (2015) The Relationship Between Parents' Poor Emotional Health Status and Childhood Mood and Anxiety Disorder in Florida Children, *National Survey of Children's Health, 2011–2012. Matern Child Health* (2015) 19: 1071.
18. Shirlcliff, E. A., Skinner, M. L., Obasi, E. M. and Haggerty, K. P. (2017), Positive parenting predicts cortisol functioning six years later in young adults. *Dev Sci*. 2017 Nov;20(6)
19. Sillick, T. J., & Schutte, N. S. (2006). Emotional intelligence and self-esteem mediate between perceived early parental love and adult happiness. *Emotional Intelligence*, 2(2), 38–48.
20. Zimmer-Gembeck M.J., Collins W.A. Autonomy Development during Adolescence. In Gerald R. Adams, Michael D. Berzonsky, editors. *Blackwell handbook of adolescence*. Blackwell Publishing, Oxford, UK; 2003.

Матвеева Лидия Владимировна
доктор психологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
профессор кафедры методологии психологии
125009 г. Москва, ул. Моховая, 11, стр.9
E-mail: matweewa-com@yandex.ru

Аникеева Татьяна Яковлевна
кандидат психологических наук
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
старший научный сотрудник кафедры общей психологии
125009 г. Москва, ул. Моховая, 11, стр.9
E-mail: anikeeva-07@mail.ru

Мочалова Юлия Васильевна
кандидат психологических наук
научный сотрудник лаборатории инженерной психологии
кафедры психологии труда и инженерной психологии
125009 г. Москва, ул. Моховая, 11, стр.9
E-mail: vassom@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЕРТИЗЫ АНИМАЦИОННОГО ДИСКУРСА ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Приводятся результаты исследования восприятия подростками героев мультфильмов, снятых по идентичному сценарию в рамках американской и отечественной культурных традиций: «Царевна-лягушка» и «Принцесса и лягушка». Показано, что женские роли воспринимаются подростками более позитивно, чем мужские. Образ героини американского мультфильма вызывает у подростков желание подражать ей. Делается заключение о необходимости психологической и культурологической экспертизы анимационной продукции для детей.

Ключевые слова: анимационный дискурс, влияние анимации на детей, российский и американский типы анимационного дискурса, категориальная структура восприятия героев мультфильмов, экспертиза.

Matveeva Lidiya Vladimirovna
Doctor of psychology, Professor,
Moscow state University named after M. V. Lomonosov
Professor of the Department of Psychological Methodology
125009 Moscow, Mochovaya st., 11 b.9
E-mail: matweewa-com@yandex.ru

Anikeeva Tatiana Yakovlevna
candidate of psychological sciences
Moscow state University named after M. V. Lomonosov
senior researcher of the Department of General Psychology
125009 Moscow, Mochovaya st., 11 b.9
E-mail: anikeeva-07@mail.ru

Mochalova Yuliya Vasilievna
candidate of psychological sciences
Moscow state University named after M. V. Lomonosov
researcher of the Department of Ingeniring Psychology
125009 Moscow, Mochovaya st., 11 b.9
E-mail: vassom@mail.ru

CULTURAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF THE KIDS ANIMATION DISCOURSE EXAMINATION

Abstract. The paper discusses the problem of impact of animated discourse on children. The article presents the results of a psychological study of the perception of middle school – age children cartoon characters, made according to the same scenario, but in different cultural traditions: Russian male and female characters of the cartoon " Princess-frog " and American male and female characters of the cartoon "Princess and frog". It is shown that female roles of both cartoons are perceived by teenagers more positively, than male ones. The image of the heroine of the American cartoon Tiana makes a stronger impression than the image of the domestic cartoon heroine. The image of Tiana also causes the desire to imitate her in adolescents. According to the results of the study, it is concluded that psychological and cultural expertise of animation products addressed for children is necessary.

Key words: animated discourse, influence of animation discourse on kids, Russian and American styles of animation discourse, categorical structure of perception of cartoon characters, examination

Ускоряющийся темп технического прогресса с необходимостью вызвал к жизни новую форму наследования человеческого опыта – социальную, через фиксацию человеческих способностей в предметах человеческой культуры, как результату совокупной общественной практики. При этом развитие понимается как процесс воспроизведения индивидом исторически сформировавшихся, закреплённых в культуре способов деятельности, а также процесс их трансформации в современных условиях. Присвоение культурного опыта осуществляется в активной предметной деятельности ребенка, направленной на «распредмечивание» и развитие человеческих способностей в общении и сотрудничестве со взрослым как носителем социо-культурного опыта, эталонов, способов и средств предметной деятельности и нравственных норм человеческого общежития. Отсутствие готовых врожденных форм поведения и высокая, практически неограниченная способность к обучению, пластичность и разнообразие траекторий личностного и умственного развития, определяемых вектором движения к эталону - идеальной форме, задающей контуры будущих способностей ребенка – открывают широкие возможности развития через потенциал процессов присвоения и преодоления.

В настоящее время потребление медиапродукции, в силу его технической доступности и распространенности, стало массовым социальным явлением. Процесс взаимодействия личности с медиадискурсом выступает одним из факторов ее социализации. Для детской и подростковой аудитории потребление медиапродукции является в целом трудно контролируемым процессом. В то же время становление личности ребенка невозможно представить без обращения к новейшим информационным технологиям, способным, однако, оказывать в том числе негативное влияние на психическое, психологическое, морально-нравственное и духовное здоровье детей и подростков [Зинченко Ю.П. и др., 2016]. Семиотическое доминирование в отечественном информационном пространстве медиапродукции других стран ставит вопрос о рисках воздействия систем ценностей других культур на формирование ценностно-смысловой сферы личности российских детей и подростков и усвоения ими инокультурных моделей и образцов поведения, вследствие их

слабой защищенности от медиавоздействия. Данная незащищенность, будучи обусловлена возрастными-психологическими особенностями этого сегмента аудитории, ставит вопрос о необходимости введения экспертных процедур анализа медиапродукции, адресованной российским детям и подросткам.

Как показывают исследования наших коллег [Шариков и др., 2014], наиболее популярным для просмотра детьми медиажанром является анимация. Так, современные дети в своем подавляющем большинстве (95%) начинают смотреть мультфильмы в возрасте до двух лет. Таким образом, знакомство детей с анимационным дискурсом происходит задолго до момента овладения ими речью. Это дает основания рассматривать анимацию в качестве существенного фактора их социализации. При этом в структуре просмотров детей доминирует зарубежная продукция (55%) (там же). Анимационные фильмы и кинофильмы демонстрируют детям образцы поведения и ценностные нормы.

Согласно исследованиям [Потанина, 2013], образно-символическое мышление является одним из важнейших средств развития системы ценностей личности, особенно в младшем школьном и подростковом возрасте, когда происходит активное формирование внутреннего мира, становления личности, мировоззрения ребенка. И мультфильмы, задающие образы и символы, характерные для наличной культурной ситуации развития, являются для детей одним из основных носителей и трансляторов представлений о мире, о нормах поведения, отношениях между людьми. При этом формирование ценностно-смысловой иерархии становящейся личности ребенка происходит преимущественно на эмоциональном уровне, без активного участия процессов осознания.

На протяжении последних двух лет нами изучались особенности восприятия детьми и подростками отечественных и зарубежных мультфильмов и их персонажей. Результаты исследования показывают, например, что современные тринадцатилетние подростки предпочитают, в первую очередь, зарубежные приключенческие мультфильмы. Кроме того, московские школьницы 13 лет предпочитают продукцию студии «Уолт Дисней», экранизирующую романтические отношения. Мальчики этого возраста предпочитают японские анимэ-сериалы, посвященные сражениям-поединкам, дающим представление о кодексах чести средневековых воинов-самураев.

Кроме того, применяя метод психосемантического шкалирования, мы проводили сопоставление образов восприятия подростками 13 лет (8 мальчиков, 10 девочек) главных персонажей российского м/ф «Царевна-лягушка» («Иван-царевич» и «Царевна-лягушка») и американского «Принцесса и лягушка» («Принц» и «Тиана»). В результате факторизации данных было выделено шесть значимых факторов – категорий, лежащих в основе восприятия и оценок подростками персонажей двух мультфильмов, а именно:

- 1) объясняет 19,9% общей дисперсии данных, может быть проинтерпретирован как «нравственно-этический и поведенческий аспекты образа персонажа»;
- 2) объясняет 19,2% дисперсии и может быть проинтерпретирован как «перцептивная выразительность образа»;
- 3) 11,8% общей дисперсии данных и может быть проинтерпретирован как «героизм личности персонажа»;
- 4) 7,4% общей дисперсии данных, может быть проинтерпретирован как «социальная и этнокультурная принадлежность персонажа» (условно «свой» - «чужой»);
- 5) 6,8% общей дисперсии данных, проинтерпретирован как «степень присутствия угрозы в образе персонажа»;
- 6) 5,8% общей дисперсии данных, проинтерпретирован как «успешность социализации персонажа».

В пространстве всех выделенных факторов, кроме четвертого, лидирующее положение занимает образ Тианы, как наиболее близкий к образу «героя» по нравственно-этическим и поведенческим характеристикам, по выразительности, личностному героизму, отсутствию в ее образе угрозы, а также успешности социализации, вызывающей у респондентов желание подражать данному персонажу.

По четвертому фактору («социальная принадлежность персонажа») ведущие значения у профилей образов «Царевны-лягушки» и «Ивана-царевича», как персонажей отечественного мультфильма.

В пространстве первого («нравственно-этический и поведенческий аспекты образа персонажа») и пятого («наличие/отсутствие угрозы в образе персонажа») факторов женские персонажи занимают лидирующее положение по отношению к мужским.

В пространстве второго фактора («перцептивная выразительность образа персонажа») героини зарубежного м/ф воспринимаются как более выразительные.

По третьему фактору («героизм личности персонажа») ведущую позицию занимает образ Тианы, а образы остальных персонажей получают меньшие и примерно равные значения.

В пространстве шестого фактора («успешность социализации персонажа») значения всех образов минимальны, при этом ведущее – у Тианы – она «успешная», «энергичная», «общительная», - что полностью отсутствует в образах героев российского мультфильма. (Напомним, что по сюжету американского м/ф персонаж Тиана осуществляет свою мечту об открытии собственного престижного ресторана, для чего ей необходим кредит, для получения которого необходимо заручиться поддержкой других персонажей, способных оказать действенную помощь и т.д.)

Кроме того, Тиана воспринимается как «добрая», а также «умная», «самостоятельная», «смелая» и «ответственная», причем все эти характеристики имеют в ее образе *большой* вес, чем в образе героини российского мультфильма «Царевны-лягушки». Несколько менее значимыми в образе Тианы оказались характеристики «заботящаяся о других» и «добросердечная», а также «нравственная» и «правдивая».

В целом, сравнивая образы восприятия персонажей двух м/ф, можно сказать, что в обоих случаях ведущими являются женские персонажи. В образах всех героев важны морально-этические качества, однако образы героев зарубежного м/ф являются перцептивно более позитивными и выразительными, а также более современными - энергичными, общительными и успешными, в полном соответствии с американским стилем межличностного взаимодействия.

Характеристика «свой» является значимой в образах героев российского м/ф, что, с одной стороны, позволяет предполагать присутствие у подростков зрительской идентификации с ними при просмотре, а, с другой стороны, может являться всего лишь «констатацией факта» их принадлежности отечественной мультииндустрии.

В то же время практически полностью доминирующий в восприятии детей и во многом чуждый для традиционных ценностей отечественной культуры образ американской героини Тианы, имеет, по результатам исследования, психологические основания быть образцом для подражания у современных российских подростков. Факт форсированной капитализации современного российского общества позволяет видеть в этом позитивную сторону, однако, вместе с тем, нельзя не отметить опасность размывания традиционных ценностей отечественной культуры, таких как духовность, доброта, человечность, совесть, способность к самопожертвованию (применительно к образу женского начала в России), а также подмены духовных ценностей компетенциями эффективного менеджера.

В старых советских мультфильмах и первых анимационных фильмах студии Уолта Диснея главными были общечеловеческие ценности, качества и переживания героев. Сегодня ситуация иная. Например, следующие характеристики современных мультфильмов не способствуют развитию, воспитанию, социализации детей дошкольного возраста: слишком высокая скорость предъявления видеоряда; отсутствие пауз в сюжете для осмысления происходящего; избыточная многосерийность с точки зрения возможности запоминания сюжета; расхождение возрастной адресации образа героя, содержания его речи и контекста действия; несоответствие сюжетов фильма реальной жизнедеятельности детей дошкольного возраста, избыточная сложность; примат внешних характеристик героев над внутренними – «плоские» характеры героев; неестественность, вычурность, гротескная

манера предъявления персонажей; обилие спецэффектов, которые скрывают смысл происходящих событий и затрудняют восприятие сюжетов [Соколова М.В. и др., 2011], [American Academy of Pediatrics, 2009].

Можно говорить о том, что мультфильмы могут оказывать как положительное, так и негативное влияние на детей. В числе *положительных* следствий просмотра мультфильмов следующие: повышение скорости усвоения нового знания, материала, информации; усвоение смыслов происходящего; увеличение длительности концентрации внимания; развитие музыкального слуха, памяти, воображения; стимуляция познавательной активности ребенка; актуализация опыта ребенка, формирование собственного мнения; формирование картины мира; лучшее осознание и понимание себя; усвоение знаний, в частности о том, как устроен мир, расширение границ мировоззрения; формирование стратегий выбора; формирование ролевых моделей поведения, гендерных стереотипов; появление положительных эмоций – радости, восторга, удивления, интереса; формирование эстетических вкусов, эталонов и предпочтений и другие.

Среди возможных *отрицательных* последствий: сильные переживания, перевозбуждение, ухудшение сна, ухудшение зрения, капризы, потеря аппетита, проявление гиперактивности, отсутствие произвольной концентрации внимания (вследствие наличия в мультфильме технологических приемов, таких как высокая скорость, динамика, контрасты ярких неестественных цветов, резкие, громкие, неожиданные звуки и т.д.); появление проблем с речью; трудности в развитии воображения, инициативы и проявления собственной активности; появление апатии, депрессии, снижение общего эмоционального состояния; появление немотивированной агрессии; нарушения в восприятии и понимании реальности (подмена реальности выдуманным миром); так называемое «зомбирование», т.е. склонность слепо подражать поведению персонажей м/ф (например, попытки повторить в реальности каскадерские трюки героев могут приводить к серьезным травмам); формирование зависимостей (например, сериальность мультфильма может действовать как способ «привязывания» детей к экрану); появление других проблем в когнитивной и коммуникативной сферах и другие.

В этой связи можно ставить вопрос о необходимости экспертного анализа зарубежной медиапродукции, в частности, анимации, как с применением измерительных процедур психологического анализа, так и в культурологическом аспекте.

Список использованных источников:

1. Зинченко, Ю. П., Матвеева, Л. В., Карабанова, О. А., Пристанская, О. В., Аникеева, Т. Я., Мочалова, Ю.В., Макалатия, А.Г., Петракова, Е.Е.. Психологическая безопасность детей в медийном пространстве и проблема экспертизы информационной продукции // Активные процессы в социальной и массовой коммуникации: коллективная монография / отв. ред. и сост. Н.В. Аниськина, Л.В. Ухова. – Вып. 2. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016.– 208 с. С. 159-188.
2. Потанина, Л. Т. Диагностика ценностно-смысловой сферы личности школьника: опыт эмпирического исследования // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2013. – № 1 (29). – С. 195–206.
3. Соколова, М. В, Мазурова, М. В. Психологический анализ мультфильмов для детей дошкольного возраста // Психолог в детском саду. 2011г. № 1, стр. 72
4. Шариков, А. В., Айгистова, Ю. В. Место анимации в жизни младших дошкольников // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т.10. – №4. – С. 72–74.
5. American Academy of Pediatrics - Media violence – council on communication and media / Pediatrics. 2009, 124, 1495-1503.

Братчикова Юлия Владимировна
к.п.н., доцент кафедры психологии образования,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,
620017 Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26
e-mail: bratuv@yandex.ru

Волошина Надежда Сергеевна
магистрант Института психологии
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,
620017 Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов 26
e-mail: voloshina-nadya@bk.ru

РОЛЬ РОДИТЕЛЕЙ В ИГРОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу игровой деятельности детей дошкольного возраста, одному из основных средств развития ребенка на этапе дошкольного детства, и роли родителей в данном процессе. В работе описаны результаты анкетирования родителей дошкольников, отражающие представление родителей об игровой деятельности их детей, возможностях игры в развитии и собственной роли, занимаемой позиции в играх со своими детьми.

Ключевые слова: дошкольный возраст, игровая деятельность, игра, дети дошкольного возраста и родители.

Bratchikova Julia Vladimirovna
Ph.D. of Pedagogy, assistant professor of humanities,
Ural State Pedagogical University
620017 Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov str., 26
e-mail: bratuv@yandex.ru

Voloshina Nadezhda Sergeevna
graduate of the Institute of psychology,
Ural State Pedagogical University
620017 Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov str., 26
e-mail: voloshina-nadya@bk.ru

ROLE OF PARENTS IN PRE-SCHOOL CHILDREN'S GAME ACTIVITY

Abstract. The article is concerned with the theoretical analysis of pre-school aged children's game activity, as one of the most important means of children's development at the pre-school stage and parents' role in this process. In this research there have been described the results of questioning pre-school aged children's parents, that reflect parents' understanding of their children's game activity, game's capacity in children's development and their own roles and positions while playing with their own children.

Key words: pre-school age, game activity, game, pre-school children and their children.

Дошкольный возраст - этап интенсивного роста, развития и становления личности ребенка. На данном возрастном этапе происходят прогрессивные изменения во всех сферах, отмечается высокий рост психического, личностного, физиологического и эмоционального развития [4].

В период дошкольного детства ведущим видом деятельности является игровая, особая значимость развития которой подчеркивается многими учеными (Д. Б. Эльконин, К. Д. Ушинский, Л. А. Венгер, В. С. Мухина, А. Н. Леонтьев и др.). Исследователи отмечали возможности использования игры для развития детей дошкольного возраста.

Впервые данной проблематикой заинтересовались еще в конце XIX - начале XX веков, в то время появились систематизированные теории игровой деятельности. Наиболее популярной являлась теория инстинктивности К. Гросса. Согласно данной теории, игра представляет собой подготовку к дальнейшей деятельности. Другими словами, когда ребенок играет, он осваивает новые роли, а в следствии развивает навыки и расширяет свой жизненный опыт. Теория К. Гросса предполагает, что с взрослением игра не исчезает, а трансформируется в рекреационную деятельность, имеющую ценность как дополнение к жизни.

В отечественной психологии и педагогике «игровая деятельность» также вызывала интерес исследования многих ученых (К. Д. Ушинский, П. Ф. Лесгафт, Д. Б. Эльконин, А. А. Люблинская и др.). Игру, в большинстве случаев, понимали как средство познания ребенком действительности. Исследования психологов и педагогов показали, что игра ребенка социальна по своим мотивам, происхождению, содержанию, структуре и функциям. Согласно мнению Н. К. Крупской, игра - это потребность растущего организма, которая объясняется двумя факторами: стремлением ребенка познавать окружающую жизнь и свойственной ему подражательностью, активностью. То есть игра для дошкольника - основной способ для познания окружающего его мира.

Изложенная позиция подтверждается и данными физиологии. И. М. Сеченов пишет о том, что природное свойство нервно-психической организации человека заключается в безотчетном стремлении понимать окружающее. У ребенка это выражается в вопросах, с которыми он обычно обращается к взрослым, а также в его игровой деятельности.

Большое внимание игре как развивающему средству в психической жизни ребенка уделял Л. С. Выготский. С его точки зрения, ребёнок, играя, создаёт себе мнимую ситуацию вместо реальной и действует в ней, освобождаясь от ситуационной привязанности, и выполняет определенную роль, соотнося тем переносным значениям, которые он при этом придает окружающим предметам. Согласно автору, сам факт создания такой мнимой ситуации с точки зрения развития можно рассматривать как путь к развитию отвлеченного мышления. Ученый писал, что «игры ребенка очень часто служат только отголоском того, что он видел и слышал от взрослых, и тем не менее эти элементы прежнего опыта ребенка никогда не воспроизводятся в игре совершенно так же, как они представлялись в действительности. Игра ребенка не есть простое воспоминание о пережитом, но творческая переработка пережитых впечатлений, комбинирование их и построение из них новой действительности, отвечающей запросам и влечениям самого ребенка» [2]. Он признавал, что игра способна развивать все высшие психические функции ребенка, и с поддержкой взрослого может быть использована как специальное средство для развития детей.

Таким образом, ребенок развивается под воздействием воспитания, под влиянием впечатлений от окружающего мира. И игра - наиболее доступный ребенку вид деятельности, своеобразный способ переработки полученных впечатлений. Она соответствует наглядно-образному характеру его мышления, эмоциональности, активности.

Однако в последнее время многие ученые и практики психологи и педагоги отмечают тенденцию снижения активной игровой деятельности из жизни детей, что особенно актуальным становится к старшему дошкольному возрасту. Данная закономерность происходит на фоне прогрессивных изменений: увеличении роста альтернативных дополнительных учреждений дошкольного образования, появление новых программ дошкольного воспитания, разработка оригинальных методических материалов для развития дошкольников, которые в основном направлены на интеллектуальное обучение ребенка, в связи с чем, игровой деятельности детей, как основному, ведущему, естественному способу развития и воспитания, взрослыми, а в частности родителями, уделяется недостаточно

внимания. Так, теоретический анализ практики работы дошкольных образовательных учреждений доказывает о существовании противоречия между признанием роли игры в развитии ребенка дошкольного возраста и явным перевесом в сторону обучения детей, раннего вовлечения их в систему дополнительного образования [5].

В существовании данной проблемы особое место занимает роль родителя. Процесс развития ребенка, сопровождающийся усложнением его игровой деятельности, должен быть обеспечен адекватными изменениями роли взрослого в детской игре. Как отмечалось выше, согласно Л. С. Выготскому, в игре ребенка ведущую роль занимает взрослый. Для детей важна не только сама игра, но и то, как именно ее предлагают, ведут и оценивают значимые для них взрослые. В игре ребенок повторяет действия взрослых, посредством чего реализует тенденцию быть и действовать как взрослый. Именно в совместной игровой деятельности с родителями для ребенка предоставляется возможность с помощью игры усвоить и отработать определенные умения и навыки, а также образцы поведения.

В рамках нашей научно-исследовательской работы «Совместная игровая деятельность с родителями как средство развития эмоционального интеллекта дошкольников» нами было проведено анкетирование родителей, целью которого было выявить представления родителей об игровой деятельности их детей, возможностях игры в развитии и их собственной роли в данном процессе, а также через какие виды совместной игровой деятельности это можно осуществлять.

В анкетировании приняло участие 50 родителей детей старшего дошкольного возраста, посещающих дошкольные образовательные учреждения.

В ходе обработки и анализа полученных результатов анкетирования были сделаны следующие выводы:

- большинство опрошенных родителей не имеют четких представлений об игровой деятельности своих детей. Как правило, родители могут назвать какие компьютерные и настольные игры предпочитают их дети, но затрудняются ответить какие сюжетно-ролевые игры создают дошкольники.

- всеми респондентами признается развивающая функция игровой деятельности. Но относят это в основном к интеллектуальному развитию, говоря об использовании игровых методов на занятиях. И только малой частью родителей отмечается, что игра может способствовать личностному и эмоциональному развитию ребенка.

- себя родители в игровой деятельности детей дошкольного возраста воспринимают, в большинстве ответов, как «источника ресурсов», которые способен обеспечить игровыми материалами ребенка, а также «наблюдателем и помощником», и только несколько родителей видят себя в роли «партнера» в игре.

- совместная игровая деятельность с ребенком признается в основном только в контексте каких-либо настольных игр, и организуется данная деятельность по инициативе ребенка до нескольких раз в неделю. И в меньшей степени родителями отмечается участие в сюжетно-ролевых играх детей. В роли организатора совместной игровой деятельности с ребенком старшего дошкольного возраста родители себя почти не представляют.

Таким образом, можно отметить явные противоречия: с одной стороны, родителями дошкольников существует признание значимости игровой деятельности в развитии детей, с другой, - родители, в большинстве случаев, не осознают свою роль в данном процессе и крайне редко организуют совместную игровую деятельность со своими детьми.

Список использованных источников:

1. Виноградова, Н. А. Сюжетно-ролевые игры для старших дошкольников. - М., 2008.
2. Глаголева, К. С. Л. С. Выготский о роли игры в психическом развитии ребенка // Молодой ученый. - 2017. - №4. - С. 324-326.
3. Изотова, Е. И. Динамика эмоционального развития современных дошкольников // Мир психологии. – 2015. – № 1. – С. 65-77.

4. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии / А. Н. Леонтьев, под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. – М. : Смысл, 2016. – 506 с.
5. Солнцева, О. В. Дошкольник в мире игры. Сопровождение сюжетных игр детей. СПб. - 2010.
6. Яцковец, А. С. Взгляды отечественных и зарубежных ученых на феномен игры // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. №68.

Горлова Елена Леонидовна
кандидат психологических наук, доцент
кафедра специальной психологии
Институт психологии им. Л.С. Выготского
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ)
125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6
E-mail: el.gorlova@gmail.com

Константинова Вера Юрьевна
магистр психологии
E-mail: sklep43@yandex.ru

РОДИТЕЛЬСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ, ОБУЧАЮЩИМСЯ В ПЕРВОМ КЛАССЕ

Аннотация. Рассматривается взаимосвязь родительской оценки ребенка и школьной тревожности детей, заканчивающих обучение в первом классе. Школьная тревожность определялась по проективной методике Амена и Рэнисона (модификация А.М. Прихожан). Родительская оценка выявлялась с помощью семантического дифференциала Ч. Осгуда. Установлена обратная корреляционная связь между разницей оценок объектов «Идеальный ребенок» и «Мой ребенок» с уровнем тревожности ребенка: чем меньше расхождение образов идеального и реального ребенка у родителя, тем выше уровень тревожности ребенка. Сделан вывод о том, что родительское отношение к первокласснику, включающее дифференцированность и обоснованность оценки родителем своего ребенка, является важным условием снижения школьной тревожности.

Ключевые слова: школьная тревожность, родительское отношение.

Gorlova Elena Leonidovna
PhD in Psychology, Associate Professor,
Department for Special Psychology, L.S. Vygotsky Institute of Psychology,
Russian State University for the Humanities
125993, Moscow, Miusskaya square, 6
E-mail: el.gorlova@gmail.com

Konstantinova Vera Iurevna
Master of Psychology
E-mail: sklep43@yandex.ru

PARENTAL ATTITUDES TOWARD FIRST-GRADE CHILDREN WITH DIFFERENT ANXIETY LEVELS

Abstract. Our purpose in this article was to consider the correlation between parental assessment of first-grade children and children's anxiety. School anxiety was determined by the projective test of Amen EW, Renison N (a modification of A.M. Prikhozhan). Parental evaluation was detected using Osgood's Semantic Differential technique. An inverse correlation is established between the difference in the "Ideal Child" and "My Child" object ratings with the child's anxiety level: the smaller the discrepancy between the ideal and the real child's images, the higher the child's anxiety level. The conclusion is that the parent's attitude toward the first-grader, including the differentiation and validity of the parent's assessment of their child, is an important condition of decrease in school anxiety.

Key words: school anxiety, parental relationship, child parent relationship.

Введение.

Актуальность нашего исследования мы связываем в первую очередь с происходящими негативными тенденциями в образовании, приводящими к увеличению количества детей, испытывающих школьный стресс и сопряженные с ним нарушения эмоционально-личностного развития (К.Н. Поливанова, А.М. Прихожан, Н.Г. Салмина и др.). Анализ исследований показал, что школьный стресс на начальном этапе обучения может быть связан с несколькими причинами. Во-первых, с личностной незрелостью детей, поступающих в первый класс, и, соответственно, со значительным расхождением паспортного возраста с психологическим. Так, согласно многочисленным исследованиям, дети, не прошедшие кризис семи лет, не готовы к овладению учебной деятельностью, в частности, к произвольным формам общения и испытывают несоизмеримые с их психологическим ресурсом эмоциональные перегрузки в условиях школьных форм обучения (В.В. Давыдов, Е.Е. Кравцова, В.Т. Кудрявцев, Г.Б. Ховрина и др.).

Вторая причина состоит в увеличении заболеваемости детей, в том числе и нервно-психическими заболеваниями (по последним данным статистики, только 20 % первоклассников в среднем по стране признаются относительно здоровыми). Снижение двигательной активности детей, увеличение учебной нагрузки на незрелые процессы, внедрение в ежедневную жизнь цифровых устройств повышает риск роста числа заболеваний, а значит, снижает качество жизни ребенка и его успешность в обучении (М.М. Безруких, А.А. Баранов).

Третья причина связана с широким набором конкурирующих идей о параметрах готовности ребенка к школе, которые в первую очередь ориентируют родителей на узко-когнитивное развитие ребенка, приводящее к депривации социальной ситуации развития дошкольника (вместо игры детям уже с раннего возраста предлагаются развивающие занятия, специально-разработанные дидактические пособия и т.д.). Родители, «педагогизируя» свое взаимодействие с ребенком, теряют с ним позицию безусловного принятия, лишая эмоциональной близости и поддержки (Е.Л. Горлова, Е.О. Смирнова, М.В. Соколова, Ю.А. Старостина).

В нашем исследовании мы сделали акцент на изучении родительского отношения к ребенку, обучающемуся в первом классе, начальном этапе формирования внутренней позиции школьника.

Родительское отношение – это восприятие родителями ребенка, субъективное осознание матерью и отцом характера отношений со своим ребенком, обуславливающее способы общения с ним. Анализ литературы показывает, что, несмотря на разнообразие терминов, понятий, описывающих родительское отношение к ребенку, практически во всех подходах можно заметить, что отношения матери и отца к ребенку обязательно включают два момента: безусловный, который отражает эмоциональный фон отношений, любовь и базовое принятие ребенка, и условный, связанный с наличием контроля, требовательностью, оценкой. Конкретные варианты детско-родительских отношений могут определяться относительной выраженностью и содержательным наполнением безусловного и условного компонентов. Взросление ребенка меняет соотношение в пользу условного, оценочного (предметного) аспекта родительской позиции (Е.О. Смирнова, М.В. Соколова). Каким образом оценивают своего ребенка родители и может ли быть связана родительская оценка с школьной тревожностью ребенка?

В отечественной науке проблему тревожности детей и подростков разрабатывала А.М. Прихожан. В ее трудах различается тревога, как ситуативное состояние беспокойства и ожидания опасности и тревожность как устойчивое личностное свойство. Тревожность автор связывает с внутриличностным конфликтом, обусловленным неудовлетворенными потребностями в сфере «Я», прежде всего конфликтом между высотой самооценки и уровня притязаний. Тревожность связывается в данной концепции с неудовлетворенной потребностью в устойчивом, удовлетворяющем личность представлении о себе.

Проживание кризиса семи лет – важнейший этап в становлении устойчивой, дифференцированной самооценки, поступление в школу ранее этого этапа может повлечь нарушения в сфере самоотношения. На наш взгляд, именно родительское отношение к ребенку на этом этапе может быть важнейшим фактором усиления/ослабления состояния тревоги у ребенка.

Актуальность постановки вопроса о связи родительской оценки ребенка и тревожности мы связываем с тремя моментами. Во-первых, в описании причин тревожности в детском возрасте обнаруживается следующее противоречие: с одной стороны, именно неодобрение значимых людей обозначается в качестве причины тревожности (Г.С. Салливен), с другой стороны, отсутствие объективных оценок (среди которых могут быть и отрицательные) лишает ребенка ориентиров в понимании критериев своей успешности/неуспешности (А.М. Прихожан). Во-вторых, в исследованиях А.М. Прихожан самооценки высоко-тревожных и эмоционально-благополучных детей 1-2 классов показало два интересных факта: большинство детей независимо от уровня тревожности в методике «Лесенка» ставят себя на самую высокую ступеньку, т.е. высоко оценивают себя. Но обнаружены существенные различия в обосновании своих оценок: никто из тревожных детей не смог привести каких-либо оснований для такой оценки, в то время, как эмоционально-благополучные дети с такой же самооценкой ссылались на мнение близких взрослых. В-третьих, тревожность в возрасте 5-8 лет, по данным клинических исследований А.М. Прихожан скорее является функцией внешних, семейных отношений, а не личностным образованием.

Цель нашего исследования: определить, каким образом родительское отношение соотносится с уровнем тревожности ребенка, заканчивающим обучение в первом классе.

Гипотеза: уровень тревожности детей связан с оценками родителей своего ребенка.

Методики.

Проективная методика для диагностики школьной тревожности (E.W. Amen, N. Renison) в модификации А.М. Прихожан.

Процедура «Семантический дифференциал» Ч. Осгуда для определения оценки родителем своего ребенка в сравнении с оценкой идеального ребенка, а также с оценкой своего ребенка, приписываемой второму родителю (как с позиции опрашиваемого респондента оценил бы ребенка супруг/супруга). Использовались 18 шкал.

С родителями на предварительном этапе было проведено пояснение целей исследования, получено согласие на участие ребенка в исследовании, респонденты-родители заполнили бланк с тремя объектами оценивания: образ идеального ребенка; образ своего собственного ребенка и образ своего ребенка, но с точки зрения супруга/супруги. Родители определяли, какое понятие каждой из 18 пар больше соответствует оцениваемому объекту. Левый полюс пары антонимов оценивался от -3 до 0, правый, соответственно, от 0 до +3. Предлагаемые антонимы являлись абстрактными понятиями и давались в среднем роде, чтобы респондент действовал на уровне эмоциональной оценки. Для корреляционного анализа использовали модуль среднего значения разницы оценок двух объектов оценивания «Идеальный ребенок» и «Мой ребенок» по всем бинарным шкалам.

Знакомство исследователей с детьми проводилось в групповой форме после уроков, в форме совместных игр. На последующих индивидуальных встречах ребенку предлагалось рассмотреть 12 стимульных картинок методики Амена и Рэнисона (на каждой картинке изображен ребенок, и у всех персонажей отсутствует изображение лица) и придумать рассказ, что изображено на картинках, и что чувствует ребенок на картинке. Общий уровень тревожности в методике вычисляется по «неблагополучным» ответам испытуемых, характеризующим настроение ребенка на картинке как грустное, печальное, сердитое, скучное. Тревожным можно считать ребенка, давшего 7 и более подобных ответов из 10.

Результаты и их обсуждение

Описание выборки: 25 детей в возрасте от 6 до 7 лет, 16 мальчиков (средний возраст 7,25, ст. отклонение=0,44) и 9 девочек (средний возраст 7,23, ст. отклонение=0,43) обучающихся в первом классе и 22 родителя из них 10 отцов (средний возраст 34,3,

ст.отклонение=5,9) и 12 матерей (средний возраст 34,5 ст. отклонение=4,96). В составе респондентов пять супружеских пар. В итоге в исследовании приняли участие родители из 17 семей: неполные семья: мама с одним ребенком – 5,9%, мама с двумя детьми – 5,9%, полная семья с одним ребенком – 41,2%, полная семья с двумя детьми 35,3%, полная семья с тремя детьми – 5,9%, полная семья с ребенком и совместным проживанием бабушки – 5,9%.

Уровень образования и занятость родителей (N=22): среднее специальное образование 18,2%, неполное высшее – 4,5%, высшее образование – 77,3%; работают по графику два дня через два – 9,1% (один мужчина, одна женщина), постоянная занятость пять рабочих дней и два выходных – 50% (7 мужчин, 4 женщины), ненормированный рабочий день – 13,6% (2 мужчины, 1 женщина), в декрете – 13,6% (три женщины), домохозяйка – 4,5% (одна женщина), частичная занятость – 9,1% (две женщины).

Результаты обследования уровня тревожности у мальчиков и девочек не показали различий, поэтому далее используются данные по всей выборке первоклассников. Среднее количество «неблагополучных ответов» M=5,3, ст. откл.=2,29. Количество детей с высоким уровнем тревожности – 32% (восемь первоклассников), у 60% (пятнадцать человек) – средний уровень и 8% – низкий (двое детей). Количество «неблагополучных выборов» (%) по каждой из стимульных картинок теста в табл. 1.

Таблица 1. Количество «неблагополучных выборов» отдельно по каждой из стимульных картинок теста Амена и Рэнисона

Порядковый номер картинки	Краткое описание (в скобках примеры описаний двух детей)	% неблагоприятных выборов
1	Ребенок (анфас) стоит между мужской и женской фигурами, держит их за руки. («Папа и мама решили сводить мальчика в парк, и ему очень весело». «У мальчика грустное лицо, потому что он хотел погулять, а ему не разрешили»).	30,4
2	Ребенок (анфас) виден в окне второго этажа, на улице идут трое детей с портфелями, один из них обращен вполоборота к ребенку, стоящему у окна. («Он грустный, потому что он заболел и не пошел в школу». «Радостное, потому что он увидел своих друзей»).	47,8
3	Ребенок (анфас) стоит в центре группы детей с поднятой вверх рукой. («Веселое, потому что он играет в мяч с друзьями». «Радостное, потому что он с мальчишками играет»).	13,0
4	Ребенок (вид сбоку) стоит в комнате без мебели напротив него женская фигура (вид сбоку) наклонена к ребенку, руки полусогнуты в локтях и вынесены немного вперед. («Мама похвалила сына за то, что он хорошо убрался в своей комнате». «Грустное, потому что мама его ругает, может он разбил цветок»).	73,9
5	Ребенок стоит в группе других детей, женская фигура стоит вполоборота по направлению к одному из детей группы с протянутыми вперед полусогнутыми в локтях руками («У него невеселое лицо, потому что они поссорились друг с другом». «Могут все быть грустными, потому что их мама ругает, они разбили окно»).	47,8
6	Двое детей (вид сбоку) сидят за партами, перед ними доска со словом «задача». («Они серьезные, потому что делают задачу, и никто их не должен отвлекать. Лица радостные». «Радостные лица, потому что они решают	17,4

	задачи, и они любят задачи).	
7	Ребенок стоит слева от стола, на заднем плане, за столом стоит женская фигура, протягивает тетради стоящим перед столом детям («Грустный, потому что вот эти друзья что-то плохое сделали и им в дневник двойки поставили». «Грустное, потому что он неправильно задачу сделал).	52,2
8	Ребенок находится один за столом с книгами/тетрадами, на заднем плане стоит телевизор («Настойчивое лицо, потому что он сейчас делает домашнее задание. Он сделает быстро уроки и может повеселиться». «Хорошее, потому что он любит читать»).	17,4
9	Двое детей стоят напротив друг друга, ребенок в отдалении от них («Эти два поссорились, у них лица грустные, сердитые, и у него грустное, не удалось помирить». «Грустное, потому что с ним никто не играет»).	47,8
10	Ребенок стоит у доски, напротив него женская фигура с выдвинутыми вперед полусогнутыми в локтях руками («Радостное лицо, потому что учительница попросила решить задачу, и когда он решил, учительница сказала, что все, тебе пятерка». «Хорошее, потому что его вызвали к доске»).	60,9
11	Ребенок один в комнате сидит в комнате на полу с игрушками, телевизор на заднем плане («Веселое, потому что он играет». «Плохое, наверное, потому что он сломал игрушку»).	39,1
12	Ребенок стоит спиной в школьной раздевалке один и снимает пальто, портфель стоит рядом с ним («Грустное, он опоздал в школу». «Мальчик раздевается, у него плохое настроение, потому что он пришел и некуда повесить одежду»).	26,1

Как видим из таблицы, ситуация взаимодействия со взрослым чаще оценивается первоклассниками как неблагоприятная (картинки № 4, 7, 10). Совместная игра с детьми и выполнение учебных заданий – оцениваются ребенком позитивно (картинки № 3, 6, 8).

В табл. 2 даны результаты оценок родителями двух объектов «Идеальный ребенок» и «Мой ребенок» по 18 бинарным шкалам.

Таблица 2. Среднее значение по каждой из шкал двух объектов оценивания родителями: «Идеальный ребенок» и «Мой ребенок».

Отрицательный полюс шкалы (-)	"Идеальный ребенок"	"Мой ребенок"	Положительный полюс шкалы (+)
печальное	2,17	1,78	радостное
противное	2,18	2,13	приятное
горькое	1,68	1,68	сладкое
плохое	1,86	1,95	хорошее
грязное	2,26	1,55	чистое
уродливое	2,43	2,43	красивое
мелкое	1,52	1,76	глубокое
лёгкое	-1,68	-0,73	тяжёлое
слабое	2,00	1,41	сильное

маленькое	1,32	1,18	большое
<i>мягкое</i>	-0,09	-0,45	<i>твёрдое</i>
нежное	-1,10	-1,82	суровое
холодное	1,38	1,86	горячее
медленное	1,70	0,91	быстрое
<i>спокойное</i>	-0,73	0,77	<i>бурное</i>
пассивное	2,17	2,04	активное
вялое	2,43	1,86	бодрое
<i>тупое</i>	0,68	1,27	острое

Родители затруднились оценить объект «Идеальный ребенок» и «Мой ребенок» по трем шкалам, две из которых совпадают («мягкое-твердое», «спокойное-бурное») и две не совпадают (соответственно, «тупое-острое» для «Идеальный ребенок» и «легкое-тяжелое» для «Мой ребенок»). Сразу отметим, что различия между оценками по каждому фактору и общей оценке незначимы, то есть родители первоклассников, оценивают схожим образом предложенные объекты оценивания «Идеальный ребенок» и «Мой ребенок» на нашей выборке (средние значения представлены в табл. 3).

Таблица 3.

Средние значения факторов на всей выборке

Факторы	Объекты оценивания	Среднее значение	Стандартное отклонение (SD)	Стандартная ошибка (SE)
Среднее значение по 18 шкалам	«Идеальный ребенок»	1,2926	,59037	,12310
	«Мой ребенок»	1,2359	,56598	,11802
Оценка	«Идеальный ребенок»	2,1232	,75748	,15795
	«Мой ребенок»	1,9297	,90006	,18767
Сила	«Идеальный ребенок»	,4188	,87241	,18191
	«Мой ребенок»	,2076	,76275	,16262
Активность	«Идеальный ребенок»	1,3217	,64867	,13526
	«Мой ребенок»	1,4855	,86298	,17994

Далее мы проверили гипотезу о связи уровня тревожности детей и родительского отношения. Обнаружили обратную связь между уровнем тревожности детей и разницей средних значений родительских оценок ($r = -0,53$, при $p \leq 0,05$): чем меньше расхождение оценок идеального и своего ребенка у родителя, тем выше уровень тревожности ребенка. Итак, с одной стороны, родители по большинству признаков дают схожие оценки «Идеальному ребенку» и своему ребенку, что может говорить о безусловном принятии своего ребенка таким, каков он есть. Вместе с тем, чем меньше родители дифференцируют оценки, тем выше уровень тревожности у ребенка. Таким образом, можно сказать, что начало школьного обучения связано с развитием у ребенка самооценки и именно родители могут способствовать построению дифференцированной «системы координат» для понимания ребенком возможных вариаций в оценке себя. Данная задача может быть решена родителями через усиление условного аспекта родительской позиции по отношению к ребенку.

В бланке семантического дифференциала родителям предлагалось сделать оценку двух объектов с позиции своего супруга/супруги. Такая инструкция позволяет родителям занять

рефлексивную позицию и дать более дифференцированные ответы. В итоге обратная корреляция разницы оценок идеального и своего ребенка «глазами супруга» с тревожностью ребенка получилась еще выше ($r = -0,65$, при $p \leq 0,01$). Таким образом, если родитель дает совпадающие оценки идеальному и своему ребенку, то ребенок показывает чаще эмоционально-неблагополучные ответы по стимульным картинкам теста Амена и Рэнисона.

Выводы.

Дети, заканчивающие первый класс воспринимают учебные и игровые ситуации эмоционально-позитивно, а ситуации общения со взрослыми – неблагоприятными (тревожащими). Родители при сравнении объектов оценивания «Идеальный ребенок» и «Мой ребенок» показывают сходство оценок, что может свидетельствовать о преобладании безусловного аспекта родительского отношения и принятии своего ребенка-первоклассника. Обнаружена связь родительского отношения и тревожности ребенка: чем меньше разница родительских оценок идеального и своего ребенка, тем выше уровень тревожности у ребенка. Наше исследование подтверждает значимость для эмоционального благополучия ребенка на начальном этапе обучения дифференцированного отношения к своему ребенку родителя и помощь ребенку в развитии оценивания самого себя.

Список использованных источников:

1. Безруких М.М., Филиппова Т.А., Байдина В.А., Чигиринская Ю.В., Рязанова А.В. Диагностика развития детей старшего дошкольного возраста как способ раннего выявления рисков дезадаптации// Новые исследования. 2012. № 1 (30). С. 145-157.
2. Горлова Е.Л. Психологический возраст ребенка как основание для проектирования стратегий развития родительской компетентности. Национальный психологический журнал. 2013. №2 (10). С. 134-141.
3. Давыдов В. В., Кудрявцев В. Т. Развивающее образование: теоретические основания преемственности дошкольной и начальной школьной ступени // Вопросы психологии. 1997. № 1. С. 3-18.
4. Кравцова Е.Е. Понятие возрастных психологических новообразований в современной психологии развития// Культурно-историческая психология. 2005. №2. С. 87-95.
5. Поливанова К.Н. Современное родительство как предмет исследования [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru 2015. Том 7. №3. С. 1–11. doi: 10.17759/psyedu.2015070301
6. Прихожан А.М. Психология тревожности. Дошкольный и школьный возраст. 2-е изд. Спб.: Питер, 2007. 192 с.
7. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. 304 с.
8. Салмина Н.Г., Тиханова И.Г. Внутренняя позиция школьника и социальная желательность у детей старшего дошкольного и младшего школьного возрастов //Культурно-историческая психология. 2007. №1. С. 56-62.
9. Смирнова Е.О., Соколова М.В. Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка // Вопросы психологии. 2007. №2. С. 57-68.
10. Старостина Ю.А. Феномен форсирования развития дошкольников в современной российской семье. Автореферат дисс.на соиск. уч. степени канд.психол. наук. М.: МГУ, 2017. 27 с.
11. Ховрина Г.Б., Лобырева О.В. Обучение и развитие первоклассников в контексте культурно-исторической психологии// Обучение и развитие: современная теория и практика. Материалы XVI Международных чтений памяти Л.С Выготского. Москва, 16-20 ноября 2015 г./ Под ред. В.Т. Кудрявцева: в 2 ч. Ч. 1. М.: Левъ, 2015. С. 329-337.

Психологические проблемы современной семьи: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции под редакцией О.А. Карабановой, Н.Н. Васягиной / Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург, 2018. –905 с.

ISBN 978-5-7186-1075-8

Составители:

Карабанова Ольга Александровна

Васягина Наталья Николаевна

Захарова Елена Игоревна

Казакова Елена Анатольевна

